

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

10
ВЫПУСК

Том II

ТВЕРЬ 2015

Государственное бюджетное учреждение культуры Тверской области
«Тверской государственный объединённый музей»

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

**МАТЕРИАЛЫ
V ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
И 16-го и 17-го ЗАСЕДАНИЙ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СЕМИНАРА
«ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ
В ДРЕВНОСТИ»**

Том II

ТВЕРЬ 2015

УДК 902/904
ББК 63.4
Т26

Т26 Тверской археологический сборник. Выпуск 10. Том II: Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Под ред. И.Н. Черных. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2015 – 528 с.; ил.

ISBN 978-5-94789-707-4

Основу данного сборника составляют материалы V Тверской археологической конференции, проходившей 26–30 марта 2013 года в г. Твери, организованной Тверским государственным объединённым музеем при участии Тверского научно-исследовательского историко-археологического и реставрационного центра, а также 16-го (27–31 марта 2012 г.) и 17-го (25–29 марта 2014 г.) заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности», действующего на базе Тверского государственно-объединённого музея с 1994 года.

В первый том 10-го выпуска Тверского археологического сборника вошли доклады семинара и заключительного заседания и секции «Эпоха первобытности – Раннее Средневековье», работавшей в рамках конференции. Хронологически он охватывает периоды от позднего палеолита до раннего железного века.

Во втором томе 10-го выпуска представлены результаты исследований, доложенные на пленарном и заключительном заседаниях и заседаниях секций «Эпоха первобытности – Раннее Средневековье» и «Ранний железный век – Новейшее время» конференции и, частично, на 16-м, 17-м и других заседаниях семинара. Некоторые статьи переработаны авторами в период подготовки сборника с учётом информации, появившейся в последние годы.

В научный оборот вводятся новые материалы полевых и камеральных изысканий, как непосредственно археологических и архитектурно-археологических, так и произведённых на стыке с другими науками, а также разработки антропологического и биологического, историографического, исторического, искусствоведческого, экспериментального и теоретического характера. В статьях отражены современные методы исследований и предлагаются новые методики изучения археологических объектов. Публикуются предметы материальной и духовной культуры разных эпох.

Ряд статей носит проблемный и дискуссионный характер.

В целом сборник имеет непосредственное отношение к изучению древностей Тверской земли и её связей с другими территориями.

Книга предназначена археологам, историкам, музейным работникам, студентам, краеведам и всем интересующимся древнейшим прошлым как России в целом, так и Тверского края в частности.

Данный том сборника издан за счёт средств, полученных Тверским государственным объединённым музеем от проведения хозяйственных археологических исследований.

ББК 63.4

Ответственный редактор выпуска **И.Н. Черных**

ISBN 978-5-94789-707-4

© ГБУК Тверской области «Тверской государственный объединённый музей», 2015 г.

© И.Н. Черных – редактор сборника, 2015 г.

© Авторы статей, 2015 г.

© ООО «Издательство «Триада», 2015 г.

Tver State United Museum

**TVER
ARCHAEOLOGICAL
COLLECTION**

**THE MATERIALS
OF THE Vth TVER ARCHAEOLOGICAL CONFERENCE
AND THE 16th AND THE 17th MEETINGS OF SCIENTIFIC
AND METHODIC SEMINAR
«TVER LAND AND NEIGHBOURING TERRITORIES
IN ANCIENT TIMES»**

Volume II

TVER 2015

Tver Archaeological Collection. Issue 10. Volume II: The Materials of the Vth Tver Archaeological Conference and the 16th and the 17th Meetings of Scientific and Methodic Seminar «Tver Land and Neighbouring Territories in Ancient Times». Edited by I.N. Tchernykh. – Tver: «Triada» Publishers» Ltd, 2015. – 528 p.: ill.

ISBN 978-5-94789-707-4

This collection is based on the materials of the Vth Tver Archaeological Conference held on March, 26–30, 2013 in Tver. The Conference was organized by Tver State United Museum with the participation of Tver Scientific-Research Historical-Archaeological and Restoration Centre. The materials of the 16th (March, 27–31, 2012) and 17th (March, 25–29, 2014) meetings of scientific and methodic seminar «Tver Land and Neighbouring Territories in Ancient Times», which had been held on the base of Tver State United Museum since 1994, are also included into the volume.

The 1st volume of the 10th issue of Tver Archaeological Collection consists of reports read at the seminar, as well as the final meeting and at the section «The Primitive Epoch – the Early Middle Ages» of the Conference. Chronologically the 1st volume encloses periods from the Late Palaeolithic to the Early Iron Age.

In the 2nd volume of the issue the results of studies reported at the opening and final meetings, and at the meetings of sections «The Primitive Epoch – the Early Middle Ages» and «The Early Iron Age – The New Times» of the Conference and, partly, at the 16th, 17th and other meetings of the seminar, are published. In the process of this Collection's preparation some articles have been reworked by the authors on the basis of the new data which became available in recent years.

New data gained from the field and laboratory studies, both purely archaeological, architectural-archaeological and interdisciplinary, as well as anthropological and biological, historical, historiographical, art, experimental and theoretical researches are introduced into scientific circulation. The articles reflect contemporary methods of research and suggest new principles of studying archaeological objects. Artifacts of material and spiritual culture of various epochs are presented.

Several articles put forward various problems and are disputable.

The collection as a whole directly relates to the study of antiquities of the Tver land and its connections with other territories.

The book is intended for archaeologists, historians, museum members, students and all interested in the ancient past of Russia in the whole and the Tver land particularly.

The present volume of the issue is funded through resources earned by Tver State United Museum at commercial protective archaeological research.

Chief Editor of the Issue **I.N. Tchernykh**

ISBN 978-5-94789-707-4

© Tver State United Museum, 2015
© I.N. Tchernykh, Editor-in-Chief, 2015
© Contributors to the collection, 2015
© «Triada» Publishers» Ltd, 2015

К 60-ЛЕТИЮ ИГОРЯ НИКОЛАЕВИЧА ЧЕРНЫХ

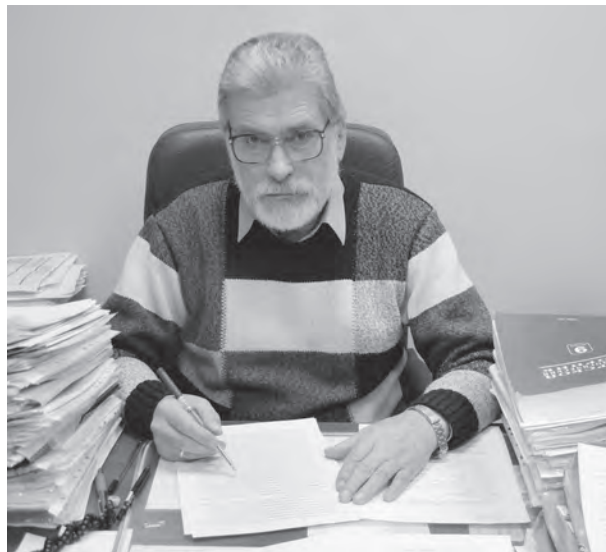
В 2015 г. исполняется 60 лет со дня рождения И.Н. Черных – основателя и руководителя Тверского научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» и Тверских археологических конференций, редактора «Тверского археологического сборника», заместителя генерального директора Тверского государственного объединённого музея по археологии, заслуженного работника культуры Российской Федерации.

И.Н. Черных родился 15 марта 1955 года в г. Мичуринске Тамбовской области в семье военнослужащего и учительницы. В 1972 г., после окончания с золотой медалью средней школы № 37 в г. Калинин, поступил на исторический факультет Калининского (ныне Тверского) государственного университета. В 1974 г. перевёлся с понижением на курс на кафедру археологии Ленинградского государственного университета, который окончил в 1978 г. с рекомендацией в аспирантуру. В университете И.Н. специализировался по неолиту – энеолиту лесной зоны Восточной Европы под руководством Т.Д. Белановской. Темой его дипломной работы стали «Украшения эпохи неолита и раннего металла лесной зоны европейской части СССР».

После окончания университета И.Н. поступает на работу в Калининский государственный историко-архитектурный и литературный музей (ныне – Тверской государственный объединённый музей). В музее он прошёл путь от старшего научного сотрудника отдела истории досоветского общества, затем – заведующего этим отделом и отделом археологии, до заместителя генерального директора по археологии (с 1992 г.). В 1988–1989 гг. И.Н. при поддержке генерального директора музея Ю.М. Бошняка удалось создать первое в истории музея самостоятельное археологическое подразделение (в разное время – отдел археологии с сектором хозяйственных археологических исследований, внештатный отдел археологических исследований, в настоящее время – внебюджетный отдел археологии), развернувшее одним из первых в стране масштабные археологические работы на договорной основе. Музей стал настоящей кузницей археологических кадров. В нём начали или продолжили свою деятельность многие тверские археологи, в настоящее время работающие в Институте археологии РАН, в Главном управлении по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области, возглавляющие или являющиеся ведущими сотрудниками различных тверских археологических организаций. Огромную роль в развитии отдела сыграли приглашённые И.Н. Черных для проведения исследований, в том числе на основании договоров о сотрудничестве, специалисты из академических институтов. Создание самокупаемого археологического подразделения в Тверском музее, начало масштабного изучения средневекового города, становление в целом современной тверской археологии – безусловная заслуга И.Н. Черных.

С 1993 г. по настоящее время И.Н. Черных организует и проводит Тверские археологические конференции (1993, 1999, 2003, 2008, 2013 гг.; совместно с ООО «ГНИИР-Центр») и заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (17 заседаний: 1994–1998, 2000–2002, 2009–2014 гг.). В разные годы в конференциях и в работе семинара приняли непосредственное и опосредованное участие сотни маститых и начинающих археологов и специалистов смежных дисциплин, представляющих академические федеральные и республиканские институты и научные центры, вузы, музеи, государственные органы охраны памятников, специализированные и другие организации и учреждения из более чем 40 городов России – от Архангельска до Астрахани и от Калининграда до Читы, – а также из ближнего и дальнего зарубежья: Беларусь, Украина, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Германия, Финляндия, Великобритания. Тверской музейный семинар несомненно стал явлением в научной жизни не только России, но и других стран.

Материалы семинара и конференций публикуются в «Тверском археологическом сборнике», издаваемом под научной и технической редакцией и тщательной корректуре И.Н. К настоящему времени вышли 10 вы-

пусков сборника в 14 томах. Подготовка и издание сборника финансируются из средств получаемых музеем (и, частично, ООО «ТНИИР-Центр») от археологических исследований.

Первой экспедицией 16 летнего Игоря Черных была экспедиция Калининского областного краеведческого музея, которой руководил зав. отделом истории досоветского общества музея Ю.Н. Урбан. Ю.Н. Урбан стал первым наставником в археологии, а первый памятник (стоянка Языково I) на всю жизнь определил научные пристрастия И.Н. – неолит – энеолит, к которым позднее добавилась эпоха бронзы. Потом было участие в качестве рабочего, лаборанта, начальника маршрутной группы, руководителя раскопа в археологических разведках и раскопках памятников различных эпох в экспедициях и отрядах Ю.Н. Урбана, И.Г. Портнягина, Д.А. Крайнова, Л.В. Кольцова, К.И. Комарова, Т.Д. Белановской, И.В. Дубова, А.Е. Леонтьева.

В 1979 г. И.Н. начал проводить собственные полевые изыскания. Разносторонняя подготовка позволила ему квалифицированно исследовать памятники различных эпох. С 1979 по 1990 гг. им проведено почти 30 экспедиций, открыто несколько сот объектов археологического наследия, раскопано 10 поселений и могильников, исследования которых имели научный, в т.ч. в музейных целях, и спасательный характер. С 1990 г. И.Н. Черных осуществляет общее руководство всеми археологическими исследованиями, проводимыми музеем.

Материалы из исследований включаются в археологические экспозиции головного музея и филиалов ТГОМ, представлялись на выставках, в докладах на различных научных форумах, в публикациях. И.Н. Черных, в том числе в соавторстве с другими археологами, подготовлено более 50 публикаций: статьи, заметки, буклеты, путеводители – по вопросам археологии, музейного дела, охраны историко-культурного наследия.

Особо следует отметить роль И.Н. Черных в экспозиционной деятельности Тверского государственно-объединённого музея. Им было подготовлено более 30 стационарных и временных, выставочных, экспозиций. И.Н. Черных – автор и соавтор археологических разделов (всех ныне существующих) экспозиций 12 краеведческих музеев-филиалов ТГОМ: Осташковского (1986, 2009 гг.), Калезинского (1987, 1991 гг.), Зубцовского (1988, 2010 гг.), Ворошиловского (1989, 1995 гг.), Кимрского (1990 г.), Конаковского (1990 г.), Весегонского (1992 г.), Краснохолмского (1994, 2011 гг.), Лихославльского (1995 г.), Тверского – головного учреждения ТГОМ (1996 г., территория Тверской области с финального палеолита до позднего Средневековья), Удомельского (2002 г.), Вышневолоцкого (2011 г.), а также Дубнинского (г. Дубна, Московская область) и Селижаровского (п.г.т. Селижарово, Тверская область) муниципальных музеев. Он руководил созданием экспозиций по досоветскому периоду истории Зубцовского и всей экспозиции Конаковского музеев. При подготовке экспозиций новых музеев проводились совместно с Тверским (Калининским) государственным университетом комплексные археолого-историко-этнографо-биологические экспедиции, возглавлявшиеся И.Н. Черных. По полноте и подаче материалов эти экспозиции (а музейная экспозиция является одной из форм раскрытия и введения археологической информации в научный оборот, публикацией) особо интересны и важны для специалистов.

Заслуги И.Н. Черных в музейном деле отмечены государственной наградой – в 1998 г. ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», – Значком Министерства культуры СССР «За отличную работу» (1991 г.), благодарностями, грамотами и почетными грамотами, в т.ч. Губернатора Тверской области.

Помимо служебной деятельности, И.Н. постоянно занимается общественной работой, связанной, прежде всего, с изучением, охраной и сохранением, популяризацией археологического наследия. В разные годы он являлся заместителем председателя Тверского областного краеведческого общества и Тверского городского клуба краеведов, членом Совета общественности при Главе г. Твери, членом Президиума и председателем комиссии по охране культурного и природного наследия Совета общественности при Губернаторе Тверской области, членом Научно-методического Совета и председателем секции «Археология» Совета, членом коллегии Комитета по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области, членом Президиума Совета Тверского регионального отделения ВООПИиК, всегда занимая принципиальную позицию по вопросам сохранения культурного наследия.

Общественная деятельность И.Н. Черных также отмечена наградами: медаль Российского Союза Исторических Городов и Регионов «За вклад в наследие народов России» (2002 г.), памятная медаль Президиума Российской Муниципальной Академии «К 100-летию М.А. Шолохова. За гуманизм и служение России» (2004 г.), звание и знак «Почетный член ВООПИиК» (2005 г.), медаль Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры «За заслуги в сохранении наследия Отечества» (2011 г.), благодарности и грамоты.

Кроме того, И.Н. Черных является автором и исполнителем песен, написанных в том числе и на собственные стихи, был лауреатом и дипломантом многих конкурсов самодеятельной песни в гг. Твери (Калинине) и Ленинграде. Его археологические песни и гимны знают и поют многие археологи страны.

У Черных Игоря Николаевича и Татьяны Владимировны (прошедшей путь от научного сотрудника методического отдела до заместителя генерального директора ТГОМ по науке и генерального директора (с 2005 г.) музея) двое прекрасных сыновей, два внука и внучка.

Поздравляя Игоря Николаевича с юбилеем, желаем ему дальнейших творческих успехов на всех направлениях его деятельности.

Коллеги

Е.Н. Жукова

УЧАСТНИКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД С XIX ВЕКА ДО НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Любая сфера научного творчества обусловлена деятельностью конкретных людей. Это в полной мере относится и к изучению истории Тверского края. Зарождение интереса к археологическим памятникам в Тверской губернии происходило в первой половине XIX в. и связано с деятельностью хорошо образованных представителей дворянства. С середины века интерес к древностям охватил практически все слои общества – от духовенства до крестьянства.

За период с начала XIX в. до начала Великой Отечественной войны в раскопках археологических памятников губернии и сборах приняли участие более 140 человек¹. Это были люди различных социальных слоёв общества, образования и профессиональной деятельности (табл.). По сохранившимся сведениям можно определить социальное происхождение 44 человек (на период до 1917 г.): 29 из них были дворянами, землевладельцами, 3 – священниками, 9 – крестьянами, 2 – мещанами, 1 – купцом.

По половому составу подавляющее большинство археологов и краеведов-любителей были мужчинами, однако среди полевых исследователей тверских древностей были и женщины. При этом две из них – помещицы (Е.К. Палибина и Е.Н. Ромейко) и семь – профессиональные археологи или этнографы. Среди них – член-сотрудник Санкт-Петербургского Археологического института Юлия Густавовна Гендуне (1863–1909) и сотрудница Государственного Исторического музея Лидия Алексеевна Евтохова (1903–1974), которая в начале своей творческой биографии занималась изучением дьяковских древностей, в том числе городищ Прислон и Бел-Городок в современном Кимрском районе (1927 г.) [1, л. 5–8]. Ю.Г. Гендуне как профессиональный археолог вела самостоятельные работы в Корчевском уезде Тверской губернии. Принимала участие в раскопках курганной группы Дуденево под Тверью. Всего под её руководством были раскопаны более 138 курганов за три полевых сезона (1903, 1905, 1908 гг.). Наиболее известным памятником, исследованным в 1903 г. Ю.Г. Гендуне, было городище «Топорок» у с. Сухарино Корчевского уезда. По результатам работ ею был прочитан доклад на II областном археологическом съезде в Твери [2]. К изучению дьяковских городищ Тверского Поволжья исследовательнице предложил обратиться А.А. Спицын [3, л. 45–45об.].

Для того чтобы охарактеризовать участников исследований, необходимо определить мотивацию интереса к древностям. Это были и простое любопытство, основанное на широком общественном интересе к памятникам истории, при наличии свободного времени и финансовых возможностей; и научный интерес, и производственная необходимость, и жажда наживы. Последовательность перечисления этих обстоятельств соответствует частоте побудительных мотивов в полевых исследованиях.

Тверские помещики предпринимали раскопки курганов в своих поместьях ради обывательского интереса. Подобного рода раскопки носили эпизодический характер, и количество раскопанных по инициативе одного помещика курганов не превышало 1–3 (максимум 6). Вещи из курганов либо оставались в личных коллекциях, либо поступали в Тверской музей. Сам факт полевого исследования становился достоянием обществности, имя исследователя сохранялось в источниках. На практике автор раскопок не всегда лично принимал участие в полевых работах, выступая лишь инициатором организации раскопок. Например, раскопками курганов занимались помещики: в Осташковском уезде – В.И. Власов, в Ржевском – М.И. Коровяковский, в Корчевском – С.Н. Мамонтов и т.д. Кроме того, раскопки производили ради интереса высокопоставленных лиц: в присутствии губернатора П.Д. Ахлестышева был раскопан один курган из могильника Михайловское-Прудово в Бежецком уезде, при великих князьях в 1908 г. – у д. Дуденево Тверского уезда (4 кургана).

¹ Сведения не полны, будут уточняться при дальнейшей разработке темы. Автор выражает благодарность за помощь при подготовке статьи Е.Л. Хворостовой и И.Н. Черных.

Таблица. Полевые исследования археологических памятников на территории современной Тверской области в период с XIX в. до начала Великой Отечественной войны

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Социальное положение	Профессиональная; научная деятельность	Место жительства	Год раскопок (сборов): Место исследований*	Тип памятника: Общее количество раскопанных объектов**
1	2	3	4	5	6	7
1	Анненский М.	Крестьянин		Весьегонский уезд	1878: Сорогожское (В.у.)	Курганы: 1
2	Аспелин И.		Профессор, археолог	г. Хельсинки	1872: Бежецы (Б.у.)	Курганы: 5
3	Ахлестышев П.Д.		Тверской губернатор; член ТУАК	г. Тверь	1892: Михайлово (Прудово) (Б.у.)	Курганы: 1
4	Балер О.Н.		Институт и Музей антропологии ИГУ. Археолог	г. Москва	1930: с. Лисицы – устье Сози 1932: Пекуново, Ивановково (б. К.у.) 1933: с. Скнятино – Молога Соболево, Пекуново (б. К.у.) Санниково (Кн.р.) Петровские озёра, р. Сось (К.р.) 1935: Языково (Кш.р.) 1938: Тургиновский могильник (К.р.) 1900: Савинские Горки (Н.у.)	Разведки Курганы: 1 (?) Городище: 3 Разведки Стоянки: 2 Городище: 1 Разведки Стоянки: 1 Могильник: 1 Курганы: (27)
5	Базанов А.А.	Землевладелец	Член ТУАК	Новоторжский уезд		Курганы: (27)
6	Баранов Е.				1897: Поповка (Т.у.) Сборы	Каменные орудия
7	Басова Е.Н.		Московский Археологический институт. Студентка	г. Москва	1916 (1914–1922): под г. Ржевом (Р.у.)	Раскопки: 2 местонахождения каменного века Разведки
8	Бастамов Л.А.	Землевладелец		Старицкий уезд	1881: Клеопино (С.у.) 1882: Рождествено (С.у.)	Курганы: 35
9	Баталин А.А.			г. Тверь (?)	1906: Воронцово (В.в.у.) 1883: Мозгово (З.у.)	Курганы: 4 Курганы: 3
10	Безобразов А.М.		Директор народных училищ; член ТУАК	г. Тверь		
11	Белавин Ф.П.		Археологический институт; член ТУАК	г. Санкт-Петербург	1909: Кошево (С.у.)	Курганы: (2)
12	Белицер В.Н.		Музей народоведения. Этнограф	г. Москва	1933: Пекуново (совр. Км.р.) Второй курганный могильник	Курганы: (?) Совместно с Н.П. Милоновым? Городище: 1
13	Бычинский С.		Краеведческое общество	г. Ржев	1926: Ермоловское городище (Р.у.)	Городище: 1
14	Введенский А.В.			г. Санкт-Петербург (?)	1915: Юрятино (Р.у.)	Курганы: ?

Таблица (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
15	Вершинский А.Н.		Преподаватель пединститута; член ТУАК, краеведческих обществ	г. Тверь (Калинин)	1912: Микулино городище (Су.) 1934: Новенькая (К.р.) 1938: Кидомля (б. Бу.) 1939: Дуденево (К.р.) 1940: Мельниково (К.р.)	Курганы: 19
16	Виноградов А.А.		Учитель; член ТУАК. Выпускник СПб. Археологического института	Весьегонский уезд	1911: Никола-Рень (Бу.) 1913: Бодачево, Жуково, Любегощи (Бу.) 1914: Григорьево (Бу.)	Курганы: 33
17	Виноградов И.А.		Директор Тверского музея; член ТУАК	г. Тверь	1900: Савинские Горки (Су.) 1901: Мокрые Пожжи (Ту.) 1924: Беседы, Дуденево (Ту.), Кошево (Су.)	Курганы: 26+ (27)
18	Власов В.И.	Помещик			1891: Большая Коша (Оу.)	Курганы: 10
19	Воробьев А.Я.	Помещик			1878: Извоз (Оу.)	Курганы: 2
20	Воронцов А.И.		Слушатель Археологического института	г. Санкт-Петербург	1909: Кошево (Су.)	Курганы: 4
21	Воронцов Д.А.		Податный инспектор; член ТУАК	г. Тверь	1878: Лукино (Бу.) 1882: Березовец (Оу.) 1883: Абакумово, Дворищи (Вву.)	Курганы: 13
22	Воскресенский П.П.				1875: Лошицы (Бу.)	Курганы: 1
23	Гатцук С.А.		Археологический институт	г. Санкт-Петербург	1902: Будаево, Смольки (Оу.), Волосово, Высокино, Горбуново, Гостомля, Мозгово, Житовки, Могильцы, Юркино, Ягодино (Зу.), Горки (Ру.), Песочня, Сельменево, Хилово (Су.)	Курганы: 158
24	Гацкий (Гацинский) А.С.	Дворянин	Общественный и земский деятель. Председатель Нижегородской учёной архивной комиссии. Археолог	г. Нижний Новгород	1887: 1889: Божёнки (Кшу.)	Курганы: ?
25	Гендуне Ю.Г.		Археологический институт; член ТУАК	г. Санкт-Петербург	1903: «Топорок» (Ку.); Заборье, Загорье, Сухарино (Ку.); Дуденево (Ту.); 1905: Глинники (Ку.) 1906: Загорье (Ку.) 1908: Устье (Ку.)	Городище: 1 Курганы: 131+ (7)
26	Глазов В.Н.		Археологический институт	г. Санкт-Петербург	1903: Вселдук, Малый Бохот, Стерж, Хвошня	Курганы: 27
27	Глинка Ф.Н.	Дворянин	Поэт, общественный деятель	гг. Тверь, Москва, Санкт-Петербург	1830–1880: Кузнецово, р. Медведица (Бу.)	Обследование курганов Городище Сбор историко-культурных камней

Таблица (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
28	Гольнский А.И.		Краеведческое общество	г. Бежецк	1924: Дымцево, Мокшицы, Огрызково, Селищи (Б.у.)	Курганы: 5
29	Гроздов А.Е.	Священник		Бежецкий уезд	1878, 1880: Кидомля (Б.у.) 1878: Михайлово (Прудово) (Б.у.)	Курганы: 22
30	Гумилевский Н.И.		Учитель	г. Вышний Волочёк	1922–1935: Вышневолоцкий уезд	Разведки, сборы
31–32	Давыдовы Н.К., Б.К.				1897: Горки (Р.у.)	Курганы: 1
33	Дамаскин А.М.		Слушатель Археологического института	г. Санкт-Петербург	1909: Кошево (С.у.)	Курганы: (2)
34	Дебец Г.Ф.		Археолог, антрополог. Институт этнографии АН СССР. Старший научный сотрудник	г. Москва	1936: Петровские озёра, р. Созь (К.р.)	Стоянки каменного века: сборы
35	Дервиз В.Д.	Дворянин	Художник, земский деятель. Член ТУАК	Тверской уезд	1903: Колачёво (Т.у.)	Курганы: 3
36	Дервиз Д.В.	Дворянин	Этнограф. Императорский Московский университет. Студент (?)	г. Москва	1915: Петровские озёра (Т.у.)	Памятники каменного века: обследование
37	Диевский С.А.		Член ТУАК	г. Тверь	1912–1913: Избрижье (Т.у.) Тверь	Городище: 1 Сборы. Наблюдения
38	Дмитриев П.	Крестьянин		Старицкий уезд	?; Колосово (С.у.)	Курганы: 1
39	Дмитриев-Мамонов А.А.		Акцизный чиновник; член ТУАК	г. Тверь	1915: Торжок	Архитектурные сооружения: 1
40	Дондуков-Корсаков М.А., князь	Дворянин			1868: Петровское (Р.у.) 1877: Ивановское (Р.у.)	Курганы: 2
41	Дьяков				1860: Ивановское, имение Луганово (Т.у.)	Курганы: 1+
42	Европеус Д.П.		Археолог	г. Хельсинки	1870: Бежицы (Б.у.) 1874: Залужье, Смыково (В.у.)	Курганы: 2+
43	Евсеев К.Н.		Краевед	г. Тверь/Калинин	1920-е–1930-е: Тверь/Калинин	Сборы каменных орудий
44	Евтюхова Л.А.		Государственный Исторический музей	г. Москва	1927: Бел-Городок, Прислон (К.м.р.)	Городище: 2
45	Ефименко П.П.		Археолог. Санкт-Петербургский университет. Студент	г. Санкт-Петербург	1911: оз. Пирос, Тубос (В.В.у.)	Разведки

Таблица (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
46	Жизневский А.К.	Дворянин	Государственный и общественный деятель, председатель ТУАК, зав. Тверским музеем. Почётный член Археологического института	г. Тверь	1863–1896: Тверская губерния	Организация раскопок и сборов
47	Жуков Б.С.		Московский государственный университет, археолог	г. Москва	1928–1930: Языково (Кш.р.) 1930: «Топорок» (К.р.) К.р.	Стоянка: 1 Городище: 1 Разведки
48	Журавовский В.Ф.		Уездный исправник	г. Осташков	1889: Тухачёво (Оу.)	Курганы: 1
49	Заботин И.Я.	Крестьянин		Тверской уезд	1894: Мокрые Пожни (Ту.)	Курганы: 3
50	Зерницкий Я.И.		Археологический институт	г. Санкт-Петербург	1880: Бежецы (Бу.)	Курганы: (9)
51	Зубарев Ф.И.	Дворянин	Полковник	г. Старица	1914(?): Старица	Городище
52	Иванов В.	Крестьянин		Зубцовский уезд	?: Николо-Пустынь (Зу.)	Курганы: 1
53	Иванов И.А.		Управляющий Тверской казённой палатой; член и председатель ТУАК	г. Тверь	1900: Савинские Горки (Н.у.) 1908: Петровское (Ту.)	Курганы: (27)
54	Иванов Ф.И.		Краевед, сотрудник Тверского музея	г. Тверь/Калинин	1926: Борисовское (Бу.)	Курганы: 3
55	Ивановский Л.К.		Врач, археолог. Член Императорского Русского археологического общества	г. Санкт-Петербург	1874–1875: р. Сить (Моложский у. Ярославской губ.; Тверская губ.?)	Курганы: ?
56	Казанский А.В.				1889: Тухачёво (Оу.)	Курганы: (1)
57	Казначеев П.М.		Уездный судья; член ТУАК	г. Тверь	1893: Кидомля, Михайлово (Прудово) (Бу.)	Курганы: 7
58	Калачёв В.А.		Директор Археологического института; член ТУАК	г. Санкт-Петербург	1880: Бежецы (Бу.)	Курганы: 9
59	Кандыба Г.		Инженер Министерства путей сообщения	г. Санкт-Петербург	Нач. XX в. (?): р. Волга (Р., С., З.у.)	Сборы каменных орудий
60	Караулов И.Д.	Помещик		Весьегонский уезд	1878: Городищи (Ву.)	Курганы: 5
61	Кельсиев А.И.		Секретарь ОЛЕАЭ	г. Москва	1878: Заборье (Ку.)	Курганы: 42
62	Колосов В.И.		Преподаватель Духовной семинарии; член ТУАК	г. Тверь	1897: Скнятин (Клу.) 1890: Каменка (Ту.) 1898: Михайловское (Су.) 1900: Савинские Горки (Н.у.) 1901: Мокрые Пожни (Ту.) 1903: Дуденево (Ту.)	Городище: 1 Курганы: 12 (27)

Таблица (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
63	Коровяковский М.И.	Помещик		Ржевский уезд	1868: Петровское (Ру.)	Курганы: 2
64	Косоголов А.И.		Учитель	Новоторжский уезд	1911: Михаил Архангел (Ну.)	Курганы: 2
65	Крижевская Л.Я.		ИИМК Археолог	г. Ленинград	1940: Городищенская Гора (Р.р.) Ржев – Старица (р. Волга)	Городище: 1 Стоянка- мастерская: 1 Памятники с макролитами: ? Разведки
66	Кришгафович Н.И.	Дворянин, отставной офицер	Геолог	П. Ново-Александр- рия (Польша)	1904: Ржев, урочище «Орешник»	Стоянка: 1
67	Крылов Е.В.		Преподаватель Тверской мужской гимназии; член ТУАК	г. Тверь	1907: Дуденево (Ту.)	Курганы: 1
68	Крылов И.П.	Мещанин	Издатель; член ТУАК	г. Старица	1903: Старица, Холохольня, Щапово (Су.) 1903, 1910: Иворовское (Су.) 1905: Липино (Су.) 1910: Свистуново, Сенчаево, Тихменёво, Толпино (Су.) 1919: Симоново (Су.)	Средневековый город: 1 Курганы: 30
69	Кунцки Г.		Студент		1876: Высокино, Титовка (?) (Зу.) ?: Городище (Зу.)	Курганы: 2+
70	Кункин И.Я.	Купец	Член ТУАК	г. Кашин	1885: Ильинское (Кшу.)	Курганы: 1
71	Ладьяженский А.Н.	Помещик			1863: Пекуново (Ку.) 1883: Никольское на Сози (?)	Курганы: 1+
72	Лажечников И.И.	Дворянин	Вице-губернатор Тверской губернии	г. Тверь	?: Захарово (Ту.)	Курганы: 1
73	Лемешевский В.М.			г. Санкт-Петербург (?)	1915: Юратино (Ру.)	Курганы: ? Сборы
74	Линдеман И.К.		Член ТУАК	г. Тверь	1903: Торжок	Средневековый город: 1
75	Лисицын И.Г.	Сын свя- щенника	Приват-доцент Киевской духовной академии	г. Киев	1875: Пнёво (Ву.)	Курганы: 3
76	Лукин А.Н.				1885: Ягодино (Зу.)	Курганы: 2
77	Макаренко Н.Е.		Слушатель Археологического института	г. Санкт-Петербург	1902: Воробьёво, Сутоки (Ку.) 1903: Ржев, Свистуново (Су.)	Курганы: 36 Курганы, стоянка Стоянка Фатьяновское погребение Городища
78	Мальковский В.Н.		Член ТУАК	г. Бежецк	Прислон (Кшу.) Троцца (Зу.) р. Волга от Ржева до Твери (Р., С., Ту.)	Курганы: 6
79	Мамонтов С.Н.	Помещик			1902, 1903: Рыбинское (Бу.) 1877: Пекуново (Ку.)	Курганы: 4

Таблица (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
80	Матвеев Н.Н.		Археологический институт	г. Санкт-Петербург	1909: Кошево (Су.)	Курганы: (2)
81	Милонов Н.П.		Сотрудник Тверского музея Археолог	г. Москва	1930: Глинники, Заборье (б. Ку.) 1932-1933: Пекуново (Км.р.) 1934: Тверь, Кимры 1935, 1936: Посады (Кш.р.), Кимры 1937: Кидомля (б. Б.р.) 1938: Борисовское (Б.р.) 1924: Дымцево, Мокшицы, Огрызково, Селищи (Бу.)	Курганы: 40 Средневековый город: 1 Селище: 1 Городище: 1 Курганы, селище
82	Михайловский А.И.		Краеведческое общество	г. Бежецк		Курганы: (5)
83	Муратов Д.Д.				1937: Мокшицы (Б.р.)	Курганы: 8
84	Мышенькин				1889: Ивановское озеро (Вву.)	Курганы: 13
85	Нарышкин К.А.	Помещик		Зубцовский уезд	?: Волосово (Зу.)	Курганы: 1
86	Никольский А.П.				1889: Тухачёво (Оу.)	Курганы: (1)
87	Овсянников Н.Н.		Преподаватель Тверской гимназии; член ТУАК	г. Тверь	1896: Тверь	Средневековый город: 1
88	Опель	Помещик		Старицкий уезд	?: Могильцы (Су.) 1888: Вышгородище (Су.)	Курганы: ?
89	Палыбина Е.К.	Помещица		Осташковский уезд	1865: Кулагово (Оу.)	Курганы: ?
90	Петров Ф.	Крестьянин		Вышневолоцкий уезд	?: Гудобино (Вву.)	Курганы: 1
91	Платонов С.Ф.		Профессор Санкт-Петербургского университета; член ТУАК	г. Санкт-Петербург	1908: Дуденево (Ту.)	Курганы: 4
92	Плетнёв В.А.		Старший советник Тверского губернатора; член ТУАК	г. Тверь	1890: Дуденево (Ту.) 1900: Савинские Горки (Ну.)	Курганы: 34
93	Погодин М.П.	Сын крепостного дворового человека	Филолог, историк, археолог, член Петербургского и Московского Археологических обществ	г. Москва	1848: Божёнки (Кшу.)	Курганы: 1 Обследования
94	Покрышкин П.П.		Профессор	г. Санкт-Петербург	1914: Торжок	Архитектурные сооружения: 1
95	Поляков И.С.		Член-сотрудник Российского Географического общества	г. Санкт-Петербург	1874: Верховья Волги, оз. Селигер (Оу.)	Памятники каменного века и эпохи бронзы, городища Осмотр

Таблица (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
96	Предтеченский Н.Н.	Священник		Корчевской уезд	1900: Юрьевское-Девичье (К.у.)	Курганы: 1
97	Преображенский В.А.		Государственный чиновник	г. Тверь	?: Емельяново (С.у.)	Курганы: 1
98	Преферанский			г. Тверь	1873: Тверь	Архитектурные сооружения
99	Пуятин П.А., князь	Дворянин	Член ТУАК	Вышневолоцкий уезд	1880: Бежецы (Б.у.) ?: Алексеевское (В.у.) 1903: Бологое, Фёдово (В.у.)	Курганы: 2 (9) Стоянка: 1 Могильник: 1
100	Пуятин Д.С.				?: Шолохово, Суходол (Р.у.)	Курганы: 3
101	Пятницкий М.М.	Крестьянин		Зубцовский уезд	1884: Ягодино (З.у.) 1885: Горки (Р.у.), Гостомля (З.у.)	Курганы: 9
102	Ратманов Н.Г.				1903: Извелово (О.у.)	Курганы: (3)
103	Рерих Н.К.		Художник, общественный деятель	г. Санкт-Петербург	1905: Пирос (В.у.)	Стоянка: 1 Обследования Сборы
104	Репников Н.И.		Член Императорской Археологической комиссии	г. Санкт-Петербург	1902: Бежецы, Сулежский Борок, Узмень (Б.у.), Лошицы, Мотыли, Сорогожское (В.у.), Ременицы (К.у.)	Курганы: 9
105	Римский-Корсаков А.Е.	Помещик			?: Дягунино (З.у.)	Курганы: 1
106	Родзевич		Археологический институт	г. Санкт-Петербург	1880: Бежецы (Б.у.)	Курганы: (9)
107	Розанов С.А.		Учёный секретарь Археологического института	г. Санкт-Петербург	1913: Петровское (Р.у.)	Курганы: ?
108	Романченко П.		Министерство путей сообщения Инженер	г. Санкт-Петербург	Нач. XX в. (?): р. Волга (Р., С., З.у.)	Сборы каменных орудий
109	Ромейко Е.Н.	Помещица		Ржевский уезд	1889: Сазоново (Р.у.) 1893: Сковоротыня (Р.у.) 1898: Васильевское (Р.у.) 1897–1900: Тверь	Курганы: 3
110	Рубцов М.В.		Преподаватель Тверской Духовной семинарии; член ТУАК	г. Тверь	1939: Любегощи (В.у.), Узмень (Б.у.)	Средневековый город: 1
111	Румянцев К.Д.				1913: Ржев, урочище «Орешник» 1927: б. ВВ.у. 1882: Избрижье (Т.у.)	Курганы: 3
112	Савенков И.Т.		Геолог, член РАН	г. Красноярск		Стоянка: 1
113	Сибилёв Н.В.		ГАИМК	г. Ленинград		Разведки
114	Сизов В.И.		Секретарь Императорского Российского Исторического музея	г. Москва		Курганы: 9

Таблица (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
115	Силчи А.В.				1876: Дворищи (Вв.у.)	Курганы: 1
116	Симсон П.Ф.		Директор Ржевской гимназии; член ТУАК	г. Ржев	1903: Ржевско-Старицкое Поволжье, Зубцов	Стоянки: ? Сборы
117	Синицын Н.К.	Крестьянин		Старицкий уезд	1919: Лужково (Су.)	Курганы: 2
118	Синицын С.Д.		Краеведческое общество	г. Бежецк	1924: Дымцево, Мокшицы, Огрызково, Селищи (Бу.)	Курганы: (5)
119	Спицын А.А.		Императорская Археологическая комиссия. Санкт-Петербургский университет; член ТУАК. Археолог	г. Санкт-Петербург	1902, 1903: Дуленово (Ту.) оз. Кафтино, Боллогое (Вв.у.) Боллогое (Вв.у.) 1920: Бежецы (Бу.)	Курганы: 13 (7) Обследование Стоянка: 1
120	Странов Г.П.		Учитель	Калининский район	1933–1934: р. Созь и с. Спас-на-Сози	Стоянки: 2 (выявление, сборы)
121	Струженцов В.И.	Священник	Член ТУАК		1904: Устье (Ту.)	Городище (?)
122	Талицкий М.В.		Музей антропологии МГУ Археолог	г. Москва	1933: г. Калинин – д. Ивановково	Разведки
123	Танноров П.М.	Крестьянин	ИИМК	Бежецкий уезд	1883: Васильки (Бу.)	Курганы: 3
124	Тараканова С.А.		Археолог	г. Ленинград	1938–1940: оз. Селигер, оз. Стерж (Ор.) Березовец, Стерж (Ор.)	Разведки Городище: 2
125	Тихомиров И.А.		Чиновник Тверского казначейства; член ТУАК	г. Тверь	?: Подшевелиха (Вв.у.)	Курганы: 3
126	Третьяков П.Н.		ЛГУ, ГАИМК, ИИМК Археолог	г. Ленинград	1929: поречье р. Мсты (б. Вв.у.)	Стоянки Сборы, проверка данных Н.И. Гумилевского Разведки Городище: 1 Стоянка: 1 Городище: 3
127	Троицкий А.В.			г. Тверь	1935: оз. Боллогое (б. Вв.у.) Городище (Кл.р.) 1937: устье Нерли Скнятино, Селище, Ст. Городище (Кл.р.) Деревеньки (Кл.р.) Устье Грехова Ручья	Селище: 1 Курганы: (?) Сборы каменных орудий
128	Убожков Е.А.	Мещанин	Агент Тверского музея	г. Тверь	1889: Подборовье (Ру.) 1890: Дуленово (Ту.) 1891: Банный Угол (Кш.у.) ?: Бродовские Горки (Су.)	Курганы: 5
129	Уткин С.П.	Помещик		Осташковский уезд	1878: Сиг (Оу.)	Курганы: 1
130	Ушаков Н.А.	Помещик		Весьегонский уезд	1838: Воронцово (Вв.у.) 1843: Сорогожское (Вв.у.) 1844: Абакумово, Маслово (Вв.у.)	Курганы: 44

Таблица (окончание)

1	2	3	4	5	6	7
131	Фосс М.Е.		ГИМ Археолог	г. Москва	1927: оз. Пирос	Разведки
132	Цеймерн		Военная Академия		1861: Оболтино (Вв.у.)	Курганы: 1
133	Чагин В.А.		Врач	Корчевской уезд	1879: Воробьево (К.у.) 1884: Глинники, Заборье (К.у.)	Курганы: 29
134	Чарноцкий А. (Доленга- Ходаковский З.)	Дворянин		г. Санкт-Петербург	1824: Бежцы (Б.у.)	Курганы: 3
135	Чистяков Т.М.	Землевладелец			1886: Гульцово (Р.у.) 1895: Горки (Р.у.)	Курганы: 7
136	Шалимов П.А.				1830: Песочня (О.у.)	Курганы: 1
137	Шапошников К.А.		Археологический институт	г. Санкт-Петербург	1880: Бежцы (Б.у.)	Курганы: (29)
138	Шебякин А.П.		Акцизный чиновник; член ТУАК	г. Старица	1903: Старица	Городище: 1
139	Ширинский-Шихматов А.А., князь	Дворянин	Член ТУАК	Вышневолоцкий уезд	1903: Фёдово (Вв.у.)	Курганы Сопка Грунтовый могильник: 84 Курганы: 1
140	Шгернштраль В.Б.	Землевладелец			1875: Бирюльки (Вв.у.)	Курганы: 1
141	Шульц Н.А.			Ржевский уезд	1886: Петровское (Р.у.)	Курганы: 1
142	Шульц П.Н.		ГАИМК	г. Ленинград	1923–1925: реки Волга, Вазуза (б. Р. и З.у.) 1925: Петровское, Шопорово (Р.у.) 1925 и 1927: Волга от Ржева до Твери (б. Р., С. и Т.у.)	Разведки Курганы: 8 Разведки
143	Щеглов Д.Ф.		Инспектор Ржевской гимназии	г. Ржев	1875, 1878: Петровское (Р.у.) 1878: Юрягино (Р.у.)	Курганы: 35
144	Щербаков В.Я.	Крестьянин		Тверской уезд	1878: Сосонник (Р.у.) 1879: Избрижье, Тухинь (Т.у.) 1881: Игрищи (Т.у.) 1882: Троица (Т.у.) 1885: Дуденево, Мухино Городище (Т.у.)	Курганы: 35

* Уезды: Бежецкий (Б.у.); Весьегонский (В.у.); Вышневолоцкий (Вв.у.); Вышневолоцкий (В.у.); Зубовский (З.у.); Калязинский (Кл.у.); Калининский (Кш.у.); Корчевской (К.у.); Новоторжский (Н.у.); Осташковский (О.у.); Ржевский (Р.у.); Старицкий (С.у.); Тверской (Т.у.).

Районы: Бежецкий (Б.р.); Вышневолоцкий (ВВ.р.); Калининский (К.р.); Калининский (Кл.р.); Калининский (Кш.р.); Кашинский (Кш.р.); Кашинский (Км.р.); Конаковский (Кн.р.); Осташковский (О.р.); Ржевский (Р.р.).

** () – количество курганов, раскопанных совместно с другими исследователями; ? – нет данных о количестве; б. – бывший; совр. – современный

Поскольку раскопки производились в основном погребальных памятников, интересно отношение современников к морально-нравственным аспектам раскопок могил предков. Не вызывает сомнения, что почти все участники полевых исследований курганов были верующими людьми. Кроме того, в раскопках принимали участие священнослужители. Князь П.А. Путятин в своих воспоминаниях привёл слова священника, оказавшего ему помощь в поиске решения по поводу оправданности изучения погребальных памятников: «Одно время меня мучило сомнение, – не разнится ли с религиозными взглядами раскопка древних усыпальниц, и хотя мои исследования касались только языческих обрядностей, но все-таки какое-то неловкое чувство ощущалось при переборке человеческих костей. Это мое смущение, в первые годы занятий, я поверил на исповеди покойному моему учителю Закона Божия, отцу Петру Скородумову, в Бологом, который успокоил меня приблизительно следующими словами:

– Не смущайтесь; научные практические занятия не идут в разрез с религией, не нужно только их делать с целью наживы» [4, с. 50].

Так же как и помещики, крестьяне вели раскопки памятников чаще из любопытства. В меньшей степени находки из тверских курганов обладали реальной рыночной стоимостью, поэтому официально зарегистрированных случаев раскопок курганов ради наживы не было. Хотя легендарное сопровождение знания о курганах толкало некоторых людей, чаще всего из крестьян, на поиски кладов в погребальных памятниках. Имена крестьян, а тем более биографические сведения – большая редкость в источниках. Среди них можно выделить деятельность волостного старшины Шепелевской волости Тверского уезда Василия Яковлевича Щербакова. С конца 70-х по середину 80-х годов XIX в. им были раскопаны 35 курганов в 6 курганных группах в Тверском и Ржевском уездах и проведены раскопки на Мухином городище в Тверском уезде.

Из представителей третьего сословия интересна личность ещё одного исследователя тверских древностей – тверского мещанина Егора Арсеньевича Убожкова (1849–1915). По профессии он был кузнецом и лодочником. С середины 80-х годов XIX в. Убожков стал служить агентом Тверского музея по собиранию и покупке древностей. Его куратором был директор музея А.К. Жизневский. Е.А. Убожкова интересовали все предметы, так или иначе представляющие историческую ценность, – от каменных орудий первобытности до бытовых вещей современных ему крестьян. Человеком он был неграмотным. Письма, посланные Жизневскому, написаны разными почерками. Кроме осуществления разведочных маршрутов, Е.А. Убожков занимался раскопками курганов. Несмотря на отсутствие образования, Егор Арсеньевич стремился к максимально большому сбору информации о раскопанных им курганах. Наивные детские рисунки сопровождали описания курганов: топография курганных групп, представленная с одновременной вертикальной и горизонтальной проекцией разных курганов в одной группе; примитивный рисунок погребённого человека с сопровождающим инвентарём. Видимо, внешний вид исследователя не внушал доверия местным чиновникам, и в одном из писем он обращался к Жизневскому с жалобой о своём несправедливом аресте и «запрете ходить по Осташкову со щупом» [5, л. 22–23 и об.]. В 1891 г. Е.А. Убожкову было выдано удостоверение, подтверждающее правомочность этого человека в сборе древностей на территории губернии [6, л. 82]. По мнению Т.В. Черных [7, с. 8], семья у Е.А. Убожкова не была, потому что умер он в одиночестве (из донесения Тверского полицмейстера от 30 августа 1915 г.): «... тверской мещанин Е.А. Убожков, 66 лет от роду, не имеющий постоянного места жительства, собиравший по городу Твери исторические вещи 29 августа вечером пришел к своему знакомому ... К.А. Кордюкову ... с просьбой дать ему переночевать. Убожков страдал одышкой от старости, у Курдюкова заболел и умер 30 августа утром» [Цит. 7: // ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13797. Л. 363об.].

Не менее интересна личность кашинского купца Иосифа Яковлевича Кункина (1835–1908), раскопавшего курган у с. Ильинское Кашинского уезда в 1885 г. [8, л. 240]. Несмотря на то, что предпринимательская деятельность меньше всего оставляла свободного времени для личных увлечений и интересов, в Тверской губернии были представители купечества, занимавшиеся изучением истории края. И.Я. Кункин был активным членом Тверской учёной архивной комиссии. Он не раз выступал на заседаниях общества с докладами, посвящёнными истории Кашинского края [9]. Итогом его плодотворной научной деятельности стало формирование коллекции предметов древности и старины Кашинского уезда, которую впоследствии он передал родному городу.

По степени профессионализма, определявшегося уровнем методики раскопок и полученными результатами, всех полевых исследователей изучаемого периода можно разделить на три большие категории: неорганизованные исследователи, члены местных исторических обществ, столичные учёные. К первой категории относится большинство тверских помещиков и крестьян. Вторая категория исследователей включает в себя жителей Тверской губернии, работавших по заданию столичных обществ (прежде всего Общества любителей истории, антропологии и этнографии), а также членов Тверской учёной архивной комиссии и местных краеведческих обществ 20-х годов XX в. К третьей категории принадлежали сотрудники Археологического института (Санкт-Петербург), Императорского Российского Исторического музея, профессора столичных вузов, сотрудники археологических учреждений, музеев советского довоенного периода и т.д. Распределение по годам демонстрирует, что неорганизованные раскопки количественно преобладали до начала 1900-х годов, а в 20-е годы XX в. подобного рода работы вообще не зафиксированы в источниках. Пик любительского интереса к археологическим памятникам пришёлся на 70-е–80-е годы XIX в. в связи с организацией Антропологической выставки 1879 г. Исследования местных археологов, начавшиеся в 70-е годы XIX в., ровно и стабильно продолжались до 20-х годов XX в. Археологи из Санкт-Петербурга и Москвы всегда проявляли интерес к памятникам Тверской губернии, однако наибольший пик их активнос-

ти характерен для первых годов XX в. и связан с подготовкой и проведением II областного археологического съезда в 1903 г.

Подавляющее большинство приезжих исследователей были членами-сотрудниками или слушателями Санкт-Петербургского Археологического института. Можно предположить, что изучение памятников Тверской губернии проводилось в качестве практического приложения теоретических знаний, полученных в институте, тем более что губерния располагалась поблизости от столицы и была богата археологическими памятниками. Корифеи отечественной истории и археологии принимали непосредственное участие в раскопках: С.Ф. Платонов, В.А. Калачёв, А.А. Спицын. Являясь членами ТУАК, хорошо зная состояние археологического наследия края, они могли рекомендовать раскопки тех или иных памятников. Эта тенденция сохранилась до первой половины 20-х годов XX столетия. В конце 20-х годов Тверь всё больше стала привлекать археологов из Москвы.

Выбор типа памятника для исследования в большинстве случаев соотносился со степенью профессионализма. Любительский интерес проявлялся исключительно к погребальным памятникам. Раскопками городищ, культурных слоёв городов и исследованиями памятников каменного века занимались только люди, обладавшие специальными навыками. Кроме того, раскопки поселений заведомо могли быть спровоцированы исключительно исследовательскими задачами: определением культурной принадлежности городища, выявлением периодов каменного века на территории губернии, доказательством преемственности традиций смежных исторических эпох и т.д.

В целом конец XIX – начало XX в. охарактеризовались зарождением профессионального подхода к изучению археологических памятников губернии. Уже после революции 1917 г. они становятся национальным достоянием, и непрофессиональные раскопки на археологических объектах были запрещены. Кроме того, полевые работы предполагают определённые материальные затраты, а в послереволюционное время частное финансирование было невозможно, что сразу отсекло большую долю участников раскопок. В это время на памятниках области в общей сложности проводили исследования чуть более десяти человек, и только двое из них (А.Н. Вершинский и И.А. Виноградов) продолжали изучать памятники с дореволюционного периода. Таким образом, археология становится исключительно занятием сотрудников музеев, высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов. Свёртывание краеведческого движения в конце 20-х гг. XX в. привело к утрате преемственности традиций тверского краеведения и существенным изменениям в качественном и количественном составе исследователей.

В конце 20-х – 30-е гг. XX в. изучение археологических памятников практически переходит в руки профессиональных исследователей. Преимущественно, это археологи из Москвы: Б.С. Жуков, О.Н. Бадер, М.В. Талицкий, М.Е. Фосс и др. В этот период научный интерес вызывают все категории памятников, зафиксированных на территории Тверской области: от эпохи камня до Средневековья. Исследователями проводятся как раскопки стоянок, селищ, городищ, средневековых слоёв городов, курганов, так и разведки памятников археологии. Экспедиционные исследования становятся плановыми, находящимися в непосредственной зависимости от реализации строительства народно-хозяйственных объектов: гидросооружений, реконструкции городов и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. О раскопках Л.А. Евтюховой в Ленинском уезде Московской губернии // Архив ИИМК. Ф. 2. 1927. Д. 137.
2. *Гендуле Ю.Г.* Городище “Топорок” Тверской губернии Корчевского уезда // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь, 1906.
3. Переписка с разными лицами и организациями по архивно-археологическим вопросам // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 755.
4. Воспоминания и заметки князя Павла Арсеньевича Путятина. 1854–1881. СПб., 1888.
5. Сборник материалов по Тверскому Музею (Отчеты Убожкова) // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 249.
6. Письма Егора Убожкова за 1887–1893 гг. // Архив ТГОМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 103. Л. 82.
7. *Черных Т.В.* Агент по собиранию древностей // Музей: память веков. Поиски и находки: материалы юбилейной конференции. Вып. 2. Тверь, 2001.
8. Выписки из донесений волостных правлений о местонахождении городищ и курганов в Тверской губернии (1872) // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 222.
9. *Кункин И.Я.* Села и деревни Кашинского уезда, принадлежавшие Кашинскому Собору и различным монастырям во время генерального межевания // Журнал 76 заседания Тв. УАК. 18 июня 1900 года. Тверь, 1901.

*Тверской государственный университет,
Тверь*

E.N. Zhukova

**PARTICIPANTS OF ARCHAEOLOGICAL FIELD RESEARCHES ON THE TERRITORY
OF THE MODERN TVER REGION FROM THE 19TH CENTURY TO THE BEGINNING
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Summary

During this period more than 140 people took part in excavation of monuments. The social origin can be defined for 44 people (for the period till 1917): 29 of them were landowners, land owners, 3 – priests, 9 – peasants, 2 – petty bourgeois, 1 – merchant. Among participants of researches then there were only 3 women (in all 9). The main scientific interest was concentrated on excavation of barrows, to a lesser extent – on studying of ancient hillforts and sites of the Stone Age. After the revolution of 1917 the number of field researchers sharply decreased (to 20 % of all participants).

*Tver State University,
16/31, Trekhsvyatskaya St., Tver, 170000,
Russia
E-mail: P000401@mail.ru*

С.В. Кузьминых, Е.В. Детлова, Т. Салминен, И.Е. Сафонов

А.М. ТАЛЫГРЕН В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

«То, что сделано, продолжает жить».
Эпитафия на могиле А.М. Тальгрена

Аарне Михаэль Тальгрэн (1885–1945) – одна из ключевых фигур в истории финской, российской и в целом европейской археологии первой трети XX века. Изучение его научного наследия, безусловно, крайне важно для понимания путей развития и судеб русской и советской археологии в этот период. В финской историографии, и прежде всего в трудах Эллы Кивикоски, Карла Нордмана, Юри Кокконена и Тимо Салминена (одного из авторов настоящей статьи), разработаны темы формирования Тальгрена как археолога, его научных путешествий в Россию и СССР, редакторской деятельности, политических взглядов и пристрастий, разработки проблемы урало-алтайского бронзового века; опубликованы краткая биография и библиография трудов учёного [1; 2; 3, р. 60–66; 4–14]. Но в современной историографии, по сути, сделаны только первые шаги в разработке темы, вынесенной в заглавие статьи¹. Нам ещё предстоит оценить тот поистине огромный вклад финского учёного в русскую и советскую археологию 10-х–40-х годов XX века. Особенно это касается его роли в создании оригинальных концепций развития бронзового и раннего железного веков Северной Евразии (34; 72; 86; 95; 104; 114; 141; 153; 154; 165; 212; 215; 217; 220; 222; 230; 236; 237; 240; 250; 252; 258; 264; 267)², которые – наряду с концепциями В.А. Городцова [15–17] – дали импульс для формирования данной проблематики в Российской империи, СССР и современной России. Требуется углублённого изучения деятельность Тальгрена в качестве редактора журнала “*Eurasia Septentrionalis Antiqua*” и прежде всего аспект, связанный с привлечением к сотрудничеству советских археологов. Столь же важна и совершенно не раскрыта проблема неофициального наставничества Михаила Марковича Тальгрена³, которая требует изучения с привлечением широкого круга архивных источников. Известно, что многие молодые археологи в СССР в 1920-е–1930-е годы, как свидетельствуют их письма финскому археологу, обращались к нему за советами и консультациями, а некоторые из них даже называли его своим учителем.

1. Научный путь А.М. Тальгрена: основные этапы

Тальгрэн, по свидетельству Эллы Кивикоски [1, р. 82–88], изначально тщательно планировал научную деятельность, решив посвятить свою жизнь археологической науке ещё в молодом возрасте. В 1903–1905 гг. он учился в Александровском университете в Гельсингфорсе (ил. 1), затем слушал лекции корифеев европейской археологии О. Монтелиуса и О. Альмгрена в Стокгольме и Уппсале. В эти годы определилось и базовое направление его научных исследований – бронзовый век. Этому обстоятельству, по словам самого учёного, он был обязан известному финскому историку и археологу Й.Р. Аспелину (1842–1915). В особенности его привлекал бронзовый век Восточной Европы, что было вполне в духе финской научной традиции того времени. Даже когда изменившиеся политические обстоятельства, связанные с русскими революциями 1917 года, затруднили проведение исследований на территории бывшей империи, Тальгрэн не отказался от намеченных планов. Свою цель он видел в том, чтобы продолжить археологические разыскания, начатые Аспелиным, поскольку к началу XX века традиция научных экспедиций и путешествий на восток, заложен-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-01-00348а) и РФФИ (проект № 14-06-00287). Основная часть текста написана С.В. Кузьминых; соавторы: Е.В. Детлова (раздел II-3), Т. Салминен (разделы I-2, IV-3, 4), И.Е. Сафонов (разделы II-1, 2, IV-3).

² Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на труды А.М. Тальгрена (см. «Список опубликованных работ А.М. Тальгрена» после настоящей статьи).

³ Судя по архивным материалам в РАТ и РОНБФ, на имя Михаила Марковича Тальгрена оформлены официальные документы учёного при поездках в Россию до 1917 г. (проездные документы, запросы в ИАК, Открытые листы на право раскопок, разрешения на владение оружием во время экспедиций и т.д.). Так обращались к нему в личном общении и в переписке коллеги из России и СССР, а иногда и некоторые западные археологи (Э. Миннз, Г. Мергарт, Э. Лайд и др.).

Ил. 1. А.М. Тальгрэн – студент Александровского (Гельсингфорского) университета. «Красив, как бог» – говорили современники. Архив МВФ

Оки и Днепра, тайге Русского Севера, берегах Чёрного и Белого морей, горах и перевалах Кавказа.

Не меньшее значение в научных поисках и выборе проблематики исследований имели для финского учёного прямые контакты с русскими и советскими археологами. В архивах Тальгрена сохранилось 775 корреспонденций из России и СССР [12]. Обмен мнениями и полемика с А.А. Спицыным [18, с. 151–155; 19], В.А. Городцовым [20], Н.Е. Макаренко [21], Б.С. Жуковым и другими коллегами, безусловно, сыграли положительную роль в изучении бронзового века Восточной Европы в первой трети XX века. Значение подобного опыта трудно переоценить.

Ил. 2. Микко Тальгрэн в начале научного пути. Архив МВФ

ная последним, практически угасла. Финские археологи в то время не были единодушны в необходимости развития «восточного» направления исследований: большую часть сил они отдавали охране и заботе о сохранении отечественных – финских – древностей [1, р. 24, 25; 6, р. 101–106, 117–119].

Для решения поставленной цели Тальгрэн в 1908 г. совершил целую серию научных поездок. В январе он отправился в Лондон и Париж через Стокгольм и Копенгаген. В течение этой поездки, продолжавшейся до июня, Михаил Маркович изучал восточные древности (особенно китайские и персидские) в Британском музее и музее Сен-Жермен, а также проводил время в библиотеках. В сентябре учёный впервые отправился в Россию (Санкт-Петербург, Москва и Казань) с целью сбора материалов для задуманного диссертационного исследования о медном и бронзовом веках лесной полосы Восточной Европы, а также для овладения русским языком [(28); 1, р. 88–90].

Во время дальнейших поездок и экспедиций в Россию и СССР (1909, 1915, 1917, 1924, 1925, 1928 и 1935 гг.) Михаил Маркович имел возможность не только собрать и изучить важный научный материал, но и побывал в различных регионах необъятной евразийской страны, познакомился с её древностями и даже раскопал интересовавшие его археологические памятники. Погружение в сложнейшие проблемы археологии Северной Евразии было бы невозможно без привязки исследуемых им артефактов и памятников к той или иной ландшафтно-географической среде. Тальгрэн имел личное визуальное представление о степях и горных долинах Саяно-Алтая, великих сибирских реках, неохватной шири западносибирской лесостепи, каменных «палатках» горнолесного Урала, обширных пойменных долинах Камы, Волги,

На основе архивных и литературных источников можно наметить следующие этапы научного пути А.М. Тальгрена.

1. *Выбор евразийской проблематики.* Становление Тальгрена как исследователя пришлось на то время, когда его учителя рассматривали многие проблемы древней истории Евразии сугубо через призму финно-угорской проблематики. Особой популярностью пользовалась теория Й.Р. Аспелина, опиравшаяся на «саянскую» гипотезу лингвиста М.А. Кастрена о происхождении урало-алтайских языков, об отсутствии собственной динамики в эволюции бронзового века лесной полосы Европейской России. Аспелин считал, что эти процессы определялись развитием единого урало-алтайского бронзового века, а стержнем последнего была миграция предков финно-угорских народов из Азии в Северную и Северо-Восточную Европу. Именно на фоне этих взглядов сформировался изначальный интерес Тальгрена к евразийской проблематике – от первых работ 1908 г. и диссертации 1911 г. (4; 15; 34; 54; 82; 101; 111; 128; 131; 133; 134; 152; 183; 196; 208; 216; 226) до статей 1937–1938 гг. на эту тему в завершающих номерах журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua” (264; 272; 273; 282; 284; 286) и последнего публичного доклада 1944 г. о русском палеолите [1, р. 119]. (Ил. 2)

2. *Проблема урало-алтайского бронзового века.* По завершении диссертации о бронзовом веке лесной полосы Восточной Европы (34; 104) Тальгрэн в работах 1910-х годов определил поле своих дальнейших исследований: бронзовый век евразийского пространства от Урала до Саяно-Алтая с прилегающими территориями. Первое же знакомство с материалами из российских музеев (11; 13; 14; 28; 51; 58–61; 68) заставило молодого учёного усомниться в правомерности теории своего учителя Аспелина о едином урало-алтайском бронзовом веке и его принадлежности к «финскому пле-

мени»: бронзовый век к западу от Урала Михаил Маркович никак не мог признать генетическим «отпрыском» сибирского и связать его формирование с миграцией финно-угров из Азии⁴.

Аспелин считал культуру бронзового века единой от Алтая до Волги и видел продолжение сибирских форм в Ананьинском могильнике. Этому памятнику принадлежала ключевая роль в гипотезе основоположника финской археологии о миграции предков финно-угров из глубин Центральной Азии. Аспелин рассматривал Ананьино как ветвь восточного, финно-угорского, племени. Ананьинские черты он видел в позднем железном веке Финляндии и Карелии и таким образом считал теорию об алтайской прародине финно-угров доказанной.

Уже в диссертационном труде 1911 г. Тальгрэн показал, что бронзовый век на северо-востоке Европейской России – явление самостоятельное, сформировавшееся на основе местного каменного века и под влиянием южных степных культур (34; 104). Поездка 1915 г. в Сибирь, помимо желания осуществить раскопки в минусинских степях, ставила своей целью найти ответы на вопросы – что представлял собой урало-алтайский бронзовый век, характерна ли для него единая археологическая культура и в чём была его специфика? Михаилу Марковичу предстояло прояснить и разрешить все сомнения, касавшиеся гипотезы Аспелина об урало-алтайском бронзовом веке. Поездка в Сибирь и изучение археологических материалов в музеях Минусинска, Красноярска, Томска, Барнаула, Омска и Екатеринбурга (57; 60; 61; 63; 65; 67–69; 86; 88; 90–92)⁵ подтвердила его более ранние выводы: единый урало-алтайский бронзовый век не существовал, не могло быть и речи о том, что появление предков пермских народов, поволжских и прибалтийских финнов в исторических местах их проживания связано с миграцией в бронзовом веке из Сибири. Тальгрэн показал, что ключевое звено гипотезы Аспелина – Ананьинский могильник – был связан более прочными нитями не с Алтаем, а с Кавказом и Северным Причерноморьем.

Длительная экспедиционная поездка в Россию в 1915 г. стала началом наиболее продуктивного периода в творческой жизни финского учёного. В 1916 г. он издал каталог бронз знаменитой коллекции В.И. Заусайлова (72), сопроводив его концептуальным исследованием об эпохе раннего металла Волго-Уралья. В 1917 г. вышел аналогичный каталог коллекции И.П. Товостина (86) с обзором древностей бронзового, раннего железного веков и последующих эпох на Енисее. В 1918 г. был опубликован 2-й том каталога коллекции Заусайлова с обзором материалов железного века (в том числе ананьинских) и болгарской эпохи (96). За 5–6 лет – между поездкой в Сибирь и началом работы в университете Тарту (1920 г.) – появился цикл статей Тальгрэна о бронзовом веке Волго-Уралья и Сибири (58; 65; 78; 80; 84; 91; 95; 99; 101; 103; 110; 114; 124). В 1919 г. вышла книга об ананьинской культуре – вторая часть его диссертационного труда (104). Фактически исследователь завершил всю подготовительную работу, чтобы приступить к реализации намеченного плана по созданию сводного монографического труда об урало-алтайском бронзовом веке.

Однако в начале 1920-х годов финский археолог всецело переключился на другие исследовательские проекты, хотя археология Волго-Уралья и Сибири по-прежнему оставалась под его пристальным вниманием. Свидетельством тому – серия научно-популярных очерков по археологии Поволжья, Прикамья, Урала, Алтая и Минусинской котловины в газете “Helsingin Sanomat” и других периодических изданиях (106; 107; 112; 113; 122; 123; 167; 169; 171; 186; 197; 223), регулярные библиографические обзоры, в том числе по археологии Волго-Уралья и Сибири (176; 199; 231; 242; 257), отклики на работы М.И. Ростовцева, Г. Мергарта, С.А. Теплоухова, Г.И. Боровки, М.П. Грязнова, С.Н. Дурюлина и других авторов (177; 178; 200; 201; 203; 204; 233–235; 248; 261), обратившихся к публикации или исследованию урало-сибирских материалов, ряд научных (99; 101; 103; 108–111; 114–117; 124; 140; 141; 153; 154; 164; 174; 190; 196; 199; 206; 207; 216–218; 227–229; 236; 237; 240; 244; 245; 249–251; 264; 265; 266; 271; 274; 280; 283) и энциклопедических (137; 146; 148; 149–151; 157–159; 172; 173; 181; 182; 191–193; 212–214) статей, непосредственно связанных с археологией северо-востока Европы и азиатских пределов СССР.

3. *Бронзовый век степного пояса Восточной Европы.* В первую послереволюционную поездку в 1924 г. Тальгрэн побывал в Петрограде и Москве, возобновил связи с российскими коллегами в РАИМКе, Эрмитаже, МАЭ, РИМе, Антропологическом музее Московского университета, встретился с А.А. Спицыным и В.А. Городцовым. В 1925 г. ему удалось, кроме столичных, познакомиться с археологическими собраниями Киева, Харькова, Херсона, Саратова, Казани и Костромы. В этой поездке Тальгрэну помогал его эстонский ученик Эрик Лайд. В 1928 г. Михаил Маркович вместе со своим финским учеником Нильсом Клеве совершил длительное путешествие по маршруту Ленинград – Москва – Ростов Великий – Нижний Новгород – Казань – Сарапул – Пермь – Самара – Саратов – Покровск – Воронеж – Владикавказ – Тбилиси – Пятигорск – Днепропетровск – Херсон – Одесса – Киев – Чернигов – Петрозаводск [1, р. 105, 106]. Первое же знакомство с археологическими материалами юга СССР в корне изменило вектор исследовательских интересов финского учёного: на первый план вышли степные и лесостепные культуры бронзового века Восточной Европы (153; 156; 165; 187; 200; 205; 211; 217). Итоги разысканий первой половины 1920-х годов Тальгрэн весьма оперативно подвёл в книге “La Pontide préscythique après l’introduction des métaux” (165; см. обзор ниже).

Важное место в исследованиях этого периода отводилось фатьяновской культуре и связям её носителей с другими культурными группами в Европе (114; 116; 140; 141; 149; 153). Речь шла, с одной стороны, о формировании культур бронзового века в центре Русской равнины, с другой – о продолжении фатьяновских тра-

⁴ См. подробнее: [6; 8–10; 14].

⁵ См. подробнее: [6, р. 133–137, 142–145; 22–26].

диций на севере Европейской России и о возможных взаимосвязях носителей этой культуры и её наследников с финно-угорскими народами. О хронологии и культурной принадлежности фатьяновских древностей Тальгрэн имел длительную и оживлённую дискуссию с В.А. Городцовым, А.А. Спицыным, Г. фон Мергартом, М.Г. Худяковым, Г. Чайлдом, Э.Х. Миннзом. Фатьяновская культура была для него ключом к пониманию самого зарождения бронзового века в Европейской России. Михаил Маркович поначалу датировал Фатьяново одним временем с Галичским кладом и Сеймой, но позже – под влиянием критики коллег – он омолодил датировку последних памятников. Вопрос о фатьяновских древностях Русской равнины был важен для него и для понимания развития культуры позднего каменного века на территории Финляндии, особенно культуры шнуrowой керамики [10; 12].

Важно отметить, что на этот же период приходится преподавательская деятельность Тальгрэна в университетах Тарту (1920–1923 гг.) и Хельсинки (с 1923 г.), организация и начало издания журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua”. Кроме того, в эти годы он являлся штатным автором в “Reallexikon der Vorgeschichte” Макса Эберта: финским учёным написана основная часть обзоров и статей об археологических культурах и выдающихся памятниках бронзового и раннего железного веков Северной Евразии (137–139; 145–151; 157–163; 181; 182; 191–195; 211–214). (Ил. 3)

Ил. 3. А.М. Тальгрэн в рабочем кабинете в Национальном музее Финляндии. 1920-е годы. Архив МВФ

4. *Бронзовый век Кавказа.* Проблематика бронзового века Кавказа стала логическим продолжением предшествующих исследований Тальгрэна о культурах степного и лесостепного поясов Восточной Европы. В немалой степени она связана с выяснением подтекста, связей и датировки культур бронзового века центра и северо-востока Европейской России.

Финский исследователь и в книге о бронзовом веке Северного Причерноморья уделил большое внимание культурам Северного Кавказа, взаимосвязи и контактам их носителей. Весьма плодотворная поездка в 1928 г. на Кавказ и изучение археологических коллекций в музеях Пятигорска, Владикавказа и Тбилиси [1, р. 107, 108] дали Тальгрэну дополнительный импульс для выбора нового исследовательского проекта. Собранные им богатейшие материалы, а также изучение кавказских и анатолийских коллекций в других музеях СССР, Турции и европейских стран привели Михаила Марковича к осознанию необходимости обобщения всех известных к тому времени источников, имеющих отношение к древностям бронзового века Кавказа, и написания большого сводного труда об эпохе раннего металла этого региона.

К археологии Кавказа Тальгрэн обращался уже в своих ранних работах, обсуждая проблему формирования в центре Русской равнины фатьяновской культуры (34; 53; 58; 114; 116; 141; 149; 192) и кавказско-анатолийские истоки идолов Галичского клада (39; 154; 157; 207)⁶. Различные аспекты исследования бронзового века Кавказа нашли отражение в ряде фундаментальных статей учёного конца 1920-х – первой половины

⁶ См. подробнее об этих проблемах: [27, с. 147; 18, с. 153; 19, с. 8, 9].

1930-х годов (215; 222; 230; 243; 252; 257) – они могли бы стать разделами будущей монографии. Однако резкое ухудшение здоровья в 1937–1938 гг., занятость подготовкой выпусков журнала “*Eurasia Septentrionalis Antiqua*” и невозможность продолжения непосредственного изучения археологических коллекций в музеях СССР не позволили Михаилу Марковичу завершить данное исследование.

В конце 1930-х годов, помимо кавказской проблематики, финский учёный проявил интерес к экономическим и социально-историческим вопросам (256; 272; 282), в частности к феномену городищ раннего железного века Восточной Европы (258). Произошло это не без влияния работ советских археологов. Хотя Тальгрэн и часто критиковал в эти годы политический догматизм советской археологии (231; 242; 246; 256; 257), он находил весьма позитивными для европейской археологии социально-экономические разработки коллег из СССР. (Ил. 4)

Ил. 4. А.М. Тальгрэн в 1930-е годы. Архив МВФ

II. Эпистолярное наследие А.М. Тальгрэна, его научные и личные взаимоотношения с коллегами из России и СССР

1. *А.А. Спицын и А.М. Тальгрэн: диалог в переписке.* Письма патриарха русской археологии финскому коллеге донесли до нас пульс активной научной деятельности Спицына, его поисков, устремлений и открытий. Эти письма⁷ являются важным источником к характеристике обоих учёных как специалистов в области изучения бронзового века. Александр Андреевич с самого начала выступал в переписке с Тальгрэном с позиции старшего коллеги – с неизменным уважением и в то же время с некоторой долей учительства. Сказывалась, вероятно, его многолетняя педагогическая практика, начиная с гимназии в Вятке. Молодой финский археолог сразу пришёлся по душе одному из патриархов русской археологии. В первую поездку в Россию именно Спицын стал его «поводырём» в Императорской Археологической комиссии в Петербурге. Он же дал рекомендательное письмо (9.09.1908 г.) в Российский Исторический музей к Василию Алексеевичу Городцову – хранителю отделения археологических памятников, к которому Тальгрэн направлялся для продолжения работы над докторской диссертацией [18, с. 151, 152]. Надо сказать, что Михаил Маркович

⁷ См. подробнее: [18, с. 151–155; 19].

достаточно быстро, особенно после защиты диссертации осенью 1911 г., шагнул за пределы рекомендаций и концепций своего учителя Аспелина, а также Спицына и Городцова, проторив собственный путь в проблематике бронзового века. Именно поиски, достижения и ошибки Тальгрена (в представлении Александра Андреевича) явились основной темой диалога русского и финского учёных.

Помимо этого в переписке затрагивалась масса, казалось бы, второстепенных тем и вопросов, имеющих отношение к эпохе раннего металла, хотя в той реальности информация по ним, вероятно, была крайне важна и ожидаема обоими исследователями. Спицын сообщал о новых раскопках и археологических находках в России и СССР, о получении тальгреновского отчёта о минусинских раскопках 1915 г., об отношении Археологической комиссии к покупке коллекции И.П. Товостина, о переиздании учебного пособия “Археологические разведки” [28] (29.11.1925 г.), поездках, конференциях, новых своих публикациях, выставках в ГАИМК и Русском музее, планах полевых работ, университетских семинарских занятиях, об избрании его, Спицына, членом-корреспондентом Академии наук (29.09.1928 г.), отношении учёного к изданию в его честь юбилейного тома сборника “Eurasia Septentrionalis Antiqua” и связанных с этим проблемах. Александр Андреевич входил в число тех учёных, кому Михаил Маркович в обязательном порядке направлял экземпляр своих новых вышедших трудов, касающихся археологии России, балтийских стран и Финляндии. А Спицын, в свою очередь, очень внимательно следил за работами финских коллег. В предисловии к брошюре “Археологические раскопки”, в частности, отмечено, что в данном методическом пособии не удалось воспроизвести образцовые чертежи и планы русских исследователей, но «вполне хороши чертежи, взятые нами из последних финляндских изданий...» [29, с. 3].

После октября 1917 года и гражданских войн в России и Финляндии почтовые сношения между Петроградом, Хельсинки и Тарту (где Тальгрэн преподавал в 1920–1923 гг.) наладились далеко не сразу. В 1923 г. удалось возобновить переписку, и российский учёный постоянно обращался с просьбой информировать его о новых европейских и финских изданиях. При этом Михаил Маркович часто приобретал, а по возможности также получал книги от западных коллег для передачи Археологическому отделению Петроградского университета и в библиотеку РАИМК–ГАИМК. Письма Спицына полны благодарности за книжные послания из Хельсинки. Немало строк в них посвящено обсуждению предложения Александра Андреевича о переводе и русском издании книги “La Pontide...” (165).

По ответной реакции российского учёного мы можем судить о просьбах Тальгрена, адресованных питерскому коллеге. Михаил Маркович информировал Спицына о своих раскопках в России (16; 17; 30; 60–63; 69; 70), планах диссертационного исследования (34; 104), издании журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua” (119; 143; 170) и поездках в Россию (9; 11; 16; 28; 60; 63; 66; 69; 70; 199; 210; 257). Финского археолога интересовали мнение коллеги о минусинских бронзах, группе курганов со «скорченными костяками» в могилах с каменными конструкциями на юге России (29.11.1925 г.), оценка итогового труда В.А. Городцова “Культуры бронзовой эпохи в Средней России” [16] и его доклада “К вопросу о киммерийской культуре” на Керченской конференции [30]. Александр Андреевич, как и Тальгрэн, не принял обнародованную одновременно с книгой финского археолога (165) идею Городцова [17; 30] о киммерийской принадлежности восточноевропейских степных древностей финала бронзового века. В более ранних письмах и Спицын, и Тальгрэн выражали сомнение или несогласие с характеристикой выделенных Василием Алексеевичем культур бронзовой эпохи или в целом с его культурно-хронологической периодизацией, опубликованной в “Отчете РИМ за 1914 год” [16].

Спицын в большинстве опубликованных работ, в которых нашла отражение проблематика эпохи раннего металла, обращался к сугубо конкретным вопросам и темам и прежде всего непосредственно к публикации материалов. Лишь в лекционных курсах (см. о них: [31, с. 100–112]), а также в небольших итоговой статье и воспоминаниях, вышедших на склоне лет [32; 33], он изложил свое видение развития культур медного и бронзового веков на территории России. Письма к Тальгрэну позволяют в динамике проследить, как изменялись представления патриарха русской археологии об эпохе раннего металла, как он воспринимал те или иные концепции финского учёного.

2. *Переписка с В.А. Городцовым.* Особый интерес представляет диалог Тальгрена с одним из выдающихся учёных России первых десятилетий XX века, основателем и главой московской школы археологии Василием Алексеевичем Городцовым (1860–1945). Фигура Городцова в русской археологии имеет исключительное значение. Он был одним из тех, благодаря кому древности России, прежде всего эпох камня и раннего металла, стали предметом научной систематизации. Именно Городцов оказал серьёзнейшее влияние на характер развития археологии в стране как целостной научной дисциплины, на подготовку кадров профессиональных археологов. Немалую роль в этом сыграли его фундаментальные труды по археологии России [34; 35; 15; 16; 36; 17] и учебные пособия по методике и технике раскопок [37]. С его именем связано распространение в русской и советской археологии типологического метода⁸, выделение ямной, катакомбной, срубной и других археологических культур [40; 41; 17]. Вплоть до рубежа 1920-х–1930-х годов, до перехода советской археологии на «марксистские рельсы», теоретические и методологические поиски и разработки Городцова, благодаря его учебным курсам в Московском археологическом институте, университете им. А.Л. Шанявского, 1 МГУ и возвращённой на его идеях плеяде учеников, оставались одним из ведущих научных направлений в отечественной археологической науке.

⁸ См. подробнее о работах В.А. Городцова в области археологической классификации: [38; 39].

Первая очная встреча Городцова и Тальгрена состоялась в 1908 г., во время первой поездки ассистента Государственного музея в Гельсингфорсе в Россию с целью сбора материалов для докторской диссертации. Василий Алексеевич стал его проводником по огромному археологическому собранию Российского Исторического музея. В ряде писем молодой финский археолог с благодарностью отмечал существенную помощь хранителя РИМ при работе с коллекциями музея. Во время своих последующих приездов в Москву Тальгрэн, однако, редко встречался с Василием Алексеевичем. Диалог учёных вёлся большей частью по переписке. Круг обсуждаемых проблем в 1908–1913 гг. – это обмен литературой и сведениями о новых находках и событиях в археологии России и Финляндии. Михаил Маркович во многом способствовал знакомству Городцова с западной археологической литературой, он присылал все свои книги и оттиски⁹, труды финских (И. Аспелин, А. Гакман, А. Гейкель) и европейских археологов. Именно Тальгрэн познакомил русского учёного с книгой Оскара Монтелиуса [42] о хронологии бронзового века Северной Германии и Скандинавии.

Наиболее интенсивно переписка велась в 1914–1917 гг., когда Городцов и Тальгрэн особенно бурно обсуждали проблемы изучения сейминской и фатьяновской культур. Их интересовали, в первую очередь, пути проникновения и влияния из более развитых центров бронзового века в Европе и Азии на формирование фатьяновской культуры. Сейминская культура являлась, по мнению Василия Алексеевича, наиболее поздней в Европейской России и вместе с тем наиболее богатой в отношении погребального инвентаря (оружие и украшения из бронзы, кремня и нефрита). Она появилась в центре Русской равнины во второй половине II тыс. до н.э. (примерно XIV–XIII вв. до н.э.) и совпала с самым концом бронзового – началом раннего железного века. Городцов предполагал, что эта культура распространилась от устья Оки вверх по течению и вытеснила на север и северо-запад носителей фатьяновской культуры. При этом он отмечал сходство погребального обряда Сейминского могильника с обрядом более позднего Младшего Волосовского могильника. При характеристике металлического инвентаря Сеймы в письмах указано на сибирские параллели бронзовым кельтам, кинжалам, наконечникам копий и нефритовым кольцам.

Учёные расходились в интерпретации некоторых археологических памятников и культур. До середины 1920-х годов Тальгрэн отстаивал идею о синхронности фатьяновских и галичских древностей, при этом связь Галичского клада со слоем бронзового века Туровского поселения была для него несомненной¹⁰. Городцов, напротив, считал Галичский клад более поздним, чем Сейминский могильник (а тем более Фатьяновский), и датировал его самым концом бронзового века, примерно IX в. до н.э. Эти представления о хронологии базовых древностей бронзового века Восточной Европы в дальнейшем нашли отражение в трудах и русского [16; 17; 30; 43], и финского (116; 141; 148; 154; 165; 182; 217; 236) учёных.

С октября 1917 г. переписка на несколько лет прервалась и возобновилась в 1921 году. В эти годы произошли коренные перемены в деятельности Городцова. Впервые он занял высокую административную должность, став 1 июля 1918 г. членом Всероссийской коллегии Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы – специального государственного органа по руководству всем музейным строительством, созданного при Народном комиссариате просвещения РСФСР (с 1921 г. Главмузей, с 1922 г. – Главнаука). Сознвая неотложность скорейшего формирования археологической службы в стране, Городцов в 1919 г. инициировал организацию при Музейном отделе Археологического подотдела и до 1926 г. являлся его руководителем. В 1918 г. Василий Алексеевич был утверждён в звании профессора археологии, а в 1919 г. стал профессором кафедры первобытной археологии 1 МГУ. В 1918–1921 гг. Российский Исторический музей подвергся заметной перестройке. Городцов участвовал во всех комиссиях, осуществлявших его реорганизацию. В 1922 г. он стал, кроме того, председателем археологического отделения Института археологии и искусствознания РАНИОН¹¹.

Тальгрэн в эти годы преподавал в университетах Тарту (1920–1923) и Хельсинки (с 1923 г.), вёл активную научную деятельность – одна за другой вышла серия его книг (96; 104; 118; 129; 155; 165; 185). Именно в эти годы Михаил Маркович приступил к организации и изданию журнала “*Eurasia Septentrionalis Antiqua*” (119; 143).

В первых послереволюционных письмах Городцов и Тальгрэн обменялись, прежде всего, мнениями о положении дел в российской археологии. Василий Алексеевич был «искренно по-детски рад», узнав, что его финский коллега жив, здоров и по-прежнему деятелен. 27 июля 1924 г. состоялась их встреча в Москве – и это был последний прямой диалог учёных. Они продолжили прерванное обсуждение проблем галичской, сейминской, фатьяновской и других культур центра и севера Европейской России. Казалось бы, возобновившийся диалог должен был укрепить прерванные отношения. Но в реальности эта встреча послужила незримой причиной дальнейшего охлаждения во взаимоотношениях Городцова и Тальгрена. В записях русского учёного есть следующий комментарий к длительной беседе со своим финским коллегой: «В заключение мне показалось, что Тальгрэн плохо разбирается в русских древностях, и едва ли верны его мысли, которые уже много лет он развивает» [48, л. 84об.].

Охлаждение в отношениях Городцова и Тальгрена, безусловно, имело под собой научную подоплёку: их взгляды на процессы культурогенеза в Восточной Европе в эпоху раннего металла расходились всё дальше

⁹ Большая часть их находится в настоящее время в библиотеке Института археологии РАН.

¹⁰ См. подробнее об этом: [27, с. 130–133].

¹¹ См. подробнее о послужном списке В.А. Городцова этих лет: [44–47].

и дальше, начиная с полемики вокруг книги о коллекции Заусайлова (71). Уже тогда Василий Алексеевич писал финскому учёному: «Мы разошлись с Вами в основном взгляде на ход общечеловеческого культурного развития в бронзовую эпоху. Вы имеете ориентацию на запад, собственно на Крито-Эгейскую культуру <...>; я же держусь ориентации восточной, базируясь на Месопотамской культуре <...>. Как видите, разница принципиальная, требующая примирения в решении основного вопроса о ходе развития главных очагов культурной базы» [49, коробка 5]. Примирения, однако, не произошло. Напротив, очный диспут 1924 г. продемонстрировал, что расхождения во взглядах стали ещё более глубокими. Михаил Маркович и в работах 1920-х годов отстаивал приоритет западного и кавказского импульсов в формировании восточноевропейских культур бронзового века, а русский археолог по-прежнему оставался сторонником идеи *ex Oriente lux*¹².

В последующие годы натянутость в отношениях усилилась. Помимо научных расхождений на первый план вышел, скорее всего, личностный фактор. Городцову, по всей видимости, было неловко осознавать, что более молодому финскому коллеге удалось подготовить и издать обобщающую монографию по эпохе бронзы южной половины Восточной Европы (165), в то время как сам он, приложивший немало усилий для изучения данной проблематики, не сумел оперативно подытожить результаты своих многолетних разысканий. Безусловно, высокий научный авторитет Тальгрена не только в Европе, но и в СССР стал одним из раздражителей самолюбия Василия Алексеевича. Для молодого поколения советских археологов – и прежде всего из провинции – Михаил Маркович был таким же кумиром и центром притяжения, как и признанные корифеи отечественной археологии Спицын и Городцов [51, с. 17]. Благодаря журналу “*Eurasia Septentrionalis Antiqua*” работы многих советских археологов в 1920-е и начале 1930-х годов стали известны в Европе и в мире. Городцова, как и других коллег из ГИМа (учитывая богатейшее археологическое собрание музея), Тальгрэн надеялся увидеть в числе самых активных авторов журнала. Но, к сожалению, ни Василий Алексеевич, ни большинство его учеников и сотрудников археологических отделов Исторического музея (включая А.В. Арциховского, А.Я. Брюсова, С.В. Киселёва, А.П. Смирнова, Д.А. Крайнова, Е.И. Крупнова и др.) не откликнулись на призыв к сотрудничеству. Далеко за пределы музея вышли в 1926 г. разговоры о том, что финский археолог, имея в виду его книгу о бронзовом веке Северного Причерноморья (165), «обобрал» Городцова. Во всяком случае именно этими слухами делится с А.А. Захаровым казанский археолог В.Ф. Смолин [52, л. 695об.].

Последние письма датируются рубежом 1926–1927 гг. В основном это благодарности за полученные книги и отписки статей, просьбы о фотосъёмке некоторых вещей из собрания ГИМ, рекомендация магистру из Эстонии Э. Лайду, направляющемуся для работы в Исторический музей. Фактически в промежутке между 1924 и 1926 годами тёплые и уважительные отношения между Городцовым и Тальгреном, судя по всему, сходят на нет. Переписка прерывается – и в этом нет сомнения – по инициативе русского учёного. Его негативное отношение к финскому археологу сформировалось к середине 1920-х годов и сохранилось вплоть до последних дней. На склоне лет, в 1943 г., в заметках о хвалынской палеометаллической культуре Василий Алексеевич отметил: «...Тальгрэн раскопки в южной России не производил и для датировки пользовался только личным необыкновенным усмотрением <...> следует заметить, что Тальгрэн так плохо знал русские древности и так плохо вел раскопки, что Галичевскую стоянку отнес к древнейшей бронзе, когда она действительно относится ко времени развитого железа» [53, л. 44, 45].

Но в то же время ни публично, ни в переписке оба учёных не позволили себе каких-либо неуважительных шагов по отношению друг к другу, как то, к примеру, имело место во взаимоотношениях Городцова с его австрийским коллегой Геро фон Мергарт¹³. Тальгрэн, сожалея об охлаждении к нему со стороны Василия Алексеевича, и в дальнейшем с неизменным почтением относился к трудам и личности русского учёного.

3. *Диалог Г. фон Мергарта и А.М. Тальгрена.* В переписке Мергарта и Тальгрена, продолжавшейся более двух десятилетий (1921–1944 гг.) и насчитывающей более 80 корреспонденций, нашли отражение практически все ключевые вопросы русской археологии эпох раннего металла и раннего железа первых десятилетий XX века. Мергарт, вернувшись в 1921 г. из России на родину, в Австрию, взялся за подготовку рукописи “Бронзовый век на Енисее” и к 1924 г. завершил её. Через два года это «первое в сибирской археологии крупное исследование, целиком посвященное бронзе среднего Енисея» [56, с. 130], было опубликовано. Книга [57] на долгие годы стала настольной для большинства западных и советских археологов 1920-х–1930-х годов, интересовавшихся древностями бронзового и раннего железного веков срединных районов Азии.

Геро Вальтерович¹⁴, размышляя над проблемами енисейских древностей II–I тыс. до н.э., естественно, стремился вписать их в контекст евразийских материалов того времени и, конечно, не мог оставить без внимания основные труды финского учёного. В итоге в их переписке в 1920-е годы шла активная полемика вокруг спорных, с точки зрения Мергарта, вопросов археологии Западной Сибири, Алтая, Казахстана, Урала, Восточной и Средней Европы, так или иначе связанных с проблематикой диссертационного исследования австрийского исследователя.

Особенно заметное место отведено в письмах обсуждению так называемой сейминской проблемы. К её осмыслению Мергарт пришёл при изучении территориального распределения бронзовых кельтов в Ени-

¹² См. подробнее об этих взглядах В.А. Городцова: [50].

¹³ См. подробнее: [54; 55].

¹⁴ Так величали Геро фон Мергарта русские коллеги, так подписывал он и некоторые письма Тальгрэну.

сейском крае, выделив южную (минусинскую) и северную (красноярскую) провинции их распространения. Северные орудия с ярко выраженной геометрической орнаментацией¹⁵ австрийский археолог рассматривал как более позднюю – енисейскую – ветвь развития сейминских кельтов. Именно в связи с проблемой происхождения «топоров красноярского типа» он размышлял и в переписке с Тальгреном, и в своей книге [57] над, казалось бы, далёкой для него сейминской проблемой.

При знакомстве с работами финского коллеги первым камнем преткновения стала для Мергарта проблема происхождения, хронологии и верификации сейминской, фатьяновской и галичской культур. Оба учёных не поддержали идею Городцова [16] о сибирских истоках Сеймы и утвердились во мнении о западных, но не вполне ясных для них корнях этой культуры. Австрийский археолог пророчески наметил их в районе Алтая; Восточная Сибирь в качестве прародины Сеймы решительно отметалась. Каким-то непостижимым образом эта культура, по мнению Геро Вальтеровича, также была связана своим происхождением с Венгрией¹⁶. Геометрический орнамент на западных кельтах и он, и Тальгрэн рассматривали как более ранний, чем на оружии Сеймы. Именно данное предположение легло в основу их аргументации западных импульсов формирования культуры Сеймы. Однако во взглядах на датировку, культурную и хронологическую взаимосвязь Сеймы, Фатьяново и Галича финский и австрийский археологи существенно разошлись.

Тальгрэн отстаивал идею о культурной и хронологической взаимосвязи Сеймы и фатьяновской культуры и изначально датировал Сейму 2000–1700 гг. до н.э. Мергарт, напротив, настаивал на разграничении Сеймы, Галича и Фатьяново. Австрийский археолог верно подметил большую древность (около 2000 г. до н.э.) и длительность существования фатьяновских древностей. Их истоки коренились, по его мнению, в неолите, а финал приходился на время Сеймы; основанием для этого вывода послужили находки фатьяновской керамики на Туровском (Галичском) и Сейминском поселениях. Мергарт рассматривал Сейму как гораздо более поздний памятник, одновременный Галичскому кладу, при этом он опирался на находки в Сейме и Галиче морфологически близких кинжалов с пластинчатыми клинками и металлическими рукоятками с фигурками животных¹⁷. Оба памятника были отнесены им к более развитой стадии культуры бронзового века, нежели Фатьяново, и датированы 1400–1200 гг. до н.э. Говоря о постсейминском наследии в культурах бронзового и раннего железного веков Северной Евразии, австрийский учёный обратил внимание Тальгрэна на форму и декор некоторых групп бронзовых кельтов Восточной Европы и Сибири.

Сейминская проблема, как и другие обсуждавшиеся с финским коллегой дискуссионные вопросы евразийской археологии, были вынесены на обсуждение в его диссертационном труде [57].

Мергарт не считал себя специалистом по археологии эпох бронзы и раннего железа Восточной Европы, но в диалоге с Михаилом Марковичем его острый и пытливый ум подметил некоторые нестыковки в аргументации Тальгрэна. Для финского археолога доводы австрийского коллеги – не сразу – оказались более действенными, нежели более ранняя критика Спицына и Городцова. Справедливость замечаний и предложений Мергарта стали для Тальгрэна очевидными к 1925–1926 гг. – и в немалой степени благодаря погружению в материалы бронзового века юга России и Украины. Именно в эти годы наметился перелом в его представлениях о происхождении, хронологии и верификации Фатьяново, Сеймы и Галича (165).

В диалоге Тальгрэна и Мергарта речь шла, конечно, и об ананьинской культуре, её хронологии, бронзовых кельтах и зверином стиле. Иначе и быть не могло. Для финского археолога ананьинские древности оставались любимым детищем, а его книгу об этой культуре (104) Элла Кивикоски считала лучшей в череде других трудов Тальгрэна [1, р. 96]. Для австрийского учёного ананьинская культура являла собой финал так называемого восточнорусского бронзового века, она была хронологическим аналогом его «минусинской», «красноярской» и «томской» культур, и, естественно, он перебрасывал между ними «мостики».

Основные итоги изучения ананьинских древностей Тальгрэн обнародовал в 1919 г. (104). В дальнейшем Михаил Маркович не раз возвращался к обсуждению различных аспектов данной проблематики (108; 111; 131; 134; 135; 137; 140; 144; 153; 176; 182; 185; 190; 198; 199; 213; 214; 217; 231; 236; 240; 257; 258; 264), и его диалог в письмах с Мергартом был для этого важным стимулом. Один из обсуждавшихся ими аспектов касался генетической взаимосвязи меларских и ананьинских кельтов и их хронологии. Для финского учёного «шведские» или меларские кельты лежали в основе развития всех позднейших форм бронзовых кельтов Восточной Европы, включая и ананьинские. Через все его работы проводилась мысль о проникновении меларских кельтов из Средней Швеции в центр Европейской России благодаря шведским колонистам (83, р. 368–371)¹⁸ или оживлённым торговым связям (34, с. 178; 264, р. 40). Из-за отсутствия этих кельтов в погребальных комплексах ананьинских могильников само начало данной культуры Тальгрэн относил ко времени появления скифских и античных импортов на Каме, то есть не ранее 600 (104, р. 180, 182), а затем 700 (134) г. до н.э.

Мергарт в диссертационном исследовании поддержал идею финского коллеги о генезисе ананьинских кельтов от меларских [57, с. 97; 62, с. 96], но, судя по переписке, его смущало присутствие обеих форм кельтов в Младшем Волосовском могильнике. По поводу одного из орудий [63, рис. 5: 3] австрийский учёный

¹⁵ В нашей науке за ними закрепилось название «кельты красноярско-ангарского типа» [58].

¹⁶ Так в научной традиции того времени назывался Балкано-Карпатский регион.

¹⁷ См. подробнее о них: [59, с. 108–110].

¹⁸ Младший Волосовский могильник рассматривался Тальгреном как «шведский объект» среди аборигенных окских памятников конца бронзового века [(264, р. 40); 60, с. 61–63; 61, с. 3–5; 62, с. 96].

задался в 1922 г. вопросом: «Нужно ли рассматривать его как переход от Мелара к Ананьину»¹⁹ [49, коробка 7]. В другом письме (1924 г.) Мергарт рассуждает о том, что «Если Ме [Мелар – *авт.*] возраста Ананьина, а Ананьино одновременно моим красноярским топорам, тогда Се [Сейма – *авт.*] не должна быть намного старше, чем Ме [Мелар – *авт.*], так как ответвления Сеймы передают орнамент к Кра [красноярским кельтам – *авт.*] <...>. Но я, со своей стороны, тоже охотно или не охотно признаю, что здесь ещё много неясного» [49, коробка 7].

В бóльшей степени Геро Вальтерович интересовался другим аспектом ананьинской проблематики – хронологией самой культуры и её кельтов. В принципиальном плане для него «Ананьино синхронно с Минусинским основным бронзовым веком», а иначе говоря, – с тагарской культурой. По Мергарту, ананьинская культура «по-европейски выражает ещё фацию раннего гальштата, на самом деле, скифского времени». Но при этом австрийский археолог заметил несоответствие в хронологии ряда позднебронзовых комплексов, в частности с озера Сосновское на Урале и из Дербедневского клада в Приуралье, которые Тальгрэн датировал 900 г. до н.э. Мергарт совершенно справедливо разглядел в обоих комплексах – наряду с позднебронзовыми формами орудий – кельты ананьинского типа²⁰ и поставил перед Михаилом Марковичем вопрос: «Если Сосновое и Дербедень 900 [г. до н.э. – *авт.*], тогда Ананьино начинается 900 [г. до н.э. – *авт.*]» [49, коробка 7]. Финский учёный в ответ заметил: «Я не совсем согласен с Вами в том, что эти находки одновременны с ананьинской культурой. Мне кажется, серпы, кинжалы и односторонние втульчатые топоры всё же немного более древние, в любом случае, доскифские, из времени до 700 [г. до н.э. – *авт.*], а Ананьино идёт, вероятно, параллельно скифским находкам 5 в. [до н.э. – *авт.*] <...>. Я бы хотел датировать Дербедень и Сосновое 900 [г. до н.э. – *авт.*], но, конечно, считаю Ананьино более поздним. Но очень возможно, что я ошибаюсь...» [АМУ. Тальгрэн – Мергарту]. Но и далее в полемике Тальгрэн стоял на том, что древнейшая часть ананьинской культуры датируется 6–5 вв. до н.э.

В переписке австрийского и финского исследователей затронут существенно более широкий круг общих тем и конкретных вопросов. Среди них – хронология сарматского периода в Азии и в Европе, происхождение «звериного стиля» в Скифии и на Енисее, скифское культурное влияние на аборигенные культуры лесной зоны Северной Евразии и др. В 1930-е годы содержание полемики изменилось – теперь это проблемы западноевропейских культур, и прежде всего приальпийских областей, которые в те годы активно разрабатывались Мергартом и его учениками в Марбурге. Постепенно объём переписки и её интенсивность угасают. К концу 1930-х годов она приобретает почти исключительно бытовой характер. Несколько раз учёные встречались лично. В 1931 г. Мергарт наконец-то побывал в Финляндии и познакомился с сокровищами Национального музея. В 1932 г. Тальгрэн посещал Германию и, конечно, университет Филиппа в Марбурге-на-Ланне, где Мергарт с 1 мая 1928 г. возглавлял кафедру доисторической археологии, став основателем известной «марбургской» научной школы. В 1934 г. они вновь встретились – на этот раз в Швейцарии, в Берне. Долгие годы Михаил Маркович оставался для своего коллеги (которому так больше и не удалось поехать в Россию) единственным источником информации и получения русской и советской археологической литературы и единственным звеном, связывающим австрийского (а с 1928 г. немецкого) учёного с коллегами из СССР.

Обширная переписка Тальгрена и Мергарта и их труды, многие из которых малоизвестны в наши дни, представляют несомненную ценность для российской археологии. Прошло более 90 лет со времени этого диалога в письмах, но мы не перестаём удивляться, насколько верно оба учёных наметили основные вехи происхождения, распространения и взаимодействия культур бронзового и раннего железного веков Северной Евразии. Во многом в 1920-е–1930-е годы они предвосхитили поиски современных исследователей, хотя и в наши дни те же сейминская и ананьинская проблемы остаются одними из самых дискуссионных в отечественной археологии и далеки от окончательного решения.

Мы привлекли внимание лишь к трём корреспондентам А.М. Тальгрена – А.А. Спицыну, В.А. Городцову и Г. Мергарту, чтобы на их примере показать, насколько важен был для каждого из них (не исключая финского учёного) диалог в письмах. Полемика по многим актуальным вопросам, безусловно, способствовала дальнейшим поискам и разработке дискуссионных проблем евразийской археологии в 1920-е–1930-е годы, и это нашло отражение в трудах – печатных и рукописных – всех упомянутых выше исследователей. Данный диалог был важен как для Тальгрена, так и для его собеседников. Для нас же, спустя десятилетия, этот разговор в письмах важен хотя бы потому, что позволяет глубже и яснее рассмотреть пути развития русской и советской археологии и судьбы её творцов.

III. А.М. Тальгрэн – редактор журнала “*Eurasia Septentrionalis Antiqua*”

В 1923 г. Тальгрэн стал первым штатным профессором кафедры финской и скандинавской археологии Хельсинкского университета. Элла Кивикоски отмечала, что преподавание в университете было для Тальгрена более щадящим, нежели в Тарту: «... в первые годы у него даже не было студентов, которые хотели

¹⁹ Такая постановка вопроса была вполне правомерной. В дальнейшем серия орудий с чертами кельтов ананьинского и меларского типов стала рассматриваться одним из авторов данной статьи как смешанная, симбиозная форма, отражающая взаимодействие ананьинских и «текстильных» традиций металлообработки [60; 61].

²⁰ В Дербедневский клад этот кельт попал, скорее всего, по ошибке при инвентаризации в Уфимском музее, или его намеренно подложили находчики на этапе продажи. Ситуация – не редкая для той эпохи. Кельт с оз. Сосновское – действительно ананьинского типа – принадлежит к орудиям иткульской культуры.

бы избрать археологию в качестве научной карьеры, так что свободное время он посвящал собственным занятиям, среди которых редактирование журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua” постепенно выходило на первое место» [1, р. 104]. Идея издания периодического журнала возникла у финского учёного ещё после длительного путешествия по России в 1915 г., когда перед ним открылась поразившая его панорама евразийской археологии.

Первое упоминание об издании “Евразии” встречается в письме Микко Тальгрена²¹ родным от 11 июля 1916 г. [1, р. 97]. В июле 1916 г. он вместе с видным финским этнологом У.Т. Сирелиусом представил в Совет Финского археологического общества предложение – обратиться с ходатайством в Сенат Великого княжества Финляндского о выделении ежегодного гранта для основания и издания журнала, посвящённого археологии и этнографии Восточной Европы и Западной Сибири [4, р. 5, 6]. Инициатива была обсуждена и одобрена Обществом в октябре того же года. Однако все дальнейшие действия по осуществлению проекта были прерваны из-за русских революций 1917 года. С отъездом в Тарту в 1920 г. эти планы Тальгрону пришлось отложить, хотя в феврале этого года он вынес идею издания журнала на суд финской общественности (119). Психологическое состояние его в то время, как свидетельствуют очевидцы [1, р. 101], было подавленным, и уже годом спустя Михаил Маркович считал эту идею мертворождённой²².

В 1924 г. с возвращением в Хельсинки возобновились его поездки в Россию – Тальгрэн провёл исследования в музеях Ленинграда и Москвы, восстановил прерванные отношения со Спицыным и Городцовым – своими главными дореволюционными корреспондентами. В 1925 г. ему удалось побывать в Киеве, Харькове, Саратове, Казани и Костроме. Во время этих путешествий финский учёный мог почувствовать, как изменились страна и её люди; он воочию соприкоснулся с ужасами террора и деспотизма в Советской России и с осуждением писал домой о преследовании русской интеллигенции [1, р. 113]. Но всё же главным для него в поездках 1924 и 1925 гг. являлось решение исследовательских задач, и их результатами Тальгрэн, безусловно, был доволен. Кивикоски писала о том, что «значение путешествия 1925 г. оказалось даже большим, чем он мог предвидеть, и это очень его вдохновило; он сам говорил, что почувствовал себя на 15 лет моложе» [1, р. 106]. Михаил Маркович не мог не заметить, что, наряду с проблемами в экономике и в гуманитарной сфере, в России стала меняться к лучшему ситуация в археологии (153). В разных уголках страны продолжались археологические раскопки, причём не только силами столичных учреждений и университетов. В провинции возникла широкая сеть научных и краеведческих обществ, причастных к археологическим работам. В новой России существенно активизировалась издательская деятельность на местах (153). По воспоминаниям современников, вернувшись из поездки 1925 г., «Тальгрэн отмечал, что количество материала в России так возросло, что он уже не верит, что когда-либо сможет весь его изучить, но, к его удовольствию, в России появились собственные молодые исследователи данной проблематики, которые могли бы продолжать работу» [1, р. 106].

Поездки этих двух лет придали заметный импульс научным занятиям финского учёного и ещё больше укрепили его в намерении начать издание журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua”. В значительной степени планы Тальгрэна были связаны с реализацией давней мечты – создать новый журнал, посвящённый урало-алтайской археологии и этнографии. Для успешного продвижения данного проекта необходимо было заручиться поддержкой как европейских археологов, так и – самое главное – привлечь к работе в журнале коллег из Советской России. Несмотря на финансовые трудности, идея выглядела более перспективной, нежели чем при первой попытке основания журнала в 1916 г. Кроме того, её осуществлению способствовали личные контакты и возросший научный авторитет финского археолога. Не случайно Г. Чайлд писал в сентябре 1925 г. Тальгрэну: «Нам надо надеяться, что большевики примут Ваше предложение» (цит. по: [4, р. 6]). Другой целью Михаила Марковича был сбор материалов для его работы по бронзовому и раннему железному векам Восточной Европы, Урала и Сибири. В итоге в ходе поездок 1924 и 1925 гг. ему удалось укрепить дружеские отношения со старыми коллегами в России, наладить контакты с более молодым поколением советских археологов и привлечь их к совместной работе в журнале. Во время поездки 1925 г. он получил уже ряд готовых и заказал дополнительные статьи для 1-го выпуска ESA (вышел в 1927 г.).

В феврале 1924 г. Финское археологическое общество подало заявку в Министерство образования Финляндии на государственный грант для осуществления проекта “Евразия”. И хотя этот шаг был в традициях финских археологов и этнологов, предпринявших в последней трети XIX и в начале XX века серию важнейших научных путешествий и экспедиций в азиатские пределы России, Монголию и Китай²³, в 1920-е годы получить грант было совсем не просто, учитывая обострение застарелой вражды и даже ненависти к России после гражданской войны в Финляндии. В апреле 1924 г. в газете “Helsingin Sanomat” Тальгрэн выступил со статьёй “Об одном археологическом и этнографическом проекте (Евразия)” в обоснование и поддержку данного проекта (143). В 1925 г. грант был получен, и вскоре вышел первый том серии (второй по общей нумерации) – книга об эпохе бронзы Северного Причерноморья (165). В сентябре 1926 г. Тальгрэн проинформировал общественность Финляндии о начале осуществления проекта “Евразия” (170). Элла Кивикоски позднее заметила, что «появление первого номера журнала стало началом третьего этапа в грандиозном исследовательском замысле Тальгрэна – изучения бронзового века причерноморских степей» [1, р. 105].

²¹ Так обращались к нему родные, друзья и близкие коллеги [1, р. 79].

²² Эта мысль прозвучала в 1921 г. в письме А.М. Тальгрэна А. Европеусу [4, р. 6].

²³ См. подробнее об этом: [(88; 109; 118; 190; 259; 283); 3; 64; 6].

Журнал “Eurasia Septentrionalis Antiqua” издавался в 1926–1938 гг. Всего вышло 12 номеров. Цель проекта была одна – объединить исследования широкого круга специалистов по археологии и этнологии Северной Евразии с непременным участием учёных из СССР. Тальгрэн безвозмездно выполнял функции секретаря, научного редактора, рецензента и даже корректора. В его рабочем архиве в Музейном ведомстве Финляндии отложились подготовительные материалы, иллюстрации и фотографии, рукописи и машинописи, корректуры как собственных статей, библиографических обзоров и рецензий, опубликованных в ESA²⁴, так и многочисленных авторов журнала [65, р. 5–13]. Содержание многих номеров в значительной степени составляли работы самого редактора. Вначале Тальгрэн разделял редакторские функции с этнологами У.Т. Сирелиусом (до 1929 г.), а после его смерти с И. Манниненом, но с 1935 г., уже после кончины последнего, работал самостоятельно, поскольку этнография из журнала фактически «ушла». Можно согласиться с Эллой Кивикоски: «“Eurasia” была по-настоящему его (Тальгрэна – *авт.*) журналом» [1, р. 107].

Журнал быстро завоевал популярность в европейском научном сообществе. Его издание стало пиком научной карьеры финского археолога. Начало 1920-х годов было довольно благоприятно для расцвета международных научных связей, и Тальгрэн использовал этот шанс. Он поддерживал тесные контакты с коллегами, научными обществами и музеями, прежде всего, Европы и СССР, но также США, Японии, Китая, Турции и других стран, вёл обширнейшую переписку и обмен литературой не только с профессионалами, но и откликался на заказы провинциальных музеев и краеведческих организаций Советской России. Если судить по эпистолярному архиву учёного в Национальной библиотеке Финляндии (РОНБФ. Coll. 230), просьбы о присылке литературы поступали из самых отдалённых уголков СССР, и пик таких писем приходится именно на 1920-е годы.

Первые номера журнала были более чем наполовину заполнены статьями советских авторов. Вот их имена в алфавитном порядке – Б.В. Александров, А.Е. Алихова, В.В. Арндт, О.Н. Бадер, Н.Н. Бортвин, Г.Ф. Дебец, Е.И. Горюнова, Б.Н. Граков, В.И. Громов, П.А. Дмитриев, М. Егоров, Б.С. Жуков, А.А. Захаров, А.В. Збруева, М.М. Иващенко, О.А. Кривцова-Гракова, А.Т. Кузнецова, Б.А. Латынин, Н.Е. Макаренко, Т.М. Минаева, Г.К. Ниорадзе, Т.С. Пассек, А.А. Потапов, С.Ф. Преображенский, Е.Г. Пчелина, В.И. Равдоникас, П.Д. Рау, П.С. Рыков, В.В. Сергеев, А.С. Сидоров, В.Ф. Смолин, С.П. Толстов, И.В. Фабрициус, М.Г. Худяков, А.В. Шмидт, Л.И. Якунина-Иванова. Среди них наиболее активными авторами “Евразии” были Захаров – 6 статей, Граков, Макаренко и Шмидт – по две. Как уже отмечалось, сотрудничать с журналом отказались В.А. Городцов и большинство его учеников, осевших в Государственном Историческом музее, Институте археологии и искусствознания РАНИОН и Московском отделении ГАИМК. Несмотря на личные просьбы коллег из России, в частности А.А. Спицына [19, с. 23], Б.А. Латынина [66, с. 64, 65, 72, 73], Б.С. Жукова [49, коробка 11] и других его корреспондентов, а также официальные письма руководителей АН СССР и ГАИМК С.Ф. Ольденбурга [49, коробка 8] и Н.Я. Марра [49, коробка 6] – не печатать в ESA статей русских эмигрантов, Михаил Маркович не мог пойти на поводу подобных обращений и в номерах, посвящённых юбилеям А.А. Спицына и Э.Х. Миннза, поместил статьи Ф.В. Баллода (Баллодиса), М.И. Ростовцева, В.В. Саханева, Н.П. Толля, В.Я. Толмачёва, В.М. Щербаковского [65, р. 5, 8, 10].

Именно благодаря “Евразии” работы многих советских археологов в 1920-е – начале 1930-х годов стали известны в Европе и в мире. Однако 1929 год – «год великого перелома» – привёл к переходу от лозунгов к практическим действиям по переводу археологии на марксистские «рельсы», и в итоге на рубеже 1920-х–1930-х и в первой половине 1930-х годов связи с зарубежными научными центрами заметно ослабли. Редактируемый Тальгрэном журнал после того как он выступил с критическими замечаниями и оценками об опасных тенденциях развития гуманитарных наук в Советской России (209; 231; 242; 257) был назван фашистским [68; 69], и все печатавшиеся в нём приравнивались к врагам народа. Сочувствие к судьбе учёных в СССР и негативная оценка сложившейся ситуации в советской науке в целом вылились со стороны финского археолога в 1928 г. в открытое письмо в Главнауку с критикой преследования учёных (209). «Дело академика С.А. Жебелёва» получило международный резонанс. В прессе Советского Союза и в академических верхах на Жебелёва и Тальгрэна посыпались обвинения во всех смертных грехах [70]. К счастью, Сергея Александровича не коснулся молох репрессий, но Михаилу Марковичу его выступление обошлось дорого: он стал персоной *non grata* в СССР, лишился возможности поездок и в итоге не смог продолжить изучение кавказских коллекций в наших музеях, с успехом начатое в 1928 году. (Ил. 5)

Это выступление в защиту Жебелёва и в целом советских учёных весьма красноречиво характеризует Тальгрэна как человека, для которого «было свойственно публично выражать свои мнения и убеждения, отстаивая то, что он считал правильным и справедливым» [1, р. 114]. Отлучение от поездок в Советский Союз его не остановило. Убеждаясь, что в советской археологической литературе аргументы и доказательства всё более подменяются цитированием трудов классиков марксизма и «нового учения о языке» академика Н.Я. Марра, редактор “Евразии” выступил с критикой коллег из ГАИМК – С.Н. Быковского, В.И. Равдоникаса, И.И. Смирнова, В.Б. Аптекаря, М.Г. Худякова, работы которых особенно «грешили» начётничеством (242). Им были противопоставлены труды П.П. Ефименко, А.А. Иессена, М.П. Грязнова, А.А. Миллера, В.В. Гольмстен и других сотрудников Академии, написанные, по мнению Михаила Марковича, на высоком методическом уровне (242, р. 205).

²⁴ См. их список: [65, р. 9, 10, 13; 2, р. 134–139, 143–145].

Ил. 5. А.М. Тальгрэн и Нильс Клевэ во Владикавказе. 1928 г. Частное собрание

В 1935 г. Тальгрэн вновь посетил СССР. В дни его пребывания в Минске там же работал эстонский археолог Харри Моора. По следам поездки был опубликован обзор “Археологические исследования в Советской России” (256), в котором «содержатся его путевые заметки, информация о коллекциях и музейных собраниях, комментарии о выставках, отчёты о раскопках и обзоры литературы, новости о судьбе российских археологов, разнообразные личные впечатления» [1, р. 110]. Среди новостей о судьбах советских коллег сообщается о смерти А.А. Миллера, С.А. Теплоухова и Б.С. Жукова; неизвестной остаётся для финского археолога судьба многих других учёных – Г.И. Боровки, И.В. Фабрициус, М.П. Грязнова, В.Е. Козловской, М.Я. Рудинского, А.А. Захарова, Н.Е. Макаренко (257, р. 149). Не встретив в музеях и университетах многих репрессированных коллег, Тальгрэн вновь публично осудил советский режим: «Как же, должно быть, богато человечество, если оно может обойтись без таких прекрасных людей. Но может ли мир, могут ли Советы позволять себе прерывать творческую деятельность людей, обладающих интересом, энтузиазмом, знаниями и способностями?» (257, р. 149).

Год 1929 и последующие стали во многом переломными в судьбе журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua”. Многие корреспонденты Тальгрэна и авторы “Евразии” из СССР прервали с ним переписку и отношения или насовсем²⁵, или на несколько лет²⁶, до 1935 г., когда увидели, что с финского учёного снято табу на поездки в Советский Союз, тем более что в этом путешествии по музеям и известным археологическим памятникам с группой молодых европейских археологов и этнологов его сопровождал академик И.И. Мещанинов. В 1935–1936 гг. Михаилу Марковичу ещё писали или отвечали на его письма М.М. Ивашенко Г.К. Ниорадзе, В.Н. Чернецов, П.С. Рыков, М.Г. Худяков; авторами статей в ESA осмелились быть В.В. Арндт, А.А. Захаров и Н.Е. Макаренко. Тальгрэну ещё удавалось заполнить последние номера журнала статьями европейских коллег и собственными, но становилось всё очевиднее, что “Евразия” уже не может быть проводником и связующим звеном между западной и советской археологией. Журнал уже не мог выполнять ту изначально начертанную для него роль, как она виделась его редактору в начале 1920-х.

Второй причиной, которая привела Тальгрэна к решению прекратить издание ESA в 1938 г., было то, что индустриализация в СССР поставила под угрозу сохранность многих известных археологических памятников. В итоге в 1932 г. при ГАИМК был создан Комитет по новостройкам, который организовывал и координировал широкие полевые исследования в местах капитального строительства [72, с. 244, 245]. Рост новостроечных работ привёл к лавинообразному увеличению археологических источников, которые в новой экономической и политической реальности Тальгрэн уже не мог отследить, а тем более опубликовать. Время требовало новых решений и инструментов, и в итоге на смену тальгрэновскому журналу пришли аль-

²⁵ На такого рода примеры уже обращалось внимание [66, с. 65; 70, с. 144; 71, с. 19].

²⁶ Показателен пример М.Г. Худякова, прервавшего переписку с А.М. Тальгрэном в 1928 и возобновившего в 1935 г. [49, коробка 5].

манах “Советская археология” (с 1936 г.) и серийное монографическое издание “Материалы и исследования по археологии СССР” (с 1940 г.)

Третьей и, скорее всего, важнейшей причиной завершения проекта “Евразия” стали для финского учёного серьёзные проблемы со здоровьем. По словам Эллы Кивикоски, «Тальгрэн работал безостановочно, работа была его жизненной необходимостью, наркотиком, по словам матери» [1, р. 117]. К пятидесяти годам этот «наркотик» физически и морально подорвал его здоровье и жизненные силы. На фотографии 1935 г. 50-летний мужчина выглядит стариком. По воспоминаниям Кивикоски, в 1937 г. Тальгрэн вынужден был долгое время оставаться в постели из-за серьёзного расстройства кровообращения. Перенеся инфаркт, он выздоровел, но два года спустя ему пришлось пойти на операцию, и после неё он до конца так и не оправился [1, р. 118]. Сил для издания “Евразии” уже не было. Но перестав издавать журнал, финский учёный почувствовал себя лишённым почвы под ногами. Современники свидетельствуют, что «он погрузился во всё углубляющуюся депрессию, он ощущал, как уходит силы, подступает старость. Временами Тальгрэн ещё загорался прежним энтузиазмом и брался за осуществление новых планов. Получив в 1943 г. грант на издание книги о первобытной истории северо-востока Европы, он говорил, что счастлив, как школьник. Темой его последней лекции, прочитанной в 1944 г., был русский палеолит, и читал он её вдохновенно» [1, р. 119].

Журнал “*Eurasia Septentrionalis Antiqua*”, благодаря личности и неизбывной энергии его редактора, воссоздал разрушенный в годы послереволюционного лихолетья мост, соединявший ранее многими и прочными нитями русскую и западную археологию. Инициатива финского учёного позволила первому поколению советских археологов выйти со своими трудами и достижениями на европейскую и мировую научную арену. Казалось бы, журнал не может быть памятником деяниям человека, но не в случае с Тальгрэном. Прошли десятилетия, настали новые времена – и тальгрэновский проект и опыт оказались востребованными. Речь идёт об альманахе “*Eurasia Antiqua*”, который с 1995 г. издаётся Евразийским отделом Германского археологического института. Первый номер альманаха посвящён памяти великого евразийца А.М. Тальгрэна.

IV. А.М. Тальгрэн в истории отечественной археологии

Подлинная оценка вклада А.М. Тальгрэна в историю отечественной археологии ещё впереди. Кратко осветим лишь то главное, что принесено им на алтарь археологической науки. Но прежде необходимо отметить, что выбор евразийского направления научных поисков и разысканий финским учёным, начиная с первых шагов в археологии в студенческие годы под крылом Аспелина и Аппельгрэн-Кивало и до той – последней – лекции о русском палеолите в военном 1944 г., не был случайным: «Тальгрэна влекло не только его горячее научное любопытство, но и романтическое, легендарное сияние Востока, который для него олицетворял ещё и древнюю историю финского народа» [1, р. 95]. Уже первые поездки в Россию и знакомство с богатыми археологическими коллекциями музеев Санкт-Петербурга, Москвы и Казани на всю жизнь предопределили глубокую увлечённость Михаилом Марковичем древностями Северной Евразии. Их изучение – в экспедициях, музеях, научных трудах – станет «его страстью, предметом его восхищения и делом всей его жизни» [1, р. 119]. Эллы Кивикоски вспоминала, что «даже в самые последние месяцы он (Тальгрэн – *авт.*) вновь и вновь возвращался к размышлениям о предмете своих исследований, который он избрал ещё совсем мальчишкой. Тусклые огни и тени на стене больничной палаты складывались перед его мысленным взором в карту любимой Азии и наполняли мечтами об экспедиции в Туркестан» [1, р. 119].

1. *Археологические раскопки А.М. Тальгрэна в России* осуществлялись по разрешению и при поддержке Императорской Археологической комиссии. В 1909 г. финский учёный провёл раскопки Сорочьегогорского городища (17; 30), Маклашеевских курганов (174), Кулганской 2 стоянки на Свияге (34) в Казанской губернии, обследовал Ананьинский и Морквашинский могильники, городища Шуран и Елабужское (Чёртово), посетил Болгар, Тетюши, Маклашеевку, ряд памятников на Свияге [(34); 73, с. 55]. Как следует из его путевых заметок [74, конверт 6], в Казани Тальгрэн дважды (22 мая и 2 июня) встречался с П.А. Пономарёвым и получил разрешение на дневниковую публикацию раскопок Ананьинского могильника 1881 г. (51). 22 июня он участвовал в работе 4-го Областного историко-археологического съезда в Костроме (см. о нём: [75]), следом побывал в Ярославле и Вологде, а в конце месяца осуществил раскопки Туровского поселения в Костромской губернии (34), чтобы прояснить связь с ним знаменитого Галичского клада²⁷, а в Архангельской губернии на р. Пинеге, как он информировал А.А. Спицына [19, с. 11], финский археолог нашёл размытый «чуждской» могильник и провёл раскопки на двух городищах.

Следующие большие экспедиционные работы Михаил Маркович осуществил в России в 1915 г. По пути в Сибирь он получил в Петрограде в Археологической комиссии Открытый лист, поработал с коллекциями в Эрмитаже и Музее антропологии и этнографии, встретился (22.05.) с В.Я. Толмачёвым для ознакомления с материалами его раскопок на Оренбуржье и на Урале, а также с А.С. Лебедевым (23.05.) – издателем книги “Родиноведение в Финляндии” [76]. В Москве, Нижнем Новгороде, Казани и Сарапуле Тальгрэн продолжил работу с коллекциями. Из Казани, видимо, получив информацию о кельтах из разрушенного ананьинского могильника, он съездил в с. Альминское (Альменево) близ Свияжска (1.06.) для покупки этих орудий (190). Будучи в Перми (6–12.06.), он посетил не только музей, но и ряд археологических памятников в окрестностях города – Лёвшино, Галкино, Турбино, Гляденово, обработал материалы частной коллекции М.Н. Зелиг-

²⁷ Галичскому кладу А.М. Тальгрэн посвятил в дальнейшем значительный цикл работ (см. их обзор: [27, с. 123–132]).

Ил. 6. Василий Иванович Заусайлов – купец, собиратель меценат

Ил. 7. Иван Петрович Товостин – торговец и скупщик древностей

мана. Михаил Маркович планировал начать полевые исследования Турбинского могильника, но в условиях военного времени провести их не удалось (104, s. 56)²⁸.

Десять дней (12–21.06.) провёл финский учёный в Екатеринбурге, посвятив два их них работе с коллекциями музея УОЛЕ и совершив экскурсии в Палкино, Воскресенское, Коптяки, на озёра Берёзовое, Исетское, Карасье. Судя по записям в дневнике [74, тетрадь 2], Тальгрэн – помимо покупок и сборов каменных и медных предметов (коллекция № 6967:15–61 в МВФ) – провёл небольшие раскопки в 3 км к северу от с. Воскресенское около часовни (78). Самой интересной из его уральских покупок является, пожалуй, литейная форма с негативами двух серпов-секачей дербедневского типа позднего бронзового века [78, рис. 5]. Финский археолог благородно передал её в дар Российскому Историческому музею [78, с. 100].

В конце июня, после остановок для работы в музеях Омска и Красноярска²⁹, Тальгрэн на пароходе «Сибиряк» добрался до Минусинска – главной цели своего путешествия в Енисейской губернии. Близ с. Усть-Абаканское он раскопал два тагарских кургана (86, р. 14–17), посетил множество памятников (60–63; 66), познакомился с богатейшим собранием Минусинского музея и частными коллекциями И.П. Товостина (68; 86; 92), Т.Т. Бахова и некоего Тропина. В конце июля финский археолог вернулся в Красноярск и продолжил работу с археологическими материалами и общение с С.М. Сергеевым [22]. Далее он переехал в Томск, где два дня (30–31.07.) изучал древности, хранящиеся в музеях университета, а также Общества внешкольного образования. Прибыв 2 августа в Новосибирск, тогдашний Новониколаевск, Михаил Маркович позволил себе отдых в три последующих дня. В Барнауле, судя по путевым записям, он был только один день – 5 августа. Тальгрэн оставил в своём дневнике любопытную запись, передающую, скорее всего, диалог с извозчиком, взявшимся доставить его в Барнаул или же нанятым уже в Барнауле. Видимо, на вопрос – а есть ли в городе музей, извозчик ответил: «Музея здесь нет, барин, кинематограф есть» [74, конверт 7]. Вопрос Михаила Марковича был не праздным: скорее всего, ещё в Томске он получил информацию о музейных собраниях Барнаула. Интерес к ним, безусловно, определялся тем, что основные записи, фото и рисунки, сделанные финским учёным в археологическом музее Томского университета, связаны – наряду с минусинскими древностями – как раз с находками с территории Алтая. В Барнауле Тальгрэн посетил Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, а также познакомился с частным собранием Н.С. Гуляева [24].

В советские годы финскому исследователю не удалось продолжить археологические раскопки в России. Его поездки 1924, 1925, 1928 и 1935 гг. были направлены на изучение памятников бронзового века степного и лесостепного пояса Восточной Европы и Кавказа.

2. *Музейная деятельность: собрания Заусайлова и Товостина.* В феврале 1913 г. Тальгрэн был назначен секретарём Государственного музея Финляндии³⁰. В ходе своих поездок в Россию в 1908, 1909 и 1915 гг. учёный познакомился с двумя выдающимися собраниями древностей – В.И. Заусайлова в Казани и И.П. Товостина в Минусинске (ил. 6, 7).

²⁸ Раскопки Турбина по совету А.М. Тальгрэна начал А.В. Шмидт в 1924–1927 гг. [77].

²⁹ О работе А.М. Тальгрэна в Красноярске и его контактах с местными археологами и коллекционерами подробнее см.: [22; 79; 25].

³⁰ Так до 1917 г. именовался Национальный музей Финляндии. Государственный музей строился в 1905–1910 гг., открылся в 1916 г. (259, s. 214).

Коллекция Заусайлова состояла, по описи самого Василия Ивановича, из 10935 предметов, включая 5282 каменных, 1292 бронзовых и медных, 1417 железных, 1010 костяных, 1639 глиняных и стеклянных, 295 предметов разного времени, в том числе и этнографических [(72, р. 6); 80, с. 3; 73, с. 46; 62, с. 85]; хронологический диапазон – от палеолита до позднего средневековья; территория сборов – Казанская (основная часть), а также Вятская, Самарская и Нижегородская губернии. Кроме того, в коллекции было немало предметов, собранных и купленных в Швейцарии, Сибири и Средней Азии.

Никто в России, включая Императорскую Археологическую комиссию, не захотел или не сумел приобрести её за сравнительно небольшую цену в 5000 рублей (в реальности стоимость её была намного больше). Будучи в Казани в 1908 г., финский археолог оценил высокую научную значимость собрания Заусайлова и по возвращении в Хельсинки рекомендовал приобрести её для Государственного музея. Такое решение было принято 11 декабря того же года. В 1909 г. М.К. Соиккели доставил коллекцию в Финляндию. Ныне она хранится в собрании Музейного ведомства этой страны. Сама коллекция опубликована частично В.И. Заусайловым [81], А.М. Тальгреном (72; 96), А. Эйрпяя (Европеусом) [82] и др. Для диссертационного исследования Тальгрена приобретение этого собрания имело ключевое значение. В его руках оказался богатейший фактический материал – сущий клад для начинающего археолога. Фортуна, безусловно, благоволила исследователю, и Михаил Маркович использовал этот шанс в своих трудах о бронзовом веке центральных и северо-восточных областей Европейской России (34; 72).

Приобретение собрания древностей И.П. Товостина отчасти напоминает детективную историю [23]. В начале 1915 г. коллекционер написал в Гельсингфорс Й.Р. Аспелину с просьбой о помощи – найти покупателей за границей. Государственного археолога Финляндии (одна из официальных должностей Аспелина тех лет) Товостин знал со времени экспедиций 1887–1889 гг. «Для сбора таковой коллекции, – сообщал Иван Петрович, – мною утрачено много времени и денег; коллекция оригинальная, но продать таковую я решил по случаю моей старости. Прошу Вас, не имеете ли Вы сведения относительно Швеции и её музеев, которые не пожелают ли купить мою коллекцию» [23, с. 88, 89]. Однако истинная цель обращения Товостина к Аспелину, скорее всего, заключена в последних строках этого письма: «Для Вашего музея не предлагаю свою коллекцию, потому что Вами собрано много предметов древности во время Вашего проезда по Минусинскому округу, а в продчим могу и Вам продать, ежели в цене сойдёмся».

Товостин, зная об интересе финских учёных к минусинским древностям, не ошибся в выборе адресата: Аспелин в ответном письме выразил желание приобрести эту коллекцию в Финляндию. Начинается длительная переписка и торг о покупке коллекции: первоначальная цена в 3000 рублей, запрошенная минусинским торговцем за 700 предметов, была чрезмерной и для Государственного музея Финляндии. Чтобы придать ценность коллекции, Товостин часто отмечает в письмах, что в её собиране он вложил 20, 25, 30 лет тяжкого труда и немало средств, что в его коллекции нет дубликатов, что все вещи «разнокалиберные». Аспелин, после получения фотографических снимков, предлагает цену значительно меньшую – 1250 рублей, отмечая при этом, что в июне в Минусинск для археологических исследований прибудет секретарь музея А.М. Тальгрэн, который сможет оценить научную значимость коллекции. С предложенной ценой Иван Петрович не согласился и сообщил в Гельсингфорс, что будет ждать приезда в Минусинск Тальгрэна [23, с. 90].

В конце мая 1915 г. Аспелин умер. Известие о кончине учителя застало Тальгрэна в пути, на Урале [1, р. 94, 95]. Прибыв в Минусинск, наряду с изучением богатейших фондов музея, финский археолог лично ознакомился с коллекцией Товостина, оценил научную значимость собранных им древностей, подробно описал их и дал положительное заключение в Археологическую комиссию Государственного музея о необходимости приобретения данной коллекции. Осенью 1915 г., по возвращении из поездки в Россию, Михаил Маркович по поручению Комиссии продолжил переписку с Товостиным о покупке коллекции.

В 1916 г. переговоры вступили в заключительную фазу. Стоимость коллекции снизилась: стороны сошлись на сумме в 2500 рублей, но всё равно в тот момент она была чрезмерной для музея. В итоге по рекомендации Тальгрэна коллекцию купил доктор медицины Карл Хедман, у которого позднее она была выкуплена Национальным музеем. Иван Петрович, упаковав 1056 предметов в два больших ящика по пяти пудов каждый, сам доставил их в Петроград для передачи доверенному лицу и получения банковского перевода денег [23, с. 90].

В следующем году финский учёный оперативно опубликовал материалы вновь приобретённой коллекции Национального музея (86). Экземпляр книги со своим портретом на первой странице (86, fig. 1) Иван Петрович получил в числе первых. Его переписка с Тальгреном продолжалась в течение всего 1917 года [49, коробка 10], пока не прервались почтовые сношения России и Финляндии.

3. *Научные труды А.М. Тальгрэна и их значение.* В 1910-е–1930-е годы вышли основные труды учёного, благодаря которым финский археолог по праву стал считаться крупнейшим специалистом по бронзовому веку Северной Евразии. Уже в первых монографических работах (34; 72), давая общую характеристику евразийскому бронзовому веку, Тальгрэн идёт, и значительно, дальше своих европейских предшественников. Он противопоставил его европейскому бронзовому веку и разделил на две большие, не зависимые друг от друга культурные провинции: восточноевропейско-уральскую и минусинско-алтайскую. Вместе с В.А. Гордочевым [15], но с иных концептуальных позиций, опираясь на сравнительно-типологический и географо-хронологический методы, Михаил Маркович дал первые общие характеристики бронзового века центра, севера и северо-востока Европейской России, наметил его территориальные границы и выделил внутри него три хронологических периода (34; 72).

В “Collection Zaoussailov” (72), базируясь на широкой системе аналогий с культурами юга России, Восточного Средиземноморья и Скандинавии, Тальгрэн датировал ранний период 2500–1500 гг. до н.э., средний 1500–1000 гг. до н.э., а поздний (ананьинский) 1000–500 гг. до н.э. (72, р. 12–14). Хронология ананьинского периода была основана не только на аналогиях со скифскими древностями, но и на датировке меларских кельтов (выявленных наряду с ананьинскими в комплексах Младшего Волосовского могильника) IV периодом скандинавского бронзового века, согласно периодизации О. Монтелиуса. В вышедшей спустя три года книге “Ананьинская эпоха в Восточной России” (104) Михаил Маркович скорректировал хронологию ананьинских древностей. Младшее Волосово было выведено из цепочки взаимосвязей с Ананьинским и другими камскими могильниками этого круга. И теперь, уже базируясь на отсутствии меларских кельтов на этих памятниках, начало ананьинской культуры финский учёный отнёс к 600 г. до н.э. (104, с. 180, 182). Несколько позднее под влиянием аргументов Геро Мергарта дата была удревнена до 700 г. до н.э.

Отказ от гипотезы И.Р. Аспелина о едином урало-алтайском бронзовом веке в монографии 1911 г. (34) был, безусловно, шагом вперёд в осмыслении евразийских древностей эпохи раннего металла. Сходство материальной культуры Волго-Уралья и Саяно-Алтая виделось Тальгрэну в общих скифских корнях древних культур этих географически удалённых регионов и, соответственно, послужило основанием для объединения их в рамках урало-алтайской общности (34, с. 94, 95). Гипотеза об общих корнях ананьинской и скифской культур в те годы была популярной [83, р. 257; 84; см. обзор: 85, с. 88]. И Миннз, и Аппельгрэн-Кивало говорили об этом при обсуждении скифо-чудской гипотезы, но Тальгрэн вкладывал в её понимание уже иное содержание. На первом плане ему виделось не единство этнического происхождения народов, а контакты и взаимодействие носителей древних культур Волго-Уралья и Саяно-Алтая со скифами.

В книге “Ананьинская эпоха в Восточной России” (104) финский археолог с исчерпывающей для того времени полнотой обосновал выделение и этапы развития ананьинской культуры, дал характеристику её предметного мира, поселений и могильников, наметил ареал, реконструировал направления культурных и торговых связей. В самом названии монографии звучит отказ от ранее предложенного им термина «скифо-ананьинская культура» [62, с. 86]. Сравнительно-типологический анализ материальной культуры скифской и ананьинской культур привёл его к выводу о местных, ещё неолитических корнях ананьинской культуры и её самостоятельном развитии, равно как и скифской (104, с. 104–107). При этом Тальгрэн наметил вторую линию генетических связей ананьина – с кобанской культурой Центрального Кавказа (104, с. 164–167). И напротив, аналоги ряду категорий ананьинского оружия и украшений в алтайских и минусинских древностях он рассматривал в системе торговых связей [(104, с. 170); см. подробнее: 58, с. 86].

Исторические судьбы ананьинской культуры Тальгрэн – в отличие от гипотезы Аспелина о распространении «финской культуры» на запад – видел в её постепенной трансформации в пьяноборскую культуру под влиянием импульсов, исходящих из провинциальных центров римской цивилизации (104, с. 182–184). Анализ письменных источников и изучение ананьинского звериного стиля привели его к заключению о справедливости гипотезы, отождествляющей население ананьинской культуры с исторически известными будинами и фиссагетами [(104, с. 179, 180); 62, с. 86].

Следующий крупный труд финского археолога “Северное Причерноморье в эпоху раннего металла” (165) венчал его исследовательский проект по изучению бронзового века степного пояса Восточной Европы. Ещё в ходе дореволюционных поездок, но главным образом в 1924 и 1925 гг. им был собран обширный фактический материал, который он оперативно проанализировал и опубликовал.

Тальгрэн разделил материалы бронзового века южнорусских степей на три группы. Одна из них имела местную основу, вторую он выводил с запада, из Карпато-Дунайского региона (Венгрии, по его терминологии), а третью рассматривал как восточную, с истоками в Туркестане (в современном понимании – в степях Казахстана и Средней Азии). Эпоху раннего металла причерноморских степей Михаил Маркович разделил на два хронологических периода: 1) медный век с центром в Прикубанье; 2) собственно бронзовый век, охватывающий территорию от Волги до Дуная. Для 2000–1800 гг. до н.э. им отмечается приток на Кубань населения с севера, которое попало здесь под сильное культурное влияние Ближнего Востока и, в свою очередь, оказало обратное влияние на население степей. За всем этим стоит появление на Северном Кавказе памятников типа Майкопа, Новосвободной и ямно-катакомбных погребений.

Степные культуры, представленные в основном погребениями в курганах, по мнению Михаила Марковича, были в этот период менее развитыми по сравнению с прикубанскими. Бронзовый век в степях Украины (1200–700 гг. до н.э.) испытал, по мнению финского учёного, сильное влияние с запада. Его характерной чертой стало появление сокровищ и кладов литейщиков. В этот период, как отмечал Тальгрэн, фиксируется перемещение большого массива населения – приход киммерийцев из Трансильвании. Вместе с тем им отмечено сильное влияние культур бронзового века юга России на более северные. Он проследил южные черты в фатьяновской культуре, Галичском кладе, Сейме. На востоке Украины и на Волге развитие культур медного века продолжалось, на его взгляд, вплоть до 700 г. до н.э., и, как полагал финский учёный, их носителей следует отождествлять со скифами, которые около 700 г. до н.э. разрушили царство киммерийцев и смели их с лица земли.

Эта книга Тальгрэна вызвала большой резонанс как на западе (особенно в балканских странах и в Венгрии), так и на востоке Европы. И прежде всего благодаря тому, что поздний бронзовый век южнорусских степей рассматривался как неотъемлемая часть единого культурно-исторического пространства от Трансильвании до Северского Донца. Для многих отечественных археологов труд Михаила Марковича представлялся образцовым. Отзывы, особенно молодого поколения, были восторженными [19, с. 18, 22]. Но были

и критики, в том числе и доброжелатели финского учёного, – и первый из них А.А. Спицын [18, с. 154, 155]. Для Городцова выход книги финского учёного подвёл черту под историей их отношений: они прервались и уже не возобновлялись. Спицын лелеял мечту перевести труд Тальгрена на русский язык и издать его в СССР; за перевод книги взялась И.В. Фабрициус [19, с. 19]. К сожалению, план этот не осуществился.

Темы, поднятые в книге 1926 г. (165), обсуждались финским археологом и в последующих работах (185; 187; 211; 217; 236). Особого внимания заслуживает его лекция, прочитанная в 1930 г. в Венском антропологическом обществе, посвящённая проблемам хронологии бронзового века Восточной Европы (236). В ней Тальгрэн изложил свой взвешенный взгляд на абсолютную и относительную хронологию культур бронзового века Восточной Европы и его различных периодов. В докладе, а затем и в статье намечено хронологическое и территориальное соотношение этих культур друг с другом, а также с культурами Скандинавии, Богемии, юга Германии, Италии, Греции и островов Эгейского моря. По мнению современников, «это была работа великого учёного, учёного мирового масштаба, и непреходящей ценности, несмотря на все существующие сейчас сомнения в достоверности содержащихся в ней выводов» [1, р. 108]. Центральной и самой спорной проблемой оставалась тогда для финского учёного хронология кобанской культуры, от которой, в свою очередь, зависела датировка более ранних степных погребений. Михаил Маркович датировал их гораздо более поздним временем (например, Майкоп – около 1800 г. до н.э.), нежели большинство его европейских и советских коллег. В последней статье о бронзовом веке Северного Причерноморья (267) Тальгрэн вновь вернулся к обсуждению тех же дискуссионных проблем, рассмотрел ряд других теорий, но остался верен своей ранней точке зрения. Проблема хронологии, по его признанию, остаётся не решённой до конца: «Что касается абсолютной хронологии самой ранней группы степных погребений, мы всё ещё вынуждены смиренно признать: не знаем. Однако нет причин добавлять: не можем узнать. Мы должны терпеливо ждать новых находок» (267, р. 121). И в наши дни, несмотря на успехи в определении абсолютного и относительного возраста степных культур эпохи раннего металла, мы можем констатировать, что ещё не все проблемы хронологии этих культур решены с исчерпывающей ясностью и полнотой.

В отечественной археологии не оценён в полной мере цикл статей финского учёного конца 1920-х – первой половины 1930-х годов об археологии Кавказа. Они составляют два блока. Первый – работы об антропоморфных скульптурах Казбекского и других кладов Центрального Кавказа и кавказско-анатолийские истоки идолов Галичского клада (39; 154; 157; 207). Второй – публикация и анализ курганных и мегалитических погребальных памятников эпохи раннего металла, а также дольменов Северо-Западного Кавказа (215; 222; 230; 243; 252; 257). Фактически мы имеем дело с разделами несостоявшегося монографического труда Тальгрена о бронзовом веке Кавказа. «Он, безусловно, продолжил бы свои кавказские исследования, – писала Элла Кивикоски, – он описывал Кавказ как наиболее интересный с точки зрения археологии регион Евразии, если бы не его открытое письмо от 1928 г. российским властям с критикой преследования учёных, результатом чего явился запрет на его посещение России на долгие годы. И тем не менее его исследования представляют весомый вклад в анализ бронзового века данного региона и хронологии бронзового века Южной России в целом.» [1, р. 108].

Важно вспомнить ещё об одном труде Тальгрена (264). В статье “Бронзовый век на севере Европы” учёный обратился к старым и новым материалам, имеющим отношение к двум важнейшим проблемам археологии бронзового и раннего железного веков северной половины Восточной Европы и Фенноскандии, а именно: волго-уральская культурная «вуаль» на севере и северо-западе России, в Карелии, Финляндии, Швеции и Норвегии, выраженная в распространении здесь орудий и украшений сейминско-турбинских и ананьинских типов и подражаний им, и скандинавская «вуаль» в центре, на севере и северо-востоке Европейской России, которая, по Тальгрэну, документировалась могилами «викингов бронзового века» в Младшем Волосове и распространением вплоть до устья Камы кельтов меларского типа. Проблемы эти, как ранее отмечалось, рассматривались в его книге “Ананьинская эпоха в Восточной России” (104). Но прошли почти 20 лет со времени её выхода, и актуальность переосмысления данных проблем стала ещё очевиднее. В этой работе Михаил Маркович, по сути, заострил внимание на тех вопросах, которые остаются актуальными и в наши дни. Среди них – характер и механизм распространения орудий и литейных форм сейминско-турбинских и ананьинских типов на севере и северо-западе Европы и их связь с аборигенными культурами; аналогичный процесс распространения на востоке кельтов меларского типа и их связь с окскими и средневожскими культурами и памятниками; культурные контакты и торговые связи населения северо-запада Европы и Волго-Уралья во II–I тыс. до н.э. и др.

Мы обратили внимание на малую часть трудов финского учёного, посвящённых археологии Северной Евразии. Важно подчеркнуть, что они на десятилетия стали базовыми для всех специалистов, продолжающих исследования в русле тех проблем, что были поставлены Тальгрэном в 1920-е–1930-е годы.

4. *Методика исследований и теоретические взгляды А.М. Тальгрена.* По признанию Эллы Кивикоски, «Тальгрэн не был теоретиком, и его собственные исследования не следовали какому-либо чёткому и определённом методу. Однако в целом его подход можно назвать цивилизационным» [1, р. 111; см. о том же: 6, р. 150, 151]. Кивикоски отмечала, что Тальгрэн не был склонен к изучению мелких деталей и не был блестящим аналитиком. Его самой сильной стороной как исследователя была «способность оригинально мыслить и охватывать разом огромное количество проблем и вопросов; во многом ему помогала интуиция. Стремительность, поспешность и отчасти неаккуратность стиля его первых работ никогда полностью не исчезли, хотя в более зрелые годы он всё же стал писать более обдуманно и взвешенно. Излюбленной формой письменной работы с середины 30-х годов для него стало эссе» [1, р. 111].

Тальгрэн, безусловно, владел всеми методами полевой и кабинетной работы, которые были в практике европейской археологии начала XX века, тем более что он прошёл школу ученичества у О. Монтелиуса, О. Альмгрена и С. Мюллера. В своих первых монографиях (34; 72; 86; 96; 104) Михаил Маркович с успехом опирался на сравнительно-типологический и географо-хронологический методы, а также метод аналогий, которые позволили ему реконструировать общую картину формирования, развития и исторических судеб археологических культур бронзового и раннего железного веков Северной Евразии. По признанию современников, более всего удался ему опыт изучения ананьинской культуры. При обращении к идолам и другим персонажам Галичского клада (39; 154; 157; 207), культовому литью Западной Сибири (237), пермскому звериному стилю (206; 207), антропоморфным скульптуркам Казбекского и других кладов Центрального Кавказа (220; 221) финский учёный использовал, кроме того, метод иконографического анализа.

Важно отметить, что, несмотря на удачное использование типологического метода при публикации коллекций В.И. Заусайлова, М. Знаменского и И.П. Товостина (72; 85; 86; 96), в этих работах, как и во множестве статей аналогии и их поиск играли для исследователя, пожалуй, большую роль, чем сама классификация материалов. Но ещё более важную роль, особенно в 1920-е годы, играл в исследованиях финского археолога географо-хронологический метод. Тальгрэн использовал его «для создания общей картины какой-либо культуры, которую затем сопоставлял с другими культурами и с которой в свою очередь сопоставлял каждую находку» [14, с. 136]. По наблюдению Т. Салминена, есть определённое сходство этого метода с географо-историческим методом исследования фольклора, который использовался в финской науке (Ю. Крон, К. Крон) в начале XX века [14, с. 136].

В ранних работах Тальгрена мы не найдём ясных свидетельств, которые бы раскрывали его теоретические воззрения. В целом можно признать, что эти труды созданы в русле популярной в первые десятилетия XX века всеобщей культурно-исторической школы. Сложно наметить какую-либо динамику теоретических взглядов финского учёного. Во всяком случае по опубликованным и архивным источникам это не удаётся выявить.

В 1930-е годы явно наметился повышенный интерес Тальгрена к методическим и теоретическим проблемам археологических исследований. В немалой степени это был общий тренд в развитии европейской и советской археологии. Но внимание финского учёного, безусловно, было приковано к обсуждению вопросов структуры и развития древних обществ в советской археологической литературе. Он с пристальным вниманием, часто критически, следил за новыми теоретическими разработками советских коллег. Другой полюс его внимания – националистическое движение в Германии, полемика с немецкими археологами о соотношении археологических культур и этносов – также способствовали повышению интереса Тальгрена к методическим и теоретическим проблемам археологических исследований.

В 1936 г. в статье “К вопросу о методе доисторической археологии” (256; 272) финский учёный изложил свои взгляды на то, какие методы следует применять и какова должна быть цель самого исследования. Главным для него – и это соответствовало его нравственным убеждениям – был гуманистический характер археологии. Он отвергал так называемый естественно-научный подход к исследованию археологических материалов. Тальгрэн подчёркивал, что основное внимание должно быть направлено на исследование образа жизни и социальной структуры древних людей, причём в той мере, в какой они нашли отражение в артефактах; Михаил Маркович считал, что морфология, хронология, география и стратиграфия призваны выполнять лишь вспомогательные функции. Целью исследования должно быть установление и интерпретация экономических и социальных структур, форм существования человеческих сообществ. Он также считал, что слишком часто археологи ошибочно отождествляют взаимовлияния и миграции археологической культуры с миграциями массивов населения. Подобный крен ведёт, по его мнению, к смешению культурных и этнических начал, что и произошло в 1920-е–1930-е годы в немецкой археологии.

Спустя несколько лет Тальгрэн вернулся к обсуждению вопросов этноса и этногенеза в древности (282). В статье “«Этногенез», или размышления о рождении наций” он попытался обрисовать в общих чертах процесс зарождения нации (этноса). Учёный не согласился с точкой зрения, что основные черты национальной культуры могут быть прослежены в глубь веков на определённой территории. Финский археолог, напротив, был убеждён, что цивилизованные нации все гетерогенны по своей природе и сотканы из различных элементов. Михаил Маркович допускал, что только в отдалённых или изолированных областях этногенез представлял собой менее сложный процесс, и только в этом случае учёные имеют возможность реконструировать глубинные истоки того или иного народа на территории его проживания.

К концу 1930-х годов Тальгрэн пришёл к убеждению, что нельзя распознать народы или этнические группы по археологическому материалу. В 1939 г. он высказал идею о том, что народ возникает из различных элементов, и их истоки могут быть различными (282). Выйдя в своих исследованиях в 1920-е годы на широкий евразийский простор, финский учёный отверг мысль о единстве народов, языков и культур. К середине 1930-х годов он воспринял новые для себя идеи. Контакты с Г. Чайлдом и А.В. Брёггером, а также с советскими коллегами укрепили его в понимании поиска в археологических исследованиях прежде всего как синтеза, нежели анализа. Хотя Тальгрена часто называют функционалистом, это не следует воспринимать прямолинейно, полагая, что он выстраивал анализ предметов на основе их функций. Скорее можно сказать, что функция в его работах означает род восприятия культуры в целом и положение и задачу предмета в самой культуре.

5. *«Уроки» Тальгрена (вместо заключения).* То, что успел сделать за свою довольно короткую жизнь в науке финский учёный, вызывало у его современников и последующих поколений археологов удивление

и восхищение. Но звучала и трезвая оценка его творческого наследия, и это один из важнейших «уроков» Тальгрена, который для нас весьма поучителен. Первый биограф Тальгрена Элла Кивикоски отмечала «всеядность», бескрайний хронологический и тематический размах задуманного и сделанного им в науке. Финский археолог стремился «опубликовать весь материал, собранный им в Восточной Европе, и снабдить его своими выводами и заключениями, и всё это как можно быстрее. Возникает ощущение – он всё время опасался, что время его иссякнет, и спешил с публикацией своих работ, что часто сказывалось на их качестве. Без сомнения, во многих случаях они были бы лучше, если бы он больше времени посвятил обдумыванию своих выводов» [1, р. 108].

Эти не лучшие черты Тальгрена-исследователя были заметны уже в его первой большой работе. Осенью 1911 г. при публичном обсуждении диссертации молодого учёного официальный оппонент Юлиус Айлио, несмотря на общую положительную оценку, весьма критически отозвался о рукописи. Его отзыв содержал серьёзные и обоснованные замечания о структуре и презентации работы. Айлио указал на большое количество неточностей, неверных цитат и ссылок. Некоторые выводы диссертанта он посчитал недостоверными [1, р. 99].

С другой стороны, Элла Кивикоски признаёт, что если бы Тальгрэн «уделял больше внимания детальному исследованию интересовавших его вопросов, он никогда бы не смог обработать и осмыслить такое огромное количество фактического материала, происходящего с такой географически обширной территории» [1, р. 111].

Творческий путь Тальгрена можно сравнить с погоней охотников бушменов за антилопой в пустыне Калахари. Как ни быстра антилопа, она не выдерживает погони, и её настигает копьё охотника. Финский археолог до поры до времени выдерживал погоню за материалом. Благодаря своим публикациям он, вне всякого сомнения, стал величайшим знатоком эпохи раннего металла Восточной Европы и в целом Северной Евразии. Но к середине 1930-х годов сил для дальнейшей погони уже не было, наступил предел – широкомасштабные раскопки, развернувшиеся на новостройках СССР, вынудили его признать, что новый необъятный археологический материал он уже не в состоянии освоить, что пришло время передать эстафету молодому поколению исследователей. В 1937 г. в статье «Исследования бронзового века Северного Причерноморья» (267), обсуждая связи этого региона с культурами восточных областей Евразии, Тальгрэн написал, словно оставляя завещание: «Здесь я откладываю своё перо: проблемы бронзового века Причерноморья должны быть решены другими» (267, р. 121).

В 1938 г. в послесловии к XII – последнему – тому журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua” его редактор сделал своего рода научное завещание (277), постаравшись свести воедино самые важные проблемы археологии Северной Евразии, которые до поры до времени ожидали своего обсуждения. В лесной зоне Тальгрэн обращал внимание на необходимость изучения каменного века на северо-западе СССР, антропоморфных и зооморфных изображений в искусстве каменного века этого региона, доистории на Онежском озере и южном побережье Белого моря, культурного комплекса Сейма–Галич–Андроновое («особенно важная тема»), доистории Урала и таёжных районов Северной Азии до 600 г. н.э., так называемых приуральских («пермских») и западносибирских («азиатских») шаманских кладов (включая их типолого-морфологической анализ), т.н. ананьинских городищ, эпохи Великого переселения народов в центре Восточной Европы, т.н. эмалевой культуры, железного века в Ингерманландии, балтийских влияний на культуры Прикамья, пьенборской культуры, железного века в Белоруссии. На юге России требовали изучения, по мнению Тальгрена, следующие проблемы: отношения между Ираном и Бактрией, северо-западными районами Индии и Западной Сибири, наскальные изображения Западной Сибири с социологической точки зрения, бронзовый век Казахстана, восточные влияния и связи балкано-карпатского («венгерского») бронзового века, доистория Крыма, археологические древности в устье Днепра, бронзовый век Западного Кавказа, анатолийские элементы в бронзовом веке Северного Причерноморья и трипольская культура на Украине.

На склоне лет, будучи тяжело больным, Тальгрэн иначе, нежели в расцвете сил, оценивал сделанное им в науке. Элла Кивикоски свидетельствует, что его не покидали сомнения в ценности своей работы, за которой «не стоит ничего ни в интеллектуальном, ни в финансовом плане, и после его смерти всё пойдёт прахом, рассыплется, как картонный домик» [1, р. 117]. Тальгрена угнетало, что им «не подготовлено ни одного ученика, всю жизнь он гнался за масштабом работ, а надо было бы, возможно, пахать своё поле глубже и воспитывать новое поколение исследователей, которые могли бы продолжить его дело» [1, р. 117, 118].

На столь нелюбимую оценку собственного научного наследия, безусловно, повлияли болезнь и связанные с нею усталость, депрессия и чувство опустошённости. Отсутствие непосредственных учеников объяснял студент, по мнению Эллы Кивикоски, особым подходом Тальгрена к преподаванию: «Он никогда не заставлял студентов идти вслед за собой, по проторенным тропам, основной своей задачей он видел стимулирование познавательного интереса молодёжи, хотел лишь познакомить их с фундаментальными задачами и научными проблемами и открыть им глаза на широкое поле для собственных исследований» [1, р. 118]. Заметим, что для многих молодых археологов СССР общение с Михаилом Марковичем стало своего рода незримым, неофициальным научным колледжем, в рамках которого осуществлялось их взаимодействие, обучение и помощь от старшего собрата по науке. Это не научная школа, но влияние личности финского учёного, безусловно, во многом определило характер развития археологической науки в СССР в 1920-е–1930-е годы, особенно в области бронзового и раннего железного веков.

Этот незримый колледж Тальгрена, а также его подвижническая деятельность на посту редактора журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua” способствовали тому, что в 20-е–30-е годы XX века не угасло между-

народное сотрудничество советских археологов с западными коллегами. Научное наследие финского археолога продолжает оставаться актуальным и востребованным. Интерес к нему в наши дни становится всё заметнее. Талльгрэн по-прежнему остаётся активной действующей фигурой отечественной археологии. И в этой связи, конечно, являются пророческими его собственные слова, выбитые на его могильной плите: «То, что сделано, продолжает жить».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Kivikoski, Ella* A.M. Tallgren // ESA, Supplementary Volume. 1954.
2. *Kivikoski, Ella* The Bibliography of A.M. Tallgren // ESA, Supplementary Volume. 1954.
3. *Nordman, C.A.* Archaeology in Finland before 1920. Helsinki, 1968. (The History of Learning and Science in Finland 1828–1918. Vol. 14a)
4. *Kokkonen, Jyri* Aarne Michaël Tallgren and Eurasia Septentrionalis Antiqua // FA. Vol. II. 1985.
5. *Salminen, T.* National and International Influences in the Finnish Archaeological Research in Russia and Siberia // FA. Vol. XX. 2003.
6. *Salminen, T.* Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935. Helsinki, 2003. (SMYA. T. 110)
7. *Salminen, T.* Searching for the Finnish Roots – Archaeological Cultures and Ethnic Groups in Works of Aspelin and Tallgren // People, Material Culture and Environment in the North. Proceedings of the 22nd Nordic Archaeology Conference, University of Oulu, 18–23 August 2004. Oulu, 2006. (Studia humaniora ouluensia. Vol. 1)
8. *Salminen, T.* The Ural-Altai Bronze Age as Seen by J.R. Aspelin and A.M. Tallgren // FA. Vol. XXIV. 2007.
9. *Salminen, T.* In Between Research, the Ideology of Ethnic Affinity and Foreign Policy: the Finno-Ugrian Society and Russia from the 1880s to the 1940s // The Quasiquicentennial of the Finno-Ugrian Society. Helsinki, 2009. (SUST. T. 258)
10. *Salminen, T.* Die ostussische Bronzezeit in der Korrespondenz von Aarne Michaël Tallgren und Gero von Merhart // Gero von Merhart: Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921. Marburg, 2010. (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Heft 59)
11. *Salminen, T.* A.M. Tallgren, Totalitarismus und vorgeschichtliche Archäologie // PZ. Bd. 86: 2. 2011.
12. *Salminen, T.* Colleagues, Friends and Opponents. The International Contacts of Finnish Archaeologists 1870–1950. Helsinki, 2014. (SMYA. T. 122)
13. *Салминен Т.* Финские археологи в России и Сибири в 1870–1935 годы // Археология, этнография и антропология в Евразии. Новосибирск, 2007. № 1 (29).
14. *Салминен Т.* И.Р. Аспелин – А.М. Талльгрэн и проблема Урало-Алтайского бронзового века // РА. 2011. № 4.
15. *Городцов В.А.* Бытовая археология: Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М., 1910.
16. *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Императорского Российского Исторического музея за 1914 год. М., 1915.
17. *Городцов В.А.* Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. Т. VII. М., 1927.
18. *Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* Проблемы эпохи раннего металла в научном наследии А.А. Спицына // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 2009.
19. *Кузьминых С.В.* А.А. Спицын и А.М. Талльгрэн: из истории отечественной археологии начала XX века // ТАС. Вып. 8. Т. II. Тверь, 2011.
20. *Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* В.А. Городцов и А.М. Талльгрэн: диалог в переписке // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Часть 1. М., 2003.
21. *Кузьминых С.В., Усачук А.Н.* «Милльон этой власти проклятий!..» (письма Н.Е. Макаренко А.М. Талльгрэну) // История археологии: личности и школы (к 160-летию В.В. Хвойки). СПб., 2011.
22. *Вдовин А.С., Кузьминых С.В.* Сергеев Сергей Михайлович (1879–1947): начало научной деятельности // Археология Южной Сибири. Вып. 24. Кемерово, 2006.
23. *Кузьминых С.В., Вдовин А.С.* К истории археологической коллекции И.П. Товостина // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 3. Красноярск, 2007.
24. *Кузьминых С.В., Тишкина Т.В.* «Вам надо повторить поездку на Алтай» (письмо Н.С. Гуляева А.М. Талльгрэну) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул, 2009.
25. К истории красноярской археологии: международные связи / *А.С. Вдовин, Е.В. Детлова, С.В. Кузьминых, Н.П. Макаров* // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 5. Красноярск, 2010.
26. *Кузьминых С.В.* А.М. Талльгрэн в научной судьбе М.П. Грязнова (по материалам писем М.П. Грязнова) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы Международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 1. СПб., 2012.
27. *Студзицкая С.В., Кузьминых С.В.* Галицкий клад: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.
28. *Спицын А.А.* Разведки памятников материальной культуры. Пособие для краеведов. Л., 1927.
29. *Спицын А.А.* Археологические раскопки. СПб., 1910.
30. *Городцов В.А.* К вопросу о киммерийской культуре // ТСА РАНИОН. М., 1928. Т. II.
31. *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.
32. *Спицын А.А.* Карта бронзового века Восточной Европы // *Seminarium Kondakovianum*. Сборник статей по археологии и византиноведению, изданный Семинарием им. Н.П. Кондакова. Т. II. Прага, 1928.
33. *Спицын А.А.* Мои научные работы // *Seminarium Kondakovianum*. Сборник статей по археологии и византиноведению, изданный Семинарием им. Н.П. Кондакова. Т. II. Прага, 1928.
34. *Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика // Труды XI АС. Т. I. М., 1901.
35. *Городцов В.А.* Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М., 1908.
36. *Городцов В.А.* Археология. Т. I. Каменный период. М.; Пг., 1923.
37. *Городцов В.А.* Руководство для археологических раскопок. М., 1914.
38. *Клейн Л.С.* Археологические источники. Л., 1978.
39. *Ковалевская В.Б.* Типологический метод В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
40. *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии, 1901 г. // Труды XII АС. Т. I. М., 1905.

41. *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 г. // Труды XIII АС. Т. I. М., 1907.
42. *Montelius, O.* Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien // Archiv für Anthropologie. Bd. XXV–XXVI. 1912.
43. *Городцов В.А.* Галичские клад и стоянка // ТСА РАНИОН. М., 1928. Т. III.
44. *Белозерова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях // РА. 2011. № 1.
45. *Белозерова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения) // Российский археологический ежегодник. № 1. 2011.
46. *Кузьминых С.В., Белозерова И.В.* Ученый и революция: В.А. Городцов в 1920-е годы // Вестник РГНФ. 2012. № 1 (66).
47. *Кузьминых С.В., Белозерова И.В.* Русская археология на переломе эпох: В.А. Городцов в 1920-е годы // Евразийский археолого-историографический сборник. СПб.; Красноярск, 2012.
48. ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 196.
49. РОНБФ. Coll. 230.
50. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Сейминско-турбинская проблема в трудах В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
51. *Кузьминых С.В.* Письма В.Н. Чернецова А.М. Тальгрону: прерванный диалог // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова. М., 2006.
52. ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 5 (II).
53. ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 38.
54. *Буровский А.М., Детлова Е.В.* Конфликт профессиональных культур (к истории взаимоотношений В.А. Городцова и Геро Мергарта) // История археологии: личности и школы. СПб., 2011.
55. *Детлова Е.В., Буровский А.М., Кузьминых С.В.* Конфликт В.А. Городцова и Г. Мергарта в контексте истории науки // STRATUM plus. СПб.; Кишенев; Одесса; Бухарест, 2014. № 1.
56. *Белокобильский Ю.Г.* Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири: История идей и исследований XVIII – первой трети XX вв. Новосибирск, 1986.
57. *Merhart, G. von.* Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien, 1926.
58. *Максименков Г.А.* Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // СА. 1960. № 1.
59. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
60. *Кузьминых С.В.* Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной археологической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. Рязань, 1993.
61. *Kuzminyich, S.V.* Osteuropäische und fennoskandische Tüllenbeile des Mälartyps: ein Rätsel der Archäologie // FA. Vol. XIII. 1996.
62. *Чижевский А.А.* Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Кабинетно-аналитические исследования // Поволжская археология. Казань, 2013. № 2.
63. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* К проблеме культурной принадлежности Младшего Волосовского могильника // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Уфа, 2006.
64. *Шлыгина Н.В.* История финской этнологии. М., 1995.
65. *Eurasia Septentrionalis Antiqua I–XII.* General Register // ESA, Supplementary Volume. 1954.
66. *Сакса А.И., Таавитсайнен Ю.-П.* Переписка Б.А. Латынина и Т.С. Пассек с А.М. Тальгреном (1926–1931) // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. Сборник материалов. СПб., 2000.
67. *Быковский С.Н.* Археология и политика. По поводу недоразумений проф. А.М. Тальгрена // СГАИМК. Л., 1932. № 7–8.
68. *Равдоникас В.И.* Археология на Западе и в СССР в наши дни // СГАИМК. 1932. № 9–10.
69. *Тункина И.В.* «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. Вып. II. СПб., 2000.
70. *Кузьминых С.В.* Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла // РА. 2004. № 4.
71. *Кузьминых С.В.* Виктор Федорович Смолин (1890–1932). Казань, 2004.
72. *Соловьёва Н.Ф.* Отдел охранной археологии // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013.
73. *Чижевский А.А.* Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. Казань, 2013. № 2.
74. РАТ. Папка Tallgren 25.
75. *Полонская Н.Д.* IV Областной археологический съезд в г. Костроме // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 16. Вып. 1. 1911.
76. *Тальгрэн А.М.* Родиноведение в Финляндии: (Задачи, история и современная его организация). Пер. с финского. СПб., 1913.
77. *Schmidt, A.V.* Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbina an der Kama // FUF, Anzeiger. Bd. XVIII: 1–3. 1927.
78. *Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А.* Вера Владимировна Гольмстен: Материалы к биографии. Самара, 2007.
79. *Вдовин А.С., Кузьминых С.В.* Частные археологические коллекции из Енисейского округа // Енисейский Север: история и современность. Красноярск, 2011. Вып. 1.
80. *Халиков А.Х.* Отчет о командировке в Финляндию. М., 1962.
81. *Заусайлов В.И.* Древние каменные орудия, собранные в пределах Казанской губернии. Казань, 1884.
82. *Ауряпää, A.* Über die Streitaxtkulturen in Russland // ESA. T. VIII. 1933.
83. *Minns, E.H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
84. *Аппельгрэн-Кивало Я.* Основные черты скифо-пермского орнаментального стиля // Труды XV АС в Новгороде. Т. I. М., 1914.
85. *Худяков М.Г.* Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет. Юбилейный сборник статей. Казань, 1923.

С.В. Кузьминых
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

*Е.В. Детлова
Красноярский краевой краеведческий музей,
Красноярск, Россия*

*Т. Салминен
Хельсинкский университет,
Хельсинки, Финляндия*

*И.Е. Сафонов
Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия*

S.V. Kuzminykh, E.V. Detlova, T. Salminen, I.E. Safonov

A.M. TALLGREN IN THE HISTORY OF RUSSIAN ARCHAEOLOGY

Summary

The 130th anniversary of the Finnish archaeologist A.M. Tallgren is celebrated in 2015. Mikhail Markovich's (as he called himself in Russia) work was closely related to the archaeology of Northern Eurasia. He excavated in different provinces of Russia in 1909 and 1915, purchased V.I. Zausailov's and I.P. Tovostin's collections for the Finnish National Museum, edited the journal "Eurasia Septentrionalis Antiqua", wrote his doctoral dissertation about the Copper and Bronze Ages in Central and Eastern Russia, monographs on the Zausajlov and Tovostin Collections, Ananyino Culture and Bronze Age of the Black Sea region as well as a vast amount of articles, news and reviews on different questions of Eurasian archaeology. Tallgren's activities largely determined the development and problematics of Russian archaeology in the 1920's and 1930's.

*S.V. Kuzminykh
Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia
E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru*

*E.V. Detlova
Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore,
84, Dubrovinskogo St., Krasnoyarsk, 660049,
Russia
E-mail: detlova2012@yandex.ru*

*T. Salminen
University of Helsinki,
P. O. Box 59, 00014 University of Helsinki,
Finland
E-mail: timo.salminen@pp3.inet.fi*

*I.E. Safonov
Voronezh State University,
1, Universitetskaya Sq., Voronezh, 394006,
Russia
E-mail: safonov@hist.vsu.ru*

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ А.М. ТАЛЬГРЕНА, СВЯЗАННЫХ С ПРОБЛЕМАТИКОЙ РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Составители С.В. Кузьминых и Т. Салминен

Публикуемый ниже библиографический список содержит перечень трудов А.М. Тальгрена, которые связаны с его исследованиями по археологии Северной Евразии и прежде всего Российской империи и СССР. Список базируется на указателе, составленном Эллой Кивикоски [2]; добавлены не учтённые ею работы (№ 53, 62, 121, 127, 224, 225).

Публикацию данного библиографического списка мы считаем крайне необходимой. Из поля зрения российских исследователей по сути выпал огромный блок работ Тальгрена, опубликованных на финском, шведском, венгерском, эстонском и других языках. Мы сопроводили оригинальные названия публикаций их переводом на русский язык. Надеемся, что наш труд стимулирует интерес к научному наследию Тальгрена в российской археологической науке.¹

С.В. Кузьминых, Т. Салминен

1. Auringon palvelemisesta Pohjois-Euroopassa esihistoriallisena aikana [О культе солнца в Северной Европе в доисторическое время] // Valvoja. Helsinki, 1906. P. 637–650.
2. Eikö pronssikautta ollut olemassa? [Бронзового века не было?] // Valvoja. Helsinki, 1906. P. 699–704.
3. Yhteydestä Välimeren maiden ja Pohjois-Euroopan välillä kuningas Hammurabbin ajoista Persialaissotiin [О связи между Средиземноморьем и Северной Европой со времени царя Хаммурапи до Персидских войн] // HAik. 1906. P. 1–7.
4. Рец.: Milloin tulivat suomalaiset Suomeen. Alfred Hackman. Die ältere Eisenzeit in Finnland I [Когда финны пришли в Финляндию. Альфред Гакман. Ранний железный век в Финляндии. Т. I] // Helsingin Sanomat 1.3.1906.
5. Рец.: M. Much. Die Trugspiegelung orientalischer Kultur in den Vorgeschichtlichen Zeitaltern Nordeuropas [М. Мух. Ложное отражение восточной культуры в Северной Европе в доисторические времена] // HAik. 1906. P. 185–186.
6. Kivikautinen taideteos Säkkijärveltä [Произведение искусства каменного века из Сяккиярви] // SM–FM. 1907. P. 67–72.
7. Pronssikausi – ? II [Бронзовый век – ? II] // Valvoja. Helsinki, 1907. P. 435–438.
8. Sortavalan museon kivikalukokoelmista [О коллекциях каменных предметов в музее Сортавалы] // Laatokka 13.7.1907.
9. Ensikertalaisena Venäjällä. Kasaniin [Впервые в России. В Казани] // Helsingin Sanomat 3.11.1908.
10. Kuinka muinainen Skyytia taas tuli tunnetuksi [Как античная Скифия снова стала известна] // Helsingin Sanomat 21.10.1908.
11. Moskovan arkeologiset museot [Археологические музеи Москвы] // Päivä. Helsinki, 1908. S. 340–342, 356–358.
12. Muutamia Lontoon museoita [Некоторые музеи Лондона] // Päivä. Helsinki, 1908. P. 70–73, 89–90.
13. Tilaisuus, joka ei koskaan uusiudu (Zausailovin kokoelma) [Случай, который никогда больше не представится (коллекция Заусайлова)] // Päivä. Helsinki, 1908. P. 419–420.
14. Tärkeitä uusia muinaislöytöjä Moskovan historiallisessa museossa [Новые важные археологические находки в Московском Историческом музее] // Helsingin Sanomat 11.12.1908.
15. Ural-altailaisesta pronssikaudesta [Об урало-алтайском бронзовом веке] // HAik. 1908. P. 148–165.
16. Arkangelista Pinegajoelle [От Архангельска до реки Пинеги] // Helsingin Sanomat 7.8.1909.
17. Harakkavuorten kylässä. Päiväkirjastani Itä-Venäjältä [Из деревни Сорочьи горы. Из моего дневника в Восточной России] // Kyläkirjaston Kuvalehti, B-sarja. Helsinki, 1909. P. 148–150.
18. Itä-venäläiset kylät – sellaisiksiko karjalaisetkin? [Сёла Восточной России – и карельские тоже будут такими же?] // Päivä. Helsinki, 1909. P. 309–310.
19. Kotiseutututkimusharrastuksia Vjatkan läänissä [Краеведческие исследования в Вятской губернии] // Päivä. Helsinki, 1909. P. 233–234.
20. Muinainen Bjarmaland [Древняя Биармия] // HAik, E. G. Palmén-juhlajulkaisu. Helsinki, 1909. P. 100–110.
21. Suomensuvun alkukoti – Ranska! [Прародина финского племени – Франция!] // Päivä. Helsinki, 1909. P. 319–320.
22. Tshuudilaisia muinaisjäännöksiä entisessä Bjarmalandissa [Чудские древности бывшей Биармии] // Päivä. Helsinki, 1909. P. 230–231.
23. Vanhimpia itämaisia peilejä [Древнейшие восточные зеркала] // SM–FM. 1909. P. 94–101.
24. Forskningar på en bronsåldersfundplats i Kemi [Исследования на местонахождении бронзового века в Кемии] // FM. 1910. S. 20–24.
25. Galitschin aarre [Галицкий клад] // Helsingin Kaiku 1910. P. 507.
26. Kevitsan “jumalainen” [«Божок» из Кевитсы] // Kotiseutu. Helsinki, 1910. P. 36–37.
27. Kotiseutuyhdistys Vjatkan läänissä Venäjällä [Краеведческое общество в Вятской губернии в России] // Kotiseutu. Helsinki, 1910. P. 37–39.
28. Rajan tuolta puolen. Turistina Itä- ja Pohjois-Venäjällä [С другой стороны границы. В качестве туриста в Восточной и Северной России]. Porvoo, 1910. 87 p.
29. Skandinaviska järnåldersföremål i östra Ryssland [Скандинавские предметы железного века в Восточной России] // FM. 1910. S. 62–64.
30. Sorotsji Gorin muinaislinna [Городище Сорочьи горы] // SM. 1910. P. 49–56.
31. Alkkulan kivi-pronssikauden löytö [Находка эпохи камня – бронзы из Алккулы] // SM. 1911. P. 49–57.
32. Bronsåldern i Finland [Бронзовый век в Финляндии] // FM. 1911. S. 25–30.
33. Den Mannerheimiska samlingen i Nationalmuséet [Коллекция Маннергейма в Национальном музее] // Veckans Krönika. Helsingfors, 1911. S. 126–128.

¹ Работа выполнена при поддержке РФГФ (проект № 14-01-00348а) и РФФИ (проект № 14-06-00287).

34. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland [Медный и бронзовый век в Северной и Восточной России. I. Медный и бронзовый век в Северо-Западной России. Эпоха раннего металла в Восточной России]. Helsinki, 1911. IX + 229 s. (SMYA. T. XXV: 1)
35. Suomen pronssikausi [Бронзовый век Финляндии] // Helsingin Sanomat 30.4.1911.
36. Johan Reinhold Äspelin [Иоганн Рейнгольд Аспелин] // Valvoja. Helsinki, 1912. P. 653–659.
37. Die Bronzcelte vom sog. Ananino-typus [Бронзовые кельты так называемого ананьинского типа] // FUF. Bd. XII. 1912. S. 76–85.
38. Die kupfernen Flachhäxte mit seitlichen Zapfen [Медные плоские топоры с цапфами] // SMYA. T. XXVI. 1912. S. 21–28.
39. “Galitshin aarre” Venäjällä [«Галичский клад» в России] // Nuori Voima. Helsinki, 1912. P. 48–51.
40. Pronssisirpit Itä-Venäjällä [Бронзовые серпы в Восточной России] // SM. 1912. P. 32–38.
41. Hj. Appelgren-Kivalo 60 vuotias [Яльмару Аппельгрэн-Кивало 60 лет] // Helsingin Sanomat 5.4.1913.
42. Mathias Aleksanteri Castrén [Матиас Кастрэн] // Kansanvalistusseuran Elämäkertoja. T. 18. Helsinki, 1913. 133 p.
43. M.A. Castrén [M.A. Кастрэн] // Uusi Aura 2.12.1913.
44. M.A. Castrénin mukana joulua viettämässä Jäämeren rannalla [Рождество с М.А. Кастрэном в Приполярье] // Lasten Joulu. Helsinki, 1913. P. 24–30.
45. Die bronzenen Speerspitzen Ostrusslands mit zwei Ausschnitten im Blatt [Бронзовые наконечники копий Восточной России с двумя отверстиями на крыльях пера] // Opuscula archaeologica Oscari Montelio septuagenario dicata. Stockholm, 1913. S. 115–123.
46. Djurhuvudxor av brons från östra Ryssland [Бронзовые секиры с головами животных из Восточной России] // FM. 1913. S. 33–39.
47. Eräs 2000 vuoden vanha kuningashauta muinaisessa Skuytiassa [Царская могила 2000-летней давности в древней Скифии] // Otava. Helsinki, 1913. P. 401–407.
48. Eräs keihäänteräryhmä Itävenäjän loppuvalta pronssikaudelta [Об одной группе наконечников копий позднего бронзового века Восточной России] // SM. 1913. P. 9–11.
49. Itä-Venäjän pronssikausi [Бронзовый век Восточной России] // Valvoja. Helsinki, 1913. P. 673–682.
50. Kuvakirjoituksia kalliissa 3000 vuotta sitten [Рисункам на скалах 3000 лет] // Joulupuhteiksi pojille ja tytöille. T. III. Helsinki, 1913. P. 66–76.
51. P.A. Ponomarewin löydöt Ananjinon kalmistossa v. 1881 [Находки П.А. Пономарёва в Ананьинском могильнике в 1881 г.] // SM. 1913. P. 37–46.
52. A keletorosországi bronzkorszakról [О бронзовом веке в Восточной России] // Archaeologiai Ertesitx. T. XXXIV. Budapest, 1914. S. 73–83.
53. Находка в Галиче и так называемая Фатьяновская культура // Труды XV АС. Т. 1. М., 1914. С. 149.
54. Den östeuropeiska bronsålderskulturen i Finland [Культура бронзового века в Финляндии: восточноевропейский след] // FM. 1914. S. 11–22.
55. Erään skuyttalaiskuninkaan hautakammio [Погребальная камера скифского царя] // Helsingin Kaiku 1914. P. 70–71.
56. Рец.: T.J. Arne. La Suède et l’Orient [Т.Ю. Арне. Швеция и Восток] // HAik. 1914. P. 375–378.
57. Aasian matkalta [О путешествии в Азию] // Helsingin Kaiku 1915. P. 316–317.
58. Ett viktigt fornyfynd från mellersta Ryssland [Важная археологическая находка из Центральной России] // FM. 1915. S. 73–86.
59. “Kaman-takaiset” hopeat [Серебро из Закамья] // Valvoja. Helsinki, 1915. P. 211–218.
60. Keski-Siperian arolla [В степях Центральной Сибири] // Otava. Helsinki, 1915. P. 481–484.
61. Minusinskin arohaudat [Степные могилы в Минусинске] // SM. 1915. P. 91–100.
62. Siperian aroilla [По сибирским степям] // Uusi Aura 3.8.1915.
63. Minusinskin aroja ritkin ja poikki [Минусинские степи вдоль и поперёк] // Uusi Aura 4.8.1915.
64. Polttokalmistoja suomensuvun asuma-alueella [Погребальные поля с трупосожжениями в ареале финского племени] // Virittäjä. Helsinki, 1915. P. 139–142.
65. Pronssikautisia valimia Itä-Venäjältä ja Siperiasta [Литейные формы бронзового века из Восточной России и Сибири] // SM. 1915. P. 67–78.
66. Siperian aroilla [В степях Сибири] // Uusi Aura 30.7.1915.
67. “Svärdstavar” från Ural och Sibirien [«Мечевидные штыки» с Урала и из Сибири] // FM. 1915. S. 96–101.
68. Tovostinin muinaisinekokoelma [Товостинская коллекция древностей] // Nuori Suomi. Helsinki, 1915. P. 247–255.
69. Uralille ja Altaille [К Уралу и Алтаю] // Helsingin Sanomat 17.7., 20.7., 22.7., 23.7.1915.
70. Vanhassa Permassa [В древней Перми] // Nuori Voima. Helsinki, 1915. P. 335–337.
71. J.R. Äspelin [И.Р. Аспелин] // HAik. 1916. P. 91–99.
72. Collection Zoussaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l’âge du bronze [Собрание Заусайлова в Историческом музее Финляндии в Гельсингфорсе. I. Каталог коллекции бронзового века]. Helsingfors, 1916. 47 p. + XVI pl.
73. En utställning af bronsåldersföremål [Выставка предметов бронзового века] // Hufvudstadsbladet 6.4.1916.
74. En utställning af varägiska fornsaker från Ryssland [Выставка варяжских предметов из России] // Hufvudstadsbladet 19.4.1916.
75. Fornsaker från Olonets på Historiska Museet i Helsingfors [Археологические предметы из Олонца в Историческом музее Гельсингфорса] // FM. 1916. S. 24–35.
76. Рец.: T.J. Arne. La Suède et l’Orient [Т.Ю. Арне. Швеция и Восток] // FM. 1916. S. 73–74.
77. Miscellanea archaeologica [Археологические заметки] // SM. 1916. P. 60–65.
78. Muinaisineitö itäiseltä Uralilta Suomen kansallismuseossa [Археологические предметы с Восточного Урала в Национальном музее Финляндии] // SM. 1916. P. 11–20.
79. Pohjois- ja Keski-Venäjän paikalliset tutkimusseurat [Местные исследовательские общества в Северной и Центральной России] // Kotiseutu. Helsinki, 1916. P. 30–32.
80. Pronssikautinen näyttely Kansallismuseossa [Выставка предметов бронзового века в Национальном музее] // Uusi Suometar 6.4.1916.
81. Ruotsin viikinkien muistoja Venäjältä. Erikoisnäyttely Kansallismuseossa [О шведских викинггах в России. Временная выставка в Национальном музее] // Helsingin Sanomat 19.4.1916.
82. Suomen suvun asuma-alueen muinaisuudesta [Из доистории ареала финского племени] // HAik. 1916. P. 273–303.
83. Sveriges förbindelser med Ryssland under bronsåldern [Связи Швеции с Россией в бронзовом веке] // Finsk Tidskrift. T. LXXX. Helsingfors, 1916. S. 362–374.
84. Tuntematon vaskikautinen kultuuri [Неизвестная культура медного века] // Valvoja. Helsinki, 1916. P. 20–27.

85. Catalogue de la collection de la M. Znamenski [Каталог коллекции М. Знаменского] // SMYA. Т. XXIX: 4. 1917. 29 p. + VI pl.
86. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne [Коллекция доисторических древностей Товостина из Минусинска, приобретённая доктором Карлом Хедманом. Этюды о сибирской археологии]. Helsingfors, 1917. 93 p. + XII pl.
87. Два железных меча в Сарапульском музее // Известия Общества изучения Прикамского края. Вып. 1. Сарапул, 1917. С. 20–24.
88. Finlands andel i utforskandet av Asiens forntid [Участие Финляндии в исследовании древностей Азии] // Finsk Tidskrift. Т. LXXXII. Helsingfors, 1916. S. 235–248.
89. Missä uutta Venäjää luodaan [Где создаётся новая Россия] // Kansanvalistus. Helsinki, 1917. P. 86–87.
90. Muinaisen Keski-Aasian aarteita [Клады древней Центральной Азии] // Nuori Voima. Helsinki, 1917. P. 43–46.
91. Muutamia siperialais-uralilaisia onskelittejä [Некоторые сибирско-уральские втульчатые кельты] // SM. Т. XXIV. Helsinki, 1917. P. 23–25.
92. Suomeen ostettu siperialainen muinaisinekokoelma [Археологическая коллекция из Сибири, купленная в Финляндию] // Helsingin Sanomat 29.6.1917.
93. Suomen osuus Aasian muinaisuuden tutkimiseen [Участие Финляндии в исследовании древностей Азии] // Valvoja. Helsinki, 1917. P. 329–340.
94. Varaan Venäjän tieteele [О науке в свободной России] // Ad Interim. № 1. Helsinki, 1917. P. 6.
95. Bronzezeitliches im Uralgebirge [Эпоха бронзы на Урале] // SUSA. Т. XXX: 23. 1918. 16 s.
96. Collection Zaoussaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Volgary [Собрание Заусайлова в Национальном музее Финляндии в Гельсингфорсе. II. Монография о находках железного века и так называемой болгарской эпохи]. Helsingfors, 1918. 59 p. + XII pl.
97. Финляндия и восток // Северный музей. 21.12.1918. № 9.
98. Muinaistutkimuksen työmaalta [С поприща исследования древностей]. Helsinki, 1918. 200 p.
99. Бронзовые топоры с головами животных из Восточной России // ИОАИЭ. Т. XXX. 1919. С. 121–126.
100. Den Mannerheimiska samlingen i Nationalmuseum [Коллекция Маннергейма в Национальном музее] // Veckans Krönika. Helsingfors, 1919. S. 126–128.
101. Den ural-altaiska arkeologins uppgifter [Задачи урало-алтайской археологии] // Finsk Tidskrift. Т. LXXXVI. Helsingfors, 1919. S. 262–281.
102. Itäinen tiedekunta yliopistoon [Восточный факультет в университете] // Helsingin Sanomat 9.1.1919.
103. Keski-Siperian pronssikausi [Бронзовый век в Центральной Сибири] // Tiede ja elämä. Т. I. Helsinki, 1919. P. 273–281.
104. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale [Медный и бронзовый век в Северной и Восточной России. II. Ананьинская эпоха в Восточной России]. Helsinki, 1919. 203 s. (SMYA. Т. XXXI: 1)
105. Nekrologeja (Hoernes, Smirnov, Veselovski) [Некрологи: Гернес, Смирнов, Веселовский] // SM. 1919. P. 25–26.
106. Pergan muinaismuistot [Из истории пермских древностей] // Helsingin Sanomat 27.7., 29.7., 3.8.1919.
107. Sarapul [Сарапул] // Helsingin Sanomat 27.4.1919.
108. Skuuytalais-kulttuurin jälkiä Itä-Venäjän loppuvassa pronssikaudessa [Следы скифской культуры в позднем бронзовом веке Восточной России] // Valvoja. Helsinki, 1919. P. 196–209.
109. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen retkikunnaat Aasiaan 1887–1889 [Экспедиции Финского общества древностей в Азию (1887–1889 гг.)] // HAik. 1919. P. 62–77.
110. Trouvailles isolées sibériennes préhistoriques au Musée National de Finlande [О некоторых сибирских древностях в Национальном музее Финляндии] // SMYA. Т. XXIX: 3. 1919. 22 p. + IV pl.
111. Uraali-altalaisen arkeologian tehtäviä [Задачи урало-алтайской археологии] // SM. 1919. P. 1–17.
112. Yliopisto ja Orientin tutkimus [Университет и исследование Востока] // Helsingin Sanomat 16.1.1919.
113. Рец.: Sakari Pälsin matkakuvaus. Pohjankävijän päiväkirjasta [Описание путешествия Сакари Пялси. Из дневника путешественника по северу] // Helsingin Sanomat 21.12.1919.
114. Den äldsta östryska bronsäldern [Ранний бронзовый век Восточной России] // Rig. Stockholm, 1920. S. 65–72.
115. Два могильника железного века в Казанском уезде // ИОАИЭ. Т. XXX. Вып. 3. 1920. С. 261–265.
116. L'âge du cuivre dans la Russie central [Медный век в центре Европейской России] // SMYA. Т. XXXII: 2. 1920. 23 p.
117. Muinaisajan kuolinnaamioita [Доисторические погребальные маски] // Valvoja. Helsinki, 1920. P. 9–17.
118. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen 50-vuotiskertomus [Финскому обществу древностей 50 лет]. Helsinki, 1920. 280 p. (SMYA. Т. XXX: 3)
119. Suuri muinaistieteellinen tehtävä [Великая археологическая задача] // Helsingin Sanomat 28.2.1920.
120. Tietojemme rajoilta historiassa [За пределами наших познаний в истории]. Porvoo, 1920. 262 p.
121. Kenraali Mannerheimin keskiaasialainen kokoelma [Центральноазиатская коллекция генерала Маннергейма] // Helsingin Sanomat 25.2.1920.
122. Suomen suvun alkukodista ja esihistoriallisista vaiheista [О прародине и древней истории финского племени] // Valvoja. Helsinki, 1921. P. 65–72.
123. Suomensuvun kaukainen koti [Далёкая родина финского племени] // Nuori Voima. Helsinki, 1921. P. 140–142.
124. Trouvailles tombales sibériennes en 1889 [Исследования сибирских памятников в 1889 г.] // SMYA. Т. XXIX: 2. 1921. 23 p.
125. Zur Einwanderung der Esten [К вопросу о миграции эстов] // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1912–1920. Tartu, 1921. S. 185–196.
126. Рец.: T.I. Itkonen. Suomenskuiset kansat [Т.И. Итконен. Финно-угорские народы] // Helsingin Sanomat 20.7.1921.
127. Tiede ja sen aseme Venäjällä tällä hetkellä [Наука и ситуация с ней в современной России] // Helsingin Sanomat 24.1.1921.
128. Vanhimmat historialliset tiedot Suomen suvun asuma-aloista muinaislöytöjen valossa [Древнейшая историческая информация из ареалов финского племени в свете археологических данных] // Valvoja-Aika. Helsinki, 1922. P. 56–62.
129. Zur Archäologie Eestis I. Vom Anfang der Besiedelung bis etwa 500 n. Chr. [К археологии Эстонии. Т. I. От начала заселения до ~ 500 года нашей эры]. Tartu, 1922. 140 s. + III pl. (Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. В III: 6)
130. Рец.: Venäjän kivikauden kysymyksiä. J. Ailio [Ю. Айлио. Вопросы каменного века России] // HAik. 1923. P. 269–274.
131. De förhistoriska nationalitetsförhållandena i nordöstra Europa och speciellt i Ostbaltikum [Доисторические этнические связи в Северо-Восточной Европе и особенно в Восточной Балтике] // Rig. Stockholm, 1923. S. 127–136.
132. Eesti muuseum ja soome-ugri teaduse alad [Эстонский музей и финно-угроведение] // Odamees. № 2. Tartu, 1923.

133. Itäbaltikumien esihistoriallisista kansallisuusoloista [О доисторических этнических связях в Восточной Балтике] // Suomi. T. V: 2. Helsinki, 1923. P. 330–347.
134. L'éthnographie préhistorique de la Russie du nord et des états Baltiques du nord [Доисторическая этнография севера России и стран Балтики] // Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. Bd. IV: 4. Tartu, 1923. 23 p.
135. Rahvuslikud olud eelajaloolisel ajal Ida-Baltikumis ja põhjarooms Ida-Euroopas [Доисторические этнические связи в Восточной Балтике и Северо-Восточной Европе] // Eesti Kirjandus. Tartu, 1923. P. 200–211.
136. Aikamme tunnetuin naisarkeologi kuollut. Kreivitär P.S. Uvarova [Скончалась самая известная археологиня нашего времени. Графиня П.С. Уварова] // Helsingin Sanomat 16.9.1924.
137. Anan'ino [Ананьино (Ананьинский могильник)] // Ebert, Reallexikon. T. I. 1924. S. 164–165.
138. Anau [Анау] // Ebert, Reallexikon. T. I. 1924. S. 167–168.
139. Bachmut [Бахмут] // Ebert, Reallexikon. T. I. 1924. S. 317.
140. Eronka bronzu в Rosji Wschodniej [Эпоха бронзы в Восточной России] // Przegląd Archeologiczny. T. II: 4–6 (1922–1924). Warszawa, 1924. S. 1–10.
141. Fatjanovokulturen i Centralryssland [Фатьяновская культура в центре Европейской России] // FM. 1924. S. 1–30.
142. L'Orient et l'Occident dans l'âge du fer finno-ougrien jusqu'au IX:e siècle de notre ère [Восток и Запад в финно-угорском железном веке до IX века нашей эры] // SMYA. T. XXXV: 3. 1924. 31 p.
143. Muinais- ja kansatieteellinen suunnitelma (Eurasia) [Об общих археологическом и этнографическом проекте (Евразия)] // Helsingin Sanomat 13.4.1924.
144. Museomiehen työryödyttä. Kirjoitelmia muinaistieteellisten ja antikvaaristen harrastusten historiasta Suomessa [С письменного стола исследователя древностей. Из истории археологических и антикварных разысканий в Финляндии]. Helsinki, 1924. 173 p.
145. Borodino [Бородино (Бородинский клад)] // Ebert, Reallexikon. T. II. 1925. S. 121.
146. Čudenschürfe [Чудские копи] // Ebert, Reallexikon. T. II. 1925. S. 337.
147. Djadkoviči [Дядковичи] // Ebert, Reallexikon. T. II. 1925. S. 433.
148. Eurasische Bronzezeit [Бронзовый век Евразии] // Ebert, Reallexikon. T. III. 1925. S. 151–152.
149. Fatjanovo, Fatjanovo-Kultur [Фатьяново, фатьяновская культура] // Ebert, Reallexikon. T. III. 1925. S. 192–193, Taf. 32, 33.
150. Felsenzeichnung: Sibirien und die nw. Mongolei [Наскальная живопись: Сибирь и Северо-Западная Монголия] // Ebert, Reallexikon. T. III. 1925. S. 223–225.
151. Finno-Ugrier: Archäologie [Финно-угры: археология] // Ebert, Reallexikon. T. III. 1925. S. 354–364.
152. Länsi ja itä suomalais-ugrilaisissa rautakausissa n. v:een 800 j.Kr. [Запад и Восток в финно-угорском железном веке до 800 г. н.э.] // KSV. 1925. T. 5. P. 125–143.
153. Neues über russische Archäologie [Новое о русской археологии] // FUF, Anzeiger. Bd. XVII. 1925. S. 1–40.
154. The Copper Idols from Galich and their Relatives [Медные идолы из Галича и их прототипы] // Studia Orientalia. T. I. Helsinki, 1925. P. 312–341.
155. Zur Archäologie Eestis II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. [К археологии Эстонии. Т. II. От 500 до ~ 1250 года]. Tartu, 1925. 204 s. (Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. V VIII: 1)
156. Zur frühen Metallkultur Südrusslands [К вопросу о культурах эпохи раннего металла Южной России] // Studien zur vorgeschichtlichen Archäologie Alfred Götte dargebracht. Leipzig, 1925. S. 66–76.
157. Galič [Галич (Галичская культура)] // Ebert, Reallexikon. T. IV: 1. 1926. S. 166–167, Taf. 90, 91.
158. Gipsmaske, sibirische [Гипсовые маски, сибирские] // Ebert, Reallexikon. T. IV: 2. 1926. S. 338–339.
159. Gorodišče [Городище] // Ebert, Reallexikon. T. IV: 2. 1926. S. 396–397.
160. Kaukasus. C. Bronzezeit [Кавказ: бронзовый век] // Ebert, Reallexikon. T. VI. 1926. S. 264–267.
161. Koban [Кобан (Кобанская культура)] // Ebert, Reallexikon. T. VII. 1926. S. 11–12, Taf. 6.
162. Kuban [Кубань (Кубанская культура)] // Ebert, Reallexikon. T. VII. 1926. S. 110.
163. Maikop [Майкоп (Майкопская культура)] // Ebert, Reallexikon. T. VII. 1926. S. 347–348.
164. Eräitä Perman jumalaisia [О некоторых идольчиках из Перми] // Valo. T. II A. Helsinki, 1926. P. 280–285.
165. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux [Северное Причерноморье в эпоху раннего металла]. Helsinki, 1926. 248 p. (ESA. T. II)
166. Miten on erään avaraalaisen esineen löytyminen Suomesta selitettävä? [Как можно объяснить находку аварского предмета в Финляндии?] SM. 1926. P. 1–9.
167. Salattuja aarteita. Uusia muinaislöytöjä Aasiassa [Потаённые клады. Новые находки древностей в Азии] // Suomen Kuvalehti. Helsinki, 1926. P. 500–503.
168. Suomalais-ugrilainen muinaistiede [Изучение финно-угорских древностей] // Suomen suku. T. I. Helsinki, 1926. P. 190–212.
169. Suomen tiede ja urali-altaillaiset alueet [Финская наука и урало-алтайские области] // Suomalainen Ylioppilas. Helsinki, 1926. P. 15–16.
170. Uusi tieteellinen aloite kotimaassa (Eurasia) [Новая научная инициатива в Финляндии (Евразия)] // Helsingin Sanomat 26.9.1926.
171. Altain arkeologiaa [Археология Алтая] // Helsingin Sanomat 28.1.1927.
172. Appelgren-Kivalo Otto Hjalmar [Аппельгрэн-Кивало Отто Хьялмар] // KE. T. I. 1927. P. 126.
173. Aspelin Johan Reinhold [Аспелин Иоганн Рейнгольд] // KE. T. I. 1927. P. 168–171.
174. Ausgrabungen in Maklašeevka [Раскопки в Маклашеевке] // ESA. T. I. 1927. S. 98–99.
175. Note de l'éditeur [Примечание редактора (к статье Л. Якуниной-Ивановой – сост.)] // ESA. T. I. 1927. P. 109.
176. Besprechende archäologische Bibliographie von Osteuropa [Обзор библиографии по археологии Восточной Европы] // ESA. T. I. 1927. S. 139–188.
177. Рец.: Gero v. Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien: Anton Schroll, 1926. 192 s. + XII taf. [Геро фон Мергарт. Бронзовый век на Енисее] // ESA. T. I. 1927. S. 189–192.
178. Рец.: M. Rostovtsev. Arbeiten 1918–1926 [М. Ростовцев. Труды 1918–1926 годов] // ESA. T. I. 1927. S. 192–195.
179. Рец.: T.J. Arne. Östeuropas och Nordbalkans förhistoria [Т.И. Арне. Доистория Восточной Европы и Северных Балкан] // ESA. T. I. 1927. S. 195–196.
180. Рец.: Andreas Alföldi. Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonien [Андреас Альфёльди. Конец римского владычества в Паннонии]. Bd. 2. Berlin–Leipzig, 1926 (Ungarische Bibliothek. T. I: 12) // ESA. T. I. 1927. S. 196–198.
181. Minusinsk [Минусинск (Минусинская культура)] // Ebert, Reallexikon. T. VIII. 1926. S. 396–397.
182. Ostrussische Bronzezeit [Бронзовый век Восточной России] // Ebert, Reallexikon. T. IX. 1927. S. 316–318.

183. Eräitä suomalais-ugrilaisen nuoremman rautakauden kulttuuripiirejä [Некоторые культурные области финно-угров в позднем железном веке] // KSV. T. 7. 1927. P. 101–126.
184. Euraasia steppide kala ja selle järeltulijad Permisi [«Рыбы» евразийских степей и их «преемники» в Пермском крае] // Album M.J. Eiseni 70 sünnipäevaks. Tartu, 1927. P. 103–114.
185. Euroopa muinasaeg pronksiaja algusest ajaloolise ajani [Доистория Европы от начала бронзового века до средневековья]. Tartu, 1927. 180 p. (Tartu Ülikooli Arkeoloogika Kabineti Toimetused. T. V)
186. Muinainen Perma [Древние пермяне] // Toukomiés. № 1–2. Helsinki, 1927. P. 3–5.
187. Pronssikausi Mustanmeren aroilla [Бронзовый век в степях Северного Причерноморья] // SM. 1927. P. 1–24.
188. Uusia muinaislöytöjä Venäjältä I–V [Новые археологические находки из России] // Helsingin Sanomat 6.1., 7.1., 9.1., 10.1., 11.1.1927.
189. Hj. Appelgren-Kivalo 75 vuotta [Я. Аппельгрэн-Кивало 75 лет] // Helsingin Sanomat 5.4.1928.
190. Die russischen und asiatischen archäologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands [Российские и азиатские археологические коллекции в Национальном музее Финляндии] // ESA. T. III. 1928. S. 141–164.
191. Pianobor [Пьянобор (Пьяноборская культура)] // Ebert, Reallexikon. T. X. 1928. S. 155–156.
192. Sejma [Сейма] // Ebert, Reallexikon. T. XII. 1928. S. 12–13.
193. Sibirien. C. Bronzezeit [Сибирь: бронзовый век] // Ebert, Reallexikon. T. XII. 1928. S. 70–71.
194. Staromyšastovskaja [Старомышастовская] // Ebert, Reallexikon. T. XII. 1928. S. 389, Taf. 94.
195. Stepan-Cminda [Степан-Цминда] // Ebert, Reallexikon, 1928. T. XII. S. 418–419.
196. Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du nord [О провинциях финно-угорских культур позднего железного века на Русском Севере] // ESA. T. III. 1928. P. 1–24.
197. Ljus över de förgångna kulturerna i Asien [Взгляд на культуры прошлого в Азии] // Åbo Underrättelser 14.2., 15.2.1928.
198. Miniaturbogenfuttural aus Ostrussland [Миниатюрный колчан из Восточной России] // SUST. T. LVIII. 1928. S. 220–228.
199. Neue archäologische Arbeiten im Sovjetreiche [Новые археологические работы в Советском Союзе] // ESA. T. III. 1928. S. 196–200.
200. Рец.: S. Terplouchov. Древние погребения в Минусинском крае. Мат[ериалы] по этнографии III (1927), s. 57–112; M.P. Grjaznov. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сборник «Казакки» II (1927), s. 172–257; P. Rykov. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. Известия Краеведческого института II (1927), 22 s.; S. Durylin. Челябинские курганы. Сборник мат[ериалов] по изучению Челябинского округа I (1927), s. 56–71 // ESA. T. III. 1928. S. 186–188.
201. Рец.: A.V. Schmidt. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Сборник Музея антропологии и этнографии VI. S. 125–164 + Taf. I–III. 1927; Гуйский всадник. Записки колл[егии] востоковед[ов] I. 1925 // ESA. T. III. 1928. S. 188–191.
202. Рец.: Niederluf Sbornik, usporodal J. Schráníl. Obzor Praehistoricky IV. Prag 1925; Recueil d'études dédiées à la mémoire de N.P. Kondakov. Archéologie. Histoire de l'art. Etudes Byzantines. Prague. «Seminarium Kondakovianum» 1926; Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Etudes Byzantines. I. Prague. «Seminarium Kondakovianum» 1927 // ESA. T. III. 1928. S. 191–193.
203. Рец.: M. Rostovtzeff. Inlaid Bronzes of the Han Dynasty in the Collection of C.T. Loo. Paris and Brussels 1927. 78 s. folio + XX pl.; Statuette d'un cavalier de la Collection de M-me John D. Rockefeller. Monum. Et Mémoires Piot XXVIII. 1927; Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае. Seminarium Kondakovianum I. Prag 1927 // ESA. T. III. 1928. S. 193–194.
204. Рец.: Fettich Nandor. Die Tierkampfszene in der Nomadenkunst. Recueil Kondakov, s. 81–92. Prague 1926; Das Kunstgewerbe der Avarenzeit in Ungarn I. Zahnschnittornamentik und Pressmodellfunde. Mit 7 Taf. und 22 Abb. im Text. Archaeologia Hungarica I. Budapest 1926 // ESA. T. III. 1928. S. 194–195.
205. Nya leridoler från Ukraina och deras kulturställning [Новые глиняные фигурки-идолы из Украины и их культурная принадлежность] // FM. 1928. S. 28–44.
206. Perman «jumalaisten» sukuu [Генеалогия пермских «идольчиков»] // SM. 1928. P. 1–10.
207. Permian Studies. A. The Genealogy of the Permian Idols. B. The Permian-Scythian Fish and Its Descendants. C. Certain Pendants or Chain-holders [Пермские исследования: А. Генеалогия пермских идиолов. В. Пермско-скифские фигурки рыб и их «потомки». С. Некоторые подвески или цепедержатели] // ESA. T. III. 1928. S. 63–92.
208. Synspunkter på nordöstra Europas järnålderskoloniasjon [Точка зрения на колонизацию Северной Европы в железном веке] // Bergens Museums Erbok, Historisk-Antikvarisk. Rekke. T. 1. Bergen, 1928. S. 65–71.
209. Tiediemiesten vaino Neuvosto-Venäjällä [Репрессии ученых в Советской России] // Helsingin Sanomat 16.12.1928.
210. Tietoja suomalais-ugrilaisesta arkeologiasta. Mielenkiintoinen matka Venäjälle viime kesänä [Информация о финно-угорской археологии. Интересное путешествие в Россию прошлым летом] // Helsingin Sanomat 19.11., 20.11.1928.
211. Südrussland. C. Bronzezeit [Южная Россия: бронзовый век] // Ebert, Reallexikon. T. XIII. 1929. S. 50–52, Taf. 23, 24.
212. Turkestan. C. Bronzezeit [Туркестан: бронзовый век] // Ebert, Reallexikon. T. XIII. 1929. S. 485–486, Taf. 92.
213. Volossovo [Волосово] // Ebert, Reallexikon. T. XIV. 1929. S. 179.
214. Zujevskoe [Зуевский могильник] // Ebert, Reallexikon. T. XIV. 1929. S. 549.
215. Etudes sur le Caucase du nord [Исследования на Северном Кавказе] // ESA. T. IV. 1929. P. 22–40.
216. Suomalaiesten siirtyminen Suomeen [Переселение финнов в Финляндию] // HA. T. II. 1929. P. 25–34.
217. Zur osteuropäischen Archäologie [К вопросу о восточноевропейской археологии] // FUF. Bd. XX. 1929. S. 1–46.
218. Bjarmienmaa [Биармия] // KSV. T. 10. 1930. P. 58–83.
219. U.T. Sirelius. Discours prononce aux obseques [У.Т. Сирелиус. Речь, произнесённая на панихиде прощания] // ESA. T. V. 1930. P. 5–8.
220. Caucasian Monuments. The Kazbek Treasure [Кавказские памятники: Казбекский клад] // ESA. T. V. 1930. P. 109–182.
221. Funde aus der römischen Eisenzeit in Gouv. Novgorod [Находки римского железного века в Новгородской губернии] // ESA. T. V. 1930. S. 103–108. (B.V. Alexandrov, A.M. Tallgren)
222. Kaukasische anthropomorphe Figuren und der vorderasiatische Kulturkreis [Кавказские антропоморфные фигурки и переднеазиатский культурный круг] // Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. Leipzig, 1930. S. 48–55.
223. Muinaislöytöjä Altailta. Hautaryöstöjä, joista on huöttyä tieteelle [Археологические находки с Алтая. Разграбленные могилы, которые изучаются наукой] // Helsingin Sanomat 9.3.1930.
224. Kuolleita: Maria Veretennikov [Памяти Марии Веретенниковой] // Helsingin Sanomat 22.2.1931.
225. Prof. A.A. Spitsyn † [Профессор А.А. Спицын: Некролог] // Helsingin Sanomat 24.9.1931.
226. Suomen muinaisuus. Suomen historia I [Прошлое Финляндии. История Финляндии. Т. I]. Porvoo – Helsinki, 1931. 256 p.
227. Bjarmia [Биармия] // ESA. T. VI. 1931. S. 100–120.

228. Luoteis-Siperian kulttuurikosketuksista Kr. s. aikaan [О культурных связях Северо-Западной Сибири на рубеже эр] // KSV. Т. 11. 1931. P. 104–124.
229. Varia [Разное] // ESA. Т. VI. 1931. S. 175–180.
230. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit [К вопросу о раннем бронзовом веке Северного Кавказа] // ESA. Т. VI. 1931. S. 126–145.
231. Zur archäologischen Bibliographie betr. das Gebiet der jetzigen Sowjetunion für die Zeitperiode 1927–1929 [О библиографии по археологии в Советском Союзе за 1927–1929 гг.] // ESA. Т. VI. 1931. S. 181–209.
232. Рец.: Josef Strzygowski. Asiens bildende Kunst in Stichproben, ihr Wesen und ihre Entwicklung. Ein Versuch. Augsburg: Dr. Benno Filser Verlag, 1930. XXII + 782 S. + 658 Abb. (Arbeiten des I. Kunsthistorischen Instituts der Universität Wien. Т. XLV) // ESA. Т. VI. 1931. S. 212–214.
233. Рец.: G. Borovka. Scythian Art. Kai Khosru Monographs on Eastern Art. Benn, London, 1928. 112 p. + 74 pl.; Id.: Der skythische Tierstil. Archäologischer Anzeiger 1926. 369 s. // ESA. Т. VI. 1931. S. 214–215.
234. Рец.: Waldemar Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928. 93 s., 43 taf. Vorgeschichtliche Forschungen II: 1 // ESA. Т. VI. 1931. S. 215.
235. Рец.: Финно-угорский сборник. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Вып. 15. Ленинград, 1928. 350 с. // ESA. Т. VI. 1931. S. 215–217.
236. Zur Chronologie der osteuropäischen Bronzezeit [К вопросу о хронологии бронзового века Восточной Европы] // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. LXI. Wien, 1931. S. 81–97.
237. Zur westsibirischen Gruppe der “schamanistischen Figuren” [К вопросу о западносибирской группе «шаманских изображений»] // Seminarium Kondakovianum. Т. IV. Prague, 1931. S. 39–47.
238. Bjarmalanti. Rautakauden rajantakainen Karjala ja Karjalan Jäämeren kauppa. [Биармия. Карелия по ту сторону границы в железном веке и карельская торговля в Приполярье] // Karjalan Kirja. Т. 2. Helsinki, 1932. P. 181–193.
239. А.А. Spitsyne [А.А. Спицын] // ESA. Т. VII. 1932. P. 3–6.
240. Études archéologiques sur la Russie orientale durant l’ancien âge du fer [Археологические исследования древностей раннего железного века в Восточной России] // ESA. Т. VII. 1932. P. 7–32.
241. Рец.: Ed. Beninger. Der westgotisch-alanische Zug nach Mitteleuropa. Leipzig: Curt Kabitsch, 1931. 132 s. + 50 Textabb. (Mannus-Bibliothek. № 51) // ESA. Т. VII. 1932. P. 198–199.
242. Zur russischen archäologischen Literatur [О русской археологической литературе] // ESA. Т. VII. 1932. S. 202–205.
243. Dolmens of North Caucasia [Дольмены Северного Кавказа] // Antiquity. 1933. P. 190–202.
244. Ihmisen muotoisia jumalaisia suomensukuisten kansojen muinaiskalustossa [Антропоморфные фигурки в доисторическом инвентаре финских народов] // Suomi. Т. V. Helsinki, 1933. P. 290–300.
245. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures [Центральная Азия и наскальные изображения Сибири] // ESA. Т. VIII. 1933. P. 175–210.
246. Notes marginales [Заметки на полях] // ESA. Т. VIII. 1933. P. 235–242.
247. Sur les faux en préhistoire [Подделки в предистории] // ESA. Т. VIII. 1933. P. 242–249.
248. Рец.: Aarne Ayräpää. Die Streitaxtkulturen in Russland // FUF, Anzeiger. Bd. XXI. 1933. S. 74–79.
249. Sisä-Aasian kalliopiirroset [Наскальные рисунки Центральной Азии] // KSV. Т. 13. 1933. P. 153–178.
250. Zum Ursprungsgebiet des sog. skythischen Tierstils [К вопросу о прародине так называемого скифского звериного стиля] // Acta Archaeologica. Т. IV. København, 1933. S. 258–264.
251. Die “altpermische” Pelzwarenperiode an der Peçoga [«Древнепермский» период пушных товаров на Печоре] // SMYA. Т. 40. 1934. S. 152–181.
252. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental [О мегалитических памятниках Западного Кавказа] // ESA. Т. IX. 1934. P. 1–46.
253. Kaukokarjalan ja Bjarmian muinainen suuraika [Великое доисторическое время дальней Карелии и Биармии] // Suomen Museo-liiton julkaisu. Т. 5. Helsinki, 1935. P. 64–65.
254. Euraasian arojen varhaishistoriallisia suurmuistoja. Kaukasian muistomerkkejä [Доисторическое величие евразийских степей. Памятники Предкавказья] // Muinaisajan ihmeet. Т. II. Porvoo, 1935. P. 493–498.
255. “Pohjanlahdelta Uralille” [“От Ботнического залива до Урала”] // KSV. Т. 15. 1935. P. 229–234.
256. Sur la méthode de l’archéologie préhistorique [К вопросу о методе доисторической археологии] // ESA. Т. X. 1936. P. 16–24.
257. Archaeological Studies in Soviet Russia [Археологические исследования в Советской России] // ESA. Т. X. 1936. P. 129–170.
258. Problems Concerning the Central-Russian Gorodische Civilisation [Городища центра Европейской России: к проблеме культурного феномена] // ESA. Т. X. 1936. P. 171–185.
259. Geschichte der antiquarischen Forschung in Finnland [История научного изучения древностей в Финляндии] // ESA. Т. X. 1936. S. 199–261.
260. Рец.: J.I. Smirnov. Der Schatz von Achalgori. Aus dem Nachlass (Smirnovs) von Georg Tschubinischwili herausgegeben. Tiflis, 1934. XXIV + 70 s. + 12 taf. // ESA. Т. X. 1936. S. 264–266.
261. Рец.: Alfred Salmony. Sino-Siberian Art in the Collection of C.T. Loo. Paris, 1933 // ESA. Т. X. 1936. S. 267–268.
262. Рец.: “Opinions téméraires” // ESA. Т. X. 1936. S. 274.
263. J.R. Aspelinin uran alkutaipaleelta [О начале карьеры И.Р. Аспелина] // KSV. Т. 17. 1937. P. 83–101.
264. The Arctic Bronze Age in Europe [Бронзовый век на севере Европы] // ESA. Т. XI. 1937. P. 1–46.
265. “Portable Altars” [«Портативные алтари»] // ESA. Т. XI. 1937. P. 47–68.
266. The South Siberian Cemetery of Oglakty from the Han period [Могильник Оглакты эпохи Хань (Южная Сибирь)] // ESA. Т. XI. 1937. P. 69–90.
267. Studies of the Pontic Bronze Age [Исследования бронзового века Северного Причерноморья] // ESA. Т. XI. 1937. P. 103–121.
268. Sur l’origine des antiquités dites mordviennes [О происхождении мордовских древностей] // ESA. Т. XI. 1937. P. 122–133.
269. Enamelled Ornaments in the Valley of Desna [Украшения с эмалью долины Десны] // ESA. Т. XI. 1937. P. 147–156.
270. Editorial Notes [Заметки редактора] // ESA. Т. XI. 1937. P. 204–207.
271. Pohjoisen Euraasian kiviset oinaapäät [Каменные скульптуры в виде голов овец в Северной Евразии] // SM. 1937. P. 14–22.
272. The Method of Prehistoric Archaeology [О методе доисторической археологии] // Antiquity. 1937. P. 152–161.
273. The Prehistory of Ingria [Доисторическое прошлое Ингрии] // ESA. Т. XII. 1938. P. 79–108.
274. Some North-Eurasian Sculptures [О некоторых скульптурах Северной Евразии] // ESA. Т. XII. 1938. P. 109–135.

275. *Varia* [Разное] // *ESA*. Т. XII. 1938. P. 217–233.
 276. *Kurze Übersicht* [Краткий обзор] // *ESA*. Т. XII. 1938. S. 236–238.
 277. *From the Editor* [От редактора] // *ESA*. Т. XII. 1938. P. 239–241.
 278. Die sog. Mäläräxte der ostbaltischen Bronzezeit [Так называемые меларские кельты в бронзовом веке Восточной Балтики] // *Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused*. Т. XXX (*Liber Saecularis*). Tartu, 1938. S. 721–726.
 279. *Kauko-Karjalan muinaismuistot ja esihistoriallinen asutus* [Древности дальней Карелии и доисторическое население] // *НА*. Т. VIII. 1938. P. 9–20.
 280. *Sur les antiquités trouvées depuis la guerre dans l'Asie septentrionale* [О древностях, найденных после мировой войны в Северной Азии] // *SUSA*. Т. XLIX: 1. 1938. P. 47–60.
 281. *Hjalmar Appelgren-Kivalo. Muistorpuhe* [Яльмар Аппельгрэн-Кивало в воспоминаниях] // *Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1937*. Helsinki, 1939. P. 60–71.
 282. “Ethnogenesis” eli ajatuksia kansakuntain synnystä [«Этногенез», или размышления о возникновении наций] // *НА*. Т. IX. 1939. P. 40–50.
 283. *The Mannerheim archaeological Collection from Eastern Turkestan* [Археологическая коллекция Маннергейма из Восточного Туркестана] // *SUSKJ*. Т. VIII. 1940. 53 s. (C.G. Mannerheim. *Acrossa Asia II*)
 284. *The Origin of the Finnish Race* [Происхождение финской расы] // *The Illustrated London News*. 1940. April 13. P. 494–495.
 285. *Itä-Karjalan esi- ja varhaishistoriaa* [Доистория и древняя история Восточной Карелии] // *Itsenäinen Suomi* 8–9. Helsinki, 1941. P. 13–14.
 286. *Östkarelen förhistoria och äldsta historiska tid* [Доистория и древнейший исторический период в Восточной Карелии] // *Kampen om Östkarelen*. Helsinki, 1941. P. 7–13.
 287. *J.R. Aspelinin syntymän 100-vuotismuistoksi* [К столетнему юбилею со дня рождения И.Р. Аспелина] // *Kansanvalistusseuran Kalenteri*. Helsinki, 1942. P. 13–20.
 288. *Kubanin laakson muinaiskulttuuri* [Древняя культура долины Кубани] // *Helsingin Sanomat* 11.8.1942.
 289. *Muinaisen Kaukasian* [Древний Кавказ] // *Helsingin Sanomat* 5.9.1942.
 290. *Suomalaisia muinaistutkimuksen harrastelijoita Venäjällä* [Финские исследователи древностей в России] // *Terra*. Helsinki, 1942. P. 187–198.
 291. *Suomen suvun muinaistutkija. J.R. Aspelinin satavuotismuisto* [Исследователи древностей финского племени. Празднование столетнего юбилея И.Р. Аспелина] // *Helsingin Sanomat* 1.8.1942.
 292. *Marttyyri voittaa aina. Inkerin suomalaiset, kelvollisten miesten ja naisten kansa.* [Мэртиец побеждает всегда. Ингерманландские финны, народ трудолюбивых мужчин и женщин] // *Suomen Kuvalehti*. Helsinki, 1943. P. 510–511.
 293. *J.R. Aspelin, hans livsgärning och svenska förbindelser* [И.Р. Аспелин, дело всей его жизни и шведские связи] // *Fornvännen*. Stockholm, 1944. S. 65–82.

Список индивидуальных сокращений

АМУ	– Архив Отделения доистории Марбургского университета. Собрание Геро фон Мергарта (Марбург)
АС	– Археологический съезд
ИОАИЭ	– Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань
КГПУ	– Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск)
МВФ	– Музейное ведомство Финляндии
РАТ	– Рабочий архив А.М. Тальгрена в Музейном ведомстве Финляндии (Хельсинки)
РИМ	– Российский Исторический музей (Москва)
РОНБФ	– Рукописный отдел Национальной библиотеки Финляндии (Хельсинки)
УОЛЕ	– Уральское общество любителей естествознания
ESA	– <i>Eurasia Septentrionalis Antiqua</i> . Helsinki
Ebert, Reallexikon	– <i>Reallexikon der Vorgeschichte</i> . Herausgegeben von Max Ebert. Berlin
FA	– <i>Fennoscandia archaeologica</i> . Helsinki
FM	– <i>Finskt Museum</i> . Helsingfors
FUF	– <i>Finnisch-ugrische Forschungen</i> . Helsinki
FUF, Anzeiger	– <i>Finnisch-ugrische Forschungen, Anzeiger</i> . Helsinki
HA	– <i>Historian Aitta</i> . Helsinki
HAik	– <i>Historiallinen Aikakauskirja</i> . Helsinki
KE	– <i>Kansallinen elämäkerrasto</i> . Helsinki
KSV	– <i>Kalevalaseuran vuosikirja</i> . Helsinki
PZ	– <i>Prähistorische Zeitschrift</i> . Berlin
SM	– <i>Suomen Museo</i> . Helsinki
SMYA	– <i>Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja</i> . Helsinki
SUSA	– <i>Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja</i> – <i>Journal de la Société Finno-Ougrienne</i> . Helsinki
SUSKJ	– <i>Suomalais-ugrilaisen Seuran Kansatieteellisiä julkaisuja</i> – <i>Société Finno-Ougrienne, Travaux ethnographiques</i> . Helsinki
SUST	– <i>Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia</i> – <i>Mémoires de la Société Finno-Ougrienne</i> . Helsinki

А.В. Новиков

ПАМЯТНИКИ С ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ И ШНУРОВОЙ КЕРАМИКОЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ ГАЛИЧСКОГО ОЗЕРА

Памятники находятся на территории современного административного Галичского района Костромской области, который расположен на севере центральной части Восточно-Европейской (Русской) равнины. Район приурочен к полого-холмистой моренно-водно-ледниковой равнине, рассечённой большой котловиной Галичского озера ледникового происхождения. По настоящее время он представляет собой плоскую озёрно-ледниковую равнину Московского оледенения, на которую наложены более поздние озёрные террасы. Озёрная равнина сравнительно слабо расчленена речными долинами, местами заболочена, а с южной стороны подпирается высокими холмами моренной гряды Московского оледенения. Основной тип почв района – дерново-сильнопodzольные, суглинистые [1].

Изучение памятников, содержащих комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики ананьинского облика, да и вообще материалов раннего железного века (РЖВ), в большинстве связанных с сетчатой керамикой, в районе Галичского озера имеет продолжительную историю, но его результаты долгое время оставались без внимания. Первые полевые археологические работы были проведены ещё в начале XX века.

Однако заметим, что комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ выделялись не всеми исследователями. При интерпретации материалов РЖВ внимание исследователей специально не акцентировалось на полном освещении и выделении таких комплексов из массива сетчатой, гладкостенной, штрихованной и иной посуды на памятниках указанного региона и Костромского Поволжья в целом. Отдельно и детально не систематизировались такие материалы и при проведении полевых работ, они лишь суммарно, по отдельным признакам, описывались при раскопках памятников. Проблематика, связанная с данными комплексами и населением, их оставившим, главным образом сводилась и рассматривалась с точки зрения распространения культурных групп и племён с такой керамикой, их смешения с местным населением, оказываемого влияния, связей, анализа пограничных территорий между племенами и, в первую очередь, их взаимодействия.

То есть в совокупности, при рассмотрении материалов РЖВ Костромского Поволжья исследователи выделяли и указывали ананьинские комплексы (по характерным деталям таковых, в первую очередь отличительным признакам на посуде – наличию «воротничка» и верёвочного орнамента) на отдельных памятниках данного региона: М.Е. Фосс [2, с. 39], Н.Н. Гурина [3, с. 158, 201], Е.И. Горюнова [4, с. 23–25], П.Н. Третьяков [5, с. 149], А.В. Збруева [6, с. 185–186], В.Н. Марков [7, с. 61, 63], В.И. Вишневецкий [8, с. 10].

Первые раскопки памятников с материалами РЖВ в районе Галичского озера: поселения Быки (Пуп), городищ Брюхово (Курган) и Унорож – в 1908 г. провёл В.Н. Глазов [9, с. 147, 149; 10, с. 6; 11; 12]. При раскопках Брюховского городища он отметил, что культурный слой состоит из двух пластов, и отнёс памятник к каменному веку. Среди вещей В.Н. Глазов упоминает и два рыболовных грузила, одно с точечными ямками, орнаментированное пряслице... и др. [10, с. 18]. В этом же году А.М. Тальгрэн проводит небольшие раскопки на поселении Туровское («Заячья горка») [13, с. 52].

В 20-е годы XX века масштабные археологические работы на территории Галичского района проведены под руководством В.И. Смирнова Костромским научным обществом по изучению местного края.

В 1921 г. раскапывается поселение Туровское («Заячья горка») [14, с. 240]. В 1924 г. исследования стоянки были продолжены В.А. Городцовым, они стали основными раскопками памятника [13, с. 54]. Однако позже, в 1927 г., В.И. Смирнов продолжил исследования памятника, ввиду несогласия с В.А. Городцовым, который, на его взгляд, датировал материалы слишком поздним временем [14, с. 242]. В 1964 г. исследования стоянки были продолжены под руководством Л.В. Кольцова Верхневолжской археологической экспедицией ИА АН СССР.

В 1927 г. В.И. Смирнов произвёл шурфовку городища Брюхово (Курган) [10, с. 18], провёл археологическую разведку на поселении Быки (Пуп), в результате которой было найдено большое количество сетчатой посуды [10, с. 6; 12]. В 1927 г. им было открыто поселение Пески (Умиление, иначе – Умиление), где он в этом же и следующем году проводит раскопки [14, с. 242; 15]. Также было открыто селище Унорож и обследованы такие памятники, как селище Воскресенское и городище Унорож [11; 16; 17].

В послевоенные годы археологические исследования на памятниках, включающих материалы РЖВ, в округе Галичского озера проводились М.Е. Фосс. В 1945 г. произведены раскопки на поселении Быки (Пуп) и шурфовка на дюне «Умиленье». В 1946 г. раскопками на дюне близ бывшего монастыря «Умиленье» вскрыто более 160 кв. м, в 1947 г. раскопки продолжены, а также произведены осмотр, обследование и сбор материала в осыпи на территории поселения Быки (Пуп) [18; 19].

На Быках в 1945 г. раскопки проведены двумя траншеями. Автором отмечено, что керамика сочетает сетчатую «типа Умиления» и другого вида – с оттисками верёвочки, на которой можно отметить местные узоры и узоры ананьинского типа. М.Е. Фосс видит близость данной керамики к керамике со стоянок беломорской культуры, например с Красной горы. Она датирует селище 1-й пол. I тыс. до н.э. [20, с. 69]. В целом на керамике с памятников в окрестностях Галичского озера М.Е. Фосс отмечает отдельные элементы, свойственные ананьинской посуде: так, на Быках на керамике имеются накладной валик и орнамент ананьинского типа (оттиски верёвочки) [2, с. 39].

В 1946 году раскопки проводятся на поселении с железоплавильной мастерской Умиленье, где в этом и последующем годах были сосредоточены основные работы. В раскопе были раскрыты две землянки размерами 5,5×3×0,8 м и 6,7×4×0,8 м и самостоятельные очажные ямы вне жилищ. Кроме того, зафиксированы железоплавильные ямы, на дне которых «находились только плоскдонные сосуды с «сетчатым» орнаментом ранне-дьяковского типа...», часть фрагментов сплавлена со шлаками и кусками железа [18, с. 3–5].

По итогам исследований М.Е. Фосс резюмирует, что керамика полностью тождественна керамике Старшего Каширского городища, которая датируется VII–V вв. до н.э. Но, принимая во внимание, что здесь бытуют ещё каменные орудия, уже вытесненные железными на Каширском городище, она относит «...железоплавильную стоянку к несколько более раннему времени...» – VIII–VII вв. до н.э. Поселение Быки, исходя из присутствия в комплексе керамики ананьинского типа, М.Е. Фосс датирует ориентировочно VI–V вв. до н.э. [18, с. 8–9]. На её взгляд, материалы данных раскопок позволяют осветить и Галичскую стоянку, где были найдены железные шлаки. При сопоставлении материалов с найденными в Умиленье исследователь приходит к выводу, что на ней имеются также два комплекса: ранний и поздний. Поздняя дата сопоставима с VIII–VII вв. до н.э. [18, с. 12].

В 1947 г. были продолжены полевые работы на дюне «Умиленье». Площадь раскопа составила 56 кв. м. Были открыты сохранившиеся целиком очажные ямы. Найдены фрагменты сосудов, в которые насыпалась измельчённая руда. М.Е. Фосс отметила, что поверхность их покрыта «сетчатым» орнаментом дяковского типа или оттисками шнура, нанесёнными вертикально, как на сосудах на Старшем Каширском городище и других городищах дяковской культуры. На основании этого она делает вывод, что сосуды бытового назначения использовались в качестве тиглей. Таким образом, раскопом 1947 г. было открыто второе место выработки железа [19, с. 4–12]. По результатам исследований М.Е. Фосс выясняет границы распространения дяковского поселения, определяет время комплексов, которое соотносит приблизительно с VII в. до н.э.

На основании сходства керамики она приходит к окончательным выводам, что дяковское поселение на дюне «Умиленье», сопровождаемое выработкой железа, относится ко времени существования поселения Быки. Исследователь также отмечает находку железной крицы и на самих Быках, как бы указывающую на связь с «железоплавильной». Ведь никаких других признаков выработки железа на месте данного поселения обнаружено не было [19, с. 23].

Десятилетие спустя разведочные работы на территории Галичского и Сусанинского районов проводит М.И. Матасов. Его исследования носили характер лишь визуального обследования местности, фотофиксации, осмотра и описания памятников, сбора подъёмного материала.

В 1956 г. в Ореховском районе (современный Галичский) М.И. Матасов осмотрел городище Унорож, сделав описание памятника, побывал на городище Брюхово (Курган), описав техническое состояние памятника, собрав находки (3 клыка кабана, 15 черепков сетчатой керамики) и сделав замеры и фотографии. Представляет, на мой взгляд, интерес ещё одно место, описанное М.И. Матасовым под д. Демьяновское, где на склоне мыса у оврага «Мельник» он заметил культурный слой. При осмотре мыса и осыпи им были найдены 14 фрагментов глиняной посуды с сетчатым и верёвочным орнаментом и ямками. Вследствие неисправности фотоаппарата фотоснимки в этот год сделать ему не удалось [21, с. 4–9].

Позднее, в 1958 г., М.И. Матасов повторно осмотрел городище у д. Брюхово, стоянку у д. Демьяновское, обнаруженную в 1956 г., сделав фотоснимки, провёл наружный осмотр городища Унорож [22, с. 1].

В 1961 г. значительные археологические работы на памятниках, расположенных в округе Галичского озера, были проведены Е.И. Горюновой.

При посещении Галичского музея она обнаружила новый материал, поступивший с места строительства ж/д моста через реку Челсма. Судя по произведённым ею описаниям, материал был представлен сетчатой и шнуровой ананьинского типа керамикой. Е.И. Горюнова отмечает, что «сетка» сочетается с ямочным орнаментом. На нескольких фрагментах «сетка» покрывает лишь нижнюю часть сосуда, верхняя же треть тулова заглажена и украшена оттисками шнура и гребенчатого штампа. На некоторых фрагментах видны следы выгоревших при обжиге примесей. Место осмотрено не было, но Е.И. Горюнова предположила, что, вероятнее всего, поселение в значительной части было полностью уничтожено [10, с. 4]. По крайней мере, по её описанию, керамика действительно схожа с керамикой ананьинского облика.

В этом же, 1961, году Е.И. Горюнова проводит раскопки на поселении Быки (Пуп). Вскрыта площадь в 96 кв. м. При описании материалов с памятника указывается, что в верхнем слое были найдены мелкие фрагменты керамики с сетчатой поверхностью, один обломок шейки имел валикообразный выступ, напоминаю-

ший неразвитый «воротничок» раннеананьинской посуды Прикамья. Некоторые обломки шеек были орнаментированы по сетке оттисками шнура в несколько рядов. В раскопе зафиксированы два жилища. Жилище 1 – наземного типа с длинной стороной 640 см, с пониженным уровнем земляного пола. Керамика – сетчатая, большая часть имеет орнамент из оттисков шнура, гребенчатого штампа и ямок. Часть обломков на шейке имела валик – недоразвитый «воротничок». Предварительно исследователь датирует жилище предананьинским временем – VIII–VII вв. до н.э. Второе жилище – полуземляночное, размерами 5,2×4 м, глубиной котлована 80–85 см, с тамбуром или коридорообразным выходом, длина которого 0,8 м, ширина 2 м, – было перекрыто первым, наземным. Керамика – вся сетчатая и орнаментирована оттисками шнура, гребенчатого штампа, часто в комбинации с неправильными ямками [10, с. 7–11].

Поселение Быки (Пуп) Е.И. Горюнова характеризует как раннедьяковский памятник северо-восточной, Костромской, группы т.н. дьяковской культуры и предлагает датировки, укладывающиеся в начало I тыс. до н.э. (IX–VII вв. до н.э.) [10, с. 13]. Она также приходит к мнению, что керамика селища Быки близка к керамике из второго и третьего слоёв Одоевского городища [4, с. 23].

Следующим было обследовано Брюховское городище, среди местного населения известное под названием «Курган». Оно расположено на останце пойменного берега р. Вёксы. Описывая керамику верхних горизонтов, Е.И. Горюнова отмечает, что она имеет разнообразные орнаменты в верхней трети сосудов по шейке и плечикам: оттиски шнура в несколько рядов; оттиски шнура ломаной линией; ямки; оттиски гребенчатого штампа. Фиксируется закономерность сочетания формы сосуда и характера его орнаментации. Прямостенные (баночные) сосуды покрыты сеткой по всему тулову и лишены орнамента. На сосудах горшковидной формы с отогнутым венчиком сетчатые отпечатки и штриховка доходят до плечиков. Верхняя часть горшка, несущая орнамент, заглаживается. В верхнем горизонте обнаружена и круглодонная, и плоскодонная посуда [10, с. 14–20].

По её мнению, в целом памятник относится к самому началу I тыс. до н.э. – начальному этапу так называемой дьяковской культуры, её северо-восточного локального варианта [10, с. 25].

На конкретном участке памятника видна относительная стратификация древностей РЖВ. Первоначально формируется нижний горизонт, характеризующийся исключительно сетчатой керамикой, на который накладывается культурно-хронологический пласт, характеризующийся, в частности, ананьинской керамикой (верхний горизонт). Таким образом, вряд ли памятник целиком укладывается в выделяемую Е.И. Горюновой группу локального (Костромского) северо-восточного варианта дьяковской культуры. Тем не менее керамические материалы дифференцируются и керамика ананьинского облика выделяется и хорошо описывается автором раскопок. Верхняя дата памятника в целом может быть предложена существенно моложе: вплоть до IV в. до н.э.

В 80-х годах XX века в указанном районе было предпринято сплошное обследование берегов Галичского озера.

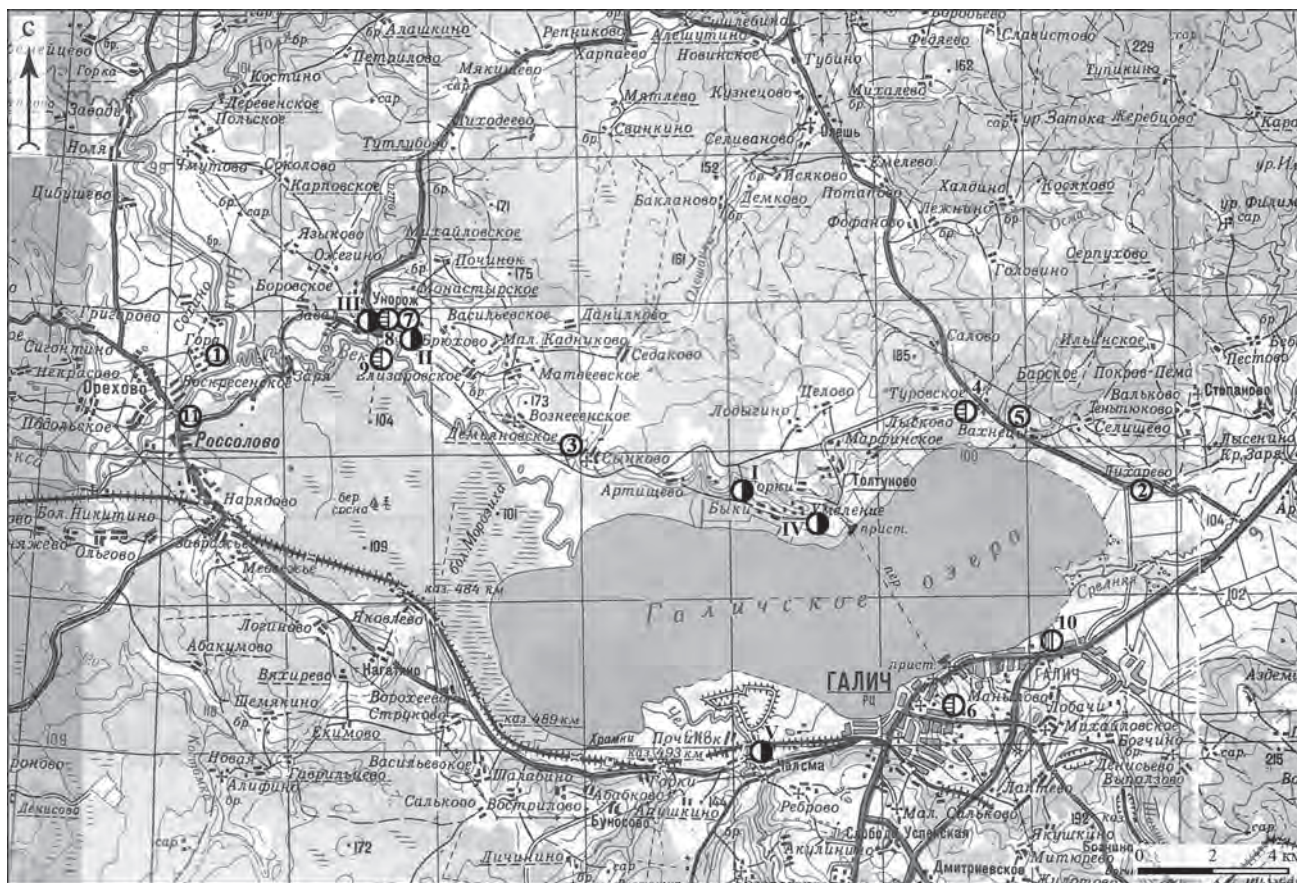
Ю.Н. Урбаном в 1979 г. открыто селище Кучумиха, на 90 % разрушенное карьером. Имеется культурный слой мощностью 30 см. Найдена сетчатая керамика [23]. В 1981 г. открыто городище РЖВ в г. Галиче, датируемое периодом I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э. (паспорт [24]), обследованы известное селище Быки (Пуп) (I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.) и поселение Умиление (Пески) (стоянка III у д. Толтуново) [25, с. 50–53]. В 1981 г. обследовано селище Туровское II, зафиксирован культурный слой мощностью 25–30 см. Найдена сетчатая керамика [9, с. 159; 26]. В 1982 г. открыты и обследованы два селища РЖВ у д. Брюхово – селища II и III. На селище II отмечается культурный слой мощностью до 25 см, на селище III – до 20 см. На обоих памятниках найдена сетчатая керамика [9, с. 148; 27; 28]. Селище Унорож обследовано Ю.Н. Урбаном в 1982 г., зафиксирован культурный слой мощностью до 30 см. Найдены обломки сетчатой и гладкостенной посуды [9, с. 166; 17].

В 1982 г. В.В. Сидоровым открыто селище Лихарево II. Мощность культурного слоя составляет в среднем 25 см. Отмечается, что керамика относится к типичной сетчатой, характерной для городищ РЖВ. Паспорт памятника составлен Ю.Н. Урбаном [29].

В 1983 г. К.И. Комаровым обследовано городище Унорож. На основании имеющихся материалов дана ориентировочная датировка памятника. Так, К.И. Комаров указывает, что стратиграфия слоя позволяет сделать вывод о двух периодах жизни на городище. Начало функционирования городища относится ко времени возникновения культуры раннего железного века, к VIII–VII или VII–VI вв. до н.э. Второй период жизни на городище может охватывать 1-ю половину или 1-е три четверти I тыс. н.э. Им же обследована территория бывшей стоянки у д. Шокша в урочище Бугорки. Памятник, интерпретированный как стоянка дюнного типа, был открыт в 1925 г. А.Я. Брюсовым. К 1983 г. стоянка была разрушена дорогой [30, с. 6–8]. В этом же году осмотрено селище Воскресенское. Наряду с другими, преобладающими, комплексами встречается сетчатая керамика, отнесённая к РЖВ [9, с. 150–151; 16].

В 2013 г. проведены археологические раскопки на городище Унорож. Площадь раскопа составила 40 кв. м. Найдены фрагменты сетчатой, гребенчато-шнуровой и шнуровой посуды РЖВ. Эта керамика сильно измельчена и переотложена в период функционирования мерянского поселения на данном месте. В основном памятник содержит материалы IX–XI вв. н.э. Комплекс РЖВ представлен информативно и отчётливо, однако самостоятельный культурный слой, связанный с ним, на месте проведённых исследований не зафиксирован, как и какие-либо объекты, относящиеся к данному хронологическому пласту. Но не вызывает сомнения, что поселение в данную эпоху существовало на территории останца, вероятнее всего, в его южной выступающей части, к настоящему времени сплошь занятой кладбищем [31].

Таким образом, сейчас на прилегающей к Галичскому озеру территории имеются четыре достоверных памятника (и один отнесён по косвенным признакам), в составе материалов которых можно выделить комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики ананьинского облика. Это – городище Брюхово (Курган), поселение Быки (Пуп), городище Унорож, поселения Умильенье (Пески) и Челсма (рис. 1–6). Но следует заметить, что все эти памятники подвергались раскопкам, за исключением поселения Челсма, которое было, вероятно, полностью разрушено. И памятники, на которых проводилось только разведочное обследование и вскрывалась незначительная площадь, чаще всего шурфами (или не вскрывалась вовсе), а для культурного определения и датировок использовался подъёмный материал, по большей части идентифицируемый как сетчатая керамика, также с большой долей вероятности могут содержать такие комплексы. Следует

Памятники РЖВ
с гребенчато-шнуровой,
шнуровой и сетчатой керамикой:

- I – поселение Быки (Пуп)
- II – городище Брюхово (Курган)
- III – городище Унорож
- IV – поселение Умильенье
- V – поселение Челсма

Памятники РЖВ
с сетчатой, гладкостенной
и штрихованной керамикой:

- 1 – поселение Воскресенское
- 2 – поселение Лихарево II
- 3 – поселение Демьяновское
- 4 – поселение Туровское II
- 5 – поселение Туровское («Заячья гора»)
- 6 – городище в городе Галиче
- 7 – поселение Брюхово II
- 8 – поселение Брюхово III
- 9 – поселение Унорож
- 10 – поселение Шокша (Бугорки)
- 11 – поселение Кучумиха (Кучумовка)

Условные обозначения:

- – памятники с сетчатой керамикой
- ⊖ – памятники с гладкостенной керамикой
- – памятники с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой
- ⊕ – памятники со штрихованной керамикой

Рис. 1. Костромская область. Галичский район. Карта окрестностей Галичского озера с памятниками раннего железного века (РЖВ)

отметить, что с наибольшего расширения по тулову или с плечиков, иногда и по шейке целиком такие сосуды содержат участки, покрытые сетчатыми отпечатками как мелкоячеистой, так и крупноячеистой структуры с регулярным и хаотичным их нанесением. Данное обстоятельство при работе с коллекциями сильно фрагментированной керамики, перепутанными материалами зачастую не позволяет корректно идентифицировать различные комплексы посуды РЖВ с конкретного памятника и отождествлять их с сетчатой, сетчатой дьяковского типа, гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой, а значит, и выделять такие комплексы на отдельных памятниках с небольшим количеством находок, собранных, как правило, с поверхности или добытых во время зачисток.

Принимая во внимание вышесказанное, можно предположить, что памятников, содержащих комплексы посуды ананьинского облика, очевидно, значительно больше. Впрочем, рассмотрение данного обстоятельства требует специальных стационарных археологических работ, выполнение которых позволит конкретизировать указанный список, который, безусловно, будет корректироваться и дополняться. С этой точки зрения потенциально необходимо для исследований рассматривать поселения одного хронологического периода. В данной округе это такие памятники, как поселения Лихарево II, Демьяновское, Туровское II, городище в Галиче, селища Брюхово II и III, городище Унорож, поселение Кучумиха (рис. 1). Перечисленные памятники обследованы только разведками, и определить полный видовой состав керамики, имеющейся на них, затруднительно.

Заселение участков вокруг Галичского озера в РЖВ населением с ананьинскими традициями изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики в основном происходило по северному, северо-западному берегам озера и вытекающей из него р. Вёксы. В окрестностях Галичского озера поселения с такими комплексами посуды тяготеют к высоким, выраженным на местности местам. Для проживания, как правило, использованы естественные укрепленные участки – останцы в высокой пойме, тяготеющие к коренной террасе и отделённые от неё небольшими овражками. Среди таких – городища Унорож, Брюхово (Курган), поселение Быки (Пуп) (рис. 3–5). Только одно поселение – Умиление (Пески) – располагалось на дюнном всхолмлении в озёрной пойме (рис. 2), но и основные, преобладающие, комплексы, характеризующие данное поселение, – более ранние (сетчатая керамика позднего периода эпохи бронзы и РЖВ, галичская неолитическая керамика) по отношению к гребенчато-шнуровой и шнуровой керамике. Шнуровая посуда на территории поселения – единична, что может указывать лишь на кратковременное посещение данного места в период расселения ананьинских групп в VI–IV вв. до н.э. Остаётся не совсем определённым место распо-

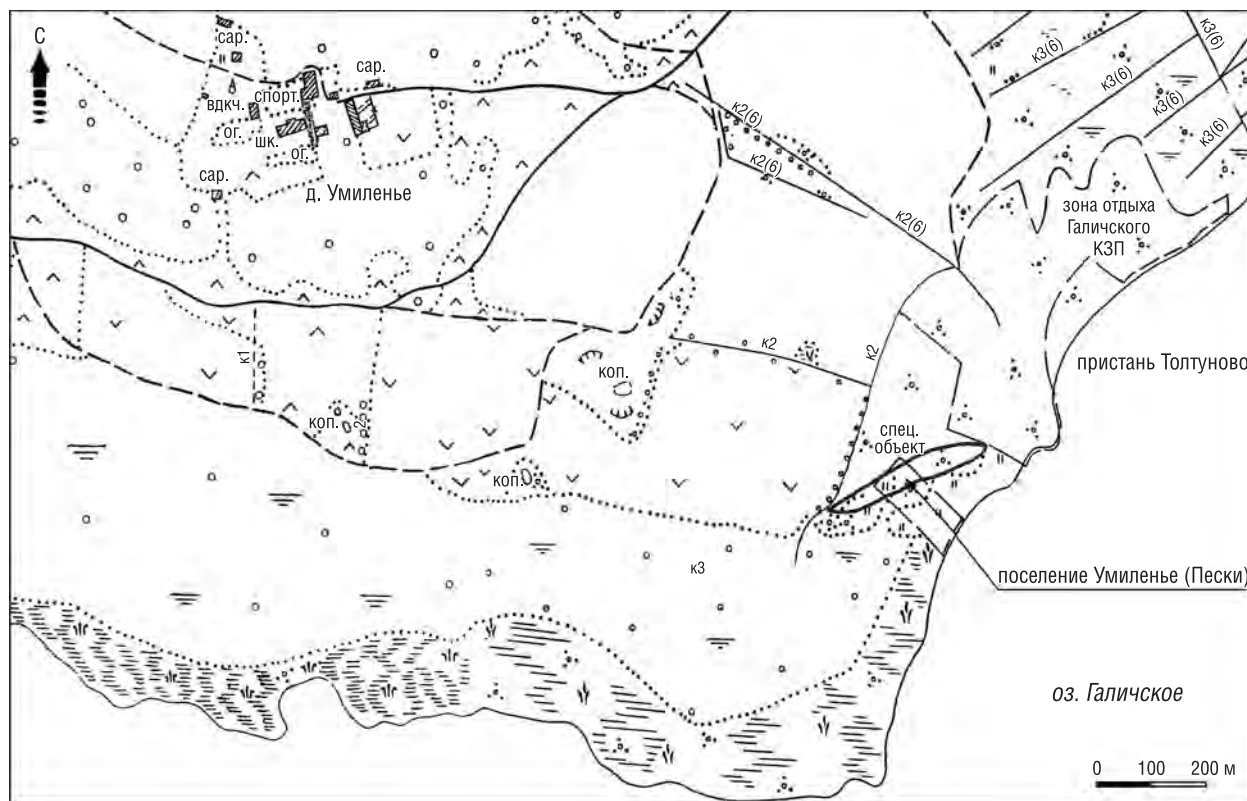

Рис. 2. Костромская область. Галичский район, с. Умиление. Поселение Умиление (Пески). Ситуационный план

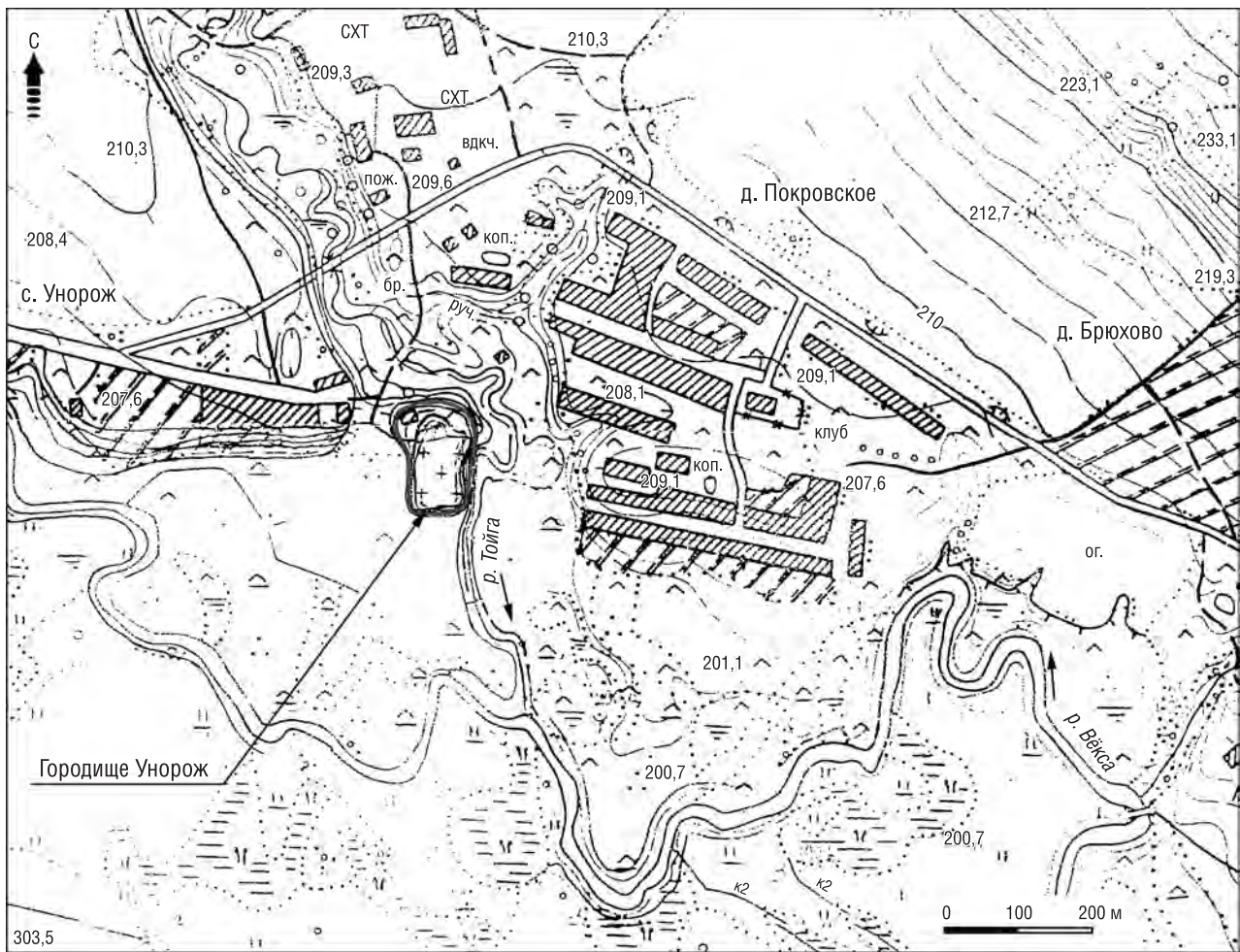

Рис. 3. Костромская область. Галичский район, с. Унорож. Городище Унорож. Ситуационный план

ложения поселения Челсма, судя по описаниям Е.И. Горюновой, также содержащего комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики. Памятник был разрушен при строительстве железнодорожного моста. Находился в южной части озёрной котловины. Тяготел к пойменной части и располагался на месте вытеkania из р. Челсма ручья Святица.

Высота поселений над уровнем широкой высокой поймы составляет: 8 м – Брюхово, 7 м – Быки, 9–12 м – Унорож, 2–6 м – Умильенье. ? – Челсма. Площадь: 475 кв. м – Брюхово, 320 кв. м – Быки (практически вся площадь раскопана), площадь городища в Унороже неопределима из-за сильной нарушенности культурного слоя РЖВ на памятнике и разбросанности комплексов такой посуды, перемешанных в период функционирования на площадке мерянского посёлка X–XI вв. н.э. и при использовании территории в ещё более позднее время (древнерусский период, русское время, а также поздний монастырский период, когда начинает функционировать кладбище, действующее и в наши дни). Но, скорее всего, поселение РЖВ находилось в южной мысовидной выступающей части останца. Территория поселения Умильенье (Пески) достаточно большая и включает в себя две части дюнного всхолмления, по крайней мере одна из них площадью около 6000 кв. м, использовалась людьми для проживания в поздний период эпохи бронзы и в раннем железном веке.

Здесь следует указать, что слой с керамикой ананьинского облика на городище Брюхово и поселении Быки представлен в верхних горизонтах культурных отложений, нижние слои содержат материалы, отождествляющиеся исключительно с сетчатой керамикой VIII–VII вв. до н.э.

При характеристике гребенчато-шнуровых и шнуровых керамических комплексов памятников данной территории необходимо отметить, что посуда в значительной степени измельчена и представлена фрагментами. Целые формы сосудов не выделены.

С поселения Умильенье (Пески) происходит один фрагмент сосуда с шнуровыми отпечатками (из раскопа 1927 г. В.И. Смирнова), он выглядит достаточно чужеродно среди сетчатой, нитчатой и другой посуды РЖВ.

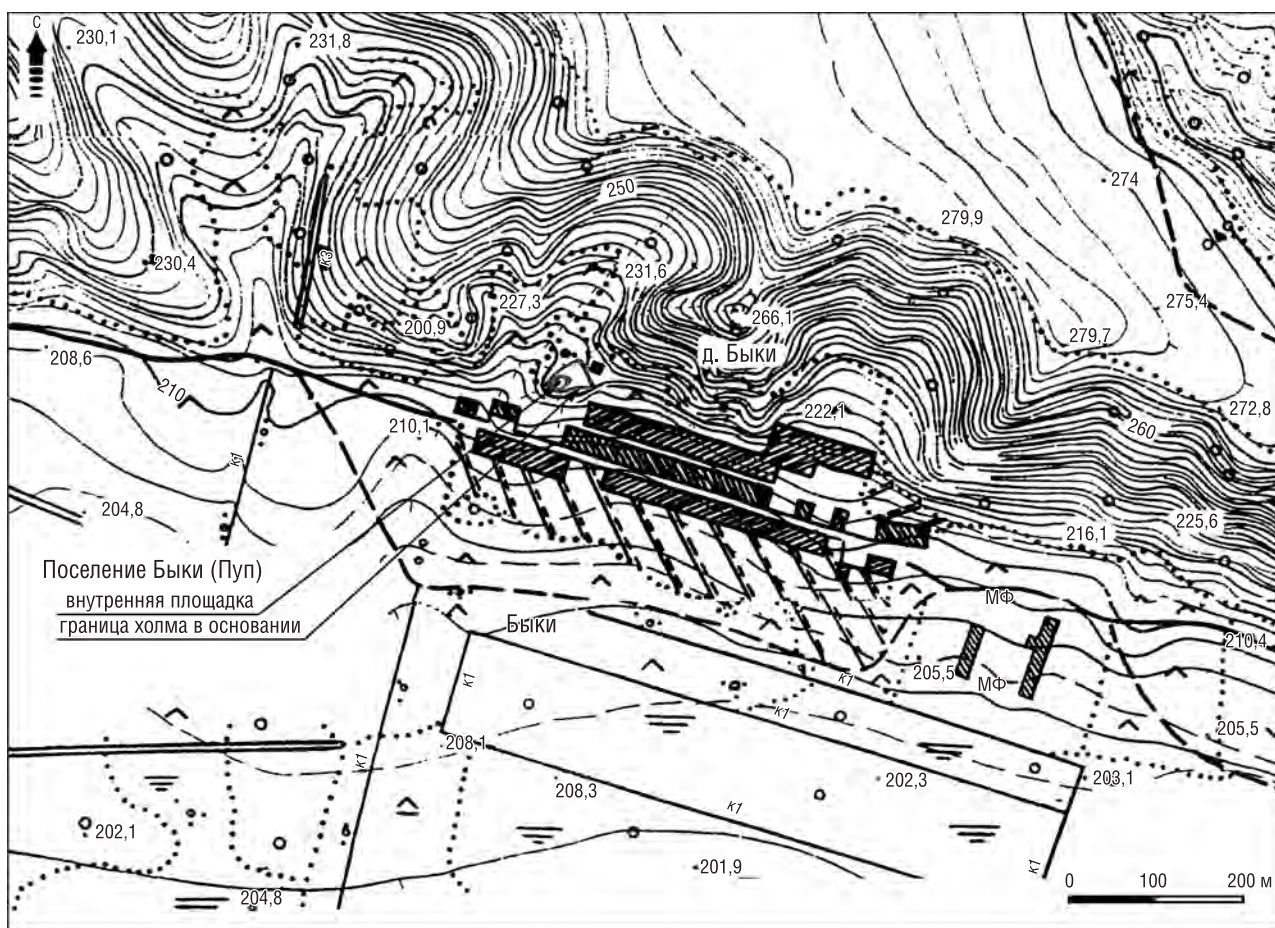

Рис. 4. Костромская область. Галичский район, д. Быки. Поселение Быки (Пуп). Ситуационный план

Коллекция предметов из раскопок хранится в Галичском краеведческом музее (КМЗ/ГКМ. ОФ 258/215, ДП-1-118/215)¹. Фрагмент небольшой и маловыразительный, но отмечаются тройной и сдвоенный горизонтальные ряды правонаклонных шнуровых оттисков. Поверхность заглажена. Примесь в тесте – мелкозернистый песок. Черепок – серо-чёрного цвета снаружи и серо-коричневый внутри. Толщина – 0,5–0,55 см (рис. 7: 1). Другой фрагмент находится в Костромском музее-заповеднике (КОК 15413. № 1982)². Он происходит из раскопа В.И. Смирнова 1928 г. Внутренняя поверхность заглажена, внешняя покрыта мелкими сетчатыми отпечатками. Примесь в тесте – песок. Черепок – коричневого цвета снаружи и серо-коричневый внутри. Толщина – 0,5–0,55 см. Орнаментирован горизонтальным рядом спаренных шнуровых оттисков, под которым нанесены строенные фигурные неглубокие вдавления. Орнамент наложен на сетчатую поверхность (рис. 7: 2).

На городище Унорож найдены три фрагмента подобных сосудов. Керамика сильно измельчена при использовании данного места в более позднее время. Все фрагменты – стенок. Цвет – от коричневого до серо-коричневого, в изломе – серый. В примеси – песок. Толщина стенок – 0,4–0,5 см. Коллекция хранится в Костромском музее-заповеднике (КМЗ. ВХ-107-13, 108-13)³.

На одном фрагменте отмечается горизонтальная косичка из мелких шнуровых оттисков, сверху над ней фиксируется ещё один ряд оттисков шнура, а ниже располагаются неглубокие вдавления округлых очертаний. С внешней стороны видны затёртые мелкочастистые хаотичные сетчатые отпечатки. Внутрен-

¹ КМЗ – Костромской музей-заповедник (Областное государственное бюджетное учреждение культуры (ОГБУК) «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»). ГКМ – Галичский краеведческий музей.

ОФ – Основной фонд.

ДП – Дореволюционные поступления.

² КОК – Костромской областной краеведческий (музей).

³ ВХ – Временное хранение.

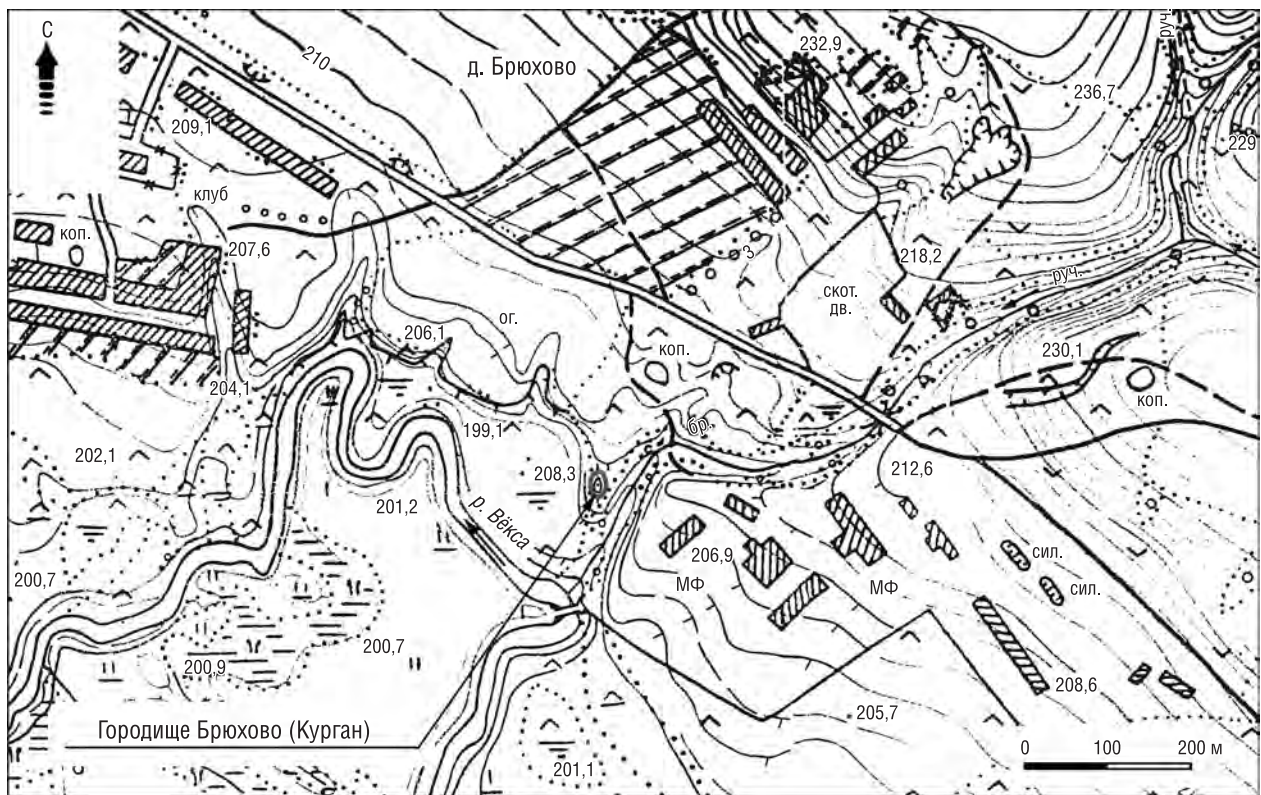

Рис. 5. Костромская область. Галичский район, д. Брюхово. Городище Брюхово (Курган).
Ситуационный план

няя сторона заглажена (рис. 7: 4). Второй фрагмент с внешней и внутренней сторон подштрихован, поверх штриховки снаружи нанесён орнамент в виде спаренного горизонтального ряда правонаклонных оттисков шнура, над ним расположены вертикальные отпечатки гребенчатого штампа, замкнутые также горизонтальным рядом оттисков шнура. Завершается композиция в нижней части разнонаклонными отпечатками мелкогребенчатого штампа (однорядный зигзаг?) (рис. 7: 3). Орнаментальные мотивы на третьем фрагменте представлены двойными горизонтальными рядами правонаклонных оттисков шнура, между которыми располагается зигзаг из отпечатков мелкогребенчатого штампа. Замыкают композицию два горизонтальных ряда ямочных вдавлений. Фрагмент заглажен (рис. 7: 5).

На поселении Быки (Пуп) комплексы керамики ананьинского типа найдены В.И. Смирновым в 1927 г. Предметы хранятся в Галичском краеведческом музее (КМЗ ГКМ. ОФ 256/..., ДП-1-116/...). Наиболее значительно такие комплексы представлены в раскопе Е.И. Горюновой 1961 г. Коллекция находится в Костромском музее-заповеднике (КМЗ ДВХ⁴-17, Пуп-61/...). Всего по верхней части определяются не менее 14 сосудов. Толщина стенок посуды в целом составляет от 0,4 до 0,6 см. Можно выделить 4 группы сосудов.

Представительна группа ананьинской гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики с «воротничком» (группа 1), составляющая 42,86 % керамики ананьинского типа (рис. 7: 7; 8: 1, 3, 5–6; 9: 2). Посуда – плавнопрофилированная горшковидной формы с «воротничком» по краю. Высота «воротничка» варьирует от 1 до 2 см. Шейка у сосудов этой группы плавно изогнута, плечо – пологое, приспущенное. Тулово округлое. Внутренняя поверхность чаще всего заглаживалась и лишь в одном случае заштрихована. Внешняя также заглаживалась, но однократно отмечена штриховка ниже «воротничка», в двух случаях ниже орнаментальной зоны с наибольшего расширения по тулову наблюдаются участки, покрытые сетчатыми отпечатками регулярного исполнения мелкоячеистой структуры (рис. 7: 7; 8: 7). В примеси к тесту сосудов содержится мелко- и крупнозернистый песок. Снаружи фрагменты коричневые, серо-коричневых оттенков, внутри – серые, серо-коричневые. В изломе, как правило, коричневые, серо-коричневые.

«Воротничок» орнаментирован чаще всего горизонтальными рядами (линиями) оттисков тонкого шнура (направление оттисков (при определённом положении шнура) – правонаклонное, в одном случае – левонаклонное), редко дополняемыми другими элементами (ямками).

⁴ ДВХ – Длительное временное хранение.

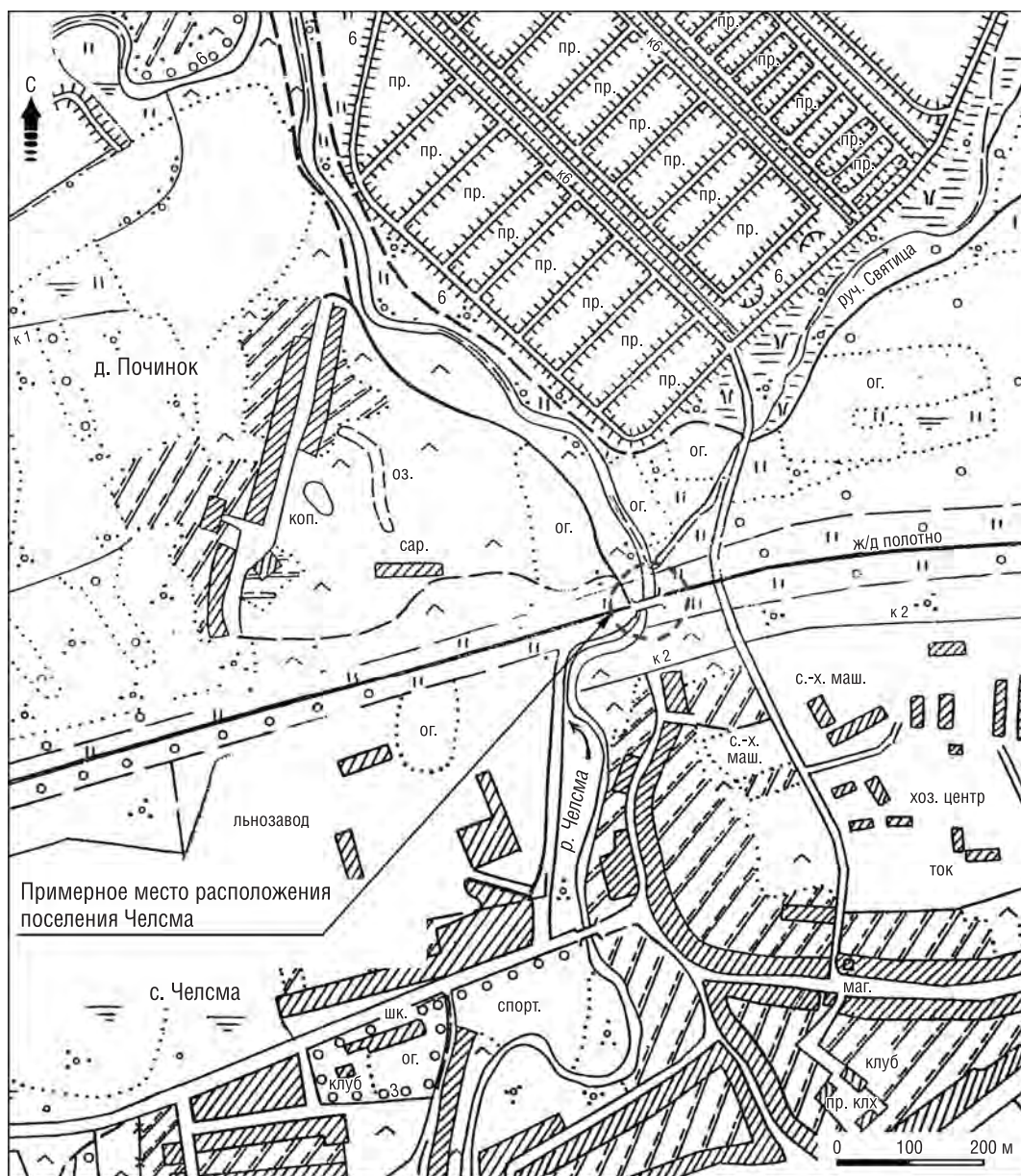

Рис. 6. Костромская область. Галичский район, с. Челсма. Примерное место расположения поселения Челсма. Ситуационный план

Под «воротничком» у четырёх горшков был нанесён горизонтальный ряд округлых или с неровными краями ямочных вдавлений, в одном случае наблюдаются подромбические.

Оттиски – правонаклонные, оставлены строенным, счетверённым и более тонким шнуром. В одном случае оттиски шнура левонаклонные (рис. 8: 5). Мотивы из отпечатков спаренных шнуров (или вплотную расположенных оттисков одного шнура) отсутствуют. Следует отметить, что в данной группе не наблюдаются элементы орнамента, выполненные гребенчатым штампом.

Нижняя часть композиции в фиксируемых случаях замыкается плавно изогнутыми линиями оттисков спаренных шнуров (рис. 7: 7), округлыми вдавлениями и вдавлениями кости, образующими четырёхлистник (рис. 8: 7), в остальных – отмечаются линии оттисков шнура. Орнаментальная композиция в целом формируется только до максимального расширения тулова, ниже не прослеживается.

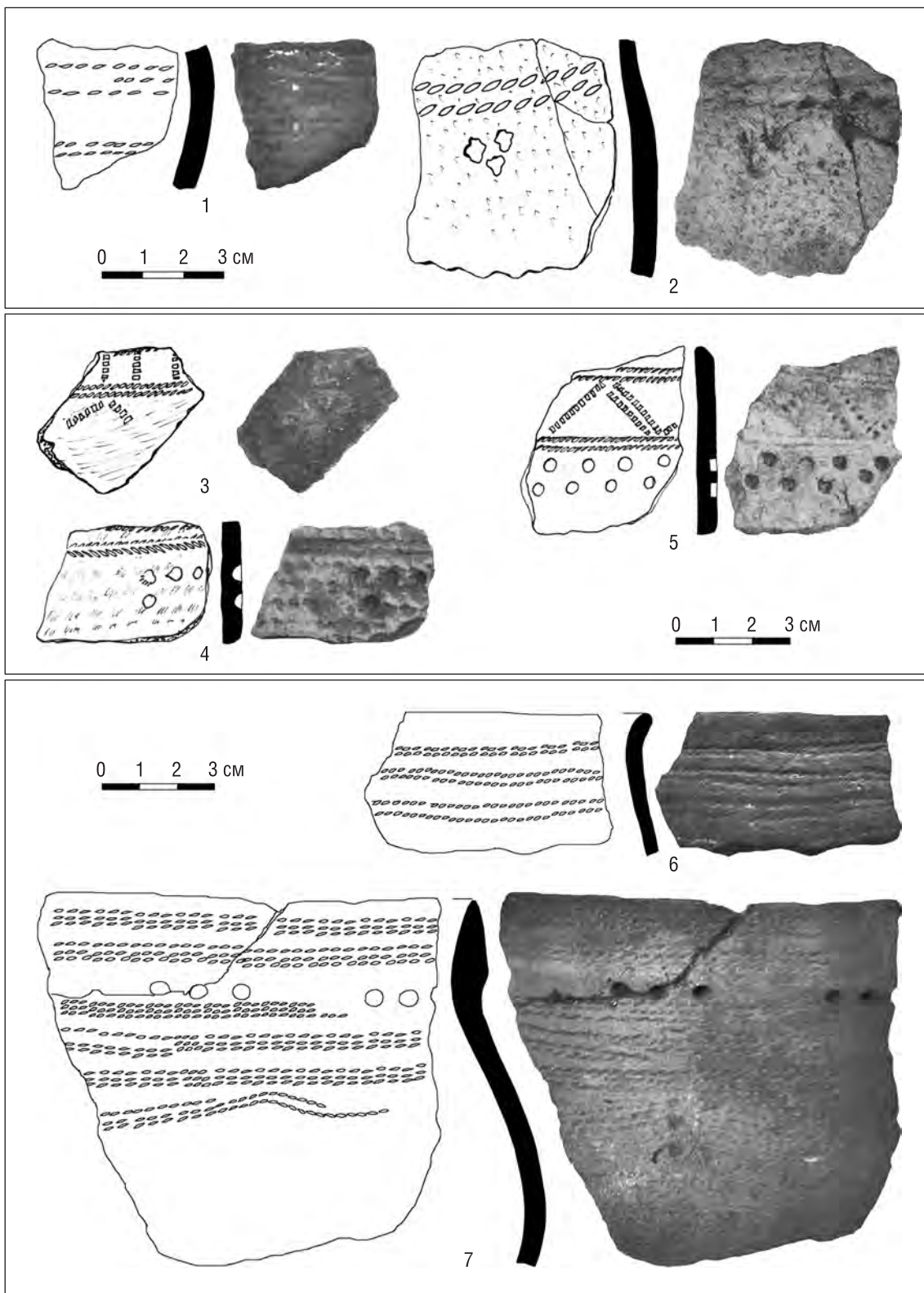

Рис. 7. Керамика ананьинского типа:

1–2 – поселение Умиленье (Пески), раскопки В.И. Смирнова 1927 г.;

3–5 – городище Унорож, раскопки А.В. Новикова 2013 г.; 6–7 – поселение Быки (Пуп), раскопки В.И. Смирнова 1927 г.

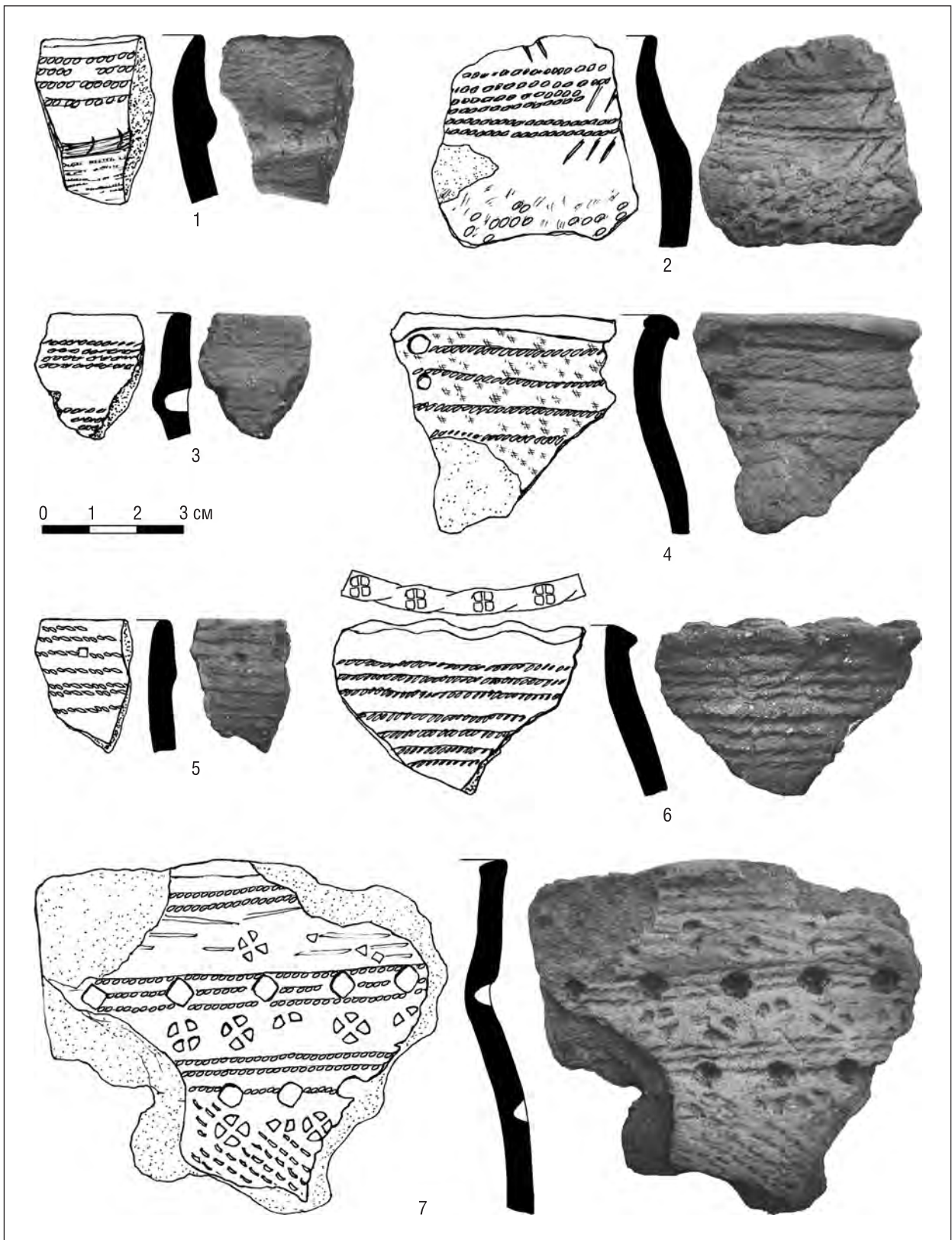

Рис. 8. Поселение Быки (Пуп). Комплекс керамики ананьинского типа (раскопки Е.И. Горюновой 1961 г.)

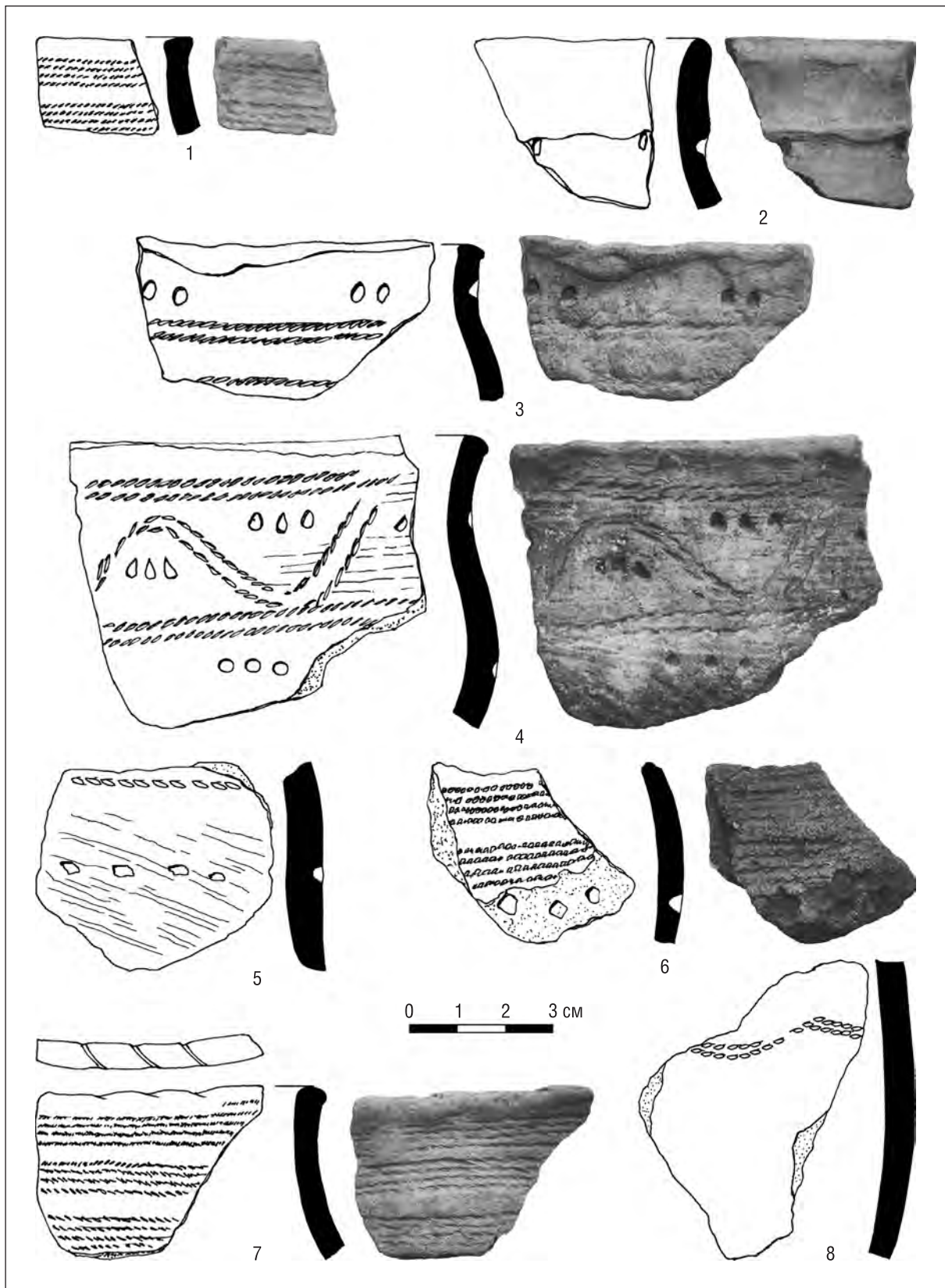

Рис. 9. Поселение Быки (Пуп). Комплекс керамики ананьинского типа (раскопки Е.И. Горюновой 1961 г.)

Вторая группа представлена также плавнoproфилированной посудой (21,43 %) с высокой вогнутой шейкой и пологими приспущенными плечиками, с округлым туловом (рис. 7: 6; 8: 4; 9: 7). По верхней части выделяются три сосуда. Венчик – скруглённый, с слегка утолщённым краем, в одном случае с двусторонней, Т-образной, оттяжкой. На срезе одного отмечены глубокие нарезки, образующие гофрированность (рис. 9: 7). Примесь в тесте – песок, встречаются фракции крупнозернистого песка. Цвет черепков снаружи и внутри серый, коричневый, серо-коричневый, идентичен и в изломе. Снаружи поверхность заглажена, в одном случае покрыта сетчатыми отпечатками. Внутренняя поверхность фрагментов заглажена.

Керамика данной группы орнаментирована горизонтальными рядами правонаклонных оттисков одинарного и спаренных шнуров и левонаклонных – счетверённых. Шнур – тонкий. И лишь единожды отмечены ямки между горизонтальными линиями оттисков одинарного шнура, расположенными на шейке. В данном случае орнамент нанесён на подзатёртую сетчатую поверхность (рис. 8: 4).

Третья группа посуды – это профилированные горшки с высокой вогнутой шейкой и слегка приподнятым, выпуклым выступающим плечом в виде сглаженного ребра (рис. 8: 2; 9: 4). Тулово – округлое, сужающееся к придонной части. Один венчик – округлый, другой – округлый с небольшим наплывом с внешней стороны. Выделены два сосуда (14,28 % керамики ананьинского типа).

Цвет керамики коричневый, серо-коричневый, в изломе – серый. Поверхность таких фрагментов снаружи по шейке до рёберного выступа гладкая, ниже – сетчатой структуры. Внутренняя поверхность фрагментов заглажена. Примесь – песок. На одном фрагменте сетчатые отпечатки мелкоячеистые подзатёртые, на другом – крупноячеистые, хаотично расположенные, чётко вдавленные.

Орнаментальная зона доходит до наибольшего расширения тулова, ниже не спускается. Элементы орнамента данной группы в сравнении с другими достаточно разнообразны и представлены рядами оттисков спаренного шнура, округлыми и каплевидными вдавлениями, косыми нарезками. Одна линия спаренных оттисков шнуров по шейке волнообразно изгибается, чередуясь с тройными каплевидными вдавлениями (рис. 9: 4).

Четвёртая группа посуды (21,43 % керамики ананьинского типа). Выделяются фрагменты не менее чем трёх слабопрофилированных сосудов (рис. 8: 5; 9: 1, 3). У двух сосудов – плоскосрезанный край, с небольшими наплывами в обе стороны (Т-образный). Есть и гофрированный край, оформленный в виде скошенного наружу бортика. Шейка сосудов прямая, короткая, наблюдается слабый выгиб внутрь. Плечики низкие, пологие, плавно переходят в слабовыпуклое тулово. Цвет черепков – от серо-коричневого до чёрного. Внешняя и внутренняя поверхности заглажены. Примесь в тесте – песок.

Орнамент, как и в предыдущих случаях, наносился только по шейке. Горизонтальные правонаклонные оттиски четырёх в ряд шнуров имеются на двух фрагментах (рис. 9: 1), спаренных толстых – на одном, здесь они дополнены парными овальными вдавлениями (рис. 9: 3).

Коллекция предметов, включающих комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой посуды РЖВ с городища Брюхово (Курган), находится в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (КМЗ. КОК 18028, Брюх/...). Вещи найдены при раскопках памятника Е.И. Горюновой в 1961 г. В коллекции представлены фрагменты не менее чем 11 сосудов, имеющих стенки толщиной от 0,35 до 0,6 см. Следует отметить, что керамика с «воротничком» отсутствует. Выделяются несколько групп сосудов.

Группа плавнoproфилированной посуды представлена обломками двух сосудов (рис. 10: 1, 2). Цвет фрагментов коричневый, серо-коричневый, в изломе – серый. Примесь в тесте – песок. Заглажены с обеих сторон. На одном – нагар на внутренней поверхности (рис. 10: 1). У одного горшка край скруглён, у другого – прямо скошен, на него нанесены короткие косые оттиски мелкогребенчатого штампа. Шейки сосудов вогнутые, плечи пологие, низкие. Элементы орнамента представлены горизонтальными линиями, наклонными отрезками и решёткой, выполненными мелкогребенчатым штампом. Встречаются округлые с неровными краями ямки и подквадратные вдавления.

Фрагменты профилированной посуды с глубоко вогнутой короткой шейкой и выделенным плечом представляют не менее чем три сосуда с плоскосрезанным, округлым и в виде скошенного бортика краем (рис. 10: 4–6). Цвет черепков – от коричневого до серого, в изломе – этих же оттенков. Примесь в тесте – мелко- и крупнозернистый песок. С внутренней и внешней сторон сосуда заглажены. Необходимо акцентировать внимание на отсутствии у профилированных горшков гребенчатой орнаментации. Шейки двух сосудов орнаментированы одинарными горизонтальными линиями оттисков шнура крупного плетения в чередовании с округлыми мелкими ямочными вдавлениями. Третий сосуд украшен спаренными линиями оттисков мелкого шнура. Фиксируются три их ряда. Сверху под венчиком нанесены мелкие ямочные вдавления.

Выделены в коллекции и фрагменты хорошо профилированного сосуда с скруглённым краем, короткой цилиндрической шейкой, приподнятым выпуклым плечом и раздутым туловом с гребенчатой орнаментацией (рис. 10: 3). Цвет черепков коричнево-серый. Внутренняя поверхность сосуда заглажена. Снаружи с плеча по тулову нанесены сетчатые крупноячеистые регулярные, чётко вдавленные отпечатки. Примесь – песок. Орнаментальная композиция сформирована из наклонных оттисков горизонтальных линий и однорядного зигзага, выполненных мелкогребенчатым штампом. С внутренней стороны под краем нанесены наклонные оттиски такого же штампа. Шнуровых оттисков нет.

Следующая группа представлена слабопрофилированным горшком с скруглённым краем с небольшим валиковым наплывом (Г-образный) наружу (рис. 10: 7). Шейка прямая, высокая, наблюдается лёгкий плав-

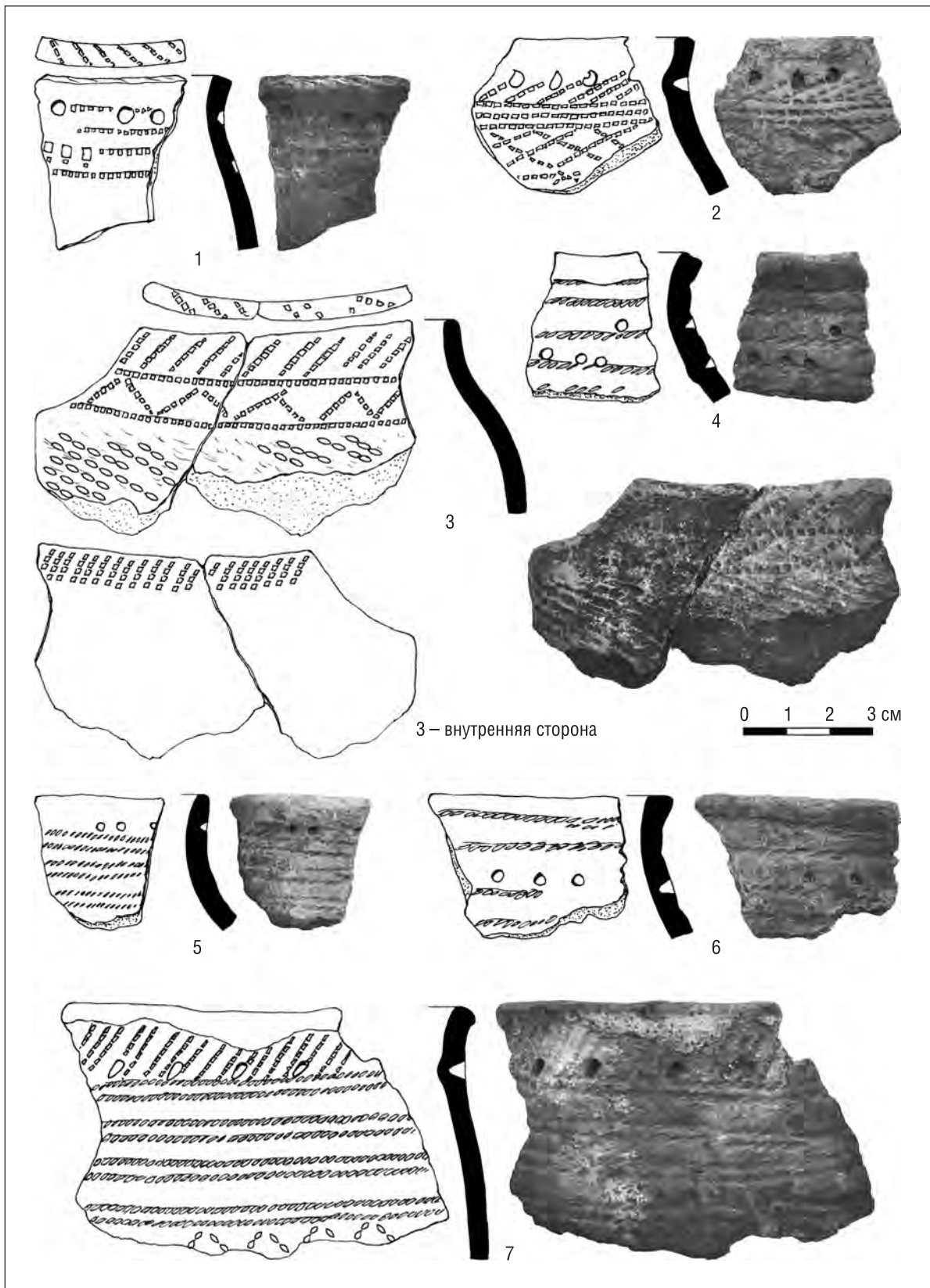

Рис. 10. Городище Брюхово (Курган). Комплекс керамики ананьинского типа (раскопки Е.И. Горюновой 1961 г.)

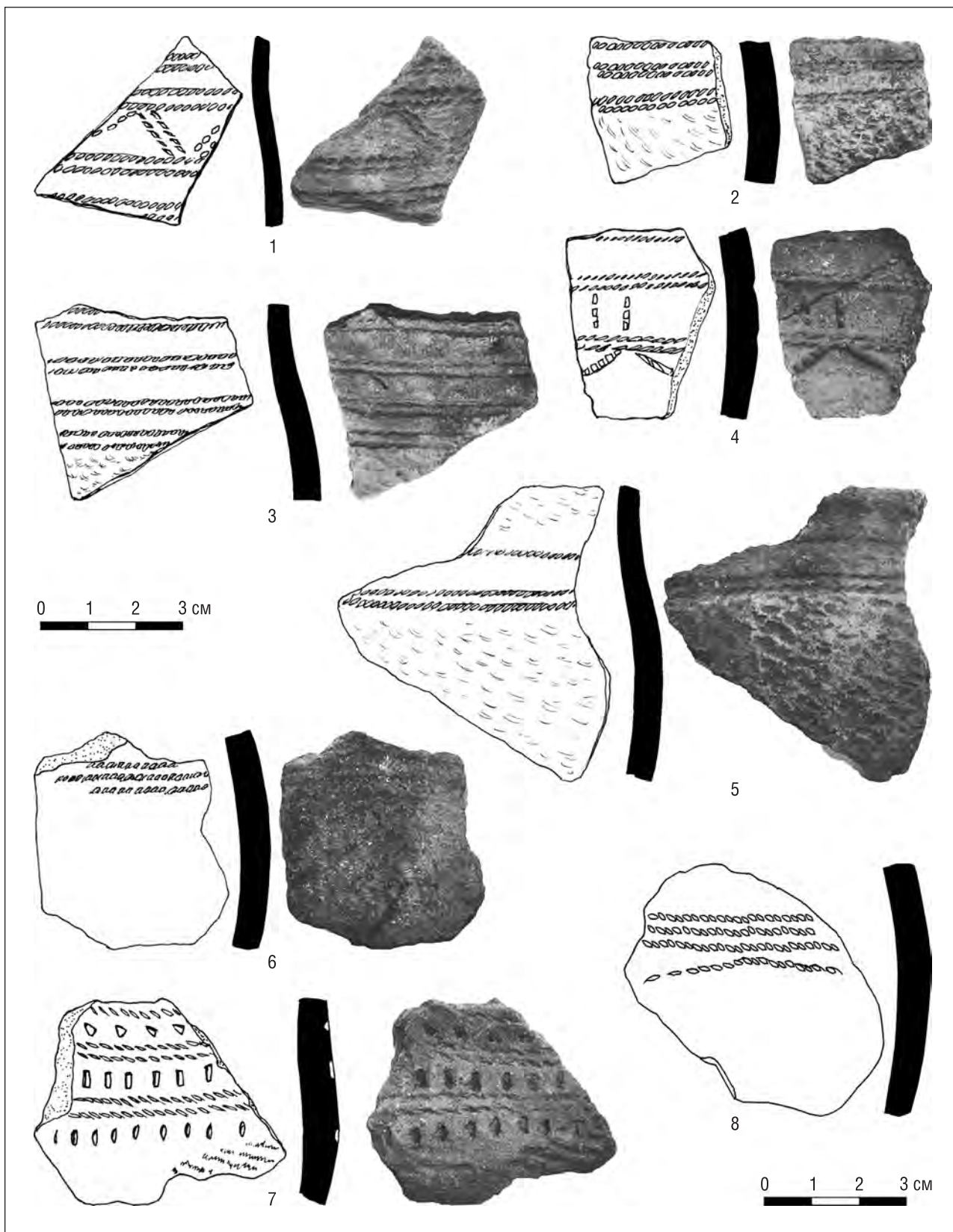

Рис. 11. Городище Брюхово (Курган). Комплекс керамики ананьинского типа (раскопки Е.И. Горюновой 1961 г.)

Шнуровой	Гребенчатый	Ямочный
	Ямочный	

А

--	--	--

Б

Рис. 12. Керамика ананьинского типа с памятников бассейна Галичского озера.
Элементы орнамента на сосудах (А) и по краю венчиков (Б)

ный выгиб внутрь. Плечики сильно пологие, низкие. Слабо выделен переход в округлое тулово. Цвет коричнево-серый, в изломе – серо-чёрный. Изнутри и снаружи сосуд заглажен. Примесь в тесте – мелкий песок и шамот. Орнаментальная композиция представлена горизонтальными рядами наклонных оттисков тонкого гребенчатого штампа и каплевидных вдавлений, ниже – спаренными рядами шнуровых оттисков. Замыкается композиция зигзагом из оттисков тонкого гребенчатого штампа.

Имеющиеся фрагменты стенок – в большинстве случаев от слабопрофилированной и плавнопрофилированной посуды, с пологим и низким приспущенным плечом (рис. 11: 1, 3, 4, 5). Выделяется фрагмент стенки профилированного сосуда со сглажено-ребристым плечом (рис. 11: 7). Цвет фрагментов коричневый, серо-коричневый, зачастую с внутренней стороны более тёмных оттенков: до серо-чёрного. Примесь в тесте – песок, в том числе крупнозернистый. В одном случае фиксируются выгоревшие пустоты. Внутренняя поверхность заглажена, и лишь у одного фрагмента заштрихована. С внешней стороны зачастую наблюдается чередование заглаженной зоны с участками, покрытыми сетчатыми отпечатками, в большей степени мелкоячеистой структуры, реже – крупной фактуры. Как правило, участки с сетчатыми отпечатками начинаются после окончания орнаментальной зоны, которая расположена по шейке сосудов. Орнаментальная композиция главным образом складывалась из рядов оттисков спаренных шнуров, единично фиксируются одинарные и строенные линии в ряду. В одном случае оттисками спаренных шнуров образован зигзаг (рис. 11: 1). Дополняются шнуровые оттиски мелкими подтреугольными, прямоугольными и каплевидными вдавлениями (рис. 11: 7). Отмечаются и элементы из отпечатков мелкогребенчатого штампа – прямые короткие отрезки, однорядный зигзаг (рис. 11: 4).

Таким образом, комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики ананьинского типа не выглядят чужеродно на прилегающей к Галичскому озеру территории и представлены в коллекциях основных раскопанных памятников РЖВ указанного микрорегиона. Проникновение отдельных групп ананьинского населения на территорию Костромского Поволжья, Галичского озера в частности, в основном соотносится с сер. I тыс. до н.э. [3; 6; 7; 18].

Судя по имеющимся материалам, процесс проникновения ананьинского населения в местную среду носителей традиции изготовления сетчатой керамики происходил довольно активно. В окрестностях Галичского озера появляется гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика с элементами обоих компонентов – ананьинского и сетчатого. Каким путём происходило проникновение групп носителей ананьинских традиций в керамическом производстве? С ананьинского Поволжья или из Среднего Поволжья (западновожский вариант культуры, выделяемый А.Х. Халиковым [32]), или же из Беломорья, бассейна р. Печоры, Северной Двины и ареала каргопольской культуры на озёрах Лача, Воже, Кубенское и Белое, откуда уже по р. Шексне они достигли северных пределов Верхнего Поволжья (путь, предполагавшийся П.Н. Третьяковым [5, с. 144])? Безусловно, так или иначе при продвижении через огромные территории происходили определённая нивелировка традиций, изменение отдельных специфических черт и особенностей ананьинской посуды, и вполне естественно, что в округе Галичского озера она уже утрачивает многие элементы первоначального облика. Вряд ли можно согласиться с мнением Н.Н. Гуриной, что элементы ананьинской культуры доходили в Костромское Поволжье как её слабый отголосок [3, с. 201]. Вероятнее всего, процесс распространения ананьинских традиций происходил повсеместно, на данное обстоятельство обращает внимание и М.Е. Фосс, указывая, что заселение обширной территории Камского бассейна, Беломорского побережья, Каргополья и Верхнего Поволжья происходило племенами, родственными по своему происхождению [33, с. 131–136].

В целом, можно говорить о «пограничном» культурном статусе памятников раннего железного века и положении микрорегиона Галичского озера. Район занят населением с сетчатой керамикой, испытывавшим чётко определяемое, активное воздействие на него носителей ананьинской культуры, в результате чего возникает гибридная гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика.

Список археологических коллекций

1. КМЗ КОК 18028. Коллекция предметов из раскопок 1961 г. городища Брюхово (Курган), Горюновой Е.И.
2. КМЗ ДВХ-17, Пуп-61. Предметы, полученные с раскопок 1961 г. поселения Быки (Пуп), Горюновой Е.И.
3. КМЗ КОК 15391. Коллекция предметов с раскопок у д. Туровское стоянки «Заячья горка», В.И. Смирнова в 1921–1923 гг.
4. КМЗ ВХ 107-13, 108-13. Коллекция предметов с раскопок городища Унорож, А.В. Новикова в 2013 г.
5. КМЗ ГКМ ОФ 256/..., ДП-1-116/... Коллекция предметов с поселения Быки (Пуп) из исследований В.И. Смирнова в 1927 г.
6. КМЗ ГКМ ОФ 258/..., ДП-1-118/... Коллекция предметов со стоянки Умиление, Пески, В.И. Смирнова в 1927–28 гг.
7. КМЗ БКМ⁵ ОФ 888. Коллекция находок у д. Брюхово – городище. М.И. Матасов, 1956 г.
8. КМЗ Н/В⁶ 17625. Коллекции предметов из археологических разведок ВОЭ⁷ 1981–1984 гг. №№: 16 – поселение Туровское; 19 – поселение Быки (Пуп); 21 – поселение Умилень; 18 – селище Воскресенское.

⁵ БКМ – Буйский краеведческий музей.

⁶ Н/В – Научно вспомогательный (фонд).

⁷ ВОЭ – Волго-Окская экспедиция (ИА АН СССР).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Отчет об инженерно-геологических изысканиях в г. Галиче, по ул. Подбельского, 1 Костромской области. ООО «Геос». Кострома, 2008 // Архив ОГБУ «Наследие». Кострома.
2. *Фосс М.Е.* Итоги Галичской экспедиции // КСИИМК. Вып. XXVI. 1949.
3. *Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // Труды Горьковской археологической экспедиции. М.; Л., 1963. (МИА. № 110)
4. *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961. (МИА. № 94)
5. *Третьяков П.Н.* Финно-угры балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
6. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V. М., 1952. (МИА. № 30)
7. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) // Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань, 2007.
8. *Вишневский В.И.* Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII в. до н.э. – VII–VIII вв. н.э.); автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
9. Костромская область / Под ред. Ю.А. Краснова. Составитель К.И. Комаров. М., 1999. (Археологическая карта России)
10. *Горюнова Е.И.* Отчет об археологических работах на территории Костромского края в 1961 г. / КМЗ. Фонд археологии. Приложение к КМЗ КОК 18028 // ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».
11. Паспорт объекта археологического наследия (городище Унорож). Составлен в 1983 г. / Составитель Комаров К.И. // Архив департамента культуры Костромской области.
12. Паспорт памятника археологии старого образца (стоянка или селище Быки (Пуп)), составлен 12.08.1949 г. / Составитель Белов Л.И., научный сотрудник Галичского музея // Архив департамента культуры Костромской области.
13. Археология Костромского края / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Кострома, 1997.
14. *Китицина Л.С., Третьяков П.Н.* Памяти Василия Ивановича Смирнова // СА. 1968. № 4.
15. Паспорт памятника археологии старого образца (стоянка Пески, Умилиение), составлен 09.08.1949 г. / Составитель Белов Л.И., научный сотрудник Галичского музея // Архив департамента культуры Костромской области.
16. Паспорт объекта археологического наследия (селище Воскресенское). Составлен в 1983 г. / Составитель Комаров К.И. // Архив департамента культуры Костромской области.
17. Паспорт объекта археологического наследия (Селище Унорож). Составлен в 1982 г. / Составитель Урбан Ю.Н. // Архив департамента культуры Костромской области.
18. *Фосс М.Е.* Отчет о работе Галичской экспедиции в 1946 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 77.
19. *Фосс М.Е.* Отчет о Галичской экспедиции 1947 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 210.
20. *Фосс М.Е.* Новые памятники в районе Галичской культуры (раскопки Галичской экспедиции 1945 г.) // КСИИМК. Вып. XVII. 1947.
21. *Матасов М.И.* Отчет об археологических разведках в Буйском, Сусанинском и Ореховском районах Костромской области в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1226.
22. *Матасов М.И.* Отчет об археологических разведках в Костромской области в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1721.
23. Паспорт объекта археологического наследия (поселение Кучумиха). Составлен в 1979 г. / Составитель Булкин В.А. // Архив департамента культуры Костромской области.
24. Паспорт объекта археологического наследия (городище в Галиче). Составлен в 1981 г. / Составитель Урбан Ю.Н. // Архив департамента культуры Костромской области.
25. *Урбан Ю.Н.* Отчет об археологических исследованиях на территории Костромской области в 1980–1981 гг. Волго-Окской Новостроечной экспедиции ИА АН СССР // Архив департамента культуры Костромской области.
26. Паспорт объекта археологического наследия (селище Туровское II). Составлен в 1981 г. / Составитель Урбан Ю.Н. // Архив департамента культуры Костромской области.
27. Паспорт объекта археологического наследия (селище Брюхово II). Составлен в 1982 г. / Составитель Урбан Ю.Н. // Архив департамента культуры Костромской области.
28. Паспорт объекта археологического наследия (селище Брюхово III). Составлен в 1982 г. / Составитель Урбан Ю.Н. // Архив департамента культуры Костромской области.
29. Паспорт объекта археологического наследия (селище Лихарево II). Составлен в 1982 г. / Составитель Урбан Ю.Н. // Архив департамента культуры Костромской области.
30. *Комаров К.И.* Отчет о работах Костромской экспедиции в Костромской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9867.
31. *Новиков А.В.* Отчет о выполненных археологических раскопках городища у с. Унорож в Галичском районе Костромской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
32. *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.
33. *Фосс М.Е.* Древнейшая история севера европейской части СССР. М., 1952. (МИА. № 29)

**ООО «Костромская археологическая экспедиция»,
Кострома**

A.V. Novikov

**MONUMENTS WITH THE COMB-WIRE AND WIRE POTTERY OF EARLY IRON AGE
IN LAKE GALICH'S BASIN**

Summary

This paper gives an overall review to archaeological monuments with the comb-wire and wire pottery of Early Iron Age in Lake Galich's basin.

There were allocated plots of concentration of monuments with such pottery, while the archaeological state of the territory is defined as "borderline". Many monuments of the district are multicomponent with mixed pottery assemblages: there is net, comb-wire, wire, shaded, floated pottery of Early Iron Age.

The available ware materials clearly indicate the existence in the western parts of the Kostroma Volga region of a cultural layer distinguished from the culture of the population with net pottery, which is widely presented in these areas. Its active distribution belongs to the middle of I millennium BC and is connected with the tradition of comb-wire and wire pottery production, which is peculiar to the Ananyino culture. In general, comb-wire and wire pottery of Early Iron Age in Lake Galich's basin is a derivative of two pottery traditions: Ananyino and net, it consists of both components. The diversity of pottery assemblages on monuments undoubtedly testifies to complexity of the cultural processes happening in the Early Iron Age on the territory of the Kostroma Volga region.

*"Kostroma Archaeological Expedition" Ltd.,
10, Marshala Novikova St., Kostroma, 156013,
Russia
E-mail: kae44@mail.ru*

А.В. Новиков

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ВАТАЖКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В.И. СМИРНОВА 1925–1927 гг.)

Поселение Ватажка (Оганино, поселение 12 Ватажка) [1, с. 103–104], согласно паспортной документации, стоянка Ватажка у д. Оганино [2], располагается в 3,5 км к северо-востоку от деревни Аганино (Костромской район, Костромская область) (рис. 1). Современное название деревни – Аганино, оно фигурирует и в документе о постановке на государственную охрану данного памятника. Поселение занимает останец в высокой пойме на северо-восточном берегу оз. Борисово, в 0,5 км к востоку от впадения в него р. Якши (урочище Ватажка). Высота над уровнем поймы – до 4 м. Размеры памятника – около 60×30 м. Памятник открыт в 1924 г. П.Н. Третьяковым [3, с. 146], исследовался в 1925–1927 гг. В.И. Смирновым, в 1954 г. – Н.Н. Гуриной [1, с. 103; 3, с. 146; 2]. Паспорт памятника археологии составлен в 1980 г. М.Г. Жилиным.

Культурный слой поселения, в виде тёмного гумусированного песка, достигает по мощности 0,43 см, в среднем – около 0,25–0,30 см, и залегает сразу под дёрном [1, с. 103; 3, с. 146; 2].

Коллекции предметов из раскопок поселения Ватажка, проведённых в 1925–1927 гг. под руководством В.И. Смирнова, в настоящее время находятся на постоянном хранении в Областном государственном бюджетном учреждении культуры «Костромской государственной историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», г. Кострома. Коллекциям присвоены три отдельных инвентарных номера, соответствующих году исследования. Всего насчитывается 8336 предметов.

Раскопки 1925 г.: КМЗ КОК¹ 15407. Имеется опись предметов, составленная в 1927 г. Н. Рейпольским и Л. Чередовой, дополненная описанием предметов Л. Китициной в 1928 г., ИНВ.² № 4078. «Коллекция предметов со стоянки «Ватажка» у озера Борисова Костромского у. Раскопки 1925 г.». Коллекция насчитывает 1135 предметов и включает в себя, согласно описи, каменные изделия (скребки, обломки, пластины), фрагменты керамики, кости, железные ножи (в наличии нет), глиняную головку какого-то рогатого животного (наличие – ?). Все недостающие музейные предметы списаны по ордеру № 663 от 20/IX1955 г.

Раскопки 1926 г.: КМЗ КОК 15406. «Опись коллекции предметов со стоянки «Ватажка» у оз. Борисова. Раскопки В.И. Смирнова, Л.Н. Казаринова и Л.С. Китициной 1926 г.». ИНВ. № 4086. Коллекция насчитывает 1486 предметов и включает в себя, согласно описи, каменные изделия (скребки, пластины, сколы), изделия из металла, среди них – грушевидная подвеска, фрагменты керамики. В данной описи, в отличие от описи по раскопкам 1925 г., указано местонахождение предметов на участках 6–10 (всего пять квадратов), продолжается нумерация предшествующего года полевых исследований.

Раскопки 1927 г.: КМЗ КОК 15405. «Опись коллекции предметов со стоянки «Ватажка» на берегу оз. Борисова Костромского у. Раскопки В.И. Смирнова, 1927 г.» ИНВ. № 4079. Коллекция насчитывает 5715 предметов и включает в себя, согласно описи, каменные изделия (скребки, осколки), железные предметы, один – с ушком, фрагменты керамики. В данной описи также отмечено местонахождение предметов: например, Тр. 1 уч. 46 л. 1.³; Тр. 2. уч. 100. л. 2. и т.д. Всего в траншее один (1) отмечено 92 участка, а в траншее два (2) – 100 участков, глубина раскопок – в две лопаты (л. 1.2.). Отдельно выделен ещё один участок (шурф) с глубиной раскопок также в две лопаты – л. 1.2.

Керамические изделия, полученные в результате раскопок 1925–1927 гг., значительно фрагментированы, комплекс насчитывает более 8000 единиц, включает в себя венчики, стенки и донные части сосудов. Схема классификации групп керамики, представленная ниже, весьма условна и разработана с учётом специфики морфологических особенностей верхней части сосуда, орнаментации и характера обработки поверхности посуды. Целых форм сосудов нет. Основная масса керамики представлена посудой с сетчатой структурой поверхности. Большинство из этой массы относится к раннему железному веку, раннедыяковскому периоду.

¹ КМЗ КОК – Костромской музей-заповедник. Костромской областной краеведческий (музей).

² ИНВ. – инвентарный.

³ – Тр. – траншея; уч. – участок; л. – лопата.

Рис. 1. Поселение Ватажка. Местонахождение

ду. В значительно меньшем количестве встречаются ананьинская гребенчато-шнуровая, шнуровая, штрихованная, нитчатая и заглаженная керамика. Сравнительно немногочислен и комплекс посуды, соотносимый с поздним периодом эпохи бронзы.

Комплекс керамики позднего периода эпохи бронзы (рис. 2)

Это «текстильная» и гладкостенная (близкая к поздняяковской) керамика. Плавнoproфилированная посуда: край скошен наружу, в виде бортика, иногда с лёгким наплывом с внешней стороны, шейка вогнута внутрь, плечо приспущено, но чётко выделено, тулово округлое. Цвет керамики – серо-коричневый. Примесь в тесте – песок. Во всех случаях срез орнаментирован, в двух – косыми отпечатками гребенчатого штампа, в одном – отмечена горизонтальная линия отпечатков крупнозубого штампа, также в одном – косые нарезки. Керамика данной группы разнообразно орнаментирована. Орнамент – горизонтально-зональный. Присутствуют фрагменты с геометрическим построением узоров. У одного горшка орнаментальная композиция начинается с горизонтального ряда округлых ямочных вдавлений, чередующихся в одном поясе с мелкими вдавлениями неправильных очертаний, ниже – тройная горизонтальная линия отпечатков гребенчатого штампа, замыкающаяся флажками (или треугольниками с вершиной, опущенной вниз, и заполненным внутренним пространством), образованными из отпечатков гребенчатого штампа, ниже прослеживается горизонтальная линия отпечатков гребенчатого штампа (рис. 2: 3). У другого сосуда построение композиции начинается с наклонных отпечатков мелкозубого штампа, ниже расположены две горизонтальные линии отпечатков мелкозубого штампа, далее вниз по шейке располагаются округлые ямочные вдавления, в т.ч. одно – в квадрате, образованном отпечатками гребенчатого штампа, в нижней части – оконтуренные горизонтальной линией отпечатков гребенчатого штампа, ниже – взаимопроникающие разнонаклонные отпечатки гребенчатого штампа (рис. 2: 1). Встречаются фрагменты и с менее насыщенной орнаментальной композицией. В двух случаях шейку на месте максимального изгиба опоясывают «жемчужины», ниже в одном случае отмечены подтреугольные мелкие наколы, расположенные в три горизонтальных ряда (нанесены на «текстильную» поверхность) (рис. 2: 2), в другом – каплевидные вдавления (рис. 2: 4). Поверхность ряда фрагментов вне зон, покрытых орнаментом, сетчатая. Отпечатки – мелкие, хаотичные. Безусловно, к данному комплексу также относятся некоторые фрагменты стенок и фрагмент округло-приострѐнного дна (рис. 12: 1).

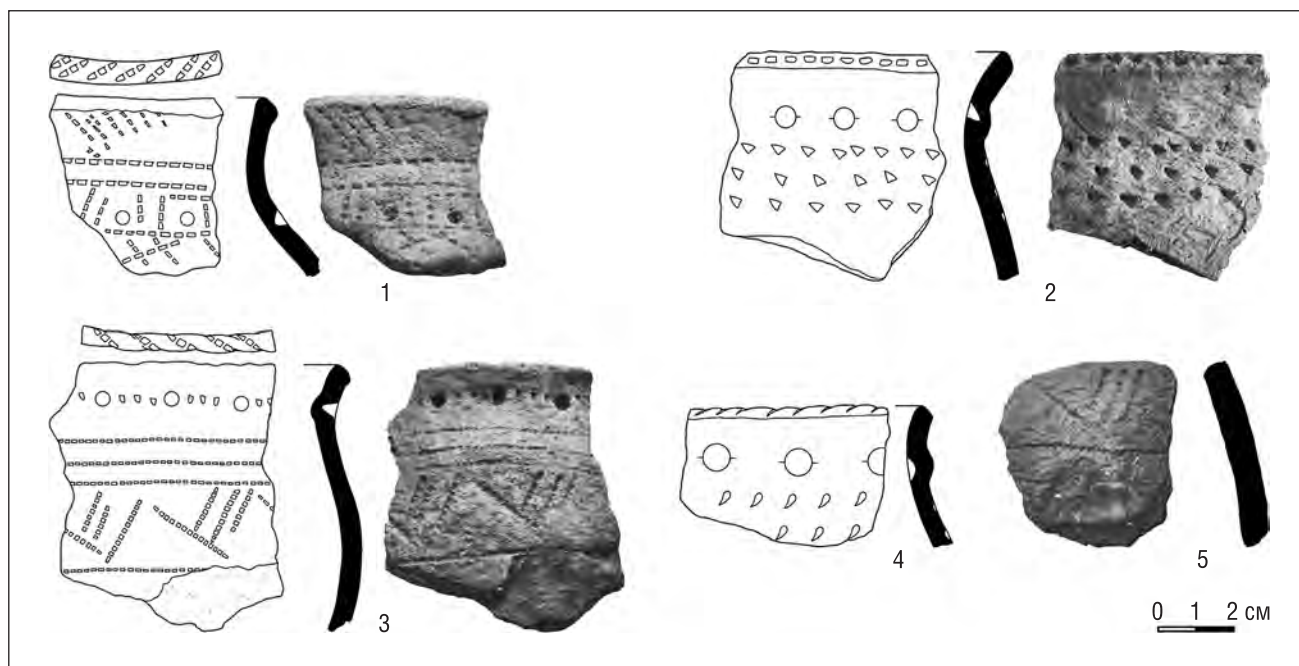

Рис. 2. Комплекс керамики позднего периода эпохи бронзы

Комплексы керамики раннего железного века

К ним относится группа ананьинской гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, которая в данной коллекции инородна и находится среди огромного массива скудно орнаментированной сетчатой и иной керамики раннедьяковского времени.

Ананьинская гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика с «воротничком» (рис. 3)

Это – фрагменты плавнoproфилированной посуды горшковидной формы с «воротничком» по краю («ворот» спускается от среза максимально на 2,5 см), слегка вогнутой шейкой и пологим, низко опущенным пле-

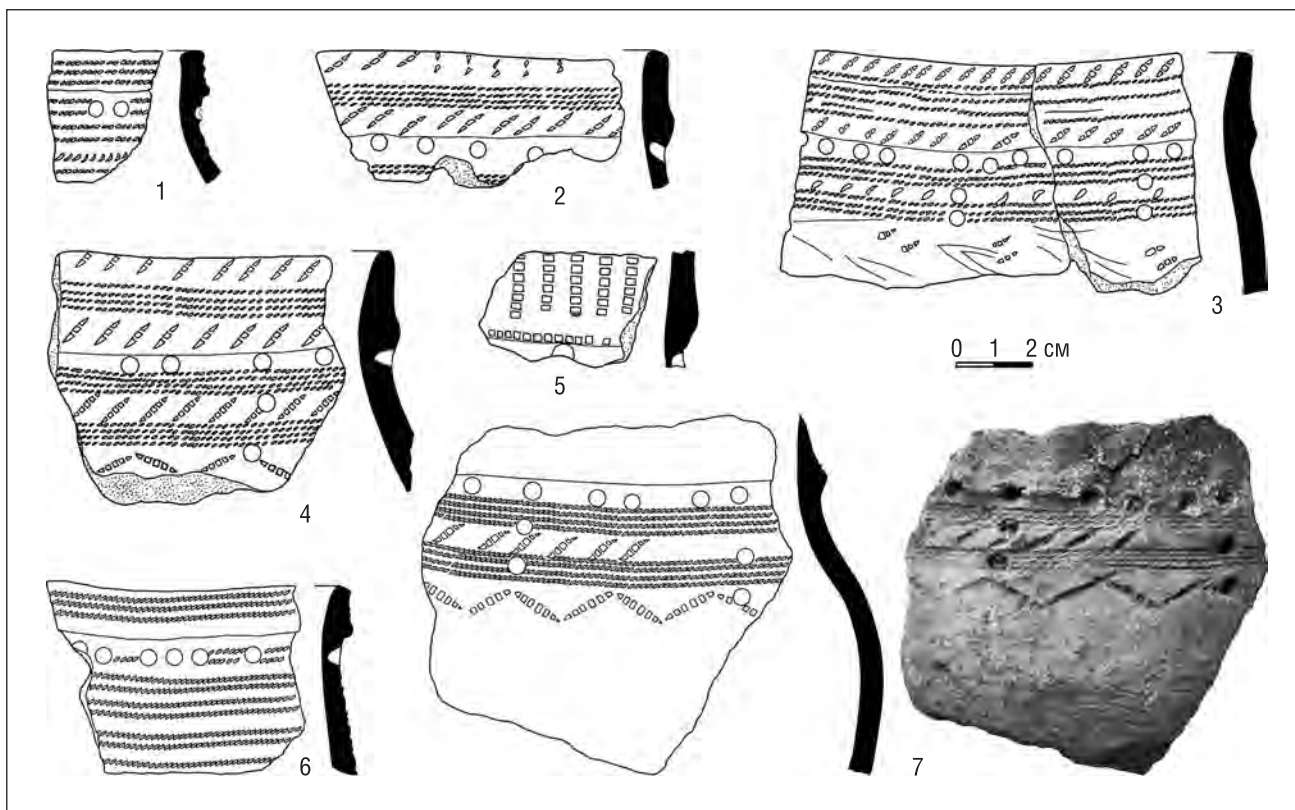

Рис. 3. Ананьинская гребенчато-шнуровая и шнуровая с «воротничком» керамика

чом. Поверхность, как правило, снаружи и изнутри заглажена. В двух случаях ниже орнаментальной зоны с внешней стороны наблюдаются расчёсы по тулову (рис. 3: 3, 7). Снаружи фрагменты коричневого, серо-коричневого оттенков, внутри серые, иногда с лёгким нагаром. В изломе, как правило, серые, серо-чёрные. В примеси – песок, встречаются фракции крупнозернистого песка. Во всех случаях «воротничок» оформлен горизонтальными рядами перевитого тонкого шнура (направление шнура всегда правонаклонное). Горизонтальные линии, образованные перевитым шнуром, дополнены наклонными оттисками гребенчатого штампа. Орнаментальные композиции состоят из 1-, 2-, 3-х, но чаще всего 4-рядных зон отпечатков перевитого тонкого правонаклонного шнура. Под «воротничком» во всех случаях нанесён горизонтальный ряд округлых ямочных вдавлений, который нередко дополняется короткими вертикальными отрезками из ямок, образуя угол под 45 градусов. Часто ряды оттисков шнура, как на «воротничке», так и ниже по шейке и плечикам, чередуются с наклонными оттисками гребенчатого штампа. Нижняя часть композиции в двух случаях замыкается однорядным зигзагом, нанесённым гребенчатым штампом, в остальных – горизонтальными линиями отпечатков шнура. Орнаментальная композиция доходит до максимального расширения тулова, ниже не спускается. Два фрагмента морфологически близки к данной группе, имеют чёткий «воротничок», но на них нет зон из гребенчатого орнамента, они орнаментированы только перевитым шнуром (рис. 3: 1, 6). Один фрагмент, наоборот, без оттисков шнура, по «воротничку» орнаментирован вертикальными отпечатками крупнозубого штампа, а по низу «ворота» дополнительно горизонтальной линией оттисков гребенчатого штампа, под «воротничком» нанесены округлые ямочные вдавления (рис. 3: 5).

Комплекс шнуровой керамики (рис. 4–6)

По профилировке верхней части сосудов выделяются три группы такой керамики. Поверхность посуды вне зон шнуровых оттисков – сетчатая или заглаженная.

1. Плавнoproфилированные горшки с вогнутой высокой (редко – короткой) шейкой и пологими низкими приспущенными плечиками, округлым туловом. Край – плоский, округлый с валиковым наплывом, скошенный наружу в виде бортика или с Г-образной оттяжкой (рис. 4). Примесь – песок, крупнозернистый песок. Цвет – серо-коричневый, в изломе – от чёрного до серо-чёрного. Снаружи поверхность заглажена, иногда подштрихована, в трёх случаях – сетчатая. С внутренней стороны фрагменты заглажены. Керамика данной группы содержит элементы орнамента в виде горизонтальных линий оттисков переплетённого правонаклонного одно-, двух-, многорядного шнура (100 %), но чаще – трёхрядного. Горизонтальные линии оттисков шнура дополняются, чередуются с рядами ямочных вдавлений округлой, реже – неправильной

и подквадратной, формы. Вдавления чаще всего опоясывают шейку сосудов, реже располагаются по плечу. Единично зафиксированы ямки с «ресничками» (рис. 4: 3). На одном фрагменте горизонтальная линия оттисков шнура волнообразно изгибается (рис. 4: 9). Срез в трёх случаях оформлен косыми оттисками гребенчатого штампа (рис. 4: 7, 24, 33), в одном случае – гофрированный (рис. 4: 31). На одном фрагменте ряды шнура дополнены однорядным зигзагом, выполненным оттисками гребенчатого штампа (рис. 4: 15). Единично зафиксированы и вертикальные оттиски, дополняющие ряды отпечатков шнура (рис. 4: 8). Один фрагмент горшка выбивается из общей массы. На нём на сетчатую мелкоячеистой структуры поверхность, местами сильно подзатёртую, накладывается орнамент, который представлен двумя горизонтальными линиями, двойным горизонтальным зигзагом, выполненным шнуром, и оттисками шнура, сделанными разрежено (местами хаотично), но повторяющими горизонтальные линии. Данная композиция дополняется округлыми и овальными вдавлениями (рис. 4: 33).

2. Профилированные горшки с высокой вогнутой шейкой и выделенным округлым высоким плечом, нередко в виде ребристого выступа (рис. 5). Тулово – округлое, сужающееся к придонной части. Край – плоский, слегка скошенный наружу, с небольшой оттяжкой наружу. В одном случае – с валикообразным напльвом (рис. 5: 3). Цвет керамики – серо-коричневый, в изломе – серо-чёрный. Поверхность таких фрагментов снаружи гладкая или сетчатая. С внутренней стороны фрагменты заглажены. Примесь – песок. Как и у предшествующей группы плавнопрофилированной шнуровой керамики, орнамент не спускается ниже наибольшего расширения по тулову. Переплетённый шнур выстроен в 1–4-рядные горизонтальные линии, единично отмечается 8 линий. Структура шнура – тонкая, правонаклонная. Дополнением к линиям шнуровых оттисков являются вдавления округлой, чаще неправильной или овальной, формы, но следует отметить, что вдавления фиксируются значительно реже, чем на «воротничковой» и плавнопрофилированной шнуровой посуде. На одном фрагменте представлены разнонаклонные не замкнутые с одной стороны овалы из оттисков шнура, а между ними – горизонтальные линии отпечатков перевитого шнура (рис. 5: 5). Ряд сосудов по тулову имеет сетчатую структуру. Сетчатые отпечатки – различной фактуры: от крупноячеистых, чётко вдавленных (рис. 5: 9), до мелкоячеистых (рис. 5: 2, 5, 8), местами подзатёртых (рис. 5: 5, 8). Интересен фрагмент, где на сетчатую подзатёртую поверхность по шейке наложены тройные ряды оттисков шнура и вдавления, а с наибольшего расширения плечика вниз по тулову идут чёткие крупноячеистые регулярные вдавления (рис. 5: 9).

3. Горшки с прямой вертикальной или слегка вогнутой внутрь шейкой (слабопрофилированные) (рис. 6). а. Выделяются сосуды, которые имеют плавный профиль (рис. 6: 4, 9, 11, 14). Край округлый или слегка приплюснутый, шейка высокая прямая с небольшим изгибом, плечики округлые, в одном случае – с большим ребристым выступом (рис. 6: 14). Цвет черепков коричнево-серый, в изломе – серо-чёрный. С внутренней стороны сосуды заглажены. Данную группу характеризует и то, что на внешней поверхности трёх фрагментов, с наибольшего расширения по тулову, фиксируются сетчатые отпечатки крупноячеистой структуры, чётко вдавленные (рис. 6: 9, 11, 14). На одном фрагменте поверхность ниже орнаментальной зоны в месте, где фиксировались отпечатки в предыдущих случаях, утрачена (рис. 6: 4). Примесь – песок, в том числе встречаются фракции крупнозернистого песка. Орнаментальная композиция состоит из нескольких горизонтальных рядов отпечатков правонаклонного перевитого шнура. В одном случае линии оттисков шнура ограничены рядами округлых ямочных вдавлений (рис. 6: 9), в других – чередуются с ними (рис. 6: 4, 11). На одном фрагменте тройная линия шнуровых оттисков чередуется с каплевидными, округло-овальными вдавлениями и мелкими нарезками (рис. 6: 14). Орнаментом покрыта только шейка, ниже он не спускается. б. Слабопрофилированные. Имеют плоскосрезанный край венчика, с оттяжкой на внешнюю сторону, иногда образующей подобие небольшого валикообразного напльва. Есть и край, оформленный в виде скошенного бортика. Шейка прямая цилиндрическая, иногда наблюдается лёгкий плавный выгиб внутрь. Плечики низкие, сильно пологие, переходят в слабовыпуклое тулово (рис. 6: 1–3, 5–8, 10, 12–13). Цвет черепков коричнево-серый, в изломе – серо-чёрный. Внутренняя поверхность заглажена. Примесь – песок. Орнамент сплошь покрывает поверхность шейки и представлен оттисками 1–4-рядных перевитых тонких шнуров, в одном случае – сплошными: до места слома фиксируются 13 рядов (рис. 6: 3). На одном фрагменте тройной ряд оттисков шнура плавно изгибается волной (рис. 6: 7). Дополнением к горизонтальным рядам шнуровых оттисков являются округлые ямочные вдавления, выстроенные горизонтальными рядами (рис. 6: 3, 5, 12). На одном черепке двурядные оттиски шнура разделены горизонтальной линией, нанесённой крупнозубым штампом (рис. 6: 10). В одном случае ряды оттисков шнура наложены на затёртую сетчатую поверхность (рис. 6: 6). Нередко у данной группы посуды орнаментируется срез. Так, фиксируются косые нарезки, образующие гофру (рис. 6: 8), подтреугольные вдавления (рис. 6: 2), сетчатые отпечатки (рис. 6: 12) и один раз отмечена двойная линия оттисков шнура (рис. 6: 7).

Следует отметить, что орнаментальная композиция на шнуровой керамике вообще выглядит проще, чем на «воротничковой» гребенчато-шнуровой посуде: так, в основном, отмечается только сочетание шнура с различными вдавлениями.

Сетчатая керамика (рис. 7)

Наиболее многочисленная категория керамики, представлена сетчатой скудно орнаментированной посудой. Исключение, безусловно, составляют фрагменты с сетчатой структурой поверхности, но по шейке покрытые рядами шнуровых оттисков (группа шнуровой керамики). Черепки плотные, тесто – с примесью песка. Поверхность из-за этого зачастую шершавая. С внешней стороны поверхность такой керамики

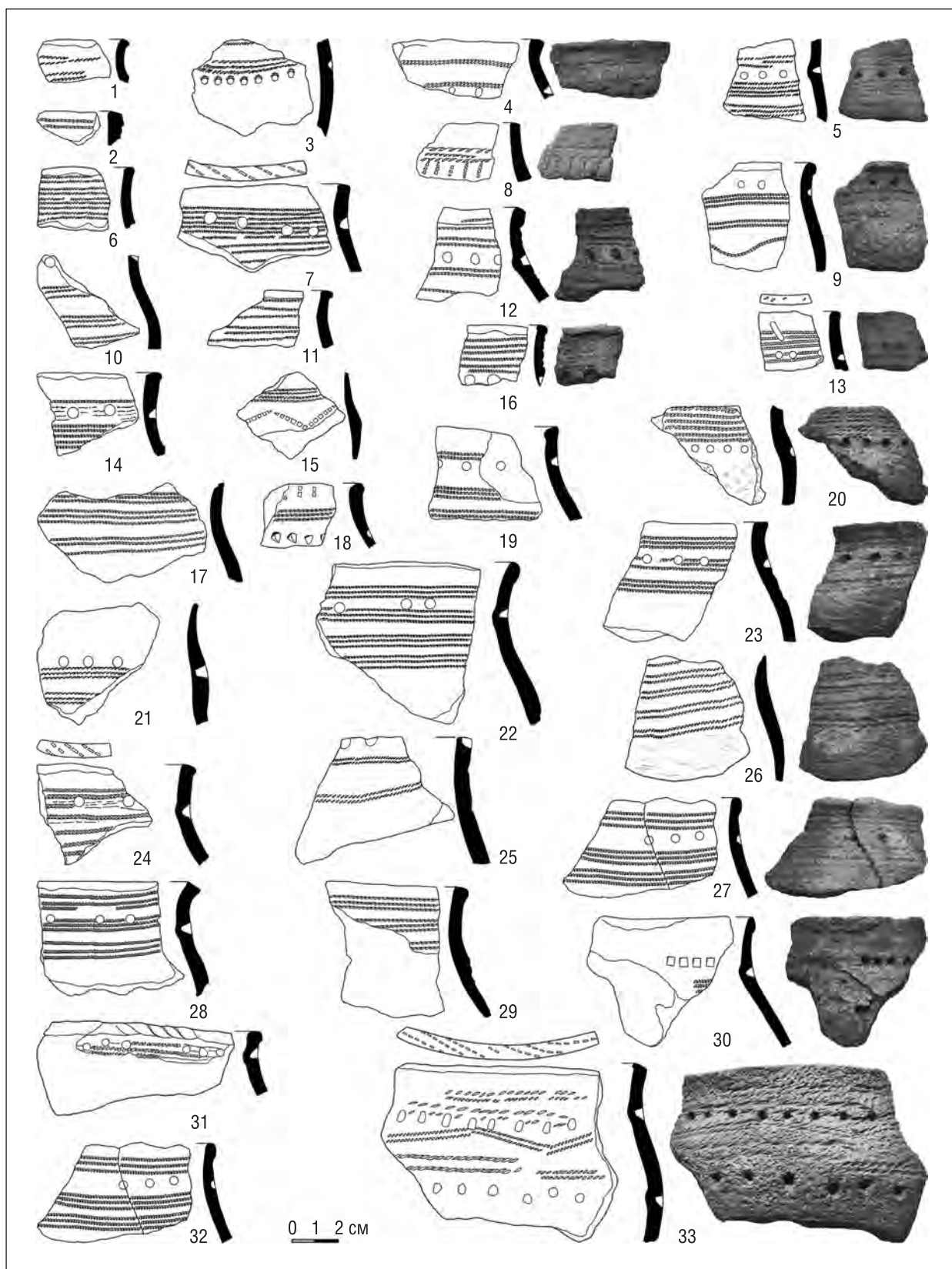

Рис. 4. Комплекс ананьинской шнуровой керамики

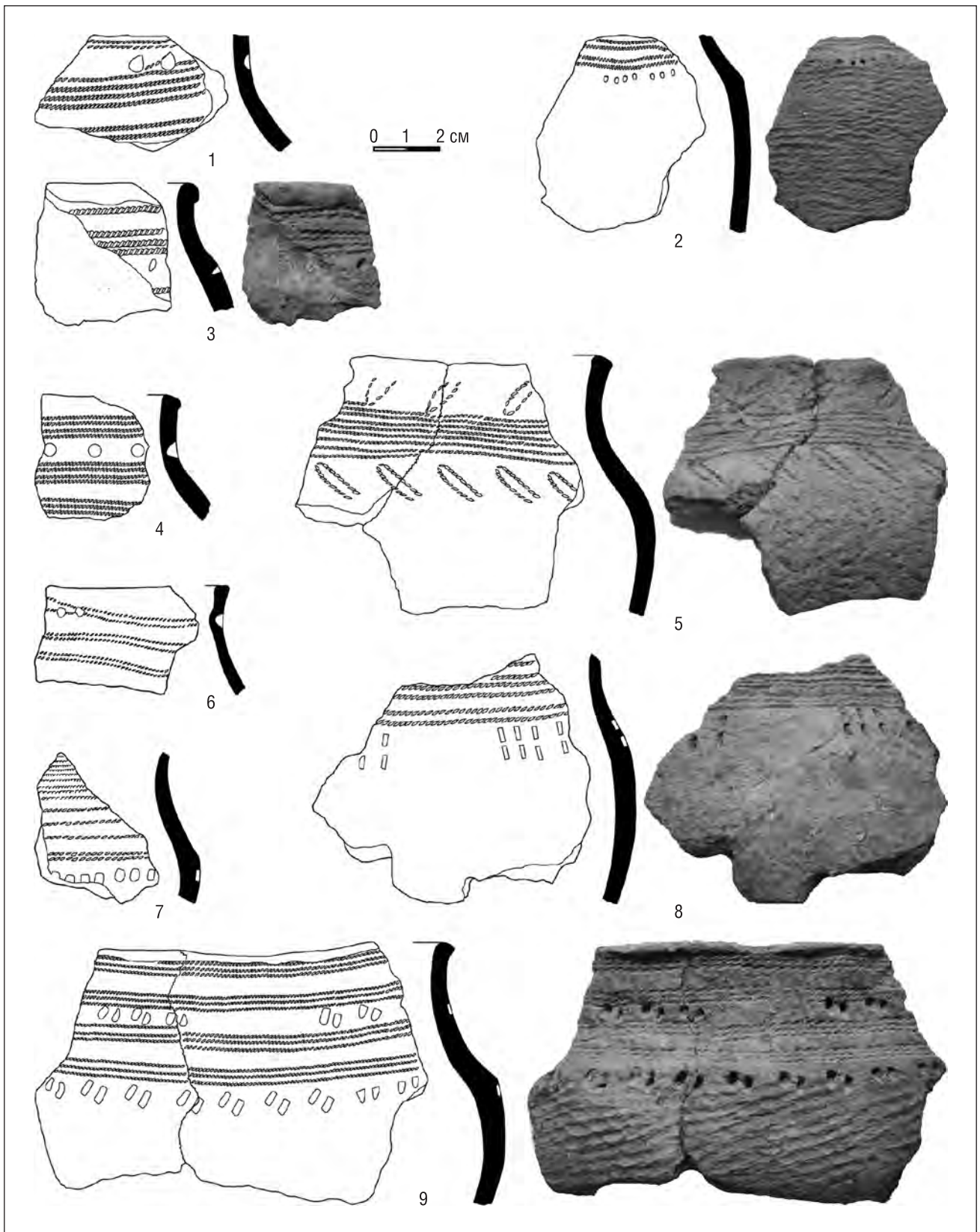

Рис. 5. Комплекс ананьинской шнуровой керамики

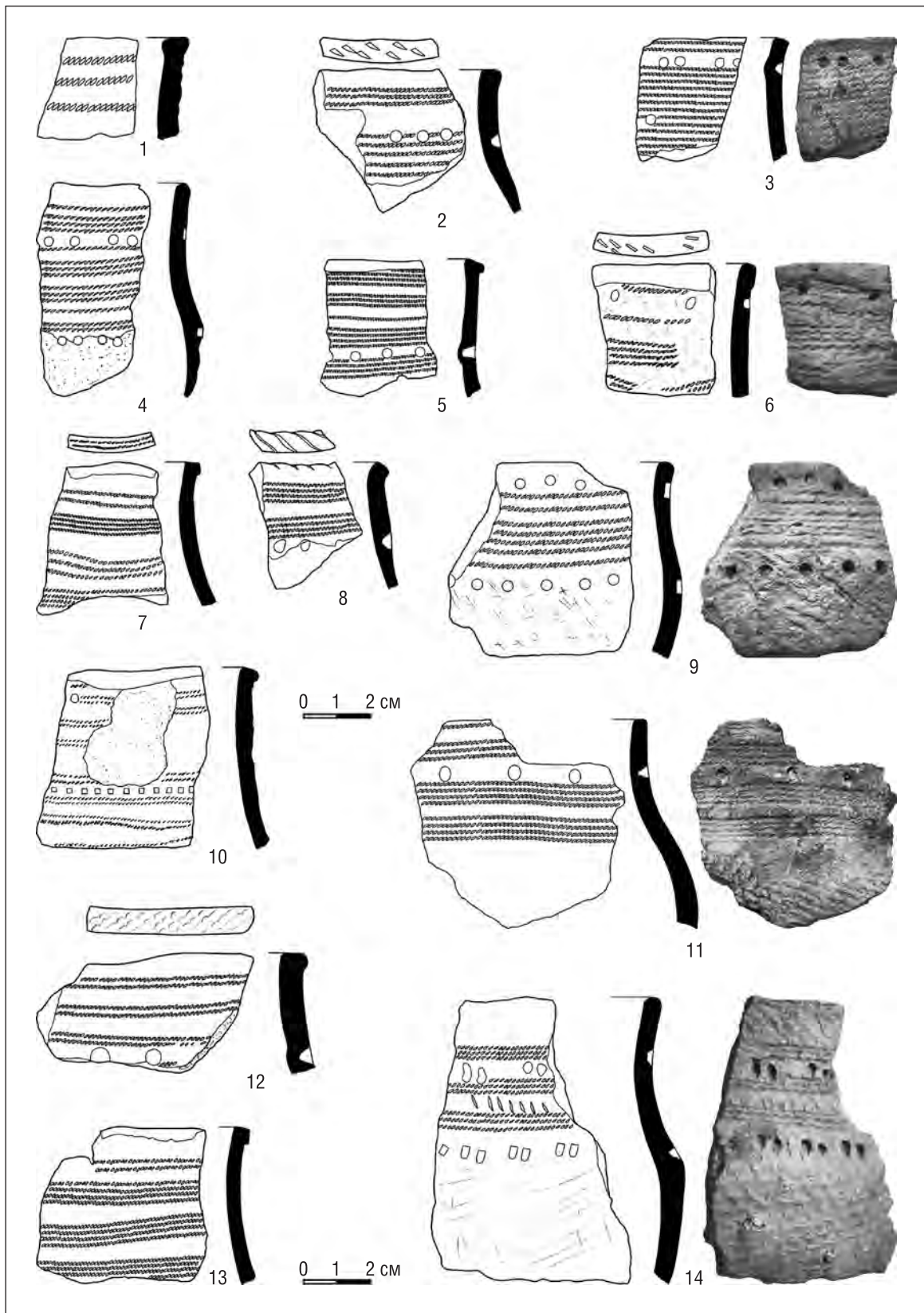

Рис. 6. Комплекс ананинской шнуровой керамики

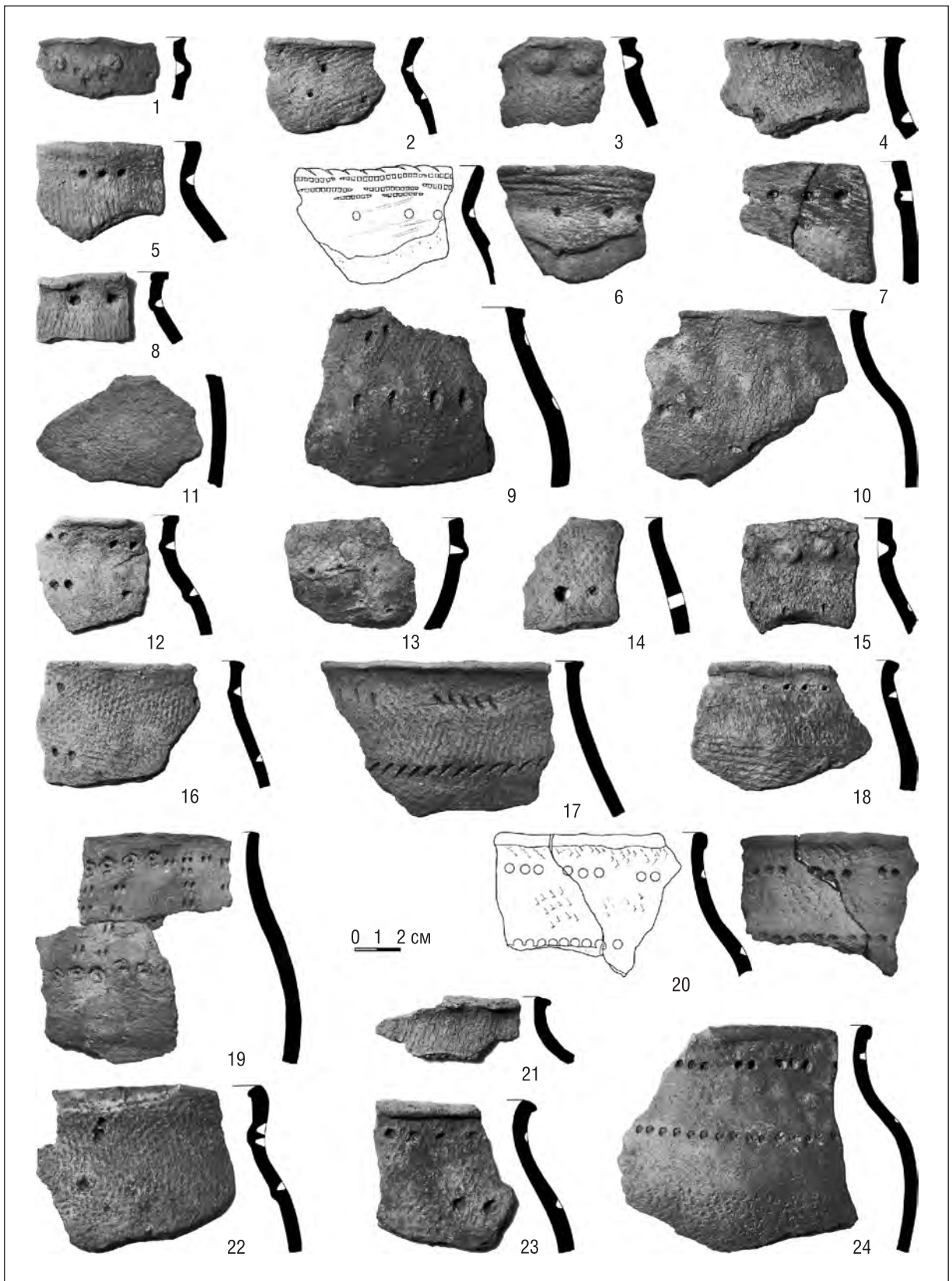

Рис. 7. Комплекс сетчатой керамики

покрыта мелко- и крупночешуйчатыми «рябчатymi» отпечатками, расположенными как регулярно, так и бес- системно. Отпечатки – чётко вдавленные, но присутствуют и едва заметные, сильно затёртые (рис. 7: 1, 6, 7, 12, 19, 20). Отмечено и их сочетание: так, на одном фрагменте по шейке расположены бессистемные мел- кочешуйчатые отпечатки, а по тулову – крупные регулярные (рис. 7: 18). Сетчатые отпечатки – овально-вытя- нутой, подтреугольной, «ногтевидной», неправильной форм; преобладают оттиски крупночешуйчатой струк- туры. Орнамент на такой посуде редок, несложен и представлен различной формы вдавлениями (овальные, округлые, зачастую ямки с неровными краями) и насечками. Реже встречаются «жемчужины» (рис. 7: 1, 3, 13, 15). Построение элементов орнамента рядно-горизонтальное. По морфологическим особенностям офор- мления верхней части выделяются три группы посуды:

1. Посуда, напоминающая баночные формы, как правило, с прикрытым устьем, иногда на таких банках намечается лёгкий изгиб, подчёркивающий шейку. Край – плоский или скошен внутрь (рис. 7: 1, 3, 7, 13, 14).

2. Профилированная посуда горшковидной формы: сосуды с хорошо выраженной вогнутой шейкой, вы- деленным, слегка приподнятым или округлым низким плечом, округлым туловом. Край – плоскосрезан- ный, с оттяжкой в одну или обе стороны (Т- или Г-образный), встречается и с валиковым наплывом с вне- шней стороны (рис. 7: 2, 5, 8, 12, 20–24). К этой же группе относится чётко профилированная, с раструбной шейкой и округлым раздутым туловом керамика (встречен 1 фрагмент). С внутренней стороны заглажен. Примесь – мелкозернистый песок. Цвет коричневый, с внутренней стороны – серо-коричневый. Орнамент представлен ямочными вдавлениями, дополненными горизонтальными отрезками оттисков гребенчатого штампа, образующими неровные (обрезанные) линии (рис. 7: 6).

3. Слабопрофилированные горшки с прямой (или с лёгким прогибом) шейкой, выраженным округлым плечом и округлым туловом. Край, как правило, плоскосрезанный, с небольшим Г-образным отворотом на- ружу (рис. 7: 4, 9–10, 15–19).

Заглаженная керамика (рис. 8)

Выделяется такая керамика весьма условно, так, в нижней части горшка, с наибольшего расширения по тулову может фиксироваться сетчатая структура. Поверхность шероховатая из-за песчаных примесей. С внутренней стороны заглажена. Примесь – песок, встречаются фракции крупнозернистого песка и кварци- та. Найденные фрагменты верхних частей происходят от плавнопрофилированной посуды с вогнутой шей- кой, низкими приспущенными плечиками. Край утолщён и скошен наружу, образуя бортик (рис. 8: 4–5), или слегка оттянут наружу (рис. 8: 7). Два фрагмента по шейке орнаментированы вертикальными оттис- ками гребенчатого штампа в чередовании с ромбическими вдавлениями, а срез – косыми отпечатками гре-

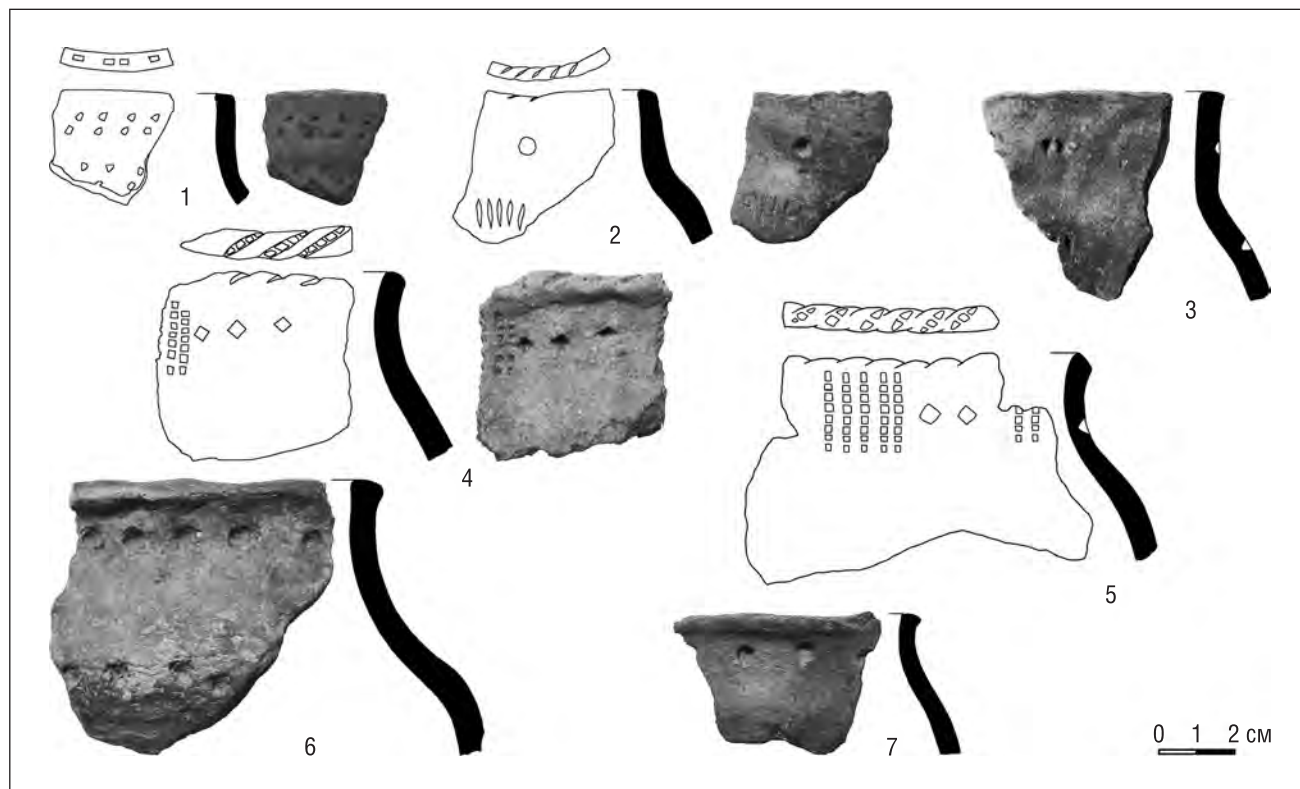

Рис. 8. Комплекс гладкостенной керамики

бенчатого штампа (рис. 8: 4–5). Профилированная посуда – с краем, оттянутым в обе стороны (с внешней стороны образует небольшой валик), вогнутой высокой шейкой и выделенным приподнятым округло-рёберным плечом. Орнамент представлен только ямочными вдавлениями, расположенными по шейке и плечу (рис. 8: 6). Есть посуда с прямой вертикальной (или слегка наклонной) шейкой, переходящей в низкие покатые плечики. Край – плоскосрезанный. Орнамент беден. Элементы в основном представлены только различными вдавлениями, выстраивающимися в горизонтальные ряды (рис. 8: 1–3). В двух случаях срез орнаментирован: в одном – косыми нарезками (рис. 8: 2), в другом – подпрямоугольными вдавлениями (рис. 8: 1).

Нитчатая керамика (рис. 9)

В данной коллекции такая керамика немногочисленна. Структура нитей – мелкая, оттиски расположены как вертикально, так и горизонтально. На двух фрагментах отмечается сочетание отпечатков наложенных нитей со штрихами (рис. 9: 5; 10: 3). С внутренней стороны керамика заглажена. Цвет коричневый, с внутренней стороны – серо-коричневый. Примесь в тесте – песок.

1. Фрагменты чётко профилированных горшков с отогнутой раструбной шейкой, с выпуклым плечом и сильно округлым туловом. Край – округлый, в одном случае – витой, образует косичку (рис. 9: 1). Орнамент скуден и представлен ямочными вдавлениями, организованными в горизонтальные линии (рис. 9: 1, 3).

2. Профилированные горшки. Край плоскосрезанный, слегка скошен внутрь с небольшими оттяжками по сторонам, прямая, слегка изогнутая внутрь шейка, плечо выделено рёберным выступом или округлое (рис. 9: 4–5). Один фрагмент – слабопрофилированного сосуда с высокой почти прямой шейкой, низким плечиком. Край плоский (рис. 9: 2). Элементы орнамента представлены только ямочными вдавлениями.

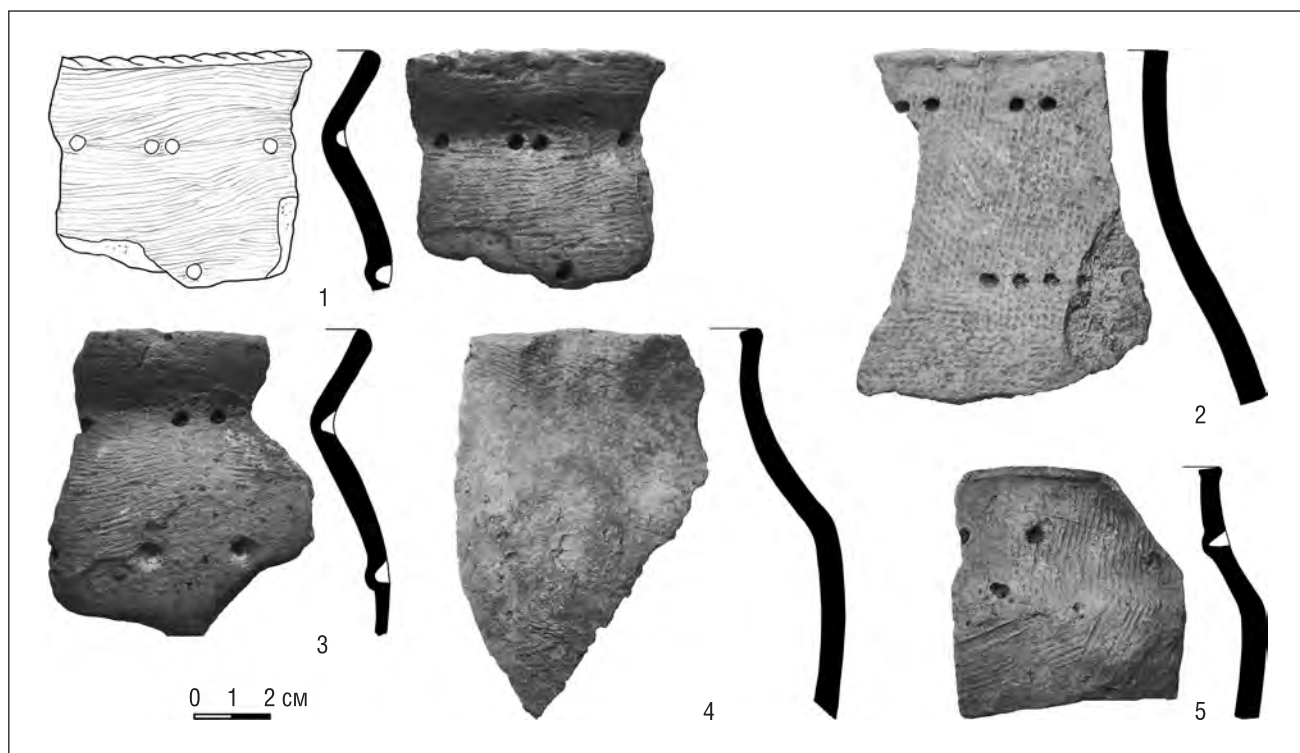

Рис. 9. Комплекс нитчатой керамики

Штрихованная керамика (рис. 10, 11)

В данной коллекции малочисленна (рис. 10). Представлена фрагментами слабопрофилированной, напоминающей банки посуды. Край – плоский и слегка скошен внутрь, может быть с небольшим наплывом с внутренней стороны. Шейка прямая, с лёгким намечаемым изгибом внутрь. Плечо слабо выделенное, сильно приспущенное (рис. 10: 1–3). Один фрагмент профилирован: с прямой, слегка вогнутой шейкой и выделенным рёберным плечом. Край плоский, с небольшими наплывами в обе стороны (рис. 9: 5). Однако следует отметить, что помимо штриховки на поверхности этого фрагмента, на шейке есть отпечатки тонких нитей, что отмечается и на фрагменте со слабой профилировкой (рис. 10: 3). Элементы орнамента на такой керамике скудны и представлены ямками с «рваными» краями. Штрихи – горизонтальные, вертикальные,

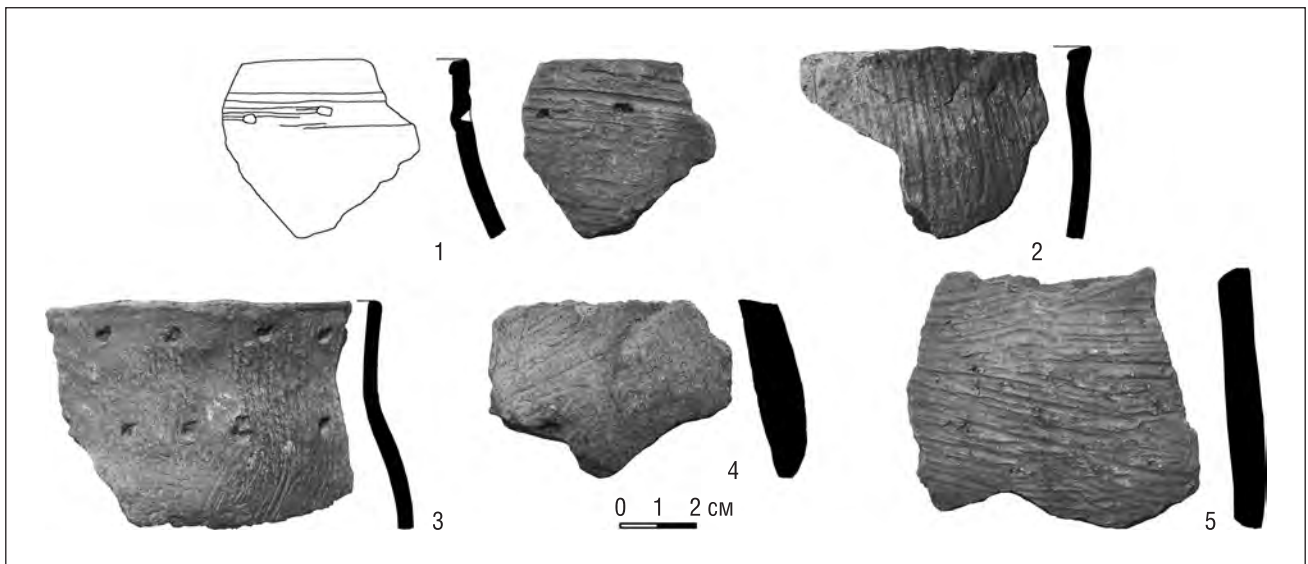

Рис. 10. Комплекс штрихованной керамики

накладывающиеся друг на друга, взаимопроникающие. Цвет черепков коричневый, коричнево-серый. С внутренней стороны такая керамика заглажена. Примесь в тесте – песок.

Следует отметить следующее интересное обстоятельство: на внешней поверхности одного фрагмента встречаются совместно участки со штриховкой и с сетчатыми отпечатками (рис. 11: 2). А на одном фрагменте зона с сетчатой структурой отделена от штрихованной поверхности заглаженным участком (рис. 11: 1).

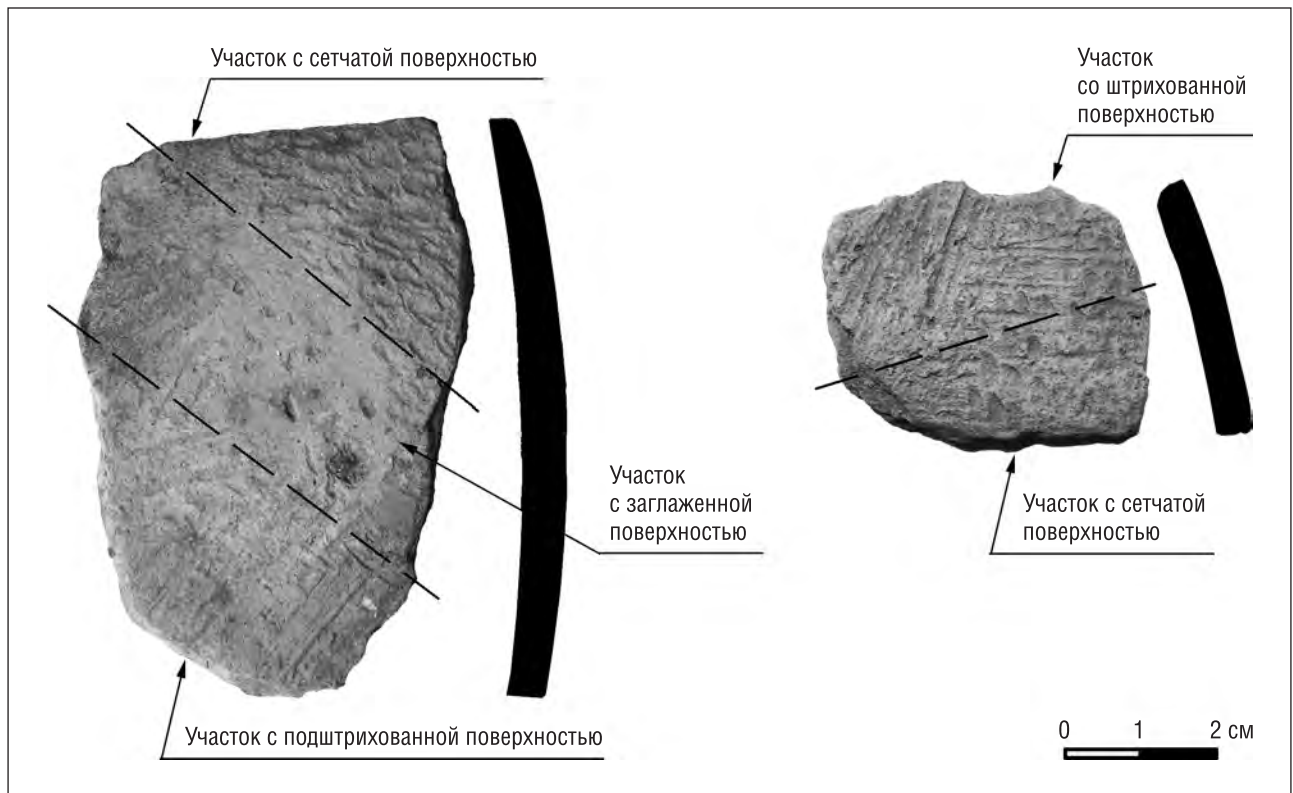

Рис. 11. Фрагменты стенок сосудов

Донные части сосудов

Типологически представлены пять групп донных частей (рис. 12–14). Следует отметить небольшое количество их фрагментов в данной коллекции. **1.** В одном экземпляре присутствует округло-приострѐнное дно. На внешнюю поверхность беспорядочно нанесены сетчатые отпечатки мелкоячеистой структуры, на отдельных участках они сильно подзатѐрты (рис. 12). Примесь – песок, крупнозернистый песок. **2.** Фрагменты плоских днищ с закраиной связаны с посудой с сетчатой структурой поверхности. Примесь в тесте – песок (рис. 14). Днищ данной категории отмечено наибольшее количество. **3.** Плоское дно с чѐтким углом перехода в стенку (рис. 13: 1–5). Внешняя поверхность – с сетчатой структурой. Примесь – песок. **4.** Плоское дно с плавным скруглѐнным переходом в стенку (рис. 13: 6–10). Посуда – с сетчатой поверхностью. Примесь – песок. **5.** Округло-утолщѐнные днища посуды с заглаженной поверхностью (рис. 13: 11–15). Примесь – песок, в т.ч. крупнозернистый.

Рис. 12. Фрагмент придонной и донной части сосуда

Н.Н. Гурина начало существования поселения Ватажка датирует серединой I тыс. до н.э., но отмечает, что основная масса посуды относится к концу I тыс. до н.э. и, возможно, первым векам нашей эры [3, с. 164]. Малочисленность керамики со штрихованной, нитчатой и заглаженной поверхностью, массовость посуды с сетчатой поверхностью свидетельствуют о правомерности данных выводов и указывают на угасание жизни на поселении в первые века нашей эры. Но хронологические рамки памятника, в связи с обнаружением керамики, относящейся к финальному периоду эпохи бронзы, и ананьинского керамического комплекса, следует считать более широкими. Интересен в этом отношении и фрагмент литейной формы из глины для отливки топора-кельта аозинско-меларского типа, обнаруженный в коллекции предметов из раскопок 1927 г. (рис. 15). По коллекционной описи проходит как обломок дна сосуда за № 2077. Отмечается другой состав примесей в глиняном тесте, в отличие от всей керамической коллекции. Указанный фрагмент как раз является недостающим элементом реконструируемой Н.Н. Гуриной литейной формы [3, с. 164, рис. 57] (рис. 15). Данная недостающая часть была сделана из гипса. Кельты такого типа датируются не позднее VI в. до н.э. [4, с. 68]. В.С. Патрушев также пишет о их датировке не позже 2-й пол. VI в. до н.э., поскольку эти кельты относятся к кругу культур «псевдосетчатой керамики» [5, с. 58], но при этом ограничивает верхнюю дату памятника Ватажка в основном IV в. до н.э. [5, с. 58].

Поселение Ватажка функционировало достаточно продолжительное время. Заселение площадки происходит в поздний период эпохи бронзы и связано с населением с «текстильной» керамикой, оставившим сравнительно немногочисленный, но важный керамический комплекс. Возможно, к этому времени относятся и каменные изделия в виде скребков, различные осколки и обломки кремня. Насколько население с «текстильной» и гладкостенной (поздняковской?) керамикой позднего бронзового века могло участвовать

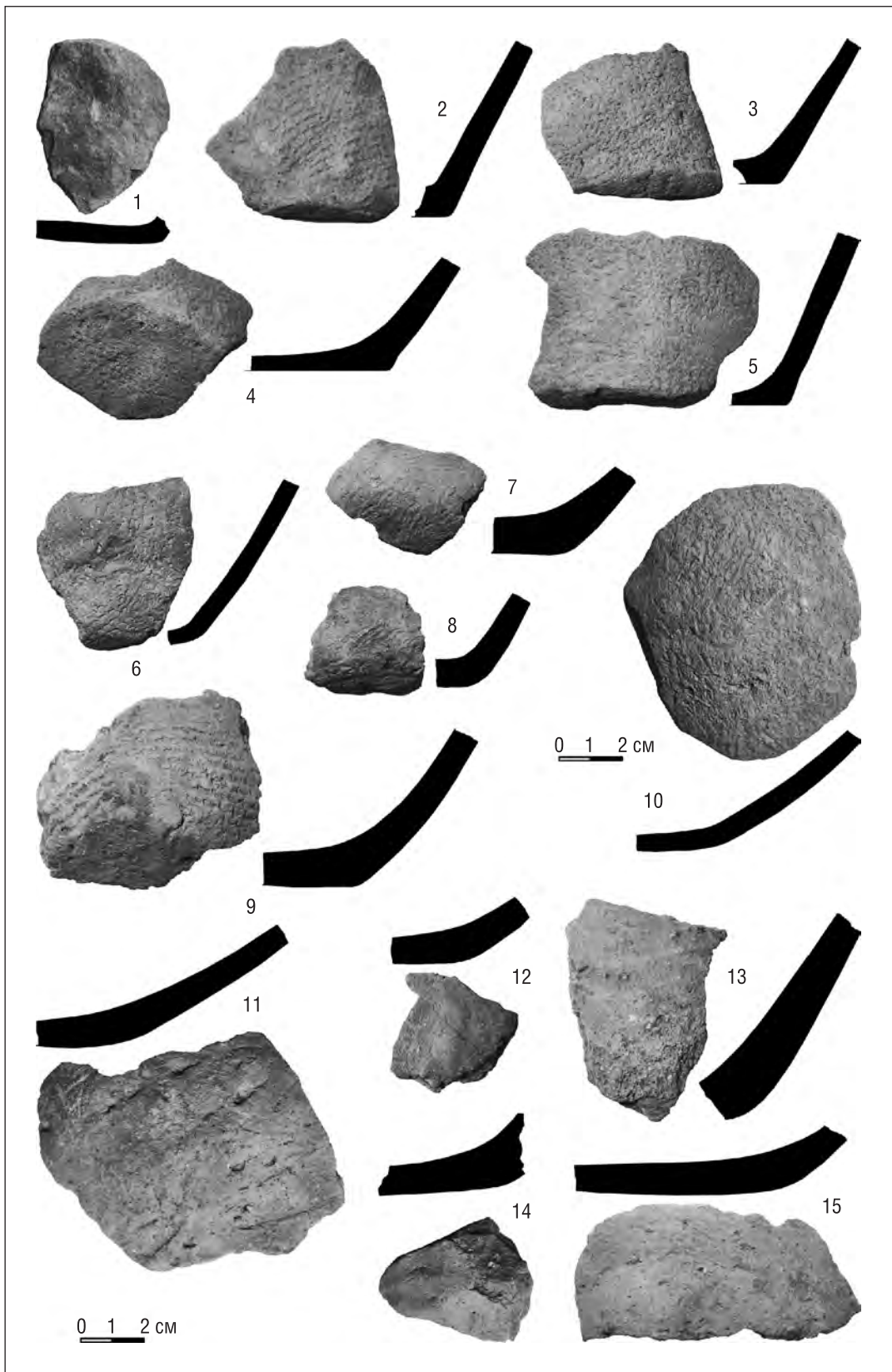

Рис. 13. Фрагменты придонных и донных частей сосудов

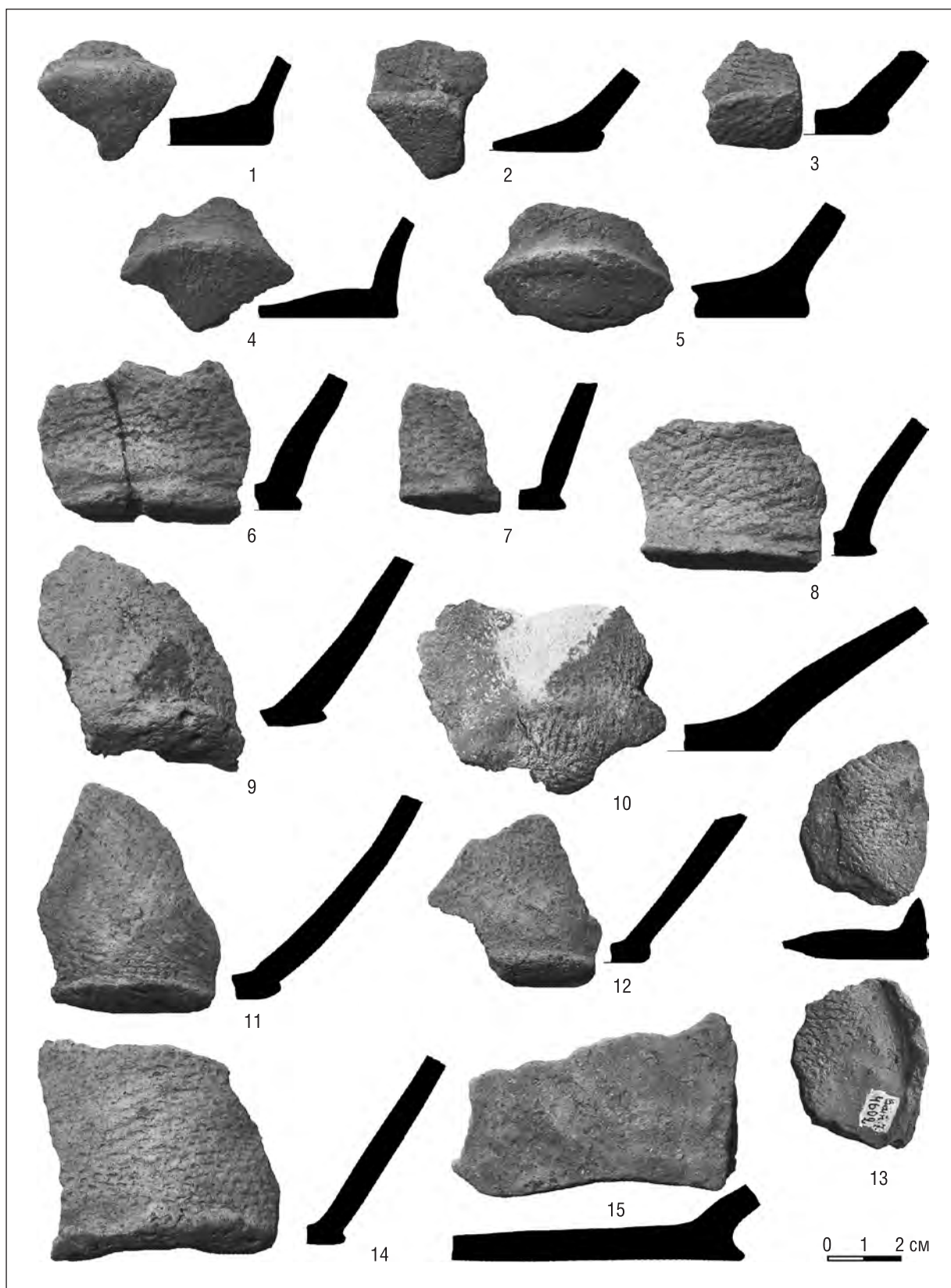

Рис. 14. Фрагменты придонных и донных частей сосудов

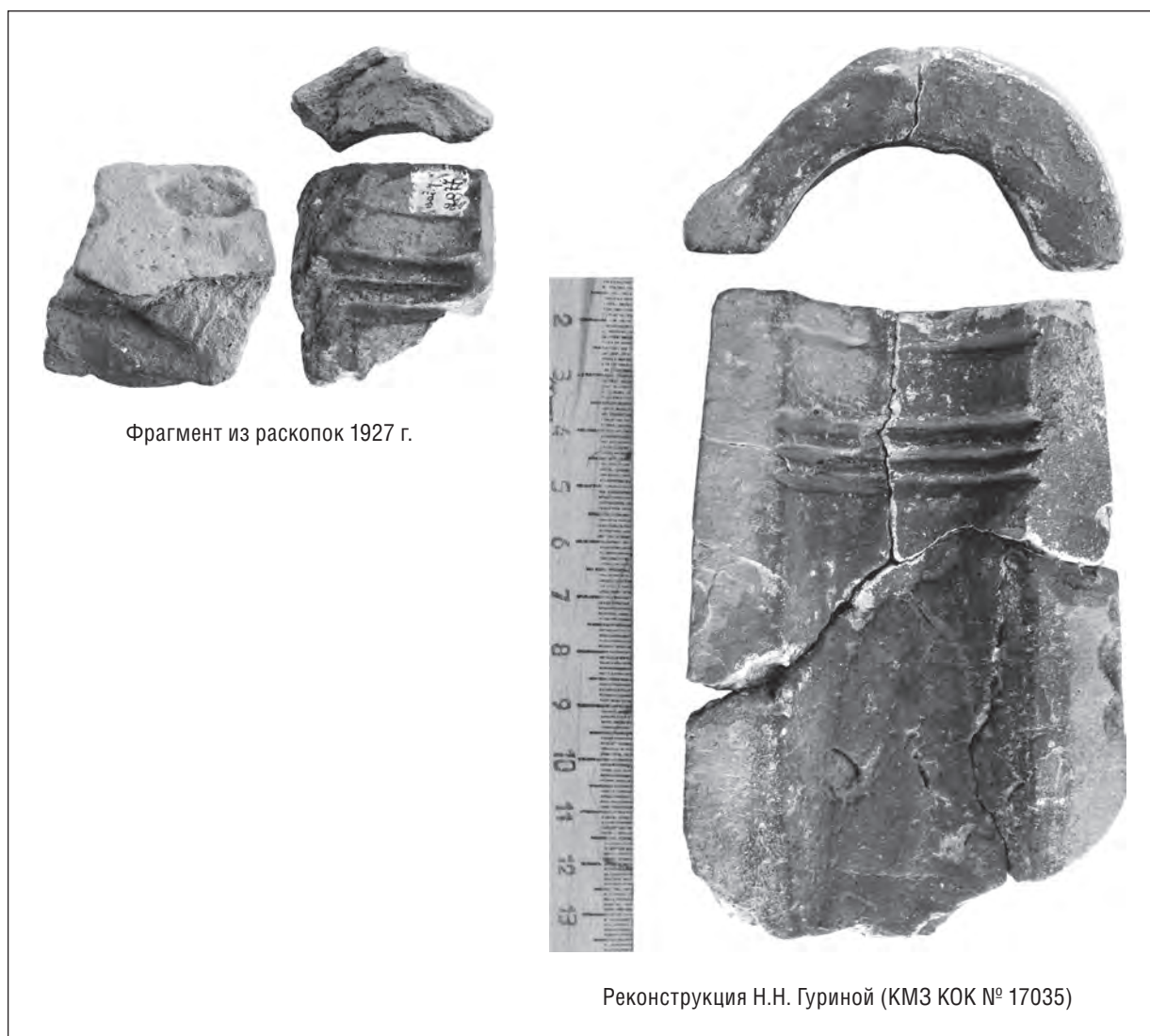

Рис. 15. Глиняная литейная форма

в формировании комплексов сетчатой керамики раннего железного века данного микрорегиона и посёлка в частности? Наиболее значительный керамический комплекс на территории поселения представлен посудой с сетчатой структурой, соотносимой с ранним железным веком, раннедьяковским периодом, часть, вероятнее всего, – переходного периода. Вообще на отсутствие чёткой хронологической границы между поздним периодом эпохи бронзы и ранним железным веком на территории Костромского края уже указывалось исследователями ранее [6, с. 83], а М.Г. Гусаков отмечает, что волжские памятники (среди них Ватажка, Борань, Шунга и др.) от верховьев Волги до Рыбинского водохранилища по своему материальному составу являются типичными памятниками эпохи бронзы [7, с. 113].

Исключение, безусловно, – единичные фрагменты неолитической льяловской посуды (1) и раннего периода эпохи бронзы – фатьяновской (2), которые являются на месте поселения Ватажка случайными. Малочисленность и сильная фрагментарность средневековой гончарной керамики также свидетельствуют об эпизодическом характере посещений этого места в XV–XVIII вв., её наличие, скорее всего, связано с сельскохозяйственной обработкой данных земель в то время.

Разнородность керамических комплексов, найденных при раскопках поселения Ватажка, указывает на сложный характер культурных процессов, происходивших в раннем железном веке на территории Костромского Поволжья, низины в частности. Отмечается значительное своеобразие керамического комплекса. Керамика различна как по морфологическим признакам, так и орнаментике: от сложных орнаментальных мотивов и композиций (сложношнуровая керамика) до «бедных», содержащих лишь один элемент (ямку), сгруппированный в горизонтальную полосу, как правило, опоясывающую шейку или плечико. Присутс-

твует сетчатая, гребенчато-шнуровая, шнуровая, нитчатая, заглаженная, штрихованная керамика. Следует указать на стабильную консервативность в примесях (песок, фракции крупнозернистого песка, кварцита). Данный компонент является устойчивым признаком всей обнаруженной керамики.

Отмечаются и проникновение в Костромскую низину отдельных, судя по небольшому количеству керамики, скорее всего, немногочисленных групп ананьинского населения и его прямое взаимодействие с раннедьяковским с сетчатой керамикой. Фиксируются изменения в технологии изготовления ананьинской посуды, приспособление к местной среде, что чётко маркируется наличием примеси в тесте песка (100 %) вместо ракушки и органики, преобладающей в восточных областях её распространения. Элементы материальной культуры носителей ананьинских традиций имеются и на ближайшем дьяковском городище (в г. Костроме), что отражает довольно активное совместное сосуществование дьяковского и ананьинского населения на территории Костромской низины. На рано установившиеся связи данных групп населения в Костромском Поволжье указывала Е.И. Горюнова [8, с. 22–25], которая считала, что территория Костромского Поволжья была пограничной, на которой находился стык двух культур: ананьинской и раннедьяковской, но отмечала, что уже в бассейне Унжи памятники ананьинской культуры пока неизвестны, вследствие слабой изученности, предполагая их наличие [8, с. 22–23]. Н.Н. Гурина считала, что восточное влияние, в частности ананьинской культуры, проявляется здесь довольно слабо [3, с. 201]. Таким образом, ареалы дьяковской и ананьинской культур в Костромском Поволжье очерчиваются по географическому принципу – водораздел между бассейнами рек Унжи и Ветлуги [6, с. 103; 8, с. 22], а выдвигается население ананьинской культуры в район Ветлуги на рубеже VII–VI вв. до н.э. [9, с. 15–16; 10, с. 71]. Приведённые материалы показывают, что проникновение отдельных групп ананьинского населения в западном направлении не ограничивается данным водоразделом и чётко фиксируется по памятникам Костромской низины, Ватажки в частности. Ветлужский вариант ананьинской культуры А.Х. Халиков соотносит по времени с VIII–VI вв. до н.э. [9, с. 15–16], однако к ананьинской керамике поселения Ватажка близка керамика и западноволжского варианта ананьинской культуры, в частности материалы Васильсурского городища [9, с. 231], что, вероятно все-го, указывает на миграции групп ананьинского населения на территорию Костромской низины Волжским путём. Керамика, аналогичная воротничковой керамике Ватажки, фиксируется и в комплексах Юго-Западного Прибеломорья, где она относится к VI–IV вв. до н.э. [11, с. 36]. А.М. Жульников появление шнуровой керамики в Юго-Западном Прибеломорье связывает с продвижением североананьинского населения [11, с. 36, 98] и отмечает ананьинские керамические традиции на единичных сосудах керамики типа Лууконсаари: наличие оттиков шнура и «воротничков», а также указывает, что население с ананьинской керамикой, по-видимому, вытесняет носителей поздней сетчатой керамики [11, с. 36].

Возможно проникновение отдельных ананьинских групп в Костромскую низину и с северных территорий, через округу Галичского озера, по р. Костроме и её притокам, что, впрочем, небесспорно. Так, в частности, для ананьинской керамики Прибеломорья также характерны минеральные примеси в тесте, как и для керамики Костромского Поволжья в целом. Это обстоятельство необходимо рассмотреть после сопоставления всего комплекса ананьинского материала в регионе.

Керамические комплексы с сетчатой структурой поверхности наиболее близки к керамике с поселений Костромской низины – Борань, Шунга и округи Галичского озера, таких как Брюхово, Быки.

Отмечается определённое морфологическое сходство керамического материала позднего периода эпохи бронзы с комплексом сетчатой посуды раннего железного века, выраженное в плавной профилировке горшков, пологих плечиках, скошенном крае, что ставит новые вопросы, затрагивая проблематику переходного этапа между эпохами. Какие критерии должны быть значимы при оценке материалов переходного времени, насколько существенным могло быть влияние носителей относительно немногочисленных в данной коллекции комплексов позднебронзового времени на процесс формирования местного керамического компонента сетчатой посуды раннего железного века? Насколько «сетчатость» поверхности сосуда должна была быть изменена при переходе от одной эпохи к другой? В самой сетчатой посуде раннего железного века нет чётких критериев для определения её внутренней хронологии. Только ли основной отличительный признак, такой как наличие мелкой или крупноячейстой рябчатой структуры поверхности горшка, может быть определяющим на данной территории? Безусловно, изготовители ранней сетчатой керамики сыграли немаловажную роль при формировании комплексов поздней сетчатой посуды раннего железного века Костромского Поволжья, однако рубеж эпох на территории Костромской низины улавливается с трудом, может быть весьма условен. В связи с этим серьёзным недостатком является отсутствие абсолютных хронологических реперов для указанного микрорегиона, построения целиком основаны только на данных относительной стратификации керамических комплексов. Других, в том числе индивидуальных, культурных ориентиров этого времени в регионе практически нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археологическая карта России. Костромская область. Составитель К.И. Комаров. М., 1999.
2. Паспорт объекта археологического наследия (стоянка Ватажка). Составлен в 1980 г. Составитель М.Г. Жилин // Архив департамента культуры Костромской области.
3. Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // Труды Горьковской археологической экспедиции. М.; Л., 1963. (МИА. № 110)
4. Кузьминых С.В. Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной исторической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. Рязань, 1993.

5. Патрушев В.С. Финно-угры России. Йошкар-Ола, 1992.
6. Археология Костромского края / Под ред. А.Е. Леонтьева. Кострома, 1997.
7. Гусаков М.Г. Дьяковская культура на Верхней Волге. Проблема хронологии // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М., 2006.
8. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961. (МИА. № 94)
9. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.
10. Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веке (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань, 2008.
11. Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск, 2005.

*ООО «Костромская археологическая экспедиция»,
Кострома*

A.V. Novikov

**POTTERY ASSEMBLAGE OF VATAZHKA SETTLEMENT
(BASED ON MATERIALS OF EXCAVATIONS OF V.I. SMIRNOV 1925–1927)**

Summary

The main purpose of this article is introduction for scientific use of previously unstudied pottery assemblages of the late period of Bronze Age and the Early Iron Age received as a result of V.I. Smirnov's excavations in 1925–1927 in Vatazhka settlement, which is situated in Kostroma lowland.

Groups of pottery of late Bronze Age, comb-wire and wire pottery of Ananyino type, net, spun, shaded and float-ware of the Early Iron Age are presented. The pottery assemblage of Ananyino type in collection is rather representative. The Kostroma Volga region in the Early Iron Age is traditionally opposed to Povetluzhye with Ananyino monuments, not only territorially, but also in the cultural view. But still the presence of certain Ananyino features in pottery on some settlements of the Kostroma Volga region is marked by many researchers. The place, the role and the value of Ananyino population on these territories are still necessary to define. Generally, in the Kostroma Volga region pottery assemblages of the Early Iron Age are connected with Dyakovo Culture (local variants of this culture are allocated, otherwise the opinions of absence of Dyakovo traditions in these territories are expressed) or they are corresponded to net pottery of Dyakovo type or they are identified with net ceramics in general. There are some other outstanding issues connected with transition time from the late period of Bronze Age to the Early Iron Age and, respectively, with differentiation of pottery assemblages of this period.

*“Kostroma Archaeological Expedition” Ltd.,
10, Marshala Novikova St., Kostroma, 156013,
Russia
E-mail: kae44@mail.ru*

Е.В. Столяров

НАХОДКИ ВЕЩЕЙ СКИФСКОГО ТИПА В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ОКИ

Верхнее Поочье в силу географического положения занимает особое место в истории и культуре среди других территорий европейской части России. Данный регион представлял собой в раннем железном веке контактную зону не только трёх крупных этнокультурных общностей – балтов, финно-угров и ираноязычных племён, – но в связи с этим и большинства культур «лесной зоны» (днепро-двинская, юхновская, дьяковская, городецкая, лесостепная скифоидная). Изучение культурных традиций населения Верхнеокского региона в раннем железном веке приобретает, таким образом, особое значение в контексте исследования процессов этно- и межкультурного взаимодействия.

Вопросы, связанные с формированием системы «лесных» культур» и степенью влияния на неё лесостепного, в частности скифоидного, населения, входят в ряд наиболее актуальных для современной археологии. Поэтому особый интерес приобретают исследования памятников, расположенных в контактных зонах, одной из которых является рассматриваемая территория.

Разработка хронологии лесных культур европейской части России является одной из самых сложных тем в их изучении. По определению М.Б. Щукина, все культуры этого круга «бесфибульные», их отличает бедность цветным металлом и редкость импортных вещей из других «миров» [1, с. 21]. Именно по последней категории находок исследователям удаётся хоть в какой-то мере сопоставлять относительные датировки, полученные по стратиграфическим наблюдениям, с хорошо разработанными абсолютными датами хронологических маркёров из соседних – более южных культур. Учитывая стилистику находок, происходящих с территории верхнеокской культуры, можно выделить три волны культурных импульсов, которые повлияли на характер её вещевого комплекса: скифская (скифоидная лесостепная культура), подгорцевско-милоградская и кельтская (латенская), которые, безусловно, могли оказывать и опосредованное воздействие через распространение оригинальных стильных вещей, их копий или реплик. Исходя из времени бытования «стильных» вещей, хронология вещевого комплекса верхнеокской культуры определена на данном этапе исследований в рамках VI–III вв. до н.э. [2] и синхронизирована в целом со скифской эпохой на юге, средним этапом ананьинской культуры [3, с. 79] или временем ананьинской постархаики на востоке [4, с. 258], древним этапом дьяковской культуры по К.А. Смирнову и Н.А. Кренке [5, с. 92; 6; 7], ранним периодом днепродвинской культуры Верхнего Поднепровья по Ю.В. Ефимовой [8, рис. 1], а также временем существования классических поселений юхновской культуры или её средним этапом по В.П. Левенку [9, с. 90].

Как следует из анализа вещевого комплекса верхнеокской культуры, налицо определённое влияние скифского мира, связанное с непосредственными контактами верхнеокских племён с носителями лесостепной скифоидной культуры, которое отмечается также для юхновской, городецкой и дьяковской культур [10; 11–14; 5; 15]. В частности, отдельные предметы вооружения (стрелы, колчаные застёжки, наконечники ножен кинжала/футляры для наконечников копий), детали одежды (застёжки), украшения (булавки), как бронзовые, так и сделанные из кости, имеют свои прототипы в материалах скифо-сарматской культуры. Отдельные вещи являются либо импортными, либо подражанием «стильным» скифским вещам. О культурных контактах между населением скифоидной культуры лесостепи и верхнеокской культуры свидетельствуют также и находки на поселениях последней типичной для скифоидной культуры керамики. Городище Дуна является, по-видимому, одним из наиболее северных пунктов, куда попала керамика этой культуры [16, с. 6].

Окско-Сейминское междуречье, являясь наиболее северным районом распространения памятников лесостепной скифоидной культуры в левобережной части Поднепровья [17, с. 49; 18, с. 47; 19, с. 57], представляло собой территорию её отдельного локального варианта, выделяемого наряду с другими семью вариантами [20, с. 10]. Её памятники, известные в верховьях р. Оки, на её притоках (городища Воротынцево, Новосиль, Лужки, Тагино), находились в непосредственной близости к поселениям верхнеокской культуры, определяя тем самым её южное пограничье [21, с. 17, 23]. Там они, видимо, «доживают», по крайней мере, до II в. до н.э. [21, с. 23; 19, с. 57], хотя не исключено, что и до рубежа эр [22, с. 69].

Среди предметов «скифского типа», происходящих из слоёв раннего железного века поселений бассейна Верхней Оки (рис. 1), необходимо отметить наконечник копья (рис. 2: 1) и фрагмент пластинчатого псаля

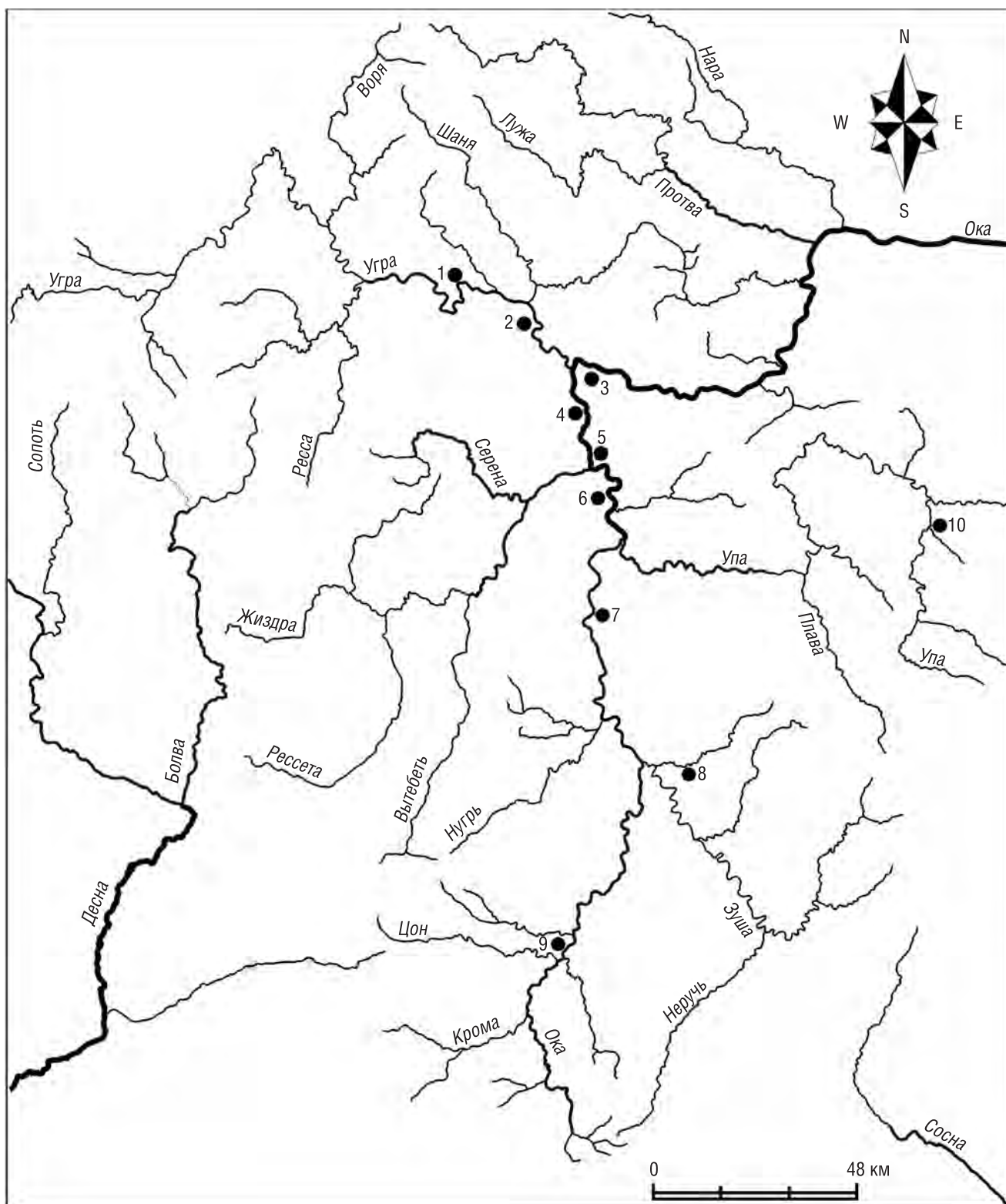

Рис. 1. Картография памятников с вещами скифского типа:

1 – Николо-Ленивец; 2 – Свинухово; 3 – Ромоданово; 4 – Желухово (Певкин Бугор); 5 – Вороново;
6 – Дуна; 7 – Жабынь 1; 8 – Черемисиново 1; 9 – Надежда; 10 – Сатинка.

1–3, 5–6, 9–10 – городища; 4, 7–8 – поселения

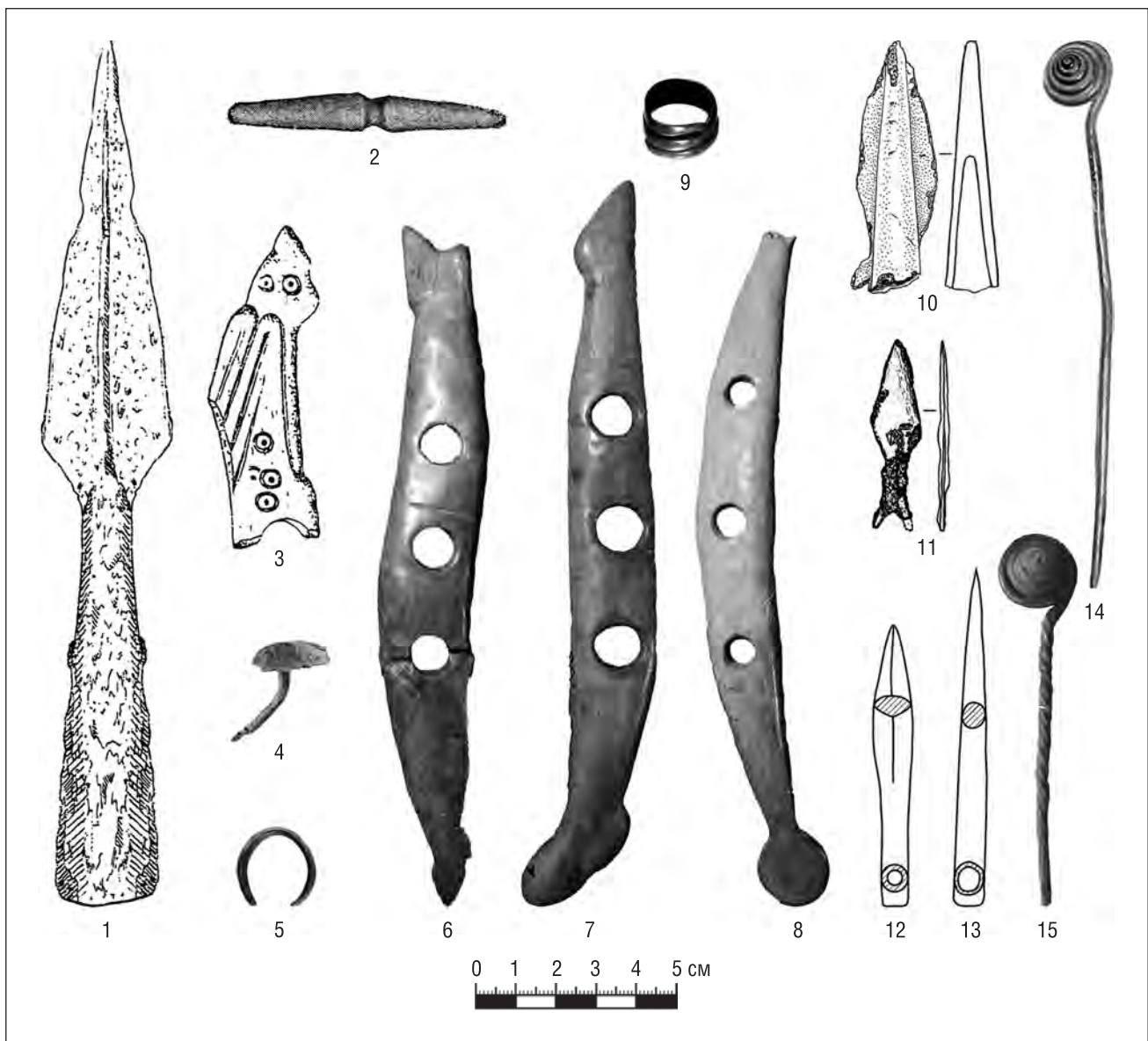

Рис. 2. Вещи скифского типа:

1, 3 – Вороново; 2, 15 – Свинухово; 4–5 – Надежда; 6–8 – Сатинка; 9, 12–13 – Николо-Ленивец;
10 – Черемисиново I; 11 – Жабынь I; 14 – Ромоданово.
1, 10–11, 15 – железо; 2–3, 6–8, 12–13 – кость; 4–5, 9, 14 – цветной металл

с городища Вороново, датируемые VI в. до н.э. [23, с. 76–78, рис. 28: 1–2]. Псалий с городища Вороново [23, с. 77, рис. 28: 4] (рис. 2: 3) представлен фрагментом, по которому мы можем судить о его форме лишь предположительно, тем не менее, вероятно, он являлся костяным трёхдырчатым. Т.Н. Никольская усматривала аналогичные ему по форме костяные псалии в скифских курганах Поднепровья и курганах №№ 3 и 4 Посулья, где подобные образцы датировались VI в. до н.э. [23, с. 77]. Псалии с подобным орнаментом встречены также в Левобережной лесостепи, это изделия из курганов № 2 и № 467 у села Аксютинцы [24, табл. XIII]. Вместе с псалием на городище был найден втульчатый ромбический наконечник копья, аналоги которому известны в скифских древностях VI в. до н.э. [23, с. 78]. Раннюю дату (VI–IV вв. до н.э.), вероятно, имеют и бронзовая и железная булавки со спиральной головкой с городищ Ромоданово и Свинухово (рис. 2: 14–15). Этот тип украшений, по определению Н.А. Кренке, является наиболее характерным именно для памятников дьякова типа Волго-Окского междуречья [25, с. 57]. Не менее десяти булавок данного типа были найдены на Троицком городище и по 2 экземпляра – на городищах Кузнечики и Щербинское [26, с. 45, табл. IV:

10]. Один экземпляр был найден при раскопках Дьякова городища. Булавка залегала фактически на контакте нижнего и верхнего слоёв [25, с. 54]. Известны они и по материалам днепро-двинской культуры на Смоленщине – городища Мокрядино, у д. Городок и Новые Батеки, где они встречены в нижнем культурном слое [27, с. 86, рис. 42: 3]. Однако булавки подобной формы, конец которых свёрнут в многовитковую спираль, имеющую от двух с половиной до семи витков, являются нередкой находкой и на территории степной части России. При исследовании украшений Скифии они были выделены В.Г. Петренко в отдельный тип № 22. При этом подчёркивалось, что данный тип булавок более всего характерен для Правобережной и Западно-Подольской групп, как результат контакта племён Побужья и Поднепровья с носителями лужицкой культуры [28, рис. 15: 12–18]. Известны они и по материалам Пекшевского городища среднедонской культуры, где две булавки были найдены в среднем слое, имеющем датировку VI–V вв. до н.э. [29, с. 32, рис. 9: 1–2].

Хорошим маркёром для слоя IV–III вв. до н.э. на городище Николо-Ленивец являются маленькое бронзовое колечко с заходящими концами скифского типа и бронзовое спиралевидное в три витка колечко (рис. 2: 9) [30, табл. VI]. Последнее было найдено в заполнении дома № 2 на городище Николо-Ленивец. По типологии В.Г. Петренко оно относится к отделу I, типу 2, подтипу б – имеющие 2,5 и более оборотов спирали. Кольца этого подтипа распространяются в IV–III вв. до н.э. на достаточно широкой территории – Степная, Крымская, Нижне-Донская, Средне-Донская группы, т.е. характерны для степных и донских групп памятников IV–III вв. до н.э. [28].

Необходимо также отметить находки двух костяных стрел конической или пулевидной и трёхгранно-цилиндрической форм [31, с. 162, рис. 2: 1–2] (рис. 2: 12–13). К.А. Смирнов усматривал в них подражание скифским образцам и датировал VIII–III вв. до н.э. [26, с. 29].

Интересна колчанная застёжка с городища Свинухово [32, рис. 23: 6] (рис. 2: 2). Колчанные застёжки подобного типа характерны для скифской культуры кон. VII – нач. VI в. до н.э. и были широко распространены в VI–V вв. до н.э. В IV–III вв. до н.э. они начинают исчезать в связи с появлением нового типа горитов. Идентичная застёжка была найдена на Аргыжском городище ананьинской культуры, где она датируется, в целом для среднекамских памятников раннего железного века, V–III вв. до н.э. [33, с. 40, рис. 48: 2].

Серьга или височная подвеска с петлевидной изогнутой дужкой и округлым щитком в форме шляпки гриба и серьга, имеющая вид простого проволочного колечка (рис. 2: 4–5), известные в скифских древностях VI в. до н.э., вместе с двумя фрагментами бронзовых браслетов были найдены в заполнении большого наземного жилища на городище Надежда [34, с. 106]. Первая серьга по типологии В.Г. Петренко может быть отнесена к четвёртому варианту типа 1, имеющему также округло-выпуклый щиток, но иную форму дужки, которая в некоторых экземплярах приобретает более стройную форму и оканчивается заострением. Появление этого варианта относится к VI в. до н.э., а его распространение имеет строго определённую территорию – в пределах памятников лесостепной культуры. Распространение серёг первого типа из лесостепи идёт в сторону лесных культур – подгорцевской, милоградской, юхновской и верхнеокской [28; 34, с. 106]. Серьга в форме колечка с разомкнутыми концами не обнаруживает прямых аналогов в образцах, известных в скифских древностях, и период её бытования может быть определён в общих рамках VI–III вв. до н.э. Согласно В.Г. Петренко, данная серьга укладывается в типы 27–31, период бытования которых в целом находится в пределах IV–III вв. до н.э.

Крайне редкими и просто уникальными находками являются рукояти меча или наконечники ножен кинжалов – впервые подобный предмет, сделанный из кости и имеющий вид вытянутого треугольника со срезанной вершиной, был найден Н.И. Четыркиным на городище Дуна (рис. 3: 2). Н.И. Четыркин отмечал в своём отчёте находку «особенно замечательного предмета в виде сплюснутого рожка и служившего, вероятно, вабком для приманки диких уток» (Фонды КОКМ, КП 221/157).¹ Т.Н. Никольской данный предмет был интерпретирован как рукоять ножа [35, с. 41, рис. 14: 6]. Несколько позже аналогичное изделие было найдено К.Я. Виноградовым при раскопках селища Певкин Бугор у с. Желухово и описано Р.Л. Розенфельдом как рукоять меча [36, с. 225, рис. 1: 1] (рис. 3: 3). Ещё одна подобная находка нам известна из раскопок В.В. Сидоровым Мутёнковского городища дьяковской культуры, которую автор работ интерпретирует как наконечник ножен кинжала [37, с. 142, ил. 61: 1]. Как мы видим, находки вещей подобного плана крайне редки и относятся к разряду с «неустановленным предназначением». На мой взгляд, применение их в качестве рукоятей ножей/мечей, исходя из морфологии изделия, вероятно менее всего. Наиболее достоверным можно считать их использование в качестве наконечника ножен кинжала либо футляра для наконечника копья. В скифских древностях VI–V вв. до н.э. известны аналогичные изделия, которые могли использоваться бифункционально (как правило, вторичное использование), а их разграничение возможно только тогда, когда вещь найдена *in situ* [38, s. 97–102, taf. 31–33]. В отношении наших находок подобных конкретных выводов сделать нельзя. Хотя главным доводом в пользу интерпретации Х.И. Крис рогового предмета с изображением хищника из раскопок городища Боршева-Московская как футляра копья было наличие сквозного отверстия. Наконечники ножен кинжалов, происходящие из скифских комплексов, как правило, сквозного отверстия не имеют, а конец их скруглён [39, с. 171]. По подобным наблюдениям, роговой предмет с городища Дуна может рассматриваться как футляр копья. Боршевский футляр, наряду с другими предметами импорта, по мнению Х.И. Крис, свидетельствует о контактах населения дьяковских городищ с носителями лесостепных культур скифского времени и особенно с племенами Среднего Дона в V–III вв. до н.э. [39, с. 175].

¹ КОКМ, КП – Калужский областной краеведческий музей, Книга поступлений.

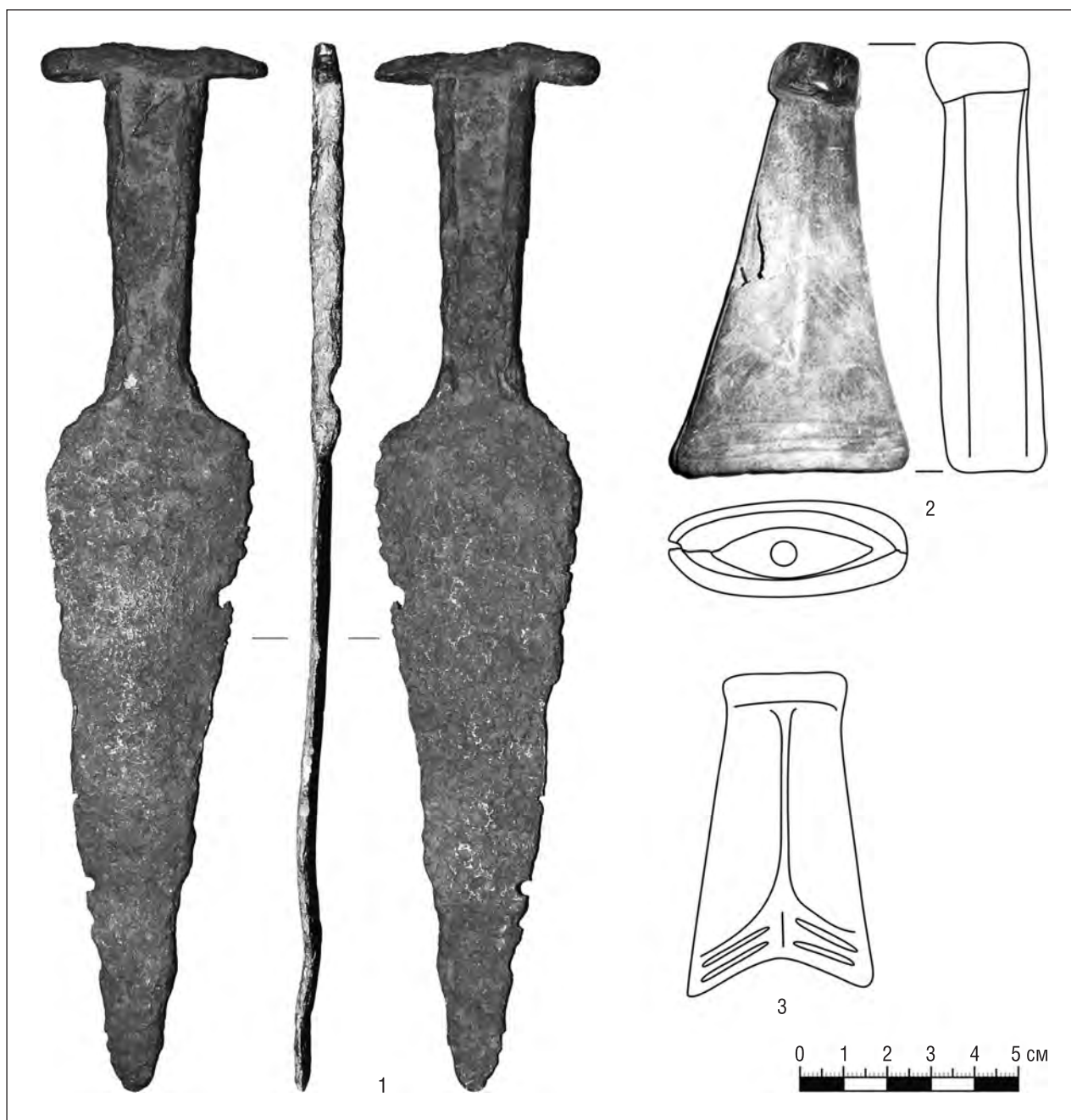

Рис. 3. Кинжал и футляры:
 1 – верховья р. Непрядвы; 2 – Дуна; 3 – Желохово (Певкин Бугор).
 1 – железо, 2–3 – рог

По целой серии бронзовых вещей (скифского и ананьинского облика) и достаточно редким изделиям из кости (трёхдырчатые пластинчатые псалии – рис. 2: 6–8) конец VII, VI–V вв. до н.э. определяются как ранний период существования городища Сатинка [40; 41]. По мнению К.А. Смирнова, в обнаруженной С.А. Изюмовой на Сатинском городище литейной мастерской скифские металлические вещи выступали в качестве сырья [14, с. 71].

О культурных и других видах контактов и влиянии носителей скифоидной лесостепной культуры на племена лесной зоны, в частности Верхнего Поочья, свидетельствуют и другие находки скифского облика. Так, с поселения Черемисиново 1 происходит двухлопастный наконечник стрелы «скифского типа» лис-

товидной формы с острым шипом и выступающей втулкой, которые в значительной степени утрачены у данного изделия [42, с. 18] (рис. 2: 10). Так как памятник датируется XIII–XVII вв. н.э., попадание наконечника на поселение, по-видимому, является случайным. Аналогичная стрела была найдена в ходе раскопок С.А. Изюмовой городища у д. Сатинка [40, с. 124, рис. 1: 5]. Подобные стрелы маркируют собой ранний этап в развитии скифских древностей, а именно кон. VII – нач. VI в. до н.э. [43, с. 92, рис. 31: 4].

Со стоянки-поселения Жабьинь происходит железный наконечник стрелы с пером треугольной формы, овально-уплощенный в сечении (рис. 2: 11) [44, рис. 30: 3]. Основание пера изогнутой линией переходит в плоский черешок, который заканчивается раздвоенным расширением – серповидным вырезом или вырезом в виде «ласточкина хвоста». Данный тип – подражание костяным и железным наконечникам стрел IV–III вв. до н.э., известным в Поволжье, на Среднем Дону и Сейме [26, с. 220].

В верховьях р. Непрядвы (правый приток р. Дон) был найден скифский кинжал. Когда, где и кем конкретно он был обнаружен – неизвестно, местом же его хранения и экспонирования в настоящее время является школьный музей посёлка Михайловский Куркинского района Тульской области.²

Найденный кинжал (рис. 3: 1) сохранился полностью, за исключением перекрестия, что в принципе не удивительно ввиду его крепления, видимо, посредством приваривания, как у большинства известных экземпляров. Общая длина кинжала от навершия до острия – 23,75 см. Согласно классификации, разработанной А.И. Милюковой, данный образец принадлежит к отряду «кинжалы с прямым брусковидным или овальным навершием» [45, с. 47]. Сказать, к какому типу он относится внутри отряда, затруднительно, в виду того, что тип кинжала определяется формой его перекрестия, которое у нашего экземпляра утрачено. Но по совокупности признаков, вероятно, его можно отнести к типу 1 (по классификации А.И. Милюковой) – кинжал с прямым брусковидным навершием и почковидным перекрестием [45, с. 47]. Близкие по типу аналоги представляют 3 кинжала из кургана 77 у д. Куриловка, случайная находка в окрестностях Киева и случайная находка у с. Верхнее Салтово, длина которых составляет 30–31,5 см, что несколько больше, чем у нашего образца. Кинжал, найденный близ Киева, имеет ещё, в отличие от всех остальных, хорошо заметное ребро на клинке. Два кинжала подобного типа, только изготовленные из бронзы, хранятся в Национальном музее истории Украины (г. Киев), один из них – опять же случайная находка у с. Тимошовка Киевской области [45, с. 47].

Аналогичные по типу кинжалы известны в небольшом количестве в разных районах Кавказа, могильниках ананьинской культуры. Они представляют обычную находку к западу от Скифии: в Трансильвании и Венгрии [45, с. 48]. Так, с территории Румынии, из Сусени и Бурени, происходят два кинжала [38, s. 38–39, taf. 6: 27–28], очень схожие с нашей находкой как по длине (23,3 и 24,9 см соответственно), так и по деталям отделки рукояти и навершия, что наиболее полно отражает кинжал из Сусени [38, s. 38–39, taf. 6: 27], хотя он и имеет клинок не треугольной формы, а с параллельными лезвиями, сужающимися в последней трети клинка. В Венгрии найден кинжал, близкий по длине (24,8 см) и оформлению к нашему [46, s. 30, taf. 13: a].

Время бытования подобного «классического» типа скифских кинжалов, судя по курганным комплексам, можно определить VI в. до н.э. Однако появились они, вероятно, ранее – в кон. VII – нач. VI в. до н.э. – и были в употреблении весь VI в. до н.э., особенно в его второй половине [45, с. 47]. Найденный скифский кинжал может представлять собой один из следов присутствия представителей контактной скифоидной культуры практически на самой северной границе лесостепной зоны. А.Н. Ворошиловым в лесостепном Подолье и его пограничье был учтён 121 экземпляр клинкового оружия. Среди учтённых 94 акинака (77,5 %) являются именно случайными находками [47, с. 18]. Большинство исследователей рассматривают их как свидетельства военных столкновений местных племён с представителями кочевых культур (скифов или савроматов). В то же время нельзя исключать их связь с погребальными или культовыми комплексами кочевых или полукочевых этнических групп [48, с. 345].

Таким образом, все вышеперечисленные стратифицированные находки, в большинстве своём с поселений верхнеокской культуры, вместе со случайно найденными вещами маркируют два периода контактов мира «лесных культур» и мира «степных/лесостепных культур» в рамках Верхнеокского региона. Самый ранний период определяется концом VII–VI в. до н.э. Наиболее вероятным объяснением появления вещей скифского типа, фактически идентичных раннескифским образцам Северного Кавказа, Украинской лесостепи и др., в рассматриваемом регионе представляется гипотеза о миграционных процессах, характерных для ранней истории ираноязычных номадов [47, с. 19]. Второй период определяется V–III вв. до н.э., когда основное направление культурных и торговых связей было сориентировано на племена лесостепной скифоидной культуры (Средний Дон, Курское Посеймье). «Вуаль скифской культуры» [49, с. 8] чётко прослеживается на всём протяжении существования верхнеокской культуры, а племена, населявшие лесную полосу Восточной Европы, никогда не были изолированы от населения степей. Скифизация, как важный фактор трансформации культурных традиций, чётко отмечена для памятников юхновской и милоградской культур лесостепного Поднепровья [50, с. 98]. По мнению С.Е. Рассадина, скифское влияние охватывало и более северные территории, в связи с чем в Посеймье, Среднем Подесенье и Верхнем Поочье юхновская культура (читай – верхнеокская) была не менее скифизированной, чем милоградская в южных частях своего ареала [50, с. 150]. По-видимому, значительную роль в этом процессе играла р. Ока, именно по ней и её притокам,

² Информация о находке и фотографии кинжала были любезно предоставлены автору коллегами из отдела археологических исследований музея-заповедника «Куликово поле», за что автор выражает им огромную благодарность.

как известно, проходил торговый путь из Скифии к тиссагетам Геродота (племена городецкой культуры). Возможно, упомянутое нами Сатинское городище, которое, видимо, не случайно выпадает из ареала верхнеокской культуры и памятников типа Упа 2, играло роль важного транзитного пункта на обозначенном торговом пути [50, с. 143–144], что было подмечено ранее К.А. Смирновым [13]. Именно этот путь в V–III вв. до н.э. обеспечивал торговые связи дьяковских племён с лесостепью и скифоидной культурой среднедонских племён [39, с. 180; 13, с. 59]. Но в то же время, по мнению В.И. Гуляева, не стоит переоценивать роль подобных связей в развитии местной культуры раннего железного века (относительно городецкой культуры). Гораздо большее значение имели непосредственные контакты с соседними «скифскими» (Средний Дон) и савроматскими племенами [51, с. 120].

В связи с событиями финала скифской эпохи, когда под воздействием всё более усиливающейся сарматской опасности часть среднедонских племён в последние века до н.э. отступила в северные лесостепные районы [52, с. 107], городища Среднего Дона, а также Курского Посеймья прекращают своё существование. Наряду с ними исчезают с археологической карты лесной зоны европейской части России верхнеокская, южновская и городецкая культуры (в их классическом проявлении). В недрах днепро-двинской и дьяковской культур начинается процесс культурной трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Шукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
2. Столяров Е.В. О хронологии вещевого комплекса верхнеокской культуры // Материалы по истории и археологии России. Т. 2. Рязань, 2012.
3. Коренюк С.Н. Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М., 2000. (Труды ГИМ. Вып. 122)
4. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.
5. Смирнов К.А. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. 1994. № 4.
6. Кренке Н.А. Периодизация дьяковских памятников бассейна Москвы-реки // КСИА. Вып. 194. 1988.
7. Кренке Н.А., Сулержницкий Л.Д. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. Вып. 194. 1988.
8. Ефимова Ю.В. Хронология вещевого комплекса днепро-двинской культуры Верхнего Поднепровья // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. М., 2005. (Труды ГИМ. Вып. 145)
9. Левенок В.П. Южновская культура (ее происхождение и развитие) // СА. 1963. № 1.
10. Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.
11. Сарапулкина Т.В. Городецкая культура на Верхнем и Среднем Дону: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
12. Смирнов К.А. Геродот о населении Волго-Окского междуречья // СА. 1987. № 4.
13. Смирнов К.А. К вопросу о связях племён городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи // СА. 1991. № 4.
14. Смирнов К.А. Связи населения лесной зоны Восточной Европы с обитателями лесостепи и степи в середине – второй половине I тыс. до н.э. // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула, 1993.
15. Трубишкова Н.В. Городецкие племена и их связь со скифами и сарматами // КСИИМК. Вып. XXXIV. 1950.
16. Носов Е.Н. Лепная керамика городища Дуна // КСИА. Вып. 140. 1974.
17. Ляпушкин И.И. Поселения зольничной культуры («скифов пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного левобережья (По материалам полевых исследований 1947 г. в бассейне р. Сейма) // СА. Т. XII. 1950.
18. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. М.; Л., 1961.
19. Седов В.В. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье // СА. 1965. № 4.
20. Медведев А.П. Исследования по археологии и этнографии лесостепной Скифии. Воронеж, 2004.
21. Никольская Т.Н. О поселениях раннего железного века в бассейне Десны и Верхней Оки (К вопросу о балто-иранском контакте) // КСИА. Вып. 119. 1969.
22. Никольская Т.Н. Шуклинское городище // КСИИМК. Вып. 72. 1958.
23. Никольская Т.Н. Археологические раскопки в 1961–1962 гг. в Калужской области // КСИА. Вып. 102. 1964.
24. Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
25. Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2011.
26. Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974.
27. Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.
28. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. М., 1978. (САИ. Вып. Д. 4-5)
29. Медведев А.П. К вопросу о происхождении среднедонской культуры скифского времени (по материалам городищ) // РА. 1998. № 2.
30. Никольская Т.Н. Отчет о раскопках городища у д. Николо-Ленивец летом 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1448.
31. Столяров Е.В. Костяные наконечники стрел с городищ Свинухово и Николо-Ленивец (по материалам из фондов КОКМ) // Природа и история Поугорья. Вып. 5. Калуга, 2009.
32. Никольская Т.Н. Городище у д. Свинухово // КСИИМК. Вып. XLIX. 1953.
33. Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М., 2002.
34. Петренко В.Г. Украшения и булавки / Скифская материальная культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. (Археология СССР)
35. Никольская Т.Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э. М., 1959. (МИА. № 72)
36. Розенфельдт Р.Л. Селище Певкин Бугор // СА. 1963. № 3.
37. Сидоров В.В. Каширская культура в железном веке бассейна Оки // Обнинский краеведческий сборник. Материалы историко-краеведческой конференции «Город и регион: проблемы археологии, истории и культуры», посвященной 40-летию Музея истории города Обнинска. Обнинск, 2006.

38. *Vulpe, A.* Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien. München, 1990.
39. *Крис Х.И.* Предметы звериного стиля из дьяковских городищ // СА. 1981. № 1.
40. *Изюмова С.А.* О бронзолитейном производстве Сатинского городища // СА. 1967. № 1.
41. *Модин Р.Н., Столяров Е.В.* Костяные псалии с Сатинского городища // Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследования – приоритетное направление археологического изучения Калужской области: Материалы научного симпозиума 8–9 апреля 2009 г. Калуга, 2009.
42. *Иванов Н.В.* Отчет о разведочных археологических исследованиях в Чернском, Воловском и Арсеньевском районах Тульской области в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1.
43. *Милюкова А.И.* Скифская материальная культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. (Археология СССР)
44. *Наумова Т.В.* Отчет об археологических исследованиях в Белевском и Арсеньевском районах Тульской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
45. *Милюкова А.И.* Вооружение скифов. М., 1964. (САИ. Вып. Д 1-4)
46. *Ginters, W.* Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928.
47. *Ворошилов А.Н.* Вооружение населения лесостепного Подонья в скифское время (акинаки, копья, дротики): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.
48. *Хреков А.А.* «Скифский логос» Геродота и население лесостепного Прихоперья в раннем железном веке // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. VI. Саратов, 2008.
49. *Третьяков П.Н.* Этногенетический процесс и археология // СА. 1962. № 4.
50. *Рассадин С.Е.* Северные соседи Великой Скифии. Минск, 2005.
51. *Гуляев В.И.* К вопросу о связях городецких племен с югом в VII–IV вв. до н.э. // Историко-археологический сборник. М., 1962.
52. *Медведев А.П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008.

*Калужский государственный университет,
Калуга*

E.V. Stolyarov

FINDS OF THINGS OF SCYTHIAN TYPE IN THE BASIN OF UPPER OKA

Summary

Finds of things of Scythian type on the territory of Top Poochye mark two periods of contacts of the world of «forest cultures» and the world of «steppe/forest-steppe cultures» within the specified region. The earliest period is defined by the end of the VII–VI century BC and illustrates migratory processes of the nomads of the Iranian language in their early history. The second period is defined the V–III centuries BC when the main direction of cultural and commercial relations was oriented on tribes of forest-steppe Scythian type culture.

*Kaluga State University,
26, Stepana Razina St., Kaluga, 248023,
Russia
E-mail: stolarov_e@mail.ru*

И.В. Исланова

МАТЕРИАЛЫ ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ Г. ДУБНЫ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Древности раннего железного века Тверского Поволжья относятся к дьяковской культуре. На участке кимрского течения р. Волги (от плотины у бывшей д. Ивановково до впадения р. Медведицы) к настоящему времени известно не менее 26 археологических объектов этого периода [1, с. 238–283]. Основные исследования поселений проводились здесь в начале 30-х гг. XX в. перед строительством каскада водохранилищ; отдельные городища и селища также исследовались в 1960-х–1980-х гг. Полученные материалы опубликованы лишь частично, многие коллекции из этих работ не сохранились. После созданного в советское время Угличского водохранилища берега Волги интенсивно размываются, что приводит к разрушению расположенных здесь археологических памятников.

Задача настоящей публикации – введение в научный оборот артефактов раннего железного века из сборов по берегам Волги в Кимрском районе Тверской области и на территории городского округа Дубна Московской области. Археологические предметы находятся в экспозиции музея, в создании которой автор данной статьи принимала участие¹. Для большинства изделий известно их местонахождение, некоторые предметы не имеет точных привязок к поселению, хотя обнаружены в очерченном микрорегионе (рис. 1).

Рис. 1. Поселения с вещами дьяковской культуры:

- 1 – поселение в устье р. Медведицы; 2 – поселение на месте бывшей д. Остров; 3 – городище Пекуново;
4 – селище Пекуново; 5 – селище Притыкино; 6 – поселение Ратмино; 7 – селище Старое Ратмино;
8 – поселение Большая Волга (территория г. Дубна)

¹ Пользуюсь случаем выразить благодарность Е.Ю. Крымову за предоставленную возможность опубликовать археологические находки.

Железные изделия

Один *нож* с серповидной спинкой (рис. 2: 8) происходит с поселения Большая Волга, место находки другого (рис. 2: 9) – неизвестно. Предметы относятся к типу 1 по К.А. Смирнову, бытовавшему на раннедьяковских поселениях в V–III вв. до н.э. [2, с. 37]. Ножи с горбатой спинкой (рис. 2: 6, 7, 10) происходят с поселений в устье Медведицы и в Ратмино. Такие ножи, тип 2 по К.А. Смирнову, распространены в лесной зоне Восточной Европы с конца I тыс. до н.э. по середину I тыс. н.э. [1, с. 37–38]. Нож со слабо изогнутой спинкой (рис. 4: 12) происходит из комплекса Пекуново (с городища или с селища). Изделие относится к типу 1 по Р.С. Минасяну, распространённому в Восточной Европе с IV–V по X–XI вв. н.э. [3, с. 69].

Наконечники стрел – плоские двушипные черешковые (рис. 2: 2–5) – найдены на селище Старое Ратмино и городище (?) Пекуново. Они относятся к типу 1 по К.А. Смирнову [2, с. 33–34]. В Восточной Европе эти предметы вооружения были известны в 1-й трети I тыс. н.э. Двушипный черешковый наконечник линзовидного сечения (рис. 2: 1) происходит с селища Притыкино и датируется I–IV вв. н.э. [2, с. 34].

Пластинчатые кресала с крючком на конце (рис. 4: 7, 8). Изделие с узкой пластиной найдено на городище или селище Пекуново; место находки кресала с широкой пластиной неизвестно. Подобные кресала были распространены в центральноевропейских древностях римского времени, откуда проникали в Северное Причерноморье, Юго-Восточную Прибалтику, Финляндию и в лесную зону Восточной Европы. По мнению В.В. Седова, в лесной зоне они существовали в V–VII вв. [4, с. 101–103]. И.Г. Розенфельдт относит бытование кресал с узкой пластиной к III–IV вв. н.э., а кресал с трапециевидной пластиной (тип II вид 1) на дьяковских памятниках – к VI–VIII вв., но указывает, что в Прибалтике они не встречаются позднее середины I тыс. н.э. [5, с. 144–145].

Застёжка (сьюльгама) происходит с поселения в устье р. Медведицы (рис. 3: 10). Концы её, спиральные раскорманные, лежат в одной плоскости с кольцом. Кольцо – кручёное (тордированное). Аналогичное изделие было найдено на городище Отмичи в среднем пласте культурного слоя, датируемом примерно кон. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э. [6, с. 20, рис. 61: 13].

Изделия из цветного металла

Булавка со спиральным навершием (рис. 3: 7) происходит из Пекуново (с городища или селища). Такие булавки (правда, преимущественно железные) распространены в дьяковских древностях в кон. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э., но отдельные экземпляры встречаются и позже – во 2-й трети I тыс. н.э. [2, с. 45; 6, с. 21].

Изделие с поселения в устье Медведицы или из Пекуново (?), по форме близкое к *спиралеконечным булавкам*, предположительно можно отнести к сережке (рис. 3: 8). Аналогичная находка сделана на Бологовском городище [7, рис. 46: Г].

Бляшки-розетки (рис. 3: 1, 3) происходят из комплекса Пекуново. Схожие детали женского костюма были распространены у населения Молого-Шекснинского междуречья во II–III вв. н.э. [8, с. 413, рис. 4: 14, 24, 20]. Бляшки-розетки также встречены в бассейне Верхней Мсты: на позднедьяковском городище Ловницы [9, рис. 5: 1] и поселении Фирино 1 [10, с. 86].

Бляшка-скорлупка с селища Пекуново (рис. 3: 2) и *спиральная пронизка* (рис. 4: 6), точное место обнаружения которой неизвестно, являются распространёнными деталями костюмов населения лесной зоны Восточной Европы на протяжении 1-й пол. и 3-й четв. I тыс. н.э.

Бутылочные подвески (рис. 3: 6, 9), происходящие с поселения в устье Медведицы и с селища Пекуново, известны в дьяковских древностях V–VII вв. н.э. [2, с. 50].

Серьги-подвески (рис. 3: 4, 5) найдены также на поселении в устье Медведицы и на селище Пекуново. Схожие изделия обнаружены в слоях -210–-160 см на Дьяковом городище и датируются в интервале IV–VI вв. н.э. [11, с. 143].

Неорнаментированная *трапециевидная подвеска* (рис. 4: 5) происходит с поселения на месте бывшей д. Остров. Помимо дьяковских древностей такие привески известны в мордовских и рязанских могильниках. И.Г. Розенфельдт датирует их VI–VII вв. н.э. [5, с. 25, 29], Н.А. Кренке – V – нач. VI в. [11, с. 68]. Орнаментированная *подвеска* (рис. 4: 4) найдена на селище Пекуново. Такие изделия встречены на различных памятниках 2-й и 3-й четв. I тыс. н.э. в Восточной Европе [12].

Накладки и наконечник поясов неволинского типа VII–VIII вв. (рис. 4: 1–3) найдены на селище Старое Ратмино. Исследователи фиксируют распространение (торговля ?) таких изделий из Прикамья в соседние и отдалённые регионы, в том числе в Прибалтику, Волго-Окское междуречье, на р. Волхов и Шексну [13, с. 240–242].

Изделия из глины

Грузики дьякова типа (рис. 2: 11–14) происходят с городища (?) Пекуново. Только один из грузиков имеет орнамент из ямок. Предметы относятся к типу 1 по К.А. Смирнову, датируемому II–V вв. н.э. [2, с. 64–65].

Место находок трёх *биконических пряслиц* (рис. 4: 9–11) неизвестно. Внешняя поверхность одного из пряслиц – лощёная, второго – подлощённая. Такие пряслица, встречаясь на позднедьяковских поселениях, имеют широкую территорию бытования на протяжении I тыс. н.э. [2, с. 67; 6, с. 27].

Рассмотренные предметы представляют материальную культуру населения на протяжении раннедьяковского (V–III вв. до н.э.) и позднедьяковского (II в. до н.э. – VI–VII вв. н.э.) этапов. Большинство вещей ха-

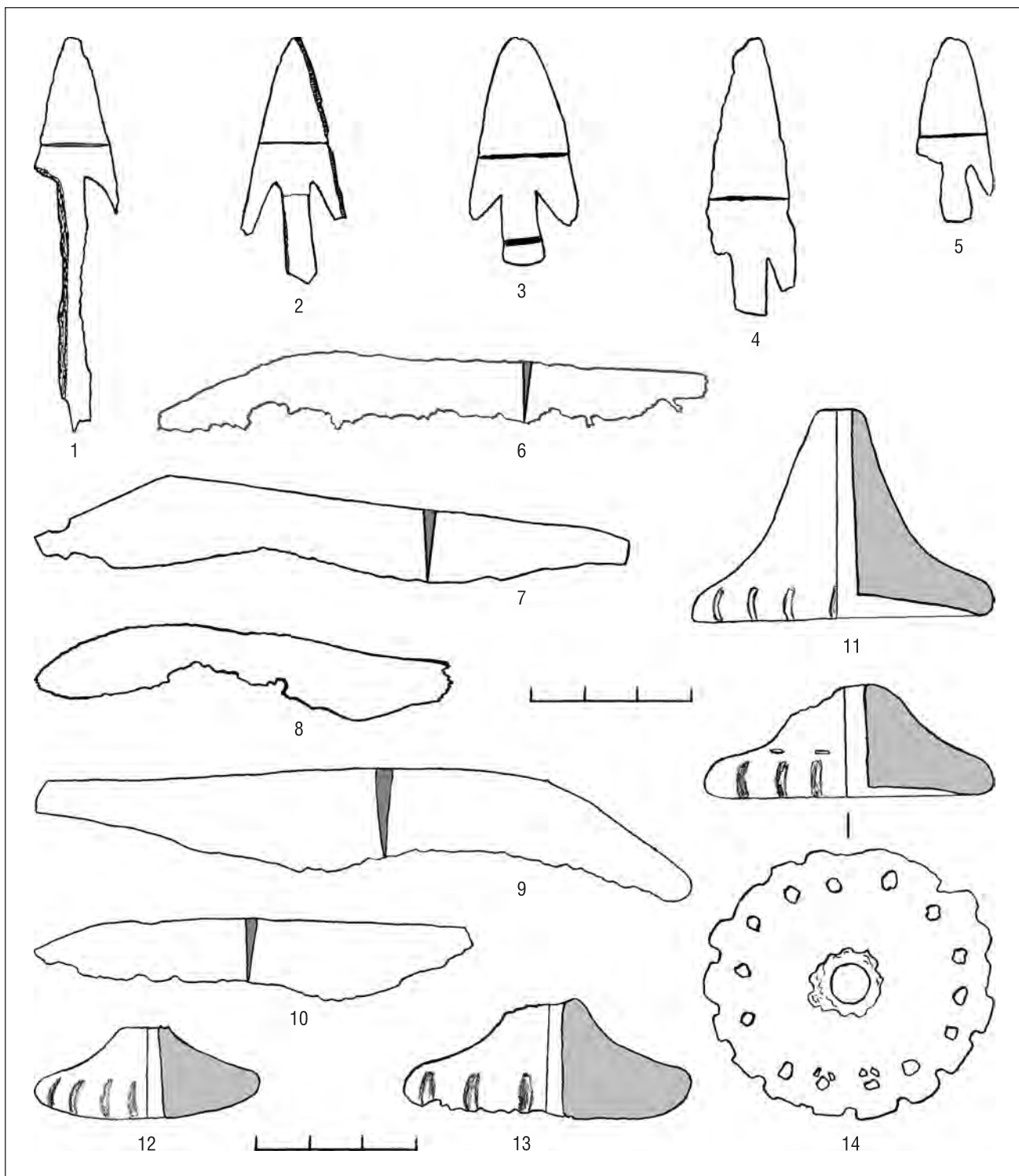

Рис. 2. Предметы из железа и глины:

1-5 – наконечники стрел; 6-10 – ножи; 11-14 – грузики Дьякова типа.

1 – селище Притыкино; 2 – селище Старое Ратмино; 3-5, 11-14 – городище (?) Пекуново; 6 – поселение Ратмино;
7, 10 – поселение в устье р. Медведицы; 8 – поселение Большая Волга; 9 – место обнаружения неизвестно.

1-10 – железо; 11-14 – глина

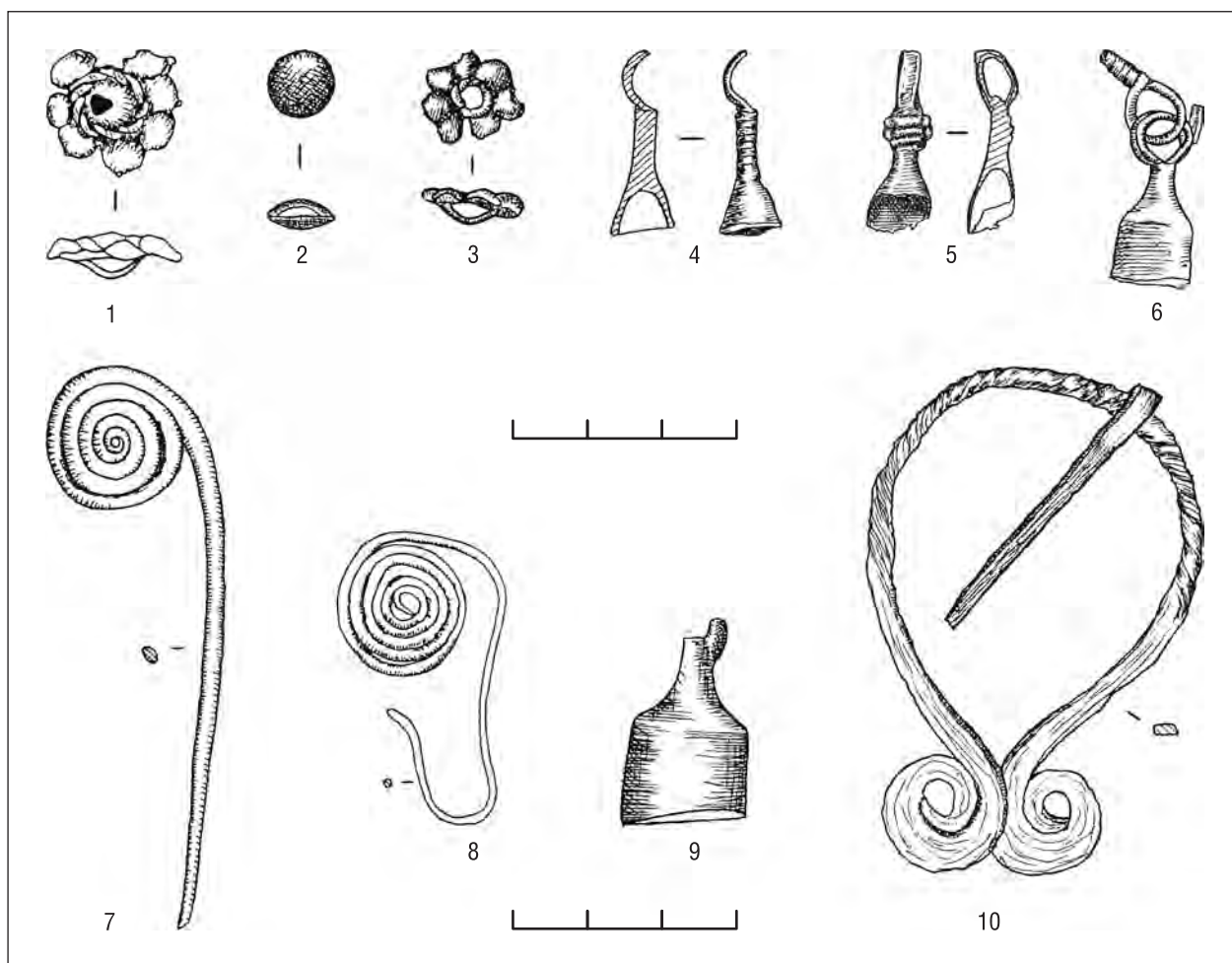

Рис. 3. Предметы из цветного металла и железа:

1, 3 – бляшки-розетки; 2 – бляшка-скорлупка; 4, 5 – серьги-подвески; 6, 9 – бутылочные подвески;
7, 8 – булавки со спиральным навершием; 10 – застёжка.

1–9 – цветной металл; 10 – железо.

1, 3, 7 – Пекуново (городище или селище); 2, 5, 6 – селище Пекуново; 4, 9, 10 – поселение в устье Медведицы;
8 – поселение в устье Медведицы или Пекуново (городище или селище)

рактены для всего ареала культуры. Наличие предметов, использовавшихся в основном в москворецком регионе или только на территориях, лежащих севернее и западнее, связано со «срединным местоположением» рассматриваемого региона. В VII в. н.э. кимрское течение Волги не осталась в стороне от торговых путей из Прикамья на Северо-Запад Восточной Европы.

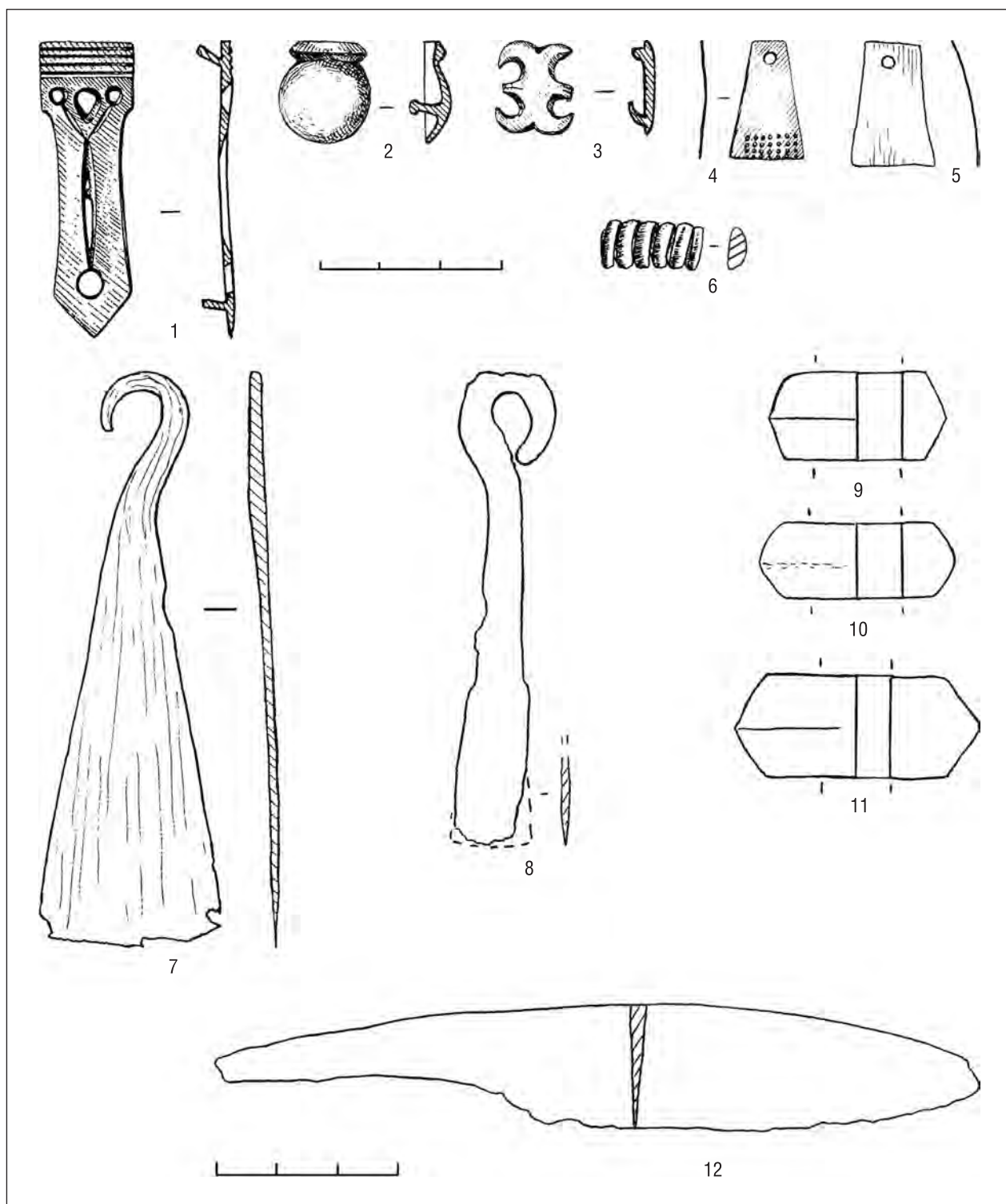

Рис. 4. Предметы из железа, цветного металла и глины:

1 – наконечник на пояс; 2, 3 – накладки на пояс; 4, 5 – трапециевидные подвески; 6 – спиральная пронизка;
7, 8 – пластинчатые кресала; 9–11 – пряслица; 12 – нож.

1–6 – цветной металл; 7, 8, 12 – железо; 9–11 – глина.

1–3 – селище Старое Ратмино; 4 – селище Пекуново; 5 – поселение на месте бывшей д. Остров;
6, 7, 9–11 – места обнаружения неизвестны; 8, 12 – Пекуново (городище или селище)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 1. Авт.-сост. Г.Г. Король. М., 2003.
2. Смирнов К.А. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974.
3. Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 21. Л., 1980.
4. Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.
5. Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.
6. Исланова И.В. Городище Отмичи. М., 2008.
7. Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. // МИА. № 5. 1941.
8. Башенькин А.Н., Васенина М.Г. Поселение и погребальное сооружение Куреваниха XVI и XVI-а на р. Мологе // Археология: история и перспективы. Вторая международная конференция. Ярославль, 2006.
9. Тищенко А.В. Отчет о раскопках 1910–1911 гг. в Новгородской губ. // ИАК. Вып. 53. СПб., 1914.
10. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 3. Авт.-сост. А.В. Кашкин, К.И. Комаров, Г.Г. Король, В.С. Нефёдов, Г.К. Патрик, Б.Е. Янишевский. М., 2010.
11. Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2011.
12. Гавритухин И.О. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 12. Мінск, 1997.
13. Кудряшов А.В. Неволинские древности в бассейне р. Шексны // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.

*Институт археологии РАН,
Москва*

I.V. Islanova

MATERIALS OF DYAKOVO CULTURE FROM THE MUSEUM OF ARCHAEOLOGY AND STUDY OF LOCAL LORE OF DUBNA OF THE MOSCOW REGION

Summary

The considered subjects represent material culture of the population throughout early (the V–III centuries BC) and late (the II century BC – the VI–VII centuries AD) stages of Dyakovo Culture. The majority of things are characteristic for all area of culture (fig. 2; 3: 2, 6, 7, 9; 4: 6–12). Existence of the products used generally in the Moskvoretsk region (fig. 3: 4, 5) or only in the territories lying to the north and to the west (fig. 3: 1, 3, 8) is connected with «median location» of the considered region. In the VII century AD the Kimry part of the Volga Basin didn't remain away from trade ways from Prikamye to the Northwest of Eastern Europe (fig. 4: 1–3).

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia
E-mail: ivisl@mail.ru*

А.А. Гольева, А.С. Сыроватко

**СОСТАВ НАСЫПЕЙ И НАЗНАЧЕНИЕ ВАЛОВ
ДЯКОВСКИХ ГОРОДИЩ:
ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ ПОДХОД**

Валы, являясь необходимым атрибутом городищ, не часто становятся объектами исследования археологов, особенно с привлечением естественно-научного методического инструментария. По умолчанию принимается, что эти фортификационные сооружения создавались для оборонительных целей из взятого поблизости или даже привезённого материкового грунта и не имеют какой-либо значимой стратиграфии. Использование для досыпок материала культурного слоя поселения не исключалось, но априори понималось, что материал просто сгребался с ближайшей округи, если возникали сложности с подвозом иного грунта. Поэтому тратить силы, средства, энергию на исследование насыпных слоёв казалось непродуктивным, поскольку получаемые выводы не могли иметь какое-либо научное значение.

Впервые детальное исследование прослоев валов с использованием палинологического анализа было проведено для сооружений дяковской культуры А.С. Сыроватко. Результаты оказались неожиданными и интересными: прослой нескольких валов имели сходный спорово-пыльцевой спектр, что указывало на их синхронность и наличие стратиграфически и хронологически выраженного процесса поступления материала при создании валов. Иными словами, валы создавались не из перемешанного материала разновозрастного культурного слоя, а хронологически параллельно с его отложением [1; 2; 3]. То есть обильный археологический материал из насыпей, а также специфику вмещающей его органики можно использовать для хронологических и типологических построений.

Следующим этапом изучения состава валов дяковской культуры стали работы в Ростиславле А.А. Гольевой. Здесь использовался микробиоморфный метод, а также определялось содержание валового фосфора. Исследования показали, что для создания насыпи использовался материал, богатый органикой: навоз, подстилки для скота, бытовые отходы и пр., что дало основание «... образно сказать, что вал – это своеобразная помойка в виде всхолмления...» [4, с. 70]. Чуть позже этот вывод был дополнен: вал являлся свалкой мусора и нечистот, а также ограждением на случай столкновения, но не был полноценным фортификационным сооружением [5, с. 69]. Эти выводы абсолютно не совпадали с определённым ранее составом насыпей более позднего времени представителей других культур, например, славян в том же Ростиславле и в его окрестностях [6, с. 55].

В связи с этим возникла необходимость проверить, насколько различия в составе валов разных культур случайны, или у представителей дяковской культуры была какая-то иная общая методика возведения этих сооружений, отличная от других культур.

Объекты исследования

Были изучены колонки образцов из валов четырёх дяковских городищ, географически близких к Ростиславлю, – это расположенные на р. Оке Свиридоново III, Коробчеево I, Протопопово и Городищи на р. Колуменке. Укрепления всех перечисленных городищ описаны в литературе [3].

Материалы по Коробчеево I уже представлены и проанализированы [7], поэтому здесь приводятся только полученные по объекту выводы. Образцы из вала Городищи в той статье представлены не полностью, поскольку не все планируемые анализы были сделаны. Результаты по этому объекту сейчас приводятся в полном объёме (рис. 1–4), поэтому возможны некоторые повторы. Абсолютно новые данные приведены для валов Протопопово и Свиридоново III. У последнего городища исследованы две колонки образцов, поскольку там располагались два вала, разделённые рвом. Образцы из обоих валов были получены путём бурения геологическим буром. Разумеется, пробы имеют в таком случае лишь весьма общую привязку к стратиграфии, и для детального анализа насыпи такой метод не годится. Но в наших целях он вполне допустим.

Методы исследования

Для проведения сравнительного анализа и возможности получения обобщающих выводов были сделаны те же виды анализов, что и в Ростиславле: определение валового фосфора и микробиоморфный.

Краткая характеристика использованных методов

Фосфор – это один из немногих элементов, напрямую связанных с биотой, – биофильный элемент. Его содержание в земной коре малó, но в присутствии органики любого генезиса количество фосфора возрастает многократно, поскольку всем видам живого требуется фосфор для полноценного функционирования. Фосфор входит в состав органо-минеральных соединений всех видов тканей, накапливаясь в организмах. При отмирании организма накопление элемента прекращается, но ввиду высокой устойчивости образованных соединений фосфор практически не растворяется, сохраняясь на месте. Итогом является аккумуляция элемента в органогенной толще при минимальных величинах в минеральной. В почвы фосфор поступает за счёт ежегодного растительного опада и умершей почвенной фауны и микробиоты. В культурных слоях поселений к этим факторам добавляется ещё фосфор из древесины, костей, пищевых остатков и бытовых отходов. Животная органика содержит фосфора больше, чем растительная. Всё это позволяет использовать данный вид анализа в археологических работах.

Микробиоморфный анализ представляет собой исследование остатков биоты микроскопической размерности, имеющих характерную морфологию: фитолигов, спикул губок, диатомовых водорослей, детрита и пр. Поскольку каждая из микробиоморф формируется в строго определённых ландшафтных условиях, то совокупный анализ позволяет проводить реконструкцию природной среды, типа хозяйствования и интенсивности антропогенного воздействия на регион. Для наших целей важна была информативность метода об использовании растительной массы при создании прослоев валов, её генезиса и примерных объёмов. Наиболее значимыми среди всех микрочастиц при работе на археологических объектах являются фитолиги – кремниевые копии клеток растений. Они имеют специфический облик, высокую сохранность и позволяют реконструировать растительное сообщество (иногда – отдельные растения) спустя длительное время. Поэтому в данной статье основное внимание уделено количественному и качественному составу фитолиговых комплексов.

Объекты различаются по гранулометрическому составу: Свиридоново III – песок, Протопопово и Городищи – суглинок. Это важно для понимания количественных различий при обсуждении результатов: для более лёгких по гранулометрическому составу объектов меньшее количество фосфора и микробиоморф является нормальным. Так, для суглинистых отложений нормальными (природными) значениями для валового фосфора будут 0,21–0,22 % и ниже, а для песков – 0,06–0,07 % и ниже. Всё превышающее эти количества указывает на искусственный привнос органики в слой, т.е. на культурный слой. Чем больше фосфора в образце, тем выше доля животной органики (мясо, шерсть, молоко, сыр, кость и т.п.) в его составе. Условно можно считать, что если фосфора в составе культурного слоя менее 1 % (в случае суглинков), то преобладает растительная масса, если больше – животная. Для более лёгких грунтов, к сожалению, подобного деления не существует ввиду малого количества исследованных образцов – нет статистически значимой базы данных.

Также за счёт большого количества просмотренного материала выявлено, что нормальным для верхних горизонтов почв является 130–150 штук фитолигов в стандартном объёме просмотра (20 мм²) – в суглинках и не более 30–40 штук – в песках. Всё что меньше характеризует не поверхностные, а более глубокие горизонты почв, всё что больше – культурные слои поселений. Поскольку фитолиговый состав напрямую связан с растениями, то чем больше фитолигов в стандартном сравниваемом объёме, тем большие объёмы растительной массы разлагались на данном месте. Наибольшие величины характерны для отложений навоза травоядных животных, поскольку здесь имеют место накопление и концентрация фитолигов как несъедобной части растения при потреблении остального. Значения сильно варьируют, но условно можно считать, что при величине, превышающей 600 единиц фитолигов в стандартном объёме, вероятность присутствия навоза в образце весьма высока.

Результаты и обсуждения

Полученные данные приведены нами в гистограммах на рис. 3, 4, 6, 9, 10. На всех гистограммах цифрой 1 показано количество валового фосфора (%), цифрой 2 и сплошной заливкой – количество фитолигов (шт.). По вертикали дан порядковый номер образца. Охарактеризуем теперь данные по каждому памятнику.

Городищи

Укрепления этого памятника исследованы достаточно подробно, результаты раскопок, включая палинологические материалы, опубликованы [3, с. 61–69]. Особенностью этого памятника стало обнаружение некой конструкции внутри насыпи, а также прослеженная последовательность досыпок вала, при которых обитателям городища несколько раз приходилось сдвигать в napольную сторону тальвег рва – позднее абсолютно сходная ситуация будет открыта в Ростиславле [5].

По разрезу образцы распределились следующим образом: №№ 1–4 взяты из слоя 13 в кв. 8 раскопа 1 1996 года; образцы 5–8 – из слоя 11, 9–12 – из слоя 10 в кв. 12 того же раскопа; образцы 13–15 происходят из нижней части слоя 9 в кв. 4 траншеи 1997 года – в этом квадрате были обнаружены колья, придавшие этому и вышележащему слоям ступенчатую в разрезе форму; и, наконец, образцы 16–27 происходят из этого же квадрата из слоя 8. Повторять описание самих слоёв мы не будем, отметим только, что при отборе образцов выбирались прослойки сравнительно тёмного цвета, гумусированные, в которых можно было бы ожидать наличие зёрен пыльцы и микробиоморфов. Образцы для исследования не отбирались специально, использовался материал, отобранный для палинологического анализа ещё в ходе раскопок – в 1997–1998 гг.

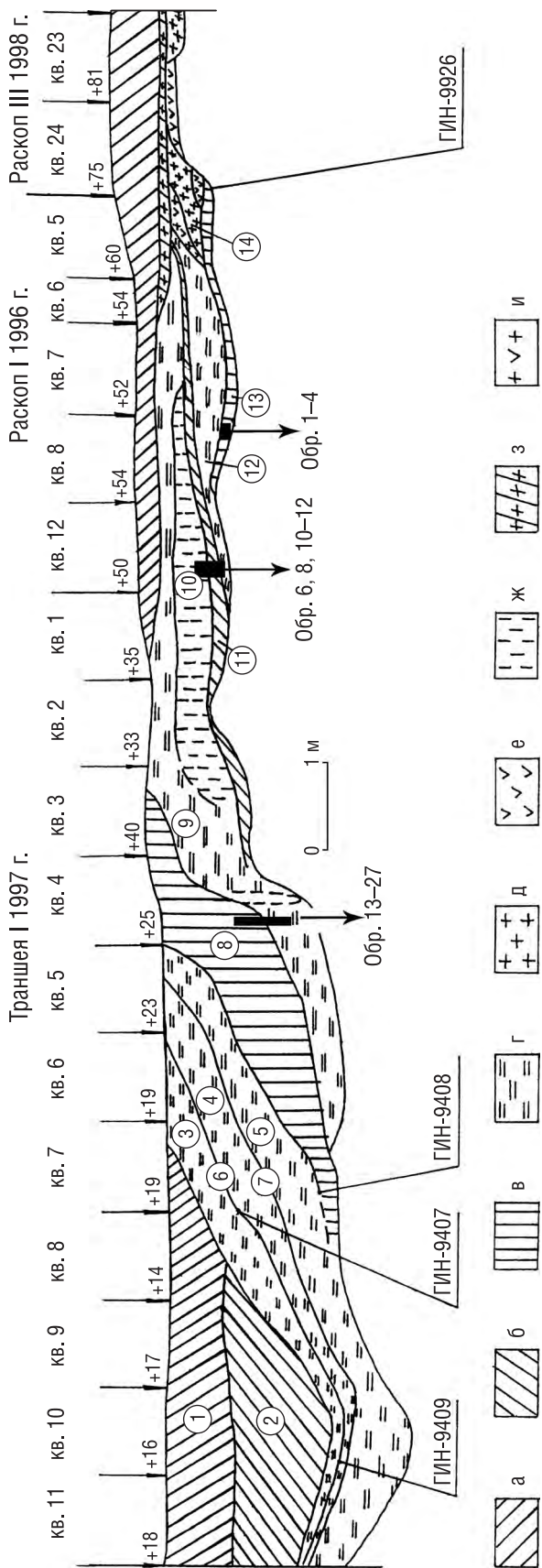

Рис. 1. Городищенское городище. Профиль восточной стенки раскопов 1996–1998 гг. с нанесёнными колонками отбора образцов.
 а – мусорный слой, перекопы; б – тёмно-серый гумусированный суглинок; в – серый суглинок; г – жёлтый суглинок с включениями угля, культурного слоя, керамики; д – уголь; ж – серый суглинок с включениями угля; з, и – перемес прокалённой глины и угля

Рис. 2. Городищенское городище. Профиль восточной стенки в кв. 8 и 12 раскопа 1996 г. (номера слоёв соответствуют номерам на рис. 1)

Это повлияло на дробность работы. Так, для микробиоморфного исследования использовались уже готовые палинологические препараты от образцов, отобранных из древнейших прослоек насыпи, а также из слоя из-под насыпи, на дне самого раннего рва (рис. 1). Три нижних образца относятся к слою на дне раннего рва – слой 13 на рис. 1, остальные – к слою 11. Последний представлял собой пачку очень тонких, диагонально наклонённых прослоек тёмноокрашенного гумуса, разделявших линзы суглинка и выстилавших дно рва на следующем строительном этапе (рис. 2). Валовый фосфор определялся в образцах, не использованных для мацерации на пыльцу (по тем или иным причинам) и оставшихся после взятия навески на мацерацию. Это привело к тому, что фосфор определялся в большем количестве образцов по сравнению с микробиоморфами.

В итоге мы получили две колонки данных, которые имеют разное количество образцов. Результаты представлены на рисунках 3–4.

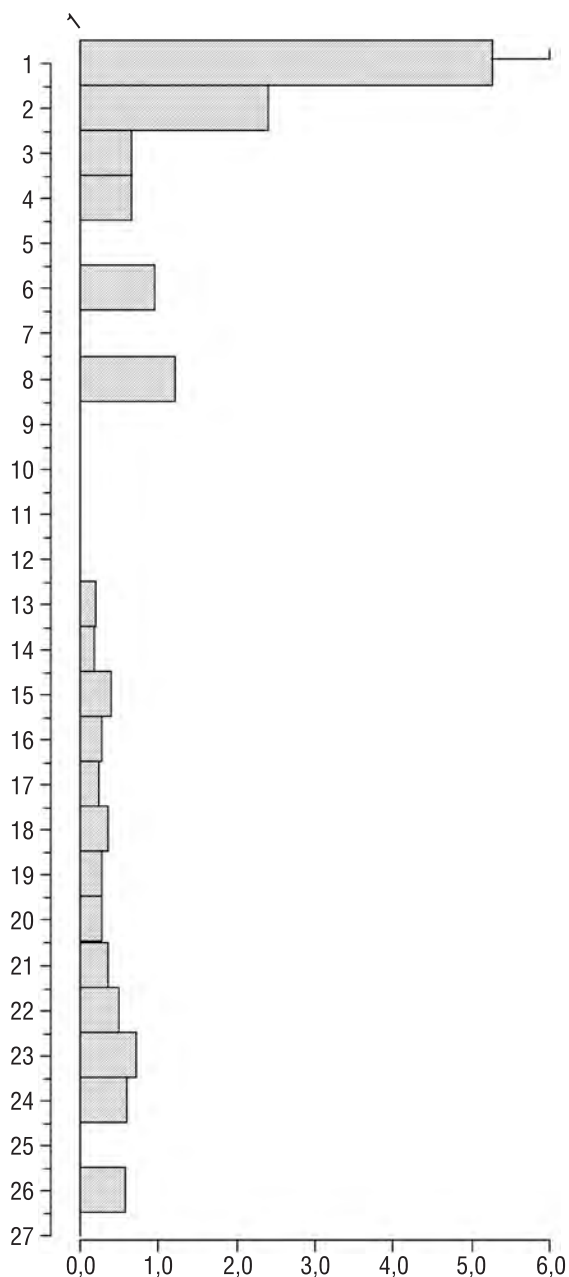

Рис. 3. Городищенское городище. Гистограмма содержания валового фосфора в образцах (указаны полевые номера 1997 года)

Хорошо видно большое, а в ряде случаев очень большое количество фосфора практически во всех образцах. Выделяются образцы 1–3, 8, где фосфора больше 1%, что свидетельствует о преобладании животной органики в составе прослоев. Лишь образцы 14 и 15, где количество фосфора соответствует природным значениям, позволяют считать, что это, возможно, почвенные слои, все остальные – культурные. При этом даже по образцам 14 и 15 можно уверенно говорить о гумусированности слоёв, то есть это были органогенные горизонты или смесь органики и минеральных частиц, но не какой-либо чистый минеральный нанос. Кроме того, в распределении фосфора нет закономерности – каждый прослой имеет свой состав. Это типично для искусственно создаваемых наносов.

Сходная картина выявлена и для фитолитов: во-первых, очевидная «пила» гистограммы, что свидетельствует о нестабильном составе, сочетании грунта и органики, во-вторых – очень высокое содержание фитолитов. Есть образцы, где фитолитов очень много, то есть в этих прослойках вала, видимо на временных поверхностях, скапливались либо трава – силос, компост, – либо всё же навоз.

Об искусственном привносе органики позволяет говорить и состав фитолитных комплексов, в частности присутствие в большинстве образцов фитолитов культурных злаков и тростника – типичных спутников поселенческих ландшафтов в древности.

Протопопово

Результаты исследования укреплений этого памятника, как и спорово-пыльцевые диаграммы, также публиковались ранее [3]. Повторно отобрать образцы помогу случай – обнажение насыпи вала при совершении на городище (действующее кладбище) очередного погребения (рис. 5). В нашем распоряжении оказалась верхняя часть насыпи, состоящая из жёлто-коричневого лёссовидного покровного суглинка, с мельчайшими включениями угля, незаметными на фото, из которой удалось отобрать 3 образца. Отметим, что от Городищенского городища ситуация отличалась радикально: если там мы преднамеренно брали на пробу образцы из гумусированных прослоек, то в Протопопово такой возможности не было.

Рассмотрены 3 образца (рис. 6, отсчёт – сверху вниз). Фосфора в целом немного, хотя верхний образец (№ 1) можно однозначно характеризовать как культурный слой (хотя внешне – и это видно на фото – это такой же суглинок). Фитолитов также мало. Но 1 и 3 образцы содержат культурные злаки, что свидетельствует о влиянии человека на формирование толщи.

Свиридоново III

Это городище является округой Ростиславля, миниатюрное, но укрепленное двумя валами и двумя рвами (рис. 7–8). С городища происходит яркий археологичес-

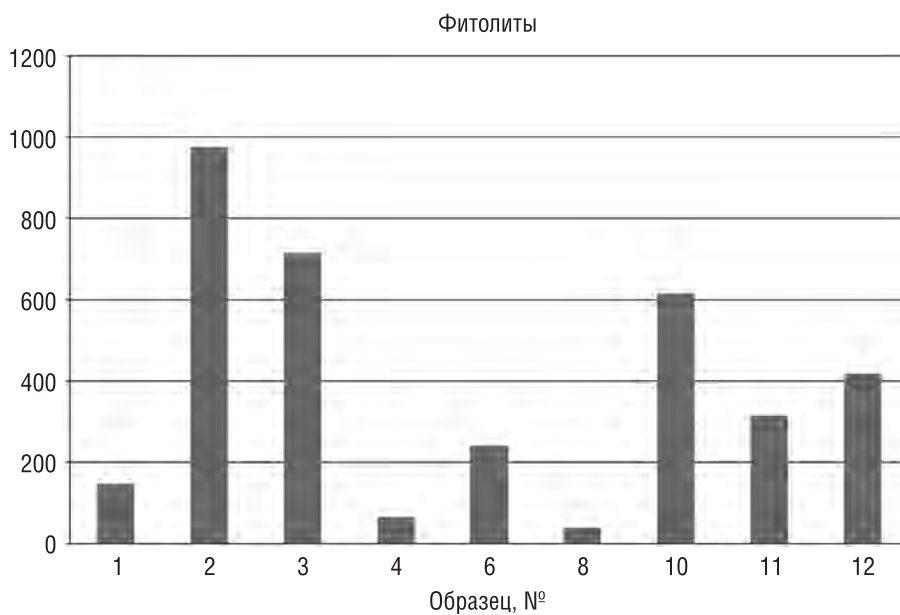

Рис. 4. Городищенское городище. Гистограмма содержания фитолитов

Рис. 5. Протопоповское городище, восточный склон. Обнажение верхней части насыпи с местами отбора образцов

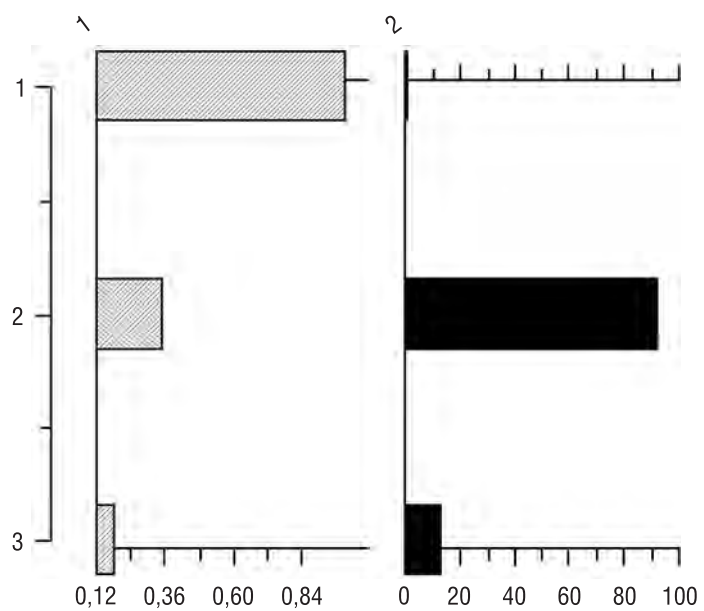

Рис. 6. Протопоповское городище. Гистограммы содержания валового фосфора (1) и фитолитов (2)

Рис. 7. Городище Свиридоново III. Седловина рва и внутренний склон внешнего вала (рядом с рейкой – разложенный почвенный бур)

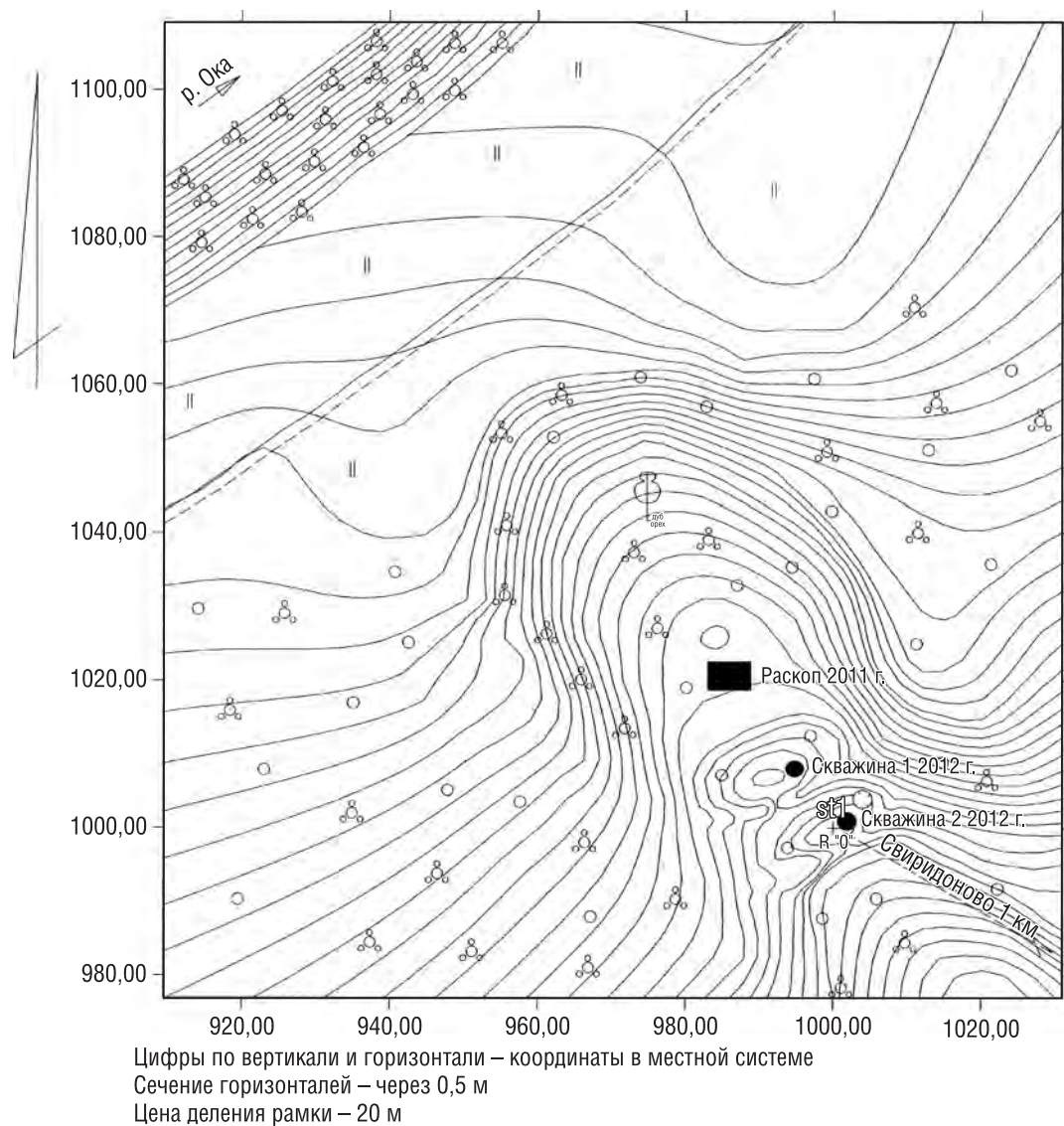

Рис. 8. Городище Свиридоново III. План памятника с указанием скважин

кий материал, представленный в основном отходами литейного производства и яркими металлическими украшениями [8; 9].

В каждом из валов бурением были отобраны колонки образцов. Отсчёт образцов идёт сверху вниз. Для более высокого внутреннего вала получилось 28 образцов. Во внешнем отобрано 23 образца. Для этих образцов определено содержание валового фосфора и сделан микробиоморфный анализ. Задачами исследований являлось определение уровня погребённой поверхности и степени насыщенности материала валов органикой. Считаем необходимым повторить, что образцы из Свиридоново III – это пески, то есть понятия «много» и «мало» здесь относятся к другому порядку значений, чем для суглинистых проб. Изучая керны из пробоотборного почвенного бура, мы сразу отметили, что ярких, окрашенных органикой или углём пробок в насыпях не было.

Результаты исследования

Вал № 1 (ближний к городищу или внутренний, рис. 9)

Во всей колонке валового фосфора мало. Можно лишь отметить образцы 1, 4, 10, 11, где количество фосфора несколько превышало природные значения. В образцах 6, 9, 12 оно соответствует поверхностным горизонтам почв. В остальных образцах фосфора мало.

Фитолитов в большинстве образцов мало. Можно отметить образцы 11–13, где количество фитолитов наибольшее, но не намного превышает количество, нормальное для дернины (образец 1).

По распределению микробиоморфной фракции и валового фосфора можно предположить, что образец 17 – это уровень погребённой поверхности, а образец 16 – переотложенная дернина.

По составу фитолитный комплекс однородный, хотя есть некоторые различия. Так, в образцах 1, 8, 13, 17 есть фитолиты тростника (камыша). В образцах 1–5, 7, 11–13 есть фитолиты культурных злаков. В образцах 13, 16 – сорная флора.

Итак, согласно результатам исследования насыпь вала создавалась за счёт материала культурного слоя и минеральных досыпок. Использование навоза, каких-либо подстилок и тому подобного в значимых количествах не выявлено.

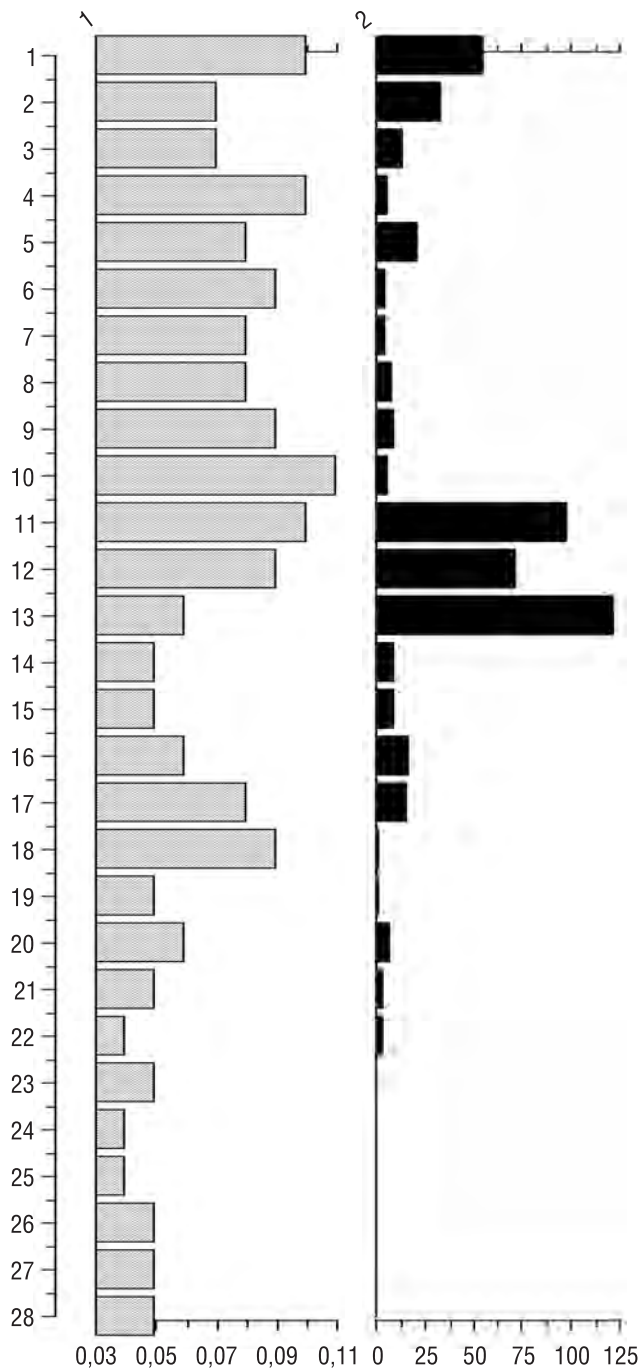

Рис. 9. Городище Свиридоново III. Гистограммы содержания валового фосфора (1) и фитолитов (2) во внутреннем валу

Вал № 2 (дальний от городища, внешний, рис. 10) Фосфора мало. Наибольшее количество – только в образце 1 – современная поверхность.

Фитолитов мало. Наибольшее количество – в образце 5, возможно, это уровень погребённой поверхности.

В образцах из вала № 2 фитолиты тростника (камыша), культурных злаков и сорной флоры не обнаружены.

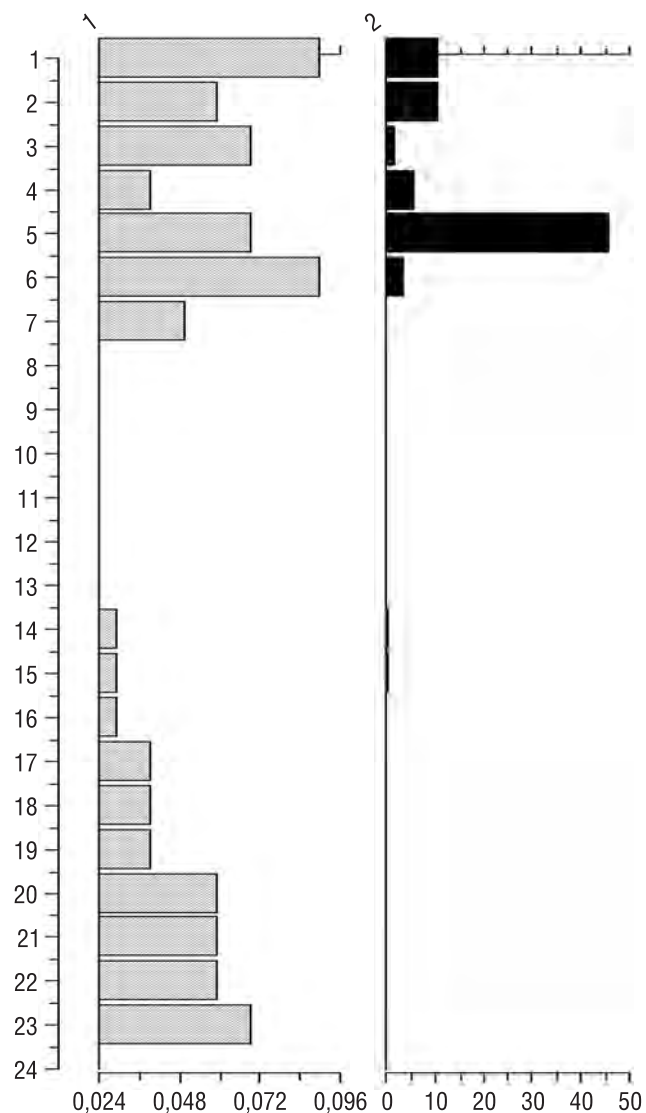

Рис. 10. Городище Свиридоново III. Гистограммы содержания валового фосфора (1) и фитолитов (2) во внешнем валу

Всё это в совокупности с малым количеством фосфора позволяет предположить, что данный вал создавался практически только из минеральной массы без примесей материала культурного слоя.

Таким образом, результаты исследования обоих валов оказались разными. Если при создании внутреннего вала использование материалов культурного слоя весьма вероятно, при создании внешнего вала материал культурного слоя не использовался совсем. Причина выявленного различия неясна, возможно, продолжение исследования, накопление большей базы данных по разным валам на одном городище позволят ответить на этот вопрос.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы по отдельным объектам.

Протопопово – материал культурного слоя в насыпи есть, но в небольшом объёме. Отметим, что визуально суглинок этой прослойки насыпи можно было охарактеризовать как «почти чистый», то есть примесь и визуально была заметна, хотя и в небольшом объёме.

Городищи – органика в насыпи вала сходна с таковой в Ростиславле.

Свиридоново III – внутренний вал содержит материал культурного слоя, хотя и в небольших объёмах, а внешний вал, удалённый от городища, материал культурного слоя не содержит. Это позволяет говорить о том, что по крайней мере внутренний вал построен позже возникновения поселения, но не исключено, что оба – одновременны, просто линза культурного слоя предшествующего времени не достигала места возведения внешнего вала.

Коробчеевское – органика в насыпи вала есть, хотя количество её, кроме нижних образцов, не так велико, как в Ростиславле.

Одним из неожиданных результатов нашей работы явилось значимое различие по генезису слоёв внутреннего и внешнего валов на городище Свиридоново III. Что это: случайность или закономерность? Валы создавались в разное время, когда изменилось представление о том, из чего вал надо делать, или же валы создавались одновременно, и мусора хватило лишь на ближний вал? Полученные результаты открывают новые направления исследований, ставят новые задачи.

Безусловно, общее количество изученных валов дьяковской культуры не очень велико, но сделать первые общие выводы вполне возможно.

1. Во всех случаях есть прослой валов, обогащённые валовым фосфором и микробиоморфами, то есть в составе насыпей изученных валов всегда присутствовали слои из органики (навоз, бытовой мусор и пр.). То есть обнаруженное отличие от состава насыпей валов других культур не является случайным.

2. При этом каждый вал имеет самостоятельное чередование обогащённых и обеднённых органикой слоёв, то есть не было какой-то единой схемы создания вала, как и не было, судя по нашим наблюдениям, «универсальной органической добавки в тесто вала, предусмотренной рецептом».

3. Наши исследования значительно обогатили представления о составе насыпей валов, но следует учитывать, что прямого противоречия «вижу суглинок – на самом деле навоз» не встречено. Наши исследования объясняют органику, но не перечёркивают простые стратиграфические наблюдения, когда примесь даже в суглинке может разглядеть и не специалист-почвовед. Надо только внимательнее смотреть.

4. Тем не менее применённые методы помогают увидеть органику в тех прослойках, где внешне – на взгляд археолога – её нет или почти нет, как в Свиридоново III и Протопопово, точно так же как спорово-пыльцевой метод позволяет обнаружить древнюю открытую поверхность в насыпи вала, визуально не фиксируемую. Расширение возможностей, которые предоставляют оба метода для изучения укреплений (да и не только их), – весьма значительное и в ряде случаев – принципиальное.

Обсуждение результатов

Полученные результаты довольно противоречивы. Их важность, в первую очередь, заключается в том, что состав фитолитов и валовый фосфор объясняют большое количество находок и органики в насыпи. Более того, складирование бытового мусора, чередовавшееся с подсыпками балластным грунтом, создавало условно-закрытые комплексы артефактов и пыльцы. Иными словами, насыпь вала является надёжным источником стратифицированного материала. К этому стоит добавить, что расхожее мнение об использовании в насыпях валов более древнего культурного слоя с площадок городищ в большинстве случаев неверно. Мы не можем утверждать, что подрезка слоя с площадки и укладывание его в насыпь вообще не имели места, но, вероятнее всего, валы всё же формировались либо из материкового грунта, либо из синхронного им мусора.

Однако на этом однозначная трактовка наших результатов заканчивается, и начинаются вопросы, которые авторы адресуют не только читателям, но и самим себе:

– Какая роль вала для обитателей городища важнее: как склада мусора или как укрепления?

– Мусор на валы высыпался с целью увеличить их высоту, или это всего лишь традиция чистоплотности/нечистоплотности обитателей городищ?

– Насколько быстро осуществлялась подсыпка вала материковым грунтом, если, например, в валу Протопопово в коричневом, внешне чистом, суглинке встречалась не только керамика, но и органика?

Как видим, наш, пока ещё промежуточный, результат позволяет строить разнообразные версии, его объясняющие, но, как нам кажется, приближает нас к пониманию таких странных сооружений древности, какими являются укрепления дьяковских городищ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сыроватко А.С., Спиридонова Е.А. Применение палинологического анализа для стратификации Протопоповского городища // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002.
2. Спиридонова Е.А., Сыроватко А.С. Применение палинологического метода для реконструкции укреплений и окружающих ландшафтов Протопоповского городища // Экология древних и современных обществ. Вып. 2. Тюмень, 2003.
3. Сыроватко А.С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М., 2009.
4. Гольева А.А. Состав и генезис насыпей вала городища раннего железного века на Ростиславле по данным естественных наук // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011.
5. Коваль В.Ю. Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дьяковской культуры // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 8. М., 2012.
6. Гольева А.А. Почвенные исследования средневековых валов Дмитрова, Ярославля и Ростиславля // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009.
7. Гольева А.А., Сыроватко А.С., Трошина А.А. Некоторые особенности сооружения валов дьяковских городищ: первые результаты естественнонаучных исследований // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Казань, 2014.
8. Обломский А.М., Сыроватко А.С., Сапрыкина И.А. Об одном типе подвесок-коньков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы // КСИА. Вып. 226. 2012.
9. Сыроватко А.С., Сапрыкина И.А. Клад рубчатых браслетов на реке Оке // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011.

*Институт географии РАН,
Москва*

*МБУ «Коломенский археологический центр»,
Коломна*

A.A. Golyeva, A.S. Syrovatko

COMPOSITION OF EMBANKMENTS AND PURPOSE OF THE BANKS OF THE DYAKOVO CULTURE'S FORTS: NATURAL-SCIENCE APPROACH

Summary

Research of embankments of banks of the Early Iron Age (Dyakovo Culture) showed that in all cases as a part of embankments of the studied banks always there were layers from organic materials (manure, household garbage etc.). A series of the conducted researches allows to consider that the found difference from composition of embankments of other cultures' banks isn't casual. Thus each bank has independent alternation of the layers enriched and grown poor by organic materials, i.e. there was no any uniform scheme of creation of a bank, as well as wasn't – judging by our supervision – «a universal organic additive in the bank breed provided by the recipe». The applied methods help to see organic materials in those layers where externally – from the point of view of the archaeologist – it isn't present or nearly isn't present. Expansion of opportunities which provide both methods (microbiomorphic and composition of gross phosphorus), when studying strengthenings (and not only them) is very considerable and in some cases – radically.

*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences,
27, Staromonetny Lane, Moscow, 119017,
Russia
E-mail: golyevaaa@yandex.ru*

*Municipal Budgetary Institution
«Kolomensk Archaeological Centre»,
5, Kremlyevskaya St., Kolomna, Moscow Region, 140400,
Russia
E-mail: arxeolog-net@rambler.ru
Sasha.syr@rambler.ru*

В.Ю. Коваль

ВАЛ РОСТИСЛАВЛЬСКОГО ГОРОДИЩА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Городище раннего железного века (РЖВ) на площадке средневекового Ростиславля Рязанского (ныне городище в Озёрском районе Московской области, объект культурного наследия федерального значения) исследуется Ростиславльской экспедицией Института археологии РАН постоянно с 1998 г. Городище расположено в мысовой части площадки, занятой средневековым русским городом Ростиславлем (1153 г. – XVII в.), оно практически непрерывно функционировало с середины I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э., причём есть все основания связывать его с дьяковской культурой, распространённой в долинах рек Ока и Москва [1]. Площадка городища исследовалась раскопом V, которым осуществлена врезка в северный склон вала¹. Прорезка вала проводилась траншеей шириной 2,83 м (соответствующей диагонали квадрата, в сетку которых он был вписан), которая трассирована по линии СЗ–ЮВ практически перпендикулярно продольной оси вала. Траншея была частью раскопа IV², она была пройдена за 5 лет (2005–2009 гг.) отдельными участками (участки В, Г, Д), с продвижением к СЗ (рис. 1). Такая методика была обусловлена сезонным характером работы экспедиции (траншея консервировалась на зиму) и, соответственно, опасностью обрушения её стенок, высота которых в центре насыпи достигала 6 м.³ Несмотря на некоторые недостатки (приходилось оставлять поперечные распорные бровки, из-за чего небольшие участки в нижней части профилей не могли быть сняты), эта методика себя оправдала, и в результате были получены не только два продольных разреза насыпи – по северо-восточному борту траншеи (рис. 2) и по юго-западному борту (рис. 3), но ещё 3 поперечных, которые оказались не менее информативными (см. ниже). Разборка насыпи проводилась по пластам толщиной 20 см (в древнейшей части насыпи – по пластам в 10 см) с фиксацией каждого пласта (в позднейших частях насыпи с однородным грунтом в ряде случаев пласты фиксировались через 40 или 60 см). При этом материал из пластов отбирался по прослойкам или группам смежных прослоек (полевая группировка проводилась там, где прослойки имели незначительную толщину или не имели чётких границ между собой). Всё это позволило получить несколько «чистых» комплексов, приуроченных к хронологически различившимся горизонтам насыпи, нумерация которых проводилась в поле в направлении сверху вниз, анализ стратиграфии, вещевого и керамического материала из которых позволил реконструировать 10 этапов возведения этой насыпи. Основные результаты этих исследований и полученные выводы уже публиковались [2; 3].

По окончании прорезки вала стало ясно, что не все «полевые горизонты» соответствовали тем стратиграфически значимым этапам возведения насыпи, которые были связаны с расширением рва и досыпками вала. В ряде случаев одному такому этапу могла соответствовать только половина «полевого горизонта», в других же, наоборот, сразу 3 «полевых горизонта». Это создавало определённые трудности при использовании данных статистики керамики (которая проводилась именно «по горизонтам»), но существенных проблем всё же не оказалось, поскольку почти во всех подобных случаях при разделении «полевого горизонта» между двумя соседними стратиграфическими этапами возведения насыпи получалось так, что в один из них попадали прослойки, содержавшие археологический материал, а в другой – практически «стерильные». Суммирование данных нескольких горизонтов тем более не создавало никаких трудностей. Всё это, в конце концов, позволило точно сопоставить полевые данные «по горизонтам» с итоговыми данными «по этапам». Повторимся, что «этапами» здесь именуется прежде всего стратиграфические реалии (безусловно, в субъективном их осмыслении автором данной работы), сопоставленные с конкретным археологическим материалом (статистическими данными по керамике и вещевыми находками).

¹ Начальник раскопа V – Е.Ю. Тавлинцева; участками, которыми проводилась врезка в склон вала (работы 2004–2007 гг.), руководил А.Н. Медведь.

² В первый год проведения разреза вала (2005 г.) работами на раскопе руководил А.Б. Лагутин, а его помощниками были Е.В. Тимошкина и В.И. Храпов, в последующие годы (2006–2009) бессменным руководителем раскопа IV был В.И. Храпов. Участком Б (2002 г.), которым был исследован средневековый ров, руководил И.В. Волков.

³ Наиболее существенный вклад в проведение раскопок на валу внесли участники экспедиции С.А. Гушин, А.А. Журавлёв, Е.П. Зоц (Захарова), И.А. Курашова, П.В. Тучин, А.Н. Феребов, В.С. Фролов, М.Н. Фурсов.

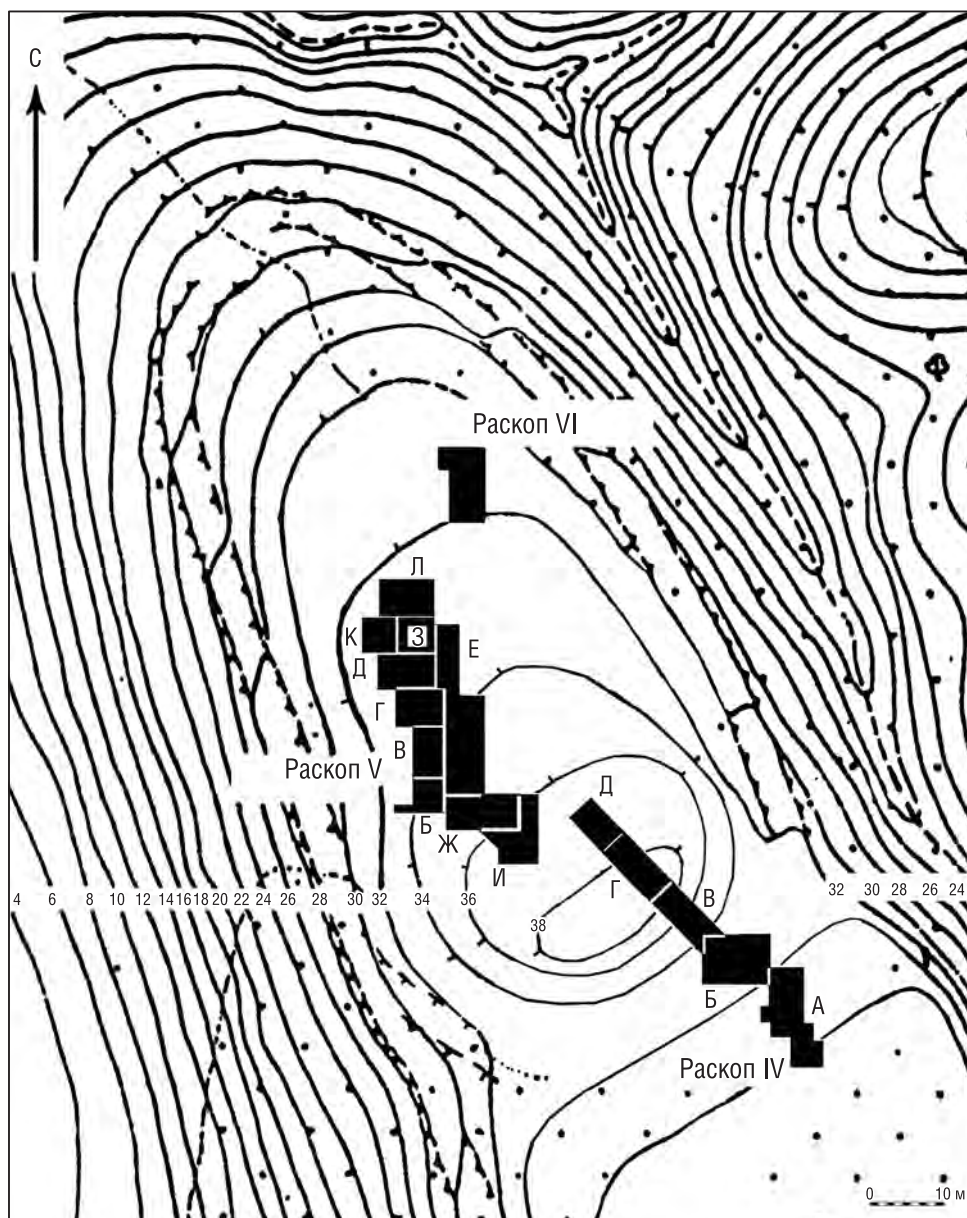

Рис. 1. План Ростиславльского городища раннего железного века с обозначением раскопов и участков

Разумеется, очень большие надежды при проведении этих работ возлагались на радиоуглеродное датирование образцов, взятых из прослоек разных этапов (прежде всего угля, а также грунтов). Однако значительная часть результатов, полученных в лаборатории Института географии РАН, оказалась очевидно недостоверна (несовпадение дат для одного и того же образца, явно нереальные даты с отрывом на 500–1000 лет, не исключено, что часть образцов была перепутана в лаборатории). В итоге оказалось возможным опереться лишь на 6 дат, поступивших из радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (Санкт-Петербург) и лаборатории Института радиохимии окружающей среды Украинской Национальной Академии наук (Киев, Украина), причём 2 образца датировались параллельно в этих лабораториях, и результаты совпали (табл. 1).

Радиоуглеродные даты показали, что вал был создан исключительно в раннедьяковское время. Он стал возводиться не ранее чем в III в. до н.э., а последние досыпки его были произведены на рубеже эр или в самые первые века н.э. Последний хронологический репер подтверждается тем, что в насыпи вала не встречено ни одного обломка сильнопрофилированной позднедьяковской керамики, получившей распространение в Поочье как раз в первые века новой эры. Следовательно, последняя досыпка вала была проведена до начала распространения такой керамики.

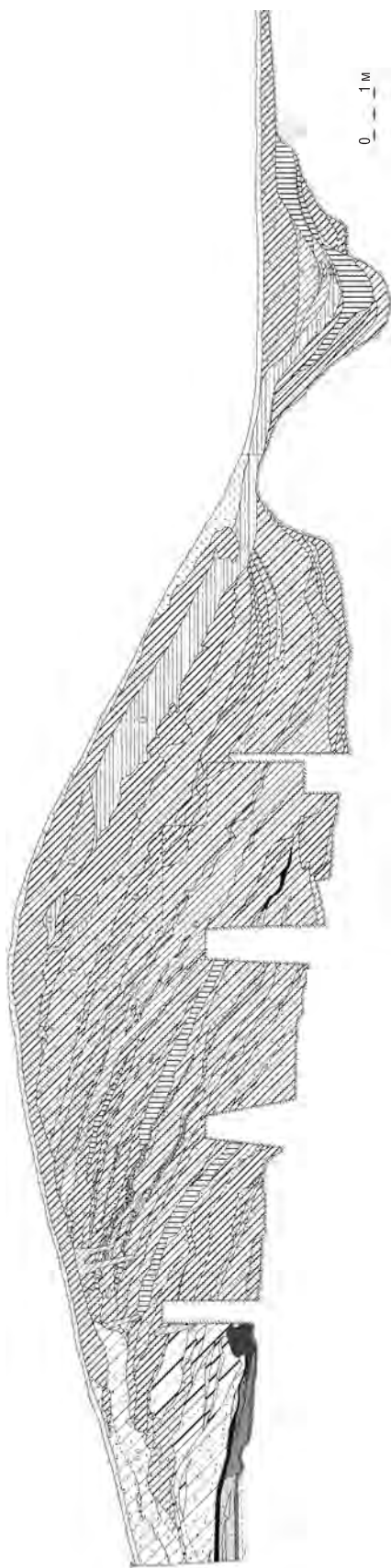

Рис. 2. Северо-восточный профиль разреза вала (по борту раскопа IV)

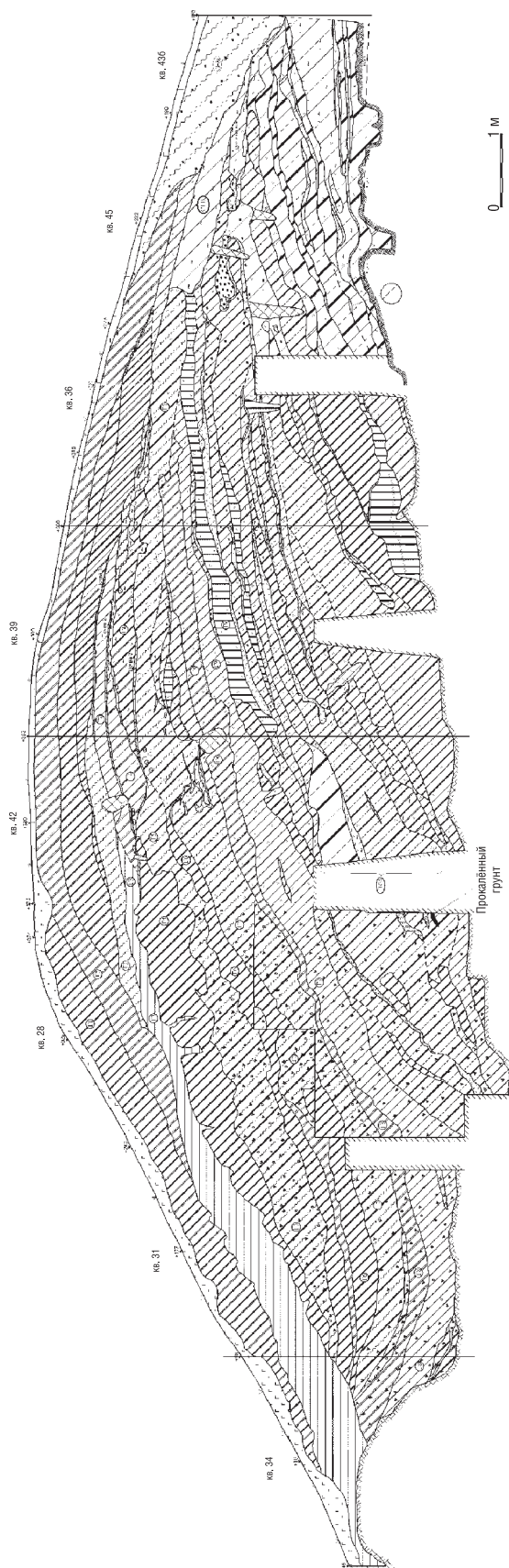

Рис. 3. Юго-западный профиль разреза вала (по борту раскопа IV)

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования образцов угля из вала

№	Образцы	Калиброванные даты
1	Слой под валом (Ki-16528)	410–200 BC
2	Вал этапа 1 – нижняя часть (Ki-14729; Le-8705)	520–350 BC/400–200 BC
3	Вал этапа 1 – средняя часть (Ki-14730; Le-8705)	760–360 BC/520–370 BC
4	Вал этапа 1 – верхняя часть (Le-8703)	370–180 BC
5	Вал этапа 8 (Ki-16527)	170 BC – 60 AD
6	Вал этапа 9 (Ki-16529)	50 BC – 90 AD

Прежде чем описывать вал, его стратиграфию и материал, встреченный в нём, надо указать, что древний почвенный горизонт под ним сохранился не везде. Так, на площади раскопа V (западная оконечность вала) этот горизонт был срезан в древности, и древнейшая насыпь лежала на материке (жёлто-коричневом суглинке), нарушенном к тому же небольшими перекопами (канавки, столбовые ямки, аморфные понижения). Однако на раскопе IV именно под древнейшей насыпью вала сохранился древний почвенный горизонт мощностью до 20 см, верхняя часть которого была, вероятно, также немного подрезана. Этот горизонт представлял собой светло-серый суглинок с пятнами древних кротовин, плавно переходивший книзу в жёлто-коричневый суглинок материка. На поверхности почвы кое-где фиксировались сегментовидные пятна – следы лопат (?). Древний почвенный горизонт не содержал никакого археологического материала, поскольку относился к эпохе до появления человека на этом месте, но он был перекрыт очень близким по цвету (тоже светло-серым, но всё же, чуть более тёмным и включавшим мелкие угольки) древнейшим культурным слоем (слой 4)⁴ толщиной до 20 см, содержащим (на площади около 2 кв. м) пять мелких обломков раннедьяковской керамики, четыре кремнёвых отщепа и кремнёвое тесло, близкое к древностям поздняяковской культуры. Таким образом, слой 4 мог сформироваться на позднем этапе эпохи бронзы. Тонкие линзы материкового выброса отделяли слой 4 от перекрывавшего его слоя 3, состав и характеристики которого были идентичны слою 4, а мощность достигала 10–15 см. Самый верхний горизонт слоя 3 составляла прослойка коричневого суглинка с углями (цвет определялся большим количеством органического тлена), фиксировавшаяся по всей площади раскопа под насыпью будущего вала. Её толщина колебалась от 1–2 см до 10–13 см, причём количество углей возрастало к поверхности этой прослойки. В ней же отмечены многочисленные раковины улиток. В слое 3 были собраны 22 измельчённых обломка керамики раннедьяковского времени (идентичных материалу из вала этапа 1 – см. ниже), восемь кремнёвых отщепов, 45 костей животных, концевой скребок на пластинчатом отщепа и обломок трёхканальной керамической бусины. Этот материал свидетельствует об отложении слоя в раннедьяковский период, причём в слой попали и очевидно более ранние кремнёвые артефакты (эпохи бронзы или даже мезолита?).

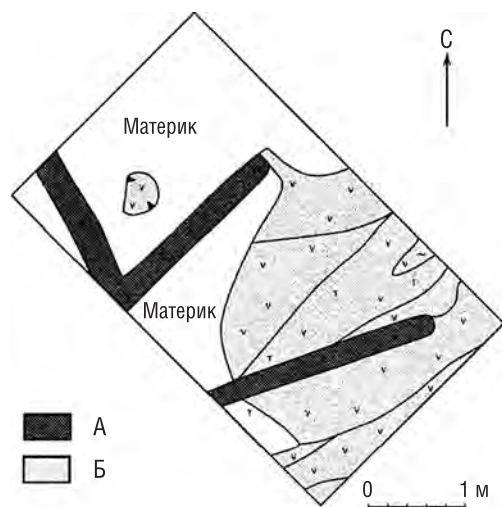

Рис. 4. План зачистки по материкам на участке Д раскопа IV (под древнейшим ядром вала): А – частокольные канавки; Б – переотложенный слой 3

Из слоя 4 выходили две перпендикулярные частокольные канавки, врезанные в материк и заполненные грунтом этого слоя (рис. 4). Слой 3 перекрывал эти канавки, уже засыпанные к моменту его формирования. К сожалению, эти канавки уходили в борта раскопа и не складывались в какую-то однозначно трактуемую систему. Ещё одна, самая южная, канавка прорезала отложения слоя 3, выходя уже практически с уровня создания вала этапа 1 (рис. 4). Неясно, имела ли она отношение к конструкции этого вала или предшествовала его созданию.

Все частокольные канавки, выявленные в северо-западной части раскопа IV, под древнейшей насыпью вала, очевидно, не имели прямого отношения к частокольной канавке, зафиксированной в раскопе V [4, рис. 1], которая проходила всего в 1–2 м севернее раскопа IV (рис. 5) и вообще не была перекрыта древнейшей насыпью вала (её перекрыл оползавший грунт более поздних этапов). На раскопе V частокол удалось проследить на значительном протяжении (более 30 м). При этом канавки, открытые на раскопе IV, показали, что ранняя («довальная») фортификация городища состояла из целой системы частоколов (либо эти частоколы постоянно обновлялись, а их трасса сдвигалась). Более того, чётко прослеживаемые концы этих канавок свидетельствуют о наличии проходов в таких оградах, а перпендикулярный отрезок частокола в раскопе IV позволяет предположить существование каких-то ещё более сложных

⁴ На городище принята следующая нумерация слоёв: слой 1 – позднедьяковский, сильногумусированный; слой 2 – раннедьяковский, с остатками построек. Эти два слоя фиксировались на всей площади городища раннего железного века. Слой 3 сохранился локально на склонах городища и содержал материал, переходный от эпохи бронзы к РЖВ. Слой 4 впервые выявлен на раскопе IV, в других местах он не сохранился.

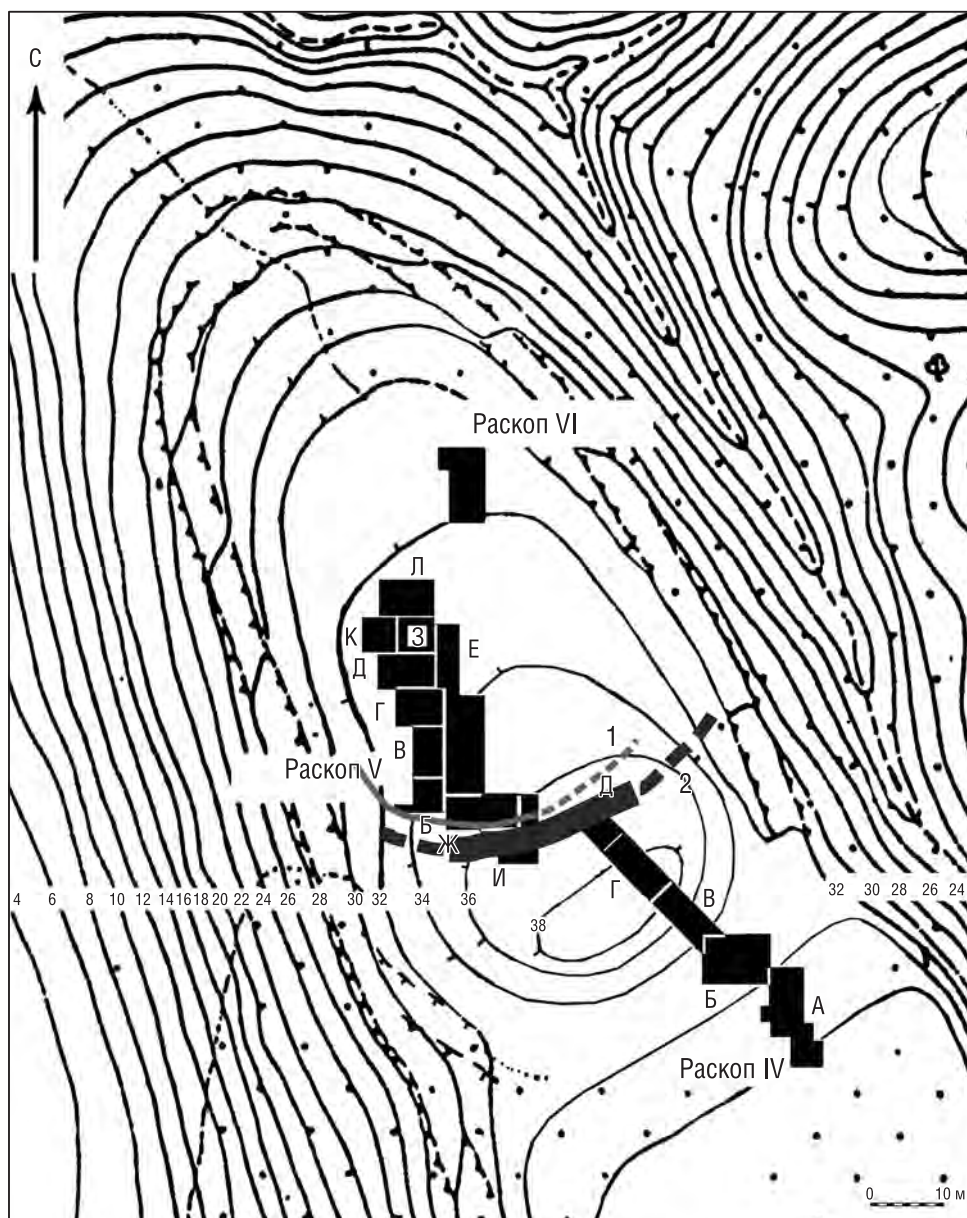

Рис. 5. Реконструкция линии частокола, предшествовавшего возведению вала (1), и вала на этапах 1–2 создания насыпи вала (2)

частокольных конструкциях, нежели просто линия, перегораживавшая мыс. Но для полного изучения этих конструкций потребовалось бы вскрытие всего вала.

Этап 1. Вал этапа 1 был создан на поверхности слоя 3 (рис. 6). Насыпь высотой 0,8–1,0 м и шириной около 3 м состояла из однородного грунта – серого суглинка с включениями светло-серого (подзолистого) суглинка, углей и золы, в котором прослеживалась слабовидимая слоистость. В западной части раскопа поверхность этой насыпи была насыщена органическим тленом коричневого цвета. Напомним, что всего в 4 м к СЗ, в раскопе V, поверхность этого древнейшего вала была покрыта толстым (до 20 см) слоем коричневой органики. Естественно-научные исследования показали [5, с. 68, 69, образец 14], что это остатки сгнившей травы, наваленной на поверхность грунтовой насыпи. Сама насыпь, согласно тем же исследованиям, состояла фактически из культурного слоя, содержащего большое количество навоза [5, с. 68, образцы 4–11]. Перед валом имелось небольшое ровообразное понижение шириной не более 1 м и глубиной до 0,5 м (от реконструируемого уровня дневной поверхности того времени) (рис. 6), причём оно не было заглублено в материк, а целиком покоилось в грунте слоя 3. Был ли это настоящий ров или это понижение возник-

ло случайно на одном участке линии вала, неясно. В насыпи вала этапа 1 найдены 572 обломка керамики (см. табл. 2) и 18 изделий⁵. Наряду с обломками костяных орудий (одношпильные наконечники стрел, проколки, заколка, струг) в это число входили стеклянная бусина голубого цвета (рубленный бисер), обломок пластины из медного сплава, три обломка «рогатых кирпичей», обломок керамической бочёнковидной погребушки [4, рис. 2]. В этих же прослойках обнаружены 23 кремнёвых отщепов и более 300 костей животных. Наиболее интересна находка бисера, появляющегося в Восточной Европе с сер. III в. до н.э. [6, с. 46, 47]. Поскольку бусина найдена в самом основании насыпи, случайное её попадание в вал почти исключено. С учётом радиоуглеродных датировок (табл. 1) эта находка позволяет относить начало возведения вала не ранее чем ко 2-й пол. III в. до н.э. Прочие изделия не противоречат этой дате. Что касается керамики, то её анализ приводится ниже.

Этап 2. На втором этапе высота насыпи почти не увеличилась (надо, впрочем, учитывать возможность того, что вершина насыпи могла быть подрезана при создании вала этапа 3), зато ширина была увеличена вдвое – почти до 6 м, причём расширение шло только в напольную сторону (рис. 7). Перед валом теперь фиксировался ров шириной 2 м и глубиной не менее 0,8 м, с отвесной напольной стенкой. Грунт, из которого была сложена эта насыпь, частично состоял из материкового суглинка, но в основном – из того же культурного слоя с навозом, золой, сгнившей древесиной и перегноем трав. Поскольку разделение материала из горизонтов 2 и 3 оказалось усложнено, ниже этот материал будет представлен суммарно.

Этап 3. На этапе 3 размеры насыпи вала увеличились незначительно (рис. 8). При этом вершина насыпи была сдвинута в напольную сторону, а досыпки производились на внешний склон вала этапа 2. В ходе этих досыпок был почти полностью засыпан ранее существовавший ров и вырыт новый – шириной 1,5 м и глубиной 0,8 м. Новая насыпь имела ширину 5 м, но вместе с более ранними общая ширина вала достигла 7 м, а высота 1,3 м (от уровня древней дневной поверхности с напольной стороны вала). Не исключено, что изначально высота этого вала была ещё больше, поскольку при последующих перестройках вершина вала могла быть сnivelирована.

Насыпь этапа 3 состояла из того же грунта, что и на предыдущих этапах: прослоек серого или желтовато-серого цвета – смеси культурного слоя и жёлтого материкового суглинка. В большинстве случаев слабо просматривалась слоистость в структуре каждой отдельной прослойки. Границы между отдельными прослойками были чёткими, но очень неровными, что свидетельствует о неровной (кочковатой или осыпающейся) поверхности вала. На поверхности насыпи этапа 3 в южном профиле раскопа V были зафиксированы следы недолго существовавшей стабильной поверхности, на которой начались процессы почвообразования [5, с. 67, образец 13].

В насыпях этапов 2 и 3 обнаружены 414 обломков керамики (табл. 2) и 19 изделий, среди которых преобладали обломки костяных (наконечники стрел, гарпун, проколка, игла, манок) и кремнёвых орудий. Наряду с ними встречены три обломка «рогатых кирпичей», два фрагмента предметов из медных сплавов, обломок керамического блюдцевидного тигля, часть острия железного наконечника (стрелы?) и обломок рукояти из оленьего рога с гравированным рисунком. Рукояти подобного типа найдены в нижнем горизонте верхнего слоя Щербинского городища, на Старшем Каширском, Дьяковом, Сетунском городищах, а также городищах Прислон и Графская гора, где датируются 2-й пол. I тыс. до н.э. [7, с. 101]. Кроме того, из насыпи происходят 20 кремнёвых отщепов и более 200 костей животных.

Этапы 4–6. Рассмотрение этих трёх последовательных этапов наращивания насыпи вала приходится проводить суммарно, поскольку входившие в них прослойки оказались наименее насыщены артефактами. Видимо, на этом этапе основным материалом для создания вала служил материковый суглинок, вытравившийся из постоянно обновлявшегося рва, всё дальше и дальше сдвигавшегося в напольную сторону.

На этапе 4 вал был вновь существенно расширен в напольную сторону (рис. 9), при этом ров этапа 2 был засыпан, а новый ров стал заметно больше – его ширина достигала 3 м, а глубина увеличилась до 1,4 м. Соответственно гораздо больше стал объём материкового грунта, пошедшего на строительство насыпи, которая достигла общей ширины 8 м и высоты 1,5 м.

На этапе 5 существенного увеличения вала не произошло, но предыдущий ров был наполовину засыпан, а перед валом вырыт новый ров шириной 5,5 м (по верхнему краю) и глубиной до 2 м (рис. 10). При этом впервые дно рва было не плоским (как у всех предыдущих), а округлым.

На этапе 6 была проведена новая присыпка к напольному склону прежнего вала и засыпано дно предыдущего рва (рис. 11). В результате общая ширина вала достигла 14 м при высоте 2 м (от уровня горизонта дневной поверхности с напольной стороны). Перед валом был вырыт очередной новый ров шириной 4 м по дну (оно было плоским и наклонённым в сторону поля), но по верхнему краю ширина рва достигала уже 8 м. Соответственно перепад высот между дном рва и вершиной вала достиг 4 м. Важно отметить, что на поверхности насыпи этапа 6 впервые были прослежены следы действия огня в виде прослоек угля и прокалённого до красноты грунта, общей мощностью до 20 см (рис. 12). В более ранних насыпях никакого прокала не фиксировалось. Прослойки угля и прокала покрывали весь внешний склон вала от вершины и почти до дна рва, постепенно выклиниваясь, причём наибольшей мощности они достигали на вершине вала.

Из насыпей этапов 4–6 происходили всего 152 обломка керамики, то есть концентрация керамики в этих насыпях была в 8–10 раз меньше, чем в грунтах этапов 1–3 (с учётом того, что объём насыпей этапов 4–6

⁵ Здесь и далее при подсчётах вещевых находок и керамики приводятся суммарные данные по материалам раскопов IV и V.

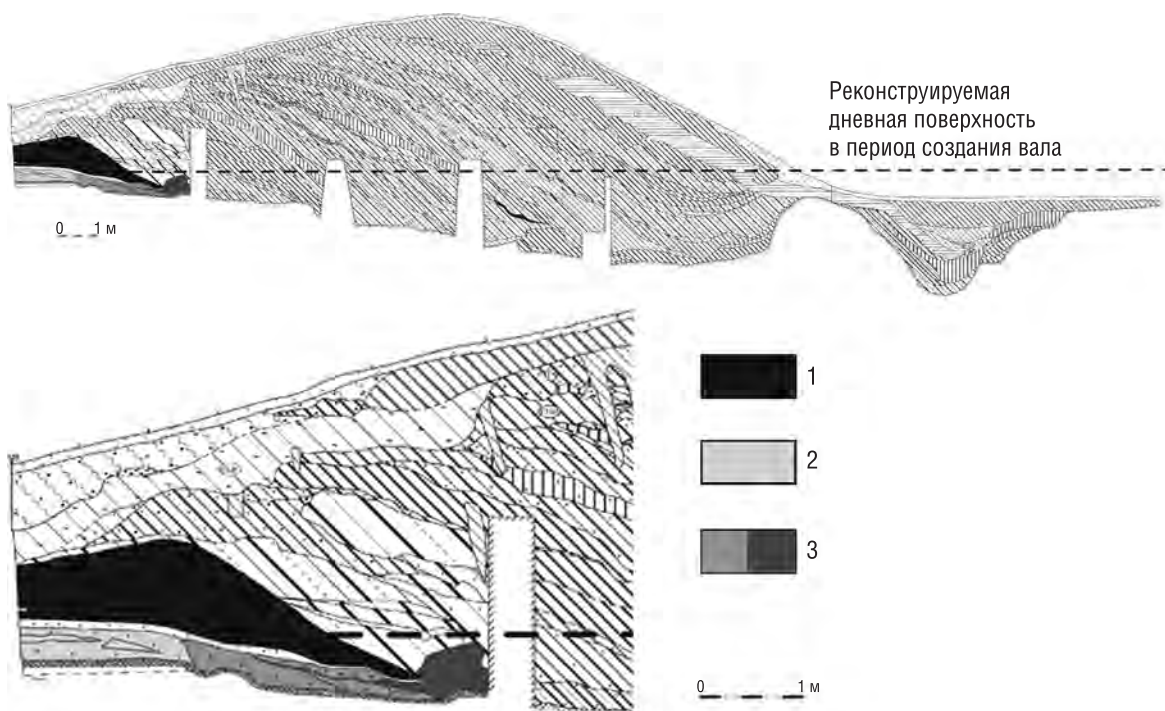

Рис. 6. Насыпь вала этапа 1 в северо-восточном профиле траншеи:
1 – насыпь; 2 – слои 3 и 4 под валом; 3 – отложения под южной полой вала, связанные со слоем 3

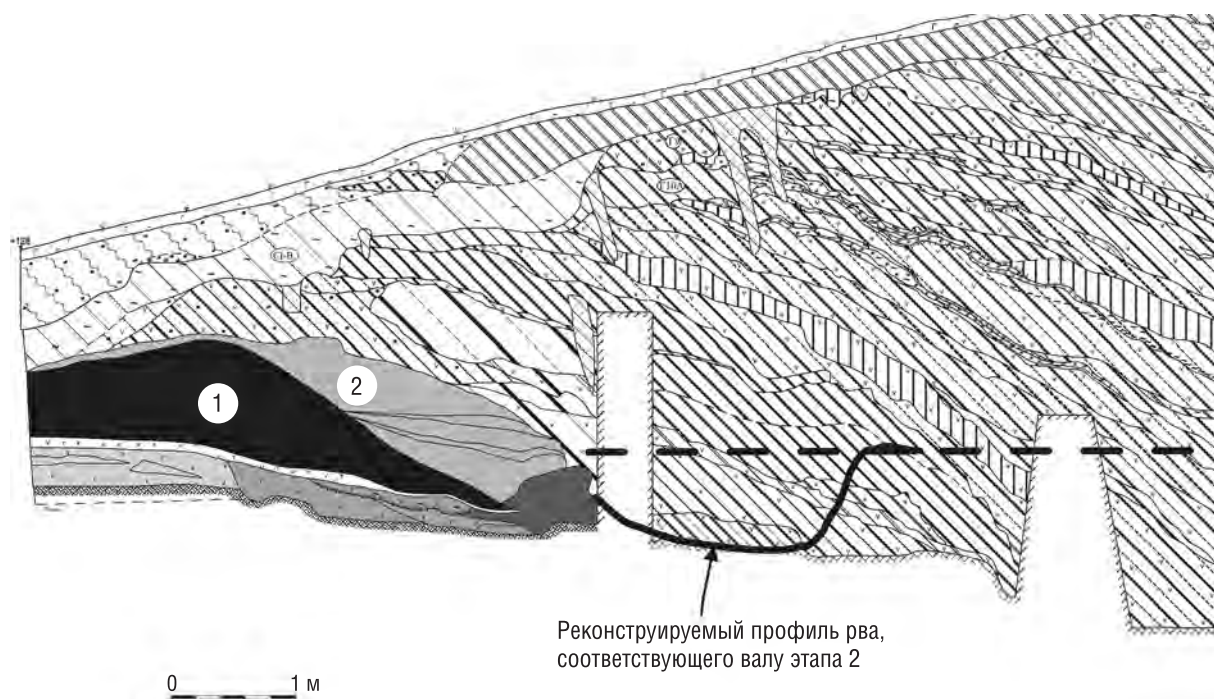

Рис. 7. Насыпь вала этапа 2
(номера в кружочках обозначены свиты прослоек отдельных этапов создания насыпи)

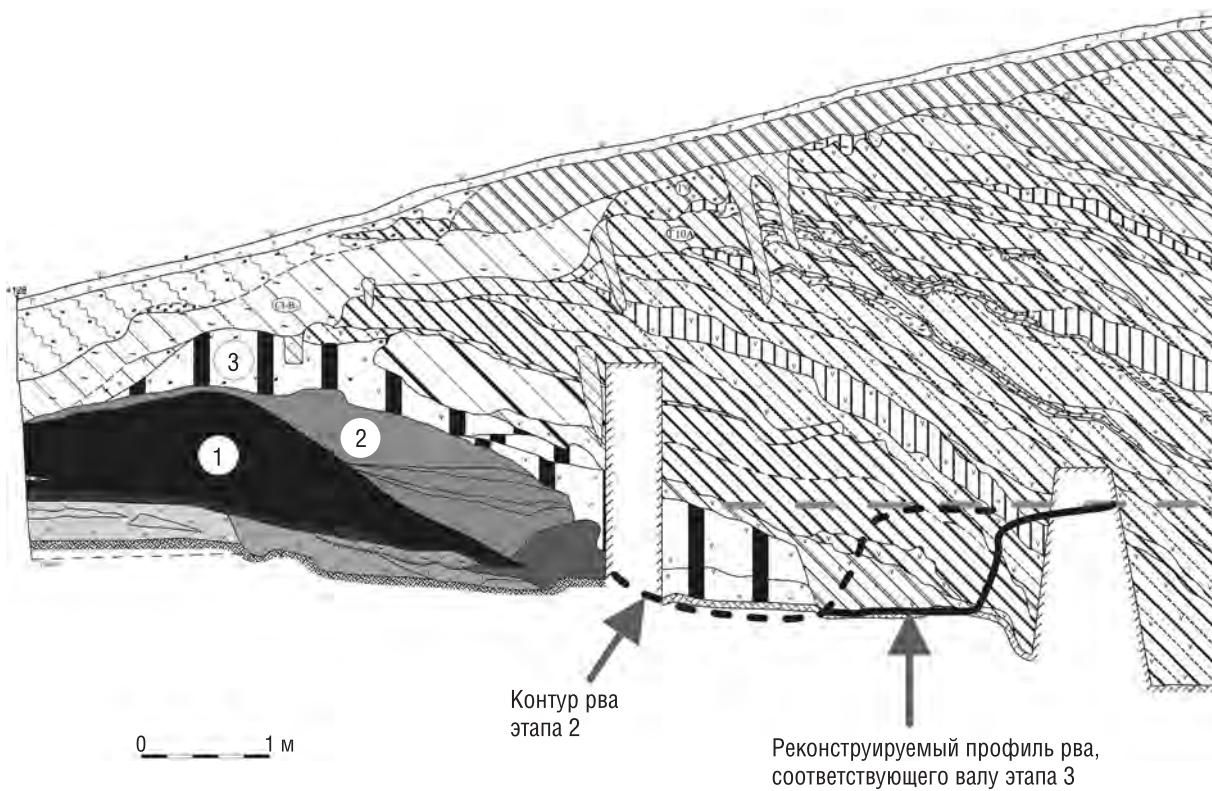

Рис. 8. насыпь вала этапа 3
(номера в кружочках обозначены свиты прослоек отдельных этапов создания насыпи)

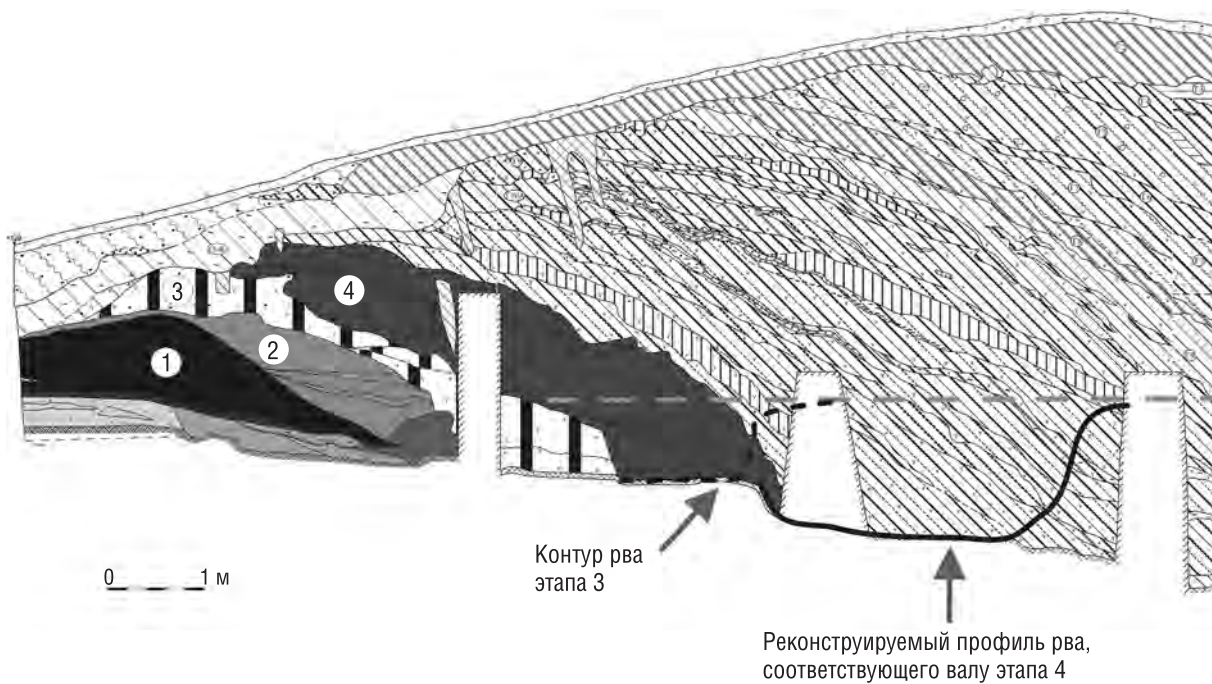

Рис. 9. насыпь вала этапа 4
(номера в кружочках обозначены свиты прослоек отдельных этапов создания насыпи)

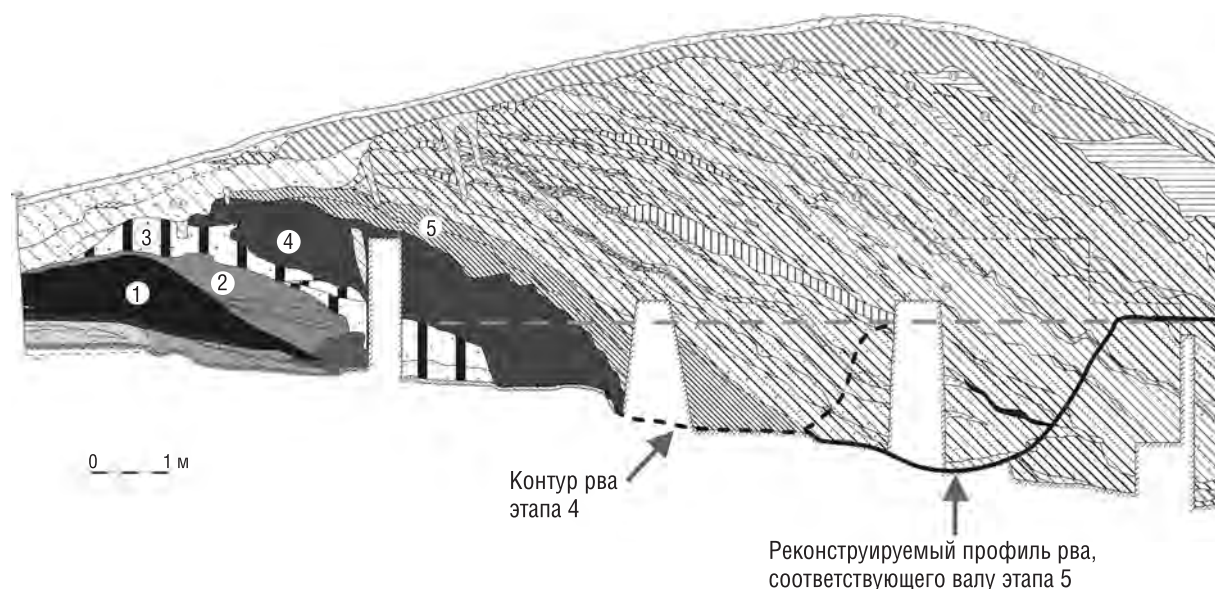

Рис. 10. Насыпь вала этапа 5
(номера в кружочках обозначены свиты прослоек отдельных этапов создания насыпи)

был в полтора раза больше). Среди вещевых находок (18 шт.) выделяются четыре предмета из медных сплавов (в том числе бусина, нашивная бляшка и обломок украшения) и два обломка железных изделий. Остальные вещи были изготовлены из кости (два струга, заковка, заготовка наконечника стрелы) и кремня (пять предметов, в том числе два скребка и две пластины).

Этап 7. Насыпь этапа 7 была увеличена как в высоту (до 2,5 м), так и вновь в напольную сторону (общая ширина вала увеличилась при этом всего на метр), но при этом был частично засыпан более ранний ров и вырыт новый, ещё более крупный – по дну его ширина была 5 м, по верху – 9 м, а глубина достигала 2,5 м. Это был самый грандиозный ров за всю историю Ростиславльского городища. Разница между дном рва и вершиной вала достигла 5 м (рис. 13). В составе насыпи этапа 7 выделялись локальные прослойки прокалённого грунта, аналогичные той прослойке, которая маркировала верхнюю границу вала этапа 6. При этом нельзя исключать и того, что все прослойки прокалённого грунта относились именно к горизонту 7. Финалом существования 7-го этапа вала стала мощная прослойка угля (фиксирувалась в основном в юго-западном профиле). Под этой прослойкой не было выраженного прокала, так что её происхождение не совсем ясно, но нельзя исключать, что она могла образоваться от сгорания каких-то конструкций на вершине вала (в этом случае прокал не сохранился из-за последующих планировочных работ). Менее всего вероятен принос обугленной древесины в насыпь со стороны, поскольку фиксировались обломки сторевших брёвен длиной до 1 м.

Из насыпи этапа 7 происходили 449 обломков керамики и 18 изделий, среди которых преобладали костяные орудия (струг, две иглы, два наконечника стрел и две заковки). Важны находки небольшого железного серповидного ножа, двух керамических колоколовидных бусин и колоколовидной керамической привески. По насыщенности вещевыми находками и керамикой насыпь этапа 7 резко контрастирует с валами этапов 4–6, в которых таких артефактов было на порядок меньше (в пересчёте на объём грунта).

Этап 8. На этапе 8 была проведена очередная досыпка культурного слоя на внешний скат вала, незначительно увеличившая его ширину, и на вершину, что довело высоту вала до 3 м от уровня дневной поверхности. Но при этом новый ров не создавался, а прежний (оставшийся от вала этапа 7) слегка затянуло грунтом, вероятно, в результате естественных процессов оплывания склонов. Однако в целом глубина и ширина рва почти не уменьшились (рис. 14). Увеличение толщины новой досыпки к низу вала надо объяснять естественным оплыванием грунта по склону. В толще насыпи этого этапа фиксировались многочисленные тонкие и небольшие по простираанию (до 1 м) линзы прокалённого грунта, часто подстилавшиеся столь же тонкими угольными прослойками, а в нижней части насыпи отмечены прослойки золы толщиной до 10 см. Обилие углей и золы свидетельствует о широком использовании бытового мусора при создании этой насыпи.

В насыпи этапа 8 были найдены 347 обломков керамики и 20 изделий, среди которых, как и во всех более ранних насыпях, преобладали костяные орудия и обломки орудий (две заготовки наконечников стрел, три иглы, три проколки, три струга, заковка). Кроме того, найдены железный серповидный нож, три обломка «рогатых кирпичей», керамическая бусина и из развала собран целый лепной сетчатый («нитчатый») горшок. В нижней части насыпи, размещавшейся на дне рва, было зафиксировано большое количество обломков необожжённых «рогатых кирпичей».

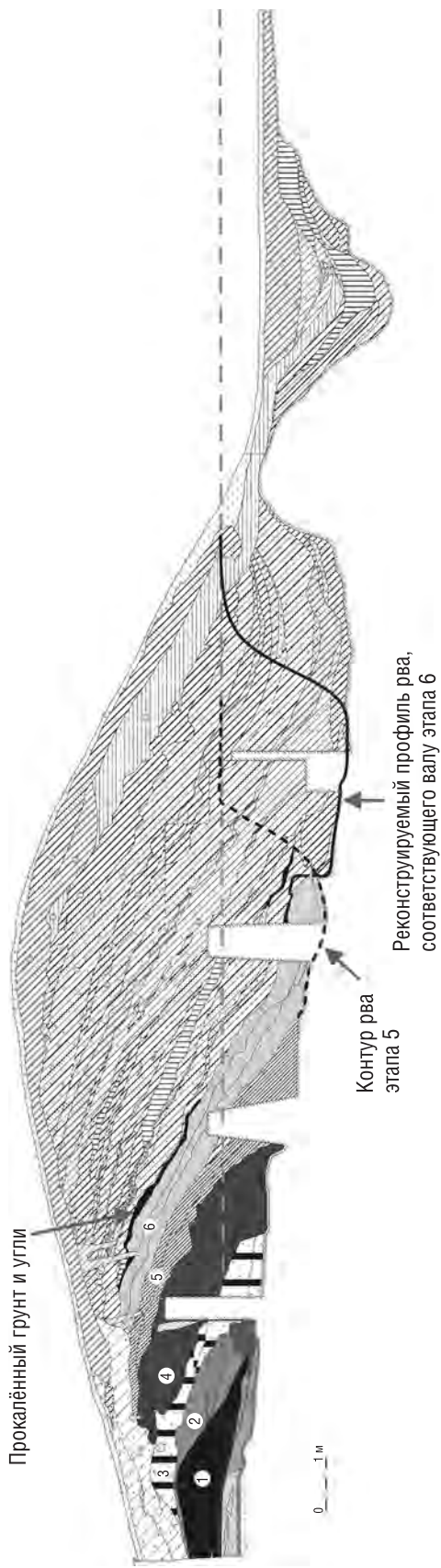

Рис. 11. Насыпь вала этапа 6
(номера в кружочках обозначены свиты прослоек отдельных этапов создания насыпи)

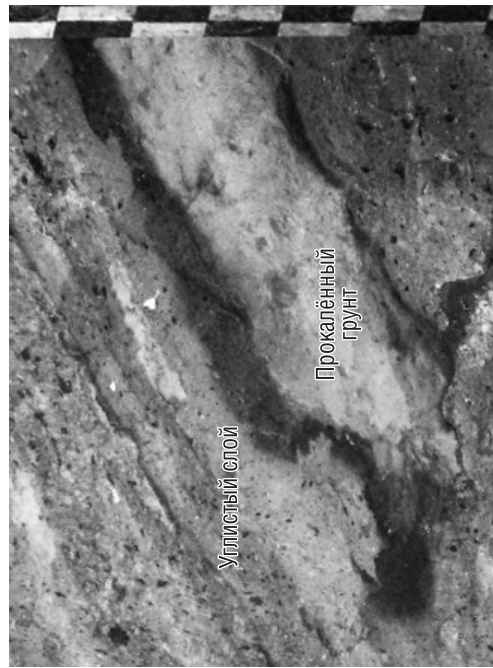

Рис. 12. Прослойки прокалённого грунта и угля в юго-западном профиле траншеи

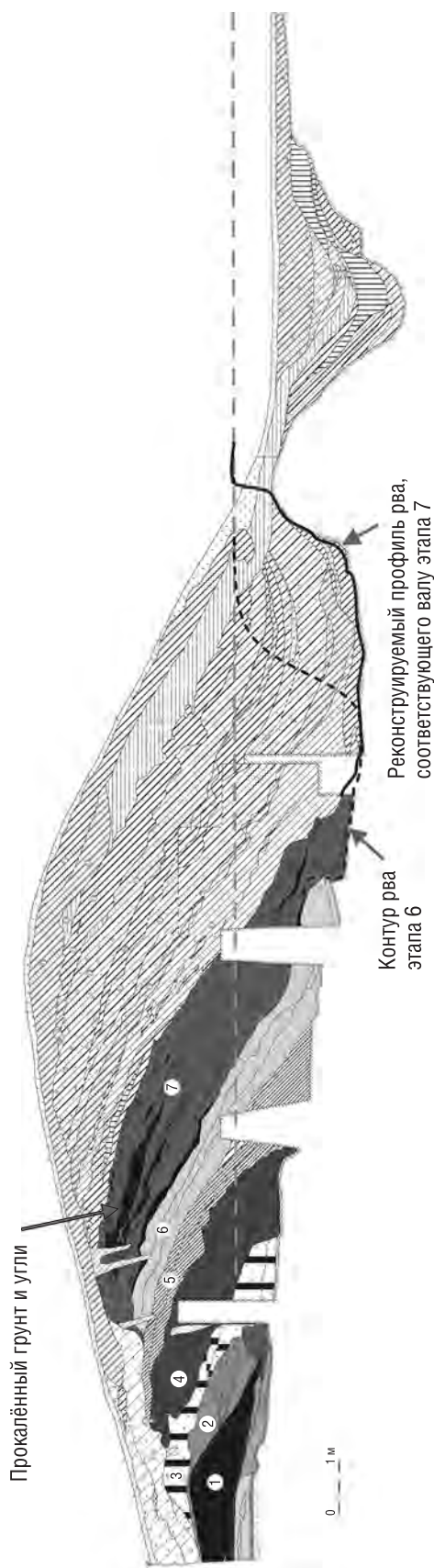

Рис. 13. Насыпь вала этапа 7
(номера в кружочках обозначены свиты прослоек отдельных этапов создания насыпи)

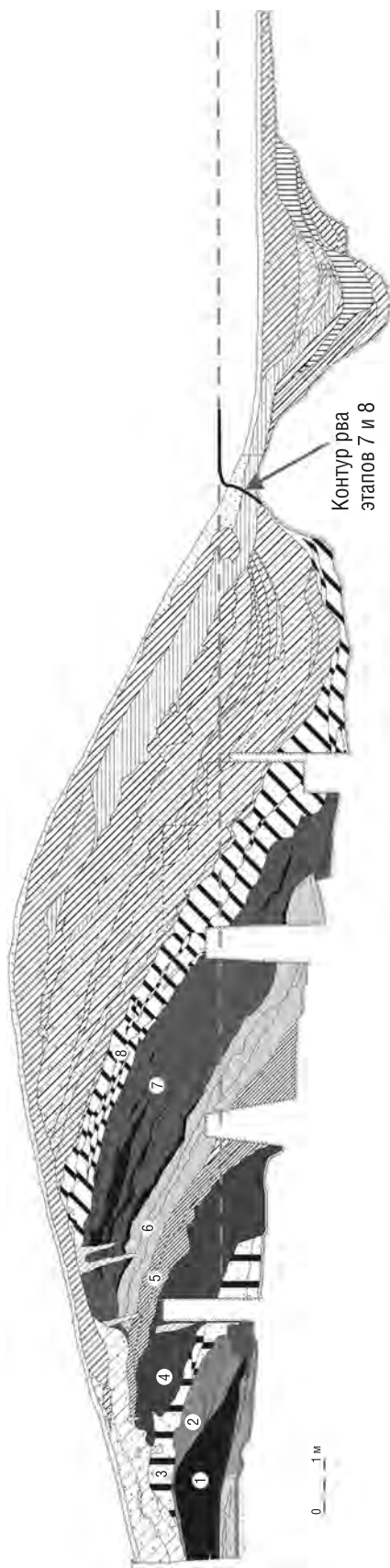

Рис. 14. Насыпь вала этапа 8
(номера в кружочках обозначены свиты прослоек отдельных этапов создания насыпи)

Этап 9 является одним из самых загадочных: на нём высота насыпи не увеличилась, а грунт полностью заполнил объёмистый ров, вырытый на этапе 7. В результате ширина вала достигла 18 м, а высота осталась прежней (3 м). Но если раньше существовал пятиметровый перепад высот между дном рва и вершиной вала, то теперь его не стало и фортификационное значение вала резко снизилось (рис. 15). Интересен состав грунта в насыпи 9-го этапа. Нижнюю её прослойку составлял интенсивно окрашенный тёмно-серый суглинок, она достигала максимальной толщины (30–40 см) на вершине вала и на дне рва. Интересной особенностью этой прослойки было обилие содержащихся в ней раковин улиток видов *Vallonia excentrica* (*Valloniidae*), *Aegopinella* sp. (*Zonitidae*), *Discus* sp. (*Discidae*)⁶. Аномальным был этот прослой и по большому количеству фитолитов обугленных мхов⁷, что свидетельствует о необычном генезисе данного прослоя, формирование которого происходило, вероятно, из грунта, смешанного с большим количеством мха, принесённого с берегов старичных озёр.

Выше прослоя тёмно-серого суглинка залегала мощная прослойка коричневого суглинка, содержавшая небольшое количество углей. Надо заметить, что коричневые прослои и ранее встречались в насыпи вала, но они имели минимальную толщину и являлись остатками сгнивших дерева или травы (см., например, верхнюю прослойку на этапе 1), однако здесь впервые в большом объёме был использован грунт коричневого цвета, насыщенный органикой. Мощность этого слоя достигала в нижней части насыпи 100 см.

Необычный состав грунта насыпи этапа 9 сопровождался столь же необычно насыщенным составом вмещаемых им артефактов. Всего в отложениях этапа 9 были собраны 982 обломка керамики и 34 изделия (в том числе из прослойки тёмно-серого суглинка – 25 шт.). Состав этих находок мало отличался от встречавшегося в нижележащих горизонтах насыпи: преобладали костяные орудия (две заколки, три иглы, четыре проколки, струг, наконечник стрелы) и украшения (пуговица и привеска), обнаружены обломки «рогатых кирпичей» (3 шт.) и неопределимых железных предметов (2 шт.). Однако наряду с этими вещами здесь были найдены четыре круглых обломка ложковидных тиглей с рукоятками без втулки, относящихся к раннедьяковскому времени [8, рис. 1], две целые керамические погребушки, обломок грузика «дьякова типа» (единственная находка в валу), а в прослойках на дне рва – три развала горшков: гладкостенного, сетчатого («нитчатого») и «рогожного» (первый целый сосуд этого типа на городище).

Вероятно, при создании насыпи этапа 9 происходили не только перемещение культурного слоя с площадки городища, но и прямой выброс в полусасыпанный ров бытового и производственного мусора, включая повреждённые горшки, сломанные тигли и т.п.

Этап 10. Насыпь последнего этапа вала раннего железного века создавалась из трёх прослоек толщиной до 80 см каждая, а общая мощность новой насыпи составила 2 м (рис. 16). Все границы прослоек очень чёткие, что исключает любые предположения о длительной стабилизации поверхности. Самой нижней была прослойка коричневого суглинка, смешанного с жёлтым суглинком с мелким известняковым щебнем и небольшим количеством мелких угольков, причём в верхней её части залегали крупные необработанные известняковые камни, размещавшиеся без какого-либо порядка. Выше лежала прослойка, целиком состоявшая из стерильного жёлтого материкового суглинка. Последняя, самая верхняя, прослойка насыпи состояла из интенсивно-чёрного суглинка. Такой цвет не характерен для отложений на площадке городища, но иногда подобный грунт встречался в заполнении ям раннего железного века за пределами вала, в заселённой зоне к югу от городища. Грунт этой прослойки имел затёк в заполнение средневекового рва. В результате сделанной досыпки ширина вала превысила 20 м, высота достигла 4 м. Надо думать, что первоначальная высота была больше, поскольку вершина вала сохранилась плохо из-за многочисленных грабительских перекопов.

Надо заметить, что именно к финалу образования насыпи этапа 10 можно относить две маломощные почвенные прослойки на вершине вала (зафиксированы в его юго-западном профиле), отмечающие краткие (в несколько лет) периоды почвообразования на поверхности вала [5, с. 59, 60].

В отличие от всех предыдущих прослоек, насыпь этапа 10 была крайне бедна керамикой (всего 155 обломков, то есть около трёх единиц на 1 куб. м грунта) и вещевыми находками – 3 шт., причём одной из них был обломок железного ножа средневековой эпохи. Две другие находки относились к дьяковскому времени – это обломок украшения из медного сплава и железный наконечник стрелы с раздвоенным черешком (в виде ласточкиного хвоста), относящийся к типу 5 по К.А. Смирнову [9, с. 34]. Подобные наконечники датируются IV–III вв. до н.э. Керамический материал из насыпи этапа 10 в основной массе относился к раннедьяковскому времени, поскольку среди него полностью отсутствовали обломки лощёной и профилированной позднедьяковской посуды. Присутствие в этой насыпи четырёх обломков средневековой керамики XII–XVII вв. объясняется её проникновением в грунт по кротовинам (в валу зафиксированы вертикальные кротовины глубиной до 3 м). Но если на тыльной стороне вала и даже на его вершине сохранились остатки почвы, в которую были переработаны верхние части насыпей, то на внешнем склоне вала ни малейших следов почвообразования (кроме современного) не обнаруживается. Более того, между насыпью этапа 10 и современной почвой залегала ещё одна прослойка, состоявшая из жёлтого материкового суглинка с включени-

⁶ Определение кандидата биологических наук П.В. Кияшко (Зоологический институт РАН). В современных условиях представители этих трёх семейств моллюсков населяют влажную подстилку прибрежных участков сильно заросших пресных водоёмов или больших луж, встречаются вокруг родников.

⁷ Определение д.г.н. А.А. Гольевой (Институт географии РАН).

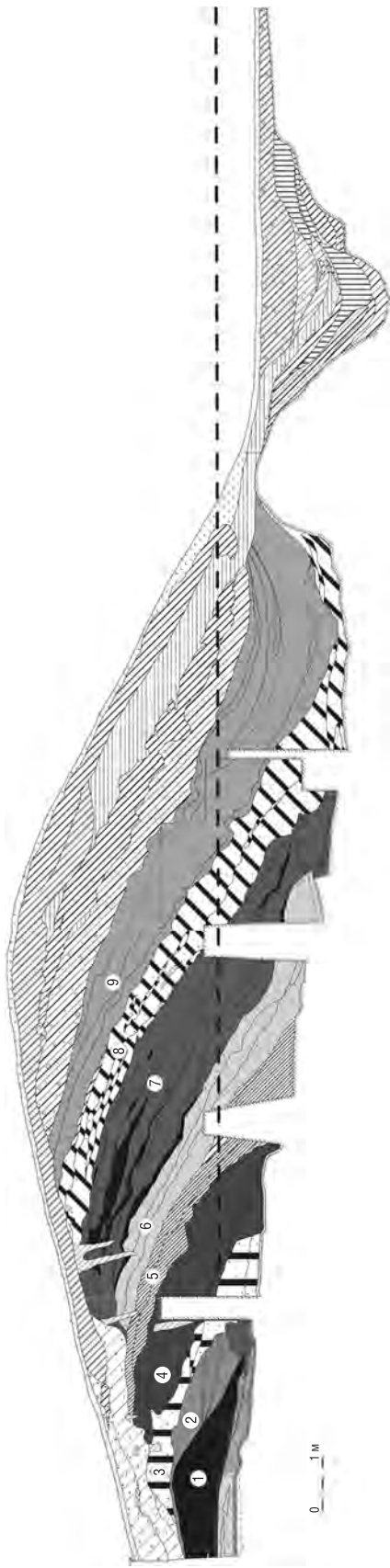

Рис. 15. Насыпь вала этапа 9
(номера в кружочках обозначены свиты прослоек отдельных этапов создания насыпи)

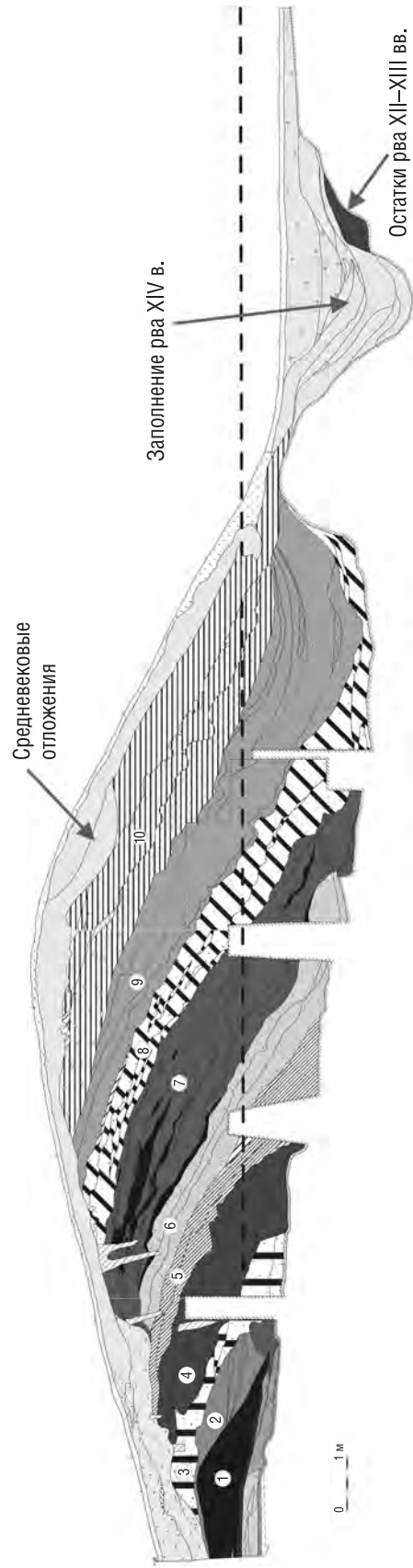

Рис. 16. Насыпь вала этапа 10, средневековые отложения на поверхности вала, заполнение средневекового рва
(номера в кружочках обозначены свиты прослоек отдельных этапов создания насыпи)

ями комков тёмно-серого суглинки (культурного слоя) толщиной 25–45 см. Судя по тому, что грунт верхней прослойки этапа 10 затёк в ров XIV в., эта прослойка (своего рода глиняная «рубашка» поверхности вала) была уложена на своё место не ранее конца XIV в. Следовательно, на более раннем этапе (в XII–XIV вв.) внешний вид вала был иным. Можно предполагать, что его внешняя поверхность была освобождена от дернины и какое-то время стояла обнажённой, что и повлекло её размывание и осыпание в ров.

Судя по тому, что ров у подножия вала впервые возник уже в начальный период существования средневекового города (скорее всего, в середине XII в.) – остатки этого раннего рва, перерезанного более поздним, фиксировались на общем разрезе (рис. 16), – вал также использовался как фортификационное сооружение первыми насельниками древнерусского города. При этом не сохранилось никаких следов досыпок этого вала (кроме упомянутой прослойки материкового суглинки по внешнему скату) или подрезок, перекопов и т.п. Возможно, на вершине вала была установлена стена из полых клетей. Такое предположение базируется только на обнаружении на дне средневекового рва большого количества сгнившей древесины, которая могла относиться к материалу разрушенных клетей.

Вернёмся, однако, к валу раннего железного века и рассмотрим керамический материал из насыпи различных этапов её создания (табл. 2). В насыпи этапа 1 доминирующими типами керамики были «штрихованная»⁸ и гладкостенная, причём обе разновидности посуды отличались профилированным туловом (с вертикальными или отогнутыми наружу венчиками, выраженными плечиками) и орнаментом, нанесённым гребенчатым штампом⁹. И та и другая посуда изготавливалась преимущественно из сильно запесоченной формовочной массы (песок очень мелкой фракции, вероятно, естественная примесь в глине) с очень незначительной добавкой мелкой дресвы. Наряду с этой преобладавшей посудой, представленной очень крупными обломками (едва ли не развалами горшков), здесь же встречено очень небольшое количество мелких фрагментов сетчатой керамики с «нитчатыми» и «мелкорябчатыми» отпечатками. Такой состав комплекса сближается с ранними материалами городищ «каширской» группы, выделяемой В.В. Сидоровым, отличающейся от них существенно более высокой долей «штрихованной» керамики [11].

Таблица 2. Керамика из вала раннего железного века, обломков (%)

Этапы насыпи, всего обломков сосудов (%)*	«Штрихованная»	Гладкостенная	Сетчатая		Рогожная
			нитчатая	рябчатая	
Вал 1, 572 (100)	231 (40,4)	272 (47,6)	43 (7,5)	15 (2,6)	–
Валы 2–3, 414 (100)	87 (21)	250 (60,4)	49 (11,8)	18 (4,4)	1 (0,2)
Валы 4–6, 152 (100)	12 (7,9)	99 (65,1)	22 (14,5)	18 (11,8)	1 (0,7)
Вал 7, 449 (100)	11 (2,4)	229 (51)	112 (24,9)	61 (13,6)	–
Вал 8, 347 (100)	3 (0,9)	128 (36,9)	116 (33,4)	79 (22,8)	1 (0,3)
Вал 9, 982 (100)	13 (1,3)	333 (33,9)	458 (46,6)	113 (11,5)	42 (4,3)
Вал 10, 155 (100)	1 (0,6)	81 (52,3)	42 (27,1)	27 (17,4)	1 (0,6)

* В общее количество входят также обломки (сколы, днища), достоверное отнесение которых к какой-либо из групп затруднено.

В насыпях этапов 2–3 количество «штрихованной» керамики резко снижается, а гладкостенной растёт, при том, что профилировка и другие характеристики этой керамики не меняются. В насыпях этапов 4–6 состав керамического комплекса меняется весьма существенно. Доля «штрихованной» керамики падает до 8 %, а среди гладкостенной (доля которой остаётся почти прежней – 65 % вместо прежних 60) количество профилированных образцов резко снижается, и на смену им приходит слабопрофилированная керамика (сосуды с цилиндрическим верхом и усечённо-конической нижней частью) из формовочных масс с примесью крупной дресвы (с зёрнами поперечником 2–3 мм), почти не орнаментированная. Именно такая керамика хорошо известна на Ростиславльском городище по раскопкам построек 4 и 5 («длинного дома»). Доля сетчатой керамики в этом комплексе достигает уже 1/4.

В прослойках этапа 7 доля «штрихованной» керамики становится уже исчезающе малой, гладкостенной – снижается до 1/2 комплекса, а сетчатой – возрастает почти до 40 %. При этом, как и прежде, «нитчатая» керамика существенно преобладает над «мелкорябчатой».

В грунтах насыпи этапа 8 сетчатая керамика (56 %) впервые начинает заметно преобладать над гладкостенной (37 %). Почти такое же соотношение сохраняется и на этапе 9, единственным отличием которого от предыдущего является четырёхкратное преобладание «нитчатой» керамики над «рябчатой» (ранее та-

⁸ Так условно (вслед за И.Г. Розенфельдт [10]) называем керамику с вертикальными или горизонтальными расчёсами гребёнкой по внешней (иногда внутренней) поверхности, которую мы, разумеется, не соотносим с аналогичной по названию керамикой с территории Белоруссии, оставляя в стороне вопрос о её генезисе. В литературе такую керамику для Поочья иногда характеризуют как имеющую «бороздчатое заглаживание» [11].

⁹ Керамика с гребенчатым орнаментом датируется по радиоуглеродной хронологии Дьякова городища в пределах V–IV вв. до н.э. или даже ещё раньше – с рубежа IX–VIII вв. до н.э. [12, с. 176].

кое фиксировалось в грунтах этапа 1, но там выборка была слишком мала и потому недостоверна). Наконец, только в прослойках этого этапа становится хоть сколько-нибудь заметна доля «рогожной» керамики.

Наконец, на этапе 10 можно видеть новый рост доли гладкостенной посуды (до 52 %) при сокращении количества сетчатой, внутри которой соотношение «нитчатой» и «рябчатой» керамики возвращается к обычному: 1,5:1,0.

Совершенно очевидно, что разные этапы в возведении насыпи отражают несохранившуюся на самой площадке городища стратиграфию культурного слоя, однако какой временной промежуток охватывает эта своеобразная «стратиграфическая колонка» и насколько синхронен созданию насыпи использованный в ней культурный слой с керамикой и вещами? Это зависело от того, откуда брался грунт для насыпи.

Начнём с этапов 1–3. Керамический материал из вала этих самых ранних этапов может быть датирован в пределах VI–V вв., самое позднее – IV в. до н.э., радиоуглеродные даты указывают на V–III вв. до н.э., а найденная стеклянная бисерина – самое раннее на 2-ю пол. III в. до н.э. Примирить эти даты возможно лишь в том случае, если предположить, что для создания вала использовался культурный слой, уже накопившийся на площадке городища. Тогда можно предположить, что вал действительно насыпался во 2-й пол. – кон. III в. до н.э. В пользу этого свидетельствуют существенные различия в соотношении групп керамики, встреченной в разных прослойках вала этапа 1 [13, с. 131], создававшегося, несомненно, в непродолжительный отрезок времени. Но если грунт для насыпи брался из разных частей площадки, где залегали разновременные отложения, то неизбежно в разных его порциях материал оказался смешан в неодинаковых долях¹⁰.

Конечно, можно допустить, что на Ростиславльском городище такая керамика продолжала использоваться и после того как во всей дьяковской «ойкумене» она уже давно вышла из употребления, но различия между ней и той посудой, что обнаруживается в остальных горизонтах вала, столь велики, что ни о какой постепенной преемственности, плавном переходе от одной традиции к другой не может быть и речи. Значит, произошла полная смена населения со сменой всех основных традиций материальной культуры. Поэтому очень трудно предположить, что вал начинался строиться носителями традиции, близкой к «каширской» группе памятников, но «законсервированной» до III в. до н.э., а продолжателями этого дела (без заметного перерыва) стали носители уже совсем иных традиций. Эта гипотеза, конечно, не может быть совершенно исключена, но количество допущений в ней превышает порог доверия.

Интересно, что в этот начальный период в вал попадает большое количество навоза домашних животных (видимо, скапливавшегося на площадке городища), различных трав и тростника, которые сваливали большими массами на всю поверхность вала (и внешнюю, и внутреннюю), где они истлевали. Но всю эту гниющую массу даже не пытались куда-то удалить, и по прошествии небольшого времени просто завалили новой порцией земли.

Культурный слой, использовавшийся для насыпей этапов 4–6, имел уже несколько иное происхождение. В насыпь вала попали незначительные остатки ранних (VI–IV вв. до н.э.) слоёв, которые, видимо, сохранялись ещё где-то на площадке, но значительную часть минеральной массы составлял материковый грунт, вынутый из постоянно расширявшегося на этих этапах рва. Он смешивался или попросту перемежался с выбросами культурного слоя с площадки городища, причём последний был уже однозначно синхронен моменту возведения насыпи. Иначе говоря, на вал выносился культурный слой, только что отложившийся на городище, взятый буквально из-под ног. Отметим, что на этапе 6 впервые появляются следы сильного горения на поверхности вала (прокалённый грунт). По имеющимся данным невозможно сделать вывод о том, являются ли они следами пожара или результатом целенаправленных действий по «обжиганию» поверхности вала для укрепления его скатов.

Седьмой этап знаменует финальную фазу непрерывного переустройства вала, когда строителями постоянно перестраивался (расширялся) ров перед валом. Этот этап, возможно, завершился пожаром, оставившим мощную прослойку угля на значительной площади поверхности вала, однако никаких заметных следов прокалённого грунта при этом зафиксировать тут не удалось.

Восьмой этап демонстрирует уже иной подход к возведению вала: ров ещё оставлен, но он уже не обновляется, а досыпка вала выглядит скорее как сбрасывание на его внешнюю сторону различного бытового мусора – угля, золы, разбитой керамической посуды, сломанных вещей. В то же время основной объём насыпи всё же составлял грунт культурного слоя с площадки городища. Другим знаковым явлением стало в это время преобладание сетчатой керамики над гладкостенной, которое явно отражает какие-то культурные сдвиги в жизни насельников городища. За новым отношением к фортификации и сменой вкусов в оформлении поверхности посуды вполне могли стоять какие-то изменения в составе населения. Если вспомнить,

¹⁰ Наш анализ керамического материала из вала в целом подтверждает выводы А.С. Сыроватко, лично знакомого с этим материалом [13, с. 126–134, 160–162], однако трудно согласиться с его оценкой керамики из вала и рвов Ростиславля как не совсем чистого комплекса. На наш взгляд, такими являются (возможно) только комплексы из насыпей этапов 1–3, создававшихся из грунта с более ранним материалом. Все остальные насыпи вала содержали как раз чистые (едва ли не «закрытые») комплексы, поскольку они не подвергались перекопам (за исключением кротовин и грабительских ям, очень мало затронувших ядро вала). Действительно, материальная культура Ростиславльского городища в раннедьяковское («довальное» и «вальное») время близка к таковой городищ «каширской» группы, тем более, что в слое 2 (то есть в заполнении построек) повсеместно доминировала не «рябчатая», как указано А.С. Сыроватко [13, с. 160], а именно «нитчатая» разновидность сетчатой керамики [13, табл. 5].

что этапу 8 предшествовал пожар, оставивший на валу массу древесного угля, такое предположение не будет казаться излишне смелым.

Девятый этап маркирует нарастание тех тенденций, которые проявились впервые на этапе 8: ров не только не возобновляется – он сознательно засыпается культурным слоем, сбрасываемым с вершины вала на внешнюю его сторону. В результате защитные свойства вала заметно снижаются. Керамический комплекс остаётся точно таким же, каким он зафиксирован на этапе 8. Единственным отличием можно считать появление «рогожной» керамики (в виде нескольких горшков, один из которых сохранился целиком), носителями традиции производства которой считаются племена городецкой культуры, расселявшиеся относительно недалеко от городища – ниже по Оке и на верховьях её правых притоков. «Рогожная» керамика маркирует появление на городище носителей этой культуры (творцов керамики), но как велико было их число и культурное влияние, остаётся неясным.

Наиболее сложен для интерпретации этап 10. Почти полное отсутствие находок и статистически малорепрезентативное количество керамики не позволяют с полным доверием относиться к фиксируемому статистикой новому изменению в соотношении гладкостенной и сетчатой посуды. При этом ясно, что для создания насыпи брался культурный слой, хронологически очень близкий к предыдущему этапу 9 или синхронный с ещё более ранним этапом 7. Но где мог сохраниться более ранний слой? Если бы его брали на площадке городища, то он был бы гораздо более насыщен культурными остатками. Поэтому более вероятным представляется использование строителями вала на этапе 10 грунта, срезанного за пределами городища, – например к югу от вала, где находилась неукреплённая зона расселения, фиксируемая по редким ямам в материке и небольшому по мощности культурному слою. Однако у подножия вала этого слоя нет (сразу под дёрном лежит материк), так что можно предположить, что грунт срезался в непосредственной близости от вала. Тем самым создавалось нечто вроде рва (широкое понижение, увеличивавшее высотный разрыв между подножием и вершиной вала).

На какой период приходится последний этап досыпки вала? Для ответа на этот вопрос вспомним, что нигде в насыпи вала не были встречены обломки позднедьяковской керамики (как лощёной III–IV вв., так и профилированной первых веков н.э.). Зато такая керамика была встречена в остатках врезанных во внутренний склон вала построек. Следовательно, весь вал был насыпан до II в. н.э. Если бы имело место обратное, то позднедьяковская керамика неизбежно попала бы в насыпь.

Если сравнивать соотношения гладкостенной и сетчатой керамики, то окажется, что к материалам этапов 2–3 близки материалы постройки 7, исследованной на площадке городища, а этапов 4–7 – материалы построек 4/5 и 8. Керамические комплексы этапов 8–9 в этом смысле близки к материалам постройки 3 и горизонта В слоя 1. Стратиграфически самой ранней на городище является постройка 7. Выше неё залежали остатки построек 4/5 и 8, которые прорезались постройкой 3, перекрытой горизонтом В слоя 1. Таким образом, стратиграфия построек и слоёв на площадке городища в целом соответствует стратиграфии вала. При этом самые поздние из указанных комплексов на площадке (постройка 3 и горизонт В слоя 1) датировались по вещевым находкам в пределах кон. I тыс. до н.э. – рубежа эр. Причём радиоуглеродные даты допускают датировку позднейших этапов насыпи вала I в. н.э. Вероятно, такую же дату надо предполагать и для позднейших горизонтов вала.

Между тем в более поздних отложениях, имеющих на площадке городища, «мелкорябчатая» керамика неизменно преобладает над «нитчатой», при том что доминировала уже гладкостенная посуда. Вероятно, это означает, что прекращение строительства вала совпало с ещё одним переломом в жизни городища, когда «вернулась» гладкостенная керамика, а среди сетчатой «рябчатая» фактура стала более распространённой, чем «нитчатая». Таким образом, господство «нитчатой» керамики продолжалось на весьма длительном отрезке времени, вплоть до гибели постройки 3 и отложения горизонта В слоя 1. Затем произошла полная смена керамической традиции и распространилась сильнопрофилированная «мелкорябчатая» и гладкостенная керамика. Вероятно, эта смена традиций относится к I (самое позднее – II) в. н.э., и с этим же событием связано прекращение строительства вала.

Если наши хронологические выкладки верны, то все 10 горизонтов насыпей вала были созданы в период от 2-й половины (конца?) III в. до н.э. – до конца I в. н.э., то есть не более чем за 300–350 лет. Тогда на каждый этап возведения насыпи приходится максимум по 30–35 лет (что близко к средней продолжительности жизни одного поколения в ту эпоху). Даже если реальная продолжительность отдельных этапов сильно колебалась, ясно, что за такой короткий период поверхность насыпи не могла стабилизироваться и задерживаться. Именно этим и объясняется отсутствие в насыпи вала заметных следов дёрна (за исключением невыразительных прослоек дернины, сформировавшейся за 1–5 лет). Это значит, что процесс засыпания вала в эти 300–350 лет был непрерывным, грунт насыпался ежегодно (а может быть, даже ежедневно), правда, не по всей поверхности вала, а в разных его частях.

Комплексный характер изучения насыпи вала с привлечением специалистов из различных областей естественных наук позволил получить несколько неожиданный вывод о том, что этот вал создавался из материалов трёх видов:

- материковый суглинок, выбиравшийся из рва, проходившего перед валом и постоянно расширявшегося в napольную сторону, – около 40 % объёма грунта вала. Этот грунт в чистом виде практически не встречается – он ещё до попадания в насыпь перемешивался с различными культурными отложениями;

- культурный слой городища, насыщенный органическими остатками (прежде всего навозом), керамикой, выброшенными вещами, – около половины объёма грунта вала;

– массивы растительной органики (тростник, трава), использовавшиеся на городище и выброшенные затем в насыпь [5]. Прослойки такой органики встречались не регулярно, но зато имели иногда очень большую мощность (до 30 см), что позволяет предполагать для них гораздо большую первоначальную мощность до истлевания. К этому же виду отложений следует отнести обугленную древесину и другие карбонизированные остатки.

Откуда конкретно брался культурный слой для создания вала? Для этого, прежде всего, надо сравнить концентрацию вещевых находок и керамики в теле вала и в культурном слое на площадке городища. Из исследований вала происходят 134 вещевые находки и 3070 обломков керамики (включая развалы). Вещи составляли 36 % всех находок из слоёв раннедьяковского времени (по состоянию на 2008 г.). Среди них костяные изделия – 43 %, железные – 7,5 %, предметы из медных сплавов – 6 %, керамические – 31 %. Концентрация материала в насыпях вала составляла в среднем 0,5 изделия и 12 обломков керамики на 1 куб. м грунта, тогда как на площадке городища – 7 изделий и около 100 обломков керамики на 1 куб. м. Однако надо учитывать, что на городище исследовались в основном заполнения построек, максимально насыщенные культурными остатками, а в грунте вала около 40 % составлял материковый суглинок, вынутый из рвов или срезанный на стороне и принесённый на вал. Если учесть эту поправку, то окажется, что концентрация вещей и керамики в той доле вала, которая приходится на культурный слой, не столь заметно уступает показателям городища – около 1 изделия и 25 обломков керамики на 1 куб. м грунта. Однако различие в насыщенности культурного слоя, оставшегося на площадке городища и унесённого на вал, всё же весьма существенно. Оно может объясняться тем, что культурный слой, относившийся на вал, брался не внутри построек, а за их пределами, внутри площадки городища, где, вероятно, размещались загоны для скота. Видимо, в постройках терялось вещей и разбивалось керамики больше, чем на скотном дворе. Такое объяснение соответствует и отмеченному анализами грунта присутствию больших масс навоза животных в грунте, из которого сложен вал [5].

Тем самым получен ответ на вопрос, почему на площадке Ростиславльского городища практически отсутствует культурный слой раннедьяковского периода. Ранее предполагалось, что он был смыт вниз по склону эрозионными процессами, но раскопки на склонах показали, что объём сноса здесь не слишком велик. Теперь стало ясно, что этот слой просто не успевал накапливаться на площадке – его тотчас уносили на вал. Лишь после того как вал перестал насыпаться, началось формирование культурного слоя на площадке (фактически – уже только в позднедьяковское время).

Следовательно, вал городища представлял собой своего рода свалку мусора, место для утилизации грязи и навоза, скапливавшихся на площадке городища. По временам на поверхность этого вала выбрасывались большие массы растительной органики, в том числе, вероятно, подстилки из загонов для скота, вышедшие из употребления покрытия кровель домов [4]. Досыпки вала производились с регулярной периодичностью, может быть, ежегодно, что не позволяло сформироваться на его поверхности дёрну [5, с. 70]. Первые слабо-выраженные микропрослойки, которые можно связывать с почвообразованием, появляются только после того как насыпка вала заканчивается (в финале этапа 10). Замывы на днищах рвов указывают на то, что поверхность насыпи постоянно оплывала в эти рвы. В то же время вал, несомненно, выполнял фортификационную функцию, поскольку перед ним вырывался довольно глубокий ров, который постоянно расширялся и углублялся.

По вопросу о назначении валов городищ дьяковской культуры давно ведутся дискуссии. Материалы Ростиславля дают новый материал для обсуждения этой темы. Защитное назначение вала Ростиславля не может вызывать сомнений: об этом свидетельствуют наличие рва перед валом, серьёзная крутизна склона и само наследование вала предшествующим частокольным линиям, огораживавшим городище. В то же время материалы наших раскопок ясно показывают, что настоящих навыков фортификационного строительства у жителей городища не было. На дне рва не возводились никакие дополнительные сооружения (надолбы), между валом и рвом не оставались ступеньки (бермы), при каждой новой досыпке вала частично засыпали и ров, то есть грунт набрасывали бессистемно. На самом валу нигде не обнаружено никаких следов дополнительных сооружений – частокола, заплота. Хаотично разбросанные столбовые ямы, зафиксированные на поверхностях ранних насыпей вала, в значительной своей части относились к периоду, последовавшему после завершения насыпания вала (в позднедьяковское время), когда внутренний его склон использовался для возведения различных построек, других хозяйственных нужд. Трудно себе представить, что на валу, который постоянно (едва ли не ежегодно) досыпался культурным слоем, могли быть воздвигнуты какие-то долговременные деревянные фортификационные сооружения. Тем более, что жители городищ дьяковской культуры вряд ли вообще имели навыки строительства каких-то крупных деревянных построек, если даже стены жилищ они создавали, используя плетневые конструкции с глиняной обмазкой.

На ряде городищ дьяковской эпохи были зафиксированы фрагментированные остатки сгоревших деревянных конструкций, предположительно интерпретировавшихся как различного рода стены – в основном частоколы. В публикациях уже прозвучало скептическое отношение к достоверности подобных реконструкций [13, с. 45], с чем трудно не согласиться: выявленные завалы обугленной древесины в насыпях валов не сопровождаются характерными канавками и тем более не похожи на срубные конструкции. Рассмотрим несколько наиболее характерных реконструкций.

Прорезка вала на Дьяковом городище [14; 15, с. 31, рис. 28, 30] выявила в нескольких горизонтах насыпи довольно хаотично разбросанные обугленные плахи. Никаких следов частокола по ним реконструировать было нельзя, в отличие от чёткой частокольной канавки под валом – остатков фортификации, предшествую-

вавшей возведению вала. Однако Н.А. Кренке пишет об остатках нескольких стен, последовательно сменявших друг друга. Какова же была конструкция этих стен? Сочленение двух обугленных плах под прямым углом, зафиксированное всего один раз (!) [15, рис. 30, стена 5], послужило основанием для её реконструкции в виде «клетей». Однако эта единственная псевдоклеть имела только две стороны и не сочленялась с другими подобными конструкциями. Сейчас накоплен уже достаточно большой материал по археологизированным остаткам клетей и городской древнерусских городов, в том числе и сгоревших, – ни малейшего сходства с ними объект на Дьяковом городище не имеет. Зафиксированное сочленение двух плах могло произойти совершенно случайно. Вероятно, иллюзия «стены» возникла потому, что площадь вскрытия здесь была ограниченной. Раскопки широкой площадью на Настасьинском городище (работы А.В. Энговатовой) и Кубринском городище (см. ниже) никаких следов рубленых стен не выявили.

При повторном исследовании Н.А. Кренке разреза городища Луковня 2, раскапывавшегося, но не опубликованного А.Г. Векслером, были выявлены два горизонта обгорелой и истлевшей древесины (нижний горизонт залегал в подошве вала), причём большинство плах лежало либо совершенно хаотично, либо вдоль оси вала. Сама древесина образовывала скопления, разделённые пространствами без всяких следов угля или тлена [16, с. 336, 337, рис. 3]. При зачистке вала Боршевского городища также были выявлены углистые прослойки на гребнях каждой из его насыпок, но структуру размещения древесины здесь зафиксировать не удалось [17, с. 98]. Зато, по свидетельству А.Ф. Дубынина, на гребне вала Троицкого городища лежали обугленные *жерди* (!), причём ориентированы они были *вдоль* оси вала [16, с. 346]. Судя по опубликованному плану Кубринского городища, точно такая же картина залегания обугленных брёвен и веток в насыпи (параллельно оси вала, отдельными скоплениями) фиксировалась при раскопках и этого памятника [18, рис. 1]. Выдвинутое авторами публикации предположение о фортификации городища в виде частокола по гребню вала не подкреплено конкретным археологическим материалом (в том числе наличием ровиков для установки частокола), который, скорее, противоречит такой реконструкции – при разрушении частокола его брёвна должны были бы падать перпендикулярно оси вала, а не «укладываться» параллельно ей. Значит, и на Кубринском городище, и на Луковне, и в Боршеве были открыты не остатки стен, а некие завалы брёвен и веток, уложенных на гребне вала, часть из которых сгорела, а часть просто сгнила.

Раскопки городища Савики в Смоленской области выявили несколько прослоек прокалённого грунта и угля, которые были интерпретированы К.А. Смирновым как остатки стены из двух рядов плетня, пространство между которыми заполнено грунтом. После сгорания плетней, по мнению автора реконструкции, уголь и прокалённый грунт рассыпались по поверхности вала [19, с. 88, 89, рис. 1]. Однако, судя по описанию и схеме разреза, прослойки угля и прокалённого грунта залегали строго стратиграфически, одна над другой. При сгорании плетня и рассыпании грунта такой строгой последовательности залегания слоёв (близкой к той, что была зафиксирована и на Ростиславле) возникнуть не могло – уголь перемешался бы с прокалённым грунтом, да и сам прокал был бы очень слабым, едва заметным, потому что плетень не содержит большой массы горючего материала. Таким образом, предложенная реконструкция не подтверждается источником. Вероятно, и здесь картина не отличалась от той, что фиксировалась в Ростиславле, Дьяково, Луковне и на Кубринском городище.

Интересна и показательна реконструкция, выполненная В.И. Вишневым по результатам раскопок на Кикинском городище [20, с. 65–73], где насыпь вала была исследована площадным вскрытием (56 кв. м). Здесь также в нескольких горизонтах насыпи, на линии её гребня, были обнаружены обугленные брёвна и *ветки* (sic!). Одни из брёвен лежали вдоль линии вала, другие же (от них остались короткие фрагменты длиной 0,3–0,7 м) были направлены поперёк оси вала и лежали почти вплотную друг к другу [20, рис. 4]. Это послужило основанием для реконструкции укреплений городища в виде частокола, установленного на гребне вала [20, рис. 5]. Частокол может стоять, только будучи вкопанным в землю, и должен оставлять след в виде канавки, причём в рыхлом грунте вала эта канавка должна быть особенно глубокой. Однако при раскопках Кикинского городища ни в одном из горизонтов такие канавки зафиксированы не были, а отдельные столбовые ямы, заметные в профилях, не сложились в систему. Думается, что реконструкция укреплений в виде частокола получилась не слишком убедительной. Ещё менее оснований имеется для предположений о каких бы то ни было «клетях». Что же собой представляли деревянные укрепления Кикинского городища? Скорее всего, это были завалы брёвен и веток, дополненные заборами из брёвен или досок, устанавливавшихся без крепления в земле или с опорой на отдельные забитые в землю столбы (точно так же, как строят заборы сегодня). Как соединялись между собой эти плахи, неизвестно, но можно предполагать, что соединение было весьма примитивным (например, их могли связывать лозой за выступающие сучки или крепить её же с поперечной жердью). Полноценной фортификацией эти конструкции назвать трудно. Вместе с тем на сегодняшний день, это наиболее достоверные следы укреплений, существовавших некогда на гребнях дьяковских валов. Правда, Кикинское городище относится уже к следующему, более позднему периоду, когда на Дьяковом городище и Ростиславле сооружение валов прекратилось. Тем не менее именно Кикино позволяет приблизиться к пониманию оборонительных конструкций городищ раннего железного века.

Раскопки на Ростиславле показали, что в насыпь могли попадать целые обугленные брёвна и обломки брёвен, которые не составляли никаких конструкций и оказывались в насыпи в качестве мусора, выброшенного с площадки [4, с. 452, рис. 4]. Сгоревшие конструкции в проходе вала Ростиславля (см. ниже) позволяют предполагать, что на гребне вала тоже могли быть набросаны какие-то брёвна в виде своеобразной «баррикады», которая как раз и могла служить прикрытием для обороняющихся. Зафиксированные на Кикинском

городище обугленные ветки в «конструкции» линии фортификации на гребне вала также могли относиться к такому завалу. После того как «баррикада» из брёвен и веток приходила в негодность (сгнивала), её могли сжигать, сбрасывать в ров, заваливать землёй, в зависимости от конкретной ситуации, а затем восстанавливать из нового материала, которого в окрестностях городища было вполне достаточно. Именно такой нам представляется «система обороны» городищ Дьякова типа в период до рубежа эр. В некоторых случаях эти «баррикады» могли дополняться (или заменяться) лёгкими «заборами» из вертикально установленных плах или брёвен (пример Кикинского городища). Функцией «баррикад» и заборов была не долговременная оборона (как в городах Средневековья), а лёгкое укрытие от стрел противника в ходе скоротечных столкновений, затруднявшее также продвижение всадников (если противник передвигался на лошадях).

Стратиграфические наблюдения не были единственным результатом исследований ростиславльского вала. Благодаря фиксации планов пластов через каждые 20 см и поперечных разрезов траншеи, прорезавшей вал (рис. 17), удалось обнаружить проход в валу, существовавший на нескольких этапах его существования. На этапах 1–4, то есть в начальный период насыпки вала, когда его высота была ещё незначительна (не превышала 2 м), этот проход отсутствовал (или находился в другом месте) (рис. 18). Появился он только

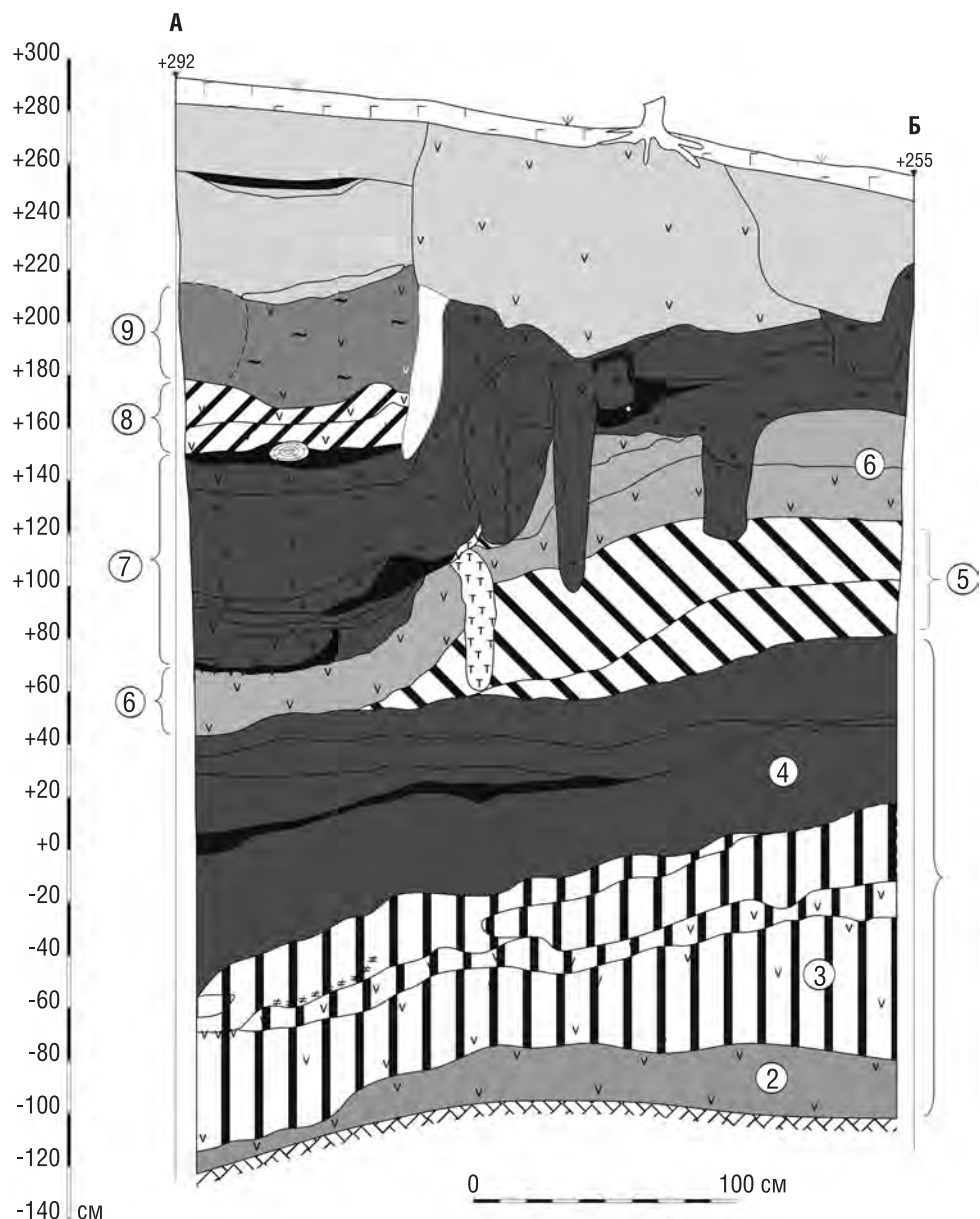

Рис. 17. Раскоп IV. Разрез А-Б (местоположение разреза показано на рис. 19; в кружках даны номера этапов создания вала)

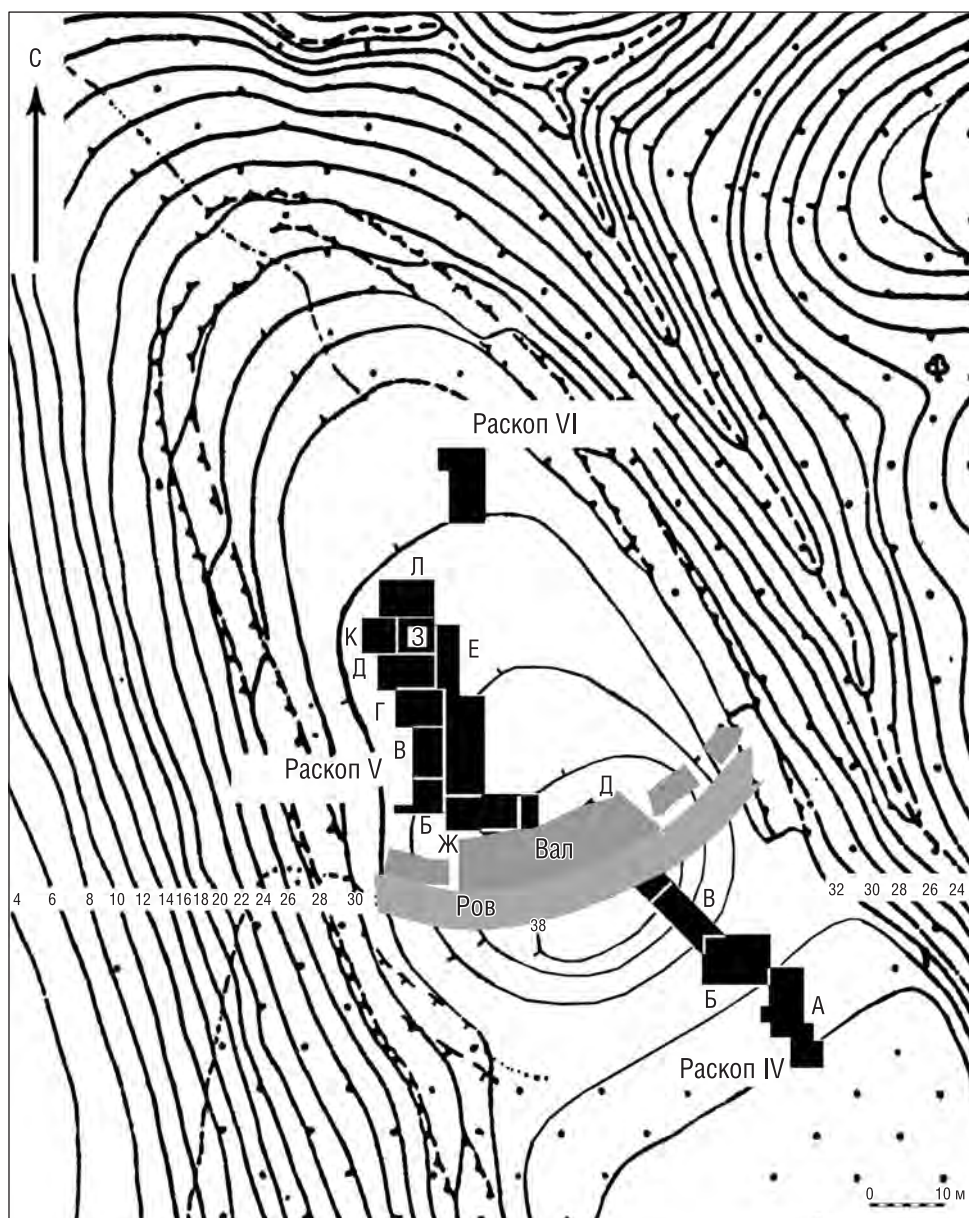

Рис. 18. Реконструкция линий вала и рва на этапах 3–4 создания насыпи вала

на этапе 5, когда в грунте предшествовавшего этапа 4 было сделано небольшое углубление, протянувшееся по линии ССЗ–ЮЮВ (рис. 17, 19). На дне этого углубления обнаружены узкие полосы древесного тлена (следы брёвен) длиной 2,0–2,5 м и шириной около 0,2 м (рис. 20). Ширина этого прохода (коридора в насыпи) составляла 1,0–1,5 м, длина – около 5 м, а глубина – не более 40 см (рис. 19, 21). Поскольку брёвна были уложены вдоль трассы прохода, можно думать, что они служили лагами для настилки какого-то несохранившегося деревянного мощения этого прохода (жердями, хворостом?). При создании насыпи этапа 5 на дно прохода грунт уже не кидался, так что сформировались его края высотой более полуметра. На этапе 6 эти края были подняты ещё почти на 0,5 м, но при этом на дне прохода было насыпано не менее 0,3 м грунта (рис. 17), в результате перепад между дном прохода и гребнем вала стал превышать 1,2 м. При этом перепад высот между дном прохода и площадкой городища был тоже довольно заметным – не менее 1 м. Это значит, что двигаясь сквозь вал по проходу внутрь городища, человек должен был спускаться по наклонному пандусу, состоявшему из ранних горизонтов насыпи (этапов 1–4). Никаких следов вымостки этого пандуса не фиксировалось, возможно, потому, что поверхностные горизонты раннего вала были срезаны в результате строительства позднедыяковского времени (I–IV вв. н.э.). Пока нельзя ничего сказать и о наличии прохода во рву, продолжавшего проход в валу, поскольку этот участок не попал в раскоп, но можно думать,

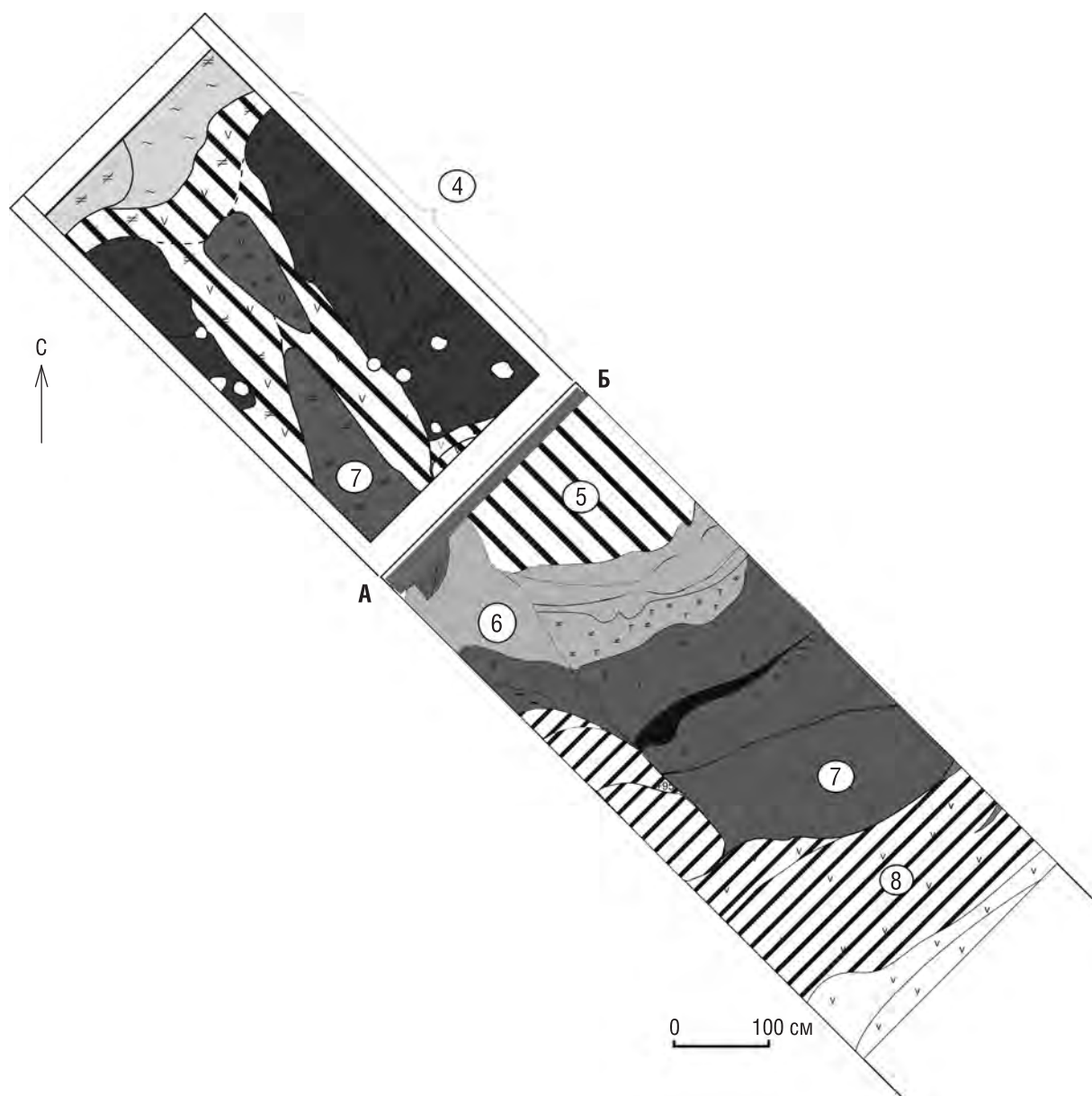

Рис. 19. План раскопа IV на отметке +80 см (в кружках даны номера этапов создания вала)

что он тоже существовал (см. ниже). Не совсем понятно, как было организовано ограждение входа в городище внутри этого прохода. Отсутствие всяких следов столбовых ям позволяет исключить вариант оформления этого прохода какими бы то ни было воротами. Может быть, проход в случае необходимости просто забрасывался брёвнами и ветками.

На рубеже 6 и 7 этапов насыпи вала на дне прохода отложилась небольшая прослойка угля (следы прокала под ней не зафиксированы), при этом сам проход на этапе 7 был частично засыпан, но был сформирован новый проход, сдвинутый несколько к западу (его западная стенка в раскоп уже не попала) относительно трассировки предыдущего (рис. 17, 22, 23). В результате этой реконструкции уровень дна прохода поднялся на 0,7–0,8 м, а перепад между ним и уровнем площадки городища превысил 1,5 м. Длина прохода практически не увеличилась, а ширина, видимо, возросла до 2 м. Самым важным элементом конструкции прохода на этапе 7 стало появление перемычки во рву, точно совпадающей с трассой прохода в валу (рис. 22). В том месте, где ров заканчивался и начиналась перемычка для прохода, материковый грунт оставался нетронутым. Раньше такой перемычки перед проходом не было и он как бы упирался в ров. К сожалению, ширину перемычки установить было невозможно (в раскоп попал только её восточный край), но можно пред-

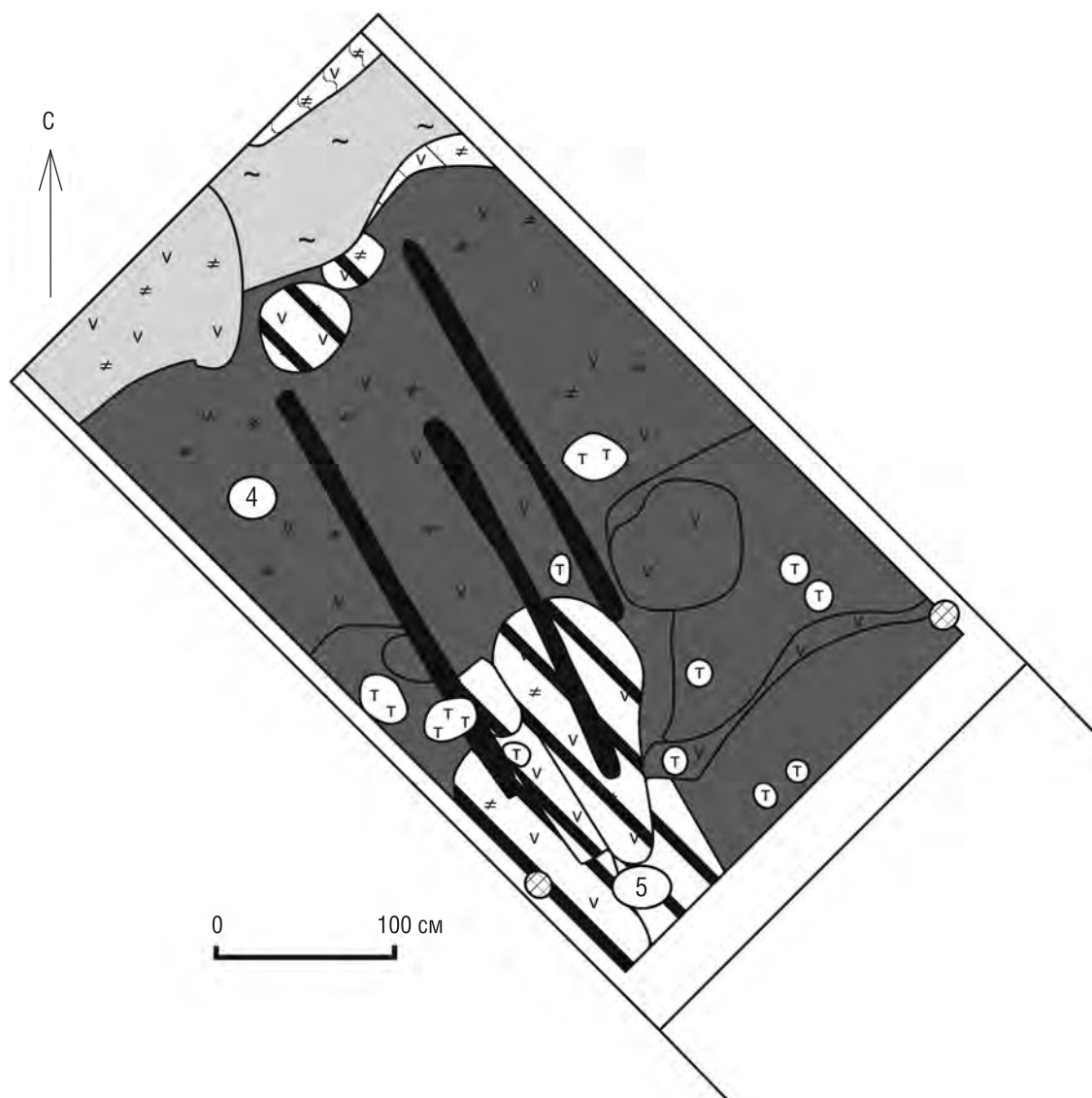

Рис. 20. План раскопа IV на отметке +70 см (в кружках даны номера этапов создания вала)

положить, что она соответствовала ширине прохода в валу, то есть не превышала 2 м. Перепад между дном прохода на линии гребня вала и поверхностью перемычки во рву составлял около 1,5 м. Это довольно существенный перепад. Он затруднял проход на площадку городища и, следовательно, имел некоторое фортификационное значение.

Перед новым, восьмым, этапом досыпки вала на дне прохода в валу по всей его длине (около 7 м) отложилась мощная, до 20 см, прослойка угля. Кое-где, например в северо-западной части прохода, грунт под ней оказался прокалён (рис. 22), что свидетельствует о пожаре, происшедшем именно здесь, на валу городища и внутри прохода. Среди разрушенной угольной массы удалось зафиксировать куски круглых (деформированных до овальных) в сечении брёвен диаметром 10–15 см, лежавших вдоль трассы прохода. Это могли быть как остатки мощения на дне прохода, так и материал завала древесины, преграждавшего проход. Гораздо труднее предполагать в этом скоплении угля остатки сгоревших деревянных преград с гребня вала, хотя не будем полностью исключать и такого варианта. Надо специально подчеркнуть, что на гребне вала этого этапа (равно как и всех предыдущих) никаких следов укреплений не прослежено, нет и следов прокала грунта, стратиграфически соответствовавших угольной прослойке. Радиоуглеродная датировка угля со дна прохода в валу (табл. 1, № 5) относится ко II в. до н.э. – I в. н.э. (170 BC – 60 AD). На этапе 8 проход в валу был слегка присыпан грунтом, но он ещё продолжал существовать на прежнем месте (рис. 23).

Ситуация полностью изменилась на этапе 9, когда весь проход был полностью засыпан и сровнен с поверхностью вала, одновременно был полностью засыпан и ров, проходивший прежде перед валом.

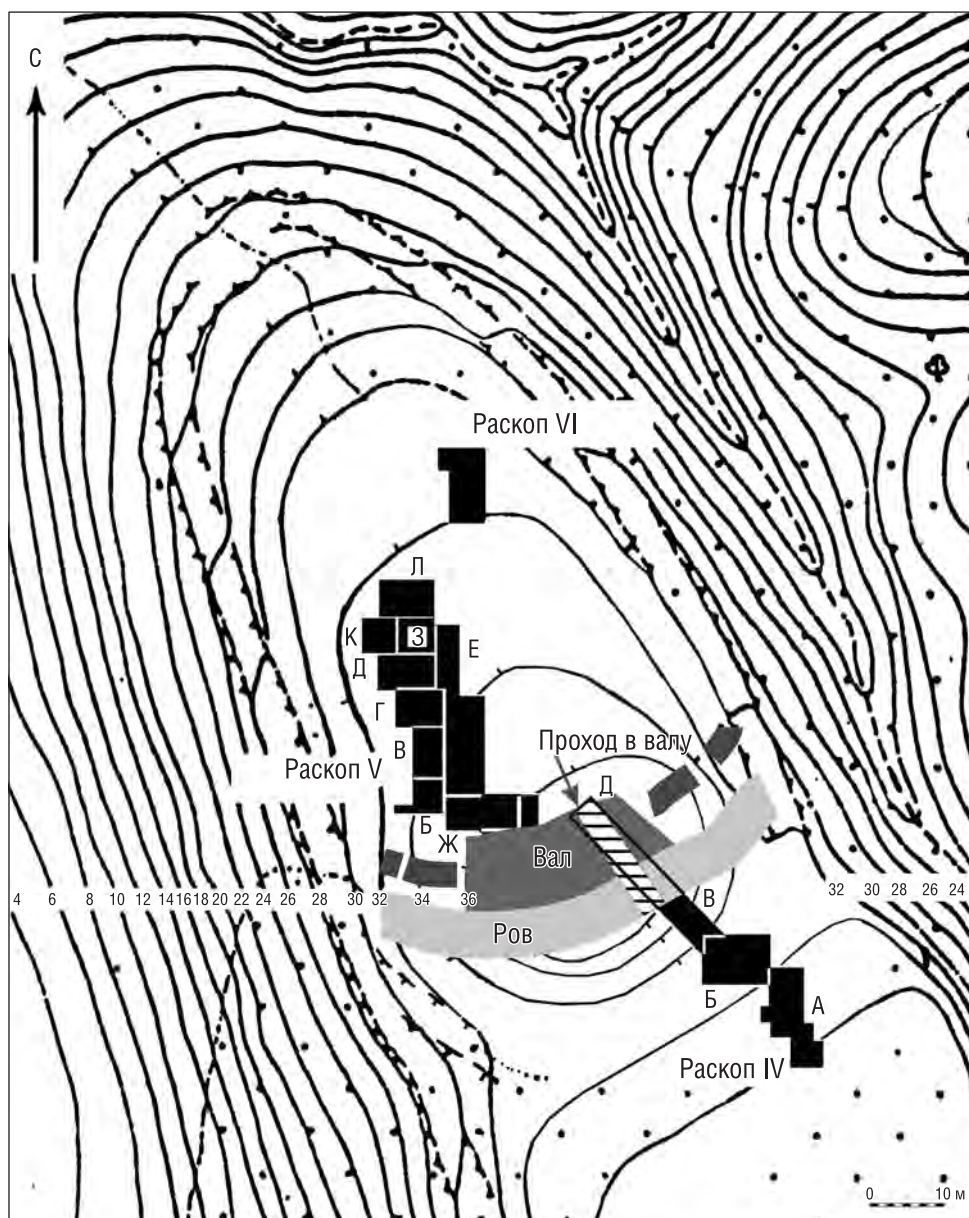

Рис. 21. Реконструкция линий вала, рва и прохода в них на этапах 5–6 создания насыпи вала

О существовании проходов в валах городищ раннего железного века известно давно по ряду памятников. Однако далеко не все видимые сейчас проходы существовали в древности – часть из них могла возникнуть в Новейшее время в результате работы техники. Таков, например, проход в валу городища Боршева, который появился в период работы экспедиции, а ныне он задерновался и выглядит уже почти как «древний». Таким образом, современное состояние городищ не гарантирует, что видимые сегодня проходы в валах существовали и в древности. Более того, до раскопок на Ростиславле ни один из таких проходов не исследовался археологически. Наши работы показали, что проходы возникали и ликвидировались в ходе развития городищенских валов, а также то, что они имели сложное строение и постоянно трансформировались.

В последнее время в литературе поднят вопрос о возможности искусственного «обжига» валов на городищах Дьякова типа [13, с. 63, 64, 73, 74]¹¹. Возможно, на каких-то городищах жители использовали хорошо известные им свойства суглинков отвердевать после обжига для укрепления прочности вала. Однако Рос-

¹¹ Кажется, впервые прослойки обожжённого грунта в валах городищ раннего железного века лесной полосы были зафиксированы Ю.Г. Гендуном при раскопках 1900–1902 гг. городища у с. Городище рядом с Алексинем, а опубликованы А.А. Спицыным [21, с. 124, 125].

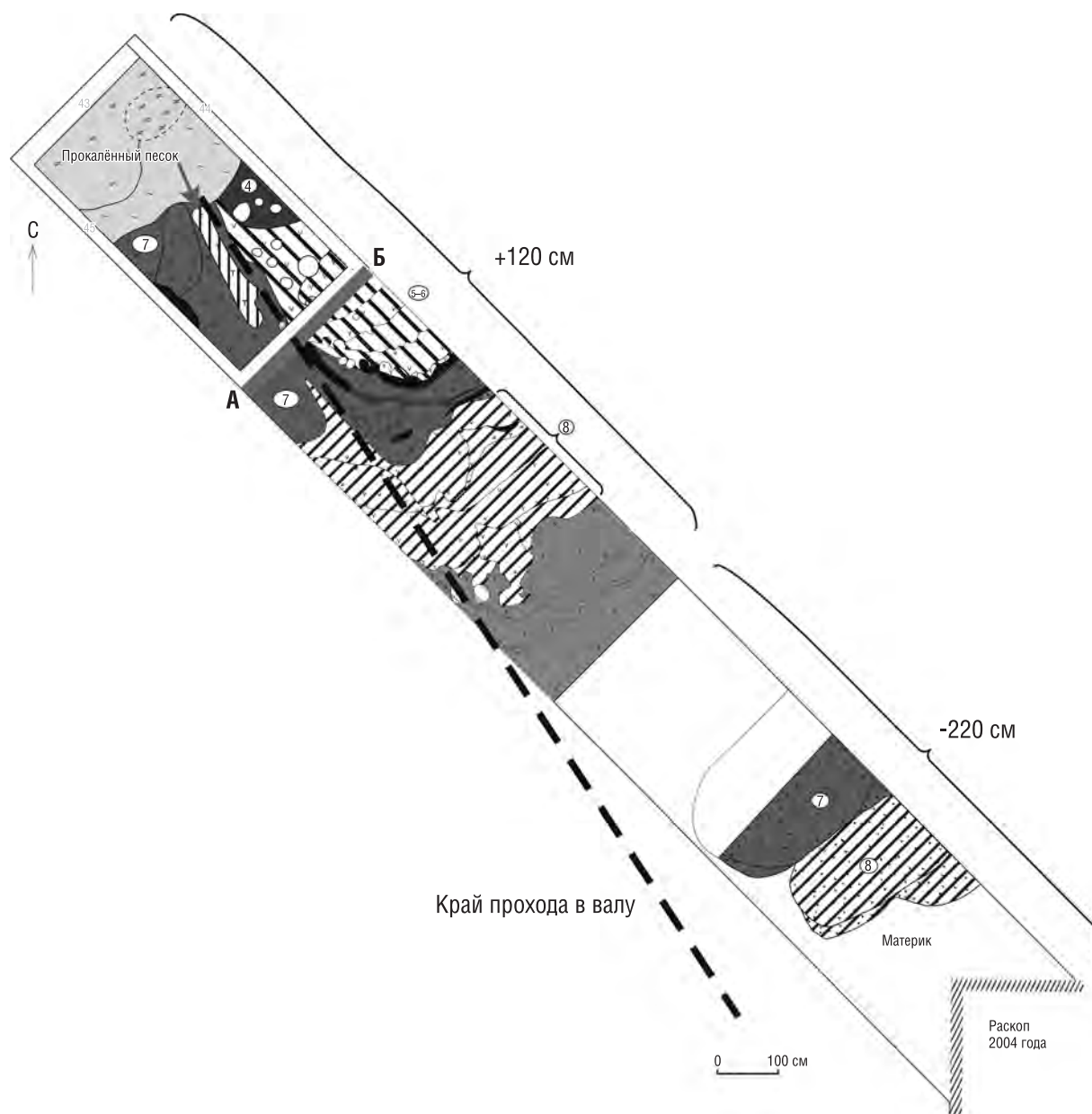

Рис. 22. План раскопа IV на отметках +120 см (насыпь) и -220 см (ров). Проход в валу этапов 7–8

тиславль не даёт такого примера. Прослойки обожжённого до оранжево-красного цвета грунта зафиксированы тут в нескольких местах, но они не составляли какого-то единого горизонта, в их размещении по стратиграфии не угадывается никакой системы (например, хронологической регулярности). Сами прослойки прокала имеют неодинаковую толщину (как правило, от 3 до 15 см) и распространяются не по всей поверхности вала, хотя занимают иногда значительные участки. Под прослойкой прокалённого грунта часто (но не во всех случаях) фиксировалась чёрная угольно-сажистая (или угольно-золистая) прослойка, иногда такая прослойка перекрывала прокалённый грунт (рис. 12). На протяжении одной и той же прокалённой прослойки стратиграфическая ситуация может меняться: в одних местах угольная прослойка её подстилает, в других – перекрывает. Сами прослойки прокалённого грунта не имели на Ростиславле однородной структуры и могли включать комки сильно прокалённого грунта. Создаётся впечатление, что одни прослойки прокала (с подстилающими угольными линзами) сформировались *in situ* на поверхности вала, а другие образовались как выброс на эту поверхность прокалённого грунта, принесённого (сдвинутого?) со стороны. Образование этих прослоек можно объяснить возгораниями (случайными пожарами), возникавшими в жаркое время года там, где на поверхности вала скапливалось слишком много сухих органических остатков (дре-

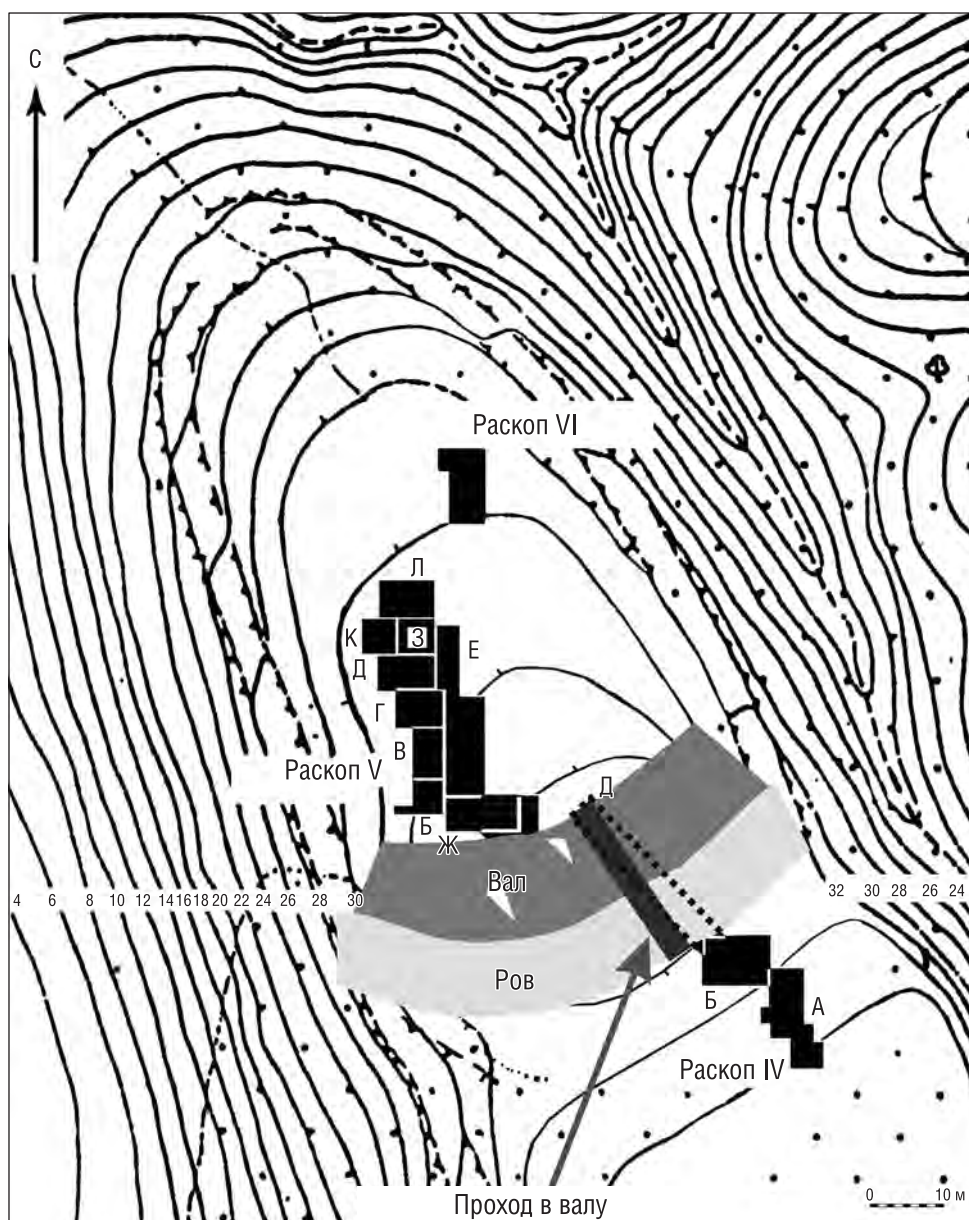

Рис. 23. Реконструкция линий вала, рва и прохода в них на этапах 7–8 создания насыпи вала

весина, камыш, трава, навоз и т.п.), постоянно выбрасывавшихся сюда. Возможно также, что эти остатки поджигались самими жителями городища, чтобы избавиться от них (например, при ликвидации предполагаемых оборонительных «баррикад») и предотвратить настоящий пожар. Тонкие и локальные прослойки прокалённого грунта, имевшего на Ростиславле довольно рыхлую структуру, вряд ли могли послужить для «усиления фортификации», к тому же возникли они всего несколько раз.

Какое же место занимает Ростиславльское городище среди памятников дьяковской и синхронных ей культур в бассейне Оки? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо комплексное рассмотрение всех аспектов материальной культуры Ростиславля, которое в рамках данной статьи невозможно. Однако можно оценить это место в плане фортификации. Ростиславльский вал дьяковского времени является одним из самых крупных сооружений городищ раннего железного века. По высоте он равен или даже несколько превышает валы таких городищ, как Дьяково, Боршева, Троицкое, Пекуновское, Кикинское, Синьковское [14; 15; 16, рис. 11; 17; 20; 22, рис. 32; 23, с. 42] (рис. 24). Сложнее сравнивать структуру насыпей этих валов, поскольку на большинстве из них прорезке были подвергнуты только валы, а рвы оставлены неисследованными. Исключение составляют городища с небольшими (высотой менее 1 м) валами, насыпанными, вероятно,

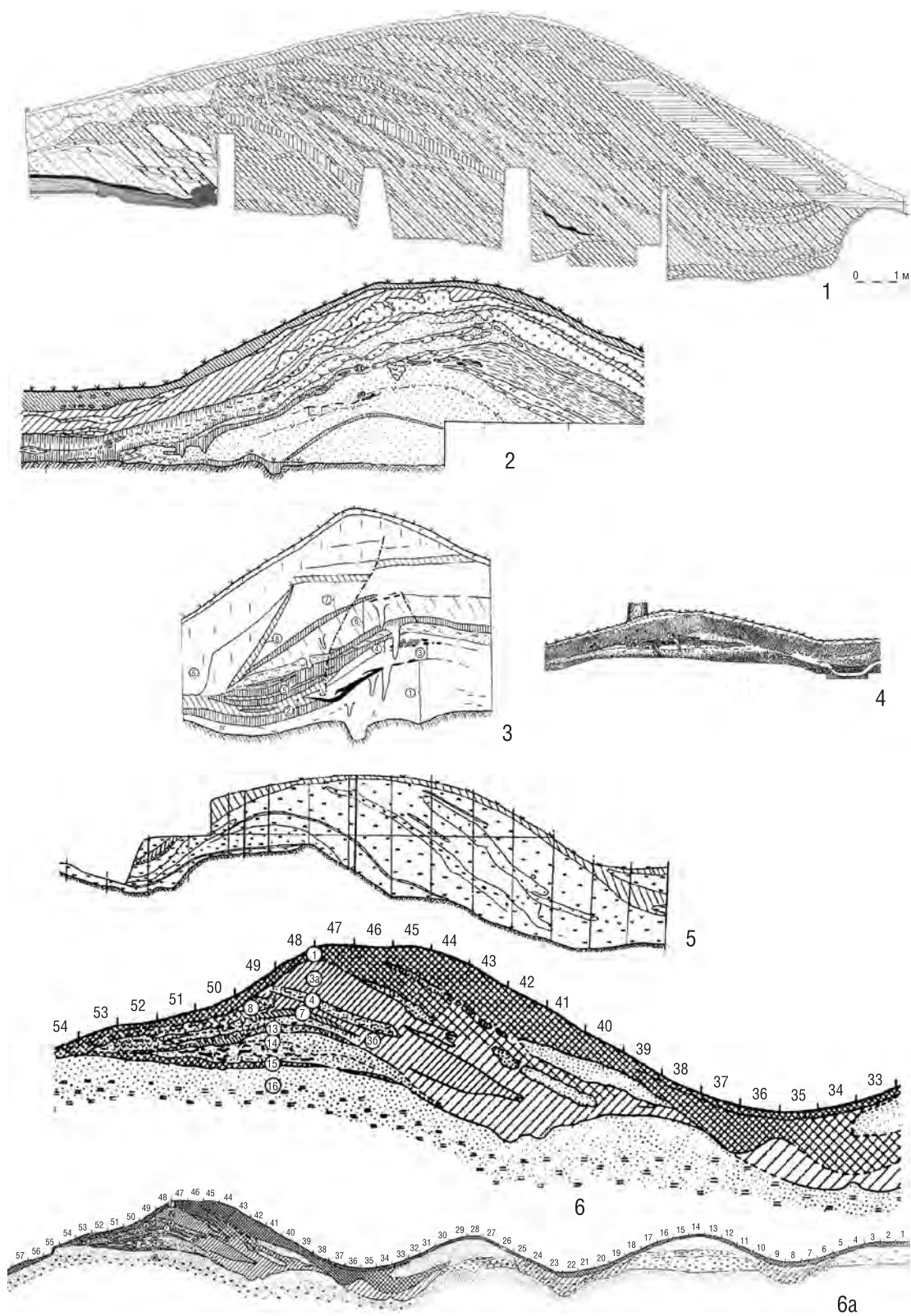

Рис. 24. Разрезы валов на городищах Ростиславль (1); Боршева (2); Дьяково (3); Коробово (4); Троицкое (5); Пекуново (6). Разрезы 1, 2, 3, 5, 6 приведены к одному масштабу, разрезы 4, ба – в масштабе 1/2 по отношению к остальным

за один приём. Примерами таких городищ являются Коробово (в Подмосковье), исследованное Н.А. Кренке [16, с. 338, 341, рис. 7] и Кубринское I в районе Переславля-Залесского [18, рис. 1]. Однако при столь небольшой (сохранившейся) мощности насыпей они за прошедшие века оказались почти полностью переработаны почвенными процессами, то же произошло с заполнениями рвов, поэтому сравнение фортификации этих памятников с Ростиславлем не позволяет получить каких-то серьёзных выводов (рис. 24: 1, 4). Безрезультатно также сравнение Ростиславля с теми памятниками, где проводились разрезы валов, но при публикации эти разрезы были предельно схематизированы и лишены подробных пояснений (городище у д. Савики в Смоленской области [19, рис.]). Правда, городище Савики интересно тем, что на нём первые два этапа насыпки вала не сопровождались выкапыванием рва, появившегося только на этапе 3, – в этом видится полная аналогия ростиславльскому валу.

Более интересно сравнение ростиславльского вала с фортификацией Пекуновского городища, включавшей три ряда валов и три рва перед ними [22, рис. 32]. Это единственное городище дьяковской культуры с многорядной системой валов, столь подробно исследованное археологически. На разрезе внутреннего (самого высокого из трёх) вала высотой 3–4 м хорошо видно, что в его основе также сохранилась насыпь высотой около 1 м, перед которой осталось ложе рва, полностью засыпанного на следующем этапе строительства. Этому второму этапу, вероятно, соответствовал новый ров, отодвинутый в напольную сторону и фиксируемый на разрезе рва ближним к валу углублением (на разрезе видны 2 углубления, здесь имеется в виду углубление в кв. 34–36) (рис. 24: 6). Третий этап насыпки вала Пекуновского городища наступил после того как этот ров заплыл: одновременно с насыпкой был выкопан новый ров, сдвинутый «в поле» на несколько метров (углубление в кв. 31–34). С этим же этапом, может быть, следует связывать появление ещё двух рядов валов и рвов, вырытых перед главной линией обороны. Таким образом, на первых двух этапах развитие вала Пекуновского городища шло по той же самой схеме, что и на Ростиславле¹². При этом заманчиво предполагать, что появление многорядной системы обороны – явление стадияльное, хронологически связанное с переходом от раннедьяковского периода к позднедьяковскому.

Особенно печально, что подавляющее большинство фортификаций городищ раннего железного века в лесной полосе Восточной Европы были исследованы не полностью, а частично. Таковы очень интересные фортификации Троицкого и Боршевского городищ: на последнем был частично исследован только вал, причём не раскопом, а зачисткой обнажения. Эта зачистка показала сложную структуру насыпи высотой 4–5 м, создававшейся, очевидно, в несколько этапов [17, рис. 1], однако отсутствие разреза рва не позволяет понять эту структуру и установить количество этапов. Более или менее понятен только первый этап, во время которого был воздвигнут вал высотой 1,2 м.

Исследования вала Троицкого городища, прорезанного узкими траншеями, так и остались неопубликованными. Впервые один из его разрезов попал в публикацию только в 1998 г. [16, рис. 11]. Этот вал сменил фортификацию, которую исследователи городища назвали «жилыми стенами», документированными лишь планами их следов на материке [24; 25]. Эта линия построек была окружена рвом, частично засыпанным после того как с внешней стороны от него были возведены вал и второй (внешний) ров. Судя по разрезу вала и следам засыпанных рвов (рис. 24: 5), возведение этой фортификации происходило не менее чем в три этапа с последовательным отодвиганием рва «в поле» и наращиванием высоты и ширины насыпи.

Итак, Ростиславльский вал обнаруживает множественные черты сходства с валами других городищ раннего железного века средней полосы Восточной Европы, и прежде всего, относящихся к дьяковской культуре. Он сменил раннюю фортификацию в виде однорядного частокола, нижние концы брёвен которого были впущены в глубокую канавку, вырытую в материке. Этот частокол не только перегораживал мыс, но и продолжался по его склонам, то есть, вероятно, имел замкнутый контур (рис. 5). Такую же систему фортификации имели и другие городища – Дьяково, Луковня, Боршева, под валами которых с их тыльной стороны фиксируются частокольные канавки [14, рис. 1; 16, рис. 3; 17, рис. 1]. Н.А. Кренке считает, что на Дьяковом городище канавка оставлена изгородью типа плетня, поскольку столбовые ямки зафиксированы с интервалом 5–20 см [15, с. 30]. Однако плетень не требует отрывания канавки шириной в 20 см и глубиной до полуметра – такая канавка необходима только в том случае, если в неё устанавливаются обрубленные снизу брёвна соответствующей толщины, причём устанавливаются вплотную друг к другу. И в Дьяково, и в Ростиславле дно частокольных канавок было неровным, что и создавало впечатление более глубоких столбовых ям.

Частоколы использовались повсеместно, но очень недолго – нигде (кроме Ростиславля) не встречены многорядные системы, которые указывали бы на смену одного частокола другим. Ростиславль пока выглядит исключением на этом фоне, однако создаётся впечатление, что эта исключительность объясняется только большим объёмом площадных вскрытий. Сам частокол, кстати, вряд ли выглядел так же, как средневековые фортификации. Надо думать, что он не имел заострённых завершений и был невысок (не выше роста человека). Внешний вид такого «частокола», вероятно, был не слишком грозным.

После ликвидации частоколов перед ними с напольной стороны (всегда именно в этой позиции) стали насыпаться валы, высота которых на первом этапе колебалась в пределах 1,0–1,2 м (с учётом возможной осадки грунта первоначальная их высота могла достигать 1,5 м). Эти первоначальные насыпи создавались

¹² Сама схема наращивания высоты и мощности вала за счёт расширения рва в напольную сторону была замечена впервые А.С. Сыроватко при исследованиях в 1996 г. городища в посёлке Городищи (в черте г. Коломны) [13, с. 63–68].

довольно быстро из материкового грунта, почвенных горизонтов и иногда, как на Ростиславле, из культурного слоя предшествующих эпох. В основании валов часто обнаруживаются сгнившие или обугленные брёвна и жерди, лежавшие совершенно хаотично (Ростиславль, Троицкое, Луковня). На гребнях этих валов фиксируются следы больших масс сгнившей растительности (Ростиславль) или остатки обугленных брёвен и веток (Дьяково, Троицкое, Кикино, Кубринское), залежавшие параллельно оси вала. Значит, с самого начала возведения валов на их гребнях стали создавать «баррикады» из брёвен и веток, может быть, из целых срубленных деревьев.

Судя по имеющимся сегодня радиоуглеродным датам, строительство валов началось на большинстве городищ лесной зоны почти одновременно, и этот момент приходится на IV–III вв. до н.э. Вероятно, период начала фортификационного строительства был в действительности ещё более узок – на протяжении жизни одного-двух поколений, а имеющиеся различия в датах во многом связаны с тем, что часть городищ возникла позже остальных (к числу таковых относится, видимо, и Ростиславль). В последующие два-три века на всех городищах лесной зоны (где жизнь не остановилась по какой-либо причине) протекал один и тот же процесс: их жители постоянно наращивали высоту валов. После исчерпания резервов грунта на площадках городищ для его добычи стали выкапывать рвы перед валом. В дело также шли органические остатки, скапливавшиеся на площадке, в первую очередь навоз животных. По мере дальнейшего, практически непрерывного, строительства рвы расширялись в напольную сторону и углублялись, превращаясь во всё более серьёзную дополнительную преграду и увеличивая перепад высот на валу. По крайней мере на некоторых городищах в валу стали делать проход, которому иногда соответствовала перемычка во рву. В ходе досыпок вала повышался также уровень прохода (пока это установлено только для Ростиславля). При всём этом защитные сооружения на гребнях валов оставались прежними – это были завалы из брёвен и веток (или целых деревьев), уложенных довольно хаотично, но в целом вдоль оси вала. Видимо, такие же завалы перегораживали и проход в валу.

Если верны наблюдения, сделанные на Троицком городище, то в первые века новой эры жители городищ переходят к сооружению многорядных преград, когда перед основным валом и рвом воздвигаются ещё один-два ряда более мелких по размерам валов и рвов. Такое усовершенствование можно объяснить более широким использованием атак на городища с помощью конницы. Дополнительные валы и рвы, ослабляя оборону (давая укрытие противнику), заставляли его всё же спешиваться. Видимо, именно в этот период стали широко применяться конные атаки, позволявшие неожиданно и очень быстро подойти к валу, преодолеть его и ворваться на площадку городища.

На Ростиславльском городище почему-то этот этап оказался «пропущен». Более того, накануне его был ликвидирован ров, а вместе с тем и проход в валу. Возможно, высота вала, достигшая 5 м, была достаточна для отражения подобных атак, не исключено также, что существовали какие-то иные (не дошедшие до нас) преграды, затруднявшие подходы к валу. Возможен также перерыв в жизни городища, поскольку материалы первых веков н.э. на Ростиславле представлены локально и не составляют отдельного слоя. В ходе этого перерыва на городищах дьяковской культуры наряду с «баррикадами» стали сооружаться деревянные «заборы», венчавшие валы и позволявшие укрыться от вражеских стрел (см. городище Кикино).

Более отчётливо выделяется на Ростиславльском городище тот горизонт позднедьяковского времени, который маркируется лощёной керамикой и посудными дериватами мощинских и рязано-окских форм, железными двушипными наконечниками стрел, известняковыми жерновами, шпорой, пряжками североприморского типа и др. Не исключено, что некоторые из этих предметов (например, шпора, пряжки и трёхлопастные наконечники стрел) могли попасть сюда в ходе штурма и разорения городища в V в. н.э., стратиграфически выраженного в горизонте «большого пожара», поставившего точку в жизни этого памятника [26]. Однако никаких явных следов фортификации этого последнего этапа жизни городища не сохранилось.

Подведём итог нашему исследованию.

1. Ростиславльское городище представляет типичный пример развития фортификации укрепленных поселений Волго-Окского междуречья III в. до н.э. – I в. н.э., прошедшей путь от однорядного частокола до системы ров – вал – «баррикада».

2. Защитные сооружения на гребнях валов подобных городищ состояли, судя по имеющимся археологическим источникам, из «баррикад», образованных наваленными вдоль оси вала брёвнами, жердями, ветками (или целыми деревьями) и служивших укрытием защитникам.

3. Проходы в валах появились тогда, когда высота этих валов превысила 1,5–2,0 м и их преодоление стало затруднительно для самих жителей городища. Проходу в валу иногда соответствовала перемычка во рву.

4. Валы городищ Дьякова типа не были полноценными фортификационными сооружениями. Они воздвигались в значительной части из культурного слоя и органики (в том числе навоза), скапливавшихся на площадках городищ, и предназначались для отпора нападениям противника, не имевшего навыков штурма укреплений. Вооружённые столкновения в таком случае должны были ограничиваться перестрелками между нападающими и защитниками городища, прикрытыми «баррикадой» из брёвен и веток, которые находились в гораздо лучшей позиции, поскольку они были невидимы для атакующих. Следовательно, валы таких городищ выполняли сразу две функции: свалки мусора и нечистот с поселения и ограждения на случай военного столкновения с противником, не имевшим никаких навыков ведения осад и штурма укреплений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коваль В.Ю. Ростиславльское городище раннего железного века // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
2. Коваль В.Ю. «Ростиславльский курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011.
3. Коваль В.Ю. Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дьяковской культуры // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 8. М., 2012.
4. Медведев А.Н. Укрепления раннего железного века на городище Ростиславль (предварительные итоги исследования) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009.
5. Гольева А.А. Состав и генезис насыпей вала городища раннего железного века на Ростиславле по данным естественных наук // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011.
6. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982. (САИ. Вып. П-12)
7. Розенфельдт Р.Л. К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища // МИА. № 156. 1970.
8. Тавлицева Е.Ю., Лопатина О.А. Тигли и литейные формы Ростиславльского городища // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009.
9. Смирнов К.А. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974.
10. Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.
11. Лопатина О.А. Древнейшая керамика каширских городищ раннего железного века // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009.
12. Кренке Н.А. Чертов городок – селище железного века в окрестностях села Коломенского // РА. 1995. № 3.
13. Сыроватко А.С. Юго-Восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М., 2009.
14. Кренке Н.А. Вал Дьякова городища // КСИА. Вып. 186. 1986.
15. Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2011.
16. Изучение валов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово в Подмосковье / А.Л. Александровский, Н.А. Кренке, Е.А. Спиридонова, Б.Е. Янишевский // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
17. Крис Х.И. Вал Боршевского городища // КСИА. Вып. 186. 1986.
18. Станкевич И.Л., Вишневский В.И. Городище дьяковской культуры Кубринское I // КСИА. Вып. 194. 1987.
19. Смирнов К.А. Раскопки городища у д. Савики // КСИА. Вып. 186. 1986.
20. Вишневский В.И. Оборонительные сооружения и постройки позднедьяковского населения Верхнего Поволжья (I–V вв. н.э.): по материалам раскопок Кикинского городища // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007.
21. Спицын А.А. Городища Дьякова типа // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. СПб., 1903.
22. Бадер О.Н. Древние городища на Верхней Волге // МИА. № 13. 1950.
23. Археологическая карта России. Московская область. Ч. 2. М., 1995.
24. Дубынин А.Ф. Троицкое городище // МИА. № 156. 1970.
25. Розенфельдт Р.Л. К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища // МИА. № 156. 1970.
26. Тавлицева Е.Ю. Городище Ростиславль – горизонт пожара середины I тыс. н.э. // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2010.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.Yu. Koval

THE BANK OF ROSTISLAVL'S HILLFORT OF THE EARLY IRON AGE

Summary

The hillfort of the Early Iron Age on the territory of medieval town Rostislavl includes a bank 5 m in height. It is one of the largest fortifications in the Dyakovo Culture settlements in the central zone of Eastern Europe. The slot of this bank shows that it is not the remains of tree-earthen wall, but was a mound, which consisted of the cultural layer, soil ground, and bed-rock. Fortification function of this barrier was minimal and consisted in the use of the obstruction of trees on the top of the earth wall (a kind of barricade).

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia
E-mail: kovaloka@mail.ru*

М.М. Савенкова

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССА ТКАЧЕСТВА НА ВЕРТИКАЛЬНОМ СТАНКЕ С КЕРАМИЧЕСКИМИ ГРУЗИЛАМИ

История эволюции текстильных приспособлений содержит немало белых пятен. Процесс последовательной смены одного типа орудий другим не получил в археологии достаточного освещения. В данной работе на основе конструктивного анализа археологических грузил были реконструированы возможные производственные варианты вертикальных ткацких станков.

Все приспособления для ткачества принято условно делить на два больших класса: с вертикально и горизонтально натянутой основой. Для оттягивания нитей основы, расположенных вертикально, использовались керамические грузила. Исследователи отмечают длительное употребление глиняных грузил для вертикального станка, проходящее через все периоды развития человеческой культуры. Со времён неолита до эпохи Средневековья грузила были распространены на территории Западной и Восточной Европы. Конусообразные грузила, а также камни с желобком для шнура применялись жителями неолитических швейцарских свайных поселений. В памятниках бронзы и раннего железа известны наборы от 4 до 800 грузил. Грузила для вертикального ткацкого станка обнаружены в античных городах Северного Причерноморья, на поселениях черняховской и киевской культур. Вертикальные станки с дисковидными грузилами использовались в Скандинавии, на Фарерских островах и в Исландии вплоть до XVIII века.

Грузила пирамидального типа в виде вытянутой пирамиды с квадратным основанием имеют одно или два сквозных отверстия, обычно расположенных в верхней трети изделия. Размеры грузил варьируют от самых маленьких высотой 2,5 см до крупных экземпляров высотой 18–21 см, с основанием диаметром от 6 до 17–20,5 см (рис. 1: 1).

К пирамидальному типу близки конические грузила, представляющие собой вытянутый усечённый конус со сквозным отверстием в верхней трети или середине изделия. Часто разделить эти типы невозможно, так как встречаются грузила, имеющие переходную форму. При раскопках античного города Тиритакти были найдены грузила высотой 7–10 см, с основанием шириной 5–7 см, имеющие форму конуса и близкую к четырёхгранной пирамиде [1] (рис. 1: 2). На славянском поселении Подесенья Роище III–V веков н.э. обнаружены конусообразные, пирамидальные и цилиндрические глиняные грузила [2].

Грузила дисковидного типа имеют вид плоского диска с отверстием в центре или расположенным ближе к краю изделия. Размеры колеблются в пределах: диаметр – 6–13 см, толщина – 1,5–4 см. Грузила дисковидной формы являются типичным изделием для балтийских и финских народов. Они были обнаружены в ливских поселениях XI–XIII вв. на берегу Даугавы, на островах Готланд и Борнхольм. Дисковидные грузила характерны для Северо-Запада Руси, где были распространены в IX–X вв. в Старой Ладоге, на Рюриковом городище (рис. 1: 3), в Пскове, Муроме, на Белоозере [3; 4; 5; 6]. Скопление керамических дисков было обнаружено при раскопках древнего Чернигова [7].

Различия в размерах грузил указывают на специфические местные особенности выработки текстиля. Высказывалось предположение, что грузила, различные по высоте и весу, использовались для натягивания нитей разной толщины. Но вес грузил влиял также на количество нитей, использовавшихся в станке. Тяжёлые грузила оттягивали большее количество нитей основы, лёгкие экземпляры – меньше.

К Барской был реконструирован ткацкий станок, обнаруженный в поселении римского времени на территории Польши в Грубенхаузе (I в. н.э. – I-я пол. II в. н.э.), состоящий из 28–29 пирамидальных грузил. Максимальная масса грузила, прикрепленного к одной нити, автором берётся равной 50 гр. Исходя из предположения, что для изготовления ткани шириной 1 см использовались 8 нитей и грузило массой 50 гр. на каждую нить, общий вес грузил станка распределялся на 1335 нитей. Это позволяло соткать полотнище шириной 167 см [8].

Проведённый производственный эксперимент был основан на гипотетическом предположении, что в древности для ткачества могли использоваться какие-то иные конструкции, отличные от этнографических орудий, но обеспечивающие аналогичные результаты. Основопологающим для реконструкций станков явилось выявление типичности текстильных приспособлений, определение их возможных производственных вариантов и установление постепенного технологического совершенствования.

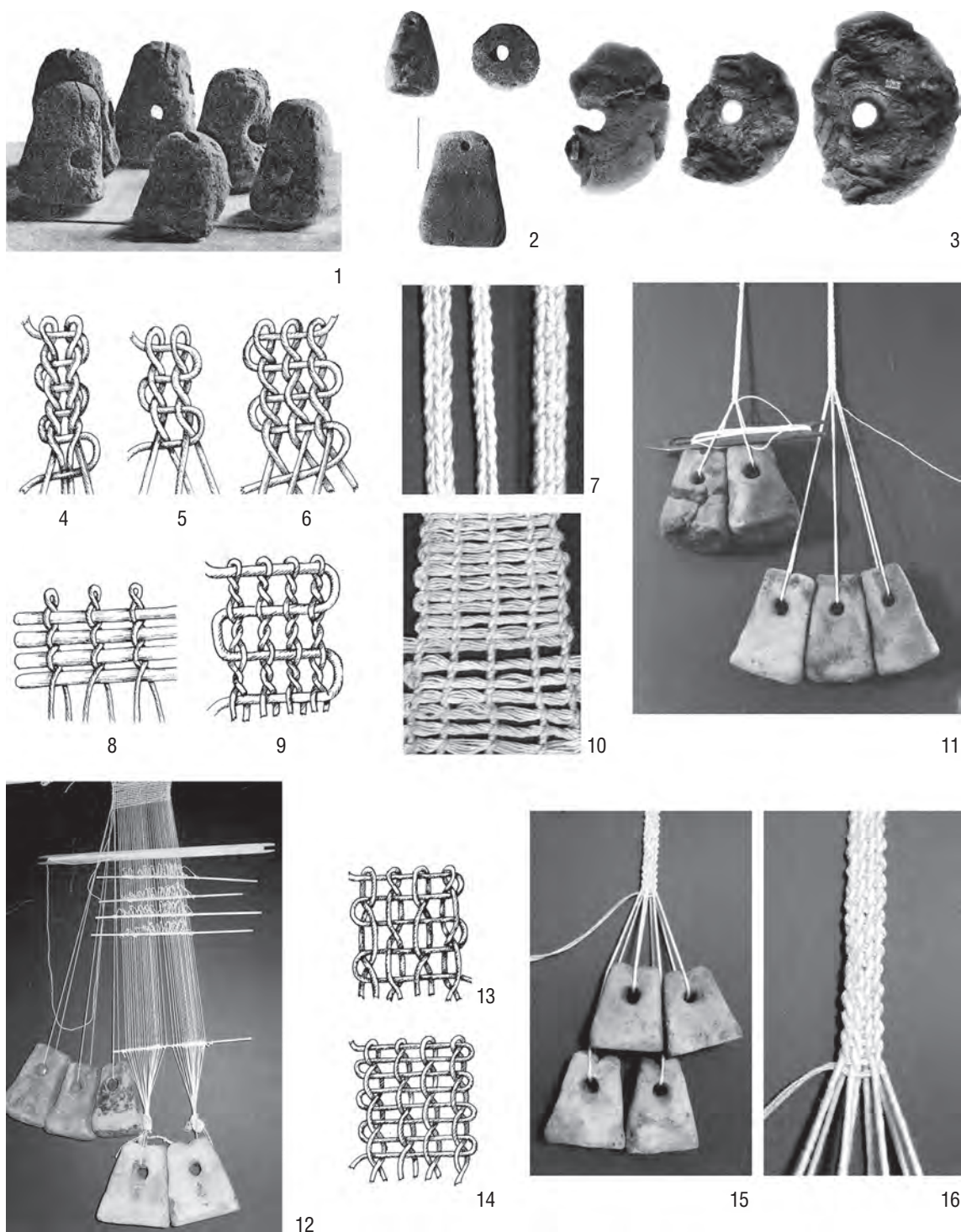

Рис. 1. Реконструкция ткачества на станках с грузилами трапецевидной формы.

Грузила: 1 – Кузнецовское городище; 2 – Тиритаки; 3 – Рюриково городище; 4–6 – рисунки переплетений шнуров с перевитой основой; 7 – шнуры с перевитой основой, вытканые на двух и трёх грузилах (реконструкция); 8, 9 – рисунки переплетения циновок с основой, перевитой на 180° и 360°; 10 – образец переплетения циновки; 11 – станки для плетения шнуров на основе 2 и 3 грузил (реконструкция); 12 – станок с нитченками для изготовления текстиля с перевитой кромкой; 13, 14 – рисунки переплетения тесьмы, вытканной на 4 грузилах; 15, 16 – станок на основе 4 грузил и образец тесьмы (реконструкция)

Функционально-кинематическому анализу были подвергнуты грузила пирамидальной формы с отверстием в верхней части, обнаруженные на Туровском поселении.¹ Перемещение их в подвешенном состоянии могло происходить в горизонтальной плоскости, при этом положение грузил могло меняться относительно друг друга [9, с. 188]. Масса привесок (850–900 гр.) свидетельствует об использовании довольно грубых нитей, скорее всего, растительного происхождения.

Целесообразность конструкции с грузилами основывается на способах их применения. Пирамидальные грузила имеют чёткое деление на грани, которые в некоторых случаях сработаны и потёрты от постоянного трения друг об друга. Вероятно, форма изделий была обусловлена производственной необходимостью. Вытянутая форма грузил объясняется необходимостью компактного их распределения в пределах станка. В то же время они должны иметь массу, достаточную для натяжения нитей основы.

1. *Станок для изготовления шнуров.* В памятниках эпохи бронзы во многих случаях обнаружены по два грузила вместе [10, с. 29]. Два и три грузила могли применяться для изготовления шнуров с перевитой основой, отпечатки которых встречаются на глиняных сосудах катакомбной культуры (III–II тыс. до н.э.). При этом способе плетения в грузила вдевается одна нить, которая входит в отверстие с одной стороны пирамидки и выходит с другой. Грузила на нитяных петлях подвешиваются к горизонтальной перекладине. Ткацкий зев образуется непосредственно на грузилах между передними и задними нитями основы. Смена зева происходит при помощи поворотов грузил, которые в данном случае выступают в роли зевобразователя (рис. 1: 11).

Различные варианты шнуров с перевитой основой можно получить путём вращения грузил на 180° в разных направлениях. От порядка вращения грузил зависит рисунок получаемого переплетения. При вращении всех грузил в одну сторону образуется шнур с наклонными стежками в одном направлении (рис. 1: 5, 6, 7; схема 1: 2, 3). При вращении грузил в разные стороны образуется шнур со стежками, направленными друг к другу (рис. 1: 4, 7; схема 1: 1). Нити каждого грузила перевиваются между собой, создавая структуру текстильного переплетения, аналогичную получаемой при ткачестве на дощечках с двумя отверстиями.

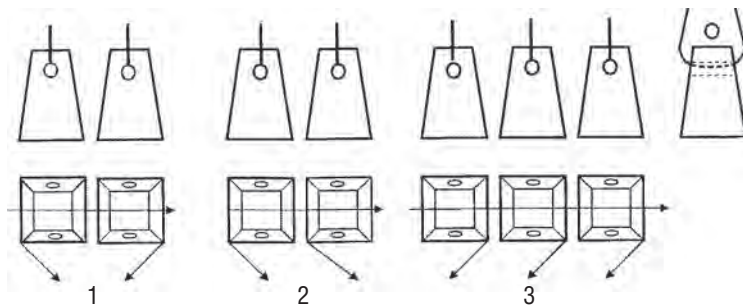

Схема 1. Порядок вращения грузил для выработки шнуров с перевитой основой

Наиболее интересными в технологическом плане являются античные привески с двумя отверстиями. Наличие двух отверстий может указывать на применение цветных нитей в изделии. При реконструкции текстильного приспособления в отверстия каждого грузила были заправлены нити различных цветов (рис. 2: 8, 9). На грузилах с двумя отверстиями образуется переплетение, аналогичное получаемому при ткачестве на дощечках с четырьмя отверстиями.

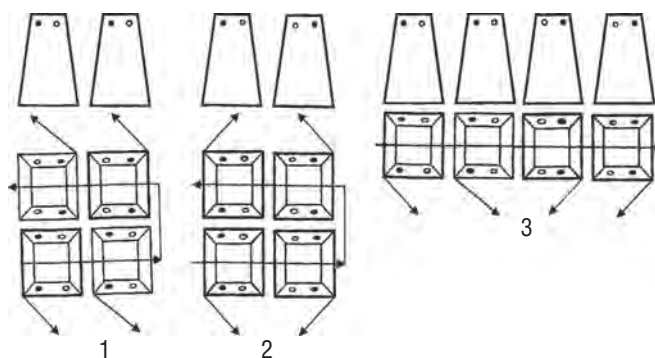

Схема 2. Порядок вращения грузил с двумя отверстиями для выработки шнуров круглой и плоской форм

¹ Приношу благодарность Ю.А. Чекменёву за предоставленные материалы и участие в создании реконструкций текстильных приспособлений.

Шнуры квадратной и круглой в сечении форм вырабатываются на четырёх пирамидальных грузилах с двумя отверстиями, установленных в ряд или парами (рис. 2: 8–9). Рисунок (рис. 2: 10) зависит от порядка заправки нитей определённых цветов и установки грузил, а также последовательности их вращения. Круглый шнур изготавливается на четырёх грузилах, установленных парами в два ряда. Утёк прокидывается по кругу сначала в первую пару, затем во вторую – после каждого поворота грузил. Для создания шнура спиралеобразного рисунка грузила первого ряда вращаются влево, грузила второго ряда – вправо (схема 2: 1). Для создания переплетения со штрихами, направленными друг к другу, грузила и в первом и во втором рядах вращаются друг к другу (схема 2: 2). Для изготовления плоского шнура четыре грузила устанавливаются в ряд и вращаются к центру (схема 2: 3).

Отпечатки косо поставленных стежков подобных одинарных, сдвоенных и строенных шнуров встречаются на керамике бронзового века [10, с. 30; 11, с. 76]. Шнуры с перевитой основой могут быть изготовлены на грузилах любой конфигурации. Пирамидальная форма наиболее удобна для фиксирования зева при повороте грузил.

2. Станок на основе пирамидальных грузил для изготовления тесьмы и циновок. Можно предположить, что дальнейшее совершенствование вертикального станка шло по пути увеличения ширины ткани за счёт увеличения количества грузил. Изложенный выше способ плетения шнуров можно использовать для изготовления полотна редкой структуры переплетения, а также неширокой тесьмы, полосы которой сшивались затем в одно изделие. Текстильные фрагменты циновок из растительных материалов различных переплетений, а также их отпечатки на керамике встречаются в захоронениях ямной и катакомбной культур [10, с. 41, рис. 1–5].

Принцип изготовления циновок и тесьмы – тот же, что и при плетении шнуров с перевитой основой. Грузила подвешиваются в ряд на какой-либо вертикальной плоскости. Свободное провисание нежелательно, так как вертикальная плоскость фиксирует грузила в нужном положении и предотвращает их нецеленаправленное переворачивание. Утёк прокидывается в зев, который образуется между нитями основы каждого грузила. Для изготовления текстиля с перевитой основой грузила поворачиваются на 180° всё время в одном направлении вокруг своей оси (рис. 1: 8) или на 360° в противоположных направлениях в каждом ряду плетения (рис. 1: 9). В образовавшийся зев между нижними и верхними нитями основы прокидывается утёк (рис. 1: 10). Новым поворотом грузил по часовой стрелке происходит закрепление нити утка.

При изготовлении неширокой тесьмы или лент на грузилах рисунок переплетения зависит от порядка вращения грузил (схема 3). На реконструированном приспособлении для изготовления тесьмы из четырёх грузил, подвешенных в один ряд в два яруса, можно выполнить разные виды переплетений (рис. 1: 15–16). Первый вариант тесьмы: в первом ряду грузила 2 и 4 вращаются друг к другу на 180° , в следующем ряду на 180° друг к другу поворачиваются грузила 1 и 3 (схема 3: а; рис. 1: 13). Второй вариант тесьмы: в первом ряду грузила 2 и 4 вращаются в одном направлении на 180° , во втором ряду грузила 1 и 3 вращаются в одном направлении на 180° (схема 3: б; рис. 1: 14).

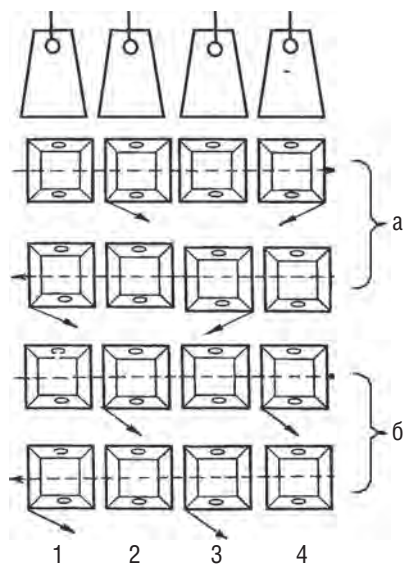

Схема 3. Последовательность вращения грузил для выработки тесьмы плоской формы.

- а – 1 вариант тесьмы: 1 ряд – грузила 2 и 4 вращаются навстречу друг к другу;
2 ряд – грузила 1 и 3 вращаются навстречу друг к другу;
б – 2 вариант тесьмы: 1 ряд – грузила 2 и 4 вращаются вправо;
2 ряд – грузила 1 и 3 вращаются вправо

Для получения текстиля полотняного переплетения все грузила поворачиваются попеременно в каждом ряду: то по часовой стрелке, то против часовой стрелки. Процесс ткачества осуществляется в два этапа. Первый этап – поворачиваем все грузила по часовой стрелке на 180° . Прокидываем утёк в образовавшийся зев. Второй этап – поворачиваем все грузила против часовой стрелки на 180° . Прокидываем утёк в образовавшийся зев (схема 4). В циновках для основы, натягивающейся грузилами, использовались более тонкие и кручёные нити. Для утка – некручёные стебли рогоза и камыша. Расстояние между нитями основы в структуре переплетения равно ширине грузил. Аналогичные текстильные структуры были реконструированы по отпечаткам на керамике эпохи бронзы [11, с. 70].

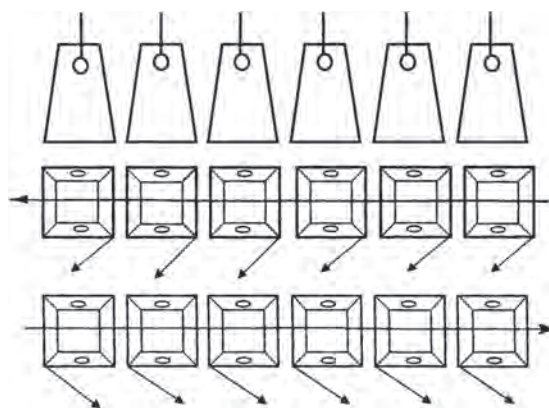

Схема 4. Порядок вращения грузил для изготовления текстиля полотняного переплетения

Текстиль переплетения саржа 2/2 – наиболее распространённый вид после полотняного. Для выполнения этого вида переплетения на вертикальном ткацком станке необходимы четыре ниточки, на горизонтальном станке – четыре ремизки. На реконструированном приспособлении процесс ткачества выполняется в четыре этапа путём поворачивания грузил в определённой последовательности. В одном изделии, выработанном на грузилах, можно использовать несколько видов текстильных переплетений. Реконструированный образец текстиля саржевого переплетения 2/2 с перевитой кромкой был выработан на восьми грузилах (схема 5). Грузила 1 и 2, образующие кромку с перевитой основой, на протяжении всего процесса ткачества поворачиваются друг к другу на 180°. Грузила 3–8 образуют переплетение саржа 2/2.

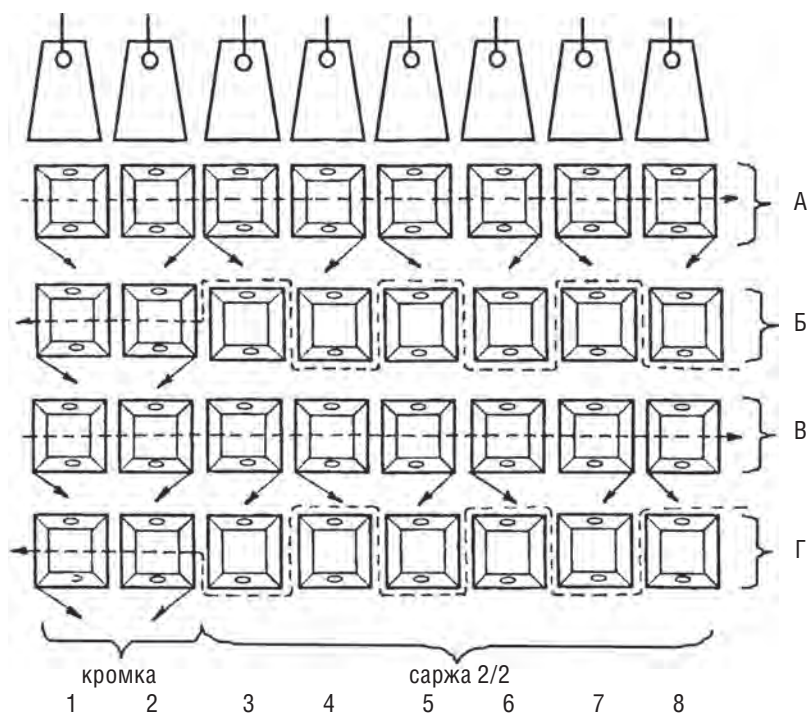

Схема 5. Выработка ткани переплетения саржа 2/2 с перевитой кромкой.

В каждом ряду грузила кромки 1 и 2 поворачиваются друг к другу на 180°.

А. Поворачиваем грузила 3–8 парами друг к другу на 180°.

Б. Утёк прокидывается под нитями нечётных грузил перед нитями чётных грузил.

В. Поворачиваем грузила 3–8 друг от друга на 180°. В образовавшийся зев прокидываем утёк.

Г. Утёк прокидывается перед нитями нечётных грузил, под нитями чётных грузил

3. Станок на основе дисковидных грузил для изготовления тесьмы и циновок. Исходя из анализа формы грузил, можно предположить, что грузила разного типа использовались в различных видах станков. Веро-

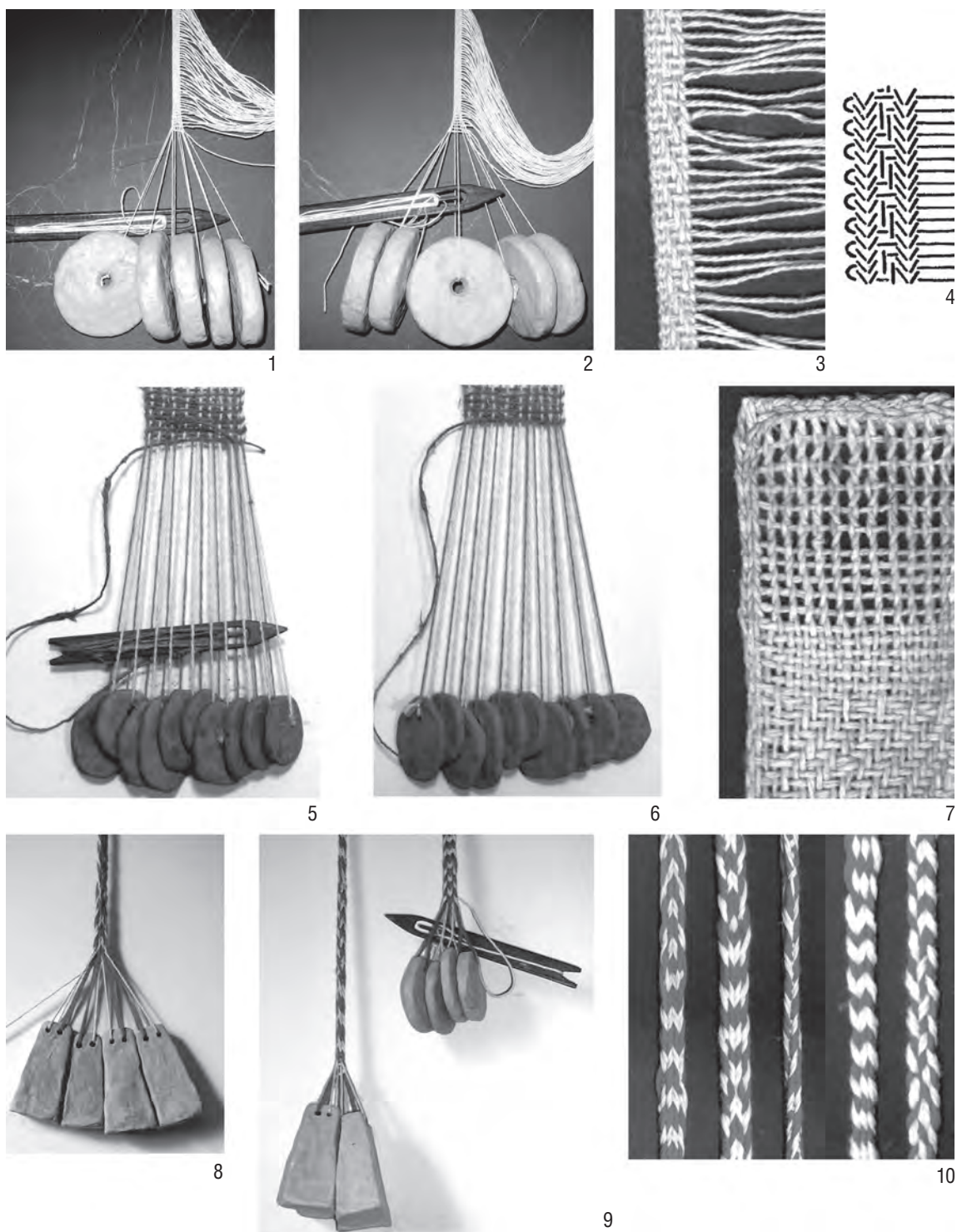

Рис. 2. Реконструкция ткачества на станках с грузилами дисковидной и пирамидальной с двумя отверстиями форм.

1, 2 – выполнение начальной кромки ткани на грузилах дисковидного типа; 3, 4 – образец и рисунок переплетения начальной кромки ткани в комбинированной технике: саржа 2/2 и с перевитой основой; 5, 6 – станок для изготовления ткани полотняного переплетения; 7 – образец ткани с начальной кромкой, выполненный на станке с грузилами, состоит из фрагмента с перевитой кромкой и перевитой основой на 360°, фрагмента полотняного и саржевого 2/2 переплетений с круглой кромкой (реконструкция); 8, 9 – станки для изготовления шнуров на грузилах с двумя отверстиями; 10 – образцы шнуров плоской и круглой форм, изготовленных на грузилах с 2 отверстиями

ятно, от формы грузил зависел принцип образования ткани. На дисковидных грузилах можно вырабатывать ткани переплетений саржа 2/2, полотняного и с перевитой основой. Но изготовление их связано с некоторыми неудобствами в образовании зева. Разделение зева на нитях, заправленных в грузило, происходит только тогда, когда оно принимает положение, параллельное вертикальной плоскости. При прокидывании утка грузила по очереди переворачиваются в нужную сторону (рис. 2: 1, 2).

Воссоздание станков в экспериментальных условиях показало, что небольшие дисковидные грузила могли использоваться для выработки текстиля полотняного переплетения способом изменения угла наклона грузил относительно вертикальной плоскости. В предложенной реконструкции станка в грузила заправляется по одной нити. Петли подвешиваются на вертикальную плоскость, грузила устанавливаются перпендикулярно ей. Нити делятся на верхние и нижние с помощью толщины грузил. Смена зева происходит при наклоне грузил относительно вертикальной плоскости. Поворачиваем грузила все вместе влево, нить «а» выходит вверх (рис. 2: 5; схема б: 1), прокидываем утёк. Поворачиваем грузила все вместе вправо, нить «б» выходит вверх (рис. 2: 6; схема б: 2), прокидываем утёк.

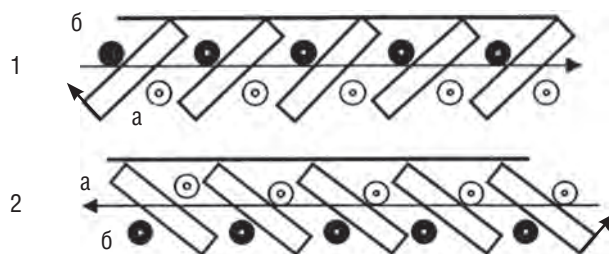

Схема 6. Порядок поворота дисковидных грузил для осуществления процесса ткачества путём изменения угла наклона относительно вертикальной плоскости

4. Станок для изготовления текстиля с плетёными кромками. При помощи реконструированных станков можно создать неширокие ткани разрежённой структуры переплетения. Для увеличения плотности ткани на каждое грузило добавлялись нити основы. В этом случае для смены зева применялась нитченка, которая представляет собой горизонтальную планку, размещённую перед основой, соединённую при помощи нитяных петелек с нижними нитями основы. Перемещением планки в направлении ткача нижним нитям сообщается верхнее положение, таким образом производится смена зева. В станке подобной конструкции грузила играют функцию утяжелителя, который может иметь любую форму. В скандинавских странах до нашего времени для этих целей используются камни.

И. Гейерли реконструировал неолитический вертикальный ткацкий станок с грузилами, представляющий собой два вилообразно расщеплённых вертикально вставленных в бруска. На вилообразные концы укладывается деревянная планка с подвязанными нитями, которые натягиваются грузами [7, с. 446]. Античный станок с товарным верхним валом и нитченками для образования зева представлял собой уже усовершенствованную конструкцию.

Станок с нитченками не фиксирует жёстко нити основы и не закрепляет интервал между ними. Это приводит к тому, что при работе нити начинают «сбегаться», то есть плотность ткани по основе повышается. Для преодоления этого недостатка применялись специальные «витые» или «круглые» кромки, выравнивающие ширину ткани. Фрагменты тканей с боковыми и начальными кромками были найдены в Дании, Великом Новгороде, Старой Ладобе [13, с. 158; 14, с. 256; 15, с. 102].

Текстиль с боковыми кромками также можно изготовить на станке с грузами. Для этой цели была сделана реконструкция гибридного варианта станка: в центральной части которого грузила подвешены на несколько нитей для изготовления полотна, по краям – на одну нить для производства витой или круглой кромки (рис. 1: 12). В реконструированном приспособлении для выработки круглой кромки на шести нитях три крайних грузила подвешиваются на одну нить (схема 7). При работе грузила не вращаются, а утёк прокидывается между нитями основы в определённой последовательности. Плетение кромки происходит одновременно с выработкой полотна в четыре этапа. Для увеличения ширины кромки подвешиваются дополнительные грузила.

Для закрепления основы на вертикальном станке использовались начальные кромки. Археологами были обнаружены ткани с начальными кромками, в которых соединялись два вида переплетений: с перевитой основой и саржевое 2/2 (рис. 2: 3, 4). Начальную кромку, состоящую из разных видов переплетений, можно выткать на грузилах следующим образом: две пары грузил вращаются друг к другу на 180°, создавая переплетение с перевитой основой, а два грузила, расположенные между ними, вращаются по схеме переплетения саржа 2/2 (рис. 2: 1, 2).

Простейшие текстильные орудия появились уже в неолите. В этот период плетение и ткачество были неразрывно связаны, провести чёткую границу между этими двумя технологиями невозможно. Многофункциональные приспособления с грузами могли применяться для изготовления как тканого, так и плетёного текстиля. Форма грузил явилась результатом длительной эволюции ткацкого устройства. При подвеске на одну нить грузила становятся инструментом для зевобразования. Расстояние между верхней и нижней нитями образует ткацкий зев, равный толщине грузила, в который пробрасывается утёк. Смена зева проис-

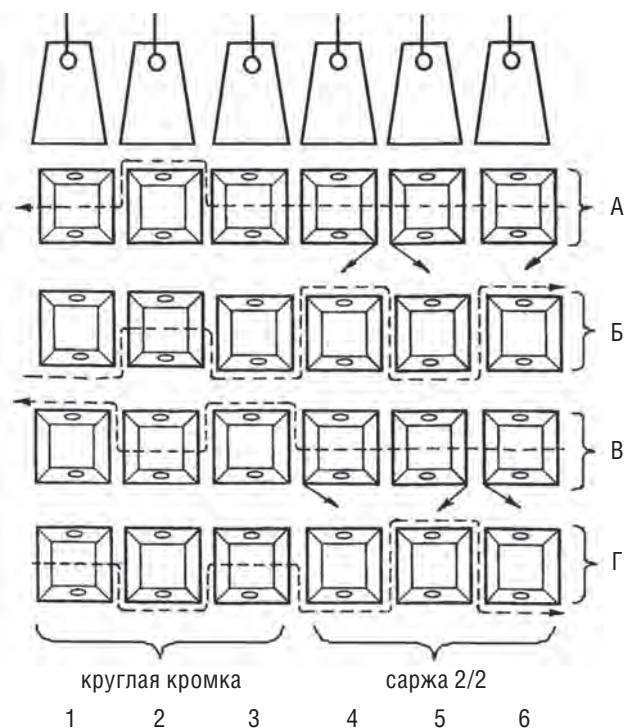

Схема 7. Изготовление ткани с круглой кромкой на трёх грузилах.

- А. Нить утка прокидывается между нитями грузила 3, за нитями грузила 2, между нитями грузила 1.
 Б. Нить утка прокидывается перед нитями грузила 1, между нитями грузила 2, перед нитями грузила 3.
 В. Нить утка прокидывается за нитями грузила 3, между нитями грузила 2, за нитями грузила 1.
 Г. Нить утка прокидывается между нитями грузила 1, перед нитями грузила 2, между нитями грузила 3

ходит при помощи поворотов грузил вокруг своей оси на 180° и 360° . В зависимости от порядка вращения грузил можно выработать ткани самых различных видов переплетений в одном изделии: с перевитой осевой, полотняного, саржевого, а также с витой и круглой кромками (рис. 2: 7).

Предложенные реконструкции станков никаких дополнительных деталей, помимо грузил, не требуют. Простота производства, вариативность и многофункциональность – отличительные черты экспериментальных конструкций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайдукевич В.Ф. Раскопки в Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. № 25. 1952.
2. Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья. III–V вв. Киев, 1984.
3. Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М., 1973.
4. Гроздилов Г.П. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА. Т. XIV. 1950.
5. Дубов И.В., Седых В.Н. К вопросу о хронологии и назначении глиняных дисков // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
6. Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя // Труды ИИМК. Том XVIII. СПб., 2005.
7. Козаков А., Черненко Е. Черниговский детинец в свете новых археологических материалов // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007.
8. Barska, K. The Roman Period Warp-weighted Loom from Ozarów Mazowieck: Poland // Acta Archaeologica Lodziensia. Nr 50/1. Łódź, 2004.
9. Савенкова М.М., Чекунов Ю.А. Реконструкция процесса ручного ткачества и плетения с использованием керамических грузил позднеимского времени // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж, 2006.
10. Шишлина Н.И. Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. М., 1999. (ТГИМ. Вып. 109)
11. Орфинская О.В., Голиков В.П., Шишлина Н.И. Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы Евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. М., 1999. (ТГИМ. Вып. 109)
12. Левин-Дорш А., Кунов Г. Первобытная техника. М.; Пг., 1924.
13. Hald, M. Ancient Danish Textiles from Bogs and Burials. National Museum of Denmark. Copenhagen, 1980.
14. Нахлик А. Ткани Новгорода // МИА. № 123. Т. 4. 1963.
15. Давидан О.И. Ткани Старой Ладоги // АСГЭ. № 22. 1981.

*Воронежский государственный педагогический университет,
 Воронеж*

M.M. Savenkova

**THE RECONSTRUCTION OF THE PROCESS OF WEAVING ON THE VERTICAL LOOM
WITH CERAMIC WEIGHTS**

Summary

Based on the functional-kinematic analysis of pyramidal and disc-shaped weights the attempt of the reconstruction of various types of vertical looms was made in the article. There are looms for cord, floor mat and cloth manufacture. The peculiarities of the technological process were investigated, the methods of the manufacture of textiles were reconstructed and textile samples were made.

*Voronezh State Pedagogical University,
Flat 1, House 40, Moiseeva St., Voronezh,
394055, Russia*

E-mail: savenkova-m@yandex.ru

И.В. Исланова

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ НАБОР (к вопросу о культурной ситуации на Верхней Волге в середине – третьей четверти I тыс. н.э.)

Многочисленные вопросы, касающиеся этапов и исходных территорий славянского расселения в Верхнем Поволжье, остаются нерешёнными. Археологические источники единичны, и существенного их увеличения в ближайшее время не ожидается. Имеющийся на сегодняшний день материал, хранящийся в фондах Тверского государственного объединённого музея и лишь частично опубликованный, позволяет в самых общих чертах определить характер проходивших здесь культурных изменений в раннесредневековое время. Рассматриваемая в работе территория включает верховья р. Волги с озёрами и меридиональное ржевское течение реки до впадения в неё р. Вазузы (рис. 1).

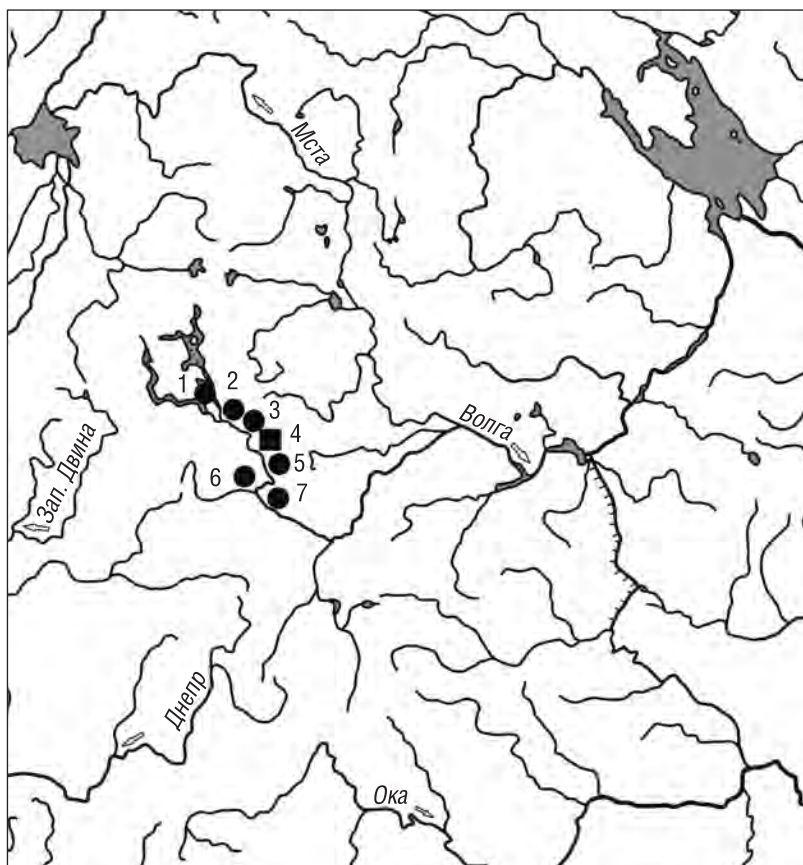

Рис. 1. Поселения середины – третьей четверти I тыс. н.э. Верхневолжья:
1 – селище Подол 3; 2 – селище Тёплый Ручей 2; 3 – селище Рогово 2; 4 – городище Осечен;
5 – селище Суходол 2; 6 – селище Усть-Тудовка 8; 7 – селище Бобронники

Исследователи анализировали этот регион в общем контексте культурной ситуации. На археологических картах этот участок для раннесредневекового времени нередко представлен «белым пятном». Выявленные здесь поселения раннего железного века включены в дьяковский ареал [1, табл. X]. А.А. Спицын полагал, что известные здесь городища Дьякова типа (датируемые им VI–VII вв. н.э.) могли быть не финскими, а «литовскими» [2, с. 163]. Е.А. Шмидт отмечал тяготение части ржевского течения Волги к культурному массиву, лежащему юго-западнее: в бассейнах Западной Двины и Верхнего Днепра. По его мнению, в V–VI вв. н.э. позднедьяковские поселения не составляли единого целого, и «в их среду происходила инфильтрация мощинского населения» [3, с. 151–152, рис. 14, 15, 17]. В этих построениях Е.А. Шмидт опирается в том числе и на работу В.В. Седова по балтской гидронимии западной части Волго-Окского междуречья [4]. В ареал балтских гидронимов включены не только правый, но и левый берега р. Волги и оз. Волго [5, рис. 12, 13, 14]. Однако детальное специальное исследование по выявлению гидронимов в левобережье Верхней Волги не проводилось. В одной из последних работ В.В. Седова ржевское течение отнесено к ареалу дьяковской культуры (правда, это отражено только на карте), а озёра Волговерховья – к зоне «наложения» дьяковской и ильменской культур [6, рис. 23]. Последняя культура, видимо, обозначена на основании выделенного Б.С. Короткевичем и А.Н. Мазуркевичем ильменского варианта днепро-двинской культуры [7, рис. 1].

П.Н. Третьяков также считал анализируемый регион зоной чересполосного расселения верхнеднепровских и дьяковских групп [8, рис. 8]. Сведения о наличии длинных курганов на Верхней Волге послужили для него основанием для предположения о том, что в IV–VII вв. н.э. (или несколько позднее) здесь отмечалась мощная «древняя славянская струя» [9, с. 297–299]. Это положение затем развивал О.М. Олейников [10].

По мнению тверского исследователя А.Д. Максимова, территория по ржевскому течению Волги в III–VII вв. н.э. входила в ареал мощинской культуры «с незначительными добавлениями славянских элементов» [11, с. 362]. На основании материалов из грунтового, по мнению автора раскопок, могильника Струйское О.М. Олейников считает, что группы мощинского населения проникают на Волгу только с конца VI в. н.э. В VII в. это население «встретилось» с «носителями культуры псковских длинных курганов, которые продвигались с верхневолжских озёр вниз по Волге» [10, с. 11, 12, 18].

Все перечисленные концепции опираются на факты наличия или отсутствия в регионе тех или иных археологических объектов. Исключением является работа О.М. Олейникова, рассмотревшего также находки керамики [12, с. 520–557]. Однако предложенная им классификация, суммарная для 2-й пол. I – нач. II тыс. н.э., не даёт возможности детально анализировать конкретные культурно-хронологические периоды.

Накопленный к настоящему времени массовый керамический материал позволяет выявить серию компонентов, на основе которых складывалась культура раннесредневекового населения в верховьях р. Волги. Предлагаемая ниже группировка керамики опирается на анализ коллекций с конкретных памятников [13, с. 169–178; 14, с. 487–491], датируемых сер. – 3-й четв. I тыс. н.э. и изучавшихся стационарно: с селищ Усть-Тудовка 8, Суходол 2, Рогово 2, Бобронники, Тёплый Ручей 2, Подол 3 и с городища Осечен¹ (рис. 1). Вблизи перечисленных поселений памятники культуры псковских длинных курганов неизвестны.

В основу группировки керамики рассматриваемой территории положена типология Н.В. Лопатина. После сопоставления керамики культуры псковских длинных курганов он выделил три условных региона: Двинско-Ловатский, Псковско-Чудской, Мстинско-Валдайский с характерными пятью керамическими наборами [15, с. 44–56]. Следует согласиться с исследователем, что на основе имеющейся незначительной информации вычлнить собственно культурно-хронологические группы для раннесредневековых древностей пока невозможно. После анализа керамического материала верхневолжских памятников выделяется шестой раннесредневековый набор. Из-за незначительности выборки подсчёты процентного соотношения разных форм сосудов невозможны. Какие-либо количественные характеристики преждевременны из-за состояния источниковой базы (небольшие площади раскопок, турбированность слоёв, отсутствие условно закрытых комплексов).

Верхневолжский набор состоит из четырёх основных групп (типов) керамики. Остальные группы посуды, встреченной на тех или иных поселениях, в данной статье не рассматриваются. Они имеют широкие территориальные и хронологические рамки бытования и не несут необходимой культурной информации.

Группа I (рис. 2) представлена керамикой мощинского круга (близкой к посуде мощинской культуры) и сосудами, как бы «продолжающими её развитие». Найдена на всех перечисленных выше селищах. Это сосуды с высокой шейкой, иногда украшенные по торцу венчика нарезками и вдавлениями, и с уступом или удлинённым уступом, постепенно преобразующимся в ребро в месте перехода плеча в тулово. Судя по деталям оформления верхней части сосудов, аналогичным имеющимся на посуде с датированных мощинских памятников, керамика мощинского круга появляется в Верхнем Поволжье в IV–V вв. н.э. и бытует по VI–VII вв. н.э. [16, с. 35; 17, с. 15].

Группа II (рис. 3) – керамика с ребром в верхней трети или четверти сосуда в месте перехода плечика в тулово. Предположительно к этой же группе можно отнести и сосуды баночных форм со слабо намеченным ребром. Такая керамика происходит с селищ Подол 3, Суходол 2, Рогово 2, Тёплый Ручей 2, Бобронники и с городища Осечен. Существует несколько версий появления ребристой посуды на раннесредневековых памятниках Верхневолжья и в культуре псковских длинных курганов (КПДК) Валдайского региона

¹ Пользуюсь случаем выразить признательность А.В. Энгватовой, А.Д. Максимова, А.В. Мирецкому, позволившим анализировать и публиковать материалы из их раскопок.

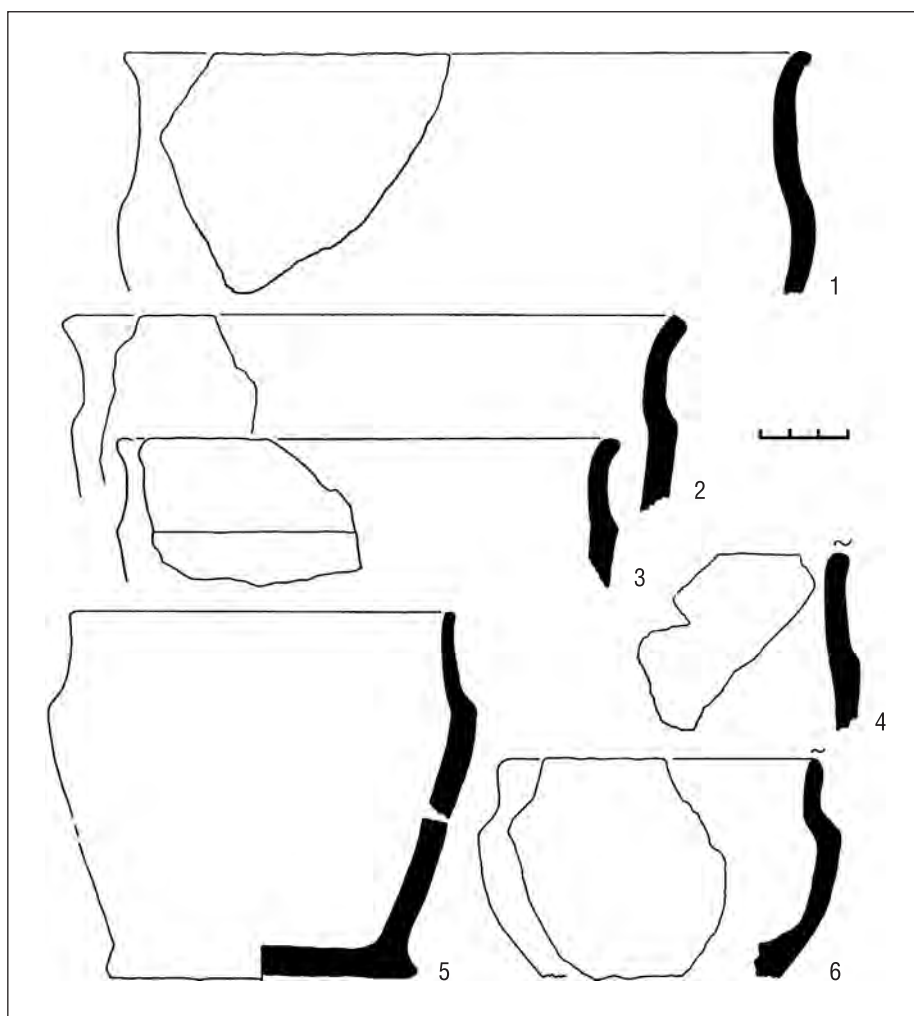

Рис. 2. Керамика группы 1:

1, 4 – селище Подол 3; 2 – селище Суходол 2; 3 – селище Рогово 2; 5, 6 – городище Осечен

[18, с. 313]: 1) трансформация керамики мощинского круга – своеобразное удлинение уступа; 2) культурный импульс непосредственно из регионов с древностями типа Узмень и Демидовка, где находки керамики с ребром относительно многочисленны [19, с. 313].

Группа III (рис. 4) – слабопрофилированные сосуды, близкие к типу 9 по Н.В. Лопатину [15, с. 48, рис. 1]. Их фрагменты найдены на селищах Подол 3, Рогово 2, Усть-Тудовка 8. Такая посуда имеет аналоги на селище КПДК Городок 1 (бассейн Верхней Мсты) и селище Фролы 1 (Верхнедвинский бассейн) [20, рис. 4: 2, 4.]. Предположительно прототипы такой посуды, по Н.В. Лопатину, известны в древностях круга Заозерье-Узмень [15, с. 44].

Группа IV (рис. 5) – слабопрофилированные округлобокие сосуды, близкие к типам 7, 8 и, возможно, 11 по Н.В. Лопатину [15, с. 47, 48, 54, рис. 1]. Фрагменты происходят с селищ Подол 3, Суходол 2, Тёплый Ручей 2, Бобронники и с городища Осечен. Подобная посуда есть на так называемых памятниках киевского круга и в последующих древностях КПДК.

Итак, для Верхневолжского набора характерны: 1) присутствие керамики типов 7, 8, 9 и, в меньшей степени, типа 11, имеющих прототипы в раннеславянских древностях; 2) распространение сосудов с ребром в верхней трети тулова; 3) наличие керамики, близкой к посуде мощинской культуры; а также наличие форм с каннелурой (бороздкой) (рис. 4: б). Предположительно формирование этого керамического набора могло происходить частично на той же основе (древностей круга Заозерье-Узмень), что и наборов, выделенных для древностей КПДК Северо-Запада Восточной Европы. Однако фиксируется существенное присутствие местных форм, продолжающих традиции мощинской керамики и свидетельствующих о «вкладе» местного (для того времени) компонента в формирующуюся раннесредневековую культуру региона.

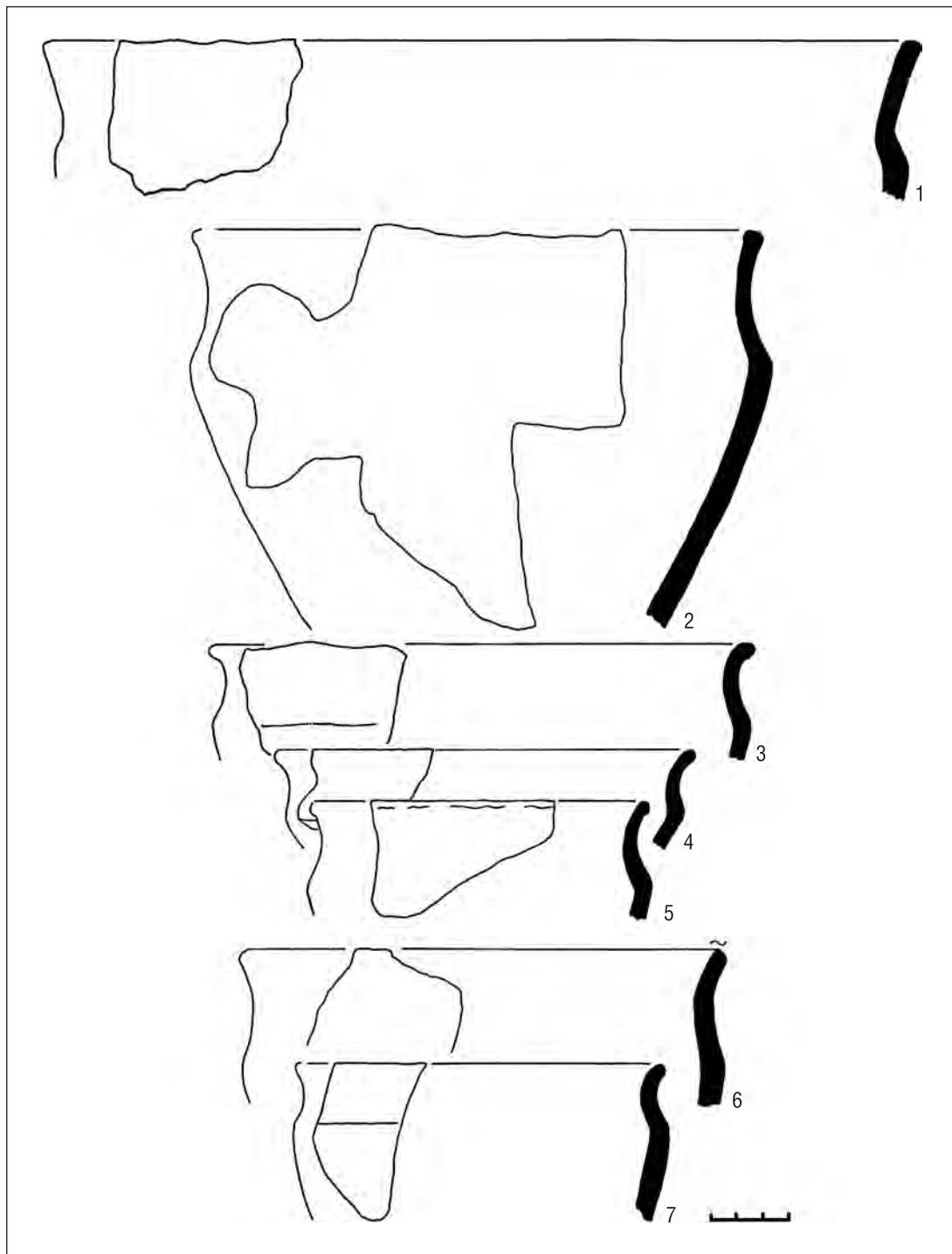

Рис. 3. Керамика группы 2:
1 – селище Тёплый Ручей 2; 2, 7 – селище Суходол 2; 3, 6 – городище Осечен; 4, 5 – селище Подол 3

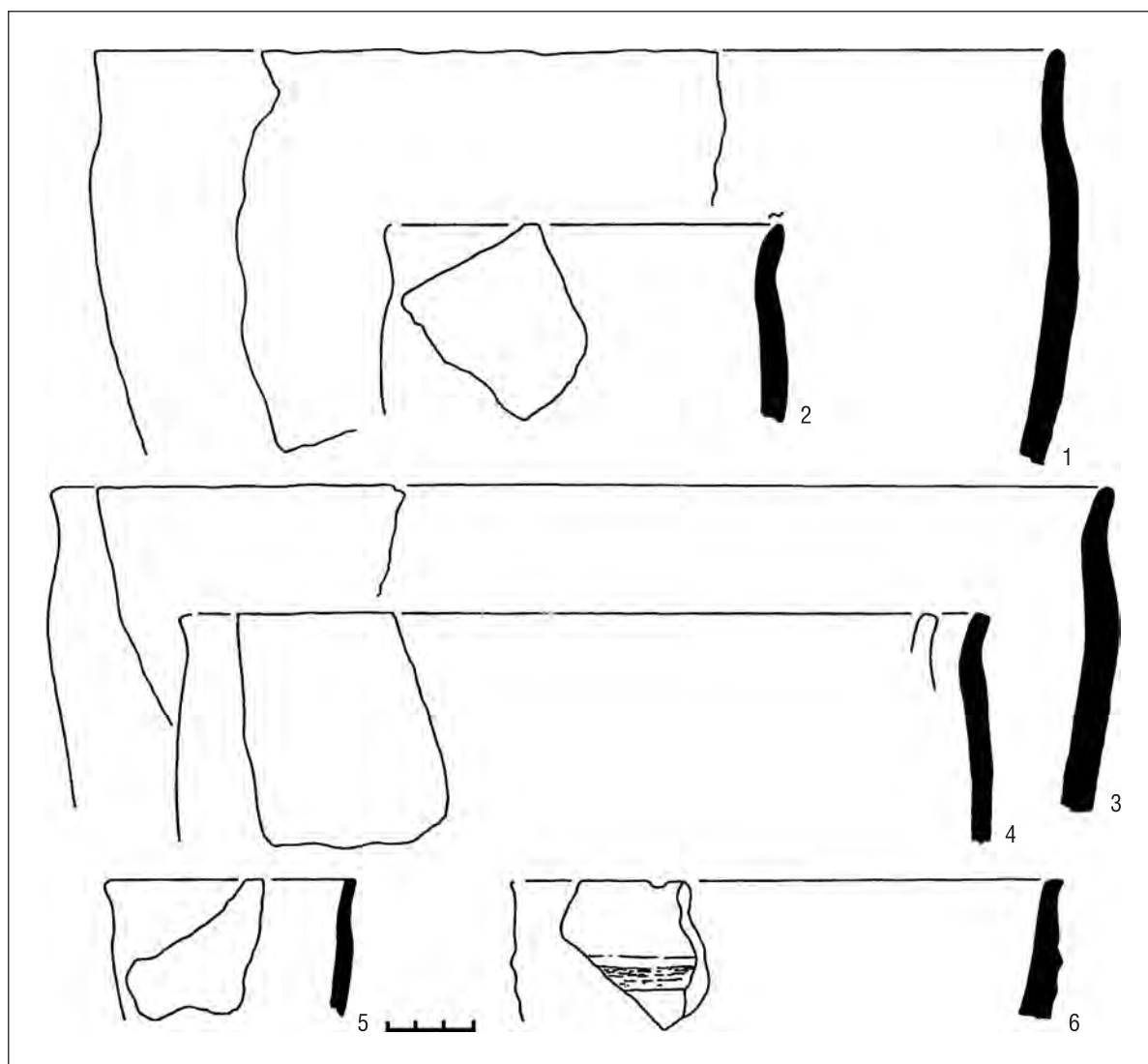

Рис. 4. Керамика группы 3 и фрагмент сосуда с каннелурой (6):
1, 3 – селище Подол 3; 2, 4, 6 – селище Рогово 2; 5 – селище Усть-Тудовка 8

В анализируемом керамическом наборе “просматриваются” исходные территории двух культурных импульсов. Скорее всего, это не торговые контакты, а передвижение населения. Для времени не позднее V в. н.э. (по встреченным фрагментам типичных для мощинской культуры сосудов) фиксируется присутствие культурных элементов, близких к мощинским. Приток населения мог происходить из Верхнего Поочья через верховья Днепра и р. Вазузу, правый приток Волги. Подтверждением этого направления может служить выявленное на р. Вазузе поселение с аналогичной керамикой [21, с. 375–379].

В верховьях р. Волги известна в основном керамика, свидетельствующая о трансформации посуды мощинских форм. При этом вещи, характерные для этой культуры, отсутствуют, что позволяет говорить (на современном этапе наших знаний) только о культурной близости, а не о включении региона в ареал собственно мощинских древностей.

Вполне допустимо, что почти одновременно в рассматриваемый регион поступает иной (в культурном плане) импульс из Верхнего Подвинья, связанный с древностями круга Заозерье-Узмень, являющимися, по мнению ряда исследователей, раннеславянскими [22, с. 105]. Определённое сходство керамики КПДК и выделенных групп 3 и 4 позволяет говорить о возможных общих прототипах и о проникновении на Верхнюю Волгу и Валдай значительно раньше (не позднее V в. н.э.), чем предполагали, нового населения, изготавливавшего подобную посуду.

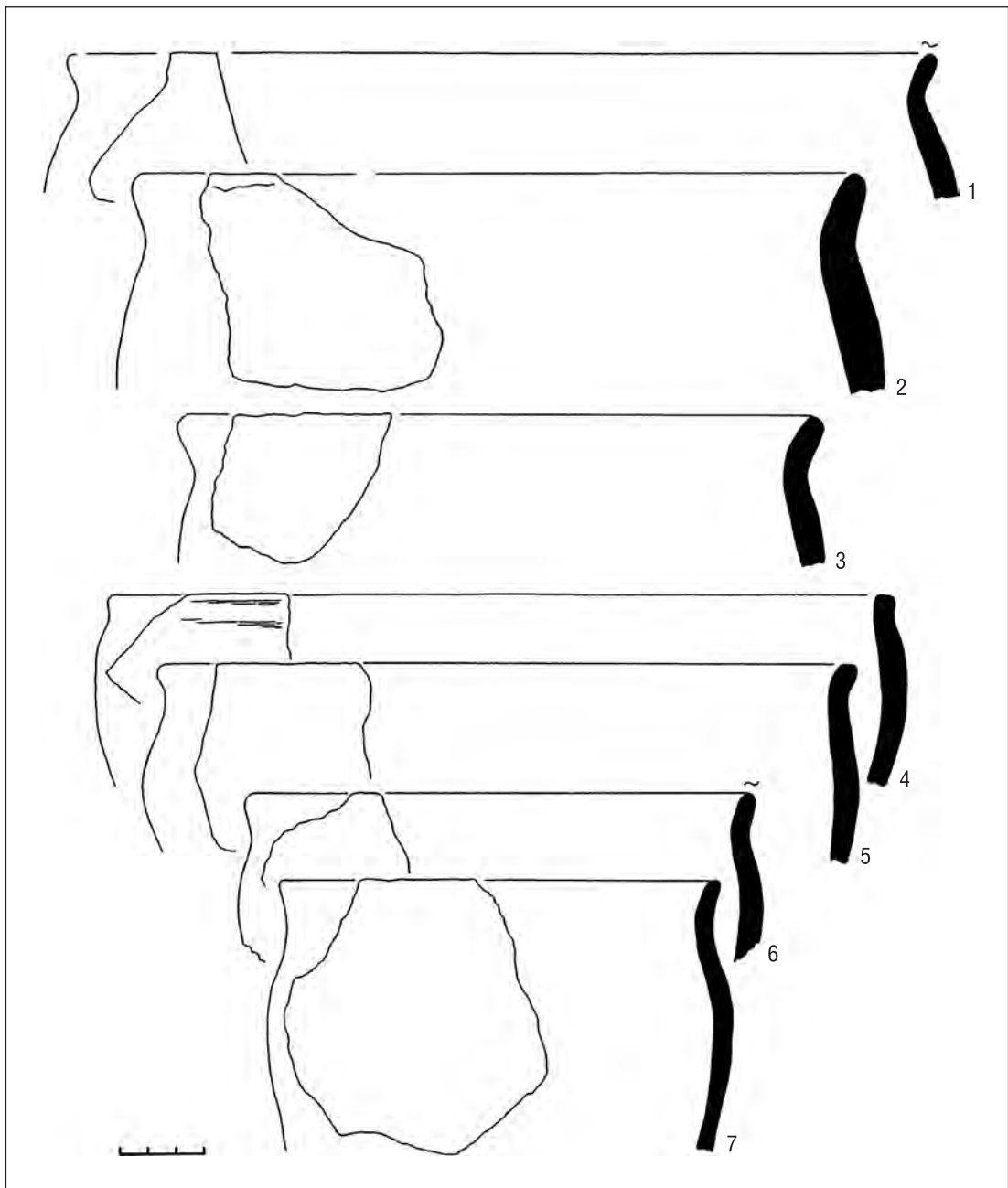

Рис. 5. Керамика группы 4:
1 – селище Суходол 2; 2, 3, 6, 7 – городище Осечен; 4, 5 – селище Подол 3

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Смирнов К.А.* Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974.
2. *Спицын А.А.* Ржевские древности // Ржевский край. Вып. 1. Ржев, 1926.
3. *Шмидт Е.А.* Верхнее Поднепровье и Подвине в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск, 2003.
4. *Седов В.В.* Балтийская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1971. (МИА. № 184)
5. *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
6. *Седов В.В.* Древнерусская народность. М., 1999.
7. *Короткевич Б.С., Мазуркевич А.Н.* Пять вариантов днепро-двинской культуры // Петербургский археологический вестник. № 2. Без даты.
8. *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М., 1953.
9. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л., 1966.
10. *Олейников О.М.* История населения Тверского Поволжья в IV–XIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
11. *Максимов А.Д.* О культурных различиях локальных групп памятников раннего железного века Тверской области // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
12. *Олейников О.М.* Лепная керамика населения Тверского Поволжья второй половины I тысячелетия н.э. // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.
13. *Исланова И.В., Черных Е.М.* Лепная керамика селища Рогово-2 в Верхневолжье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008.
14. *Синицына Г.В., Исланова И.В.* Раннесредневековые материалы с северного берега оз. Волго в Тверской области // ТАС. Вып. 7. Тверь, 2009.
15. *Лопатин Н.В.* О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 114. 2003.
16. *Исланова И.В.* Городище Отмичи. М., 2008.
17. *Воронцов А.М.* К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.
18. *Исланова И.В.* Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., 2007.
19. *Фурасьев А.Г.* Динамика культурных трансформаций в междуречье Западной Двины и Великой во второй и третьей четверти I тыс. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.
20. *Фурасьев А.Г.* Периодизация древностей середины – второй половины I тыс. н.э. на северном берегу оз. Сенница // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
21. *Лопатин Н.В., Лопатина О.А.* Памятник мощинской культуры в верховьях Вазузы // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.
22. *Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н.э. М., 2007.

*Институт археологии РАН,
Москва*

I.V. Islanova

**UPPER VOLGA SET OF CERAMIC
(TO THE QUESTION OF CULTURAL SITUATION ON UPPER VOLGA
IN THE MIDDLE – THE THIRD QUARTER OF THE I MILLENNIUM AD)**

Summary

Analysis of mass materials from settlements of the middle – the third quarter of the I millennium AD, situated on the upper reaches of the Volga, gives the possibility to distinguish Upper Volga set of ceramics, complementing the group of pottery of forest zone of Eastern Europe, proposed by N.V. Lopatin. The composition of ceramics groups gives evidence of two culture impulses – caused by the penetration of the foreign population. One impulse was from headwaters of Oka (from the Moshchino Cultural areal) and was dated no later than V century AD, the other impulse took place almost simultaneously from headwaters of Dvina occupied by antiquities of the type Zaozerye-Uzmen.

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia
E-mail: ivisl@mail.ru*

О.М. Олейников

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНА № 11 КУРГАННОЙ ГРУППЫ ТУХАЧЁВО 1 В СЕЛИЖАРОВСКОМ РАЙОНЕ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2001 ГОДУ

В 1998 г. археологической экспедицией ТГОМ начато планомерное исследование памятников культуры длинных курганов (КДК), расположенных возле д. Девичье и д. Тухачёво на южном берегу оз. Волго. До создания Волговского водохранилища в XIX в. береговая линия р. Волги находилась в 1 км к северу от древней и ныне существующей дороги от д. Девичье к д. Тухачёво. Вдоль дороги зафиксированы 8 курганных групп, маркирующих не только эту дорогу, но и тропы, ведущие к поселениям, которые сейчас затоплены (рис. 1).

Общая археологическая обстановка 2-й половины I тыс. н.э. в верховьях Волги показана на рисунке 2.

В 1998–2000 гг. проведены охранные археологические исследования четырёх разрушающихся курганов курганных групп Девичье 1, Девичье 2 и Девичье 4 [1, с. 103–110].

В 2001 г. начато исследование курганной группы Тухачёво 1, расположенной в 500 м к северо-востоку от д. Волга (рис. 3).

Курганная группа Тухачёво 1 была открыта и впервые обследована в 1976 г. М.Г. Жилиным и Е.В. Бодуновым [2]. Она расположена на высокой первой надпойменной террасе оз. Волго на высоте 5 м от летнего уровня стояния воды в озере и вытянута вдоль древней тропы (дороги) на 250 м с востока на запад (почти перпендикулярно береговой линии озера) (рис. 3). В группе насчитывается 18 насыпей: три насыпи (№№ 3, 8, 9) имеют подпрямоугольную форму; пять (№№ 5, 6, 7, 13, 14) – овальную; девять насыпей (№№ 1, 2, 4, 10, 12, 15, 16, 17, 18) – округлую; один курган имеет вытянутую вдоль дороги форму (№ 11).

Для исследования был выбран курган № 11, который подвергался наибольшему разрушению.

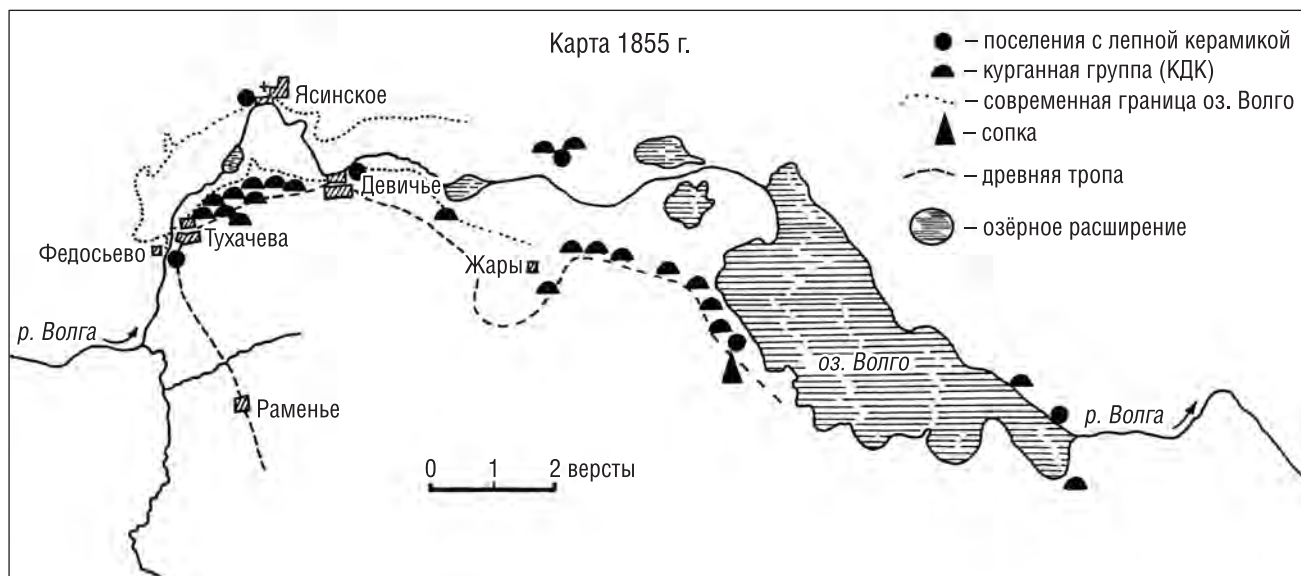

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников 2-й пол. I тыс. н.э. у д. Тухачёво Селижаровского района Тверской области (на основе карты 1855 г.)

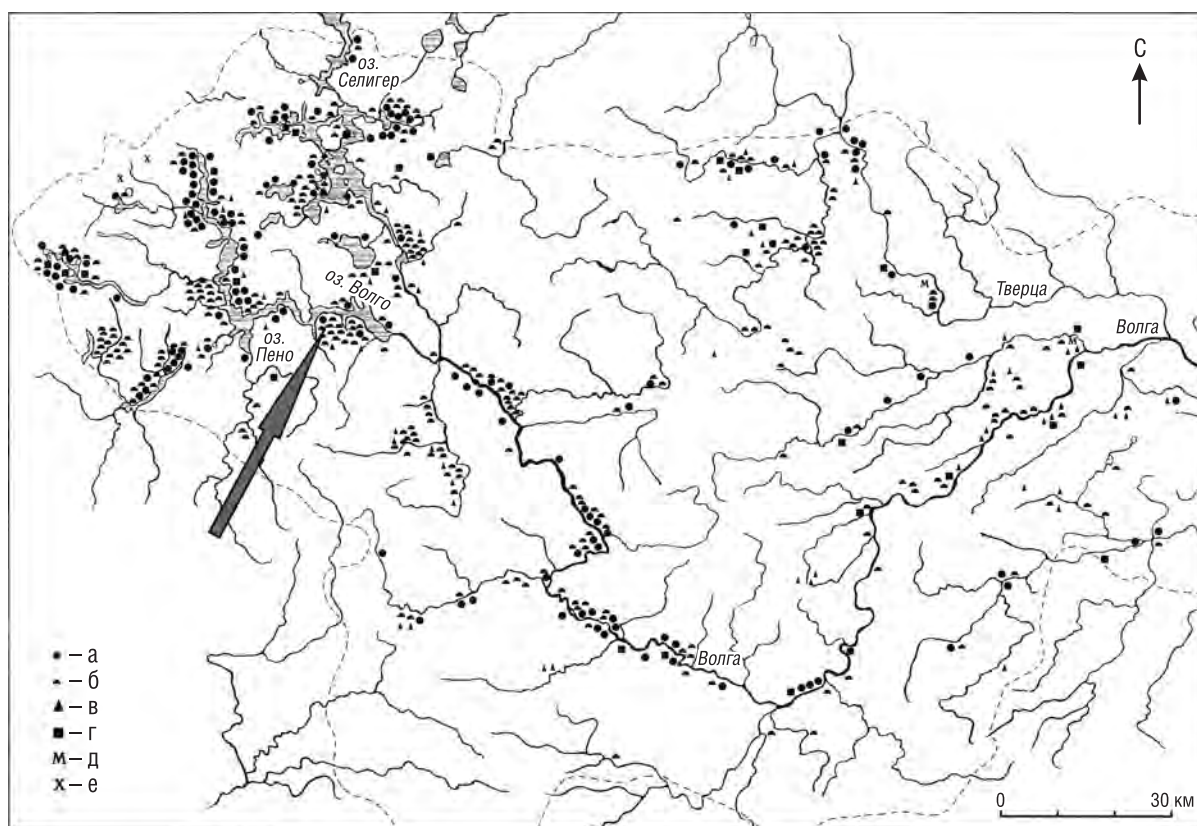

Рис. 2. Памятники Тверского Поволжья 2-й пол. I тыс. н.э.
 Стрелкой показано местонахождение курганный группы Тухачёво 1.
 а – поселение; б – курганный могильник; в – сопочный могильник или «сопки в борах»; г – городище;
 д – клад монет; е – камень-«следовик»

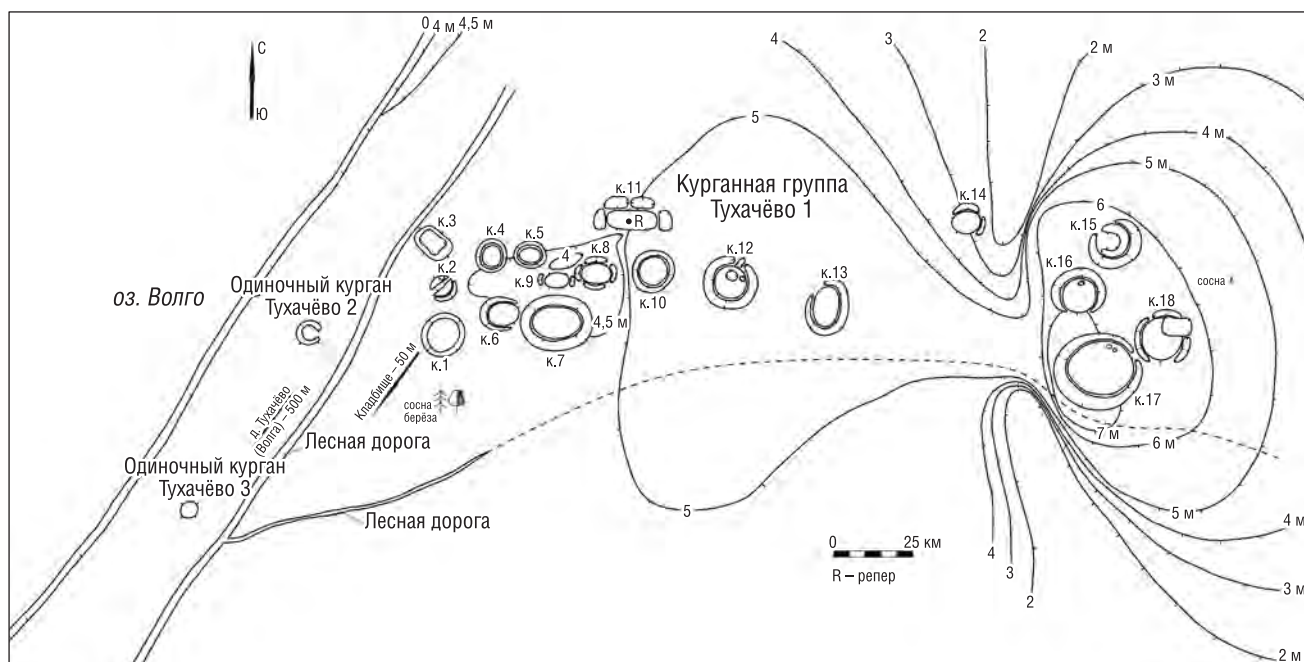

Рис. 3. Ситуационный план курганный группы Тухачёво 1

Курган № 11 могильника Тухачёво 1 располагался в северной части группы в 90 м к востоку от береговой линии и в 10 м к северу от круглого кургана № 10, имел вытянутую с востока на запад форму (1600×600×110 см). Вдоль западной, северной и восточной сторон кургана прослеживался ровик в виде четырёх прерывистых овальных ям. Восточный ровик, вытянутый с юга на север, имел визуальную овальную форму (1200×400 см), глубину 70 см от дневной межкурганной поверхности. Западный ровик, вытянутый с юга на север, прослеживался как овальный (1100×500 см), глубиной 70 см от дневной межкурганной поверхности. Северо-западный ровик, вытянутый с востока на запад, имел визуальную овальную форму (550×350 см), глубину 50 см от дневной межкурганной поверхности. Северо-восточный ровик был вытянут с востока на запад (800×450 см) и имел глубину 100 см от дневной межкурганной поверхности (рис. 4).

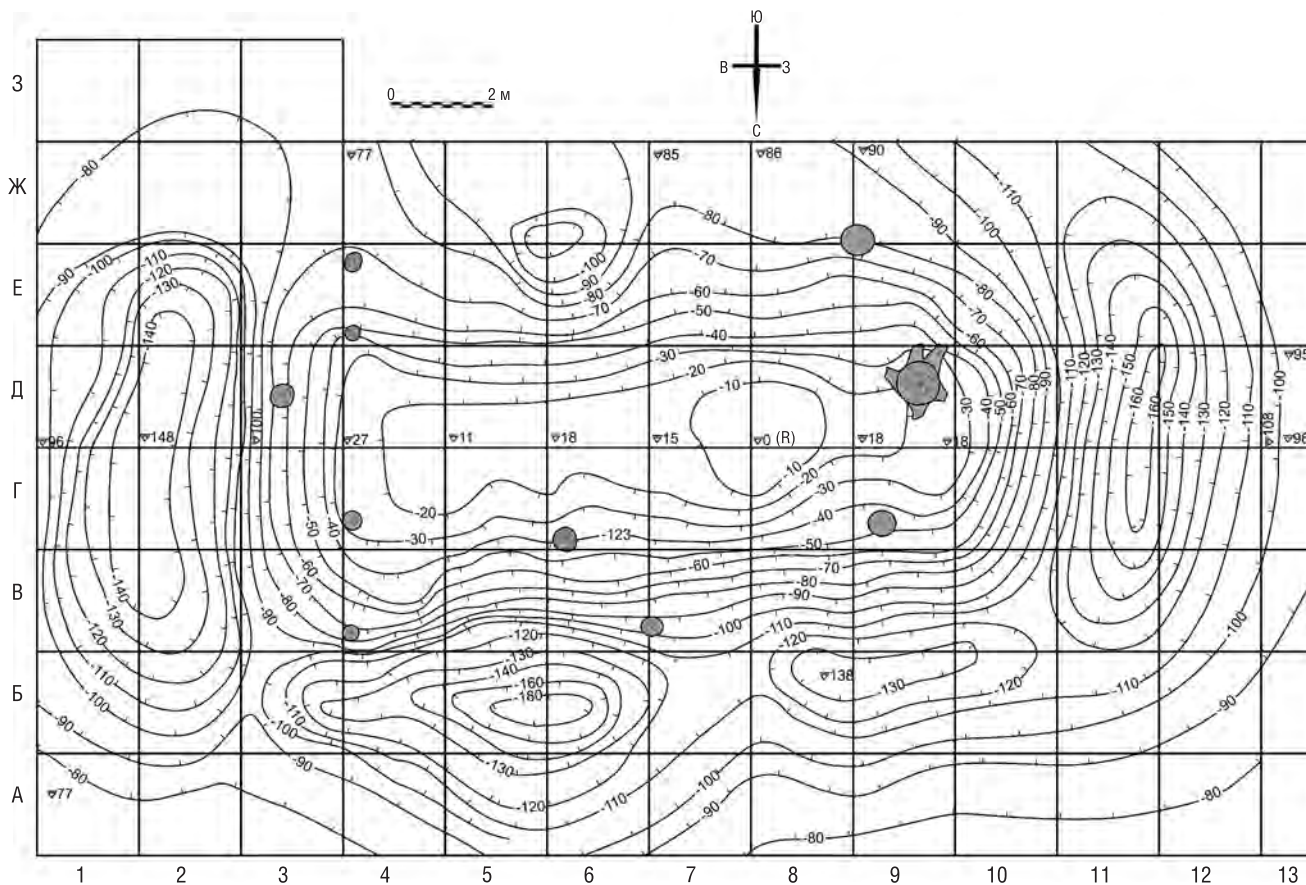

Рис. 4. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. План нивелировки современной дневной поверхности

Сама насыпь была валообразной, вытянутой с востока на запад, её длина в основании – 1600 см, высота – 110 см, ширина – 600 см. Склоны насыпи крутые, вершина ровная, её длина – 1200 см (рис. 4).

Методика раскопок курганов в исследуемом районе южного побережья оз. Волго была отработана в предыдущие годы. Сложность в исследовании конструкции насыпей заключалась в грунте, из которого они были сооружены. Это очень сыпучий, сильно перемешанный корнями деревьев и норами животных песок. Большое количество корней деревьев и мелкого кустарника также создавало определённые трудности в изучении стратиграфии насыпи. Поэтому первостепенное значение уделялось разрезам.

Во время раскопок, чтобы точнее проследить стратиграфию насыпи и ровиков, бровки оставлялись через метр, а в наиболее сложных случаях – через 50 см (рис. 5). Пространство между бровками и сами бровки разбирались послойно с фиксацией находок, слоёв и пятен.

В качестве репера была взята наивысшая точка насыпи (впоследствии он был перенесён на поверхность валуна, поставленного на вновь насыпанной (восстановленной) насыпи кургана № 11). От репера отмерялись все глубины залегания слоёв, находок и погребений, приводимые в статье.

После снятия на месте раскопа слоя лесного мусора и травяной растительности мощностью 5–10 см и слоя подзола мощностью до 18 см был прослежен ровик в восточной, северной и западной частях насыпи, заполненный по краям подзолом, а в центральной своей части – тёмно-коричневым, коричневым и жёлтым песком (рис. 6–12).

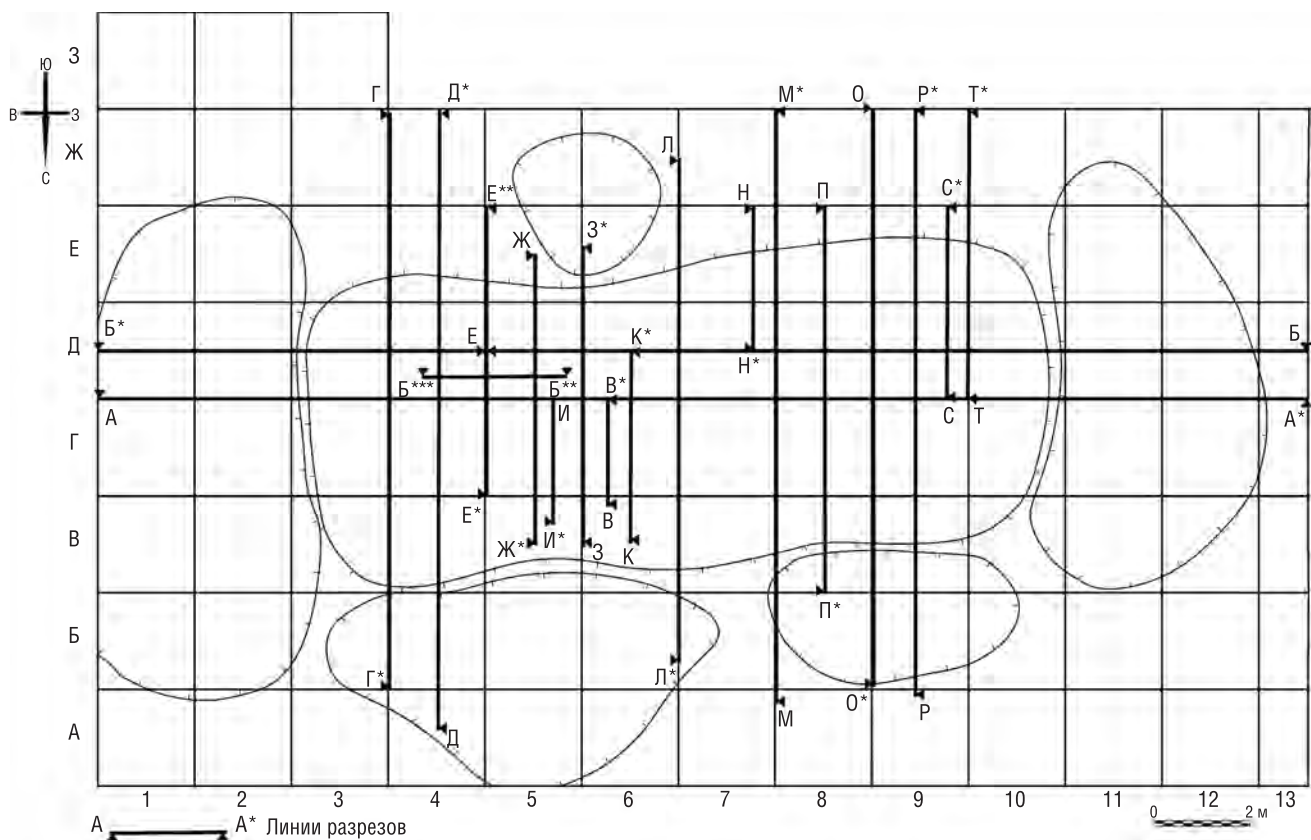

Рис. 5. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. План линий разрезов

Восточный ровик кургана № 11 был углублён в материк на 120 см, имел вытянутую вдоль восточного края насыпи кургана (с юга на север) форму (1000×420 см), стенки покатые, дно выгнутое. Заполнение – дно перекрыто жёлтым, светло-коричневым и коричневым песком с включением подзола и угля мощностью 10–20 см. Эти слои, по всей видимости, образовались в первое время после сооружения насыпи. Со стороны насыпи предматериковый слой заполнения восточного ровика перекрыт слоем жёлтого песка с включением подзола (сползшая насыпь) мощностью до 30 см. В восточной части ровика предматериковый слой перекрыт слоями коричневого и тёмно-коричневого песка с тленом и углём общей мощностью до 50 см (скопившийся и перегнивший лесной мусор). Никаких следов ритуального огня в ровике не прослежено.

Западный ровик углублён в материк на 110 см, имел вытянутую вдоль западного края насыпи кургана (с юга на север) форму (1080×400 см), стенки пологие, дно выгнутое (рис. 6–8). В западном ровике прослежены два этапа его создания. Первоначальный ровик имел глубину около 70 см от материковой поверхности. Дно ровика успело перекрыться слоем подзола мощностью до 8 см, после чего ровик был углублён ещё на 30 см в центральной своей части. Это связано, вероятно, с третьим этапом сооружения насыпи. Дно западного ровика (второй этап его создания) перекрыто слоями коричневого и тёмно-коричневого песка с включением угля и подзола мощностью до 40 см (скопившийся и перегнивший лесной мусор). Никаких следов ритуального огня в ровике не прослежено. Верхняя часть заполнения ровика прорезана перекопом XX в. (мусорная яма).

Северный ровик имел вытянутую с запада на восток форму (1400×400–600 см), был углублён в материк на 80–90 см, стенки пологие, дно выгнутое (рис. 6, 9–13). В северном ровике прослежены несколько этапов его возникновения.

Первоначально был вырыт ровик округлой формы диаметром около 400 см в кв. А-Г-7-9, углублённый в материк на 40–50 см, стенки пологие, дно слабовыгнутое. Грунт из него брался для сооружения первоначальной насыпи кургана подпрямоугольной формы (560×400 см), вытянутой с востока на запад (кв. Г-Д-7-9) (второй этап захоронений) (рис. 14). Дно ровика не было перекрыто слоем подзола, что свидетельствует о кратковременности его существования. Заполнение ровика – жёлтый мешанный песок мощностью 25–60 см – насыпь второго этапа и сползшая насыпь (рис. 10).

Под западной полой насыпи кургана № 11 в кв. Д-Г-10 прослежен западный ровик первоначальной насыпи, углублённый в материк на 30 см, стенки пологие (46°), дно слабовыгнутое, постепенно поднимающееся к западу. Выброс из этого ровика прослежен на погребённом подзоле в кв. Г-Д-9. Он состоит из жёлтого песка с включением светло-коричневого и подзолистого песка (рис. 7, 8, 10).

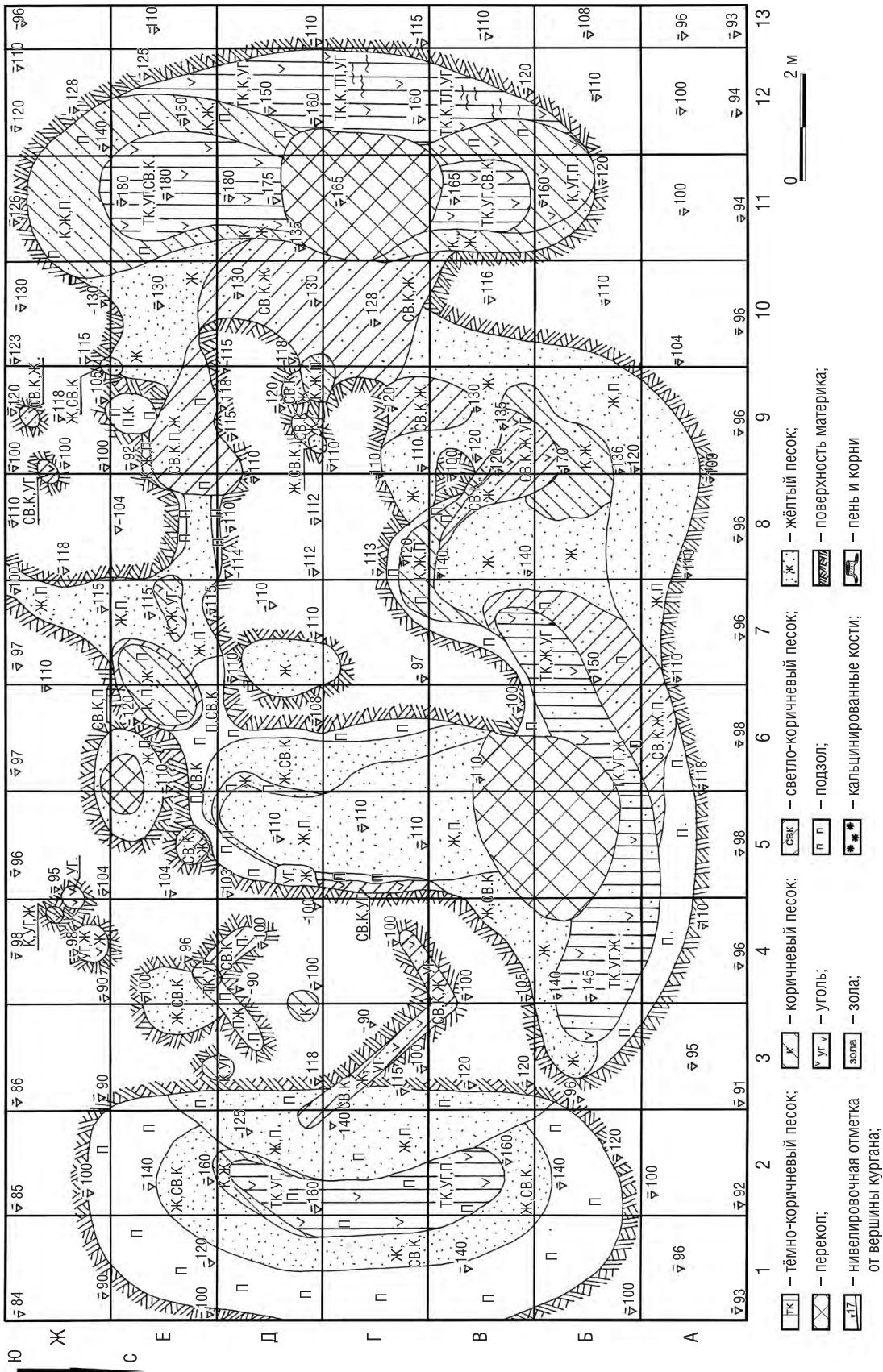

Рис. 6. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. План пятен на материке (Условные обозначения – для рис. 6–12, 15, 17)

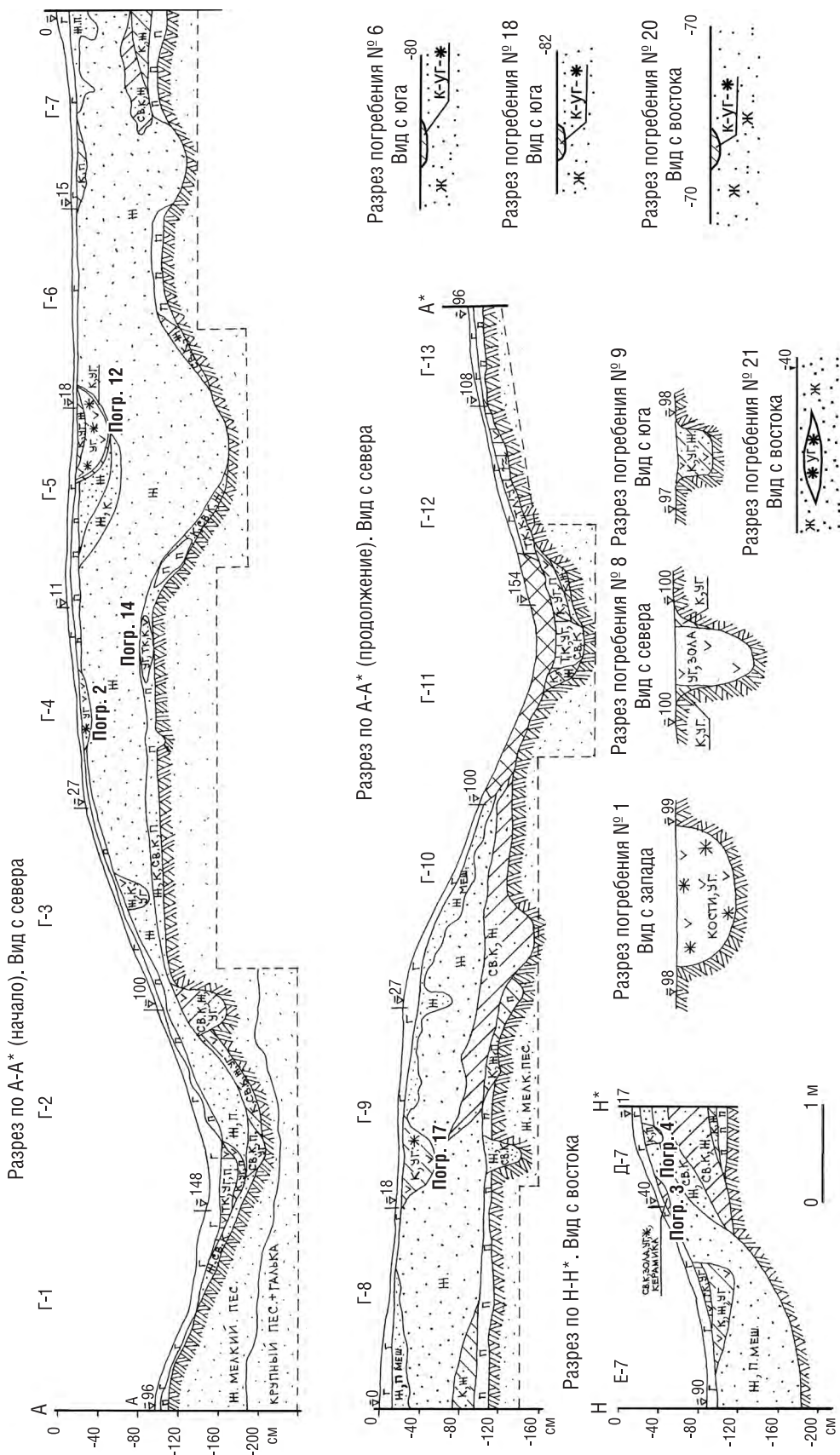
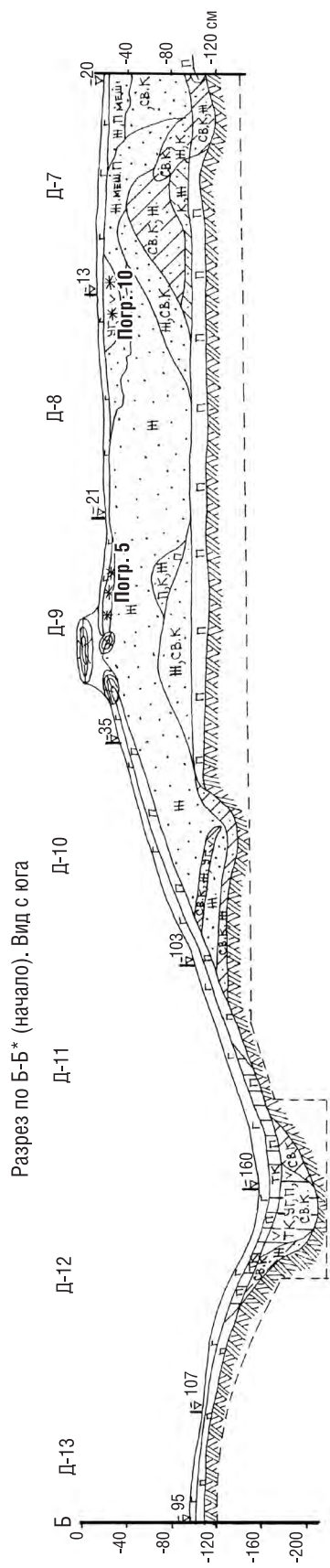
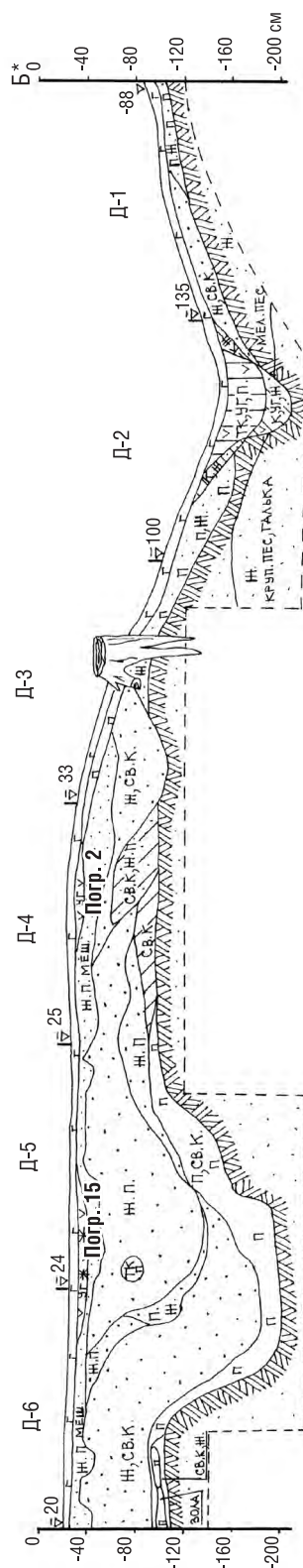

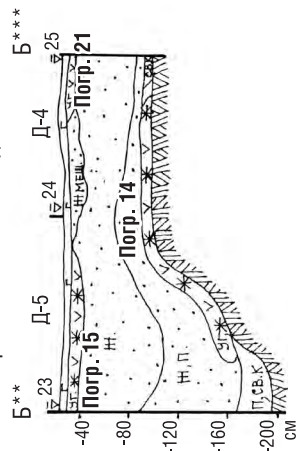
Рис. 7. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. Разрезы кургана и погребений

Разрез по Б-Б* (продолжение). Вид с юга

Разрез по Б** - Б****. Вид с юга

Разрез погребения № 19

Вид с запада

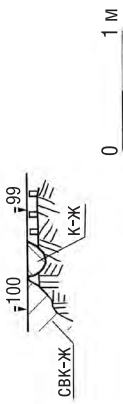

Рис. 8. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. Разрезы кургана

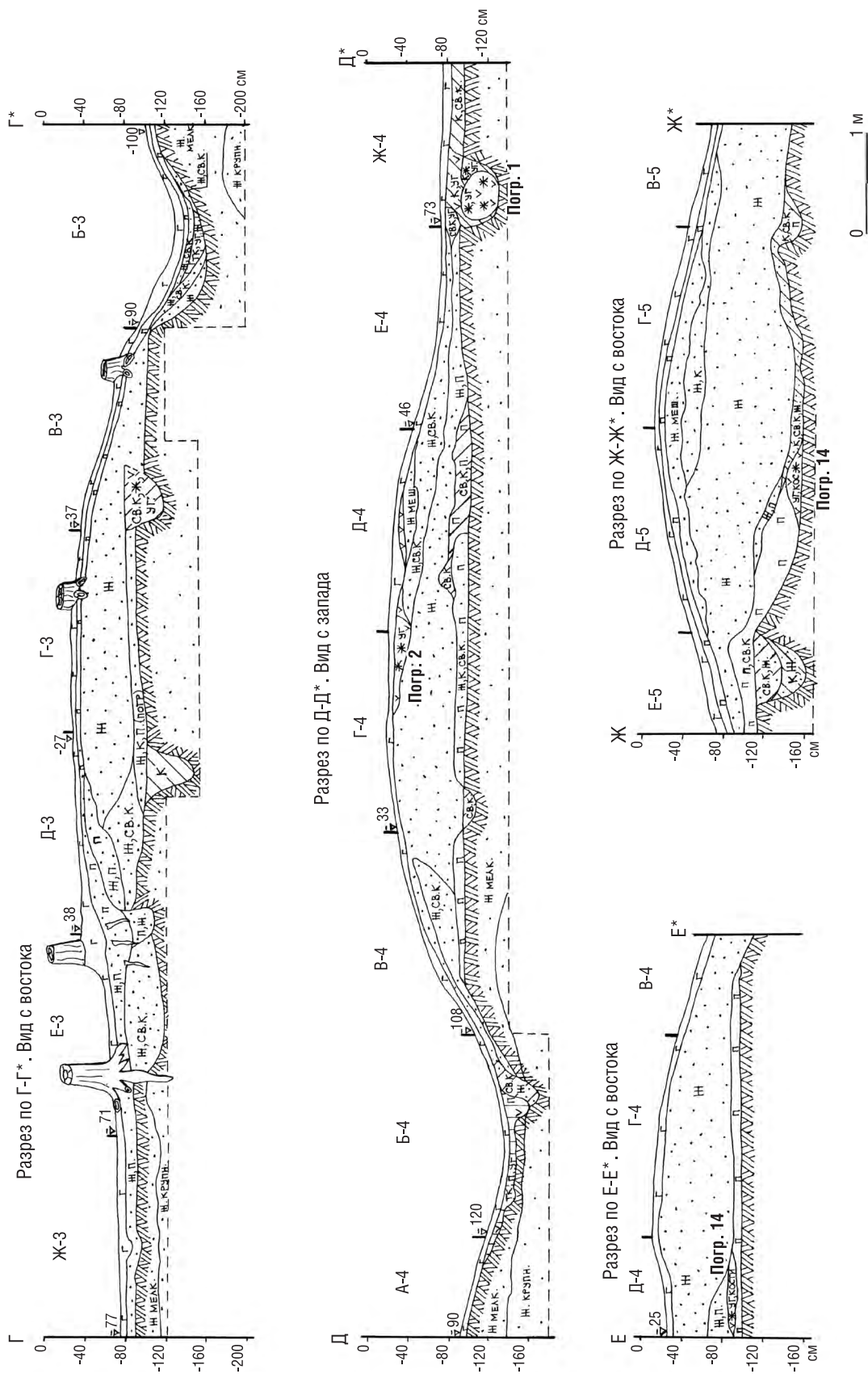

Рис. 9. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. Разрезы кургана

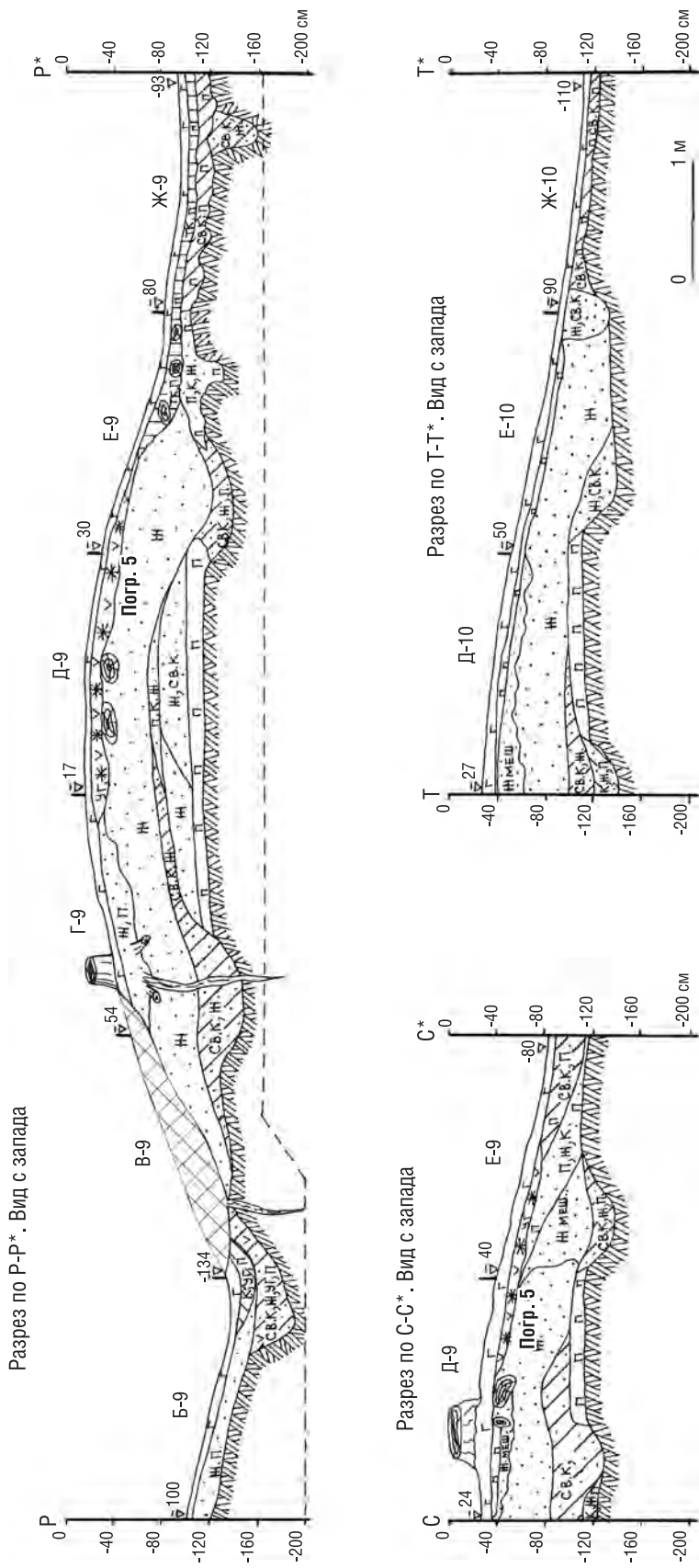

Рис. 10. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. Разрезы кургана

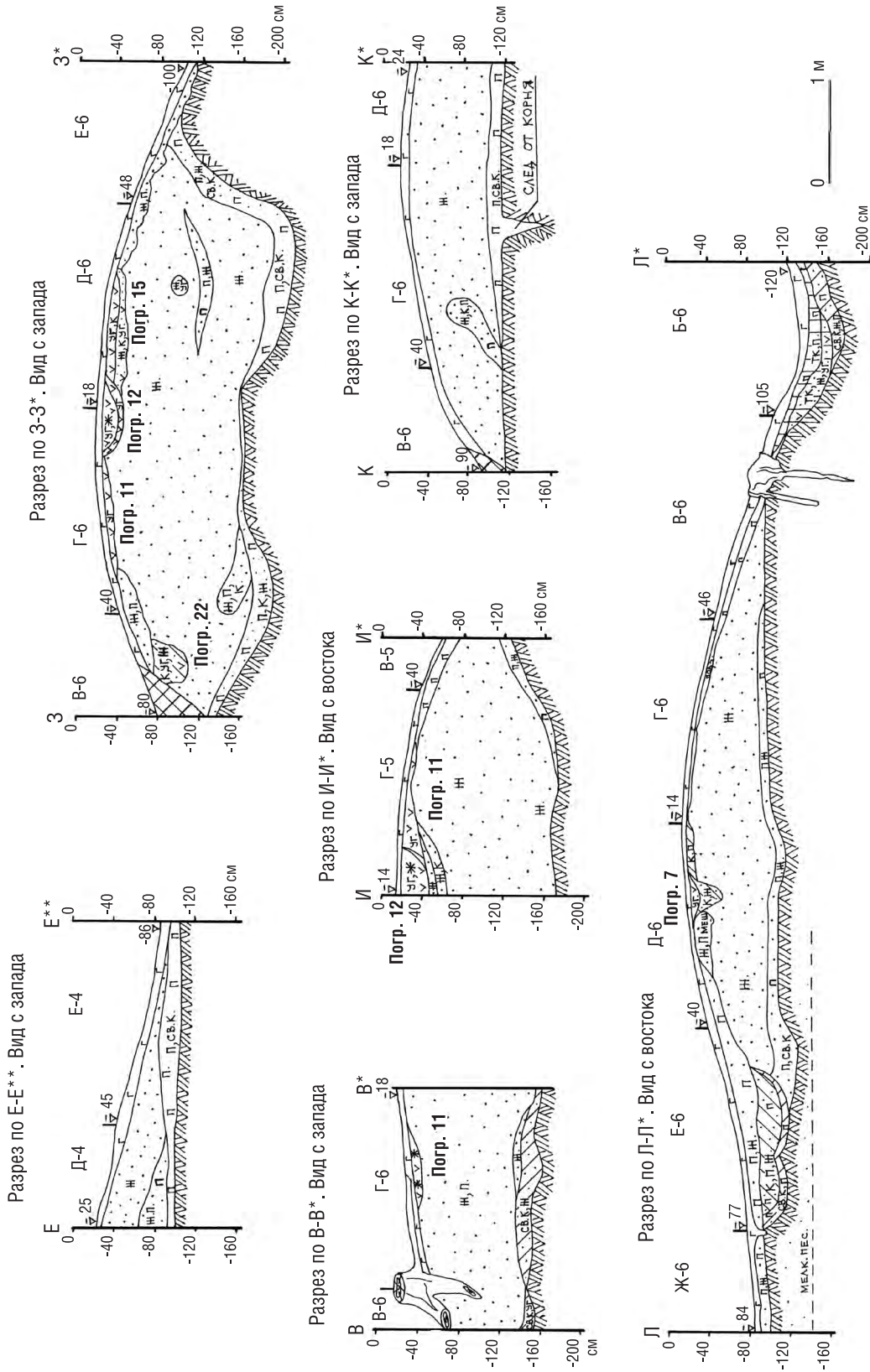
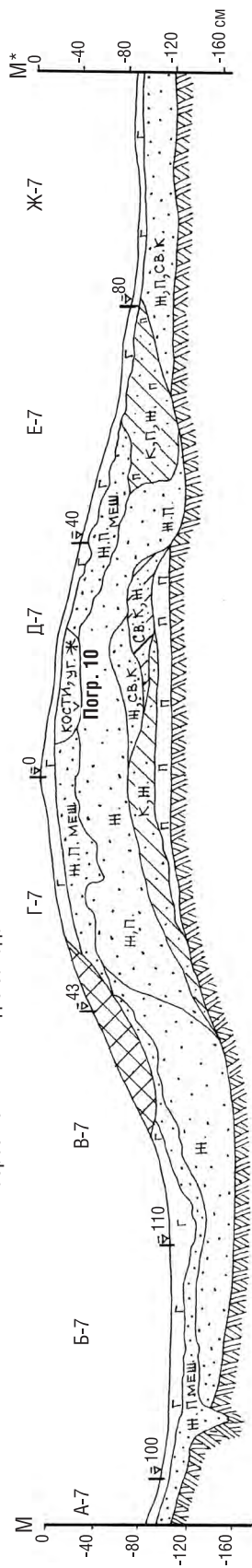
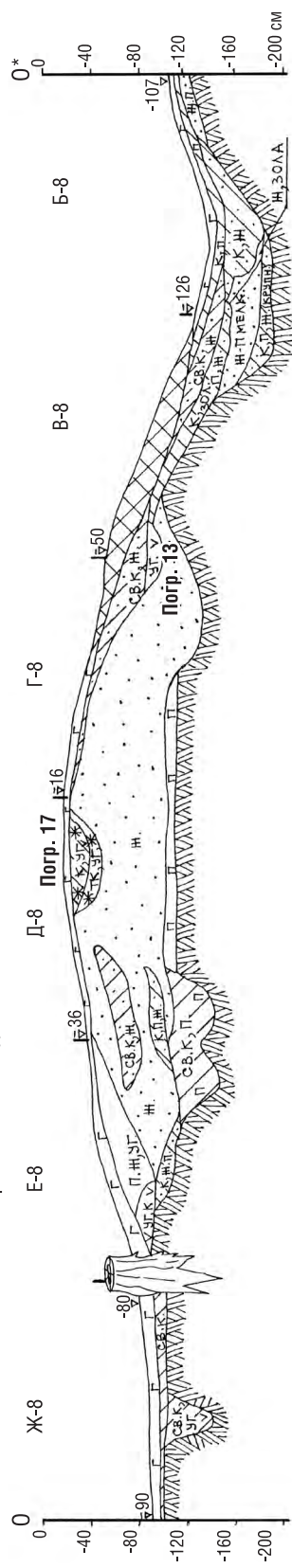

Рис. 11. Курганная группа Тухачёво I. Курган № 11. Разрезы кургана

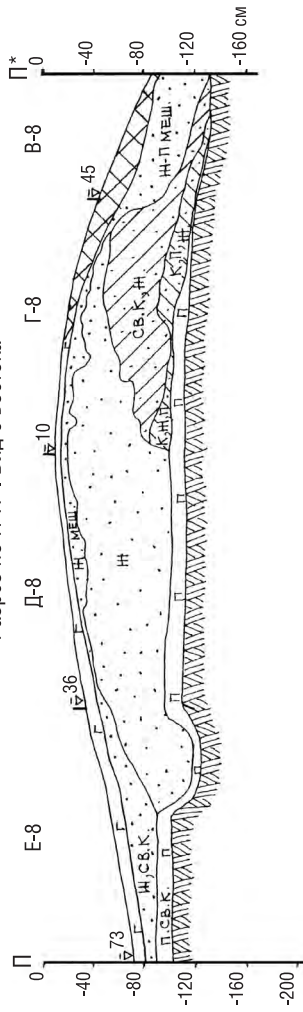
Разрез по М-М*. Вид с запада

Разрез по О-О*. Вид с востока

Разрез по П-П*. Вид с востока

0 1 м

Рис. 12. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. Разрезы кургана

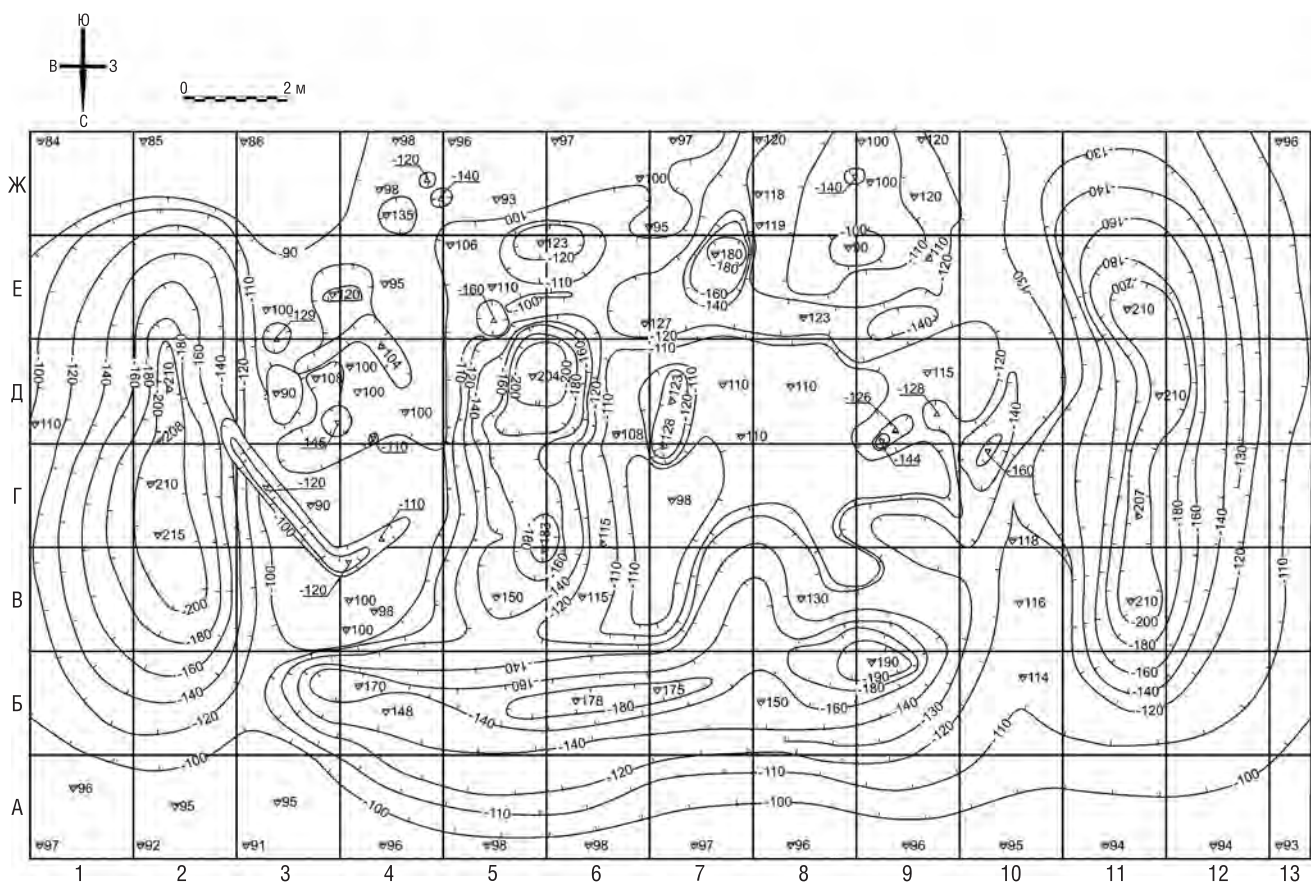

Рис. 13. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. План нивелировки материковой поверхности

Под насыпью кургана № 11 в кв. Г-Д-6-7 в материке прослежен восточный ровик первоначальной насыпи, имеющий вытянутую с юга на север форму (200×80 см), углублённый в материк и погребённый подзолистый слой на 30 см. Стенки ровика пологие, дно выгнутое (рис. 7, 8, 13, 15). Дно ровика не было перекрыто слоем подзола, что позволяет говорить о кратковременности его существования. Заполнение – жёлтый песок (насыпь второго этапа). Выброс из этого ровика прослежен на погребённом подзоле в кв. Г-Д-7-8 и состоит из светло-коричневого и коричневого песка с включением жёлтого и подзолистого песка (рис. 7, 8).

Вдоль южной стороны первоначальной насыпи в кв. Е-7-8-9 прослежен ровик вытянутой с востока на запад формы (600×80–130 см), углублённый в материк на 30–40 см, стенки пологие, дно неровное (рис. 10, 12, 13). Заполнение – светло-коричневый и жёлтый песок с включением подзола, перекрытый жёлтым песком насыпи второго этапа.

Первоначальная насыпь имела высоту около 40–50 см. В её верхней центральной части было совершено погребение неочищенных кальцинированных костей человека в неглубокой ямке диаметром 35–40 см, углублённой в насыпь на 7 см, стенки ямки – крутые, дно – выгнутое (рис. 7, 14, 17). Заполнение – коричневый песок с углём и мелкими кальцинированными костями (погребение № 20) (нумерация погребений шла по мере их обнаружения).

Второй этап сооружения насыпи (насыпь № 2) кургана № 11 был связан с расширением погребальной площадки во все стороны (рис. 16). В связи с этим восточный ровик новой насыпи был вырыт в 120 см к востоку от западного края предыдущего восточного ровика (кв. Б-Е-5-6) (рис. 7, 8, 13). Он был вытянут вдоль восточной стороны насыпи № 2 (580×330 см), углублён в материк на 70–110 см, стенки крутые (в некоторых местах ступенчатые), дно слабовыгнутое, неровное. Дно ровика было перекрыто слоем подзолистого светло-коричневого песка мощностью 20–40 см, что свидетельствует о продолжительности его существования в незасыпанном виде (несколько десятилетий).

Западный ровик второго этапа сооружения насыпи был вырыт в 100 см к западу от западного края первоначальной насыпи, имел вытянутую вдоль западного края насыпи № 2 с юга на север форму (1080×400 см), был углублён в материк на 70 см, стенки пологие, дно слабовыгнутое (рис. 7, 8, 13). Дно ровика успело перекрыться слоем подзола мощностью до 8 см, что указывает на его продолжительное (несколько десятилетий) существование в незасыпанном виде.

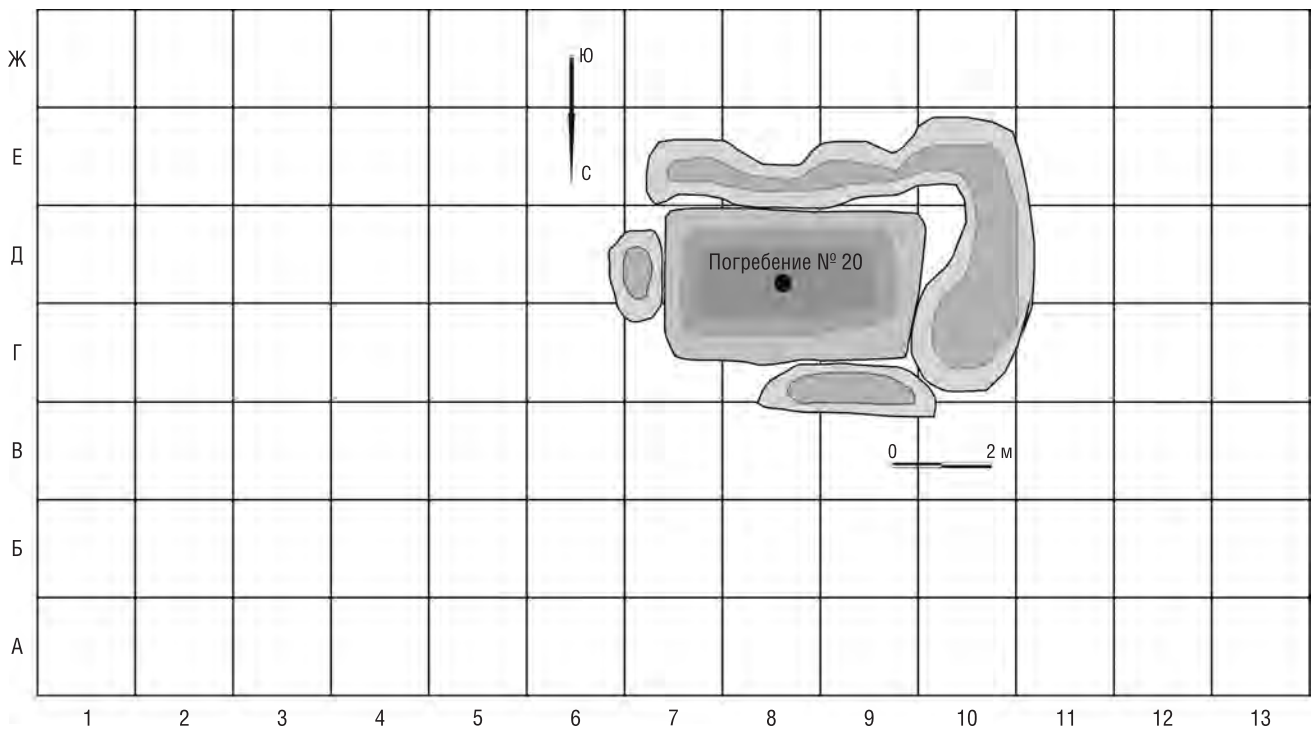

Рис. 14. Курганная группа Тухачёво 1.
Первый этап сооружения насыпи № 11 с расположением погребений этого периода

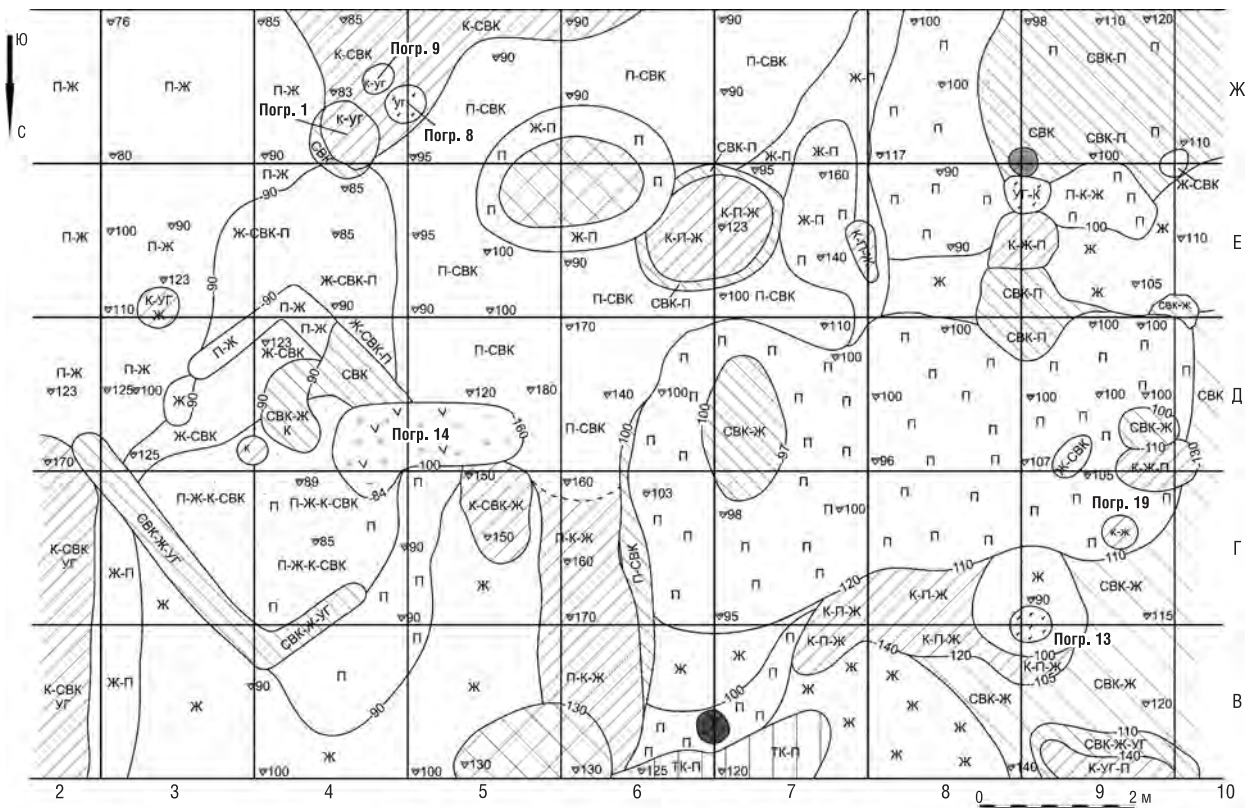

Рис. 15. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. План на уровне предматерикового слоя

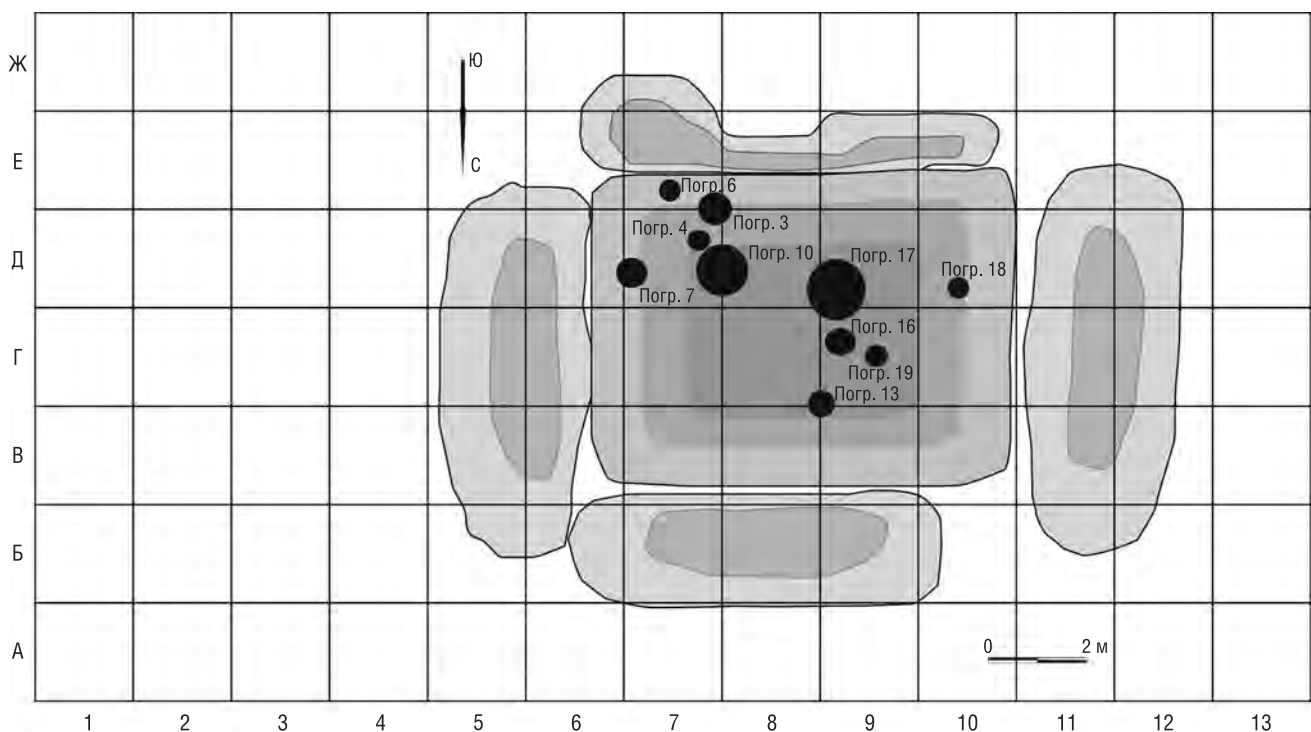

Рис. 16. Курганная группа Тухачёво 1.
Второй этап сооружения насыпи № 11 с расположением погребений этого периода

Южный ровик второго этапа сооружения насыпи имел неправильную форму, был вытянут вдоль южной стороны насыпи № 2. Он представлял собой углубление, образовавшееся от срезанного дёрна-подзола на глубине до 20 см, с вырытой овальной ямой в кв. Е-Ж-7, которая вытянута с севера на юг, углублена в материк на 90 см, стенки пологие, дно выгнутое. Заполнение – жёлтый мешаный песок с включением подзола – сползшая насыпь во время второго этапа сооружения (рис. 6, 10, 12, 13).

Северный ровик второго этапа сооружения насыпи был вырыт в 150–200 см к северу от северного края первоначальной насыпи, имел вытянутую с востока на запад вдоль северного края насыпи № 2 форму (620×240 см), углублён в материк на 50–70 см, стенки пологие, дно выгнутое (рис. 6, 10, 12, 13). Дно ровика успело перекрыться слоем подзола мощностью до 8 см. Этот слой прослежен в основном по краям склонов ровика, так как центральная его часть была впоследствии (на третьем этапе сооружения насыпи) углублена.

Насыпь второго этапа сооружения кургана № 11 имела прямоугольные очертания (900×700 см) и была вытянута с востока на запад (рис. 16). Высота сооружённой насыпи (от поверхности погребённого подзолистого слоя) – 80 см. В самой насыпи и на её поверхности обнаружены 10 погребений по обряду трупосождения на стороне.

Погребение № 3 расположено в кв. Д-Е-7 на гл. -40/-60 см (под дёрном на поверхности южного склона насыпи) в неглубокой ямке округлой формы диаметром 65–70 см, углублённой в склон насыпи на 5 см, стенки пологие, дно выгнутое (рис. 7, 17). Заполнение – коричневый углистый песок с включением кальцинированных костей и мелких фрагментов лепного керамического сосуда (17 – стенок и 1 – венчика). Поверхность его – грубая с выступающими зёрнами крупной дресвы. Тесто – рыхлое с порами (включение в тесто органики). Венчик – слабоотогнутый с круглым краем (рис. 18: 3–5). Цвет керамики – коричневый. В погребении обнаружена ножевидная кремнёвая пластина (рис. 19).

Погребение № 4 расположено в 27 см к северу от погребения № 3 в кв. Д-7 на гл. -30 см в ямке округлой формы диаметром 30 см, углублённой в насыпь на 20 см, стенки крутые, дно выгнутое (рис. 7, 17). Заполнение – коричневый углистый песок с кальцинированными костями и мелкими фрагментами лепной керамики (3 – стенки) (рис. 18: 6). Поверхность обломков грубая с выступающими зёрнами крупной дресвы. Тесто – рыхлое, с порами (включение в тесто органики). Цвет керамики коричневый.

Погребение № 6 расположено в кв. Е-7 на гл. -80 см (под дёрном на поверхности края насыпи) в неглубокой ямке округлой формы диаметром 40 см, углублённой в склон насыпи на 5 см, стенки пологие, дно выгнутое (рис. 7, 17). Заполнение – коричневая углистая супесь с включением небольшого количества кальцинированных костей.

Погребение № 7 расположено в кв. Д-6-7 на гл. -20 см (под дёрном на поверхности насыпи), размещено в ямке округлой формы диаметром 57 см, углублённой в насыпь на 30 см, стенки крутые, дно выгнутое. За-

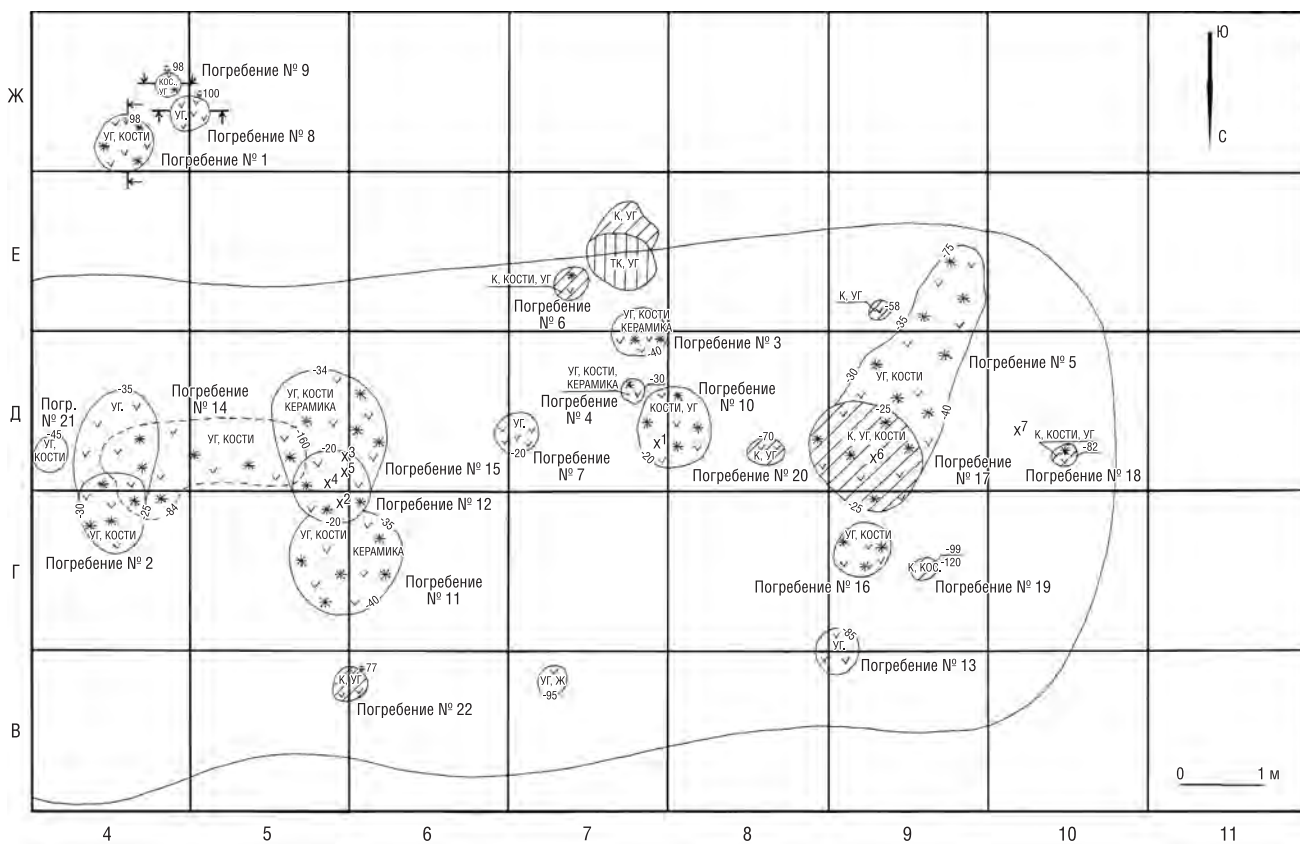

Рис. 17. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. План погребений

полнение: дно покрыто слоем коричневого с жёлтым песка мощностью 20 см, который перекрыт слоем угля с золой мощностью до 10 см (рис. 11, 17). По всей видимости, сожжение покойника было полным, в результате чего собрали для захоронения только угли и золу.

Погребение № 10 расположено в 4 см к СЗ от погребения № 4 на гл. -20 см (под дёрном) в неглубокой ямке округлой формы диаметром 90–100 см, углублённой в насыпь на 18 см, стенки крутые, дно плоское (рис. 8, 12, 17). Заполнение – углистый песок с кальцинированными костями человека и животных (медведь) и мелкими фрагментами лепной керамики (11 шт.) (рис. 18: 9–12). Поверхность фрагментов грубая с выступающими зёрнами крупной дресвы. Тесто – рыхлое, с порами (включение в тесто органики). Цвет керамики коричневый. В погребении на гл. -24 см обнаружена обгоревшая железная пряжка полукруглой формы диаметром 22 мм с железным язычком (рис. 20: 1).

Погребение № 13 расположено в кв. Г-В-8-9 на гл. -85 см (под слоем светло-коричневого песка с включением жёлтого песка мощностью 18 см) в неглубокой ямке округлой формы диаметром 55 см, углублённой в склон насыпи № 2 на 14 см, стенки пологие, дно выгнутое. Заполнение – углисто-золистый песок (рис. 12, 17). По всей видимости, сожжение покойника было полным. Погребение было перекрыто слоем светло-коричневого песка с включением жёлтого песка мощностью 18 см.

Погребение № 16 расположено в кв. Г-9 на гл. -30/-40 см (под дёрном) в неглубокой ямке округлой формы диаметром 75 см, углублённой в насыпь на 17 см, стенки ямки крутые, дно выгнутое. Заполнение – углистый песок с кальцинированными костями (рис. 17).

Погребение № 17 располагалось на вершине насыпи № 2 в кв. Д-Г-8-9 под дёрном в неглубокой ямке овальной формы 150×120 см, вытянутой с СЗ на ЮВ, углублённой в насыпь на 30 см, стенки крутые, дно выгнутое. Заполнение – коричневый углистый песок с кальцинированными костями (рис. 7, 12, 17). В заполнении на гл. -41 см обнаружена бронзовая скорлуповидная бляшка (рис. 20: 5). От погребения № 17 по юго-западному склону насыпи № 2 спускается слой углистого песка (230×120 см, мощностью до 10 см) с большим количеством кальцинированных костей. Это скопление выделено в отдельное погребение № 5 (рис. 8, 10, 17).

Погребение № 18 расположено в кв. Д-10 на гл. -82 см в полё насыпи в неглубокой ямке округлой формы диаметром 30 см, углублённой в западный склон насыпи № 2 на 10–15 см, стенки крутые, дно выгнутое (рис. 7, 17). Заполнение – коричневая углистая супесь с малым количеством мелких кальцинированных кос-

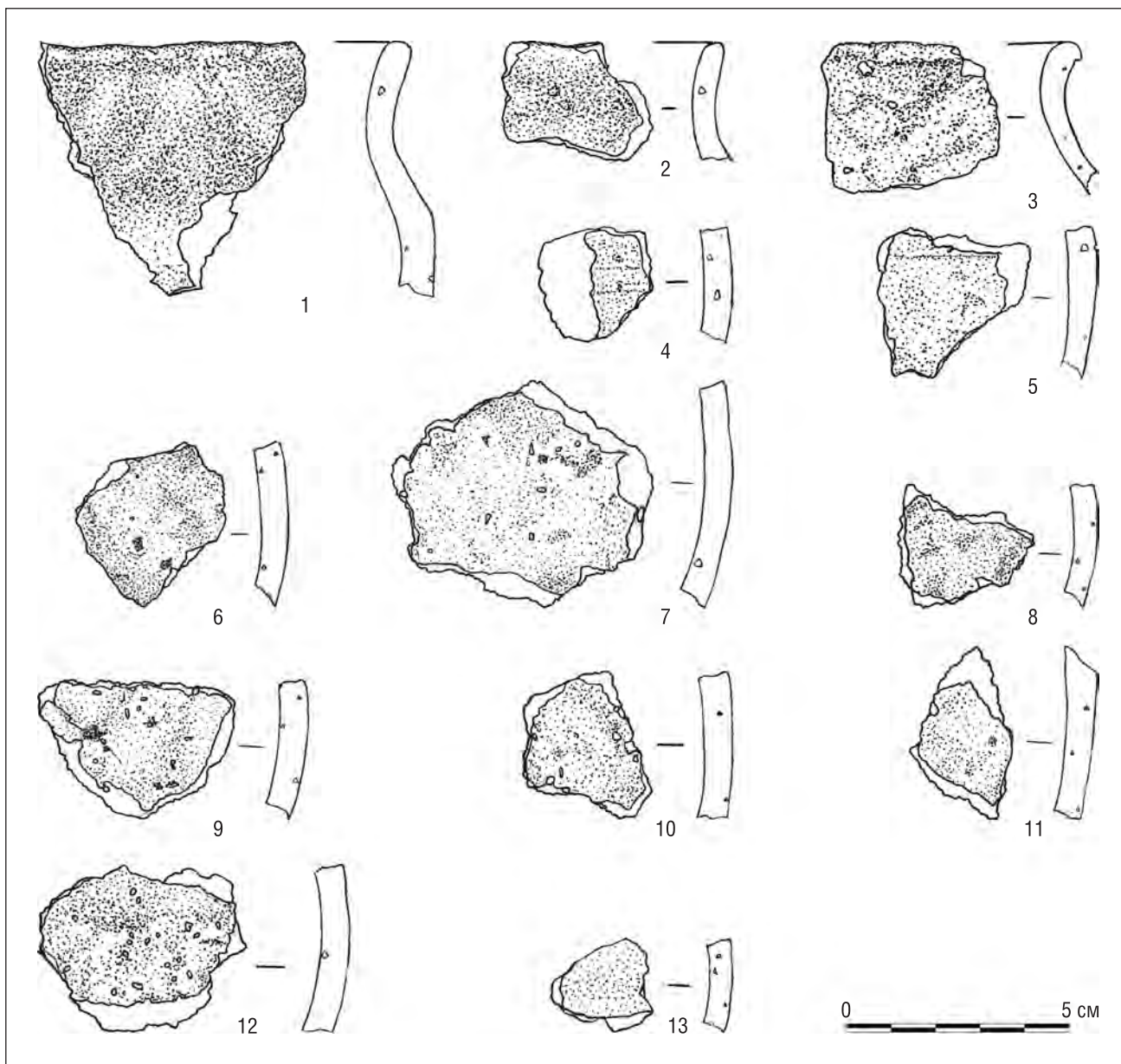

Рис. 18. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. Фрагменты лепных горшков:
 1, 2 – погребение № 12; 3–5 – погребение № 3; 6 – погребение № 4; 7, 8 – погребение № 9;
 9–12 – погребение № 10; 13 – погребение № 18

тей (4 гр.). В 40 см к ЮВ от этого погребения на поверхности насыпи (под дёрном) на гл. -76 см обнаружен фрагмент стенки лепного сосуда (рис. 18: 13). Поверхность сосуда грубая с выступающими зёрнами крупной дресвы. Тесто – рыхлое с порами (включение в тесто органики). Цвет керамики коричневый.

Погребение № 19 располагалось в кв. Г-9 на гл. -99 см под насыпью в ямке округлой формы диаметром 30 см, углублённой в погребённый подзолистый слой и материк на 21 см, стенки крутые, дно выгнутое. Заполнение – коричневый песок с мелкими фрагментами кальцинированных костей (5 фр.) (рис. 8, 17).

В поле насыпи второго этапа сооружения в кв. Е-9 (под дёрном) прослежена линза коричневого углисто-песка округлой формы диаметром 25 см, мощностью 2 см. Похожая линза углисто-песка округлой формы диаметром 34 см залегала в поле этой насыпи в кв. В-7 на гл. -95 см. Мощность её – 2–3 см (рис. 17).

В поле насыпи второго этапа в кв. Е-7 под дёрном обнаружена яма округлой формы диаметром 90–105 см, углублённая в насыпь на 38 см, стенки крутые, дно выгнутое. Заполнение: дно перекрыто слоем коричневого с жёлтым песка с включением угля мощностью до 30 см, который перекрыт слоем тёмно-коричне-

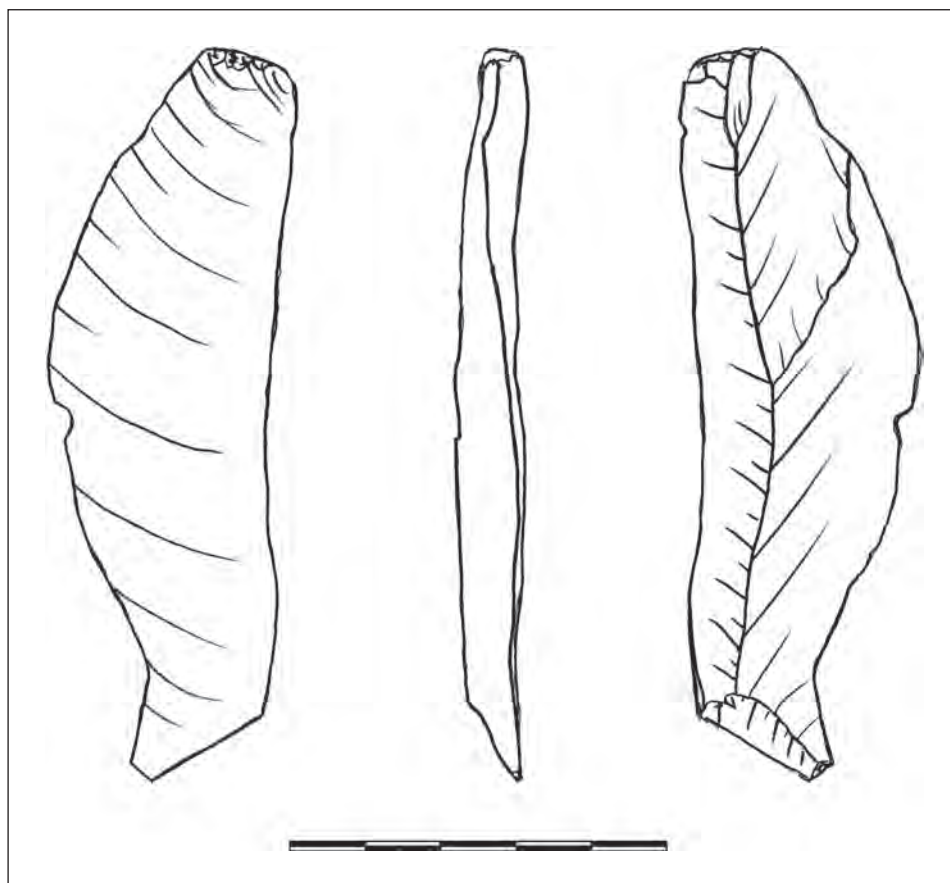

Рис. 19. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11, погребение № 3. Неправильная пластина. Кремень

вого углистого песка мощностью до 8 см. По всей видимости, это более поздняя яма, не связанная с обрядом погребения (рис. 7, 17).

К периоду сооружения насыпи кургана № 11 (или немного ранее) относится прямоугольное сооружение (400×400 см), ориентированное по сторонам света с отклонением на 40°, расположенное к востоку от восточного ровика насыпи второго этапа сооружения. От него остались следы в подзолистом слое и материке в виде неглубоких канавок, заполненных светло-коричневым с жёлтым песком с включением угля или подзола (рис. 6, 7, 9, 15). Ширина этих канавок – 18–20 см, они углублены в материк и погребённый подзол на 20–60 см, стенки крутые, дно выгнутое неровное. В ЮВ стороне этой «домовины» зафиксирован разрыв шириной 50 см. Западная часть этого сооружения не прослеживалась (была срезана при сооружении насыпи второго этапа). Внутри «домовины» подзолистый слой был перемешан с жёлтым песком и имел включения коричневого песка (рис. 9). Под ним, ближе к ЮВ стороне этого сооружения, прослежена яма округлой формы диаметром 40 см, углублённая в материк на 46 см, стенки крутые, дно выгнутое. Заполнение – коричневый песок (столбовая яма ?) (рис. 13, 15).

Возможно, к этой «домовине» относятся 3 грунтовых погребения с сожжениями, обнаруженные в 180 см к югу от неё (кв. Ж-4-5) (рис. 15).

Погребение № 1 расположено в 120 см к югу от южной стороны кургана № 11, выявлено сразу после снятия дёрна на гл. -83 см в виде округлого пятна коричневого углистого песка мощностью 15 см, диаметром 70 см (рис. 7, 9, 15, 17). Погребальная яма углублена в материк на 35 см, стенки крутые, дно выгнутое (рис. 7, 9). Заполнение – углистый песок с кальцинированными костями. По характеру размещения в яме это погребение могло располагаться в мешке, который был засыпан остатками костра. Вместе с костями человека обнаружены кости лошади.

Погребение № 8 расположено в 30 см к ЮЗ от погребения № 1, обнаружено сразу после снятия дёрна в виде округлого пятна углистого песка диаметром 42 см (рис. 15). Погребальная яма углублена в материк на 40 см, стенки крутые, дно выгнутое. Заполнение – уголь, зола, песок (рис. 7). В верхней части заполнения по краям ямы идёт слой коричневой углистой супеси. По всей видимости, сожжение покойника было полным, в результате чего собрали для захоронения только угли и золу.

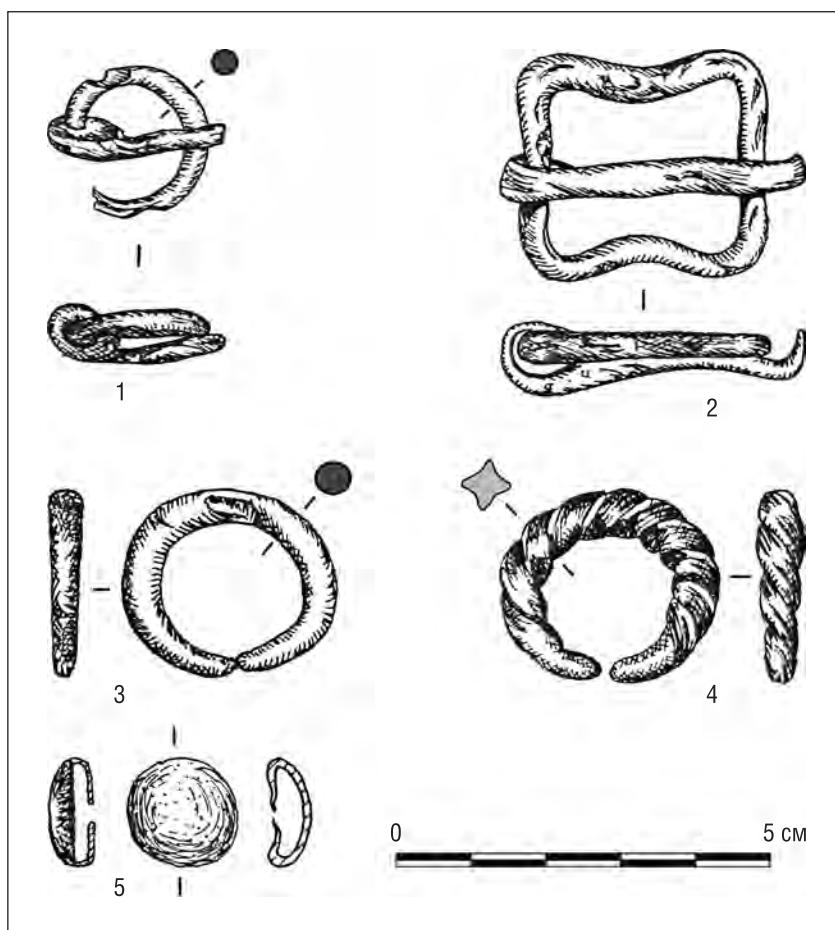

Рис. 20. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. Находки из погребений:

- 1 – пряжка поясная железная (погребение № 10); 2 – пряжка поясная железная (погребение № 12);
 3 – перстень дровяной бронзовый (погребение № 12); 4 – перстень дровяной кручёный железный (погребение № 12);
 5 – бляшка скорлуповидная бронзовая (погребение № 17)

Погребение № 9 расположено в 5 см к ЮЮВ от погребения № 8, зафиксировано сразу после снятия дёрна в виде округлой ямы диаметром 28 см, которая была углублена в материк на 20 см, стенки крутые, дно плоское. Заполнение – коричневая углистая супесь с мелкими кальцинированными костями (рис. 7, 15). В заполнении обнаружены 3 фрагмента стенок лепного сосуда (рис. 18: 7, 8). Поверхность сосуда грубая с выступающими зёрнами крупной дресвы.

Через некоторое время после сооружения насыпи второго этапа на склоне восточной стороны восточного ровика этой насыпи было совершено погребение неочищенных кальцинированных костей человека и лошади (погребение № 14). Это погребение в виде линзы углей и кальцинированных костей мощностью 8–16 см имело вытянутую с востока на запад форму (240×90 см) (рис. 7–9, 15, 21). Проведённый радиоуглеродный анализ угля из погребения № 14 дал дату 500 ± 90 г. н.э. (1σ 410–600 AD; 2σ 320–660 AD)¹.

Над этим погребением была возведена насыпь третьего этапа сооружения. Для этого в 700 см к востоку от восточного края насыпи второго этапа был вырыт восточный ровик кургана. Для сооружения насыпи третьего этапа ещё был вырыт ровик с северной её стороны, частично перекрывший северный ровик насыпи второго этапа. Этот ровик имеет вытянутую с востока на запад форму (900×300 см), углублён в материк на 90 см, стенки пологие, дно выгнутое (рис. 6, 9, 13). Заполнение: стенки южного склона ровика перекрыты слоем светло-коричневого и жёлтого песка мощностью 10–20 см (сползшая насыпь); стенки северного склона и дно ровика перекрыты слоем тёмно-коричневого песка с подзолом и углём общей мощностью до 30 см (скопившийся и перегнивший лесной мусор). Никаких следов ритуального огня в ровике не прослеже-

¹ Радиоуглеродное датирование угля выполнено в Радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды Национальной Академии наук и Министерства чрезвычайных ситуаций Украины (Киев).

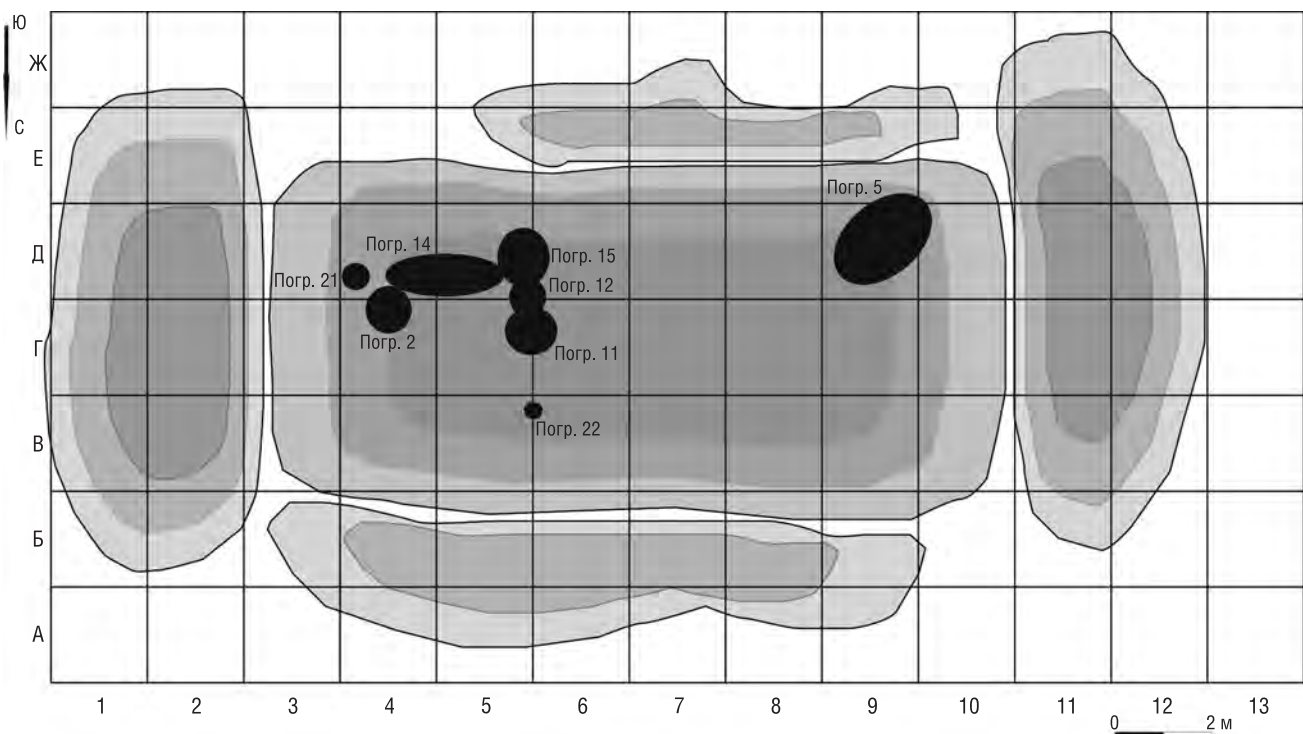

Рис. 21. Курганная группа Тухачёво 1. Третий этап сооружения насыпи № 11 с расположением погребений этого периода

но. Верхнюю часть заполнения северного ровика насыпи № 3 прорезает перекоп XX в. (помойная яма), имеющий округлые очертания, диаметром около 3 м, углублённый в слой на 20–30 см.

Под насыпью на гл. -96/-100 см в кв. Е-3-4 прослежена яма округлой формы диаметром 140 см, углублённая в материковый слой на 40 см, стенки пологие, дно выгнутое. Заполнение – жёлтый песок с включением светло-коричневого песка (естественная яма, возникшая задолго до сооружения насыпи кургана, – рис. 6, 9, 13).

На вершине насыпи третьего этапа в кв. Г-Д-4 на гл. -30–-35 см (под дёрном на поверхности насыпи) обнаружено погребение № 2, имеющее вытянутую с юга на север форму (200×105 см), которое первоначально располагалось в неглубокой округлой ямке диаметром 90 см, углублённой в вершину насыпи на 14 см, стенки пологие, дно выгнутое (рис. 7, 8, 9, 17). Заполнение – уголь с кальцинированными костями человека. Впоследствии это погребение расплзлось в южном направлении по вершине насыпи тонким слоем мощностью до 5 см.

В 9 см к востоку от погребения № 2, на гл. -45 см в насыпи прослежено погребение № 21 в виде скопления угля и мелких кальцинированных костей округлой формы диаметром 40–46 см. Это скопление имело в разрезе форму линзы толщиной 8–10 см (рис. 7, 17).

В южном склоне насыпи третьего этапа в кв. В-5-6, на гл. -77 см выявлена яма округлой формы диаметром 40 см, углублённая в насыпь на 33 см, стенки крутые, дно выгнутое. Заполнение – коричневый песок с включениями угля (рис. 11, 17). Возможно, это захоронение полностью сожжённого покойника (погребение № 22), в результате чего собрали для захоронения только угли и золу.

На вершине насыпи третьего этапа в кв. Д-Г-5-6 под дёрном было обнаружено погребение № 12, помещённое в округлую ямку диаметром 90 см, углублённую в насыпь на 24 см, стенки пологие, дно выгнутое (рис. 7, 11, 17). Заполнение: дно перекрыто слоем угля мощностью 2–4 см, который перекрывает слой угля и кальцинированных костей человека и животных (медведь?) мощностью до 20 см. В заполнении найдены несколько фрагментов лепной керамики (2 – венчиков) (рис. 18: 1, 2), пряжка железная, перстень дровяной бронзовый и перстень дровяной кручёный железный (рис. 20: 2, 3, 4). Проведённый радиоуглеродный анализ угля из погребения № 12 дал дату 410±90 г. н.э. (1σ 390–600 AD; 2σ 320–660 AD).

К югу от погребения № 12 на поверхности насыпи обнаружено округлое (диаметром около 140 см) скопление кальцинированных костей и угля с лепной керамикой – погребение № 15 (рис. 8, 11, 17, 21).

Погребение № 11 располагалось к северу от погребения № 12 в виде округлого (диаметром около 140 см) скопления кальцинированных костей и угля с лепной керамикой (рис. 11, 17, 21).

Фрагменты лепных сосудов из погребений № 11 и № 15 складываются в два профиля, которые очень похожи и могут быть от одного горшка (рис. 22, 23). Если это так, то можно говорить об одном погребении,

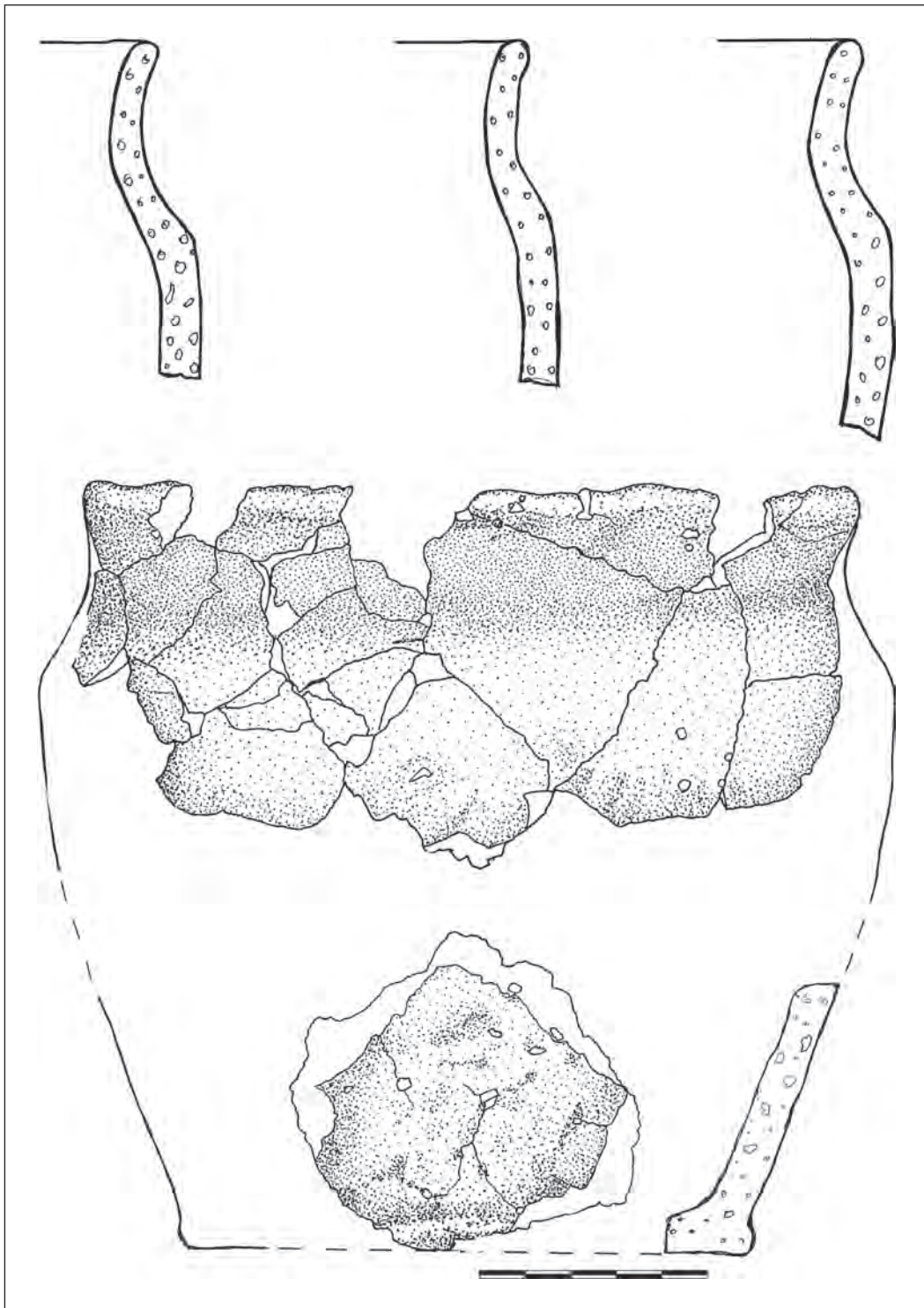

Рис. 22. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. Погребение № 11. Фрагменты лепного горшка

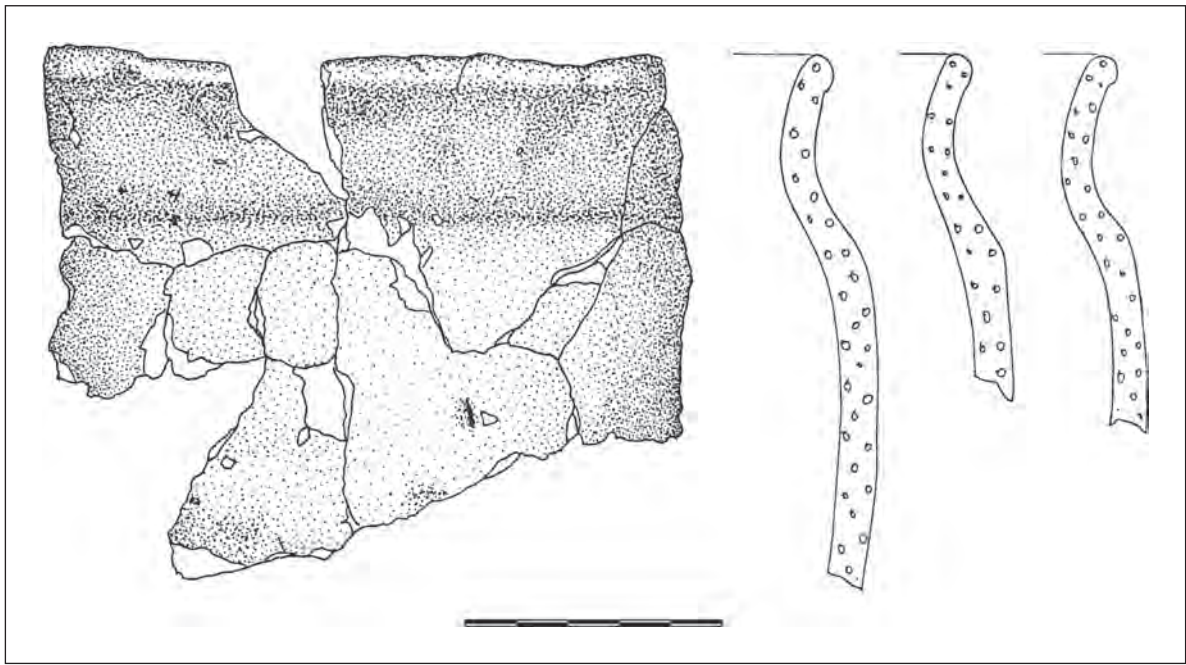

Рис. 23. Курганная группа Тухачёво 1. Курган № 11. Погребение № 15. Фрагмент лепного горшка

которое состояло из центрального захоронения собранных остатков сожжения, помещённого в округлую ямку на вершине кургана (погребение № 12), и рассыпанных вокруг него оставшихся остатков сожжения (несобранных в основное погребение).

Исследованный курган № 11 курганной группы Тухачёво 1 датируется по обряду, обнаруженным в захоронениях вещам и радиоуглеродному анализу угля из погребений № 12 и № 14 сер. – 3-й четв. I тыс. н.э. Он относится к культуре псковских длинных курганов и имел вытянутую с востока на запад форму (1600×600×110 см). Насыпь была возведена в три приёма. Грунт для сооружения насыпи брался из ровиков. Никаких следов прожжения погребальной площадки или ровиков не прослежено. Обряд погребения – трупосожжение на стороне с помещением неочищенных после костра кальцинированных костей в ямке или россыпью под насыпью, в насыпи и на поверхности насыпи. Всего было совершено не менее 18 захоронений (№№ 2–7, 10–22, объекты 11 и 15 могут быть одним погребением).

К югу от кургана № 11 обнаружены три грунтовых погребения с помещением остатков трупосожжения в ямку (погребения №№ 1, 8, 9), которые датируются, вероятно, более ранним периодом, чем погребения в кургане. К этому времени мы относим и обнаруженные остатки «домовины» прямоугольной формы (400×400 см), ориентированной по сторонам света с отклонением на 40°, с деревянным столбом в центре, расположенной в 170 см к северо-востоку от грунтовых погребений.

После раскопок насыпь исследованного кургана была восстановлена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Олейников О.М. Курганные группы Девичье 2 и Девичье 4 в Селижаровском районе Тверской области (исследования 1998–1999 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
2. Жилин М.Г. Отчет о разведках в Калининской области 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6618.

*Институт археологии РАН,
Москва*

O.M. Oleynikov

**RESEARCHES OF A BARROW NO. 11 OF A BURIAL GROUND OF TUKHACHYEVO 1
IN THE SELIZHAROVSKY DISTRICT OF THE TVER REGION IN 2001**

Summary

Materials of excavation of a barrow No. 11 of Tukhachyevo's burial ground 1 are presented in the article. The monument belongs to culture of the Pskov long barrows and is dated by the middle – the third quarter of I millennium AD.

Three stages of construction of the embankment and features of a burial rite – burning of corpses on the side with the room of the calcinated bones, crude from coal, in a pit or in bulk under the embankment, in the embankment and on its surface are established. 18 burials are revealed.

To the south from the studied barrow there were found three soil burials of the burnt remains in the holes which are dated by probably earlier period, than burials in a barrow. By this time the remains of a squared wooden construction (domovina) (400×400 cm) were found under the barrow embankment with a wooden pillar in the centre.

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia
E-mail: oleynikov1960@yandex.ru*

А.С. Сыроватко

МОГИЛЬНИКИ С КРЕМАЦИЯМИ НА СРЕДНЕЙ ОКЕ: РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ «ТЁМНЫХ ВЕКОВ»?

Термин «Тёмные века» применительно к Центральной России, насколько мне известно, был впервые использован Н.А. Кренке совсем недавно [1, с. 60] для характеристики археологического хиатуса посл. четв. I тыс. н.э., но сама проблема в отечественной науке известна давно. Суть её заключалась в том, что между достоверно славянскими древностями (курганного типа) и позднедьяковскими существовал разрыв – хронологический и культурный, – который никак не был объяснён. Издавна эта проблема, как, впрочем, и любая другая, имела два решения: первое заключалось в том, чтобы объяснить её умозрительно, второе – предпринять практические шаги по поиску недостающего звена. Первый путь также имел множество вариантов – от объяснения, почему археологических памятников указанного времени нет, до версий, почему их не могут найти.

Ещё Ю.В. Готье отмечал существовавший в западной части Волго-Окского междуречья хронологический разрыв между финнами и славянами, добавляя при этом, что в действительности его не было [2, с. 143–144]¹. В среде исследователей дьяковской культуры, большая часть которых была связана с экспедициями А.Ф. Дубынина, с 1970-х гг., разгорелась дискуссия о поздней дате дьяковской (или позднедьяковской) культуры. А.Ф. Дубынин и К.А. Смирнов констатировали, что на позднедьяковских памятниках нет или почти нет вещей, которые бы непосредственно предшествовали славянскому населению, а возникающий из их хронологических построений разрыв объяснили переходом к подсечно-огневой системе земледелия и, как следствие, «археологической трудноуловимостью» памятников этого периода [3, с. 250; 4, с. 79; 5, с. 96]. В противовес этой точке зрения И.Г. Розенфельдт в течение многих лет последовательно отстаивала очень позднюю дату для древностей позднедьяковского типа, доводя её до X или даже начала XI в. [6, с. 108; 7, с. 176]. Такая датировка почти смыкала дьяковскую культуру со славянской, и аргументы исследовательницы в какой-то момент подействовали на оппонентов [8, с. 3; 5, с. 95]. Но в середине 1980-х гг. появились результаты раскопок Н.А. Кренке на Дьяковом городище и, в первую очередь, крупная серия радиоуглеродных дат. Материалы памятника позволили Н.А. Кренке убедительно обосновать верхний предел для дьяковской культуры сер. VII в. н.э., фактически, подтвердив первоначальную точку зрения К.А. Смирнова [9, с. 143, 145, 229]. Круг замкнулся.

Почти параллельно с этими спорами развивался другой процесс – удревнения собственно славянских культур. Начиная с 1980-х гг. в Подмосковье стали исследоваться памятники, которые относились к славянской, но, условно говоря, «докурганной» культуре. Одними из первых стали селища Покров 5, открытое А.А. Юшко, и Заозерье 2, раскопки на котором вела Е.Ю. Тавлинцева [10, с. 327–334; 11, с. 45], затем в ходе интенсивных новостроечных работ их было обнаружено и исследовано много, и с некоторых пор сам факт обнаружения подобного селища уже не вызывает ажиотажа. Кроме того, анализ публикаций и полевых материалов 1930-х–1970-х гг. позволил в ряде случаев утверждать, что древности этого, «раннеславянского» типа встречались и ранее, просто их, следуя представлениям тех лет, относили к позднедьяковским. В результате к настоящему времени можно с уверенностью утверждать, что в регионе существовала «докурганная» славянская археологическая культура (или культуры), датирующаяся XI в. или даже 2-й пол. X в. (правда, А.А. Юшко датировала Покров 5 IX веком). Однако даже эти открытия не позволили «сомкнуть» разные культурные традиции по времени, и разрыв – от VII до 2-й пол. X в. – остался.

Отметим и ещё одно, немаловажное, обстоятельство – памятники позднедьяковского времени крайне неравномерно расположены в пределах Московского региона и, кроме того, могут обладать и внутренней культурной неоднородностью. Иными словами, за общим стилем эпохи Великого переселения народов могут скрываться разные, хотя и плохо «читаемые», культурные традиции и группы памятников, которые в низовьях Москвы-реки пока не обнаружены, а на р. Оке – крайне малочисленны.

Таким образом, применительно к бассейну Средней Оки проблема выглядит ещё острее и сводится к следующим вопросам: какое население обитало в эпоху Великого переселения народов на значительной территории между ареалами мощинской культуры и культуры рязано-окских могильников и какое населе-

¹ Объяснения отсутствия такого разрыва представляют собой хороший пример «умозрительного пути».

ние проживало на этой же территории позднее, в эпоху викингов или во время Хазарского каганата, между культурой так называемых верхнеокских вятичей и раннеславянскими памятниками рязанского течения р. Оки?

Заметим, что представляемые в данной работе материалы окончательного ответа на эти вопросы, разумеется, не дают. Однако пути их решения вполне раскрывают.

Первый могильник принципиально нового для Московского региона типа был открыт в ходе новострочных работ на стоянке Лужки Е под Серпуховом и исследовался В.В. Сидоровым в 1989 и 1993 годах. Тогда впервые были обнаружены кремации не в курганах, а в урнах или без таковых, но на минимальной глубине, а также на неких бревенчатых настилах [12; 13; 14]. В 1993 г. В.Ю. Коваль на Щуровском селище позднего времени, открытом ранее Р.Л. Розенфельдом, обнаружил первое погребение-кремацию [15]. Стационарные раскопки Щуровского селища были начаты автором данной статьи в 2001 году, и спустя несколько лет стало понятно, что, помимо селища, на памятнике находятся сразу два могильника: более ранний, курганный, первое погребение из которого и было обнаружено В.Ю. Ковалем, и поздний, бескурганный, погребения которого чаще всего ссыпались на древнюю поверхность. В это же время в ходе раскопок Северного городища Старой Рязани шли исследования на раскопе 28, в нижнем горизонте которого встречались скопления кремированных костей и керамики. В 2000 г. здесь же было найдено урновое погребение, которое авторы раскопок считают единственным уцелевшим [16, с. 60–61, 85]. В 2006 г. раскопками в кремле г. Серпухова было открыто одиночное погребение-кремация [17], в 2010 г. О.Ю. Потёмкина в ходе раскопок на селище Соколова Пустынь под Ступино обнаружила могильник с кремациями, расположенный на верхней площадке памятника, а в 2012 г. – второй могильник – на нижней площадке [18; 19]. Разведками А.Н. Сорокина на селище Лужки 11 следы кремаций были открыты в 2009 г. [20]. В 2011 г. автором данной статьи были возобновлены исследования Лужков: были открыты новые кремации – «щуровского» типа. Таким образом, в сравнительно короткий срок был выявлен принципиально новый пласт древностей, место которого в системе культурных связей остаётся непонятным.

Какова хронология открытых могильников? Самым ранним, вероятно, является ранний могильник (могильник 1) Соколовой Пустыни, многочисленные находки из погребений позволяют датировать его V в. (или, если быть чуть осторожнее, интервалом V–VII вв. н.э.). Основанием для такой даты служат пряжки с овальной рамкой и язычками с прогибом, рифлением и уступом в основании (рис. 1: 4, 6–7), сюльгамы из плоского в сечении дрота (рис. 1: 2), ножи с прямой, без уступа, спинкой (рис. 1: 5), пластинчатое кресало с расширяющейся лопастью (рис. 1: 3) [18]. Курганы с кремациями Щуровского могильника моложе: радиоуглеродные даты указывают на интервал от 2-й пол VI в. до VII в. (табл.) [21, с. 130; 22]. Затем на Щуровском могильнике наступает перерыв в несколько десятилетий, после чего место вновь используется – на этот раз для размещения грунтовых кремаций.

Грунтовый могильник может быть датирован довольно надёжно как по инвентарю, так и по серии радиоуглеродных дат. Основанием датировок по вещам служат, прежде всего, бусы²: двуслойные пронизи с металлической прокладкой (рис. 2: 9, 13–14), покровным стеклом жёлтого и белого цвета, неглубокими перехватами и большим количеством частей (крайне редко встречается синее покровное стекло – рис. 2: 10; однослойные пронизи синего стекла – типичны – рис. 2: 11–12); продольно-полосатые многочастные пронизи синего и белого стекла (рис. 2: 6); «арбузики» (бусины со светло- и тёмно-зелёными полосками и жёлтыми глазками в красных ободках – рис. 2: 1–2, 3, 7–8); полихромная с капельными глазками жёлтого цвета (II группа по З.А. Львовой – рис. 2: 3). Все эти стеклянные изделия принято датировать VIII–IX вв., не исключая иногда нач. X в. н.э. Массовые типы бисера и бус не противоречат этой дате (рис. 2: 15–21). По-своему датирующим является также «салтовский» стиль украшений и деталей одежды – пуговиц типа 1 по С.А. Плетнёвой и многочисленных ушек от пуговиц и бубенчиков типа 3 (рис. 3: 1–3) [23, с. 107, рис. 56–57], деталей поясной гарнитуры (рис. 3: 11–12). Не датирующими, но яркими предметами среди погребального инвентаря являются обрывки кольчуг и фитильные трубки (рис. 3: 14, 16). Единичными вещами, находящимися параллели в северных памятниках, являются очковидная подвеска (рис. 3: 10, вероятно, с медной цепочкой – рис. 3: 15), навершие сюльгамы или гривны (рис. 3: 4) и крупная булавка с подвижным кольцом (рис. 3: 13). Для грунтовой части Щуровского могильника получена довольно представительная серия радиоуглеродных дат, но разброс этих дат изначально казался довольно большим (табл.). С накоплением материала выявилась довольно отчётливая тенденция: все образцы из слоя грунтового могильника и из верхней части скоплений костей имеют дату значительно моложе, чем образцы, отобранные из нижних частей слоя и погребений. Вероятнее всего, это объясняется минимальной глубиной залегания (под дёрном) погребений и самого слоя могильника вплоть до XVII в., когда они оказались перекрытыми аллювиальными отложениями. Иными словами, корректные даты дают только те образцы, которые изначально, в момент выпадения в слой, оказались закрытыми грунтом (в таблице это образцы ГИН-14384а, 14144а, 14143, 14777). Даты по таким образцам приведены в таблице, в совокупности они, как и находки из погребений, указывают на интервал от VIII до X в. н.э.

Могильник Лужки Е – более поздний, чем грунтовый Щуровский. Опираясь на погребальный инвентарь, его можно отнести к сер. – 2-й пол. X в. [24; 25]. Основанием для датировок служат цилиндрические рубчатые бусины, двухчастная пронизь с серебряной прокладкой и жёлто-коричневым покровным стеклом,

² К настоящему времени найдено свыше 1000 экземпляров, морфологически определяемых из них – менее половины.

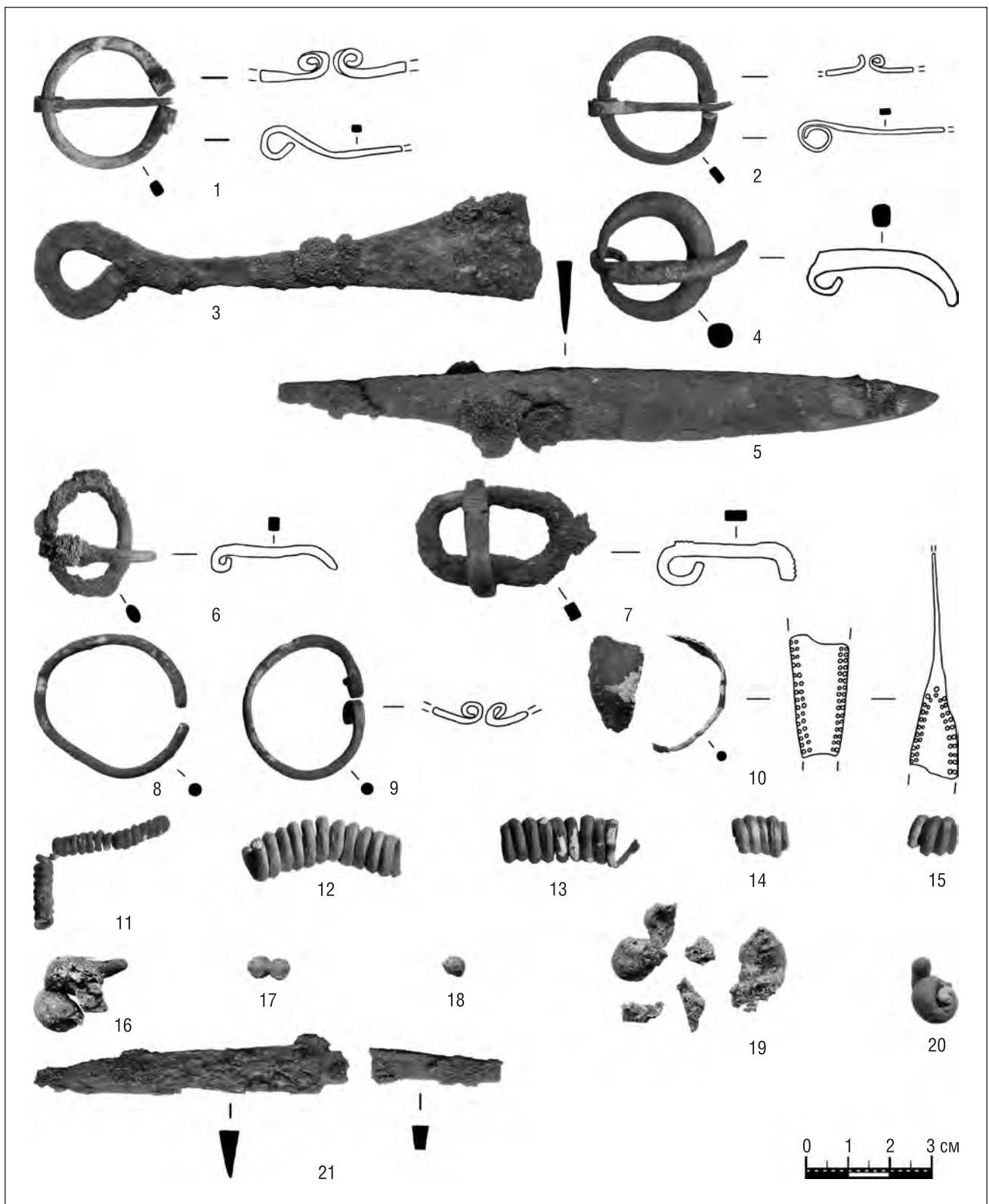

Рис. 1. Характерные изделия из могильников 1 и 2 Соколова Пустынь:

1–20 – из скоплений костей №№ 1–3 (1–6 – железо; 7 – железо и медный сплав; 8–15 – медный сплав; 16–20 – стекло);
 21 – нож из погребения могильника 2

бусы из тянутых палочек винного и голубого стекла, продольно-полосатая пронизь красно-коричневого и жёлтого стекла и крупная бусина чёрного стекла с белыми полосами и красными глазками (рис. 4: 1). В целом эти бусы датируются X–XI вв., причём ни одного аналога таким формам на Щуровском могильнике нет. Вместе с тем Лужки Е сближает с Щурово общий, «салтовский», стиль металлических предметов: бубенчики, пуговицы – литые и полые (от последних, как правило, сохраняются только «шпильки»)–ушки – рис. 4: 2–3), спиральные пронизы, пряжка (рис. 4: 4), пинцет (рис. 4: 5). В 2013 г. вне погребения найдена железная заклёпка со следами пребывания в огне, вероятно, корабельная (рис. 4: 6). Могильник 2 Соколовой Пусты-

Таблица. Радиоуглеродные даты Щуровских могильников

Адрес Лаборатория	ГИН №	Возраст, BP	Калибровка дат, 1σ, AD	Ki №	Возраст, BP	Калибровка дат, 1σ, AD, BC
Даты «домиков мёртвых»						
«Курган» 1, раскоп 2001 г., слой кремации	12721a	1500 ± 20	552–592			
«Курган» 1, раскоп 2001 г., слой кремации	12721b	1490 ± 40	561–600			
«Курган» 3, раскоп 3, кв. 18, пласт 5, глубина /-18	13292	1460 ± 40	575–639			
«Курган» 4, раскоп 5, кв. 341, пласт V, глубина /-31/-/11	14379	1380 ± 20	646–661			
«Курган» 4, раскоп 5, кв. 308, пласт 2	14781	1290 ± 20	676–711 746–766			
Даты слоя грунтового могильника						
Раскоп 3, пласт 3, кв. 97, глубина /-19/-/26	13542a	910 ± 90	1034–1189 1197–1207			
Ров кургана 2 (яма 9), слой кремаций	14142	770 ± 30	1227–1233 1239–1248 1251–1274	16218	950 ± 50	1025–1055 1076–1154
Ров кургана 2 (яма 9), слой аллювия	14383	340 ± 70	1481–1530 1539–1634			
Ров кургана 2 (яма 9), углистый слой над стерильной прослойкой	14384г+y	820 ± 100	1050–1082 1125–1136 1152–1280			
Ров кургана 2 (яма 9), над стерильной прослойкой	14385	730 ± 30	1263–1286			
Ров кургана 2 (яма 9), углистый слой под стерильной прослойкой	14384a-y	1190 ± 100	711–746 766–900 917–966			
Ров кургана 2 (яма 9), углистый слой под стерильной прослойкой	14384a	1040 ± 30	986–1021			
Даты отдельных грунтовых погребений						
Раскоп 2, погребение в кв. 334–335, «уровень 2»	14144a	1160 ± 30	782–789 811–846 856–898 921–944	16217	960 ± 50	1022–1053 1079–1153
Раскоп 2, обрамление урнового погребения	14144	1760 ± 20	241–260 283–323	16219	2070 ± 40	163–130 BC 119–42 BC
Раскоп 2, погребение в кв. 314–315	14143	1290 ± 70	656–780 793–803			
Раскоп 2, скопление угля в кв. 297–292	14145	940 ± 30	1034–1052 1080–1128 1132–1153			
Раскоп 5, участок 2, фрагмент сосуда-приставки	–		–	15870	1580 ± 100	388–593
Раскоп 2, 2011 г., участок 22, погребение в кв. 820, уровень 5	14777	1220 ± 30	729–736 772–834 835–870			

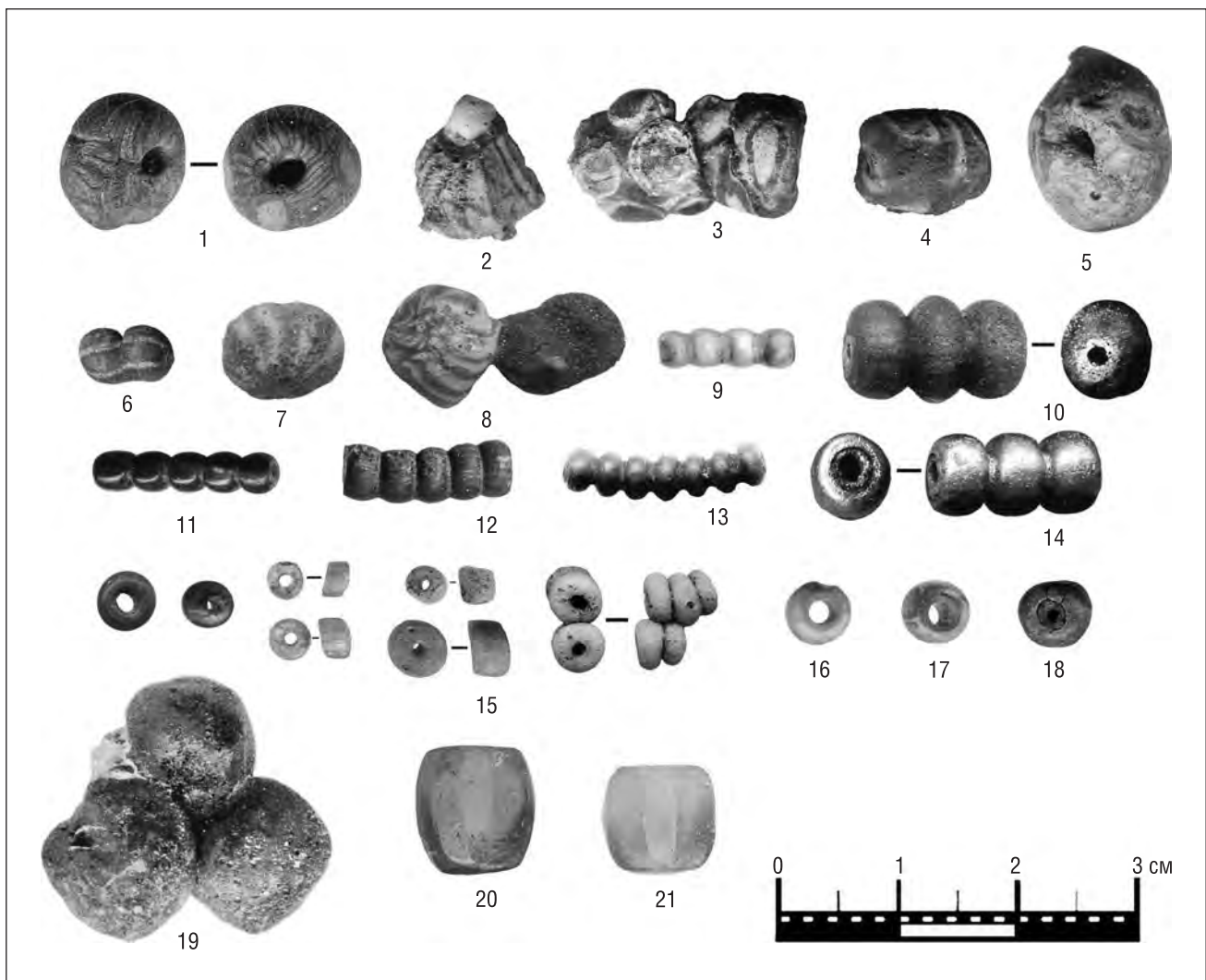

Рис. 2. Образцы бус из грунтовых кремаций Щуровского могильника

ни пока не может быть датирован точно – его исследования только начались, но, судя по погребальному обряду, стратиграфии и единственной находке из погребения – ножу с уступами при переходе к черешку на спинке и лезвию, – он сравнительно поздний (рис. 1: 5) – «щуровского типа» – и должен быть синхронен с Щуровским грунтовым могильником и Лужками Е [19]. Лужки 11 из всех могильников группы являются наименее исследованными, по оплавленному шумящим украшениям А.Н. Сорокин определил его дату в пределах 2-й пол. I тыс. н.э. [20]. Единственное погребение в кремле г. Серпухова остаётся недатированным. Не вполне понятна и датировка могильника Старой Рязани – интервал IV–VII вв. определён не по вещам из погребений, а по разрозненным ранним находкам из «верхних напластований» [16, с. 62]. Если такая датировка верна, то Старая Рязань синхронна с Соколовой Пустыней или щуровскими «домиками мёртвых».

Как видим, все открытые могильники укладываются в интервал «Тёмных веков», закрывая даже не менее «тёмную» эпоху Великого переселения народов. С одной стороны, это благоприятная ситуация – мы имеем возможность проследить эволюцию погребального обряда в течение значительного промежутка времени, около 5–6 столетий. С другой стороны, у нас мало оснований для сравнительного анализа синхронных памятников. Каковы особенности погребального обряда всех перечисленных могильников? Сразу оговорюсь, что наличие погребального инвентаря в кремациях – совсем не обязательное условие. Некоторые могильники его лишены совсем или почти совсем (Щурово курганный, Старая Рязань, Серпухов), в других он встречается не во всех погребениях (Щурово грунтовый), причём, как показали наблюдения, в ряде случаев имело место преднамеренное удаление обгоревших вещей из костей перед погребением. Кроме того, весь погребальный инвентарь всех могильников, датирующихся разным временем, почти не имеет какой-либо этнической окраски – абсолютное большинство вещей из погребений либо соответствуют обще-

Рис. 3. Характерные изделия из Щуровского могильника:

1 – литые пуговицы салтовского типа; 2 – «шплинты»-ушки полых пуговиц и бубенчиков (?); 3, 3а – полый бубенчик, изготовленный из двух штампованных частей, со вставным ушком и кальцинированная костяная пуговица из него; 4 – монетная гирька; 5–7 – серьги; 8 – перстень; 9 – навершие сьюлгамы (?); 10 – очковидная подвеска; 11–12 – поясной набор из погребения в раскопе 6 2011 г.; 13 – булавка с рифлёным орнаментом; 14 – кольчужные кольца; 15 – цепочка; 16 – фитильная трубка.

1–5, 7–9, 11, 15 – медный сплав; 6 – белый металл; прочее – железо

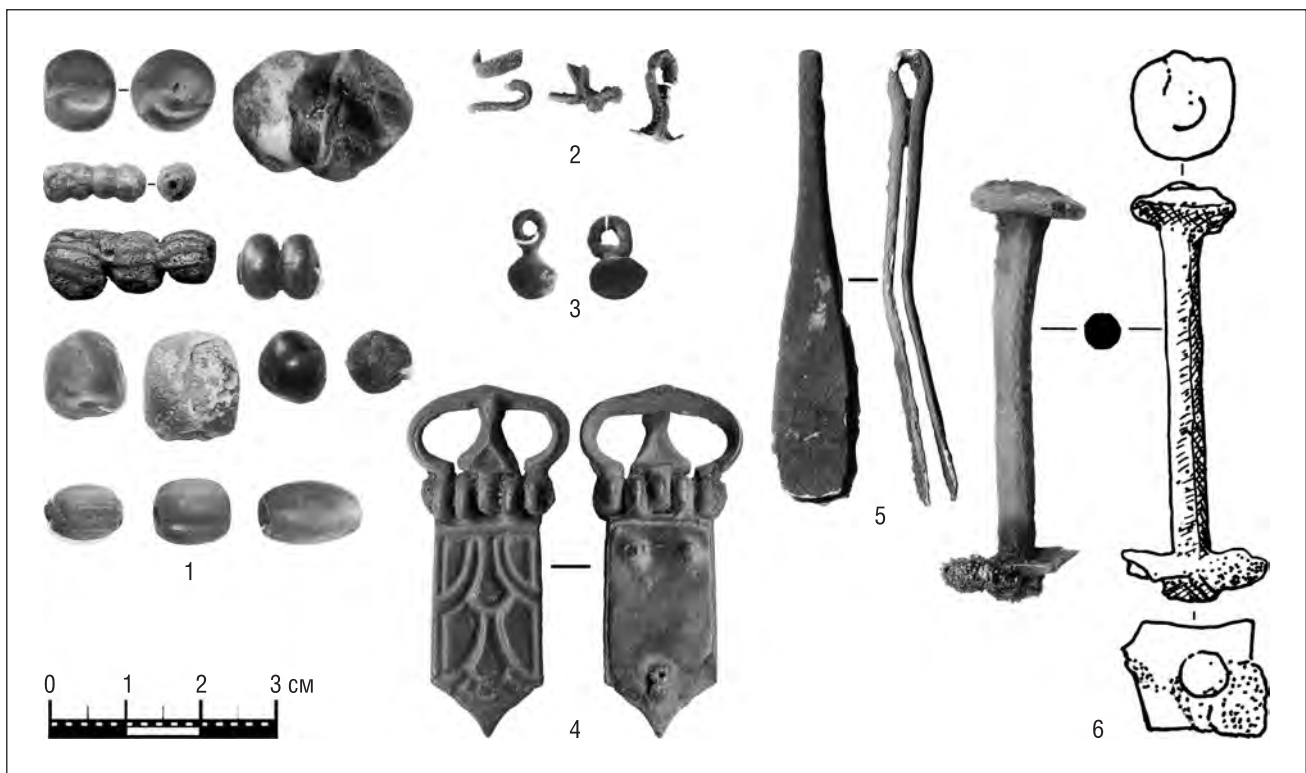

Рис. 4. Изделия из могильника Лужки Е (раскопки В.В. Сидорова 1993 г. и А.С. Сыроватко 2011–2013 гг.):

1 – бусы; 2 – «шплинты»-ушки полых пуговиц и бубенчиков (?); 3 – литые пуговицы; 4 – пряжка; 5 – пинцет; 6 – корабельная (?) заклёпка.

1 – стекло; 2, 3, 5 – медный сплав; 4 – железо + медный сплав; 6 – железо

му стилю эпохи, либо являются импортом. Таковы пряжки и сюльгамы, стеклянные бусы, детали ременной гарнитуры и пуговицы салтовского стиля. Находки ни в одном случае не указывают однозначно на этническую принадлежность погребённых.

Несколько слов о сопровождающей погребения керамике. Целые сосуды встречаются в грунтовых кремациях Щуровского могильника довольно часто, на других памятниках – реже, но и исследованы последние хуже. Главной чертой набора сосудов-приставок и урн Щурово является их разнообразие и сравнительно небольшой объём. В основном это экземпляры с мелкими примесями в тесте (главным образом дресва) и тонкими стенками (рис. 5: 1–2, 4–6), есть экземпляры, изготовленные грубее и имеющие большее сходство с посудой боршевского круга (рис. 5: 3; 6: 2), но в целом они не выглядят единой традицией, и с чем их сравнивать – пока не ясно. Урна из могильника Лужки Е выглядит «более боршевской», а «шипы» на плечике урны из Щурово указывают, скорее, на салтовский круг древностей (рис. 6: 1, 3). Со дна рва «кургана» 2 Щурово происходит единственный сосуд (рис. 6: 4). Развалы крупных частей сосудов позднедьяковского времени встречены в погребениях могильника 1 Соколовой Пустыни.

Все памятники отличает сбор костей с погребального костра и почти все – совершение кремации на стороне. Для Щуровских курганов и некоторых кремаций Лужков можно предположить, на основании спорово-пыльцевых исследований и стратиграфических наблюдений, кремацию в пределах самого могильника, но и там кости собирались с костра. И только на Лужках Е, по мнению В.В. Сидорова, особый тип кремации – «сожжения на настилах» – представлял собой сожжения на месте без сбора костей. Кремация на стороне и сбор костей с костра совершенно типичны для многих эпох, и общность этой черты обряда ещё ни о чём не говорит. Для всех могильников (кроме тех, в которых исследованные погребения единичны) характерна неустойчивость в проявлении той или иной детали обряда. Иными словами, разные приёмы в обращении с покойником или его костями встречаются в разных могильниках и в разное время.

Сравним погребения в могильниках³ по наиболее значимым показателям.

³ Антропологические определения выполнены не для всех памятников: нет сведений по Старой Рязани, Лужкам 11, из коллекции Лужков Е сохранилось и определено антропологами только одно урновое погребение. Полностью обработаны погребения Соколовой Пустыни, для Щуровского могильника проанализировано ок. 50 % костей.

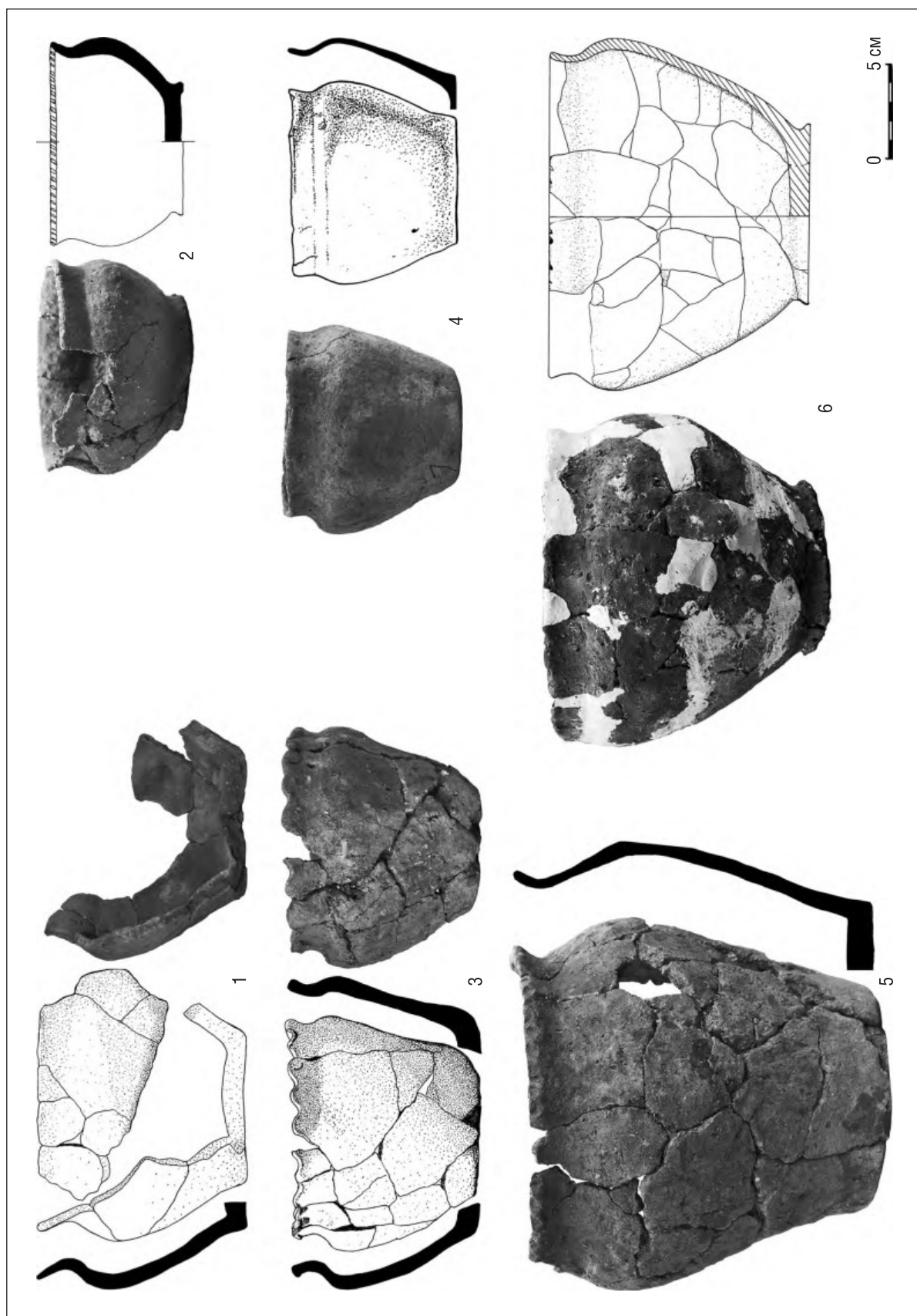

Рис. 5. Сосуды-приставки из Щуровского могильника:
 1 – раскоп 6, участок 3; 2 – раскоп 1, участок 3 2002 г.; 3 – раскоп 6, участок 5 2012 г.; 4 – раскоп 6, участок 7 2013 г.;
 5 – раскоп 2, участок 2, участок 3 2004 г.; 6 – раскоп 5, участок 5, участок 2 2007 г.

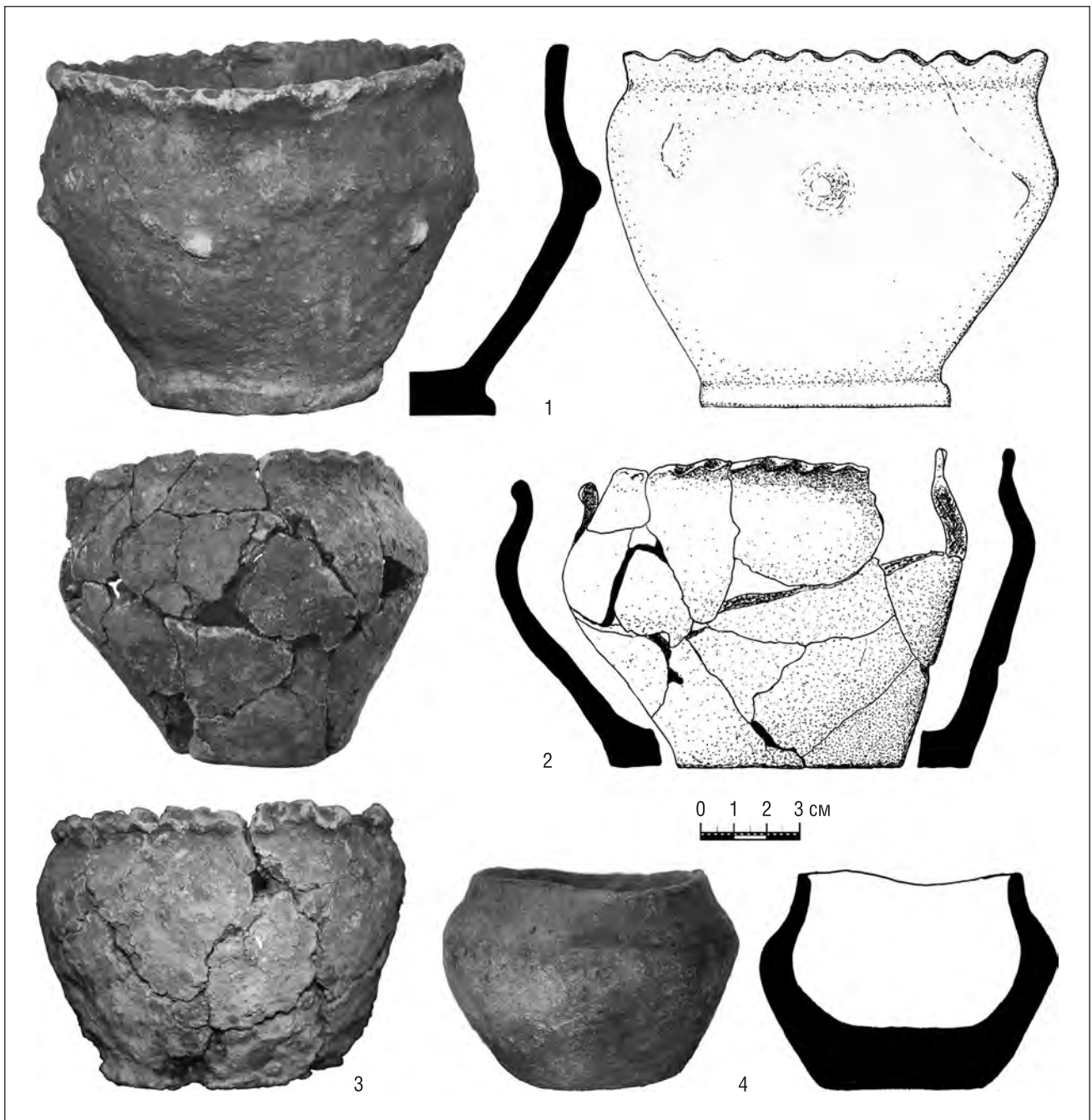

Рис. 6. Урны (1–3) и сосуд (4) из могильников Щурово (1, 2, 4) и Лужки Е (3):
 1 – раскоп 2, участок 11 2009 г.; 2 – раскоп 6, участок 4 2012 г.; 3 – из раскопок В.В. Сидорова 1993 г.;
 4 – со дна рва «кургана» 2, раскоп 2 2002 г.

1. Интервал между смертью и кремацией. В большинстве случаев данные антропологии указывают на сжигание покойников с мягкими тканями, то есть временной зазор между смертью и кремацией минимален. Это вполне естественное поведение, и из него выбивается только один случай: первые из открытых погребений Соколовой Пустыни, могильник 1 – поверхность осколков костей указывает на то, что покойник (или два) был, по крайней мере частично, скелетирован до кремации [18]. Аналогии такой детали обряда мы можем указать только в дяковской культуре, для погребального обряда которой Н.А. Кренке также предполагает кремацию с большим «опозданием» [9, с. 214].

2. Температура горения и положение тела на погребальном костре. Значимым рубежом в данном случае является температура в 750 °С – при горении с меньшей температурой кости по цвету и характеру растрескивания отличаются от тех, которые обгорали при большей температуре. Кроме того, сравнительно низкие температуры могут объясняться положением тела, обложенного дровами сверху, на земле («под костром»), как удалось установить для погребения из кургана 4 в Щурово [26, с. 135–139]. При сожжении захороненных в урновом погребении могильника Лужки Е, урновом погребении 2010 г. Щурово, Щуровских курганах температура была низкой; в грунтовых погребениях Лужков из раскопок 2011 г., грунтовых погребениях по обряду кремации Щурово, включая урновое 2012 г., в обоих могильниках Соколовой Пустыни – сравнительно высокая. Как видим, в распространении этой характеристики кремации системы нет. Насколько такая деталь погребального обряда значима, сказать трудно. В литературе существует основанное на экспериментах мнение, что высокие температуры достигались некой искусственной стимуляцией горения, т.е. использованием жира, смолы, масла и т.д. Для Щуровского грунтового могильника сделано предположение об использовании веток ели [21, с. 127–129], хотя пока определённые по углю породы дерева свидетельствуют о доминировании дуба. Наши же собственные экспериментальные кремации костей показали, что “разогнать” температуру до высоких значений в костре довольно легко, больше того, сложнее специально выдержать низкую. Не исключено, что погребальный ритуал никак не регламентировал интенсивность горения.

3. Очищение костей от сопровождавших кремированного вещей. Этот признак достоверно определить довольно трудно, поскольку диагностировать его можно только по скоплениям обожжённых вещей без костей, как это выявлено в Щурово на грунтовом могильнике [27], либо по местам совершения кремации, которых в нашем распоряжении нет. Косвенный признак – малочисленность или полное отсутствие инвентаря – характерен для курганных кремаций Щурово, части грунтовых погребений Щурово и Лужков. Отметим, что отделение вещей от костей – довольно трудоёмкая операция, учитывая сильную измельчённость осколков бус, капель металла, кольчужных колец и т.д. Как следует из материалов Щурово, её выполняли далеко не в каждом случае. Насколько широко была распространена эта деталь обряда, неизвестно.

4. Количество людей в погребении. По этому параметру выделяется Соколова Пустынь – оба погребения могильника 1 были групповыми, в каждом – не менее двух человек. Больше одного человека, вероятно, было захоронено в «курганах» или «домиках мёртвых» Щурово №№ 2, 3, 4 [28, с. 103]. Правда, ситуация в Щурово осложнена наложением грунтового могильника на курганный. На других могильниках случаи группового захоронения пока не выявлены.

5. Кремация животных. Кости кремированных животных сопровождают большинство погребений этого типа. Они встречены в обоих могильниках Соколовой Пустыни, обоих могильниках Щурово и грунтовых кремациях Лужков из раскопа 2011 г. Исключений немного: одно из урновых погребений Лужков 1993 г. [24, с. 53; по второму нет данных]; урновые погребения Щурово (два); вероятно, также «центральное» погребение кургана 4 Щурово [26]. Разумеется, эти данные неокончательны, поскольку антропологический анализ костей выполнен не для всех погребений Щурово; не сделан, насколько мне известно, для могильника в Старой Рязани, а большая часть коллекции Лужков 1989 и 1993 гг. утрачена. Однако очевидно, что это очень распространённая деталь погребального обряда, и в некоторых погребениях Щурово чаще можно столкнуться с тем, что в скоплениях нет достоверных костей человека. Остеологический анализ костей животных не проводился. Понятно только, что это разные виды, от небольших зверей, размером с небольшую собаку, до травоядных (определение М.В. Добровольской по концентрации цинка в костной ткани и Е.Е. Антипиной по костям хвостового отдела [28, с. 103]). Для обряда Щуровского грунтового могильника можно предположить, что укладка костей внутрь сосуда или рядом с ним определялась именно наличием среди них костей животных – все сосуды невелики, и большое количество костей в них просто не поместилось бы.

6. Травмы и следы измельчения костей. Это самая спорная характеристика обряда и кремированных, во-первых, потому что её диагностирование затруднено, а во-вторых, повреждения на костях не всегда могут однозначно трактоваться. Тем не менее для индивида в «центральном» погребении кургана 4 определены прижизненная травма головы, впоследствии зажившая, а также след от острого предмета на ребре (проникающее ранение грудной клетки клинком или копьем? [26, с. 134]). Разрубы на костях без следов заживления выявлены также у индивидов из урнового погребения в Лужках 1993 г. [24, с. 53], урнового погребения 2009 г. в Щурово [26, с. 87]. Травма головы предположительно диагностирована у индивида, захороненного в кв. 183 раскопа 6 2012 г. в Щурово. Имеющаяся выборка слишком мала, к тому же кремированная кость – не лучший материал для трасологических определений. Если в случае с зажившей травмой диагноз более-менее достоверен, то с разрубами на костях конечностей надёжность ниже. Трактовка этих следов тем более неоднозначна – возможны и ранения, и расчленение трупа, и измельчение уже кремированных костей. Правда, в последнем случае не вполне понятен смысл – экспериментальные кремации, проведённые в экспедиции в 2011 г. убедили нас, что кость чрезвычайно хрупка, распадается сама и измельчались кремированные кости, скорее, при переноске с костра. В крайнем случае это легко сделать руками.

7. Половозрастной состав. Его определение для кремации является сложной задачей, и результат, помимо трудоёмкости, в значительной степени зависит от везения: в большинстве случаев в погребение с костра переносилась меньшая часть костей, которые с момента захоронения продолжали разрушаться. Примечательно, что во всех определяемых случаях это мужчины, достоверно женские погребения пока не выявлены, правда, и определение пола возможно только для небольшой части погребений.

8. Тип погребения. В этом вопросе наблюдается большое разнообразие, хотя наиболее распространённая форма – ссыпание костей на древнюю дневную поверхность. Погребения этой разновидности преобладают в грунтовом Щуровском могильнике и в Лужках Е (примерно 11 из 17), в Соколовой Пустыни это пока единственная известная форма погребения. В то же время обращает на себя внимание такая деталь, как “ядро” концентрации костей в некоторых скоплениях. В Щурово удавалось проследить и наличие ямки под ним. Внешне такие погребения оставляют впечатление существовавшего изначально некоего вместилища из органических материалов, которое было не полностью помещено в ямку, скорее прикопано – разрушенный верх такого вместилища рассеивался на площади до 6 кв. м, однако некое “ядро” сохранялось⁴. Наличие “ядра” в скоплении костей отмечено для нескольких щуровских кремаций и для одного из погребений могильника 1 Соколовой Пустыни. Урновые кремации менее многочисленны – в Щурово всего два случая (при вскрытой площади свыше 2 тыс. кв. м), два – в Лужках (погребения 10 и 11, 1993 г.) и один достоверный случай в Старой Рязани. Правда, в Щурово довольно часто встречаются сосуды возле погребений, а в Соколовой Пустыни (могильник 1) и Лужках Е развалы крупных частей посуды указывают, что она могла входить в инвентарь в качестве приставок или являться урнами, но доказательств этому нет и уже не будет⁵. Скопления кальцинированных костей и керамики в Старой Рязани И.Ю. Стрикалов также считает разрушенными урнами [16, с. 62], здесь ситуация схожа с Соколовой Пустыней и Щурово с той лишь разницей, что в Щурово и Соколовой Пустыни не было чётких границ ям в погребениях и у урн – они оставались лишь слегка заглублёнными.

Погребения в небольших ямках известны в Лужках (в раскопе 2012 г. и погребения 8 и 9 из исследований 1993 г.), в Щурово и Серпухове [17, с. 34]. Правда, в Щурово заполнение таких ям выглядит как сравнительно позднее, с высоким содержанием пойменного аллювия, часть таких погребений повреждена распашкой, т.е. достоверных случаев помещения их именно в преднамеренно выкопанную ямку нет. Чаще встречаются некие аморфные образования в материковом песке, которые можно трактовать как ямки под погребением. Такой же неопределённый случай есть и в погребении 3 Соколовой Пустыни, где скопление костей было турбировано корнями многочисленных деревьев.

Самой загадочной формой погребения стали Щуровские «курганы». По формальным признакам открытые конструкции соответствуют понятию «курганы с внутренними оградками в насыпи». По моему мнению, в действительности они представляли собой некие конструкции, заполненные остатками погребального костра, – «домики мёртвых» [30]. Всего в могильнике обнаружены 5 «курганов», конструкция прослежена в четырёх из них, причём «курган» 5 разрушен полностью подрезкой грунта, и от него остались фактически только контуры внутрикурганной канавки и рвов. Эта же подрезка грунта (паводковыми льдами или техногенного характера) уничтожила значительную часть могильника, и первоначальное количество «курганов», как и грунтовых захоронений, неизвестно. Высота всех неповреждённых «курганов» к моменту раскопок составляла ок. 0,4 м. «Курган», или «домик мёртвых», 1 имел диаметр ок. 9 м. Под насыпью были открыты внешний ров (шириной ок. 1,6 м и глубиной до 1,0 м) и канавка, в плане имевшая форму, близкую к кругу диаметром ок. 5,5 м.

Диаметр сохранившейся части «домика мёртвых» 2 – 11 м, ров – шириной 2–2,5 м и глубиной 0,6–0,8 м. Проходы во рву располагались с запада и востока. В слое «домика» также была прослежена канавка (шириной 0,6–0,8 м и глубиной 0,4–0,6 м), в плане имевшая вид неправильного круга или квадрата со скруглёнными углами размерами ок. 8,5×8,5 м. Диаметр «кургана» 3 составлял 7–8 м, ров был шириной ок. 2,5 м и глубиной до 0,8 м. Насыпи как таковой не было, просто на некоторых участках площади, ограниченной внутренним кольцом оградки, углистый слой был толще. Ров, так же как и у «кургана» 2, имел проходы, однако расположены они были с западной и южной сторон. Кольцевая канавка, являвшаяся, по моему мнению, следами оградки, была аналогична другим. Её глубина (от уровня материка) – до 0,5 м, ширина – ок. 0,4–0,5 м. Она “читалась” практически уже под дёрном. Диаметр её – ок. 7,8 м.

Ещё более экзотичной формой являются так называемые сожжения на настилах могильника Лужки Е – погребения 2 (1989 г.) и 3а-3б (1993 г.) [12; 13]. По мнению их первооткрывателя, В.В. Сидорова, это сложные конструкции, состоявшие из квадратных рам, опиравшихся на «стулья» – камни или столбы, с настилами из жердей и досок (в два уровня) [12, с. 32–34]. Кремация осуществлялась либо на настиле, либо над ним (на столбах), сгоревшие конструкции засыпались грунтом [13, с. 10–12]. Кроме того, для Лужков В.В. Сидоров выделяет ещё одну форму погребения – размещение остатков кремаций над землёй, на столбах [14, с. 48].

Как видно из приведённого обзора, устойчивых черт обрядности нет даже в пределах тех могильников, которые изучены на большой площади (Щурово, Лужки), не говоря уже о совпадении обряда между разными

⁴ Такая реконструкция усложнена, но иначе трудно объяснить сочетание рассеянных и сконцентрированных костей в одном погребении при отсутствии следов распашки.

⁵ Л.С. Клейн приводит красноречивые примеры вторичного использования легкодоступных урн в Средневековье [29, с. 58–60]. Учитывая, что в Щурово долгое время, а в Соколовой Пустыни и сейчас погребения были лишь слегка задернованы, сопровождавшие их сосуды должны были вообще стоять открыто на поверхности и могли быть доступны всем «желающим», но каков масштаб таких «постпогребальных» утрат, неизвестно. Следовательно, предположение И.Ю. Стрикалова о том, что в Старой Рязани погребения изначально были урновыми, небезосновательно. Но и напротив, вовсе необязательно, что это было так – примеров простых скоплений костей на остальных памятниках достаточно, с фрагментами керамики и без них. Если при скоплении костей стоял сосуд-приставка, как в Щурово, то Старая Рязань по обряду полностью совпадает с этим могильником.

ми памятниками. Этот факт можно трактовать по-разному: либо имела место некая этническая /этнографическая пестрота населения, либо погребальный обряд в принципе не имел устойчивых деталей, совпадая только в главном (в кремации как таковой). Кроме того, не менее вероятно, что детали обряда отражают какую-то сложную систему представлений и потому могут зависеть от многих факторов, включая личности погребённых – их статус, прижизненные заслуги, род занятий, обстоятельства смерти и т.д. В последних двух вариантах поиск точных аналогий становится бессмысленным – погребения могли совершаться по неким индивидуальным схемам, применимым к конкретным индивидам.

Взаимосвязь с поселениями

Этот вопрос долгое время казался второстепенным, и в силу занятости исследовательского коллектива работой на могильниках ему уделялось мало внимания. Кроме того, Щуровский комплекс находится на западном борту знаменитого в геологии Щуровского карьера, сильно искажившего рельеф на километры вокруг, и первоначально не исключалось даже, что поселение от Щуровских могильников следует искать на другом берегу р. Оки, на левом, где разведками М.В. Талицкого 1930-х гг. зафиксированы селища с лепной керамикой. В настоящее время вопрос взаимосвязи с поселениями решается следующим образом.

Щуровское селище (официальное название всего памятника, на нём расположены оба могильника), открытое Р.Л. Розенфельдом, датируется ориентировочно IV–V вв. н.э.; синхронный ему могильник не найден. Это, условно говоря, – «верхняя площадка». Южнее, у подножия холма, располагается «средняя площадка», на ней обнаружены отложения дьяковского времени (могильника этого времени также нет), а также встречена керамика, весьма напоминающая урны Щуровского грунтового могильника. Возможно, селище, связанное с поздним могильником, было здесь. В пойме, к северо-западу от холма, под погребениями с кремациями выявлен насыщенный культурный слой позднедьяковского облика, возможно, несколько более поздний, датируемый 3-й четв. I тыс. н.э. Это, скорее всего, селище «строителей» «домиков мёртвых» или Щуровского курганного могильника.

На селище Соколова Пустынь также располагаются оба могильника, и у этого памятника такой же сложный рельеф с несколькими площадками, причём отложения позднедьяковского времени есть на всех, но точной датировки для них пока нет. Впрочем, это вопрос времени, и в перспективе возможно воссоздание внутренней хронологии всего археологического комплекса.

Вблизи могильников Лужковского комплекса также выявлены несколько селищ с лепной керамикой, и здесь могильники имеют свой контекст, хотя пока и не совсем определённый. Для остальных могильников такого контекста пока нет. Заметим, однако, что определение пары «селище – могильник» имеет свои трудности. Во-первых, погребальный комплекс вещей может разительно отличаться от бытового, керамика могла изготавливаться для погребения специально. Точного соответствия можно не найти. Во-вторых, обычна ситуация, когда одновременные, но близкие по времени, могильники и селища накладывались друг на друга (как в Щурово и в Соколовой Пустыни). Погребальные комплексы при таком обряде не имеют чётких границ, находки из поселенческого слоя попадают в погребения, и в итоге мы имеем довольно размытые хронологические рамки и тех, и других.

Каковы аналогии представляемым памятникам и каков вообще их исторический контекст? Может ли погребальный обряд указать направление поисков исходного ареала этой традиции или обозначить культурные связи? Начнём с того, что, как уже говорилось, самый ранний из перечисленных, могильник I Соколовой Пустыни, находится на территории «белого пятна» археологической карты, между массивами мощинской, позднедьяковской и рязано-окской культур (правда, и на территории самой рязано-окской культуры есть похожий могильник). Его погребальный обряд не соответствует ни одной из них. Однако здесь следует сделать оговорку, поскольку погребальный обряд и мощинской, и позднедьяковской культур исследован плохо. Мощинских курганов известно слишком мало (даже без учёта не проводившейся никем верификации материалов раскопок прежних лет), да и «домиков мёртвых» в позднедьяковской среде на близлежащих территориях всего два. Только Ратьковский могильник, исследованный В.И. Вишневым, наиболее близок к Соколовой Пустыни по основным деталям обряда и по датировке [31; 32]. По этой причине могильник I Соколовой Пустыни может в равной степени являться как принадлежностью какой-то новой культурной группы, существовавшей на р. Оке, так и новой формой обрядности уже известных – мощинской или позднедьяковской – культур. Более определённо можно утверждать только, что с синхронными культурами южных и западных территорий – киевской, колочинской – отличий в погребальном обряде больше.

Погребальные конструкции Щуровского могильника – «курганы», или «домики мёртвых», – в первом приближении схожи с курганами с оградками боршевского типа или так называемых верхнеокских вятичей. Такие же оградки принято приписывать мощинским курганам. Однако отличие щуровских конструкций, в первую очередь, – в их ранней дате: они древнее всех боршевских, верхнеокских курганов. Кроме того, их хронологическое положение среди древностей этой территории необычно: они не наследуют полям погребений, как на славянских территориях, а напротив, им предшествуют – по крайней мере в пределах одного могильника, демонстрируя некую обратную культурную стратиграфию. Похожие погребальные конструкции существовали и на Русском Севере [33, с. 116]. Следует признать, что Щуровские погребальные конструкции – наименее понятные из всех, к тому же без перспектив на дальнейшее исследование.

Что же касается грунтовых кремаций самых поздних могильников в нашей группе – Щурово-грунтового, Лужков Е, Соколовой Пустыни 2, а также, возможно, Лужков 11, – то в данном случае аналогий можно привести больше. К северу от Московского региона это могильники у городища Крутик, серия могильни-

ков у Которского погоста [34; 35, с. 37; 36, с. 54], могильники на Белом и Кубенском озёрах [37, с. 287–290; 38] и другие. Территориально они удалены от рассматриваемого региона, детали обряда не всегда совпадают. Ещё недавно казалось, что это единственное направление поиска аналогий, но находки на Самарской Луке и под Ульяновском переменяли это мнение: памятники, обнаруженные там в 2013 г., по целому ряду деталей весьма похожи на Щурово и подобные ему погребения, включая инвентарь, наборы бус и т.д. [39, с. 81–82, рис. 2–4; 40]. Эти новые открытия выглядят пока необычно на фоне синхронных им и хорошо известных древностей Хазарии типа Новинковских курганов. Кроме того, совпадение – не полное (что, учитывая почти 1000 км расстояния, вполне естественно), наборы вещей и на Оке, и на Волге представлены в основном импортами, и внешнее сходство может оказаться обманчивым⁶. Добавим, что точных аналогий можно и вовсе не найти – изменчивость обряда, а также, вероятно, «индивидуальность подхода» при совершении погребения, повторим ещё раз, делают такую задачу весьма непростой.

Возможно ли автохтонное происхождение этих могильников или хотя бы основных черт их обрядности? Несомненно, да. Хотя это, опять-таки, трудно доказуемо. Как уже было отмечено выше, погребения могильника 1 Соколовой Пустыни обладают рядом черт, имеющих аналогии в дьяковской культуре: это захоронения одновременно нескольких (не менее двух) человек и – для одного из двух групповых захоронений – «отложенная кремация», сжигание частично (или полностью) скелетированных трупов⁷. Общие черты в обряде Соколовой Пустыни и остальных, поздних, могильников (кроме «домиков мёртвых» Щурово) и вовсе трудно перечислить. Конечно, такая схема не очень надёжна, её трудно подтвердить или опровергнуть в силу как недостатка данных, так и специфики источника. Но есть и ещё одно обстоятельство, заслуживающее внимания. Это совпадение тех самых «белых пятен» на археологической карте бассейна р. Оки, о которых говорилось в начале статьи (их иллюстрируют карты: ситуация сер. I тыс. н.э. отражена на рис. 7, границы археологических культур на нём условны; ситуация кон. I тыс. показана на рис. 8, распространение

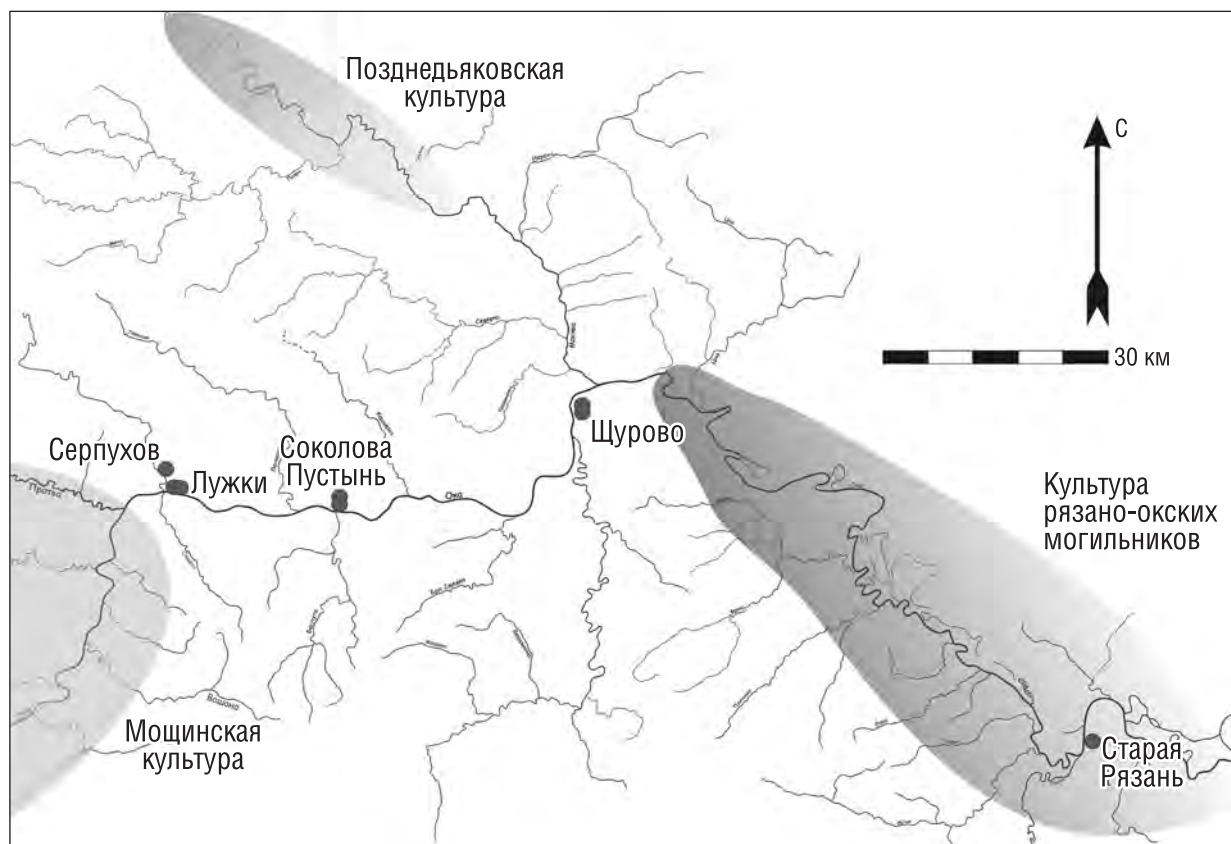

Рис. 7. Могильники с кремациями на р. Оке в контексте археологических культур сер. I тыс. н.э.

⁶ Поиск аналогий на Средней Волге представляется тем более уместным, что количественно вещи салтовского стиля и/или происхождения на могильниках Щурово-грунтово и Лужках преобладают.

⁷ Правда, количество примеров – как в дьяковской культуре (без учёта могильников Заволжья, исследованных А.Н. Башенькиным), так и в нашем случае, – ничтожно, и вероятность совпадения нетипичных ситуаций высока.

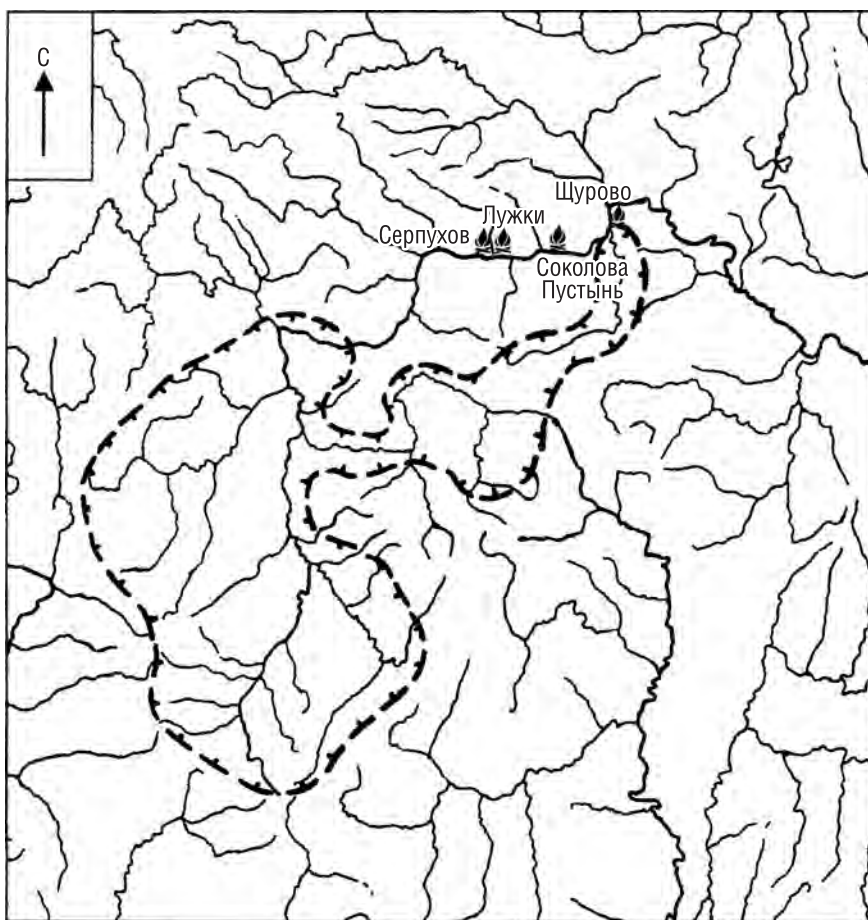

Рис. 8. Распространение славянских памятников в IX – нач. X в. н.э. (по: [41, рис. 61 (без масштаба)]) и могильники с кремациями

славянских памятников на нём дано по А.В. Григорьеву [41, рис. 61]). В существовании этих «белых пятен» также наблюдается странная преемственность: «пустота» между мощинскими памятниками и рязано-окскими сменяется «пустотой» между ареалом «верхнеокских вятичей» и синхронными с ними памятниками рязанского течения Оки, причём границы этих двух «этапов пустоты» практически совпадают, что видно и из приведённых карт. Следовательно, логично допустить и преемственность между вновь открытыми памятниками, заполняющими эту территорию. Более того, не менее ярким является и тот факт, что разновременные могильники в большинстве случаев образуют пары – Щуровские «домики мёртвых» и грунтовый, Соколова Пустынь 1 и 2, Лужки Е и Лужки 11. Из вывода о преемственности между этими памятниками как будто бы следует ещё один вывод – даже в кон. I тыс. н.э. на Средней Оке могло существовать автохтонное население, ведущее своё происхождение с эпохи переселения или даже с раннего железного века. Это очень заманчивый вывод, но есть и контраргументы: между парными могильниками, чьи даты определены, существует хронологический разрыв – таковы Щуровские и Соколова Пустынь (могильник Лужки 11 точно не датирован); разница в погребальном обряде может объясняться не только его эволюцией, но и сменой традиции. Как видим, многое в этом новом археологическом материале продолжает оставаться непонятным. Но как бы то ни было, уже сейчас становится очевидным, что появился новый корпус источников, и применительно по крайней мере к части обозначенной территории он действительно закрыл лакуну⁸. Открытым в свете новых данных остаётся вопрос с бассейном Москвы-реки. Пока видятся два варианта его решения: либо всё-таки имела место незаселённость территории, либо, что вероятнее всего, на этой территории также следует искать могильники щуровского типа. В пользу второго варианта свидетельствуют не только то, что культурная ситуация в низовьях Москвы-реки вряд ли отличалась от таковой на р. Оке в это же время, но и факт обнаружения остатков захоронений по обряду кремации в её верховьях [42].

⁸ Сказанное не означает, что население в период «Тёмных веков» не сокращалось по сравнению с предыдущим временем. Вероятнее всего, на «неуловимость» памятников этого периода сработали оба фактора сразу: необычные для этой территории форма и обрядность, а также редкость таких памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Кренке Н.А. «Темные века» в истории заселения Москвы-реки (VIII–IX вв.) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Том I. М., 2004.
2. Готье Ю.В. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края // ТСА РАНИОН. М., 1928. Т. IV.
3. Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.
4. Смирнов К.А. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974.
5. Смирнов К.А. Проблема периодизации памятников городищ дьяковской культуры // РА. 1994. № 2.
6. Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.
7. Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.
8. Смирнов К.А. Предисловие редактора к монографии И.Г. Розенфельдт «Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв.». М., 1982.
9. Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2011.
10. Юшко А.А. Ранние славяне в Подмоскovie // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.
11. Тавлицева Е.Ю. Результаты раскопки селища Заозерье-2 1993–1995 гг. // Археологические памятники Москвы и Подмоскovie. М., 1996. (Труды МИГМ. Вып. 9)
12. Сидоров В.В. Отчет Подмоскovie экспедиции. Лужковско-Ловецкий отряд в сезоне 1989 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 15433.
13. Сидоров В.В. Отчет о раскопках в Серпуховском и Каширском районах Московской области. 1993 г. Часть II // Архив ИА РАН. Р-1. № 17982.
14. Сидоров В.В. Первые вятичи на Средней Оке // Археология Верхнего Поочья: материалы VI научной конференции 28 февраля – 3 марта 1993 г. Калуга, 2004.
15. Тавлицева Е.Ю. Литейные формы для изготовления слитков с территории Москвы и Подмоскovie // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
16. Стрикалов И.Ю. Северное городище Старой Рязани. Стратиграфия и планировка // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005.
17. Белорыбкин Г.Н., Павлихин А.В., Ставицкий В.В. Охранные раскопки на Серпуховском городище // АО–2006. М., 2009.
18. Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Клеценко Е.А. Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднедьяковского времени // КСИА. Вып. 230. 2013.
19. Новые данные по погребальному обряду у населения Средней Оки в сер. – второй пол. I тыс. н.э. (по материалам могильников Соколова Пустынь) / О.Ю. Потемкина, А.С. Сыроватко, Е.А. Клеценко, М.В. Добровольская, Н.Г. Свирина // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 4. Тула, 2015.
20. Сорокин А.Н. Научно-исследовательские охранные археологические работы (разведки) в зоне отвода земли около с. Лужки Серпуховского р-на Московской области в 2009 году // Архив ИА РАН. Р-1.
21. Сыроватко А.С., Спиридонова Е.А., Трошина А.А. Хронология Щуровского могильника по естественно-научным данным // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 3. Тула, 2012.
22. Syrovatko, A., Zaretskaya, N., Troshina, A., Panin, A. Radiocarbon Chronology of the Schurovo Burial Mound Cremation Complex (the Viking Times, Middle Oka river, Russia) // Radiocarbon. Vol. 54. Nr. 3–4. Tucson, 2012.
23. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989.
24. Могильник Лужки Е – некоторые наблюдения над старыми коллекциями / А.С. Сыроватко, В.В. Сидоров, Е.А. Клеценко, А.А. Трошина // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Вып. 9. М., 2013.
25. Сыроватко А.С. Новые материалы могильника Лужки Е // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Вып. 9. М., 2013.
26. Погребальный обряд Щуровского могильника: новые результаты междисциплинарных исследований / А.С. Сыроватко, М.В. Добровольская, А.А. Мальцева, А.А. Трошина // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 3. Тула, 2012.
27. Скопления «кремированных» находок на Щуровском могильнике: деталь обряда или случайность? / А.С. Сыроватко, А.А. Трошина, А.А. Гольева, В.А. Шишков // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Вып. 10. М., 2014.
28. Опыт междисциплинарных исследований погребального комплекса Щурово / А.С. Сыроватко, М.В. Добровольская, А.А. Ключко, Д.Л. Шишков // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Вып. 8. М., 2008.
29. Клейн Л.С. История археологической мысли. Том 1. СПб., 2011.
30. Сыроватко А.С. Реконструкция погребальных сооружений Щуровского могильника // КСИА. Вып. 224. 2010.
31. Вишневецкий В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В. О погребальном обряде финно-угорского раннесредневекового могильника на Ратковском городище в верховьях р. Дубна // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004.
32. Вишневецкий В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В. Ратковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. 2007. № 2.
33. Хвоцинская Н.В. Погребальные дерево-земляные сооружения на западе Новгородской земли // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.
34. Захаров С.Д., Меснянкина С.В. Могильники поселения Крутик: первые результаты исследований // Археология Владимирско-Суздальской земли: материалы научного семинара. М.; СПб., 2012.
35. Кудряшов А.В. Белозерская весь: взгляд из 2012 года // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тезисы докладов международной конференции. М., 2012.
36. Михайлова Е.Р. Бескурганские могильники близ Которского погоста: хронология и место среди древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тезисы докладов международной конференции. М., 2012.
37. Макаров Н., Новикова Г. Могильник Крохинские Пески – некрополь Белоозера X–XIII вв. // Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
38. Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Новые исследования средневековых могильников с кремациями на севере Европейской России // РА. 2007. № 1.
39. Сташенков Д.А. Об особенностях погребального обряда населения Самаро-Симбирского Поволжья хазарской эпохи // Культуры степной Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы V Международной археологической конференции 25–28 ноября 2013 г. Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 2013.

40. Вязов Л.А., Петрова Д.А. Комаровский могильник (предварительная публикация) // Культуры степной Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы V Международной археологической конференции 25–28 ноября 2013 г. Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 2013.
41. Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула, 2005.
42. Алексеев А.В. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 1. М., 2004.

*Муниципальное бюджетное учреждение
«Коломенский археологический центр»,
Коломна*

A.S. Syrovatko

**BURIAL GROUNDS WITH CREMATION ON CENTRAL OKA:
IS IT A SOLUTION OF THE PROBLEM OF “DARK AGES”?**

Summary

This paper summarizes the archaeological material received as a result of the excavations of recent years of a fundamentally new to the Moscow region monuments – cemeteries with cremation. At the present time on central current of the Oka River 8 points of detection of burials with cremation are known – Staraya Ryazan, two burial grounds of Shchurovo, two burial grounds of Sokolova Pustyn, burial grounds Luzhki E and Luzhki 11, and single burial in Serpukhov. These burial grounds are dated from different time – from V c. AD (Sokolova Pustyn 1), VI–VII cc. (Shchurovo-barrows (kurgany), Staraya Ryazan), IX–X cc. (Shchurovo-soil ground (gruntovy), Luzhki E, Sokolova Pustyn 2). The exact date of the burial ground of Luzhki 11 isn't still defined, but it was founded in the second part of I millennium AD, the burial in Serpukhov isn't dated. The majority of burials are made on a funeral rite of cremation on the side with dispersal of the remains of burnings on an ancient day surface. For some of them it is possible to assume the existence initially of a certain receptacle made of organic materials. Burials in cinerary urn are rare – there are two reliable cases in burial grounds of Shchurovo and Luzhki E though one often finds vessel-outliers near lenses of bones. Special funeral constructions «lodges for the dead» (Shchurovo's burial ground-barrows, 5 items) and original burning of bodies on special wooden floorings (two designs, Luzhki's burial ground E) become rare. On all burial grounds are known cremations both with the scorched things, and without them, congestions of burned things without bones are also known. The finds have no culturological meaning and are typical for all Eastern Europe during the period of Great migration of the people and the period of Vikings. The author leaves the question open, whether there is continuity between these monuments, and also the continuity with cultures of Early Iron Age. He marks, however, that during all the second part of I millennium AD on this area of the Oka River only this unusual funeral rite exists, while in the neighboring territories nothing of the kind is known.

*Municipal Budgetary Institution
“Kolomna Archaeological Centre”,
5, Kremlyevskaya St., Kolomna, Moscow Region, 140400,
Russia
E-mail: arxeolog-net@rambler.ru
E-mail: sasha.syr@rambler.ru*

Е.А. Клещенко, А.С. Сыроватко, М.В. Добровольская

ОБ ИНФОРМАТИВНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ОПИСАНИЯ КОСТНЫХ КРЕМИРОВАННЫХ ФРАГМЕНТОВ. ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТА В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ¹

Методики описания материалов кремации с целью реконструкции особенностей погребального обряда тесно связаны с судебно-медицинскими практиками, во многом опираются на них [1; 2]. Одни из наиболее распространённых признаков, по которым происходит оценка температуры и продолжительности кремации, – цветность фрагментов и характер растрескиваний кости (см. например [3; 4; 5]). В результате сопоставления различных схем мы можем визуально выделять как минимум три градации: до 300 °С, от 300 до 800 °С и выше 800 °С. Опираясь на эти же источники, можно было бы говорить о том, что значимые результаты кремации могут быть получены после как минимум сорокаминутного горения.

Тем не менее в практике работы с материалами из археологических памятников возникают многочисленные ситуации, которые не полностью находят аналоги в экспериментах такого рода [6].

В ряде случаев мы сталкиваемся не с полным захоронением кремированных останков, а лишь с парциальным. В земле оказываются аккумулярованными локально или распространёнными по значительной площади (или в объёме культурного слоя) лишь мелкие фрагменты, масса каждого из которых составляет величину менее одного грамма. В связи с этим возникают вопросы о преднамеренности и непреднамеренности измельчения, о том, столь мелкая фрагментация связана с дроблением кремированных останков, или же измельчение этих фрагментов – процесс тафономический и осуществлялся благодаря давлению грунта, его расширению и сжатию в условиях меняющейся влажности и пр.

Другая группа вопросов связана с неравномерностью сгорания останков на погребальном костре, в результате чего часть фрагментов скелета демонстрирует одни условия горения, а часть – другие.

Эти и многие другие частные вопросы побудили нас провести самостоятельный эксперимент с имитацией кремации тела и скелетированных останков.

Первая часть эксперимента

В мае 2011 года на базе экспедиции Коломенского археологического центра, изучающего погребальные памятники Щурово вблизи города Коломны, нами был организован и проведён эксперимент по выявлению особенностей состояния скелетных тканей при различных режимах кострового сожжения. Предлагаемая публикация – описание этого эксперимента с фиксацией результатов, которые в дальнейшем могут быть положены в основу интерпретаций при работе с кремированными костями из археологических памятников.

Цели эксперимента:

- зафиксировать, как проходил процесс кремации на костре при различных условиях построения костра и положения в нём объекта сожжения (под костром, в центре костра, над костром);
- получить данные о размерности, цветности и хрупкости фрагментов костей после сожжения;
- получить экспериментальные образцы для сравнения с фрагментами костей из погребений;
- на основе эксперимента провести дробление кремированных костей с целью получения образцов для сравнения с материалами погребений.

Материалы для сожжения:

- отдельные фрагменты черепа человека (взрослый мужчина 20–25 лет) без наличия мягких тканей, сухие, долгое время пролежавшие в земле, которые послужили объектом для изучения результатов вторичной (отложенной) кремации;
- свежие кости коровы (кости конечностей, рёбер, позвонков) с мягкими тканями (мышцы, сухожилия, фасции), которые послужили основным материалом для имитации кремации тел вскоре после кончины индивида;

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-06-00423А «Реконструкция природного окружения поселений Раннего железного века – раннего Средневековья в бассейне Средней р. Оки».

– частично скелетированные останки кабана со шкурой, послужившие условным материалом для получения представлений о результатах кремации после непродолжительного периода первичного захоронения (несколько месяцев), которое приводит к частичному обезвоживанию и частичной утрате жировых веществ в объекте кремации;

– естественно мацерированный (очищенный муравьями) череп лисы без наличия мягких, но сохранивший значительную часть органической составляющей скелетных тканей, который служил условным объектом для получения сведений о кремации относительно мелких животных.

Материалы для костра:

– сухие сосновые брёвна диаметром около 15–25 см, длиной около 1–1,2 метра;

– мелкие сухие ветки и бумага для розжига костра.

Добавочные горючие материалы не использовались, так же как и менее смолистые породы деревьев.

I. Подготовительный этап

Местом для сожжений был выбран противопожарный ров, пропаханный в песке, недалеко от могильника Щурово. Место горения – край первой террасы, на краю поймы. После предварительной проверки места на наличие археологически значимого материала во рву были сооружены 5 костров.

II. Ход эксперимента

Костёр № 1. Был уложен из брёвен «колодцем» размерами 1 на 1 метр в три ряда. В качестве материалов для кремации были использованы фрагменты черепа человека без мягких тканей, свежий череп лисы без мягких тканей и останки кабана с частичным наличием мягких тканей. Общий вес составлял около 6–7 кг. Останки были уложены поверх костра («над костром»).

16.58 – начало эксперимента. Костёр был подожжён снизу, огонь поднимался вверх равномерно (ил. 1).

17.03 – огонь сильно разгорается, доходит до останков. Быстрее всего разгораются останки кабана благодаря наличию мягких тканей (мяса, жиров и шкуры) (ил. 2).

17.15 – огонь идёт на убыль, горит менее интенсивно, неравномерно. Наибольший жар – в середине костра, там кости начинают белеть, по краям жара меньше – мягкие ткани на черепе кабана почернели и обуглились, постепенно сгорают.

Ил. 1. Костёр № 1. Общий вид сруба. Начало горения

Ил. 2. Костёр 1. Активное горение останков в положении «над костром»

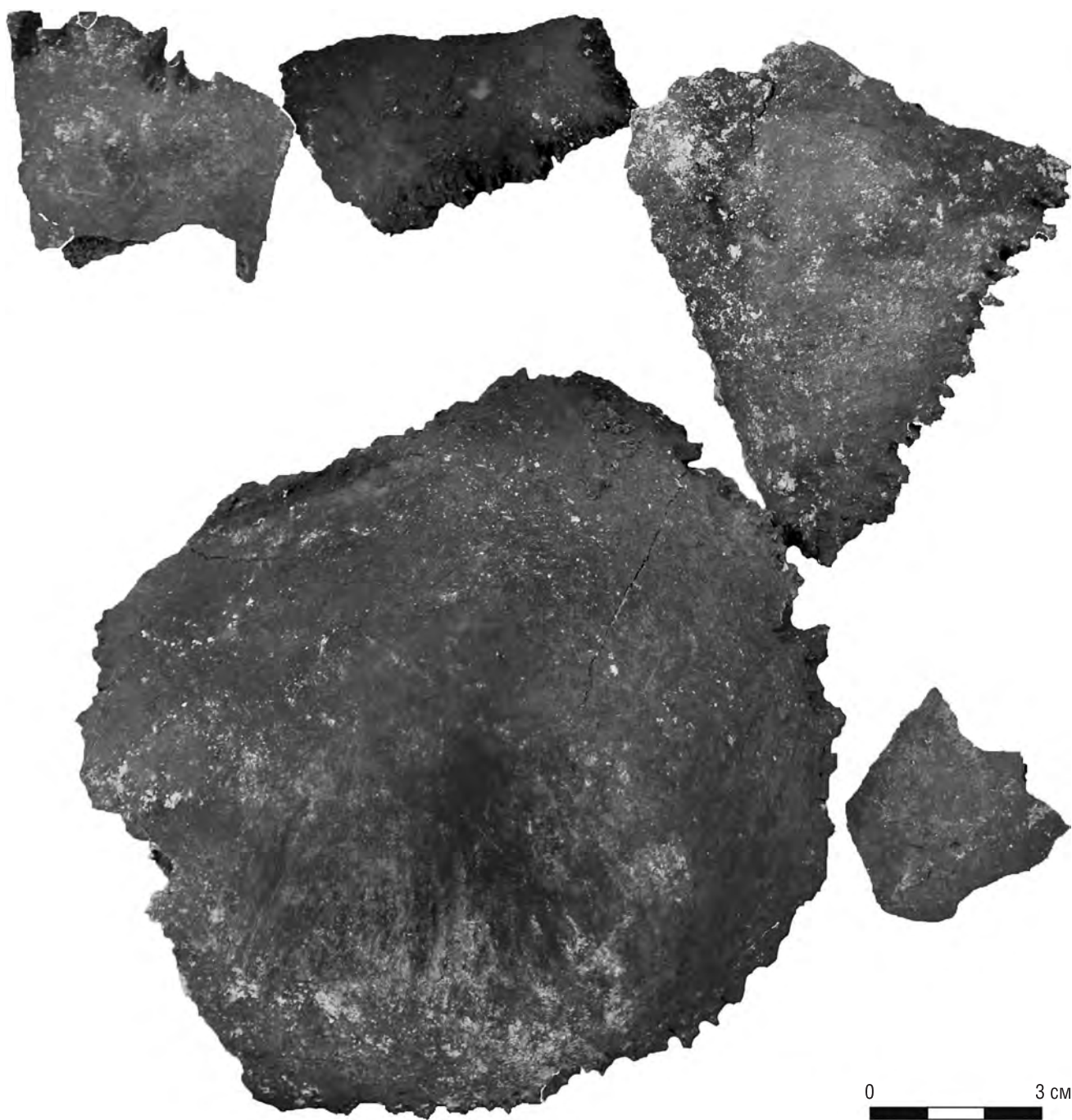
17.38 – центр кострового сооружения обваливается, череп кабана падает в середину костра на угли. По краям продолжает гореть огонь.

18.25 – костёр догорает без постороннего вмешательства. Таким образом, горение продолжалось около полутора часов.

Результат:

Фрагменты черепа человека незначительно изменили окраску на буроватую. Однако это изменение не настолько разительно, чтобы на него можно было обратить внимание в том случае, если бы мы не знали о проведении кремации. Этот результат важен, так как даёт основание полагать, что не всякая вторичная кремация может быть распознана по цветовым маркерам. Кости слегка обуглились, но неравномерно и не повсеместно, не изменили формы и размеров, но стали более хрупкими. Немного изменился цвет на разломе от прокала кости – серый или светло-коричневый. На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что на сухие кости законы изменения цветности при высоких температурах практически не распространяются и ведущим маркером следует считать хрупкость (ил. 3).

Фрагменты костей кабана и черепа лисы изменили цвет: стали белыми, в некоторых местах с синеватым или сероватым оттенком – следствие неравномерного распределения жара огня (ил. 4). Цвет зубов, находящихся в наиболее труднодоступных местах, стал сине-чёрным (ил. 5). Фрагменты костей достигали размеров 10–20 см, но были очень хрупкими и рассыпались в руках. По структуре кости напоминали мел, «пачкались». Поверхность костей была матовая. Полученный результат продемонстрировал много сходных признаков с фрагментами из археологических памятников (в частности, грунтовых захоронений в Щурово). Повышенная хрупкость фрагментов даёт полное основание предполагать, что их измельчение могло происходить произвольно при перенесении останков с места горения в место захоронения.

Ил. 3. Костёр № 1. Результаты горения сухой кости на протяжении 1,5 часа

Ил. 4. Костёр № 1. Результаты горения костей кабана с мягкими тканями.
Продолжительность горения 1,5 часа

Ил. 5. Костёр № 1. Результаты горения костей кабана с мягкими тканями. Продолжительность горения 1,5 часа.
Чётко видна цветовая разница между костью нижней челюсти и окраской зубных тканей

Костёр № 2. Уложен из брёвен «колодцем» размерами 1 на 1 метр в три ряда венца. В качестве материалов для сожжения были использованы свежие кости коровы с мягкими тканями. Общий вес также составлял около 6–7 кг. Останки были уложены в середине костра, между перекрытиями из брёвен и мелких веток.

16.57 – начало эксперимента. Костёр был подожжён снизу, огонь поднимался вверх равномерно.

17.03 – огонь доходит до останков, охватывает около 70 % всего костра.

17.15 – огонь сильно разгорается, охватывает всё сооружение.

17.44 – центр сооружения проваливается вместе с останками вниз – в угли.

19.15 – костёр догорает без внешнего вмешательства. Таким образом, общая продолжительность горения – более двух часов, однако фаза наиболее активного горения не превышает 1,5 часа.

Результат:

Фрагменты костей также изменили цвет: стали белыми, но без тёмных пятен – следствие равномерности жара и высокой температуры огня. Кости достигали размера 10 см, но также были очень хрупкими и рассыпались в руках. По структуре кости напоминали мел, как и в первом случае. Поверхность костей была матовая (ил. 6).

Костёр № 3. Костёр аналогичен первым двум. В качестве материалов для сожжения были использованы свежие кости коровы с мягкими тканями. Общий вес составлял около 10 кг. Останки были уложены под костром, причём часть из них была уложена на землю, а часть была плотно завернута в мешок, правда, синтетический, что сильно нарушило чистоту эксперимента.

16.56 – начало эксперимента. Костёр был подожжён сверху конструкции.

17.15 – костёр начинает разгораться.

17.46 – огонь доходит до останков.

19.40 – костёр потухает. Таким образом, продолжительность горения экспериментальных материалов составляет около двух часов, с фазой активного горения около 1,5 часа.

Результат:

Кости, первоначально расположенные на земле разрозненно, были сильно разрушены, имели белый цвет и по всем показателям не отличались от костей первых двух сожжений (ил. 7).

Костёр № 4. Был уложен из брёвен «колодцем» размерами чуть меньшими, чем в предыдущих случаях, в два ряда. В качестве материалов для сожжения были использованы свежие кости коровы с мягкими тканями. Общий вес составлял около 5 кг. Останки были уложены в середине конструкции между брёвен, костёр предполагалось залить водой.

20.15 – начало эксперимента, огонь постепенно распространяется по всей конструкции.

20.55 – кости начинают белеть, костёр заливают 20 литрами холодной воды.

Результат:

Фрагменты костей сразу же после сожжения были крупные и серые, от воды сильно не потрескались. После остывания кости сильно растрескались и деформировались. Важно отметить, что при продолжительности горения около 40 минут цветность и фрагментация материалов сопоставима с результатами экспериментов 1–3.

Костёр № 5. Был уложен из брёвен «колодцем» такими же размерами, как и костёр № 4, в два ряда. В качестве материалов для сожжения были использованы свежие кости коровы с мягкими тканями. Общий вес составлял около 5 кг. Останки не были сразу помещены в костёр, поскольку предполагалось положить их в угли.

20.55 – был разожжён костёр.

21.40 – дрова в костре догорели до состояния углей.

21.44 – останки были положены в угли.

24.00 – костёр окончательно догорел.

Результаты:

На момент остывания костра кости приобрели белый цвет, сильно деформировались и практически ничем не отличались от костей из предыдущих сожжений (ил. 8).

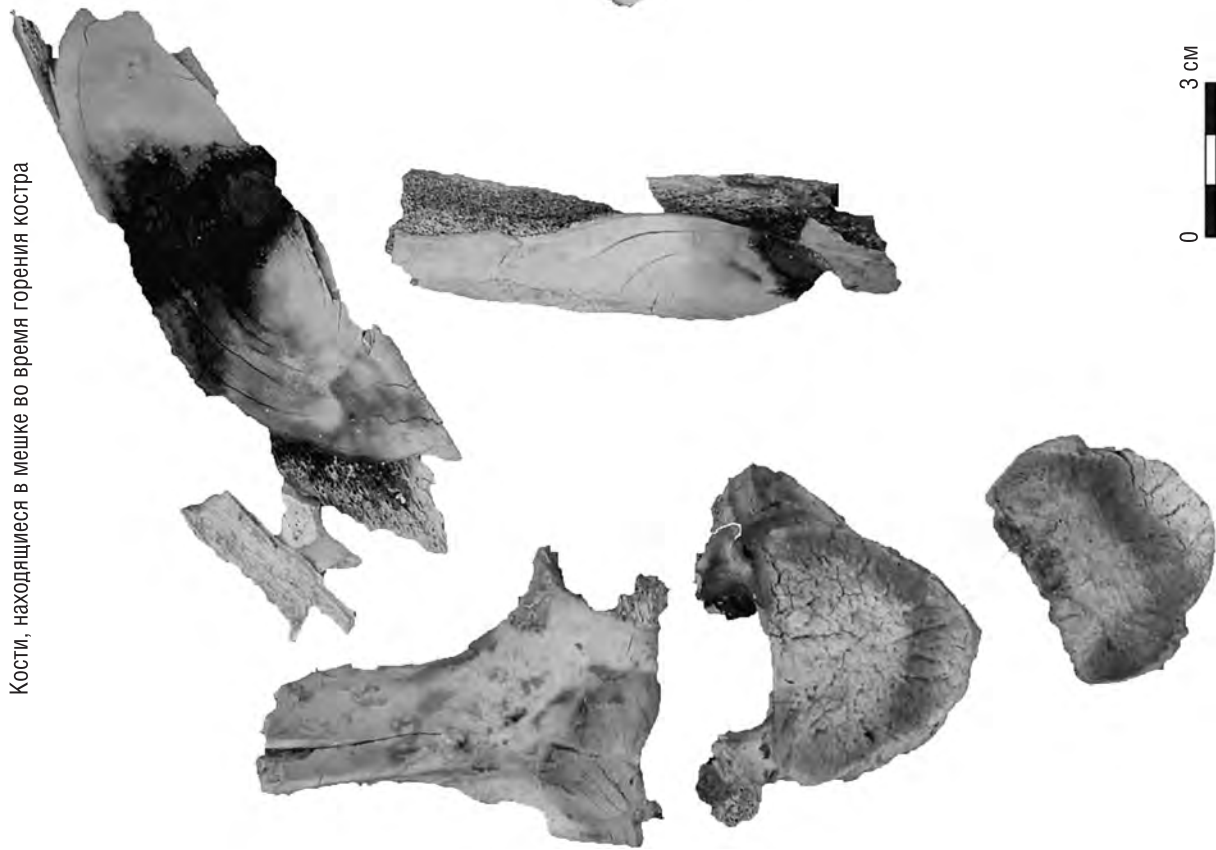
III. Дробление полученных образцов

По окончании сбора экспериментального костного материала со всех пяти костров была произведена попытка дробления этих останков с целью выявления характерных деформационных трещин. Дробление привело к растрескиванию костей не только на месте удара, но и по всей поверхности, и к разрушению фрагментов. Внешний вид таких фрагментов ничем не отличается от внешнего вида костей из грунтовых погребений некрополя Щурово.

Ил. 6. Костёр № 2. Горение «в центре костра». Белые хрупкие фрагменты костей с выраженными деформационными трещинами

Кости, находящиеся в мешке во время горения костра

Кости, находящиеся на открытом огне

Ил. 7. Костёр № 3. Горение «под костром». Различия результатов горения разрозненных фрагментов скелета с мягкими тканями (справа) и нескольких фрагментов костей с мягкими тканями, упакованных в мешок (слева)

Ил. 8. Костёр № 5. Горение «на углях». Результат термической обработки без воздействия открытого огня

Вторая часть эксперимента

В июле 2011 г. после осуществлённых ранее экспериментов было принято решение о проведении дополнительных (уточняющих) экспериментальных сожжений, целью которых являлось измерение температуры горения костра. Для получения точных температурных данных был использован контрольно-измерительный прибор – низкотемпературный пирометр С-20.4 (разработчик и производитель прибора ООО «Техно-АС», г. Коломна), предназначенный для бесконтактного измерения температуры поверхностей твёрдых (сыпучих) и жидких сред по их собственному тепловому излучению.

Диапазон измерения температуры прибором – от -18°C до $+1600^{\circ}\text{C}$, предел допустимой погрешности прибора – $\pm 2^{\circ}\text{C}$ ($\pm 2\%$).

Для проведения эксперимента по образцу предыдущих сожжений были сконструированы так называемые погребальные костры. Отметим, что условия проведения сожжений во второй части эксперимента были абсолютно идентичны таковым первой части эксперимента (горючие материалы, проведение сожжения на открытом воздухе, конструкция костра), что позволяет применять полученные температурные данные к кострам первой части эксперимента.

Материалы для сожжения:

- свежие кости свиньи (кости конечностей, череп) с мягкими тканями (мышцы, сухожилия, фасции), которые послужили основным материалом для имитации кремации тел вскоре после кончины индивида;
- термически обработанные кости птицы (куриные кости).

Материалы для костра:

- сухие сосновые брёвна диаметром до 20 см, длиной около 1–1,2 метра;
- мелкие сухие ветки и бумага для розжига костра.

Добавочные горючие материалы не использовались, так же как и менее смолистые породы деревьев.

I. Подготовительный этап

Местом для сожжений, так же как и в прошлый раз, был выбран противопожарный ров, пропаханный в песке, недалеко от могильника Щурово. Место горения – край первой террасы, на краю поймы.

II. Ход эксперимента

Костёр № 1. Был уложен из брёвен «колодцем» размерами 1 на 1 метр в пять рядов. В качестве материалов для кремации ничего не использовалось. При горении древесины была достигнута максимальная температура горения – +678 °С, минимальная – +181 °С, средние температурные показатели – +395,5 °С. Продолжительность горения костра – около 1,5 часа.

Костёр № 2. Был уложен из брёвен «колодцем» размерами 1 на 1 метр в три ряда, более компактно, чем в предыдущем случае. В качестве материалов для кремации ничего не использовалось. При горении древесины была достигнута максимальная температура её горения – +803 °С, минимальная – +554 °С, средние температурные показатели – +725,2 °С. Стоит отметить, что относительно равномерное горение костра (температурные показатели варьируют до 250°, что немного, если сравнивать с показателями костров № 1 и № 3), связано, скорее всего, с более компактной укладкой древесной конструкции. Продолжительность горения костра – около 1,5 часа.

Костёр № 3. Был уложен из брёвен «колодцем» размерами 1 на 1 метр в три ряда. В качестве материалов для кремации был использован череп свиньи. Анализ горения данной конструкции было уделено больше внимания, поскольку результаты исследования могли дать не только температурные показатели, но и данные о свойствах кремированных костных останков, полученных при той или иной температуре. Останки были уложены поверх костра («над костром»).

21.00 – начало эксперимента. Костёр был подожжён снизу, огонь поднимался вверх равномерно. Минимальная температура горения древесины – 272 °С, максимальная – 698 °С, средние температурные показатели – 326,7 °С.

21.05 – огонь сильно разгорается, доходит до останков. Температурные показатели увеличиваются: минимальная температура горения древесины – +406,3 °С, максимальная – +756,4 °С, средние температурные показатели составляют +590,5 °С.

21.10 – Огонь начинает идти на убыль и горит менее равномерно. Однако на десятой минуте эксперимента длительно была зафиксирована максимальная температура горения древесины – +804 °С (далее можно было зафиксировать температуру до +850 °С). Минимальные температурные показатели составляют примерно от 272 °С до 406 °С. Средние температурные показатели горения древесины в центре костра – примерно 650–750 °С. Отдельно стоит отметить, что температура горения древесины по краям костра на протяжении всего эксперимента не достигала значения выше 300–400 °С.

23.00 – костёр догорает без постороннего вмешательства. Таким образом, горение продолжалось около двух часов.

Результат:

Фрагменты костей черепа свиньи изменили цвет: стали белыми с синеватым или сероватым оттенком – следствие неравномерного распределения жара огня. Цвет зубов, находящихся в наиболее труднодоступных местах, стал сине-чёрным (так же как и при сжигании черепа кабана). Фрагменты костей достигали размеров 10–20 см, но были очень хрупкими и рассыпались в руках. По структуре кости напоминали мел, «пачкались». Поверхность костей была матовая. Данное соотношение цветовых и физических характеристик кремированных костей, полученных в результате сожжения на костре, хорошо соответствует показателям, указанным в работе J. Wahl [7], и доказывает, что для достижения хрупкости и прогорания костей до белого цвета во время сожжения достаточно температуры не более 800 °С, которой легко достичь при горении костра на открытом воздухе без применения дополнительных горючих веществ. Низкие температуры по краям костра, а также неравномерность горения костра на открытом воздухе объясняют различие цветовых показателей костных останков (от чёрного до светло-серого и белого) в рамках одного погребения.

Заключение

Проведённые эксперименты позволили нам ответить на ряд вопросов, которые возникали при реконструкции элементов погребального обряда. Среди наиболее важных результатов следует отметить:

1. Сложность выявления процедуры вторичной кремации без тщательной оценки прочности кости.
2. Идентичность результатов кремации останков, сожжённых вскоре после кончины кремируемого объекта и через несколько месяцев.
3. Наличие чётких маркёров присутствия плотных материалов, препятствующих проникновению кислорода при горении, плотного обёртывания останков.
4. Отсутствие маркёров преднамеренного тушения костра в том случае, если горение превышает 30–45 минут.
5. Повышенная хрупкость костей после кремации, достаточная для того, чтобы происходила их мелкая фрагментация даже при аккуратном перемещении (в случае сожжения на стороне). Преднамеренное дробление почти невозможно диагностировать.
6. Сопоставимый характер изменений при сожжении относительно крупных и относительно мелких животных.
7. Очень легкое создание температуры горения в 800 °С в небольшом костре. При такой температуре получаются аналогичные археологическим кальцинированные кости. Возможно, нашу задачу облегчали условия – сухая погода, продуваемое открытое место. Но всё же труда было затрачено немного и, по нашим впечатлениям, сложнее было бы выдержать низкую температуру горения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. 2010.
2. Звягин В.Н. Диагностические исследования в судебно-медицинской экспертизе идентификации личности // Медико-криминалистическая идентификация / Под ред. В.В. Томилина. М., 2000.
3. Bohnert, M., Rost, T., Pollak, S. The Degree of Destruction of Human Bodies in Relation to the Duration of the Fire // Forensic Science International. Volume 95, Issue 1. Elsevier Ireland Ltd, 1998.
4. Koon, H.E.C., Nicholson, R.A., Collins, M.J. A Practical Approach to the Identification to Low Temperature Heated Bone Using TEM // Journal of Archaeological Science. Volume 30 (11). 2003.
5. Walker, P.L., Miller, K.W.P., Richman, R. Time, Temperature and Oxygen Availability: An Experimental Study of the Effects of Environmental Conditions on the Color and Organic Content of Cremated Bones // The Analysis of Burned Human Remains. Academic Press. San Diego, CA. 2008.
6. Добровольская М.В. Результаты антропологического анализа материалов, происходящих из погребальных комплексов могильника Митино // Скворцов К.Н. Могильник Митино V – XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. Ч. 2. М., 2010.
7. Wahl, J. Leichenbranduntersuchungen Ein Überblick über die Bearbeitungs- und Aussagemöglichkeiten von Brandgräbern // Prähistorische Zeitschrift, 57. Berlin, 1982.

*Институт археологии РАН,
Москва
МБУ «Коломенский археологический центр»,
Коломна*

E.A. Kleshchenko, A.S. Syrovatko, M.V. Dobrovolskaya

ABOUT THE INFORMATIVE IMPORTANCE OF THE DESCRIPTION OF THE BONE CREMATED FRAGMENTS. EXPERIENCE OF EXPERIMENT IN FIELD CONDITIONS

Summary

The description of the experimental cremations that is carried out during excavation of the Shchurovsky burial ground is provided in article. For burnings crude bones of a cow and pig with a small amount of soft fabrics, partially skeleton carcass of a boar, skulls of the man and a fox were used. Temperature of burning was fixed by a pyrometer. The made experiments allowed us to answer a number of questions that arose at reconstruction of elements of a funeral rite. Among the most important results it should be noted: complexity of identification of procedure of secondary cremation without careful assessment of durability of a bone; identity of results of cremation of the remains burned soon after death and in some months; existence of accurate markers of short cremation (less than half an hour – three quarters of hour); lack of markers of deliberate suppression of a fire in case burning exceeds 30–45 minutes; the increased fragility of bones after cremation sufficient for their small fragmentation even at accurate movement (in case of burning on the side); comparable nature of changes when burning rather large and rather small animals; to create burning temperature at 800 °C in a small fire seemed very easy.

*E.A. Kleshchenko
Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036, Russia
E-mail: malzeva-ekaterina@mail.ru*

*A.S. Syrovatko
Municipal Budgetary Institution «Kolomensk Archaeological Centre»,
5, Kremlyevskaya St., Kolomna, Moscow Region, 140400, Russia
E-mail: arxeolog-net@rambler.ru; sasha.syr@rambler.ru*

*M.V. Dobrovolskaya
Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036, Russia
E-mail: mk_pa@mail.ru*

Н.Г. Брюхова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ВАЖГОРТСКОГО I МОГИЛЬНИКА¹

Антропологический портрет средневекового населения Пермского Предуралья имеет пока нечёткий абрис. Вопросы этногенеза и взаимодействия различных групп населения решаются методами археологических исследований. Многие могильники Средневековья хорошо изучены, и вещевой материал опубликован. Однако обработанных и изданных антропологических коллекций не хватает для полного представления о внешнем облике населения Верхнего и Среднего Прикамья в Средневековье.

В 1960-х гг. М.С. Акимовой были собраны и описаны 14 черепов из погребений Митинского могильника IV–V вв., 14 черепов Демёнковского могильника VI–VIII вв. Она же упоминает 7 черепов Урьинского могильника VIII–IX вв., собранных и измеренных Ю.А. Дурново, и один череп Неволинского могильника VIII–IX вв., описанный Г.Ф. Дебецом [1].

Сложность обработки костных останков из погребений средневековых некрополей состоит в том, что, несмотря на достаточное количество исследованных могил, удаётся собрать очень мало материала, доступного для антропологического анализа. Нередко это связано с плохой сохранностью костей в почве, разрушением погребений поздней хозяйственной деятельностью. Но чаще всего исследователь имеет дело с разграбленными могильными ямами, в которых кости разрушены и представлены отдельными фрагментами. Появление новых материалов позволяет расширить наши представления об антропологическом облике средневекового населения Прикамья.

Автором данной статьи была обработана антропологическая коллекция Важгортского I могильника л

Таблица 1. *Важгортский I могильник.
Половозрастные определения*

№ погребения	№ костяка	Пол	Возраст, лет
7	1	♂	35–50
8	1	Ребёнок	6–9
9	1	♀	20–25
10	1	Ребёнок	6
11	1	Ребёнок	9–11
12	1	♂	35–50
	2	♂	30–40
	3	Ребёнок	<1,5
13	1	♂	20–30
14	1	♀	20–30
15	1	♂	30–45
17	1	♂	20–30
19	1	♀	25–35
21	1	Взрослый	?
24	1	♂	35–56

оматовской археологической культуры VII–IX вв. из раскопок 1996 г. Могильник расположен на территории деревни Чинагорт (Важгорт) Коми-Пермяцкого округа Пермского края на левом берегу р. Велвы. В 1996 г. памятник исследовался отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного педагогического университета под руководством И.В. Бочарова. Площадка могильника занята огородами и проезжей частью дороги. Большинство погребений разрушены хозяйственной деятельностью, положение вещей и костей в ямах нарушено.

В ходе работ были исследованы останки 15 индивидуумов, происходящие из 13 могильных ям. Среди них достоверно определяемых: 6 мужчин, 2 женщины, 4 ребёнка от младенца до 11 лет и один взрослый индивид (табл. 1).

Собрать и провести измерения с различной степенью полноты программы удалось по 5 мужским и 1 женскому черепам. Два мужских черепа имеют следы искусственной лобно-затылочной деформации слабой степени. Прослеживаются предвечный валик и позадивечное углубление.

Мужские черепа – мезокранные с большим продольным диаметром. Деформированные черепа попадают в категорию долихокранных. Черепная коробка – невысокая со среднешироким лбом. Лицевой отдел по индексу выступающего лица – средневыступающий, по пропорциям – среднеширокий со средней высотой. При большом размере скулового диаметра и большой

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ 14-06-96002 р_урал_а.

ширине на верхнем уровне лицо имеет малую ширину в средней части. По горизонтали лицевой скелет среднепрофилирован на обоих уровнях. Орбиты – малой ширины и средней высоты, по пропорциям – высокие. Нос по указателю – среднеширокий, со средним углом выступания, при большой высоте и средней ширине. Клыковая ямка – глубокая (табл. 4).

Женский череп из Важгортского I могильника – брахикранный с невысокой мозговой коробкой. В вертикальной норме – пентагнатный. Лицевой отдел – средневystупающий, средней высоты и ширины, уплощён в верхней части и хорошо профилирован в нижней. Нос – среднеширокий при малой абсолютной высоте. Орбиты – относительно высокие. Клыковая ямка – глубокая. В целом череп европеоидный, но имеет уплощённость в горизонтальной профилировке на уровне орбит и невысокую мозговую коробку, как и мужские черепа (табл. 2) [2].

Несмотря на то, что черепа из Важгортского I могильника характеризуются как европеоидные, величины обобщённых коэффициентов уплощённости лицевого скелета по Г.Ф. Дебецу (40,0), преаурикулярные фацио-церебральные соотношения (95,8) и условная доля монголоидного элемента (50,1) указывают на значительную монголоидную примесь. Сопоставление с другими средневековыми могильниками Пермского Предуралья по данным признакам показывает тенденцию к большей монголоидности черепов Важгортского I могильника по сравнению с сериями Митинского, Демёнковского и более позднего Плотниковского могильников (табл. 3).

Мужские черепа из Важгортского I могильника по сравнению с черепами из Митинского и Демёнковского могильников имеют более широкое и высокое лицо с более широким переносьем и менее высокий свод мозговой коробки. С черепами Бояновского могильника у важгортских больше сходства, хотя они и отличаются более выступающим носом и более широким скуловым диаметром (табл. 4).

Для выявления направлений расогенетических связей и круга морфологически близких популяций было проведено сопоставление полученных данных методом кластерного анализа по 15 краниометрическим признакам с материалами синхронных или близких по времени существования могильников с территории Предуралья и Западной Сибири (табл. 5) (рис. 1).

Таблица 2. Важгортский I могильник. Размеры женского черепа

№ по Р. Мартину	Признак	Количество	Размеры, мм
		n	x
1	Продольный диаметр	1	169
8	Поперечный диаметр	1	138
8:1	Черепной указатель	1	81,6
17	Высотный диаметр	1	124
5	Длина основания черепа	1	90
9	Минимальная ширина лобной кости	1	95
40	Длина основания лица	1	90
45	Скуловой диаметр	1	121
48	Верхняя высота лица	1	65
77	Назо-малярный угол	1	149
Zm	Зиго-максилярный угол	1	129
51	Ширина орбиты	1	39
52	Высота орбиты	1	35
54	Ширина носа	1	23,5
55	Высота носа	1	47

Таблица 3. Показатели уплощённости лицевого скелета (УЛС), преаурикулярные фацио-церебральные указатели (ПФЦ) и условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) у черепов из могильников Пермского Предуралья

Серия	УЛС		ПФЦ		УДМЭ	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Митино (IV–V вв.)	33,0	24,5	90,1	89,0	12,0	–2,6
Демёнки (VI–IX вв.)	39,2	63,8	90,8	90,4	22,9	49,0
Важгорт (VII–IX вв.)	40,0		95,8		50,1	
Бояново (IX–XII вв.)	64,4		92,8		61,7	
Плотниково (XIII–XV вв.)	15,0		88,8		–15,1	

муж. – мужской; жен. – женский.

Таблица 4. Средние размеры мужских черепов из средневековых могильников Пермского Предуралья

№ по Р. Мартину	Признак	Митино		Демёнковский		Бояново		Важгорт	
		п	х	п	х	п	х	п	х
1	Продольный диаметр	5	181	7	184,6	2	181,5	4	185
8	Поперечный диаметр	6	142,7	7	142,7	2	141,0	4	139,5
8:1	Черепной указатель	4	80,6	7	77,1	2	77,7	4	75,45
17	Высотный диаметр	2	133	6	131,5	1	130	1	125
5	Длина основания черепа	3	102,3	6	103,2	1	92	1	95
9	Минимальная ширина лобной кости	6	98	8	95,8	1	94,0	5	97,1
40	Длина основания лица	3	99	5	96,2	1	90	1	94
45	Скуловой диаметр	6	133	8	135,1	1	131	1	137
48	Верхняя высота лица	8	68	8	68,9	3	72,3	2	73,05
72	Общий лицевой угол	7	84,6	6	87,5	2	88,0	–	–
77	Назо-малярный угол	6	139,8	8	142,4	3	146,0	2	141,5
Zm	Зиго-максиллярный угол	7	127,6	8	131,8	2	132	2	135,5
51	Ширина орбиты	6	42,1	8	43,1	3	40,7	3	39,9
52	Высота орбиты	7	33,1	9	32,4	3	33,7	3	34,7
54	Ширина носа	8	24,7	8	26,7	3	25,7	2	26
55	Высота носа	8	49,9	8	51,2	3	53,3	2	56
75(1)	Угол выступания носа	6	25,8	4	28,5	1	18,6	1	24,8
DC	Дакриальная ширина	4	23,2	6	21,6	3	23,7	1	27
DS	Дакриальная высота	4	11,8	6	10,9	2	11,5	1	12
DS:DC	Дакриальный указатель	4	51,2	7	52	2	48,5	1	44,4
SC	Симотическая ширина	7	9	7	8,6	3	8,2	1	13,5
SS	Симотическая высота	7	4,1	7	4,5	2	4,3	1	6
SS:SC	Симотический указатель	7	45,8	6	53,3	2	52,4	1	44,4

п – количество черепов; х – размеры, мм.

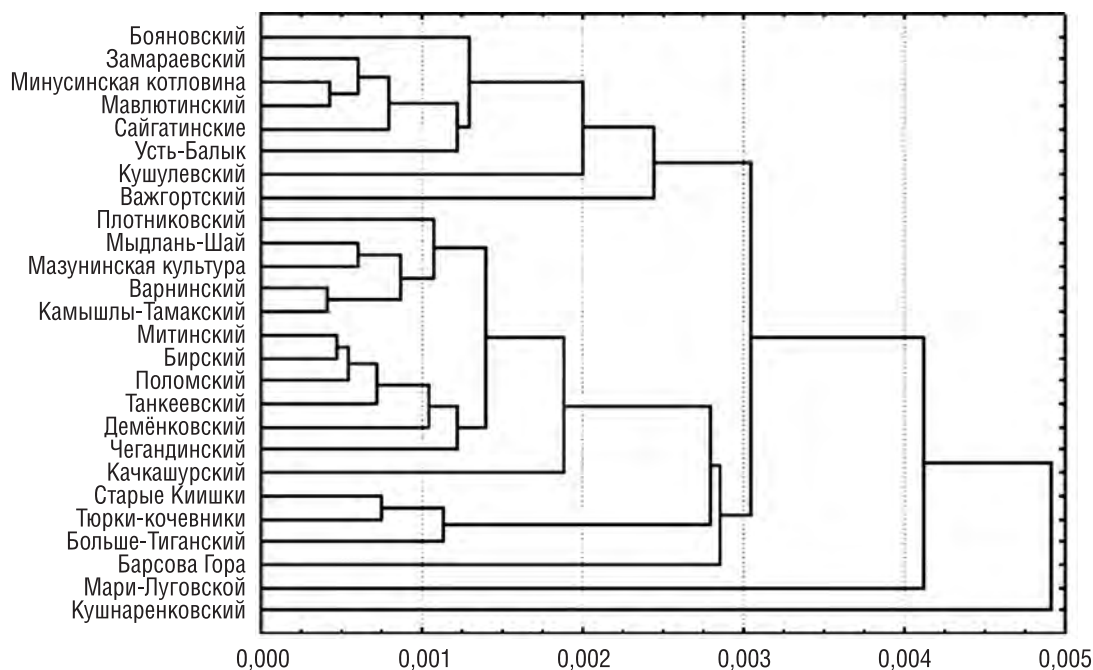

Рис. 1. Дендрограмма кластерного анализа взаиморасположения исследуемых серий мужских черепов (на основе расстояний Пирсона)

Таблица 5. *Использованные антропологические материалы*

Памятник	Культурная/территориальная принадлежность	Датировка	Автор, год
Бирский	Бахмутинская культура	III–VII вв. н.э.	Акимова М.С. 1968 [1]
Барсова Гора	Сургутское Приобье	VIII–XV вв. н.э.	Пошехонова О.Е. 2010 [3]
Поломский	Поломская культура	IV–V–IX вв. н.э.	Акимова М.С. 1968 [1]
Сайгатский, Ижевский, Мазунинский могильники	Мазунинская культура	III–VI вв. н.э.	Акимова М.С. 1968 [1]
Замараевский	Сросткинская культура	XII–XIII вв. н.э.	Дебеч Г.Ф. 1948 [4] Алексеев В.П. 1971 [5]
Кушнаренковский	Кушнаренковская	III–IX вв. н.э.	Акимова М.С. 1968 [1]
Кушулевский	Тюрки-кочевники	VIII–IX вв. н.э.	Акимова М.С. 1968 [1]
Мыдлань-Шай	Поломская культура	VIII–IX вв. н.э.	Акимова М.С. 1968 [1]
Старо-Киишкинский	Сарматская культура	III–II вв. до н.э.	Акимова М.С. 1968 [1]
Качкашурский	Бассейн Чепцы	IX–XIII вв. н.э.	Широбоков И.Г. по материалам А.В. Шевченко. 2010 [6]
Варнинский	Бассейн Чепцы	V–X вв. н.э.	Широбоков И.Г. по материалам А.В. Шевченко. 2010 [6]
Камышлы-Тамакский	Пьяноборская культура, Башкирия	II в. до н.э. – I в. н.э.	Акимова М.С. 1968 [1]
Сайгатинские	Суммарно	VI–XV вв. н.э.	Багашев А.Н., Пошехонова О.Е. 2007 [7]
Усть-Балык	Сургутское Приобье	кон. I – нач. II тыс. н.э.	Пошехонова О.Е. 2006 [8]
Минусинская котловина	«Енисейские кыргызы»	VII–XI вв. н.э.	Алексеев В.П. 1963 [9]
Танкеевский	Куйбышевский район Республики Татарстан	VIII–IX вв. н.э.	Акимова М.С. 1973 [10]
Чегандинский	Пьяноборская культура, Удмуртия	II в. до н.э. – I в. н.э.	Акимова М.С. 1968 [1]
Больше-Тиганский	Алексеевский район Республики Татарстан	VIII–IX вв. н.э.	Фаттахов Р.М. 1977 [11]
Мари-Луговской	Пьяноборская культура	IV–V вв. н.э.	Алексеев В.П. 1969 [12]
Демёнковский	Ломоватовская культура	VI–IX вв. н.э.	Акимова М.С. 1968 [1] Брюхова Н.Г.
Митинский	Ломоватовская культура	IV–V вв. н.э.	Акимова М.С. 1968 [1]
Плотниковский	Родановская культура	XIII–XV вв. н.э.	Брюхова Н.Г. 2010 [13]
Бояновский	Ломоватовская культура	X в. н.э.	Брюхова Н.Г.
Важгортский	Ломоватовская культура	VII–IX вв. н.э.	Брюхова Н.Г.
Мавлютинский	Башкиры	XIV–XVII вв. н.э.	Акимова М.С. 1968 [1]
Тетюшский	Ананьинская культура	VIII–VI вв. до н.э.	Ефимова С.Г. 1991 [14]
Старо-Халиловский, Старо-Мусинский, Мерясимовский могильники	Тюрки-кочевники, Южное Прикамье	VIII–X вв. н.э.	Акимова М.С. 1968 [1]

Серия Важгортского I могильника попадает в группу, объединяющую западносибирские выборки, могильник Бояново с территории Пермского Предуралья и могильник Кушулевский с территории Башкирии. Вот что пишет про черепа Кушулевского могильника М.С. Акимова: «... в населении Кушулевского могильника преобладал не тюркский, а какой-то другой элемент... возникает предположение о местном компоненте предшествующего времени, ... но против этого говорит ряд особенностей, характерных для кушулевских черепов. Вопрос о происхождении его пока не может быть решен» [1, с. 83]. В нашей дендрограмме он присоединился к зауральскому кластеру.

У четырёх костяков удалось измерить длинные кости конечностей. При средней массивности костей для выборки характерны удлинённое предплечье и зурикнемия по указателю сечения большеберцовых костей. Рост двух мужчин находился в пределах 166–171 см, по рубрикации Р. Мартина – выше среднего, один мужчина отличался, по рубрикации Р. Мартина, большим ростом: 177–180 см. Рост женщины составил 160–162 см, по Р. Мартину, попадает в категорию большой [15].

У четырёх индивидов отмечено проявление железодефицитной анемии в виде поротических изменений в верхней стенке орбиты (*cribra orbitalia*) (1 балл) и поротического гиперостоза (*cribra cranii*) (от 1 балла) до значительных порозных дефектов (2–3 балла) на своде черепа. На одном черепе сосцевидный отросток имеет следы воспалительного процесса в среднем ухе (мастоидит).

По результатам анализа зубочелюстной системы исследуемых хочется отметить, что случаи кариеса обнаружены у двух индивидов. У первого это пришеечный кариес на обоих вторых больших коренных зубах верхней челюсти. У второго кариесом разрушена часть коронки первого большого коренного зуба нижней челюсти. У трёх индивидов зафиксирована прижизненная потеря зубов, часто сопровождавшаяся воспалением околозубной области. На зубах-антагонистах зафиксированы сколы эмали. Я полагаю, что предпосылками потери зубов были травмы коронки и воспалительный процесс, последовавший за этим. Практически у всех индивидов выявлены проявления парадонтопатии, иногда с обнажением корней зубов до половины. Наличие зубного камня зафиксировано у трёх индивидов, в большей степени поражена жевательная группа зубов. Также имеются множественные сколы зубной эмали – свидетельство большой нагрузки на зубной аппарат. Отмечен один случай гипердонтии – на верхней челюсти одного индивида наблюдается сверхкомплектный зуб (мезиоденс), в связи с этим клык, которому не хватило места в зубном ряду, начал расти в нёбную сторону челюсти. Следы эмалевого гипоплазии – показателем ростовых задержек, связанных с пищевым стрессом, перенесённым в период формирования коронки зуба, – выявлены у четырёх индивидов [16].

Из патологий опорно-двигательного аппарата большинство фиксируются на элементах позвоночника. На верхних суставных отростках двух первых грудных позвонков женщины смещена контактная фасетка, это связано с антеролистезом – смещением позвонков вперёд. У мужчины из погребения № 24 имеются сильные краевые разрастания на поясничных позвонках – до 3 и 4 баллов, сплющено тело 3-го позвонка, особенно с правой стороны, и отмечается окостенение передней продольной связки на 5-м позвонке. Краевые разрастания на поясничных позвонках, степенью развития 1 балл, также зафиксированы ещё у одной женщины [17].

Подводя итоги, можно сказать, что на антропологический облик населения, оставившего Важгортский I могильник, оказали влияние группы зауральского происхождения. Это проявляется в увеличении доли монголоидных признаков, особенно в сравнении с черепами, происходящими из могильников с данной территории более раннего периода.

Для выборки характерны высокий уровень механического стресса зубочелюстной системы, единичные случаи кариеса, вероятно, связанные с травмой коронки, широкое распространение пародонтоза и частые случаи проявления железодефицитной анемии. Дистрофические проявления на позвонках можно связать с возрастными явлениями в случае с мужчиной, умершим в возрасте 35–56 лет. У женщин, умерших в возрасте до 30 лет, изменения в позвонках, вероятно, связаны с чрезмерной нагрузкой на позвоночник.

Данная выборка не имеет большого объёма, и, возможно, появление новых антропологических материалов со временем внесёт коррективы в её характеристику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акимова М.С.* Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.
2. *Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
3. *Пошехонова О.Е.* Краниологические особенности средневековых популяций Сургутского Приобья (по материалам могильников с Барсовой Горы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2010. Вып. 2.
4. *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии. Новая серия. М.; Л., 1948. Т. 4.
5. *Алексеев В.П.* Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных антропологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
6. *Широбоков И.Г.* Краниологическая характеристика средневекового населения Камско-Вятского междуречья (по архивным материалам А.В. Шевченко) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010.
7. *Багашев А.Н., Пошехонова О.Е.* Антропологический состав и проблемы происхождения средневекового таежного населения Среднего Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 8. Тюмень, 2007.
8. *Пошехонова О.Е.* К проблеме происхождения средневекового населения Сургутского Приобья (по краниологическим материалам могильника Усть-Балык) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 7. Тюмень, 2006.
9. *Алексеев В.П.* Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии // Материалы исследований по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.
10. *Акимова М.С.* Антропологические материалы из Танкеевского могильника // Вопросы антропологии. Вып. 45. М., 1973.
11. *Фаттахов Р.М.* Краниологические материалы из могильника Большие Тиганы // Краткое содержание докладов научной сессии Института этнографии АН СССР 1974–1976 гг. Л., 1977.
12. *Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.
13. *Брюхова Н.Г.* Антропологический материал Плотниковского могильника // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: материалы XVIII УАС. Уфа, 2010.
14. *Ефимова С.Г.* Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991.

15. *Алексеев В.П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
16. *Ражев Д.И.* Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург, 2009.
17. *Бужилова А.П.* Homo sapiens: История болезни. М., 2005.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь*

N.G. Bryukhova

**THE ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF BONE REMAINS FROM BURIALS
OF THE VAZHGORTSKY I BURIAL GROUND**

Summary

There are summed up in article the results of the analysis of anthropological material of the events from burials of the Vazhgortsky I burial ground of the Lomovatovo Culture of the VII–IX centuries AD. During works there were investigated the remains of 15 individuals.

Skulls from the Vazhgortsky I burial ground are characterized as europeoid type with considerable impurity of a mongoloid. Identification of the directions of the racegenetic communications showed that groups of the trans-Ural origin had impact on anthropological shape of the population that left the burial ground. Growth of the studied individuals gets to category above an average and big on Martin's rubrication. It is possible to add such sign as the extended forearm to features of appearance of selection.

There are characteristic for selection such things as the high level of a mechanical stress of adenoid system, frequent cases of manifestation of iron deficiency anemia and indicators of excessive load of a backbone.

*Perm State Humanitarian-Pedagogical University,
24, Sibirsкая St., Perm, 614990,
Russia
E-mail: Nat-bryukhova@yandex.ru*

П.Е. Русаков, В.Ю. Коваль, И.М. Андрианов

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИЦЕРКОВНОГО КЛАДБИЩА НА ГОРОДИЩЕ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

В каждом русском средневековом городе имелись один или несколько христианских храмов, вокруг которых в большинстве случаев формировались кладбища. Уже в самом начале археологического изучения городища Ростиславль в Озёрском районе Московской области, являющегося остатками летописного Ростиславля Рязанского, на его площадке было локализовано только одно место, где фиксировались погребения. Ростиславль Рязанский, согласно Никоновской летописи, был основан в 1153 г. и прекратил существование в XVII в. [1]. Поскольку никаких сведений о кладбищах Нового времени здесь не имелось, были все основания связывать эти находки со средневековым некрополем. Для изучения этого кладбища и поиска храма в 1994 г. был заложен раскоп II, исследования на котором продолжались почти без перерывов до 2013 г. Раскоп II расположен в северной части городища, на территории кладбища им вскрыта площадь около 500 кв. м (рис. 1). Здесь встречены материалы эпох камня, бронзы, раннего железного века и Средневековья.

На территории городища Ростиславль сегодня выявлены 293 погребения (не считая скоплений костей в перекопах и отдельно лежавших черепов), из них 226 были расчищены и зафиксированы, остальные не могли быть исследованы полностью по условиям их размещения. Почти все расчищенные погребения (218) получили антропологические определения, сделанные кандидатом исторических наук Д.В. Пежемским в Музее и НИИ антропологии МГУ, где и хранятся все костные останки из раскопок Ростиславля¹. Из 293 погребений 290 происходят из раскопа II, а 3 были обнаружены в раскопе IV, на северной периферии могильника. Кроме того, в раскопах I и V были найдены 3 отдельно лежавших человеческих черепа, явно перемещённые туда с территории некрополя (нумерация их в качестве погребений не проводилась). Большая часть исследованных погребений безынвентарна, однако в нескольких из них всё же был обнаружен сопровождающий инвентарь, в том числе датирующий (см. ниже).

Границы кладбища определяются с разной степенью достоверности. Наиболее объективные данные имеются по его южной границе, поскольку на раскопе II чётко выявлена южная граница кладбища, проходящая по участку «М». Западная его граница, очевидно, проходила по крутому западному склону мыса, на котором расположено городище (раскопками 1996 г. было подтверждено наличие погребений у самого склона). К северу от раскопа II располагались вал, возведённый ещё в раннем железном веке, и средневековый ров, засыпанный в XV в. Севернее рва и вала (в раскопе V) кладбище не зафиксировано, здесь обнаружен лишь один перезахороненный в Новейшее время череп без нижней челюсти. Таким образом, северная граница кладбища могла проходить у подножия этого вала. У восточного склона мыса, в раскопе IV, были выявлены 3 погребения, фиксирующие самый северный угол кладбища. Вероятно, некрополь занимал всё пространство между двумя противоположными склонами мысовой площадки городища. В раскопах I и III, находящихся к югу и юго-востоку от раскопа II, никаких погребений уже не было выявлено, но между раскопами I и II в отвалах грабительских ям обнаружены человеческие кости, что свидетельствует о распространении кладбища и в эту сторону (рис. 1).

Общая площадь, занятая некрополем (около 300 кв. м), слишком велика для детинца средневекового города общей площадью 2,5 га – она составляет свыше 10 % территории городища. Однако кладбище не было столь обширным изначально, а расширялось постепенно, достигнув своей максимальной площади уже после того, как город перестал существовать. В южной части раскопа II могилы соседствуют с остатками построек XIII–XV вв. или перекрывают их. Это значит, что в период активной жизни города погребения здесь ещё не совершались, они возникли только когда значительные пространства остались незаселёнными, а такая ситуация сложилась не ранее XVI в. На территории, занятой кладбищем, погребения размещались неравномерно. На сводном плане всех погребений раскопа II (рис. 2) видно, что к северу их плотность становится существенно выше, и, кроме того, погребения тут располагались в несколько (до 6) ярусов, что увеличивает фактическую плотность захоронений в несколько раз. В южной же части раскопа могилы размещаются разрежённо и лишь в отдельных случаях прослежены два яруса погребений. При этом в цент-

¹ Исключение составляют восемь погребений из раскопок 1994–1996 гг., половозрастные определения которых проводились В.Ю. Ковалём, а антропологический материал был перезахоронен на площади раскопов.

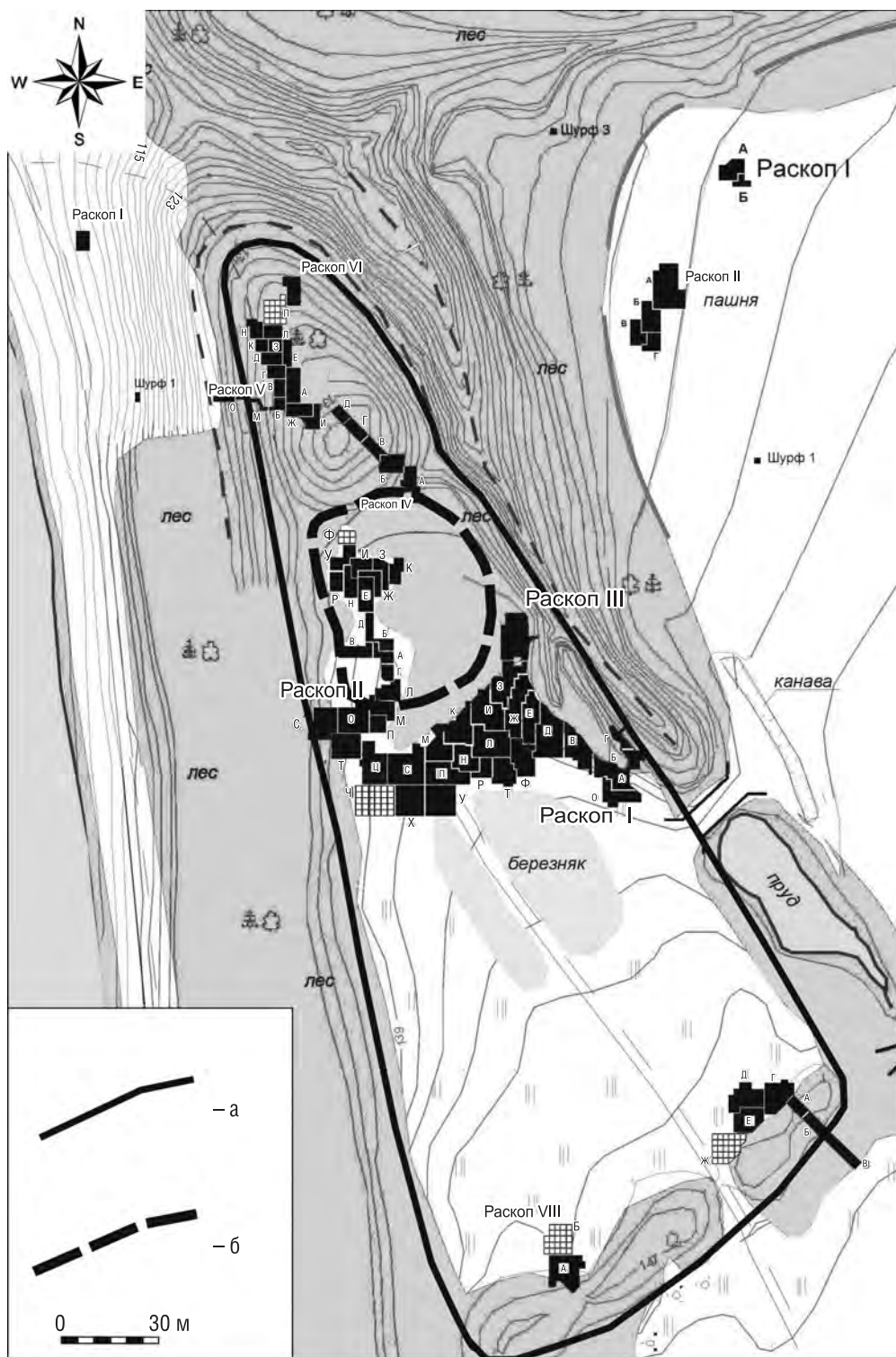

Рис. 1. План городища Ростиславль и раскопы 1994–2013 гг. на его территории:
 а – контуры площадки городища; б – контуры территории некрополя

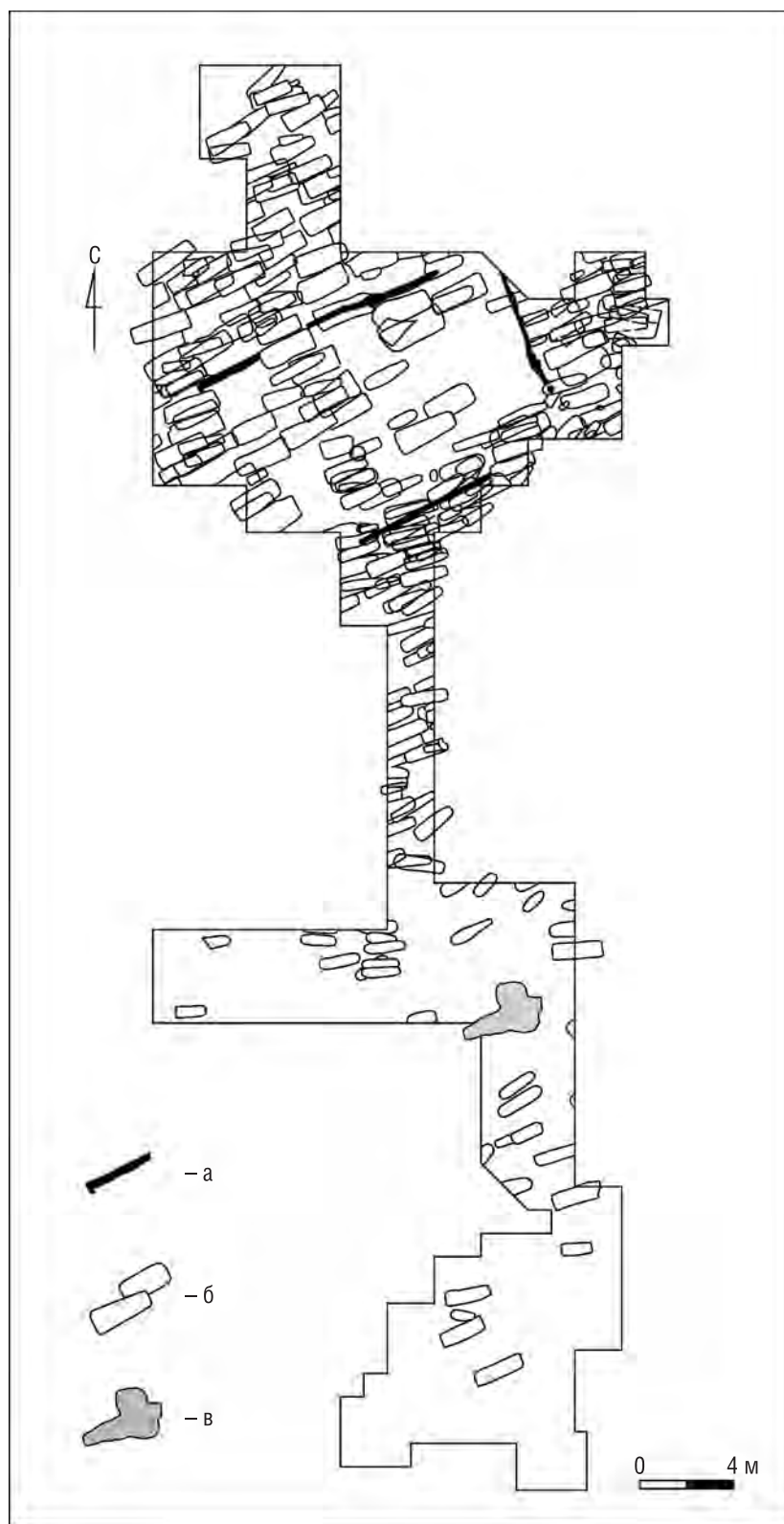

Рис. 2. Сводный план погребений раскопа II:
а – сооружения 12, 23 и 24; б – погребения; в – грабительская яма

ре северной части раскопа, то есть там, где плотность погребений максимальна, имеется подпрямоугольная площадка, на которой погребения совершены разрежённо и только в один ярус. Многоярусные захоронения чётко оконтуривают эту площадку, вытянутую по линии ВСВ–ЗЮЗ, что даёт возможность предполагать расположение в этом месте христианского храма, вокруг которого и совершалась основная масса захоронений (рис. 2). К сожалению, средневековые кладбища в «малых городах» Руси практически не исследованы, а раскопанные кладбища вокруг церквей в крупных городах не опубликованы (например, в Москве в 1998–1999 гг. была полностью раскопана церковь Св. Троицы «в Полях» вместе с окружавшим её кладбищем). Однако очень близкую ситуацию можно наблюдать на исследованном О.Н. Зайдовым широкой площадью (1912 кв. м) кладбище конца XII–XIV в. у д. Исаковские Выселки в Тульской области [2, рис. 23]. В центре этого некрополя была выявлена пустая площадка, 12 м в поперечнике, окружённая плотно расположенными могилами (часто в несколько ярусов), которая рассматривается исследователями в качестве места расположения церкви или часовни [2, с. 124, 128]. Правда, на Исаковских Выселках внутри «церковного места» не зафиксировано ни одного погребения, но надо учитывать менее продолжительную историю этого кладбища (всего 200 лет) и несравнимо более низкий статус поселения, среди жителей которого, видимо, не было лиц, достойных захоронения внутри храма. Ростиславль был городом, где, несомненно, проживали представители княжеской администрации, родовой аристократии или церковные иерархи, которых вполне могли похоронить внутри церкви.

В связи с выказанной гипотезой о месте размещения христианского храма рассмотрим подробнее северную часть раскопа II. Современный рельеф в северной части городища относительно плоский, без резких перепадов, имеющий слабый уклон к северу. Однако в том месте, где расположен раскоп II, на северном и западном краях площадки городища, рельеф меняется: на западе начинается склон к берегу Оки, а на севере – понижение в направлении засыпанного средневекового рва. В центре северной части раскопа выделяется небольшой возвышенный участок, точно совпадающий с местом размещения предполагаемого храма (рис. 3). Такая возвышенность образовалась из-за того, что именно в этом месте размещалась древняя насыпь (см. ниже). Рельеф материка в этой части раскопа проследить сложнее, поскольку он сильно повреждён могильными ямами. Но по тем его частям, которые сохранились нетронутыми, он может быть реконструирован (рис. 4). В месте предполагаемого храма поверхность материка относительно ровная, с небольшим уклоном к западу, но к западу и северо-западу от него уклон становится весьма ощутимым, что вызвано близостью к западному склону мыса. За пределами этого участка поверхность материка имела незначительный уклон к югу и северо-востоку.

Место предполагаемого храма отличаются не только особенности рельефа и планиграфия погребений. Именно здесь зафиксирована лучше всего сохранившаяся многослойная стратиграфия культурных напластований на раскопе (рис. 5), что произошло, прежде всего, благодаря небольшому количеству могильных перекопов. Поэтому только здесь хорошо сохранились слои, сформировавшиеся в догородской период. Так, в подзолистом горизонте обнаружены культурные остатки стоянки финального палеолита, исследованные А.В. Трусовым [3, с. 200–202]. Выше погребённой почвы сохранился культурный слой насыщенного чёрного цвета мощностью до 35 см, содержащий лепную керамику позднего периода эпохи бронзы [4] и раннего железного века (РЖВ), а также славянские материалы X в. («слой 3» по полевой стратиграфии). Очень важно отметить, что ни одного обломка круговой керамики этот слой не содержал. На всей остальной площади северной части раскопа II фиксировались только два слоя – слой могильного перекопа (слой 2) и залегающий непосредственно под дёрном слой 1, состоявший из аморфного тёмно-серого суглинка толщиной до 20 см, в котором погребения отсутствовали². Слой 1 представлял собой, вероятно, результат перемещения грунтов в Новое и Новейшее время вследствие эрозионных процессов и человеческой деятельности, а также почвообразовательных процессов.

Слой 3 (мощностью 5–20 см) был перекрыт и законсервирован сооружением 13, которое представляло собой насыпь из плотно утрамбованного жёлтого материкового суглинка³. Средняя мощность этой насыпи 20 см, но в местах, где она перекрывала западины более ранних ям, её толщина доходила до 40 см. Заполняя западины на поверхности слоя 3, сооружение 13 нивелировало поверхность, создавая ровную почти горизонтальную площадку размерами примерно 13×8 м. Объём грунта в этом слое материкового суглинка был довольно значителен, однако ближайšie ямы, из которых этот грунт мог быть взят, располагались на расстоянии не менее 8 м к северу и ниже по склону (рис. 6: ямы 88, 89), так что рассматривать его как обычный выброс из бытовых ям или построек невозможно. Не исключено, что этот суглинок был взят в ходе строительства рва, размещавшегося к северу отсюда. Сооружение 13 локализовано только в месте предполагаемого храма, нигде за его пределами никакие прослойки жёлтого суглинка, которые можно было бы связывать с ним или иными материковыми выбросами, не прослежены (рис. 6). Погребения, предшествовавшие сооружению 13, не обнаружены, но зато оно само было прорезано несколькими могильными ямами. Отсутствие в слоях под сооружением 13 круговой керамики свидетельствует о том, что эта насыпь из материкового суглинка возникла ещё до отложения средневекового культурного слоя в Ростиславле, то есть, скорее всего, сразу после основания города. Весьма вероятно, что эта обширная насыпь предназначалась для

² В тех местах, где погребения обнаруживались непосредственно под дёрном, слой 1 отсутствовал или имел незначительную толщину; все погребения кладбища связаны только со слоем 2.

³ Номер сооружения соответствует полевой нумерации, зафиксированной в отчётах о раскопках Ростиславля.

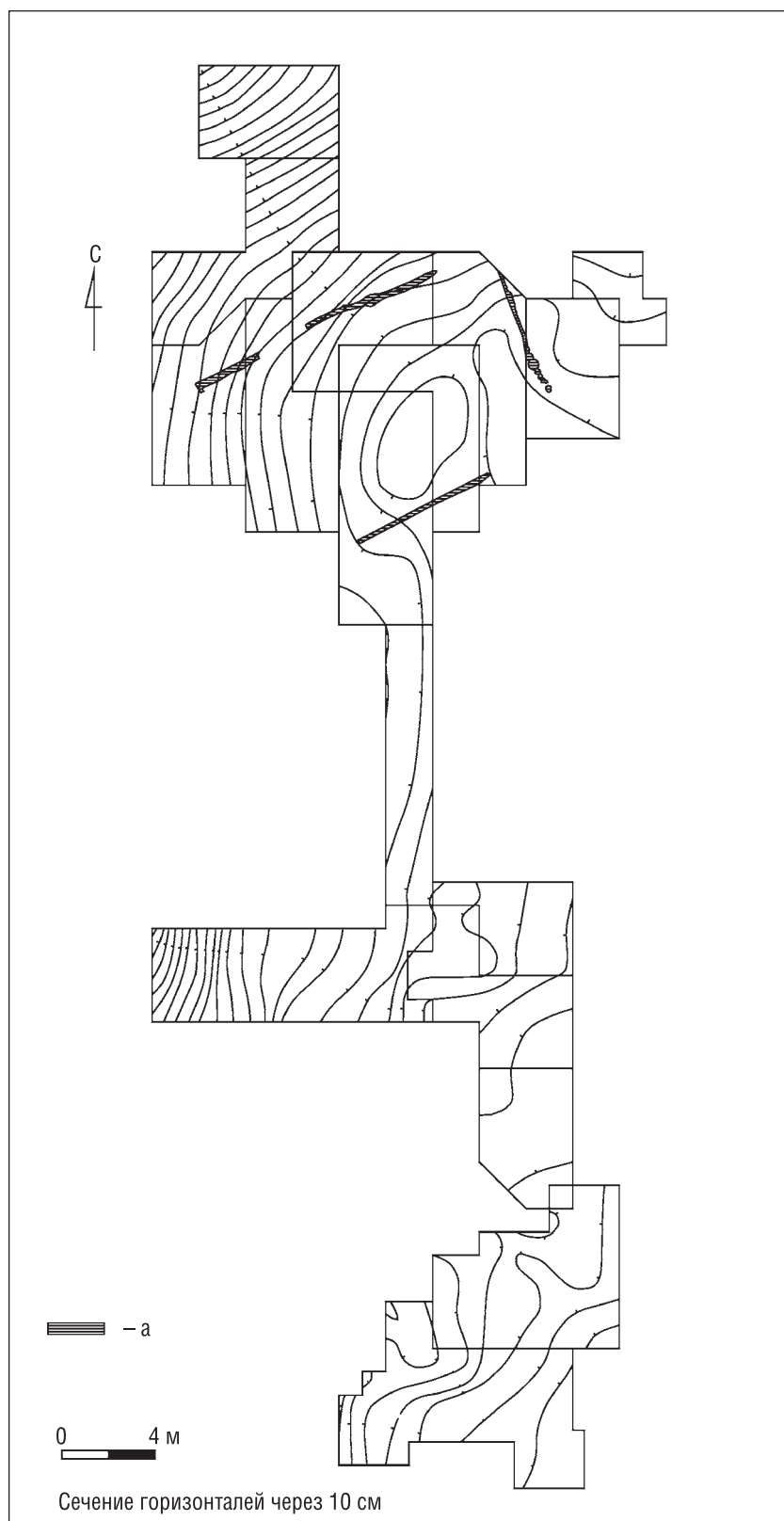

Рис. 3. План современной дневной поверхности на раскопе II:
а – сооружения 12, 23 и 24

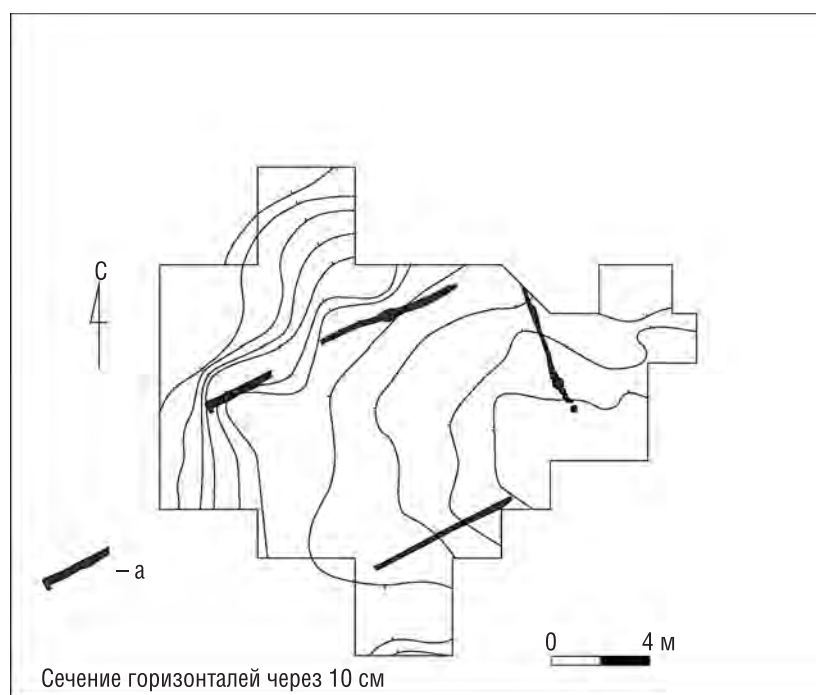

Рис. 4. Реконструированная поверхность материка в северной части раскопа II:
а – сооружения 12, 23 и 24

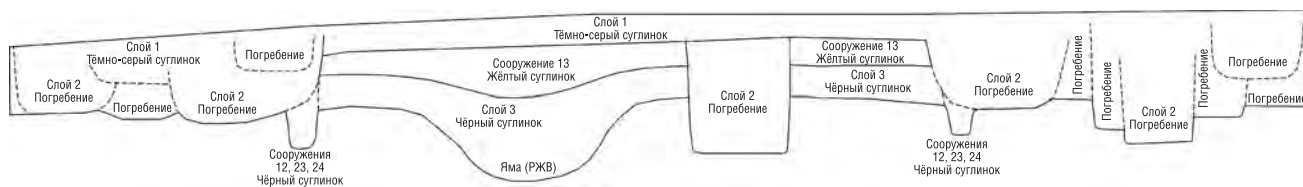

Рис. 5. Стратиграфическая схема северной части раскопа II

нивелирования неровностей рельефа и создания прочной горизонтальной площадки, которая вполне могла служить основанием для крупной деревянной постройки, какой был сруб деревянного храма.

Сооружение 13 было также связано с конструкцией иного рода, окаймлявшей место предполагаемого храма, остатки которой представляли собой частокольные канавки шириной 20–25 см, врезанные в материк на 10–20 см, с плоским дном и сохранившимися на нём следами круглых столбов с плоскими основаниями (сооружения 12, 23 и 24 по полевой нумерации)⁴. Таким образом, они ничем не отличались от тех частокольных канав, которые разграничивали дворы и улицы. Канавки были заполнены чёрным суглинком, по цвету близким к «догородскому» слою 3, но в заполнении каждой из них были встречены единичные обломки круговой керамики. Грунт из заполнения канавок свидетельствует о том, что частокол возник в то время, когда никакой другой слой, кроме слоя 3, на данном участке ещё не отложился, но круговая керамика в их заполнении позволяет связать их появление с первыми десятилетиями существования города. Канавки от частоколов окаймляют место предполагаемого храма с северо-запада, северо-востока и юго-востока. С юго-западной стороны, где поверхность имела заметный уклон в сторону берегового склона, также когда-то могла существовать такая же канавка, но она была, вероятно, полностью разрушена могильными перекопами. Надо специально подчеркнуть, что сооружение 13 полностью помещалось внутри площадки, ограниченной описанными здесь канавками. Максимальные размеры этой площадки – 13,5×9,0 м (около 120 кв. м), то есть она почти не отличалась от габаритов «церковного места» на кладбище в Исаковском Выселках. Ориентировка длинных сторон площадки (по трассам канавок – 243–244°) соответствует одному из наиболее распространённых видов ориентировки погребений (с азимутами 240–245°) (см. ниже).

⁴ Фактически речь идёт об одном сооружении, раскрывавшемся по частям в разные годы, из-за чего каждой новой открывавшейся канавке присваивался очередной номер. Только после сведения их на едином плане стало ясно, что это одна и та же канавка, очерчивавшая прямоугольную площадку.

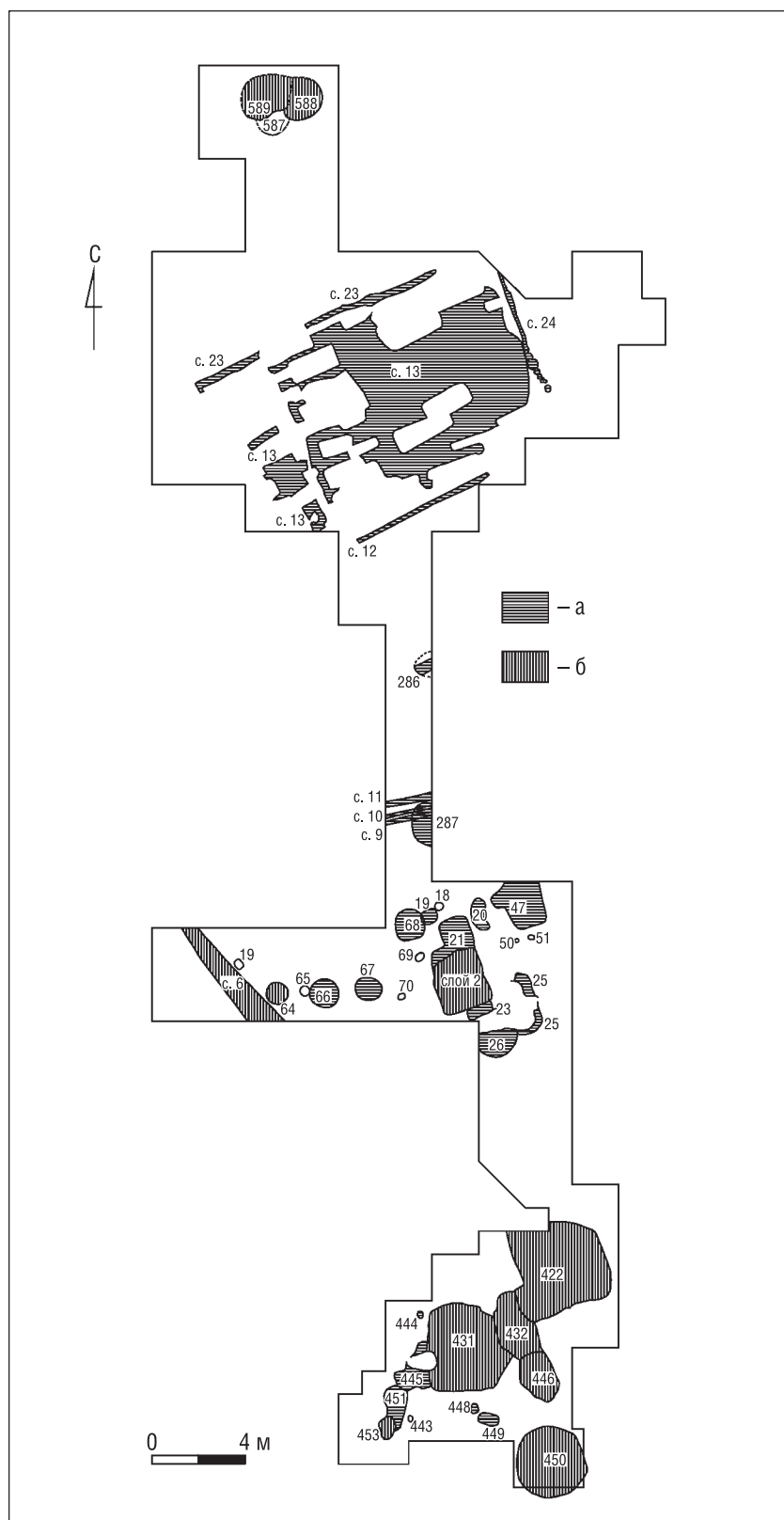

Рис. 6. Хозяйственные ямы и сооружения (с.) раскопа II:
 а – XII – 1-я пол. XIII в.; б – 2-я пол. XIII – XVI в.

Размеры сооружения 13 были несколько меньше, чем прямоугольник, очерченный частокольными канавками, однако надо иметь в виду, что все края этого сооружения прорезаны могилами, а своим северо-восточным краем оно непосредственно соприкасалось с линией частокольной канавки. Следовательно, и нивелирующая насыпь из материкового суглинка (сооружение 13), и частокольная канавка, ограничивающая прямоугольник, сориентированный по линии ЗЮЗ–ВСВ, могли быть возведены одновременно (либо с небольшим временным разрывом) в первые десятилетия после основания Ростиславля. Поскольку первоначальная высота частокола неизвестна, невозможно установить, служил ли он оградой храмовой постройки или принадлежал к конструкции платформы из утрамбованного суглинка, служившей основанием этого культового сооружения. Однако второй вариант очевидно предпочтительнее, поскольку неизвестно ни одного случая (ни по археологическим материалам, ни из этнографии), чтобы культовая постройка была окружена частоколом буквально по своему периметру, закрывавшим её едва не со всех сторон.

Вопрос о времени бытования раннего кладбища и динамике его расширения весьма сложен. Частично на него помогает ответить схема расположения средневековых ям на территории раскопа II (рис. 6). На ней видно, что в северной части раскопа полностью отсутствуют врезанные в материк ямы от построек, хотя на площади городища концентрация таких ям была очень высокой, что отражает плотность застройки города и хозяйственного освоения территории усадеб [5, с. 262–284]. Исключение составляет лишь небольшая яма 286, расположенная вблизи места предполагаемого храма. Она содержала всего 7 обломков керамики, относящихся к горшкам 1-й пол. XIII в., и сохранилась в незначительной степени из-за повреждений могилами перекопами. Первые регулярно расположенные ямы домонгольской поры, маркирующие древнюю застройку, обнаружены только в 10 м южнее места храма, где, кстати, выявлены три параллельные частокольные канавы от постоянно возобновлявшейся ограды (сооружения 9, 10, 11). Следовательно, вокруг храма размещалась обширная незастроенная площадка, часть которой, к югу от него, могла служить в том числе и центральной городской площадью.

Среди преобладающей массы безымянных погребений обнаружены такие, в которых имелся несомненно домонгольский инвентарь, а также обладающие иными признаками, которые позволяют рассматривать их как возникшие в самый ранний период существования некрополя. Речь идёт о четырёх группах захоронений (рис. 7, 8).

К первой группе относятся 5 захоронений с ранним инвентарём: погребения (п.) 220, 229, 242, 257, 266, принадлежавшие взрослым женщинам⁵ и одному ребёнку (рис. 9). В одном случае (п. 257) датирующим

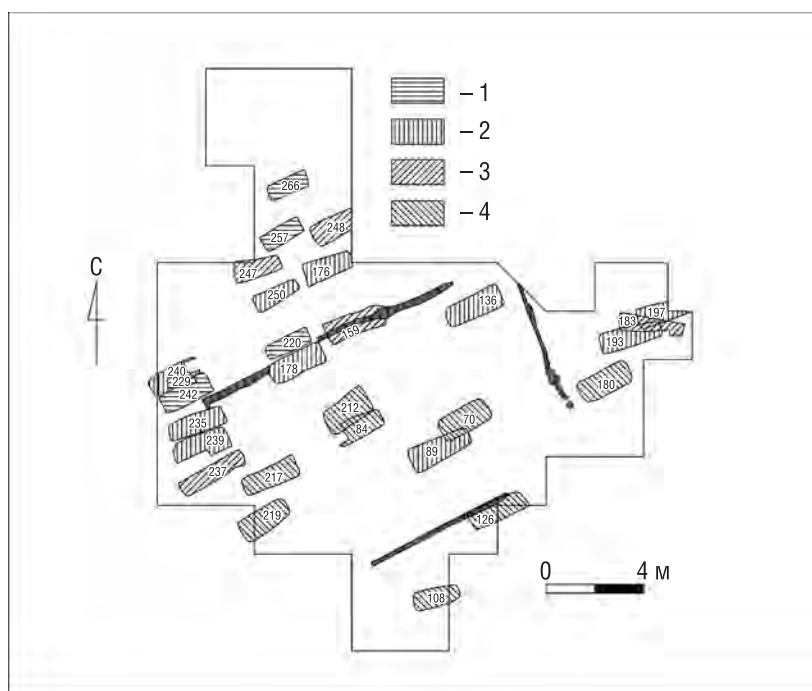

Рис. 7. Сводный план расположения ранних погребений:

- 1 – погребения с домонгольским инвентарём (группа 1); 2 – погребения в ямах с поперечными канавками (группа 2);
3 – другие инвентарные погребения (группа 3); 4 – погребения в широких могильных ямах (группа 4)

⁵ Согласно антропологическому определению, погребение 242 могло принадлежать мужчине в возрасте 20–23 лет, однако вещевой материал (украшения ворота и налобный венчик) заставляет думать, что здесь всё же была захоронена женщина.

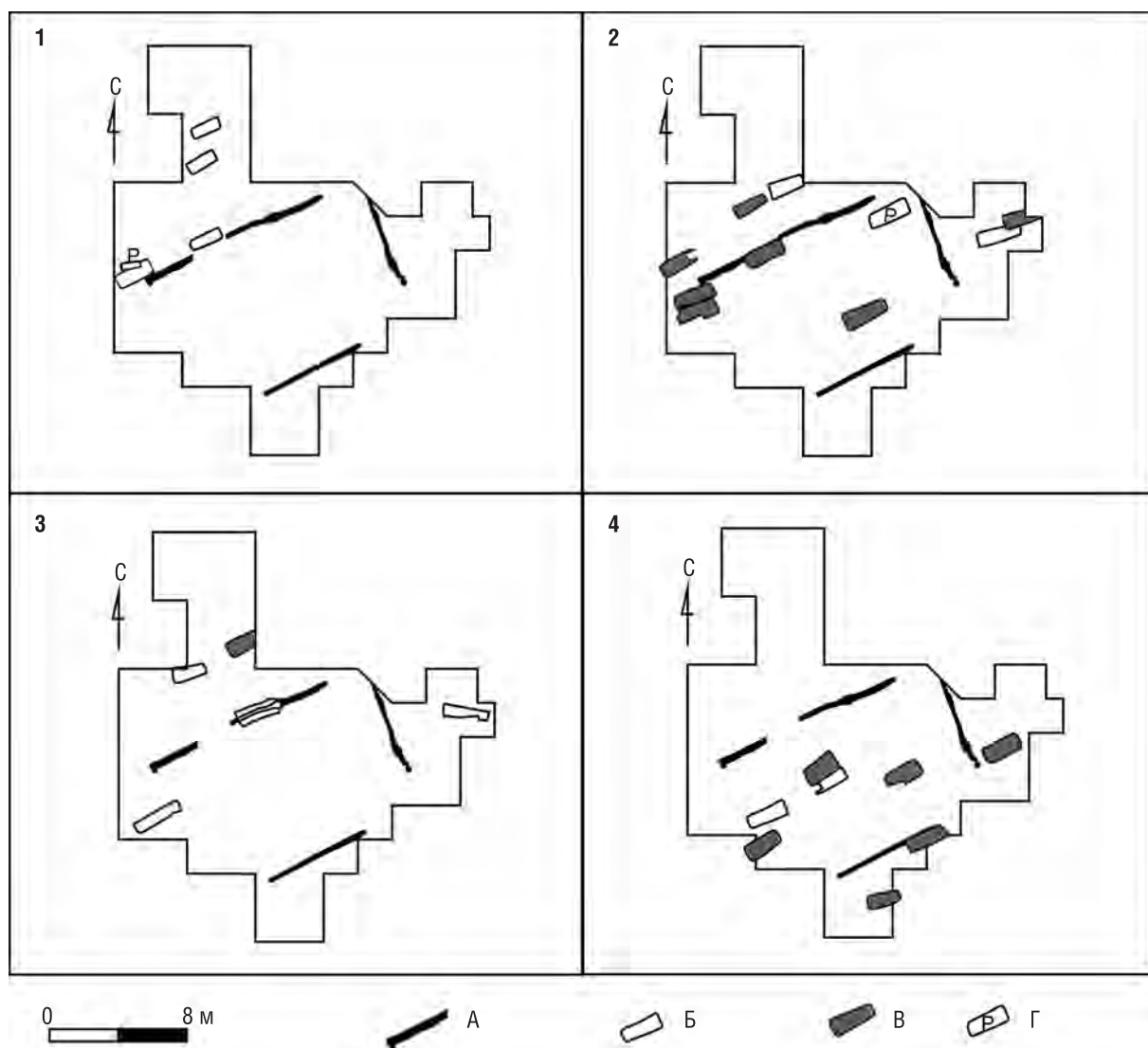

Рис. 8. Планы расположения ранних погребений:

1 – погребения группы 1; 2 – погребения группы 2; 3 – погребения группы 3; 4 – погребения группы 4;
 а – сооружения 12, 23 и 24; б – женские погребения, в – мужские погребения, г – захоронения детей

признаком является ожерелье из стеклянных бус с криновидной подвеской посл. четв. XII – 1-й пол. XIII в. [6, с. 68, рис. 53: 23] и нательным крестиком (рис. 9; 10: 1). В другом случае (п. 242) это накладки-дробницы, нашитые на воротник (рис. 9; 10: 3, 4), имеющие домонгольские аналоги [7, табл. 74: 24; 8, рис. 53: 9]. В трёх погребениях обнаружены остатки золототканых шёлковых лент от ворота (п. 220, 229) (рис. 10: 2) и налобного погребального венчика (п. 242) (рис. 10: 5), которые, по мнению И.И. Ёлкиной⁶, могут относиться к домонгольскому времени. Наконец, в одном погребении (п. 266) встречены решётчатый трёхзигзаговый перстень (на пальце руки) и шарообразная бусина из горного хрусталя. Все погребения этой группы расположены рядом с местом предполагаемого храма, к северо-западу и западу от него (рис. 8: 1), то есть на довольно крутом склоне, малопригодном для размещения каких-либо построек.

Ко второй группе отнесены погребения, совершённые в могильных ямах, на дне которых (в изголовье и в изножье) проходят поперечные канавки глубиной 5–8 см (рис. 11–13). Заполнение канавок не отличалось от заполнения могильных ям, а длина соответствовала ширине могилы. В ряде могил канавки встречены по одной – только в изголовье или только в изножье. От размеров и пропорций могильных ям или пола погребённых наличие канавок, судя по имеющимся примерам, не зависело. Подобные могилы известны в ряде курганных погребений в Московской области (например, в группах Новосёлки-2 и Мякинино), а также

⁶ Благодарим к.и.н. И.И. Ёлкину (ИА РАН) за консультацию и проведённую реставрацию обнаруженных древних тканей.

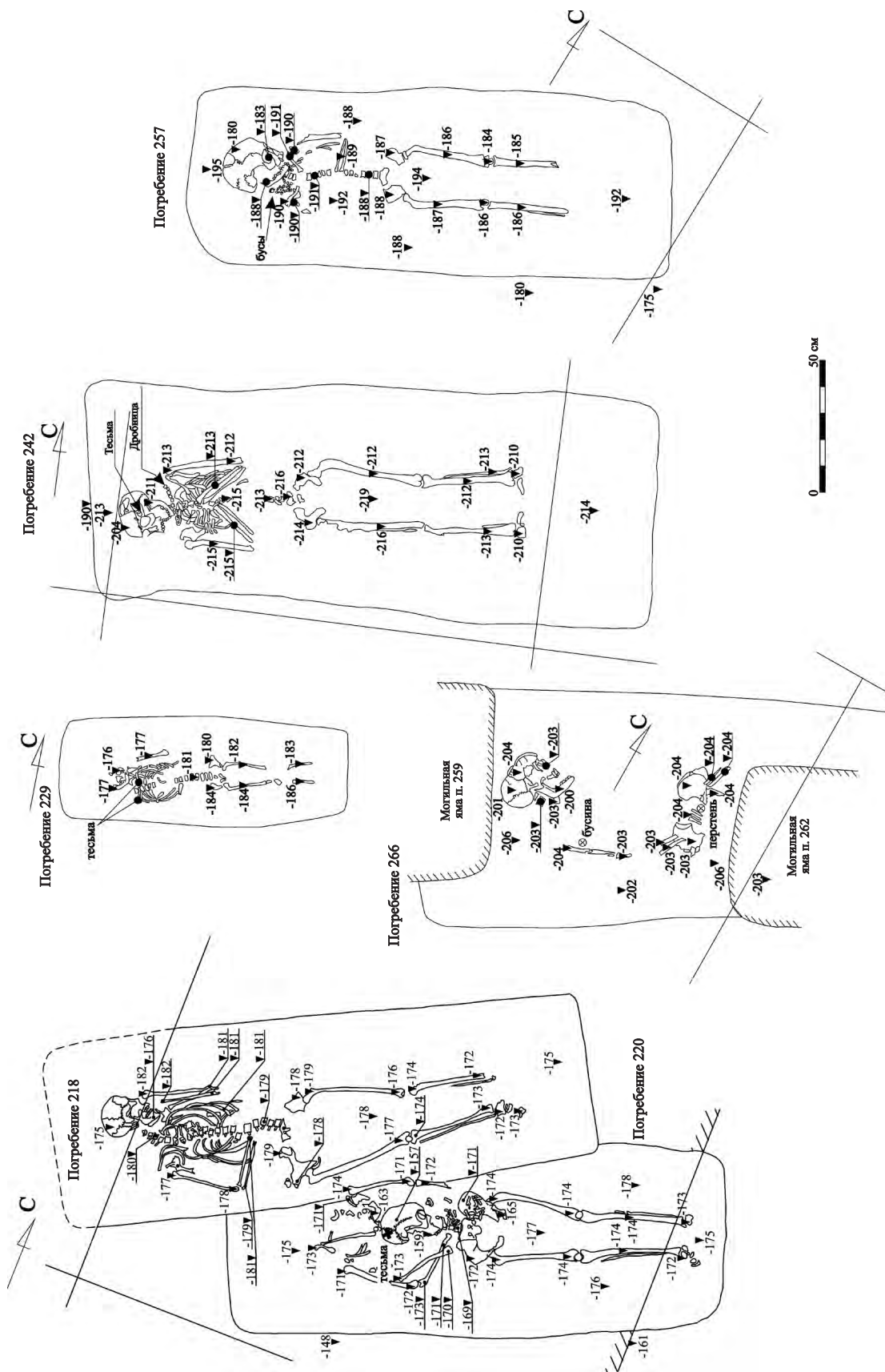

Рис. 9. Чертежи погребений с домонгольским инвентарём (группа 1)

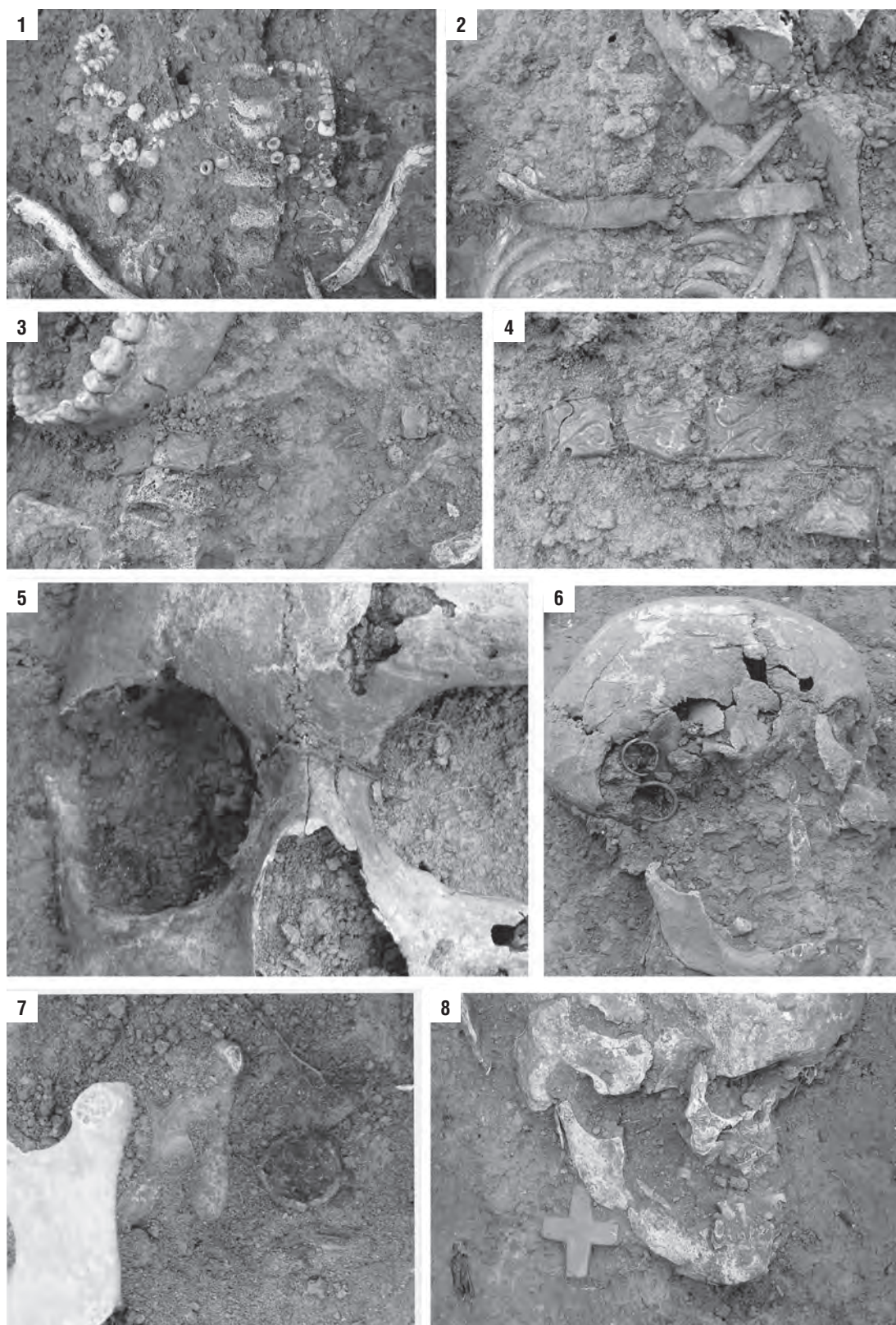

Рис. 10. Инвентарь некоторых погребений некрополя Ростиславля:

1 – погребение 257; 2 – погребение 229; 3–5 – погребение 242; 6 – погребение 247; 7 – погребение 237; 8 – погребение 248

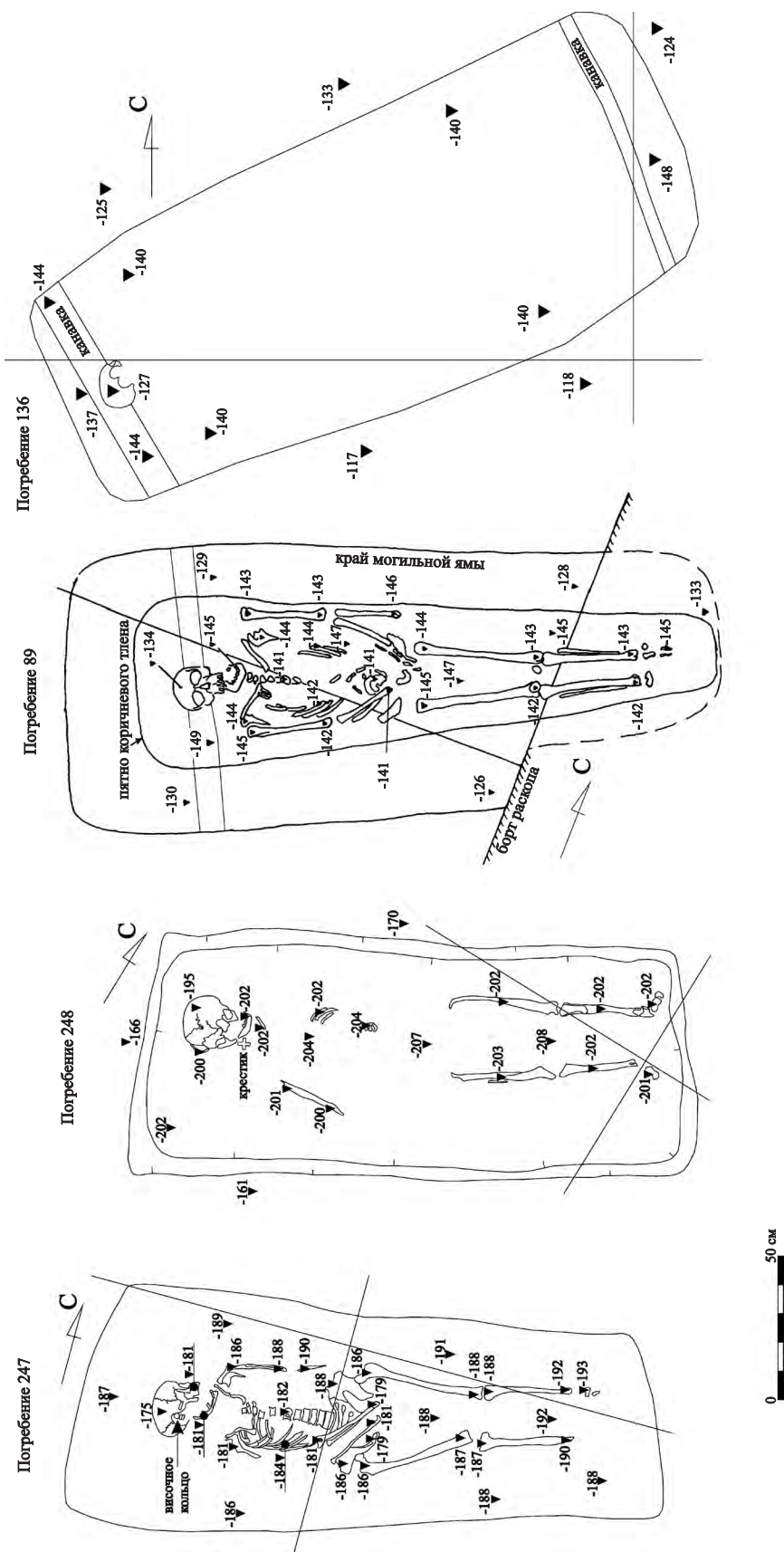

Рис. 11. Чертежи погребений с инвентарём и погребений с поперечными канавками

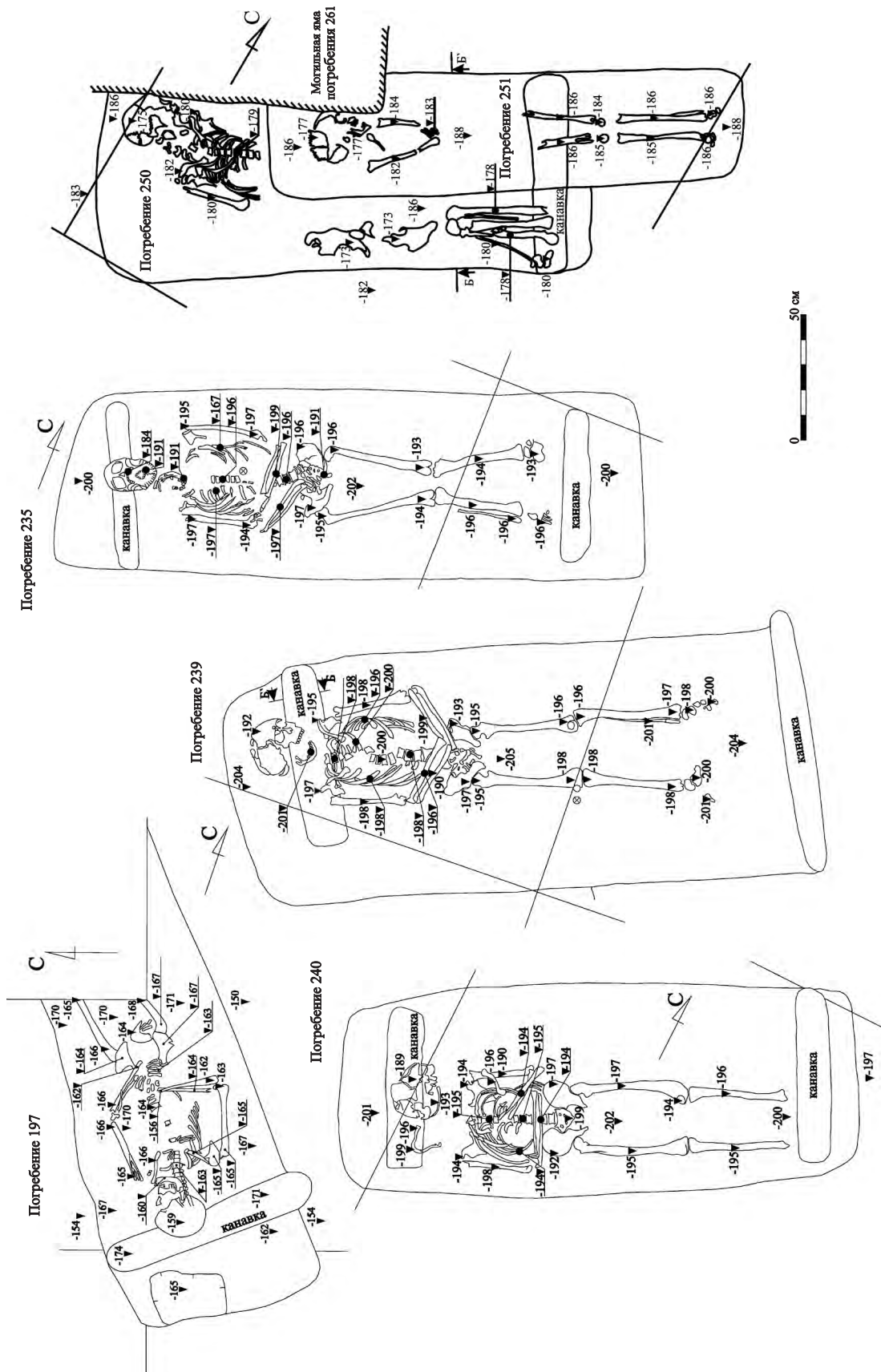

Рис. 13. Чертежи погребений с поперечными канавками

в грунтовом могильнике домонгольского времени на окраине Переяславля Русского, где они связываются исследователями с особой конструкцией гробовища, имевшего снизу две поперечные перекладины. Кроме того, в современной погребальной практике Переяславля сохранилась традиция вырезания таких канавок на дне могил для беспрепятственного вытягивания верёвок, на которых опускают гроб [9, с. 216, рис. 3, 4]. В Ростиславле выявлены 10 таких погребений (п. 89, 136, 176, 178, 193, 197, 235, 239, 240, 250). Помимо территории к западу и северо-западу от места предполагаемого храма, подобные могилы встречены к востоку от него, а также внутри предполагаемых контуров церкви (рис. 8: 3). Три таких погребения прорезали частоточные канавки, ограничивающие место предполагаемого храма, а погребение 89 размещалось почти в центре «церковного места». Важно заметить, что одно из погребений этой группы (п. 240) было перекрыто погребением первой группы (п. 229, см. выше), а это ставит его в ряд с наиболее ранними захоронениями некрополя, причём часть из них (если не вообще все) относилась к домонгольскому времени. Их присутствие на территории предполагаемого храма может быть связано с высоким статусом погребённых. Так, могильная яма погребения 136 по размерам соответствовала захоронениям взрослых индивидов, однако она содержала лишь череп ребёнка (без нижней челюсти), причём размещено погребение было в одной из самых престижных зон сакрального пространства – либо внутри алтаря, либо рядом с ним, за его стеной (в зависимости от того, каково было архитектурное решение церкви и как именно проходила линия стен в момент совершения захоронения). Интересно также, что среди 10 погребений этой группы семь принадлежали взрослым мужчинам.

Третью группу составляли пять захоронений с инвентарём, датировка которого не столь однозначна, как в группе 1, – это погребения 159, 183, 237, 247, 248 (рис. 12, 14). Четыре погребения этой группы принадлежали женщинам, а одно (п. 248) не нашло чёткого полового определения, но судя по находке в нём сланцевого наперсного (?) креста (рис. 10: 8), скорее, принадлежало мужчине. В трёх захоронениях (п. 159, 237, 247) в области только одного из висков были обнаружены проволочные кольца из медных сплавов (рис. 10: 6, 7), которые не были парными и заметно отличались от перстнеобразных височных колец домонгольского времени по размерам и толщине проволоки. При этом в одном случае их встречено сразу три экземпляра на виске погребённой (п. 247). В одном погребении (п. 183) найдены обломки бронзового украшения неясного типа, от которого под шейными позвонками сохранились только обломки сферического изделия, шарик (возможно, это остатки бубенчика), квадратная пластинка и проволочные колечки диаметром менее сантиметра. Вероятно, такие украшения использовались не в домонгольское время, а в начальный период золотоордынской эпохи (во 2-й пол. XIII – нач. XIV в.), причём некоторые из них могли служить в качестве серёг. Хотя погребения третьей группы встречены только вблизи места предполагаемого храма, то есть там же, где и погребения двух первых групп (рис. 8: 2), их стратиграфия иногда указывает на относительно более поздние даты. Так, погребение 183 перекрывало более ранние погребения группы 2 (п. 193 и 197) и имело ориентировку вида 4 (см. ниже), максимально приближённую к линии восток – запад. Это роднит его с близлежащими погребениями 144, 194 и 198 с аналогичной ориентировкой. Такая ориентировка могилы вблизи стен храма возможна лишь в тех случаях, когда храм был перестроен и получил иную ориентировку, либо когда храм вообще отсутствовал на протяжении продолжительного времени, за которое расположенные рядом могилы сровнялись с землёй и перестали диктовать ориентировку при совершении новых погребений. В то же время, все остальные погребения этой же группы не имели заметных отличий по ориентировке от захоронений групп 1 и 2.

К четвёртой группе относятся восемь погребений в так называемых широких могильных ямах – п. 70, 84, 108, 126, 180, 212, 217, 219 (рис. 15, 16). Длина таких ям превосходила их ширину не более чем в 2,5 раза. Расположены они в основном непосредственно на территории храма (5 из 8 могил), а также к востоку, югу и юго-востоку от предполагаемых стен храма, вплотную к ним (рис. 8: 4). Одно из этих погребений (п. 70) прорезало более раннее погребение группы 2 (п. 89). Ещё в одном случае погребению этой группы предшествовали два других (не вскрывавшихся) погребения. Размещение на площади храма заставляет видеть в этих погребениях захоронения лиц высокого статуса, возможно, связанных с церковной иерархией (например, священнослужителей). Правда, среди этих восьми погребений 2 принадлежали женщинам, причём одно из них (п. 84), несомненно, располагалось внутри храма. Более того, некоторые погребения, относившиеся к разным выделенным группам, составляли очевидные компактные скопления, в которых можно видеть захоронения ближайших родственников. Для примера приведём погребения 212 (мужчина 25–35 лет) и 84 (женщина того же возраста) в центре храма и погребения 242 (женщина 20–23 лет), 240 (мужчина старше 55 лет) и 229 (ребёнок 6–7 лет) у северо-западного угла храмовой площадки. Три последних погребения составляли ряд, продолжением которого к юго-востоку явно являлись погребения 235, 239 и 237 (рис. 7). Возможно, продолжения этого и других рядов ранних погребений (хорошо различимые на рис. 2) следует также рассматривать как относящиеся к раннему периоду, хотя ни одно из погребений тут не обладало какими-то другими признаками, позволявшими бы считать их ранними.

Все рассмотренные четыре группы погребений встречены только вблизи места предполагаемого храма либо на его территории. Захоронения групп 1–3 располагались либо в «заалтарной» части, либо к северу и западу от храма, на склоне, где сам рельеф местности не допускает плотной городской застройки. Планиграфически погребения всех групп, кроме четвёртой, формируют структуру из нескольких рядов раннего могильника, возникшего вскоре после появления в этом месте культового сооружения. Погребения четвёртой группы, очевидно, принадлежали людям, которые при жизни обладали особым статусом, поскольку большинство этих захоронений было совершено внутри храма.

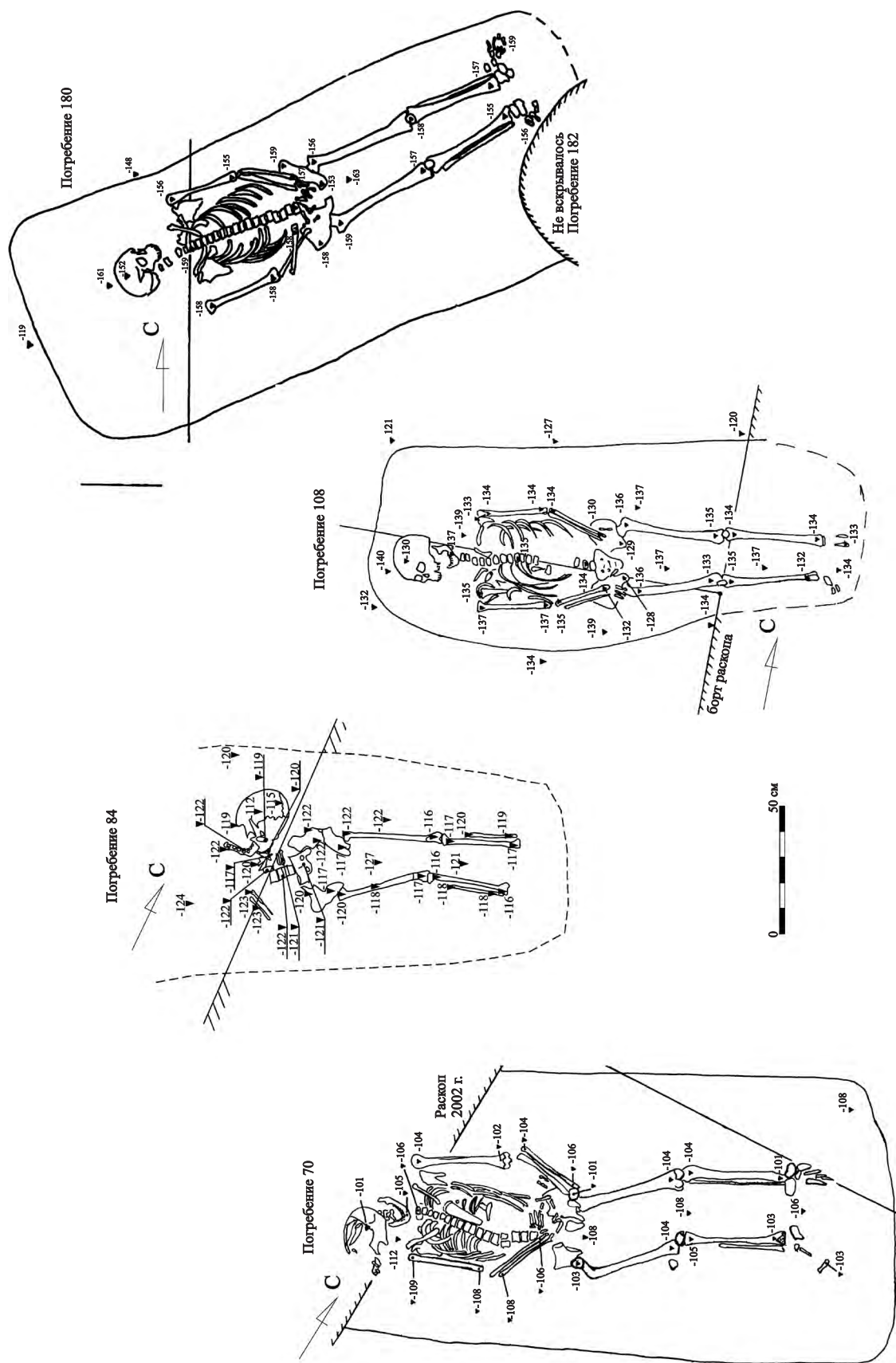

Рис. 15. Чертежи погребений в широких могильных ямах

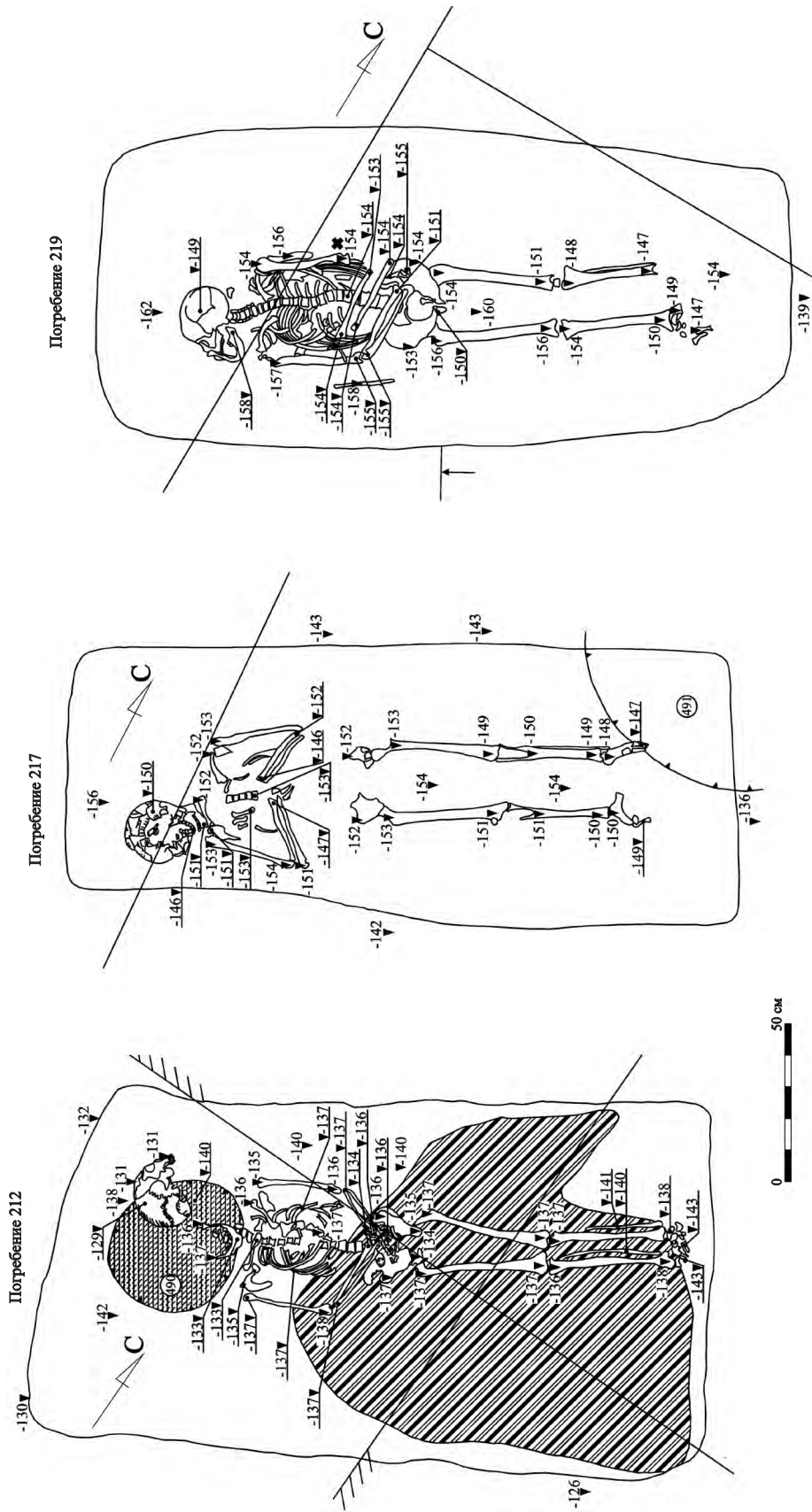

Рис. 16. Чертежи погребений в широких могильных ямах

Гораздо сложнее датировать и структурировать в хронологически различающиеся «пласты» массу других безынвентарных погребений. При этом очевидно, что погребения, разрежённо расположенные в южной части раскопа II (рис. 2), относятся к самому позднему этапу существования могильника, когда постройки XIII–XV вв. были здесь уже давно засыпаны и не возобновлялись. По мере того как плотность застройки города уменьшалась, кладбище постепенно разрослось до своих максимальных размеров (к XVII в.).

Для проведения дальнейших исследований большое значение имеет анализ ориентировки погребений. Однако в северной части раскопа II подавляющее число могил располагалось в более ранних могильных перекопах, не достигая своим дном материкового суглинка, а потому их контуры не могли быть достоверно зафиксированы в однородном гумусированном грунте. Поэтому об ориентировке могилы можно было судить только по расположению сохранившихся частей костяков. В тех случаях, когда удавалось проследить уверенно контуры могильной ямы, часто оказывалось, что лежащий в могильной яме костяк не точно соответствовал её ориентировке. Причины таких расхождений кроются в том, что укладка погребённого в могилу происходила не строго параллельно стенкам ямы, а с разнообразными отклонениями. Разумеется, это серьёзно снижает достоверность выводов о преобладающих ориентировках могил, но о ней можно судить, опираясь на массовые статистические показатели, вычисленные по зафиксированным скелетным останкам.

Во всём массиве погребений удаётся выделить четыре основных вида пространственной ориентировки.

1. С юго-западной ориентировкой (по азимуту 230–235°) – 33 погребения.
2. С ориентировкой на ЗЮЗ (по азимуту 240–245°), то есть первого варианта – 78 погребений.
3. С ориентировкой на ЗЮЗ (по азимуту 250–260°), то есть второго варианта – 80.
4. С западной ориентировкой (по азимуту 265–280°) – 19 погребений.

К этим видам относится подавляющее большинство всех исследованных погребений некрополя. Кроме того, выделен один «промежуточный» вариант, который на территории некрополя присутствует локально и встречается только у восьми погребений (вариант 2а с азимутами в интервале от 245 до 250 градусов). Не вписываются в эти варианты ещё 8 погребений с ориентировкой на ЮЮЗ (от 210 до 225 градусов), причём 5 из них расположены близко друг к другу.

В пространственной ориентировке погребений хорошо заметна общая закономерность: чем южнее расположены погребения по отношению к предполагаемому местоположению храма, тем разнообразнее их ориентировка. Напротив, по мере приближения к этому месту она становится более единообразной и по азимутам соответствует почти исключительно вариантам 2 и 3. Это единообразие пространственной ориентировки означает, что при выкапывании новых могильных ям рядом с ними располагались хорошо заметные ориентиры в виде старых могил или архитектурного сооружения (стен храма).

В настоящий момент история храма и примыкавшего к нему кладбища видится так: после основания Ростиславля (1153 г.) в северной части города, на самом возвышенном месте, перед рвом и валом мысового укрепления, частоколом была выделена площадка размерами 9,0×13,5 м, внутри которой сделана подсыпка из жёлтого материкового суглинка, законсервировавшего все более ранние напластования. Изначальная мощность этой подсыпки не известна, но вряд ли она была существенно больше, чем та, что сохранилась до наших дней. На этой искусственно созданной платформе было построено деревянное культовое сооружение, от которого не осталось почти никаких следов. Можно только утверждать, что оно было выстроено без использования камня. Сразу или почти сразу после появления культового сооружения вокруг него начало формироваться престижное кладбище, число захоронений на котором было ограничено.

Строго говоря, нет даже прямых доказательств того, что это был именно храм, а не часовня. Очевидные планиграфические отличия храма от часовни заключаются в размерах этих сооружений и наличии апсиды у храма, но именно эти признаки и не могут быть в данном случае достоверно установлены. Однако само место размещения престижного некрополя в центре города, в конце его единственной (?) улицы, заставляет думать, что в этом ключевом месте мог размещаться именно храм, без которого город христианской эпохи просто немислим. К сожалению, неизвестно, как выглядели деревянные храмы XII в. Все образцы прекрасного деревянного зодчества, известного современной науке, построены в северных областях страны и относятся не ранее чем к XV в. Вероятно, домонгольский храм на территории Ростиславля гораздо теснее должен был быть связан с южными архитектурными традициями. За всю историю города, насчитывающую около пяти столетий, это культовое сооружение несколько раз могло перестраиваться, вероятно, частично смещаясь относительно места своей предыдущей дислокации. Но ясно, что возобновление церкви должно было происходить довольно быстро.

В первое столетие своего существования прицерковное кладбище занимало очень небольшое пространство вокруг храма, не более 4–8 м от его стен. Тогда же, вероятно, появились и первые погребения внутри храма. Среди ранних погребений крайне редки случаи, когда одна могила прорезала другую. Но именно это произошло внутри культового сооружения, где какие-либо надгробия маловероятны, а повреждение более ранней могилы при рытье поздней вполне возможно. Планиграфическая структура из нескольких рядов могил начала формироваться на самом раннем этапе существования некрополя. Постепенно могил на ограниченной территории вокруг культового сооружения становилось всё больше. Последующие могилы всё чаще задевали более ранние. А с исчезновением окружающей застройки, в XV в., кладбище захватило значительно большее пространство. На отдалении от культового сооружения погребения стали совершаться с меньшей плотностью и большим разнообразием пространственной ориентировки. Момент, когда культовое сооружение перестало существовать, методами археологии установить не удалось, но здесь большую помощь оказывают картографические источники. На плане окрестностей Сосновской пустыни (датирова-

мом А.Н. Медведем в интервале 1711–1721 гг.) церковь на Погосте Ростиславль показана строящейся, а на площадке городища никакой церкви нет [10, с. 201–204, рис. 1]. Это значит, что храм на площадке городища в это время уже не существовал. Но была ли церковь на Погосте Ростиславль новопостроенной или карта фиксирует момент возобновления храма на старом месте, остаётся неизвестным. Поэтому сегодня можно лишь предполагать, что храм на городище Ростиславль продолжал существовать и в XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коваль В.Ю. История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 1. М., 2004.
2. Гоняный М.И. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV вв.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005. (ТГИМ. Вып. 150)
3. Трусов А.В. Палеолит бассейна Оки. М., 2011.
4. Коваль В.Ю. Поселение примокшанской культуры на городище Ростиславль // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань, 2010.
5. Коваль В.Ю. Планировка средневекового Ростиславля // Великое княжество Рязанское. М., 2005.
6. Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
7. Сабурова М.А. Реконструкция древнерусской одежды // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
8. Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань, 2012.
9. Грунтовый могильник на окраине Переяславля Русского / Н.Т. Товкайло, Г.Н. Бузын, Д.А. Тетеря, А.В. Юрченко // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Рязань, 2012.
10. Медведь А.Н. Ростиславль и окрестности в XVII–XVIII вв. // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 10. М., 2014.

*Институт археологии РАН,
Москва*

P.E. Rusakov, V.Yu. Koval, I.M. Andrianov

RESEARCHES AT THE CHURCH CEMETERY OF ROSTISLAVL RYAZANSKY'S ANCIENT TOWN

Summary

Excavation at the mid-12th – 17th cc. cemetery revealed a ground at its centre with several burials, which is surrounded by a zone of closely spaced graves in 3–4 layers. This area is the location of the main Orthodox church of medieval town Rostislavl. Stratigraphic data allow us to date the appearance of the temple from the middle of the 12th century. Some burials with various jewelry (beads, rings, jewelry of dress collar) may be dated by the second half of the 12th–13th c.

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036,
Russia*

*P.E. Rusakov
E-mail: rusakovsha@mail.ru*

V.Yu. Koval

E-mail: kovaloka@mail.ru

I.M. Andrianov

E-mail: snurri@mail.ru

Г.В. Панченко

ФАЛЛИЧЕСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ-ИДОЛЫ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ

Фаллические культовые камни-идолы¹, имеющие изображения ликов, такие как Новгородский (Шекснинский) и Себежский, известны довольно давно. Наиболее часто упоминается так называемый Новгородский, а на самом деле Шекснинский идол, найденный в 1893 г. при расчистке русла р. Шексны и Белозерского канала в карьере близ деревни Малая Топорня бывшей Спасской волости Кирилловского уезда в 12 км от г. Кириллова. Вот описание идола, составленное Н. Порфиридовым: «По форме камень представляет собою цилиндр, длиною около 0,70 м, эллиптического сечения (несколько неправильного, грушевидного). Материал – серый гранит. Концы цилиндра закруглены, причем один конец сужен, другой утолщен. У утолщенного конца цилиндра имеется выступающий за боковые его стенки от 1 до 3 см слой, неправильным валиком наискось огибающий окружность цилиндра. Вместе с закруглением утолщенного конца камня... валик образует подобие шляпы. Ниже валика на узкой стороне цилиндра высечено примитивное подобие человеческого лица. Двумя продольными немного расходящимися книзу углублениями дана форма грушевидного... носа, длиною 6 см. Верхние концы боковых продольных линий, образующих нос, углублены и тем дают намек на глаза, узко поставленные по сторонам переносья. Высеченная на 2 см ниже носа горизонтальная неглубокая черта, длиною 5 см, изображает рот. Непосредственно под нею выпуклым удлинённым книзу полукругом намечен подбородок» [1, с. 31–33]. Исследователи датируют его XII–XIII вв., по крайней мере в этот период времени, период гонения язычества, по их мнению, он был брошен в реку [2; 3]. В настоящее время этот камень находится в экспозиции Новгородского музея-заповедника [4, табл. LXXV, с. 288].

К такому же типу антропоморфных фаллических идолов относится Себежский идол, найденный в болоте под Идрицей. Он хранится в Себежском музее (Псковская область). Высота идола – 50 см, высота «шляпы» – 17 см и диаметр – 35 см [5, с. 177; 4, табл. LXXV, с. 288]. Ф.Д. Гуревич датировала утопление этого идола временем сразу после принятия христианства [5, с. 178]. Интересно, что камни с ликами языческих богов попытались уничтожить или, возможно, захоронить, как случилось с Шекснинским и Себежским идолами.

К этой же группе фаллических идолов можно отнести изваяние, найденное среди антропоморфных каменных крестов на древнерусском курганном могильнике у д. Горки Демидовского района Смоленской области [6, с. 169, 172, 173]. В его форме просматриваются черты лица человека «в шапке». На изваянии было обнаружено изображение восьмиконечного креста, которое, по мнению исследователей, было сделано позднее. Не называя напрямую идола фаллическим, Н.В. Лопатин и Ф.В. Яковлев выделяют его из ряда антропоморфных каменных крестов, обнаруженных здесь же [6, с. 172–173].

В 2008 г. в Пскове, в Ольгинском VI раскопе на Завеличье, был найден ещё один антропоморфный идол, обожжённый, расколовшийся на шесть фрагментов и захороненный под плоским овальным камнем в материковой яме, сделанной в известняковой плите. У него нет «шапки», черты человеческого лица лишь угадываются. Размеры идола – 60×50×40 см. Он имеет подпиримидальную форму и тоже может быть отнесён к фаллическим идолам. Исследователи датировали захоронение идола XII–XIII веками [7, с. 29–32, 258–260].

В последнее время появились сведения о находках на территории лесной зоны европейской части России фаллических камней без изображения ликов.

В Новгороде в Троицком раскопе был найден каменный фаллический идол с двумя выступающими валиками в верхней части. «Фигура изображала собой конический столбик сантиметров 60–70 высоты, с четко видимым ободком «шапочки» и идущей от нее вниз таким же вручную обработанным ободком «бородки» [8, с. 364–378]. К сожалению, как сообщает В. Ларионов, камень был атрибутирован археологами как коновязь (?).

¹ Идол (от греч. εἰδῶλον) – физическое 2-мерное (рисунок) или 3-мерное (статуя, статуэтка) изображение божества или духа, служащее образной визуальной интерпретацией духовной силы (божества), которой производится религиозное поклонение.

Б.А. Рыбаков считал, что «каменные фаллические идолы известны только из северной части восточно-славянских земель – Шексна и Себеж» [9, с. 234]. К настоящему времени география находок значительно расширилась.

Летом 2011 г. в ходе разведочных работ, проводимых Археологической экспедицией Плёсского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника под руководством автора, в г. Плесь Приволжского района Ивановской области был выявлен новый объект культурного (археологического) наследия – местонахождение Плесь, – представленный заглублённым в землю каменным изваянием фаллической формы, имеющим ясно видимые следы обработки (рис. 1). Изваяние располагалось на второй искусственной террасе правого коренного берега р. Волги непосредственно на территории города Плесь – недалеко от Хреновского оврага, ограничивающего с запада Больничную гору, представляющую собой мыс высокого коренного берега р. Волги. Название оврага воспроизводится по плану селитебной площади 1915 г., тот же овраг с протоком на плане 1775 г. имеет название Коженский [10], на плане, составленном после 1797 г., – Маковской [11]. Камень был установлен в вертикальном положении в 1,9 м к юго-востоку-востоку от угла дома 21 по ул. Ленина. Высота местонахождения над современным урезом воды в р. Волге (после его подъёма при создании Горьковского водохранилища на 8 м) составляла 14 м. Нахождение камня на искусственной террасе указывает на то, что он был некогда перемещён сюда из другого места.

Изваяние из кварцита имеет характерную фаллическую форму. В своём положении на момент фиксации камень был ориентирован с юго-востока-востока на северо-запад-запад. Над поверхностью земли возвышался на 82 см. Окружность «ножки» у земли составляла 190 см, периметр нижней кромки «шляпки» (верхнего утолщения) – 175 см. Изваяние было на 20 см углублено в почву и обложено мелкими камнями для придания ему устойчивости. Таким образом, общая высота объекта составляет 102 см. Как выяснилось пос-

Рис. 1. Плесьский фаллический камень-идол. 2011 г. Фото автора

Рис. 2. Плѣсский фаллический камень-идол у входа в музей. Фото автора

ле изъятия камня из грунта, его нижняя часть имеет форму грибной ножки (рис. 2). Основная часть камня обработана точечными ударами явно металлическим орудием. Верхняя часть камня – округлая, выпуклая. Цвет основной части камня – естественного серого оттенка. Несколько отличается по цвету только сама «шляпка». Она более тѣмная, имеет охристо-бурый оттенок. Из свидетельств жителей известно, что «шляпку» камня в 1990-е годы подкрашивали. Но может иметь место и использование при изготовлении изваяния природной особенности кварцитового валуна-заготовки, имевшего слоистое включение другого оттенка. Окончательные выводы можно будет сделать только после очистки поверхности от поздней краски. Поверхность «шляпки» несѣт следы полировки, нельзя исключать, что эти следы появились в ходе использования камня в некоей сакральной обрядности. Данный объект как древний культовый камень был ранее упомянут в статьях С.Б. Чернецовой [12, с. 180; 13, с. 191].

Основываясь на археологической карте города, можно предполагать, что фаллический камень изначально мог иметь отношение к одному из трёх мест, находящихся в границах города Плѣса:

1. Городище Плѣс на Соборной горе. Здесь раскопками П.Н. Травкина на мысовой части Соборной горы были обнаружены яма многократного языческого жертвенного кострища и ещё две ямы ритуального назначения. Этот комплекс исследователь определил как святилище Велеса. В северо-западном углу ямы кострища были прослежены остатки древесины, которые были интерпретированы как остатки деревянного символа мирового древа [14, с. 99–119];

2. Комплексный памятник (городище дяковского времени и домонгольский курганный могильник) на Холодной горе (название объекта культурного наследия – курганный могильник Плѣс 2). Случаи находок фаллических камней на курганах уже известны: камни с погоста Рудина Слободка и из урочища Могильницы [15, с. 138–144], а также изваяние у д. Горки (Демидовского района Смоленской области) [6, с. 169];

3. Мысовая часть Больничной горы. По сведениям сотрудника Плѣсского музея-заповедника Д.Б. Ойнаса², собиравшего этнографические данные о культовом камне в начале 90-х гг. XX века, два местных информатора, пожилые жительницы Плѣса Сурина и Кузнецова, утверждали, что «камень... в прошлом скатился с Больничной горы»³.

Фаллический камень под Больничной горой долгое время был частью городского пейзажа Плѣса. Он прочно сросся с городской мифологией, историей и культурой. В последнее время культовый камень стал очень популярен у туристов. Благодаря своей весьма недвусмысленной и крайне реалистичной форме он оброс массой амурных анекдотов и преданий. Современные названия камня – «Камень-гриб», «Камень любви», гораздо реже сейчас употребляется название «Шляпинский камень», но оно достаточно часто использовалось ещё в 90-е гг. XX в. Название «Камень любви» появилось в Плѣсе только в конце XX века. Скорее

² Ойнас Д.Б. – историк, в 90-е гг. XX в. работал в Плѣсском музее-заповеднике. В настоящее время является вице-президентом Национального фонда «Возрождение русской усадьбы» (г. Москва). Автор статьи выражает ему глубокую благодарность за любезно предоставленные сведения.

³ Воспоминания местных жителей, собранные Д.Б. Ойнасом в 1980-е–1990-е годы.

всего, этот факт можно связать с развитием туристического бизнеса и его инфраструктуры, созданием большого количества частных музеев и новых, нетрадиционных для Плёса, туристических маршрутов. Камень стал рассматриваться как местная достопримечательность наряду с «Деревом любви»⁴.

В 1990-е годы у старожилов Плёса были зафиксированы и другие чрезвычайно интересные и более древние названия, ныне практически вышедшие из речевого оборота горожан: «Сват-камень», «Дедова шишка», «Чиркун», «Велеший»⁵.

Все современные легенды, связанные с ним, очень схожи [16, с. 133] и преследуют цель объяснить причину нахождения камня такой своеобразной формы именно на этом месте, у этого дома. Единственное, что их объединяет, – мотив переноса фаллического камня сюда из другого места и дореволюционное время описываемых событий. Перенос камня, вероятно, был совершён до 1915 года, до фиксации на карте нового названия близлежащего оврага – Хреновский.

С фаллическим плёским камнем связано поверье, имеющее глубокие исторические корни и передающееся изустно. Посещающие его и в настоящее время считают, что он способствует выходу замуж и лечит бесплодие. Чтобы достигнуть цели, женщина должна на нём посидеть. Видимо, эта обрядность, а возможно, и какая-то иная, существовавшая ранее, и привели к заполированности верхушки камня.

В Плесе же при прокладке газопровода в 2011 г. был найден фаллический камень «домашних размеров» – 16,6×6,5×6,3 см (рис. 3). Он был обнаружен на развилке траншеи на ул. Мельничной вне границ археологического памятника селище Плес 1 (посад города Плёсо). Очевидно, от каменного божка избавились, выбросили. Фаллический идол имеет близкую к физиологической форму, лика на нём нет, сделан из камня с включениями железа (метеорита?). Как тут не вспомнить «то ти не Род, седя на воздухе мечеть на землю груды и в том рожаютя дети» [17, с. 179].

Рис. 3. Фаллический камень с ул. Мельничной в Плесе. Фото автора

На территории соседней Ярославской области, буквально в нескольких десятках километров выше по реке Волге от города Плёса известно ещё несколько камней такой же, как у большого плёского камня, характерной формы. Все они находились в пределах современного Мышкинского района – в деревне Могиль-

⁴ Две достаточно молодые сосны, сросшиеся друг с другом одной веткой в форме буквы «Н». По местному поверью, нужно повязать какую-нибудь ленточку на «Дерево любви» и загадать желание.

⁵ Данные опроса Д.Б. Ойнаса, 90-е гг. XX в.

ницы (затем перевезены в деревню Дубровка) и на погосте Рудина Слободка. В отношении этих камней имеется определённая этнографическая информация, позволяющая рассматривать их как культовые объекты.

Очень схоже с идолом из Плёса изваяние с погоста Рудина Слободка. По своей форме оно более всего напоминает гриб, но может интерпретироваться и как фаллос (рис. 4)⁶. Порода камня – кварцит. Поверхность «шляпки» – шлифованная. В центре «шляпки» имеется идеально ровная плоская поверхность – «столешница», от которой идёт определённый скос к краям. Вся «шляпка» имеет яркий буро-охристый цвет. Толщина краёв шляпки – 18 см. Ствол изваяния выполнен в иной технологии, по всей его поверхности имеются следы обработки мелкими сколами. Высота камня – 64 см, максимальная окружность основания «ножки» – 153 см, окружность «шляпки» – 218 см [15, с. 141–142]. Известно, что когда-то он стоял в урочище «...на вершине кургана недалеко от храма» [18, с. 44–51; 19, с. 54]. Это место расположено на берегу Волги, предположительно на одной из песчаных дюн, примерно в 1 км к северо-востоку от храма, значительно ниже его. Позднее камень был перенесён к церкви. Считалось, что камень излечивает от болезней нижней части тела (ноги, поясница, репродуктивная система). По устоявшимся поверьям, для излечения полагалось на нём посидеть. Есть сведения о том, что «в определённые дни к нему приходили с дарами, примерно так же, как это делается на Пасху» [19, с. 54].

Рис. 4. Камень с погоста Рудина Слободка. Фото С.Б. Чернецовой

Два камня характерной «грибной», т.е. фаллической, формы некогда располагались на вершине кургана в д. Могильницы, но в начале XX в. были перевезены в д. Дубровка. Они довольно сильно отличаются один от другого массой, размерами и общей конфигурацией. Один из них очень похож на камень из Плёса, но отличается относительно более широким основанием «ножки» и маленькой «шляпкой» (рис. 5). Второе изваяние из Могильниц имеет сложную форму: напоминает четырёхгранную в основании пирамиду с двумя соединёнными вершинами (рис. 6). При взгляде с одной стороны – у изваяния треугольный профиль, с другой – четырёхугольный. Вершина больше всего похожа на некое подобие шляпы с небольшим рельеф-

⁶ Выражаю сердечную благодарность С.Б. Чернецовой за предоставленные ею фото.

Рис. 5. Первый камень из д. Могильницы. Фото С.Б. Чернецовой

Рис. 6. Второй камень из д. Могильницы. Фото С.Б. Чернецовой

но выделенным выпуклым «околышем». Четырёхгранное сечение камня прослеживается по всей его высоте, в том числе оно чётко выделено и в конфигурации «околыша» [15, с. 138–140].

Как камень из Плёса, так и все фаллические камни Ярославского Поволжья местное население называет «грибами». Семантическое значение образа грибов в мифологических представлениях традиционных обществ изучено мало, но они самым тесным образом связаны со всеми тремя элементами известного комплекса «смерть – плодородие – жизнь» [20, с. 234–279]. Один из самых распространённых мотивов в мифологических представлениях о грибах – деление их на мужские и женские. Грибы с отчётливо выраженной ножкой и шляпкой в виде колпачка – мужские, грибы без ножки или с ножкой, неотделимой от шляпки, или же с вогнутой шляпкой – женские [21, с. 317–322]. И в этом контексте грибовидная форма не противоречит фаллической трактовке облика культовых камней.

Интересен тот факт, что сохранившиеся фаллические камни, не имеющие лика, не пытались уничтожить или захоронить.

Говоря о языческих идолах, Б.А. Рыбаков утверждал, что «большинство каменных изваяний найдено случайно, без археологической связи с их первичным местом и в силу этого их трудно датировать и определить этническую принадлежность поставивших их людей, если речь идет о славянской периферии. Все идолы антропоморфны... По охвату человеческой фигуры они делятся на две группы: в одних случаях изображалась... одна голова, в других божество изображалось во весь рост. По содержанию идолов можно разделить на три категории: идолы, изображающие мужчину с рогом изобилия в руках, фаллические идолы и изображения без особых признаков» [9, с. 231]. В связи с этим обнаружение безликих фаллических идолов в Ивановской и Ярославской областях не на первичном месте вполне вписывается в общую картину. Но вряд ли их можно называть антропоморфными. По мнению автора и С.Б. Чернецовой, с учётом новых находок фаллические идолы должны быть разделены на две группы: фаллические идолы с ликами (антропоморфные) и без ликов (неантропоморфные).

Очень много вопросов возникает при попытке интерпретации фаллических культовых камней-идолов. Чтобы понять их предназначение, необходимо заглянуть в более древний период.

Фаллический культ известен на рассматриваемой территории по крайней мере с позднего неолита – энеолита. Он имел место и у охотников-рыболовов (волосовцы), и у скотоводов (дыяковцы), и у земледельцев (славяне). Он является общим для совершенно разных по времени, ступени экономического развития, этнической принадлежности обществ. Почему? Попытаемся понять, рассмотрев некоторые проявления фаллического культа на территории лесной полосы европейской части России.

Интересна связь фаллического культа с культом медведя, прослеженная на поселении Сахтыш II [22, с. 82–85]. Здесь на глубине 40–50 см было обнаружено кострищное пятно длиной около 4 м и шириной 1,6 м, ориентированное по линии юго-восток–северо-запад. Края его были окаймлены углистой прослойкой толщиной 10–15 см. Вверху пятно было заполнено углями, золой и прослойками прокалённого песка. Вокруг кострища прослеживались тёмные округлые пятна от столбов. По-видимому, оно было расположено в центре постройки. Под кострищем в материке шла яма до глубины 195 см. Над ней, ниже кострища, было деревянное перекрытие. На глубине 115 см в яме обнаружено деревянное сооружение – так называемое гробовище. Длина его – 2 м, ширина – 0,5 м. В яме было найдено много костей бобра, куницы, лося, лисицы, оленя, кабана и медведя, встречались кусочки и вкрапления красной краски. У северо-западного края ямы было обнаружено овальное пятно размерами 130×100 см, ориентированное по линии юго-восток–северо-запад и заполненное толстым слоем красной краски. Здесь же располагался развал ранневолосовского сосуда, в котором найдены лопатка оленя и предмет из полой кости, обработанный в виде фаллоса, внутри которого, как в футляре, находилась плотно пригнанная часть *os penis* медведя. По мнению Д.А. Крайнова, «находка комплексного фаллического предмета связывает человека и медведя» [22, с. 85]. Исследователь также полагал, что «сочетание в «святилище» фаллического комплексного предмета и красной краски – символа крови и жизни, и находка рядом, в жертвеннике около «могильной» ямы, частей скелетов основных промысловых животных – оленя, лося, бобра и куницы – отражают... сложный обряд, связанный с размножением животных, необходимых для жизни охотников» [22, с. 85]. В яме же, как считал Д.А. Крайнов, «могла быть похоронена шкура медведя» [22, с. 85]. Следы работы на фаллическом предмете могли появиться в результате изготовления с его помощью кремнёвых фигурок, что само по себе должно было являться частью некоего обряда.

Рядом с ритуальным сосудом в пятне с охрой и углями был обнаружен «клад» из 60 каменных, кремнёвых и костяных предметов. По моему мнению, волосовские «клады» представляют собой жертвоприношение умершему сородичу или группе сородичей. В связи с этим становится понятна обожжённость большинства «кладов». Ведь огонь многими народами рассматривался как средство общения живых с умершими [23, с. 213; 24, с. 198; 25, с. 265]. Так, например, энцы, бросая в огонь поминального костра кусочки еды, считали, что они «таким образом кормят умершего» [26, с. 153].

Нахождение фаллического предмета рядом с погребениями и «кладами» связывает фаллический культ не только с промысловым культом, но и с погребально-поминальной обрядностью, с культом предков. Причём в качестве своего предка волосовцы могли рассматривать и медведя. По крайней мере очевидно их особое отношение к медведю. Захоронение шкуры медведя, возможно, имело место в святилище на стоянке Сахтыш VIII, где яма, перекрытая брёвнами, была заполнена «черно-углистой «жирной» землей» [27, л. 45–54]. По своему устройству это святилище напоминает ритуальный комплекс стоянки Сахтыш II. Ритуальное захоронение костей медведя найдено на стоянке Сахтыш I [28, л. 70]. А при раскопках III Удель-

но-Шумецкого поселения были расчищены остатки ритуального комплекса в виде ямы, заполненной пережёванными костями медвежьих лап [29, с. 155].

Культ медведя получил широкое распространение среди волосовских племён. Это подтверждают находки черепов медведей в жилищах и у погребений [22, с. 82–85; 30, с. 51]. На наличие культа медведя указывают также находки на стоянках Волосовская, Ибердус, Холомониха, Панфилово, Бологое, Уница [31, с. 103, рис. 2; с. 104, рис. 3], Иловец [32, с. 112, рис. 5], Сахтыш I, II, VIII [33, с. 101–102] антропоморфных кремнёвых фигурок, которые, как не без оснований полагал Д.А. Крайнов, изображают медведя, стоящего на задних лапах [33, с. 101]. И, наконец, о существовании медвежьего культа свидетельствуют находки в «кладах» медвежьих лап и клыков медведя, служивших амулетами и талисманами [34, л. 81; 35, л. 28, 31]. Спорным является вопрос о причинах возникновения культа медведя у племён волосовской культуры. Д.А. Крайнов истоки этого культа видел в том, что «медведь у волосовцев считался тотемом-предком и покровителем рода» [22, с. 85]. Другого мнения, исходя, правда, из более позднего этнографического материала, придерживаются этнографы З.П. Соколова и С.А. Токарев. Они считают медвежий культ пережитком тотемизма и связывают его с промысловым культом [36, с. 174; 37, с. 84]. Широкое распространение медвежьего культа среди волосовцев вряд ли свидетельствует в пользу идеи о медведе-тотеме, тем более что параллельно на одних и тех же памятниках прослеживается и культ лося. Возможно, некогда тотемное животное стало выступать в роли жертвы-заменителя человека – божественного легата, посланца в мир предков, передающего просьбы об удачной охоте и продолжении рода. Н.Н. Велецкая пишет: «Есть все основания полагать, что распространенный у многих народов Севера так называемый Медвежий праздник генетически восходит к ритуалу проводов на «тот свет» и первоначально имел то же функциональное назначение. Известные нам формы его сложились, по-видимому, в процессе трансформации ритуала. Очень вероятно, что собака и медведь стали одними из первых в символической замене посланника-человека: как известно, медведь по строению тела ближе всех зверей стоит к человеку» [38, с. 195]. Такая интерпретация объясняет взаимосвязь культа медведя с погребально-поминальной обрядностью (обращение к предкам с просьбами, подкреплённое жертвоприношением), промысловым культом (просьбы об удачной охоте) и фаллическим культом (просьба о продолжении рода).

Косвенно это предположение подтверждается этнографическими данными. Известно, что чукчи считали медведя человеком, одетым в медвежью шкуру [37, с. 44]. Подобные представления бытовали у кетов [39, с. 91]. Народы, у которых был распространён культ медведя, в случае его убийства устраивали медвежий праздник. У убитого медведя отрубали голову и лапы, снимали шкуру, которые особенно почитались [37, с. 72]. Здесь мы видим явную аналогию с медвежьим культом у волосовских племён, у которых было особое отношение именно к черепу, лапам и шкуре медведя (см. выше). Из этнографических исследований известно, что сохранение этих частей тела медведя должно было способствовать его возрождению, реинкарнации [37, с. 53]. В медвежьем празднике есть обряды очень древнего, по мнению этнографов, происхождения – так называемые фаллические обряды. По словам З.П. Соколовой, «они выражаются в особом ритуальном отношении к половым органам медведя, в употреблении во время танцев специально сделанных фаллосов, в исполнении сценок эротического характера, а также песен и танцев нескромного содержания и, наконец, в свободе отношений между полами во время праздника (например, у хантов и манси» [37, с. 72–73]. Как показывает находка комплексного фаллического предмета в святилище на стоянке Сахтыш II, эти обряды могли иметь место и у племён волосовской историко-культурной общности, а также у их соседей. Так, на территории Латвии на торфяниковой стоянке Сарнате был найден фаллос из дуба [40, с. 142]. Медвежий праздник, по этнографическим данным, включал в себя песни и танцы определённого содержания. Они могли иметь место и у волосовцев. На стоянках Сахтыш I [41, л. 38] и Сахтыш II [28, л. 34] был обнаружен своеобразный музыкальный инструмент, представляющий собой комплект из тазовых костей медведя и колотушки из рога лося. Тесная связь фаллического обряда с культом медведя и одновременно прослеживаемые на одних и тех же памятниках культ медведя и более древний культ лося указывают, возможно, на то, что медведь считался во времена волосовцев покровителем мужского начала, а лось (точнее, лосиха) – женского. Отсюда – доживший до славянского язычества культ Небесной Лосихи. Само исполнение музыки на подобном музыкальном инструменте в таком случае было полно эротического смысла и должно было способствовать продолжению жизни (человека или животных вряд ли тогда разделяли, настолько жизнь человека была связана с жизнью животных и зависела от них).

Фаллические предметы встречаются и у дьяковцев. Выделяется совершенно особый тип рукоятей ножей, имеющих коническое завершение. Фаллические рукояти ножей найдены на городище Гремячее [42, с. 17] и других памятниках дьяковской культуры [9, с. 74]. На Пеньковском городище, расположенном в 12 км ниже г. Плеса Ивановской области, найдены обломок рукояти ножа, датированный первым тысячелетием до н.э., ещё более узнаваемой фаллической формы [14, с. 40–41, рис. 8] и обломок рукояти ножа, имеющий практически физиологическое сходство (рис. 7). Эти ножи, по форме рукояти явно отличающиеся от утилитарных, использовались, очевидно, в культовых целях, в обрядах, проводившихся шаманами. А шаманы, как известно, в своей практике прибегают к общению с миром духов, к которому относятся и умершие предки. То есть и здесь прослеживается взаимосвязь фаллического культа и культа предков.

Фаллические камни, антропоморфные и неантропоморфные, аналогичные рассматриваемым нами, можно увидеть на разных континентах: на кладбище в долине Гулистан в Иране, где они стоят на мужских могилах в качестве памятников, в Ирландии (Лиа Фал – Камень Судьбы на холме Тары и многие другие), в Мексике, Австралии, Норвегии (камень из музея в Осло, датируемый 200–600 гг. н.э.). Поклонение фалли-

Рис. 7. Обломок фаллической рукояти ножа с Пеньковского городища в экспозиции Плесского музея-заповедника. Кость

ческим камням является составной частью синтоизма – традиционной религии японцев. Так, в Японии в святыне Asukaza поклоняются камням, в которых, по поверью, обитают души божественных героев-первопредков. Рядом с ними проводится несколько фривольное, с современной точки зрения, представление, имитирующее половой акт. Фаллические камни, разбросанные по миру, принадлежат разным народам. Чем объясняется столь широкое их распространение? Очевидно, только тем, что фаллический культ являлся составной частью присущего всем родовым обществам культа предков.

Прежде чем продолжить рассмотрение проблематики интерпретации фаллических камней-идолов лесной зоны европейской части России, необходимо решить вопрос об их этнической принадлежности. Н. Порфиридов, введший в научный оборот Новгородского (Шекснинского) идола, писал: «Антропоморфные изображения бытовали у разных народностей – в большей или меньшей степени распространения, и на огромном отрезке времени от неолита до позднего средневековья. Учитывая переживания их у финских племен до настоящего времени (остяцкие идолы, чувашские надгробные столбы и т.п.), склоняемся к отнесению аналогичного нашего предмета, найденного в пределах расселения древней Веси, к финскому миру» [1, с. 33].

Чтобы понять, был ли прав Н.Г. Порфиридов, следует обратиться к сведениям о привязке фаллических идолов к археологическим памятникам. Из-за того, что эти камни часто обнаруживают не на своём месте, определить их изначальное местонахождение непросто, иногда невозможно. Себежский идол был обнаружен в болоте, Шекснинский (Новгородский) – при копке карьера. Это указывает на то, что они были подвергнуты гонению со стороны христианских миссионеров. Один из наиболее ранних фаллических идолов обнаружен рядом с комплексом одновременных славянских памятников: городища и курганного могильника с захоронениями, совершенными путём трупосожжения, у д. Жабино (ныне Усвятский район Псковской области), датированных исследователем 2-й пол. I тыс. н.э. [43, с. 115, 116, 121]. Он, кстати, по своей форме очень близок к плесскому идолу, но значительно меньше его по размерам (высота – около 0,4 м). Известно и то, что фаллические культовые камни в Мышкинском районе Ярославской области ранее стояли на древнерусских курганных могильниках. На древнерусском курганном могильнике находился и фаллической формы идол у д. Горки в Смоленской области. То есть, мы видим, что там, где имеет место привязка к археологическому памятнику, этот памятник оказывается славянским или древнерусским. И.П. Русанова и Б.А. Тимощук также считают фаллических идолов славянскими [44, с. 33, 34]. И в самом деле, на рассматриваемой нами территории кроме славян в это время жили финно-угорские племена, но пока не прослежена какая-либо привязка фаллических каменных идолов к финно-угорским памятникам. Зато на славянских памятниках найдены не только каменные, но и деревянные фаллические идолы. Так, в Новгороде обнаружена небольшая деревянная «фигурка старца, на несколько уплощенном лице которого переданы глаза, нос, борода. На голову надета шапка». В.В. Седов считал, что такие небольшие «идолы – фигурки «домовых», покровителей семьи или защитников от злых духов» [4, с. 264, 286]. В.В. Седов, также относивший рассматриваемых нами идолов к славянским, обратил внимание на шапки Збручского и Шекснинского идолов и предположил, что «в языческую пору подобные головные уборы были атрибутами языческих божеств и племенных князей» [4, с. 258, 264].

Для финно-угров же, судя по частым находкам не только у нас, но и в Финляндии, характерны камни-чашечники, самой своей формой указывающие на обращение не к мужскому, а к женскому началу.

Хочется ещё раз сделать акцент на факте нахождения фаллических идолов на курганных могильниках. И.П. Русанова и Б.А. Тимощук в работе «Языческие святилища древних славян» указывали: «Вполне правомерно считать курганы одним из видов культовых памятников, тем более что планы многих курганов

близки культовым площадкам-капищам и сами курганы собственно являлись семейными святилищами» [44, с. 25]. По мнению авторов книги, «капища, расположенные рядом с могильниками, вероятно, служили для обращения к божествам потустороннего мира (Псков, Ходосовичи, Заарингер)» [44, с. 41].

Идолом какого же божества были фаллические камни с ликами и без? Возможно, они посвящены Роду – богу-прародителю всего сущего, верховному богу, возглавившему пантеон богов. В культе Рода нашёл своё развитие древний культ предков. Так, образ Рода, по мнению Б.А. Рыбакова, является основным на фаллическом по форме Збручском идоле (IX в.), найденном в 1848 г. у села Гусятин в реке Збруч (приток Днестра). Рядом с символом Рода можно предполагать наличие символики рожаниц. И она, в самом деле, отмечена исследователями, хотя ей и не была дана такая трактовка. Так, например, И.П. Русанова и Б.А. Тимошук указывали на присутствие на культовых площадках либо ямы от деревянного идола либо круга из камней. Круглая культовая площадка размерами 10,4×13,5 м в Подгоще (Новгородская область, окружённая двумя рядами валунов, имела девять камней в центре [45, с. 38; 44, с. 198]. В Хутыни (Новгородская область) обнаружена круглая культовая площадка, окружённая кольцевой кладкой из больших камней, на которой находилась обложенная камнями яма [46; 44, с. 201]. Эти каменные «гнёзда» могли служить опорой для утраченных фаллических каменных идолов. Изваяния из Плёса и Рудиной Слободки имеют неустойчивые основания и нуждаются в заглублении и (или) обкладке камнями по окружности. Такая пара – камень-идол и кольцевидная обкладка – образуют пару мужского и женского символов, аналогичную и визуальную, и семантически паре лингам-йони в индуизме.

Борьба христианских пастырей с верой в Рода и рожаниц велась долго, дольше, чем с Перуном, Велесом и другими богами, возможно, потому что, уступив в период создания новых общественных отношений молодым богам, Род и рожаницы стали покровителями уже не исчезающего рода, а семьи. Отсюда и восприятие Рода некоторыми исследователями как домашнего божка, домового [4, с. 268]. Даже в XV–XVI вв. актуальны были списки «Слова святого Григория изобретено в толцех», автор которого осуждал язычников. О фаллических обрядах «Слово...» сообщает: «чтут срамные уды... и в образ створены и кланяются им и требы им кладут. Словене же на свадьбах вкладывающе срамоту и чесновиток в ведро пьют» [47, с. 23]. Первая часть цитаты прямо говорит о поклонении фаллическим идолам. А последние сведения подтверждены археологически: при раскопках в Ленчице (Польша) К. Яжджевский нашёл в слоях XII–XIII вв. ведро и «срамоту» (фаллос) [48, tab. 143]. На возможное участие фаллических камней в свадебной обрядности указывает одно из названий плёсского фаллического камня – «Сват-камень».

О многом свидетельствует и ещё одно старое название плёсского идола – Чиркун. Кварцит, из которого сделан идол, способен при ударе давать искры. От этих искр могли зажигать жертвенные костры. Это название, как и образы искр – подобий небесных молний-«родий» – вновь относят нас в языческую древность.

От «творца молний», «давнего земледельческого божества Рода, повелителя мира, вдувающего дух жизни во все живое», по мнению Б.А. Рыбакова, «могло произойти отщепление образа бога грозы» – Перуна. Б.А. Рыбаков считал, что «это отщепление не было повсеместным. Оно происходило лишь в верхних, дружинных слоях славянского общества, а у простого земледельческого населения вера в Рода сохранялась, судя по копиям поучений против этого бога, вплоть до XVI в.» [9, с. 422]. «Слово...» указывает, что на Рождество Богородицы (8 сентября по старому стилю) вторые трапезы посвящали Роду и рожаницам и осуждают священников за потакание этому [47, с. 25]. И в самом деле, культ Рода в Плесе, где сохранился один из фаллических идолов, просуществовал долго. Доказательством этого служит найденная на территории Плёсского городища каменная иконка «Поклонение гробу Господню» XV в. (рис. 8). Размеры иконки – 4,5×4,1 см. На алтаре, рельефно изображённом на ней, явно другой рукой прочерчено перечёркнутое двумя горизонтальными линиями изображение фаллоса. По мнению П.Н. Травкина, оно было нанесено волхвом для усиления мощи иконы как оберега [49, с. 87–90]. Фаллос, по трактовке исследователя, изображён находящимся под водой в ведре (см. описанный выше обряд) [14, с. 272]. Но возможна и другая интерпретация. Не исключено, что более глубокие вертикальные линии относятся к основному сюжету и не могут изображать ведро, а перечёркнутое изображение фаллоса на иконке символизирует отречение от Рода в пользу Христа.

Пережитком культа предков и веры в Рода можно считать сохранившиеся до сих пор в православной обрядности родительские субботы, в которые принято навещать могилы христиан, а на самом деле – всех родственников, с принесением на кладбище поминальной еды.

«Победа» молодых богов над старым богом Родом и уход его на второй план в XII–XIII вв. были вполне закономерны в период укрепления и распространения государственности, подрывающей основы родового общества на рассматриваемой территории. Функции Рода как бога плодородия и творца судеб переходят к Волосу (Велесу), богу Нижнего мира, куда попадают умершие. Обратим в связи с этим внимание на одно из названий плёсского камня – Велеший (иначе принадлежащий Велесу).

Славяне верили, что земля принимает умерших предков, а души их отдаёт новорождённым [44, с. 129; 50, с. 104; 51, с. 71]. Поэтому у фаллических камней-идолов могли проходить не только поминальные жертвоприношения, с помощью которых осуществлялась связь с миром умерших предков, но и обряды, целью которых было зачатие ребёнка. Это подтверждают этнографические данные. Рядом с Себежским идолом в экспозиции Себежского музея стоит ещё один камень фаллической формы, который был найден в начале XX в. в лесу близ деревни Каменец под Себежем. Этого идола местные жители называли Пестуном, т.е. нянькой, считалось, да и до сих пор считается, что он способствует деторождению. С просьбой о зачатии ребёнка приходят до сих пор к плёсскому фаллическому камню.

Рис. 8. Иконка «Поклонение Гробу Господню». Начало XV в. Городище Плѣс. Камень

В этнографии широко известны представления о том, что определённые камни способны оплодотворить бесплодных женщин. Более того, отзвуки поклонений и пережитки обрядов «оплодотворения» через контакт с камнем сохранялись в европейских народных верованиях до середины XX в. [52, с. 256] Эта же обрядность прослежена по отношению к фаллическим камням Кабардино-Балкарии (четыре фаллических камня горы Тузлук в Приэльбрусье), Дагестана. В Армении широко известны так называемые пупочные камни, имеющие очевидную фаллическую форму и получившие своё название от традиции, предписывающей бесплодным женщинам прикасаться к ним пупками, для того чтобы забеременеть. Эти традиции продиктованы языческими представлениями о нахождении душ умерших в Нижнем мире, в земле, в камнях. Не чужды этих представлений были и славяне.

Ещё один непростой вопрос – датировка фаллических культовых камней-идолов. Комплекс славянских памятников у д. Жабино Псковской области, рядом с которыми обнаружен один из самых ранних идолов, датирован Я.В. Станкевич 2-й пол. I тыс. н.э. [43, с. 121]. Идол-«коновязь» из Новгорода, по непроверенным данным В. Ларионова, был найден в слоях XI века. Более или менее точно датируется идол из Ольгинского VI раскопа (г. Псков), обнаруженный в 2008 году. Он был захоронен до XII–XIII вв. Привязка фаллических культовых камней-идолов Ярославской и Ивановской областей к древнерусским курганным могильникам позволяет датировать их XII–XIII вв. То есть неантропоморфные фаллические камни-идолы Верхнего Поволжья, – очевидно, более поздние, чем новгородско-псковские, что, возможно, объясняется достаточно поздней заселённостью славянами этой некогда мерянской территории. Создаётся впечатление, что традицию поклонения фаллическим камням сюда принесли переселенцы-славяне, вероятно новгородцы, бежавшие от христианизации в эти глухие места, заселённые язычниками-мерянами. Иоакимовская летопись сообщает о крещении Новгорода: «Добрыня... идолы сокрушил, деревянные сжег, а каменные, изломав, в реку бросил; и была нечестивым печаль велика» [53, с. 60]. Новгородская первая летопись младшего извода относит это событие к 989 году и называет первым новгородским архиепископом Акима (Иоакима) Корсунянина [54, с. 159, 160]. Крещение, как сообщает Иоакимовская летопись, шло «мечем и огнем», что могло привести к исходу язычников в земли дружественных язычников-мерян.

При рассмотрении хронологии фаллических культовых камней-идолов становится очевидна одна закономерность: их форма меняется с течением времени. На смену неантропоморфным изваяниям приходят антропоморфные, а затем опять возвращается неантропоморфная форма. Таким образом, прослеживается регресс формы фаллических идолов на последнем этапе их существования в обрядовой культуре.

Сохранению фаллических камней и традиции поклонения им после того как мерянские земли вошли в состав Владимиро-Суздальского княжества способствовало двоеверие, прослеживаемое в роду Владимира Мономаха. Под двоеверием некоторые исследователи понимают одновременную веру в Христа и в языческих богов. Автор скорее склонна понимать под двоеверием политику веротерпимого отношения к язычеству и язычникам, «мягкой христианизации» (в отличие от «жесткой христианизации» в новгородских землях), конечной целью которой являлось распространение христианства. При этом князь и княгиня, воспитанные в старых традициях, в быту могли даже руководить языческими обрядами. В.Л. Комарович вслед за С.М. Соловьёвым [55, с. 78, прим. 5] указал на то, что Юрий Долгорукий, несмотря на многочисленные построенные по его велению храмы, не был канонизирован, и привёл, опираясь на летописи, свидетельства двоеверия князей [50, с. 84–104]. Интересен и тот факт, что первоначально священнослужители отказались допустить тело убитого Андрея Боголюбского в храм [55, с. 514]. Этот нелогичный поступок может быть объяснён двоеверием князя, что не могло при его жизни не возмущать церковных иерархов. Не был канонизирован и владими́ро-суздальский князь-храмоздатель Всеволод Большое Гнездо (1154–1212). Летописи прославляют его величие и достижения. «Мазуринский летописец» сообщает: «И такову благодать самодержец Всеволод получи, бысть имя его славно по всей земли, и на татарех дань имал и владел всюю землею Рускою и до моря Волгою» [56, с. 65]. Вероятно, двоеверие князя вместе с мягкой политикой назначенного по его требованию, вопреки мнению Киевского митрополита, епископа Луки [55, с. 727] позволило ему ввести языческие земли мерян в состав Владимиро-Суздальского княжества.

В заключение хочется отметить, что в последнее время остро встал вопрос о сохранении фаллических камней-идолов. Их необычная форма и неоднозначное отношение к ним исследователей, к сожалению, провоцируют людей на не вполне адекватное к ним отношение. Например, в июне 2011 г. плёсский фаллический камень с разрешения городской администрации был перемещён к зданию ювелирных мастерских «Алмаз-холдинга», где был установлен в качестве рекламы ювелирного магазина. По этому факту было заведено судебное дело. Истица – хозяйка дома, рядом с которым до этого находился камень, – претендовала на него как на своё имущество. В дело пришлось вступить в качестве третьего лица автору статьи. В результате истица забрала своё заявление, а камень был помещён на постоянное хранение в Плёсский музей-заповедник. Но после размещения фаллического камня в исторической экспозиции вновь было подано исковое заявление уже против Департамента культуры и культурного наследия Ивановской области и Плёсского музея-заповедника с требованием признать истицу владелицей камня. Суд принял решение в пользу музея-заповедника, но этим дело не ограничилось, так как истица подала апелляционную жалобу на решение суда, которое, к счастью, не было изменено судом новой инстанции.

Фаллические камни из Могильниц-Дубровок перенесены на территорию Мышкинского народного музея.

Таким образом, в ряде случаев музеефикация является единственным средством спасения и сохранения этих культовых объектов. Фаллические культовые камни нуждаются в фиксации с помощью археологических методов и постановке на охрану в качестве самостоятельных объектов археологического наследия, если они находятся на поверхности и вне территории других археологических памятников. В случае угрозы сохранности культовых камней-идолов необходимо принимать меры к её обеспечению вплоть до изъятия их из среды и передачи на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Порфиридов Н.Г. Заметки о двух археологических памятниках Новгородского музея // Материалы и исследования Новгородского музея. Вып. 1. Новгород, 1930.
2. Колесников П.А. Северная Русь. Вологда, 1971.
3. Макаров Н.А. Колонизация северных окраин древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997.
4. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
5. Гуревич Ф.Д. Каменные идолы Себежского музея // КСИИМК. Вып. 54. 1954.
6. Лопатин Н.В., Яковлев А.В. Комплекс каменных надгробий из Смоленского Подвинья и проблема идентификации славянских языческих изваяний // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция. Ярославль, 2006.
7. Салмин С.А., Салмина Е.В., Прибурова Т.Ф. Находка каменного изваяния на Завеличье в Пскове (предварительная публикация) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 55 заседания, посвященного юбилею профессора И.К. Лабутиной (13–15 апреля 2009 г.). Псков, 2010.
8. Ларионов В. Сокровенный путь в Беловодье. М., 2005.
9. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
10. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. 1888.
11. ЦГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Ед. 53.
12. Чернецова С.Б. К вопросу о типологической классификации культовых камней Верхней Волги (Ивановское, Костромское и Ярославское Поволжье) // Альманах современной науки и образования. Вып. 7. Ч. 1. Тамбов, 2007.
13. Чернецова С.Б. Некоторые аспекты изучения культа камня на территории Ярославского, Ивановского и Костромского Поволжья // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ. Материалы конференции. Ярославль, 2008.
14. Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново, 2007.
15. Чернецова С.Б., Карсаков О.Б. Комплекс сакральных камней из д. Могильницы (д. Дубровка) и фаллический камень погоста Рудина Слободка (Мышкинский МО) // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ. Материалы конференции. Ярославль, 2012.
16. Панченко Г.В., Чернецова С.Б. Фаллический культовый камень из Плеса и его ближайшие аналоги в Верхнем Поволжье // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ. Материалы конференции. Ярославль, 2012.

17. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. I. Харьков, 1916.
18. Гречухин В.А. Последняя старица. Мышкин, 2008.
19. Карсаков О.Б. Культурные камни в окрестностях Мышкина // Опочининские чтения. Вып. 1. Мышкин, 1991.
20. Топоров В.Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Balcanica. М., 1979.
21. Белова О.В. Эротическая символика грибов в народных представлениях славян // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996.
22. Крайнов Д.А. Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 169. 1982.
23. Крупник И.И. Эскимосы // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976.
24. Киле Н.Б. Лексика, связанная с религиозными представлениями нанайцев // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976.
25. Антропова В.В. Представления коряков о рождении, болезни и смерти // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976.
26. Грачева Г.Н. Энцы // Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М., 1980.
27. Крайнов Д.А. Отчет о работе ВВАЭ ИА АН СССР в Ивановской области за 1977 год // Архив ИГОИРМ. Д. 07-3/77.
28. Крайнов Д.А. Отчет о результатах работ ВВАЭ ИА АН СССР за 1963 год // Архив ИГОИРМ. Д. 07-3/43.
29. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
30. Крайнов Д.А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
31. Замятин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. Вып. X. 1948.
32. Урбан Ю.Н. Поселение и могильник Иловец // КСИА. Вып. 137. 1973.
33. Крайнов Д.А. Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
34. Крайнов Д.А. Отчет ВВАЭ об археологических работах в Ивановской области в 1984 году // Архив ИГОИРМ. Д. 07-3/96.
35. Крайнов Д.А. Отчет ВВАЭ об археологических работах в Ивановской области в 1985 году // Архив ИГОИРМ. Д. 07-3/96.
36. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986.
37. Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972.
38. Велецкая Н.Н. Символы славянского язычества. М., 2009.
39. Алексеенко Е.А. Культ медведя у кетов // СЭ. 1960. № 4.
40. Ванкина Л.В. Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР) // Древние поселения и городища. Таллин, 1955.
41. Крайнов Д.А. Отчет о работе ВВАЭ ИА АН СССР в Ивановской области за 1964 год // Архив ИГОИРМ. Д. 07-3/45.
42. Изюмова С.А. Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси // КСИИМК. Вып. XXX. 1949.
43. Станкевич Я.В. К истории населения Верхнего Подвьяжья в I и начале II тысячелетия н.э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н.э. М.; Л., 1960. (МИА. № 76)
44. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 2007.
45. Концевий В.Я. О «каменных кругах» Юго-Западного Приильменья // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
46. Концевий В.Я., Носов Е.Н. Загадки Новгородской округи. Л., 1985.
47. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. II. М., 1913.
48. Abramowicz, Andrzej. Przedmioty ozdobne z grodziska Leczyckiego // Studia Wczesnosredniowieczne. Studia, materialy, sprawozdania. Т. III. Warszawa; Wrocław, 1955.
49. Травкин П.Н. Плесская каменная иконка-оберег // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994.
50. Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. Вып. 16. М.; Л., 1960.
51. Шишло Б.П. Культ предков и заместители умерших // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. Л., 1972. № 8.
52. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
53. Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М., 2005.
54. Новгородская первая летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. 3. М., 1950.
55. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. СПб., без даты.
56. Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. 31. М., 1968.

***Плещский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник,
Плещ, Ивановская область***

G.V. Panchenko

PHALLIC CULTIC STONES-IDOLS OF THE FOREST ZONE OF THE EUROPEAN PART OF RUSSIA: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND PRESERVATION

Summary

The article deals with the problems of studying and preservation of the phallic cultic stones-idols of the forest zone of the European part of Russia. The author acquaints the readers with new finds and specifies typology of the phallic idols. Moreover, she gives their interpretation, touching upon the history of development of a phallic cult on the considered territory. The author considers an issue of ethnicity and time of existence of the phallic cultic stones-idols basing the interpretation upon ethnographic data.

***Plyos State Museum-Reservation of History, Architecture and Art,
1, Sobornaya Gora St., Plyos, Ivanovo region, 155555, Russia
E-mail: panchenko.61@mail.ru***

М.М. Шахнович, М.А. Кулькова

ОПЫТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВАЛУННЫХ СЛОЖЕНИЙ ВОСТОЧНОЙ ФЕННОСКАНДИИ: «КОВДОРСКИЕ ПЛАТФОРМЫ»

Многие древние объекты, которые попадают в сферу деятельности археологов, часто не вписываются в стандартные определения и не всегда однозначно понятны. В 2012 году для обследования такого «таинственного» памятника на юго-запад Мурманской области, в район г. Ковдор, выехала комплексная научно-изыскательская экспедиция. В её состав входили к.г.-м.н. М.А. Кулькова (Российский государственный педагогический университет (РГПУ), Санкт-Петербург), антрополог Р.М. Галеев (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва), археологи к.и.н. М.М. Шахнович (Национальный музей Республики Карелия (НМРК), Петрозаводск) и Э. Суоминен (Музей Кайнуу, Финляндия), научный сотрудник Мурманского областного краеведческого музея к.ф.н. К.Я. Коткин (Мурманск), лаборанты И.Н. Петров и В.А. Тарков (Москва), фотограф Н.С. Гернет (Архангельск)¹. Работы проводились на средства ООО «Арктические технологии».

Археологическое изучение Ковдорского района до 2012 г.

Ковдорский район на археологической карте Мурманской области остаётся до сего времени огромным «белым пятном». За шестьдесят лет проведения планомерных археологических изысканий в Русской Лапландии специалисты заглядывали в эту часть Кольского полуострова только два раза. Причин подобной невнимательности несколько: наличие строгой пограничной зоны, затруднявшей проведение поисковых работ, направленность научных интересов исследователей в основном на изучение многочисленных памятников приморского побережья и стойкое убеждение о незначительной ценности для археологии континентальных районов Лапландии. Единственно, в 2000 г. М.М. Шахновичем в городской черте, на северном берегу оз. Ковдор, в районе городского стадиона были найдены две небольшие, частично разрушенные стоянки каменного века – Ковдор I и II. В осыпи береговых обрывов им собраны кварцевые скребки и отщепы. Никакие другие работы археологами здесь не проводились.

История открытия «каменных сложений» около г. Ковдор

Ставшие предметом нашего внимания объекты нашли рыбаки в начале 1990-х годов. В августе 1996 г. первичный осмотр каменных сложений провела группа краеведов г. Ковдор во главе с В.Ю. Поповой. Им было дано первичное название памятнику – «кладки шаманского комплекса на оз. Окунёвом». В 1997 г. с помощью Музея изучения Севера (г. Апатиты) объект осматривал археолог ИИМК РАН В.Я. Шумкин. Результатом этого краткого посещения стало небольшое упоминание в статье в сборнике Кольского научного центра РАН, вместе с сенсационной находкой петроглифов на Канозере, об открытии «каменных “платформ” под Ковдором, относящихся к эпохе раннего металла» [1, с. 216]. До 2012 г. валунные сложения на оз. Окунёвом более не привлекали специалистов.

Описание валунных сложений

Объект находится в 10 км к востоку от государственной границы, на северо-восточном берегу озера, на моренном холме, возвышающемся на 20 м над уровнем воды. В верхней части склона лес очень редкий и просматривается на расстоянии 100 м. Нижняя часть берега каменистая, поросла мелким, частым сосняком. Видны следы давнего пожара.

¹ Авторы выражают признательность за помощь научным консультантам проекта: ведущему научному сотруднику Лаборатории магматизма, палеовулканологии и металлогении Института геологии Карельского научного центра РАН к.г.-м.н. Л.В. Кулешевич, доценту кафедры ботаники и физиологии растений Петрозаводского государственного университета д.б.н. А.В. Сониной, главному куратору археологического отдела Музейного Ведомства Финляндии, адъюнкт-профессору Хельсинкского университета д.ф. Пирьё Уйно, профессору Тартуского университета археологу Айвару Крийске, директору музея Лапландии (Арктикум) Ханну Котивуори, археологам А.М. Жульникову, М.В. Иванищевой, Т.М. Гусенцовой, К. Нордквисту, Т. Карьялайнену, Т. Аикас.

Озеро носит явно позднее название «Окунёвое». Его длина – около 950 м, оно вытянуто по длинной оси с северо-запада на юго-восток. Является верховым (184,6 м над уровнем моря), то есть находится на водоразделе и через вытекающий из него ручей даёт начало реке Ноде – относящейся к гидросистеме Баренцева моря.

На местности нами выделены три группы искусственных сложений. Группы 1 и 2 находятся друг от друга на расстоянии в 0,32 км.

Группа 1 удалена от озера на 70 м. Размещается на высоте 2–6 м над уровнем воды на площади в 2000 кв. м (50×40 м). Включает девять каменных сложений. Кладки – разной величины (самая большая – 2,3×1,8×0,9 м), но все в плане чёткой прямоугольной формы и в высоту выложены на два ряда камней. Основания сложены из крупных валунов (максимальные размеры – 0,35×0,3×0,3 м). В четырёх случаях по углам установлены «угловые» камни и в центре уложены плоские плиты (рис. 1).

Группа 2 располагается на ровной площадке, поросшей ягельником и редким мелким сосняком, с небольшим наклоном к западу, в 390 м от озера. Семь единообразных валунных сложений имеют приблизительно одинаковую ориентировку: север – юг. Они стоят на удалении в 6–7 м друг от друга, занимая участок площадью в 550 кв. м (33×18 м). В северной части группы между сложениями находится крупный валун с ровной верхней плоскостью (1×1×0,75 м). На его боковых краях следы обработки отсутствуют. Валунные «платформы» построены на одних, сходящихся под прямым углом линиях (рис. 2, 3).

В плане все сложения имеют чёткую прямоугольную форму, с прямыми, вертикальными стенками и плоским верхом. Усреднённая высота – 0,9 м. Камни лежат на грунте без древесных подкладок. Их укладка произведена тщательно, с выведением ровных углов. По углам установлены «навершия», которые придают сложениям законченный вид. Размеры камней: максимальные – 0,65×0,25×0,3 м, минимальные – 0,2×0,1×0,13 м. Отсутствуют следы копоти или воздействия огня. Центральное заполнение «ящиков» – бессистемно наваленные камни. Размеры внутренних «камер» различаются: от 0,6×0,4 м до 1,2×0,6 м. Нижний ряд камней («фундамент») – всегда крупные валуны, которые невозможно поднять одному человеку. Материал для постройки брался из-под мха рядом с конструкциями. По окружности на удалении в 2–7 м от кладок хорошо заметны задернованные лунки-впадинки от извлечённых камней.

Рис. 1. Каменное сложение около г. Ковдор. Группа 1

Рис. 2. Каменное сложение около г. Ковдор. Группа 2

Рис. 3. Каменное сложение около г. Ковдор. Группа 2

Группа 3 находится в 70 м к юго-востоку от предыдущего скопления, ниже по склону на 3 м. Это три каменных кладки. Две из них имеют в плане подпрямоугольную форму и размеры 1,3×1,4×0,8 м и 1,5×2,2×0,45 м. Одно сложение разрушено.

Несмотря на хрупкость конструкций, сохранность большинства объектов очень хорошая. Из девятнадцати кладок одна в «нижнем» скоплении и одна в «верхнем» разобраны, наверное, в 1990-е годы «любопытными кладоискателями», а остальные остались в неприкосновенности. Три сложения в «верхних» группах частично развалены, но, скорее всего, это следствие каких-то естественных процессов.

При наличии общих сходных черт (правильная прямоугольная в плане форма, «выведение» стен и углов, использование крупных валунов в основании, «засыпка» центральной части более мелкими и плоскими камнями) нельзя сказать, что все каменные сложения полностью идентичны. Сложения группы 2 от валунных сооружений на нижних уровнях отличается более значительная высота конструкций, доходящая до 1 м и делающая их сходными с «каменными ящиками».

При отсутствии находок подробное описание наземной конструкции становится основным источником для поиска аналогий. С этой целью в группе 1 частично (без снятия внешнего контура), в границах небольшого раскопа в 5 кв. м, разобрана одна из кладок. Она четырёхугольной (трапециевидной) формы, с небольшим сужением к западу, размерами 2,2×1,8–1,6 м, ориентирована длинной осью по линии запад – восток, то есть по направлению к озеру. Располагается на ровной, с небольшим наклоном к западу, каменной площадке, поросшей мелким сосняком. Рядом, на удалении в 4–5 м, находятся ещё два сложения поменьше. Из двух рядов крупных валунов (0,5–0,7×0,35–0,45 м) сложены «стенки» на высоту 0,35–0,52 м. Целенаправленно «подчёркнуты» углы конструкции. Западная стенка ниже «верхней» (восточной) на 0,14–0,15 м. В центре в два ряда уложены плоские и мелкие камни. Часть их уходит в естественный слой почвы на 0,05–0,07 м. Размеры внутреннего пространства – 1,5–1,6×0,98–1,2 м. На камнях следы обработки отсутствуют. Они вынуты из почвы: на расстоянии 1–2 м от кладки в грунте сохранились задернованные лунки (рис. 1).

После удаления камней и верхнего слоя почвы на глубину 0,2 м выявилась следующая стратиграфия: погребённый дёрн – 0,01 м; тёмно-серый подзол – 0,03–0,04 м; тёмно-жёлтый песок – 0,13 м; жёлтый песок. Представленная стратиграфическая колонка идентична состоянию верхних слоёв почвы за пределами кладки. После проведения работ кладка была рекультивирована.

Раскопки позволили восстановить конструктивные особенности кладки и процесс её строительства. Её делали в тёплое время года несколько человек. Сначала создавались стенки конструкции на высоту до 0,5 м. Затем в центральную часть помещалась каменная засыпка. Следы углубления в почву или остатки деревянных конструкций не отмечены.

Геохимические анализы

Общеизвестно, что исследование древних объектов традиционным, «несовершенным» методом археологических раскопок приводит к безвозвратному уничтожению большей части информационного содержания культурного слоя памятника, исключая возможность последующей проверки полученных данных. Привлечение естественно-научных методов позволяет получать информацию без разрушения культурного слоя.

Для геохимических исследований были выбраны раскопанная кладка «Ковдор 1» и локальный участок около группы сложений «Ковдор 2». Образцы в первом случае отбирались примерно через 10–30 см друг от друга, внутри каменной кладки, под поднятыми камнями, на глубине 10–15 см от современной поверхности и за пределами сложения. На памятнике «Ковдор 2» – на участке между каменной кладкой и большим прямоугольным валуном, который мог быть использован как «ритуальный» камень. Отложения представлены серым крупнозернистым и мелкозернистым гумусированным песком с включениями гравия. Их химический состав определён методом рентгено-спектрального флуоресцентного анализа. Полученные данные проанализированы методами математической статистики. Факторный анализ позволил обнаружить группу элементов-индикаторов антропогенной деятельности на памятнике, что дало возможность выявить соотношения между компонентами, связанными с человеческой активностью, и остальными элементами².

По данным геохимического картирования можно выделить две группы геохимических элементов и индикаторов, которые имеют разное распространение по площади внутри раскопанной кладки. Распределение геохимических компонентов первой группы (фосфора, железа, марганца) связано с пониженными участками микрорельефа внутри кладки. Эти компоненты в основном концентрируются в углу кладки 1, около оснований больших камней. Сравнение концентраций фосфора в образцах внутри сложения со значениями содержаний в фоновых образцах показывает, что содержание фосфора внутри кладки находится на фоновом уровне.

Вторая группа включает геохимические индикаторы кальция, рубидия, стронция, калия, которые отражают биогеохимическое влияние. В данном случае значения этих модулей также находятся в пределах фоновых. Повышенные значения этих модулей в окружающей среде, вероятно, связаны с тонким углистым слоем, который распространён по всей территории под дёрновой прослойкой и характеризует период пожара, бывшего до строительства каменных кладок.

Таким образом, данные геохимического картирования каменной кладки «Ковдор 1» свидетельствуют о том, что она не использовалась в качестве погребения и не несла никаких хозяйственных функций, связан-

² Обработка анализов проведена в лаборатории Геохимии окружающей среды РГПУ им. А.И. Герцена к.г.-м.н. М.А. Кульковой.

ных с увеличением антропогенной нагрузки на окружающую среду. Образцы верхнего слоя почвы, взятые под рядом расположенными кладками, также не дали положительного результата на содержание фосфора.

Идентичная картина наблюдается и на памятнике «Ковдор 2», где также нет отчётливых следов древней антропогенной деятельности. Сравнение концентраций фосфора в образцах внутри кладки со значениями содержания в фоновых образцах показывает, что уровень фосфора рядом с кладкой не отличается от фонового.

Можно предположить, что небольшое повышение значений геохимических модулей кальция, рубидия, стронция на участке между «ритуальным» валуном и каменной кладкой связано с некоторыми действиями, но общие высокие значения фона по данным показателям не дают возможность утверждать это обоснованно. Эта зона также характеризуется пониженными значениями фосфора, что не позволяет сделать вывод об антропогенной деятельности.

К сожалению, нам не удалось собрать достаточные образцы для радиоуглеродного анализа погребённой почвы из раскопанной кладки. Но отметим обстоятельство, что самая «нижняя» кладка находится на высоте 3 м над уровнем воды в озере. С учётом хорошо выраженного общего изостатического поднятия суши в этом районе Фенноскандии это указывает на «молодой» возраст сооружений или по крайней мере части из них – наиболее низко расположенных на береговом склоне. Кроме этого, в двух случаях было отмечено, что некоторые камни кладок «вросли» в растущие рядом сосны возрастом более 70 лет.

Была сделана попытка определить возраст каменных сооружений методами лихенометрии. Материалом для анализа стали фотоснимки валунных сложений, покрытых лишайниками, переданные для заключения специалистам на кафедре биологии и физиологии растений Петрозаводского государственного университета³. К сожалению, опосредованно, без натурных работ не удалось хотя бы приблизительно дать оценку возраста данного субстрата лишайников.

Следует добавить, что осмотр восточного берега озера около сложений, обследование кладок металлодетектором и зондирование перспективных мест для нахождения стоянок каменного века (песчаные возвышения около истока ручья) положительных результатов не дали.

Поиск аналогий

Рассмотрим некоторые валунные объекты, морфологически сходные с представленным комплексом около г. Ковдор, – сложенные насухо кладки с вертикальными наружными стенками.

Кольский полуостров. По мнению В.Я. Шумкина, на Кольском полуострове каменные «кучи» нельзя считать распространённым явлением. На огромной территории Русской Лапландии пока зафиксированы только шесть групп от трёх до восьми сложений, расположенных на высоких каменистых участках по берегам рек. Это устье р. Умбы, мыс Корабль около р. Кузоmeni, устье р. Дроздовки [2], бассейн р. Уры около посёлка Килпъявр, три пункта на острове Кильдин [3, с. 109–110] и объекты около лабиринта г. Кандалакши [4, с. 31].

Группа каменных сложений около посёлка Килпъявр (Кольский район Мурманской области) – это семь каменных сооружений, вытянутых двумя рядами по линии запад – восток, находящихся на удалении 3–14 м друг от друга и являющихся единым комплексом. Кладки сделаны из крупных валунов с засыпкой более мелкого камня в центре и в плане имеют квадратную, треугольную, трапециевидную формы. Размеры сложений – 1×1,7×0,6–1,2 м. Одно сооружение в центре увенчано стелообразным камнем. При их осмотре ничего не было найдено. Памятник предположительно определён как погребальный или культовый объект [5, с. 45; 6, с. 3–4]. Упоминается, что раскопки подобного сооружения в бассейне р. Дроздовки на восточном побережье Кольского полуострова в том же году не дали никаких результатов [7, с. 64].

Западное Беломорье. На побережье и островах Белого моря известно большое количество искусственных валунных сложений (около 1300 штук). Многие из них давно выявлены и описаны краеведами, историками и археологами и получили большую популярность. В основном это относится к лабиринтам и каменным кучам, активно исследовавшимся с начала XX в. и находящимся преимущественно на Соловецком архипелаге [8, с. 63–76; 9; 10]. Менее известные «сейды» и «менгиры» вошли в научный оборот после работ И.М. Мулло на архипелаге Кузова в 1960-х годах [11; 12]. Остальные разновидности валунные сооружения стали объектом первичного изучения в начале XXI в. [13; 14]. В рамках нашего исследования останемся только на некоторых памятниках.

В Западном Беломорье, на острове Бережные Лехлуды около д. Калгалакши в ходе археологических разведок Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН в 2003–2004 гг. открыты четыре погребения под каменными кучами, визуально имеющими сходство с «ковдорскими платформами». Ориентированы каменные сложения по христианской обрядности: по линии запад – восток. В каменных «ящиках» находились человеческие костяки, лежавшие на спине и в одном случае – в тесной камере на боку, без инвентаря. Единственные находки – это кусочек слюды и фрагмент венчика «позднего» гончарного сосуда в погребении в бухте Глубокая на Сонострове. Найденные останки принадлежат женщинам и мужчинам европеоидного типа. Можно согласиться с мнением, что в данном случае мы имеем дело с позднесредневековыми погребениями поморов⁴ [15, с. 101]. «Поздний» характер и их назначение очевидны. Это

³ Работа проведена д.б.н. А.В. Сониной.

⁴ Определения сделаны заведующим отделом антропологии МАЭ РАН (Кунсткамера) к.и.н. В.И. Хартановичем.

пример большой вариативности видов захоронений даже в недавнее время и в таком консервативном сегменте, как православный похоронный обряд.

Остров Русский Кузов. На наш взгляд, среди аналогов для «ковдорских платформ» самый «похожий» памятник – это объект на южной вершине острова Русский Кузов в Белом море (Кемский район Республики Карелия).

Архипелаг Кузова находится в восточной части Кемских шхер, включающих более двухсот островов, расположенных в западной части Белого моря. Остров Русский Кузов – наиболее крупный в Кузовском архипелаге: высотой 123 м над уровнем моря. Куполообразные, с крутыми склонами вершины острова являются самыми высокими в акватории и на побережье Белого моря. Острова Немецкий и Русский Кузов разделены нешироким проливом (0,5 км) с сильным морским течением [16].

В ходе планомерного осмотра островов архипелага в 1965–1972 гг. сотрудником Карельского историко-краеведческого музея И.М. Мулло здесь зафиксированы культовые комплексы, состоящие из различных валунных сложений [12]. По подсчётам И.М. Мулло, на архипелаге «свыше 540 сложений из больших и малых валунов на семи Кузовых островах» [17, с. 20; 18, с. 5]. В 1969 г. на высокой безлесной вершине в юго-восточной части острова Русский Кузов найдено «саамское святилище с большим количеством сложений, чем на Немецком Кузове». На скальной площадке 350×250 м располагались 374 сложения [19, с. 17]. С прекрасной морской панорамой, при полном отсутствии деревьев, на ровной вершине повсюду стояли валуны с установленными на них камнями – таким застал «культовый комплекс на Лысой Горе Русского Кузова» И.М. Мулло в 1969 г. Впечатляющая картина порождала у краеведов ассоциации с современными «некрополями».

На самом вершине Лысой горы (82,2 м над уровнем моря) среди «сейдов» находились и два «каменных кургана, сложенные из гранитных плит». Археологической экспедицией Карельского государственного краеведческого музея (КГКМ)/Национального музея Республики Карелия во время раскопок неолитических стоянок на островах трижды проводилось обследование и мониторинг этих сооружений: в 2004, 2007 и 2012 годах [20; 21, с. 63–64]. По разработанной нами типологии для искусственных сложений из камней архипелага Кузова они получили название «курганообразные валунные сооружения с внутренней камерой» [13, с. 112].

Оба объекта располагаются на плоской площадке вершины на удалении в 10 м друг от друга. По состоянию на 2004 г. – это курганообразные кучи валунов с хорошо просматривающейся внутренней прямоугольной «камерой» с вертикальными стенками. Размеры по внешнему контуру первого (восточного) объекта: 4,5–5×5,2–5,7×0,7–1 м, второго (западного) – 2,4×3,8–4 м. Хорошо сохранились прямоугольные в плане стены сооружений, выложенные из естественных уплощённых валунов значительных размеров, без следов обработки (максимальные размеры – 0,7–1,2×0,4–0,5 м). Плоские валуны уложены на обший «фундамент» из одного ряда округлых камней. Ориентировка «камер» по длинной оси – запад–восток.

Наиболее интересное для нас западное сооружение исследовано И.М. Мулло в 1969 г. Оно было «раскрыто», то есть внутренняя часть освобождена от камней, и в таком виде уцелело до наших дней, что позволяет подробно его описать. Внутренняя узкая «камера» (1,8×0,7 м) имеет ровное дно и вертикальную выкладку стен плоскими гранитными плитами. Общая высота внутренних стен с чёткими прямыми углами – 1,4 м, кладки в центре – 1,1 м. Размеры камней – примерно 0,5–0,7×0,4×0,2 м. При создании данного сооружения отправной точкой было небольшое естественное углубление в скальной поверхности, так как современное дно «камеры» находится приблизительно на 0,3 м ниже общего уровня гранитной скалы, а её верхняя плоскость возвышается на высоту 1,4 м (рис. 4). «Верх курганного погребения тоже нарушен, когда в могильную яму не однажды были спущены основания деревянных крестов, закрепленных сброшенными в яму камнями. Первоначально яма была прикрыта каменными плитами, длиной более метра. На дне, на плитах лежал тонкий слой земли с кусками бересты и мелкие куски сгнившего креста» [11, с. 72].

Более крупный восточный курган по состоянию на 2012 г. полностью развален вандалами. Поэтому приведу его описание И.М. Мулло 1968 г.: «Верх его и частично стены настолько сильно разрушены, что без раскопок невозможно определить количество могильных ям в нем: две или три? Ямы завалены крупными плитами и камнями, при помощи которых поморы-мореплаватели укрепляли в них основания больших деревянных крестов. Не исключено, что здесь побывали и кладоискатели. У юго-западного угла кургана сохранилось полуразрушенное сооружение из каменных плит, вероятно, “могильный ящик”. Он был устроен из крупных каменных плит, поставленных ребром в виде четырехстенного ящика, закрытого сверху такими же плитами. Он также отчасти разрушен в связи с укреплением в нём основания деревянного креста» [11, с. 71].

Изначально два сооружения не имели форму «каменных куч», как это визуально воспринимается в современном состоянии из-за ссыпания находившихся в центре камней на периферию объекта. Это были две «домообразные» прямоугольные конструкции со стенами из специально отобранных и поднятых на вершину горы плоских плит. Вероятно, у сооружений первоначально существовала «крыша» из плоских камней, ныне находящихся с внешней стороны «стен». Возможно, у наибольшего, восточного объекта присутствовали деревянные балки «потолка», служившие основой для каменного перекрытия. Необходимо отметить огромные трудозатраты по поиску подходящего материала для строительства и возведению данных объектов. Большинство использованных для постройки камней могли перемещать не менее трёх человек.

И.М. Мулло определил эти объекты как «самые ранние из памятников архипелага, возникшие не позднее начала I тыс. до н.э.» и считал их погребальными сооружениями [11, с. 71]. Аналоги им он видел в «сооружениях эпохи бронзы на берегах Финского и Ботнического заливов Балтийского моря («hiidenkivas» – «чёрто-

Рис. 4. Остров Русский Кузов. Курганообразное валунное сложение с внутренней камерой

вы печи») [17, с. 27]. С «похоронным характером курганов» можно осторожно согласиться. Про датировку и соотнесение с той или иной археологической культурой ничего определённо сказать пока нельзя.

Вероятно, два «сложения с внутренними камерами» Русского Кузова были более ранними сооружениями, чем остальные рядом расположенные сложения, по той простой причине, что большинство из ныне существующих «столообразных камней с уложенными на них камнями» должны были бы стать исходным материалом при строительстве «курганов».

Предполагается, что сооружения на вершине 82,2 м над уровнем моря Русского Кузова являются составными частями единого «культового комплекса». «Стелообразная» конструкция и «сложения с внутренней камерой» определяются как «структурный центр культового ансамбля» [22, с. 84]. Вопрос о культурном и хронологическом единстве всех сооружений на данном участке остаётся открытым.

И.М. Мулло упоминает ещё об одном подобном, необследованном «погребении курганного типа» на вершине Безымянного острова, расположенного между островами Большого Немецкого Кузова и Тапаруха, и трёх на островах Большой и Средний Вороньи. «По своим габаритам и по технике кладки эти погребения уступают курганам на Лысой Горе. Отличаются они и по расположению на местности: устроены они на верхних береговых террасах островов, на высоте 6–8 м над уровнем моря. В центре у этих курганов имеется небольшое овальное углубление, образованное в связи с обвалившимся перекрытием могильной ямы. В одном случае в нем сохранились остатки прогнившего креста. Размеры курганов 3×4 м при высоте до 130 см. Основание их по периметру выложено из более крупных камней, плотно прилегающих друг к другу. Сферической формы верх курганов сложен в виде насыпи» [11, с. 72]. Это подробное описание позволяет предварительно, без натурных работ определить «курганы» на островах Большой и Средний Вороний как валунные основания многочисленных поклонных, обетных и памятных поморских крестов, в большом количестве устанавливаемых в акватории Белого моря в XVI – начале XX в.

Финская Лапландия. В отличие от ситуации в Русской Лапландии на огромной территории севера Финляндии проводятся значительные археологические работы по исследованию средневековых саамских древностей [23; 24]. Но, к сожалению, в районе рядом с валунными сложениями близ г. Ковдор известны только одна находка карельских и восточных вещей эпохи раннего металла [25, рис. 1] и единственный памятник археологии – охотничья яма Пеурахаара (Peurahaara) в 9,5 км к западу от государственной границы, найден-

ная П. Раутифинен в 2008 г. Данная ситуация отражает два момента: незначительность археологических обследований около границы и редкость древних поселений в местах таёжных водоразделов.

Опрос финляндских археологов, работающих на территории Финской Лапландии, при поиске древних аналогий «ковдорским сложениям» положительных результатов не дал.

Поиск определения функционального назначения

В нашем случае вопрос интерпретации назначения памятника, скорее всего, – наиболее сложный из стоящих перед нами. Часто бывает, что «таинственные культовые сооружения» при проведении нужного комплекса археологических изысканий в финале работы определяются как объекты с «простыми» утилитарными функциями. Частный пример из археологии Финляндии – более чем столетняя история изучения «гигантских церквей Похъянмаа». Сложные из камней большие каменные прямоугольные ограды (50×70 м), первоначально рассматривавшиеся как «храмы», «место сбора язычников» и т.п., после разносторонней аналитической работы были определены как специализированные укрытия на морском побережье для охотников на тюленя в позднем каменном веке [26].

Тема каменных сложений непонятного назначения на Северо-Западе России периодически поднимается в российской археологической литературе. При отсутствии находок обычно их абстрактно трактуют как надмогильные, жертвенные, обетные, обрядово-магические и культовые памятники, созданные в разное время [7, с. 70–73]. Предлагаются и более прозаичные версии: например, базовая часть деревянной конструкции памятного или определительного характера («навигационные», «имущественно-межевые знаки», «обетные» и «поклонные» кресты и т.п.), ритуальное или утилитарное помещение частей убитых животных (хранение в холодное время), печка-«каменка» или остатки домницы и т.д. [14, с. 272–274].

Без раскопок, только визуально, невозможно однозначно определить назначение валунных сложений. Часто раскопки очередной «перспективной» валунной «кучи» показывают, что мы имеем дело с обычными остатками крупной печи-«каменки». В ряде случаев их трактовка, даже после проведения археологических изысканий, остаётся очень гипотетичной.

«**Алтари**». Интересная интерпретация сложений «более или менее правильных геометрических форм с вертикальными стенками и уплощенным верхом», зафиксированных на Карельском перешейке и в Русской Лапландии (очень сходных с конструкциями на оз. Окунёвом), дана в коллективной статье археологов ИИМК РАН [7]. Опираясь на сведения, приведённые «отцом истории саамского народа» И. Шеффером, делается попытка рассмотреть их как составные части языческих саамских культовых обрядов.

В специальном разделе своего труда И. Шеффер описывает религиозные верования аборигенного населения Шведской Лапландии. Домашние алтари-жертвенники, существовавшие у каждой семьи саамов, устанавливали на некотором отдалении позади жилища около воды или скал. На этом месте из досок воздвигался «стол на ножках», на котором расставлялись идолы, изготовленные из дерева. «Этот стол служит чем-то вроде алтаря и бывает окружен ветками березы и сосны... В определенное время лопари собираются около сейдов, особенно в праздники или по случаю какого-нибудь тяжкого бедствия. Нарядившись в свое лучшее платье, подходят к идолу, молятся ему и вообще всячески выражают ему свою преданность и уважение. При этом приносят ему всевозможные жертвы, в частности, все самое лучшее, что есть в олене: жирное мясо и прочее, а также шкуру с рогами и копытами» [7, с. 72]. Каменные кладки сопоставляются с «семейными алтарями лапландцев» и относятся к более раннему времени, чем XVII в., когда была опубликована работа шведского учёного.

Участок, где находятся «ковдорские кладки», не похож на места размещения «лопарских жертвенников». По описаниям И. Шеффера, «сейды» обычно располагаются на голых скальных обнажениях около озёр, с хорошим обзором, резким перепадом высот или же на скалах около расщелин [27, с. 107]. Конечно, могут быть и исключения из общего правила, отмеченного сторонним наблюдателем в середине XVII в.

Погребальные сооружения. Если говорить об изучении погребальных и культовых мест саамов на территории Кольского полуострова, то археологические изыскания в этом направлении очень незначительны. Есть небольшая информация, что в 1910 г. шведский археолог Густав Халлстрём провёл раскопки саамских мест захоронений в Русской Лапландии [28]. В 1976 и 1977 гг. ленинградские антропологи И.И. Гохман и В.И. Хартанович и московский этнограф Т.В. Лукьянченко сделали натурный осмотр и обширные антропологические раскопки на саамских летних кладбищах XIX–XX вв. в деревнях Чальмны-Варрэ, Пулозеро, Варзино, посёлке Ловозеро [29]. Во всех случаях объектами раскопок становились «поздние» могильники XIX–XX вв. Сакральные объекты обследовались только один раз: М.М. Шахновичем в 2011 г. совместно с геохимиками результированно проверялись два пункта на полуострове Среднем [30; 31].

Интересные сведения мы можем почерпнуть из работ этнографов. Н.Н. Харузин приводит описания погребальных традиций саамов [32, с. 319–322]. В основном это наблюдения XVII–XIX вв., когда уже отмечается большое включение христианских элементов в обряд похорон «лапландцев». Для нас любопытны сведения Е. Горки «о могилах, раскопанных в скандинавской Лапландии»: «Древние могилы разнообразны. Обыкновенно встречаются следующие три вида их. Все они встречаются на отвесах гор, около священных гор, в недалеком расстоянии от капищ или на крутых берегах озёр или больших рек и берегу моря. Почва для них выбиралась каменистая. ... Третий вид могил состоит из вырытой четырехугольной ямы, стороны которой обкладываются неравными по величине камнями. В головах и ногах ставятся стоймя по большому плоскому камню. Все это покрывается плоскими камнями, наподобие черепичной крыши. Вследствие этого могила оказывается защищенной от ветров, дождя и нападений диких зверей. Могила имеет вид не-

большого каменного холмика. На некоторых могилах плоские камни, заостренные с одной стороны, были положены пирамидой. Обыкновенная длина могилы 3–4½ локтя, ширина 1–2 локтя, глубина ½ – 1 локоть (1,42–2,15×0,5–0,95×0,25–0,48 м – авт.). В каждой могиле находится всего лишь по одному костяку. Хотя и встречаются могилы, в которых лежат несколько костяков. Такие могилы соответственно этому имеют и большие размеры. Костяки часто находят завернутыми в куски бересты. ... Костяк лежал обыкновенно головой на запад или на юг, причем не на спине, а на боку. Нередко лицо повернуто на восток или юго-восток. ...» [32, с. 321–322]. Как видим, по описанию третий тип могил близок к сложениям около г. Ковдор.

В принципе, на такое табуированное сакральное действие, как погребение по языческому обряду, вряд ли допускались христианские миссионеры. Поэтому имеющиеся сведения XVIII–XIX вв. касаются исключительно «официальных» похорон на погостах и могут нам помочь очень незначительно. Единственно, И. Шеффер отмечает: «Насколько мне известно, лопари всегда стараются унести тело подальше от дома. ... К числу особенностей этого погребения относится еще и то, что лопари оставляют на кладбище всю одежду, в которой лежал покойник, и сани, на которых лежал гроб» [27, с. 113–114]. «У саамов на каждом кладбище ориентировка могил единая, но обычно она не связана с направлениями сторон горизонта, а в большей степени учитывает местные ориентиры» [33, с. 184–185]. По сведениям Н. Харузина, войти в подземную страну мёртвых можно только через озёра или скальные трещины. Погребения колдунов производились далеко от погоста, и тело укладывали в могилу боком или лицом вниз [32, с. 157, 232].

В качестве аналогии можно привлечь этнографические данные по погребальной обрядности тундровых ненцев, для которых характерны наземные захоронения. Она описана в трудах путешественников и исследователей конца XVIII – начала XX в. [34–37]. Священник Н. Герасимов пишет, что обдорские «самоеды большей частью хоронят своих усопших поверх земли в деревянных срубках». К.Д. Носиловым отмечены захоронения в половинках лодки, установленных в срубке. Н.А. Костров и К. Рычков обратили внимание, что некоторые группы восточных ненцев иногда делали захоронения на помосте или лабазе. Конструкция погребального сооружения однотипна для всех групп ненцев. В Большеземельской и Канинской тундрах наземные погребения сохранились до наших дней. Гроб изготавливают без единого гвоздя в виде четырёхугольного ящика, скреплённого системой горизонтальных и вертикальных планок, которые значительно возвышаются над гробом [38]. На современных кладбищах около посёлков в Ямало-Ненецком автономном округе можно наблюдать большие деревянные ящики, куда укладываются тело и вещи, а рядом – перевёрнутые нарты. Погребения располагаются свободно, отдельными «семейными» группами. Места могильников считаются строго табуированными.

Однако по итогам археологических и геохимических работ на оз. Окунёвом можно утверждать, что раскопанная кладка была «пустой»: под камнями не было повышенного содержания фосфора – основного показателя наличия погребения. Небольшой антропогенный фон присутствовал только на внешней периферии кучи. То же наблюдалось и у других рядом расположенных сложений. Таким образом, костные останки отсутствовали внутри трёх исследованных кладок в группе 1. Конечно, нельзя исключить возможность других форм погребальной обряды, например кенотафы и т.п., но всё же «могильная» гипотеза теперь представляется нам очень расплывчатой.

Tirri-кучи.⁵ В 2009 г. в районе Киттиля (Финская Лапландия) в ходе археологической разведки, проводимой Пирьё Райтиайнен (Pirjo Rautiainen), в трёх местах (Haurespää, Pitsloma, Porkonen) зафиксированы несколько крупных валунных сложений – так называемые tirri-кучи («постройка над землёй, чум» – фин.). По законодательству о производстве горных работ Великого княжества Финляндского начала XX в. (до 1918 г.) на территории, отведённой под разработку карьеров или рудников, фирмы-заявители до начала вскрышных работ, чтобы «застолбить» отведённый участок, должны были возводить специальные «знаки оккупации». Район делился на квадраты, отмеченные столбами, в которых создавались или специальные tirri-кучи или небольшие шурфы (2–3 кв. м). Кладки делали из собранных вручную камней, находившихся поблизости. Иногда кучи создавали поверх деревянной рамы. Tirri-кучи в округе Киттиля возведены в период 1916–1918 гг. [39, с. 3–4; 40, с. 38; 41; 42, с. 41–63]. Этот район Финляндии известен интенсивными разработками железорудных месторождений и золота, и данные сооружения по правилам Музейного Ведомства Финляндии относятся к группе индустриальных или исторических памятников начала XX в.

Есть подобные сооружения и на приграничных территориях России. В 1985 г. в окрестностях г. Выборга археологами ЛОИА АН СССР В.А. Тюленевым и А.Н. Кирпичниковым открыты 19 валунных сложений, подпрямоугольных или квадратных в плане (1×2,5×0,7–1,2 м), с плоским верхом и вертикальными стенками из крупных, плотно подогнанных камней, расположенных полосой длиной до 80 м по склону горы. Идентичные кладки найдены А.В. Субботиным и в урочище «Большое поле», в 21 км к западу от г. Выборга [43, с. 37; 7, с. 65–68]. На Кольском полуострове сходные одиннадцать валунных куч (размерами 7–10×2–3×1,8 м) зафиксированы в 2006 г. А.М. Жульниковым на первой и третьей морских террасах недалеко от лабиринта около г. Кандалакши [4, с. 31]. Определённо мы можем говорить только об их «позднем» возрасте и утилитарном назначении (складирование валунного сырья или tirri-кучи).

Особо обратим внимание на рациональную систему возведения tirri-куч на местности в Лапландии. Эти пункты создавали на значительном расстоянии друг от друга – от 0,3 до 0,7 км и от 0,1 до 0,17 км, отмечая, вероятно, крайние точки заявленной территории, или располагали в одну линию по склону холма через ин-

⁵ Материал предоставлен доктором философии Пирьё Уйно.

тервалы 0,15–0,25 км. Это очень не похоже на ситуацию, наблюдаемую на оз. Окунёвом, где на небольшом участке площадью в 1500 кв. м (30×50 м) стоят девять сложенных на удалении друг от друга от 7 до 18 м.

Отметим хорошо заметные отличия в конструкциях *tirri*-куч в Киттиля и «ковдорских» сложенных. Первые более массивны и имеют значительно бóльшие размеры: 3×3×1,2 и 3×2×1,5 м, выкладывались единым «блоком», без членения на «стенки» и внутреннюю «засыпку», отсутствуют «низкие» кладки. Несомненно, мы понимаем, что приведённые признаки могут быть следствием очень субъективных причин, например различных представлений старост артелей о внешнем виде *tirri*-куч.

На наш взгляд, основным критическим доводом против идентифицирования «ковдорских платформ» как *tirri*-куч является то обстоятельство, что оз. Окунёвое никогда не находилось на территории Великого Княжества Финляндского. Кроме того, и до настоящего времени по обеим сторонам государственной границы этот участок водораздела Лапландии является «медвежьим углом», где какие-то лесные дороги проложены не так давно – только в 1970-х гг., и вовлечь его в какое-либо промышленное освоение, на наш взгляд, в начале XX в. было очень затратным мероприятием. Кроме того, на восточном берегу озера отсутствуют характерные геологические шурфы – явные признаки геологоразведочной деятельности.

Выводы

Валунные сложения на оз. Окунёвом дали импульс для долгих дискуссий в нашей рабочей группе. Визуальные наблюдения, археологические и геохимические исследования позволяют критически отнестись к возникшим гипотезам о связи каменных объектов с военными действиями, промысловыми сооружениями (место хранения добычи или снаряжения), геодезическими пунктами, участками складирования каменного сырья, следами деятельности православных монахов, местами железодельного производства и т.п. предположениям.

Первоначально, до получения данных геохимического анализа проб, взятых на территории комплекса, основной обрабатываемой версией была рабочая гипотеза о погребальном характере наземных сложенных, и как возможные «авторы» памятника рассматривались саамы. Но теперь мы не можем точно утверждать, что это могильные сооружения «лапландцев». Опять же памятник находится в 70 км к западу от известного по письменным источникам Бабинского погоста на р. Ене.

При современном состоянии информационной базы мы считаем, что аргументация, достаточная для каких-то окончательных утверждений относительно функции и культурной принадлежности данных валунных сложенных, отсутствует. Несомненно, многие высказанные построения и выводы умозрительны и «повисают в воздухе». Возможно, продолжение работ на новых объектах подобного типа или привлечение дополнительных методик датирования позволят «пролить свет» на «таинственные каменные платформы» около г. Ковдор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Пация Е.А., Петров В.П. Сохранение научного и культурного наследия в музеях Кольского научного центра // Природопользование в Евро-Арктическом регионе: опыт XX века и перспективы. Апатиты, 2001.
2. Шумкин В.Я. Исследования на Кольском п-ове // АО–1983. М., 1984.
3. Шумкин В.Я., Мурашкин А.И., Колтаков Е.М. Археологические памятники о. Кильдин и прилегающего участка побережья Кольского полуострова // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006.
4. Жутьников А.М. Отчет о работах Беломорской археологической экспедиции КГКМ в 2006 году // Научный архив НМРК. Д. 5632.
5. Шумкин В.Я. Исследование Кольского полуострова // АО–1985. М., 1987.
6. Шумкин В.Я. Отчет о работе Североморского отряда ЛОИА АН СССР за 1985 г. // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1985. Д. 112.
7. Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование / А.Н. Кирпичников, В.А. Назаренко, А.И. Сакса, В.Я. Шумкин // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992.
8. Куратов А.А. Древние лабиринты Архангельского Беломорья. К вопросу о назначении каменных лабиринтов Северной Европы // Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1973.
9. Мартынов А.Я. Археологические памятники Соловецких островов как источник изучения верований беломорского населения в III–I тыс. до н.э. // Реконструкции древних верований: источник, цель, метод. СПб., 1991.
10. Мартынов А.Я. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск, 2010.
11. Мулло И.М. Памятники древней культуры на Кузовых островах // Археология и археография Беломорья. Архангельск, 1984.
12. Шахнович М.М. «Наземные каменные памятники» на островах Кузова в Белом море и И.М. Мулло. Хроника сложения «саамского» мифа // Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006.
13. Шахнович М.М. К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море // Природное и культурное наследие Северной Фенноскандии. Петрозаводск, 2003.
14. Шахнович М.М. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005.
15. Косменко М.Г. Каталог археологических памятников приморской зоны южного и западного Беломорья // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск, 2007.
16. Демидов И.Н. История развития ландшафтного заказника «Кузова» в Белом море в позднее- и послеледниковье // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Петрозаводск, 2002.
17. Мулло И.М. Отчет о работе научных сотрудников КГКМ на островах Кузова в 1972 г. // Научный архив НМРК. Д. 5359.
18. Мулло И.М. Отчет о работе экспедиции Карельского государственного музея на островах Белого моря за 1969 и 1970 годы // Научный архив НМРК. Д. 5356.

19. Проект зон охраны памятников археологии на островах Кузова в Кемском р-не РК // Архив Республиканского центра по государственной охране объектов культурного наследия МК РК. Т. 1. Петрозаводск, 1993. Д. 1–138–А.
20. *Тарасов А.Ю., Шахнович М.М., Мартынов А.Я.* Стоянка Немецкий Кузов III в Белом море – мастерская по первичной обработке кварцевого сырья // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006.
21. *Шахнович М.М.* Работы Северокарельской экспедиции // АО–2007. М., 2010.
22. *Манюхин И.С., Шахнович М.М.* Культурные комплексы древних саам на территории Северной Карелии // Памятники древних культур лесной полосы Евразии. Петрозаводск, 1993.
23. *Карпелан К.* Археологические исследования в местах саамских зимних поселений в Инари (Финская Лапландия) // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992.
24. *Торвинен М.* Новые археологические исследования в Лапландской губернии Северной Финляндии // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992.
25. *Сакса А.И.* Приполярная Финляндия на рубеже I и II тысячелетий н.э. // КСИА. Вып. 200. 1990.
26. *Пурхонен П.* Гигантские церкви Похъянмаа // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992.
27. *Шеффер И.* Лапония // Живая Арктика. Мурманск, 2008.
28. *Третьякова Ю.П.* Археолог Густав Халлстрем (1880–1962) – исследователь древней истории Северной Скандинавии и Русской Лапландии (по материалам архива университета Умео) // Ушаковские чтения. Вып. III. Мурманск, 2006.
29. *Лукьянченко Т.В.* О некоторых особенностях погребального обряда кольских саамов // Природа и хозяйство Севера. Вып. 9. Мурманск, 1981.
30. *Кулькова М.А., Шахнович М.М.* Опыт комплексного археолого-геохимического исследования культовых памятников Мурманского Заполярья (п-ов Средний) // Первобытные древности Евразии. М., 2012.
31. *Кулькова М.А., Шахнович М.М.* Археолого-геохимическое исследование сакральных объектов Западного Мурмана (п-ов Средний) // Комплексные исследования природы Шпицбергена. Вып. 11. М., 2012.
32. *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М., 1890.
33. *Manker, E.* Lappmarksgravar. Dödsforeställning och gravskik i Lappmarkerna // Acta Lapponica. XVII. Stockholm, 1961.
34. *Кастрен М.А.* Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849. Т. 6. М., 1860.
35. *Иславин В.* Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.
36. *Фини О., Брэм А.* Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882.
37. *Житков Б.М.* Полуостров Ямал. М., 1913.
38. *Лар Л.А.* Представления о смерти и погребальные обряды ненцев в XVIII – начале XX в. // Известия Уральского государственного университета. № 49. Екатеринбург, 2007.
39. *Rautiainen, P.* Tarkastuskertomus. Pitsloma – Haurespää – Porkonen. Vanhan kaivostoiminnan jälkiä. Kittilä, 2009.
40. *Rautiainen, P., Jansson, H., Taivainen, J., Vauramo, A.* Arkeologina Metsähallituksen luontopalveluissa ja metsätaloudessa // Arkeologia Suomessa – Arkeologi i Finland. 2007–2008. Helsinki, 2012.
41. *Hackman, V.* Studien über den Gesteinaufbau der Kittilä-Lappmark. Helsinki, 1927.
42. *Välitalo, L.* Porkosen-Pahtavaaran alueen rautamalmikentän historiaa // Lapin tutkimusseuran vuosikirja 8. Rovaniemi, 1967.
43. *Тюленев В.А.* Выборгская экспедиция // АО–1985. М., 1987.

*Национальный музей Республики Карелия,
Петрозаводск*

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург*

M.M. Shakhnovich, M.A. Kulkova

AN EXPERIENCE OF ARCHAEOLOGICAL STUDY OF BOULDER CONSTRUCTIONS IN EASTERN FENNOSCANDIA: “KOVDORSKIYE PLATFORMS”

Summary

Interesting boulder constructions were studied in 2012 in the south-western part of Kola Peninsula, near Kovdor city. Here had been found the group from 26 boulder heaps. They have a rectangular shape with flat walls of height at 0,9 m. They remained boxes. The geochemical and archaeological investigations did not give any answers about the age and function of these original objects. In this article the analogies in the nearest region of White Sea, in Kola Peninsula and Finnish Lapland for these archaeological objects were considered. The hypotheses about attribution of these objects to burial objects and geological signs of XX century were suggested.

*M.M. Shakhnovich
National Museum of the Republic of Karelia,
1, Lenina Sq., Petrozavodsk, Republik of Karelia, 185035, Russian Federation
E-mail: Marksuk@onego.ru*

*M.A. Kulkova
A.I. Herzen State Pedagogical University,
48/12, Moika Emb., Saint-Petersburg, 191186, Russia
E-mail: kulkova@mail.ru*

Г.Н. Базлов

КИЛП-ЯВРСКОЕ МЕГАЛИТИЧЕСКОЕ СООРУЖЕНИЕ (КРОМЛЕХ)¹

Время открытия памятника

Кромлех был найден в июне 2011 г. во время подъёма на гору с названием «310-я сопка». В августе – сентябре 2011 года была организована повторная экспедиция, которая провела измерение и подробное фотографирование памятника. Вторая экспедиция подтвердила и скорректировала некоторые выводы первой. Кромлех находится вблизи территории закрытого военного гарнизона аэродрома Килп-Явр (до Великой Отечественной войны) и поэтому прежде был практически недоступен для исследователей.

Географическое расположение кромлеха

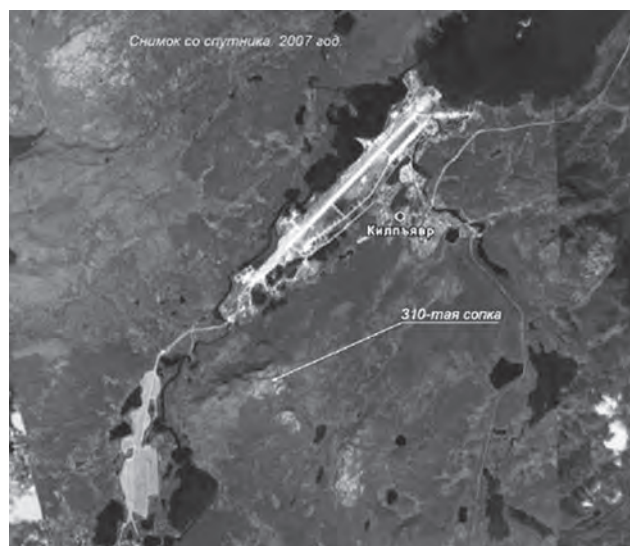
Памятник расположен в Кольском районе Мурманской области, в пяти километрах от посёлка Килп-Явр (Килпъявр, Голубое озеро с саамского языка), на «310-й сопке». Приблизительно в 30 км к северу от памятника проходит береговая линия побережья Баренцева моря и расположена знаменитая «Ура-губа».

Кромлех достаточно хорошо прослеживается на фотографиях поверхности, сделанных со спутника и выложенных в свободный доступ в сетях Интернет. На них чётко выделяются крупные камни кромлеха (ил. 1, 2).

Памятник расположен на самом краю склона сопки с её северо-восточной стороны. Именно эта сторона возвышенности позволяет без особого труда подняться на сопку к памятнику. С прочих сторон – обрывистые скалы. К тому же сопка окружена петлёй р. Ура, что сильно затрудняет подход к памятнику с других сторон. Отметим, что с северо-востока памятник виден невооружённым глазом с расстояния более чем

Ил. 1. Место расположения кромлеха на Кольском полуострове

Ил. 2. Место расположения «310-й сопки» на аэрокосмическом снимке. 2007 г.

¹ Доклад был прочитан автором 31 марта 2012 г. в Твери на заседании научно-методического семинара «Тверь, тверская земля и сопредельные территории в древности», а позднее размещён в Интернет в материалах сайта busa.su/ статьи.

Ил. 3. Вид на кромлех с северо-востока

Ил. 4. Вид на овальную выкладку и кромлех с северо-востока

Ил. 5. Вид на овальную выкладку, расположенную снаружи кромлеха, с северо-востока

пять километров (ил. 3). Вероятно, это одна из причин, по которой строители выбрали место для установки мегалитов на северо-востоке возвышенности. Недалеко от кромлеха, на вершине, в южном направлении от него есть несколько небольших водоёмов, вероятнее всего, питающихся талой водой. Вокруг кромлеха, на разном удалении расположены камни, часть которых предположительно можно отождествить с сейдами. Большинство характеристик, присущих этим валунам, совпадает с основными признаками сейдов, сформулированными В. Мизиным в работе «Сейды и мегалиты русской Арктики...» [1]. Кроме того, на северо-восточном склоне горы, примерно в 32 м от кромлеха, рядом с группой валунов нами была зафиксирована овальная выкладка из небольших камней, почти достигающая метрового диаметра (ил. 4, 5). Следы обжига и прокаливанию на камнях не обнаружены. В центре выложенного овала растёт достаточно густой и высокий ягель, что косвенно может свидетельствовать о давности сооружения выкладки, возможно, и до появления здесь посёлка Килп-Явр. Большинство исследователей считают подобные овальные выкладки ритуальными сооружениями саамов [2, с. 349; 3, с. 82–86; 4, с. 26–35].

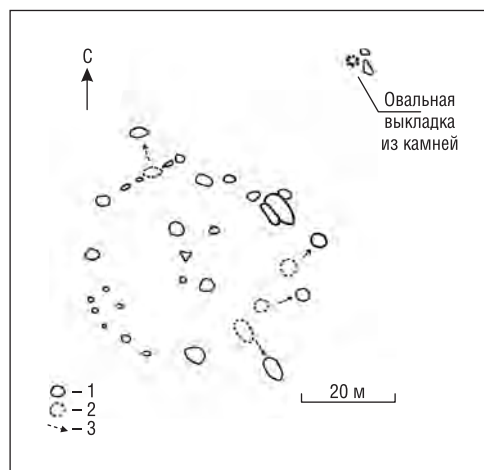
Описаны случаи, когда рядом с большим валуном-сейдом выкладывался овал из маленьких камней. Случаи такой композиции в Карелии и на Кольском полуострове приводят И.С. Манюхин и ряд других исследователей [2; 3, с. 82–86; 5, с. 66–70; 6, с. 228; и др.]. Это соседство овальных выкладок с большими валунами, на мой взгляд, представляется далеко не случайным, служа своеобразным подчёркиванием «сакральности» места. Это обстоятельство в сочетании с расположенными рядом сейдами и качающимися камнями даёт нам основание считать Килп-Яврский кромлех не отдельным памятником, а целым мегалитическим комплексом.

Планировка и размеры

Кромлех представляет собой выкладку из валунов различной величины в виде круга диаметром около 40 метров (ил. 6–8). Примерно половина из них достигают в высоту нескольких метров и весят несколько тонн. Камни «маленького» размера – сотни килограммов. Минеральный состав валунов: граниты и гнейсы, характерные для Кольского полуострова. Строго на северо-востоке кромлеха расположен самый крупный валун белого цвета. Его высота около 2,76 м, длина – около 7 м, толщина – около 3 м (ил. 9). С внутренней стороны кромлеха у подножия главного мегалита лежит плоская плита белого цвета, расколовшаяся на четыре части (ил. 8). Её условно можно называть «алтарная плита». Это название напрашивается из логики архитектуры сооружения. Её ширина составляет около 2,5 м, а длина – порядка 5,5 м. Посередине плиты, около центра раскола заметно изменение цвета породы – пятно с рыхлой каменной крошкой, напоминающее следы прокаливания. Не исключено, что некогда в этом месте «алтарной» плиты разводили костёр. Справа и слева от главного мегалита размещены два крупных, высоких камня тёмного цвета. Остальные расположены по окружности. Высота камней, образующих окружность, постепенно понижается с северо-востока на юго-запад. И на юго-западной стороне, напротив «лежачего валуна», находятся совсем небольшие камни – около 0,5 м высотой.

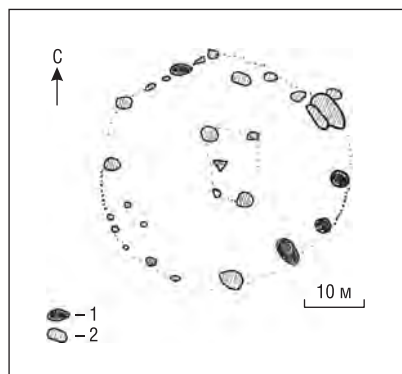

Ил. 6. Вид на кромлех с юго-запада

Ил. 7. План-схема кромлеха у Килп-Явра:

1 – камни в современном положении; 2 – предполагаемое место размещения камней; 3 – склон от кромлеха, по которому съехали камни

Ил. 8. План (реконструкция) Килп-Яврского кромлеха:

1 – камни кромлеха в положении in situ;
2 – реконструируемые камни, смещённые в результате сейсмической активности

Ил. 9. Вид на самый крупный валун (2,76×7×3 м) кромлеха и «алтарную плиту» перед ним изнутри кромлеха, с юго-запада

Четыре крупных валуна смещены наружу из кольца. Один – с северной стороны и три – с юго-восточной. Именно в этих местах около кромлеха начинается наиболее крутой каменистый склон. Вероятно, из-за сейсмической активности, которая не редкость на Кольском полуострове, они съехали несколько ниже того места, где были изначально установлены строителями. На предложенном плане их предположительные места прежнего расположения обозначены пунктиром. Стрелочки отмечают ярко выраженное направление крутого склона. Подчеркнём, что в других местах на краях каменной окружности таких крутых склонов нет, соответственно, и съезжать, смещаться прочие камни не могли. Вероятно, это и объясняет их правильное положение в кромлехе. Почти посередине каменного круга находится невысокий, светлый, необработанный треугольный камень вершиной вверх. С юго-западной стороны, прямо напротив главного мегалита – створ из двух камней около полуметра высотой. Если смотреть через этот створ на главный мегалит, то треугольный – центральный – камень оказывается ровно в центре «каменного целика», наподобие оружейной мушки, и линия «прицеливания» указывает ровно в центр главного мегалита.

Таким образом, отчётливо прочитывается ориентировка памятника по линии юго-запад – северо-восток. Это подчёркивается:

- понижением высоты камней с северо-востока на юго-запад;
- направлением «линии прицеливания» через створ;
- размещением на северо-восточной стороне памятника крупного мегалита – «лежачего камня».

Аналогии

Обычные кромлехи встречаются по всей территории Британских островов и на континенте в Бретани, «лежачие кромлехи» характерны для северо-востока Шотландии (ил. 10, 11) и юго-запада Ирландии (каменный круг Дромбег близ Роскарбери, графство Корк). Они датируются приблизительно 3000 г. до н.э. Обычно «лежачий кромлех» представляет собой круг из крупных камней, среди которых имеется крупный, лежащий на ребре валун, к которому примыкают два наибольших камня композиции, по одному с каждой стороны (ил. 10).

Как и в Килп-Яврском кромлехе, в Шотландии камни чаще всего ранжированы строго по высоте так, что по мере удаления от «лежачего камня» их высота уменьшается, и самые низкие находятся напротив «лежачего валуна». Нередко внутри «лежачих кромлехов» находятся кольцевые камни и кремированные останки. «Лежачие кромлехи» северо-востока Шотландии и юго-запада Ирландии сближает с нашим заполярным памятником также то, что в основе их планировки, как правило, прочитывается та же самая ось: северо-восток – юго-запад. Однако главный мегалит – «лежачий камень» – расположен в противоположной стороне, нежели в Килп-Яврском кромлехе, – на юго-западе.

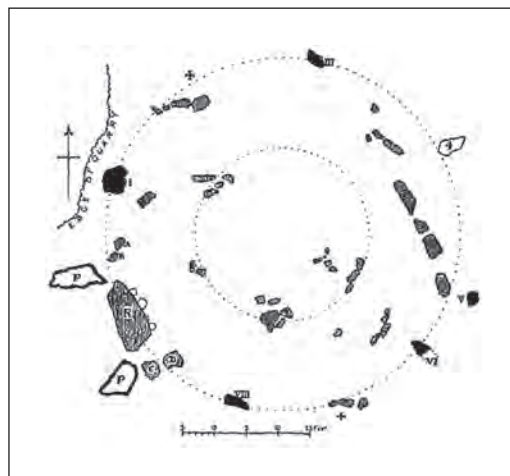
Знаменательно, что не только у кромлехов с «лежачими камнями», но и у значительного числа кромлехов Британских островов в основе планировки лежит осевая линия северо-восток – юго-запад. Знаменитый Стоунхендж – не исключение (ил. 12). Более того, можно утверждать, что ориентировка кромлехов по линии северо-восток – юго-запад является принципиальной и лежит в основе концепции построения многих каменных кругов [7, с. 214–220; 8, с. 240; и др.].

Астрономия и мифология

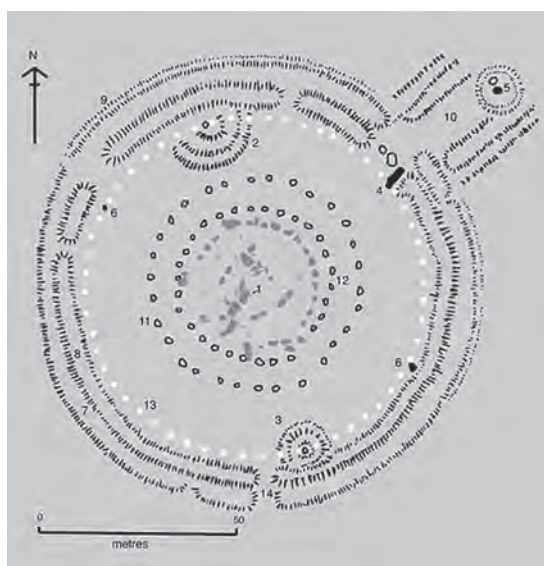
Некоторые особенности расположения памятника сразу же наводят на мысль о солярном культе, связи с ним Килп-Яврского кромлеха. Как я уже упомянул, подниматься на гору к памятнику и наблюдать издалека

Ил. 10. «Лежачий кромлех». Томнавери (Tomnaverie), Шотландия

Ил. 11. «Лежачий кромлех». Томнавери (Tomnaverie), Шотландия. План-схема

Ил. 12. Стоунхендж. Графство Уилтшир. Англия. План-схема

невооружённым глазом кромлех удобно только с северо-восточной стороны. При взгляде на «310-ю сопку» с этого направления из посёлка Килп-Явр, мы отмечаем, что именно над ней в январе появляются сначала полярные зори, а потом впервые поднимается из-за горизонта солнце. Памятник, по моему мнению, маркировал место встречи светила после изнурительной полярной ночи. Каждый житель Заполярья знает, какой это долгожданный и радостный день. Появление солнца знаменует приход полярного дня, начало радостного и светлого периода года.

На внешней стене главного белого мегалита, именно со стороны смотрящих на встающее солнце (с северо-востока) находятся округлые барельефы естественного происхождения в виде выпуклых кругов. Некоторые из них подверглись сильной эрозии, иные хорошо заметны. Трудно сказать, был ли камень развёрнут в это положение строителями или расположение естественных барельефов случайно совпало с направлением взгляда на восходящее солнце, но можно утверждать, что это совпадение было бы замечено древними людьми, приходившими к Килп-Яврскому кромлеху, и воспринималось бы как священный символ.

На бытование некогда в этом регионе культа воскресающего после полярной ночи солнца может указывать название расположенного невдалеке посёлка Пяйеве и реки Пяйве. Это слово переводится с языка лопарей-саамов как имя бога-солнца, он же бог дня недели – воскресения, – Пейве или Бейве, Пейве Айлек (Peive aeilek).

В заключение хочется добавить, что есть основания предполагать существование других не обнаруженных пока культовых мегалитических объектов в непосредственной близости от Килп-Яврского кромлеха. Безусловно, памятник требует дальнейшего более тщательного археологического изучения².

² Выражаю признательность за ценные советы и помощь в работе М.М. Шахновичу (Петрозаводск), В.В. Хухареву (Тверь) и П.В. Макагонову (Москва).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мизин В. Сейды и мегалиты русской Арктики (контуры полярной мегалитической цивилизации) // <http://lah.ru/text/mizin/seid-titel.htm>
2. Манюхин И.С. Саамы (культовые памятники) // Археология Карелии / отв. ред.: М.Г. Косменко, С.И. Кочкуркина. Петрозаводск, 1996.
3. Манюхин И.С., Шахнович М.М. Культовые комплексы древних саамов на территории Северной Карелии // Памятники древних культур лесной полосы Евразии. Петрозаводск, 1993.
4. Шахнович М.М. Культовый комплекс на горе Воттоваары (итоги работ в 1993 г.) // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 2. Петрозаводск, 1994.
5. Мулло М.М. Памятники древней культуры на Кузовых островах // Археология и археография Беломорья. Соловки, 1984.
6. Мартынов А.Я. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск, 2010.
7. Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадки тайны Стоунхенджа. М., 1973.
8. Хокинс Дж. Кроме Стоунхенджа / перевод П. Гурова. М., 1977.

*Тверской областной историко-этнографический клуб «Белый волк»,
Тверь*

G.N. Bazlov

KILP-YAVRSKOYE MEGALYTIC SANCTUARY (CROMLECH)

Summary

The article deals with the calculation from boulders of various size in the form of a circle with a diameter about 40 meters. Some stones are several meters high and weigh some tons. The monument was found in the poorly-studied region of the Kola Peninsula in Murmansk region, five kilometers from the settlement of Kilp-Yavr. Approximately in 3 km to the North from a monument there passes the coastline of the coast of the Barents Sea. Near a cromlech the small oval calculation from big boulders is recorded. Planning of stones of a cromlech and its site allow to suppose a certain «sacrality» of a place and to refer the revealed Kilp-Yavrsky cromlech to the cult megalytic complexes of Sami demanding further attentive studying.

*Tver Regional Historical and Ethnographic Club “White Wolf”,
Tver
E-mail: vookk@mail.ru*

А.Е. Беличенко, А.Я. Мартынов, Н.С. Потуткин

ГОРОДИЩЕ ПОДГОРНОЕ (ВЕЛЬСКИЙ РАЙОН АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ): РАСКОПКИ 2011–2012 ГГ.

Городище Подгорное (Поташевское) находится на правом берегу р. Устья напротив места впадения в неё р. Кокшеньги, представляет собой часть террасы высотой более 30 м над зеркалом воды в реке. От napольной стороны памятник отделён двумя оврагами, а также искусственным рвом, соединяющим их. Площадка поселения, ров и овраги задернованы, заросли смешанным лесом и кустарником. В процессе предварительного осмотра памятника в 2010 г. на его площадке были зафиксированы более 80 грабительских ям, «закопшек» и иных повреждений культурного слоя общей площадью около 30 кв. м.

История изучения

Первое краткое описание городища Подгорное (Поташевское) появилось в книге П.С. Ефименко «Заволоцкая чужь» в 1869 г. [1, с. 11–12]. По свидетельству А.А. Куратова [2, с. 14–15], первые раскопки памятника, в результате которых удалось обнаружить остатки обуглившихся срубов, а также две каменные лестницы, ведущие на юг и на север, были осуществлены экспедицией Вельского краеведческого музея в 1940 г. (отчёт не сохранился, более подробными сведениями авторы не располагают). О.В. Овсянников обследовал городище дважды. В ходе фрагментарных раскопок 1979 г. ему удалось проследить в зачистке фрагменты обуглившейся деревянной конструкции, в раскопе (16 кв. м) – остатки сгоревшей деревянной постройки со следами глиняной обмазки, а также обломки гончарной глиняной посуды и железное кресало, характерные для XIV–XV вв. [3, с. 22]. При обследовании памятника А.Я. Мартыновым в 1977 г. на городище был заложен шурф (1 кв. м), в котором зафиксированы два разновременных горизонта культурного слоя. В верхнем слое (тёмно-серый песок) были обнаружены средневековая лепная и гончарная керамика и фрагмент неопределённого железного предмета, в нижнем горизонте (белёсый песок) – кремнёвые отщепы и фрагмент ножевидной пластины [4, с. 20–21]. Стационарные исследования городища осуществлены объединённой археологической экспедицией Соловецкого музея-заповедника и Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова в 2011–2012 гг. [5, с. 13–47; 6, с. 6–52].

Топография памятника

Площадка городища представляет собой неправильный пятиугольник с наиболее длинной стороной вдоль обрыва реки. Длина юго-юго-западной стороны площадки – 95 м, западной – 30 м, северо-западной – около 45 м, северо-восточной – 45 м, восточной – 50 м. Высота южной «стены» городища над зеркалом воды составляет 32 м. В восточной части городища зафиксирован ров, отделяющий его территорию от napольной стороны. Размеры рва: длина – около 40 м, глубина – от 3 до 4 м. Вал высотой до 1 м прослеживается с восточной и частично с северо-восточной сторон напротив рва. Размеры сохранившейся части вала: длина – около 40 м, ширина основания – 2,5–3 м (рис. 1). Площадь укреплённого поселения превышает 4500 кв. м, с учётом территорий, задействованных в хозяйственной деятельности и обороне городища (овраги, ров, проезды, остатки построек и земляных сооружений на естественных возвышениях и склонах оврагов с napольной стороны), она равна примерно 10000 кв. м.

Раскопки 2011 года

В 2011 г. в западной части площадки городища был заложен раскоп площадью 64 кв. м. Для изучения культурного слоя в разных местах поселения прокопаны два шурфа площадью по 8 кв. м, выполнены зачистки стенок трёх грабительских ям и зачистка среза обрыва. Общая площадь раскопок составила 90 кв. м [5, с. 2, 20].

Культурный слой в основном раскопе разобран 3–6 условными горизонтами. Верхние горизонты (до отметки 25 см от современной дневной поверхности) представляют собой пахотный слой (серый гумусированный песок), насыщенный разновременным материалом (кремнёвые отщепы и сколы, обломки стенок лепных и гончарных сосудов, осколки стекла, фарфора и фаянса, фрагменты металлических предметов, гвозди и т.д.). Культурный слой на уровне горизонтов 3–6 сохранился в основном в состоянии *in situ*.

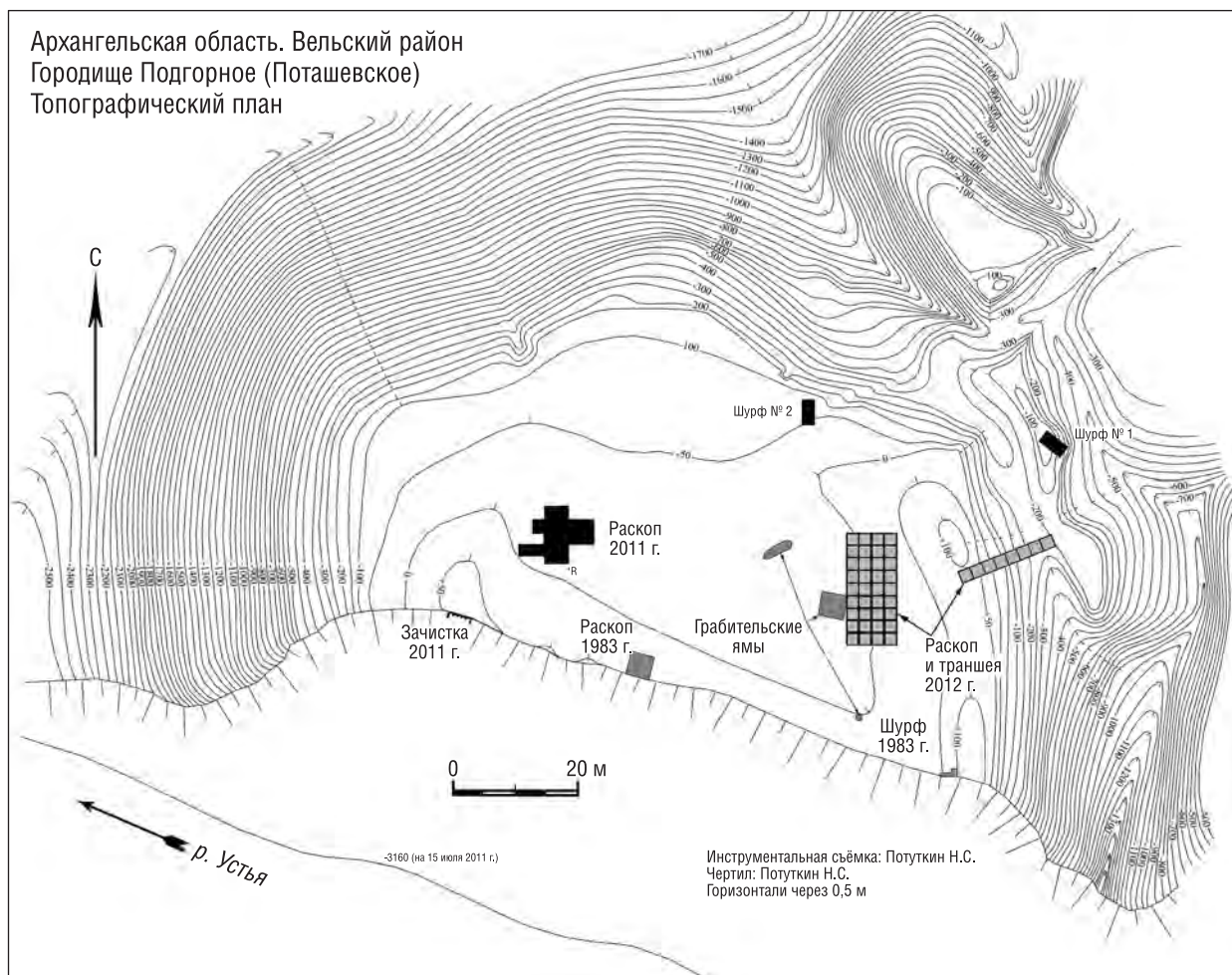

Рис. 1. Городище Подгорное (Поташевское). Топографический план

При вскрытии нижних горизонтов были обнаружены остатки сгоревшей постройки (кухни) и примыкающего к ним фундамента печи-каменки. Общая площадь кухни составляла около 8 кв. м. Фундамент печи представляет собой толстую (до 15 см) линзу обожжённой глины прямоугольной формы размерами 1,0×0,8 м (рис. 2). В раскопе, шурфах и зачистках собрана большая коллекция предметов древности XII–XIX вв. Особый интерес представляют сотни фрагментов лепной и гончарной керамики с разнообразной орнаментацией. Орнамент нанесён по тулову, шейке и привенчиковой части сосудов. Все сосуды – плоскодонные, изготовлены с использованием ручного гончарного круга из глины с примесью песка и дровяной стружки. В коллекцию индивидуальных находок входят железные наконечники боевых и охотничьих стрел, пластинка от доспеха, сверло, рыболовные крючки, ножи, кованые гвозди, шило, пряжка, а также ружейный (кресальный?) кремь, свинцовая пломба, фрагмент шахматной фигурки, выточенной из кости на токарном станке.

В шурфе № 2 были обнаружены остатки сгоревших брёвен, которые предположительно относятся к упавшей крепостной стене. В пахотном слое зафиксировано множество разновременных артефактов, в том числе кованый наконечник боевой железной стрелы и фрагмент ножа, в нижней части культурного слоя рядом с фрагментами брёвен обнаружен железный кованый топор со сломанным обухом.

При обследовании естественно разрушающегося южного склона террасы, участка берега реки под городищем, а также отвалов грабительских ям с помощью металлоискателя было обнаружено большое количество железных предметов: наконечники пики и стрел, ножи, кольчужное кольцо, прорезные кресала, пряжки, рыболовные крючки, серп, кованые гвозди, фрагменты замков и ключи к ним. Общее количество находок в сборах 2011 г. превышает 2900 единиц [7, с. 104–106].

Радиоуглеродный анализ проб угля из разных горизонтов культурного слоя в Изотопном центре РГПУ им. А.И. Герцена дал даты, свидетельствующие об использовании площадки городища в разные периоды начиная с последних веков эпохи раннего железа и до начала XIX в. (1645±50 BP; 900±30 BP; 866±30 BP; 855±25 BP; 775±25 BP; 552±25 BP; 200±25 BP).

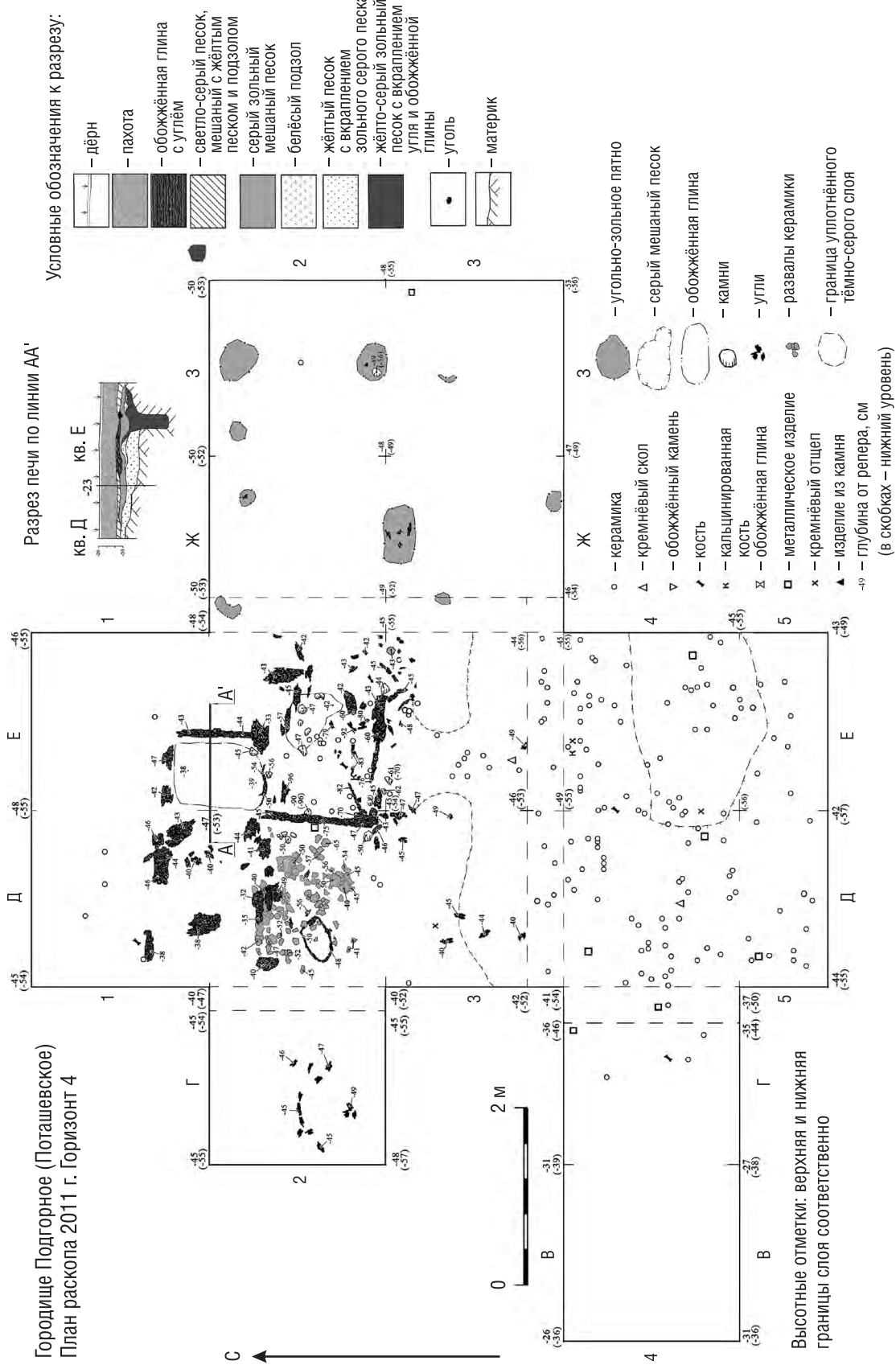

Рис. 2. Городище Подгорное (Поташевское). Раскоп 2011 г. Горизонт 4. План сгоревших конструкций и находок

Стационарные работы 2012 года

Изучение культурного слоя поселения в 2012 г. было продолжено в раскопе, заложенном в восточной половине площадки городища. Размеры раскопа – 24×6 м, площадь – 144 кв. м. Длинной стороной раскоп ориентирован по линии север–юг. Для исследования структуры сохранившихся остатков оборонительных сооружений (вала и рва) была прокопана траншея размерами 16×2 м [6, с. 2]. Таким образом, общая площадь памятника, раскопанная за два полевых сезона, составила 266 кв. м (рис. 1), с учётом площадей, вскрытых в ходе предварительных работ, – 284 кв. м.

Раскоп

Как и в западной половине поселения, верхние горизонты в раскопе 2012 г. представляют собой пахотный слой, насыщенный разновременным археологическим материалом (расколотый кремьень, обломки стенок лепных и гончарных сосудов, фрагменты металлических предметов, стекло, сырая и кальцинированная кость, кованые гвозди). Культурный слой на уровне подстилающих их горизонтов 3 и 4 сохранился в состоянии *in situ*. В основном это тёмно-серый гумусированный (в отдельных местах – сажистый) песок с многочисленными зольно-угольными линзами, сгоревшими брёвнами и плахами, скоплениями угля, отдельными углями и угольками. Местами культурный слой составляет сложная мозаика из линз серого, белого, тёмно-жёлтого и светло-жёлтого песка. По всей площади раскопа встречаются валунный (в том числе обожжённый) камень, куски обожжённой глины, извести и расколотого кремня, кремнёвые отщепы и сколы, в том числе с негативами вторичных отщеплений и ретушью утилизации. На границе второго и третьего горизонтов, а также в верхней части третьего горизонта были зафиксированы отчётливые следы вспашки в виде параллельных борозд, направленных по линии ССВ–ЮЮЗ. Материк – чистый песок жёлтого цвета.

Основной археологический материал в виде остатков сгоревших деревянных конструкций и многочисленных артефактов, зафиксированный в третьем и четвёртом горизонтах, сосредоточен в центральных квадратах раскопа. Вместе с тем его окраинные участки также дали весьма интересную и важную информацию (рис. 3).

Остатки центральной конструкции представляют собой ряд из 12 параллельно лежащих полностью сгоревших брёвен, ориентированных с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Перпендикулярно им зафиксировано 7 фрагментов брёвен, лежащих на том же уровне. Примерная площадь конструкции составляет от 24 до 30 кв. м. В целом сгоревшие брёвна и фрагменты брёвен, вероятно, являются остатками пола наземной рубленной постройки. Приблизительные первоначальные размеры постройки – 10×6 м. Длина остатков брёвен конструкции достигает 5–6 м, диаметр – 25 см. С северной стороны к центральной конструкции примыкает массивная линза обожжённой глины трапециевидной формы размерами 3×1,8×0,2 м. Линза является основанием печи-каменки с деревянной «обвязкой» из трёх сгоревших брёвен, примыкающих к ней с южной, восточной и северной сторон. Помимо основной конструкции, в раскопе расчищены фрагмент настила из сгоревших плах сечением 12–16×2–4 см, уходящего в южную стенку раскопа, а также фрагменты сгоревших плах и скопления угля в разных квадратах.

Основная часть артефактов, зафиксированных в раскопе, привязана к остаткам центральной сгоревшей конструкции, глиняной линзе и нескольким искусственным ямам. В ряду находок следует, прежде всего, отметить развалы четырёх гончарных сосудов с орнаментацией в виде «славянской» волны и параллельных линий, а также практически полностью сохранившийся горшок, расчищенный под подом печи. Все сосуды – плоскодонные, с отчётливо выраженными венчиками, орнамент нанесён только по тулову. Размеры сохранившегося, слегка сдавленного горшка: диаметр по венчику – 18×19 см, высота – 14 см. Помимо развалов сосудов, в раскопе обнаружены десять скоплений керамики, два разных по длине и диаметру носика сосудов (рукомойники или корчаги), а также отдельные крупные фрагменты венчиков с орнаментацией, ранее не известной в материалах Поташевского городища.

Значительный интерес представляют предметы из чёрного металла, число которых по сравнению с находками 2011 г. невелико, но каждый из которых существенно разнообразит коллекцию памятника. Наиболее впечатляющей находкой можно считать кованый наконечник копья листовидной формы, обнаруженный под подом печи на одном уровне с развалом наиболее крупного сосуда (26×23 см). Рядом с ним было расчищено дверное кованое кольцо овальной формы. Важными находками являются два железных колечка от кольчуги и одно кольцо от кольчужной рубахи. В числе прочих металлических предметов необходимо указать фрагменты замков и ножей, целые ножи, пряжки, кованые гвозди, а также мелкие обломки изделий, назначение которых не удалось определить.

Редкими для культурного слоя средневековых городищ Севера являются находки обгоревших деревянных изделий двух категорий. Это – многогранные палочки близких размеров (длина от 8,9 до 11,2 см, диаметр 9–13 мм) и предметы в виде лопастей с закруглёнными краями и суживающейся, вероятно, к ручке торцовой частью, названные нами «лопаточками». Предположительное назначение первых – счётные палочки, вторых – лопатки для перемешивания сыпучих продуктов или пищи в процессе её приготовления.

Отдельного упоминания заслуживает находка фрагментов сгоревшей берестяной ёмкости (очевидно, лужок или туеса) – днища круглой в плане формы с характерными отверстиями по краю для крепления со стенками и стенкой изделия. Днище изготовлено из сдвоенного широкого листа бересты, аккуратно обрешанного для придания нужной формы, стенка – из более узких, также сдвоенных листов бересты. Диаметр днища – 22 см, размеры зафиксированных фрагментов стенки: длина – 22,0–22,4 см, ширина – от 1,0 до 1,8 см. Днище и стенки ёмкости, вероятно, были сшиты между собой тонким корешком.

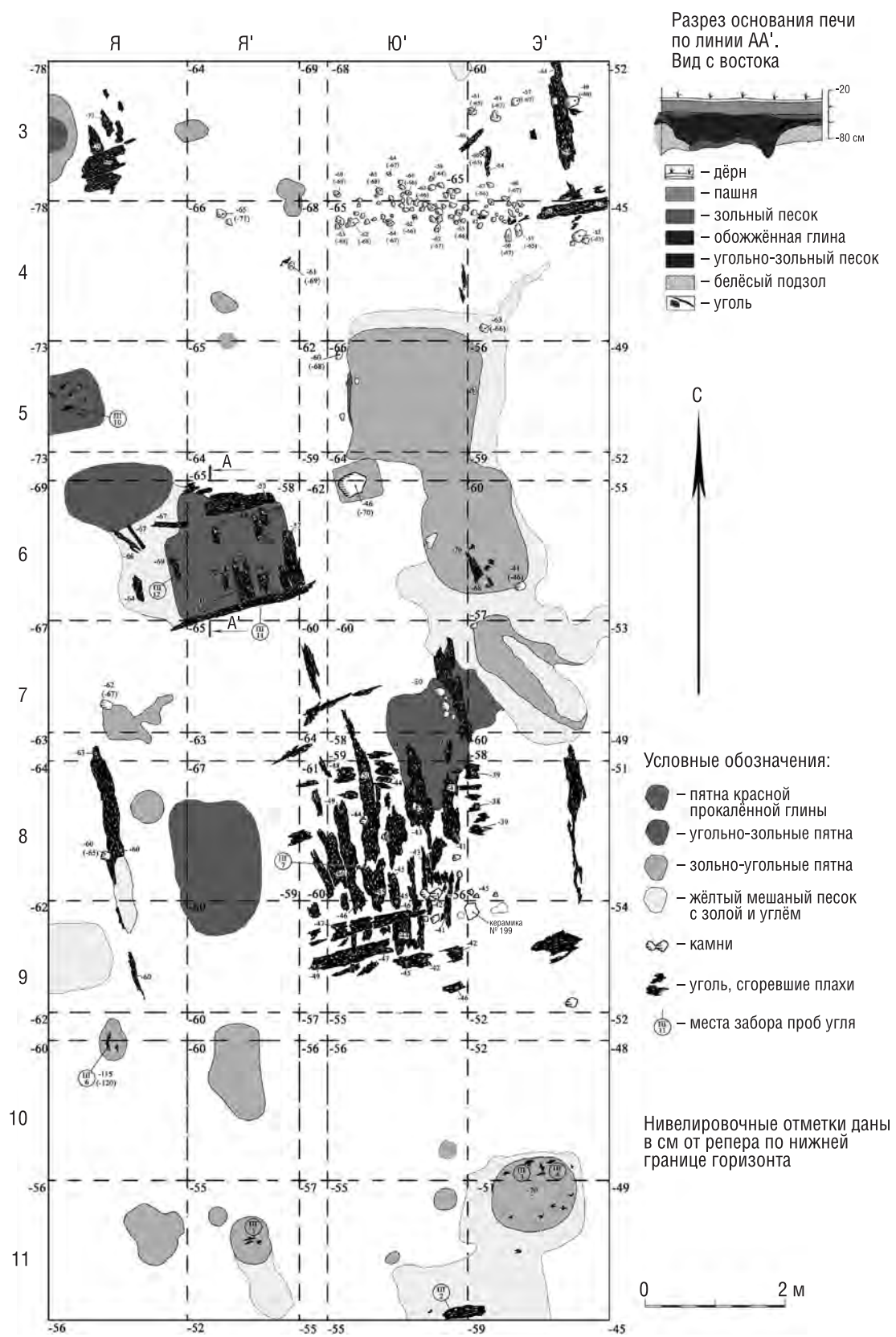

Рис. 3. Городище Подгорное (Поташевское). Раскоп 2012 г. Горизонт 3. План сгоревших конструкций и находок

Остеологический материал из раскопа представлен многочисленными мелкими фрагментами кальцинированных косточек неопределённой принадлежности и сырыми костями. Это – зубы (предположительно свиньи или кабана), фрагмент ребра крупного млекопитающего, фрагмент челюсти собаки, мелкие кости млекопитающих, череп грызуна.

В раскопе 2012 г. были зафиксированы четыре крупные и около десятка небольших искусственных ям, выкопанных в материке и, по-видимому, имевших разное назначение. В заполнении каждого из крупных углублений, состоявшем, в основном, из серого песка с зольно-угольными линзами, присутствовали массовый керамический материал, сырые и кальцинированные косточки, а также отдельные индивидуальные предметы (фрагменты орнаментированных венчиков, оструганные палочки, железный кованый нож длиной 11,3 см).

Анализ инвентаря из раскопов и шурфов 2011–2012 гг.

Коллекция находок с городища Подгорное (подъёмный материал, предметы из раскопов, траншеи, шурфов и зачисток) состоит из 6205 единиц. Основную часть артефактов составляют фрагменты лепных и гончарных сосудов с разнообразной орнаментацией и неорнаментированные обломки (всего 4586 единиц).

Функционально и типологически глиняные сосуды подразделяются на горшки, миски, тарели, жбаны (?) и котелки (достоверно зафиксирован в единственном экземпляре). Все сосуды – плоскодонные. Глина преимущественно серого цвета, в качестве примеси использовали дресву и песок. При изготовлении горшков применялся ручной гончарный круг, на что указывают, с одной стороны, характерные отпечатки пальцев на внутренней стороне фрагментов, с другой – плоские днища и одинаковая толщина стенок изделий. Размеры реконструируемых сосудов: высота варьирует от 9 до 23,3 см, диаметр – от 17,5 до 26 см, толщина стенок – от 4 до 7 мм (рис. 4–7).

Венчики в основном отогнутые (в том числе Г-образные и с налёпом), прямые с закруглёнными или горизонтальными торцами, Т-образные. Орнамент нанесён на внешнюю поверхность верхней части сосудов (венчики, тулова). На фрагментах из нижних горизонтов зафиксировано не менее 12 основных орнаментальных мотивов (рис. 8):

– наиболее распространённый орнамент – волнистый («славянская волна»). Представлен в нескольких вариантах: плавная волнообразная линия, крутая «волна», «волна» с острым углом, направленным вверх или вниз;

– одна или несколько (от двух до пяти) горизонтальных линий, опоясывающих сосуд по тулову;

– два ряда округлых и подовальных в плане вдавлений с едва заметными выпуклостями («жемчужинами») на внутренней стороне сосуда;

– горизонтальный ряд косо поставленных подовальных вдавлений;

– горизонтальный ряд «ногтевидных» вдавлений;

– ряд неглубоких точечных вдавлений, нанесённых, по всей видимости, торцом сломанной палочки;

– «комбинированный» орнамент: сочетание крутой «волны» и горизонтальных линий;

– «комбинированный» орнамент: сочетание крутой «волны» и «косых» подовальных вдавлений;

– «комбинированный» орнамент: сочетание крутой и плавной «волны»;

– сдвоенные горизонтальные полосы и параллельная им линия наколов;

– ряд оттисков треугольного штампа, нанесённых, по-видимому, концом выструганной палочки;

– «славянская волна» с рядом вертикальных чёрточек над ней.

По орнаментации, прослеженной на фрагментах сосудов, керамика Поташевского городища в сборах 2011 и 2012 гг. аналогична посуде разновременных памятников. «Славянская волна» присутствует на сосудах из ряда опубликованных коллекций не только поселений (селища Пустынька, Морозовица и др.) и могильников XII–XIII вв. (*Ветью – в бассейне Северной Двины*) на Русском Севере [8, с. 214, табл. 2: 1; с. 215, табл. 3: 4; с. 285, табл. 73: 1], но и памятников более позднего времени – вплоть до начала XX в. [9, с. 307–314]. Так же часто, и в таком же временном диапазоне распространены на керамике горизонтальные линии, опоясывающие сосуд [8, с. 215, табл. 3: 2, 5]. Нередко сочетание данных элементов орнамента на одном сосуде на памятниках Севера (*могильник Ветью*) и более отдалённых территорий [8, с. 215, табл. 3: 6; 5, с. 307–314; 10, с. 246–267, табл. 1]. Гораздо реже, но в тех же хронологических рамках встречается прочая орнаментация, особенно – сочетание разных элементов орнамента. Так, горизонтальный ряд косо поставленных подовальных вдавлений, крутая «волна» и «косые» подовальные вдавления зафиксированы на керамике городища Варварина Гора [11, с. 43–66, рис. 250–253].

Артефакты из чёрного металла (железа) составляют вторую по численности категорию индивидуальных находок (более 200 единиц) и подразделяются на предметы вооружения, промысловый, сельскохозяйственный и бытовой инвентарь.

Оружие представлено наконечниками копья и пики, а также пятью наконечниками стрел и фрагментом топора, защитные доспехи – пластинкой и тремя кольчужными кольцами. Наконечники стрел с пером ромбоидальной формы распространены на ряде памятников Севера, датированных во временном диапазоне XI–XIII вв.: в могильнике Воезеро [8, с. 276, табл. 64: 3, 4], на селище Пустынька [8, с. 284, табл. 72: 9], в могильнике Нефедьево [8, с. 348–349, табл. 136: 1, 22, табл. 137: 6, 7, табл. 147: 6]. Пробойный наконечник типологически наиболее близок к наконечникам XII в. из Колодяжина [12, табл. 21: 32, 33; табл. 25: 28]. Поташевским наконечникам копий аналогичны по размерам, форме пера и втулки наконечники копий III и V типов (по типологии А.Н. Кирпичникова и А.Ф. Медведева), широко распространённые в XII–XIII вв. [13, с.

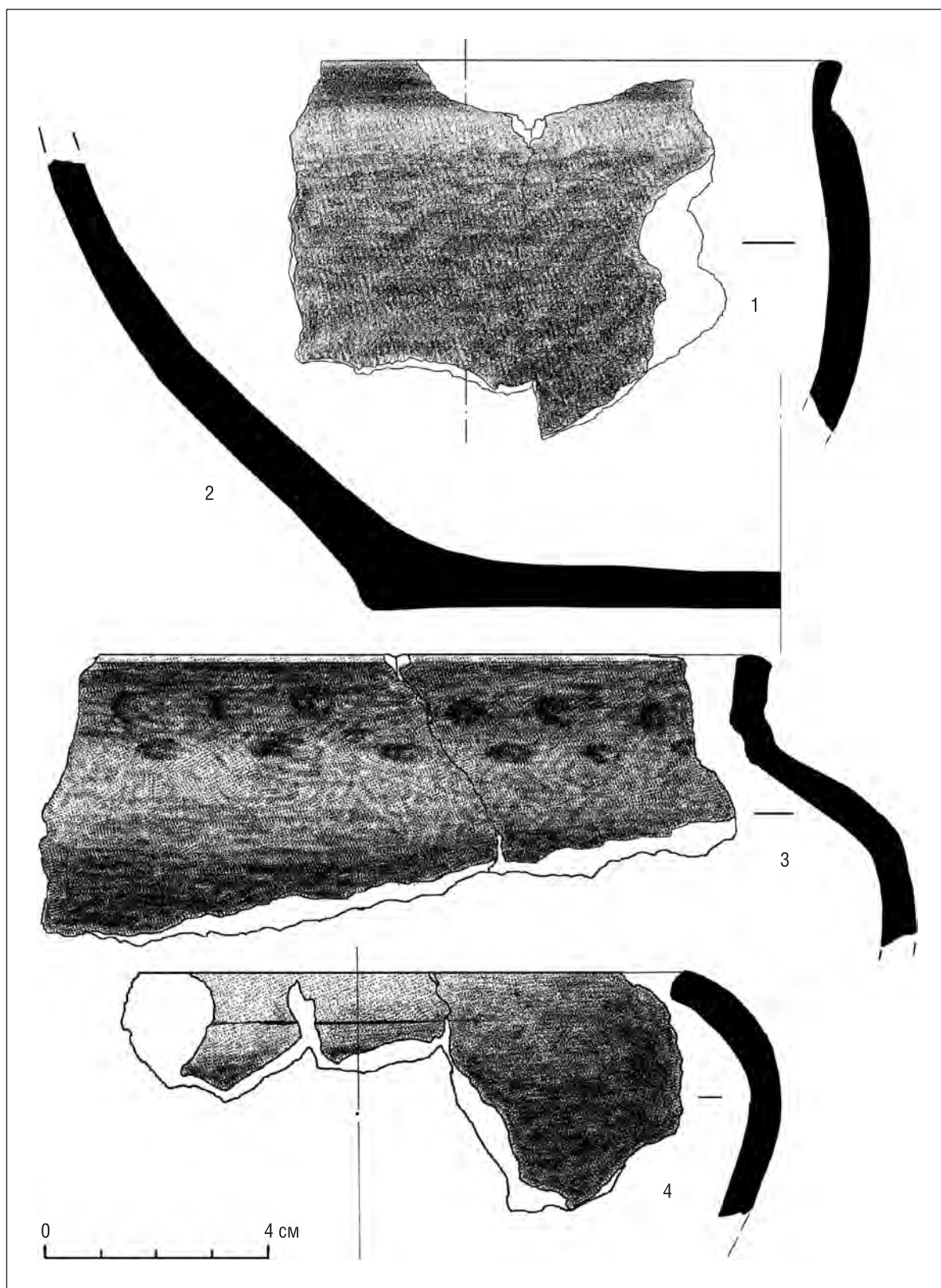

Рис. 4. Городище Подгорное (Поташевское). Раскоп 2011 г. Горизонт 4.
Фрагменты керамических сосудов из развалов

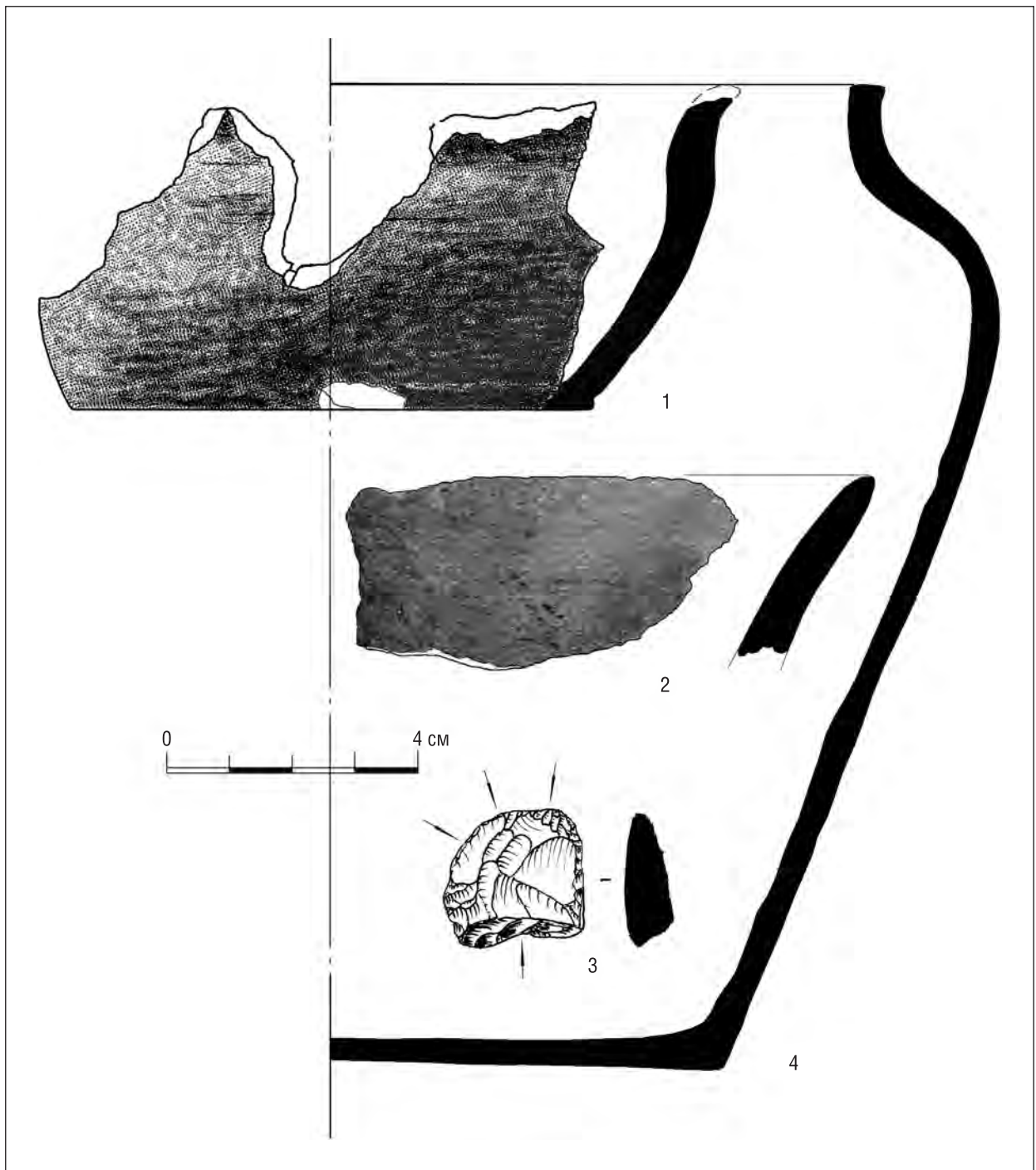

Рис. 5. Городище Подгорное (Поташевское). Раскоп 2011 г. Горизонт 4. Керамика (1–2, 4), кремль (3)

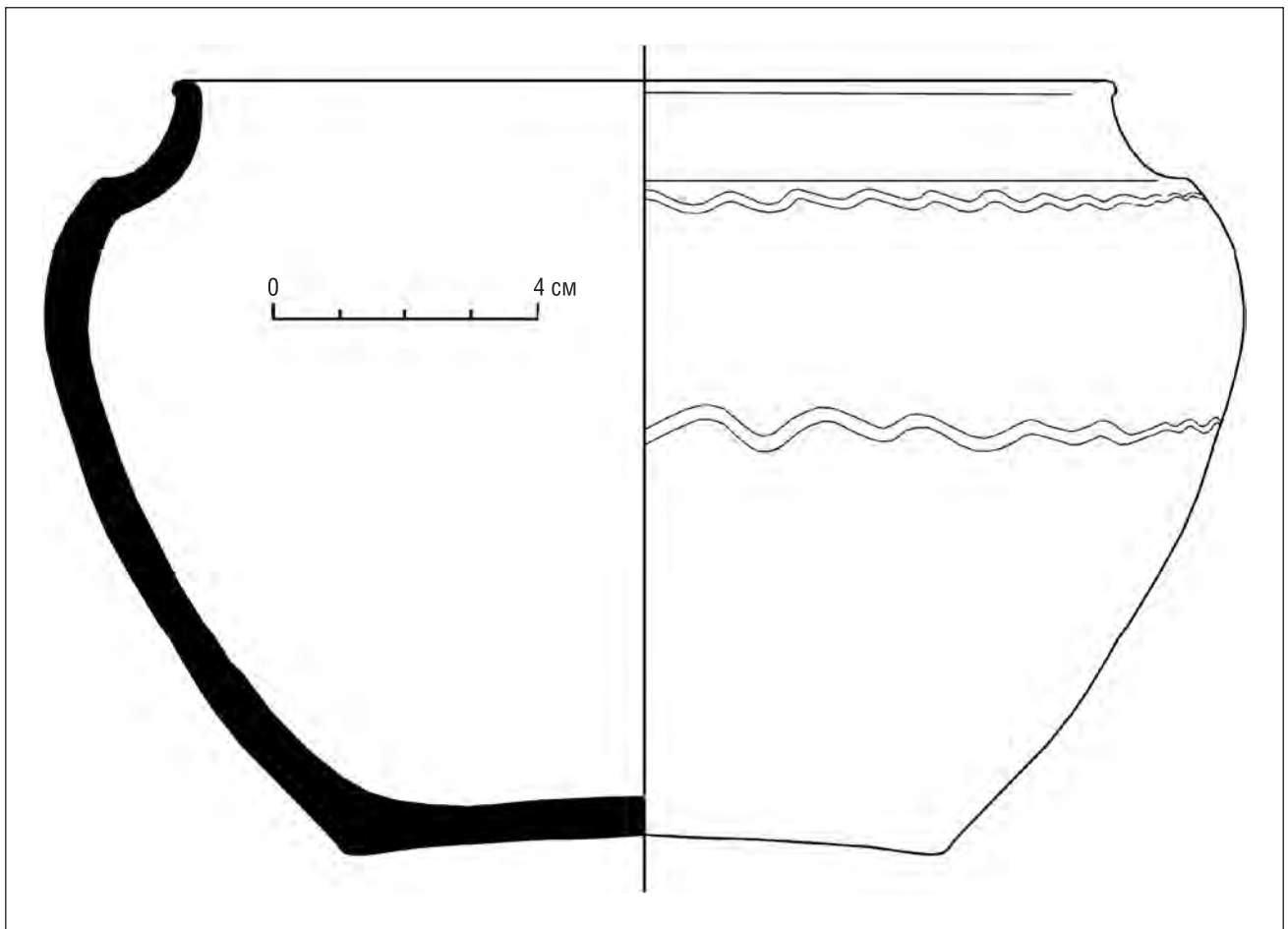

Рис. 6. Городище Подгорное (Поташевское). Раскоп 2011 г. Горизонты 4–5. Керамический сосуд.
Реконструкция А.Е. Беличенко

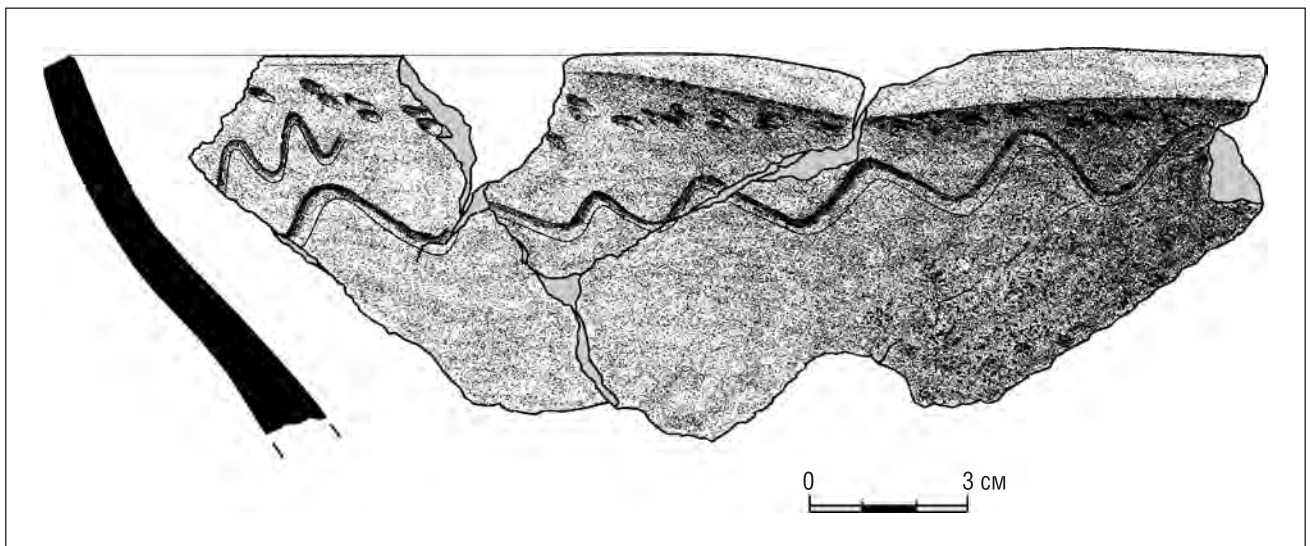

Рис. 7. Городище Подгорное (Поташевское). Раскоп 2011 г. Горизонт 4.
Фрагменты из развала керамической ошлакованной миски

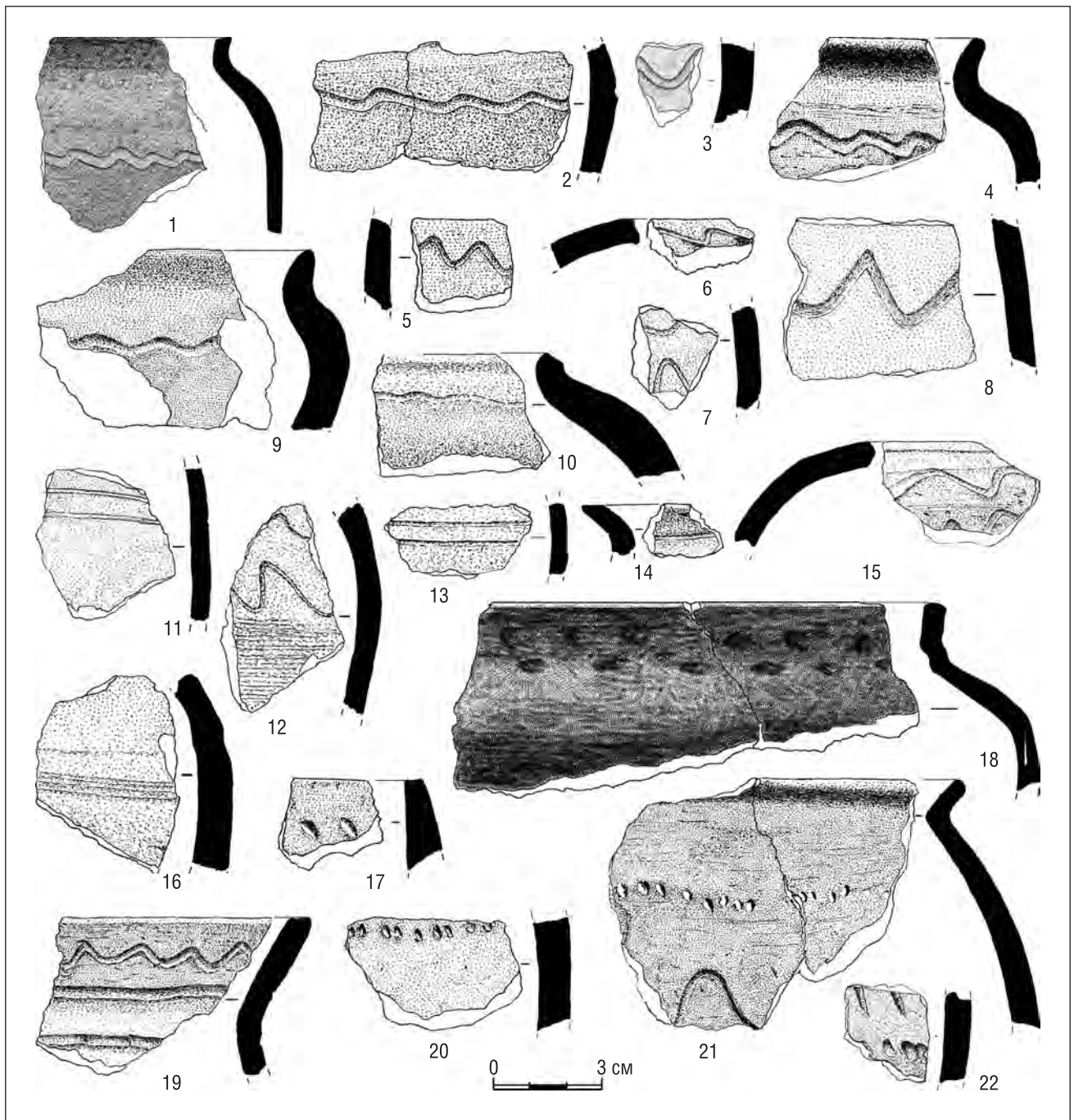

Рис. 8. Городище Подгорное (Поташевское). Раскопы 2011–2012 гг. Орнаментированная керамика

309, табл. 125: 13, 23; табл. 126: 17]. Территориально наиболее близкие ранние аналоги наконечникам такого типа обнаружены в культурном слое могильника Лопотти в Приладожье [14, с. 18, табл. 2: 22], поздние – в коллекции оружия XVI–XVII вв. из крепости Соловецкого монастыря [15, с. 150, рис. 249].

Кованый топор принадлежит к типу довольно редких широколезвийных топоров переходного вида 2 по классификации Б.А. Колчина [16, с. 24–27]. Данные топоры имеют симметрично расходящееся лезвие и облегчённый обух. Размеры сохранившейся части: 13,0×10,6×3,5 см. Форма лезвия – овальная. Судя по размерам и форме нижней части, топор с городища Поташевское более близок к боевому топору из погребения 4 могильника Нефедьево [17, с. 50, табл. IX: 11, 15]. Изделия данного типа считаются универсальными, служившими как оружием, так и утилитарными орудиями труда.

Металлическая пластинка чешуйчатого доспеха (5,2×3,7×0,2 см) имеет прямоугольную форму, по верхнему узкому краю идёт ряд из четырёх отверстий диаметром 1 мм (рис. 9: 17). Аналоги доспехам такого типа зафиксированы в культурном слое Великого Новгорода XIV в. [18, с. 33–36, рис. 11: 2].

Кольчужные колечки принадлежат к категории сваренных: форма – круглая, внешний диаметр варьирует от 2,4 до 2,9 см, внутренний – в пределах 1,0–2,4 см. Временем широкого распространения кольчужного доспеха исследователи считают X–XIII вв. [18, с. 40].

Железная шпора относится к типу изделий «рыцарского обличья» с длинным держателем колёсика, распространённых в культурных слоях XII–XV вв. северных городов (Новгород, Старая Ладога, Корела, Псков, Орешек и др.) [18, с. 48–50]. Размеры изделия: общая длина – 16 см, длина держателя – 8 см, расстояние между концами дуг – 14 см. Дуги изогнуты под прямым углом, на конце – по два прямоугольных отверстия.

Для более полной характеристики памятника представляют несомненный интерес все прочие категории инвентаря, обнаруженного в раскопе, шурфах и в качестве подъёмного материала.

Железные ножи, принадлежащие к категории черешковых, представлены двенадцатью экземплярами, пять из которых обнаружены с помощью металлоискателя в отвалах ям «чёрных копателей» и на берегу реки под городищем (рис. 9: 12; 10: 1–4). Длина несломанных ножей (с черенком) варьирует от 6,3 см до 25,3 см, ширина лезвия – от 1,2 до 2,2 см, толщина – от 0,2 до 0,6 см, однако из-за сильной коррозии данные цифры не дают достоверного представления об их размерах. По форме черенков изделия можно разделить на два вида: ножи с узкими черенками клиновидной формы и ножи с широкими прямоугольными черенками. Аналоги ножам с клиновидными черенками прослеживаются в материалах могильника Воезеро, погребения № 4 Мошинского погоста [5, с. 265, табл. 53: 8, с. 276, табл. 64: 1, 5], могильника Нефедьево [5, с. 357, табл. 145: 19]. Территориально более отдалённые аналоги обнаружены среди ростовских цельножелезных ножей X–XIII вв. [19, с. 153–154, рис. 1].

Кованые рыболовные крючки (четыре, в том числе один, зафиксированный в нижнем горизонте культурного слоя) различаются по форме и размерам. Три из них сохранились фрагментарно, отсутствует верхняя часть, по которой можно было бы судить о характере крепления изделия к леске (рис. 10: 6–7). Длина сохранившихся фрагментов «малых» крючков равна соответственно 3,9 и 4,3 см, в сечении наиболее толстая часть крючков не превышает 3 мм. Форма крючков – подовальная, их идентичность позволяет предполагать, что предметы откованы одним мастером. Примечателен наиболее крупный крючок, обнаруженный в нижнем горизонте культурного слоя. По форме изделие напоминает половину восьмёрки, в нижней (на изгибе) и средней частях предмет слегка сплюснен при изготовлении. Длина крючка – 12,1 см, толщина в уплощённой части – 0,6 см, в верхней части – 0,4 см. В верхней, отогнутой, части сохранилось искусственно выполненное мастером утолщение, благодаря которому на ней можно было крепить и фиксировать леску (рис. 9: 13). Крючок, обнаруженный в раскопе 2012 г., близок по размерам к наиболее крупному изделию, но отличается от него по форме. Разная форма массивных кованых крючков, скорее всего, указывает на их использование для промысла разных видов крупной рыбы в реке Устье. Аналогичные крючки, датированные в рамках X–XIII вв., опубликованы А.В. Чернецовым [20, с. 227–228, 230–231, табл. 89: 2–6] и В.А. Буровым [11, с. 40, рис. 78]. Аналоги крупным крючкам имеются в опубликованных материалах из погребения № 5 комплекса археологических памятников у села Беседы, датированных XI–XII вв. [21, с. 128–129, рис. 2: 6], а также среди крючков, используемых при ловле рыбы донками и жерлицами, из культурного слоя X–XIII вв. многих древнерусских городов.

Сельскохозяйственный инвентарь представлен тремя железными предметами, два из которых обнаружены в отвале ямы, оставленной «чёрными копателями», один (серп) – на обвалившемся южном склоне террасы. Наконечник сохи (наральник) относится к типу узколопастных наконечников пахотных орудий (сошники второго типа по классификации А.В. Чернецова и др.), известных в слоях Новгорода XIII–XV вв. [20, с. 222, табл. 84: 15–16]. Обнаруженный в паре с наральником плужный нож аналогичен череслу XII–XIII вв. из Плеснеска [20, с. 222, табл. 83: 16]. Серп из подъёмного материала (рис. 11: 2) близок по форме и размерам к древнерусским серпам северного типа [20, с. 224, табл. 87: 1].

Кованые железные кресала (два) относятся к категории прорезных (рис. 10: 10–11). Размеры сохранившегося без существенных утрат предмета 7,3×2,5×0,4 см, размеры фрагмента – 6,3×2,4×0,4 см.

Железные кованые пряжки (рис. 9: 7) принадлежат к типу рамчатых бесщитковых, распространённых в XII–XIII вв. как на севере [13, с. 319, табл. 148: 11], так и на юге [22, с. 85–87, табл. 1: 1–3, табл. 3: 1–2] европейской части России.

Фрагменты ключей и замков (рис. 12: 1–11) находят аналоги среди изделий данной категории (типы В и В-первый вариант по классификации А.А. Кудрявцева), обнаруженных в культурных горизонтах XI–XIV вв. Троицкого раскопа в Великом Новгороде [23, с. 235–237].

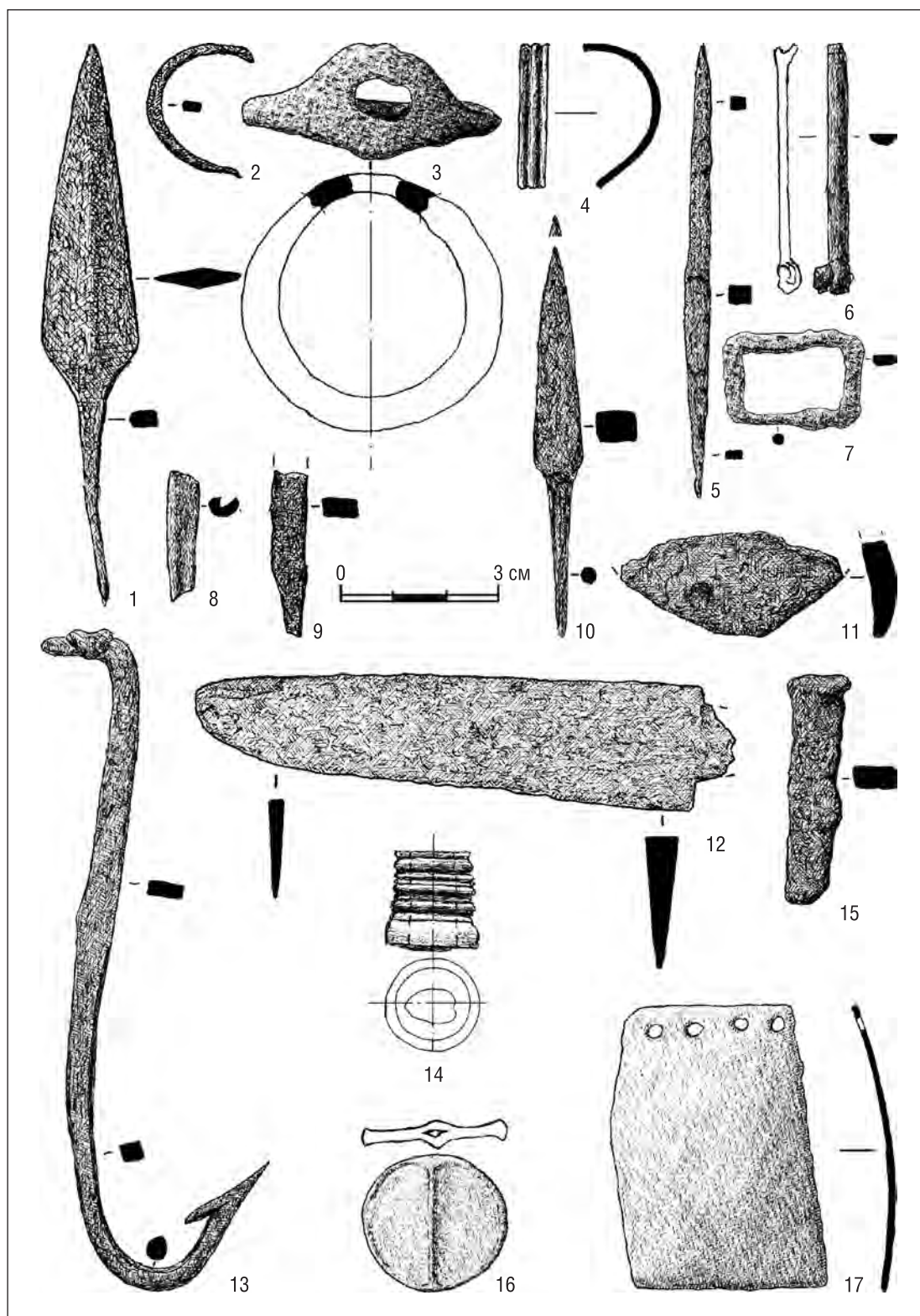

Рис. 9. Городище Подгорное (Поташевское). Раскоп 2011 г. Горизонты 3–5. Инвентарь.

Чёрный металл: 1, 10 – наконечники стрел; 2, 6, 8, 9, 11 – обломки изделий; 3 – кольцо с проушиной; 5 – шило; 7 – пряжка; 12 – нож; 13 – крючок; 15 – костыль; 17 – деталь пластинчатого доспеха. Цветной металл: 4 – обломок кольца из медного сплава; 16 – заготовка свинцовой вислой печати. Кость: 14 – точёная деталь наборной рукояти

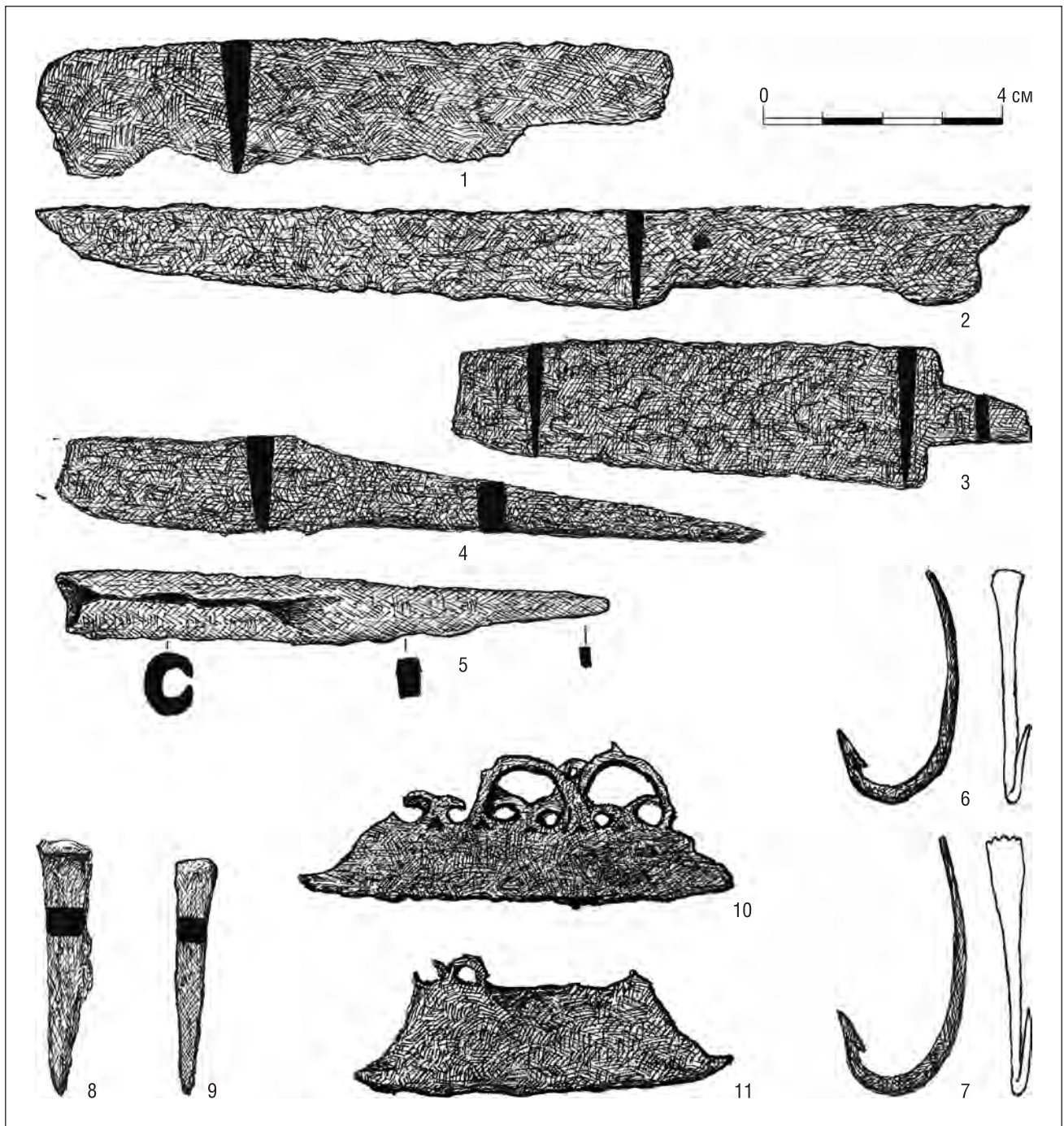

Рис. 10. Городище Подгорное (Поташевское). Подъёмный материал. Изделия из чёрного металла:
 1–4 – ножи; 5 – вток (?); 6–7 – рыболовные крючки; 8–9 – костыли; 10–11 – кресала

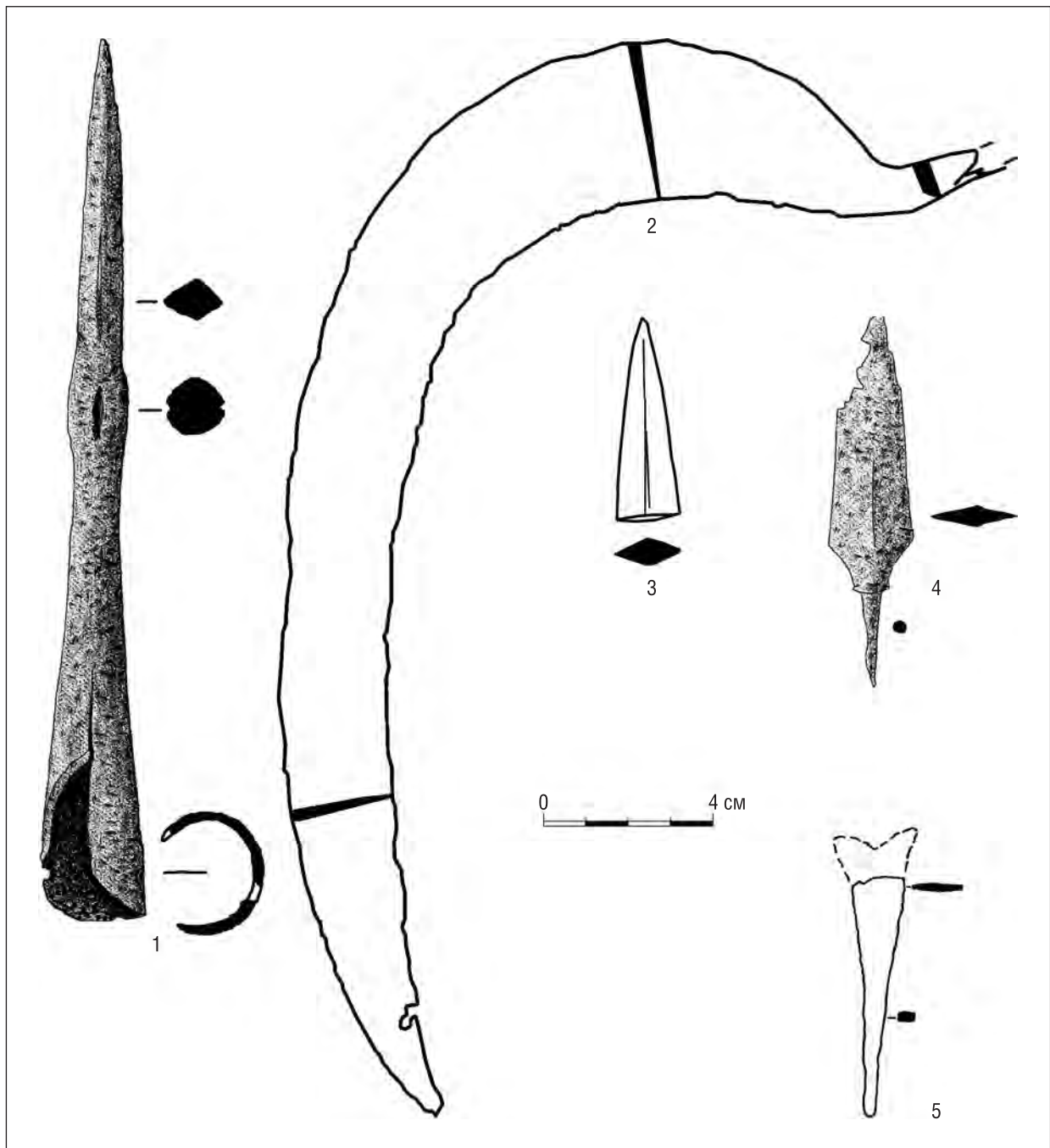

Рис. 11. Городище Подгорное (Поташевское). Подъёмный материал. Изделия из чёрного металла:
 1 – пика; 2 – серп; 3 – обломок наконечника копьё; 4–5 – наконечник и обломок наконечника стрел

Таким образом, основная часть артефактов, поддающихся интерпретации и обнаруживающих аналоги в коллекциях средневековых памятников Севера, а также более отдалённых территорий, датируются в хронологических рамках XI–XIV вв.

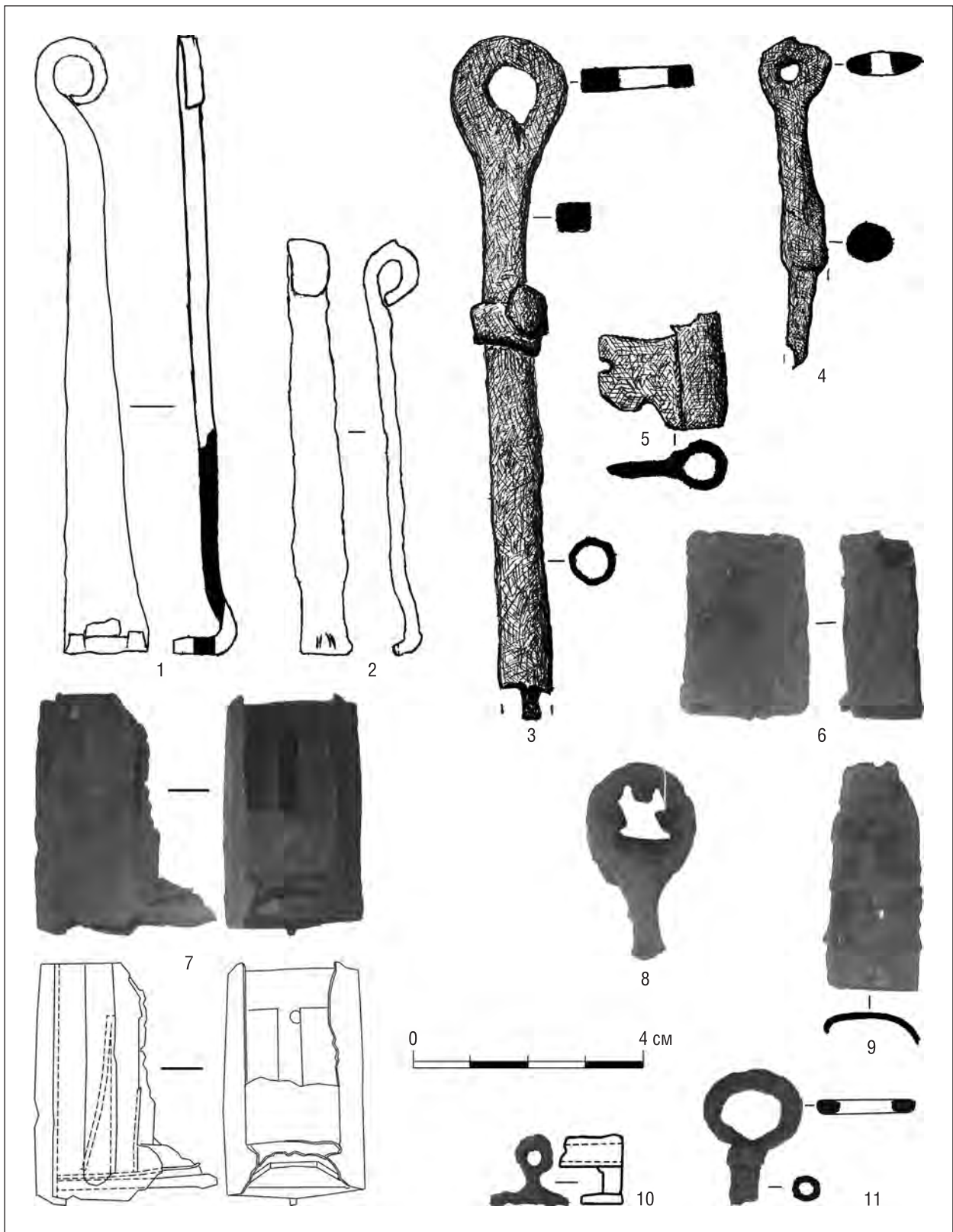

Рис. 12. Городище Подгорное (Поташевское). Подъёмный материал. Изделия из чёрного металла:
1–4, 11 – ключи; 5–10 – замки

Траншея

Траншея, заложенная для исследования остатков оборонительных сооружений, прорезала сохранившуюся часть вала и примыкающий к нему с восточной стороны ров (западный склон и часть основания), а также захватила небольшую площадь (2 кв. м), примыкающую к валу с западной стороны. Размеры траншеи – 16×2 м, длинной стороной она ориентирована по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток.

При разборке верхних горизонтов культурного слоя в западной части траншеи было зафиксировано скопление камней мелких и средних размеров, а также кусков расколотого кремня, наличие которых у основания вала можно связывать с процессом вспашки площадки городища, при которой часть камней из пахотного слоя, как правило, выбирали и складывали по краям поля.

В восточной части вала на границе горизонтов серого и белёсого песка, соответствующей уровню дневной поверхности, с которой началось формирование культурного слоя городища, была зафиксирована зольно-угольная линза, присутствие которой свидетельствует, что вал был сооружён после того, как на основной площадке возвели жилые постройки. Находки в траншее кремнёвых отщепов и сколов, по-видимому, указывают на возможное использование при формировании вала какой-то части более древнего культурного слоя.

Наибольший интерес представляют остатки деревянной конструкции в виде пяти обгоревших брёвен, расчищенных у основания верхней части вала в слое жёлтого песка засыпки. Брёвна ориентированы вдоль линии вала. При пожаре валовых укреплений нижние секции бревенчатой конструкции завалились в сторону площадки городища и были присыпаны песком верхней части вала. Несгоревшая древесина сгнила и растворилась в грунте. Нам удалось зафиксировать только обуглившуюся часть брёвен, имевшую вид угольных желобов. Это свидетельствует о том, что бревенчатая стена не присыпалась грунтом со стороны жилой площадки. Форма сохранившихся остатков дерева позволяет рассчитать первоначальный диаметр брёвен конструкции – от 20 до 28 см. Помимо них, в структуре вала на разных отметках (22–145 см от современной дневной поверхности) расчищено несколько сгоревших плашек размерами от 30×10×5 см до 70×8×6 см. По всей видимости, все эти плахи и куски дерева являются остатками либо укреплений вала, либо конструкций или костров, сгоревших до возведения оборонительных сооружений.

Раскопки 2011–2012 гг. основательно скорректировали и расширили представления о Поташевском городище, сложившиеся после предварительных исследований, а также позволили сделать ряд выводов, касающихся материальной культуры Устьянского края того времени и места региона в историческом процессе освоения Русского Севера славянским населением из более южных областей. Они дают возможность представить памятник такого рода не только как средневековое укрепленное поселение, но и как объект материальной культуры разного времени (от эпохи раннего железа до XX в. н.э.). Надёжной базой для выводов служат редкое в истории изучения археологических памятников севера число радиоуглеродных дат с одного объекта (семнадцать), коллекция керамики, состоящая из четырёх с половиной тысяч фрагментов с наиболее полным и разнообразным для северных городищ набором орнаментальных мотивов, а также предметы вооружения, промыслово-ремесленный, сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, остеологический материал.

По внешним признакам (топография) данный памятник можно отнести к городищам мысового типа по типологии П.А. Раппопорта [24]. Наличие остатков оборонительных сооружений, отсутствие удобного въезда на площадку городища, а также некоторые категории археологического материала из культурного слоя (разнотипные наконечники боевых стрел, наконечники копья и пики, боевой топор, фрагменты пластинчатого и кольчужного доспехов) позволяют с полной уверенностью констатировать, что исследуемый памятник действительно относится к категории укрепленных воинских поселений.

Мощность культурного слоя и его содержимое (обилие и разнообразие фрагментов керамики, использованной при приготовлении пищи и хранении продуктов, многочисленные косточки млекопитающих) не оставляют сомнений в том, что это городище было долговременным стационарным поселением.

Практически во всех шурфах и зачистках, не говоря о раскопах, в нижних горизонтах культурного слоя зафиксированы довольно мощные и значительные по размерам скопления кусков обожжённой глины и обожжённых камней, свидетельствующие, скорее всего, о наличии на городище многочисленных печей-каменок. Присутствие в каждом из раскопов остатков сгоревших жилых построек с радиоуглеродными датами XII–XIII вв. даёт основание предполагать, что площадка поселения была основательно застроена в основной период его истории.

Согласно радиоуглеродным датам проб угля из нижних горизонтов культурного слоя (SPb_798: 967±40 BP; SPb_460: 900±30 BP; SPb_797: 870±30 BP; SPb_459: 866±30 BP; SPb_461: 855±25 BP; SPb_801: 835±30 BP; SPb_138: 775±25 BP), основное время бытования поселения укладывается во 2-ю пол. XI–XIII в. Вместе с тем пахотный слой, материалы более позднего времени (поливная керамика, фарфор, фаянс, гранёная рюмка), а также поздние радиоуглеродные даты (SPb_795: 250±30 BP, SPb_444: 200±30 BP; SPb_792: 217±25 BP; SPb_796: 68±25 BP) указывают на использование площадки городища эпизодически вплоть до середины XX в. Материалы из раскопок памятника О.В. Овсянниковым в 1979 г. [3, с. 22] (остатки сгоревшей постройки с гончарной керамикой и кресалами XIV–XV вв.), а также одна из радиоуглеродных дат угля из раскопа 2011 г. (SPb_446: 552±25 BP) допускают предположение существования поселения на площадке бывшего городища в данное время укрепленной усадьбы. Серия близких по времени радиоуглеродных определений: SPb_801_1: 430±35 BP; SPb_799: 390±30 BP; SPb_794: 385±30 BP; SPb_788_1: 373±30 BP – из раскопа и траншеи 2012 г.,

по всей видимости, указывает на интенсивную эксплуатацию восточной части площадки городища в кон. XVI–XVII вв. Об использовании площадки памятника в сельскохозяйственных целях свидетельствует патный слой, на это же указывают письменные источники [1, с. 10–11].

Судя по обилию угля в нижних горизонтах культурного слоя, наличие сгоревших конструкций в раскопах, траншее и шурфе № 2, а также по местоположению наконечников стрел и их направлению в южную сторону, городище в какой-то момент своей истории подверглось нападению с напольной стороны и было сожжено. Как военное (оборонительное) поселение после пожара оно, видимо, не восстанавливалось.

Археологический материал, обнаруженный в раскопах, шурфах и зачистках, однозначно характеризует укрепленное поселение как славянское. Его появление в данном месте, очевидно, следует связывать с процессом северной колонизации X–XIII вв. и конкурентной борьбой за влияние над территорией и местным населением, которая происходила между Новгородом и Ростовом. Аналогии в керамике и вооружении встречаются как на территории современной Вологодской области, находившейся под контролем ростовских бояр, так и на землях, входивших в состав новгородских владений. Не исключено, что городище неоднократно переходило из рук в руки. Возможно, именно на это указывает обилие радиоуглеродных дат в рамках XII–XIII вв., которые свидетельствуют о многократных пожарах, имевших место на поселении. Местоположение и характер укреплений позволяют считать, что данное городище было возведено для контроля путей с верховий рек Устья и Кокшеньги к реке Ваге и в обратную сторону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Ефименко П.С.* Заволоцкая чужь. Архангельск, 1869.
2. *Куратов А.А.* Археологические памятники Архангельской области. Каталог. Архангельск, 1978.
3. *Овсянников О.В.* Работы на Архангельском Севере // АО–1979. М., 1980.
4. *Куратов А.А., Мартынов А.Я.* Разведки и раскопки на Архангельском Севере // АО–1977. М., 1978.
5. *Мартынов А.Я.* Отчёт о работе Вельского отряда объединённой археологической экспедиции Соловецкого музея-заповедника и Северного (Арктического) федерального университета в 2011 году (Вельский район Архангельской области) // Архив ИА РАН. Р-1; Архив Соловецкого музея-заповедника. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 386.
6. *Мартынов А.Я.* Отчёт о работе Вельского отряда объединённой археологической экспедиции Соловецкого музея-заповедника и Северного (Арктического) федерального университета в 2012 году (Вельский район Архангельской области) // Архив ИА РАН. Р-1; Архив Соловецкого музея-заповедника. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 434.
7. *Мартынов А.Я., Беличенко А.Е., Потуткин Н.С.* Городище Подгорное (Поташевское): результаты полевых исследований 2011 года // Заволочье. Устьянская земля. Материалы I–VI межрегиональных историко-краеведческих чтений, посвященных памяти М.И. Романова. Октябрьский, 2012.
8. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997.
9. *Кильдюшевский В.И., Курбатов А.В.* Традиционность в материальной культуре русской провинции позднего средневековья // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
10. *Олейников О.М., Дайнин В.В., Романова Е.А.* Средневековые напольные укрепления Тверского кремля // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
11. *Буров В.А.* Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М., 2003.
12. *Медведев А.Ф.* Луки и стрелы, самострелы. М., 1966.
13. *Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф.* Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
14. *Кочуркина С.И.* Археологические памятники Корелы. Л., 1981.
15. *Балан С.Б.* Арсенал Соловецкого монастыря XVI–XVIII вв. // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области. Каталог выставки. Архангельск, 2006.
16. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Великого Новгорода. М., 1959. (МИА. № 65)
17. *Макаров Н.А.* Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990.
18. *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
19. *Леонтьев А.Е., Розанова Л.С.* Ростовские ножи XI–XIII вв. Технология производства и технологический анализ // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005.
20. *Чернецов А.В., Куза А.В., Кирьянова Н.А.* Земледелие и промыслы // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
21. *Лагуткина Е.В., Степанова Ю.В.* Комплекс археологических памятников у с. Беседы: предварительные итоги исследований // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
22. *Гоняный М.И.* Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV вв. в районе Куликова поля (на примере украшений ремённой гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005.
23. *Кудрявцев А.А.* Замки и ключи средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 24. Великий Новгород, 2010.
24. *Раппопорт П.А.* Древние русские крепости. М., 1965.

*Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Архангельск*

*Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник,
Соловки,
Архангельская область*

A.E. Belichenko, A.Ya. Martynov, N.S. Potutkin

**THE ANCIENT TOWN PODGORNOE (VELSKI DISTRICT, ARKHANGELSK REGION):
EXCAVATIONS IN 2011–2012**

Summary

The ancient town Podgornoe is known in scientific literature beginning with the second half of the XIX century. It was inspected by some archaeologists in the XX century. The first excavations were made in 2011–2012 years because the monument was destructed by nature (river Ustja) and the so cold black diggers.

In the course of excavations (270 square m) the remains of some burned wooden constructions with the foundations of the stoves were found in different places of the monument. Collection of artifacts (XI–XIX centuries AD) consists of 4586 fragments of plastic and potter's vessels and more than 1500 goods made with ferrous and non-ferrous metal, wood, bone and stone. Many fragments of ceramics are covered with different kinds of ornaments: «Slavonic wave», parallel lines, small dips, etc. Items of armaments include tips of arrows and spears, fighting axe, details of armour. There are knives, different fish hooks, fragments of agricultural implements, castles, keys and plumbic stamp in the collection of the monument.

According to C14 analyses and archaeological materials the ancient town Podgornoe is dated from XI–XIII centuries AD. Local citizens proceeded to explore the territory of the ancient town in the XV, XVII, and XIX centuries AD.

A.E. Belichenko

*M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University,
4, Lomonosova St., Arkhangelsk, 164063,
Russia*

E-mail: alexbelichenko@yandex.ru

A.Ya. Martynov

*The State Historical, Architectural and Natural Museum-Reservation
of Solovetsky Islands,
12, 9, Primorskaya St., Solovetsky Settlement,
Primorsky District, Arkhangelsk Region, 164070,
Russia*

E-mail: martynov@solovky.ru

N.S. Potutkin

E-mail: nikolai.potutkin@mail.ru

И.А. Сафарова

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВАЛА ТВЕРСКОГО КРЕМЛЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ 2011 ГОДА НА УЛ. СОВЕТСКОЙ, 10)

Данная статья посвящена некоторым итогам археологических работ, проведённых в 2011 году при реставрации восточного флигеля хозяйственного двора комплекса зданий Тверской епархии Русской Православной Церкви (РПЦ) по адресу ул. Советская, д. 10. Изученный объект располагается у восточной границы Тверского кремля (рис. 1). После пожара 1763 г., уничтожившего практически всю застройку центра Твери, одним из первых был выстроен каменный дом для воеводы. После проведения губернской реформы дом был передан во владение губернатора. В течение XIX века во внутреннем дворе этой усадьбы велась активная строительная деятельность. В 1898 г. губернаторский дом со строениями был передан в церковное ведомство. К 1914 г. относятся большие строительные работы по возведению пристроек к существующим службам на территории Архиерейского двора. Увеличена площадь восточного флигеля для размещения в нём школы и интерната для певчих. В настоящее время на территории данного объекта культурного наследия находится резиденция митрополита Тверского и Кашинского РПЦ [1].

Одним из этапов реставрации восточного флигеля, расположенного во дворе Тверской епархии, было укрепление фундаментов исторического здания (рис. 2). По периметру стен на проектную глубину выкапывались траншеи для закладки арматуры и последующего бетонирования (рис. 3). Археологические исследования проводились одновременно с реставрационными работами. Культурные напластования в траншеях выбирались и фиксировались по пластам мощностью 20 см. Всего были откопаны 33 траншеи длиной от 3,4 до 26,5 м, шириной от 0,9 м до 1,5 м, глубиной¹ от 1,3 м до 1,85 м.

В границах нескольких траншей, расположенных внутри и снаружи трёх помещений флигеля (траншеи 1, 16, 17, 24–26, 20, 22, 23, 28)², были обнаружены остатки песчаной насыпи (рис. 3). Поскольку по структуре и цвету эта насыпь отличалась от культурного слоя, выявленного западнее, в других изученных траншеях на территории флигеля, удалось зафиксировать достаточно чёткую границу распространения песчаных отложений. Основная часть её, судя по полученным материалам, находится восточнее здания флигеля.

Несмотря на повреждения, нанесённые при выкапывании фундаментных рвов в начале XX века, часть насыпи хорошо сохранилась, так как никаких подвальных помещений в этой части флигеля не существовало (рис. 3). Наиболее высокие отметки супесчаных прослоек (от -34 до -40 см от нулевого репера, около 40–50 см от современной дневной поверхности) зафиксированы в нескольких траншеях (16, 24, 26, 32), выкопанных в юго-восточном углу флигеля. Западнее этой условной полосы супесчаные отложения отмечены на глубине от -60 до -80 см от нулевого репера. Вдоль западной границы насыпи глубина залегания супесчаных прослоек составляет от -100 до -150 см от нулевого репера. Таким образом, склон насыпи ориентирован на северо-запад, а сама она располагалась на этом участке по линии с азимутом 20–25°. Насыпь исследована на высоту от 110 до 160 см.

Получено несколько стратиграфических разрезов различных участков насыпи (рис. 4, 5): большинство разрезов – почти поперечные, только два фиксируют небольшие участки продольной структуры насыпи. Выделены несколько слоёв, имевших различный цвет, структуру и включения. Основная часть насыпи сложена жёлтым, жёлто-серым, серо-жёлтым песком (или супесью), местами почти без включений или с мелкими вкраплениями угля (мощность этих прослоек достигает 80–100 см). В стратиграфии нескольких траншей, поверх песчаной насыпи, зафиксированы прослойки (мощностью до 60 см), сложенные жёлтой необожжённой глиной (или суглинком) с включениями мелкой и крупной гальки и камней. Эти прослойки располагались в основном в верхней части насыпи, а в одном из продольных разрезов (в траншее 16) отмечено несколько таких прослоек, чередующихся с песчаными. В некоторых стратиграфических разрезах

¹ Отсчёт глубин во всех откопанных траншеях проводился от единого нулевого репера (P_0), который соответствовал установленному реставраторами уровню чернового пола здания, в Балтийской системе высот (БСВ) – 135,1 м.

² Все траншеи имели единую сквозную нумерацию.

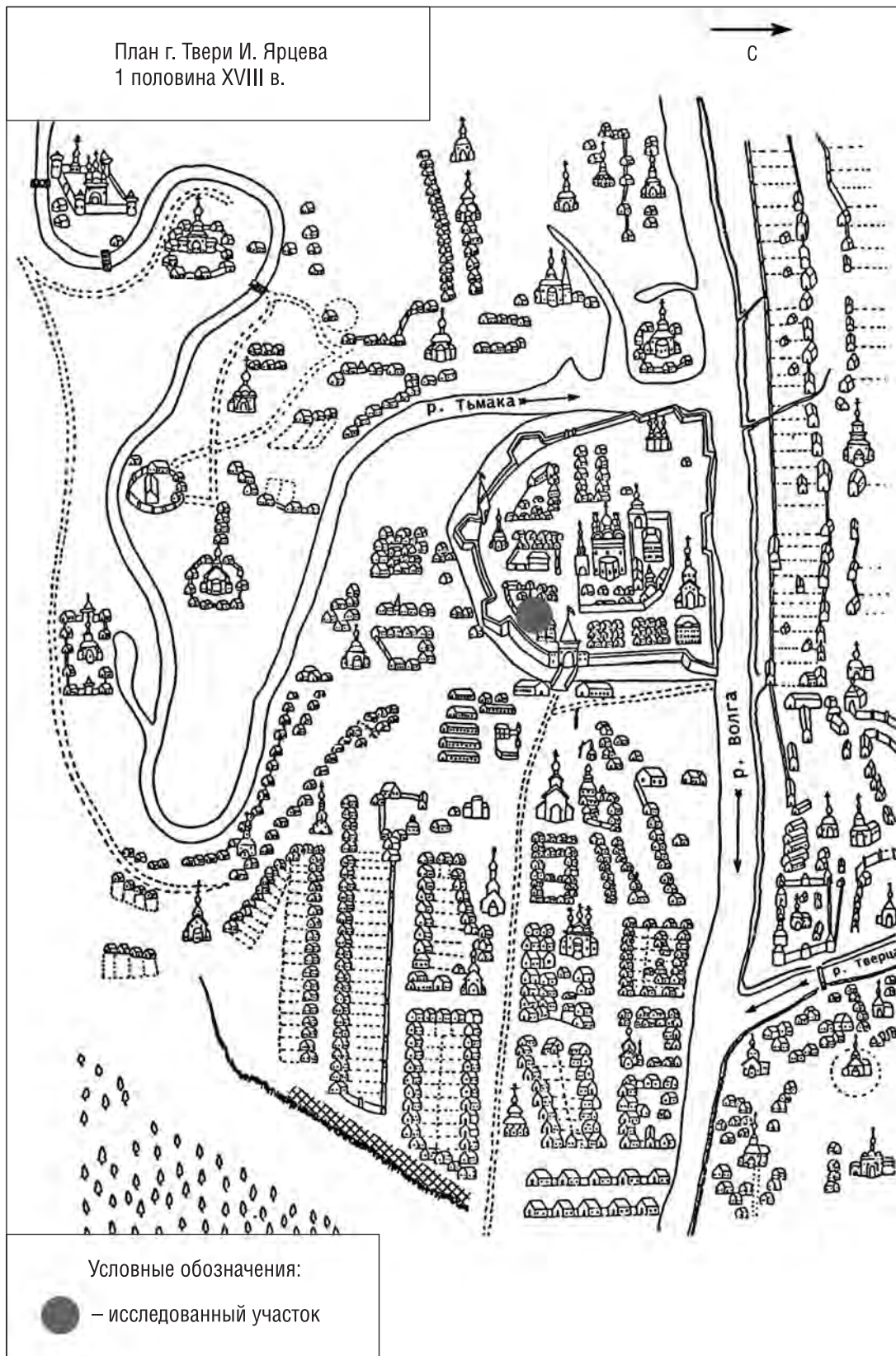

Рис. 1. План г. Твери И. Ярцева (1-я пол. XVIII в.) с указанием места исследований 2011 г.

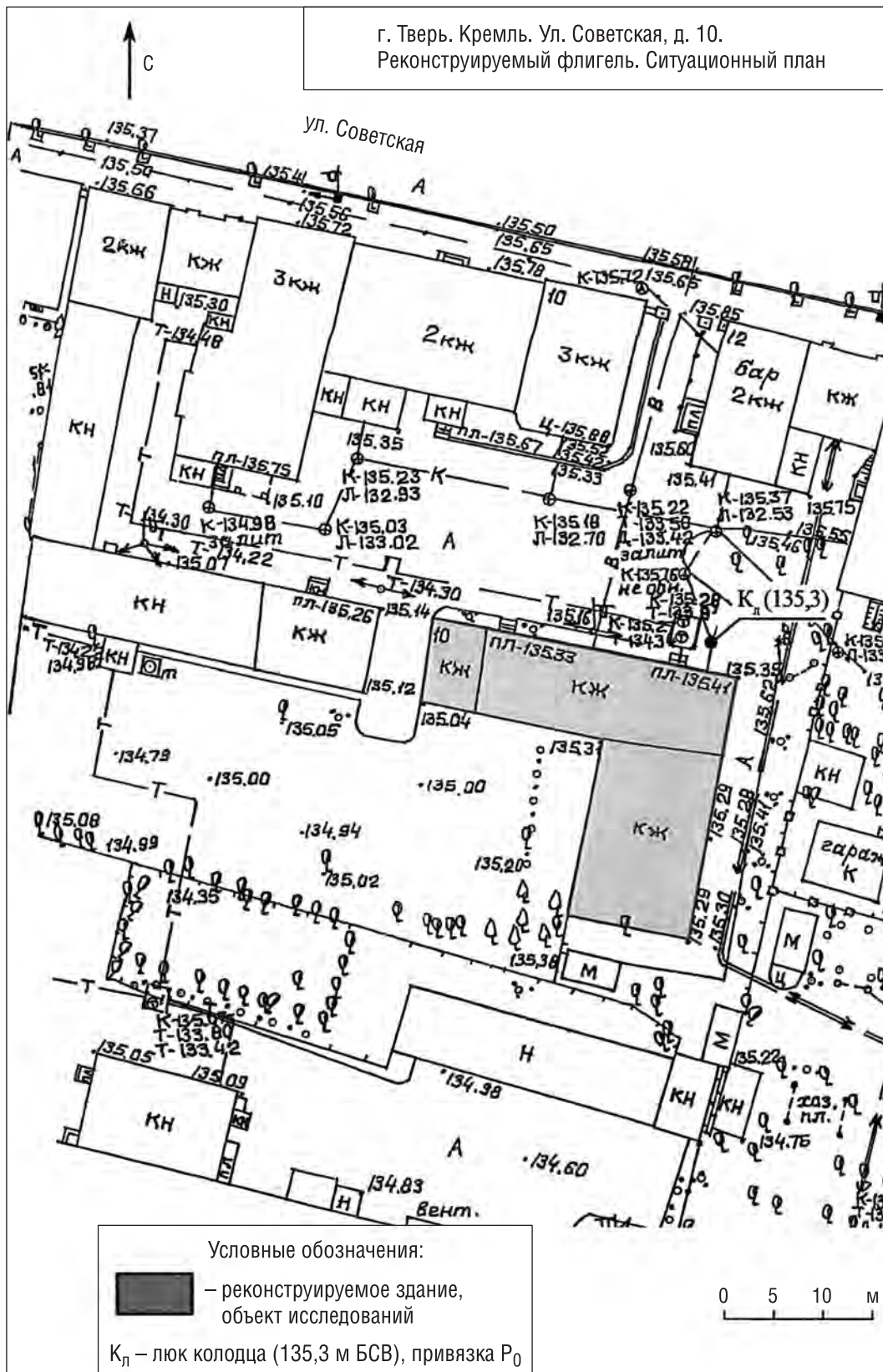

Рис. 2. Тверь. Кремль. Ул. Советская, 10. Ситуационный план флигеля

С ↑ г. Тверь. Кремль. Ул. Советская, д. 10.
Флигель. Инженерные траншеи.
Ситуационный план

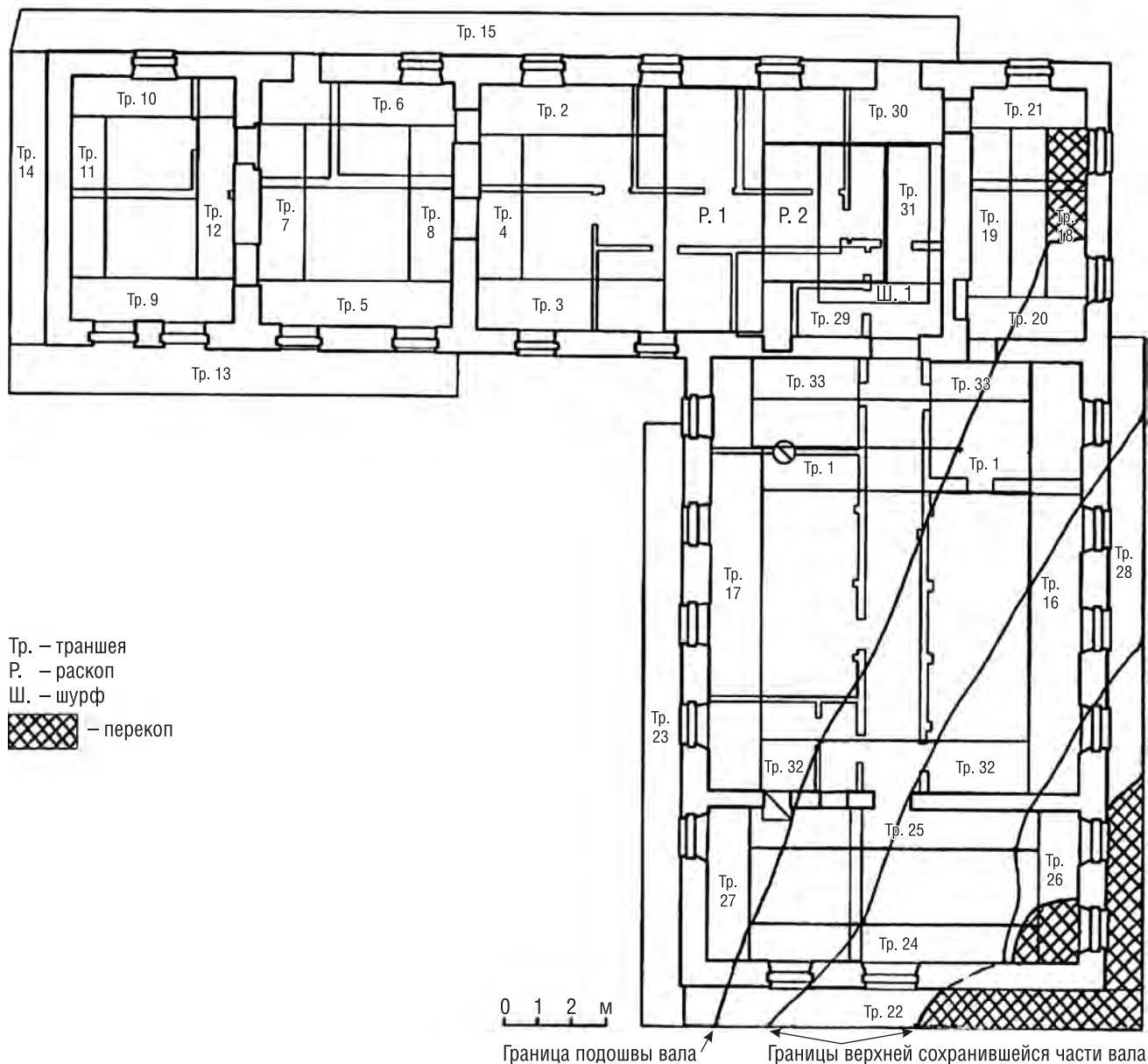
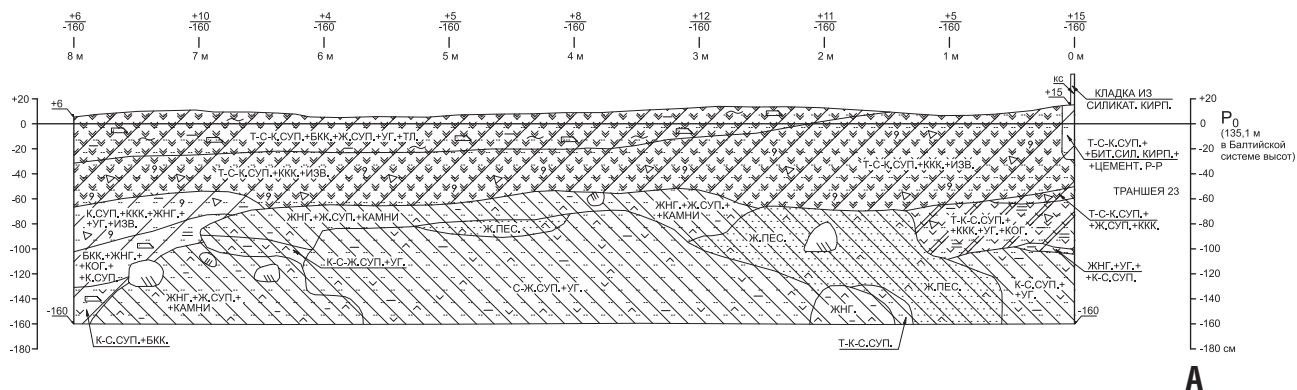

Рис. 3. Тверь. Кремль. Ул. Советская, 10. План реконструируемого флигеля с указанием границ обнаруженных остатков вала Тверского кремля

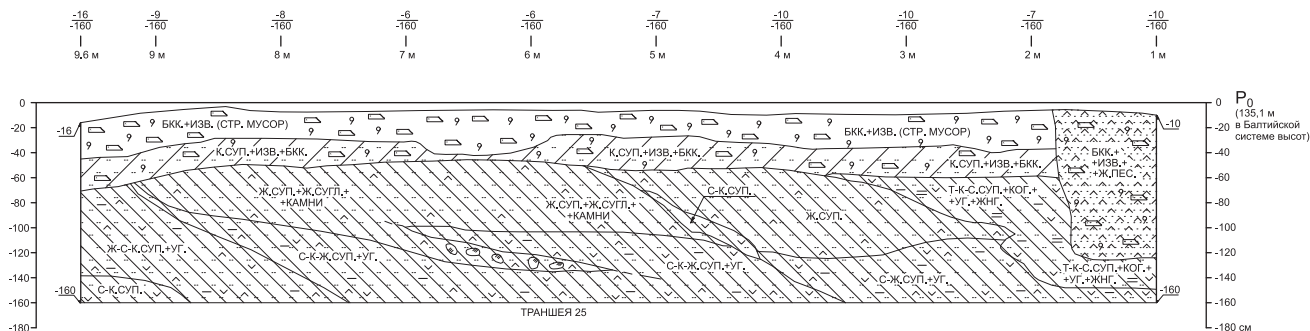
внутри насыпи зафиксированы супесчаные прослойки (мощностью от 10 до 30 см) тёмной окраски (коричнево-серой, серо-коричневой и даже тёмно-серо-коричневой) с включениями угля, жёлтой необожжённой, красной обожжённой глины. Большинство всех прослоек, составляющих насыпь, имеют уклон к западу или к северо-западу, а на участках продольных разрезов (в траншеях 16 и 28) — к северу, то есть вниз, по склону насыпи. Прослойки, сложенные жёлтой глиной (суглинком) с примесью супеси, включениями камней и гальки (траншеи 22, 28, 24, 25, 32), располагались почти горизонтально, образуя площадку шириной около 4 м.

Помещение 6 (снаружи). Траншея 22.
Стратиграфия южной стенки

А

Помещение 6. Траншеи 24–27.
Траншея 25. Стратиграфия южной стенки

Б

0 20 40 60 80 100 см
Масштаб 1:20

Условные обозначения:

ББК. – битый красный кирпич	Ж. – жёлтый
БИТ.СИЛ.КИРП. – битый силикатный кирпич	С-Ж. – серо-жёлтый
ККК. – красная кирпичная крошка	Ж-С-К. – жёлто-серо-коричневый
ЖНГ., Ж. НЕОБ. ГЛ. – жёлтая необожжённая глина	К. – коричневый
КОГ. – красная обожжённая глина	К-С-Ж. – коричнево-серо-жёлтый
ИЗВ. – известь	К-С. – коричнево-серый
Р-Р – раствор	С-К. – серо-коричневый
УГ. – уголь	С-К-Ж. – серо-коричнево-жёлтый
ТЛ. – тлен	Т-К-С. – тёмно-коричнево-серый
СТР. – строительный	Т-С-К. – тёмно-серо-коричневый
ПЕС. – песок	☉ – булыжник
СУП. – супесь	
СУПЛ. – суглинок	

Рис. 5. Тверь. Кремль. Ул. Советская, 10. А – Стратиграфия южной стенки траншеи 22 (участок поперечного разреза вала); Б – Стратиграфия южной стенки траншеи 25 (участок поперечного разреза вала)

примесь песка и гравия в основании первоначального вала (её ширина – около 4 м), а также своеобразный глиняный «панцирь», покрывающий как восточный (напольный) склон вала, так и западный (внутренний).

Наблюдается значительное сходство приведенных данных с результатами архитектурно-археологических работ 2011 года. Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что юго-восточное крыло восточного флигеля, расположенного внутри двора комплекса зданий Тверской епархии, построено на остатках разрушенного вала Тверского кремля, а именно западного (внутреннего) его склона.

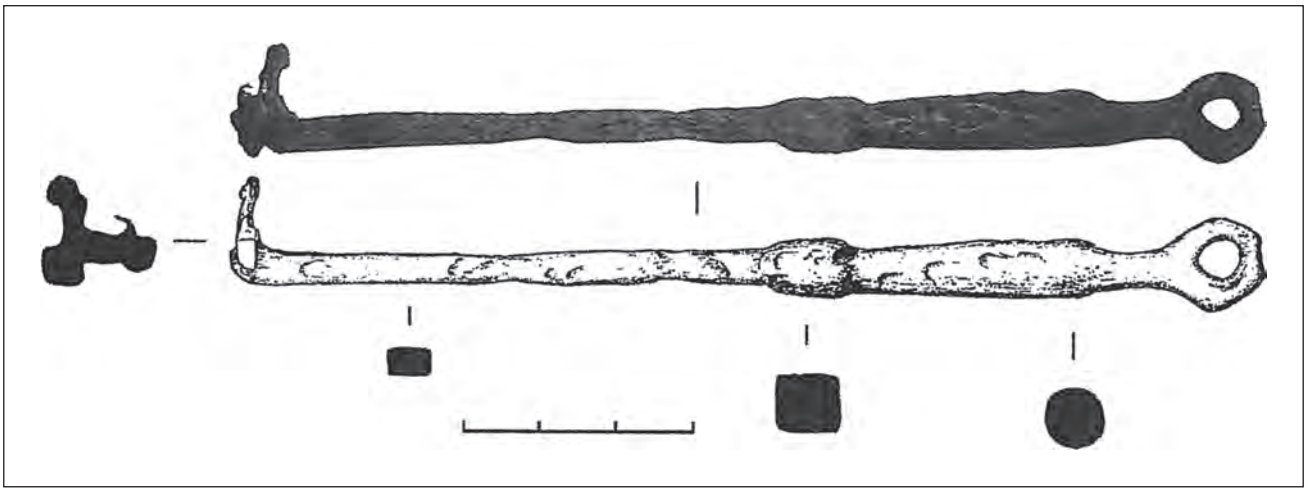

Рис. 6. Тверь. Кремль. Ул. Советская, 10. Ключ железный от цилиндрического замка (траншея 16, гл. -200 см от нулевого репера, насыпь вала)

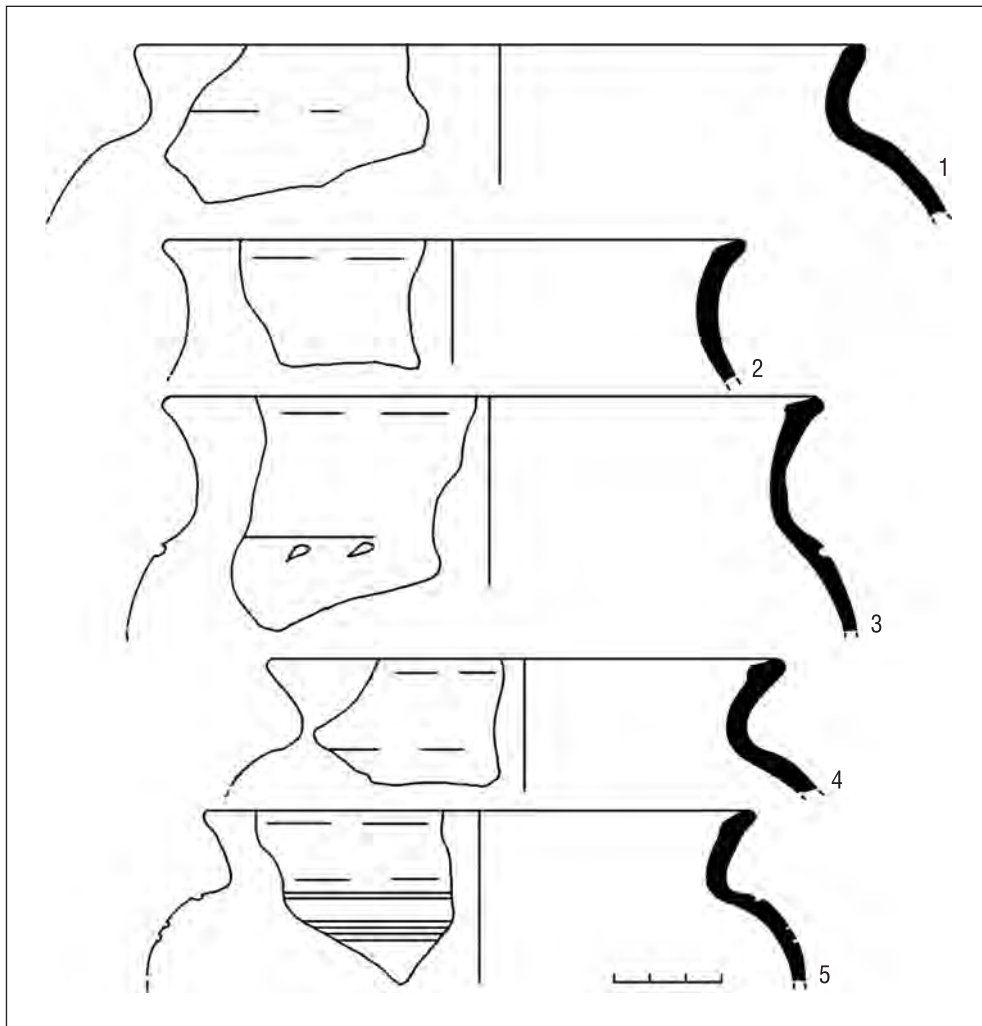

Рис. 7. Тверь. Кремль. Ул. Советская, 10. Формы керамической посуды из насыпи вала

Находки в насыпи вала немногочисленны. В траншее 16, на значительной глубине (-200 см от нулевого репера), в слое, составляющем основную часть насыпи вала (коричнево-серо-жёлтая супесь с включениями), найден железный ключ от цилиндрического замка (рис. 6). Рабочая часть ключа плохо сохранилась, ключ относится к типу Б или к более сложной его модификации (тип Г) по классификации Б.А. Колчина [3]. Тип Б датируется по новгородской хронологической шкале XII – сер. XIV в., тип Г появляется с сер. XIII в. и бытует до нач. XV в. На разных участках насыпи найдены фрагменты гончарной посуды из красножгущейся (76 фрагментов) и беложгущейся (48 фрагментов) глины. Представленные формы посуды, судя по опубликованным коллекциям из раскопок Тверского кремля, датируются XIII–XIV вв. (рис. 7) [4; 5]. Проведённые исследования позволяют отнести сооружение изученной насыпи вала к XIII–XIV вв.

Полученные материалы дополняют имеющиеся данные о расположении и структуре насыпи вала Тверского кремля. Важно отметить хорошую сохранность остатков укреплений на тех участках, которые в XIX–XX вв. были застроены малоэтажными зданиями без подвалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Салимова М.А., Салимов А.М. Службные постройки в юго-восточной части архиерейского дома (бывшего губернаторского) в г. Твери. Историческая записка. Тверь, 2008.
2. Олейников О.М., Дайнин В.В., Романова Е.А. Средневековые напольные укрепления Тверского кремля (по материалам исследований 1998 г.) // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
3. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959. (МИА. № 65)
4. Кобозева Е.В. Керамическая коллекция древнейших отложений раскопа № 9 в Тверском кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997.
5. Новиков А.В., Дворников А.С., Хохлов А.Н. Керамический комплекс конца XII – начала XIV вв. в Тверском Кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996.

*ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр»,
Тверь*

I.A. Safarova

NEW RESEARCHES OF THE BANK OF THE TVER KREMLIN (ON MATERIALS OF WORKS OF 2011 ON SOVETSKAYA ST., 10)

Preliminary results of research of a plot of the bank of the medieval Tver Kremlin in 2011, during archaeological works in the territory of the wing located in the yard of the Tverskaya diocese of Russian Orthodox Church at the address of Tver, Sovetskaya St., 10 are given in this article. It follows from the obtained data that the reconstructed wing is constructed on the remains of the western (internal) slope of the bank of the Tver Kremlin which was erected in XIII–XIV centuries.

*“Tver Scientific-Research Historical-Archaeological and Restoration Centre” Ltd.,
42, Zhelyabova St., Tver, 170100,
Russia
E-mail: irina@safarov-tver.ru*

Е.А. Романова

**ТОПОГРАФИЯ ЧАСТИ ЗАВОЛЖСКОГО ПОСАДА
ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК
2007, 2008 (РАСКОПЫ ФИЛИППОВСКИЙ 1 И 2)
И 2011 (РАСКОП ВОЗНЕСЕНСКИЙ 1) ГГ.
И ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ**

К топографии Твери обращались учёные начиная с конца XIX в. [1–10]. Основное внимание в этих работах уделялось Тверскому кремлю, реже территориям тверских посадов. В этом смысле наиболее значительными представляются исследования А.С. Щенкова [11], уделившего внимание не только локализации храмов, но и трассировке основных улиц, и Э.А. Рикмана, указывающего местоположение Никольского монастыря [12]. Наиболее подробно топографию восточной части Заволжского посада рассматривали А.М. Салимов и М.А. Салимова [13]. Исследователи сделали попытку реконструкции застройки по писцовой книге 1685/86 гг. в районе Троицкой церкви. Данная статья посвящена западной прибрежной части Заволжского посада.

Имеются картографические материалы с изображениями Заволжского посада, наиболее ранний из них – план И. Ярцева (1-я четв. XVIII в.) [14], довольно схематически показывающий планировку посада вдоль Волги. Планы 1840-х [15] и 1920-х–1930-х [16, л. 1 (2)] гг. дают возможность привязки несохранившихся храмов к современной планировке и локализации Гостиного (Гостинь) ручья, а писцовые материалы помогают дополнить утраченные топонимы.

В 2007, 2008 и 2011 гг. экспедицией Тверского государственного объединённого музея (ТГОМ) были проведены охранные и научные раскопки на территории Заволжского посада г. Твери. Раскопы располагались на склоне первой надпойменной террасы к югу от наб. А. Никитина в прибрежной части р. Волги.

Общая площадь исследований – 5429 кв. м. При этом длина траншей составила около 743 м. Как видим, часть исследований приходится на территорию напротив кремля, значительная часть – на участок напротив Затьмацкого посада Твери (рис. 1).

Довольно большая протяжённость раскопок даёт нам возможность проследить рост посадской территории во времени (рис. 1).

Необходимо отметить, что Заволжье было освоено довольно рано, коллекция находок содержит материалы начиная с мезолита, однако слои и комплексы, связанные с ними, не выявлены [17–19].

Похожая ситуация сложилась относительно XIII в. [18–19]. Нижние слои содержат артефакты этого времени, однако их довольно мало, а следы планировки этого времени не сохранились. Прежде всего, XIII в. можно датировать керамику, в том числе поливную жёлтую (Тв. М. (Тверской музей) ВХ № 1494/721, 754, 1141), стеклянные бусы (Тв. М. ВХ № 1330/19; ВХ № 1494/11, 416, 843, 1044), бисер (Тв. М. ВХ № 1330/78, 702; ВХ № 1494/1101, 1091) и браслеты (Тв. М. ВХ № 1281/179; ВХ № 1330/119, 419, 463, 469; ВХ № 1494/1142, 1148, 1170, 1192, 1199, 1307–1309, 1322, 1395, 1412, 1844), плетёный браслет (Тв. М. ВХ № 1494/1267), пластинчатый браслет (Тв. М. ВХ № 1330/203), шиферное пряслице (Тв. М. ВХ № 1494/751), возможно, янтарные крест-пронизку (Тв. М. ВХ № 1494/2106) и бусину (Тв. М. ВХ № 1494/1087). На всю исследованную площадь приходится всего 18 фрагментов стеклянных браслетов, это количество слишком невелико, чтобы уверенно утверждать наличие застройки на ближайшей к раскопам территории. В то же время, стеклянные браслеты вместе с другими артефактами свидетельствуют о зоне освоения этой земли [18–19].

Попытка наложить современный топоплан на планы XIX века показала, что значительная часть левого берега Волги, более 50 м, была смыта, естественно, вместе с культурным слоем, во время половодий (рис. 2). О серьёзных размывах левого берега в весенний период имеются сведения на конец XIX в. у М.В. Рубцова, когда он сообщает о смыве Волгой прибрежного на тот момент кладбища у Гостиного ручья и значительном повреждении культурного слоя в ходе строительства моста. «Гробы и надгробные плиты его (кладбища) почти ежегодно обнажаются весеннею водою на глубине около 2 аршин в Заволжском берегу реки Волги, а в прежнее время, 35 лет тому назад, края этих плит постоянно можно было видеть торчащими из бере-

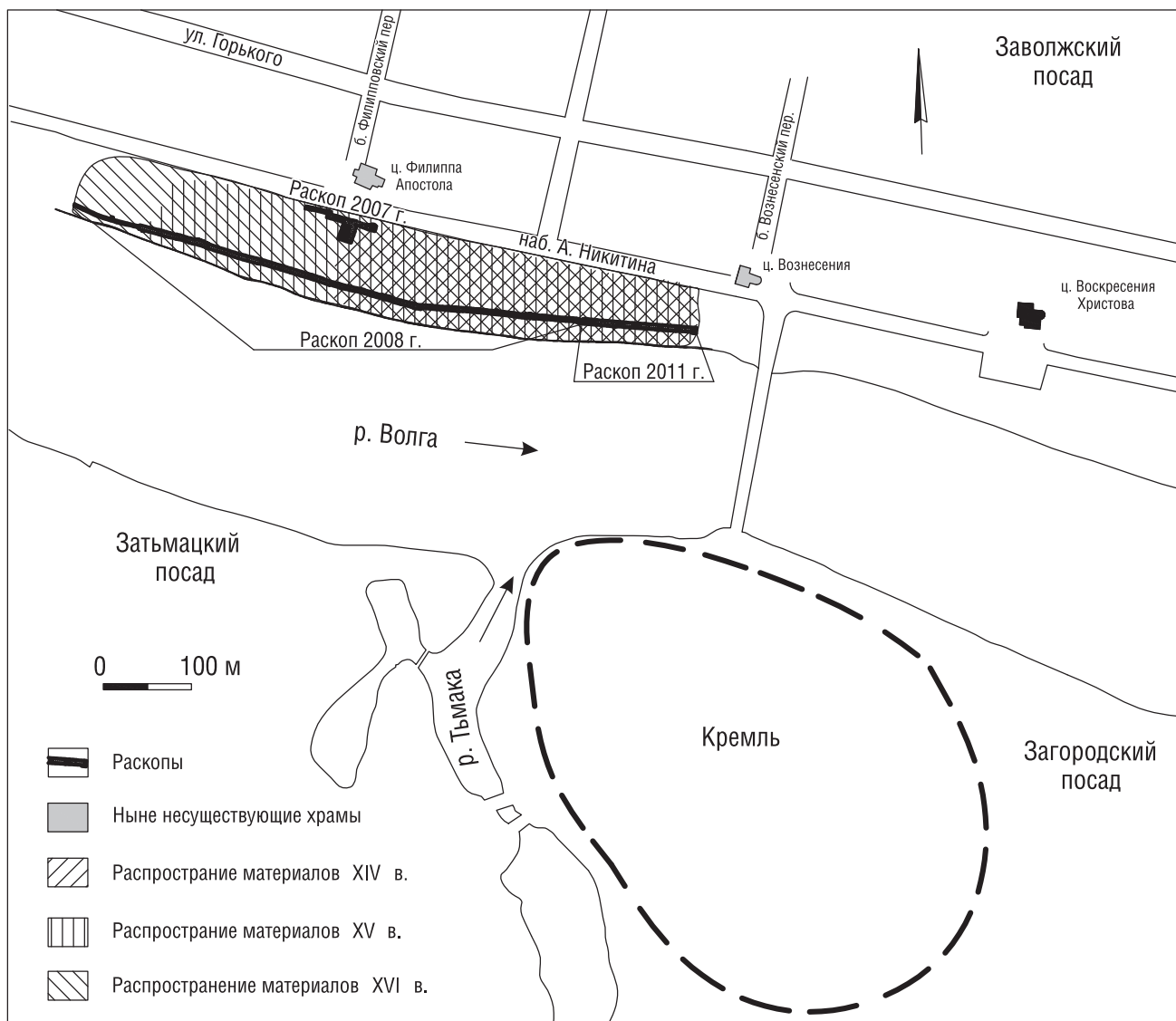

Рис. 1. Расположение раскопов 2007–2008 и 2011 гг. на плане г. Твери с указанием ныне несуществующих церквей XVIII в.; распространение материалов и словёв различного времени

га Волги в этом месте, а около них – по берегу р. Волги – в изобилии разбросанные черепа и кости, и другие предметы... Во время постройки в 1897–1900 гг. постоянного моста через Волгу, часть земли, толщиной около аршина, а в некоторых местах и более, потребная для насыпи дамбы для берегового быка с Заволжской стороны, бралась с Заволжского берега Волги вплоть до Гостина ручья и выше его, задела самое кладбище, так что теперь могильные плиты его лежат уже на значительно меньшей глубине. Один июльский вечер 1899 г. рабочие при мне выкопали часть надгробной плиты (другая осталась в земле)...» [20, с. 19–20].

Вероятно, неширокий прибрежный посад XIII в. был смыт, а более поздняя застройка переместилась выше. Такие же переселения наблюдаются и на других памятниках, что, наверное, связано с изменениями климата в это время и общим повышением уровня воды – следствием наступления малого ледникового периода [21, с. 230].

Материалы XIV в. значительно представительнее, хотя застройка была выявлена лишь на небольшом участке исследований (раскоп Филипповский 2, участок 7), где обнаружены часть котлована постройки (яма 1) и несколько частокольных канавок [18]. На отмеченной штриховкой территории (рис. 1) найдены обломки посуды, в том числе восточной поливной и колыбной, кресты-тельники, перстни бронзовые и стеклянные бирюзовые, височные кольца, наконечники стрел и пр. Реконструируемая планировка западных усадеб (рис. 3) имеет некоторый разворот к современному берегу Волги, но почти параллельна береговой линии плана 1840-х гг. Последнее обстоятельство также косвенно свидетельствует о возможном изменении

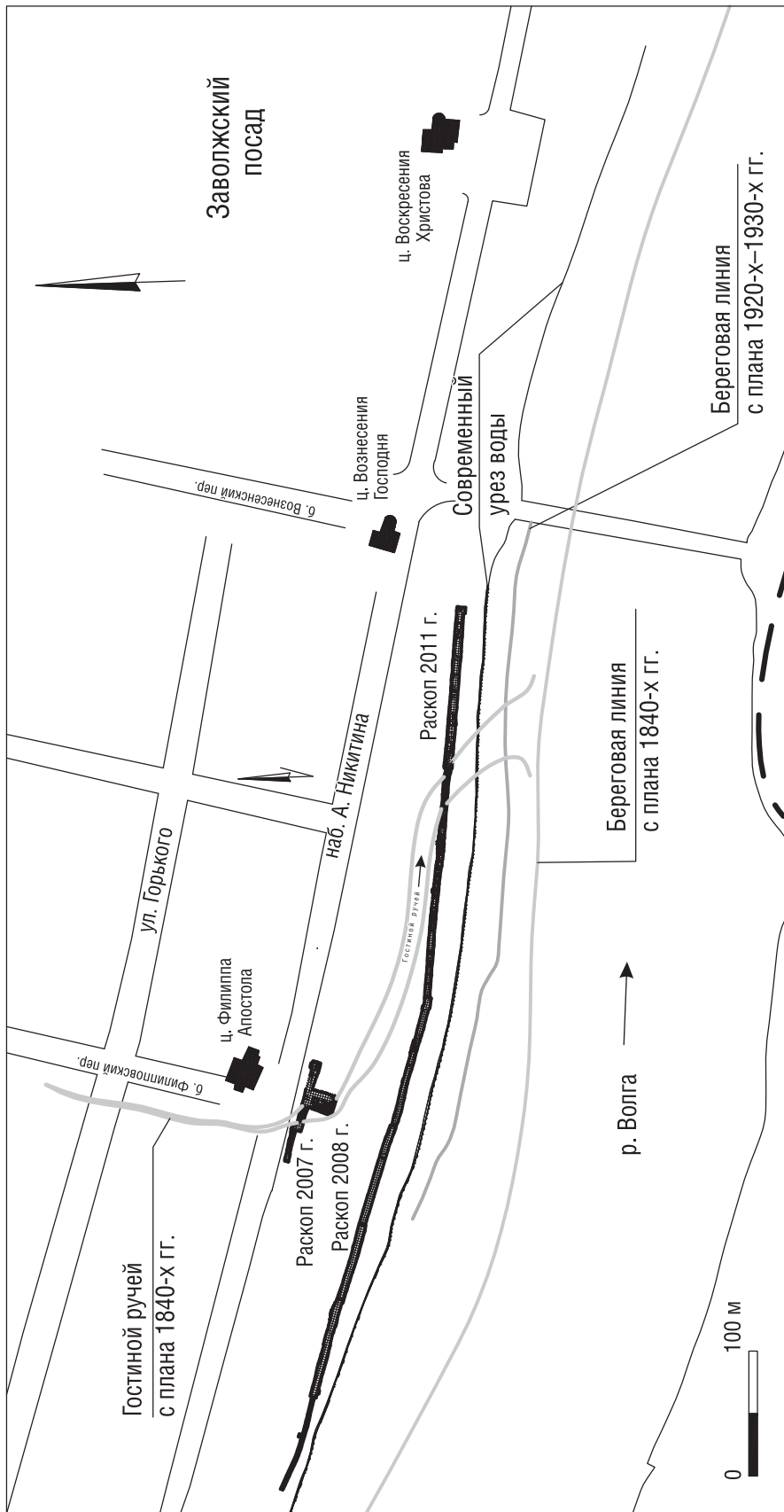

Рис. 2. Береговая линия р. Волги по планам разных лет

берега Волги и позволяет предположить планировку XIV в. ориентированной на реку. План 1840-х гг. показывает в этом месте, напротив части русла Гостиньго ручья, ориентированного с запада на восток, изгиб реки с небольшим выступом к югу, которому, вероятно, и была параллельна выявленная планировка. Здесь же можно отметить, что расположенная к востоку застройка имеет несколько иную ориентировку, разворот её также связан с направлением береговой линии. Скучность материалов, происходящих из частокольных канавок, позволяла отнести их к XIV в. лишь по стратиграфии. Таким образом удалось выделить 9 усадеб на правом берегу Гостиньго ручья, распланированных вдоль берега Волги (рис. 3). Частоколы XIV в. нарушены колодцем XV–XVI вв., который ориентирован параллельно канавкам. Это позволяет сделать вывод о том, что средневековая планировка сохранялась в течение XIV–XVI вв., изменялись лишь границы усадеб. А наличие колодца в непосредственной близости от современного уреза воды также косвенно свидетельствует о смыве значительной части берега.

Территории, занятые посадом XV–XVI вв., на мой взгляд, можно рассматривать совместно. Во-первых, планировка в это время изменяется незначительно (немного переносятся границы усадеб). Во-вторых, западная часть исследованных территорий (наиболее близкая к современному берегу Волги) не сохранила следов планировки XVI в., и мы можем рассматривать её лишь в пределах планировки XV в., а некоторые остатки производств датируются кон. XV – 1-й пол. XVI в.

Расцвет и рост Твери в XV–XVI вв. подтверждается большим количеством археологизированных остатков жизнедеятельности на исследованном участке Заволжского посада и увеличением его территории. Это, кроме прочего, выражается в находках большого количества монет (903 шт.): больших (168 шт.) и малых (683 шт.) медных пул, серебряных денег (37 шт.) и копеек (15 шт.) [17–19]. На правом берегу Гостиньго ручья частично исследована крупная специализированная косторезная мастерская по изготовлению накладок на пластинчатые рукояти ножей (собрано ок. 20 тысяч единиц отходов производства, найдены заготовки накладок (53 шт.), готовые изделия (3 шт.), сверло) [17; 22]. К востоку от неё, на левобережье ручья, по берегу Волги выявлены остатки деятельности небольшой железодельной мастерской, в которой, возможно, изготавливали сами ножи (собрано 4339,4 кг первичных криц и шлаков). А ещё восточнее были зафиксированы некоторые следы обработки бронзы, возможно, здесь производили фурнитуру для тех же ножей (найлены тигли, обрезки пластин, готовые тыльники) [19].

Чтобы иметь самое общее, но вместе с тем наглядное представление о возможной планировке этой части города, необходимо, на мой взгляд, обратиться к письменным источникам. В Выписи из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова 1626 г. [23] есть упоминания о расположении в районе раскопов нескольких ориентиров: церковь Воскресения Христова (существующая), церковь Вознесения Господня (утрачена, но есть на планах XVIII–XIX вв.), церковь «Филипа Апостола» (утрачена, но есть на планах XVIII–XIX вв.), храм Николая Чудотворца («деревянь обалился, стоит пуст...»), церкви Дмитрия Святого, Архангела Михаила, Святой Евдокии, Оксиньи Святой, Святой Живоначальной Троицы на Всполье (о которых ничего не известно, кроме упоминания в писцовой книге), «Гостинь» ручей, Большая улица, Дмитровская дорога, Визляевская улица, Новгородская дорога, Гостиная (Гостинная) улица, перевоз у церкви Воскресения Христова. Эти объекты можно схематично расположить так, как показано на рис. 4 (контуры берега и ручья нанесены с плана 1845 г. [15]), имея в виду, что это моё понимание писца может быть не вполне верным, а данные писцовой и межевой книги 1685/86 гг. (далее ПК 1685) не всегда могут помочь [24]. Местоположение церквей Святой Оксиньи, Святой Евдокии, Дмитрия Святого и Святых Иоакима и Анны точно не показано. Так, ПК 1685 указывает в конце посада по Большой улице церковь Архангела Михаила («Через Гостиной ручей, идучи Большою улицею, по левую сторону... а у него ж пригорожено в огород кладбища, что бывала церковь Архангела Михаила.»), западнее по Большой улице домовладения не описываются, т.е. это крайнее из известных писцу церковных мест [24, с. 211–212]. В этой же книге далее читаем: «Да на Заволском ж посаде в Верховье, по конец посадов на берегу реки Волги кладбища пусто, что бывала церковь Иоакима и Анны» [24, с. 231]. Таким образом, в одном месте указываются церкви разных посвящений. Положение храма Михаила Архангела по ПК 1685 остаётся неясным. Выпись 1626 г. упоминает его на Большой улице, если идти от Вознесенской церкви на запад («вверх») [23, с. 135], далее она же указывает его положение «въ Гостиной улице» [23, с. 136]. Из чего следует, что участок под церковь Михаила Архангела располагался между этими улицами. При этом кажется очевидным, что некоторые названия улиц – двойные, как Новгородская дорога и Большая улица, Гостиная улица и Зимняя дорога. Вполне возможно, что кроме упомянутых переулков, в том числе безымянных, были другие небольшие проходы между усадьбами, а также проулки вокруг церковных мест.

Таким образом, две улицы, примерно параллельные берегу Волги (Гостиная и Большая), попали в зону исследований. В восточной части раскопа 2007 г. был открыт южный край кладбища (XVI – нач. XVIII в.), очевидно, ближайшей к раскопу Филипповской церкви. Под кладбищем обнаружены остатки посада XV в. (частокольные канавки, хозяйственные (№№ 3, 7) и подпольная (№ 16) ямы) [17]. В раскопе А.М. Салимова [25], исследовавшего Филипповский храм XVIII в. и заложившего шурф к югу от него, кладбище не обнаружено, что свидетельствует о смещении церковного места после перепланировки к северу. Видимо, деревянная церковь Филиппа Апостола находилась под современной набережной А. Никитина, то есть южнее указанного на планах каменного храма. Все планы и писцовые книги располагают Большую улицу (Новгородскую дорогу) к югу от церквей (Филипповской, Вознесенской и Воскресенской). Следовательно, искомая дорога могла находиться только к югу от исследованных в 2007 г. кладбища и посада. Возможно, одним из маркёров дороги могут являться колодцы (ямы 30, 31, 32), расположенные в юго-восточном углу раскопа

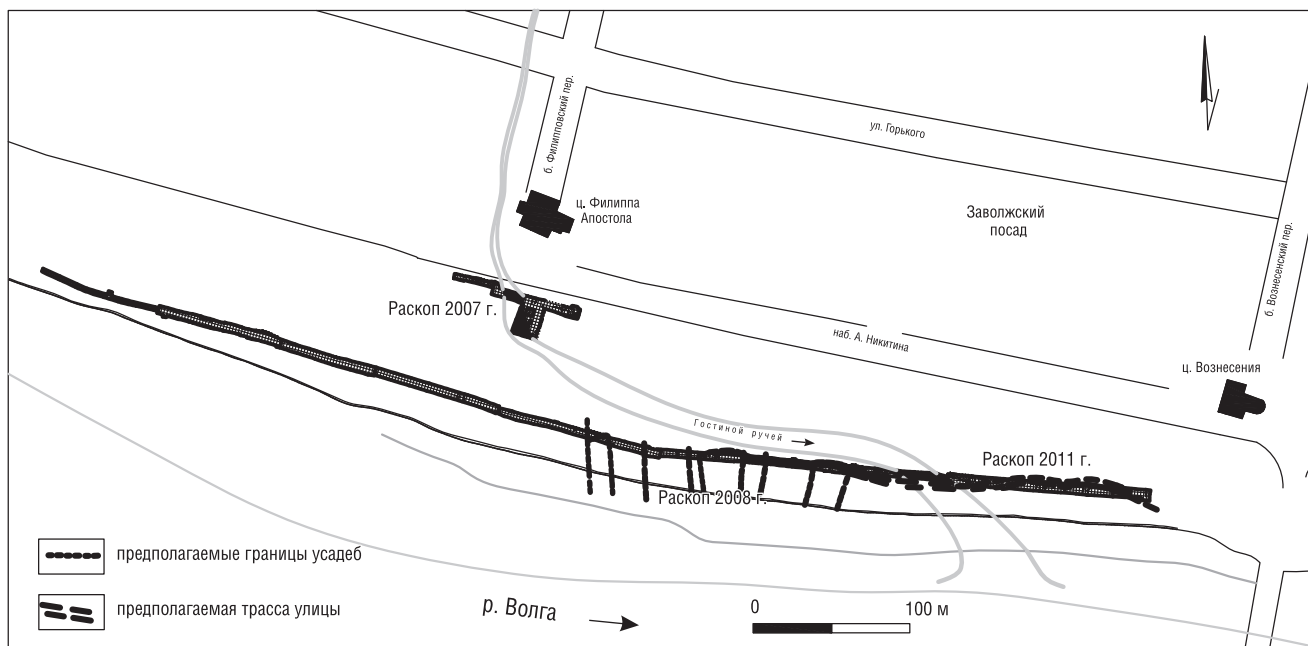

Рис. 3. Реконструкция планировки западной прибрежной части Заволжского посада г. Твери XIV в.

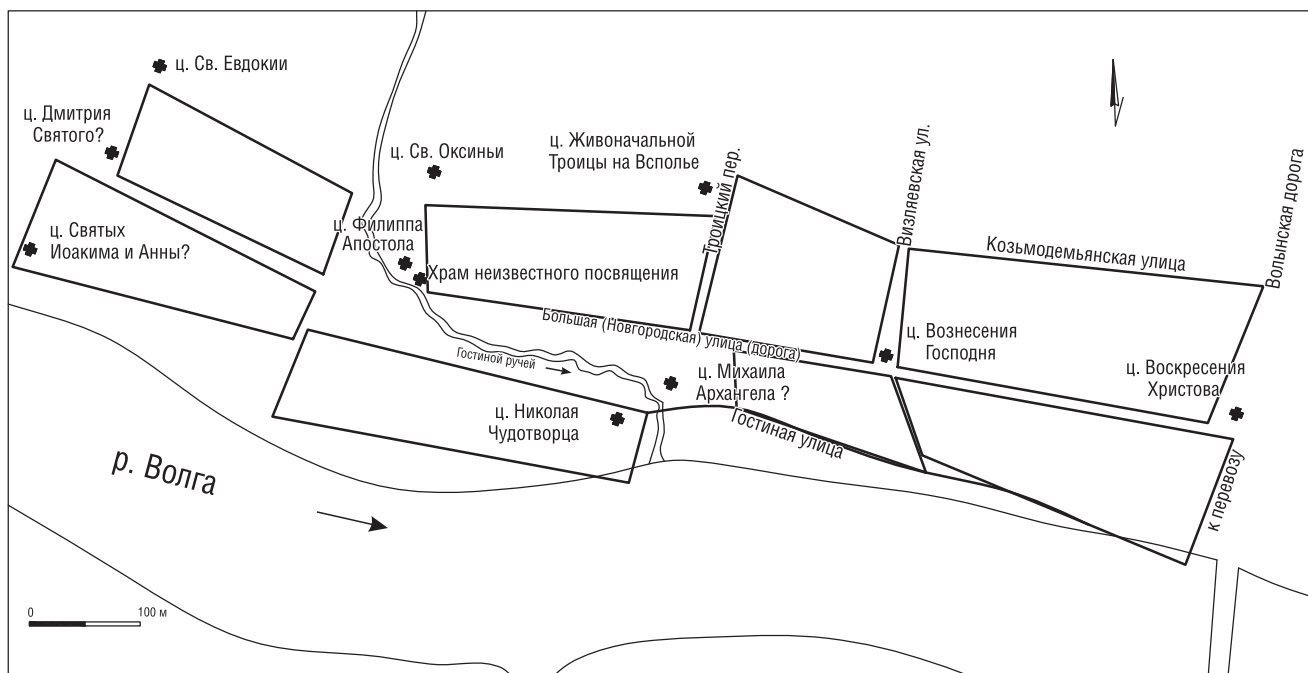

Рис. 4. Схема западной части Заволжского посада по писцовым материалам

[17]. Они, скорее всего, находились в южной части усадеб или за их южными границами (ряд ямок частокола доходит до склона ручья), колодцы расположены на склоне ручья, сменяя друг друга в XV–XVI вв., они поднимались вверх (наиболее древний – самый нижний). Могло ли русло ручья входить в усадебную территорию – неясно, но кажется маловероятным. В любом случае Новгородская дорога должна была проходить южнее усадеб и колодцев. Получается, что участок Новгородской дороги (Большой улицы) проходил вблизи русла Гостиного ручья (точнее, той его части, что протекала с запада на восток). Предположительно наибольшее расстояние между ними не превышало и 25 м, а скорее всего, было ещё меньше. Видимо, поэтому

писец в 1685 г. пройдя по Большой улице немного дальше Троицкого переулка, далее описывает земли «перешед Гостиной ручей» [24, с. 209]. Участок же на левом берегу меридианальной части ручья до церкви Филиппа Апостола не застраивался, так как был занят Новгородской дорогой.

Восточнее Большая улица (Новгородская дорога), видимо, поворачивала к северу, приближаясь к современной церкви Вознесения Христова, которая выстроена на месте деревянной или очень близко к ней (каменная церковь нарушает средневековое кладбище, попавшее в шурф 2001 г. [26]).

Обращает на себя внимание и то, что в писцовой книге 1685 г. также не описывается застройка по Гостиной улице (не считая небольшого участка на южном берегу ручья), хотя сама улица упоминается. Вероятно, к кон. XVII в. береговая часть уже была в значительной степени отмыта. Писцовые материалы 1685 г. можно схематично представить (рис. 5). Разворот усадеб, направление переулков и геометричность границ, конечно, весьма условны, так как материалы ПК 1685 не позволяют уверенно их реконструировать.

В раскопах 2007–2008 и 2011 гг. исследованные части 30 усадеб (5 в раскопе 2007 г., 17 на участках 7 и 8 в раскопе 2008 г., 8 в раскопе 2011 г.) содержали в основном столбовые, реже хозяйственные ямы и частокольные канавки (либо их нижние части как на участке 1 раскопа Филипповский 2). Только в раскопе 2011 г. были открыты подпольные части 8 построек, которые сконцентрировались вблизи русла Гостиного ручья и предположительно сменяли друг друга на трёх усадьбах. Их ориентировка, близость к руслу ручья позволяют предположить наличие к югу от них улицы (учитывая расположение ручья, улица, проходившая к северу, не оставила бы для самой западной усадьбы места для собственно усадьбы, только – для дома). Резонно предположить, что улица проходила южнее домов примерно параллельно самой древней реконструируемой линии берега (при этом, я полагаю, что дома стояли вблизи улицы, это подтверждается частокольной канавкой рядом с южными границами подполий: ямы 155, 166). Дома, стоявшие восточнее по улице, не вошли в раскоп, оставаясь к югу.

Где проходила эта улица западнее, не вполне ясно. В восточной части участка 8 раскопа 2008 г. (в кв. А-В-69-72) были зафиксированы многочисленные частокольные канавки (ямы 146, 148, 150, 152–158, 161, 162, 164, 272, 291), которые маркируют переулочек от Гостиного ручья к Волге, отделяющий правобережную территорию посада в приустьевой части ручья (рис. 6). В северной части этого участка (кв. А-Б-4-6 и А-Б-39-69) зафиксированы канавки (ямы 13, 60, 63, 91, 67, 676, 79, 85, 116, 123, 142, 208), которые ограничивают северные границы усадеб [18]. Логично предположить, что Гостиная улица продолжалась вдоль ручья, судя по выявленным канавкам, отклоняясь к югу напротив поворота ручья на восток. От переулочка, ведущего к Волге, по южным границам усадеб (где, скорее всего, и находились жилища) могла проходить ещё одна улица – Дмитровская. Лишь таким расположением можно объяснить в Выписи 1626 г. фразу: «по Дмитровской дороге по берегу отъ Волги къ Архангелу Михаилу въ Гостиной улице...».

Согласно Писцовой книге 1685 г., на ограниченной переулком (от Гостиной улицы к Дмитровской) мысовой (в настоящее время) части правого берега ручья могла располагаться деревянная церковь Николая Чудотворца с кладбищем (размыв которого засвидетельствовал М.В. Рубцов) [20]. Она была выстроена после разрушения Никольского монастыря во 2-й пол. XVI в. На незначительном участке, вошедшем в раскоп, никаких следов церкви или кладбища обнаружено не было.

Открытые в 2007 г. на раскопе Филипповский 1 следы разрушения каменной церкви могли относиться к главному храму Никольского монастыря [27]. Если это предположение верно, то монастырь располагался к северу от Новгородской дороги (Большой улицы). В 1685 г., когда об этом монастыре уже не помнили, на участке от церкви Филиппа Апостола до Троицкого переулочка указывается «место пусто Николы Малицкого монастыря» [24, с. 214], ставшего преемником Никольского монастыря «над ручьем». Здесь же указан «дворъ Николы Чудотворца Малицкаго монастыря» в Выписи 1626 г. [23, с. 138]. Полагать, что территория монастыря частично вошла в раскоп, нет оснований. Монастырское кладбище не обнаружено, нет следов строительства или остатков сооружений. Вместе с тем следы разрушения свидетельствуют о том, что каменный храм был близко, буквально по соседству. Приблизительно можно расположить его территорию вдоль Большой улицы с востока от раскопа 2007 г., размеры территории реконструировать пока невозможно (рис. 6).

В 2011 г. в западной части раскопа Вознесенский 1 был исследован слой однородной коричневой супеси, содержащий обломки квадратных с ковчезцем плиток пола (14×15×4–4,5 – 15×16×4 см) и несколько фрагментов терракотовых изразцов со следами известковой побелки (рис. 7). Этот слой перекрывает и частично заполняет подпольные ямы всех 8 построек XV – 1-й пол. XVI в. Обнаруженные остатки, однако, нельзя отнести к единовременным. Плитки пола, скорее всего, датируются XIV – 1-й пол. XV в., а терракотовые изразцы – кон. XV – 1-й пол. XVI в. На этом же раскопе был найден фрагмент кирпича-пальчатки [19] (Тв. М. ВХ № 1494/1515 – в заполнении ямы 65, на которую не распространялся слой с плитками). Таким образом, остатки строительной деятельности, обнаруженные в 2007 и 2011 гг., датируются довольно широко: 2-я пол. XIV – 1-я пол. XVI в. Слой щебня не содержал кирпичной крошки, что, на мой взгляд, при наличии изразцового декора маловероятно для слоя разрушения. Поэтому отнесение обломков изразцов и пальчатки к монастырскому строению проблематично, во всяком случае к остаткам храма, выявленным в 2007 г. Кроме того, реконструируемое место расположения Никольского храма слишком далеко от места находок изразцов (приблизительно 260 м к западу-северо-западу). Всего найдены 6 небольших фрагментов изразцов и один фрагмент кирпича, то есть весьма небольшое количество, происхождение которых неясно. Можно осторожно предположить какое-то каменное строительство в кон. XV – нач. XVI в. рядом с Вознесенским 1

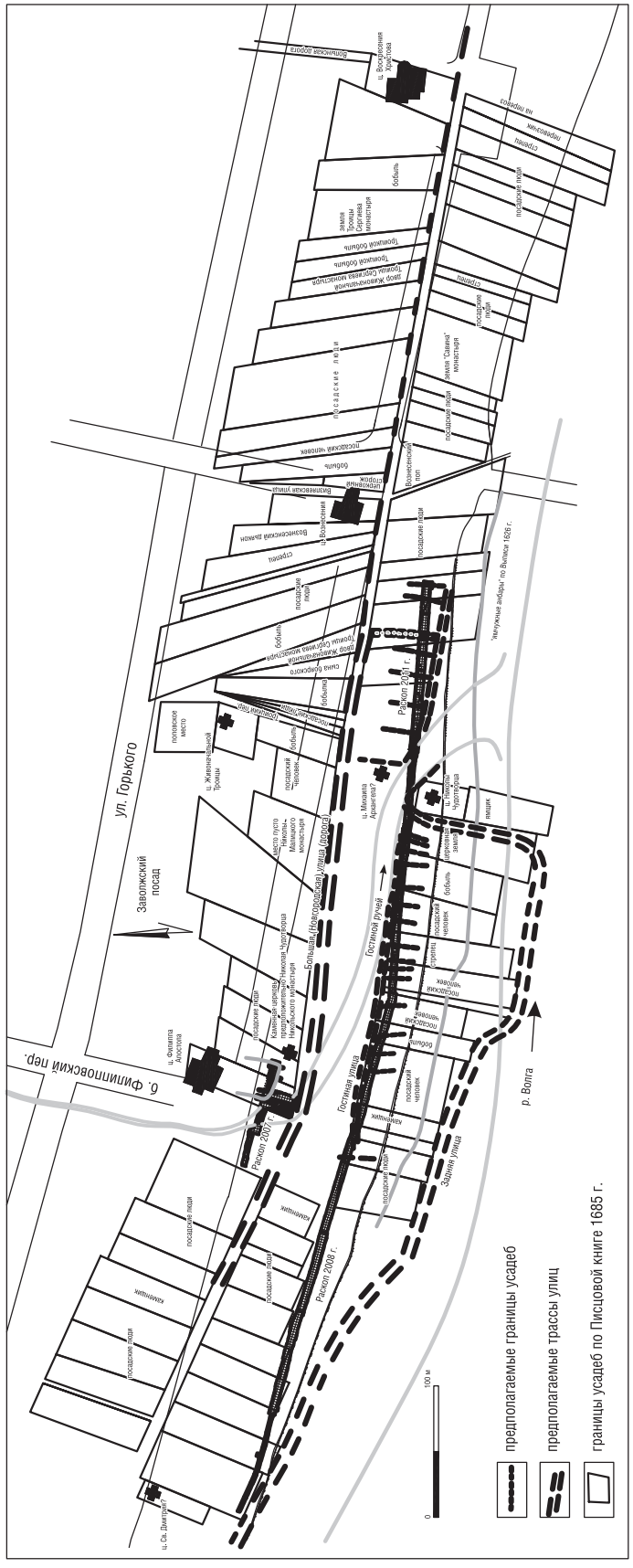

Рис. 5. Реконструкция планировки западной части Заволжского посада г. Твери по данным Писцовой и межевой книги Твери 1685–1686 гг. с наложением на современный план города и планировку XV–XVI вв.

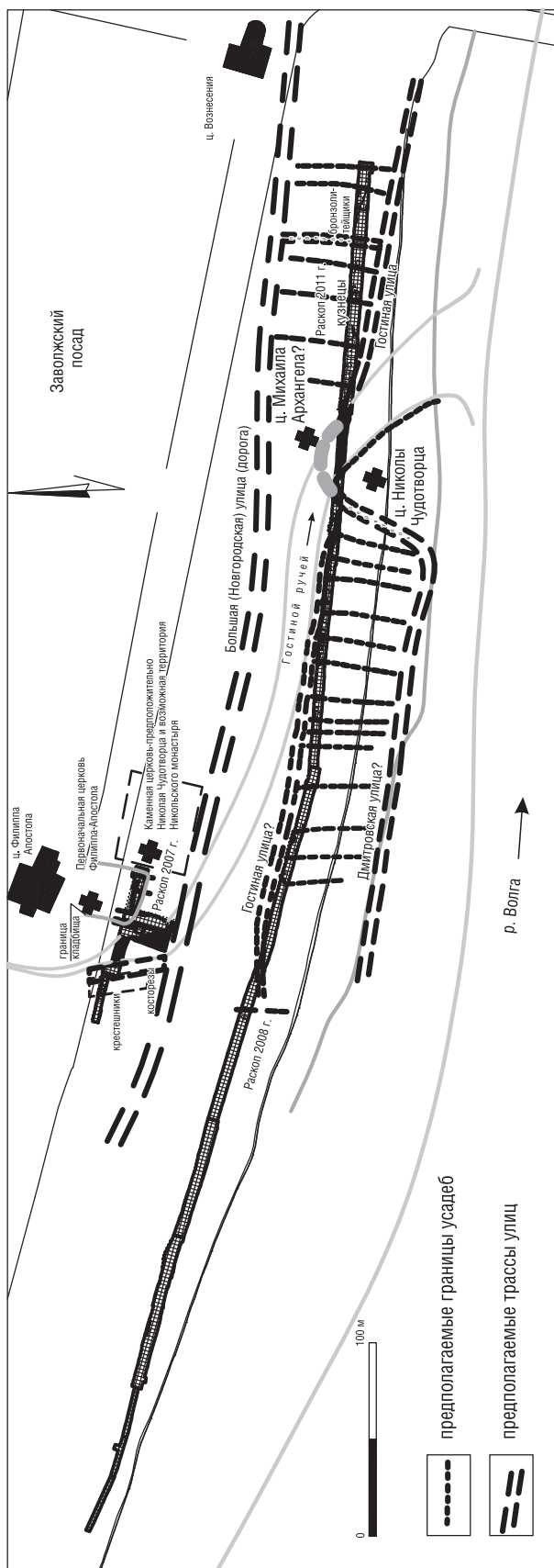

Рис. 6. Реконструкция планировки XV–XVI вв. западной прибрежной части Заволжского посада г. Твери

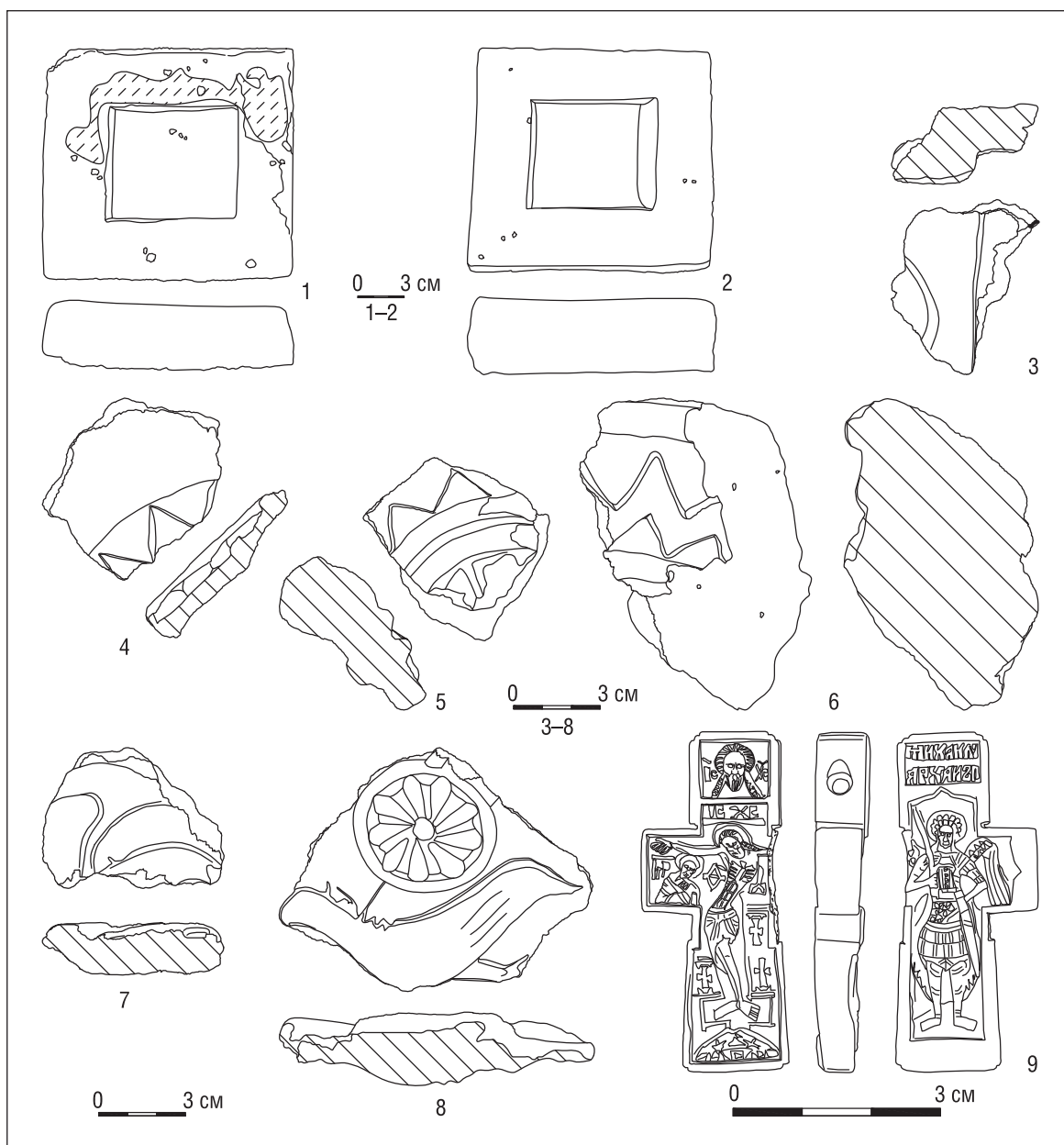

Рис. 7. Западная прибрежная часть Заволжского посада г. Твери. Находки из раскопа Вознесенский 1 2011 г.: 1–2 – плитки пола; 3–8 – фрагменты терракотовых изразцов; 9 – костяной крест

раскопом, однако в письменных источниках это строительство никак не отразилось, а следы его слишком незначительны. Нельзя исключить и то, что эти изразцы могут быть связаны с декором печи, установленной в деревянном храме, уже имевшем плиточный пол.

Найдены около 650 фрагментов плиток пола на небольшом участке раскопа (кв. с А-В-46 по А-В-66, то есть на расстоянии ок. 40 м). При этом следует указать, что мощность слоя в восточной части раскопа была невелика – от 5 до 40 см на очень незначительных по площади участках, почти все находки сделаны в ямах. Такое значительное количество плиток со следами использования и без них вполне могло остаться как от разрушенного храма, так и от мастерской по их изготовлению. Других признаков мастерской обнаружено не было, хотя берега Гостиного ручья позволяли добывать сырьё для таких изделий. Вместе с тем в Выписи из Тверских писцовых книг 1626 г. недалеко от этого места упоминается «храмъ во имя Михаила Архангела сгорелъ во тверское разореніе» [23, с. 135]. Возможно, плитки пола происходят из этого храма. Косвенно о близком расположении храма этого посвящения может свидетельствовать костяной резной крест

двусторонним изображением [19] (Тв. М. ВХ № 1494/1787). Он найден в нижней части подполья постройки 1-й пол. XVI в. На лицевой стороне изображён распятый Христос с предстоящими (вверху – Спас Нерукотворный), на оборотной стороне – Архангел Михаил. Тонкая высокая резьба, качество кости выдвигают этот крест в разряд нерядовых и недешёвых. Постройка, в которой он найден, вероятно, принадлежала жителю точному посадскому человеку, особо чтившему Архангела Михаила. Кроме креста найдены фрагмент импортного (турецкого) сосуда (Тв. М. ВХ № 1494/1731), нечасто встречающаяся беложелтая посуда: изящный кувшинчик (Тв. М. ВХ № 1494/2177), миска (Тв. М. ВХ № 1494/1753), наконечник пики (Тв. М. ВХ № 1494/1724), фрагмент духового музыкального инструмента (типа флейты) (Тв. М. ВХ № 1494/1559) и др. [19]. Жилище сгорело в пожаре в середине или во второй трети XVI в., подпольная яма была впоследствии перекрыта и частично заполнена слоем, содержащим плитки пола. Просевшее по центру содержимое котлована было перекрыто слоем с плитками пола и изразцами (мощность слоя ок. 70 см).

В 3 м к западу был выстроен ещё один дом (яма 144), который просуществовал недолго и тоже погиб в пожаре. Причём следы пожара видны только на дне котлована (где отлично сохранились сгоревшие дощатые полы, а лежащая на них прослойка песка прокалена). Возможно, остатки сгоревшего дома были разобраны и засыпаны близлежащим слоем. Наибольшее число обломков плиток пола обнаружено именно в заполнении этого подполья (437 шт.).

Из этих примеров видно, что слой с плитками пола к сер. – 2-й трети XVI в. уже существовал, что ставит под сомнение его происхождение от сгоревшей в тверское разорение (1606–1609 гг.) церкви Михаила Архангела, тем более, что плитки следов пожара не имеют. Конечно, до упомянутой в Выписи 1626 г. церкви могла существовать и другая, погибшая раньше, даже и каменная, но иные её следы пока не выявлены. Таким образом, писцовые материалы, подкреплённые данными археологии, позволяют указать примерное местоположение церкви Михаила Архангела восточнее поворота Гостиньего ручья на юг, между Гостиной и Большой улицами (рис. 6).

Восточнее подполья построек расположены две усадьбы, жители которых занимались изготовлением железных изделий. Здесь собраны первичные железные крицы и шлак, зафиксированы ямы для хранения и вымораживания глины (ямы 26, 27, 29, 131), а также, вероятно, яма, оставшаяся от функционирования горна (яма 2). Отходы железодельного производства распространялись на восток до квадратов линии 20, то есть включая переулочек (рис. 6). Этот переулочек никак не соотносится с писцовыми материалами, возможно, он был перепланирован в XVII в. Переулочек маркируется не только частокольными канавками (ямы 22, 82), но также и характером отложившегося слоя, сильно отличавшегося от слоёв лежащих к западу и востоку.

Можно осторожно предположить, что жители двух расположенных восточнее усадеб занимались литьём бронзовых изделий. В этих усадьбах найдено наибольшее количество тиглей, бронзовых тыльников, образков пластин.

На всём протяжении исследуемой траншеи встречались в небольшом количестве отходы из косторезной мастерской, часть которой была исследована в раскопе 2007 г. [22]. Косторезной мастерской предшествовала мастерская по изготовлению бронзовых крестов-тыльников с изображением Никиты-бесогона. Она была в значительной степени нарушена косторезами, однако именно здесь концентрировались тигли, выплески металла, бракованные и незаконченные изделия. Занятия населения на правом берегу Гостиньего ручья остаются неясными. Во всяком случае очевидных остатков сколько-нибудь крупного производства обнаружено не было.

Находки большого количества монет, в том числе редких (Тв. М. ВХ № 1494/990 – Микулинское большое пуло; Тв. М. ВХ № 1330/447 – Новоторжская денга), происходящих из различных регионов (например, большое пуло хана Джанибека (Тв. М. ВХ № 1494/807) – редкая для Твери находка, а монеты московской, новгородской и псковской чеканки встречаются и на других посадах), большого количества самых разных пинцетов приводят к мысли о купеческой деятельности населения. Такую идею высказывал Э.А. Рикман, связывая это место с торговыми людьми на основании топонима «Гостиной» [12]. Возможно, археологические данные подтверждают эту мысль, писцовые же материалы не упоминают купцов на этой территории. Можно предположить, что торговая деятельность вообще отдельно не выделялась и входила в круг интересов посадских людей наряду с остальными профессиями.

Слой XVII в. не вычленился на исследованных участках. Частично это связано с подрезкой слоя для строительства моста через р. Волгу в 1897–1900 гг. На значительной территории даже средневековый слой был почти полностью утрачен, и после снятия дёрна или дорожного покрытия в раскопах был выявлен материк. На всей площади исследований были найдены по 2 монеты Алексея Михайловича и Михаила Фёдоровича и 7 монет (копеек) Петра I. Это – ничтожное количество в сравнении с представительной нумизматической коллекцией XV–XVI вв. Нет и комплексов XVII в. Лишь с некоторой долей вероятности можно относить к этому времени некоторые столбовые ямы, которые должно быть были оставлены оградой усадеб. Возможно, слабая хозяйственная деятельность этого времени, когда большая часть жителей «бродить по миру» [24, С. 134], вымерла или забросила свои владения (место пусто), оставила слишком незначительные следы, для того чтобы выделить их. Так, в квартале от церкви Воскресения Христова до храма Вознесения Господня Выпись 1626 года указывает 16 усадеб, из которых лишь 4 имеют хозяина. В приходно-расходной книге 1614 г. сообщается: «...посацкіе старосты и целовальники били челомъ, что вернымъ целовальникомъ и перевозщикомъ на веревозехъ стоять не мочно, торговые люди ни откуды ни съ какими товары не ездятъ, Тверской уезд весь пустъ, ...» [28]. Поэтому реконструировать топографию рассматрива-

емого участка Заволжского посада на XVII в. по археологическим материалам не представляется возможным. Можно лишь предположить, что незначительная жизнедеятельность того времени не должна была слишком изменить более раннюю планировку.

Таким образом, самые общие наблюдения можно свести к схеме, данной на рисунке 6. Исследования 2007–2008 и 2011 гг. совместно с писцовыми материалами позволили для XV–XVI вв. подтвердить примерное местонахождение Никольского монастыря с каменной церковью Николая Чудотворца [29], предположить расположение сменившей её деревянной церкви Николая Чудотворца, деревянной церкви Михаила Архангела, трассировку Большой и Гостиной улиц, двух безымянных переулков и, возможно, Дмитровской улицы. Планировка ориентировалась на изгибы волжской береговой линии и лишь частично на Гостиной ручей (при впадении его в р. Волгу).

Материалы XIV в. – менее представительные. В целом можно предположить ориентированную на реку планировку. Надёжно локализовать улицы нельзя, можно лишь предположить наличие дороги вдоль Гостиного ручья и продолжение её вниз по Волге. Археологические данные о застройке исследованной территории в XIII в. отсутствуют в связи с тем, что значительная часть волжского берега позднее была разрушена половодьями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. СПб., 1876.
2. *Овсянников Н.Н.* Тверь в XVII веке. Исторический и археологический путеводитель по г. Твери. Тверь, 1889.
3. *Рубцов М.В.* Тверь в 1674 году, по Пальмквисту. Тверь, 1902.
4. *Жилина Н.В.* Топография храмов древней Твери по письменным источникам и в связи с данными археологии // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996.
5. *Жилина Н.В.* Тверской кремль: Этапы строительства укреплений и хронология культурного слоя // Кремли России: Тезисы докладов. М., 1999.
6. *Салимов А.М., Салимова М.А.* Тверской кремль и история застройки его северо-западной части // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Тверь, 1997.
7. *Курбатов А.В.* Опыт анализа культурных отложений на территории Тверского кремля (по раскопкам Л.А. Поповой 1985 г.) // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
8. *Хохлов А.Н.* К локализации укреплений Тверского кремля XIII – начала XIV вв. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997.
9. *Олейников О.М., Дайнин В.В., Романова Е.А.* Средневековые напольные укрепления Тверского кремля (по материалам исследований 1998 г.) // Тверской археологический сборник Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
10. *Хохлов А.Н., Нестерова М.Е.* К характеристике Тьмацкой линии укреплений Тверского кремля (по материалам раскопок 1998 г.) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
11. *Щенков А.С.* Опыт реконструкции плана Твери конца XVII в. // Архитектурное наследие. Вып. 28. 1980.
12. *Рикман Э.А.* Новые материалы по топографии древней Твери // КСИИМК. Вып. 49. 1953.
13. *Салимов А.М., Салимова М.А.* История формирования восточной части Заволжского посада Твери (Троицкая церковь и окружающая ее застройка) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7. Тверь, 2014.
14. РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 724.
15. РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 5.
16. ГАТО. Ф. Р-1199. Оп. 3. Ед. хр. 6.
17. *Романова Е.А.* Отчёт об исследованиях на территории бывшего Заволжского посада г. Твери в 2007 году. Раскоп Филипповский 1. Тверь, 2008. // Архив ИА РАН. Р-1.
18. *Романова Е.А.* Отчет о проведении охранных и научных археологических исследований на Заволжском посаде города Твери в 2008 году. Раскоп Филипповский 2. Тверь, 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
19. *Романова Е.А.* Отчет об охранных и научных археологических исследованиях на территории бывшего Заволжского посада г. Твери в 2011 году (Раскоп Вознесенский 1). Тверь, 2012. // Архив ИА РАН. Р-1.
20. *Рубцов М.В.* Св. Никола над ручьем, в г. Твери. Старица, 1912.
21. *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983.
22. *Романова Е.А., Данилов В.В.* К истории ремесленного производства в средневековой Твери: мастерская косторезов конца XV – начала XVI века на Заволжском посаде // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. II. Тверь, 2011.
23. Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подъячего Богдана Фадеева 1626 года. Тверь, 1901.
24. Писцовая и межевая книга Твери 1685–1686 гг. М., 2014.
25. *Салимов А.М.* Отчёт об археологических исследованиях на Филипповской площади в Твери в 1999 г. Тверь, 2000. // Архив ИА РАН. Р-1.
26. *Романова Е.А.* Отчет об охранных археологических исследованиях при ремонтно-реставрационных работах у ЮЗ угла колокольни церкви Воскресения Христова (Трех исповедников) на территории б. Заволжского посада г. Твери в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
27. *Салимов А.М., Романов В.В., Романова Е.А.* Тверской епископ Евфимий Вислень и церковь Николая «над ручьем» // Вестник славянских культур. № 4 (XXII). М., 2011.
28. Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. М., 1912. (Русская историческая библиотека. Т. 28)
29. *Салимов А.М.* Средневековое зодчество Твери и прилегающих земель. Т. I. Тверь, 2015.

*Тверской государственный объединённый музей,
Тверь*

E.A. Romanova

**THE TOPOGRAPHY OF THE WESTERN PART OF ZAVOLZHISKY POSAD OF TVER
ACCORDING TO THE MATERIALS OF EXCAVATIONS IN 2007–2008
(EXCAVATION AREAS PHILIPPOVSKY 1, 2) AND 2011 (EXCAVATION AREA VOZNESENSKY 1)
AND WRITTEN SOURCES**

Summery

The author uses the materials of 2007–2008, 2011 excavations in the territory of Zavolzsky posad of Tver and the evidencies of written sources of the 17th century for the reconstruction of the topography of western quarters of Zavolzhsy posad of Tver. The author gives a suggestion of the places of the St. Nicolas and the Mikhail Archangel churches together with the situation of the St. Nicolas Monastery. The researcher restores the situation of the Bol'shaya (Great) Street as well as the Gostinaya (the Merchants') and the Dmitrovskaya Streets along with two unnamed passages of the 15th–16th centuries. Moreover the author tries to restore the plan of this part of the city for the 14th century.

*Tver State United Museum,
5, Sovetskaya, St., Tver, 170100, Russia
E-mail: romartver@mail.ru*

С.А. Рудников

О СРЕДНЕВЕКОВОМ ЛАНДШАФТЕ УЧАСТКА СОВРЕМЕННОЙ СИМЕОНОВСКОЙ УЛИЦЫ Г. ТВЕРИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2011–2012 ГГ.)

В 2011–2012 гг. возле пересечения улиц Симеоновская и Трёхсвятская был заложен раскоп на месте будущего строительного котлована под реконструкцию с расширением гостиницы (Раскоп 155 на Загородском посаде г. Твери) (рис. 1, 2). Общая площадь раскопок составила 1339 кв. м.

Для данного раскопа характерны значительные перепады высотных отметок рельефа материка, что связано не только с разрушениями при устройстве фундаментов предшествующих зданий и подвала гостиницы в XVIII–XX веках. Наиболее высокие участки материковой поверхности выявлены в юго-западной, западной и юго-восточной частях раскопа (южная часть раскопа пострадала от современных перекопов). С юго-запада на северо-восток происходит постепенное понижение материковой поверхности: максимально от 129,80 м до 126,70 м в Балтийской системе высот. Таким образом, наибольшая разница верхней и нижней отметок достигала примерно 3 м.

Материковая поверхность сильнее всего понижается в северо-восточной части раскопа (до глубины 3,9 м от современной поверхности или 126,70 м в Балтийской системе высот). Это материковое понижение в ходе раскопок условно обозначили как «болото», из-за постоянного притока грунтовых вод (рис. 1, 5). Размеры «болота», или самой глубокой части раскопа, – примерно 14×5 м. Материковая западина вытянута с юго-востока на северо-запад. Слои её заполнения (с серой и серо-голубой глиной, перекрытые отложениями XIX–XX вв.) хорошо «читаются» в северной и восточной стенках раскопа. Мощность слоёв с серой глиной – 1–1,2 м, перекрывающих отложений – около 2,5 м.

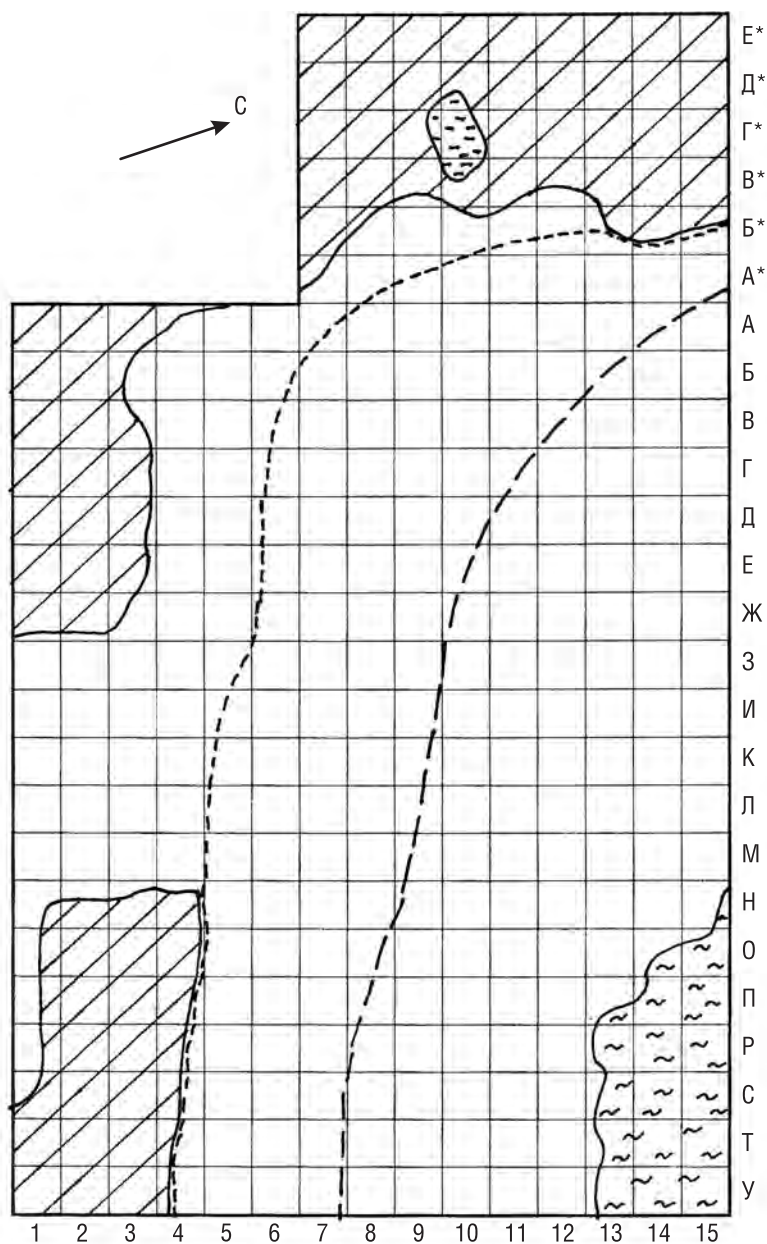
В слоях с серой глиной были найдены фрагменты круговой керамики XVI–XVIII вв., а также большое количество коровьих и лошадиных костей и черепа этих животных, а также несколько жердей (две с заострёнными концами) и деревянный предмет, интерпретированный как обломок весла (рис. 6).

В целом и понижение рельефа к северу, и характер слоёв заполнения создают картину существовавшего здесь оврага с ручьём в самой глубокой части. На высоких местах раскопа, преимущественно ближе к югу и юго-западу, сохранились следы улицы XVI–XVII вв. (частотные канавки, столбовые и хозяйственные ямы, а также предматериковый слой этого времени). На овраг выходили, вероятно, задние части дворов этой средневековой улицы. Предположительно это северная сторона Мироносицкой улицы. На схематическом плане Твери XVII в. А.С. Щенкова [1, с. 30] около этих мест, но ближе к острожному рву нанесён безымянный ручей с направлением течения в сторону реки Лазури (рис. 3).

На плане Твери первой четверти XVIII века («Фасат города Твери») Ивана Ярцева [2] улица Мироносицкая показана довольно упрощённо (нет детализации застройки, одинаковые дворы выстроены в одну линию), тем не менее по задней (северной) стороне дворов Мироносицкой улицы тщательно прорисована сплошная изгородь, отсутствующая на соседних улицах (рис. 4). На рисунке видно её примерное устройство: вертикальные столбы, поставленные через равные промежутки, удерживают горизонтально положенные жерди. Подобные изгороди изображены и на прибрежных улицах Заволжского посада со стороны реки Волги. Там они, вероятно, связаны с защитой дворовых участков от разрушения со стороны реки. На Мироносицкой улице эта изгородь не только имела защитную функцию, но и, по-видимому, препятствовала сползанию плодородного слоя в овраг.

На плане Твери И. Ярцева ручей не указан, возможно, из-за относительно небольшой ширины его русла, к тому же ручей мог пересыхать в засушливые годы.

На берегу ручья в первой половине XVIII века располагалась печь для обжига кирпича (рис. 1). Размеры печи – 3,4×2,2 м, она углублена в материк на 1,2 м, выстроена одна топка на 4 свода. Производство кирпича, помимо глины, требовало доступа к воде. Воду брали из ручья, а глину – на материковых склонах. Найдены 4 округлые ямы диаметром в среднем 1,5 м для добычи глины. Также выявлены около 8 ям для складирования кирпича-сырца. Ямы – подпрямоугольной формы, в среднем 1,5×2 м, заглублены в материк на 0,2–0,4 м. Ямы-склады, как и печка, сориентированы в основном по сторонам света, что, возможно, совпадает с местной дорегулярной планировкой.

Условные обозначения:

0 4 м

— — — — — граница разливов ручья в XVI–XVII вв.

· · · · · граница максимального подъёма воды в ручье

 — русло ручья

 — высокие места материковой поверхности с сохранившимся слоем XVI–XVII вв.

 — материковая яма с остатками печи для обжига кирпича

Рис. 1. План-схема расположения объектов на раскопе 155 (Тверь–2012. Загородский посад. Ул. Симеоновская, д. 30/27)

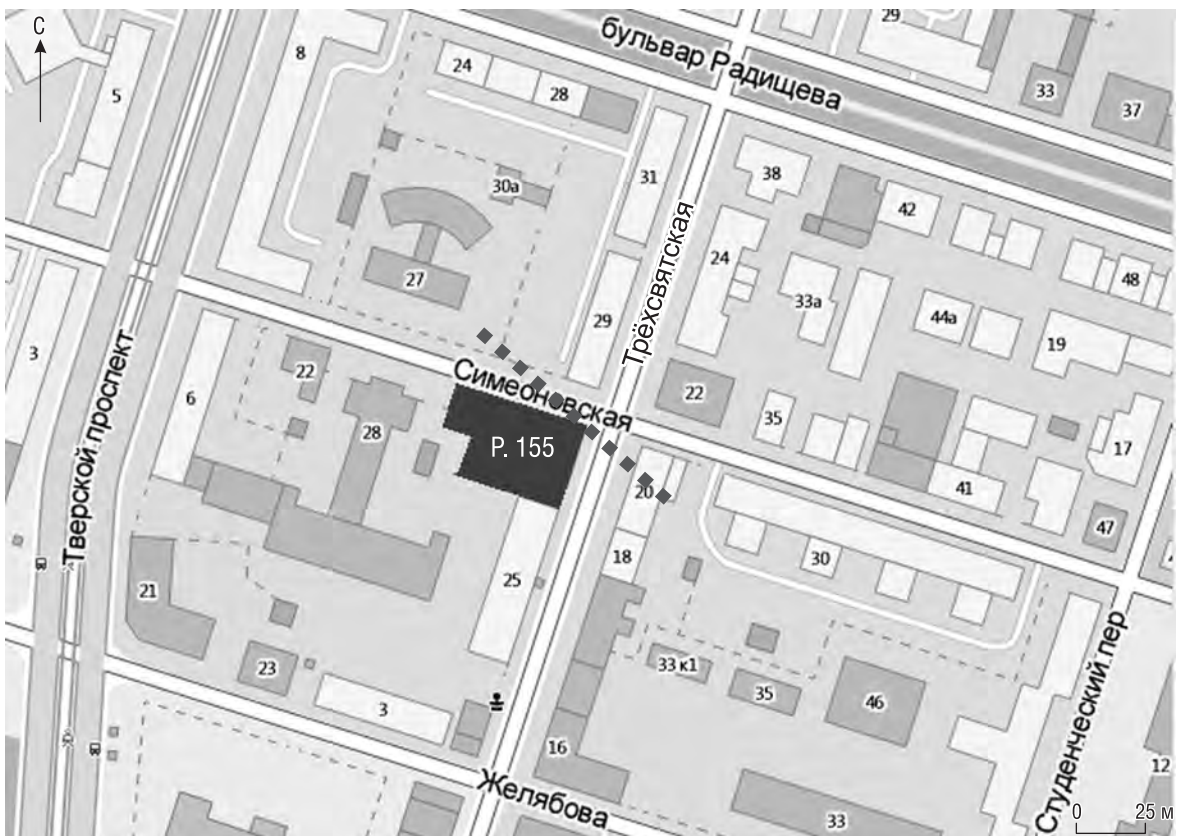

Рис. 2. Тверь–2012. Раскоп 155 на плане г. Твери. Показано предполагаемое расположение безымянного ручья, протекавшего вдоль средневековой Мироносицкой улицы

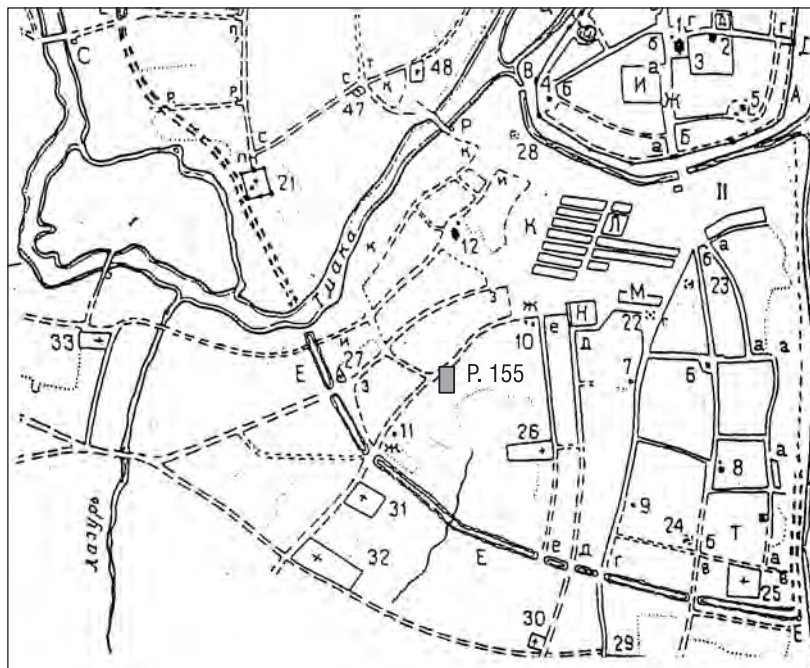

Рис. 3. Средневековая улица Мироносицкая на схеме плана г. Твери конца XVII в. А.С. Щенкова (обозначена буквой «ж»). Местонахождение участка работ

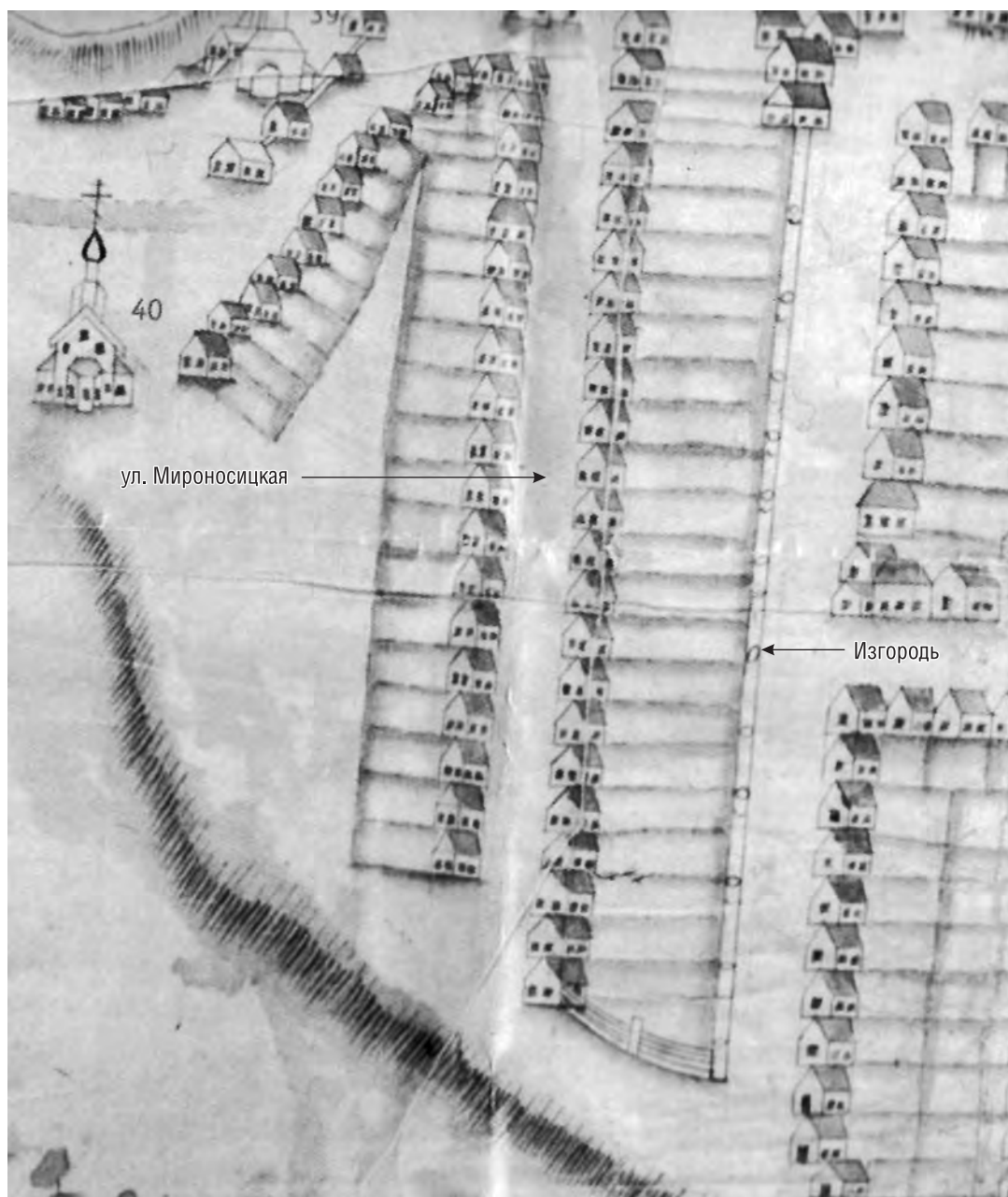

Рис. 4. Средневековая улица Мироносицкая на плане г. Твери И. Ярцева (1-я четв. XVIII в.).
Вдоль дворовых участков проходит изгородь

За время существования посадской застройки XV–XVIII вв. русло ручья постепенно заполнялось слоями, смытыми со склонов оврага. Кости животных, найденные в верхней части заполнения ручья (и в других частях раскопа), связаны с хозяйственной деятельностью посадских жителей XVII–XVIII вв. В писцовой книге 1709 г. описывается двор на Мироносицкой улице, житель которого Григорий Фёдоров сын Ворошилов «имеет промысел – торгует в Мясном ряду...», вместе со своим отцом Фёдором Ворошиловым он «бьёт и обрезают скотину и тем торгует» [3, с. 236–237]. Отходы производства, по-видимому, попадали и в ручей.

Во второй половине XVIII века в связи с перепланировкой Твери проводились масштабные землеустроительные работы. Существовавший рельеф был выровнен под новую регулярную городскую застройку.

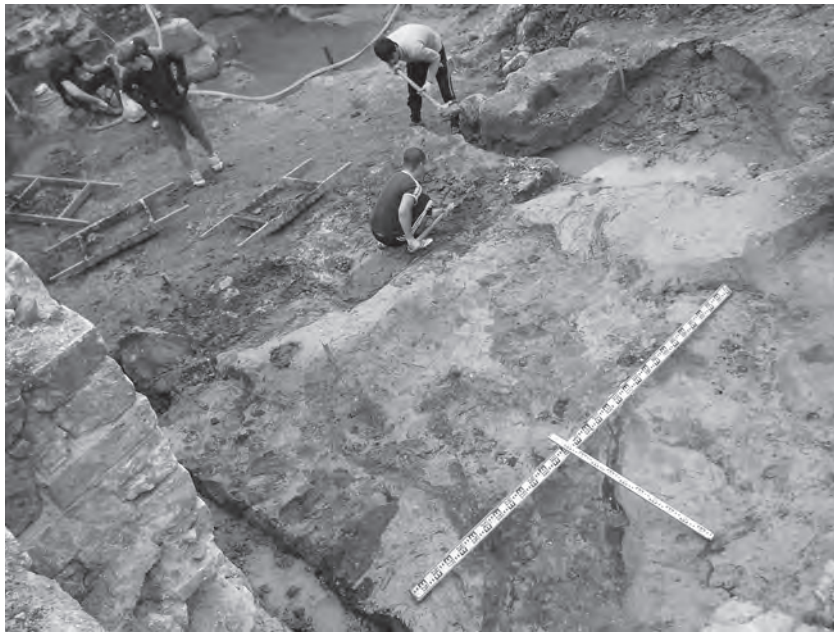

Рис. 5. Тверь–2012. Загородский посад. Раскоп 155.
Выборка слоёв с серой глиной на месте предполагаемого ручья. Рабочий момент. Вид с северо-северо-запада

Рис. 6. Тверь–2012. Загородский посад. Раскоп 155. Находки из заполнения ручья:
1 – обломок весла; 2–4 – колья. Дерево

Рис. 7. Тверь–2012. Загородский посад. Раскоп 155.
Материковая яма с остатками печи для обжига кирпича. Вид с запада

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щенков А.С. Опыт реконструкции плана Твери конца XVIII века // Архитектурное наследство. Вып. 28. М., 1980.
2. Соколов И.И. План г. Твери 1-й четверти XVIII века // Из истории Калининской области. Калинин, 1964.
3. Переписная книга города Твери 1709 года. Тверь, 2007.
4. Виноградова Е.А., Виноградов А.Д. Тверь XVI–XVIII вв. Очерки истории и экономики. Тверь, 2002.

*Тверской государственный объединённый музей,
Тверь*

S.A. RUDNIKOV

**ABOUT A MEDIEVAL LANDSCAPE OF A PLOT OF MODERN SIMEONOVSKAYA STREET OF TVER
(BY RESULTS OF EXCAVATION OF 2011–2012)**

Summary

In 2011–2012 near crossing of streets Simeonovskaya and Tryekhsvyatskaya the excavation on a place of future construction ditch was put (dig 155 at Zagorodsky Posad of Tver). The total area of excavation made 1339 sq. m.

For this excavation trench considerable differences of elevation marks of a relief of the natural are characteristic. From the southwest to the northeast there is a gradual decrease of a natural surface: as much as from 129,80 m to 126,70 m in the Baltic system of heights. Thus, the greatest difference between the top and the lower points is about 3 m.

The natural surface most strongly goes down in the northeast part of the excavation trench – to the depth of 3,9 m from the modern surface. This natural decrease during excavation conditionally was designated as «bog», because of continuous inflow of ground waters.

In general, and decrease of a relief to the northeast and the character of layers of filling, create a picture of the ravine existing here with a stream in the deepest part. On high places of an excavation, mainly southwest, traces of the street of the XVI–XVII centuries remained. Allegedly, it is Mironositskaya Street of medieval Zagorodsky Posad of Tver.

Later, in the first half of the XVIII century, on the bank of the stream the furnace for roasting bricks settled down. The furnace sizes – 3,4×2,2 m, the furnace is deepened to the natural. On slopes of the stream holes for extraction of clay and for storage of brick raw are found.

Further researches will help to specify details of the landscape and in general the life picture on the medieval street of Tver.

*Tver State United Museum,
5, Sovetskaya St., Tver, 170100,
Russia
E-mail: sergey.alecsandr@yandex.ru*

И.А. Сафарова

СТЕКЛЯННАЯ ПОСУДА XV–XVII ВВ. ИЗ РАСКОПОК ТВЕРИ

Стеклянная посуда из позднесредневековых отложений русских городов изучена пока недостаточно [1–3]. Это объясняется небольшим числом её находок по сравнению как с более поздними массовыми коллекциями (XVIII–XIX вв.), так и с более ранними материалами (XII–XIV вв.), которые включают разнообразную посуду – древнерусского производства и импортную.

Настоящая работа посвящена исследованию стеклянной посуды из слоя и комплексов XV–XVII вв. (всего 43 находки)¹ на территории Тверского кремля² и Затьмацкого посада Твери³ (рис. 1). Формирование выбор-

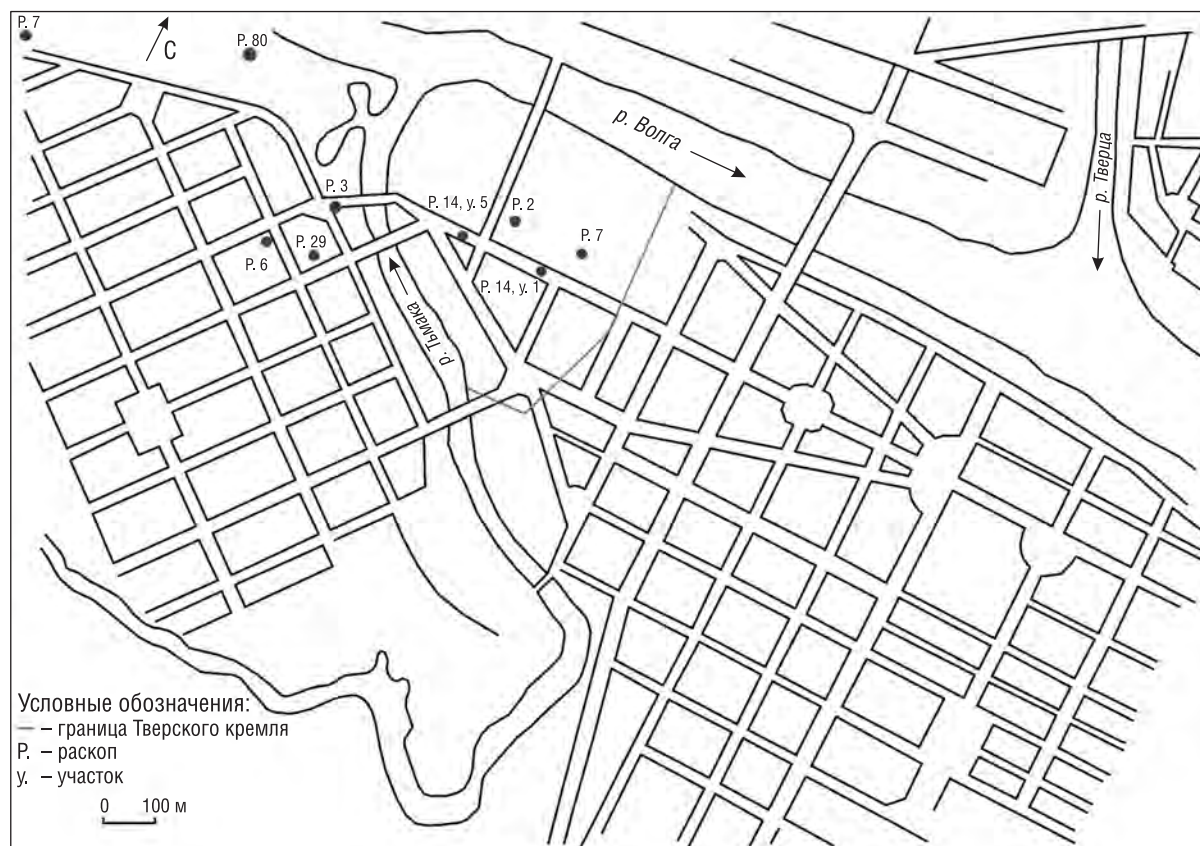

Рис. 1. Тверь. Расположение раскопок с находками стеклянной посуды XV–XVII вв., анализируемыми в статье

¹ Исследования 1984–2010 гг. Н.В. Жилиной, А.Н. Хохлова, М.Е. Нестеровой, Е.В. Кобозевой, А.А. Момбековой, С.А. Кунгурцевой. Пользуясь случаем, благодарю авторов раскопок за любезное разрешение использовать неопубликованные материалы.

² Раскопы 2, 7, 14 (участки 1Б, 5А, Б), инженерные траншеи по ул. Советской, 10.

³ Раскопы 3, 6, 7, 29, 80.

ки находок основано на датировке комплексов по стратиграфии, монетам, в некоторых случаях – с учётом данных радиоуглеродного датирования. Все изученные находки представляют собой мелкие обломки разных частей сосудов (наименьший размер фрагмента – 1,3×1,3 см, наибольший – 5,4×3 см) – стенок, донцев, венчиков. На основании сравнения морфологических и технологических признаков изделий, а также топографии находок можно предположить, что в этой выборке присутствуют фрагменты примерно 40 сосудов.

Задачами данного исследования являются: общая оценка количественного и качественного состава находок; выделение морфологических и технологических групп изделий; поиск возможных аналогий для определения их происхождения.

При систематизации материала использована методика, предложенная Ю.Л. Щаповой [4] и апробированная на различных коллекциях стеклянной посуды Средневековья и Нового времени [3; 5–7].

Морфология изделий включает описание конструкции, формы, метрики сосуда, а также цвета, прозрачности стекла. Сохранность данных находок не позволяет восстановить конструкцию и форму сосудов. Некоторое представление о разнообразии форм может дать выделение отдельных конструктивных частей и их описание. Большую часть находок представляют обломки тулова (36 фрагментов), в 5 случаях встречены фрагменты донцев и 2 раза – венчиков сосудов.

Венчики. Один из обнаруженных венчиков – вертикальный ровный с выпуклым краем (№ 35)⁴ (рис. 3), короткий (высота его составляет около 1 см). Второй венчик (№ 28 – рис. 2: 15) диаметром 2,8 см – наклонный наружу с выпуклым краем (высота его тоже составляет около 1 см). На сохранившихся обломках заметен переход к широкому тулову. Можно предположить, что оба фрагмента принадлежат закрытым сосудам. От близких по облику сосудов, получивших в литературе [8] название кварт или штофов, их отличает полное отсутствие горла.

Даже по небольшим фрагментам *тулова* сосуда сохраняется возможность представить его округлость или уплощённость. Среди имеющихся находок 20 фрагментов принадлежат сосудам с округлым в плане туловом и гладкой, ровной поверхностью (рис. 2: 1–6), ещё 4 фрагмента подобных сосудов имеют ребристую поверхность (что отражает способ их изготовления); четырёхгранное в плане тулово имели сосуды, от которых сохранились 11 фрагментов (рис. 2: 8–14).

Все обнаруженные *донца* – слабоогнутые, округлые в плане, одно из них (№ 36 – рис. 2: 16) имеет зонный кольцевой поддон (диаметр поддона – 3,5 см, что позволяет отнести его к небольшому открытому сосуду для питья).

Замечено, что в исследованной выборке отсутствуют такие детали конструкции сосудов, как ручки, ножки с подножками, носики, что значительно упрощает и обедняет морфологию сосудов.

Цвет стекла изученных находок не очень разнообразен. Выделяется целая группа (15 фрагментов) изделий из бесцветного (чистого, без каких-либо оттенков) стекла. Эта особенность парадного посудного стекла замечена давно. Отсутствие цвета обычно компенсируется декором. Встречены также обломки сосудов из зелёного (8 фр.), жёлтого (6 фр.) и жёлто-зелёного (3 фр.) стекла слабых светлых оттенков, что означает в целом безусловное преобладание неокрашенных и слабоокрашенных стёкол в изученной выборке. Менее четверти тверских находок имеют яркие, насыщенные цвета: сильные светлые оттенки пурпурного (5 фр.), синего (2 фр.), бирюзового (1 фр.) оранжевого (1 фр.) и красно-коричневого (1 фр.) цветов. У одного фрагмента цвет стекла установить не удалось вследствие его полной коррозии.

Прозрачность. Все сосуды, за исключением двух (№№ 32, 35), изготовлены из прозрачного и полупрозрачного стекла.

На 17 обломках сосудов сохранился разнообразный *декор*. Поскольку орнаментировалась не вся поверхность сосудов, некоторые фрагменты без декора могут принадлежать декорированным экземплярам. При исключении донцев и венчиков, которые обычно не украшались, доля декорированной посуды ещё более увеличивается.

Декор – наиболее важный признак в рассмотренной выборке, который не только позволяет оценить морфологические качества посуды, но и является важной хронологической характеристикой. Выявлены несколько разновидностей накладного декора: стеклянный декор в цвете предмета (№ 16 – рис. 4), наложение элементов (простых стеклянных цветных и филигранных полос) (№№ 1–15, 41 – рис. 2: 1–14).

Необходимым этапом изучения любой выборки стеклянных изделий является исследование **химико-технологических** признаков (техника изготовления сосуда, техника нанесения декора, химический состав стекла). Это напрямую связано с установлением происхождения и хронологии изученных находок. Наблюдаемые даже на мелких фрагментах признаки способа изготовления сосудов (форма, направление пузырьков и неровностей стекла, а также толщина стенок) позволяют выделить изделия, полученные свободным выдуванием, при котором формообразование происходит без заранее заданной по шаблону форме (их всего 12 в изученной выборке), и сосуды, в которых на разных стадиях их изготовления использовалась форма (все остальные). Рифлёная форма могла задать основной характер поверхности тулова сосуда, после чего, при дальнейшем выдувании, происходило сглаживание рельефных деталей (такой подход применён у 3 сосудов). Использование жёстких форм-шаблонов для формования поддона и тулова отмечено у двух сосудов. Гранёное тулово (наблюдаемое в 11 случаях) могло быть получено с помощью открытых (сверху и снизу) разъёмных форм.

⁴ № по списку находок стеклянной посуды (см. таблицу 1).

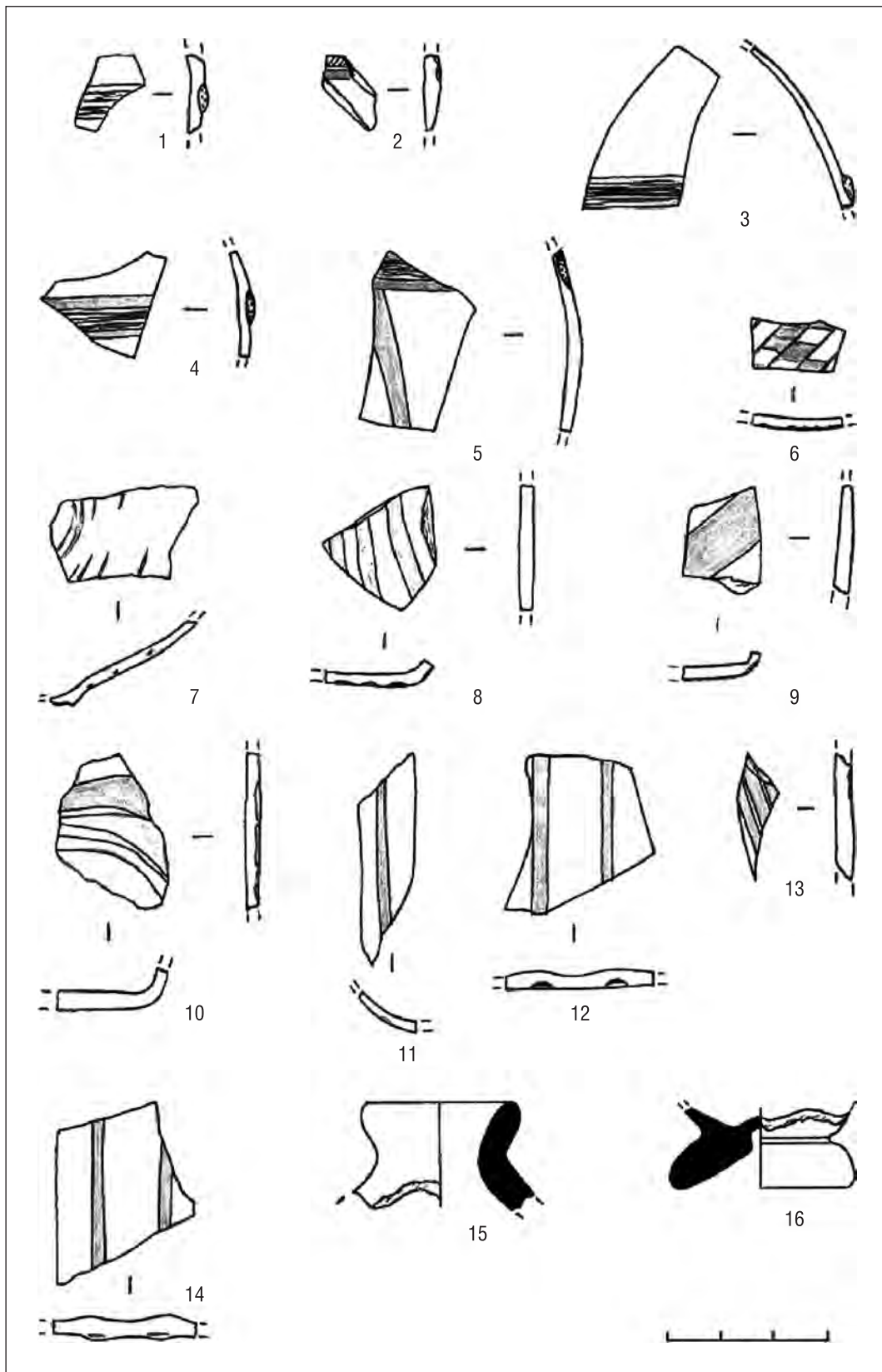

Рис. 2. Фрагменты стеклянной посуды XV–XVII вв. из раскопок Твери

Таблица 1. Список находок стеклянной посуды XV–XVII вв. из раскопок г. Твери, анализируемых в статье

№ п/п	Описание	Паспортные данные
1	Сосуда стеклянного пурпурного прозрачного с белым филигранным декором (нити) фрагмент (рис. 2: 1)	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 2, кв. Г-5, пл. 18/-174. № 20
2	Сосуда стеклянного бесцветного прозрачного с белым филигранным декором (спираль + накладная полоса) фрагмент (рис. 2: 2)	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 4, кв. 3-23, пл. 22/-218, постройка № 6. № 82
3	Сосуда стеклянного бесцветного прозрачного с белым филигранным декором (нити + накладная полоса) фрагмент (рис. 2: 3)	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 4, кв. И-1, пл. 23/-222, постройка № 6. № 45
4	Сосуда стеклянного бесцветного прозрачного с белым филигранным декором (нити + накладная полоса) фрагмент (рис. 2: 4)	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 5, кв. К-2, пл. 22/-215, постройка № 6. № 32
5	Сосуда стеклянного бесцветного прозрачного с белым филигранным декором (нити + накладная полоса) фрагмент (рис. 2: 5)	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 5, кв. И-2, пл. 23/-223, постройка № 6. № 99
6	Сосуда стеклянного пурпурного прозрачного с филигранным декором фрагмент (рис. 2: 6)	Тверь. Кремль. Раскоп № 14, уч. 1Б, пл. 28/-276. № 405
7	Сосуда стеклянного бесцветного прозрачного с белым филигранным декором (нити) фрагмент (рис. 2: 7)	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 29, уч. 1, кв. В-4, пл. 18/-177. № 200
8	Штофа стеклянного бесцветного прозрачного с филигранным декором фрагмент	Тверь. Кремль. Ул. Советская, 8. Шурф 1, гл. 167, слой тлена (западная стенка)
9	Штофа стеклянного синего прозрачного с накладным декором (полосы) красно-коричневого и белого цветов фрагмент (рис. 2: 8)	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 7. Зачистка стенки над постройкой
10	Штофа стеклянного синего прозрачного с накладным декором (полоса) красно-коричневого цвета фрагмент (рис. 2: 9)	Тверь. Кремль. Раскоп № 3, кв. 53, пл. 13. № 9
11	Штофа стеклянного бесцветного прозрачного с накладным декором (полосы) голубого, красно-коричневого и белого цветов фрагмент (рис. 2: 10)	Тверь. Загородский посад. Раскоп № 17А, кв. М-8, пл. 114/-135. № 11
12	Штофа стеклянного пурпурного прозрачного с накладным декором (полосы) белого цвета фрагмент (рис. 2: 11)	Тверь. Кремль. Раскоп № 14, уч. 5А, кв. Г-48, пл. 37/-363. № 12
13	Штофа стеклянного бесцветного прозрачного с накладным декором (полосы) красно-коричневого и белого цветов фрагмент (рис. 2: 13)	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 2, кв. В-2, пл. 21/-210. № 187
14	Штофа стеклянного бесцветного прозрачного с накладным декором (полосы) красно-коричневого и белого цветов фрагмент (рис. 2: 12)	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 4, кв. 3-20, пл. 25/-249, постройка № 8. № 496
15	Штофа стеклянного бесцветного прозрачного с накладным декором (полосы) белого цвета фрагмент (рис. 2: 14)	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 4, кв. Ж-20, пл. 26/-257, постройка № 5. № 18 (590)
16	Сосуда (бокала?) стеклянного бесцветного прозрачного с накладным стеклянным декором в цвете предмета фрагмент (рис. 4)	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 4, кв. 3-22, пл. 22/-213. № 42
17	Сосуда стеклянного бесцветного прозрачного фрагмент	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 5, кв. И-2, пл. 23/-225, постройка № 6. № 60 (677)
18	Сосуда стеклянного жёлто-зелёного прозрачного фрагмент	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 5, кв. К-2, пл. 23, постройка № 6. № 68
19	Штофа стеклянного жёлто-зелёного прозрачного фрагмент	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 5, кв. И-2, пл. 25. № 173 (678)
20	Сосуда стеклянного жёлтого прозрачного фрагмент	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 5, кв. И-1, пл. 26. № 221
21	Сосуда бесцветного прозрачного фрагмент	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 5, кв. К-2, пл. 25, постройка № 10. № 205
22	Сосуда стеклянного жёлто-зелёного прозрачного фрагмент	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 2, кв. Д-4, пл. 25, постройка № 4. № 206

Таблица 1 (окончание)

№ п/п	Описание	Паспортные данные
23	Сосуда стеклянного жёлтого прозрачного фрагмент	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 3, кв. Е-5, пл. 26/-251, постройка № 6. № 239 (11)
24	Сосуда стеклянного зелёного прозрачного фрагмент	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 4, кв. И-1, пл. 23/-227, постройка № 6. № 184 (5)
25	Сосуда стеклянного оранжевого прозрачного фрагмент	Тверь. Кремль. Раскоп № 2, кв. 16А, пл. 12
26	Сосуда стеклянного жёлтого прозрачного фрагмент	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 5, кв. К-2, пл. 22, постройка № 6. № 39
27	Сосуда стеклянного жёлтого прозрачного фрагмент	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 4, кв. Ж-22, пл. 27. № 706 (42)
28	Венчик сосуда стеклянного жёлтого (?) прозрачного (?) (рис. 2: 15)	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 29, уч. 1, кв. В-7, пл. 15/-142. № 64 (132)
29	Сосуда стеклянного зелёного прозрачного фрагмент	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 29, уч. 1, п/м. Б/н
30	Сосуда стеклянного пурпурного прозрачного фрагмент	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 3, уч. 2, кв. Д-12, пл. 11/-159. Б/н
31	Сосуда стеклянного зелёного прозрачного фрагмент	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 6, уч. 2, кв. В-13, пл. 20, постройка № 16. № 230
32	Сосуда стеклянного красно-коричневого непрозрачного фрагмент	Тверь. Кремль. Раскоп № 7, уч. 2, кв. Д-8, пл. 24, постройка № 3. № 153 (9)
33	Сосуда стеклянного зелёного прозрачного фрагмент	Тверь. Кремль. Раскоп № 14, уч. 5Б, кв. Г-56, пл. 39/-388. № 58
34	Сосуда стеклянного (кубок?) фрагмент (цвет и прозрачность стекла не определены)	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 29, уч. 9, кв. Ж-29, пл. 12. № 6
35	Венчик сосуда стеклянного (цвет и прозрачность стекла не определены) (рис. 3)	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 29, уч. 4, кв. К-24, пл. 11/-104, постройка № 24. № 44 (140)
36	Дно с придонной частью сосуда стеклянного зелёного прозрачного (рис. 2: 16)	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 29, уч. 4, кв. К-24, пл. 12/-118, постройка № 24. № 64 (146)
37	Дна сосуда стеклянного пурпурного прозрачного фрагмент	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 29, уч. 7, кв. Г-17, пл. 19, постройка № 2. № 22
38	Сосуда стеклянного зелёного прозрачного фрагмент	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 29, уч. 8, кв. И-26, пл. 18/-173, постройка № 2. № 212
39	Дно с придонной частью сосуда стеклянного зелёного прозрачного	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 29, уч. 9, кв. ?, пл. 14, м.я. № 2 (верхняя часть заполнения). № 7 (79)
40	Сосуда стеклянного зелёного прозрачного фрагмент	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 29, уч. 8, кв. ?, пл. 14/-134. № 22
41	Штофа стеклянного бесцветного прозрачного с накладным и филигранным декором (полосы) красно-коричневого и белого цветов фрагмент	Тверь. Кремль. Ул. Советская, 10. Флигель. Раскоп № 1, кв. А-3, пл. 16/-155. № 9
42	Сосуда стеклянного фрагмент (цвет и прозрачность стекла не определены)	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 80, уч. 3, кв. 482, пл. 9/-90, постройка № 15. № 431
43	Сосуда стеклянного жёлтого прозрачного фрагмент	Тверь. Затымацкий посад. Раскоп № 80, уч. 6, кв. 770, пл. 10/-98, постройка № 60. Б/н

уч. – участок; кв. – квадрат; пл. – пласт; /-174 – глубина от репера, см; № 20 – номер по описи; Б/н – без номера; п/м – подъёмный материал; м.я. – материковая яма

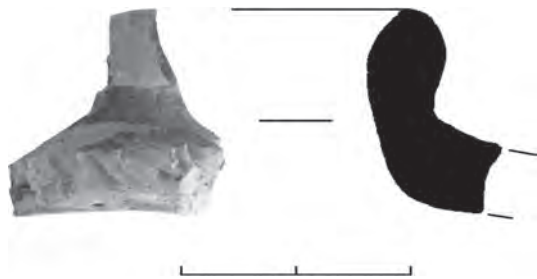

Рис. 3. Фрагмент венчика стеклянного сосуда (№ 35)

Рис. 4. Фрагмент стеклянного сосуда с накладным декором (№ 16)

Не менее важна техника исполнения декора. У 5 находок с накладным декором в качестве элементов использованы полосы разноцветного стекла (белого, красно-коричневого, голубого), в 9 случаях в накладе отмечено применение заготовок-стержней (или полос), украшенных филигранью. Техника изготовления филигранных изделий описана в специальной литературе [9; 10]. Процесс получения разнообразного орнамента из белых полос и тонких нитей, утопленных в основу, состоит из нескольких этапов: создание баночки-заготовки, отдельное изготовление элементов декора – простых (из одного стеклянного дрота) или сложных (из нескольких перекрученных между собой в сложный спиралевидный узор дротов) – и затем нанесение этого декора, после чего баночка-заготовка закатывалась до полного утапливания дротов в стенки сосуда. При этом разнообразными приёмами, например многократным нанесением декора на заготовку, перекручивания её в разных направлениях и т.д., можно было добиться получения настоящих шедевров. Наиболее известны достижения в этом венецианских мастеров-стеклоделов, благодаря чему сама техника филигрании получила название «венецианская нить» [11].

Сосуды с филигранью, обломки которых присутствуют в исследованной выборке (10 фр.), представляют собой достаточно простые изделия. Для их украшения использовано наложение готовых филигранных дротов овальной или сегментовидной в сечении формы (шириной 5–7 мм, толщиной 2–3 мм), при формировании сосуда, вероятно, они немного деформировались. Встречены декоративные элементы нескольких видов:

- со сложным узором из двух широких белых полос, расположенных по краям дрота, и нескольких тончайших (толщиной менее 1 мм) (почти не перекрученных или слабо перекрученных) нитей в центре (у 3 фрагментов, вероятно, одного изделия);

- со спиралевидным декором из двух тончайших нитей (сохранился на 1 фрагменте);

- с пучком тонких нитей, вытянутых вдоль дрота, без перекручивания (на 2 обломках);

- с одной (белой или красно-коричневой) широкой полосой по центру дрота (в 2 случаях).

У двух сосудов с филигранным декором для дополнительного украшения использованы также простые (белая и цветная) полосы стекла.

Филигранные заготовки позволяли получать декор, утопленный в стенку сосуда или слабо выступающий над поверхностью. Расположение этих элементов могло быть разным (горизонтальным, по окружности тулова, вертикальным – у гранёных сосудов). Но у всех изученных находок элементы декора находились на расстоянии друг от друга (от 1 см и более).

На сохранившемся фрагменте придонной части одного сосуда (№ 7) заметны концы нескольких тонких филигранных нитей (на расстоянии 5–8 мм друг от друга), вытянутых по окружности тулова. Характер декора в данном случае свидетельствует о нанесении филигрании сразу в процессе формирования сосуда, а не на этапе его декорирования.

Зафиксированный на пяти фрагментах накладной декор из простых цветных стеклянных полос (шириной от 3 до 9 мм) нанесён практически на всю поверхность тулова. На отдельных участках сосудов эти полосы почти соприкасались друг с другом или располагались на расстоянии 3–5 мм друг от друга. На всех таких изделиях полосы ориентированы вертикально (от донца к венчику), иногда с небольшим смещением. Все эти декоративные элементы утоплены в стенки и не выступают на поверхности сосуда.

Накладной декор одного из сосудов (№ 6) следует описать подробнее (рис. 2: 6). Тулово сосуда пурпурного прозрачного стекла (сохранился обломок размерами 1,6×0,8 см) имеет сложный орнамент из тончайших белых нитей и широких полос, расположенных примерно в «шахматном» порядке. Нити (менее 1 мм в толщину) располагаются параллельно, на равном расстоянии друг от друга (2–2,5 мм). Более широкие белые полосы заполняют небольшие (в форме ромба) участки между заданной нитями продольной «сеткой», никогда её не пересекая. Вероятно, весь сосуд был покрыт таким декором. Технику нанесения декора можно реконструировать следующим образом: в форму выкладывали тонкие стержни молочно-белого стекла, между которыми в «шахматном» порядке наносили широкие квадратные полосы такого же стекла. После этого заготовку-баночку сосуда из цветного (в данном случае пурпурного) стекла вдували в форму, в результате элементы сложного декора прилипали к стенкам сосуда, после чего происходила дальнейшая его

формовка, в процессе которой элементы декора растягивались и смещались от оси. Декор этого изделия следует признать самым сложным в изученной выборке.

От единственного изделия с декором, нанесённым в горячую из бесцветного прозрачного стекла (в цвете предмета) (№ 16) сохранились обломок донца и декоративная деталь в виде листа (рис. 4).

Кроме описания техники изготовления, технологическая характеристика изделий невозможна без информации о *химическом составе* стекла изученных находок.

Определён состав стекла пяти сосудов (таблица 2).

Таблица 2. Химический состав стекла сосудов⁵

№ п/п	Номер лабораторного анализа	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO
1	850-39 (2010)	0,1	4,6	15	3,1	2,2	0,3	0,7
2	719-21 (2000)	0,6	1,8	19	3,1	3,7	1,3	0,3
3	849-30 (2010)	1,0	5,4	27	6,0	5,8	0,4	1,0
4	719-31 (2000)	17	2,2	4,8	2,7	3,3	1,5	2,8

Стекло одного сосуда (№ 8; табл. 2: 1) (бесцветное прозрачное, без оттенков) с накладным декором из полос с филигранью (белой) относится к классу калиево-кальциево-кремнезёмных стёкол (K-Ca-Si), обесцвечено окисью марганца (содержание 0,7 %). Поскольку в стекле отмечено преобладание окиси калия над окисью натрия, можно считать источником щёлочей золу континентальных растений умеренной климатической зоны. Обращает на себя внимание низкое содержание щёлочей (в сумме всего 4,7 %, при соотношении K/Na – 46 и Ca/Mg – 4,8), что, на основании опубликованных данных по составу золы различных растений указанной зоны, позволяет предположить в качестве щелочного сырья – древесную золу (дуба, вяза или клёна) [12; 13].

Другой сосуд (№ 31; табл. 2: 2) – зелёный (отенок средний светлый) прозрачный, без декора, изготовлен из стекла класса K-Ca-Si. Очень низкое содержание щёлочей (в сумме 2,4 %, соотношение K/Na – 3, Ca/Mg – 6,1), как и преобладание окиси калия над натрием, возможно, связано с особенностью сырья (близкое соотношение щёлочей имеет зола травянистых растений умеренной зоны – типа вереска или водных растений той же зоны – камыша). Но в этом случае необходима искусственная добавка щёлочно-земельных элементов, поскольку зола не содержит их в достаточном количестве. Вероятнее предположение об использовании буковой золы: в различных частях этого дерева (ствол, листья) в зависимости от возраста содержится разное количество щёлочей. Несмотря на добавку окиси марганца (0,3 %), стекло сохранило слабый зеленоватый оттенок, связанный с присутствием в сырье окиси железа.

Близок к описанной находке образец стекла сосуда, цвет и прозрачность которого установить не удалось вследствие почти полной коррозии стекла (№ 42; табл. 2: 3). Класс стекла – тот же: K-Ca-Si, близкое сходство наблюдается также в соотношении основных стеклообразующих элементов (содержание щёлочей в сумме 6,4 % (вероятна потеря из-за коррозии стекла), соотношение K/Na – 5,4, Ca/Mg – 4,5).

Ещё два исследованных образца относятся к стёклам других классов.

Сосуд (№ 37) пурпурного (окрашенного окисью марганца) прозрачного стекла (табл. 2: 4) принадлежит к типу натриево-калийно-кальциевых кремнезёмных стёкол (класс Na-Ca-Si). Источником щелочного сырья послужили в данном случае наземные части поташника (растения, характерного для аридной зоны).

Стекло ещё одного сосуда (№ 35) [14, рентгеноспектральный микроанализ № 1] принадлежит к классу Na-Ca-Pb-Si. Щелочное сырьё – натриевое, содержащее большую примесь калия. В качестве источника щелочного сырья использовалась зола галофита (*Salicornia herbacea*) (корни). Зафиксирована добавка свинца к основным стеклообразующим элементам⁶. В качестве красителя, вероятно, использована окись меди, отмечено в стекле также присутствие окиси олова (в качестве глушителя ?).

Хронология находок. Все исследованные изделия укладываются в широкий хронологический диапазон – от XV до XVII в. В некоторых случаях представляется возможным уточнить хронологию (в пределах 50–100 лет).

Двадцать фрагментов посуды (№№ 3, 4, 6, 14, 15, 17, 18, 21, 22, 24, 26, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 42, 43) обнаружены в заполнении комплексов (построек наземных или с заглублёнными подклетами). В 17 случаях можно привязать указанные находки к слою функционирования или разрушения комплекса. При этом фиксация нескольких находок (особенно имеющих морфологическое сходство) в границах одного комплекса увеличивает вероятность правильного соотнесения обнаруженных фрагментов сосудов с изученным комплексом. Наличие датирующих находок в комплексе (в первую очередь, монет) позволяет получить определённые хронологические реперы. Так, 11 изученных обломков сосудов: №№ 3, 4, 6, 14, 17, 18, 24, 26, 32, 42, 43 – происходят из построек, в которых обнаружены серебряные монеты Ивана IV (1533–1584). Более ран-

⁵ Результаты оптико-эмиссионной спектрографии стекла, аналитик – А.Н. Егорьков, Лаборатория археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) (2000 и 2010 гг.).

⁶ Роль окиси свинца в данном случае не совсем понятна, но поскольку его количество могло повлиять на свойства полученного стекла, это соединение было включено в основную формулу класса и типа.

них фрагментов стеклянной посуды – из комплексов XV века – всего 2 (№№ 21, 22). Остальные изученные артефакты по имеющимся археологическим материалам имеют широкую датировку.

Группировка находок. Представленный набор морфологических и химико-технологических признаков позволяет провести группировку исследованных изделий.

Группа 1. Фрагменты сосудов из бесцветного стекла (без оттенка) или пурпурного прозрачного стекла с накладным филигранным (белым) декором (спираль, тонкие нити, широкие полосы). Всего таких находок в исследованной выборке 5 (№№ 1–5 – рис. 2: 1–5). Причём четыре из них (№№ 2–5) происходят из одного комплекса XVI века (постройка № 6 на участках 4 и 5 раскопа № 7 в Тверском кремле)⁷, ещё один фрагмент (№ 1) найден на другом участке того же раскопа. Судя по топографии, к этой же группе можно отнести ещё две находки (№№ 17, 26) – фрагменты сосудов из бесцветного прозрачного стекла без декора (обнаружены в комплексах того же раскопа № 7). На основании имеющихся признаков можно реконструировать не менее 2–3 сосудов с округлым или эллипсоидным туловом довольно большого диаметра, украшенных накладным декором из филигранных полос, покрывающих поверхность тулова не сплошь, а в виде довольно разреженной «сетки» или небольших горизонтальных «зон». Особенностью данных сосудов являются характер декора и способ его нанесения: готовые стеклянные полосы (палочки) с филигранью нанесены на поверхность сосуда на одном из этапов его изготовления (незадолго до завершения) как отдельный декоративный элемент. Данных по составу стекла нет. Но по сохранности можно предположить в этом случае использование натриевого стекла (такие стёкла обладают большей химической устойчивостью).

Группа 2. Фрагменты сосудов с четырёхгранным туловом (судя по форме обломков) из бесцветного прозрачного стекла с накладным филигранным декором из широких белых и красно-коричневых полос или белых тонких нитей, собранных в «пучок»: №№ 8, 14, 15 (рис. 2: 12, 14). Кроме формы сосудов, отличием от фрагментов изделий группы 1 является большая «частота» нанесения орнамента и его вертикальное расположение (от донца к венчику сосуда). Два обломка происходят из раскопа № 7 в Тверском кремле и связаны с постройками № 5 и № 8, которые датируются XVI–XVII вв. Состав стекла одного сосуда данной группы (№ 8)⁸ известен (класс К-Са-Si, использована, вероятно, зола широколиственных деревьев умеренной климатической зоны) (табл. 2: 1).

Группа 3. Фрагменты сосудов с четырёхгранным туловом (судя по форме обломков) из бесцветного, пурпурного и синего прозрачного стекла с накладным декором в виде вертикальных полос красно-коричневого, белого, голубого цветов, расположенных довольно часто, в направлении от донца сосуда к горлу, иногда с небольшим смещением (№№ 9–13, 41; рис. 2: 8–10, 13). Техника изготовления этих сосудов – выдувание с использованием формы. Данных по составу стекла нет. Эти находки происходят из раскопов на разных участках территории Тверского кремля (№№ 10, 12, 13, 41) и посадов – Затьмацкого (№ 9) и Загородского (№ 11). Дата всех их определена по стратиграфии – не ранее конца XVI–XVII в.

Группа 4. Фрагменты сосудов с округлым, четырёхгранным или ребристым туловом (точно форма не определена жёлтого, жёлто-зелёного, зелёного (слабых оттенков), оранжевого прозрачного стекла (№№ 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 27, 33, 39, 40, 42, 43). К этой группе отнесены фрагменты закрытых сосудов, вероятно флаконов: венчика (№ 28; рис. 2: 15) и стенки (№ 34), а также обломок донца с поддоном открытого сосуда (кубка?) (№ 36; рис. 2: 16). Таким образом, в данной группе присутствуют сосуды разного назначения и формы (сосуды для питья и стеклянная тара). Техника изготовления также отличается разнообразием – выдувание свободное или с использованием формы. Объединяет эти находки (кроме цвета и сохранности стекла) – полное отсутствие декора. На поверхности большинства фрагментов фиксируется золотистая плёнка иризации (легко скалывается), верхний слой стекла на некоторых обломках разрушен. Фрагменты сосудов данной группы в Твери найдены в комплексах на территории кремля (раскоп № 7) и древнейшей части Затьмацкого посада (раскопы №№ 29, 80). Хронология комплексов, где встречены фрагменты такого стекла, достаточно широка – от 1-й пол. XV в. (постройка № 4 участка 2 раскопа № 7) до 2-й пол. XVI в. (постройка № 6 участков 4, 5 раскопа № 7 и постройки №№ 15, 60 участков 3, 6 раскопа № 80).

Судя по результатам спектрального анализа, стекло одного сосуда (№ 42) относится к классу калиево-кальциево-кремнезёмных (сварено, вероятно, на древесной золе) (табл. 2: 3).

Группа 5. Фрагменты сосудов зелёного (различных оттенков) прозрачного стекла, имеющих на поверхности небольшое вертикальное рифление (№№ 24, 29, 31, 38). Техника изготовления – выдувание с использованием на начальном этапе рифлёной формы. Судя по фрагментам, они принадлежат открытым сосудам (чашам или кубкам) со слегка расширяющимися ко дну стенками. Сохранность стекла хорошая, есть слабая иризация. Найдены происходят с территории Тверского кремля (раскоп № 7) и Затьмацкого посада (раскопы №№ 6, 29) из построек XVI – начала XVII века.

Группа 6. Фрагменты тонкостенных сосудов пурпурного прозрачного стекла (№№ 30, 37). От одного сосуда сохранилось дно (диаметром около 10 см), округлое, слабовогнутое, от другого – обломок тулова. Техника – свободное выдувание. Сохранность стекла – хорошая (на одном фрагменте отмечена слабая иризация). Стекло одного сосуда, судя по спектральному анализу, относится к классу натриево-кальциево-кремнезёмных (сварено на золе галофитов) (табл. 2: 4). Оба обломка обнаружены на одном участке Затьмац-

⁷ В этом комплексе найдены несколько монет, самые поздние из которых – 2 серебряные денги-сабельницы Великого князя Ивана IV (1535–1547 гг.) [15].

⁸ Эта находка происходит из шурфа, выкопанного внутри здания, датирована только по стратиграфии – XVI–XVII вв.

кого посада (раскопы №№ 3, 29). Один фрагмент происходит из комплекса XVI–XVII вв., второй – из слоя того же времени.

Описанные группы находок включают более 4/5 сосудов исследованной выборки (38 фрагментов). Остальные 5 фрагментов представляют единичные образцы посуды.

Образец 1. Обломок стенки сосуда (тулово – округлое, эллипсоидное или шаровидное) пурпурного (отенок сильный тёмный) полупрозрачного стекла с белым накладным декором в виде «шахматного» узора (№ 6; рис. 2: 6; фото 1). Сосуд изготовлен с помощью формы. Стекло – со слабой иризацией. Состав его не определён. Найден на той части Тверского кремля (раскоп № 14, участок 1Б), где в конце XIV–XV в. располагался двор великих князей [16]. Анализ стратиграфии раскопа свидетельствует, что это – наиболее раннее из найденных изделий, датируется рубежом XIV–XV – первой половиной XV века.

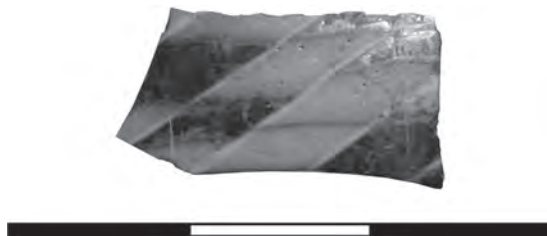

Фото 1. Фрагмент стеклянного пурпурного прозрачного с филигранным декором сосуда (№ 6)

Образец 2. Фрагмент донца сосуда (вероятно, бокала) (№ 16, рис. 4) из бесцветного прозрачного стекла с накладным стеклянным декором в цвете предмета (декоративный элемент – в форме листа). Стекло хорошей сохранности (имеет слабую иризацию). Декор нанесён на сосуд «вгорячую», в момент его изготовления. Состав стекла не определён. Происходит из тех же отложений раскопа № 7 в Тверском кремле, что и сосуды группы 1.

Фото 2. Фрагмент стеклянного бесцветного прозрачного с филигранным декором сосуда (№ 7)

Образец 3. Фрагмент тонкостенного сосуда (№ 32) красно-коричневого непрозрачного (специально заглашённого) стекла с «разводами», имитирующими рисунок полудрагоценных камней (например, яшмы). Стекло хорошей сохранности. Реконструируемый сосуд с туловом округлой формы изготовлен, вероятно, свободным выдуванием. Найден в раскопе № 7 в Тверском кремле (участок 2, постройка 3), датируется XVI веком.

Образец 4. Фрагмент венчика закрытого сосуда (вероятно, флакона) непрозрачного (?) стекла (№ 35, рис. 3). Судя по толщине стенок, сосуд изготовлен с помощью формы. Стекло покрыто плотной плёнкой иризации. Относится к классу натриево-кальциево-свинцово-кремнезёмных [14, рентгеноспектральный микроанализ № 1]. Обнаружен в верхней части заполнения подклета постройки XIII–XIV вв. (Затьмацкий посад, раскоп № 29, участок 4, постройка № 24) и датируется, вероятно, не ранее XV–XVI вв.

Образец 5. Дно с придонной частью сосуда (блюдца или тарелки) бесцветного прозрачного стекла с филигранным декором (№ 7; рис. 2: 7; фото 2): несколько параллельных полос белого непрозрачного стекла «вплавлены» в стенку сосуда, то есть декор нанесён в момент изготовления изделия. Сохранность стекла хорошая (слабая иризация). Техника изготовления – выдувание (вероятно, на каком-то этапе могла быть использована форма). Датировка обломка по слою – широкая: XV–XVII вв. (Затьмацкий посад, раскоп № 29, участок 1).

Происхождение и аналогии. Проверим соответствие полученных данных известным свидетельствам о развитии стеклоделия в указанный хронологический период. Морфологический и химико-технологический

кий анализы представленной выборки обломков сосудов позволяют связывать их все с европейским стеклоделием позднего Средневековья и Нового времени [11], в котором получили развитие 2 школы: венецианская (средиземноморская) и западноевропейская (континентальная или североевропейская).

Вторая половина XV – начало XVI в. – революционный период в истории венецианского стеклоделия. Около середины XV века венецианцы первыми в Европе научились делать бесцветное прозрачное стекло («*crystallo*»). В этот же период создаются новые цвета стекла (синий, красный, зелёный и их сочетания), возрождается античная техника «*millefiori*», начинается изготовление «*calcedonio*» – непрозрачного стекла, имеющего слоистость в подражание естественной структуре камня, расширяется сфера применения разноцветной эмалевой росписи на сосудах, появляется стекло, украшенное гравировкой. Создание молочно-белого непрозрачного стекла и техники «*vetro a filigrana*» относится к началу XVI века. Какими были первые изделия, исполненные в этой технике, неизвестно. Сохранившиеся драгоценные венецианские сосуды из королевских сокровищниц, сплошь покрытые филигранью, относятся к XVIII столетию [11, fig. 23].

С XVI столетия мастера-стеклоделы по всей Европе, получая новое качественное сырьё и контролируя процесс стекловарения, стали изготавливать более чистое стекло (без зелёного оттенка) [11, p. 45], в XVII веке в Германии, Британии и Франции появилось стекло, близкое по виду к горному хрусталу [11, p. 86]. С начала XVI века большое количество итальянских мастеров периодически или постоянно работали в европейских странах (Богемии, Германии, Нидерландах), постепенно создавая моду на венецианский стиль. Со второй половины XVI и до XVIII века в европейском стеклоделии развивалось направление «*a la façon de Venise*» [11, p. 70].

К **венецианскому** производству в изученной выборке тверских находок можно отнести несколько изделий (сохранившихся в виде отдельных фрагментов): сосуд пурпурного (тёмного) стекла с накладным белым декором (образец № 1), сосуд с филигранью (образец № 5), сосуд с накладным стеклянным декором в цвете предмета (образец № 2), сосуд из непрозрачного красно-коричневого стекла, имитирующего «слоистость» камня (образец № 3), сосуды из пурпурного стекла (группа б), флакон (образец № 4). Основание для подобного предположения – сложность декора, цвет, прозрачность, а также состав стекла (сваренного на золе галофитов). Археологическая дата этих сосудов достаточно широка – XV–XVI вв. Происходят они с территории Тверского кремля и с древнейшей части Затьмачья. Эти находки свидетельствуют об эпизодическом попадании в Тверь самой дорогой и драгоценной стеклянной посуды того времени.

Значительным количеством представлена в изученной выборке посуда в стиле «*a la façon de Venise*». Она неоднородна по своим морфологическим признакам. Наиболее ранним образцом изделий такого направления следует, видимо, признать сосуды бесцветного прозрачного стекла с накладным белым филигранным декором (группа 1), найденные на одном участке Тверского кремля, в постройке 1-й пол. – сер. XVI века. Аналогичные элементы и способ нанесения декора встречены на сосудах (кубках), обнаруженных при исследовании рва Альдтштата – района прусского г. Кенигсберга в 2011 году⁹. Подобная посуда в Англии известна с конца XVI века. Происхождение этих изделий исследователи связывают с деятельностью нидерландских мастеров [17, p. 325].

Следующая группа – закрытые сосуды с четырёхгранным туловом (штофы или кварты), с филигранным декором или полосами разноцветного стекла. Представляется, что штофы с белым полосатым декором являются раньше тех сосудов, на которых более грубый накладной декор состоит из разноцветных (красно-коричневых, голубых, белых) полос. Аналоги тверским находкам (сосуды с филигранью) известны в Новгороде с кон. XVI в. [18], в Москве с нач. XVII в. [19], в Мангазее в XVII в. [20, с. 48–49]. Тверские сосуды датируются кон. XVI–XVII в. Ю.А. Лихтер считает подобные изделия продукцией мастеров из Нидерландов, которые поддерживали тесные контакты с Венецией [19]. Нельзя исключить также возможность производства такой посуды в Германии, включая Богемию.

Другие тверские находки посудного стекла этого времени связаны с западноевропейским т.н. лесным стеклоделием – широко распространённым в основном в сельской местности гутным производством, характерными особенностями которого являются утилитарность изделий (изготовление простой столовой и тарной посуды – бутылок, штофов, сосудов для питья) и использование собственных доступных сырьевых материалов. В исследованной выборке это наиболее представительная группа находок. Даже небольшие сохранившиеся фрагменты позволяют предполагать присутствие разных категорий сосудов: бутылок, штофов, кубков для питья. Происхождение этой группы посудного стекла следует связывать с широкой географической областью: от Чехии на западе до Белоруссии и Украины на востоке [21; 22]. Появление этой продукции в Твери относится к XVI веку.

Проведённое исследование сравнительно небольшой выборки находок посудного стекла XV–XVII вв. позволяет сделать следующие выводы:

- стеклянная посуда в указанный период была редкостью, вероятно, вследствие отсутствия постоянно притока этих изделий;
- в Тверь стеклянная посуда попадала эпизодически, из разных районов Западной Европы;
- исследованные находки можно отнести к продукции нескольких стеклоделательных школ: средиземноморской (венецианской) и западноевропейской;
- в XV в. в Твери появляются единичные венецианские изделия;

⁹ По сообщению автора раскопок – О.Е. Рыбаковой, – эти находки происходят из нижней части рва, сооружённого на рубеже XVI–XVII веков.

– в XVI–XVII вв. распространение получают продукция в стиле «*a la façon de Venise*», а также изделия гутных мастерских, расположенных на территории Германии и Речи Посполитой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Щапова Ю.Л.* Стекланный кубок из гробницы Ивана IV Грозного (атрибуция и история) // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1993.
2. *Седлачкова Х.* Стекланные сосуды из резиденции царя Ивана IV в Москве и кубок из гробницы царицы Анастасии Романовой // Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы. М., 2009. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12)
3. *Векслер А.Г., Лихтер Ю.А.* Позднесредневековое стекло из раскопок последних лет в Москве // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М., 1997.
4. *Щапова Ю.Л.* Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М., 1989.
5. *Векслер А.Г., Лихтер Ю.А.* Новые находки стекланных изделий в Москве (раскопки на Манежной площади 1993–1994 годов) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997.
6. *Сафарова И.А.* Находки стекланных изделий XII–XIV вв. из раскопок Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7. Тверь, 2014.
7. *Лихтер Ю.А.* Позднесредневековые стекланные изделия (по материалам раскопок в Липецке) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2010.
8. *Левко О.Н.* Витебск XIV–XVIII вв. Минск, 1984.
9. *Ланцетти А.Г., Нестеренко М.Л.* Изготовление художественного стекла. М., 1987.
10. *Энтелис Ф.С.* Формование и горячее декорирование стекла. Л., 1982.
11. *Polak, A.* Glass. Its Traditions and Its Makers. New-York, 1975.
12. *Безбородов М.А.* Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969.
13. *Галибин В.А.* Состав стекла как археологический источник. СПб., 2001.
14. *Сафарова И.А.* Новые материалы по химическому составу тверских стекол // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь, 2003.
15. *Хухарев В.В.* Монетные находки из раскопа № 7 Тверского кремля // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997.
16. *Хохлов А.Н., Нестерова М.Е.* Белокаменные башни ограды двора великих князей тверских (конец XIV – первая половина XV вв.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь, 2003.
17. *Willmott, H.* Table Glass in the West Country Home c. 1500–1700 // The Society for Post-Medieval Archaeology Monograph 9. West Country Households 1500–1700. Woodbridge, 2015.
18. *Щапова Ю.Л.* Стекланные изделия древнего Новгорода // МИА. № 117. 1963.
19. *Векслер А.Г., Лихтер Ю.А.* Об одном типе стекланных находок из культурного слоя Москвы // Древние ремесленники Приуралья. Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск, 2001.
20. *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазья. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. II. М., 1981.
21. *Яницкая М.М.* Вытоки шкларобства Беларусі. Мінск, 1980.
22. *Шовкопляс А.М.* Некоторые гутные стекланные изделия из Киева // Культура средневековой Руси. Л., 1974.

**ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр»,
Тверь**

I.A. Safarova

GLASSWARES OF THE XV–XVII CENTURIES FROM EXCAVATION OF TVER

Summary

This research is devoted to studying of glass vessels of the late Middle Ages (the XV–XVII centuries) found at archaeological excavations of the city of Tver of 1984–2010. The author brings morphological and chemical-technological characteristics on the presented selection of finds (43 fragments). The received materials testify to a rarity of subjects of this category for Tver during the specified period. The origin of all products shows contacts with the West European centres of glass-making.

**“Tver Scientific-Research Historical-Archaeological and Restoration Centre” Ltd.,
42, Zhelyabova St., Tver, 170100,
Russia
E-mail: irina@safarov-tver.ru**

С.Б. Боруцкая, С.В. Васильев

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАСЕЛЕНИЯ ТВЕРИ XVII–XIX ВВ.

Антропология, как и большинство наук, не автономна. Она неразрывно связана с другими научными дисциплинами, в число которых также входят общественные науки. Это подмечали многие антропологи, в том числе Я.Я. Рогинский, М.Г. Левин [1] и В.П. Алексеев [2]. На современном этапе новые знания и открытия появляются на стыке нескольких наук. Всестороннее изучение вопроса даёт больше информации об изучаемом материале и позволяет дать точную оценку результатов. Палеодемография является направлением антропологии, находящимся на стыке множества дисциплин: археологии, экологии, медицины, анатомии, морфологии, истории и собственно демографии. Она сформировалась и заняла пограничное положение между науками о человеке и науками об обществе. В наше время ни одно палеоантропологическое исследование не обходится без описания демографической ситуации в исследуемой популяции, потому что зачастую палеодемография открывает очень интересные механизмы воздействия на людей факторов окружающей среды и адаптацию населения к ним. Более того, знание процессов, регулирующих демографию в прошлом, даёт нам возможность давать прогнозы и на будущее [3].

Основной целью данной работы является палеодемографическое исследование двух некрополей XVII–XIX веков из города Твери с применением статистических методов обработки материала. Работа внесёт весомый вклад в накопление знаний о демографии популяций Северного Поволжья XVII–XIX вв.

В ходе нашего исследования мы планировали рассчитать и проанализировать демографические показатели, перечисленные в таблице 1. Методика расчёта палеодемографических индексов описана Д.В. Богатенковым [4]. Возрастные интервалы для индивидов до 20 лет составляли 5 лет, для взрослых индивидов – 10 лет.

1. Первая выборка из Твери была собрана с бывшего Смоленского кладбища XVIII–XIX вв. Общий объём выборки составил 339 костяков. Численность индивидов, составляющих данную выборку, позволяет надеяться на высокую достоверность полученной палеодемографической характеристики населения. На основании этих данных были составлены таблицы смертности (табл. 2, 3).

Таблица 1. *Перечень палеодемографических индексов, использованных в работе*

Символ	Описание признака (размерность)	Принцип расчёта
a, c, m, f	Обозначения групп: взрослые, дети, мужчины, женщины	
Nr	Объём выборки, использованный в расчётах (n)	$=\sum(0,50+)Dx$
x, или (i-j)	Возрастной интервал (класс, когорта) таблиц смертности (лет)	, где $j=i+5$ или $j=i+10$
X	Середина возрастного интервала x (лет)	$=[i+(i+5)]/2$ или $=[i+(i+10)]/2$
Dx	Число индивидов в возрастной когорте x (n)	
Cx	Процент выборки в возрастной когорте x (%)	$Dx/Nr \times 100$
lx	Процент доживших от X_0 возрастного класса до возраста X (%)	$=l(x-5)-C(x-5)$
qx	Вероятность смерти индивида в когорте x	$=Cx/lx$
A	Средний возраст смерти в группе (популяции), или средняя продолжительность жизни (лет)	$=[\sum(0,50+)XDx]/Nr$
AA	Средний возраст смерти взрослых в группе (лет)	$=[\sum(15,50+)XDx]/Na$
PCD	Процент детской смертности в группе (%)	$=\sum(0,15)Dx/Nr \times 100$
PBD	Процент смертности в первый год жизни (%)	$=\sum(0,1)Dx/\sum(0,15)Dx \times 100$
PSR (m-f)	Процентное соотношение мужчин и женщин в группе (%)	$=N(m \text{ или } f)/Na \times 100$, где $Na=Nm+Nf$
C50+	Процент индивидов в финальной возрастной когорте (%)	$D(50+)/Nr \times 100$

Таблица 2. *Общая таблица смертности*

Возраст (лет)	Dx	Cx	Ix	qx
0–1*	20	5,899705		
0–5	39	11,50442	100	0,115044
5–10	7	2,064897	88,49558	0,023333
10–15	7	2,064897	86,43068	0,023891
15–20	5	1,474926	84,36578	0,017483
20–30	48	14,15929	82,89086	0,170819
30–40	92	27,13864	68,73156	0,39485
40–50	90	26,54867	41,59292	0,638298
50+	51	15,04425	15,04425	1,0
Сумма	339	100		

* данный возрастной интервал включён в интервал 0–5 лет и вынесен в таблице отдельно лишь для подсчёта показателя PBD (процент детской смертности в первый год жизни).

Таблица 3. *Показатели таблицы смертности мужчин и женщин*

Возраст (лет)	Мужчины				Женщины			
	Dx	Cx	Ix	qx	Dx	Cx	Ix	qx
15–20	3	1,818182	100	0,018182	2	1,652893	100	0,016529
20–30	21	12,72727	98,18182	0,12963	27	22,31405	98,34711	0,226891
30–40	50	30,30303	85,45455	0,35461	42	34,71074	76,03306	0,456522
40–50	55	33,33333	55,15152	0,604396	35	28,92562	41,32231	0,7
50+	36	21,81818	21,81818	1,0	15	12,39669	12,39669	1,0
Сумма	165	100			121	100		

Также с использованием данных таблиц смертности были получены численные палеодемографические характеристики населения Твери XVIII–XIX вв. (табл. 4).

Таблица 4. *Основные палеодемографические характеристики погребённых*

Индекс	Значение
PCD – процент детской смертности в группе (%)	15,63422
PBD – процент смертности в группе в первый год жизни (%)	37,73585
A – средний возраст смерти в группе (лет)	34,21829
AA – средний возраст смерти взрослых в группе (лет)	39,72902
PSR m-f – процентное соотношение мужчин и женщин в группе	57,69231
C50+ – процент идивидов в финальной возрастной когорте (%)	15,04425
AAm – средний возраст смерти взрослых мужчин в группе (лет)	41,10606
AAf – средний возраст смерти взрослых женщин в группе (лет)	37,85124
C50+m – процент мужчин, доживших до финальной возрастной когорты (%)	21,81818
C50+f – процент женщин, доживших до финальной возрастной когорты (%)	12,39669

С использованием полученных таблиц были построены кривые смертности, общие и отдельно для мужчин и женщин (рис. 1–4).

Пик смертности в данной выборке распространяется на двойной возрастной интервал 30–50 лет. Причём картина выглядит фактически одинаково и для мужчин, и для женщин (рис. 4). Отличия между мужским и женским населением заключаются в значительно большей смертности женщин на интервале 20–30 лет, что, вероятно, связано с тяжёлым протеканием родов, и в преобладании мужского населения, дожившего до финальной возрастной когорты 50+. До 50-летнего возраста в данной группе дожили 22 % мужчин и 12 % женщин. Общий показатель для группы составил 15 %.

В соотношении мужского и женского населения наблюдается небольшое превосходство мужчин (57 %). Вероятно, помимо коренного населения города, наблюдался приток мужского населения для заработка. Тверь в исследуемый период является крупным торговым городом, находящимся на пересечении торговых путей, что также могло повлиять на соотношение полов. А данное кладбище находится фактически в центре города, вблизи рек Волги и Лазури.

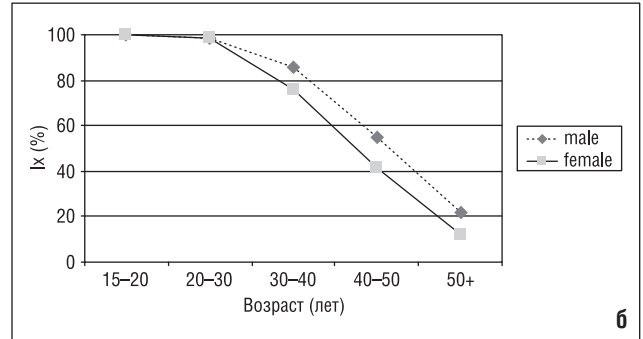
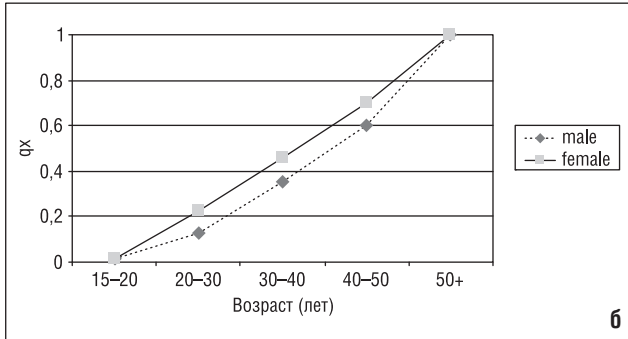
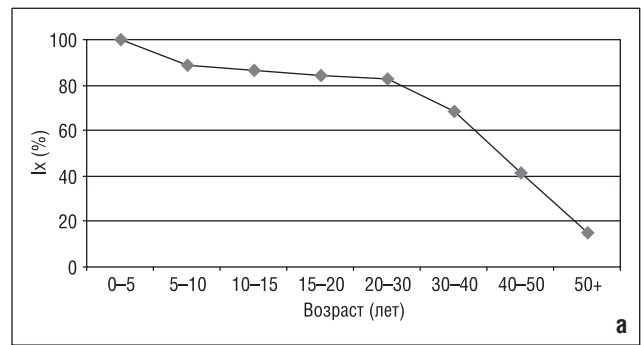
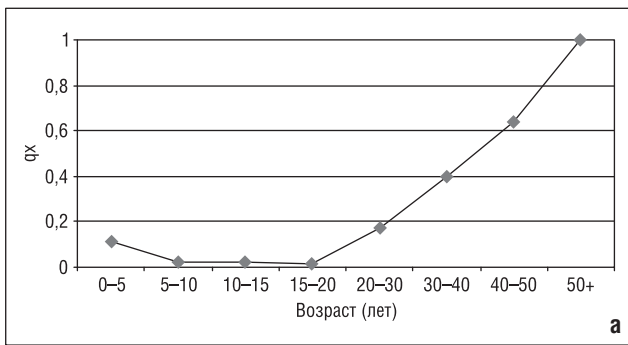

Рис. 1. Возрастная динамика вероятности смерти (q_x): общая (а), у мужчин и женщин (б)

Рис. 2. Процент дожития (l_x) по возрастным интервалам: общий (а), у мужчин и женщин (б)

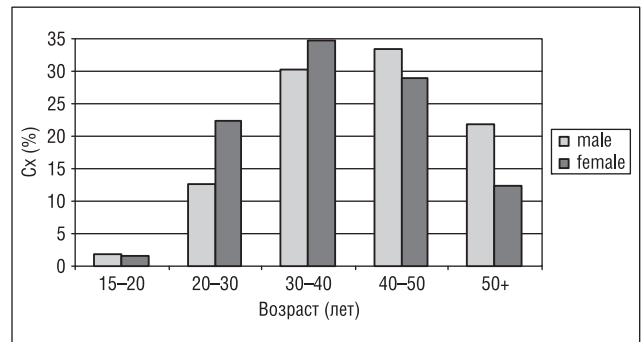
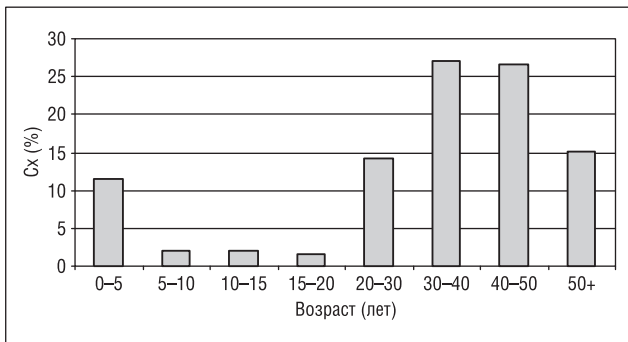

Рис. 3. Процент выборки по возрастным интервалам

Рис. 4. Процент выборки по возрастным интервалам у мужчин и женщин

Детская смертность в данной выборке невысока: 15 %. Причём из них 37 % умирали в первый год жизни. Это отражает особую благополучность существования группы.

За счёт невысокой детской смертности средний возраст смерти в сравнении с остальными выборками, рассмотренными в работе, достаточно высок и составляет 34 года. Средний возраст смерти взрослых в группе равен 40 годам и свидетельствует о достаточно хорошем уровне жизни населения. При этом средний возраст смерти мужчин немного выше, чем женщин: 41 год и 38 лет соответственно.

2. Вторая выборка, полученная при раскопках в Твери у станции Лазурная, что далеко и от центра города, и от Волги, составила 100 костяков. Для всех погребённых был определён возраст, а для взрослого населения и пол, и на основании этих данных были составлены таблицы смертности (табл. 5, 6).

Таблица 5. *Общая таблица смертности*

Возраст (лет)	Dx	Cx	Ix	qx
0–1*	8	8		
0–5	14	14	100	0,14
5–10	1	1	86	0,011628
10–15	4	4	85	0,047059
15–20	7	7	81	0,08642
20–30	11	11	74	0,148649
30–40	40	40	63	0,634921
40–50	19	19	23	0,826087
50+	4	4	4	1,0
Сумма	100	100		

Таблица 6. *Показатели таблицы смертности мужчин и женщин*

Возраст (лет)	Мужчины				Женщины			
	Dx	Cx	Ix	qx	Dx	Cx	Ix	qx
15–20	5	10,86957	100	0,108696	2	5,714286	100	0,057143
20–30	4	8,695652	89,13043	0,097561	7	20,0	94,28571	0,212121
30–40	21	45,65217	80,43478	0,567568	19	54,28571	74,28571	0,730769
40–50	12	26,08696	34,78261	0,75	7	20,0	20,0	1,0
50+	4	8,695652	8,695652	1,0	0	0	0	
Сумма	46	100			35	100		

Также с использованием таблиц смертности были получены численные палеодемографические характеристики населения (табл. 7).

Таблица 7. *Основные палеодемографические характеристики погребённых*

Индекс	Значение
PCD – процент детской смертности в группе (%)	19,0
PBD – процент смертности в группе в первый год жизни (%)	42,10526
A – средний возраст смерти в группе (лет)	29,65
AA – средний возраст смерти взрослых в группе (лет)	35,46296
PSR m-f – процентное соотношение мужчин и женщин в группе	56,79012
C50+ – процент идивидов в финальной возрастной когорте (%)	4,0
AAm – средний возраст смерти взрослых мужчин в группе (лет)	36,57609
AAf – средний возраст смерти взрослых женщин в группе (лет)	34,0
C50+m – процент мужчин, доживших до финальной возрастной когорты (%)	8,695652
C50+f – процент женщин, доживших до финальной возрастной когорты (%)	0

С использованием полученных таблиц были построены кривые смертности, общие и отдельно для мужчин и женщин (рис. 5–8).

Пик смертности, так же как и в большинстве рассмотренных выше выборок, приходится на интервал 30–40 лет. Причём выражен он достаточно явно как на общих графиках, так и при рассмотрении группы отдельно по половому признаку. Это свидетельствует о существовании некоего внешнего фактора, воздействующего на всё население, независимо от пола. Кривая вероятности смерти у женщин на своём протяжении, кроме интервала 15–20 лет, превосходит кривую вероятности смерти у мужчин. Кроме того, сразу бросается в глаза то, что кривая вероятности женской смертности достигает максимального значения раньше чем мужской. Это отражает тот факт, что до последнего возрастного интервала 50+ в данной группе не дожила ни одна женщина. Общий процент доживших равен 4, но реально формирует эту цифру процент доживших до финальной когорты мужчин – 8,7 мужского взрослого населения.

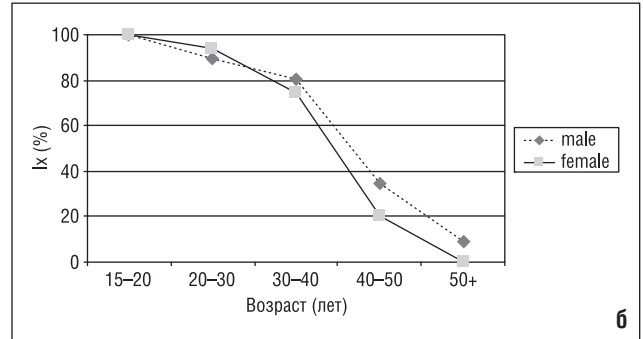
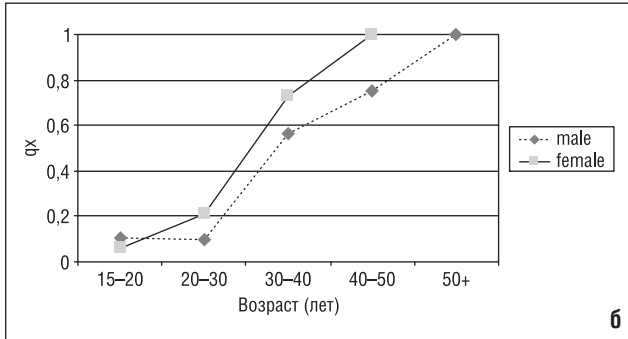
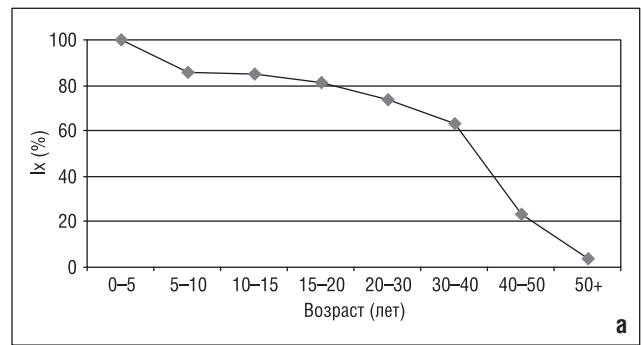
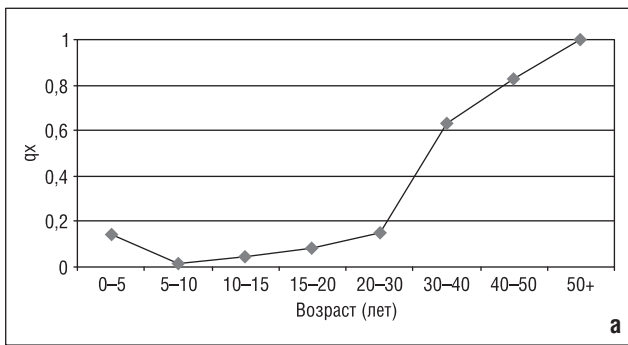

Рис. 5. Возрастная динамика вероятности смерти (q_x): общая (а), у мужчин и женщин (б)

Рис. 6. Процент дожития (l_x) по возрастным интервалам: общий (а), у мужчин и женщин (б)

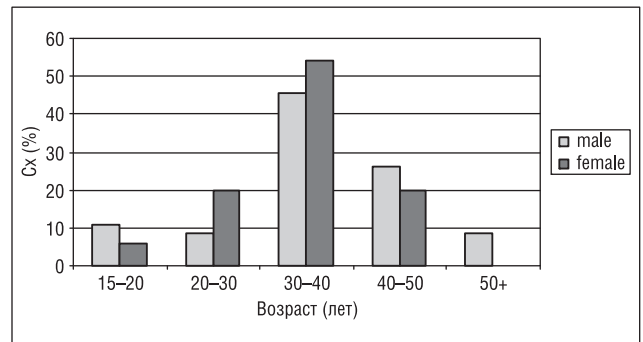
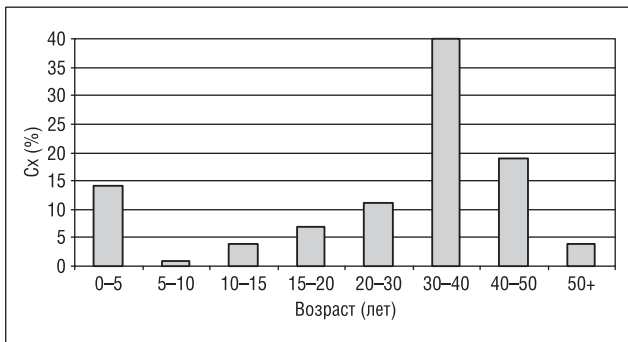

Рис. 7. Процент выборки по возрастным интервалам

Рис. 8. Процент выборки по возрастным интервалам у мужчин и женщин

Соотношение мужчин и женщин немного смещено в сторону мужчин: 57 % мужчин на 43 % женщин. Точно такое же соотношение наблюдалось в первой выборке из этого города.

Детская смертность в группе достаточно невысока – всего 19 %. При этом 42 % этих детей умирали в первый год жизни, что подтверждает невысокий уровень акушерства и медицины в общем в исследуемый период российской истории.

Средний возраст смерти в группе – 30 лет, средний возраст смерти взрослых в группе находится на высоком уровне для данного периода и составляет 35 лет. Разница между мужчинами и женщинами небольшая: 36,5 года и 34 года соответственно.

Результаты межгруппового сравнительного анализа палеодемографии населения Твери в XVII–XIX вв.

Для удобства обсуждения полученных результатов приведены сравнительные графики (рис. 9–15).

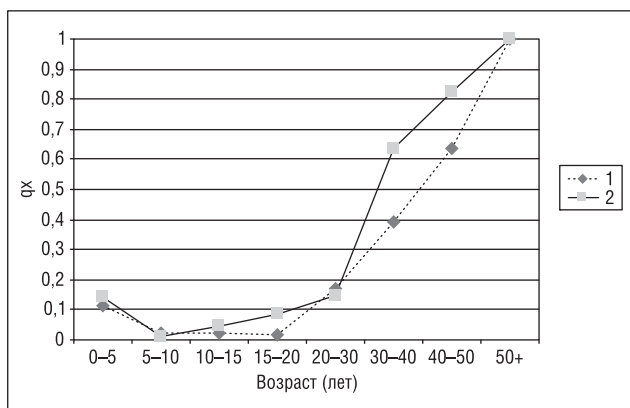

Рис. 9. Возрастная динамика вероятности смерти (qx).
График сравнения тверских выборок № 1 и № 2

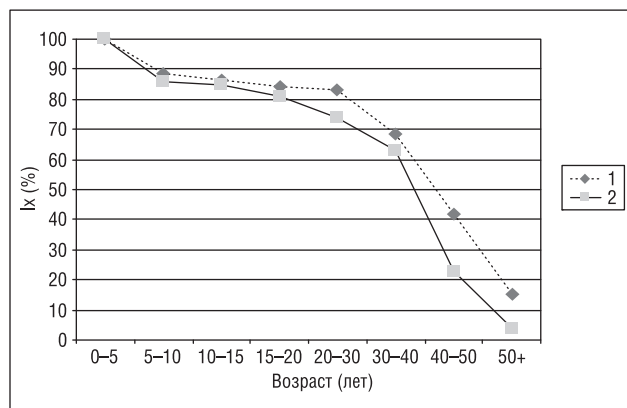

Рис. 10. Процент дожития (lx) по возрастным интервалам. График сравнения тверских выборок № 1 и № 2

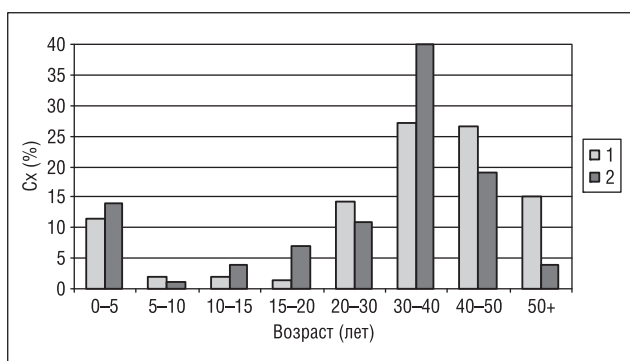

Рис. 11. Процент выборки по возрастным интервалам.
График сравнения тверских выборок № 1 и № 2

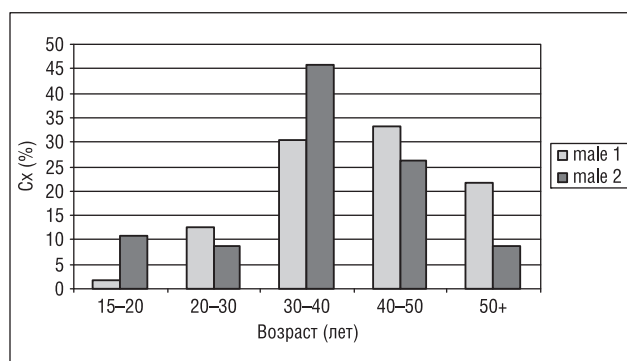

Рис. 12. Процент выборки по возрастным интервалам у мужчин. График сравнения тверских выборок № 1 и № 2

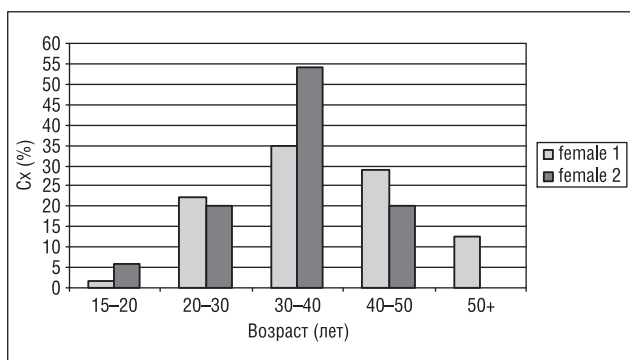

Рис. 13. Процент выборки по возрастным интервалам у женщин. График сравнения тверских выборок № 1 и № 2

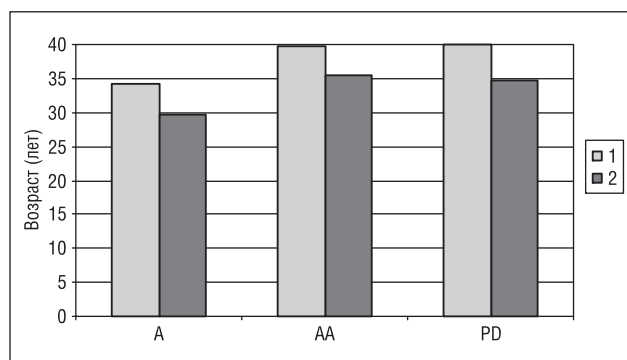

Рис. 14. Показатели среднего возраста смерти (A), среднего возраста смерти без учёта детей (AA) и пиков смертности (PD). График сравнения тверских выборок № 1 и № 2

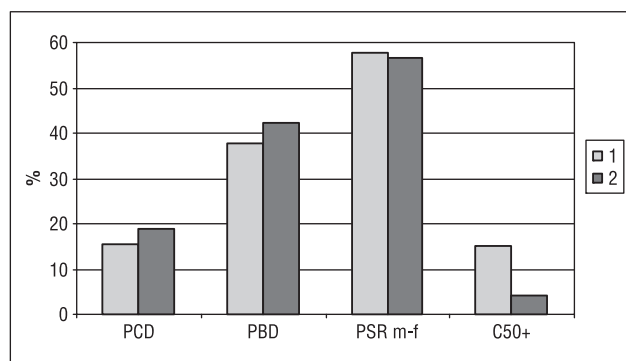

Рис. 15. Показатели: процент детской смертности (PCD), процент детской смертности в первый год жизни (PBD), соотношение мужского и женского населения (PSR m-f) и процент доживших до финального возрастного интервала (C50+) индивидов. График сравнения тверских выборок № 1 и № 2

В результате анализа получены следующие выводы.

1. Пик смертности в первой группе в целом, так же как у мужчин и женщин по отдельности, приходится на два возрастных интервала: 30–40 лет и 40–50 лет. Также следует констатировать высокий процент мужчин и женщин, доживших до старости.
2. Во второй группе пик смертности, с очень высоким процентным значением, приходится на интервал 30–40 лет.
3. Низок показатель детской смертности в обеих группах. При этом в обеих группах почти половина детей умирали в первый год жизни.
4. Первая взрослая когорта, 15–20 лет, в первой группе менее представительна относительно группы № 2, что косвенно указывает на несколько большее благополучие этой группы.
5. Показатели средней продолжительности жизни, или среднего возраста смерти в группе, так же как и средний возраст смерти взрослых индивидов в обеих группах, близки. Чуть выше эти показатели в первой группе.
6. Соотношение мужчин и женщин в обеих группах практически одинаково и немного смещено в сторону большего количества мужчин, что объясняется статусом Твери как большого торгового центра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., 1963.
2. Алексеев В.П. Объем археологического знания // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций. М., 1992.
3. Angel, J.L. The Bases of Paleodemography // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 31. 1969.
4. Богатенков Д.В. Палеодемография Мистихали // Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М., 2003.

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва
Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва*

S.B. Borutskaya, S.V. Vasilev

PALAEODEMOGRAPHIC ANALYSIS OF THE POPULATION OF TVER IN XVII–XIX CENTURIES

Summary

The purpose of this work is palaeodemographic research of the two necropolises of the XVII–XIX centuries AD from the Tver city with application of statistical methods of processing of material.

As a result of the carried-out analysis we came to the following conclusions. The mortality peak in group of individuals from the Smolensk cemetery in general, just as at men and women separately, is the share of two age intervals: 30–40 years and 40–50 years. Also it is necessary to state the high percent of the men and women who lived up to an old age. For individuals from the cemetery at station Lazurnaya the mortality peak, with very high percentage value, is the share of an interval of 30–40 years. A low indicator of child mortality is in both groups. Thus in both groups nearly a half of children died in the first year of life. Indicators of average life expectancy, or average age of death in group, also as well as average age of death of adult individuals in both groups are close. The ratio of men and women in both groups is almost equal and also a little displaced towards bigger number of men which is explained by the status of Tver as a big trading centre.

*S.B. Borutskaya
M.V. Lomonosov Moscow State University,*

*S.V. Vasilev
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,*

*Flat 31, house 17, Bolshaya Ochakovskaya St., Moscow, 119361,
Russia
E-mail: vashbor1@yandex.ru*

А.В. Зиновьев

ОБЗОР КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА И ЛОШАДЕЙ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛОЁВ Г. ТВЕРИ

Введение

Животноводство является одной из древнейших отраслей экономики. Уходящее своими корнями на много тысячелетий в глубь человеческой истории, оно привело к появлению стихийных и осознанно подобранных пород, тесно связанных с природными условиями и уровнем экономики конкретных регионов. Наше понимание этого процесса неразрывно связано с количеством материала, доступного изучению. Ограниченные литературные сведения успешно компенсируются археозоологическими материалами, позволяющими судить не только о конституции и особенностях, но также о характере содержания и использования домашних животных [1]. Многочисленные работы отечественных и западных исследователей, посвящённые анализу костного материала из археологических раскопок, не нуждаются в перечислении. Проанализированные для лесной зоны Восточной Европы десятки тысяч фрагментов костей крупного рогатого скота (КРС) и лошадей позволяют выходить на обобщения относительно конституционных особенностей, динамики и специфики использования указанных видов [2, с. 97–140; 3, с. 181–190; 4, с. 15–23; 5, с. 67–85; 6, с. 70–78]. Настоящая работа знакомит читателя с данными по конституции КРС и лошадей Твери – одного из древнейших городов России, игравших важную роль в её развитии.

Материал и методика

Материалом послужили целые и фрагментированные кости КРС (*Bos taurus*) – 7344 штуки, происходящие от приблизительно 367 особей; 925 костей лошадей (*Equus caballus*) принадлежали как минимум 130 особям. Остеологическая коллекция была собрана в слоях XII–XVI вв. в результате археологических раскопок, проводившихся Тверским научно-исследовательским историко-археологическим и реставрационным центром в центре города, в том числе на Затъмацком и Затверецком посадах. Большинство костей крупного рогатого скота было представлено фрагментированными кухонными остатками. Поэтому для точного определения пола, а также роста в холке использовалось лишь небольшое количество целых трубчатых костей. В остальных случаях сравнивались иные промеры, снятые по методике А. Дриш [7, р. 1–48], которые могли дать представление о приблизительных размерах их обладателей. Рост КРС в холке определялся по методикам В.И. Цалкина [8, с. 100–126] и Я. Матолчи [9, с. 89–137] с учётом пола животных; последний, в свою очередь, определялся по методике В.И. Цалкина [10, с. 164–185] с применением метода дискриминантного анализа [11, с. 1–10]. Менее многочисленные кости лошадей находились в лучшем состоянии: высота в холке и конституция определялись по методикам В.О. Витта [12, с. 163–205] и В.И. Цалкина [10, с. 164–185]. При этом поправка на пол не учитывалась из-за отсутствия достоверных методик его определения по трубчатым костям лошадей (определение пола ведётся по наличию клыков, а также по форме *tuberculum pubicum dorsale* и *ramus acetabularis ossis pubis*).

Представленные ниже данные не разнесены по датировкам и особенностям обнаружения костей тех или иных животных. Анализ собранного материала показал, что КРС и лошади средневековой Твери могут быть объединены в две соответствующие гомогенные группы с общими особенностями внутри каждой (см. также [13, с. 1–185]). Редкие исключения не нарушают общей картины.

Результаты и обсуждение

КРС. Важные для установления породной принадлежности¹ целые черепа представителей данной группы в доступных нам материалах отсутствуют. Чаще попадаются фрагменты черепов с рогами. Именно эти

¹ Одного скелета ещё недостаточно для отнесения его обладателя к той или иной породе. В комплексе породных признаков входят также признаки, не сохраняющиеся в ископаемом состоянии (окрас, характер оволосённости, продуктивность и т.п.).

участки, а также пиленные и отломленные рога позволяют сделать общий вывод о принадлежности крупного рогатого скота к той или иной форме. Приведённые в таблице 1 измерения костных стержней рогов крупного рогатого скота в общем соответствуют таковым короткорогатого типа (*Bos taurus brachiceros*), широко распространённого в Средневековье на территории лесной зоны Восточной Европы [10, с. 164–185; 13, с. 1–158; 14, с. 211–236; 15, с. 201–225].

Таблица 1. Измерения костных стержней рогов КРС

№	Длина по большой кривизне, мм	Длина по малой кривизне, мм	Обхват у основания, мм	Большой диаметр у основания, мм	Малый диаметр у основания, мм
1	125	95	110	41	34
2	130	100	115	44	36
3	132	103	117	40	38
4	143	114	118	46	39
5	145	116	130	47	40
6	159	120	160	55	45
7	160	125	161	57	50
8	155	115	159	52	46
9	157	119	155	50	49
10	135	114	125	32	40

Поскольку бычки забивались преимущественно в возрасте до 2,5 года (перед срастанием диафиза и эпифизов трубчатых костей), рост в холке был вычислен преимущественно для коров. Приведённые в таблице 2 данные указывают на присутствие в средневековой Твери мелкого скота, не отличавшегося размерами от скота лесной полосы Древней Руси и Прибалтики [8, с. 100–126].

Таблица 2. Измерения метаподий и рост в холке КРС

№	Пол	Длина пясти, мм	Длина плюсны, мм	Высота в холке, см
1	Корова	163	–	97,5
2		163	–	97,5
3		163	–	97,5
4		164	–	98,1
5		164	–	98,1
6		165	–	98,7
7		171	–	102,3
8		173	–	103,5
9		174	–	104,1
10		176	–	105,2
11		177	–	105,8
12		179	–	107,0
13		179	–	107,0
14		180	–	107,6
15		181	–	108,2
16		183	–	109,4
17		183	–	109,4
18		189	–	113,0
19		191	–	114,2
20		191	–	114,2
21		191	–	114,2
22		–	186	99,3
23		–	185	98,8
24		–	188	100,4
25		–	189	100,9
26	Бык	–	192	102,5
27		–	195	104,1
28		–	196	104,7
29		–	196	104,7
30		–	197	105,2
31		–	198	105,7
32		–	199	106,3
33		–	199	106,3
34		–	200	106,8
35		–	201	107,3
36		–	203	108,4
37		–	204	108,9
38		–	206	110,0
39		–	206	110,0
40		–	209	111,6
41		178	–	111,1
42		180	–	112,3
43		181	–	112,9
44		182	–	113,6
45		184	–	114,8
46		185	–	115,4
47		–	198	110,5
48		–	199	111,0
49		–	200	111,6
50		–	257	143,4

Средний рост в холке КРС средневековой Твери (107,4 см) оказался близким к таковому животных X–XVII вв. Москвы (106,5 см) [10, с. 168–174] и Старой Рязани XI–XIII вв. (108,5 см) [8, с. 120]. Разброс в размерах метаподий и высоты в холке при постоянстве краниологических признаков (в нашем случае морфометрии рогов) указывает, скорее, на изменчивость конкретной формы, чем на наличие нескольких хорошо оформленных пород². В этой связи я полностью согласен с В.И. Цалкиным [13, с. 1–185], указывавшим на стихийное формирование пород крупного рогатого скота под действием окружающей среды. В условиях многоснежных зим и бескормицы на протяжении нескольких зимних месяцев в поселениях лесной зоны Восточной Европы сформировалась форма КРС, сходная с современной мещёрской породой Рязанской области (рис. 1). Эта форма по размерам уступала даже знаменитому «торфяниковому» скоту (Torfkuh), выведенному за тысячелетия до нашей эры в более южных и благоприятных регионах Европы [16, с. 1–248].

Рис. 1. Русский крестьянин с картины Н.А. Ярошенко «Крестьянин в лесу» (1880-е–1890-е гг.) (частное собрание) в сравнении с коровой, ростом в холке сходной с ростом в холке (ок. 107 см) коровы мещёрской породы

Лошадь. Сохранность костей лошади лучше; они редко раздроблены в силу нечастого использования этого животного в пищу. Наличие непотревоженных трубчатых костей конечностей взрослых особей (средний возраст 6–8 лет, нередко лошади старше 15 лет) позволило установить высоту в холке ряда лошадей средневековой Твери (табл. 3).

Таблица 3. Индекс ширины диафиза метаподий, конституция и высота в холке лошадей

№	Индекс ширины диафиза, %		Конституция (по [10, с. 164–185 и 12, с. 163–205])	Высота в холке, см
	Пясть	Плюсна		
1	–	11,0	Ниже средней, тонконогая	130–132
2	–	11,3	Средняя, тонконогая	137–139
3	16,3	–	Ниже средней, средненогая	130–134
4	15,0	–	Средняя, полутонконогая	138–142
5	–	11,2	Ниже средней, тонконогая	130–132
6	–	12,0	Ниже средней, полутонконогая	130–132
7	15,7	–	Ниже средней, средненогая	130–132
8	15,4	–	Ниже средней, полутонконогая	127–129
9	15,9	–	Ниже средней, средненогая	130–132
10	–	11,8	Ниже средней, полутонконогая	130–132
11	–	11,9	Средняя, полутонконогая	138–140
12	–	13,8	Ниже среднего, средненогая	130–132

² См. примечание 1.

Таблица 3 (окончание)

№	Индекс ширины диафиза, %		Конституция (по [10, с. 164–185 и 12, с. 163–205])	Высота в холке, см
	Пясть	Плюсна		
13	–	12,4	Выше среднего, полутонконогая	144–146
14	15,9	–	Средняя, средненогая	140–142
15	–	11,8	Ниже средней, полутонконогая	130–132
16	–	13,0	Ниже средней, средненогая	128–130
17	15,9	–	Средняя, средненогая	140–142
18	15,5	–	Ниже средней, полутонконогая	134–136
19	–	12,1	Ниже средней, полутонконогая	131–133
20	23,9	–	Рослая, крайне тонконогая	145–148

Из таблицы 3 следует, что основная масса поголовья лошадей средневековой Твери состояла из малорослых (ниже средней) полутонконогих лошадей, что неплохо согласуется с данными для средневековой Москвы [10, с. 178–179] и Старой Рязани [15, с. 213–219]. Из общей массы выделяется крайне тонконогий конь (№ 20) из слоёв XIII в. с территории Затьмацкого посада. Он указывает на наличие в средневековой Твери небольшого количества элитных животных.

Заключение

Крупный рогатый скот и лошади средневековой Твери по своим размерным и конституционным характеристикам не отличаются от таковых других средневековых городов лесной зоны Восточной Европы. КРС был представлен мелкой породой (формой), обладавшей большой изменчивостью в связи с конкретной природно-климатической обстановкой. Основная масса лошадей состояла из малорослых полутонконогих и средненогих животных; элитные крупные животные были редки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зиновьев А.В.* Крупный рогатый скот и лошади средневековой Твери (XII–XVI вв.) / LX семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли». Псков, в печати.
2. *Цалкин В.И.* Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке // *Материалы к истории животноводства и охоты в Восточной Европе*. М., 1962. (МИА. № 107)
3. *Антипина Е.Е.* Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // *Археология и естественнонаучные методы*. М., 2005.
4. *Антипина Е.Е.* Экологические аспекты развития древнего животноводства в лесной зоне Восточной Европы // *Материалы Российской научной конференции «Динамика современных экосистем в голоцене»*. Отв. ред. А.Б. Савицкий. М., 2006.
5. *Антипина Е.Е.* Состав древнего стада домашних животных: Логические аппроксимации // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. Т. 6. М., 2008.
6. *Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю.* Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // *РА*. 2005. № 4.
7. *Driesch, A.v.d.* A Guide to the Measurements of Animal Bones from Archaeological Sites. V. 1. Peabody Museum Bulletin. Cambridge, 1976.
8. *Цалкин В.И.* Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // *Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический*. Т. 65. № 1. 1960.
9. *Matolcsi, J.* Historische Erforschung der Körpergröße des Rindes auf Grund von Ungarischem Knochenmaterial // *Zeitschrift für Tierzüchtung und Züchtungsbiologie*. В. 87. Н. 1–4. 1970.
10. *Цалкин В.И.* Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы // *Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии Москвы*. Т. IV. М., 1971. (МИА. № 167)
11. *Беговатов Е.А., Петренко А.Г.* К вопросу о восстановлении пола и высоты в холке крупного рогатого скота по метаподиям. Казань, 2004.
12. *Витт В.О.* Лошади Пазырыкских курганов // *СА*. № 16. 1952.
13. *Цалкин В.И.* Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси (по данным изучения костных остатков из раскопок археологических памятников лесной зоны европейской части СССР) // *МИА*. № 51. 1956.
14. *Цалкин В.И.* Фауна из раскопок в Гродно // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов*. Т. III. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). М.; Л., 1954. (МИА. № 41)
15. *Цалкин В.И.* Домашние и дикие животные Старой Рязани (По материалам раскопок 1946–1950 гг.) // *МИА*. № 49. 1955.
16. *Rüttimayer, L.* Untersuchung der Thierreste aus den Pfahlbauten der Schweiz // *Mittheilungen der Antiquarischen Gesellschaft in Zürich*. Bd. 13. Hf. 2. 1860.

*Тверской государственный университет,
ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр»,
Тверь*

A.V. Zinoviev

REVIEW OF THE STATURE OF THE CATTLE AND HORSES FROM THE MEDIEVAL TVER

Summary

Horses and cattle from the medieval Tver resembled animals from other medieval cities of the forested region of the Eastern Europe. Cattle was represented by the small variable and short-horned animals, well adapted to the local climatic conditions. Most of the horses were short thin- and middle-legged animals. Elite animals were rare.

*Tver State University,
70, Chaikovsky Av., Tver, 170002,
Russia
E-mail: biology@tversu.ru*

С.Е. Андреев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАШИНСКОМ КРЕМЛЕ В 2012 ГОДУ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Отрядом археологической экспедиции Тверского государственного объединённого музея (ТГОМ) в июле – октябре 2012 г. были проведены охранно-научные исследования на участке строительства жилого дома по ул. Толстого, 6 на территории б. кремля г. Кашина Тверской области [1].

Кашин – древнерусский город, возникший в конце XII века, в XIV – начале XV века являлся центром Кашинского удельного княжества, входившего в состав Великого княжества Тверского.

Раскопки 2012 г. – первые исследования подобного масштаба на территории Кашинского кремля. Ранее, в 1973 г., под руководством калининского археолога Г.В. Харитонов (Кашинский отряд Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР) в кремле были заложены раскоп в 40 кв. м и шурф возле Воскресенского собора [2, с. 88–89]. В 2009 г. сотрудником ТНИИР-Центра А.Б. Ивановой проводились археологические работы на месте сооружения постамента памятника благоверной княгине Анне Кашинской: шурф 6 кв. м [3].

Площадь раскопа 2012 г. составила 483 кв. м при мощности культурного слоя 1 м, глубина ям в материке – до 3,15 м.

Раскоп был расположен на левом берегу р. Кашинки на краю площадки Кашинского кремля, в СВ её части, высота берега – 16 м (рис. 1), в 45 м к СВ от алтаря Воскресенского собора, к востоку от разрушенного Успенского собора.

Проведённые исследования позволяют сделать первые шаги по уточнению топографии Кашинского кремля с привлечением археологических источников.

В ходе археологических раскопок удалось установить, что культурный слой Средневековья на исследуемой части кремля был переотложен в результате хозяйственно-строительной деятельности почти до материка или до верхнего уровня погребений кладбища, расположенного в южной части раскопа. Время «планировки» культурного слоя – начало – первая половина XIX века. Это подтверждается и исследованиями краеведов [4, с. 29–33], и письменными свидетельствами о работах по «благоустройству» города в начале и в середине XIX века, в т.ч. связанных со строительством нового Воскресенского собора в 1796–1804 гг. (в 1813 г. в работах использовались пленные французы (засыпан ров на перемычке и прорезан вал), храм освящён в 1817 г.) и последующим строительством зимней части собора и 74-х метровой колокольни в 1855–1867 гг. (купец-меценат И.В. Терликов). Так что можно с большой уверенностью утверждать, что культурный слой в верхней части Храмовой горы, на которой и располагается Кашинский кремль, был переотложен.

После перепланировки города на территории будущего раскопа были выстроены жилые дома на одной стороне улицы (совр. ул. Л. Толстого), край исследованной площадки кремля подвергался сильному разрушению из-за разравнивания под огороды, сталкивания слоя вниз с целью увеличения площади участка и компенсации эрозии берега р. Кашинки. Письменные и наративные источники постоянно указывают на периодические обрушения берега реки на данном участке¹. Раскопками задет лишь край горизонтальной площадки Кашинского кремля, большую часть раскопа занимал склон к р. Кашинке.

В раскопе выявлены слои, остатки сооружений и материалы XIII–XX вв., а также обломки двух сверлённых каменных топоров, которые, возможно, связаны с имевшимися на данной территории погребениями фатьяновской культуры эпохи бронзы. Кроме того, был исследован участок разрушенного позднесредневекового (XV–XVII вв.) кладбища (примерно 1/3 раскопа – южная часть; останки 188 человек, 78 сохранившихся полностью или частично погребений)².

¹ Сообщения в Кашинской переписной книге 1709 г. [5, с. 33], местных жителей (обвал 1963 г.),

² Антропологический анализ погребений могильника Кашинский кремль, раскоп Воскресенский 1, сделан заведующим отделом физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН д.и.н. С.В. Васильевым и старшим научным сотрудником кафедры антропологии биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова к.б.н. С.Б. Боруцкой [6].

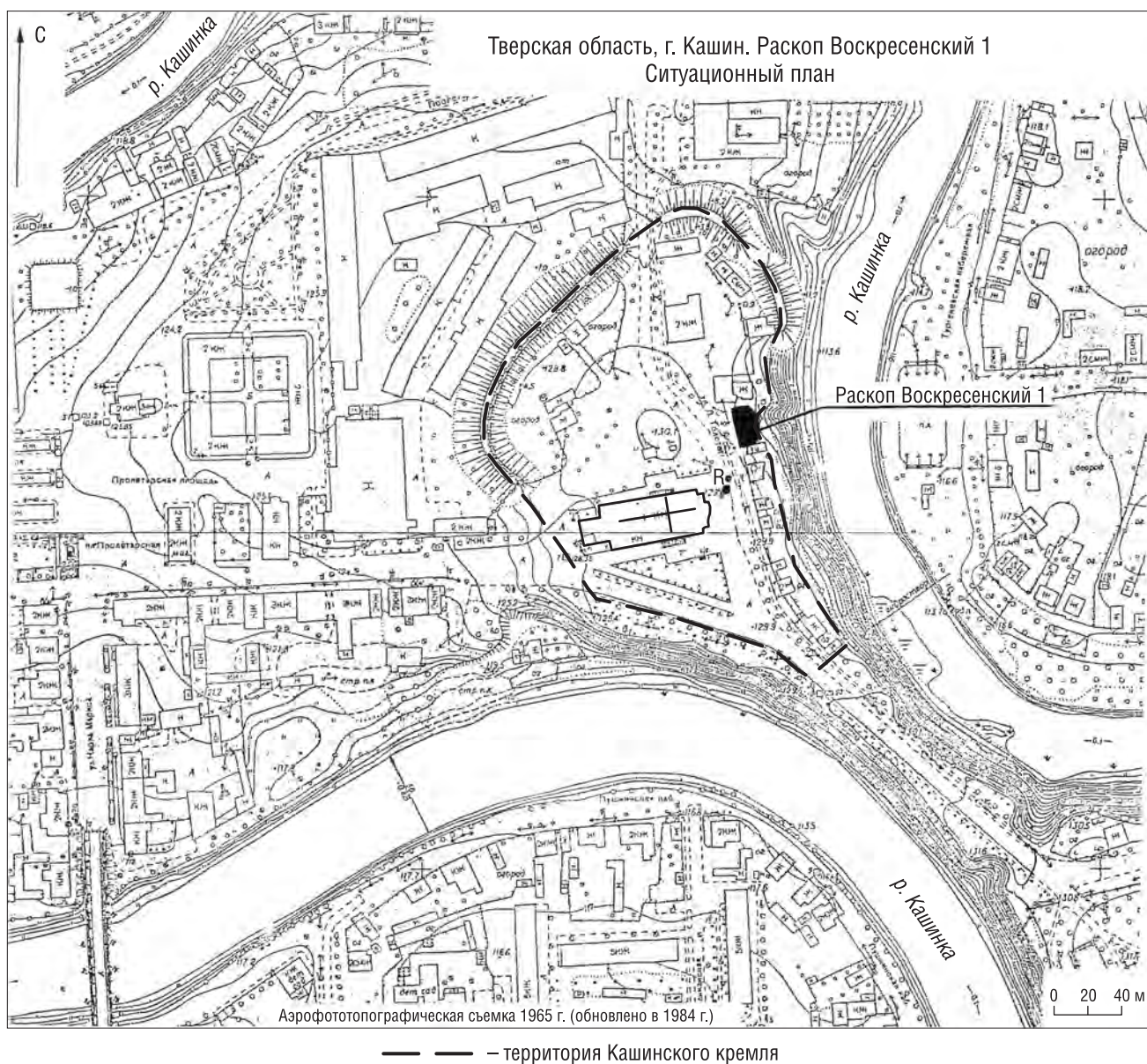

Рис. 1. Тверская область, г. Кашин. Раскоп Воскресенский 1. Ситуационный план

Захоронения – безынвентарные, расположены в несколько ярусов, скорее всего, умершие погребались в домовинах из цельного куска дерева. В одном из погребений обнаружены остатки домовины (рис. 2), в других – обилие древесного тлена.

В общей сложности были идентифицированы 188 индивидов. Из них – 100 мужчин, 31 женщина, 52 ребёнка до 15 лет, пол 5 скелетов молодых людей старше 15, но младше 20 лет определить не удалось.

В раскопе обнаружены 686 различных изделий. Среди них следует отметить каменную иконку XIV–XV вв. с изображением неустановленного святого (рис. 3: 1), биконическое шиферное пряслице (рис. 3: 2), 2 наконечника стрел (рис. 3: 5, 6), шпору (тип V по классификации А.Н. Кирпичникова, шип – тип К, петли – тип 7 – 3-я четв. XIII – 1-я пол. XIV в. [7, с. 122, 123, рис. 37, 38], по Эварту Окшотту – кон. XIII – 1-я пол. XIV в. [8, с. 193–195, рис. 136–137]) (рис. 4), вероятнее всего, относящуюся к 1-й пол. XIV в., наконечник копья (рис. 5: 1), две совни (рис. 5: 2–3), фрагмент костяной орнаментированной накладки на колчан (?) (рис. 3: 7), многочисленные фрагменты стеклянных браслетов и перстней (рис. 3: 4; см. статью И.А. Сафаровой в настоящем сборнике), три больших пула: одно кашинского и два тверского чекана, серебряную копейку Ивана IV. Заслуживают внимания фрагмент керамической тарелки с изображением в центральной части лучника (XV в.) (рис. 3: 3), а также три фрагмента амфор (рис. 6: 5) (XIII в.).

Рис. 2. Раскоп 2012 г. в Кашинском кремле. Погребение с остатками домовины

Значительная часть этих артефактов обнаружена в переотложенном состоянии как в слое огорода, так и в нескольких крупных ямах, интерпретированных как ямы для забора глины кон. XVIII – нач. XIX в., совпадающих по времени со строительством нового здания Воскресенского собора в 1796–1804 гг.

Среди керамического материала³ имеются фрагменты поливных сосудов из красножгущейся глины с жёлтой и зелёной поливой (XIV в.) и из беложгущейся глины (XV–XVI вв.). Поливная импортная «ордынская» керамика датируется XIV–XVII вв. Найден фрагмент красноглиняной чаши с зелёной поливой и рисунком «сграффито», выполненным тонкой линией, – византийская или причерноморская полумайолика XIII–XIV вв. (рис. 6: 4); преобладает т.н. золотоордынская керамика: полуфаянсы с подглазурной полихромной росписью и рельефом, полуфаянсы с полихромной росписью без рельефа, бирюзовые полуфаянсы (рис. 6: 2, 3). Один фрагмент похож на сирийский люстровый полуфаянс (ориентировочно XIV в.). Сосуд (скорее всего, чаша) с росписью по белой поливе люстром (?), представленный мелким фрагментом, может быть домонгольского времени (посл. четв. XII – нач. XIII в.) (рис. 6: 1).

³ Определение и датировка керамики – научного сотрудника отдела археологических исследований ТГОМ Е.В. Кобозевой.

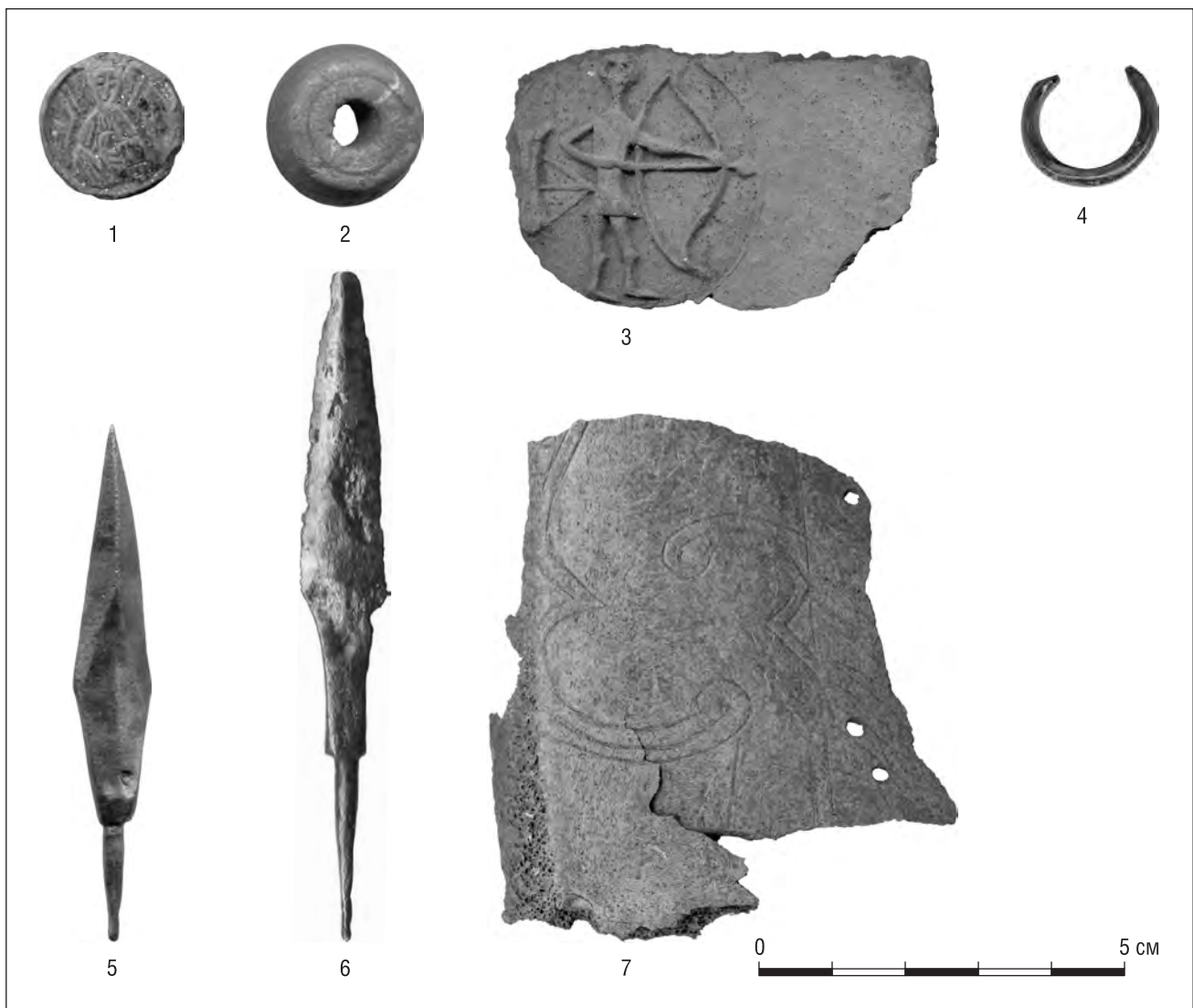

Рис. 3. Раскоп 2012 г. в Кашинском кремле. Индивидуальные находки:
 1 – каменная иконка; 2 – шиферное пряслице; 3 – дно керамического сосуда с рельефным изображением лучника;
 4 – фрагмент стеклянного перстня; 5, 6 – железные наконечники стрел;
 7 – фрагмент костяной орнаментированной накладки на колчан (?)

Рис. 4. Раскоп 2012 г. в Кашинском кремле. Шпора. Железо

Рис. 5. Раскоп 2012 г. в Кашинском кремле. Предметы вооружения: 1 – копье, 2–3 – совни. Железо

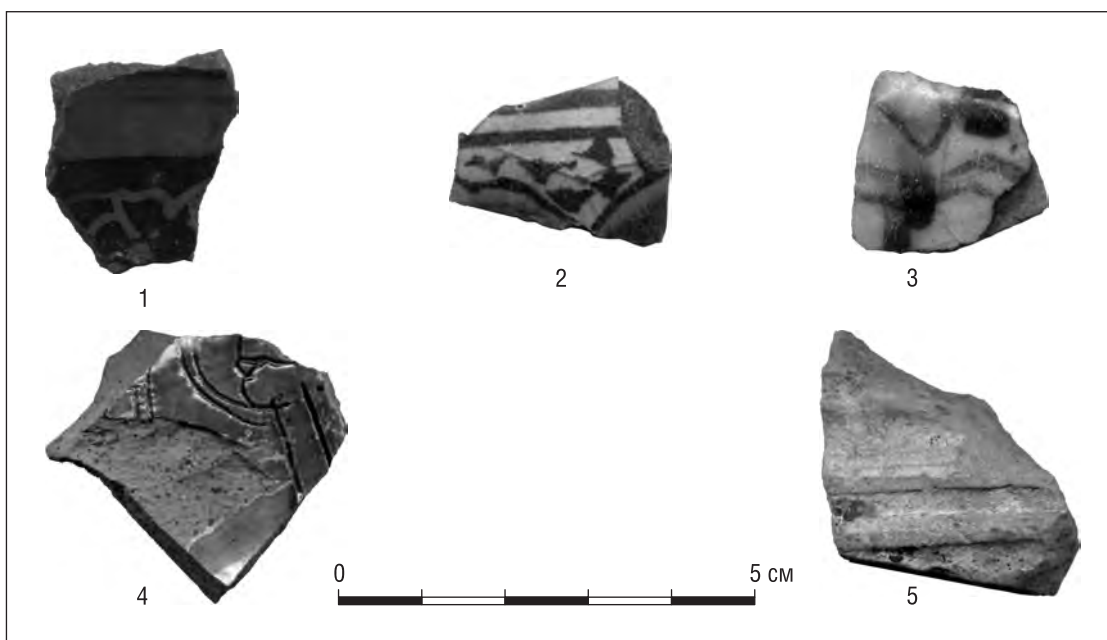

Рис. 6. Раскоп 2012 г. в Кашинском кремле. Фрагменты импортной посуды (керамика): 1 – чаши с ультрамариновой глазурью и люстровой росписью (Иран); 2–3 – сосудов кашинных с полихромной подглазурной росписью с внешней стороны (Золотая Орда); 4 – чаши с зелёной глазурью и подглазурным рисунком «сграффито» (причерноморская полумайолика); 5 – амфоры со светлым ангобом на поверхности (Причерноморье)

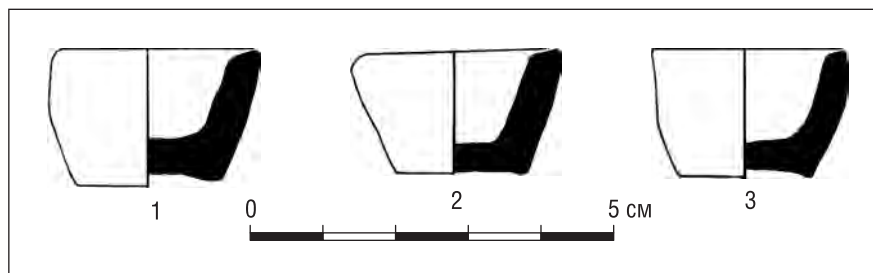

Рис. 7. Раскоп 2012 г. в Кашинском кремле. Микрососуды

Из керамических находок стоит отметить микрососуды (рис. 7) из красной глины. Они встречаются как в слое кладбища, так и в заполнении материковых ям. Предположительно их можно интерпретировать как елейники.

Получена достаточно большая коллекция гончарных клейм разного времени – от XIII до XVIII в. (рис. 8). Изучение проведено Е.В. Кобозевой (статья в печати).

Так как раскоп расположен на краю кремлёвской площадки, наиболее ранние керамические материалы были обнаружены в нескольких ямах, прилегающих к западной стенке раскопа (рис. 9). Датируются они кон. XII – 1-й третью XIII в.⁴

В раскопе исследованы заглублённые в землю части построек XIII–XIX вв. Материковые стенки подобных сооружений обшивались деревом. Удалось выделить три вида конструкций – срубную, каркасно-столбовую и в виде вертикальных столбиков или плах, укреплённых в канавке, идущей по периметру дна ямы. Пространство между материковыми стенками и деревянной обшивкой засыпали. Иногда в такую засыпку попадали материковый рыжий суглинок и грунт из более ранних слоёв.

Всего в раскопе Воскресенский 1 выявлены 13 подпольных ям, из них 3 – подполы XIX – 1-й пол. XX в., 2, – возможно, XVIII – нач. XIX в. Назначение поздних ям неясно из-за того, что они входят в раскоп лишь небольшой частью (рис. 9–12).

⁴ Датировка научного сотрудника отдела археологических исследований ТГОМ Е.В. Кобозевой

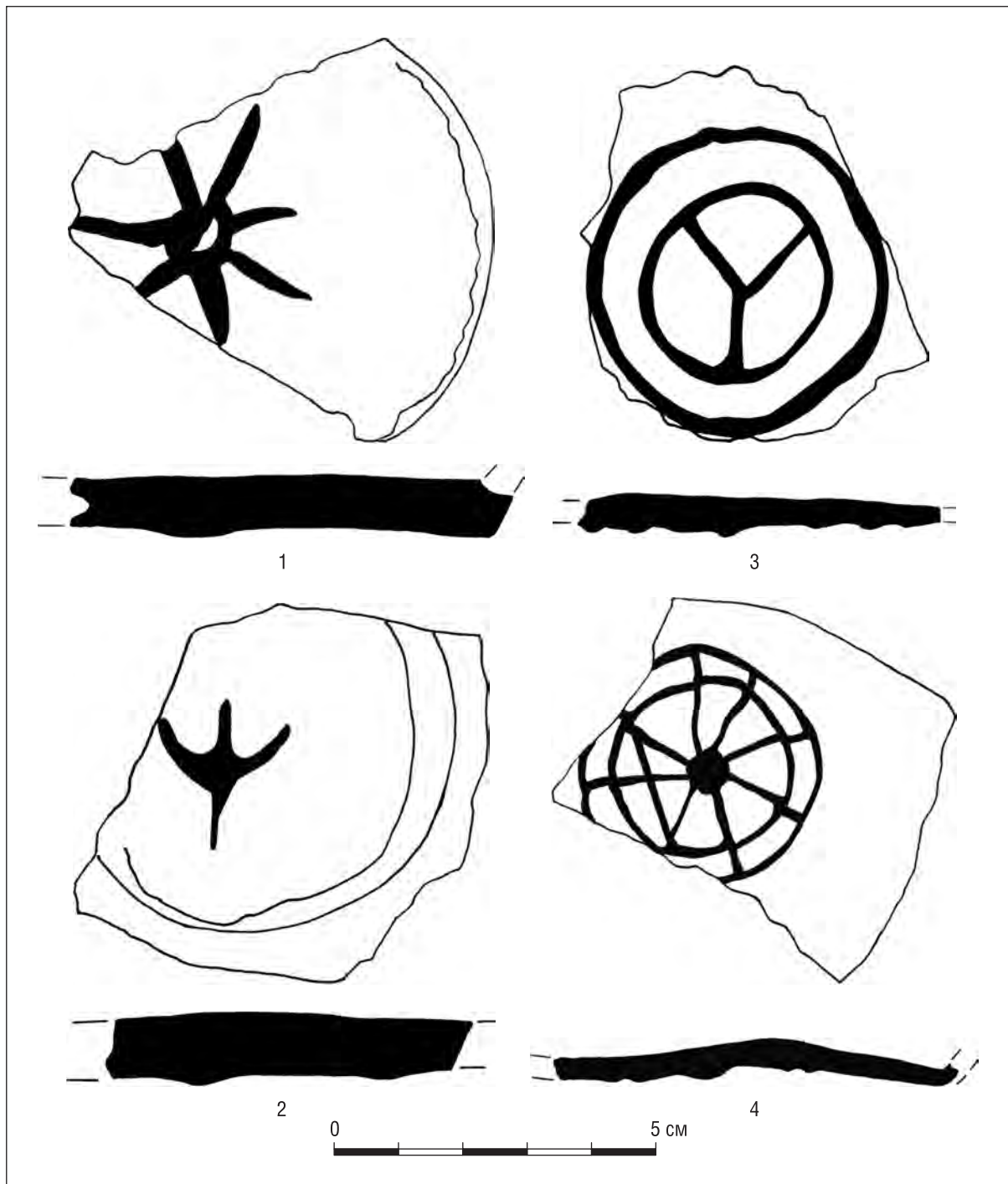

Рис. 8. Раскоп 2012 г. в Кашинском кремле. Гончарные клейма

Подпольная часть наиболее ранней (1-я треть XIII в.) постройки имела срубную конструкцию (рис. 10), остальные заглублённые в землю части построек были либо каркасно-столбовой конструкции либо комбинированными: 2 стенки – каркасно-столбовых и две стенки – в виде вертикальных столбиков или плах, укрепленных в канавке, идущей по краю дна ямы.

Подполья построек датируются XIII в. – 1 яма, XIII – нач. XIV в. – 1 яма, XIV в. – 2 ямы, кон. XIV–XV в. – 4 ямы. Виды конструкции подземной части постройки, кроме наиболее ранней срубной (рис. 10), хронологически не различаются.

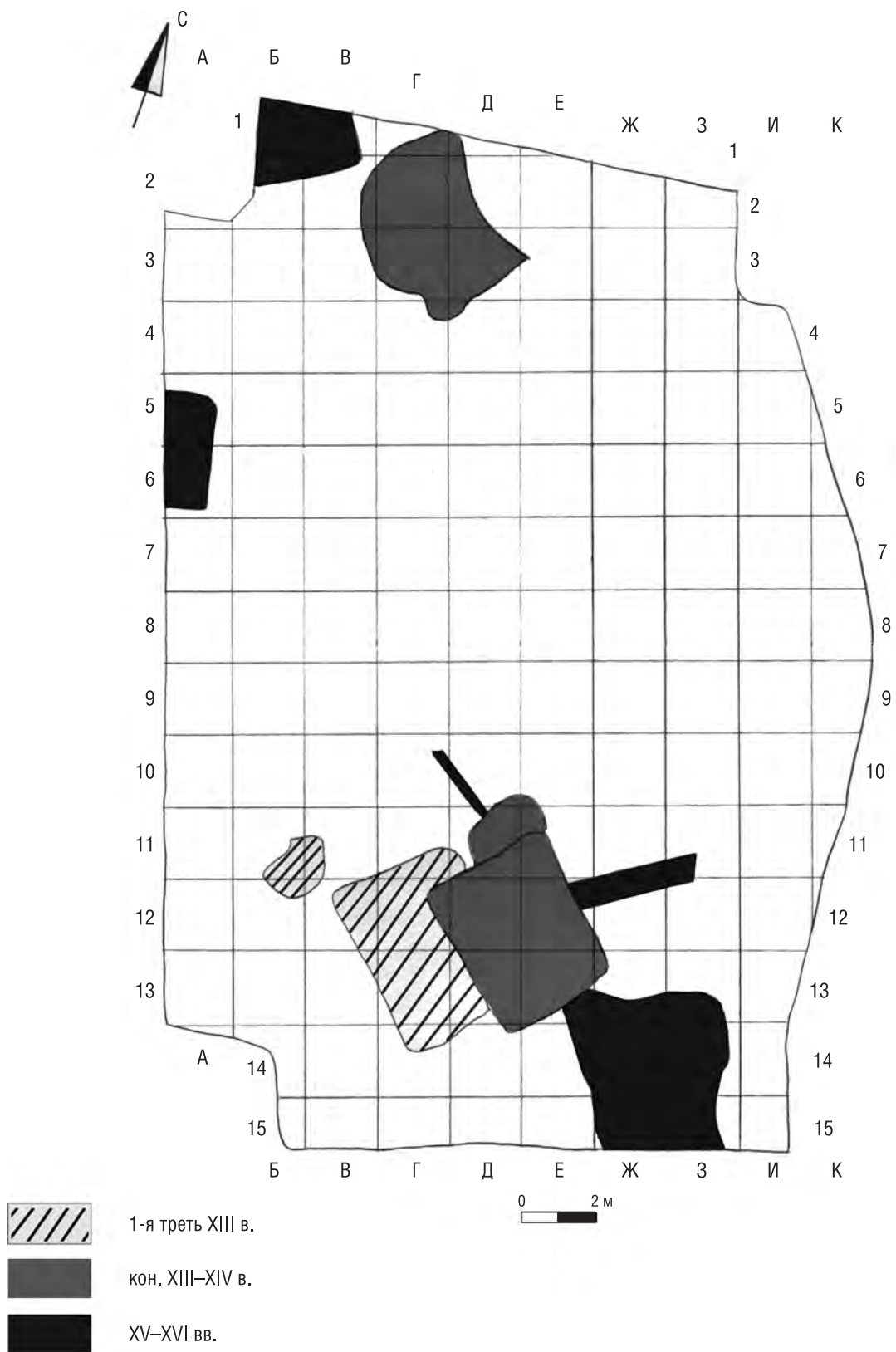

Рис. 9. Раскоп 2012 г. в Кашинском кремле. План подполов построек и частокольных канавок XIII–XVI вв., характеризующих направление улицы

Рис. 10. Раскоп 2012 г. в Кашинском кремле. Постройка 1-й трети XIII в., подпольная часть.
Остатки деревянных конструкций

Удалось проследить общую ориентировку существовавших построек, и можно говорить о направлении проулка (рис. 9) или улицы в данной части Кашинского кремля в сторону улицы Большой, известной по писцовым материалам.

Следы крепостных сооружений кремля в ходе работ не выявлены, по-видимому, они находились ближе к краю площадки и не вошли в раскоп или, что наиболее вероятно, утрачены в результате эрозии берега р. Кашинки.

Исследования показали, что возникновение поселения на месте раскопа Воскресенский 1 относится к кон. XII – 1-й трети XIII в. Состав находок не позволяет нам с полной уверенностью говорить о наличии городского поселения (г. Кашин) на данном месте в указанное время. В свою очередь, топография места раскопа: высокий берег, приспособленный для обороны, – не характерна для сельского поселения. (Раскоп затронул только край горизонтальной площадки и склон к р. Кашинке.)

Рис. 11. Раскоп 2012 г. в Кашинском кремле.
Центральная и северная части раскопа после окончания работ. Вид с запада-юго-запада

Рис. 12. Раскоп 2012 г. в Кашинском кремле.
Центральная и южная части раскопа после окончания работ. Вид с запада

Наиболее интенсивной жизнедеятельность на данном участке была в XIV–XV вв. В позднем Средневековье хозяйственные работы сдерживало наличие кладбища.

В конце XVIII – начале XIX века эта часть Кашинского кремля подверглась планировке и сильным перемещениям слоя, началась интенсивная хозяйственная деятельность, которая продолжается до настоящего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Андреев С.Е.* Отчет об археологических исследованиях на участке строительства жилого дома по ул. Л. Толстого, 6 в г. Кашине Тверской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
2. *Харитонов Г.В., Харитонова Н.А.* Раскопки в г. Кашине // АО–1973. М., 1974.
3. *Иванова А.Б.* Отчет об археологических разведках на территории Тверской области в 2009 г. Реконструкция Московского шоссе в г. Твери, шурф для сооружения фундамента постамента памятника благоверной княгине Анне Кашинской в г. Кашине Тверской области // Архив ИА РАН. Р-1.
4. *Постников С.Н.* 1970 г. // Архив Кашинского краеведческого музея – филиала ТГОМ, Папка 7.
5. *Виноградов А.И.* Археологическая экскурсия в село Кожино и города Кашин, Калязин и Углич. Тверь, 1901.
6. *Васильев С.В.* Приложение 2. Заключение о палеоантропологическом анализе погребений могильника Кашинский кремль, раскоп Воскресенский 1 (ТАЭ 2012). // *Андреев С.Е.* Отчет об археологических исследованиях на участке строительства жилого дома по ул. Л. Толстого, 6 в г. Кашине Тверской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
7. *Кирпичников А.Н.* снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX– XIII вв. Л., 1971.
8. *Окшотт Эварт.* Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса. М., 2006.

*Тверской государственный объединённый музей,
Тверь*

S.E. Andreev

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES IN THE KASHINSKY KREMLIN IN 2012: PRELIMINARY RESULTS

Summary

In the article the preliminary results of excavation of 2012 on the territory of the Kremlin of the city of Kashin – the centre of the specific principality in XIV – the 1st quarter of a XV century – are presented. The area of an excavation trench made 483 sq. m. Underground parts of dwellings of the XIII–XIX centuries and a late medieval cemetery were investigated. Interesting ware and ceramic materials are received.

*Tver State United Museum,
5, Sovetskaya St., Tver, 170100,
Russia
E-mail: andreevse@inbox.ru*

И.А. Сафарова

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ СТЕКЛЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ РАСКОПОК В КРЕМЛЕ ГОРОДА КАШИНА

В данной работе представлены предварительные итоги исследования стеклянных изделий из раскопок на территории кремля г. Кашина в 2012 г. (раскоп Воскресенский 1 на ул. Толстого, 6)¹.

Изученная коллекция включает 173 обломка браслетов, 5 бусин, 1 бусину на металлическом стержне (серьга?), 6 фрагментов перстней, фрагмент сосуда с «клеймом», обломок вставки (?), изготовленной из стенки сосуда (рис. 1–4).

Браслеты (рис. 2–4) различаются по морфологическим (форма, размеры, цвет, прозрачность, декор) и технологическим (техника изготовления, состав стекла) признакам. Описание морфологии и техники изготовления исследованных находок проведено по методике, предложенной Ю.Л. Щаповой [1].

Форма. Из 173 фрагментов браслетов больше половины (94 фр.) составляют гладкие, круглые в поперечном сечении (табл. 1), меньше (77 фр.) крученых (в поперечном сечении – многочастная розетка), один браслет – рубчатый (ребристый) (в сечении – многочастная розетка), форма одного браслета не установлена.

Размеры. В рассмотренной коллекции преобладают фрагменты браслетов диаметром прута 5–6 см, диаметром сечения 0,4–0,6 см. Лишь 1 браслет имеет диаметр прута около 7 см. Присутствуют также изделия диаметром прута 3–4 см (7 фр.) и 4–4,5 см (5 фр.).

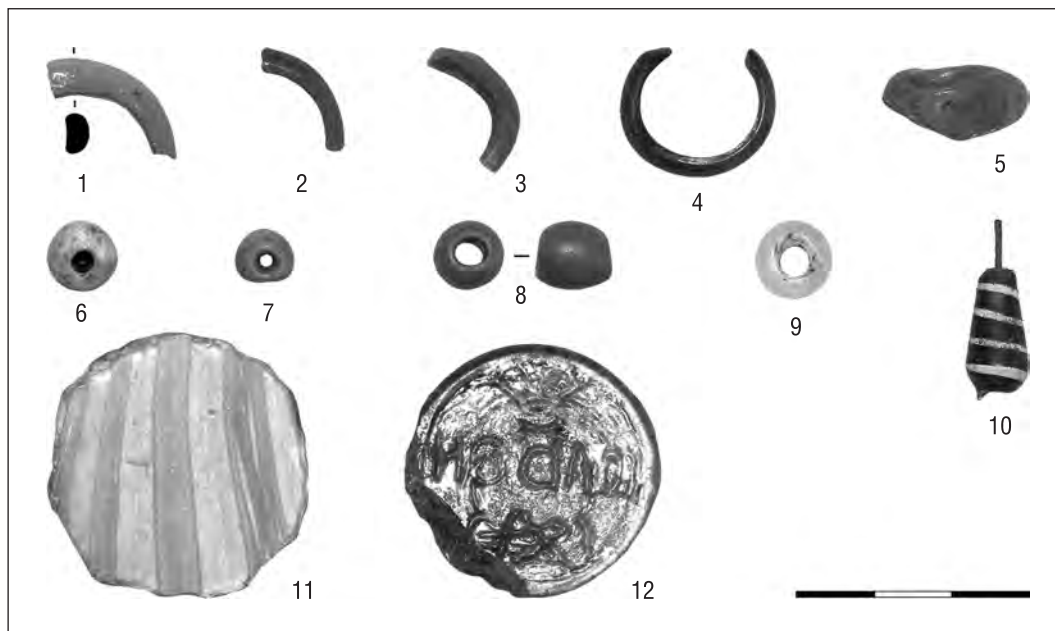

Рис. 1. Стеклянные изделия из раскопок в кремле г. Кашина в 2012 г.:
1–5 – перстни; 6–9 – бусы; 10 – серьга; 11 – вставка; 12 – «клеймо» на стенке сосуда

¹ Раскопки ТГОМ в 2012 г. в г. Кашине, автор – С.Е. Андреев (см. статью в настоящем сборнике).

Таблица 1. Форма стеклянных браслетов из раскопок в кремле г. Кашина в 2012 г.

Форма браслетов	Количество фрагментов	% от всех браслетов	Доверительные интервалы
Гладкие круглые	94	54,34	45,72–60,53
Кручёные	77	44,51	36,13–50,90
Рубчатые (рифлёные)	1	0,58	0–1,71
Не определена	1	0,58	0–1,71

Цвет и прозрачность. Цветовая гамма браслетов разнообразна (табл. 2). Коллекция включает красно-коричневые (31 фр.), коричневые (25 фр.), бежевые (9 фр.), оливковые (8 фр.), жёлтые (12 фр.), жёлто-зелёные (36 фр.), зелёные (13 фр.), синие (6 фр.), сине-зелёные (6 фр.), фиолетовые (14 фр.) браслеты. У 13 фрагментов цвет стекла установить не удалось.

Таблица 2. Цветовая гамма браслетов из раскопок в кремле г. Кашина в 2012 г.

Цвет браслетов	Количество фрагментов	% от всех браслетов	Доверительные интервалы
Красно-коричневый	31	17,92	11,83–23,23
Коричневый	25	14,45	8,91–19,36
Бежевый	9	5,20	1,79–8,39
Оливковый	8	4,62	1,41–7,65
Жёлтый	12	6,94	3,02–10,57
Жёлто-зелёный	36	20,81	14,32–26,38
Зелёный	13	7,51	3,43–11,27
Синий	6	3,47	0,68–6,12
Сине-зелёный	6	3,47	0,68–6,12
Фиолетовый	14	8,09	3,87–11,97
Не определён	13	7,51	3,43–11,27

Все исследованные браслеты, за одним исключением, прозрачные и полупрозрачные (для изделий тёмных цветовых тонов прозрачность установлена по тонкому сколу). Большинство их имеют различные дефекты стекла (пузырьки, нерастворимые включения), что влияет на его прозрачность. Лишь в нескольких случаях зафиксировано полностью непрозрачное, вероятно, специально заглушённое стекло.

Декор. Всего на 22 изделия зафиксирован декор (12,72 % всех браслетов). Преобладает перевитьё одной или двумя полосами цветного стекла (у 20 браслетов). Декорированы перевитьём коричневые, зелёные, жёлто-зелёные, жёлтые, оливковые браслеты (перевитьё чаще жёлтого цвета, реже красно-коричневого). На двух фрагментах кручёных жёлтых браслетов отмечен сложный филигранный декор (внутри изделий фиксируются перекрученные полосы жёлтого и красно-коричневого стекла).

Техника изготовления. Гладкие круглые в поперечном сечении браслеты изготовлены вытягиванием наборки стекла с последующим обёртыванием вокруг твёрдой основы определённого диаметра. Кручёные браслеты изготовлены перекручиванием рифлёного дрота (в сечении представляющего многочастную розетку). При креплении концы дрота сваривались «встык», при этом форма браслета у места крепления концов могла быть изменена (круглые в сечении и кручёные превращались в овальные или квадратные).

По сохранности стекла и массе сохранившихся обломков можно приблизительно установить соотношение между браслетами, изготовленными из стёкол разных классов². Больше половины браслетов, вероятно, изготовлены из щёлочно-свинцово-кремнезёмного стекла, около 40 % изученных изделий – из свинцово-кремнезёмного стекла.

Сравнение результатов исследований браслетов из раскопок в кремле г. Кашина с опубликованными данными по браслетам из древнерусских городов [2–10] показывает близость рассмотренной коллекции к материалам Новгорода, Твери и Торжка, датируемым сер. – 2-й пол. XIII – XIV в. Можно сделать предварительный вывод о формировании исследованной коллекции преимущественно в рамках указанного хронологического периода. Небольшая часть изделий имеет более раннее происхождение (не позднее кон. XII – нач. – 1-й трети XIII в.). К ранним изделиям, судя по аналогам, можно отнести следующие браслеты: кручёные сине-зелёные прозрачные, оливковые кручёные полупрозрачные, фиолетовые кручёные прозрачные, синие кручёные и гладкие круглые прозрачные, а также жёлтые кручёные и гладкие круглые (в том числе с филигранным декором) – всего 35 фрагментов. Все эти браслеты изготовлены, судя по сохранности, из калиево-свинцово-кремнезёмного стекла.

² Для точного определения состава стекла необходимо привлечение данных различных анализов.

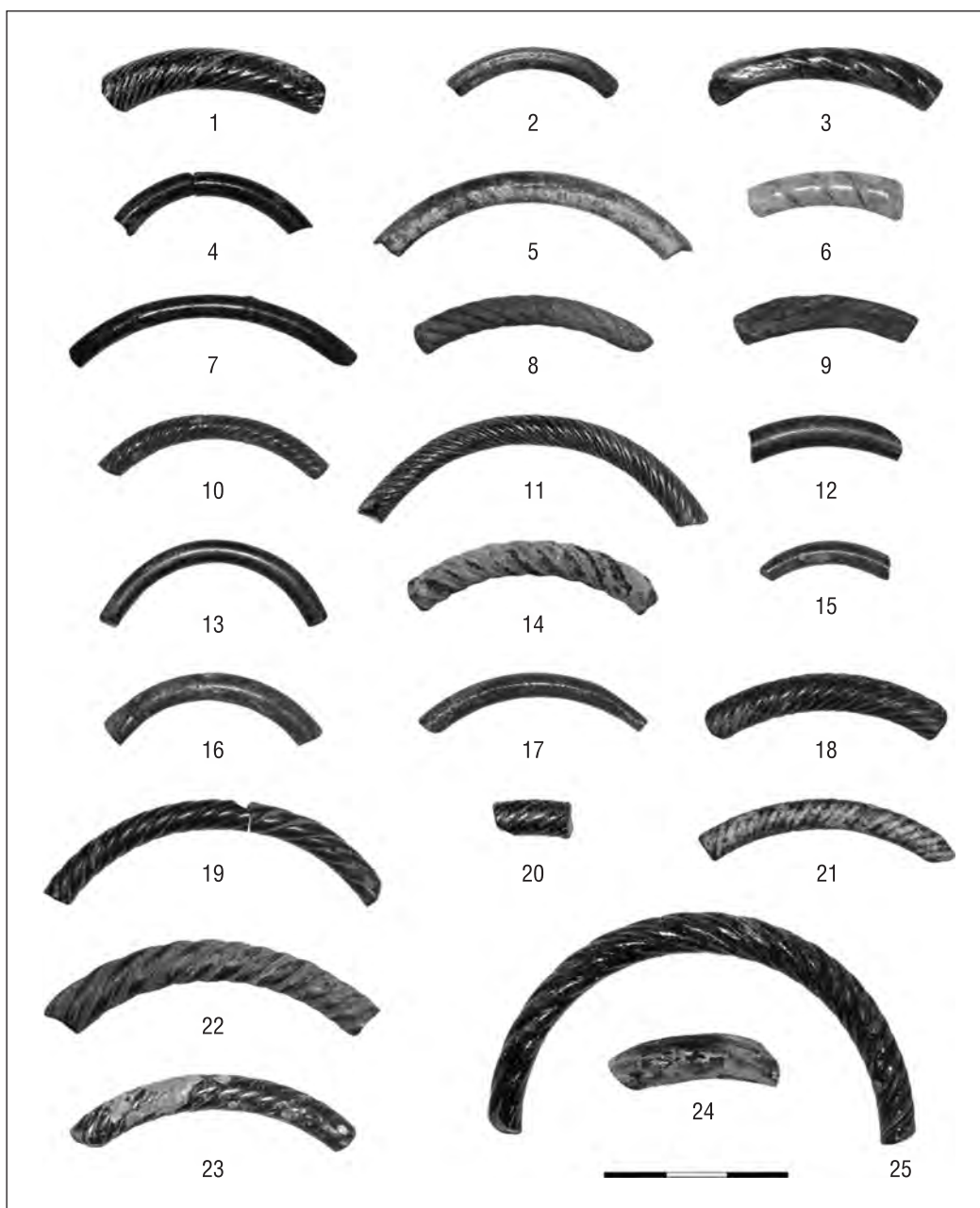

Рис. 2. Стекланные браслеты из раскопок в кремле г. Кашина в 2012 г.

Стекланные **перстни** представлены 6 фрагментами. Один из них (рис. 1: 4) – гладкий, полукруглый в сечении (внутренний диаметр составляет 1,6 см), щитковый, синий прозрачный (техника изготовления – навивка + прессование на плоскость для получения щитка). Этот перстень можно отнести к домонгольскому времени (не исключено византийское происхождение данного изделия, но для подтверждения необходим анализ состава стекла). 4 фрагмента относятся к перстням такой же формы, но другого стекла – бирюзового или сине-зелёного непрозрачного (рис. 1: 2, 3, 5). Диаметр (внутренний) двух наиболее сохранившихся перстней составляет 2 см. Подобные изделия известны в материалах Твери, Москвы и Новгорода, датируются 2-й пол. – кон. XIII – XIV в. [11–14]. Один гладкий, полукруглый в сечении перстень изготовлен из синего (голубого) непрозрачного стекла (рис. 1: 1). Аналоги известны в тверских комплексах сер. – 2-й пол. XIII в. [12].

Среди исследованных изделий присутствуют 5 **бусин** (рис. 1: 6–9). Из них 2 – округлые бочонковидные (эллипсоидные усечённые дважды) и 3 – округлые зонные (округлые шаровидные усечённые дважды). 4 бусин

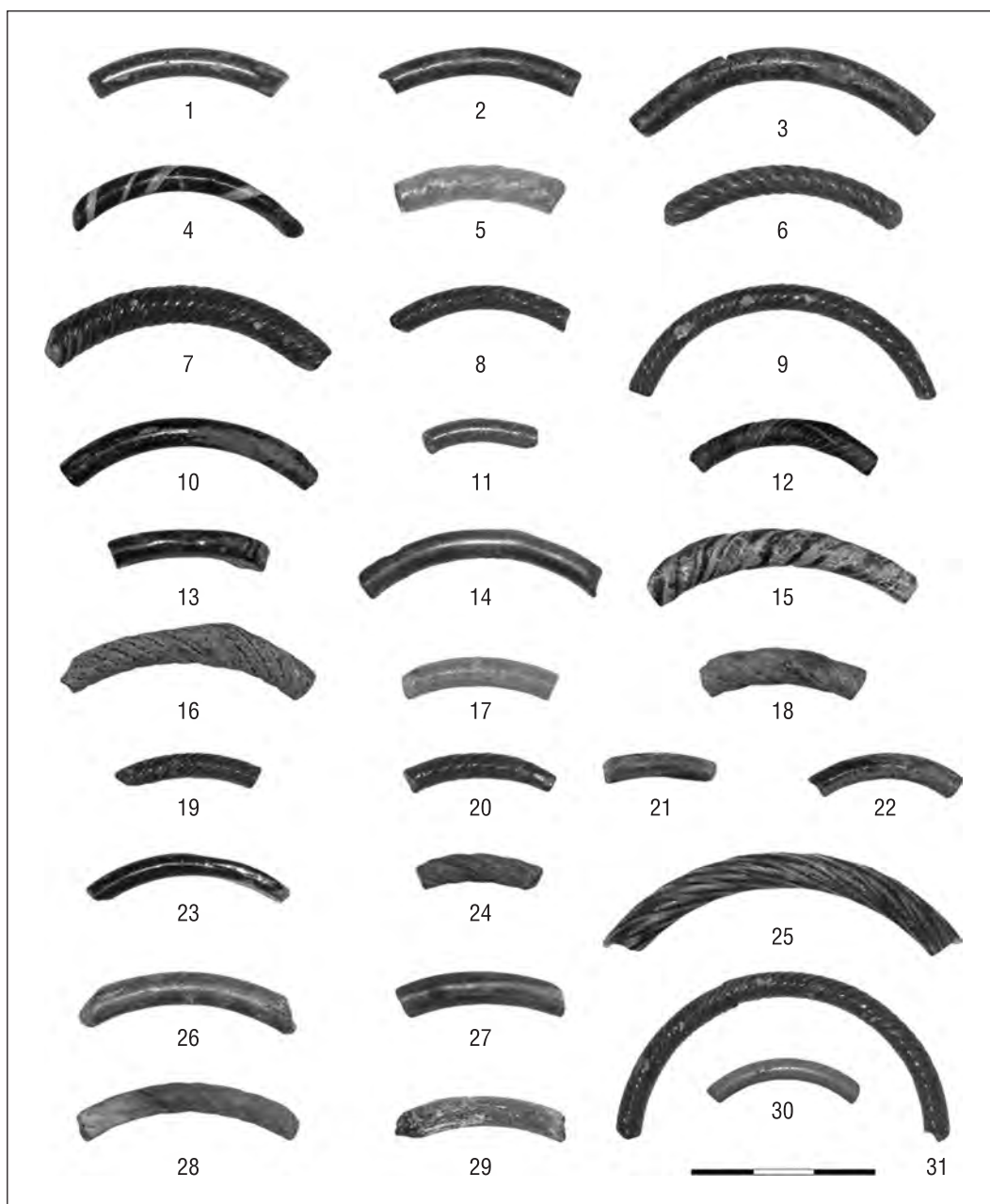

Рис. 3. Стекланные браслеты из раскопок в кремле г. Кашина в 2012 г.

сины – из жёлто-зелёного, зелёного и бирюзового прозрачного и непрозрачного (заглушённого) стекла, изготовленные навивкой, – относятся, судя по тверским аналогам, к одному хронологическому периоду (2-я пол. XIII – XIV в.) [15]. Округлая зонная бусина из бесцветного прозрачного стекла – изделие позднесредневекового периода (XVI–XVII вв.) – имеет, вероятно, западноевропейское происхождение [16].

Округлая биконическая бусина красно-коричневого полупрозрачного стекла с белым накладным декором, нанесённым по спирали, была нанизана на металлический стержень (**серьга**) (рис. 1: 10). Серьги и височные украшения с привешенными бусами, судя по материалам некрополей, были распространены в русских городах (Псков, Тверь, Москва и др.) в XVI–XVIII вв. [17].

Вставка (рис. 1: 11) округлой формы вырезана из стенки **штофа** бесцветного прозрачного стекла с накладным (белым) полосатым декором. Подобные импортные изделия известны в материалах Твери и Москвы кон. XVI–XVII в. [16].

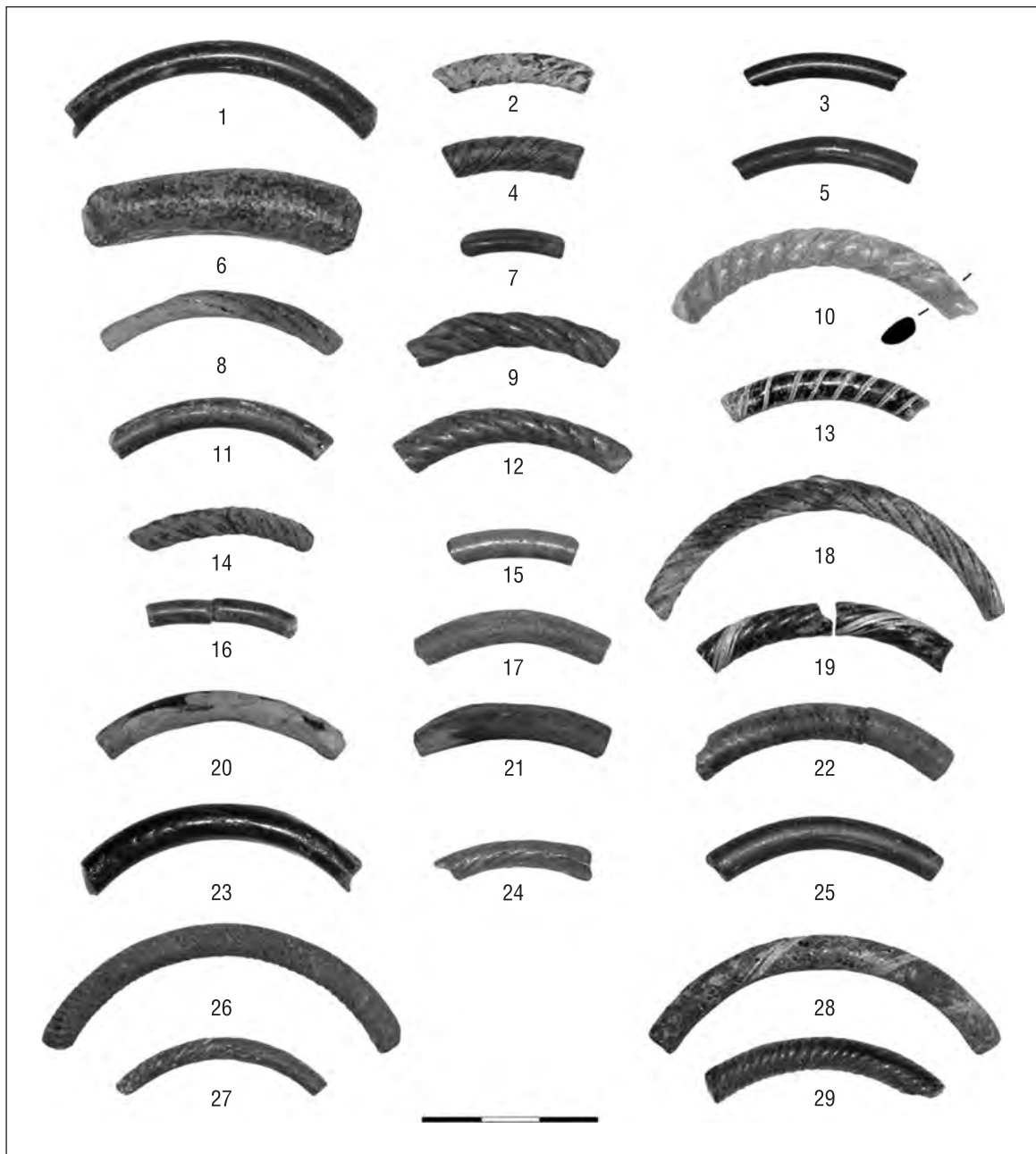

Рис. 4. Стекланные браслеты из раскопок в кремле г. Кашина в 2012 г.

Стенка сосуда жёлто-зелёного прозрачного стекла (бутылка или штоф) с «клеймом» (рис. 1: 12) относится к XVIII – нач. XIX в. На клейме – изображение короны (вверху) и шестиконечной звезды (внизу), в центре – зеркальная надпись «LONDON» [16].

В исследованной коллекции из раскопок в кремле г. Кашина представлены разные категории стеклянных изделий: браслеты, бусы, перстни, серьга, вставка, сосуды. Хронологические рамки её достаточно широки – от первой половины XIII века до начала XIX века. Основная часть изделий относится к Средневековью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Щапова Ю.Л.* Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М., 1989.
2. *Дашкова (Сафарова) И.А.* Стекланные браслеты древней Твери (вопросы хронологии и происхождения) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997.
3. *Дашкова И.А.* Стекланные браслеты из раскопок Кремля и Затьмацкого посада г. Твери (по материалам исследований 1989–1991 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
4. *Дашкова (Сафарова) И.А.* К изучению стекланных изделий из раскопок Твери // Тверской археологический сборник. Материалы II Тверской археологической конференции и 5-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
5. *Дашкова (Сафарова) И.А.* Украшения из стекла древней Твери // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М., 1997.
6. *Сафарова И.А.* Стекланные изделия домонгольского периода из раскопок Твери (по материалам исследований 1983–1998 гг.) // Тверской археологический сборник. Материалы III Тверской археологической конференции и 8-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007.
7. *Сафарова И.А.* Актуальные вопросы хронологии стекланных изделий из раскопок Твери // Тезисы доклада на Международной научной конференции «Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и в Новое время: изучение и реставрация». М., 2011.
8. *Щапова Ю.Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972.
9. *Полубояринова М.Д.* Стекланные браслеты древнего Новгорода // Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. М.; Л., 1963. (МИА. № 117)
10. *Сафарова И.А.* Стекланные браслеты древнего Торжка // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь, 2002.
11. *Дашкова (Сафарова) И.А.* Стекланные перстни из раскопок древней Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997.
12. *Сафарова И.А.* Об одной группе средневековых стекланных украшений из раскопок Твери // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция. Ярославль, 2003.
13. *Щапова Ю.Л.* Стекланные изделия древнего Новгорода // Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. М.; Л., 1963. (МИА. № 117)
14. *Столярова Е.К.* Химический состав средневековых стекланных перстней Москвы // КСИА. Вып. 220. 2006.
15. *Сафарова И.А.* Стекланные бусы древней Твери (XI–XIV вв.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь, 1999.
16. *Векслер А.Г., Лихтер Ю.А.* Новые находки стекланных изделий в Москве (раскопки на Манежной площади 1993–1994 гг.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997.
17. *Новиков А.В.* К хронологии некрополя у церкви Алексея-Человека Божия в Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997.
18. *Сафарова И.А.* Стекланная посуда XV–XVII вв. из раскопок Твери // В настоящем сборнике.

*ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр»,
Тверь*

I.A. Safarova

PRELIMINARY RESULTS OF STUDYING OF GLASS PRODUCTS FROM EXCAVATION ON THE TERRITORY OF THE KREMLIN OF THE CITY OF KASHIN

Summary

In this work preliminary results of research of glass products from excavation of 2012 of the Kremlin of the city of Kashin are presented. Different categories of glass products are presented: bracelets, beads, rings, earring, insert, vessels. The chronological framework of formation of this collection is the first half of XIII – the beginning of the XIX centuries. The main part of finds belongs to the Middle Ages.

*“Tver Scientific-Research Historical-
Archaeological and Restoration Centre” Ltd.,
42, Zhelyabova St., Tver, 170100,
Russia
E-mail: irina@safarov-tver.ru*

Е.Л. Хворостова

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ПЕЧИ XVI В. И КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII В. ИЗ РАСКОПОК СТАРИЦКОГО ГОРОДИЩА

Археологические исследования на территории Старицкого городища систематически велись с 1979 г. на протяжении 10 лет. В центральной части городища был выявлен подклет белокаменной палаты, построенной в период существования Старицкого княжества, вероятно в 20-е годы XVI в. [1; 2]. Обнаружение неизвестной ранее постройки повлекло за собой необходимость обследовать прилегающую к ней территорию, так что к раскопу № 3, в котором исследовался подклет, на узком, свободном от огородов участке была осуществлена прирезка к западу (раскоп № 5), доведённая до склона к реке Верхняя Старица (рис. 1). Отсчёт высот на всех раскопах городища производился от условного нулевого уровня, соответствующего абсолютной отметке 179,51 м (Балтийская система высот), все раскопы были увязаны в единую сетку квадратов 2×2 м.

В восточной части раскопа 5 на расстоянии 17–18 м от подклета белокаменной палаты был расчищен сложенный из кирпича на глине комплекс из трёх сооружённых одновременно печей, расположенных в линию с северо-запада на юго-восток практически параллельно подклету. Их верхние части не сохранились, топочные же камеры имели подковообразную форму (диаметр – от 132 до 136 см) и развёрнутые к востоку топки шириной 41 см у центральной печи и 60–65 см – у северной и южной (рис. 2, 3, 4).

Кладка произведена на глине из кирпича различного размера: 28×14×8,5 см, 28,5×13,5×8 см, 30×14×8,5 см и т.п. Наиболее часто встречаются кирпичи размерами 29×14×8 см, однако в кладке внутренних частей топочных камер прослежены и маломерные кирпичи размерами 22,5–23×10,5–11×6–6,5 см. По сохранившимся рядам сложно судить, не являются ли маломерные кирпичи следствием вычинки, однако возможность одновременного применения большемерного и маломерного кирпича не исключена, тем более что в развалах в подклете белокаменной палаты встречались маломерные кирпичи похожего размера. Маломерный кирпич в московских постройках наиболее характерен для начала XVI в., однако его применяли и позднее; для выкладки старицких печей он, в принципе, мог быть взят из какой-нибудь разобранный постройки, однако это маловероятно.

Верх пода, образованного спёкшейся глиной, в южной и центральной камерах расчищен на уровне +62 см, в северной камере под располагался на 14 см ниже (отметка +48 см). Заполнение сохранившихся объёмов под дёрном и слоем перемешанной супеси с глиной, примесью песка и включениями кирпичного щебня составлено смесью кирпичного щебня, прокалённой глины и пепла с примесью земли.

Перед южной камерой сохранился небольшой фрагмент выстилки из деструктурированных большемерных кирпичей (верх на уровне около +56 см, то есть примерно на 8 см ниже, чем верх пода в центральной и южной камерах). Выстилка была несколько заглублена по сравнению с уровнем дневной поверхности времени устройства комплекса печей.

К северо-востоку от устьев центральной и северной камер прослежена яма, верхний обрез которой имел небольшой уклон с юго-запада на северо-восток (отметки от +41 см до +48 см), то есть направленный в сторону печей край был на 6–8 см ниже, чем под северной камеры, а противоположный выходил практически на уровень с подом. Вытянутый вдоль фасадов край ямы почти параллелен им, тогда как противоположная сторона имеет неправильную форму; максимальный размер ямы с северо-запада на юго-восток составлял 268 см, а с юго-запада на северо-восток – 172 см. Уплощённое дно ямы расчищено на уровне -41 см, то есть её глубина достигала 83 см. На глубине около 35 см от уровня верха ямы (отметка +6 см) прослежена полка шириной от 15 до 30 см, идущая вдоль обращённого к фасадам борта.

Под дёрном яма перекрыта глиной с кирпичным щебнем в смеси с супесью и с отдельными включениями угля и белокаменного щебня. Заполнение ямы до её дна образовывала слегка слоистая глина с супесью и отдельными включениями угля. Сколько-нибудь выраженные прослойки в заполнении не выделялись, однако непосредственно у полки количество угля и золы резко повышалось, вероятно, здесь скапливались удалённые из печей остатки сгоревших дров.

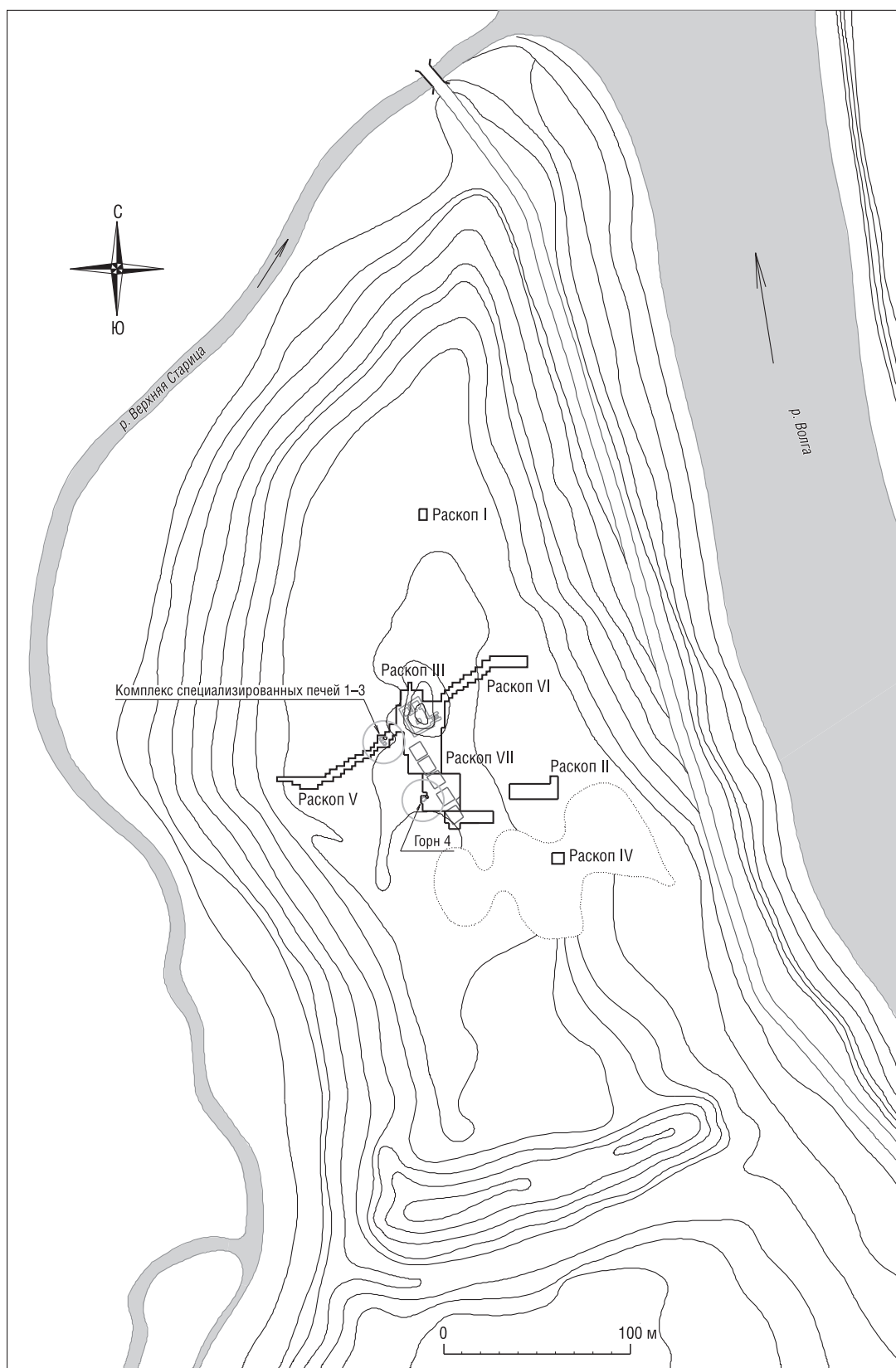
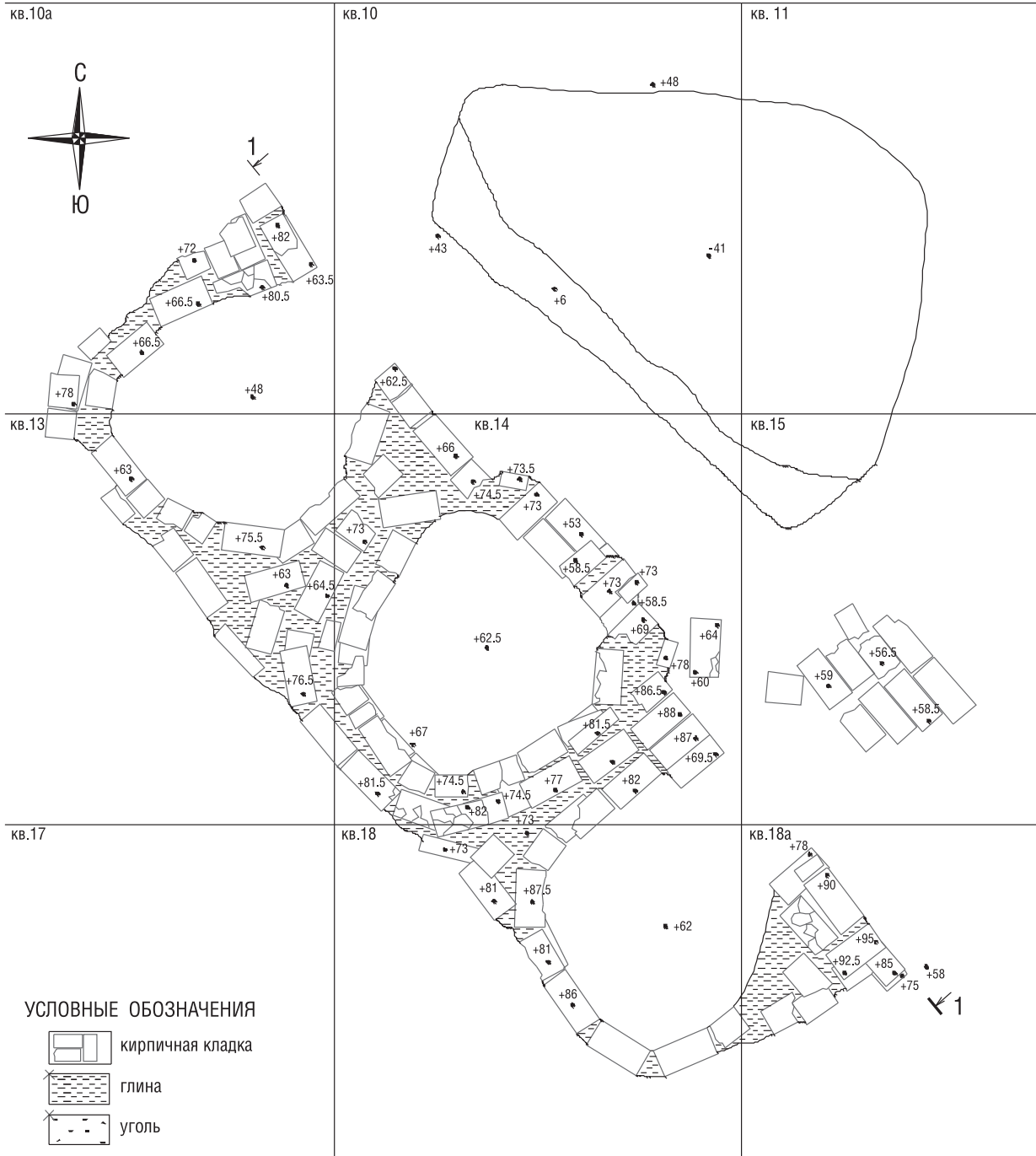

Рис. 1. Старицкое городище. План-схема размещения специализированных печей

ПЛАН

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- кирпичная кладка
- глина
- уголь

ФАСАД (1-1)

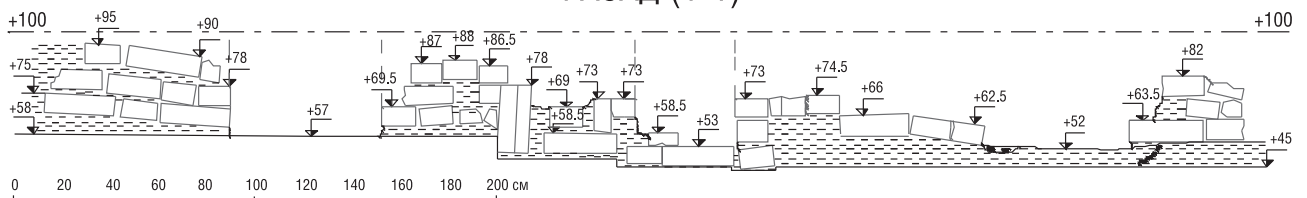

Рис. 2. Старичское городище. Специализированные печи 1–3. План, фасад

Рис. 3. Старицкое городище. Специализированные печи 1–3. Вид с востока

В заполнении печей найдены 75 фрагментов светлоглиняных горшков, мисок и корчаг, 22 фрагмента тонкостенных красноглиняных ангобированных сосудов, 8 фрагментов сероглиняных горшков, фрагмент чернолощёного кувшина (лощение – зеркальное) и (в центральной камере непосредственно над подом) 3 фрагмента светлоглиняных дольчатых балясин от декора располагавшейся к востоку белокаменной палаты с подклетом. В заполнении центральной камеры обнаружено калачевидное кресало (рис. 5); похожее кресало, датированное XIV–XV вв., отмечено Н.Н. Ворониным [3, рис. 20: 2]. Как более отдалённый в территориальном отношении пример можно привести находку подобного кресала XVI–XVII вв. в Мангазее [4, табл. 69, рис. 7]. Кроме того, найдены железный штырь, фрагмент железного крюка и несколько кованых гнутых гвоздей, которые, возможно, были вбиты в доски, служившие в качестве топлива. Наиболее интересна удовлетворительно сохранившаяся небольшая (диаметр 11 см) светлоглиняная фляжка со следами светло-зелёной поливы (рис. 6), найденная неподалёку от устья северной камеры и находящая аналоги в московских материалах XVI в.

В заполнении ямы обнаружены около 100 фрагментов светлоглиняной, сероглиняной и красноглиняной ангобированной керамики. Непосредственно над выявленной верхней границей заполнения ямы найдены нож с костяной ручкой (рис. 7) и фрагмент стремени (рис. 8), а рядом с полкой (на уровне с ней, отметка +5 см) – костяная овальная пластинка с изображением человека в тюрбане, держащего факел (рис. 9). Изображения иноземцев на кости известны среди московских находок, например из Зарядья происходит поясной резной портрет фламандца, напоминающий по технике изготовления старицкий.

Расположение комплекса печей к западу от строящегося здания свидетельствует о том, что эта территория, скорее всего, не была занята какими-либо постройками. Судя по примыкающим к ним напластованиям, они были поставлены непосредственно на материк и даже несколько заглублены в него.

Время функционирования этого комплекса неясно, но, скорее всего, в непосредственной близости от жилых палат оно не могло быть достаточно продолжительным.

Судя по выявленным в заполнении печей и ямы фрагментам керамики и балясин, применённых в декоре белокаменной палаты, печи предназначались не только для обжига бытовой керамики, но и для сугубо строительных нужд – изготовления декоративных балясин, плиток пола подклета и черепичного покрытия кровли возводимой палаты. Несмотря на то, что ни в печах, ни в припечной яме не найдены фрагменты плиток пола и черепицы, маловероятно, что их обжигали отдельно от балясин, тем более что на участках, где стены подклета белокаменной палаты были разобраны до основания, непосредственно под блоки были

Рис. 4. Старицкое городище. Специализированные печи 1–3. Вид с юго-востока

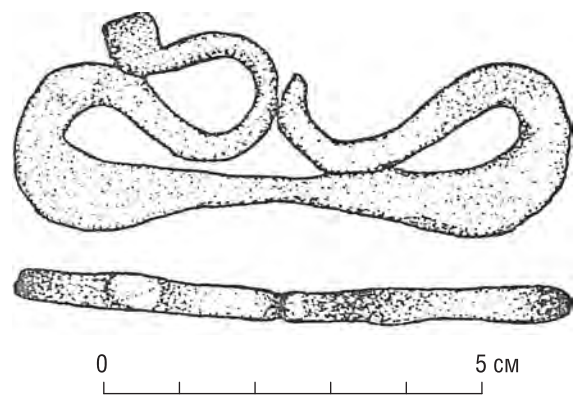

Рис. 5. Старицкое городище. Специализированные печи 1–3. Железное кресало

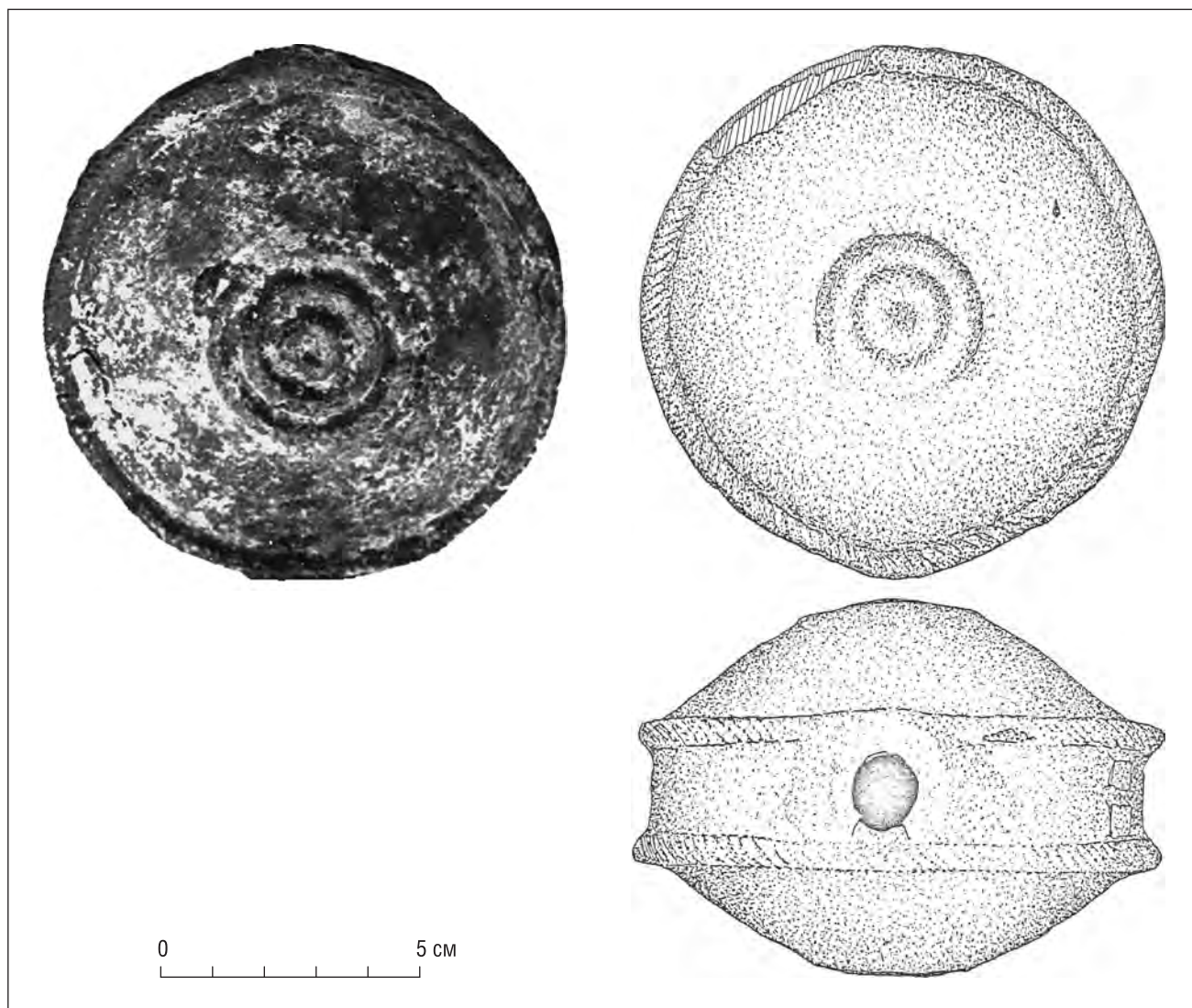

Рис. 6. Старицкое городище. Специализированные печи 1–3. Фляжка светлоглиняная со следами поливы

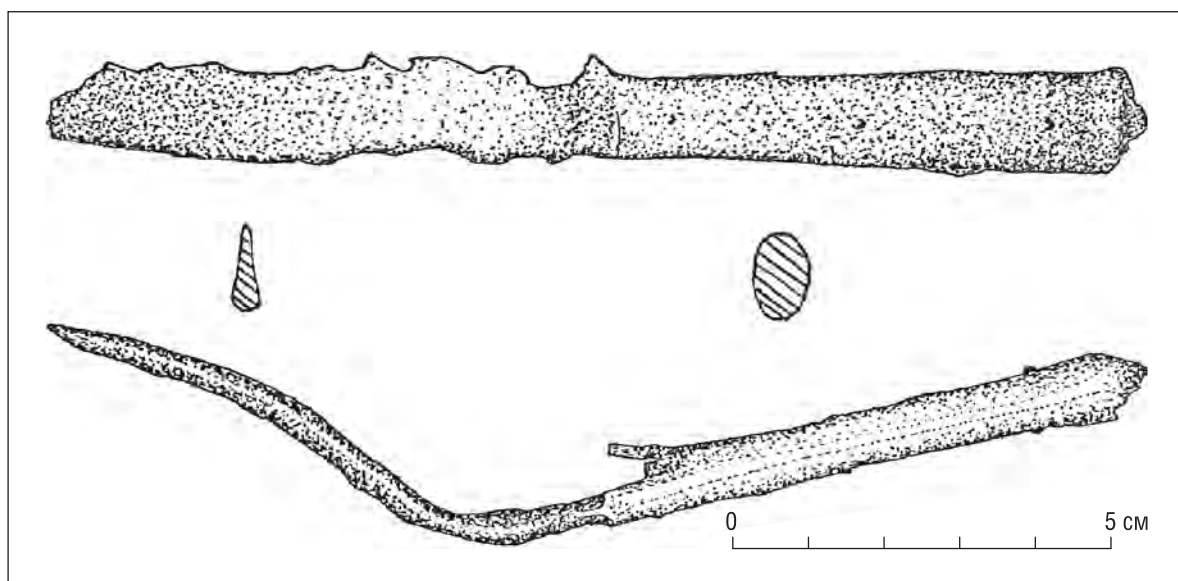

Рис. 7. Старицкое городище. Специализированные печи 1–3. Нож с костяной ручкой

подложены обломки керамических плиток (видимо, брак производства), что указывает на их изготовление в процессе строительства палат, мало того – на самой ранней стадии этого строительства.

Необходимо отметить, что, в принципе, вероятна и третья функция печей. Их планировка в виде «цепочек» из нескольких камер и характер кирпичной кладки чрезвычайно похожи на печи-очаги, которые были выявлены на территории Романова двора в Москве. В Старице, так же как и в Москве, кирпичные кладки были заглублены ниже уровня дневной поверхности времени сооружения, в плане они имели округлую форму, выполнялись на глиняном растворе. Особенно близка к старицкому варианту печь-очаг № 9 второй половины XVI в., представляющая собой линейную цепочку из трёх камер; правда, здесь приямок вытянут вдоль всего фасада [5, с. 292, рис. 46]. Н.А. Кренке считает, что в «Москве 16 века существовала ярко выраженная традиция сооружения надворных кирпичных печей вполне определённого архитектурного типа, связанная в первую очередь с воинским бытом, крупными дворовладениями» [5, с. 69]. Эти печи предназначались для варки пищи в котлах, подвешивавшихся на перекладины, опиравшиеся на столбы. Никакие столбы (столбовые ямы) в непосредственной близости от комплекса старицких печей не выявлены, что может быть обусловлено как перемешанностью культурного слоя в результате копки огородов, так и приготовлением пищи для строителей палаты с установкой котлов на отверстиях в верхних частях сводов, перекрывавших топочные камеры. К тому же бригада, строившая палаты, скорее всего, не была слишком многочисленной, так что для варки могло использоваться лишь одно членение комплекса.

Четвёртая печь выявлена в 1987 г. во время раскопок (раскоп 7) на участке расположения комплекса срубных построек с подклетами конца XIV в., который не был закончен, так как сгорел в 1395 г. [6]. Она располагалась к западу от четвёртого сруба на расстоянии около 6 м от него, но не была связана с ним стратиграфически.

Печь имела в плане подковообразную форму с выгибом дуги, обращённым к юго-западу (рис. 10). Её размер с северо-востока на юго-запад составляет 275 см, с северо-запада на юго-восток (в наиболее широком месте) – 235 см. Кладка выполнена на запесчанном глиняном растворе из кирпича размерами в основном 29,5×14×7 см, 30×15×7 см, 30,5×14×7 см, 31×16×7 см и 32×15–7,5 см. Наиболее высоко сохранилась кладка в юго-западной части печи (отметки от +141 см до +150 см). К северо-востоку сохранность кладки хуже, у устья она сохранилась лишь на два ряда (уровень +78 см). Кирпичи в кладке положены в основном тычками, так что толщина стенок варьирует от 29,5 до 32 см.

Устье, оформленное выступающими к северу и югу «плечиками» шириной в один кирпич, сужалось к наружной части с 94 см до примерно 75 см (с юга угол завершающего устья кирпича не сохранился). В северной стенке устья прослежен обломок кирпича-«пальчатки», положенного на одном уровне с расположенными рядом кирпичами (отметка +109 см) и относящегося, скорее всего, к какой-то разобранный постройке. Пальчатые кирпичи, характерные для белорусского зодчества, встречались в слое XVI в. и на самом городище, и в Успенском монастыре. Сейчас они известны и в Твери [7].

В юго-западной части топочной камеры был расчищен развал свода, несколько кирпичей из которого стояли на торцах на поде (по-видимому, свод, как и стенки топочной камеры, был выложен в один кирпич). В остальной части топочной камеры кирпичи из обрушившегося свода были разрушены.

Под, сохранившийся в западной части топочной камеры, был выложен из кирпича, однако кирпичи настолько сильно расслоились, что проследить систему их раскладки не удалось. В восточной части топочной

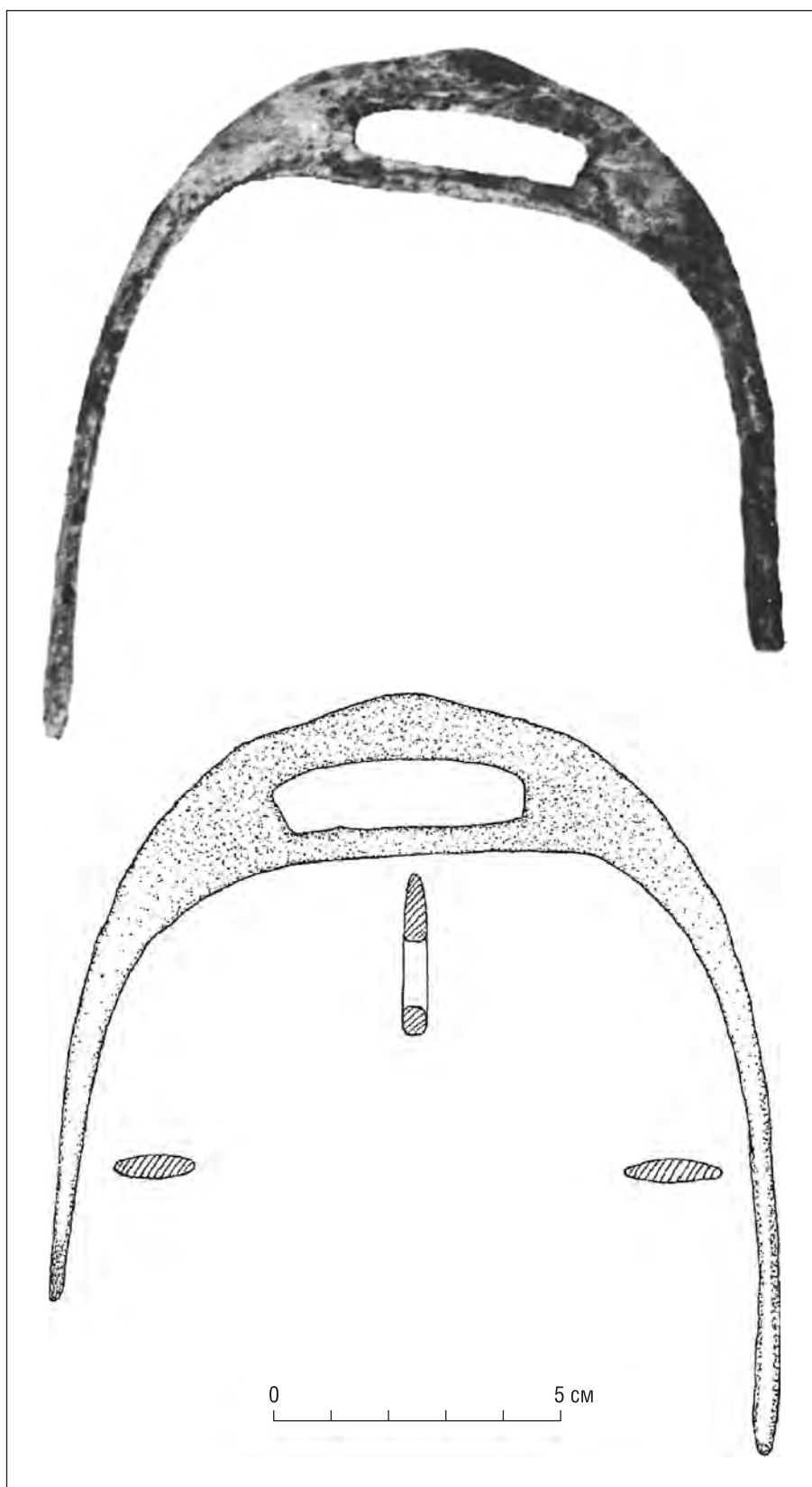

Рис. 8. Старицкое городище. Специализированные печи 1–3. Железное стремя

Рис. 9. Старицкое городище. Специализированные печи 1–3. Вставка костяная

камеры под не сохранился, здесь под кирпичным щебнем прослежен материк, сложенный песком, который был прокопан до уровня +85 см. Заполнение топочной камеры над подом под дёрном и слоем перемешанной супеси с глиной, примесью песка и включениями кирпичного щебня составлено смесью кирпичного щебня, прокалённой глины и пепла с небольшой примесью земли.

К северо-востоку от печи, на расстоянии около 42 см от неё была зафиксирована яма овальной формы, располагавшаяся по центральной оси. Максимальный размер ямы с северо-запада на юго-восток составляет 142 см, с северо-востока на юго-запад – около 116 см. У торцов ямы на отметках от +43 см до +46 см расчищено несколько подтёсанных кусков известняка (максимальные размеры – 30×17 см), создающих впечатление остатков облицовки. Возможно, они были положены с целью укрепления бортов. Заполнение ямы не имеет выраженной стратиграфии: под дёрном располагается перемешанный слой супеси с глиной и отдельными включениями мелкого кирпичного щебня.

С датировкой этой печи и определением её назначения дело обстоит сложнее, чем с первыми тремя: никакие артефакты ни в топочной камере, ни в горновой яме не найдены, отмечены лишь два невыразительных фрагмента сероглиняных стенок сосудов непосредственно над верхом ямы. Ориентироваться приходится только на кладочный кирпич. Он – большемерный, как и в трёх первых печах, но более тонкий (7–7,5 см), что более характерно для конца XVI–XVII в. Следы столбов, которые позволили бы достаточно однозначно определить данное сооружение как печь-очаг, на прилегающей территории не выявлены. Судя по характерной для горнов, предназначавшихся для обжига керамики, планировке, таким было назначение и данного сооружения.

Обращает на себя внимание общее планировочное решение расположения раннего комплекса деревянных построек конца XIV в., белокаменной палаты XVI в., комплекса специализированных печей XVI в. и печи-горна конца XVI – начала XVII в. Все эти сооружения развёрнуты с северо-запада на юго-восток, ориентируясь на центральную ось расположенного на мысу городища. По-видимому, начавшая формироваться в XIV в. при тверских князьях планировочная структура сохранялась и в период существования Старицкого княжества, а затем и в «воеводский», когда Старица отошла к московскому правящему дому.

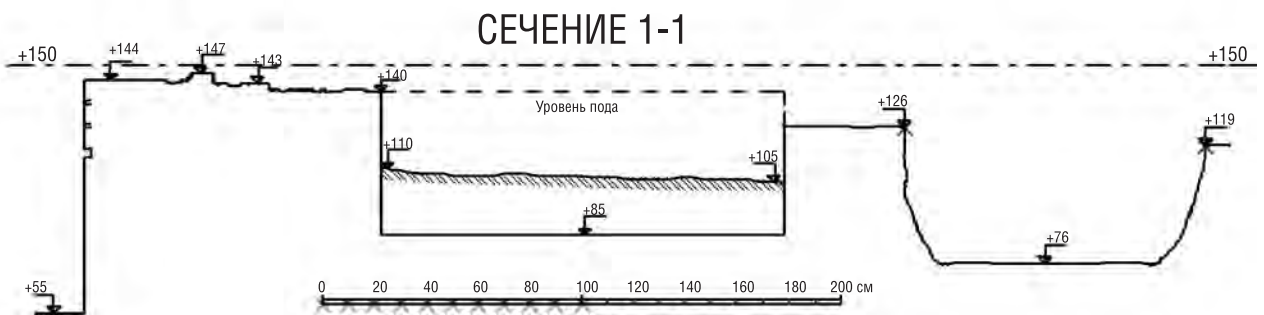
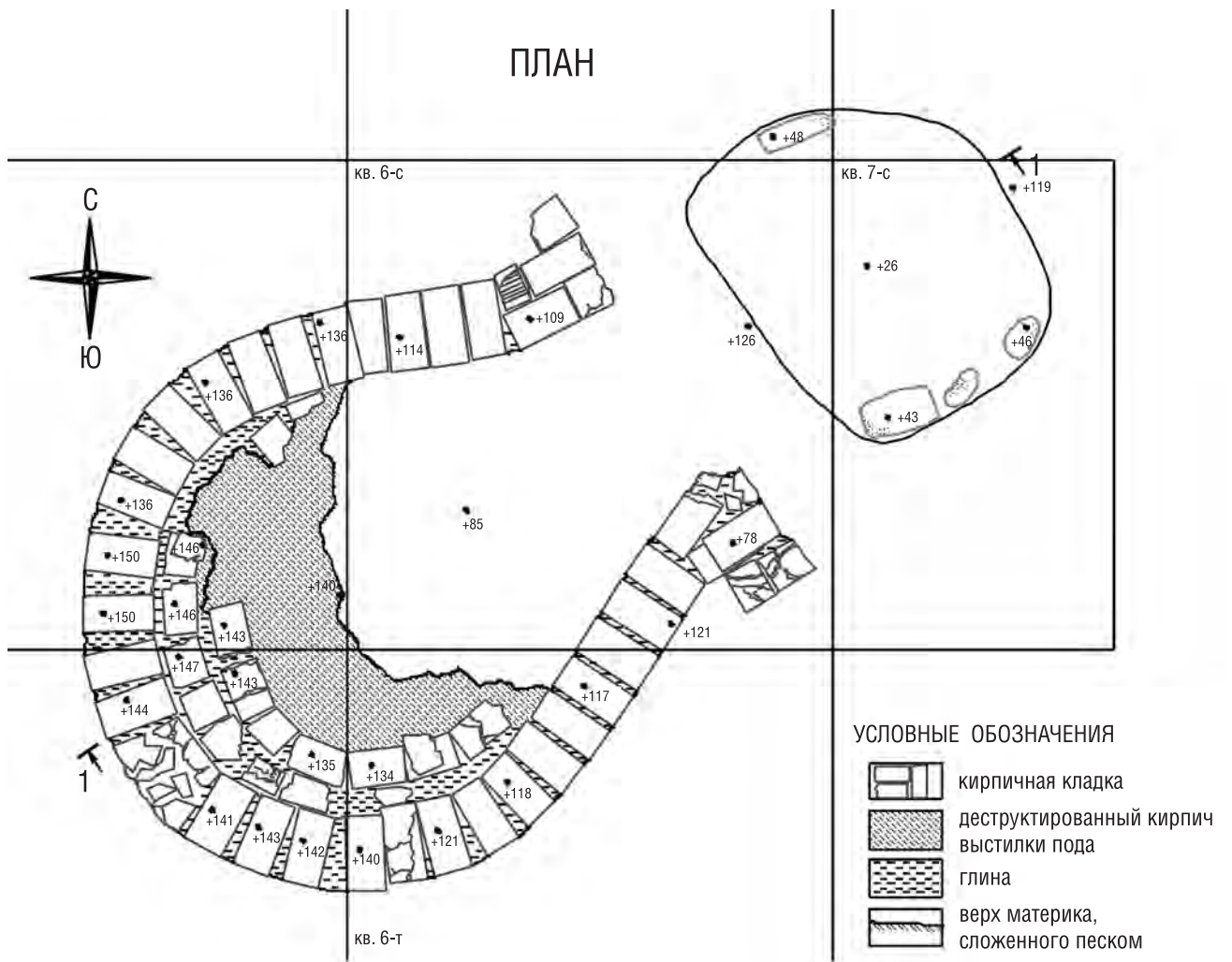

Рис. 10. Старичское городище. Горн 4. План, сечение 1-1

Рис. 11. Старицкое городище. Горн 4. Вид с юго-запада в процессе расчистки

Рис. 12. Старицкое городище. Горн 4. Вид с юго-востока

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хворостова Е.Л., Галашевич А.А.* Старицкая белокаменная палата XVI в. // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. IV. М., 2001.
2. *Хворостова Е.Л.* Белокаменные «государевы погребы» в Старице // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь, 2003.
3. *Воронин Н.Н.* Раскопки в Старице // КСИИМК. Вып. XXXVIII. 1951.
4. *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Часть II. М., 1981.
5. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Автор-составитель Н.А. Кренке. М., 2009. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12)
6. *Хворостова Е.Л.* Деревянные постройки Старицкого городища // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
7. *Сафарова И.А.* Строительная керамика из исследований Загородского посада г. Твери (по материалам раскопа № 119) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь, 2010.

*Научно-проектное реставрационное предприятие «Симаргл»,
Москва*

E.L. KHVOROSTOVA

SPECIALIZED FURNACES OF THE XVI CENTURY AND THE END OF XVI – THE BEGINNING OF XVII CENTURIES FROM EXCAVATION OF THE STARITSKY ANCIENT TOWN

Summary

In the course of architectural and archaeological research on the territory of the ancient town in the city Staritsa of Tver region there was revealed an assemblage of specialized furnaces of XVI century representing three rounded chambers connected in one chain. Furnaces were intended for household ceramics firing, as well as balusters, floor tiles, and shingles for the white stone chamber, which was under construction nearby. Perhaps here the meals for the builders of the white stone chamber were also made. Moreover, to the south-east from this assemblage there was revealed a kiln of a classical horse-shoe shape dating back to the end of XVI–XVII centuries AD.

*Research and Development Restoration Company “Simargl”,
Off. 314, 2a, Samokatnaya St., Moscow, 109033,
Russia
E-mail: elhvorostova@gmail.com*

В.В. Щербаков

**ПЕЧНЫЕ НАБОРЫ XVIII ВЕКА
ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ
АРХИТЕКТУРНЫХ ФОНДОВ
СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

Формирование архитектурных фондов Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника (СПГИХМЗ) началось в конце 1940-х годов. На сегодняшний день в них насчитывается около 1000 изразцов и фрагментов, из которых более половины составляют расписные изразцы XVIII века¹. Большинство изразцов относятся к Троице-Сергиевой Лавре. Их находки связаны с реставрационными, археологическими и земляными работами. Представлены изразцы от разных частей печных наборов. В работе рассматриваются только расписные изразцы, но не всех видов, так как из-за ремонта и переездов доступ в фонды закрыт.

К настоящему времени на территории Троице-Сергиевой Лавры (ТСЛ) сохранились 5 печей XVIII века. Самая древняя из них находится на галерее церкви Рождества Иоанна Предтечи. Печь украшена рельефно-расписными изразцами и датируется началом XVIII века. Вторая по времени печь расположена в Спальной палате Царских чертогов, украшена расписными изразцами (по белому фону синяя роспись) и датируется серединой XVIII века (ил. 1, 2). Здесь же, но в Столовой палате, находится третья печь, украшенная многоцветными расписными изразцами, её датировка – последняя четверть XVIII века (ил. 3, 4).

Четвёртая и пятая печи расположены в Митрополичьих покоях – в Царской и переделанной в церковь Патриаршей палатах. Одна из печей, находящаяся в домовый церкви Филарета Милостивого, украшена расписными изразцами (по белому фону синяя роспись) и датируется серединой XVIII века [1, с. 196, ил. 161, 163] (ил. 5, 6). Пятая печь, украшенная многоцветными расписными изразцами, стоит в Царской палате Митрополичьих покоев, её датировка – последняя четверть XVIII века (ил. 7, 8).

Впервые интерес к троичным изразцам возник в 1907 году, когда реставрировался изразцовый декор церкви Зосимы и Савватия Соловецких. Именно в этом году для церкви мастерами Московского Строгановского училища были изготовлены новые муравленные изразцы, выполненные по древним образцам.

Интересные сведения о печах в храмах Троице-Сергиевой Лавры содержатся в монастырской описи 1908 года.

Здесь при описании домовый церкви Казанской Богоматери в Митрополичьих покоях читаем: «В алтаре, выступом из восточной стены на четыре вершка (17,8 см – *авт.*), выложена печь из старинных белых изразцов, наведенных синей глазурью, и изображающих различные библейские и иные картины. Середина печи имеет уступ вовнутрь, при чем верхняя часть поддерживается четырьмя изразцовыми колоннами, соответствующего изразцам вида. Над карнизом печи возвышается семь изразцовых пальметт» [2, л. 276, 276об.]. Надо сказать, это единственное описание печи, известное в наше время. При описании церкви Рождества Иоанна Предтечи упомянута «печь со старинными узорчатыми изразцами» [2, л. 227об.].

Первым исследователем троичных печных изразцов был Н. Протасов, который в 1914 г. в своей работе «Плафонная лепка и печные изразцы елизаветинского времени в актовом зале императорской Московской Духовной Академии» подробно описал не только плафонную лепку, но и изразцовые печи, стоящие в здании Царских чертогов, особенно подробно автор рассматривает печь с синей сюжетной росписью. По мнению Протасова, «нет ни одной черточки, ни одной детали, которая говорила-бы о руке русского мастера» [3, с. 21]. Он считал, что изразцы связаны с работой голландских мастеров. Н. Протасов в своей работе вы-

¹ Выражаю большую признательность хранителю архитектурных фондов старшему научному сотруднику СПГИХМЗ Н.В. Холодковой.

Ил. 1. Печь в Спальной палате Царских чертогов

Ил. 2. Печь в Спальной палате Царских чертогов

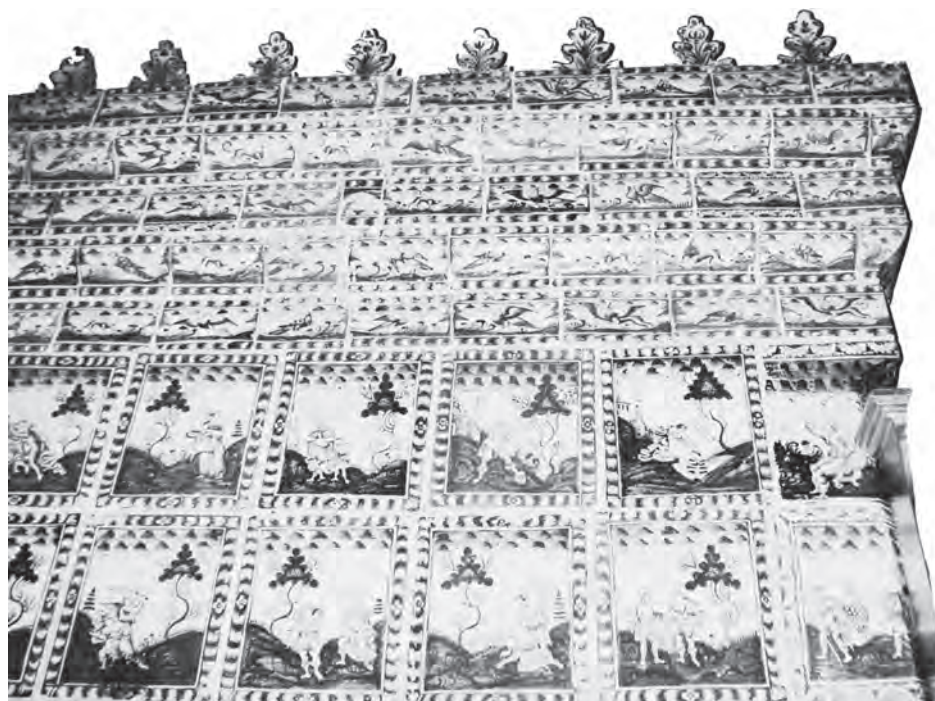
Ил. 3. Печь в Столовой палате Царских чертогов

Ил. 4. Печь в Столовой палате Царских чертогов

Ил. 5. Печь в домовой церкви Филарета Милостивого в Митрополичьих покоях

Ил. 6. Печь в домовой церкви Филарета Милостивого в Митрополичьих покоях

Ил. 7. Печь в Царской палате Митрополичьих покоев

Ил. 8. Печь в Царской палате Митрополичьих покоев

деляет несколько сюжетов, называя их аллегорическими, как правило, без конкретных ссылок на аллегорию; упоминает исторические (изображение Самсона) и фантастические («крылатый гений, держащий свинью с крыльями») сюжеты [3, с. 17–19].

В 1960 г. Н.В. Воронов в своей работе по расписным изразцам упоминает две печи в Царских чертогах, особенно подробно он останавливается на сюжетной печи из Елизаветинской спальни, о которой пишет: «Жанровые сценки на расписных изразцах нередко представляют собой аллегорические и символические картинки или иллюстрации широко распространенных сюжетов. Так, например, среди рисунков печи в Елизаветинской спальне Троице-Сергиевой лавры видим стрелка, натягивающего лук (Амур?), человека с чашей, турка в чалме, женщину с поднятыми для молитвы руками, всадника с булавой, обороняющегося от человека с мечом, двух мужчин, напавших на женщину (Сусанна и старцы), спящего юношу и наклонившуюся над ним с жестом ласки девушку (Амур и Психея или Зефир и Хлорида). В последней сценке «ранение» девушки любовью передано с характерной для XVIII в. символической натуральностью – рука неведомого существа вонзает меч в ее сердце» [4, с. 196, 197].

В результате проведенной мной работы в фондах СПГИХМЗ были выявлены следующие печные наборы XVIII века.

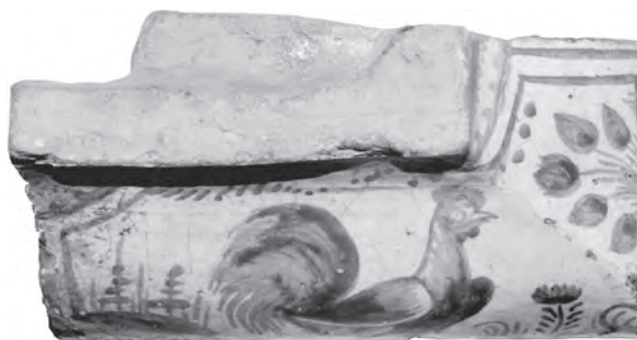
1. Изразцы и фрагменты изразцов от печи с «флегнеровскими» полуромашками по краю, 30-е годы XVIII в. Изразец-карниз – 1, 2 фрагмента лицевых изразцов. Аналогичные изразцы были найдены при раскопках начала 2000-х годов [5, с. 186, 187, рис. 17, 18] (ил. 9). Можно предположить наличие одной печи, облицованной такими изразцами.

2. Изразцы и фрагменты изразцов с синей росписью, сюжетные с полуромашками на краях, вторая четверть XVIII в. (ил. 10–14). Представлены как целые изразцы, так и фрагменты изразцов из разных частей печного набора: 1) изразцы-карнизы с изображением птицы – 11 шт., из них 2 угловых (ил. 10); изразцы-карнизы с архитектурным пейзажем – 2; 2) изразцы-пояски с изображением птицы – 11 целых (ил. 11, 13) и 1 фрагмент, из них 6 угловых (ил. 12, 14), на одном из них клеймо на румпе (ил. 14); изразец-поясок с архитектурным пейзажем – 1; 3) фрагменты лицевых изразцов – 10 шт., из них 1 – угловой. Аналогичные изразцы встречаются в облицовке печи, сохранившейся в Спальной палате Царских чертогов (ил. 1, 2). Такие же были найдены при раскопках начала 2000-х годов [5, с. 187, рис. 19, 20]. Можно предположить наличие одной печи, облицованной такими изразцами.

3. Изразцы и фрагменты с синей росписью, сюжетные, с рамкой, со штришками, вторая четверть XVIII в. (ил. 15–19). Представлены как целые, так и фрагменты изразцов из разных частей печного набора: 1) изразец-городок с изображением цветка – 1; 2) изразцы-карнизы с изображением птицы – 13 целых и 1 фраг-

Ил. 9. Изразец-карниз. 30-е годы XVIII в.

Ил. 10. Изразец-карниз угловой с изображением птицы. Вторая четверть XVIII в.

Ил. 11. Изразец-поясок с изображением птицы. Вторая четверть XVIII в.

мент, с изображением архитектурного пейзажа – 7 шт. (ил. 17), с изображением цветов – 9, с изображением собаки – 2, с изображением дерева – 2 шт.; 3) фрагменты изразцов-колонок с растительным орнаментом – 3 шт.; 4) изразцы-пояски с изображением птицы – 6 (ил. 18), с архитектурным пейзажем – 4 целых (ил. 15) и 1 фрагмент, с изображением цветка – 6 целых и 1 фрагмент, с изображением собаки – 2, с изображением улитки – 1 шт. (ил. 16); 5) лицевые сюжетные изразцы – 3 целых, из них 1 угловой (ил. 19), 45 фрагментов с сюжетной росписью, из них 5 фрагментов угловых. Аналогичная печь, облицованная похожими изразцами, сохранилась в домовая церкв Филарета Милостивого в Митрополичьих покоях (ил. 5–6). Похожие изразцы были найдены в результате раскопок начала 2000-х годов [5, с. 186, 187, рис. 20]. Можно предположить наличие одной печи, облицованной такими изразцами.

4. Изразцы сюжетные с синей росписью по белому фону, вторая треть XVIII в. В фондах представлены 3 фрагмента лицевых изразцов. В Троице-Сергиевой Лавре сохранилась печь, украшенная аналогичными изразцами, в Спальной палате Царских чертогов (ил. 1, 2). Похожие изразцы были найдены при раскопках начала 2000-х годов [5, с. 188]. Можно предположить наличие одной печи, облицованной такими изразцами.

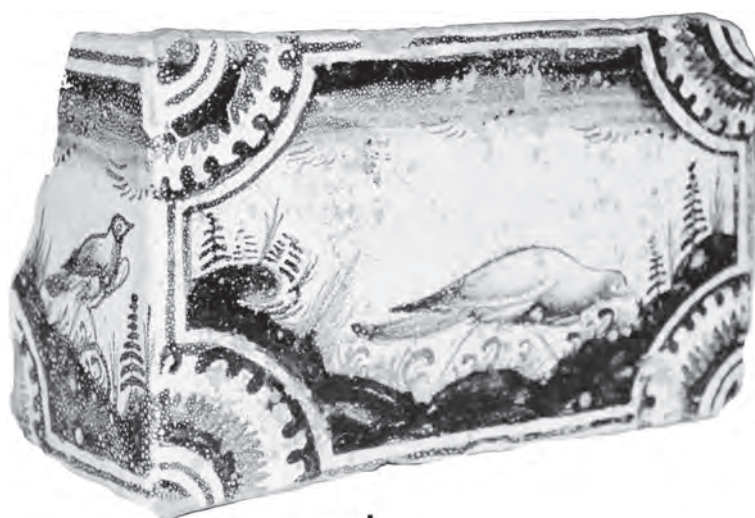
Ил. 12. Изразец-поясок угловой с изображением птицы. Вторая четверть XVIII в.

Ил. 13. Изразец-поясок с изображением птицы. Вторая четверть XVIII в.

5. Изразцы сюжетные с коричневой росписью по белому фону, вторая треть XVIII в. В фондах представлены целые изразцы и фрагменты: 1) изразец-поясок с изображением птицы – 1; 2) изразец-карниз с изображением собаки – 1; 3) фрагменты лицевых изразцов – 4 шт. Аналогичными изразцами, но с синей росписью украшена печь в Спальной палате Царских чертогов (ил. 1, 2). Похожие изразцы происходят из раскопок начала 2000-х годов [5, с. 188–190, рис. 28, 29]. Можно предположить наличие одной печи, облицованной такими изразцами.

6. Изразцы сюжетные с сине-коричневой росписью, вторая треть XVIII в. (ил. 20–22). Представлены изразцы из разных частей печного набора: 1) изразцы-карнизы с рогами изобилия – 7 шт. (ил. 22), из них 3 – угловые; 2) изразцы-пояски с изображением птицы – 4, один из них угловой (ил. 21), с архитектурным пейзажем – 2 целых (ил. 20) и 1 фрагмент; 3) фрагмент полуколонки – 1; 4) фрагменты лицевых изразцов – 4 шт. Схожие изразцы есть в облицовке печи в Царской палате Митрополичьих покоев (ил. 7, 8). Аналогичные из-

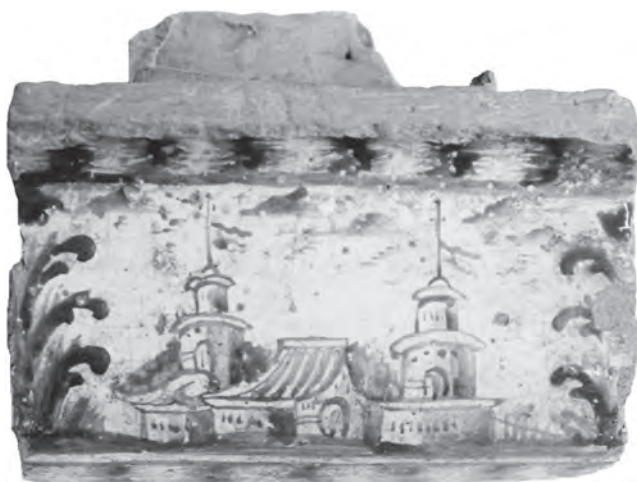
Ил. 14. Изразец-поясок угловой с изображением птиц, с «клеймом» на румпе. Вторая четверть XVIII в.

Ил. 15. Изразец-поясок с архитектурным пейзажем. Вторая четверть XVIII в.

Ил. 16. Изразец-поясок угловой с изображением улитки. Вторая четверть XVIII в.

Ил. 17. Изразец-карниз угловой с архитектурным пейзажем. Вторая четверть XVIII в.

Ил. 18. Изразец-поясок с изображением птицы. Вторая четверть XVIII в.

разцы были найдены при раскопках начала 2000-х годов [5, с. 187, 188, рис. 25, 26]. Можно предположить наличие одной печи, облицованной такими изразцами.

7. Изразцы с синей росписью, с букетом цветов, вторая половина XVIII века.

В фондах представлены: 1 целый изразец-карниз (ил. 23) и 2 фрагмента лицевых изразцов. Аналогичными, но с многоцветной росписью изразцами украшены две печи в Троице-Сергиевой Лавре: одна в Столовой палате Царских чертогов (ил. 3, 4), другая в Царской палате Митрополичьих покоев (ил. 7, 8). Изразцы из фондов были найдены при раскопках начала 2000-х годов [5, с. 190, 191, рис. 31, 33]. Можно предположить наличие одной печи, облицованной такими изразцами.

8. Изразцы с многоцветной росписью, с букетом цветов, последняя четверть XVIII в. (ил. 24, 25). Представлены как целые экземпляры, так и фрагменты: 1) изразцы-карнизы с изображением цветка – 1, изразцы-карнизы с растительным орнаментом – 2 (ил. 24) (возможно, поздние, сделанные для ремонта печи); 2) изразец-валик с растительным орнаментом – 1 (возможно, поздний); изразец овальный с букетом цветов – 1

Ил. 19. Изразец лицевой угловой сюжетный. Вторая четверть XVIII в.

(ил. 25); фрагменты лицевых изразцов – 16 шт. Аналогичными, но с многоцветной росписью изразцами украшены две печи в Троице-Сергиевой Лавре: одна в Столовой палате Царских чертогов (ил. 3, 4), другая в Царской палате Митрополичьих покоев (ил. 7, 8). Такие же изразцы были найдены при раскопках начала 2000-х годов [5, с. 192, рис. 35]. Можно предположить наличие одной печи, облицованной такими изразцами.

9. Изразцы с синей росписью по белому фону «яблоко в капустном листу», конец XVIII в. Представлены целые изразцы и 1 фрагмент: 1) изразцы-пояски с изображением «яблока в капустном листу» – 6 (ил. 26); 2) изразцы-карнизы с изображением «яблока в капустном листу» – 2; 1 фрагмент лицевого изразца. Аналогичные изразцы были найдены при раскопках в начале 2000-х годов [5, с. 192, рис. 34]. Можно предположить наличие одной печи, облицованной такими изразцами.

О многообразии печей на территории монастыря говорится в документах XIX века. В контракте на строительные и отделочные работы из фонда ратуши Сергиевского посада от 16 августа 1814 г. в Троицкой семинарии упомянуто 50 печей [6, с. 113].

Предварительные выводы

1. Представлены изразцы от 9 печных наборов.
2. Производство изразцов могло быть местным, но сделаны изразцы по московским образцам.
3. Роспись изразцов производилась как профессиональными художниками, так и подмастерьями.
4. Сюжеты на изразцах требуют дополнительного исследования.

Ил. 20. Изразец-поясок с архитектурным пейзажем.
Вторая треть XVIII в.

Ил. 23. Изразец-карниз с букетом цветов.
Вторая половина XVIII в.

Ил. 21. Изразец-поясок угловой с изображением
птицы. Вторая треть XVIII в.

Ил. 24. Изразец-карниз с многоцветной росписью.
Последняя четверть XVIII в. (?) (возможно, более
поздняя копия)

Ил. 22. Изразец-карниз с рогами изобилия.
Вторая треть XVIII в.

Ил. 25. Изразец овальный многоцветный с букетом
цветов. Последняя четверть XVIII в.

Рис. 26. Изразец-поясок «яблоко в капустном листу». Конец XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Балдин В.И., Манушина Т.Н. Троице-Сергиева Лавра. М., 1996.
2. Опись Троице-Сергиевой Лавры 1908 г. Опись церквей. Книга 2. Малые храмы // СПГИХМЗ. Ф. № 28. Инв. № 806 рук.
3. Протасов Н. Плафонная лепка и печные изразцы елизаветинского времени в актовом зале императорской Московской Духовной Академии. СТСЛ, Сергиев-Посад, 1914.
4. Воронов Н.В. Русские изразцы XVIII века // Памятники культуры. Исследования и реставрация. Вып. 2. М., 1960.
5. Щербakov В.В. Изразцы Троице-Сергиевой Лавры по материалам раскопок 2000–2002 гг. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7. Тверь, 2014.
6. Четырина Н.А. Контракты на строительные и отделочные работы, производство и продажу стройматериалов из фонда ратуши Сергиевского посада (1795–1863 гг.). М., 2012.

*Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник,
Сергиев Посад*

V.V. Shcherbakov

STOVE SETS OF TRINITY LAVRA OF ST. SERGIUS OF THE XVIII CENTURY BASED ON MATERIALS OF THE ARCHITECTURAL FUNDS OF THE SERGIEV POSAD STATE HISTORY AND ART MUSEUM-PRESERVE

Summary

This collection of tiles and fragments of tiles shows that all variety of the glazed tile stoves of the XVIII century existed in Trinity Lavra of St. Sergius.

*The Sergiev Posad State History and Art Museum-Preserve,
9a, Ovrazhnyj Ln., Sergiev Posad, Moscow Region, 141300,
Russia
E-mail: sherbakov@rambler.ru*

В.В. Хухарев, А.В. Шеков

НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО С ГОРОДИЩА У Д. ТИМОФЕЕВКА В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

На юго-западной окраине д. Тимофеевка Дубенского района Тульской области, на левом берегу р. Волконы, на мысу между речкой Челомна и поймой р. Волконы локализуется городище, соотносимое по археологическим исследованиям с удельным городом Волкона [1, с. 133–136]. Это городище у д. Тимофеевка имеет богатую историю изучения. Его в разное время обследовали Н.И. Троицкий (1903 г.), М.А. Дружинин (1936 г.), С.А. Изюмова (1954 г.), В.Г. Миронова (1977 г.), В.П. Гриценко (1990 г.); исследовали раскопами А.В. Шеков (1994–1996 гг.) и А.В. Григорьев (1998–1999 гг.).

Площадка городища (рис. 1) имеет размеры 90×120 м и площадь около 1,1 га. С напольной стороны она ограждена двумя валами высотой до 2,5 м и до 4 м от уровня площадки. Следы вала прослеживаются и по периметру городища [1; 2, с. 135–136; 3, с. 27–32, 128–132].

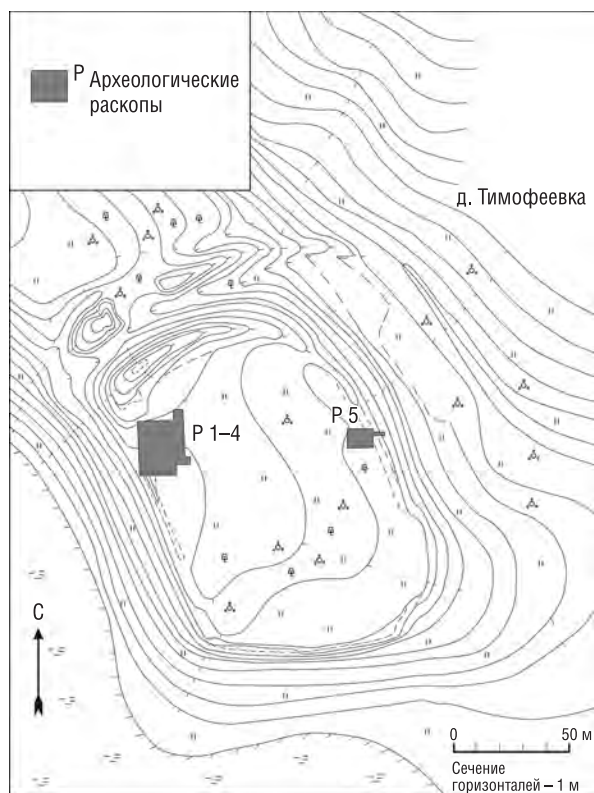

Рис. 1. План городища Волкона у д. Тимофеевка.
Инструментальная съёмка А.М. Воронцова и К.Н. Фомина, 2012 г.

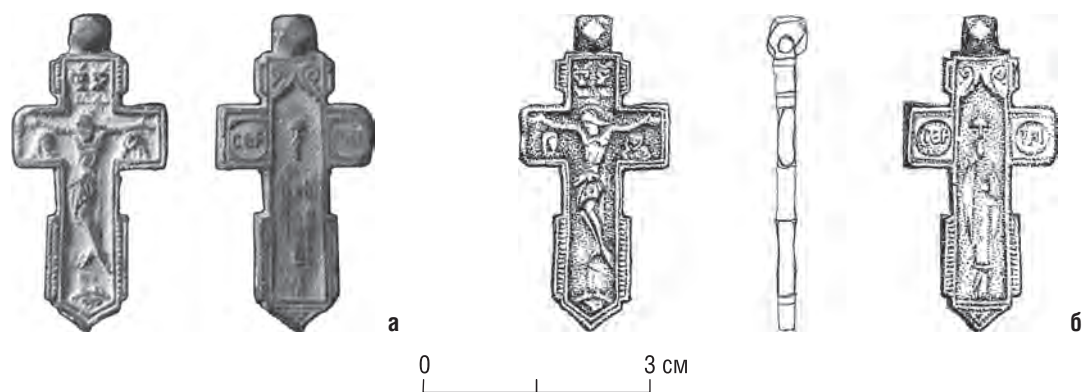

Рис. 2. Нательный крест «Распятия с предстоящими / св. преп. Сергей Радонежский» (подъёмный материал с площадки городища Волкона у д. Тимофеевка Тульской области. Из отчёта А.В. Шекова 1995 г. [1]). Рисунок О.Н. Заидова

На площадке городища в 1995 г. был найден (подъёмный материал) нательный крест (размерами 20×41 мм, толщиной 2–2,5 мм) с килевидным окончанием и расширениями на верхней и нижней оконечностях. Ушко – в виде бусины со скошенными гранями. Отверстие для шнура малоразношено (рис. 2: а, б). На его лицевой стороне – Распятие с предстоящими, в верхней оконечности – два слетающих ангела. Тело Христа плавно изогнуто, руки – с подчёркнуто большими ладонями, голова склонена к груди. По периметру креста проходит небольшой бортик, на верхнем и нижнем выступах – точечный орнамент. На оборотной стороне в средокрестии, в вертикальном ковчеге с орнаментом в верхней части, размещено изображение святого преподобного (св. преп.) Сергия в рост. В боковых рукавах креста в овальных медальонах помещены надписи «СЕР» и «ГИИ». По периметру крест имеет невысокий бортик, а выступы, как и на лицевой стороне, – с точечным орнаментом. Крест, в отрисовке тульского археолога и реставратора О.Н. Заидова, впервые был опубликован в 2012 г. в составе иллюстративного материала в монографии А.В. Шекова, посвящённой Верховским княжествам [4, с. 252, рис. 8; 5, с. 99, рис. 6]. Несмотря на хорошую изученность русского медного литья с подобными сюжетами, это оказалось первой публикацией крестов такого типа [6, с. 193–194; 7; 8, с. 249–253]. Дополнения появились лишь несколько позже в интернет-публикации А.Н. Спасённых [9] и статье С.В. Гнутовой [10, с. 72–76].

Особенно интересным представляются наблюдения С.В. Гнутовой, которая, рассмотрев кресты с изображением св. Сергия, сделала вывод о возможности отнесения подобных предметов личного благочестия к кругу памятников, связанных с Троице-Сергиевым монастырём. Особым почитанием, по её мнению, пользовались кресты-энколпии, датируемые рубежом XV–XVI вв., для хранения так называемых вторичных реликвий (частиц облачений святого, частиц гроба, земли и т.д.), а затем и пришедшие им на смену двусторонние кресты с килевидным завершением и с изображением св. преп. Сергия Радонежского на обороте [10, с. 76].

Поэтому нам представляется весьма интересным обнаружение креста с изображением св. преп. Сергия на указанном городище. Волость Волкона впервые упоминается в грамоте 1491 г., есть упоминание о ней и в завещании 1503 г. Великого князя Ивана III своему сыну Андрею [4, с. 251; 11, с. 360, № 69]. В духовной грамоте 1543/1544 г. зятя князя Нечая Волконского – **Григория Михайловича Валугева** – содержится, помимо всего прочего, упоминание о пожаловании «... да к Пречистой в Волкону рубль...» [12, с. 170, № 176]. В духовной грамоте князя Александра Васильевича Волконского от 24 мая 1601 г. тоже было завещано: «... К Пречистой Богородицы в Волкону к родителем десять копен ржи...» [13, с. 61, № 77]. Очевидно, что в цитируемых документах речь идёт о храме Успения Пресвятой Богородицы, находившемся вблизи центра волости [4, с. 93].

В раскопе 1998–1999 гг., исследованном А.В. Григорьевым в восточной части городища, в верхнем позднесредневековом слое (слой 1, по нумерации автора раскопок), помимо типовых фрагментов гончарной посуды, был зафиксирован ряд характерных артефактов – железная шпора (тип V по А.Н. Кирпичникову), бронзовый перстень с овальным щитком, железный ключ (тип В 1 по Б.А. Колчину), железные черешковые ножи, фрагменты костяных монетных весов и др. Это позволяет достаточно уверенно говорить об активном использовании городища в позднем Средневековье как городского центра Волконского княжества. Отметим упоминание Волконы и в завещании Великого князя Ивана III своему сыну Андрею [11, с. 360, № 69]. Это, как и акты материалы, позволяет считать сохранение за князьями Волконскими права дани и суда в Волконе (кроме душегубства и разбоя с поличным), а в целом, вплоть до первой четверти XVI в., – и общеготчинно-княжеского статуса [14, с. 17].

С одним из представителей княжеско-вотчинной администрации и надо связывать рассматриваемый нами крест, который можно датировать XVI в. Утерянный ещё в древности, этот яркий образец личного благочестия свидетельствует о явной вовлечённости его владельца в паломнические практики русско-

го Средневековья, когда поездки к местночтимым святыням стали традиционной практикой у феодальной верхушки¹.

¹ Выражаем признательность за доброе отношение и советы при подготовке публикации С.В. Гнутовой (Москва) и И.Г. Бурцеву (Тула).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шеков А.В.* Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
2. Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 1 / Сост. А.М. Воронцов и др. М., 1999.
3. *Григорьев А.В.* Славянское население водоразделов Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула, 2005.
4. *Шеков А.В.* Верховские княжества середины XIII – середины XVI в. М., 2012.
5. *Шеков А.В.* Волкона – городской центр княжеского удела конца XIV – XV в. // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Ноябрь 2011 г. / Под ред. И.Г. Бурцева. Тула, 2011.
6. *Хухарев В.В., Курьянов В.Г.* Крест-тельник из находок на Затьмацком посаде // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь, 2003.
7. *Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьёв Н.М.* Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. М., 2003.
8. *Хухарев В.В.* О тверских находках крестов с изображением святого преподобного Сергия Радонежского // Материалы научной конференции: Тверские святыне и святыни. Тверь, 2010.
9. *Спасёных А.Н.* Литые кресты-энколпии в XV–XVI вв. с килевидными окончаниями. Елец, 2012. //http://razum.ru
10. *Гнутова С.В.* Образ преподобного Сергия Радонежского на русских меднолитых крестах XV–XVI вв. // Русское искусство. М., 2014. № 2.
11. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – начала XVI в. / Подготовил к печати Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950.
12. Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2 / Подготовил к печати А.А. Зимин. М., 1956.
13. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III / Сост. А.В. Антонов. М., 2002.
14. *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900.

*ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр»,
Тверь*

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Тула*

V.V. Khukharev, A.V. Shekov

CROSS-«TEL'NIK» WITH THE IMAGE OF THE SAINT VENERABLE SERGIY RADONEZHISKY FROM ANCIENT TOWN NEAR THE TIMOFEEVSKY VILLAGE IN TULA REGION

Summary

The udel'nyi city of Volkona is localized due to archaeological data at village Timofeevka in Tula region on the ancient town located on the left bank of the river of Volkona. Among the materials picked from the ground of the ancient town there is a cross-«tel'nik» with the keeled termination. On its face there is the Crucifixion with forthcoming, over it – two flown angels. On the back of the cross the rusty image of St. Ven. Sergiy of Radonezh is placed. In the side sleeves of the cross inscriptions of «ГЕР» and «ГИ» are placed. The cross was published in A.V. Shekov's (2012) monograph, devoted to the Upper Oka principalities and became the first publication of crosses of this kind. Crosses with St. Ven. Sergey of Radonezh's image are traditionally connected with the production of workshops of the Trinity-Sergiy monastery and growth of the all-Russian honoring of this saint.

The city of Volkona is mentioned in spiritual testaments of the XV–XVII centuries. At researches of its ancient town numerous fragments of medieval potter's ware and original individual products were found. These along with a stratigraphy of an archaeological layer, allow to speak about the functioning of the ancient settlement artefacts in the late Middle Ages as the developed city centre.

The considered cross of the XVI century was also connected with one of the representatives of princely and patrimonial administration probably. Lost still in the ancient time, it testifies to an obvious involvement of its owner in pilgrim practices of the Russian Middle Ages.

*“Tver Scientific-Research Historical-Archaeological
and Restoration Centre” Ltd.,
42, Zhelyabova St., Tver, 170100, Russia
E-mail: XYXAPEB@yandex.ru*

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
126, Lenina Av., Tula, 300026, Russia
E-mail: shekovav@mail.ru*

Е.А. Дементьев, Д.И. Суворов, В.И. Маштаров

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПЕРСТНИ-ПЕЧАТИ С АНТРОПОМОРФНЫМ СЮЖЕТОМ ПО МАТЕРИАЛАМ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

В ходе охранных археологических работ Научно-исследовательского сектора Тверского филиала Государственной академии славянской культуры, проводившихся в 2012 г. в городе Ржеве, был найден перстень [1]. В процессе обработки коллекции вещевого материала мы обратились к тверским коллегам в поисках аналогов¹. В результате появилась возможность рассмотрения небольшой, из 10 единиц, группы перстней.

Цель настоящей работы – введение в научный оборот новых материалов (рис. 1, 2, 3) и попытка интерпретации сюжетов перстней-печаток.

1. Первый перстень происходит из переотложенного культурного слоя окраины посада Князь-Дмитровской стороны города Ржева (рис. 3: 1) (кв. Ж-10; слой серо-коричневой супеси), суммарно датируемого по керамическому и нумизматическому материалу XVI–XVIII вв., и имеет нивелировочную отметку -132 см от репера. Перстень можно отнести к типу щитково-серединных. Щиток овальной формы, плавно переходящий в шинку, имеет размеры 11,5×13 мм. В зонах, прилегающих к щитку, обруч имеет орнамент в виде косых насечек. Внутренний диаметр шинки перстня составляет 18,5 мм. В ходе расчистки на щитке перстня проявилось углублённое изображение человека, идущего влево (на оттиске вправо), держащего в левой руке предмет, похожий на оружие с изогнутым клинком (возможны сабля, фальшион, гросс-мессер и т.п.), а в правой – предмет, напоминающий посох, жезл с Т-образным навершием или копьё с ярко выраженным клиновидным остриём или втоком в нижней части. На поверхности щитка также присутствуют изображения неясного характера (рис. 1: 1; 2: 1; 5: 1).

Три следующих публикуемых перстня были найдены в ходе археологических исследований на территории города Твери экспедицией Тверского государственного объединённого музея; руководитель исследований – Е.А. Романова.

2. Перстень был обнаружен в 2006 г. на территории бывшего Загородского посада средневековой Твери (рис. 3: 2): раскоп Козьмодемьянский-4, траншея 1, кв. В-3, пласт 10 (№ по полевой описи (п/о) 36). Перстень имеет щиток округлой формы (11,5 мм в диаметре). Шинка перстня обломана практически у основания с обеих сторон. На щитке присутствует нечёткое изображение идущего вправо человека с двумя неясными предметами в обеих руках (рис. 1: 2; 2: 2; 5: 2). Перстень происходит из слоя, датируемого автором полевыми исследованиями второй половиной XV – началом XVI столетия (керамика и нумизматический материал).

3. В 2008 г. в траншее 2 на Филипповском раскопе (Заволжский посад средневековой Твери) (рис. 3: 3) был найден перстень № 3 (участок 8, кв. Б-19, пласт 14, глубина -262 см от репера). Он имеет щиток округлой формы 18 мм в диаметре. Шинка деформирована, её диаметр – 20,5 мм. В центральной части щитка находится углублённое изображение стоящего вправо человека с двумя шестообразными или копьеобразными предметами в обеих руках (рис. 1: 3; 2: 3; 5: 3). находка происходит из слоя, который автор раскопок датирует XVI столетием (верхняя часть слоя повреждена распашкой XVIII века – бóрозды).

4. В 2011 г. на раскопе Вознесенский-1 в границах Заволжского посада города Твери (рис. 3: 4) был найден перстень № 4 (кв. В-20, пласт 7, № п/о 231, глубина -136 см от репера). Диаметр щитка – 15,5 мм, а внутренний диаметр шинки – 18 мм (рис. 1: 4; 2: 4; 5: 4). Перстень происходит из слоя разрушения железоделательных мастерских. Е.А. Романова датирует слой XVI веком, отмечая наличие в нём более мелких и малочисленных фрагментов керамики XV века.

5. Археологическая экспедиция Филиала Государственной академии славянской культуры в г. Твери в 2010 г. проводила охранные работы на территории Затверецкого посада Твери (Набережная реки Волги, д. 51) (рис. 3: 5). В ходе работ был обнаружен медный перстень. Автор исследования М.В. Волкова отмечает: «В слое засыпки ямы колодца найден перстень щитковый медный с выгравированным на щитке антро-

¹ Авторы выражают признательность и благодарность археологам Е.А. Романовой, М.В. Волковой, П.Н. Василькиву, А.Н. Смирнову за возможность публикации материалов полевых исследований, а также А.Н. Пичугиной и В.В. Хухареву за ценные советы и рекомендации.

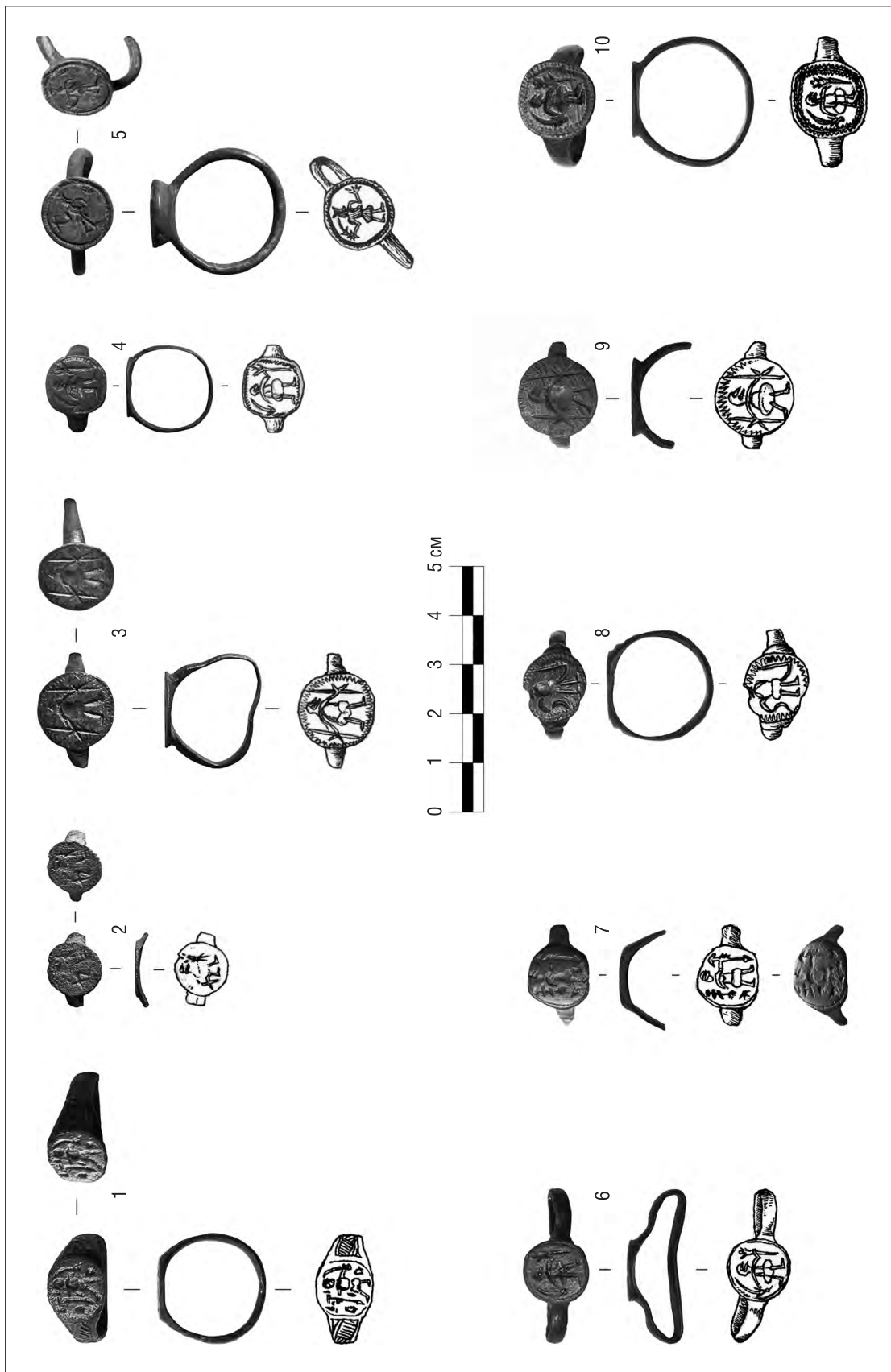

Рис. 1. Перстни-печати, найденные на территории Тверской области:

1 – находка 2012 г. из раскопа на Князь-Дмитровской стороне г. Ржева (П.Н. Васильев); 2 – находка 2006 г. из раскопа Козьмодемьянский-4 на Загородском посаде г. Твери (Е.А. Романова); 3 – находка 2008 г. из раскопа Филипповский на Заволжском посаде г. Твери (Е.А. Романова); 4 – находка 2011 г. из раскопа Вознесенский-1 на Заволжском посаде г. Твери (Е.А. Романова); 5 – находка 2010 г. из раскопа на Затверецком посаде г. Твери (М.В. Волкова); 6–8 – подъяёмный материал вдоль берега р. Волги в районе г. Старицы; 9 – подъяёмный материал вдоль берега р. Мологи в районе г. Бежецка; 10 – подъяёмный материал вдоль берега р. Тверцы в окрестностях села Медное (Калининский район)

Рис. 2. Перстни-печати, найденные на территории Тверской области:

1 – находка 2012 г. из раскопа на Князь-Дмитриевской стороне г. Ржева (П.Н. Василькив); 2 – находка 2006 г. из раскопа Козьмодемьянский-4 на Загородском посаде г. Твери (Е.А. Романова); 3 – находка 2008 г. из раскопа Филипповский на Заволжском посаде г. Твери (Е.А. Романова); 4 – находка 2011 г. из раскопа Вознесенский-1 на Заволжском посаде г. Твери (Е.А. Романова); 5 – находка 2010 г. из раскопа на Затверецком посаде г. Твери (М.В. Волкова); 6–8 – подъёмный материал вдоль берега р. Волги в районе г. Старицы; 9 – подъёмный материал вдоль берега р. Мологи в районе г. Бежецка; 10 – подъёмный материал вдоль берега р. Тверцы в окрестностях села Медное (Калининский район)

поморфным изображением. По характеру заполнения и находкам колодец может быть датирован периодом XVI – начала XVII столетий» [3]².

Этот медный перстень имеет круглый щиток диаметром 13,5 мм. Внутренний диаметр шинки – 20 мм. На щитке перстня в контуре зигзагообразно-линейного орнамента находится углублённое изображение идущего вправо человека с саблей в правой руке (на оттиске – в левой) и раскрытой ладонью левой руки (на оттиске – правой). Мы можем предположить наличие головного убора – шапки (рис. 1: 5; 2: 5; 5: 5).

В процессе работы над докладом, сделанным на V Тверской археологической конференции (Тверь, 2013 г.), нам удалось ознакомиться с аналогичными перстнями-печатями, происходящими из сборов подъёмного материала, осуществлённых краеведами в 1980-е годы в местах размывов культурных отложений в период половодья.

Из сборов в пределах города Старицы по берегу реки Волги происходят три перстня (рис. 3: 6–8).

6. Первый из них (рис. 1: 6; 2: 6; 5: 6) имеет круглый щиток диаметром 15 мм, диаметр деформированной (сплюсненной) шинки – 23 мм. В контуре кругового орнамента расположено заглаблённое изображение стоящего вправо человека с клинковым оружием изогнутой формы в правой руке (на оттиске – в левой) и шестообразным разветляющимся кверху (на три луча) предметом – в левой (на оттиске – в правой).

7. Щиток следующего (рис. 1: 7; 2: 7; 5: 7) – округлой формы, диаметром 12 мм. Нижняя шинка сохранилась фрагментарно, её внутренний диаметр составлял порядка 18 мм. На щитке изображён идущий вправо (на оттиске – влево) человек с шестообразным предметом, имеющим Т-образное навершие, в левой (на оттиске – в правой) руке и шестообразным предметом с тремя перекладинами (крест?) – в правой (на оттиске – в левой).

² Марина Викторовна подготовила справку по результатам исследования, в которой, в частности, отмечает, что «освоение изученного раскопом участка Затверецкого посада Твери следует отнести к периоду не ранее рубежа XV–XVI столетий. К этому периоду отнесен **слой предматериковой темно-коричневой супеси, раскрытый в южной части раскопа, под отложениями XIX–XX вв.** (выделено нами – *авт.*). От уровня залегания слоя темно-коричневой супеси были опущены прорезавшие материковый грунт наиболее ранние раскрытые раскопом комплексы, датированные предварительно на основании индивидуальных находок и керамики концом XV – началом XVII в. Это ямы небольших хозяйственных строений, яма колодца-родника (№ 28) и частокольные канавки.

Пятно ямы колодца было зафиксировано при выборке пласта IV под камнями фундамента печи жилого дома, на глубине -231–-236 см. Жилой краснокирпичный дом был возведен в начале XIX столетия (между 1803 и 1813 гг.) и стоял по красной линии набережной р. Волги. **В слое засыпки ямы колодца** (выделено нами – *авт.*) найден перстень... Запустение изученного настоящего раскопом участка посада произошло в начале XVII столетия и было связано с событиями Литовского разорения. В XVII–XVIII вв. жизнь в этой части городского посада возобновляется, но каких либо значимых построек этого периода раскопом не выявлено».

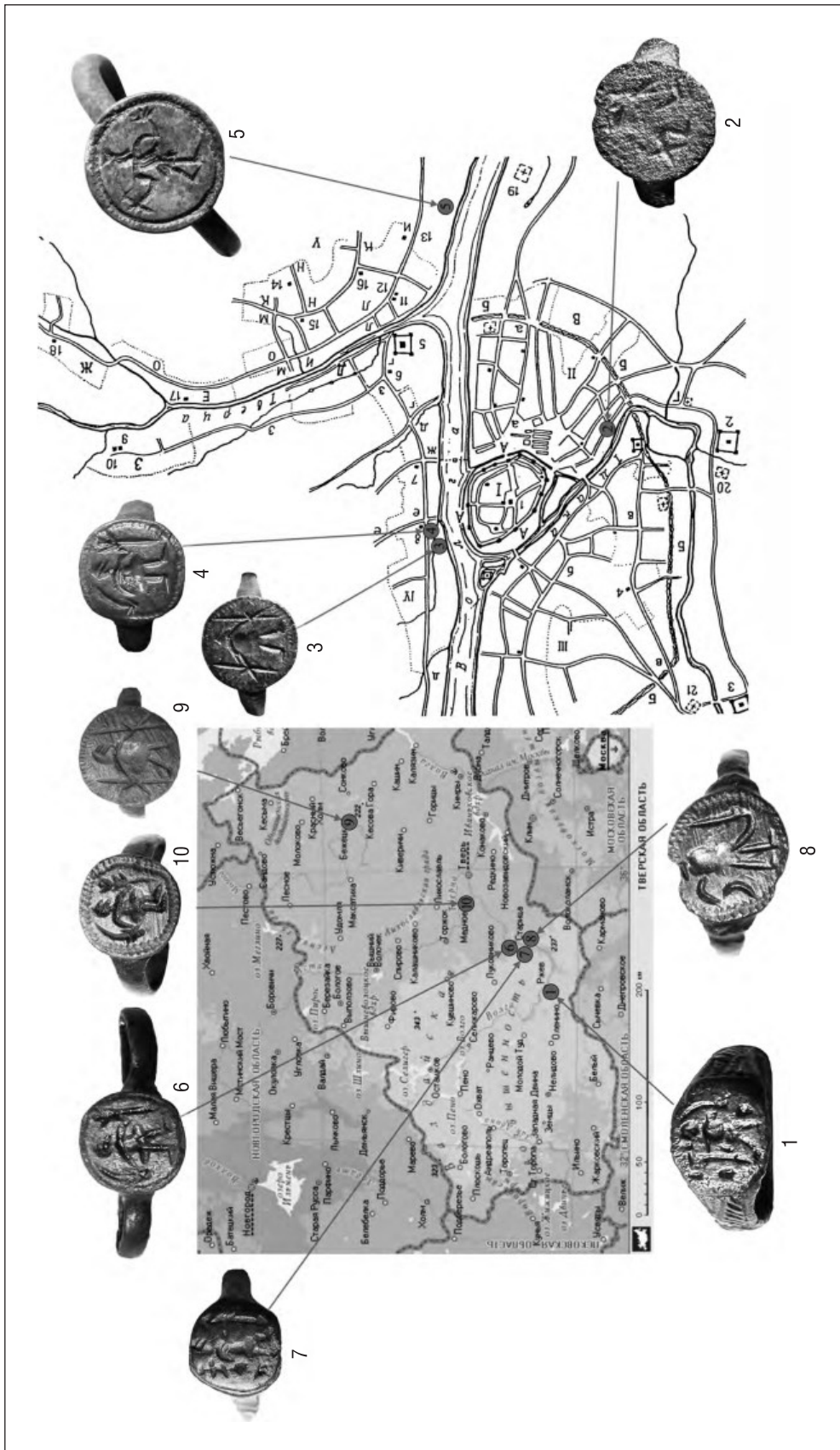

Рис. 3. Расположение мест находок перстней на схеме Тверской области и плане реконструкции средневековой Твери А.С. Щенкова [2]

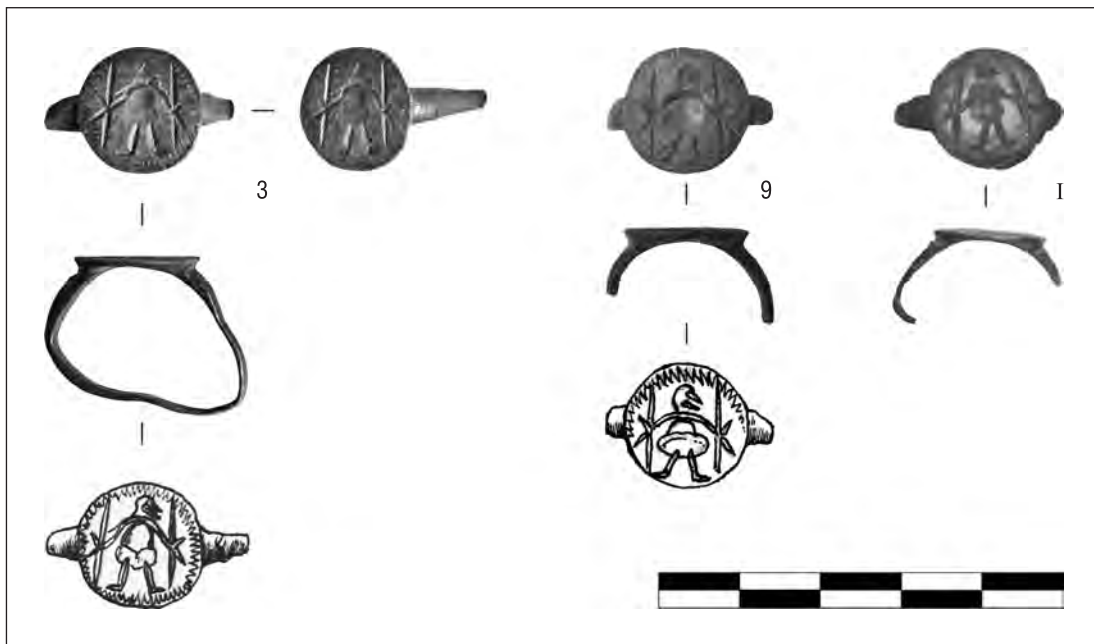

Рис. 4. Перстни-печати, найденные на территории Тверской области, и их аналог:
 3 – находка 2008 г. из раскопа Филипповский на Заволжском посаде г. Твери; 9 – подъемный материал вдоль берега
 р. Мологи в районе г. Бежецка; I – находка 2006 г. из раскопа I на селище Большие Вязёмы I. Московской область [4]

Рис. 5. Оттиски публикуемых перстней-печатей, найденных на территории Тверской области

8. Щиток последнего из найденных в Старице трёх перстней (рис. 1: 8; 2: 8; 5: 8) имеет повреждение в верхней и нижней частях. В центре размещено углублённое изображение идущего вправо (на оттиске – влево) человека с причудливым образом изогнутыми линиями, обозначающими руки с неясными предметами. Диаметр щитка составляет 14 мм, а внутренний диаметр шинки перстня – 19 мм.

9. Девятый перстень происходит из сборов в бассейне реки Мологи в районе города Бежецка (рис. 3: 9). У него круглый щиток диаметром 15 мм, на котором имеется заглаблённое изображение стоящего впрямь человека с повернутой вправо (на оттиске – влево) головой, держащего два шестообразных или копьеобразных предмета в обеих руках. Предположительно внутренний диаметр сохранившейся менее чем на половину шинки перстня составлял порядка 19 мм (рис. 1: 9; 2: 9; 5: 9).

10. Десятый из публикуемых перстней происходит из подъёмного материала вдоль берега реки Тверцы в окрестностях села Медное Калининского района (рис. 3: 10). Он имеет круглый щиток диаметром 12,5 мм, внутренний диаметр шинки – 19 мм. На щитке в контуре орнамента присутствует заглаблённое изображение идущего вправо (на оттиске – влево) человека с клинковым оружием изогнутой формы в правой руке (на оттиске – в левой) и шестообразным разветвляющимся кверху на несколько лучей предметом – в левой (на оттиске – в правой) (рис. 1: 10; 2: 10; 5: 10).

Рассматриваемые перстни предположительно изготовлены из сплава на основе меди путём отливки с последующей прочеканкой (голова и состоящее из двух овалов туловище: №№ 1, 3–4, 6–10) и прорезанием изображения штихилем. Орнамент на некоторых из них, возможно, был сформирован в ходе отливки (№№ 4, 6, 8, 10), на других – прорезан штихилем (№№ 1, 3, 5, 7, 9). На щитках перстней присутствует линейный (№ 7), зигзагообразный (№№ 3, 8, 9), двойной точечный (№ 10) и комбинированный линейный с косыми насечками (№№ 4, 5, 6) орнамент. Поверхность щитков перстней № 1 и № 2 – без проходящего по краю орнамента. Шинки всех перстней, кроме № 1 и № 8, не имеют украшений. У перстня № 8 в местах, прилегающих к щитку, есть полукруглые объёмные выступы.

Перстни № 3 и № 9 являются полными аналогами перстня, найденного А.Н. Смирновым в ходе археологических исследований в культурном слое поселения, предшествовавшего дворцовому комплексу Бориса Годунова в селе Вязёмы (рис. 4) [4]. Таким образом, мы имеем дело с тремя перстнями, изготовленными, скорее всего, в одной мастерской и найденными в Твери, Бежецке и Вязёмах (Московская область).

Размеры обручей перстней практически соответствуют современным ювелирным мужским размерам: от 18 мм до 23 мм с преобладанием 19–20 мм. Публикуемые артефакты можно датировать XV–XVII столетиями. А.Г. Векслер и В.А. Беркович в 2008 г. опубликовали перстни-печатки (с изображением воинов), которые они датируют XVII веком [5, с. 118–127].

В то же время необходимо отметить условность, схематизм и геометризм изображений на публикуемых перстнях, которые были изделиями классом ниже, нежели изображения на высокохудожественных перстнях-печатях и прикладных печатях-матрицах. В.М. Василенко, размышляя о средневековом русском ремесленном производстве, разделяет ремесленников на мастеров «княжеского» двора и мастеров, занятых созданием простых массовых изделий [6, с. 176–177]. Первые проявляли «особую тонкость в обработке материала», нередко, занимаясь зарубежные престижные изделия, талантливо их перерабатывали, оказывая сильное влияние на ремесленников, тиражировавших массовые изделия. В.М. Василенко пишет: «В простых и недорогих изделиях городских ремесленников мы нередко находим отражение форм высокохудожественных изделий и драгоценной техники, недоступных широким массам населения, желавшим, однако, иметь нечто напоминавшее эти изделия» [6, с. 177]. Применительно к средневековым сфрагистическим материалам А.Б. Лакиер в «Русской геральдике» различает печати, включая перстневые: 1) печати великого князя и младшей его братии; 2) городов; 3) духовенства; 4) должностных лиц и приказов и 5) прочих классов народонаселения [7]. Публикуемые находки, по нашему мнению, являются подражанием более качественным высокохудожественным изделиям.

А.Б. Лакиер, Н.А. Соболева отмечают факт использования на Руси в XV–XVII вв. в качестве печатей перстней с геммами (инталии и камеи), возможно, западноевропейского происхождения (в эпоху Ренессанса воспроизводились античные композиции) [7; 8, с. 138–139]. А.К. Станюкович и А.Г. Авдеев предполагают изготовление русских копий античных сюжетов [9, с. 37–38].

В XIX столетии были опубликованы восковые оттиски позднесредневековых печатей, сохранившиеся на документах в отечественных архивах. Барон Фёдор Бюллер в 1880 г. опубликовал снимки оттисков перстней-печатей князей Оболенских, Бориса Богданова, Михаила Ивановича Голохвастова, Никиты Большого Матвеевича Моркова, Василия Таранты Степановича Тигоцкого, Никиты Афанасьевича Шарова, Ильи Александровича Корсакова, Александра Васильевича Ляпунова и др. [10].

В 1858 г. директор Московского Архива Министерства юстиции П. Иванов издаёт «Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам» [11]. На иллюстрации (рис. 6) представлены печати: 1 – князя Дмитрия Ивановича и Фёдора Вельяминовича под отдельной грамотой по Костромскому уезду (XV век); 2 – Андрея Фёдоровича Воронова под разъезжей грамотой 1529 года по Бежецкому уезду; 3 – душеприказчика Ивана Юрьевича Шигоны-Поджогины, в иноках старца Ионы, назначая Ивана Ивановича Третьякова под вкладной записью 1542 года по Тверскому уезду; 4 – воеводы Андрея Григорьевича Трусова под выписью 1617 года из межевых книг, данной архимандриту Нижегородского Печерского монастыря Иову с братией по Курмышскому уезду; 5 – дозорщика Гурия Ивановича Волынцева под выписью 1622 года из дозорных книг, данной игумену Троице-Калязина монастыря Феодосию с братией на принадлежащие тому монастырю вотчины в Кашинском уезде. На этих печатях мы видим изображе-

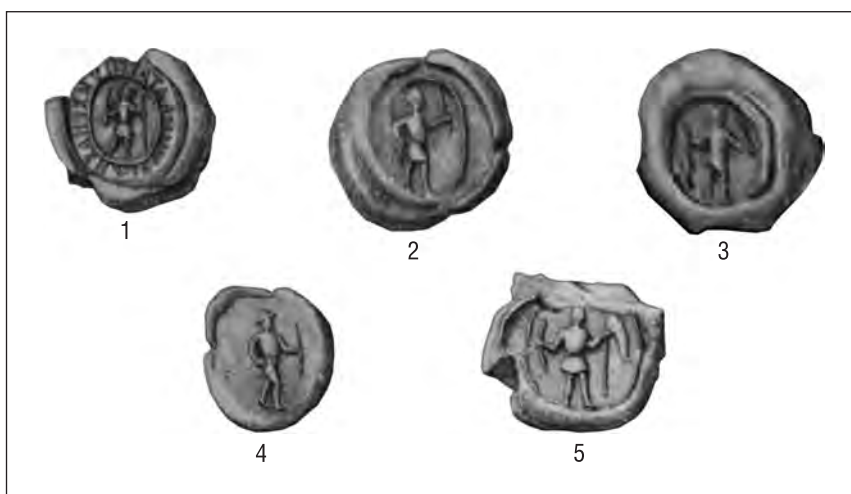

Рис. 6. Снимки восковых печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам:

- 1 – печать князя Дмитрия Ивановича и Фёдора Вильяминовича под раздельной грамотой XV в. по Костромскому уезду; 2 – печать Андрея Фёдоровича Воронова под разьежей грамотой 1529 г. по Бежецкому уезду; 3 – печать душеприказчика Ивана Юрьевича Шигоны-Поджогина, в иноках старца Ионы, казначея Ивана Ивановича Третьякова под вкладной записью 1542 г. по Тверскому уезду; 4 – печать воеводы Андрея Григорьевича Трусова под выписью 1617 года из межевых книг, данной архимандриту Нижегородского Печерского монастыря Иову с братией по Курмышскому уезду; 5 – печать дозорщика Гурия Ивановича Вольнцева под выписью 1622 года из дозорных книг, данной игумену Троице-Калязина монастыря Феодосию с братией на принадлежащие тому монастырю вотчины в Кашинском уезде

ние фигур человека, как стоящего, так и идущего, с шестообразными предметами (копья ?) и предположительно клинковым оружием.

Хотелось бы сразу оговориться по поводу используемой терминологии: следуя за М.В. Седовой и Н.М. Кургановой, А.Г. Векслером и В.А. Берковичем, мы условно используем термин перстни-печати. Перстни могли выступать в качестве украшений, носителями определённого смысла и, собственно, как печати не использоваться, хотя технически это применение их возможно (рис. 5). В то же время общеизвестны случаи использования в качестве печатей монет и крестов-тельников, которые мы находим у А.Б. Лакиера. Он также отмечает, что «недостаток грамотности в народе заставил его рано обратить внимание на печати, которые бы могли заменить подписи... удобнее, впрочем, были для частных людей перстни» [7].

При общем схематизме изображения обращает на себя специфика передачи отдельных элементов человеческой фигуры на перстнях №№ 2, 3, 4, 6, 7, 8(?), 9 и 10. М.В. Седова и Н.М. Курганова в статье «Перстни-печати XV–XVII вв. из Суздаля» высказали предположение, что на найденных ими перстнях с аналогичным сюжетом изображена мужская фигура с саблей или мечом в одной руке и деревом или посохообразным предметом – в другой. Далее они отмечают, что «на мужчине одет, вероятно, короткий боевой доспех типа кирасы, на голове шлем или шляпа, на ногах поножи... Изображения эти носят светский характер, в котором ощущается западно-европейское влияние. Наблюдается оно в форме головного убора и короткого доспеха» [12, с. 234]. Мы согласны с мнением авторитетных исследователей. Действительно, в передаче головы при помощи окружности с двумя чёткими штрихами можно усмотреть схематичное изображение позднесредневекового западно-европейского шлема типа салат с двойным забралом или армет. А в передаче туловища при помощи вертикального овала в верхней части человеческой фигуры и горизонтального овала – в нижней можно усмотреть полный латный или «максимилиановский» доспех с латной юбкой. Подобные доспехи можно увидеть на памятнике кондотьеру Джованни делле Банда Нере, Флоренция, 1537 г., или на английском рисунке доспешного гарнитура времени Елизаветы I Тюдор (1558–1603 гг.) (рис. 7). В шестообразных разветвляющихся в верхней части предметах на публикуемых перстнях можно увидеть древковое оружие, возможно протозан или эспантон³. Такие предметы известны и в России. Например, П.А. Кутасов опубликовал протозан (рис. 9: I), найденный при археологических наблюдениях в Ильинском проезде на территории города Москвы [13, с. 251–268]. В то же время овал в нижней части человеческой фигуры совсем не обязательно связан с изображением латной юбки, а может выступать схематичным подражанием панталонам, сбитым в буфы, распространённым среди немецких ландскнехтов, или панталонам пикинера начала Нового времени (рис. 8, 9).

³ Протозаны и эспантоны активно использовались в позднесредневековых, ренессансных армиях и армиях начала Нового времени как оружие борьбы с кавалерией, постепенно превращаясь в символ офицерской власти (рис. 8, 9).

Рис. 7. Защитное вооружение Западной Европы второй половины XV–XVII века (по материалам Интернета) и перстень-печать № 4 из Тверской области:

1 – салат с двойным забралом; 2 – бургундский армет 1547 г.; 3 – армет; 4 – памятник Джованни делле Банде Нере, Флоренция, 1537 г.; 5 – доспешный гарнитур времени Елизаветы I Тюдор (1558–1603 гг.)

Рис. 8. Западно-европейский военный костюм армий эпохи Ренессанса и раннего Нового времени по аутентичным изображениям (по материалам Интернета) и перстень-печать № 4 из Тверской области

Рис. 9. Древковое оружие XV–XVIII вв. (по материалам Интернета) и перстень-печать № 4 из Тверской области
I – протозан, найденный в Ильинском проезде г. Москвы [13]

Нам не известны изображения, подобные публикуемым, на перстнях и печатях позднесредневековой Западной Европы. Например, в каталоге печатных перстней (signet finger rings) Британского музея, в котором широко представлены материалы практически со всей Европы, мы встречаем лишь изображения, на которых присутствуют рыцарские шлемы, но построенные на принципиально иной геральдической основе, получающей распространение в России только с середины XVII века⁴ [14].

Возможно, появление западно-европейских элементов в изображении воинов на публикуемых перстнях следует рассматривать сквозь призму контактов между Великим княжеством Тверским и Великим княжеством Литовским⁵. Например, схематичные изображения рыцарского западно-европейского шлема с забралом мы находим на монетах Великого князя литовского Казимира [15, с. 174–208].

Можно предположить, что сюжет изображения на щитке перстня был понятен человеку как в целом носителю древнерусской культуры или хотя бы части общества. Возможно, этот смысл органично вписывался в картину мира русского позднего Средневековья, а ношение самого перстня приобретало, в свою очередь, также определённый смысл, например, оберег, символ причастности к военному сословию, символ престижности и власти, подражание им и т.д.

Попытаемся рассмотреть изображения на перстнях в связи с богатым образным миром русской нумизматики XIV–XV столетий. Ещё А.Б. Лакиер отмечал, что «лучшим пособием для истории княжеских печатей служат древние наши монеты» [7]. Более подробно рассмотревший этот вопрос А.В. Чернецов в статье «Феодальная эмблематика в чекане русских городов XIV–XV вв.» указывает, что «монетный штемпель на Руси ассоциировался с печатью (известны многочисленные надписи на монетах «печать князя такого-то») [16, с. 145]. Алексей Владимирович говорит также о связи монетных типов и государственной эмблематики, о зарождающейся геральдике. На многих монетах изображаемый человек с предметами вооружения ассоциируется с великим князем, то есть выступает в качестве эмблемы, знака власти. Не касаясь известного сюжета московского «ездеца», этот тезис можно проиллюстрировать тверскими монетами с изображениями вооружённых людей и надписями «великого князя...» или «князя великого» (рис. 10: 9–12) [17; 18].

Размышляя об изображении воина с саблей (мечом) и топором в руках, А.В. Чернецов отмечает, что «два вида оружия в руках фигуры очевидно отражает представление о двойственной функции власти – военной и судебной (карательной)» [16, с. 148].

⁴ Однако в западно-европейской феодальной символике встречаются изображения человеческих фигур с предметами вооружения. Например, на серебряном берлинском пфенниге 1369 г. изображён воин с копьём и мечом (рис. 10: 1).

⁵ Нам стало известно о находке в 2013 г. в 15 км от города Куршанай в Шяуляйском районе Литвы двух перстней, происходящих из культурного слоя, датированного второй четвертью – концом XV века, с изображениями, повторяющими сюжеты тверских монет с воинами.

Рис. 10. Антропоморфные изображения на монетах и печати:

1 – берлинский серебряный пфенниг 1369 г. (Интернет); 2–4 – византийские монеты Исаака I Комнина (1057–1059 гг.) (Интернет); 5–8 – штемпели на тверских монетах периода правления Великого князя Михаила Борисовича (1461–1485 гг.) [17]; 9–12 – штемпели на тверских монетах Великого князя Ивана Ивановича Молодого (1485–1490 гг.) [17]; 13–14 – печать XV в. из раскопок в Тверском кремле, опубликованная Н.П. Милоновым, и её сургучный оттиск [19]

Возможно, изображения на рассматриваемых артефактах являются более поздним подражанием символике власти [20, с. 148]. Алексей Владимирович пишет: «Идея власти феодальных правителей могла выражаться на монетах в более реальной форме (образы людей – воинов и правителей) и более условной, инскалательной (образы реальных и фантастических зверей). В русском нумизматическом материале решительно преобладают менее условные человеческие образы» [16; 21]. В то же время исследователь, объясняя наличие в эмблемах нехарактерных для древнерусской действительности предметов, указывает, что «при сравнении изображений на монетах и миниатюр выясняется, что образы русских князей на монетах отмечены большей условностью – преобладают изображения корон, реально на Руси не распространенных, вместо княжеских шапок; представлены короткие скипетры, не употреблявшиеся русскими князьями» [16, с. 149]. Возможно, это объясняет наличие на подражательных изображениях на перстнях шлемов, характерных для Западной Европы.

А.В. Чернецов указывает, что на «свинцовых печатях господствующее положение занимают образы церковной иконографии» [16, с. 145]. Действительно, преобладающее значение на буллах имеют изображения святых воинов – покровителей князей. Известны изображения Св. Георгия, Св. Фёдора Стратилата, Св. Фёдора Тирона, Св. Иоанна Воина, Св. Дмитрия Солунского и др.⁶ Можно предположить, что на этой основе

⁶ В процессе работы над статьёй нами рассматривалась гипотетическая связь изображения головы на перстнях-печатях в виде окружности с двумя штрихами со спецификой иконографии Св. Христофора в средневековой Руси (рис. 11: 4). Св. Христофор изображался человеком в воинских одеждах с пёсией головой. На Руси XVI–XVII вв. получили распространение иконы и фрески Св. Христофора с головой собаки [22]. Ему посвящали храмы в Новгороде и Москве как защитнику от заразных болезней и эпидемий. Святой является покровителем Вильнюса, изображённым на гербе и флаге города.

Рис. 11. Святые воины и новгородская печать Людина конца:

1 – фреска с изображением Святых воинов Евстафия и Николая. Афон. 1546 г. (Интернет); 2 – каменная резная икона с изображением Св. Дмитрия Солунского. Новгород. XI в. (Интернет); 3 – икона Св. Иоанн Воин. XVIII в. (Интернет); 4 – икона Св. Христофора. XVII в. [22]; 5 – новгородская свинцовая печать Людина конца [23, гл. IV, рис. 38]

со временем возникают изображения воинов, не имеющих нимба, например печать новгородского Людина конца (рис. 11: 5)⁷ [23, гл. IV, рис. 38].

Таким образом, в настоящей статье мы публикуем перстни-печати, найденные на территории Тверского края и датируемые XV–XVII веками. На щитках перстней присутствуют изображения воинов с предметами вооружения. Скорее всего, шлем и элементы защитного снаряжения появились в результате европейского влияния, немаловажно что опосредованного Литвой. Изображение воина является частью русской средневековой эмблематики, которая также находила своё выражение в печатях, монетах и декоративно-прикладном искусстве. Воины занимали в мире средневековых эмблем значительное место, наряду с изображениями птиц, фантастических зверей и т.п. Очевидно, что рассматриваемые перстни являлись продукцией городских ремесленников и могли быть широко распространены.

По нашему мнению, представляется целесообразным составление каталога и разработка классификации (типологии) позднесредневековых перстней-печатей с учётом изображённого сюжета и технологии изготовления (продуктивным может оказаться сравнительный анализ орнамента [24]), а также картографирование в ходе дальнейшего изучения этой категории артефактов⁸.

⁷ Ещё в Византии известны изображения императора с оружием на монетах и печатях (рис. 10: 2–4), например Исаака I Комнина (1057–1059 гг.).

⁸ На этом пути возникают определённые методологические трудности: мы можем работать с вещевыми коллекциями, хранящимися в музейных фондах; краеведы, собиравшие подъёмный материал по берегам рек (до появления металлодетекторов), как правило, заинтересованы в изучении и публикации артефактов; однако, судя по анализу интернет-ресурсов, большая часть перстней найдена грабителями, которые пытаются умышленно скрыть место находки, идущей вне контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев П.Н. Отчет об охранных археологических раскопках на участке строительства Детской поликлиники по улице Октябрьской в г. Ржеве в 2012 г.
2. Щенков А.С. Опыт реконструкции плана Твери конца XVII в. // Архитектурное наследие. Вып. 28. М., 1980.

3. Волкова М.В. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Затверецкого посада Твери в 2010 г. (Раскоп № 65, ул. Набережная р. Волги, д. 51). Тверь, 2011 // Архив ИА РАН. Р-1.
4. Смирнов А.Н. Дворцовый комплекс Б.Ф. Годунова в селе Вяземы // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009.
5. Векслер А.Г., Беркович В.А. Московские печатки XVI–XVII вв. по материалам раскопок Центра археологических исследований г. Москвы 1994–2004 гг. // РА. 2008. № 2.
6. Василенко В.М. Русское прикладное искусство. Истоки и становление. М., 1977.
7. Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990.
8. Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991.
9. Станюкович А.К., Авдеев А.Г. Неизвестные памятники русской сфрагистики. М., 2007.
10. Снимки Древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. Издание комиссии печатанья государственных грамот и договоров, состоящей при Московском Главном Архиве Министерства иностранных дел. Вып. I. М., 1880.
11. Иванов П. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском Архиве Министерства юстиции. М., 1858.
12. Седова М.В., Курганова Н.М. Перстни-печати XV–XVII вв. из Суздаля // Историческая археология: традиции и перспективы. М., 1998.
13. Кутасов П.А. Предметы вооружения и снаряжения воина 16–17 вв. из археологических наблюдений в Ильинском проезде г. Москвы // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009.
14. Catalogue of the Finger Rings Early Christian, Byzantine, Teutonic, Mediaeval and Later by Sir Augustus Wollaston Franks. British Museum. London, 1912.
15. Грималаускайте Д., Синчук И. Монеты Великого княжества Литовского времени Казимира (1440–1492): по материалам Национального музея Литвы // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М., 2007.
16. Чернецов А.В. Феодалная эмблематика в чекане русских городов XIV–XV вв. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. Вып. 26. Секция 6. М., 1987.
17. Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI вв. М., 1993.
18. Орешиников А.В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896.
19. Милонов Н.П. Тверская печать XV в. // СА. Т. VIII. 1946.
20. Чернецов А.В. Светская феодалная символика Руси XIV–XV вв.: дис. ... докт. ист. наук. М., 1988.
21. Chernetsov, A.V. Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries. An Iconographic Study // BAR. International series. № 167. Oxford, 1983.
22. Липатова С.Н. Святой мученик Христофор Песьеглавец: иконография и почитание // <http://www.pravoslavie.ru>.
23. Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. Изд. 2-е, дополненное. М., 1974.
24. Макарова Т.И., Чернецов А.В. Орнамент Древней Руси // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

*Филиал Государственной академии славянской культуры в городе Твери,
Автономная некоммерческая организация по проведению археологических исследований
«Тверская археологическая служба»,
Тверь*

E.A. Dementyev, D.I. Suvorov, V.I. Mashtarov

**MEDIEVAL SEAL-RINGS WITH AN ANTHROPOMORPHOUS PLOT
(BASED ON MATERIALS OF TVER REGION)**

Summary

Images of soldiers on shields of the published seal-rings found on the territory of Tver region and dated XV–XVII centuries are a part of the medieval Russian emblems. It is reflected on the seals, coins and in arts and crafts.

The article states that the image of the helmet and protective equipment taking an important place in the medieval Russian emblems of the soldier on the published rings appeared as a result of the European influence, most likely, mediated by Lithuania.

*E.A. Dementyev, V.I. Mashtarov
State Academy of Slavic Culture, Tver Branch,
20, Krylova St., Tver, 170100,
Russia
E-mail: dementev-69@rambler.ru*

*D.I. Suvorov
Independent Noncommercial Organization
“Tver Archaeological Services Agency”,
37, 3, Tverskoy Av., Tver, 170100,
Russia
E-mail: dimasyvorov7@yandex.ru*

А.В. Купряшин

ВАЛУННЫЕ НАДГРОБИЯ XVIII–XIX ВВ. С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КРЕСТА ИЗ НЕКРОПОЛЕЙ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

В связи с активным возобновлением в последние десятилетия захоронений на территории бывших сельских некрополей стали известными ранее засыпанные валунные надгробия, не попавшие в поле зрения исследователей [1, с. 88; 2, с. 304–347].

Частично заполнить этот пробел призваны небольшие наблюдения автора данной статьи над группой валунных надгробий с изображением креста, сделанные в 2005–2014 гг. на территории Калининского, Торжокского и Осташковского районов Тверской области.

Так, в селе Михайловское Калининского района с правой стороны от притвора храма Михаила Архангела на границе некрополя выявлено надгробие с изображением креста и датой «**1827**», причём дата указана два раза (ил. 1: а, б). Камень – твёрдой породы красно-коричневого цвета, на сколах – серого, подтрапцевидной формы, без явных признаков обработки поверхности. Размеры камня в длину 59 см, в ширину 35–27 см и в высоту 28 см. Крест – пятиконечный, изображён двойной линией, расстояние между линиями колеблется от 6 до 7,5 см. Сами линии неровные, ширина их варьирует от 0,8 до 1,3 см, глубина – 0,4–0,5 см. Высота креста 45 см, ширина по перекладине 25,5 см. Даты изображены слева от креста. Первая нанесена в верхней части камня над перекладиной, высота цифр 3,5–4 см, глубина 0,4–0,5 см. Вторая расположена в средней части камня, и поверх неё нанесено изображение креста. Высота цифр – 4,3 см.

Подобное надгробие было найдено в селе Спас Торжокского района, на территории, прилегающей к Спасо-Преображенской церкви (ил. 2), некрополь которой расположен на склоне берегового вала. Надгробие располагается в нижней его части, примерно в 20–25 м к западу от колокольни в сторону ограды и около 12 м от ограды. Камень грубо obtёсан без последующей подшлифовки боковых граней, имеет в длину 90 см, в ширину 30 см. Высота в верхней части надгробия – 34 см, в нижней – 13 см. По форме он напоминает саркофаг (ил. 3: а, б, в). Лицевая грань – овальной формы с выпуклой поверхностью, подшлифована, её длина 85 см. На камне изображён пятиконечный крест, с двумя перекладинами в верхней части (ил. 3: г), соединяясь друг с другом и крестом, они образуют «домик». Крест изображён двойной линией. Расстояние между линиями колеблется от 1,3 до 3 см, линии неровные, со следами слабой подшлифовки, шириной от 0,8 до 1,5 см и глубиной 0,3–0,5 см. Высота выбитого креста – 58 см, ширина по верхней перекладине – 27 см, причём ширина камня в этом месте составляет 29 см. Справа от креста в одну строку выбиты инициалы с датой «**Ф.К. 1884**», высота букв 8 см, ширина канавки 0,6–0,8 см, глубина 0,5 см, цифры высотой 5–5,5 см, шириной канавки от 0,5 до 0,8 см, глубиной до 0,5 см. Далее расположены несколько трудно читаемых букв и цифр, предположительно «**Го 1788**», высотой 6 и 3 см, шириной 0,3–0,5 см, глубиной до 0,3 см. Текст пробит значительно грубее, без какой-либо доработки, что даёт основание предполагать его нанесение несколько позже изготовления самого надгробия.

В Осташковском районе в селе Верхние Котицы на территории церкви Казанской иконы Божьей Матери было зафиксировано хорошо obtёсанное надгробие из валуна серого цвета трапцевидной формы с выпуклым изображением пятиконечного креста во всю длину и ширину камня. Дата и текст отсутствуют (ил. 4).

Несколько иные два надгробия, зафиксированные на кладбище храма Василия Великого (ил. 5) в селе Васильевское Калининского района, на которых крест изображён одной линией, то есть схематично. При этом в первом случае крест показан стоящим на Голгофе, а во втором – опираясь на голову Адама. Первое надгробие представляет собой подтрапцевидную плиту тёмно-сине-серого цвета, нижняя и левая грани которой сколоты для придания правильной формы (ил. 6–7). При этом отсутствуют какие-либо следы последующей обработки самих сколов. Высота надгробия 61 см, ширина 55–49 см, толщина 20 см. Крест – семиконечный, при этом каждая лопасть имеет округлое окончание. Голгофа изображена прямыми и наклонными линиями, как бы в два яруса, завершаясь символической «крышей». Высота креста 15,5 см, ширина по большой лопасти 8,5 см, высота Голгофы 17–19 см, ширина в верхней части 18 см, в нижней – 32 см. Ширина линий 0,6–0,8 см, глубина 0,5 см. В верхней части плиты над крестом, ниже справа и слева от него в

а

б

Ил. 1. Валунное надгробие из некрополя в с. Михайловское Калининского района Тверской области.
Фото А.В. Купряшина

Ил. 2. Церковь Спаса Преображения в с. Спас Торжокского района Тверской области. Фото А.В. Купряшина

три строки размещён текст: «*Погребень Елизоръ Лабутинъ*». Причём имя написано в две строки слева от креста, а фамилия таким же образом справа. Буквы прописные, выбиты неровной строкой. Высота их колеблется от 3,5 до 5,5 см, глубина – около 0,2 см. Ниже под Голгофой дана дата «1781». Высота цифр – 6,5–7,3 см, глубина – 0,4 см.

Второе надгробие – серо-розового цвета, в плане имеет трапециевидную форму с расширением в верхней части (ил. 8: а). Высота 39–40 см, ширина внизу 20–21 см, вверху 31–35 см, толщина камня 24 см. Камень, вероятнее всего, был обработан с целью придания трапециевидной формы с последующей подшлифовкой поверхности. Верхний левый угол имеет скол с утратой части надписи. На лицевой грани изображены два семиконечных креста. Центральный имеет большие размеры и опирается на символическое изображение черепа с перекрещёнными костями. Высота креста 19 см, ширина по большей перекладине 8,5 см; ширина линии 0,4 см, глубина 0,2 см. Диаметр черепа 4 см, длина костей 8 и 8,5 см. Справа от него расположен второй крест меньшей высоты – 12 см, шириной 4,3 см, глубиной примерно 0,1 см, опирающийся на Голгофу, нарисованную в виде «стола» с двумя ножками. Высота «стола» 1 см, ширина 4,2 см. Часть лопастей первого креста заканчивается округлостями, как и на первой плите, а часть имеет крестообразное окончание, тогда как у меньшего креста все лопасти имеют крестообразное завершение. На правой грани надгробия есть ещё одно изображение семиконечного креста, стоящего на Голгофе, с крестообразными завершениями лопастей. Его высота 11,6 см, ширина 5 см, глубина около 0,1 см. Помимо этого, на лицевой грани в левом нижнем углу находится изображение семиконечной звезды в виде семи равных линий длиной 2,6 см, исходящих из одного центра, с круглыми окончаниями. Надгробие имеет четырёхстрочную надпись. Текст приводится с учётом утраты: «1838 года погребена тела Михия Ильина Пуцъкова». Текст выбит неровно, без какой либо разметки, как бы пляшущими буквами. При этом высота цифр и букв сильно колеблется: в первой строке от 3,5 до 5,5 см, в остальных – от 1,5 до 2,5 см, глубина 0,1–0,2 см. Помимо всего вышеописанного, на лицевой грани в средней части, слева от центрального креста помещён вензель, состоящий из сплетения прописных заглавных букв «Г» и «Е»; в центральной части вензеля, по всей видимости, расположена римская цифра «II». На правой боковой грани, кроме описанного выше креста, имеется ещё одно изображение (рис. 8: б; 9). Его можно интерпретировать как сжатый с боков символ бесконечности с перекалиной внутри. Высота знака 4,9–5,5 см, ширина 4,6 см, глубина 0,1 см. Этот загадочный рисунок, вероятнее всего, можно считать знаком мастера, изготовившего надгробие. Надо заметить, что село Васильевское прежде являлось волостным центром, хорошо известным своим гвоздарным промыслом, где по традиции было принято устанавливать в камень наковальню. Такие валуны с подквадратными отверстиями довольно часто принимаются краеведами-любителями за культовые памятники. В самой деревне вполне

а

б

в

г

Ил. 3. Валунное надгробие из некрополя с. Спас Торжокского района Тверской области. Фото А.В. Купряшина

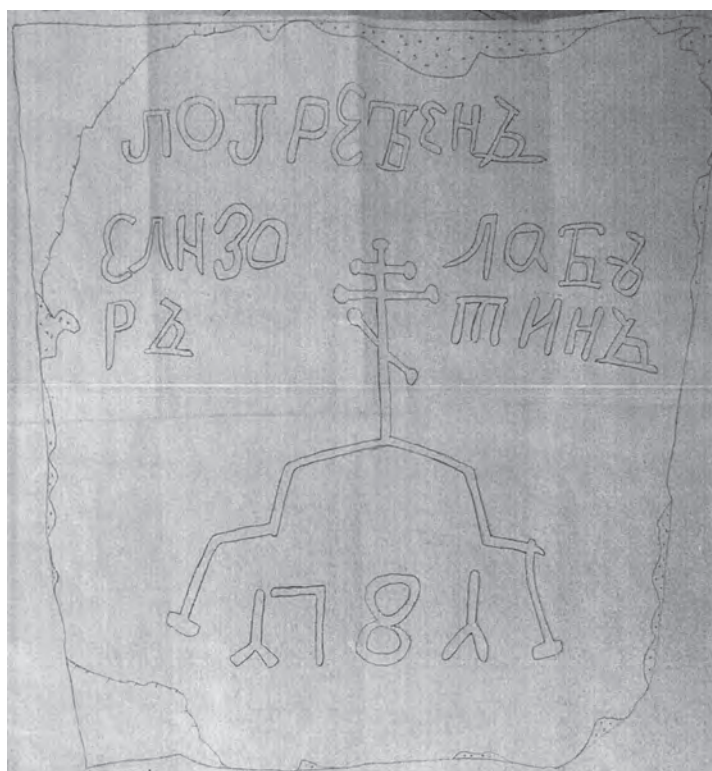
Ил. 4. Валунное надгробие из некрополя в с. Верхние Котицы, вблизи церкви Казанской иконы Божьей Матери в Осташковском районе Тверской области. Фото А.В. Купряшина

Ил. 5. Церковь Василия Великого в с. Васильевское Калининского района Тверской области. Фото А.В. Купряшина

Ил. 6. Валунное надгробие 1781 г. из некрополя близ храма Василия Великого в с. Васильевское Калининского района Тверской области. Фото А.В. Купряшина

Ил. 7. Валунное надгробие 1781 г. из некрополя близ храма Василия Великого в с. Васильевское Калининского района Тверской области. Прорисовка А.В. Купряшина

а

б

Ил. 8. Валунное надгробие 1838 г. из некрополя близ храма Василия Великого в с. Васильевское Калининского района Тверской области. Фото А.В. Купряшина

Ил. 9. Валунное надгробие 1838 г. из некрополя близ храма Василия Великого в с. Васильевское Калининского района Тверской области. Прорисовка А.В. Купряшина

могли быть мастера, специализирующиеся на обработке камня, которые и могли изготовить валунное надгробие, отметив его подобным знаком.

В заключение отмечу, что представленные валунные надгробия, вне зависимости от степени обработки самого камня и уровня резчика, их изготовившего, можно разделить на две группы: первая – надгробия с объёмным или имитирующим объёмность изображением пятиконечного креста, вторая – надгробия со схематичным изображением семиконечного креста и крестообразными завершениями лопастей креста или их имитацией в виде округлостей.

Кроме того, даты, зафиксированные на надгробиях: 1781, 1827, 1838 и 1884 гг., – позволяют очертить время бытования таких памятников. Что касается причин их устойчивого использования на сельских некрополях Тверского края, то они видятся не только как следствие доступности множества валунов ледникового происхождения в Тверском Верхневолжье, но и как отражение своеобразного консерватизма местного населения¹.

¹ Выражаю признательность за помощь в подготовке публикации В.В. Хухареву (Тверь).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чернов С.З. Сельские некрополи XVI–XVII вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь: История. Археология. Искусство. Охрана. М., 1991.
2. Авдеев А.Г. Валунные надгробия XVI–XVIII вв. из Ярославской и Костромской областей // Вопросы эпиграфики: сборник статей. Вып. 4. М., 2010.

**ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр»,
Тверь**

A.V. KUPRYASHIN

**BOULDER TOMBSTONES OF 18TH–19TH CENTURIES
WITH AN IMAGE OF CROSS FROM TVER REGION'S NECROPOLISES**

Summary

On rural necropolises in Kalinisky, Torzhoksky and Ostashkovsky districts of Tver region boulder tombstones with cross images on them are recorded. They can be divided into two groups. The first group consists of tombstones with carved volumetric or pseudo-volumetric image of the five-pointed cross. The second group includes tombstones with schematic images of seven-pointed cross with cruciform terminations. The dates fixed on them – 1781, 1827, 1838 and 1884 – allow us to outline the time of their existence. The main reasons of their use in rural necropolises are the availability of boulders of glacial origin in Upper Volga Tver Region, as well as a kind of conservatism of local population.

*“Tver Scientific-Research Historical-Archaeological
and Restoration Centre” Ltd.,
42, Zhelyabova St., Tver, 170100,
Russia
E-mail: kupriashini@yandex.ru*

В.В. Хухарев, А.Г. Авдеев

ВАЛУННОЕ НАДГРОБИЕ «РАБЫ БОЖИЯ ФЕТИНЬИ» ИЗ ГОРОДА КАШИНА

В изучении христианских древностей средневековые русские надгробия давно занимают почётное место. Причин тому несколько. Как памятник материальной и духовной культуры своей эпохи, они ярко выражают комплекс представлений о личном благочестии, являясь своеобразным знаковым носителем информации о переходе христианина из мира временного и тленного в мир вечный, а потому хорошо отражают целый блок идейно-символических значений. Как объект малой архитектуры, они маркируют архитектурно-исторические планы поселений, топографически позволяют выявлять места некрополей при храмах и монастырях и в ряде случаев дают более раннюю, по сравнению с другими источниками, дату их существования. И наконец, благодаря им как эпиграфическим памятникам мы имеем возможность вплотную приблизиться к проблеме реконструкции судеб конкретных исторических персонажей и расширению списка имён рядовых местных обитателей¹.

К большому сожалению, судьба этих уникальных памятников истории и культуры в наше время зачастую оставляет желать лучшего. Их активно перемещают с первоначальных мест нахождения, используют при строительстве или просто уничтожают. Идея генерального свода эпиграфических памятников, высказанная в своё время Л.А. Беляевым, продолжает оставаться весьма важной задачей для региональных исследований. Её реализация на материалах Тверского края, начатая ещё А.К. Жизневским и продолженная И.А. Виноградовым, А.Н. Хохловым, А.В. Купряшиным, А.В. Новиковым, А.А. Момбековой, А.М. Салимовым и др., ещё весьма далека от завершения. Вполне логичным видится увязка подобной сводки с древнейшими монастырями и храмами городов края. Одним из таких центров, несомненно, является город Кашин. В позднем тверском Средневековье он хорошо известен не только как крупный торговый пункт, но и как признанный центр христианской культуры. Местные монастыри и храмы пользовались большим почитанием и среди московских богомольцев.

Расположение города на торговой дороге, связывающей Русский Север с Москвой, давало несомненные преимущества для развития местной экономики и торговых связей, что хорошо способствовало развитию личного благочестия среди представителей кашинских посадских и купеческих семей. В XVI–XVII вв. это проявилось в активном строительстве приходских и монастырских храмов вдоль дороги, пересекающей город почти с севера на юг. Одним из таких храмов, расположенных в западной части Кашина, за впадающей в р. Кашинку небольшой речушкой Масляткой была церковь свв. Иоакима и Анны в Конюшенной слободе. Во время разорения города отрядами Лисовского в 1610 г. храм очевидно был разрушен, так как Дозорные книги 1621 г. упоминают здесь «место церковное, что был храм Иоакима и Анны» [1, с. 8]. Деревянная закладная доска, сохранявшаяся в церкви, свидетельствовала, что церковь была вновь отстроена в дереве в 1646 г. [2, с. 28–29; ср.: 3, с. 50].

Церковь простояла вплоть до середины XX века, оставаясь единственным сохранившимся деревянным храмом в Кашине из некогда множества деревянных церквей города. В 1830-х гг. она была перестроена в стиле классицизма (ил. 1). Реставрация 1968–1971 гг. вернула ей первоначальный вид храма клетского типа под высокой двускатной кровлей с парными луковичными главками (ил. 2). К сожалению, в 1995 г. храм был подожжён и сгорел. На его месте на момент последнего осмотра в июне 2012 г. сохранились ещё часть нижних венцов и остатки фундамента.

У южной стороны храма находится валун шокшинского песчаника овальной формы (твёрдость 5 по шкале Мооса)² с вырезанной в верхней части эпитафией (ил. 3). Расстояние верхней части плиты от южной стены храма около 2,3 м, нижней – около 2,35 м. Географические координаты валуна: 57° 21' 49,61" северной широты, 37° 36' 15,69" восточной долготы, отклонение от севера 0,5–0,7°. Надпись на плите ориентирована по линии восток–запад, что может свидетельствовать о том, что валун находится над могилой *in situ*.

¹ Выражаем признательность за помощь в работе С.Б. Шляпниковой и А.П. Маловой (Кашинский краеведческий музей-филиал ТГОМ, Кашин), В.А. Никоновой, И.А. Ивановой (Кашин) и Н.А. Охановой (Москва).

² Геологическая характеристика дана Ю.Б. Тихорским (Москва), которому приносим искреннюю благодарность.

Ил. 1. Кашин. Церковь свв. Иоакима и Анны после перестройки 1830-х гг.
Вид с юго-запада. С фото В.А. Колотильщикова. Нач. XX в.

Ил. 2. Кашин. Церковь свв. Иоакима и Анны после реставрации 1970-х гг.
Вид с юго-запада (по [4, с. 383, № 543])

Размеры валуна: длина 102 см, ширина в верхней части 43 см, в средней части – 78 см, в нижней части – 39 см, высота в верхней части 25 см, в средней части – 16,5 см, в нижней части – 11 см. Правый верхний край валуна с окончанием строк (стк) 1 и 2 отколот (утраченные буквы приводятся в воспроизведении надписи в квадратных скобках). Верхняя часть заглажена, но из-за воздействия огня имеет слегка шероховатую поверхность. Боковые стороны обработки не имеют. Врезная надпись – в 5 строк. Шрифт – эпиграфический полуустав, начертание букв приближается к прямоугольному. Высота строк: стк 1 – 6,6 см, стк 2 – 7 см, стк 3 – 7–7,5 см, стк 4 – 7 см, стк 5 – 7–9 см. Разделение на слова отсутствует. Диакритика нерегулярная. Лигатуры: стк 1 – лэ в слове лэ(т). Точкой с одной стороны выделено число месяца. Оформление окончаний слов с помощью выносных букв и букво-титл: лэ(т) (стк 1), зрг(є) (стк 1), но(я)бря (стк 2), б(о)жия (стк 3), ѿети(н)я (стк 3), знаме(н)ского (стк 3–4), попа(р) (стк 4), па(т) (стк 5), ст(у)го (стк 5), мѹ(ч) (стк 5). В обозначении года глаголь-титло имеет зеркальное написание. Необычно сокращение слова «память»: па(т) (стк 5). В написании имён отметим следы их народного произношения: ѿети(н)я (*Фетинья*, церковнославянская форма Фотиния) и анкідіна (*Анкидин*, церковнославянская форма Акиндинъ). Из палеографических особенностей надписи отметим треногое т, для конца XVI в. являющееся достаточно архаичным.

Фото надгробия, а также эпитафия, переданная гражданским шрифтом в современной орфографии, были изданы Л.А. Беляевым по снимку, представленному В.В. Хухаревым [5, с. 15, прил. 4, ил. III]. В соответствии с фотографией камня и сделанной прорисовкой de visu публикуется впервые (ил. 3, 4).

1594 г. 2 ноября

лэ(т) зрг(є) год[у]
 но(я)бря в(о) в(р) престаѡи[с]
 раба б(о)жия ѿети(н)я зна
 ме(н)ского попа нікіты попа(р)
 я на па(т) ст(у)го мѹ(ч) анкідіна

0 10 20 30 см

Ил. 3. Кашин. Валунное надгробие 1594 г. Общий вид. Фото В.В. Хухарева. 2006 г.

Ил. 4. Кашин. Валунное надгробие 1594 г. Эпитафия. Прорисовка В.В. Хухарева

Текстологический комментарий. 1. лэ(т) лет[а] – Л.А. Беляев. 2. зрг(є) зрг (7103)-[г]о – Л.А. Беляев. 3. в.д.ч] (2) день – Л.А. Беляев. 4. ѡ.єтн(н)я] Фетиния – Л.А. Беляев. 5. ст.(г)го мѣ(ч) анкідина] святому Анкиндина – Л.А. Беляев.

В структуре эпитафии можно отметить одно существенное отклонение от традиционных для эпитафических памятников этого типа формул: день памяти святого, на который пришлась кончина попады Фетиньи, вырезан не после даты смерти, а в конце надписи. Ближайшую аналогию подобной формуле даёт валунное надгробие 1651 г. из Ярославского Толгского монастыря, где день памяти святого также вырезан в конце надписи [6, с. 338, № 2].

Валунные надгробия хорошо известны среди русских христианских древностей [7; 8; 6; 9; 10]. Особенно широко они распространены в Верхнем Поволжье, на территории современных Тверской, Ярославской и Костромской областей, в регионах, где встречаются массовые скопления ледниковых валунов, а месторождения качественного известняка отсутствуют. В качестве местных аналогов можно привести подобные памятники с некрополей близ бывшего Спас-Высокого монастыря в Твери [11, с. 103–104, рис. 6].

Большой интерес представляет упоминание в надписи изучаемого памятника Знаменской церкви. Среди известных храмов Кашина – церковь Знамения и Владимирской Божьей матери, одно из первых письменных упоминаний которой относится к 1621 г. [1, с. 9]. В 1782–1784 гг. на её месте в Чистопрудной слободе был возведён двухэтажный храм с барочным куполом (колокольня 1869–1872 гг.).

Ввиду отсутствия археологических раскопок в месте фиксации данного объекта вопрос о принадлежности надгробия к некрополю храма свв. Иоакима и Анны решается неоднозначно. Есть основания предполагать, что надгробие находится *in situ*. Об этом свидетельствует не только его расположение по линии восток–запад, но и нахождение на участке приходского некрополя у южной стены храма, где обычно совершались погребения мирян [12, с. 212]. Не противоречит положение надгробия и традиции «единства рода», прослеживаемой на приходских некрополях XVI–XVII вв., согласно которой на родовом участке хоронили и женщин, отданных замуж за пределы «своего» прихода. В этом случае объяснимо и уточнение в надписи названия престола храма, в котором служил муж покойной Фетиньи. Например, на утраченной надгробной плите 1639 г., происходящей из кашинской церкви Рождества Пресвятой Богородицы, название храма при имени служившего в ней протоиерея Максима Сысоева не упоминается [2, с. 31]. Если это предположение верно, то публикуемое надгробие даёт наиболее раннюю на настоящий день дату существования кашинского храма свв. Иоакима и Анны как приходской церкви.

С некоторой долей вероятности можно предполагать, что погребение попады Фетиньи было совершено на некрополе Знаменского храма, где служил её супруг, откуда и могло произойти перемещение памятника. Современное место нахождения памятника у бывшей церкви свв. Иоакима и Анны (сейчас – территория Кашинского санатория) не указано в перечне более десятка надписей с надгробий XVII в., опубликованном членом Тверской учёной архивной комиссии и тверским краеведом И.А. Виноградовым. Они были в 1901 году скопированы с плит на церковных и монастырских некрополях, осмотренных членами комиссии во время выездного заседания в Кашине и археологических экскурсий по его окрестностям [2, с. 8–12].

В заключение хотелось бы ещё раз отметить, что рассматриваемое валунное надгробие позволяет установить имена двух исторических персонажей средневекового Кашина – попа Никиты и его жены Фетиньи. При этом публикуемый валун является самым древним датированным женским надгробием подобного типа. Кроме того, в эпитафии, относящейся к 1594 г., содержится самое раннее из известных к настоящему времени упоминание Знаменского храма в Чистопрудной слободе. К тому же кашинский валун с эпитафией расширяет и конкретизирует наши представления о слоях посадского населения, использовавших данный тип намогильных памятников. К ним можно отнести также и приходское духовенство и членов их семей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Завьялов И., свящ. Материалы для Истории и Археологии по городу Кашину. По документам из архива бывшего Кашинского Духовного Правления. Тверь, 1901.
2. Виноградов И.А. Археологическая экскурсия в село Кожино и в города Кашин, Калязин и Углич. Тверь, 1901.
3. Завьялов И., свящ. Город Кашин, его история, святые и достопримечательности (С кратким житием благоверной кн. Анны). Ко дню торжеств в честь св. бл. кн. Анны историко-археологический путеводитель по городу. СПб., 1909.
4. Чёрная книга. Судьба культурного наследия России. XX век. / Отв. ред. А.И. Комеч. М., 2003.
5. Беляев Л.А. Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века: материалы к своду. Вып. 1 / Отв. ред. и сост. Л.А. Беляев. М., 2006.
6. Авдеев А.Г. Валунные надгробия XVI–XVIII вв. из Ярославской и Костромской областей // Вопросы эпитафики. Вып. IV. М., 2010.
7. Артемьев А.Р. Каменное надгробие 1696 г. из Нерчинска // РА. 1998. № 3.
8. Патин И.В. Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века: материалы к своду. Вып. 1 / Отв. ред. и сост. Л.А. Беляев. М., 2006.
9. Авдеев А.Г. Валун Брылеевской пустыни // Родная старина. 2011. № 4.
10. Авдеев А.Г. Новые эпитафические источники о моровом поветрии 1654 г. в Московской Руси // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 1 (44). М., 2012.
11. Момбекова А.А. К исследованию некрополя в северо-восточной части Загородского посада Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Материалы научного семинара / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Вып. 5. Тверь, 2003.

*ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический
и реставрационный центр»,
Тверь*

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
Университет Дмитрия Пожарского; школа-интернат «Интеллект»,
Москва*

V.V. Khukharev, A.G. Avdeev

**THE BOULDERY GRAVESTONE OF «THE HANDMAID OF THE LORD FETINYA»
FROM THE CITY OF KASHIN**

Summary

Such long lasting monuments of material culture as Medieval Russian gravestones brightly reflect the idea of personal piety. They mark plans of settlements and the necropolises places, thanks to the epigraphy notes, bearing the names of local inhabitants. Unfortunately, there are frequent movements of gravestones from the initial locations for some secondary use that does considerably complicate the study.

One of noteworthy places of concentration of such gravestones is the city of Kashin, a most honored among pilgrims of Russian Orthodoxy ancient center. Nearby one of temples in Kashin, erected in honor of Saint Joachim, and Anna in the Konyushennaya sloboda, situated on the Kashinka river bank, there is a gravestone boulder, renowned since last quarter of the XX century. This one contains a five line epitaph – «ЛЕТА 7103 ГОДУ ВО 2 ДЕНЬ НОЯБРЯ ПРЕСТАВИСЯ РАБА БОЖИЯ ФЕТИНИЯ ЗНАМЕНСКОГО ПОПА НИКИТЫ ПОПАДЬЯ НА ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА АНКИДИНА». The boulder's size is 102–78 × 25–11 cm. Lateral faces remain raw. The font is epigraphical semi-uncial. Division between words is absent. Such gravestones are well-known among the Russian Christian antiquities in Upper Volga area. The mention of the monument in study is found in the Church of the Holy Sign of the Cros inscription, specifying and amending record done in the Patrol book of 1621. That mention causes interest. In the newest time, up to the fire of 1995, the church (1646 is the year of construction) was the only remaining wooden temple in Kashin.

Lack of archaeological excavations (as well as other evidence) there leaves a question solved whether the above-mentioned gravestone belongs to the necropolis of the temple of Joachim and Anna or not. The assumption of stay of a gravestone *in situ* is confirmed in part by the arrangement of its inscription on the line the East–West and a binding to a necropolis southern wall of the temple, where laymen were buried due to the tradition established. According to the tradition of «unity of a genus» on such family burial site they also buried women given in marriage beyond the parochial boundaries. However, more than ten inscriptions on the medieval gravestones from Kashin published by I.A. Vinogradov in 1901 can support us in acknowledging the absence of the description of the gravestone boulder, dedicated to «popadya of Fetinya» in the list. So we can consider it as a rather recent discovery.

Therefore, the hypothesis that the boulder had been moved from the necropolis of the neighboring temple of the Holy Sign can also be viewed quite as very versimilar and trustworthy. Meanwhile, this bouldery gravestone bears the names of the two historical persons of medieval Kashin – the priest Nikita and his wife Fetinya. Thus the described boulder is the most ancient dated female gravestone of such kind. Besides, this epitaph of 1594, contains the earliest mention of the temple of the Holy Sign in the Chistoprudniy settlement (sloboda), and identifies layers of the posadsky population, using this type of the burial monuments.

V.V. Khukharev
*“Tver Scientific-Research Historical-Archaeological
and Restoration Centre” Ltd.,
42, Zhelyabova St., Tver, 170100, Russia
E-mail: XYXAPEB@yandex.ru*

A.G. Avdeev
*Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities,
23b, Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russia
E-mail: avdey57@mail.ru*

А.М. Салимов

О КАМЕННОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ХРАМЕ ТВЕРСКОГО САВВИНА МОНАСТЫРЯ

В окрестностях Твери в Средневековье было немало монастырей, но лишь единицы из них к началу XVII столетия имели каменный храм. Одной из таких обителей был Оршин монастырь, расположенный в 20 км от Твери вниз по течению Волги. Другой монастырь – Саввин – находился приблизительно на таком же расстоянии от столицы княжества, но выше по течению Волги, недалеко от впадения в неё реки Тьмы.¹ Да и строительство каменных церквей в этих монастырях, похоже, было связано с одним и тем же периодом. Освящение соборного храма Оршинской обители источники относят к 1567 г., а церкви Саввы Освящённого в Саввине монастыре – к 1561 г.

Эта дата освящения церкви Саввы содержится в клировых ведомостях XVIII в., но её присутствие в подобных документах не выходит за пределы начала XIX в. [1, л. 259; 2, л. 207об.; 3, л. 129об.; 4, л. 107об.; 5, л. 107об.; 6, л. 87; 7, л. 133]. Более того, в ведомостях конца XVIII столетия уже начинает появляться другая датировка: в 1791 году – 1761 г. [8, л. 149об.], а в 1796 – 1661 г. [9, л. 257]. В итоге начиная с 1803 г. дата «1661 год» закрепляется в ведомостях [10, л. 66] и сохраняется в источниках до второй половины 1850-х годов [11, л. 558], когда Саввинский храм был разобран.

Очевидно, что соотнесение в 1791 г. строительства каменной церкви Саввина монастыря с 1761 г. – ошибка, но получается, что одна из двух других дат тоже ошибочна. Эта проблема, а также ряд других вопросов, связанных с Саввинской обителью, в 1910-е годы стали предметом детального рассмотрения И.И. Соколовым [12]. Именно он, выявив в дозорной книге 1615 г. информацию об этом храме как каменном сооружении («церковь преподобного отца Саввы Вишерского каменна»), разорённом «от литовских людей», предложил ориентироваться на 1561 г. Отчасти эту дату подтверждал тот факт, что в 1561 г. в церкви были устроены новые царские врата, которые сохранялись в храме до 1840 г. [12, с. 33, 31].

Доказав таким образом ошибочность датировки каменной церкви Саввина монастыря 1661 годом, которая, скорее всего, появилась при неверном переписывании сведений ведомости (цифру «5» по ошибке заменили на «6»), Соколов тем не менее выяснил, что согласно хранившемуся до 1846 г. в храме антиминому в 1657 г. Саввинская церковь была переосвящена [12, с. 51–52]. Вероятно, это было даже не второе переосвящение храма. Ведь в Дозорной книге он значится как церковь Саввы Вишерского, а в источнике 1627–1628 гг. уже как храм во имя Саввы Освящённого [12, с. 41, 51]. И.И. Соколов полагал, что более раннее наименование церкви – Саввы Вишерского – как раз и свидетельствует в пользу датировки храма 1561 г., поскольку такой престол мог появиться только после канонизации преподобного Саввы Вишерского на Соборе 1549 г., то есть не ранее середины XVI в. С этим посвящением церковь пережила Смуту и между 1615 и 1627 гг. была переименована в храм Саввы Освящённого [12, с. 36].

Это посвящение не было случайным для Саввинской обители, поскольку во второй половине XVI столетия в монастыре, вероятно, уже существовала церковь с таким наименованием. По крайней мере её фиксирует опись 1615 г., сообщая обо всех основных постройках обители: «монастырь Саввин на реке Тьме; в нем храм апостола Ивана Богослова древян, шатром, с трапезою и с келарскою на подклетех; да храм преподобного отца Саввы Освященного, да предел Николы Чудотворца древян же, клетчки, да церковь преподобного отца Саввы Вишерского каменна; – от литовских людей разорены» [12, с. 33]. А так как в источнике 1627–1628 гг. сообщается только о двух храмах – деревянной «клетцкой» церкви Иоанна Богослова и каменной Саввы Освящённого [12, с. 41], – то можно с уверенностью говорить о серьёзных переменах, которые произошли в обители между 1615 и 1627 гг. и спровоцировали не одно, а два переосвящения. Началось, вероятно, всё с утраты шатровой наиболее крупной Иоанно-Богословской церкви, в результате чего её наименование было перенесено на «клетцкую» церковь Саввы Освящённого. В свою очередь каменный храм стал восприемником названия клетцкой церкви, перестав быть храмом во имя Саввы Вишерского.

Отмеченные документом 1627–1628 гг. культовые сооружения Саввина монастыря, вероятно, неоднократно обновляемые, просуществовали до середины XIX столетия, пережив закрытие обители в 1764 г. [12, с. 77] и став приходским храмовым комплексом села Саввина.

¹ Средневековые храмы этого монастыря перестали существовать ещё в середине XIX века, а последняя каменная церковь села Саввина была разобрана в советское время.

В 1852 г. священнослужители и прихожане решили «каменную церковь во имя преподобного Саввы Освященного, устроенную в виде часовни, по маловместительности ее распространить», но позже «намерение свое относительно распространения церкви переменили» и стали ориентироваться на создание нового каменного храма [13]. В результате этих мероприятий в 1857 г. древняя каменная церковь была разобрана [12, с. 78], а в начале 1860-х годов перестал существовать деревянный Иоанно-Богословский храм, поскольку в этот период в Саввино уже была построена новая каменная церковь во имя Иоанна Богослова с приделом Саввы Освященного [14, л. 289].

Среди выявленных нами документов не удалось обнаружить каких-либо графических материалов, которые бы зафиксировали облик древнего каменного храма, однако целый ряд источников содержит его описание, позволяющее в общих чертах реконструировать плановую форму здания, составить представление о его высотных параметрах и количестве оконных и дверных проёмов.

Наиболее раннее свидетельство о размерах церкви находится в источнике начала XVIII в. Здесь, по всей видимости, указаны внутренние размеры храма: «Тверского архиепископа в приписном Савине монастыре церковь каменная во имя преподобного Саввы Освященного. Длина церкви без полуаршина три сажени, ширина три сажени один аршин, алтарю длина полторы сажени, ширина четыре аршина. Трапезе длина две сажени, ширина четыре аршина, высота церкви пять аршин, алтарю высота с четвертью сажень, трапезе высота три аршина без четверти» [15, л. 133об.–134].

В документе 1830 г. вновь указываются внутренние габариты храма: 8 аршин длина и 10 ширина [16, л. 2]. Наиболее подробно описан храм 1846 г. На этот раз в ней приводятся внешние параметры здания: длина – пять сажень и один аршин, ширина – четыре сажени и высота – две с половиной сажени. Сообщается также, что церковь оштукатурена «как изнутри, так и снаружи». При этом в отдельных местах она была расписана «священными изображениями на анфреско» [17, л. 27–27об.].

В 1846 г. в стенах храма существовало восемь окон: два вверху и шесть внизу [17, л. 27об.]. Распрошенные И.И. Соколовым старожилы внесли уточнение в это свидетельство, сообщив, что «в церкви имелось на каждой стороне по 2 окна – в алтаре 1 окно и 2 окна в паперти. Все окна были узкия» [12, с. 78, примечание 2]. В храм вела только одна дверь, которая находилась в западной стене [17, л. 27об.].

Весьма любопытен был в середине XIX века интерьер здания. В его центре стоял «каменный четверугольный оштукатуренный столп» [17, л. 27об.]. При этом «в церкви было сыро и угарно и во время большого скопления молящихся чрезвычайно душно» [12, с. 78, примечание 2]. Пришедшие на службу люди стояли на деревянном полу, в то время как мощение в алтаре было кирпичным [17, л. 27об.].

Отметим, что зафиксированная в 1702 г. небольшая «трапеза» в 1846 г. была названа деревянной папертью «с одним оконцем со стеклами» [17, л. 27об.–28].

Ориентируясь на приведённые данные и используя среднестатистический размер сажени (2,13 м), площадь четверика представляется нам равной 8,5×8,5 м. Соответственно внутренняя площадь составляла где-то 5,8×5,8 м. С востока к основному объёму примыкала апсида шириной около 5 м. Получается, что это был небольшой одноглавый храм, единственный входной проём которого располагался в западной стене четверика (ил. 1). Диссонансом в этом сооружении оказывается стоящий в центре храма столб. В таком случае

Ил. 1. Церковь Саввы Вишерского в Саввином монастыре. Схематическая реконструкция плана

глава церкви явно не была световой, что для XVI в. откровенный нонсенс, да и сам столб вряд ли бы установили в центре храма, если это, конечно, не был подклет. Но о подклете речь не идёт в источниках, следовательно, данная опора является тем элементом, который не был выстроен одновременно с церковью. Он мог появиться в 1657 г., может быть, поэтому церковь пережила очередное переосвящение. Не исключено и более позднее происхождение столба. Возможно, он был заведён для того, чтобы нести балки деревянных перекрытий, что может свидетельствовать об утрате на каком-то этапе каменной сводчатой конструкции. Запомним, что источник 1846 г. зафиксировал на храме деревянную главу [17, л. 27об.].

Реконструированный на основе источников план Саввинской церкви оказывается близок к плановой форме достаточно раннего тверского памятника – Никольской церкви 1404 г. в Старице, что корреспондируется с информацией об основании монастыря в конце XIV в. и с указанием на возможное ктиорство тверского князя Александра Ивановича, успевшего несколько месяцев в течение 1425 г. (с мая по октябрь) побыть великим тверским князем [12, с. 9, 17–18]. Однако такой вывод представляется мне излишне смелым, поэтому, принимая во внимание наиболее раннее из известных нам посвящений храма (Саввы Вишерского) и содержащуюся в источниках дату (1561 г.), предлагаю отнести его строительство к середине XVI столетия. Кстати, это было время наивысшего расцвета обители [12, с. 26–30].

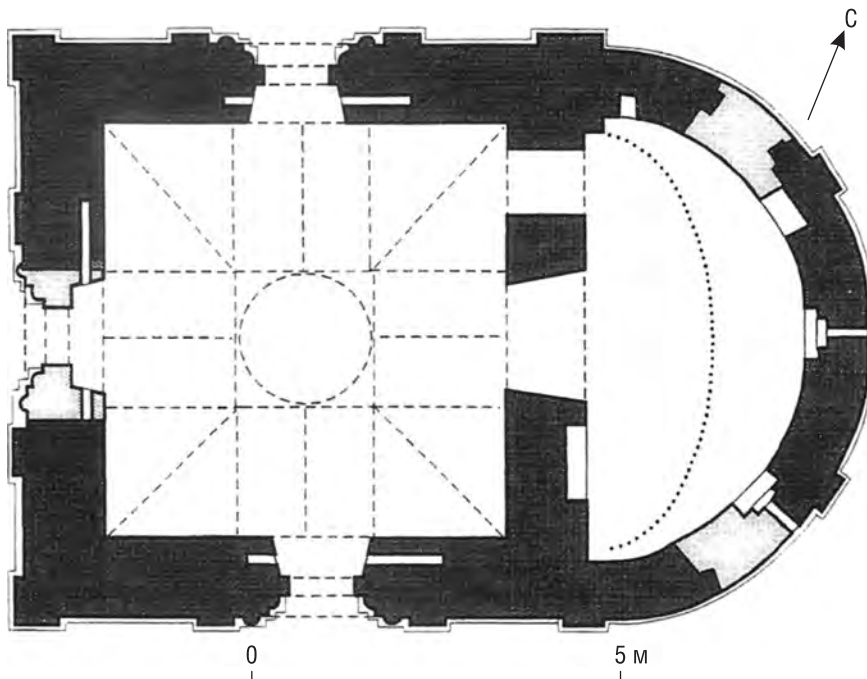
Церкви с такой плановой формой не были чем-то необычным для русской архитектуры XVI в. Но эти сооружения, как правило, оказываются наделены оригинальной сводчатой конструкцией – крещатым сводом. В основном это московские храмы первой половины – середины XVI века: Зачатия Анны, что в углу Китайгородской стены (ил. 2), Трифона в Напрудном (ил. 3–5), Николы Гостиного в Коломне. Но строили такие церкви и за пределами московского региона. Об этом свидетельствует храм Николы Гостунского в окрестностях г. Ливны Калужской губернии (1563–1566 гг.). Среди этих построек церковь Саввы Освящённого

Ил. 2. Москва. Церковь Зачатия Анны, что в углу Китайгородской стены. Вид с северо-востока.
Фото А.М. Салимова. 2014 г.

Ил. 3. Москва. Церковь Трифона в Напрудном. Вид с юга. Фото А.М. Салимова. 2014 г.

Ил. 4. Москва. Церковь Трифона в Напрудном. План. По: [18, с. 182]

Ил. 5. Москва. Церковь Трифона в Напрудном. Крещатый свод храма. Фото А.М. Салимова. 2014 г.

Ил. 6. Коломна. Успенская церковь Брусенского монастыря. Фото М.А. Салимовой. 2013 г.

(или Вишерского) – самое скромное по размерам (если наши расчёты верны) и количеству дверных проёмов сооружение, но её завершение вполне могло быть близко к венчающим частям вышеназванных церквей.

Наверное, архитектурно-археологические исследования на месте утраченного в середине XIX века древнего храма дали бы возможность более детально представить архитектуру этого здания, но сегодня, подводя итог анализу существующих письменных источников, хотелось бы заметить, что характерный для построек с крещатым сводом «верх» нельзя считать окончательной версией в деле реконструкции венчающей части тверского храма. Допустимы и иные варианты завершения, из числа которых не следует, вероятно, исключать и шатёр, поскольку среди каменных шатровых построек середины XVI в. есть сооружения с типологически близкой плановой формой. Это церковь Козьмы и Дамиана в Муроме, Ильинский храм в Пруссах и отчасти (иная форма организации алтаря) Успенский собор Брусенского монастыря в Коломне (ил. 6). Эта версия не покажется надуманной, если вспомнить, что в 1560-е гг. в Старице были выстроены два шатровых храма: Борисоглебский собор и Введенская трапезная церковь Успенского монастыря.

Не исключена и сводчатая конструкция, которую мы условно можем назвать «псковской», когда четверик перекрывается коробовым сводом с распалубкой, заполненной ступенчатыми сводиками-арками. Такое перекрытие присутствует у приделов Преображенской церкви в Острове, возведённой в середине XVI в. Важно отметить, что плановая форма и габариты этих сооружений весьма близки к таковым каменной церкви Саввина монастыря. Близость эта выражается и в характере соотносённости апсиды с основным объёмом. Она здесь значительно уже восточной плоскости четверика, что, кстати, в большей мере характерно для псковской архитектуры [19, с. 357, 373, 375] и отдельных памятников тверского средневекового зодчества начала XV в. (Никольская церковь в Старице 1404 г.), нежели для среднерусской архитектуры середины XVI в. Этот факт опосредованно можно рассматривать как свидетельство генетической связи тверского средневекового зодчества с архитектурой Северо-Западной Руси не только в конце XIII столетия, но и в XVI веке.

Возможные архитектурные формы каменного храма Саввина монастыря позволяют говорить о том, что не только Белая Гроица в Твери, но и Саввинская церковь стоят особняком в тверском зодчестве середины – второй половины XVI века. В первом случае, когда речь идёт о приходской постройке, – это достаточно редкий в национальной архитектуре вариант усечённого крестовокупольного храма, а в другом – небольшая бесстолпная церковь, перекрытая, по всей видимости, крещатым сводом. На примере этих сооружений можно говорить об упрощённом воспроизведении на тверской земле тех архитектурных форм, которые ещё в начале XVI столетия были внедрены в столичную практику итальянцами. Тот факт, что в начале – первой половине 1560-х годов они получили “прописку” в Твери, лишним раз свидетельствует, на мой взгляд, о профессиональных возможностях тверского архитектурного сообщества. Правда, адаптация этих форм тверскими мастерами продемонстрировала такую особенность регионального зодчества, как способность придать ремесленный характер эстетически более совершенному первоисточнику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16479. 1782 г.
2. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16480. 1785 г.
3. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16481. 1788 г.
4. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16483. 1792 г.
5. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16484. 1793 г.
6. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16486. 1799 г.
7. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16487. 1801 г.
8. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16482. 1791 г.
9. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16485. 1796 г.
10. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16488. 1803 г.
11. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16534. 1856 г.
12. *Соколов И.И.* Краткая историко-статистические сведения об упраздненном Тверском Саввине монастыре на реке Тьме (ныне село Саввино Тверского уезда). 1397–1764 гг. Материалы для истории Тверских упраздненных монастырей: Астраганского, Дудина, Тутанского в XVII веке. Вып. II. Тверь, 1916.
13. ГАТО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 2782. 1852–1853 гг.
14. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16538. 1862 г.
15. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. 1702 г.
16. ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 5773. 1830 г.
17. ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 5923. 1846 г.
18. Памятники архитектуры Москвы. Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII века. М., 1998.
19. *Баталов А.Л.* Церковь Преображения Господня в селе Остров. Вопросы датировки и происхождения мастеров // Древнерусское искусство. Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи. К 1100-летию Пскова. М., 2008.

*Филиал Государственной академии славянской культуры в г. Твери,
Тверь*

A.M. SALIMOV

ABOUT THE STONE MEDIEVAL TEMPLE OF THE TVER SAVVIN MONASTERY

Summary

The medieval temple of the Tver Savvin monastery is one of the mysterious constructions of the Tver architecture. According to the existing sources, this church was built in 1561 and ceased to exist in the middle of the XIX century. Information about sizes of this building allows to reconstruct it as the small one-apsidal construction blocked, most likely, by the groin vault. This feature of a vaulted design of the temple gives the grounds to consider it along with other construction of the middle of the XVI century – White Trinity Church – among original monuments of the Tver architecture of the Middle Ages.

*State Academy of Slavic Culture, Tver Branch,
11a, Studenchesky Lane, Tver, 170100,
Russia
E-mail: sampochta@mail.ru*

А.А. Липатов, Д.С. Туганова

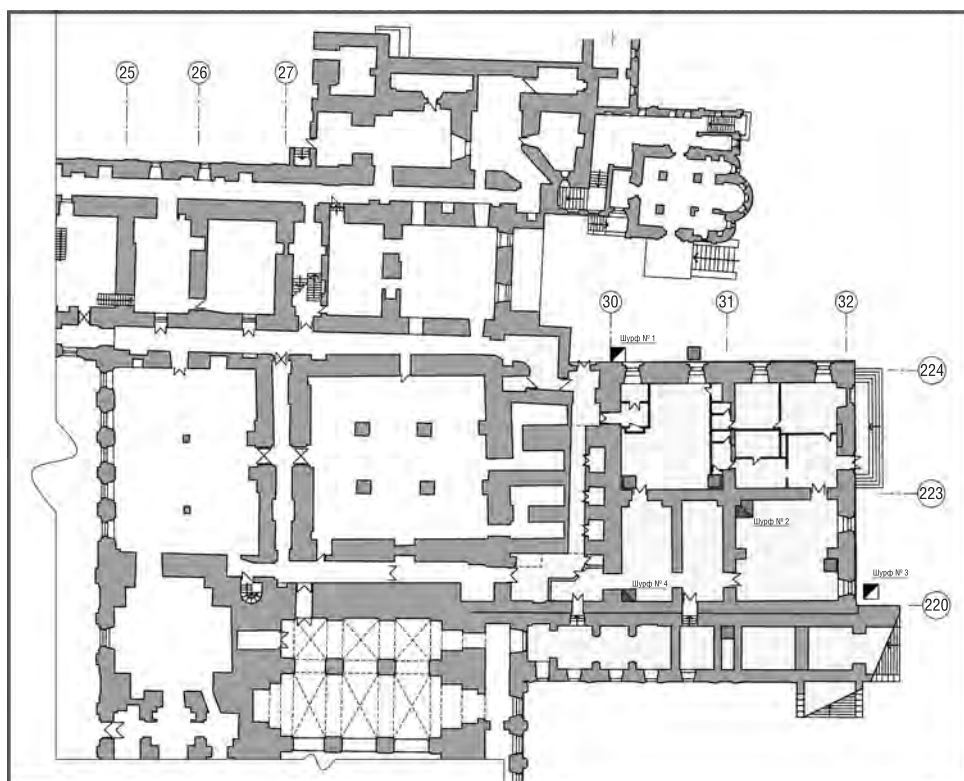
ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2010–2011 ГГ.

Археологические исследования в Грановитой палате Московского Кремля (ил. 1) были проведены в рамках реставрационно-ремонтных работ в течение 2011 года. Первый этап работ был связан с инженерными исследованиями фундаментов здания. Были выполнены 4 шурфа снаружи и внутри здания (ил. 2). На вто-

0 426 м

Ил. 1. Москва, Московский Кремль, местоположение Грановитой палаты (выделена на фото)

Ил. 2. Москва, Московский Кремль, Большой Кремлёвский дворец и Грановитая палата. План-схема расположения шурфов инженерного обследования фундаментов в 2010–2011 гг. (шурфы №№ 1–4) и шурфов инженерных обследований прежних лет (выделены серым цветом) (данные по: Майоров С.Г., Тереньтев А.К., Крылов Ю.П. и др., 2008 [1]; Панова Т.Д., 1993 [2])

ром этапе были затронуты помещения подклета палаты и наружный периметр стен. Внутренние работы были связаны с понижением уровня грунтовой подсыпки в помещениях подклета. Снаружи, на восточном и северном фасадах, были найдены остатки белокаменного и кирпичного цоколя палаты, а также участок белокаменного цоколя северного корпуса Теремного дворца начала XVI века.

Грановитая палата: возникновение и первоначальная структура

Здание Грановитой палаты появляется на территории кремля в самом конце XV века. Следует отметить, что рубеж XV–XVI вв. ознаменовался широкой строительной деятельностью в Московском Кремле, последовавшей вскоре за браком Ивана III с византийской принцессой Софьей Палеолог. Венчание состоялось 12 (21) ноября 1472 г. в Успенском соборе в Москве, когда 17-летняя византийская принцесса, дочь Фомы Палеолога, брата последнего византийского императора Константина XI, стала женой 32-летнего Ивана III и Великой княгиней Московской. Этот брак стал результатом интенсификации с 1470-х гг. дипломатических отношений между Россией и Италией.

Возможно, что по инициативе Софьи в Москву приезжают мастера из Италии, русским посольствам на-казано нанимать «... всяких мастеров, которые пригожа к нашим потребам». Их непростое появление на Руси [3, с. 12–18] и положило начало грандиозным работам в Московском Кремле, здесь начинают работать итальянские архитекторы – Аристотель Фиорованти [4, с. 605–610], Пьетро Антонио Солари [4, с. 531–533], Алоизио да Каркано (Алевиз Старый) [4, с. 77–80], Алевиз Новый [4, с. 75–77], мастер Марк Фрязин [4, с. 387–388]. Под их руководством Кремль получает новые стены и башни. В 1484 г. Иван III «старый свой двор деревянный велел разобрать и нача ставити каменный двор».

Построенная в 1487–1491 гг. итальянскими архитекторами Марко Руффо и Пьетро Антонио Солари на месте древней гридни Грановитая палата была лишь первым актом задуманной Иваном III перестройки княжеского дворца, это – единственный сохранившийся до наших дней его элемент. Начало строительства было отмечено летописцем под 1487 годом: «...того же лета 6995 повелением великого князя Иван Васильевич всея Руси основал полату велику Марко Фрязин на великого князя дворе, где терем стоял», а окончание – 1491 годом: «...того же лета свершили фрязове Петр Антоней архитектор и Марко болшу полату князя на площади». Закладка же каменного дворца Алевизом Фрязином / Алоизио да Карезано состоялась лишь в

1499 г., и тогда же в Италию было отправлено посольство Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова за новой партией мастеров, вернувшееся лишь в 1504 г. [подробнее см.: 5, с. 230–233; 6].

Изначально Марко Фрязин и Антонио Солари возвели грандиозный объём Грановитой палаты на высоком подклете с крестовыми сводами и высокой медной кровлей. С запада к нему примыкают парадные Святые сеней, к которым с южной стороны ведёт открытая каменная лестница – Красное крыльцо. Квадратная в плане палата, перекрытая сводами, опирающимися на стены и центральный столб, имела площадь 495 кв. м и на протяжении двухсот лет оставалась самым большим залом в русской архитектуре.

Главный восточный фасад палаты был ориентирован на Соборную площадь, ориентация постройки была predetermined планами, возникшими ещё в начале 1470-х гг., о чём свидетельствует ортогональная привязка палаты к объёму Успенского собора, заложенного Ивашкой Кривцовым в 1472 г.¹ Отделка этого фасада была наиболее богатой: стены были облицованы белым камнем с разделкой блоков «бриллиантовым» рустом. В дальнейшем облик главного фасада и дал зданию его имя – «Грановитая палата».

Сохранившийся до нашего времени объём Грановитой палаты состоит из подклета и основного парадного яруса здания. Подклет под основным объёмом палаты состоит из четырёх практически одинаковых по размеру и близких к квадрату в плане палат. Палаты группируются вокруг квадратного в плане основания столба верхней парадной палаты (ил. 2).

С запада к квадратному в плане блоку из четырёх палат примыкает вытянутый прямоугольный объём сеней. В уровне подклета сохранилась ещё одна относительно небольшого размера палата, встроенная в северо-западный угол сеней. Здесь в 1840-е годы была устроена лестница, соединившая все три яруса здания. При устройстве лестницы были разобраны древние своды и частично стены. В 1960-х гг. вместо лестницы была устроена шахта лифта.

В 1840-е годы юго-восточная и юго-западная палаты подклета были разделены поперечными стенами. В юго-восточной палате стена была возведена по оси восток–запад, в юго-западной – по оси север–юг. Стена, возведённая в юго-восточной палате, была по большей части разобрана ещё в 30-х–50-х гг. XX в. В юго-западной палате эта поздняя стена практически полностью сохранилась до нашего времени. Обе южные палаты сохранили первоначальные своды на распалубках. Северная пара палат подверглась в XIX веке наибольшим переделкам: их первоначальные своды были разобраны. Над обоими помещениями был устроен новый лотковый свод с распалубками над используемыми проёмами. На месте разделяющей объёмы палат стены был устроен проём, перекрытый большепролётной аркой. Во всех помещениях подклета в XIX–XX веках были пробиты новые оконные и дверные проёмы. Окна верхнего парадного яруса, устроенные в XVII веке, определили местоположение пробитых в XIX веке и существующих сейчас оконных проёмов подклета.

Существующий с середины XIX в. в помещениях подклета уровень пола более чем на метр выше первоначального, что способствовало сохранности первоначальных дверных проёмов и фрагментов древних полов.

Как показали исследования здания после удаления штукатурки с фасадов, весь объём палаты до венчающего карниза был возведён единовременно. Объём Грановитой палаты был первой по времени возведения дворцовой постройкой из обширного дворцового комплекса, появившегося на протяжении 1487–1508 гг. По данным проведённых ещё в 1997–1998 гг. изысканий, сохранившаяся в районе северо-западного угла подклета «квадратная палатка» первоначально имела продолжение в западном направлении, разобранное уже в ходе возведения Алевизовского дворца [8].

Планировка основного объёма подклета комплекса Грановитой палаты достаточно детально реконструируется. Изначально четыре восточных помещения подклета были разделены на две группы – южную и северную. Объём подклета делился по оси восток–запад глухой стеной, не имевшей каких-либо проёмов. Южная группа палат (юго-восточная и юго-западная) сообщалась между собой одним дверным проёмом, расположенным посередине смежной стены. Юго-западная палата имела по западной стене проём в подклет сеней. Оба дверных проёма имеют выложенные четверти с восточной стороны и вырубленные – с западной. Северная группа помещений имела близкую структуру плана. Две смежные северные палаты также сообщались единственным дверным проёмом в середине расположенной между ними стены.

В западной части северо-западной палаты также располагался дверной проём, ведущий в подклет сеней и слегка сдвинутый к югу от большепролётной арки для размещения отопительной печи. Каким-либо первоначальным входов со стороны фасада четыре палаты подклета не имели. Не было также входа в подклет сеней и с северной стороны. Судя по результатам исследований 1997–1998 гг. и 2011 г., единственное расположение входа в подклет сеней было возможно с южного торца подклета. Парадное крыльцо, по всей видимости, располагалось так же, как и ныне существующее, – с южной стороны палаты. Об этом косвенно свидетельствует наличие внутренних оконных проёмов между южной парой палат подклета.

Геологическое строение участка, гидрологические условия

Участок, на котором расположена Грановитая палата, находится в Центральном административном округе г. Москвы на территории Московского Кремля, в Москворецко-Сходненском долинном ландшафте [9, с. 36–37; см. также: 10]. В геоморфологическом отношении участок расположен на среднеаллювиальной террасе р. Москвы и относится ко II категории сложности по инженерно-геологическим условиям. Повер-

¹ Об организации территории возле Грановитой палаты в более раннее время см. [7, с. 238–239].

хность участка у здания характеризуется абсолютными отметками в пределах 146,00–149,18 м (здесь и далее – в Балтийской системе высот) с общим уклоном в северном направлении.

В гидрогеологическом отношении участок характеризуется наличием «верховодки» в отдельных его частях на глубине 8,0 м (абсолютная отметка – 137,88 м). В различные времена года «верховодка» может иметь более широкое распространение и залегать на более высоких отметках, в том числе и в толще насыпных грунтов по глинистым прослойкам. Надкаменноугольный водоносный горизонт вскрыт на глубинах 19,7–21,2 м (в абс. отметках – 123,20–123,70 м).

Геолого-литологическое строение участка Грановитой палаты характеризуется по двум разрезам, составленным по данным разновременных исследований палаты и территории вокруг неё. С поверхности до глубины 2,6–4,4 м участок здания покрыт техногенными грунтами: песками средней крупности с гравием, кирпичным щебнем и известняковым боем, содержит известковый раствор и древесную щепу. Встречены грунты как слежавшиеся, так и неслежавшиеся, маловлажные и влажные. Под насыпью залегают древнеаллювиальные отложения, образованные мелкими песками и песками средней крупности, реже крупными и гравелистыми, влажными и водонасыщенными, общей мощностью 2,7–4,9 м.

Под древним аллювием залегают моренные отложения днепровского оледенения, образованные суглинками с гравием и щебнем, с прослойками мягко- и тугопластичного песка. Мощность слоя составляет от 0,5 до 3,0 м. Ниже морены отмечены флювиогляциальные отложения окско-днепровского оледенения, сложенные песками с отдельными линзами супесей в верхней части толщи. Пески – пылеватые, мелкие и средней крупности, слюдистые, средней плотности, влажные и водонасыщенные в подошве толщи. Супеси – с линзами песка, пластичные. Суммарная мощность отложений составляет 12,0–14,0 м.

Особенностью геологического строения участка является его расположение на склоне древнего размыва, где полностью отсутствует региональный водоупор и четвертичные отложения залегают непосредственно по кровле коренных верхнекаменноугольных пород. Комплекс четвертичных отложений на глубинах 20,5–22,5 м (абс. отметки – 121,90–122,99 м) подстилается глинами мешеринской подбиты верхнего отдела каменноугольной системы. Глины – пылеватые, мергелистые, полутвёрдые, вскрытой мощностью 0,5–3,0 м.

Авторы отчёта [1, с. 14] об исследовании грунтов под Грановитой палатой выделяют ряд неблагоприятных инженерно-геологических процессов: возможное распространение на участке грунтовых верхних вод; техногенное изменение уровня подземных вод под воздействием откачек московского метрополитена и влияние дренажной системы Торгового комплекса «Охотный ряд».

Археологические и инженерные исследования конструкций Грановитой палаты: история и результаты

Грановитая палата (ГП) впервые за последние 17 лет стала объектом археологического изучения: в 1993 г., в связи с началом разборки постройки 1935 г. и восстановлением Красного крыльца по Указу Президента России, были предприняты инженерные обследования фундаментов Грановитой палаты (ил. 2). По проекту воссоздания Красного крыльца крыльцо должно было примкнуть к фасаду палаты с южной стороны. В сентябре–октябре 1993 г. обследования проводились Научно-исследовательским, проектно-изыскательским и конструкторско-технологическим институтом оснований и подземных сооружений (НИИОСП) им. Н.М. Герсеванова, откопка шурфов осуществлялась рабочими нынешнего ГУП «Мосгоргеотрест». Археологические наблюдения при обследованиях вели сотрудники Отдела археологии Музеев Кремля А.М. Колызин, Т.Д. Авдусина и Т.Д. Панова [2].

При исследованиях 1993 г. на пятне разобранного здания столовой, в северо-восточном углу прирезки к основному котловану был частично зафиксирован фундамент восточной стены Грановитой палаты. Были прослежены 7 рядов кирпичной кладки (форматом $16 \times 5,14 \times 8$; 11×7 см), имевшие вынос на 10 см.

Внутри палаты шурфы располагались следующим образом: в северо-восточном углу северо-восточного помещения палаты (шурф 1); в юго-восточном помещении в месте примыкания поздней перегородки к восточной стене (шурф 2); в северо-западном помещении возле опорного пилона столба палаты (шурф 3) и в юго-западном углу того же помещения (шурф 4).

В **шурфе 1** представляет интерес стратиграфия северной стенки: верхний 1,0 м нарушен коммуникациями; ниже – остатки пола из кирпича $30 \times 15 \times 9$ см на тонкой (10 см) песчаной подготовке (отм. 145,21 м); под ней – слой гумуса 1,05 м со строительным мусором (известью, битым кирпичом, белокаменным щебнем), в котором встречены слюда, чернолощёная посуда, муравьиные изразцы; ниже, до материка – гумус с известковой крошкой (мощностью 1,75 м), гладкой красной, грубой сероглиняной, белоглиняной с росписью красным, красноглиняной поздней керамикой. Формат кирпича в кладке восточной стены – $27 \times 11,5 \times 7$; $27 \times 12,5 \times 7$; $27 \times 16 \times 6$; 26×6 см. Зафиксирован также слой извести мощностью 10 см на отм. 143,03 м.

В **шурфе 2**, кроме фундаментов поздней перегородки и восточной стены палаты, была зафиксирована следующая стратиграфия участка (западная стенка шурфа): под бетоном пола до отметки (отм.) 1,7 м – слой строительного мусора (битый кирпич, известь); ниже – гумус (до отм. 3,5 м) с включением извести в верхней части, угля – в нижней; под ним – слой пожара (5–7 см); ниже – пласт тёмно-жёлтого песка (мощностью 0,6 м); ниже – серый материковый песок. Материк зафиксирован на отм. -3,9 м. Керамический материал в шурфе представлен типами XV–XVIII вв.

Стратиграфия западной стенки **шурфа 3**: под полом и бетонной подготовкой (мощность 20 см) – слой строительного мусора до отм. -2,2 м (битый кирпич с песком); ниже – тонкая прослойка мусора (25 см)

с гнилым деревом, крошкой извести, в нём много бересты, чернолощёная посуда (XVI–XVII вв.), поздняя красноглиняная, поздняя белоглиняная керамика; ниже – слой известкового раствора с известняковой крошкой (мощность 1,5 м) – слой строительства Грановитой палаты; ниже – слой (1,5 м) гумуса с гладкой красной посудой XIV–XV вв., краснолощёной, ранней серой керамикой. Ниже, на отм. -4,25 м, – мелкозернистый жёлтый материк. Бутовый фундамент имеет ещё два уширения-полки: на отм. -3,0 м (143,18 м) на 25 см; на отм. -4,20 м (141,98 м) на 30 см. В кладке стены отмечены кирпичи форматом 27×11,5×7 см, что, по мнению Т.Д. Пановой, свидетельствует о поновлениях фундамента в позднее время². Белокаменная кладка фундамента выполнена из хорошо обработанных и плотно пригнанных квадров, однако ниже последнего выноса – из грубо колотых блоков.

Заполнение **шурфа 4**: мощный слой битого кирпича до отм. -1,90 м (возник при устройстве коллектора); ниже – до отм. -2,3 м – слой гумуса с прослойкой пожара (10 см) в верхней части, содержит много бересты, поддон позднего сосуда с зелёной поливой, обломки чернолощёного кувшина (материал XVI–XVIII вв.); ниже – пласт известкового раствора с отщепами белого камня – уровень строительства палаты; под ним – гумус мощностью от 25 до 70 см с гладкой красноглиняной посудой XIV–XV вв. Кирпичная кладка стены – кирпич форматом 31×15×9 см; блоки – разных размеров (24×45; 59×23 см), грубой обработки.

Судя по данным архивных материалов, использованным в Техническом заключении о состоянии конструкций здания и грунтов основания Грановитой палаты [1], ясно, что и ранее, в 1969 г., были сделаны как минимум два шурфа и серия скважин на территории вокруг Грановитой палаты (ил. 2). Оригинальные отчётные материалы обнаружить не удалось, да и едва ли шурфовка фундаментов палаты в 1969 г. проводилась при археологическом надзоре. Данные по этим двум шурфам включены в сводную таблицу. Шурфы располагались внутри и снаружи здания: шурф 3-58/13-69 был устроен у северной стены, западнее проектной оси 31, шурф 2-58/13-69 – в месте пересечения внутренних стен подклета и основания опорного столба сводов Грановитой палаты, в северо-восточном углу юго-западного помещения подклета.

В таблице обобщены данные инженерных обследований фундаментов Грановитой палаты: сведения о конструктивных особенностях и основных параметрах и других характеристиках: глубина заложения, положение подошвы, её ширина, характер кирпичной и каменной кладок, местоположение верхнего обреза фундамента (переход от каменной кладки фундамента к кирпичной кладке стен). Также приведены сведения о характере грунтов основания, данные о глубине залегания материка в археологическом понимании этого термина. Насколько возможно полно даны характеристики остатков свайного поля под подошвой фундаментов. Если же инженерные шурфы сопровождались археологическими наблюдениями, упомянуты основные характеристики культурного слоя, окружающего фундаменты постройки, отражённые в технической документации как техногенные грунты.

Исследования палаты в 2010–2011 гг.

Шурф № 1 (ил. 2, 3) был расположен у северного фасада Грановитой палаты, на проектной оси 30. Размеры шурфа на поверхности Соборной площади составили 2,0×1,54 м. Шурф имел прямоугольную форму, за исключением южной границы, форма которой была обусловлена конфигурацией плит мощения возле стены здания (ил. 4). Объём шурфа пересекался спаренной трассой коммуникаций, уложенных в цементные трубы. В юго-восточном углу шурфа проходили два кабеля неизвестного назначения в металлическом кожухе. Дневная поверхность в зоне шурфа имеет уклон в восточном и северном направлениях. В южной стенке шурфа была прослежена конструкция фундамента северной стены Грановитой палаты, а также её цокольная часть. Уже в метровой толще подсыпки грунтом и строительным мусором были найдены первые архитектурные детали (ил. 4, 7).

Территория Соборной площади покрыта мощением из известняковых пиленых плит толщиной 11–12 см. Плиты уложены на цементную подготовку мощностью 10 см, ниже которой прослежен слой бетона с крупным известняковым наполнителем, толщина его – 15 см. Суммарная мощность конструкции покрытия площади составила 35–37 см. Отметка верха этой поверхности (146,28 м) принята за нулевой уровень. Конструкция мощения устроена таким образом, что погружается в кладку северной стены на 15–23 см, тем самым разрушая её.

От уровня современной дневной поверхности до отметки 144,90–144,91 м кладка стены здания деструктирована на глубину до 45 см, так что мы видим далеко не лицевую поверхность стены. Причины этого разрушения – в увлажнении кирпичной кладки, находящейся в зоне промерзания грунтов. На всю высоту кладка выполнена ложковыми рядами, среди которых часто встречаются половинки кирпичей. Формат встреченного кирпича – 12×8; 11×8; 26×7,5 см. Толщина швов – 0,5–2,0 см, вертикальных – до 2 см. Высота 9 рядов составила 79 см. Раствор – известково-песчаный, с большим количеством непрогашённой извести, угольками, прочен, но только там, где не увлажнён. С отметки 144,90 м прослежена сохранившаяся кладка цоколя из формованного кирпича, придающего лицевой поверхности кладки уклон к фасаду здания (ил. 5). Формат кирпича – 26,0×13,5×7,5 см (полный формат), ширина по верхней стороне – 8,5 см. Кладка наклонного цоколя сохранилась в южной стенке на высоту 3–4 рядов и демонстрирует готическую систему перевязки. Кирпичный цоколь уложен на ряд белокаменных гладко отёсанных блоков высотой 28 см. Блоки плотно

² Зафиксированный формат кирпича, однако, совпадает с форматом кирпичей первоначальных кладок стен Грановитой палаты. Такие форматы встречаются на постройках конца XV в. См., например: [11, с. 15; 12, с. 301].

Таблица. Сводные данные по инженерным и археологическим исследованиям фундаментов Грановитой палаты Московского Кремля в период 1969–2011 гг.

Шурф, его архивный номер	Местоположение	Фундамент/-ы, зафиксированные в стенках	Отметка границы кирпичной стенки и буттового фундамента (полка), м БСВ	Глубина заложения фундамента, м	Абсолютная отметка подошвы, м в Балтийской системе высот	Свай: наличие, диаметр, длина, шаг
1	2	3	4	5	6	7
3-58/13-69 г. (12)	Северная стена ГП, снаружи, западнее оси 3I	Фундамент северной наружной стены	144,60 Вынос полки – 20 см	4,65	141,35	Не обнаружены
(1,2)-58/13-69 г. (13)	Внутри ГП, под пилон центрального столба, СВ угол юго-западного помещения подклета (III сектор)	Фундаменты внутренних стен (а) Фундамент опорного пилона центрального столба (б)	144,56 Вынос полки (с камнем) – 23 см	(а) В–3: 4,72 Ю–С: 4,37 (б) 5,62	(а) В–3: 141,73 Ю–С: 142,08 (б) 140,83	(а) Сгнившие сваи-коротыши: длина 80–90 см, диаметр 10 см, шаг – 28–33 см (б) не зафиксированы
4-58/13-69 г. (14)	Снаружи ГП, восточный фасад, в месте примыкания крыльца к зданию	Фундамент восточной наружной стены	144,64	4,58	141,03	Сгнившие сваи-коротыши: длина неизвестна, диаметр 14–16 см, шаг – 13 см
1-58/30-93 г. (10)	Снаружи ГП, в подвале Красного крыльца, в зоне входного проёма южной стены, западнее оси 3I	Фундамент южной наружной стены	–	2,79 (от пола 1 этажа)	141,08	Следы сгнивших свай в грунте диаметром 2–7 см в верхней части. Первоначальный диаметр – 7–14 см, длина 0,7–1,2 м, шаг – 0,1–0,2–0,31 м
3-58/30-93 г. (9)	Снаружи ГП под южную стену Сеней, в подвале Красного крыльца	Фундамент южной стены Святых сеней	Нет данных, участок уничтожен коллектором	1,97	142,10	Следы сгнивших свай в грунте диаметром 7–14 см, длина 0,7–1,0 м, шаг – 0,22–0,24–0,48 м, в шахматном порядке
5-58/30-93 г. (11)	Снаружи ГП под южной стеной здания у юго-восточного угла, в подвале Красного крыльца	Фундамент южной стены, снаружи	Нет данных, участок уничтожен коллектором	3,10	140,86	Следы сгнивших свай в грунте диаметром 7–14 см, длина 0,8 м, шаг – 0,12–0,22 м

Таблица (окончание)

1	2	3	4	5	6	7
11-58/31-93 г. (5)	Внутри ГП, в северо-восточном помещении (I сектор), в северо-восточном углу	Фундамент восточной стены, внутри	144,32 Вынос полки – 21 см (НИИОСП) 144,28 Вынос полки – 30 см (Т.Д. Панова)	4,75 (НИИОСП) 5,35 [2, рис. 13]	140,86 (НИИОСП) 140,83 [2, рис. 13]	Следы сгнивших свай в грунте диаметром 7–14 см (отпечатки), длина 0,7–1,3 м, шаг – 0,1–0,48 м Зафиксированная длина свай – 0,8–0,9 м; отмечен их уклон в северном направлении [2, с. 9–10]
(12,13)-58/31-93 г. (8)	Внутри ГП, в юго-восточном помещении (III сектор), под восточную стену здания и поздною разобранную внутреннюю стенку	Фундамент восточной стены здания (а) Фундамент поздней внутренней стены (б)	144,07 Вынос полки – 35 см	(а) 5,20 (НИИОСП) 5,25 [2, рис. 14] (б) 2,62 (НИИОСП) 2,70 [2, рис. 14]	(а) 141,02 (НИИОСП) 140,97 [2, рис. 14] (б) 143,60 (НИИОСП) 143,52 [2, рис. 14]	(а) Следы сгнивших свай в грунте диаметром 8–9 см (отпечатки), длина 0,7–1,3 м, шаг – 0,12–0,16 м (б) –
(14,15)-58/31-93 г. (7)	Внутри ГП, под пилон центрального столба, ЮВ угол северо-западного помещения подклета (IV сектор)	Фундамент внутренней стены по линии В–3 (а) Фундамент опорного пилона центрального столба (б)	144,18 Вынос полки – 33 см	(а) 4,40 (НИИОСП) 5,40 [2, рис. 17] (б) 5,80 (НИИОСП) 6,00 [2, рис. 17]	(а) 141,79 (НИИОСП) 140,78 [2, рис. 17] (б) 140,39 (НИИОСП) 140,18 [2, рис. 17]	(а) Следы сгнивших свай в грунте диаметром 9–14 см, длина 1,0 м, шаг не указан (б) Следы сгнивших свай в грунте диаметром 9–14 см (отпечатки), длина до 1,0 м, шаг – 0,15–0,30 м Зафиксированная длина свай – 0,3–0,4 м [2, с. 11–12]
(16,17)-58/31-93 г. (6)	Внутри ГП, ЮЗ угол северо-западного помещения подклета (IV сектор)	Фундамент западной внешней стены (а) Фундамент внутренней стены по линии В–3 (б)	(б) 144,41 Вынос полки – 25 см	(а) 5,24 (НИИОСП) 5,10 [2, рис. 18] (б) 4,40 (НИИОСП) 4,45 [2, рис. 18]	(а) 140,97 (НИИОСП) 141,11 [2, рис. 18] (б) 141,81 (НИИОСП) 141,76 [2, рис. 18]	(а) Следы сгнивших свай в грунте диаметром 12–15 см, длина до 0,8 м, шаг – 0,16–0,18 м (б) Следы сгнивших свай в грунте диаметром 12–15 см, длина до 0,8 м, шаг – 0,19–0,35 м Зафиксированная длина свай – 0,4–0,5 м [2, с. 13]

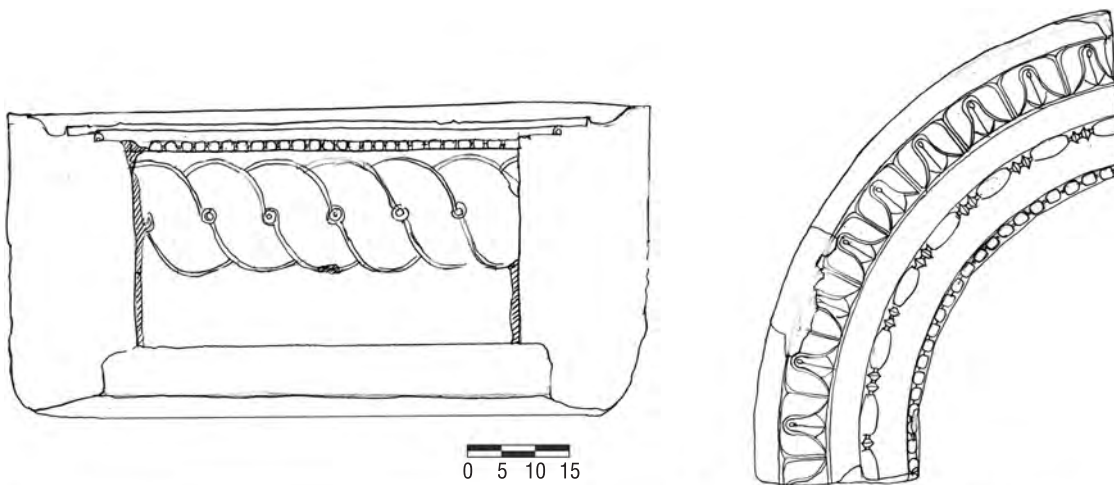
Ил. 4. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Шурф № 1. Расчистка завала архитектурных деталей в подсыпке под конструкцией Соборной площади. Вид с востока

Ил. 5. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Шурф № 1. Южная стенка шурфа (видны остатки наклонного кирпичного цоколя и белокаменные блоки его основания). Вид с севера

Ил. 6. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Шурф № 1. Свайное основание фундамента, сохранившееся в виде затемнения материкового песка. Вид с севера

Ил. 7. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Шурф № 1. Архитектурные детали, выявленные в шурфе: архивольт

пригнаны друг к другу и имеют вынос относительно кирпичной кладки в 1,5 см. Высотная отметка верха блоков – 144,66 м, низа – 144,38 м. Ширина блоков составляет 29, 34, 28 см при равной высоте.

Известняковые блоки цоколя положены на кирпичную кладку мощностью ок. 35 см: 4 полных ряда сильно деструктированного кирпича, нижний (пятый) ряд набран из обломков, гальки. Формат кирпича в этой кладке – 27×6,5; 27×5; 12×6 см, высота 4 рядов равна 28 см. Нижний обломочный ряд уложен на более толстый слой раствора, выравнивающего поверхность верхнего ряда каменных блоков фундамента. Отметим, что при плохой сохранности кирпичной кладки верха фундамента вынос его составляет 25–28 см относительно белокаменных блоков цоколя.

Под кирпичным уровнем зафиксирован бутовый фундамент здания. Мощность его – 3,0 м. Сложен он из блоков различного размера и качества обработки: встречаются камни правильной формы, внешняя грань таких камней тесана, их размеры: 31×35; 33×19; 33×21 см. Больше число тесаных камней встречено в двух нижних рядах кладки, что косвенно может свидетельствовать о вторичном использовании блоков от какой-то разобранной постройки. Нижние два ряда камней утоплены относительно обреза фундамента на 18 см. Подошва фундамента отмечена на абс. высоте 140,98 м. Материковый песок был выбран ещё на 50 см, и в южной стенке были зафиксированы следы свайного основания в виде затемнения рыжего материкового песка древесным тленом (ил. 6). Были прослежены 2 ряда свай: внешний – по отпечаткам оголовков в растворе заливке, второй – в виде тлена. Шаг свай второго ряда – 30–34 см, диаметр – 8 см. Негативы оголовков свай в растворе расположены на расстоянии 12–14 см друг от друга. Диаметр их – также 7–8 см. По отпечаткам видно, что сваи, во-первых, были отпилены в один горизонт и, во-вторых, среди них много колотых вдоль волокон брёвен. Система расположения свай – шахматная, с последовательным смещением рядов.

Для рассматриваемого фундамента характерно, что каменная кладка скрыта в основном за слоем раствора с кирпичным боем, расположенным горизонтами. Такой участок прослежен уже под первым рядом камней. Функция этого «полосатого» слоя до конца не ясна, вероятно его гидроизоляционное назначение или заполнение пространства между бутовой кладкой фундамента и стенкой фундаментной траншеи, не укрепленной, ко всему прочему, опалубкой.

Шурф № 2 расположен в юго-восточном помещении подклета палаты, в его северо-западном углу (ил. 2, 8). В шурфе были зафиксированы фундамент платформы опорного пилона центрального столба палаты и фундамент под внутреннюю стену по линии запад–восток. Исследованные участки можно условно разделить на площадку упомянутой платформы с опорным столбом и собственно фундаменты (ил. 9).

После снятия пола в помещении была расчищена армированная бетонная стяжка мощностью до 12 см. Под полом и слоем супесчаной засыпки, содержащей в себе строительный мусор, на отметках 144,37–144,40 м была расчищена площадка, диагонально связывавшая основания двух внутренних стен в зоне их пересечения. Сторона получаемого в плане треугольника составила: по стене восток–запад – 165 см, по линии север–юг – ок. 200 см (реконструируемый размер). Кроме того, стены в месте пересечения перевязаны со столбом, грани которого были зафиксированы в предыдущих шурфах в аналогичной зоне северо-западного и юго-западного помещений. Размер участка столба в плане – 40×40 см, его кладка, выполненная из того же кирпича, что и кладка стен, имеет перевязку с ними через 2 ряда. Стены внутри подклета сложены в готической системе из кирпича форматом 26×11×7; 27×12,5×7,5; 12×8; 26,5×7 см. При этом толщина горизонтальных растворных швов составляет 8–14 мм, высота 10 рядов равна 87 см. На участке подпольной кладки западной стены была выявлена закладка проёма современным кирпичом на цементном растворе – технологическое отверстие в месте примыкания к ней стенки короба, выполненного в 30-х гг. XX века.

Площадка, находящаяся на уровне с отметками 144,37–144,40 м, набрана из кирпичей форматом 29×13×6; 28×16; 18×12 см, половинок и незначительного числа обломков, уложенных диагонально по отношению к углу, образуемому стенами. Мощность площадки – 2 кирпича. Они уложены на слой известкового раствора, пролитого поверх бутового фундамента. Мощность растворной прослойки – не более 45 мм. Вдоль северной стены прослежен ступенчатый вынос кирпичной кладки, не превышающий 15 см. Расположенные ниже известняковые блоки верхнего ряда фундамента имеют вынос в пределах 8–12 см.

Бутовый фундамент, прослеженный в шурфе 2, имеет мощность 4 м и образован 11 рядами известнякового камня. Отметим, что проследить форму камня в фундаменте было непросто, поскольку грани его были скрыты за известковым раствором, в нескольких местах специально заглаженным при строительстве. Таким образом, между блоками фундамента нет ни швов, ни пазух. Эту технологическую особенность следует подчеркнуть. Тем не менее среди камней, так же как и в шурфе 1, зафиксированы блоки со следами подтёски, более или менее грубой.

На отметке 142,27 м, между 5 и 6 рядами кладки фундамента, зафиксирован останочный шов, заполненный тёмно-серой гумусированной супесью. Наличие такого шва свидетельствует о строительстве фундаментов (нулевого цикла) в два сезона: в первый строительный сезон была подготовлена строительная площадка, вырыты траншеи и котлован, устроено свайное основание и выведены первые пять рядов фундамента. В следующем сезоне кладка была подчищена и пролита первым слоем раствора, после чего строительство было продолжено.

Подошва фундамента платформы под опорный пилон была зафиксирована на абс. отметке 140,56 м, отметка подошвы фундамента внутренней стены выше: 141,84 м. Таким образом, фундамент центрального столба палаты имеет большую глубину заложения. Под подошвой фундамента внутренней стены зафиксированы сваи-коротыши усиления основания в виде как отпечатков в растворе, так и затемнений в песчаном материке. В растворе зафиксированы сваи толщиной в среднем от 6 до 18 см, расположенные на расстоя-

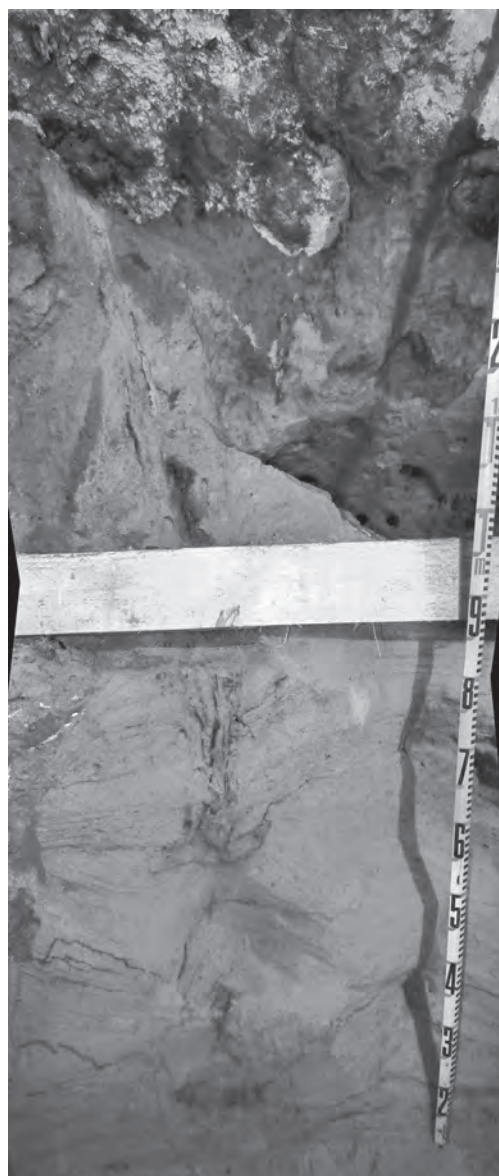
Ил. 9. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Шурф № 2. Вид перед началом работ сверху с юга. Платформа опорного пилона центрального столба парадного яруса Грановитой палаты

нии от 20 до 35 см друг от друга. Остатки одной из свай (ил. 10) были расчищены на всю длину, составившую 140 см при толщине следа 8 см. Свая имеет выраженное отклонение от вертикали (10–15°) в восточном направлении. Кроме того, был зафиксирован характер крепления оголовков свай: пространство между ними заполнено осколками известнякового камня, галькой, и уже поверх этого заполнения сделана проливка раствором.

Под фундаментом платформы столба также были обнаружены следы свайного основания. Были зафиксированы три сваи, отстоящие от обреза фундамента на 16 см. Толщина пятен тлена колеблется от 8 до 10 см, шаг свай – 20–24 см. Подошва в этом месте имеет незначительный уклон в северо-восточном направлении.

Шурф № 3 располагался у восточного фасада Грановитой палаты, в месте примыкания к ней воссозданного в 1994 г. Красного крыльца, то есть в западной стенке предполагалось изучить конструкцию фундамента палаты, в южной – крыльца (ил. 2, 11). Как и в случае с шурфом 1, положение и размер данного шурфа были заданы размером плит мощения в углу между крыльцом и палатой, а также характером мощения. Шурф расположен на расстоянии 80 см от восточной стены палаты и отдалён на 42 см от стенки лестницы крыльца. Размеры его – 129×164 см. Конструкция покрытия Соборной площади в зоне шурфа аналогична прослеженной на участке шурфа у северной стены палаты. Суммарная мощность плит мощения и трёх слоёв цемента и железобетона составила ок. 60 см.

На отметке 144,76 м зафиксирован верх ряда белокаменных квадров высотой 28 см, идентичных по характеру обработки зафиксированным в шурфе 1 (ил. 12). Выяснилось, что бетонная конструкция площади отделена от них тонкой прослойкой песка толщиной 3–4 см. Размеры блоков – 44×28,5×28; 35×28; 25×28×33 см. Блоки тщательно обработаны и пригнаны друг к другу. В западной части стенки прослежен участок стены палаты, на котором блоки утрачены при устройстве фундаментной плиты Красного крыльца. Позади ряда блоков зафиксирована кирпичная кладка тела стены, так же как и в шурфе 1, она сложена тычком. Формат кирпича в кладке – 12×7; 16×6 см. Под квадратной кладкой находится горизонт кирпичной кладки в 2 кирпича (абс. отметка верха – 144,47 м), имеющий вынос относительно камней 26–27 см. Кирпичи сильно разрушены, так как находятся в зоне промерзания. Формат кирпича – 15,5×5,3; 14,5×4,5; 15,5×4; 12×7; 12,5×6; 16×4; 12×5 см. Под ними, с отметки 144,35 м, прослежены 4 ряда известнякового камня различной тщательности обработки. Блоки отделены толстыми прослойками известково-песчаного раствора, мощность их достигает 5 см. На отметке 143,18 м в северной части шурфа был встречен обмазанный цементом свод коллектора, упирающийся в каменную кладку. Кладка и свод были предусмотрительно разделены двумя слоями полиэтиленовой плёнки. В уровне верха коллектора в южной части шурфа была зафиксирована железобетонная плита фундамента крыльца, заведённая в историческую кладку. По плите выполнена кладка из современного красного кирпича формата 24,5×12×6 см на цементном растворе. Сохранившийся угловой известняковый блок фундамента палаты был частично замазан цементным раствором. Железобетонная плита прослежена на высоту 18 см, ниже отметки 143,03 м дальнейшие исследования преградила бетонная плоскость с нанесённой на неё гидроизоляцией (гудрон). Таким образом, ниже данной отметки

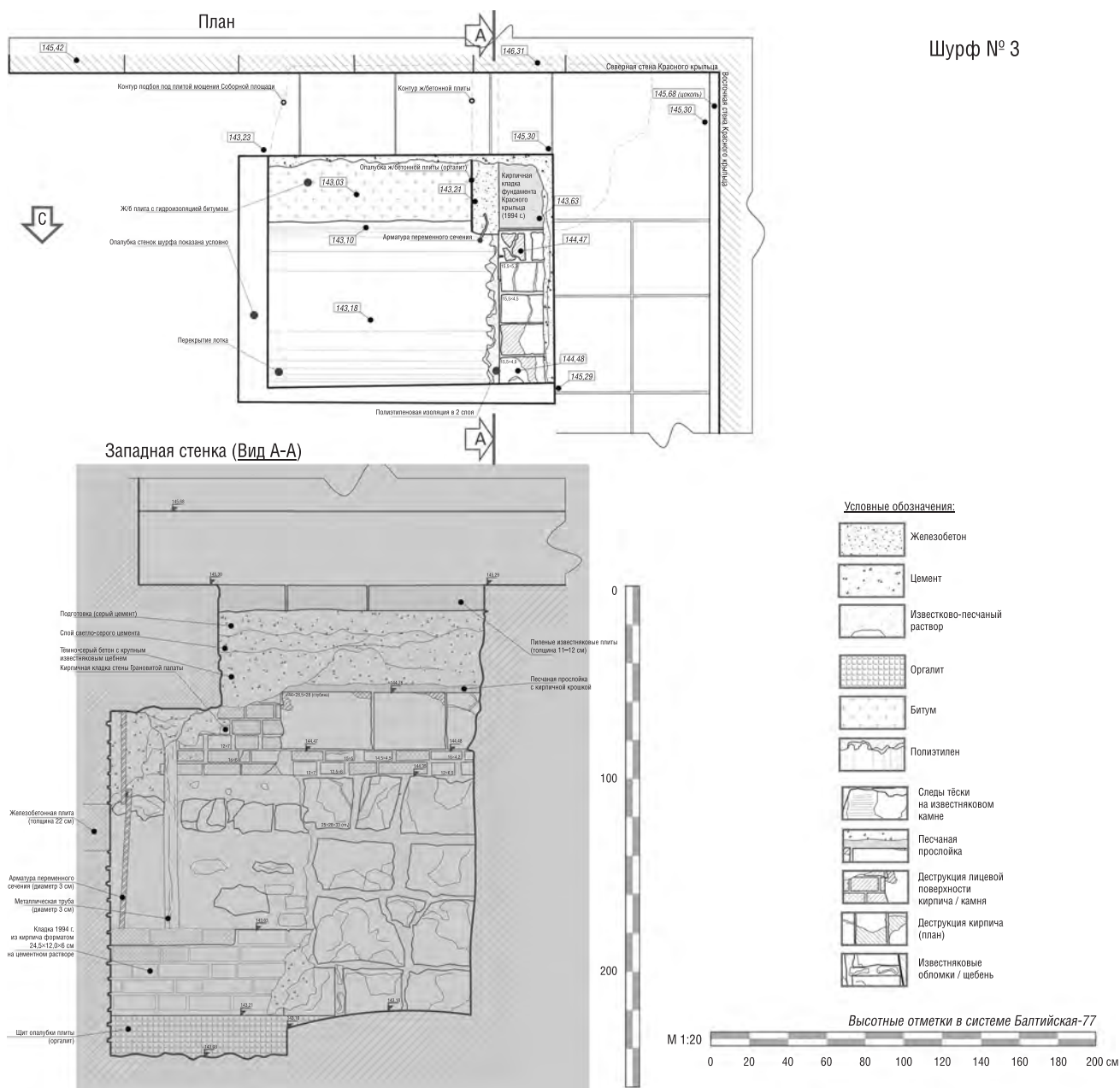

Ил. 10. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Шурф № 2. Подошва фундамента внутренней стены подклета здания по оси запад–восток (видна зачищенная на всю высоту свая основания)

шурф оказался непроходимым. Заполнение шурфа под плитой площади однородно: крупный рыжий песок с мелкой галькой – засыпка при строительстве Красного крыльца, похоронившая под собой поддоны для кирпича, обрывки арматуры и т.п. В южной стенке шурфа зафиксирована современная конструкция Красного крыльца, исторического интереса пока не представляющая.

Шурф № 4 расположен в юго-западном помещении подклета палаты, в углу, образованном основными стенами здания (ил. 2, 13). Размеры шурфа – 100×180 см. На месте шурфа были сконцентрированы коммуникации, помещённые в лоток, под который было подсыпано основание, поэтому с уровня пола помещения (146,15 м) до отметки -100 см первоначальные напластования здесь были уничтожены. Таким образом, к моменту начала работ мы имели конфигурацию стен с выступом кирпичной кладки, образующим полку по линии стен с выносом 27–28 см. Сохранившиеся участки стен, образующие угол, сложены в готической системе перевязки из кирпича форматом 27,5×7,5; 27×7; 20×7; 21,5×7; 26,5×7,5; 11,5×6; 26×7; 12,5×8; 12×7; 14×5 см. Высота 6 рядов – 50,5 см. Выступ-полка сложен из кирпичей форматом 16×7,5; 28×7 см, некоторые из них деструктивированы. Кирпичи положены на слой раствора мощностью ок. 4 см.

Бутовая кладка фундамента прослежена в западной и южной стенках шурфа (ил. 14): 10 рядов известняковых блоков на светло-бежевом известково-песчаном растворе, плотном, с включениями небольшого чис-

Ил. 11. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Шурф № 3

ла кирпичных осколков, зёрнами непрогасившейся извести и угольками. Среди блоков встречаются как использованные вторично, так и грубоколотые новые квадраты. Среди вторичных выделяется блок в южной стенке размерами 18×26 см с остатками штукатурного намета толщиной 2–3 мм. В других частях фундамента встречены блоки правильной формы размерами 24×18 ; 20×30 ; 26×25 см. В угловой зоне блоки слабо перевязаны не более, чем на 15 см, отмечены пустоты, незаполненные кладкой или раствором.

В зоне перевязки некоторые из камней специально подтѣсаны, чтобы вместить в угол бутовой кладки вертикальный деревянный брус сечением 10×10 см, отпечатки граней которого сохранились на растворе. В уровне с отметкой 143,04 м в углу фундамента была расчищена кладка из известняковых обломков на растворе, крепившая основание бруса по мере засыпки траншеи. Брус предназначался для разметки кирпичной площадки толщиной в 2 кирпича поверх каменного фундамента.

Траншея, в которую велась кладка фундамента, “читается” вдоль обреза каменной кладки с отступом в 10–15 см. В виде древесного тлена были зафиксированы доски крепления стенки траншеи вдоль западной трассы фундамента. На растворе кладки в ряде случаев отмечены отпечатки деревянных деталей опалуб-

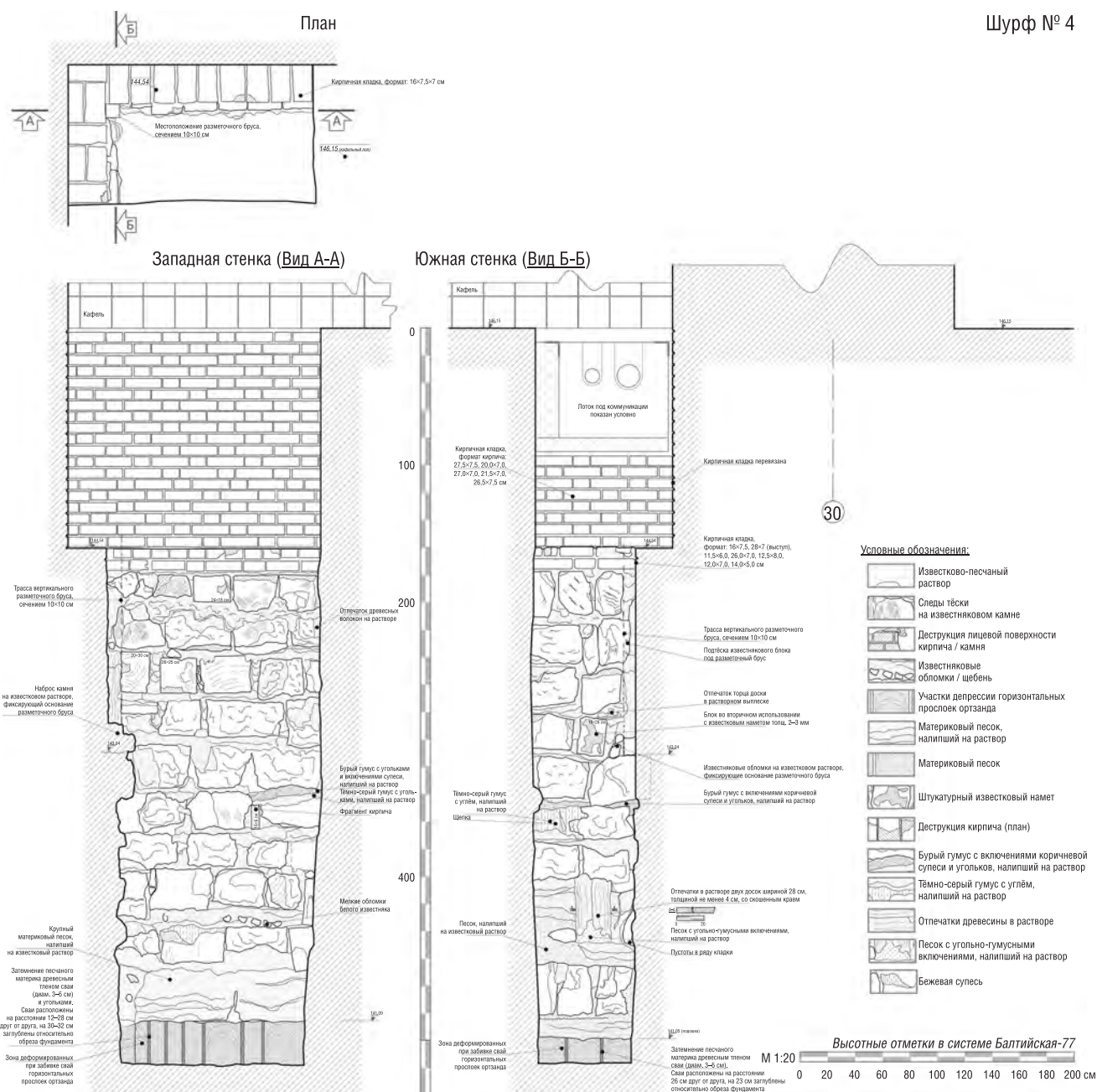
Ил. 12. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Шурф № 3.
Западная стенка шурфа, общий вид (зафиксированы нижний ряд белокаменного цоколя
восточного фасада палаты и четыре ряда каменной кладки фундамента)

ки: на западной стенке – отпечаток волокон в уровне второго ряда камней; на южной – отпечаток торца доски (крепления стенки западной траншеи), в нижнем уровне фундамента – следы двух досок, плашмя приложенных к кладке.

В отличие от фундамента под центральным столбом стенки рассматриваемых фундаментов сложены более небрежно: раствор часто не заполняет пазух и швов, вытекая в пространство траншеи, пазухи часто заполнены обломочным материалом (известняковые осколки и обломки кирпича). Встречены швы, пустые на глубину 10–13 см. Раствором скрыты лишь нижние ряды кладки, расположенные ближе к подошве. На раствор налип крупнозернистый материковый песок, смешанный с бурым глинистым грунтом и тёмно-серым гумусом.

Подошва фундамента прослежена на отметках в пределах 141,05–141,09 м. Песчаное основание фундамента под обеими подошвами укреплено сваями-коротышами. Под фундаментом южной стены (ил. 14) отмечены следы двух свай в виде затемнения материкового песка диаметром 3–5 см, расположенные на расстоянии 26 см друг о друга. Сваи заглублены относительно обреза фундамента на 23 см. Под западной стеной зафиксированы следы 6 свай диаметром 12 см, расположенных с шагом 12–28 см. Относительно обреза фундамента они смещены на 30–32 см. В обоих случаях характерны депрессии песчаного основания при забивании свай, выразившиеся в деформации залегающих горизонтально тёмных тонких прослоек ожелезнённого песка.

В результате археологических работ по шурфам были выявлены технические и технологические характеристики фундаментов внутренних стен и внутренней стороны внешней стены здания. Фундамент опорного столба здания, его платформа квадратного в плане очертания делит внутреннее пространство подклета на 4 равные зоны. Глубина его заложения превосходит глубину подошвы фундаментов внутренних стен на 130 см. Под подошвой в виде тлена и рыхлого песчаного заполнения зафиксированы следы свай, уплотняющих на срок строительства грунт основания. Сваи имели толщину 10–15 см при длине 130–140 см и были набиты в дно траншеи с шагом ок. 15–20 см.

Ил. 13. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Шурф № 4

Фундамент выполнен из известняковых блоков различной тщательности обработки, встречены блоки вторичного использования, в том числе со штукатурным раствором на поверхности. Кладочные известково-песчаные растворы в обоих шурфах сохранили прочность и целостность. Кладка и обработка швов фундамента центрального столба и примыкающих стен более тщательна, швы затёрты. Иначе выглядит кладка внутренней версты наружной западной стены – вертикальные швы в ней часто пустые или заполнены обломочным материалом.

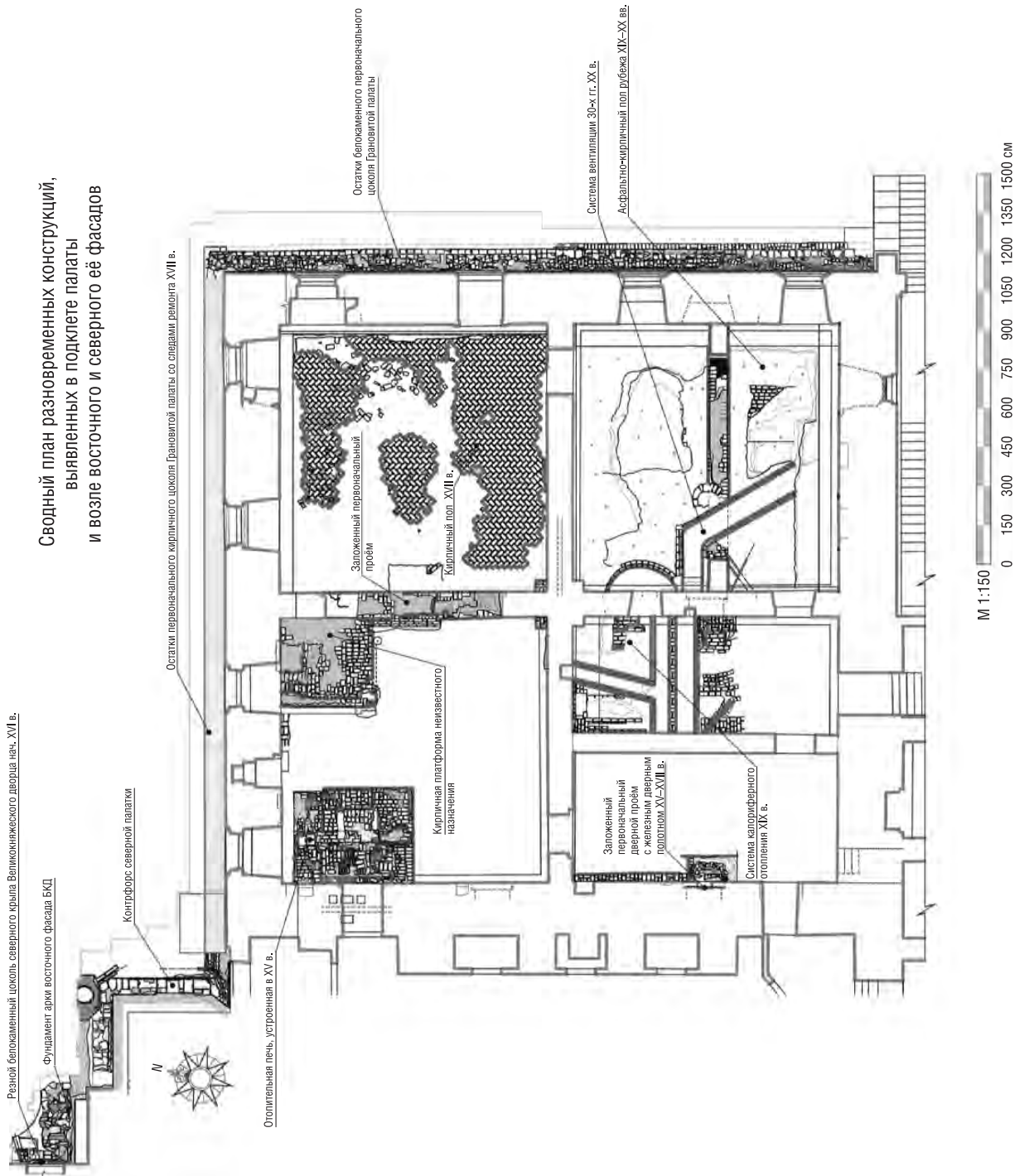
К технологическим характеристикам фундаментов, прослеженным изнутри, следует отнести остановочные швы, свидетельствующие о возведении фундамента в два сезона, а также отпечаток от разметочного бруса сечением 10×10 см, закреплённого вертикально в месте перевязки фундаментных лент под южной и западной стенами. Стенки фундаментных траншей были укреплены при помощи опалубки, следы которой зафиксированы в шурфе 4.

Ил. 14. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Шурф № 4.
Панорамный вид южной стенки шурфа и фундамента южной стены палаты

По верху каменного фундамента расположен ряд кирпичной кладки, выполненный из так называемого русского кирпича, имеющего размеры примерно $5-5,5 \times 16-17 \times 27-28$ см. Этот ряд прослеживается, судя по всему, на всей площади верхнего обреза фундамента внутри и снаружи здания (ил. 9, 16) и размечался при помощи вертикальных брусьев, аналогичных встреченному в четвёртом шурфе. Полка, образуемая кирпичной кладкой, имеет мощность от двух до пяти рядов и вынос 28 см (1 кирпич).

С фасадной стороны поверх этого разметочного ряда установлен ряд очень гладко отёсанных белокаменных блоков, служащий основанием наклонному цоколю здания (ил. 5, 15, 16). На восточном парадном фасаде выше этого основания начинается ряд известняковых блоков с наклонной лицевой поверхностью (ил. 17, 18), а на северном – из лекального кирпича со скосом (ил. 19, 20). В интерьере же подклета от это-

Сводный план разновременных конструкций, выявленных в подклете палаты и возле восточного и северного её фасадов

Ил. 15. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата.
 Сводный план разновременных конструкций, выявленных в подклете палаты и возле восточного и северного её фасадов

го разметочного ряда начинается кирпичная кладка стен, выполненная из брускового кирпича размерами 7–7,5×12,5–13,5×27 см (высота десяти рядов с десятью швами – 85–88 см). В кладке арки над печью использован большемерный кирпич форматом 7,5–8,5×14–15×29–30 см.

Археологические исследования внутри помещений подклета палаты (ил. 15) были связаны со следующими ремонтно-реставрационными мероприятиями: понижением уровня грунтовой подсыпки в помещениях подклета, в ходе которого были выявлены разновременные полы (ил. 21), устраивавшиеся в течение XVII–XX вв., отопительные конструкции и печи, датирующиеся XV–XIX вв. (ил. 15, 22, 23, 24), системы вентиляции (ил. 15), относящиеся к XIX в. и 1930-м годам и т.д.; устройством свайного основания под балки пола помещений подклета, при наблюдении за которым была собрана значительная коллекция печных изразцов, попавших в грунтовую подсыпку подклета; устройством отсечных траншей вдоль внутреннего периметра стен помещений подклета с целью предотвращения увлажнения исторических стен.

Все эти работы велись в пределах привнесённого в подклет грунта подсыпки, имеющей мощность до 170 см. Верх этого слоя соответствует уровню верха песчаной подсыпки, выполненной при устройстве бетонной стяжки в 1990-х гг., низ её определён уровнем верхнего обреза фундамента палаты и уровнем кирпичного горизонта, на котором велась разбивка плана стен здания. Этому уровню соответствует также вынос кирпичного верха фундамента, зафиксированный во всех помещениях.

Кроме того, были обнаружены кирпичная платформа не известного пока назначения в северо-восточном углу северо-западной палаты подклета (ил. 15, 25) и скрытая за кирпичной закладкой дверь в стене, разделяющей подклет сеной и юго-западное помещение подклета (ил. 15, 26).

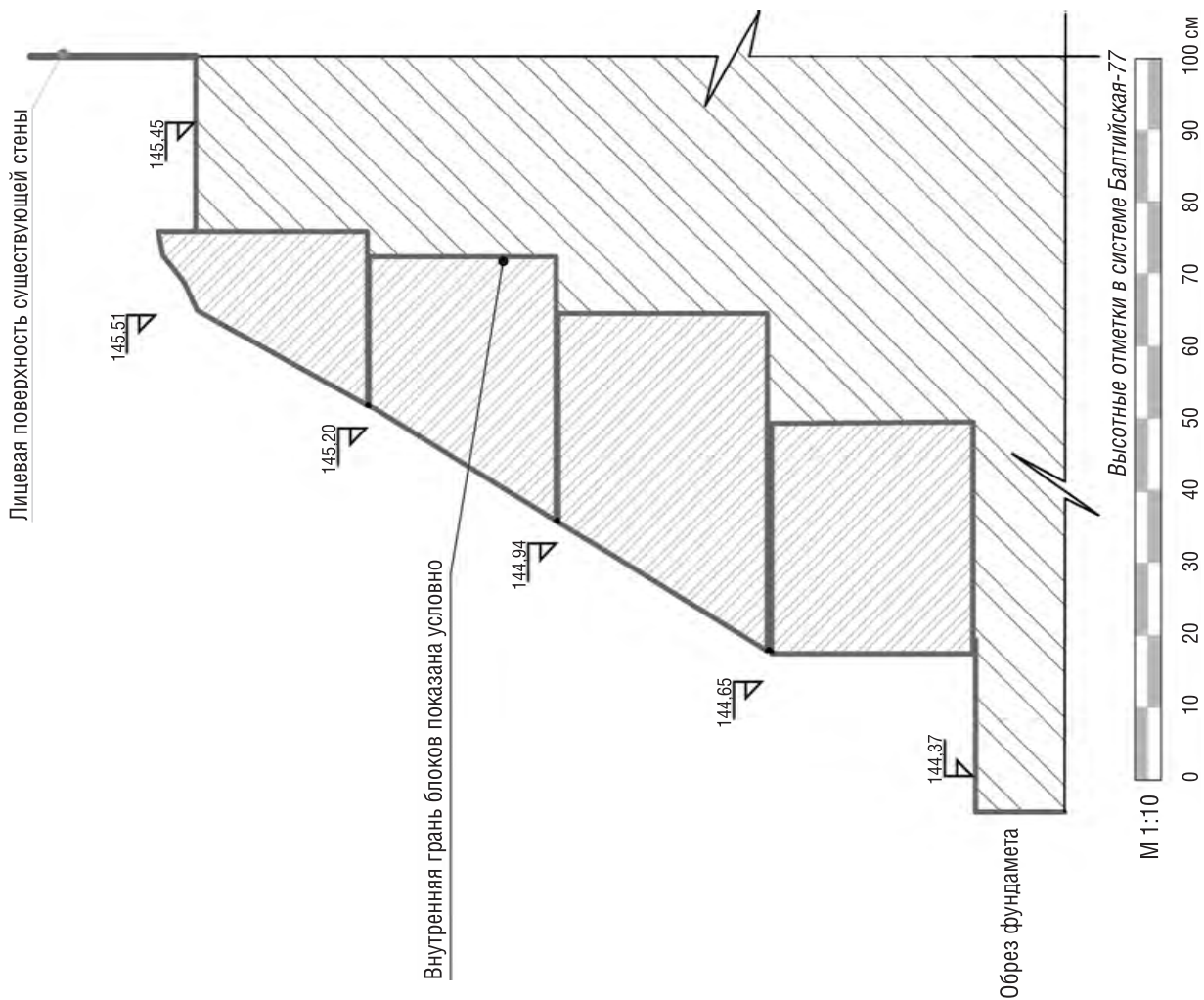
В ходе наружных работ, кроме упомянутых выше белокаменного и кирпичного цоколей, были выявлены следующие элементы: разновременные фундаменты восточных крылец (90-х гг. XX в., начала XX в. и более ранние конструкции). На северном фасаде – фундамент контрфорса вокруг квадратной северо-вос-

Ил. 16. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Участок белокаменного цоколя вдоль восточного фасада палаты. Общий вид с юга

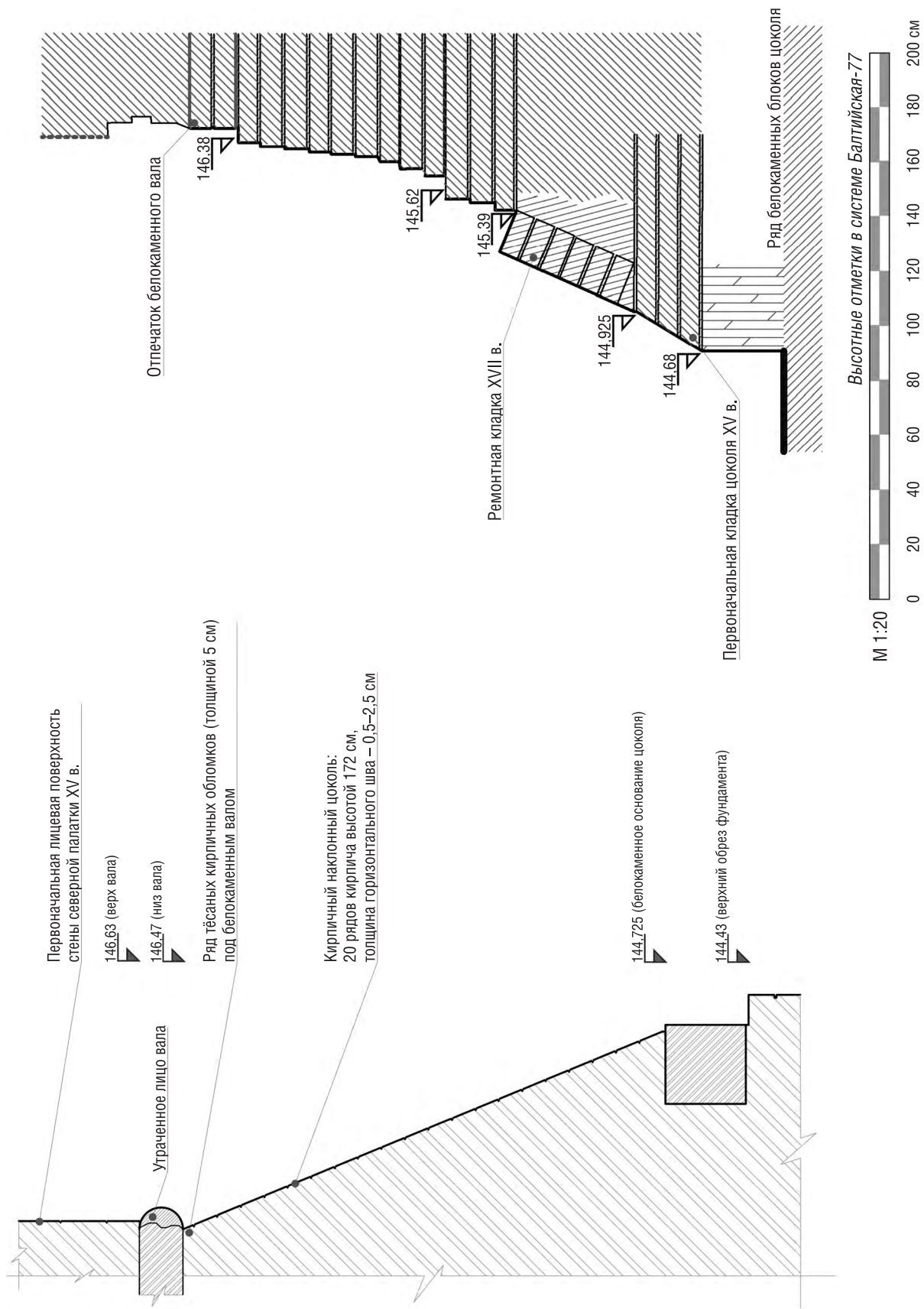
Ил. 17. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Восточный фасад палаты. Белокаменный цоколь, сохранившийся под восточным крыльцом. Вид в процессе расчистки с юга из траншеи

Ил. 18. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Восточный фасад палаты. Сечение по сохранившимся в северной части блокам цоколя

Ил. 19. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Граншея вдоль северного фасада здания. Общий вид с запада (видно состояние кирпичного цоколя северного фасада и его ремонты XVII в.)

Ил. 20. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата, Северный фасад палаты. Сечения по сохранившимся участкам первоначального кирпичного цоколя

Ил. 21. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата.
Кирпичный пол XVII в. на площади северо-восточного помещения подклета.
На заднем плане – заложённый дверной проём между северной парой помещений. Вид с востока

Ил. 22. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата.
Остатки отопительной печи XV в. в северо-западном помещении подклета. Вид с юга

Ил. 23. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Остатки отопительной печи XV в. в северо-западном помещении подклета (видны фрагменты надпечной арки в западной стене). Вид с востока

Ил. 24. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Остатки калориферной системы, устроенной в XIX в. на участке юго-западного помещения подклета. Вид с запада

Ил. 25. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Кирпичная платформа неизвестного назначения в северо-восточном углу северо-западного помещения подклета. Вид с запада

Ил. 26. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Дверной проём в западной стене юго-западного помещения подклета, сохранившееся в закладке дверное полотно, XV-XVII вв. Вид с востока

Ил. 27. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Траншея вдоль северного фасада здания. Участок возле арки XVII в. и восточного фасада северного корпуса Теремного дворца. Общий вид сверху с востока, после раскрытия фундамента арки

Ил. 28. Москва, Московский Кремль, Грановитая палата. Траншея вдоль северного фасада здания. Участок возле арки XVII в. и восточного фасада северного корпуса Большого Кремлёвского дворца. Общий вид белокаменного цоколя нач. XVI в. северного корпуса дворца

точной палатки, выполненный в XVII в. из вторично использованных блоков, в том числе и элементов цоколя палаты (ил. 15); фундамент арки перед восточным фасадом северного корпуса Большого Кремлёвского дворца (ил. 15, 27); первоначальный белокаменный цоколь начала XVI в. восточного фасада северного корпуса дворца (ил. 15, 28). При земляных работах вдоль фасадов палаты была собрана большая коллекция белокаменных деталей, относящихся к декору как фасадов Грановитой палаты, так и более поздних построек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Техническое заключение о состоянии конструкций здания и грунтов Грановитой палаты с Красным крыльцом комплекса Большого Кремлевского дворца на территории Московского Кремля / С.Г. Майоров, А.К. Терентьев, Ю.П. Крылов, А.П. Куданкин, А.В. Знаменский. ГУП «Мосгоргеотрест». М., 2008.
2. Панова Т.Д. Отчет об археологических наблюдениях на территории Московского Кремля в 1993 году. М., 1993 // Архив ИА РАН. Р-1. № 17960.
3. Флоря Б.Н. Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля // Материалы и исследования / Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 3. М., 1980.
4. Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века. М., 2008.
5. Подъяпольский С.С. О книге Э. Ло Гатто. Послесловие через полвека // Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы. М., 2006.
6. Подъяпольский С.С. Московский Кремлевский дворец в XVI веке по данным письменных источников // Русское искусство позднего Средневековья: XVI век. СПб., 2003. (Древнерусское искусство. Т. 23)
7. Панова Т.Д. Раскопки 1959–1960 гг. в Московском Кремле. Открытия, сделанные спустя полвека // Древности Пскова: Археология, история, архитектура. Вып. 2. Псков, 2011.
8. Новые данные о Кремлевском дворце рубежа XV–XVI вв. / С.С. Подъяпольский, Г.С. Евдокимов, Е.И. Рузаева, А.Б. Яганов, Д.Е. Яковлев // Русское искусство позднего Средневековья: XVI век. СПб., 2003. (Древнерусское искусство. Т. 23)

9. Баталов А., Беляев Л. Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010.
10. Кондратьев И.И. Исследования Боровицкого холма Москвы // Памятники материальной культуры IV тысячелетия до нашей эры – первой половины I тысячелетия нашей эры. М., 2010. (Каталог собрания Государственного Историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Археологическое собрание)
11. Киселев И.А. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальным характеристикам / Министерство культуры РФСР; Объединение «Росреставрация». М., 1990.
12. Киселев И.А. Архитектурные детали в русском зодчестве XVIII–XIX веков: Справочник архитектора-реставратора. М., 2005.

*Институт истории материальной культуры РАН;
НИИ «Спецпроектреставрация»,
Санкт-Петербург*

*Санкт-Петербургский государственный академический институт
живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина,
Санкт-Петербург*

A.A. Lipatov, D.S. Tuganova

**FACETED CHAMBER OF THE MOSCOW KREMLIN ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL
RESEARCHES OF 2010–2011**

Summary

Archaeological researches in Faceted chamber of the Moscow Kremlin were conducted in the course of restoration repair work during 2010–2011. The first stage of works was connected with engineering researches of the foundation of the building. 4 sondages outside of and in the building were executed. At the second stage rooms of a basement (podklet) of chamber and external perimeter of walls were affected. Internal works were connected with lowering of the level of soil filling up the rooms of a basement. During these works there were discovered the floors of different times which were arranged within the XVII–XX centuries, heating designs and furnaces, dated from XV–XIX centuries, the systems of ventilation relating to XIX century and to the 1930th years, etc. were revealed. By the engineering of the pile basis under beams of a floor of rooms of a basement the considerable collection of the oven tiles which got to soil adding a basement was collected. Outside, on eastern and northern facades, the remains of a white stone and brick socle of chamber, and also a site of a white stone socle of the northern case of the Teremnoy palace of the beginning of the XVI century were found.

*A.A. Lipatov
Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences,
18, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 191065,
Russia
Scientific-Research Institute
«Spetsprojektrestavratsiya»,
Flat 15, blok 2, house 89, Severniy Av., Saint-Petersburg, 195252,
Russia
E-mail: alex-lipatov@mail.ru*

*D.S. Tuganova
The Saint-Petersburg State Academic Institute of Painting,
Sculptures and Architecture of I.E. Repin,
17, Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034,
Russia
E-mail: daniy.tuganova@mail.ru*

А.Н. Смирнов

ЗАГОРОДНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ Б.Ф. ГОДУНОВА В СЕЛЕ ВЯЗЁМЫ КАК ПАМЯТНИК АРХЕОЛОГИИ

Подмосковная усадьба Вязёмы, находящаяся на территории Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина, служит ярким примером сложного синтеза архитектуры и археологии. Пространственно-планировочная структура усадьбы складывалась на протяжении нескольких столетий. Её современный облик является итогом длительного процесса развития ландшафтной и архитектурной среды, которое, в свою очередь, связано с эволюцией дорожной сети и поселенческих комплексов.

Данный памятник за столетия своей насыщенной истории прошёл несколько этапов развития: село, загородная боярская, а затем царская резиденция, классическая дворянская усадьба. При этом на характер усадебного комплекса не могло не повлиять его местоположение. Имеется в виду, что благодаря Можайской дороге Вязёмы с самого момента возникновения оказываются включены в структуру междугородних и межгосударственных связей. Неслучайно наиболее ранние сведения об усадьбе мы черпаем из записок иностранцев.

Усадьба Вязёмы представляет несомненную историко-культурную ценность прежде всего как архитектурный ансамбль, включающий памятники различных периодов. Но наиболее ранние следы вязёмской истории оказались стёрты хозяйственной деятельностью последующих поколений. Составить представление о прошлом усадьбы, в том числе о «доусадебном» этапе существования поселения, помогают данные археологии. Поэтому в настоящий момент всё более уместным становится вопрос об охране усадьбы как памятника археологического наследия (селище Большие Вязёмы 1). Исследования последних лет со всей очевидностью показали, что мы имеем дело с весьма насыщенным археологическим контекстом, без учёта которого невозможно адекватно судить об истории данного места. В первую очередь это касается годуновского периода, когда было положено начало усадебной планировке, отчасти сохраняющейся до настоящего времени. Её ключевыми элементами стали пруд с плотиной, проходящая через плотину Можайская дорога, Троицкая церковь со звонницей, принявшая на себя функцию главной архитектурной доминанты усадьбы, а также, возможно, внешняя ограда дворцового комплекса, которая до начала XX в. фиксировалась в виде вала. Однако по понятным причинам до нас не дошли деревянные строения, составлявшие функциональную основу дворцового комплекса и, прежде всего, самого дворца. Исследовать эти недостающие, но во многом определяющие детали усадебной застройки необходимо, поскольку без них невозможно представить резиденцию Годунова.

Замечательным является тот факт, что интерес к исторической планировке усадьбы возник очень рано. Об этом свидетельствуют записки Герарда Миллера, который посетил Вязёмы в 1778 г. и первым пытался визуально определить место расположения годуновского дворца. В начале XX в. этот же вопрос волновал известного исследователя дворянских усадеб П.С. Шереметева. Спустя столетие задачу локализации дворцового места наконец-то удалось поставить в практическую плоскость. Это было сопряжено с поиском следов дворца, а также с выяснением обстоятельств его появления, функционирования и гибели.

Весь комплекс поставленных задач предполагал проведение полномасштабных археологических исследований, что оказалось возможным с началом реконструкции архитектурного ансамбля бывшего Конного двора. Территория, занимаемая с XVIII в. Конным двором (до настоящего момента в сильно перестроенном виде сохранились три сооружения: часть главного здания конюшен и два флигеля), судя по всему, является древнейшей частью усадьбы. Она примыкает к Преображенской церкви, некогда составлявшей единое целое с годуновским дворцом, так что юго-западный портал храма ориентирован непосредственно на здание конюшен.

Именно на место Конного двора помещает дворец П.С. Шереметев: «Можно предположить, что дворец Годунова находился не там, где теперь дом, а где находится конюшня. Основанием к такому предположению о месте дворца служит то, что дворец должен был находиться со стороны входа в церковь, или, вернее, вход в церковь был со стороны дворца, – как обыкновенно строились дворцовые церкви, иногда даже с переходами между собой» [1, с. 8]. Помимо соображений топографического характера исследователь опирается на данные письменных источников, в первую очередь – Писцовых книг. Этими же данными руководствуется Г. Миллер: «Дворовое место царя Бориса Годунова по примечанию видится... по тогдашней обширности

его места был где ныне житницы и луг что доказывает что оно за отделением под кладбища отошло под государево гумно десятина без четверти» [2, с. 184]. По прошествии более чем двух столетий очень трудно понять, что имел в виду историк, и привязать указанное им место к современной топографической ситуации. Если место упомянутых житниц совпадает с «хлебным двором» XIX в., то подобное расположение для дворца сомнительно, в первую очередь из-за слишком большой (около 200 м) удалённости от церкви. Наиболее надёжными ориентирами могли бы послужить церковь и конюшни, но упоминания о них у Миллера отсутствуют.

Охранные археологические работы осуществлялись на площадке перед главным зданием Конного двора, примыкающей с севера к церковной ограде. К началу работ в 2006 г. эта территория представляла собой пустырь, ранее использовавшийся под огороды местными жителями. Первоначально исследованию подверглись два участка, разноудалённые от церкви Преображения, для чего были заложены раскоп площадью 40 кв. м (раскоп 1) и шурф площадью 16 кв. м (шурф 1), находящиеся соответственно в 60 и 88 м к югу от храма (рис. 1). Оба места раскопок отстояли примерно на равное расстояние от главного здания Конного двора и кромки воды в пруду, образованном р. Вязёмкой (20 и 65 м на восток соответственно).

На обоих участках исследования показали наличие многослойных культурных напластований мощностью до 1,5 м от уровня современной дневной поверхности. Однако характер выявленных напластований различен. В раскопе они были образованы завалами строительного мусора (битого кирпича, камня, извести, штукатурки, древесной щепы, стекла), а также слоями перемешанного и перемещённого грунта, отложившимися в процессе строительства, существования и разрушения одной из несохранившихся построек Конного двора (XVIII–XIX вв.). Очевидно, в результате проводившегося здесь строительства все более ранние слои оказались уничтожены. Стратиграфия шурфа, напротив, достаточно хорошо выражена, что свидетельствует об отсутствии здесь интенсивной строительной деятельности. В наиболее упрощённом виде её можно представить как череду сравнительно чистых и морфологически однородных слоёв. Под задернованной огородной почвой залегал слой коричневого суглинка с битым кирпичом и керамикой XVIII–XIX вв. Ниже шла прослойка жёлтого песка мощностью до 15 см, а ещё ниже – слой серого суглинка, насыщенный углём и керамикой XIV–XVI вв. Самый нижний слой лежит на материке, представляющем собой светлый подзолистый суглинок.

Ни на одном из исследованных участков не были выявлены остатки сооружений, непосредственно связанных с комплексом годовуновского дворца. Однако, несмотря на это, удалось сделать любопытные находки и наблюдения, относящиеся к интересующей нас проблеме. Прежде всего, в нижних перемешанных слоях раскопа обнаружены фрагменты терракотовых рельефных печных изразцов, относящиеся ко времени существования дворцового комплекса. Среди найденных фрагментов – несколько осколков лицевых пластин (рис. 2: 5, 6), обломок перемычки (рис. 2: 7) и осколки коробчатых румп. Кроме того, на том же вязёмском раскопе в одном слое с изразцами обнаружен перстень из медного сплава с изображением человеческой фигуры на щитке (рис. 7: 3).

Большая часть фрагментов изразцов была собрана с площади 6–8 кв. м, что может указывать на некое локальное скопление, очевидно переложённое. Некоторые фрагменты собираются из более мелких частей. Имеются чёткие аналоги двум обнаруженным изразцам. Так, крупный фрагмент лицевой пластины со стилизованной растительной композицией в обрамлении рамки шириной около 2 см (рис. 2: 6) практически идентичен изразцу, происходящему с территории Тушинского лагеря Лжедмитрия II [3, рис. 36, с. 32 (комментарий)]. Изразцовая перемычка также принадлежит к известному типу (рис. 2: 7). Фрагменты схожих по виду перемычек были обнаружены С.З. Черновым в ходе исследования остатков Шавыкиной пустыни на р. Дубне. Судя по общему историко-археологическому контексту, время появления терракотовых изразцов на данном памятнике тяготеет к рубежу XVI–XVII вв. [4, с. 143, рис. 10: 37, 29, 60ж].

Работы в шурфе позволили выявить чёткую границу между напластованиями XVIII–XX вв. и более ранними слоями. Эта граница обозначена вышеупомянутой прослойкой жёлтого песка, которая, по всей видимости, является результатом целенаправленной нивелировки поверхности. В ходе последующих наблюдений за прокладкой инженерных коммуникаций аналогичная прослойка была выявлена практически на всей ранее не потревоженной территории Конного двора.

В 2007 г. исследования продолжились и сосредоточились на участке, непосредственно примыкающем к стене главного здания Конного двора. Наблюдения за проводившимися здесь земляными работами показали хорошую сохранность культурных напластований. В их нижней части выделялись слои тёмного углистого суглинка и обожжённой глины, содержащие керамический материал XVI в., а также большое количество горелого дерева. По результатам наблюдений вдоль части фасада реконструируемого здания был разбит раскоп площадью 84 кв. м (раскоп 2, участки А, Б) (рис. 1).

После снятия накопившегося строительного мусора и позднего техногенного балласта с помощью землеройной техники началась последовательная разборка залегающих ниже слоёв. Работа велась горизонтальными пластами по 20 см. Первый, второй и местами часть третьего пласта пришлись на культурные отложения, связанные с периодом существования голицынской усадьбы (XVIII – нач. XX в.). Здесь был собран обильный керамический материал соответствующего времени, а также обнаружено значительное количество индивидуальных находок. Ниже описанных слоёв залегала уже упомянутая прослойка жёлтого песка, покрывавшая до 70 % всей площади раскопа. Наличие данной прослойки позволило довольно уверенно отделить слои «голицынского» периода от находящихся под ними средневековых напластований. В ряде случаев линза жёлтого песка служила надёжным основанием для датирования ранних материковых ям.

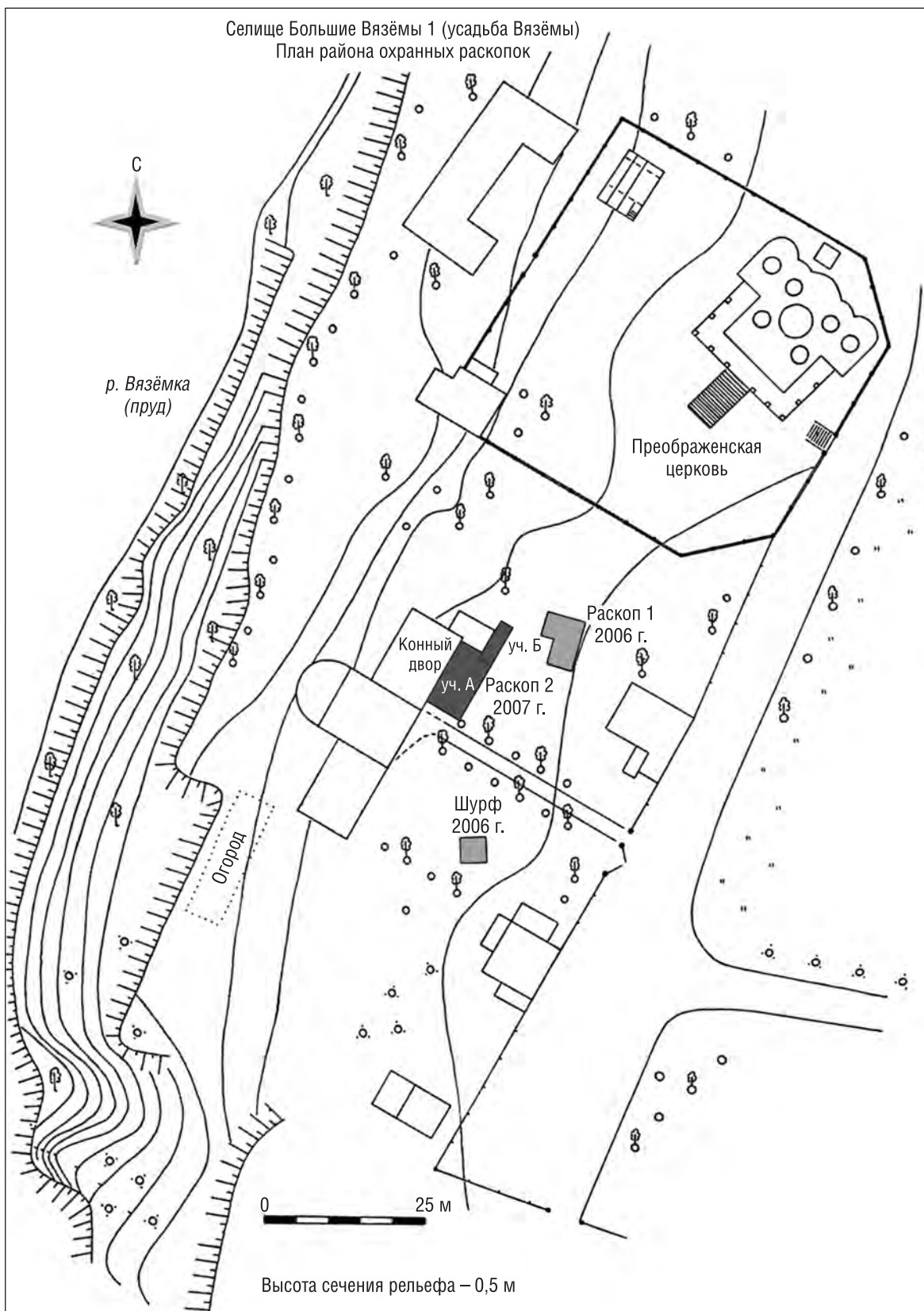

Рис. 1. Селище Большие Вязёмы 1. План места проведения охранных раскопок 2006–2007 гг.

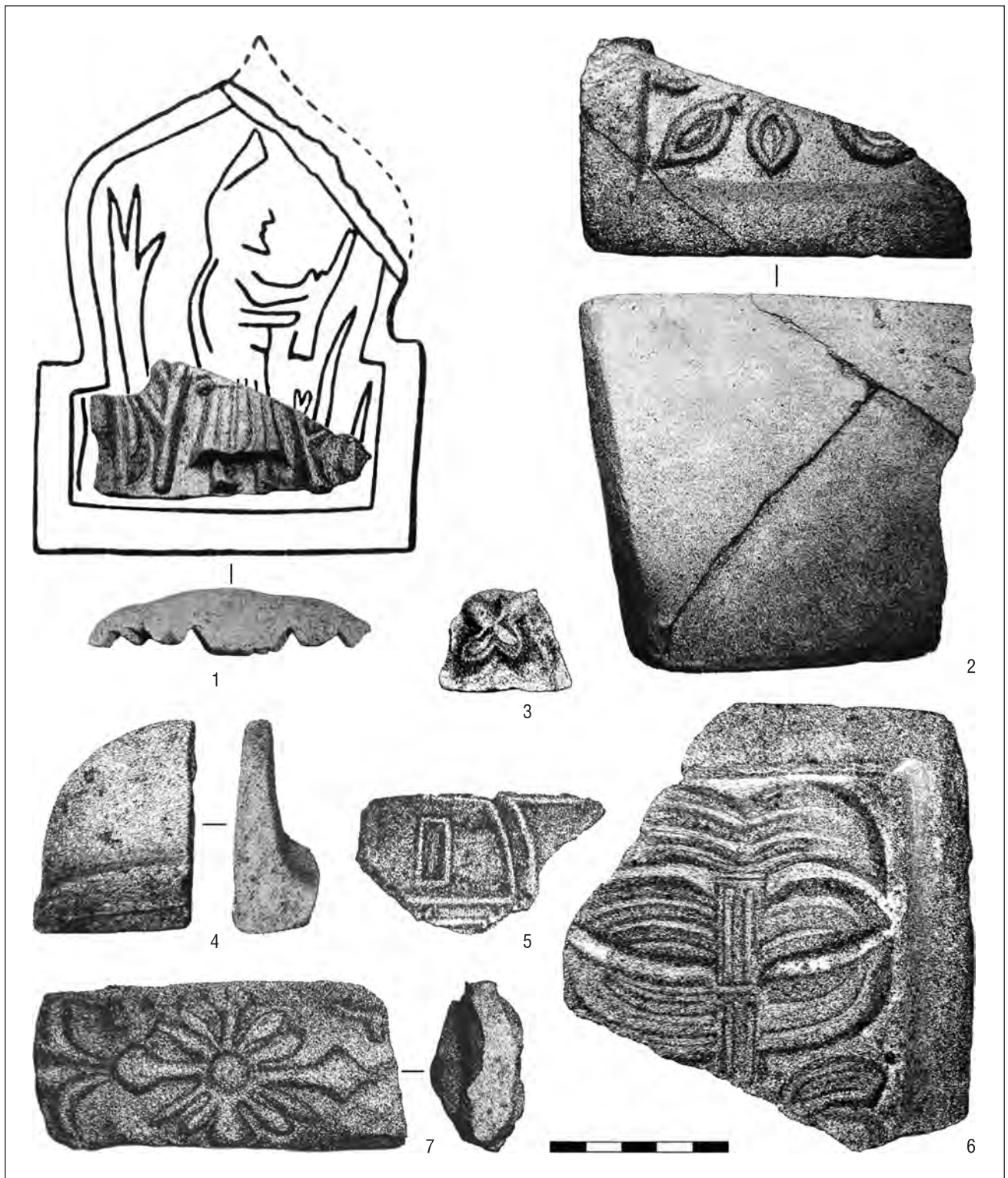

Рис. 2. Селище Большие Вязёмы 1. Печные терракотовые изразцы, обнаруженные в ходе раскопок:
1–4 – раскоп 2 (2007 г.); 5–7 – раскоп 1 (2006 г.)

Рис. 3. Селище Большие Вязёмы 1. Частично расчищенный слой пожарища на раскопе 2 (2007 г.)

Под песчаной прослойкой по всей площади раскопа (за исключением двух крайних северных квадратов) зафиксированы следы пожара. Они представлены несколькими слоями, объединяющимися в единый горизонт («пожарный горизонт» или «горизонт разрушения»). Сразу под песком залегал слой тёмно-серого углистого суглинка. Ниже находился мощный (до 17 см) слой обожжённой глины оранжевого, а местами серо-коричневого цвета с включением кусков обугленного дерева (рис. 3). В массе рыхлой глиняной крошки встречены куски глиняной обмазки с отпечатками деревянной поверхности на одной из сторон. Глина перекрывала вымостку или настил из обугленных деревянных плах. Все плахи являлись частями единой конструкции, ориентированной на северо-восток. В пользу того, что на момент пожара дерево лежало на земле, свидетельствует его неполная обугленность с нижней стороны. Общая площадь настила составляет около 25 кв. м. За его пределами выявлен слой сгоревшего *in situ* хвороста мощностью около 10 см, залегавший непосредственно под песчаной прослойкой. Упомянутый слой частично перекрывал крупную материковую яму, нарушенную многочисленными поздними перекопами (яма 32). Заполнение ямы, состоявшее в основном из серого суглинка, содержало керамический материал XV–XVI вв. В северной части раскопа, отделённой от основной площади фундаментом несохранившегося здания, «пожарные» слои оказались перемещёнными. Они представляли собой засыпку, видимо, возникшую в ходе устранения последствий пожара. Слои пожара присутствуют в заполнении нескольких крупных столбовых ям. Судя по стратиграфическим признакам, сами эти ямы конструктивно связаны с погибшей в огне постройкой.

Самый нижний «допожарный» культурный слой, залегающий непосредственно на материке и подстилающий горизонт пожарища, представлен серым суглинком с вкраплениями угля. Он насыщен керамикой и костями домашних животных. Слой перекрывает несколько заглублённых в материк канавок от заборов и оснований деревянных построек.

Керамический материал, обнаруженный в слоях «пожарного горизонта», заметно отличается от того, что был собран ниже. В нём содержится в значительной доле столовая посуда, представленная фрагментами белоглиняных и краснолощёных кувшинов, а также чернолощёной керамикой различных посудных типов. Максимальное количество столовой посуды (до 10 % общей массы) содержится в слое тёмно-серого углистого суглинка, перекрывающем пятно обожжённой глины. Другой разновидностью массового материала, «маркирующего» слой пожарища, являются кованые гвозди. Их количество не слишком велико, но всё же ощутимо, особенно в уже упомянутом слое тёмно-серого углистого суглинка.

Нижний слой содержит керамический материал, преимущественно относящийся к XIV–XV вв. (рис. 4). Здесь также отмечены отдельные фрагменты чернолощёных (рис. 4: 9) и краснолощёных сосудов, но основ-

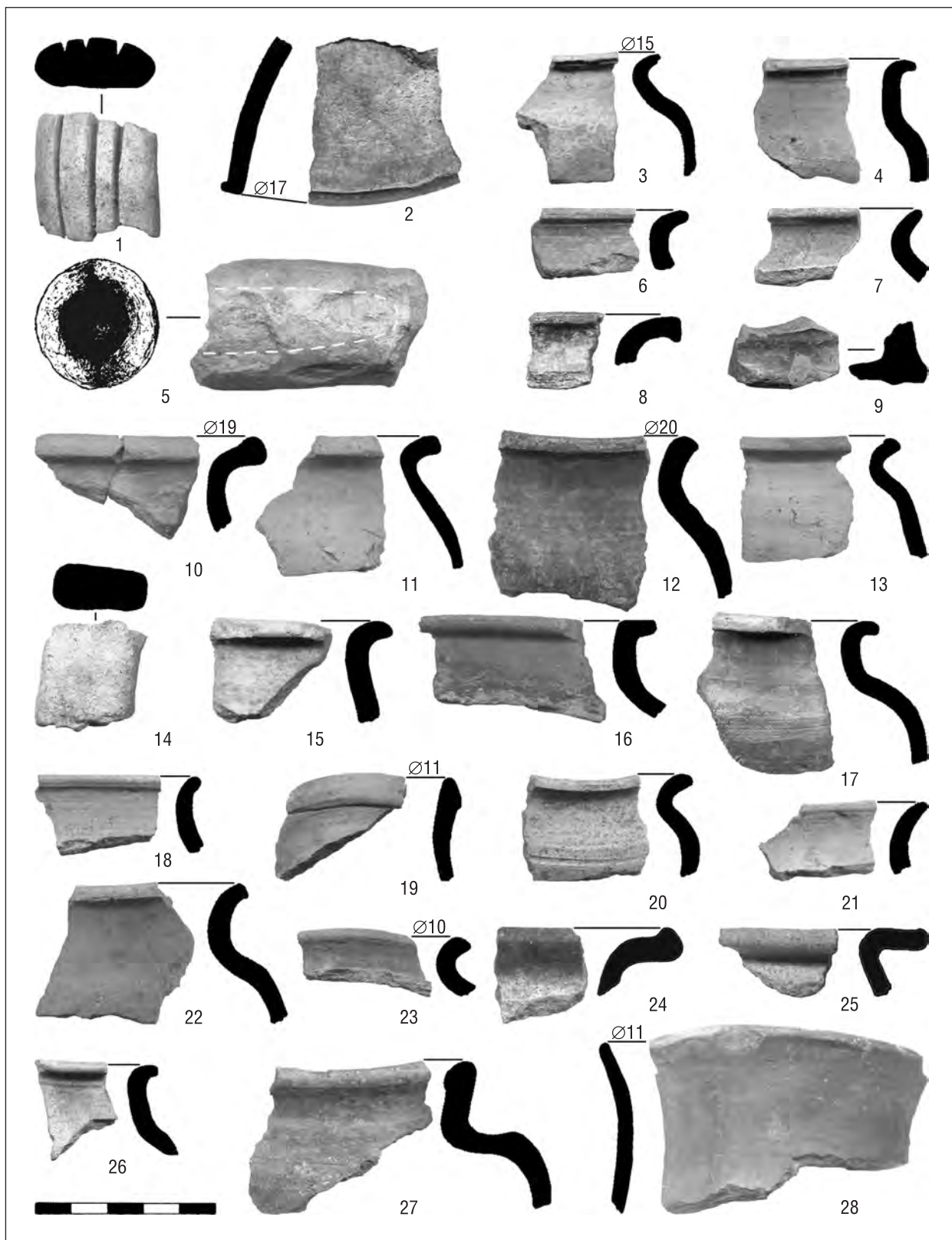

Рис. 4. Селище Большие Вязёмы 1. Раскоп 2. Керамика из ранних, «допожарных», слоёв:
1–27 – из слоя серого суглинка; 28 – из ямы 32

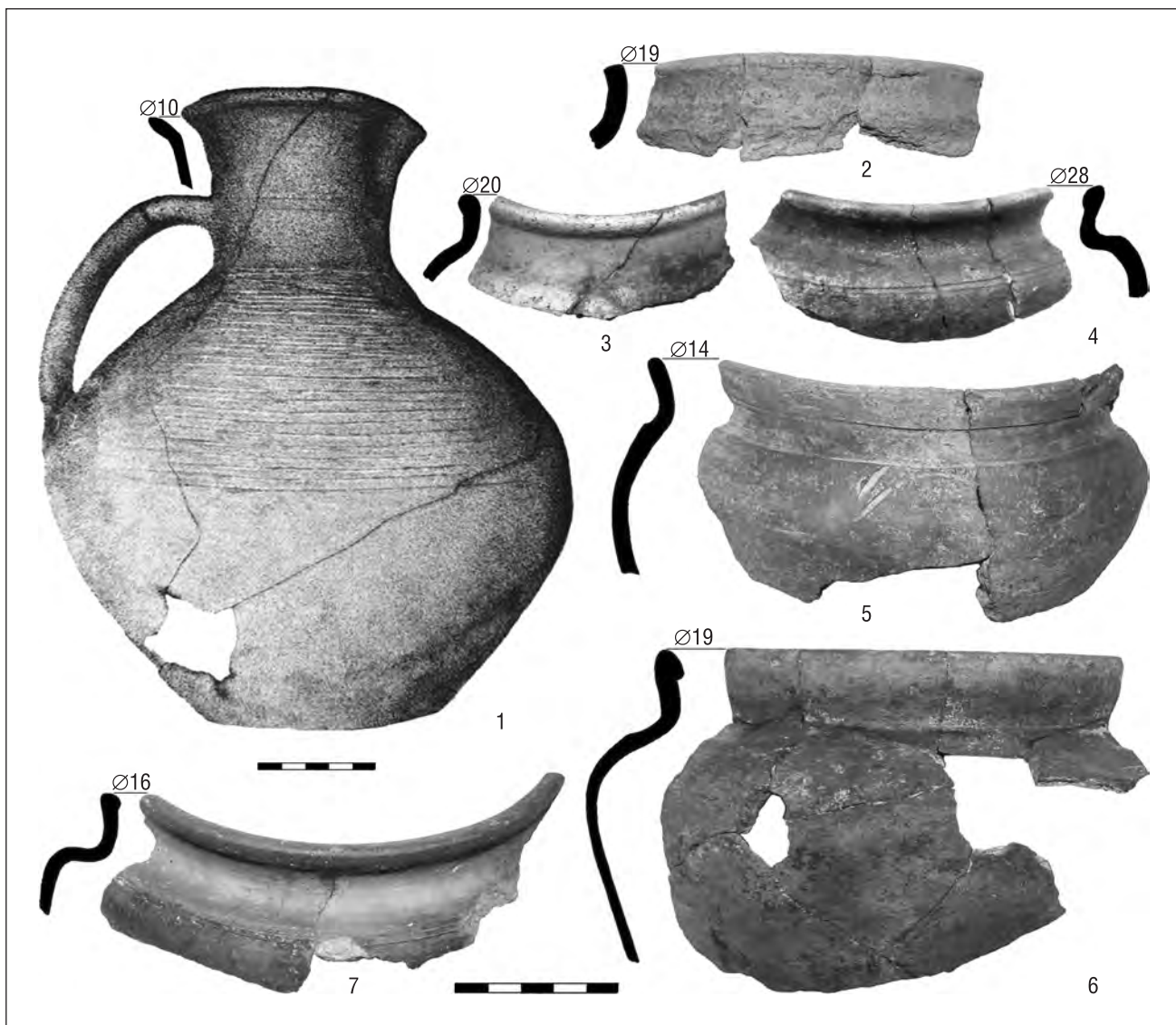

Рис. 5. Селище Большие Вязёмы 1. Керамика:

1 – кувшин, обнаруженный в ходе наблюдений 2004 г. на дне рва;
 2–7 – верхние части сосудов из материалов раскопок 2007 г. (раскоп 2)

ная масса керамики представлена горшками с коричневым, светло-коричневым или серым цветом черепка, с примесью песка и дресвы в тесте и с характерной профилировкой венчика. Плавно отогнутые наружу края сосудов срезаны или скруглены по внутренней стороне, так что приострѐнная внешняя кромка приобретает форму «бородки» (рис. 4: 8, 11, 12, 22). Типичны пологие плечики, отходящие от сравнительно высокой шейки без плавного изгиба, иногда даже с образованием слабовыраженного ребра (рис. 4: 3, 4, 17, 22, 26; 5: 5). Некоторая часть горшков орнаментирована небрежно прочерченной по шейке «волной» (рис. 4: 10, 16; 5: 5). Подобная керамика находит близкие аналоги в материалах раскопок селища Захарово-1 в Истринском районе [5, с. 253, рис. 12: 1, 5; с. 254, рис. 13: 3]. Помимо горшков определяются кувшины, крышки, мискообразные сосуды и ручки сковородок (рис. 4: 1, 2, 5, 14). Все перечисленные типы по технологическим приѐмам и материалу изготовления близки к вышеописанным горшкам. Единичные фрагменты венчиков по своей форме и тесту могут быть отнесены к более раннему периоду. Их морфология соответствует, скорее, посуде XII–XIII вв. (рис. 4: 24, 25). Некоторая часть керамического материала собрана за пределами «пожарного горизонта» или перекрытого им слоя серого суглинка. Она наиболее разнородна по своему составу и не поддаѐтся чѐткой хронологической привязке.

Имеет смысл более подробно рассмотреть керамический материал, происходящий из горизонта пожара и связанных с ним переотложенных слоѐв (рис. 6). Основную его массу составляет красноглиняная кухон-

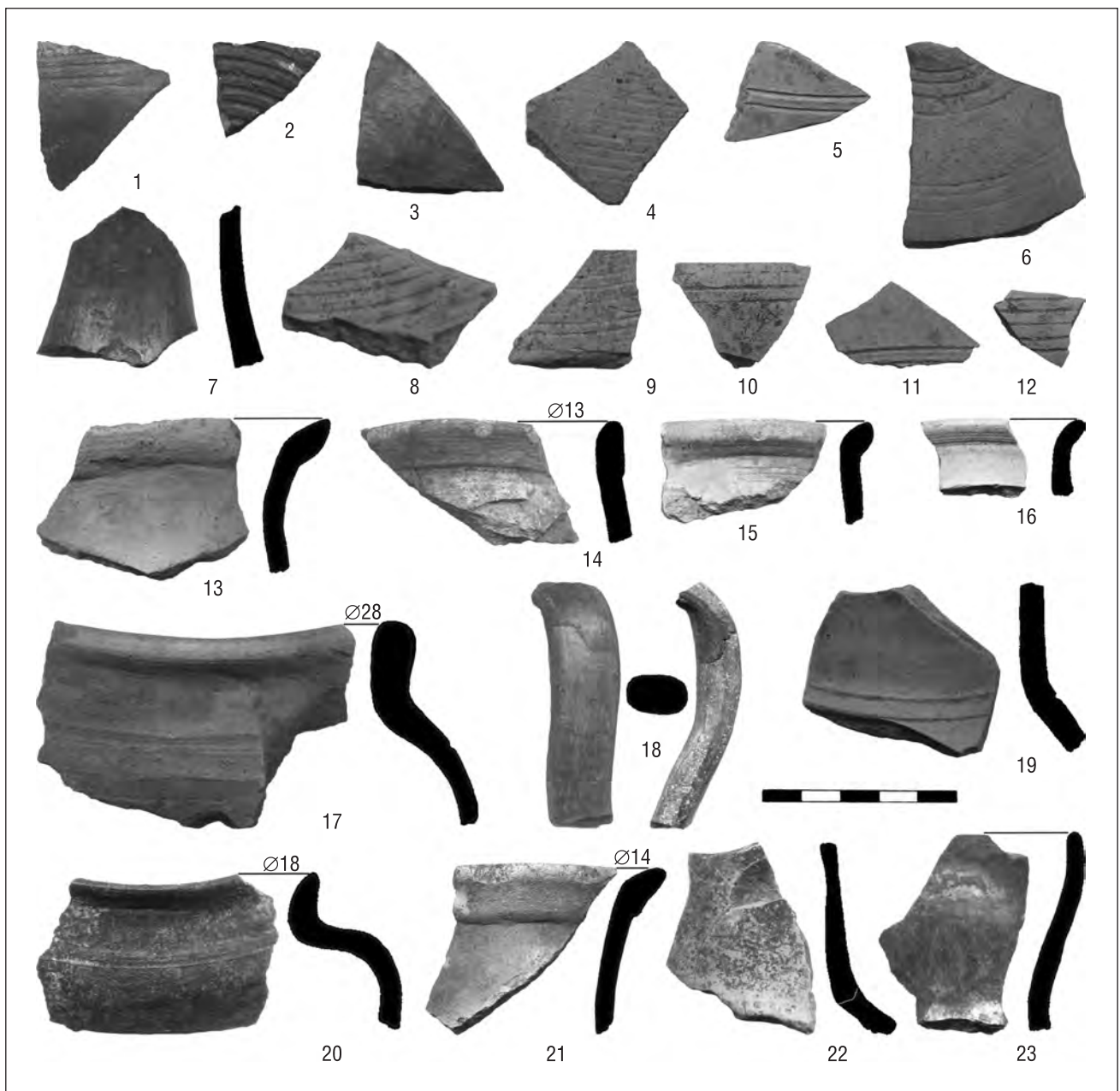

Рис. 6. Селище Большие Вязёмы 1. Раскоп 2. Керамика из слоёв, составляющих горизонт пожара

ная посуда. Большая часть сосудов характеризуется примесью песка, а иногда и дресвы в составе формовочной массы. Типичны скруглённые или приострённые венчики со слегка отогнутой наружу или прямо поставленной шейкой без дополнительного оформления края. Шейка, как правило, короткая, в ряде случаев настолько, что краевая часть сосуда непосредственно переходит в плечико (рис. 6: 20). Плечики в большинстве случаев пологие, хотя встречаются и более крутые, характерные для московских красноглиняных гладких горшков, традиционно датируемых 2-й пол. XV–1-й пол. XVI в. Орнаментация данных сосудов ограничивается несколькими горизонтальными линиями по плечу либо вовсе отсутствует. Подобная форма венчиков, как наиболее простая, имела очень широкое распространение. В качестве примера можно упомянуть материалы раскопок селища Дмитровское-2 в Красногорском районе Московской области [6, с. 239, рис. 8: 1–4; с. 240, рис. 11: 7–9]. Сосуды с венчиками соответствующей формы датируются здесь в пределах XV в., хотя нельзя исключать, что такая же или очень похожая керамика могла изготавливаться в региональных производственных центрах и позднее.

В составе керамического материала из «пожарного горизонта» и связанных с ним слоёв присутствует значительное количество (в слое тёмно-серого углистого суглинка – до 40 %) керамики, имеющей характерную слоисто-песчанистую, рыхлую на вид текстуру черепка. Большая часть упомянутой керамики изготовлена из слабожелезистых глин с естественной (иногда очень заметной) примесью мелкодисперсной слюды и вкраплениями зёрен гематита. Цвет черепка после обжига варьирует от густо-розового до почти белого. Данная керамика, очевидно, является продукцией западноподмосковных производственных центров, хотя точное место её изготовления по-прежнему остаётся неизвестным. Она встречается практически на всех позднесредневековых памятниках в округе Вязём, но везде представлена лишь одним типом сосудов – горшками различных размеров. Помимо специфической формовочной массы эти горшки выделяются характерной морфологией, в которой можно видеть довольно грубое подражание московской красноглиняной посуде кон. XV–XVI в. (так называемой красной гладкой). Верхние части сосудов отличаются вертикальным или отогнутым наружу венчиком «скруглённых» очертаний, шейка очень короткая, плечики, как правило, крутые, орнаментированные несколькими витками горизонтальных линий. Вместе с тем встречаются сосуды со слабовыраженными пологими плечиками (рис. 6: 17). Насколько можно судить по имеющимся данным, описанная керамика появляется в XVI в. и продолжает существовать в последующее столетие, возможно, отчасти компенсируя дефицит привозной белоглиняной посуды. Очевидно, прочность керамической традиции обеспечивалась простотой изготовления при постоянно устойчивом спросе на кухонную посуду, которой, по сути, ограничивался ассортимент «песчанистой» керамики. Ареал её охватывает части территорий современных Одинцовского, Истринского и Красногорского районов Московской области. В частности, аналогичная посуда отмечена среди материалов селища Захарово-1 в Истринском районе [5, с. 260, рис. 16: 1, 3].

Помимо этого в слоях «пожарного горизонта» встречены фрагменты сосудов, по своей форме наиболее приближённых к типу московской красноглиняной «гладкой» керамики. Они имеют вертикальные или слегка отогнутые наружу венчики, черновой край которых завернут вовнутрь и оформлен в виде валика, что придаёт всему венчику подтреугольное сечение. Плечики у таких сосудов крутые, образуют прямой угол с шейкой и несут полосы линейного орнамента. Основное отличие от керамики московского производства состоит в качестве формовочной массы, насыщенной довольно крупным песком, а также в невысоком качестве обжига и общей небрежности изготовления. Под такое описание подпадает венчик, обнаруженный в линзе углистого слоя среди обожжённой глины (рис. 5: 4). К продукции московских гончаров может быть отнесён сосуд, венчик которого найден в «допожарном» слое серо-коричневого суглинка, залегающем непосредственно на материке. Он отличается равномерным обжигом и формовочной массой без существенных примесей, дающей гладкую поверхность, имеет тёмно-красный цвет черепка, аккуратный линейный орнамент, нанесённый на плечики, а также выразительную профилировку верхней части с довольно резким перегибом от плечиков к тулову (рис. 5: 7). Подобная керамика, относящаяся к наиболее развитому (и позднему) типу «красной гладкой» посуды, датируется в пределах 1-й пол. – сер. XVI в. Характерными признаками «красной гладкой» посуды обладает ещё один крупный фрагмент, происходящий из заполнения ямы 32 (рис. 5: 6). Однако на его немосковское происхождение указывают худшее качество обжига, неплотная текстура черепка и своеобразный сиреневатый цвет поверхности. Также обращают на себя внимание пологие плечики сосуда.

Группу белоглиняной керамики составляют почти исключительно фрагменты сосудов с заметной примесью песка в формовочной массе (МБК (московская белоглиняная керамика) 1 или «белая грубая»). Объём такой керамики невелик и в целом не превышает 7 % общего количества керамических фрагментов, собранных в каждом из слоёв «пожарного горизонта». Основная масса представлена плохо определимыми частями стенок, их естественный цвет варьирует от ярко-белого и желтоватого до грязно-серого. Все венчики относятся к белоглиняным кувшинам хорошо известных типов (рис. 6: 13, 21). Очевидно, кувшину принадлежала и часть тонкой стенки чистого белого цвета с нанесённой на внешнюю поверхность пологой «волной», происходящая из слоя прокалённого суглинка. При отсутствии выраженных керамических комплексов нет возможности для узких датировок. Таким образом, всю группу можно отнести к XVI в. Несколько особняком стоит венчик белоглиняного кувшина, изготовленного из практически однородной формовочной массы без видимых примесей. Упомянутый венчик почти не профилирован и не имеет наклона, едва обозначен широкий бортик по внешнему краю сосуда (рис. 6: 14). Другие фрагменты, подпадающие под определение «белой гладкой» керамики, в непо потревоженных слоях «пожарного горизонта» не встречены.

Некоторая часть белоглиняной керамики имеет несколько необычный облик. Например, в слое сгоревшего хвороста собраны крупные фрагменты стенок и донца на песчаной подсыпке, отличающиеся характером формовочной массы от типичных образцов. Помимо значительной примеси песка, в тесте, видимо, присутствовали органические включения, при выгорании которых на поверхности сосуда образовались многочисленные каверны (иногда довольно крупные). Другой фрагмент белоглиняного горшка, относящийся к «допожарному» заполнению ямы 32, обликом и формовочной массой соответствует качеству «белой грубой» керамики, он демонстрирует широко распространённый тип венчика, часто встречающийся у сосудов данной категории (рис. 5: 3).

Иные типы столовой посуды представлены красно- и чернолощёной керамикой, при этом бросается в глаза полное отсутствие ангобированной. Интерес вызывают фрагменты красноглиняных лощёных кувшинов, собранные в слоях «пожарного горизонта». Они имеют плотное тесто, обжиг – высокого качества, внешняя поверхность, как правило, покрыта мелким рифлением (рис. 6: 4–6, 8–12, 19, 22). Некоторые экземп-

Рис. 7. Селище Большие Вязёмы 1. Индивидуальные находки:
1, 2, 4–7 – раскоп 2 (2007 г.); 3 – раскоп 1 (2006 г.)

ляры принадлежат столь же высококачественным сосудам с лощением в виде косой сетки. По определению В.Ю. Ковалю, подобные кувшины относятся к посл. трети XVI в. Место их производства остаётся невыясненным, но, скорее всего, это продукция керамических мастерских, находившихся в одном из городских центров на западе Московского государства. В качестве наиболее вероятного места производства называется Можайск¹. Очевидно, именно такой кувшин был собран из развала, обнаруженного в ходе наблюдений 2004 г. за прокладкой инженерных коммуникаций по территории усадьбы. Развал находился на дне прорезанной канализационной траншеей позднесредневекового рва, предварительно отождествляемого с оградой годуновской усадьбы (рис. 5: 1).

Также встречены венчики красноглиняных кувшинов менее качественного изготовления, в том числе имеющие заметную примесь песка в тесте (рис. 6: 15, 16). Обнаруженные в тех же слоях фрагменты чернолощёной керамики изготовлены преимущественно из красногущейся глины и тщательно залощены по всей поверхности (рис. 6: 1–3, 7, 23).

Итак, общая маловыразительность керамического материала при отсутствии полноценных археологических комплексов не даёт достаточных оснований для датировки «пожарных» слоёв и тем более для социальной атрибуции погибшей усадьбы. «Керамический портрет» всего горизонта оказывается слишком «размытым», а по большому счёту просто не складывается. Вместе с тем фактами остаются сравнительно высокие показатели присутствия столовой посуды, а равным образом и наличие в непо потревоженных слоях пожараща некоторых категорий керамики, получающих широкое распространение не ранее конца XVI в. (фрагменты красноглиняных лощёных кувшинов «можайского» типа).

Среди индивидуальных находок, обнаруженных прямо над слоем пожараща, следует отметить игральную кость из плотного рога (рис. 7: 5), обломок полой керамической ангобированной игрушки (лошадки ?) (рис. 8: 7) и фрагмент стенки сосуда с надписью, прочерченной до обжига (рис. 8: 10). Последняя находка наиболее любопытна. Фрагмент, относящийся к довольно крупному, по-видимому, тарному сосуду, имеет коричневый цвет поверхности и характеризуется равномерным обжигом при толщине черепка 7 мм. В тесте имеется примесь песка. По шероховатой лицевой поверхности нанесена двустрочная надпись. Отчётливо читаются четыре буквы: «i», «c» в верхней строке и «n», «d» – в нижней. Впрочем, сочетание двух первых знаков может быть прочитано и как «к».

Коллекция терракотовых печных изразцов пополнилась несколькими фрагментами. Три обломка лицевых пластин и обломок румпы, предположительно принадлежащей «городку», обнаружены в слоях XVIII–XIX вв., куда они попали вместе с перемещённым грунтом (рис. 2: 1, 3, 4). Изображение на одной из пластин находит близкий аналог среди материалов Р.Л. Розенфельда [7, табл. 22: 18], по нему найденный фрагмент определяется как часть изразцового «городка» (рис. 2: 1). Ещё один обломок румпы встречен в нестериль-

¹ Пользуясь случаем, хочу выразить признательность В.Ю. Ковалю за помощь в атрибуции керамики.

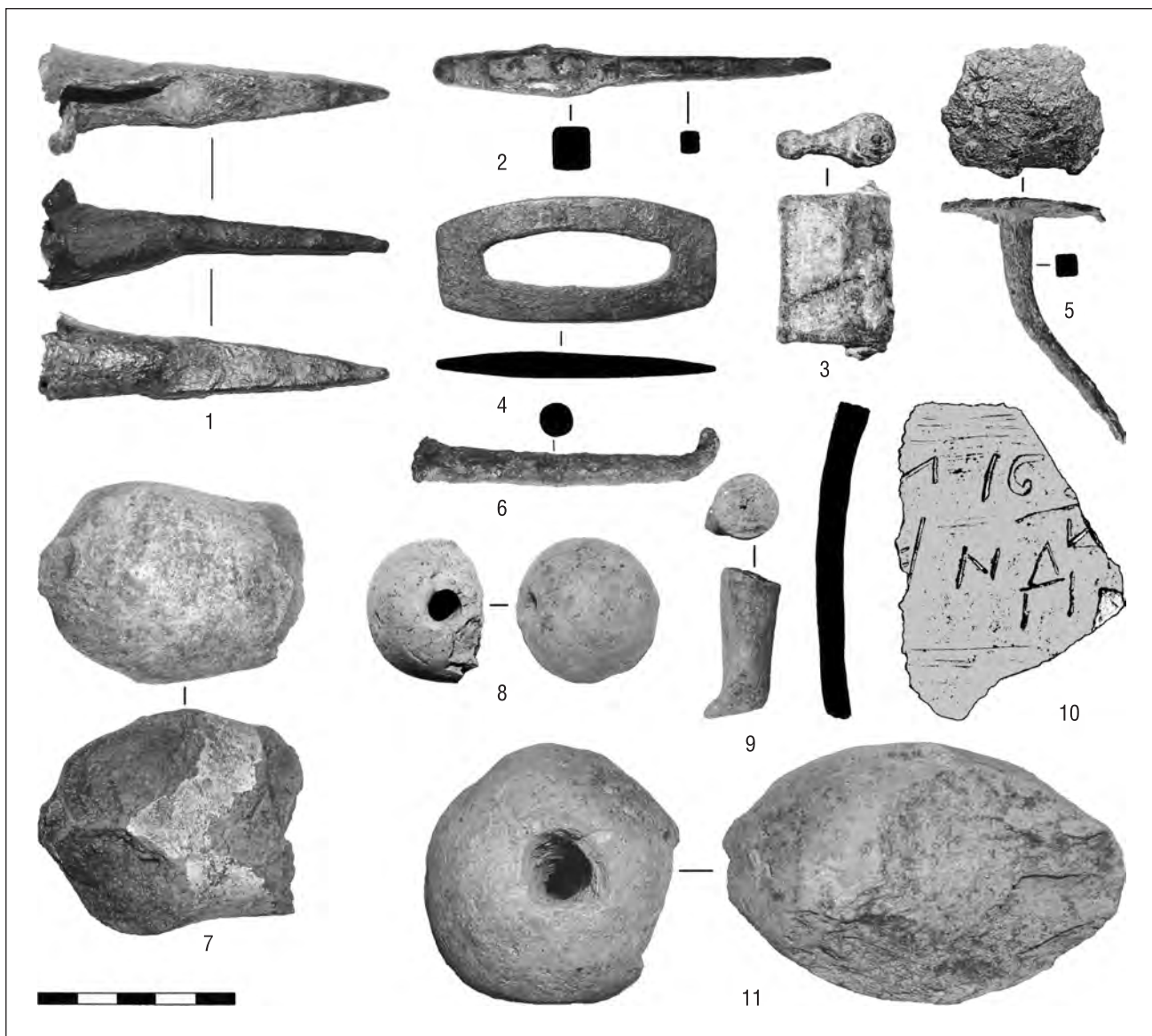

Рис. 8. Селище Большие Вязёмы 1. Индивидуальные находки из раскопа 2 (2007 г.)

ном слое серо-коричневого суглинка. Наконеч, крупный фрагмент (край пластины с полностью сохранившейся стенкой коробчатой румпы) был собран и склеен из нескольких более мелких частей, обнаруженных в яме (рис. 2: 2). Эта углублённая в материк яма, изначально, надо полагать, довольно крупная, оказалась перебита фундаментом поздней кирпичной постройки и в раскоп вошла лишь краем. Выявленная в заполнении линза обожжённой глины позволяет отнести углубление к допожарному времени. Здесь же встречаются обломки кирпичей толщиной 5,5–6 см (определим только один размер), не встречающиеся в более поздних слоях. Характер залегания изразцовых фрагментов свидетельствует в пользу того, что целое изделие использовалось незадолго до пожара.

В подстилающем «пожарный горизонт» слое серого суглинка обнаружены некоторые предметы, видимо, относящиеся к поселению XIV–XVI вв. Следует упомянуть овальное кресало (рис. 8: 4), миниатюрный железный цилиндрический замочек (рис. 8: 3), фрагмент конских удил (рис. 8: 6), бронебойный наконечник стрелы (рис. 8: 2), два нательных крестика (рис. 7: 1, 2), керамическое грузило для рыболовной сети (рис. 8: 11). Упомянутый наконечник стрелы имеет четырёхгранное перо квадратного сечения и характеризуется отсутствием упора при переходе от пера к черешку. По-видимому, этот экземпляр можно рассматривать как упрощённую версию широко распространённого на Руси типа бронебойных четырёхгранных наконечников с упором. По классификации А.Ф. Медведева ему более всего соответствует тип 92 (т.е. «бронебой-

ные с короткой массивной боевой головкой квадратного или ромбического сечения и длинным черешком»), с той оговоркой, что вязёмский наконечник не имеет упора [8, табл. 21: 26]. Также близок по форме пера экземпляр, помещённый у Медведева в таблице 17 под номером 27. От вязёмского его отличает короткий черешок и, опять же, наличие упора [8, табл. 17: 27]. Оба крестика представляют типичную для XV–XVI вв. форму с килевидным (лопатовидным) нижним концом. Массивное керамическое грузило могло принадлежать соответствующей по размеру снасти. Его находка хорошо согласуется с наличием в селе зарыбленного пруда (возможно, и в «догодуновский» период). Ещё одно грузило, меньших размеров, обнаружено в перекопе XVIII в. (рис. 8: 8).

Отдельного рассмотрения требует крупная медная заклёпка (рис. 7: 7), найденная в верхней части «допожарного» слоя. Она представляет собой кулёк, свёрнутый из кусочка медного листа, и не была в употреблении. Технология изготовления подобных заклёпок известна по материалам раскопок городища Гальчино на Протве [9, с. 270–271, 282, ил. 6]. Найденные там готовые заклёпки, заготовки и обрезки медных листов входили в состав комплекса мастерской медника и являлись отходами производства металлической посуды. Однако вязёмская находка выделяется своими размерами. Её длина составляет почти 4 см, что заставляет предполагать иное, нежели в Гальчино, использование. Есть основания полагать, что перед нами элемент кровельного крепления. Аналогичные заклёпки могли использоваться для соединения медных листов, покрывавших главы вязёмской церкви. Если «кровельная» версия верна, выпадение данного предмета в слой относится к периоду строительства храма.

С ранними слоями могут быть связаны некоторые находки, происходящие из более поздних напластований: бронзовая орнаментированная пуговка-гирька (рис. 7: 6), железный вток копья (рис. 8: 1), левкасный гвоздь (рис. 8: 5). Последний, так же как и заклёпка, указывает на ведшееся неподалёку церковное строительство. Особый интерес представляет обломок лазуритовой пластинки (рис. 7: 4). Сохранившаяся часть пластинки – размерами 2,3×1,8×0,18 см, правильной прямоугольной формы, полированная с обеих сторон. Два её края оформлены при помощи скошенных граней, третий – прямой. Подобные пластинки использовались в качестве декоративных вставок для украшения парадной конской сбруи. Предметы конского убора, изготовленные таким образом, как правило, имеют восточное происхождение.

В ходе дальнейших наблюдений за ходом земляных работ на прилегающей территории была сделана ещё одна чрезвычайно интересная находка, относящаяся к периоду существования гоудуновской усадьбы. В распоряжении исследователей оказалась керамическая свирель (рис. 9), несущая на своей поверхности изображение скomorоха с медведем (рис. 10) [10]. Свирель была извлечена из стенки котлована, образовавшегося в результате подрезки грунта у стены здания. Проведённые ранее здесь исследования показали наличие разновременных культурных напластований общей мощностью до 80 см. Интересующий нас предмет залегал в нижнем слое тёмно-серого суглинка, содержащем хронологически разнородный керамический материал XV–XVII вв. Слой (15–20 см) находился непосредственно на материке и не имел визуально определимых нарушений, керамика, относящаяся к более позднему времени, практически отсутствовала. В 2 м к северу от места находки, в том же слое, был обнаружен фрагмент печного терракотового изразца (рис. 11).

Фрагмент представляет собой угловую часть лицевой пластины (линейные размеры – 85×83 мм) с остатками обломанной румпы на внутренней стороне изделия. С наружной стороны один из краёв оформлен сложнопрофилированным рельефным бордюром, который имеет неравномерную ширину (от 15 до 20 мм). Внутренняя часть бордюра отделена прямой бороздкой глубиной 2 мм и шириной 3 мм, образующей дополнительный кант около 4 мм в ширину. Поверхность изделия украшена рельефным изображением в виде пе-

Рис. 9. Керамическая свирель (сопель) с территории бывшего царского дворца в селе Вязёмы

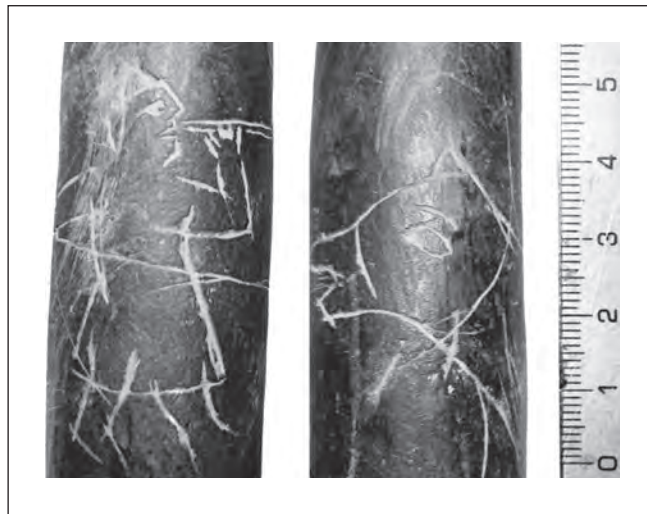

Рис. 10. Изображения на поверхности свирели из Вязём. Фото

Рис. 11. Фрагмент печного изразца, обнаруженный в одном слое с керамической свирелью

реплетения растительных побегов с характерными шипами и листьями. Судя по тому, что остатки румпы имеются с двух сторон фрагмента и образуют угол, но при этом бордюром оформлен край пластины, соответствующий лишь одной из этих сторон, перед нами обломок изразцового фриза. Лишённый бордюра край примыкал к такому же краю другого аналогичного изразца, в результате чего получался сплошной орнаментальный пояс. Обнаруженный изразец изготовлен из красножгущейся глины с незначительной примесью песка, на рельефной лицевой поверхности сохранились остатки побелки известью. Как уже говорилось,

фрагменты подобных печных изразцов неоднократно встречались при проведении исследований в районе Конного двора. Есть все основания связывать эти находки с печами годуновского дворца.

Следует также сказать, что керамическая свирель была обнаружена в 5 м к востоку от края большой заглублённой постройки, находящейся под ныне существующим главным зданием Конного двора. Её котлован выявлен в процессе охранных работ и затем исследован на глубину до 2 м от уровня материка. В нижней части котлована, под мощным слоем засыпки обнаружены остатки деревянных конструкций. Вся совокупность имеющихся данных позволяет рассматривать эту постройку как заглублённый подклет, являвшийся частью дворцового комплекса. Таким образом, археологический контекст находки весьма знаменателен. Свирель обнаружена на территории бывшего царского дворца, примерно в 70 м к югу от дворцовой церкви (во времена Годунова – Троицкой, ныне – Преображенской), в непосредственной близости от остатков деревянных хором, в слое, не имеющем узкой хронологической привязки, но содержащем материал годуновского времени.

Принимая во внимание наличие рисунка, мы можем допустить, что эта вещь не только принадлежала скомороху и использовалась в процессе увеселений, но и являлась значимым скоморошьям атрибутом. В таком случае и нанесённое изображение наделялось каким-то особым, скрытым от нас смыслом. Высказанное предположение выглядит тем более правдоподобным, что сохранились письменные свидетельства о присутствии скоморохов в годуновской резиденции. В Писцовых книгах 1631–1633 гг., описавших село Вязёмы после литовского разорения, говорится: «...В селе ж Государя, царя и великого князя дворовое место. В селе ж площадное место от церкви подле пруда. А по крестьянской сказке на том месте при царе Борисе торговали всякие люди беспошлинно в субботние дни, а что по крестьянской сказке при царе Борисе был сад, и сад в московское разорение высечен. В селе ж три места бобыльских, да пять мест *скамарошьях* (выделено мной – *авт.*) и те места во крестьянских гумнах...» [по 11, с. 120].

В свете указаний Писцовых книг находка скоморошьей свирели (сопели) на бывшем государевом «дворовом месте» если и не находит полного объяснения, то получает надёжную историческую привязку. Мы можем лишь гадать, как данная вещь оказалась здесь и при каких обстоятельствах она была сломана.

Итак, стратиграфия культурных отложений на исследованном участке показывает, что в XIV–XVI вв. центральную прилегающую к пруду часть современных Вязём занимало сельское поселение. Оно характеризуется набором типичной для данной местности керамики с абсолютным превалированием кухонной посуды. В то же время ряд находок (удила, миниатюрный замочек, бронебойный наконечник стрелы) свидетельствует о недеревенском статусе открытого поселения. Изучить его более подробно на различных этапах существования станет возможным лишь по мере исследования отдельных археологических комплексов, которые, надо полагать, обнаружатся в дальнейшем. В настоящее время наши представления об архитектуре этого периода исчерпываются несколькими канавками, передающими контуры оград и стен деревянных построек.

Видимо, в конце XVI в. здесь возникает комплекс деревянных построек (усадьба). Он существует некоторое время и гибнет в огне пожара. Именно с этим пожаром связаны выявленные слои обожжённой глины и обугленного дерева. Загадочным представляется происхождение мощной засыпки из обожжённой глины. Можно только предположить, что это остатки какой-то осыпавшейся обмазки. Из погибшей постройки (построек) происходят терракотовые печные изразцы, находимые в разновременных слоях, но изначально, видимо, выпавшие в слой пожара.

В слое, не имеющем следов пожара, но содержащем фрагменты изразцов, обнаружена керамическая свирель, украшенная сюжетным изображением в технике граффити. Данная находка, уникальная сама по себе, представляет особый историко-археологический интерес как яркое материальное свидетельство, относящееся ко времени функционирования годуновского дворца.

Есть основания полагать, что пожару предшествовал некоторый период «запустения», когда на месте будущего пожарища скапливаются осколки посуды, синхронной существованию усадьбы. В пользу этого свидетельствует состояние собранной керамики. В частности были найдены два фрагмента донца белоглиняного сосуда, они залежали в разных «пожарных» слоях и разительно отличались друг от друга. Один фрагмент обгорел до черноты, а другой сохранил естественный серый цвет, приобретённый в процессе использования. Такое могло произойти только в том случае, если осколки оказались порознь ещё до пожара. Распространение керамики по площади, охваченной впоследствии раскопками, продолжалось и после гибели усадьбы. Общим результатом стал «горизонт разрушения», насыщенный керамикой предшествующего периода, в том числе фрагментами столовой посуды – белоглиняной, красно- и чернолощёной. Данный вывод относится преимущественно к слою тёмно-серого углисто-го суглинка, поскольку он, как самый поздний, в наибольшей степени отражает «послепожарную ситуацию». Скорее всего, выпадение в культурный слой вышеописанной скоморошьей свирели также произошло незадолго до или сразу после гибели дворца, когда оставшееся без царского внимания место «замусорилось».

Вполне вероятно, что в процессе устранения последствий пожара произошла частичная переработка слоёв «пожарного горизонта», сопровождавшаяся перераспределением керамического материала и приведшая к появлению в его составе более ранних образцов.

Таким образом, весь комплекс проведённых исследований заставляет отождествлять обнаруженное пожарище с остатками годуновского дворца. Это подтверждается планиграфией, суммой стратиграфических признаков, а также индивидуальными находками, в первую очередь печными изразцами. Несмотря на существенные разрушения культурного слоя, «дворцовое место» представляется перспективным объектом

для исследований. Можно констатировать, что недолгий период существования дворца, закончившийся его трагической гибелью и сменившийся десятилетиями неосвоенности данной территории, оставил хорошо различимый археологический след. Воспринять этот след как наследие, то есть изучить и тщательно зафиксировать (а значит сохранить), особенно важно в условиях динамичного развития музея.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шереметев П.С.* Вязёмы. Пг., 1916.
2. *Миллер Г.Ф.* Путешествие по Московской провинции 1778–1779. М., 1996.
3. *Филиппов А.В.* Древнерусские изразцы. М., 1938.
4. *Чернов С.З.* Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995.
5. Средневековое селище Захарово-1 на реке Беляне / *С.Н. Булынкин, М.И. Гоняный, В.Н. Ковалевский, Г.А. Шебанин, А.В. Шеков* // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2008.
6. *Цыбин М.В.* Средневековое селище Дмитровское-2 (некоторые результаты исследований 2005 года) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2006.
7. *Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., 1968. (САИ. Вып. Е1-39)
8. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв.). М., 1966. (САИ. Вып. Е1-36)
9. *Кренке Н.А., Янишевский Б.Е.* Мастерская медника на городище Гальчино // Макарьевские чтения. Вып. 8. Можайск, 2001.
10. *Смирнов А.Н.* Изображение скomorоха на керамической свирели из раскопок подмосковной резиденции Бориса Годунова // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7. Тверь, 2014.
11. *Алексеев А.В.* Церковные древности Звенигородской земли: Очерки церковной археологии. М.; Звенигород, 2008.

*Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина,
с. Вязёмы, Одинцовский район, Московская область*

A.N. Smirnov

B.F. GODUNOV'S COUNTRY RESIDENCE IN VYAZYEMY AS AN ARCHAEOLOGICAL MONUMENT

Summary

The article is devoted to the results of the complex historical-archaeological investigations of the late-medieval manor situated in the village Vyazyemy (the Moscow region) and belonged in the turn of the 16th–17th c. to B.F. Godunov. Planning structure of the manor along with the peculiarities of its situation interesting in view of development of the road communication system is also regarded. In order to receive new information results of the archaeological investigations of 2006–2007 are analyzed. Territory where excavations have been conducted is situated in the most ancient part of the manor. In the course of works cultural layers related to the different periods of the manor's existence have been discovered. Under the late cultural layers the horizon of the fire identified with the remnants of Godunov's house has been found out. Under the fire the layer related to the earlier settlement has been traced. The article also contains detailed description of the gathered pottery and finds.

*A.S. Pushkin State History and Literature Museum-Preserve,
79, 4, Molodezhnyj Av., Golizyno,
Odintsovo District, Moscow Region, 143040,
Russia
E-mail: fotoellada@rambler.ru*

Н.В. Лебедева (Овчинникова), Е.В. Мишанина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ УСАДЬБЫ АКСАКОВЫХ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье изложены результаты поисков и исследований мест расположения церкви Знамения Божьей Матери, часовни и семейной усыпальницы господ Аксаковых в селе Аксаково Бугурусланского района Оренбургской области, проведённых в 2002–2003 годах авторами статьи.

История села Аксаково. Село Аксаково, которое изначально называлось Ново-Аксаково или Знаменское тож, основал Степан Михайлович Аксаков, дедушка известного русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. Он стал оренбургским помещиком, купив в 1767 году землю в вечное владение по купчей крепости [1, с. 92]. Оформив сделку, Степан Михайлович начал усиленно готовиться к переселению в Оренбургскую губернию. Дело предстояло нелёгкое и хлопотное, так как расстояние от села Троицкого Симбирской

губернии, где он жил с семьёй, до новокупленной земли составляло около 400 вёрст. Переселение крестьян происходило поэтапно с осени 1767 до лета 1768 года. Переезд подробно описан С.Т. Аксаковым в «Семейной хронике».

Дедушка умер в 1797 году и был похоронен в «окрестном селении Неклюдове».

Имение перешло к его единственному сыну Тимофею Степановичу и вдове Ирине Васильевне Аксаковой, бабушке писателя. Впоследствии она была похоронена в селе Мордовский Бугуруслан.

Тимофей Степанович с супругой Марией Николаевной постоянно жили в своей усадьбе в селе Аксаково, на территории которой была построена церковь во имя Знамения Божьей Матери. Здесь родился, провёл свои детские, отроческие годы и первые несколько лет после женитьбы их сын – известный русский писатель Сергей Тимофеевич Аксаков (рис. 1). В этом старинном «дворянском гнезде» родились и его дети: Константин – известный литератор, литературный критик, идеолог славянофилов; Вера – надёжная помощница и секретарь отца, мемуаристка; Григорий – крупный государственный деятель, Уфимский, Оренбургский, Самарский губернатор.

После смерти Тимофея Степановича в 1837 году село принадлежало по очереди его родственникам: брату, сыну Николаю Тимофеевичу, племяннику. Затем в 1908 году Дворянское общество приобрело часть имения с целью увековечить память писателя в Самарском крае, поскольку с 1851 года Бугурусланский район входил в состав Самарской губернии. Предполагалось в Аксаковской вотчине оборудовать церковно-приходскую школу с практическим курсом сельскохозяйственных знаний при ней, слесарно-кузнечно-столярные мастерские имени писателя для 20 воспитанников, которые смогли бы стать по окончании опытными мастерами по ремонту сельхозмашин, нести сельскохозяйственные знания в крестьянскую среду. Лучшим учащимся учреждалась стипендия в 400 рублей. Возле церкви была сооружена часовня с пос-

Рис. 1. Сергей Тимофеевич Аксаков.
Акварель неизвестного художника. 1830-е годы

тановками в ней складня с иконами Святого Николая Чудотворца, Святой царицы Александры и Святого Алексия.

30 июля 1910 года состоялось торжественное открытие школы и часовни, приуроченное ко дню рождения наследника цесаревича Алексея, а с 1 ноября был произведён приём первых 11 учеников. В годы Первой мировой войны ученики школы выпускали продукцию для фронта: детали конской упряжи, ящики для снарядов.

В период Гражданской войны усадьба серьёзно пострадала: были разорены мастерские и барский дом. В 1919 году молодому хранителю Самарской Аксаковской комнаты М.Н. Тихомирову удалось вывезти в г. Самару часть мебели и документов, принадлежащих Аксаковым.

В первые десятилетия советской власти на территории бывшего имения находились несколько крестьянских объединений, которые после ряда укрупнений и преобразований были объединены в 1959 году в колхоз «Родина».

В 1970-е годы началось возрождение усадьбы Аксаковых, а в 1998 году был восстановлен деревянный дом на родном фундаменте. В подлинном доме маленький Серёжа Аксаков провёл свои детские и отроческие годы, здесь впоследствии родились его знаменитые дети. В настоящее время в нём размещается музей.

Судя по документам и надгробиям, в селе Аксаково были похоронены родители писателя Тимофей Степанович и Мария Николаевна, его родной брат Аркадий Тимофеевич Аксаков, внучатый племянник Николай Сергеевич Аксаков и другие члены знаменитого семейства. Но место захоронения Аксаковых было неизвестно.

Сведения о церкви. Первое упоминание «о церкви в деревне Аксакове» относится к 1799 году в связи с указом Его Императорского Величества «построить каменную церковь во имя Знамения пресвятой Богородицы», но указ затерялся в канцелярии. В 1800 году Тимофей Степанович вновь пишет прошение о разрешении на строительство. На протяжении нескольких лет, ожидая этого разрешения, он готовил строительный материал: «нанял подрядчика, законтраковался сделать триста тысяч кирпича и тесать камень, выложить до цоколя и произвести всю каменную кладку, вырыть фундамент и забутить по плану, высланному от Академии художеств» [2, л. 19].

Повторный Указ о строительстве церкви в честь Знамения Божьей Матери «на прочном и приличном месте» был получен Т. Аксаковым только в ноябре 1809 года [3, л. 67]. К тому времени церковь фактически была построена «длиною в 14, а поперечиной в 8 сажень» [4, л. 14], вмещала до 1000 богомольцев. В 1814 году был устроен иконостас. «Здание каменное с таковою же колокольней. Прочная, на зиму теплая. Обнесена каменною оградой. Пределов в церкви три. Один во имя Знамения Божьей Матери, второй во имя Сергия Радонежского (1824 год), третий в левом во имя Николая Чудотворца. Сторожки нет, имеется дом для священника» [5, л. 1–2].

Одно из последних описаний церкви, сделанное в 1928 году, незадолго до её закрытия, было обнаружено в Государственном архиве Самарской области (ГАСО). «Знаменская церковь с. Аксакова. Церковь каменная имеет вид корабля с колокольней, тремя наружными дверями, восемнадцать окон, одной нишей, крытая железом. Кресты на церкви и колокольне железные. Пол в алтаре и главном пределе чугунный, в боковых пределах асфальтовый, шесть колоколов».

В 1936 году церковь взорвали. После этого была сделана фотография: на месте, где стояла церковь, лежала гряда камней.

Описание села Аксаково и его исторического центра. В настоящее время село Аксаково относится к Бугурусланскому району Оренбургской области, расположено в 40 км к северо-востоку от г. Бугуруслана на пологом склоне первой надпойменной террасы левого берега реки Большой Бугуруслан. Село вытянуто вдоль реки с севера на юг. На северной окраине села река была запружена ещё при Степане Михайловиче Аксакове и образован большой водоём. Когда-то здесь стояла мельница. Правый берег реки Большой Бугуруслан представлен высокой коренной террасой, поверхность которой распахана. За северной окраиной села терраса переходит в гористые яры, наиболее высокая вершина имеет название Челябинская гора.

По описаниям современников и документам, исторический центр села в XIX – первой половине XX в. выглядел примерно так. В середине находилась сельская площадь. В восточной части стояла церковь с тремя приделами, возле неё была небольшая часовня, сооружённая в честь рождения наследника – цесаревича Алексея. В западной части напротив церкви расположены барский дом и надворные постройки, за ними вдоль реки раскинулся парк (рис. 2). По традициям того времени семейное кладбище дворян Аксаковых находилось недалеко от церкви.

Со временем облик села, особенно его исторический центр, сильно изменился. В советское время была разрушена церковь, а вместе с ней часовня и семейное кладбище: надгробия были сняты с мест и увезены на окраину села, а на освободившемся месте были построены магазины, клуб, столовая, разбит сквер.

Дом Аксаковых разобрали для строительства телятников в 1960-е годы. Пять каменных надворных построек сохранились. Они возведены в красную линию улицы по обеим сторонам барского дома и к юго-востоку от дома. Как было сказано выше, в 1970-е годы началось возрождение усадьбы Аксаковых, а в 1998 году был восстановлен деревянный дом на родном фундаменте (рис. 3).

Каменные надгробия, пролежавшие в овраге за селом более полувека, были поставлены перед домом. Надписи, выбитые на них, содержали имена усопших господ Аксаковых, некоторые знаки затёрты.

Надгробие с могилы отца С.Т. Аксакова было изготовлено из порфиристо-диабазы розового цвета в форме гроба или ларца на ножке, стояло на прямоугольной плите из того же материала. Надпись гласит: «Тимофеевич Степанович Аксаков родился 1759 года февраля 21 дня скончался 1837 года декабря 26 дня».

Рис. 2. Центральная часть села Аксаково с церковью и дворянской усадьбой.
Вид с северо-востока. Фото 1906 года

Рис. 3. Дом-музей Аксаковых, восстановленный в 1998 году в селе Аксаково
Бугурусланского района Оренбургской области

Надгробие с могилы матери С.Т. Аксакова было изготовлено из порфира-диабазы тёмно-серого цвета в форме гроба или ларца на ножке, стояло на прямоугольной плите из того же материала. Надпись гласит: «Мария Николаевна Аксакова родилась 1769 января 6 дня, скончалась 1833 года октября 25 дня».

Надгробие с могилы брата С.Т. Аксакова было изготовлено из порфира-диабазы чёрно-серого цвета в форме куба, стояло на плите из того же материала розового цвета. Надпись гласит: «Аркадий Тимофеевич Аксаков родился 15 января 1803 года, скончался 15 октября 1862 г.».

В экспозиции музея выставлена ещё одна небольшая четырёхугольная чугунная надгробная плита с надписью: «Мир праху твоему дорогой сынъ», возможно с могилы Н.С. Аксакова.

Археологические исследования в селе Аксаково. Администрацией музея-усадьбы С.Т. Аксакова и Комитетом по культуре и искусству Администрации Оренбургской области было принято решение найти на территории села места расположения церкви Знамения Божьей Матери, часовни и место родового кладбища господ Аксаковых, установить надгробные плиты над их могилами.

Задача оказалась чрезвычайно сложной. Историком Е.В. Мишаниной в 2002–2003 годах была проведена большая работа в архивах городов Бугуруслана, Самары и Оренбурга, которая показала, что документы о местонахождении церкви, часовни, захоронений не сохранились.

Для решения поставленной задачи была организована научно-исследовательская историко-археологическая экспедиция, работа которой была разделена на этапы:

- 1 – опрос местных жителей и сопоставление имеющегося фактического материала;
- 2 – закладка разведочных шурфов и раскопов;
- 3 – археологические раскопки;
- 4 – определение места захоронений и его обустройство.

Вначале был проведён тщательный опрос сельских старожилов. К сожалению, места расположения утраченных объектов указывались ими в разных сторонах исторического центра села. И это неудивительно, поскольку со временем облик села сильно изменился, а они опирались на свои детские воспоминания.

В настоящее время центральную часть села пересекает широкая асфальтированная улица им. Аксакова. На её западной стороне находится музей-усадьба с восстановленным барским домом, парком, надворными постройками и памятником С.Т. Аксакову. На восточной стороне в центре расположен сквер с мемориальным комплексом, за ним клуб и столовая, вокруг сквера – здания магазинов и узел связи. Между зданием бывшего магазина и сквером проложена грунтовая дорога, ведущая от главной улицы к клубу и столовой. К северу от дороги находится пустырь, поверхность которого хорошо задернована. Здание магазина и пустырь расположены на небольшой округлой возвышенности, ограниченной с восточной стороны старой грунтовой дорогой, заросшей травой. Возле столовой имеется водопроводная колонка. За зданием клуба раскинулась огромная площадь, по трём сторонам которой стоят жилые дома (рис. 4).

По нашим предположениям, фамильное кладбище должно было находиться недалеко от церкви. Раз существуют каменные надгробия, описанные выше, значит, были и отдельные захоронения, возможно в подземных кирпичных склепах. Но где стояла церковь?

Прибывший к нам на помощь с техникой местный бульдозерист Анатолий Семёнович Качаров рассказал о том, что в 80-е годы XX века при проведении землеустроительных работ по газификации клуба он наткнулся на каменные плиты из тёсаного песчаника. Это мог быть фундамент церкви. Он вспомнил также, что рядом со столовой при прокладке водопровода была найдена доска от детского гроба. Мы нашли её в музее и рассмотрели. Это была деревянная доска, украшенная зелёной тесьмой-битью, сплетённой из металлических ниток. Тесьма была прикреплена мелкими штампованными железными гвоздями. Подобные материалы использовались в оформлении гробов в XIX – начале XX в.

Сведения, полученные от А.С. Качарова, помогли нам определить месторасположение церкви и фамильного кладбища Аксаковых.

Перед началом работ археологов благословил настоятель Бугурусланской Успенской церкви отец Александр (Бойко). По окончании работ им была отслужена заупокойная лития.

С целью выявления фундаментов церкви и часовни, а также фамильных захоронений в центральной части села было одновременно заложено несколько раскопов. Сначала они имели небольшую площадь 2×2 м и выглядели как шурфы, но в случае необходимости расширялись. Раскопы 1 и 2 располагались в северо-западной части сквера, раскоп 6 – в центральной части сквера, среди берёз и елей. Раскоп 3 находился за зданием магазина на бывшем пустыре, раскопы 4 и 5 – с северной стороны от здания клуба. Исследованная территория составила 200 кв. м. Работы производились вручную, со снятием грунта по штыкам (20 см) до материка, с расчисткой всех обнаруженных объектов: скоплений, сооружений, погребений, их зарисовкой, описанием и фотосъёмкой. Индивидуальные находки заносились на планы раскопов. После завершения работ раскопы были засыпаны.

Раскоп 1 площадью 16 кв. м был разбит на территории сквера и ориентирован по линии север–юг. Стратиграфия раскопа следующая:

1. Слой дёрна, состоящий из гумусированной супеси с корнями деревьев, мощностью 4–6 см. Слой образовался в 80-е годы XX века в процессе сооружения памятника павшим воинам и Вечного огня, когда была завезена земля для посадки деревьев и создания парка вокруг мемориального комплекса.

2. «Строительный горизонт» XX века мощностью 6–9 см. Представлен бурой рыхлой супесью с корнями деревьев. Слой насыщен фрагментами битого красного сырцового кирпича, диким камнем разного размера, кусками и вкраплениями известкового раствора, железными деталями от сельскохозяйственной тех-

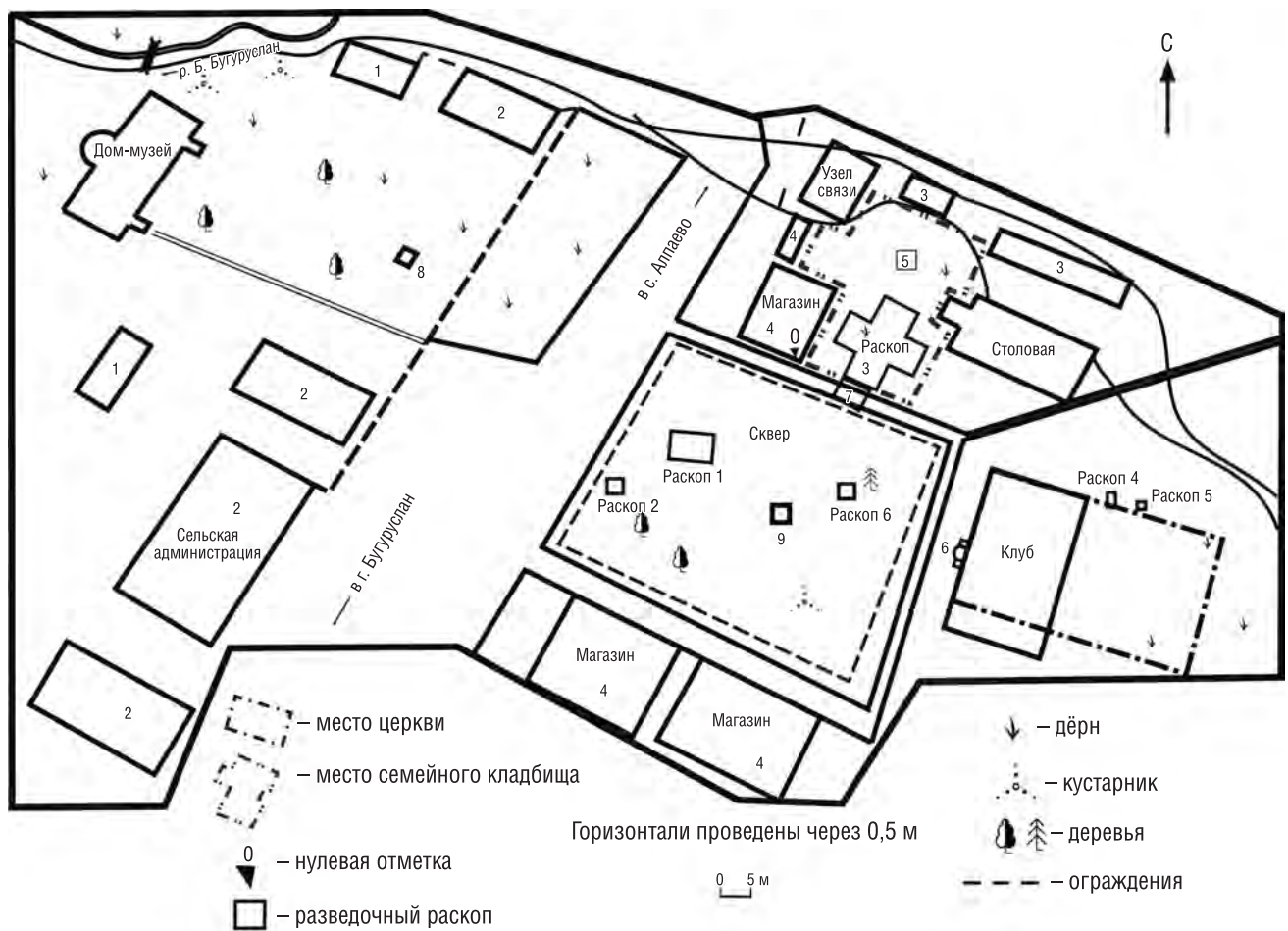

Рис. 4. План центральной части села Аксаково:

- 1 – старые хозяйственные постройки, относящиеся к усадьбе; 2 – старинные каменные здания; 3 – современные здания;
 4 – магазины; 5 – трансформаторная будка и столбы ЛЭП; 6 – паперть церкви (вход в клуб);
 7 – противопожарный резервуар; 8 – памятник С.Т. Аксакову; 9 – мемориальный комплекс на территории сквера

ники. Наличие последних объяснялось местонахождением на этой территории в 60–70-е годы XX века МТС (машинно-тракторной станции).

3. Рыхлая супесь буро-коричневого цвета мощностью 10–12 см, насыщенная камнем и обломками кирпича, известняка и кусками обмазки, которая после высыхания приобретала белёсый оттенок.

Второй и третий слои образовались в 1930-е годы после того как была разрушена церковь и её развалины неоднократно ровняли на большой площади.

4. В квадратах А1, Б1 на глубине -67, -69 см от нулевой отметки расчищена кладка длиной 4 м в виде дорожки, сложенная из плоского дикого камня, скрепленного раствором из извести и глины (рис. 5). Вокруг дорожки земля была засыпана слоем суглинка красно-кирпичного цвета до 5 см толщиной. К раскопу с восточной стороны был прирезан участок, на котором были вскрыты ещё 4 м дорожки. Ширина дорожки 28–44 см, толщина плит 8 см. Дорожка была ориентирована по линии запад–восток и вела от левого крыльца барского дома к церкви.

Четвёртый, самый старинный слой, относящийся к XIX веку, связан со строительством церкви, сооружением дорожки от барского дома к церкви и окультуриванием прилегающей территории.

Из предметов в раскопе 1 встречались фрагменты гончарной и стеклянной посуды, четырёхгранные кованые гвозди, осколки оконного стекла, покрытые патиной, кости животных.

В раскопе 2 были найдены современные железные болты, гайки, детали, относящиеся ко времени существования МТС.

Раскопы 4 и 5 были заложены к северу от здания клуба. В них были выявлены блоки крупных размеров из песчаника, которые использовались для фундамента церкви, а также найдены фрагменты массивной цветной и фигурной штукатурки, фрагменты каменных плит пола (рис. 6).

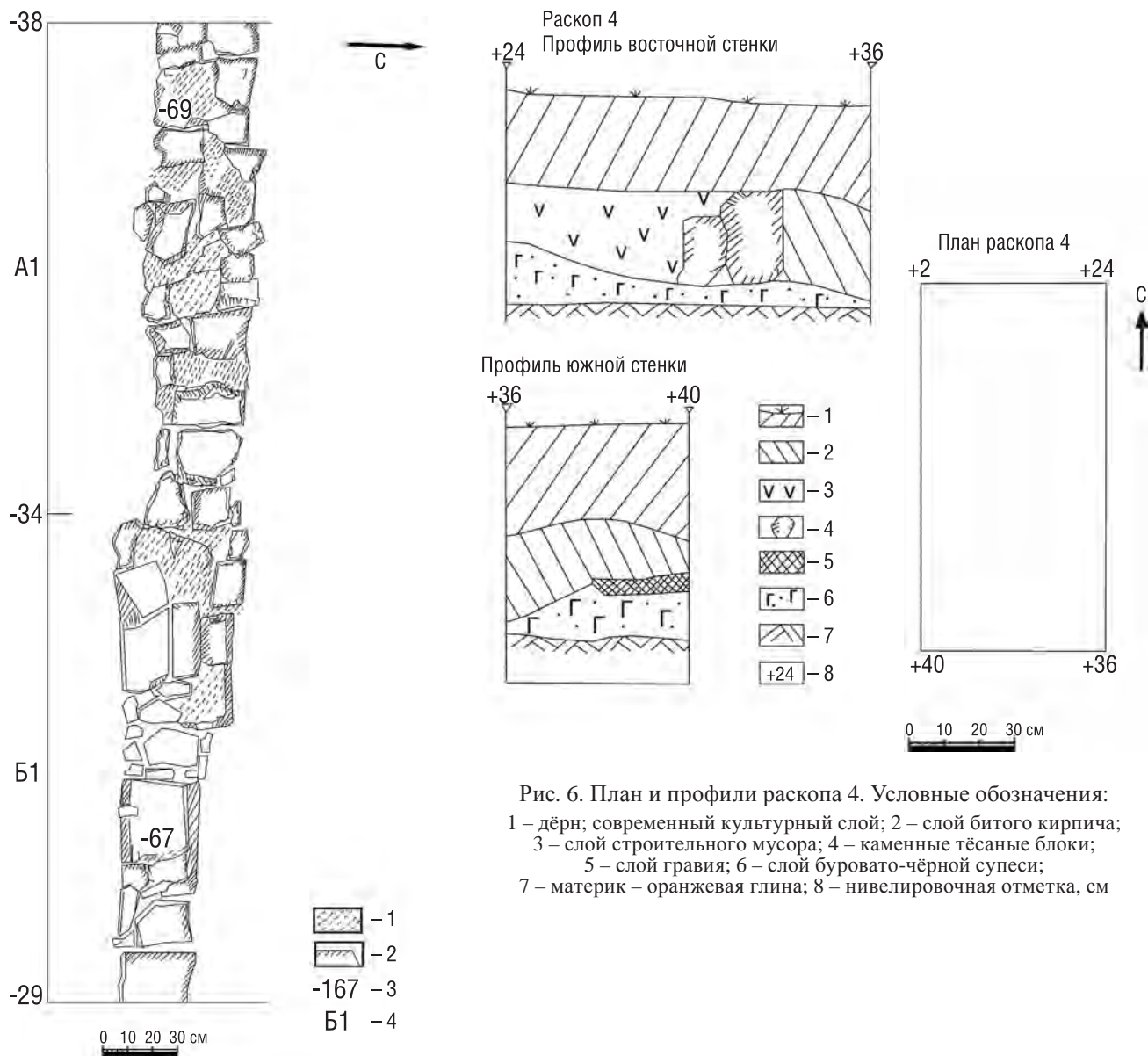

Рис. 5. Дорожка из камня, найденная в раскопе 1. Условные обозначения:
 1 – раствор из извести и глины; 2 – камень;
 3 – нивелировочная отметка, см;
 4 – номер квадрата

Во время осмотра здания клуба мы обнаружили фрагмент фундамента церкви с сохранившейся папертью в виде старой каменной плиты, на которой было возведено крыльцо клуба, построенного в 1959 году (рис. 7). Таким образом, месторасположение Знаменской церкви было определено.

В раскопе 6, заложенном в северной части сквера, культурные отложения не обнаружены.

Раскоп 3 был заложен на пустыре, в том месте, где был найден фрагмент доски от детского гроба. Находки в раскопе 3 оправдали наши предположения: были обнаружены 3 кирпичных склепа и 4 погребения.

Видимо, при возведении современных построек были живы те, кто знал и помнил, где находилось господское кладбище. Поэтому его границы оказались чётко оговорены современными зданиями, а сама территория осталась непо потревоженной – площадка 25×17 м, то есть примерно 425 кв. м.

За нулевую отметку была принята точка возле юго-восточного угла здания магазина. Для выборки грунта на северо-восточной части раскопа 3 до уровня захоронений был задействован экскаватор.

Рис. 7. Паперть Знаменской церкви под крыльцом сельского клуба

Раскоп площадью 16 кв. м был заложен в 4 м к северу от ограды сквера, за зданием бывшего магазина, в 6 м к востоку от его стены. Затем его размеры пришлось увеличить до 64 кв. м в связи с прирезкой квадратов с северной и восточной сторон. Раскоп был ориентирован по линии север–юг.

Стратиграфия раскопа:

- 1) слой дёрна – 2–3 см;
- 2) прослойка каменного угля, залегавшая в западной части раскопа (почти по всей западной части раскопа под дёрном находился слой каменного угля, который привозили для отопления магазина, мощностью 4–8 см);
- 3) супесь оранжево-бурого цвета – засыпка современной траншеи, зафиксированной в квадратах Б1–Б6 раскопа, мощностью до 50 см;
- 4) слой коричневато-бурой супеси мощностью 8–11 см;
- 5) материк – оранжевая глина.

В заполнении 1 штыка встречены мелкий камень, битый кирпич, современные железные предметы (складной нож и долото), 3 фрагмента фарфоровой посуды. В кв. А5, непосредственно под дёрном, на глубине -20 см от нулевой отметки было обнаружено скопление камней. После расчистки оказалось, что это фрагмент кладки из некрупного дикого камня плотного сложения (вымостка сельской площади?).

В квадратах А4, 5, Б5 на глубине -20 см от нулевой отметки было обнаружено ещё одно скопление камней. Оно состояло из крупного дикого камня, песчаника, битого кирпича. Некоторые камни имели правильную подчетырёхугольную форму. Камни лежали в определённом порядке. Возможно, они являлись фундаментом сооружения (часовни?). В центре скопления была расчищена современная бетонная плита. Край ещё одной плиты уходил под стену в квадрат А5. Грунт вокруг камней и плит был перемешан, имел серую окраску с оранжевыми включениями. После расчистки, зарисовки и описания скопления камней было решено выяснить, что это за бетонные плиты и с какой целью они находятся в этом месте. С помощью техники была скрыта поверхность дороги до забора сквера. В грунте, насыщенном камнями, целыми и битыми кирпичами, были обнаружены 4 современные бетонные пятиметровые плиты, плотно примыкающие друг к другу (рис. 8). После того как одна из плит была приподнята, оказалось, что под ними расположен «пожарный резервуар», построенный в 1970-е годы. В резервуаре находился строительный мусор. Размеры резервуара: 4,98×3,86 м, глубина 2 м, ширина его стен составляла около полуметра. Стены были сложены из обработанных известняковых камней, скреплённых раствором, поверхность изнутри тщательно оштукатурена цементным раствором тёмно-серого цвета. Ещё писателем В. Солоухиным было высказано предположение о том, что данное сооружение – не что иное как склеп Тимофея Степановича Аксакова, приспособленный в советское время под резервуар для хранения воды. Судя по тем конструкциям, которые были исследованы нами позже, данное сооружение не могло быть склепом. Оно больше походило на остатки фундамента часовни, которая была построена возле церкви.

Рис. 8. Раскоп 3. Пожарный резервуар, сооружённый на месте часовни

Наличие в грунте большого количества строительного мусора и слежавшегося каменного угля, который использовали длительное время для отопления близлежащих построек, сделало дальнейшую работу вручную невозможной. Решено было применить землеройную технику.

После выемки грунта экскаватором в раскопе 3 на глубине -166 см от нулевой отметки (глубина 1,2 м от современной поверхности) была обнаружена большая прямоугольная яма, заполненная светло-коричневой глиной.

Площадка над склепом 1 (рис. 9). В яме была расчищена ровная кирпичная площадка длиной 2,6 м, шириной 1,3 м, толщиной в один кирпич, состоящая из 9 рядов по 8 кирпичей в ряду. Кирпичи были ориентированы длинными сторонами по линии запад–юго-запад – восток–северо-восток. Кирпич – красного цвета снаружи и в изломе, хорошо обожжённый, размерами 26×13×6,5 см. В западной части кирпичной площадки по её краям лежали по два кирпича поперёк. С южной стороны у площадки отсутствовал последний ряд. Часть кирпичей разбита. Отсутствовали некоторые кирпичи в юго-восточном и северо-восточном углах площадки. На поверхности кирпичей в некоторых местах зафиксирован тонкий слой (1–2 мм) обмазки светлого цвета (глина с водой?). Под кирпичной площадкой был обнаружен сводчатый потолок погребального сооружения. Между площадкой и сводом находилась прослойка глины мощностью 2–2,5 см.

После того как были сняты кирпичи верхней вышеописанной площадки, на глубине -174 см от нулевой отметки были зафиксированы очертания погребального сооружения или склепа.

Склеп 1 (рис. 10) представлял собой кирпичную конструкцию прямоугольной формы длиной 2,55 м, шириной 1,1 м, высотой 1,05 м со сводчатым потолком. Свод склепа был сооружён из одного слоя кирпича размерами 26×13×6,5 см, поставленного вертикально и скреплённого раствором из глины, песка и воды. Свод состоял из 11 целых кирпичей, между каждым из них была вставлена половинка расколотого поперёк кирпича (полкирпича) и мелкий битый кирпич, смешанный с жидкой глиной. Этот приём сооружения кирпичной конструкции называется «замок». Таким образом достигается полукруглая форма потолка склепа. По бокам свод опирался на 3 ряда наклонно поставленных кирпичей. Боковые стены склепа были сложены очень ровно в 9 рядов кирпича, хорошо скреплённого раствором. Восточная стенка до свода состояла из 13 рядов кирпича. Западная стена склепа закладывалась, видимо, в последнюю очередь, после захоронения. Она была сооружена из 6 рядов кирпича «без связи», то есть кирпичи были положены просто друг на друга и слегка скреплены раствором¹. Пол склепа был выложен плоскими каменными плитами светло-серого цве-

¹ Консультацию о приёмах сооружения склепа и его свода, составе раствора, качестве кирпича дал печных дел мастер уроженец г. Бугуруслана Владимир Иванович Давыдов, присутствовавший во время раскопок и принимавший участие в процессе вскрытия и реконструкции склепа.

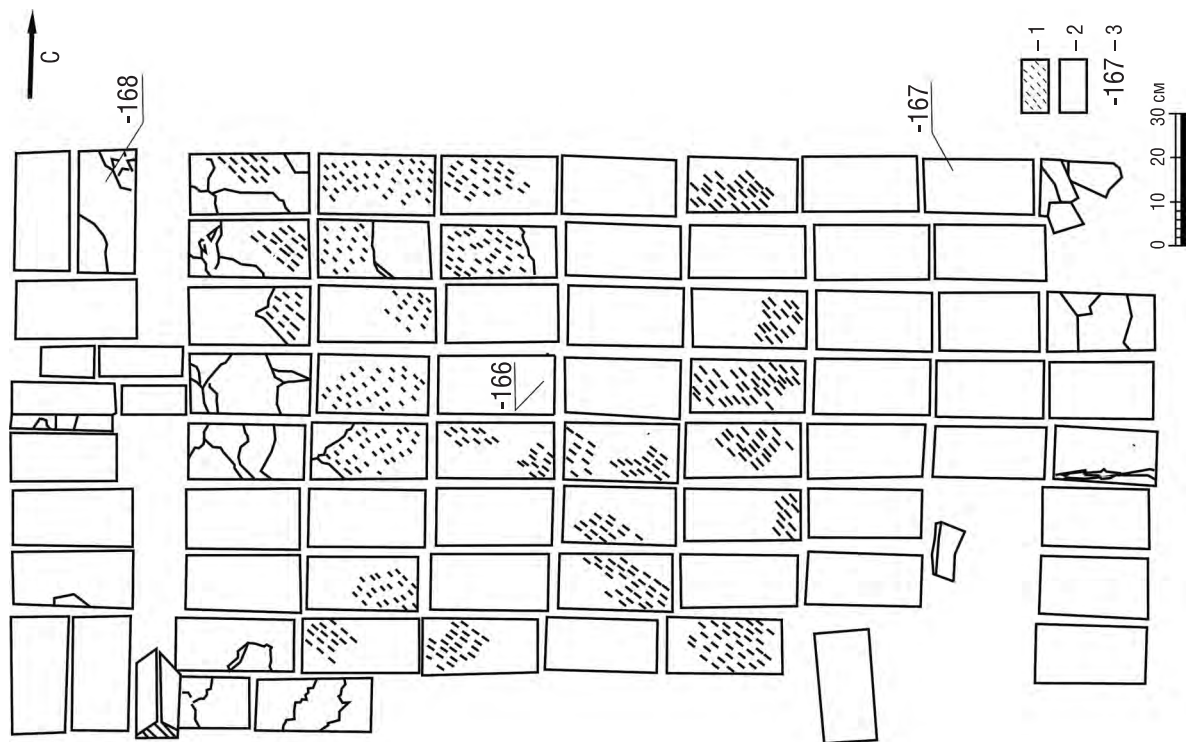

Рис. 9. Площадка из кирпича над склепом 1. Вид сверху.
Условные обозначения:

1 – обмазка; 2 – кирпич; 3 – нивелировочная отметка, см

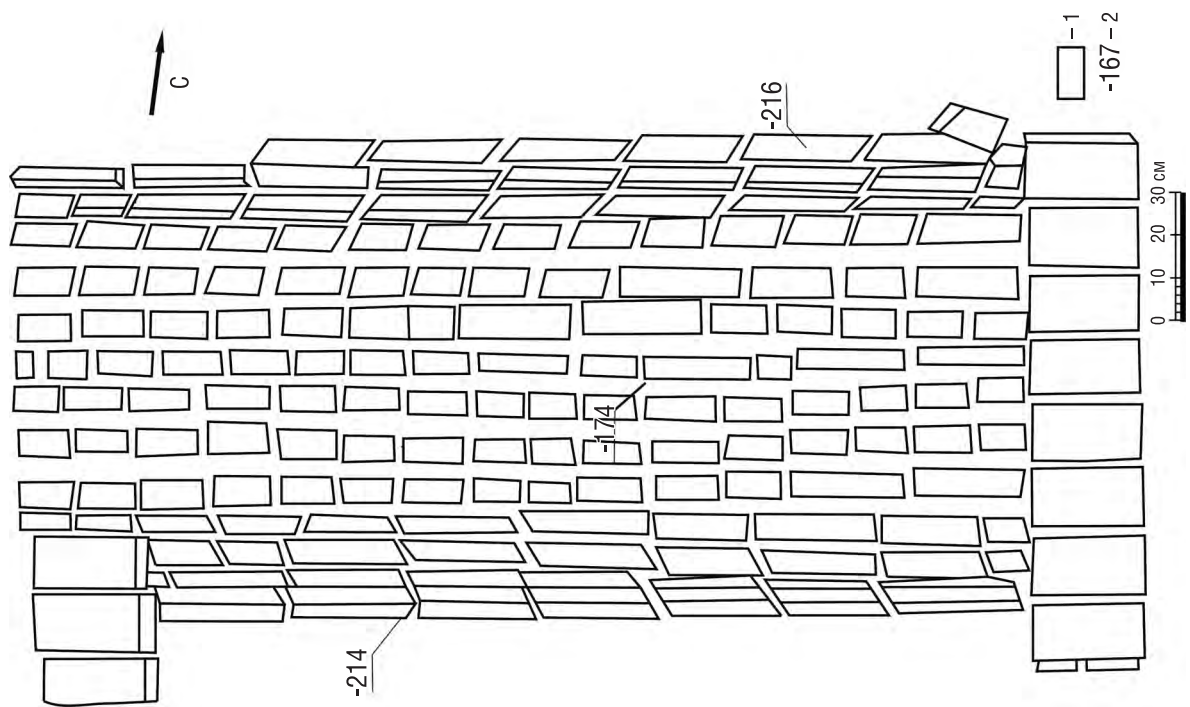

Рис. 10. Раскоп 3. Склеп 1, сложенный из кирпича. Вид сверху.
Условные обозначения:

1 – кирпич; 2 – нивелировочная отметка, см

та (известняк, дикий камень?), не имеющими определённой формы. Пол был очень гладкий, так как плиты были тщательно отшлифованы. Плиты скреплял слой раствора, поэтому окраска пола была «в разводах».

Снаружи, с восточной стороны склепа, к своду примыкал ряд из 8 кирпичей, положенных горизонтально. У юго-западной стороны склепа, на уровне свода, были разбросаны половинки кирпичей, куски. К западному углу свода примыкали 3 кирпича.

Погребение 1 (рис. 11). В склепе 1 находился массивный деревянный гроб, изготовленный из толстых, толщиной 2 см, досок. Гроб тщательно изготовлен, обит деревянной рейкой, придающей углам гроба фигурную форму. Размеры гроба: длина 200 см, ширина в области головы 60 см, в области ног 40 см. Крышка гроба имела трапецевидную форму. Предположительно гроб был окрашен в чёрный цвет. Доски гроба прогнили, боковые стенки деформировались, крышка упала на погребённого человека. После снятия фраг-

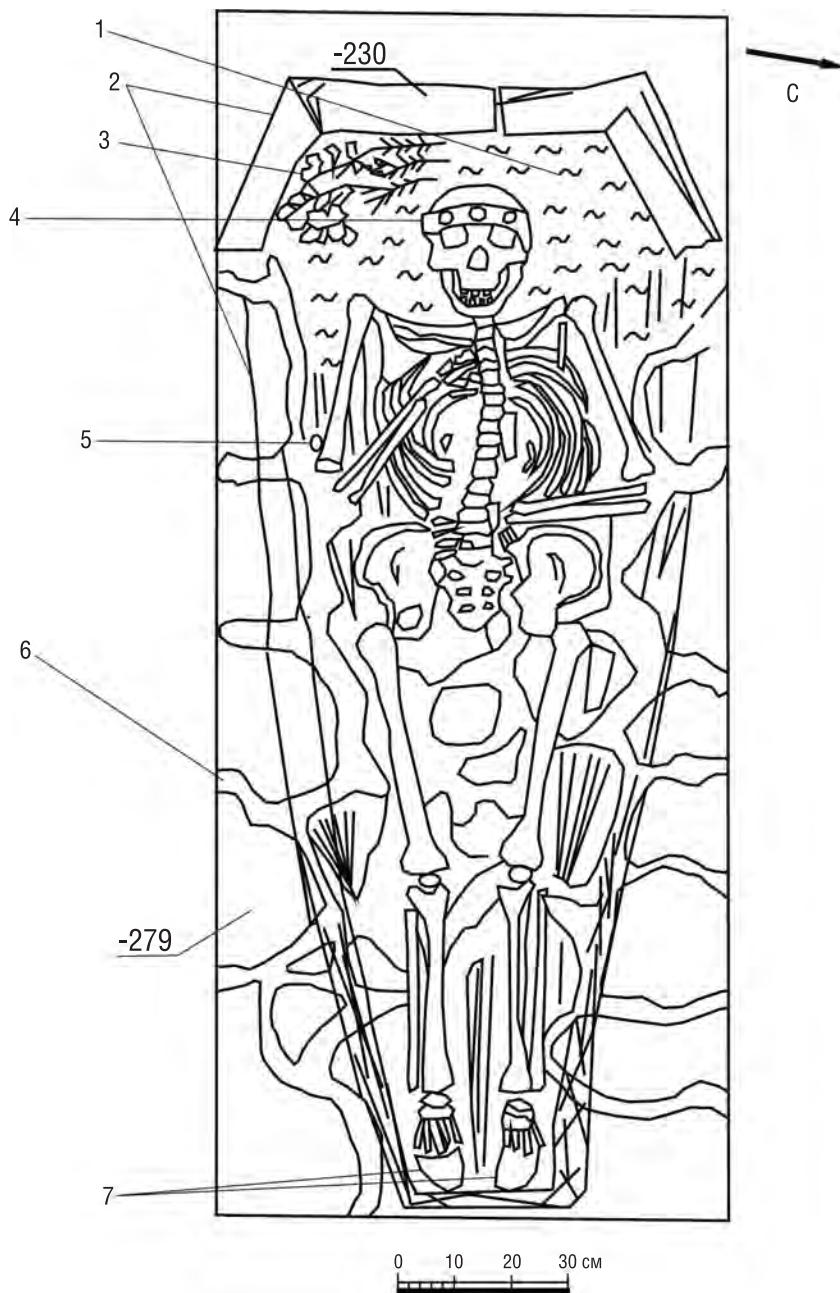

Рис. 11. Погребение 1 в склепе 1:

- 1 – деревянные стружки; 2 – сохранившиеся фрагменты гроба; 3 – букетик из трав и листьев; 4 – венчик; 5 – пуговица; 6 – пол из камня; 7 – тапочки; -279 – нивелировочная отметка, см

ментов досок крышки, в которых были найдены кованые железные гвозди с округлыми шляпками, в гробу был обнаружен скелет женщины пожилого возраста. Умершая, ориентированная головой на запад–юго-запад, лежала в вытянутом положении на спине. В области головы обнаружены фрагменты тёмно-зелёной ткани типа креп и остатки покрывала, а под ними крупные древесные стружки. Вероятно, стружками была набита подушка или валик, приподнимавший голову. Справа от черепа в углу гроба на стружках лежал букетик, состоящий из «богородской травы» (чабреца) и веток с листьями чёрной смородины. Скорее всего, букет был из засушенных трав, поэтому не истлел. На голове умершей сохранились косы, уложенные на темени. На лбу найден церковный погребальный венчик. Левая рука находилась на животе, правая, сильно согнутая в локте, лежала на груди. У правого локтя погребённой обнаружена бельевая пуговица. В области груди найдены спёкшиеся фрагменты тонкой шерстяной ткани тёмного цвета от кофты или платья. На ногах сохранились фрагменты тапочек или носков из плотной материи.

Венчик представлял собой светлую широкую ленту из натурального шёлка с зубчатой кромкой по краям, с текстами молитв на старославянском языке. В центре располагались цветные изображения Иисуса Христа, Иоанна Крестителя, Пресвятой Богородицы и двух Архангелов по краям. По правую и левую стороны от изображений на древнеславянском языке имелась надпись: «Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас». Между этими изображениями в верхней части венчика располагались головки херувимов между скрещёнными крыльями. Все эти рисунки заключены в перевитую рамку. На одном конце венчика надпись дореволюционным шрифтом: «Цена 60 к. сер. (копеек серебром – авт.)». Ширина ленты 7,5 см, длина 29,5 см.

Пуговица – белая стеклянная с 4 дырочками для пришивания. Изготовлена ручным способом. Диаметр пуговицы 1 см.

Площадка над склепом 2 (рис. 12). К юго-восточному углу склепа 1, к его своду вплотную примыкала площадка из кирпича прямоугольной формы, подобная вышеописанной, принадлежащей склепу 1. Она находилась на глубине -186 см от нулевой отметки. Площадка, состоящая из 10 рядов кирпича, была ориентирована длинными сторонами по линии восток–запад с незначительным отклонением к югу. Разме-

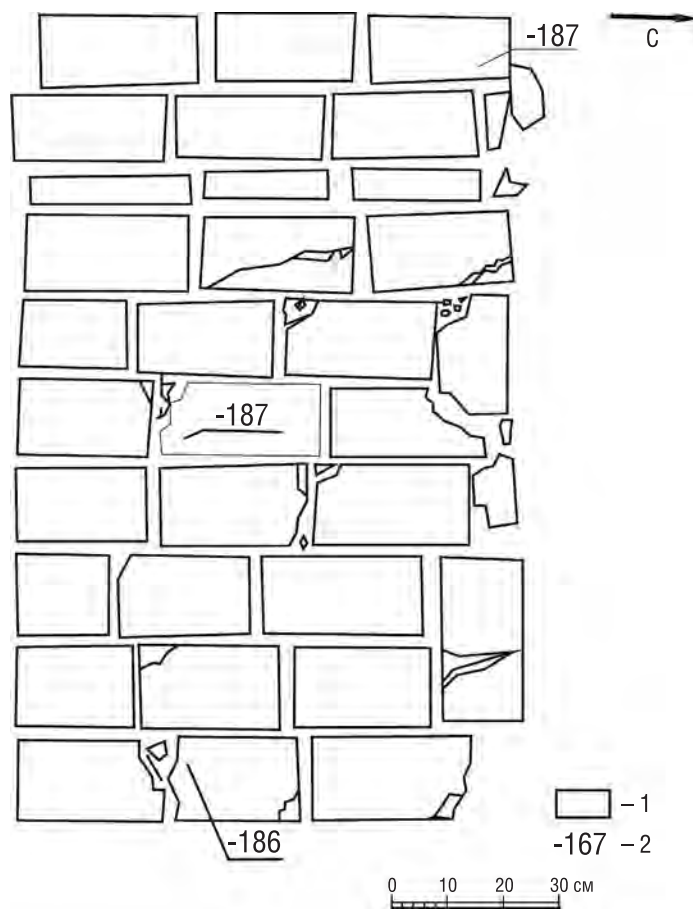

Рис. 12. Раскоп 3. Площадка из кирпича над склепом 2. Условные обозначения:

1 – кирпич; 2 – нивелировочная отметка, см

ры площадки: длина 1,35 м, ширина 0,85 м. Кирпичи лежали горизонтально, в один слой и были скреплены раствором, состоящим из глины, песка и воды. Длинными сторонами кирпичи были ориентированы по линии север–юг, в отличие от площадки склепа 1, где кирпичи лежали длинными сторонами по линии запад–восток. Величина кирпичей также отличалась. Кирпич – красный, хорошо обожжённый, имел размеры 27–25×11–13×6,5–6 см. В каждом ряду находились по 3 целых кирпича, либо части расколотых кирпичей. В северной части 2 кирпича лежали перпендикулярно к остальным, в западной части один из рядов составляли кирпичи, положенные в длину торцом. Площадка склепа 2 располагалась на 2 кирпича ниже уровня площадки склепа 1.

Склеп 2 (рис. 13). Под кирпичной площадкой на глубине -196 см от нулевой отметки был обнаружен склеп 2, который представлял собой кирпичную конструкцию в виде ящика прямоугольной формы со сводчатым потолком, ориентированную длинными сторонами по линии запад–восток с небольшим отклонением к югу. Размеры склепа 2: длина 1,38 м, ширина 0,90 м, высота 0,65 м. Свод склепа был сооружён из 8 кирпичей, поставленных ровным полукругом плотно друг к другу. В центре свода между кирпичами вставлена

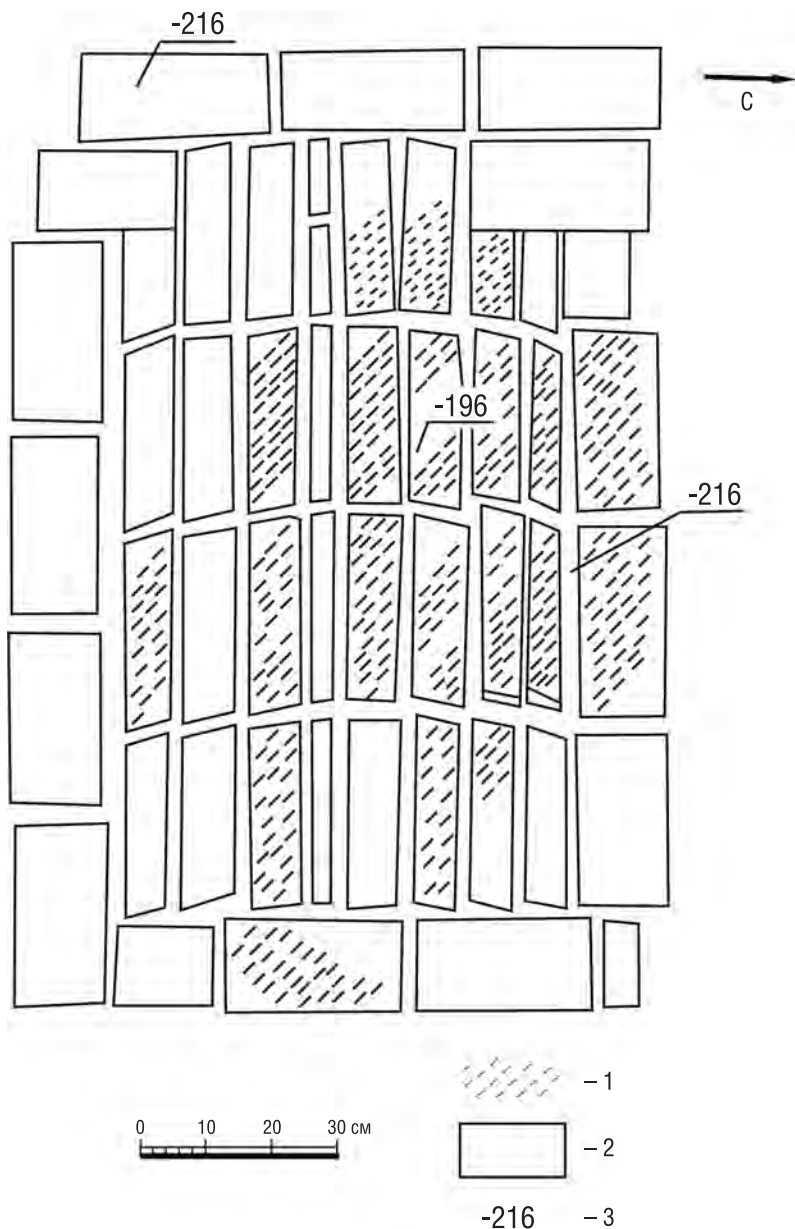

Рис. 13. Раскоп 3. Склеп 2, сложенный из кирпича. Вид сверху. Условные обозначения: 1 – обмазка; 2 – кирпич; 3 – нивелировочная отметка, см

прокладка в виде тонкого слоя, состоящего из расколотого вдоль кирпича или обломков кирпича и раствора глины, воды и песка. Этот приём кладки в «замок» был применён в строительстве склепа 1. Боковые кирпичи свода были специально расколоты наискосок, чтобы подогнать их по обеим сторонам конструкции. Снаружи, на поверхности свода, зафиксирован тонкий слой раствора желтоватого цвета толщиной 0,5 см. Пол склепа состоял из одного слоя кирпича. На полу поперёк склепа были выложены две кирпичные полосы, на которых стоял гроб.

Погребение 2 (рис. 14). В склепе 2 стоял высокий деревянный гроб с крышкой трапециевидной формы, окрашенный розовой краской. Изготовлен тщательно, аккуратно. Размеры гроба: длина 75 см, высота 30 см, ширина в области головы 35 см, в области ног 30 см. Края крышки выступали на 2–3 см над стенками гроба. При осмотре гроба крышка, имевшая плохую сохранность, провалилась. Обнажились небольшие кованые железные гвозди, четырёхгранные в сечении, с продолговатыми с закруглёнными углами шляпками длиной 1,5 см. Длина гвоздя 4,5 см. В гробу находился скелет ребёнка в возрасте до одного года. Дно гроба было усыпано крупными древесными стружками. Умерший, ориентированный головой на запад, лежал в вытянутом положении на спине. На лбу сохранился погребальный церковный венчик. На голове был чепчик ярко-синего цвета из плотной шёлковой ткани, украшенный ленточками в сборку. Под чепчиком сохранились светлые волосы. За головой обнаружен сухой букетик из «богородской» травы (чабреца). На останках ребёнка найдены фрагменты одежды из ткани зелёного цвета, матерчатый поясик и две медные (?) пуговицы от пояса или манжет рукавов. Руки ребёнка скрещены на груди. В области живота найден золотой крест на синей атласной ленточке.

Венчик представлял собой светлую широкую шёлковую ленту с ровными краями, с текстами молитв на старославянском языке. В центре располагались цветные изображения Иисуса Христа, Иоанна Крестителя, Пресвятой Богородицы, другие изображения не читались. Видны фрагменты перевитой рамки. Длина сохранившейся части ленты 25,5 см, ширина 7,1 см.

Крест – нательный, золотой, с округлыми концами и овальным приклепанным ушком (рис. 17: 1). Вырезан из золотой пластины. На лицевой стороне креста – косые перекрёстные насечки. В центре располагается шестиконечный крест, в изножии креста изображена косая сетка, в оглавии и на боковых ветвях креста – также орнамент из насечек. На оборотной стороне креста имеются клейма: клеймо с цифрами «56», обозначающими пробу золота, клеймо с датой изготовления «1875». Размеры креста – 3,3×2 см.

Пуговицы – металлические, возможно медные, диаметром 1 см, с одним отверстием в центре.

Склеп 3 (рис. 15). В 2,15 м к югу от склепа 2, на глубине -137 см от нулевой отметки был обнаружен склеп 3, большая часть которого была разрушена во время прокладки водопровода в 70-е годы XX в. Часть трубы стала видна во время расчистки склепа. Склеп представлял собой кирпичную конструкцию прямо-

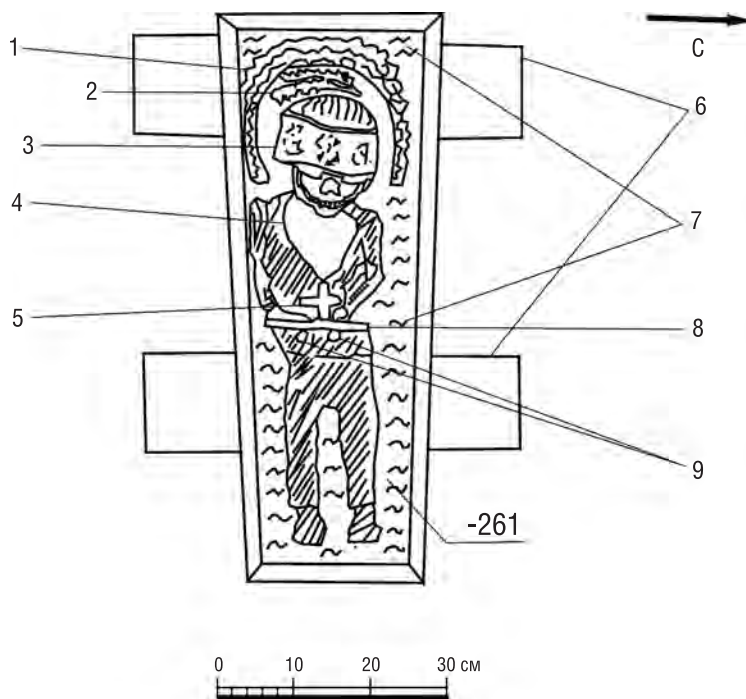

Рис. 14. Погребение 2 в склепе 2:

- 1 – чепчик из ткани; 2 – букетик из трав; 3 – венчик; 4 – лента; 5 – крестик; 6 – кирпичи; 7 – стружки; 8 – пояс; 9 – пуговицы; -261 – нивелировочная отметка, см

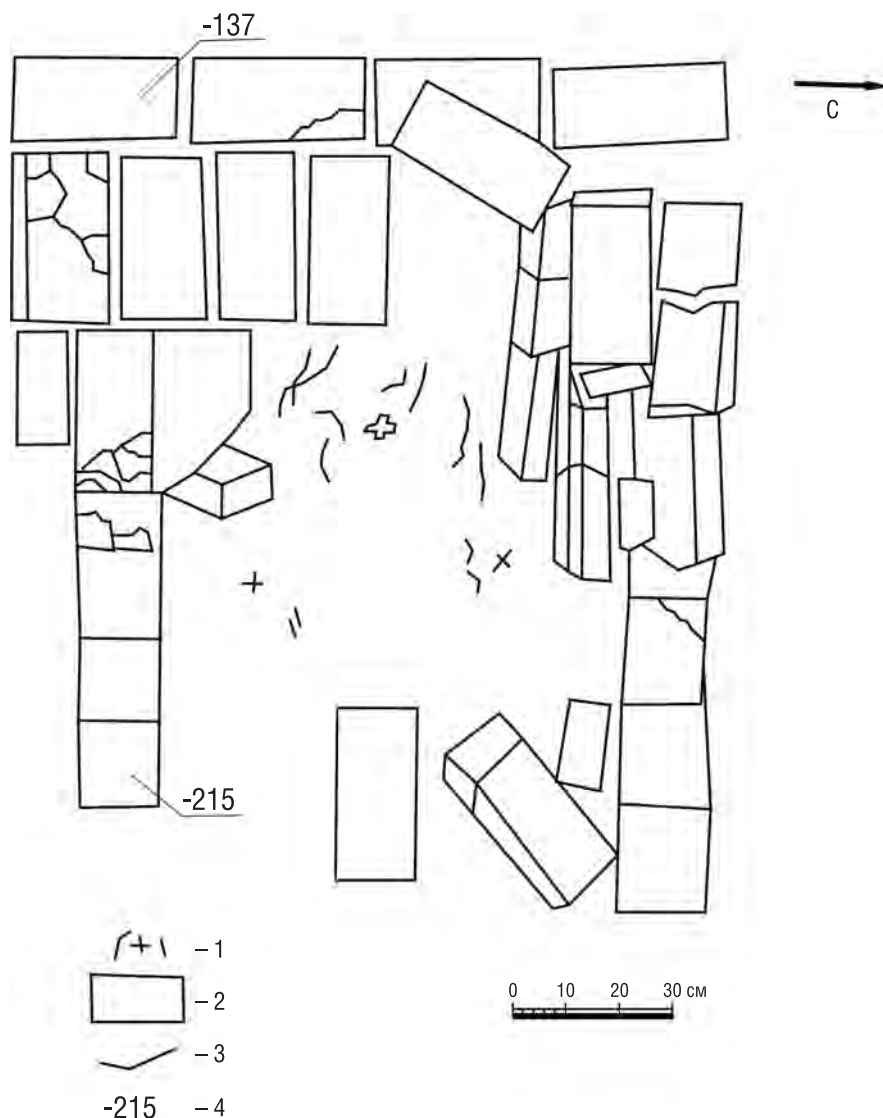

Рис. 15. Погребение 3 в разрушенном склепе 3. Условные обозначения:

1 – кости скелета ребёнка; 2 – кирпич; 3 – фрагмент тесьмы от обивки гроба; 4 – нивелировочная отметка, см

угольной формы, ориентированную по линии запад–восток с незначительным отклонением к югу. Размеры сохранившейся части склепа: длина 1,3 м, ширина 1,12 м, высота 0,9 м. Судя по ширине и другим параметрам, в склепе был захоронен ребёнок. Строительство погребального сооружения производилось традиционным способом, по аналогии со склепами 1 и 2: вначале строился кирпичный ящик с полукруглым сводом и производилось захоронение умершего члена семьи, затем над склепом укладывался слой кирпича, образующий горизонтальную площадку, которая засыпалась землёй. Кирпичи крайнего ряда западной стороны площадки были ориентированы длинными сторонами по линии север–юг, последующие ряды, судя по оставшимся боковым рядам, лежали перпендикулярно к крайнему ряду. Боковые стены склепа были выложены в 13 рядов кирпича.

Погребение 3 (рис. 15). В сохранившейся части склепа 3 были найдены фрагменты досок от детского гроба, фрагменты костей скелета ребёнка, обрывки тесьмы-бити зелёного цвета от гроба, гвозди заводского производства с небольшими шляпками.

Погребение 4 (рис. 16). В 1,1 м к северу от склепа 1, на глубине -280 см от нулевой отметки было выявлено погребение 4. Кирпичная конструкция в виде склепа над погребением отсутствовала. В слое гумусированного суглинка был обнаружен небольшой деревянный гроб плохой сохранности. На крышке гроба в центре тесьмой был выложен восьмиконечный крест. В гробу лежал скелет ребёнка 7–10 лет в вытянутом положении на спине, ориентированный головой на запад. Руки были сложены на животе. На ногах сохрани-

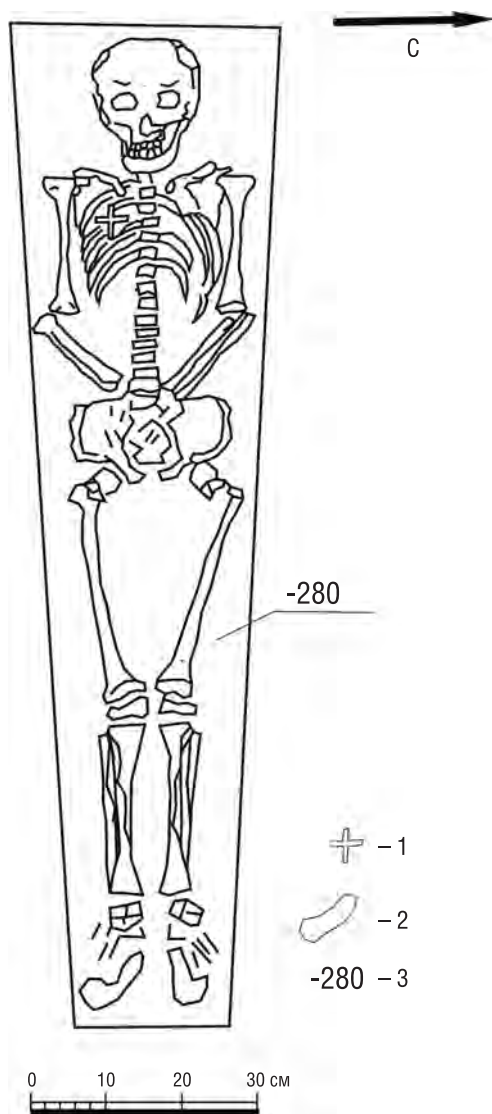

Рис. 16. Раскоп 3. Погребение 4.
Условные обозначения:
1 – крестик; 2 – остатки обуви;
3 – нивелировочная отметка, см

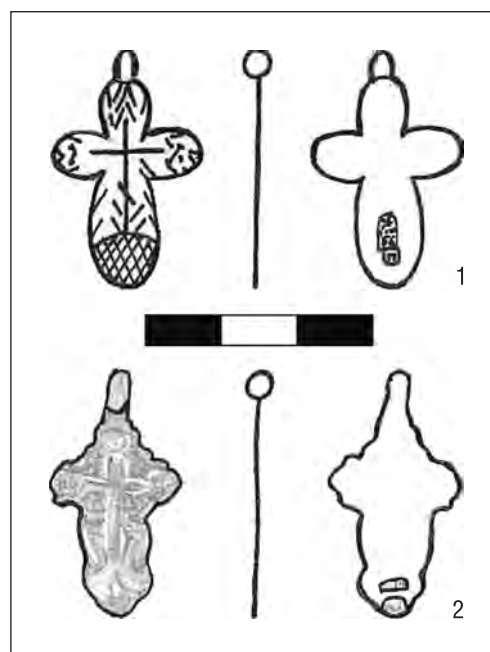

Рис. 17. Нательные крестики:
1 – из погребения 2; 2 – из погребения 4

лись кожаные подошвы от обуви. На правой стороне грудной клетки был обнаружен нательный крест. Под костями скелета зафиксирован белый тлен.

Крест – нательный, серебряный с эмалью зелёного и синего цветов с округлым ушком и фигурными концами (рис. 17: 2). На лицевой стороне изображён четырёхконечный крест, обрамлённый завитками растительного орнамента. Размеры креста: 3,1×1,8 см. По форме он напоминает женский листовидный старообрядческий крест.

Заключение по результатам археологических работ

1. В результате научно-исследовательских археологических работ были выявлены захоронения в кирпичных склепах и без них. Захоронения располагались в ряд в линию северо-восток–юго-запад. Умершие были похоронены по православному обряду. По расположению могил в историческом центре села, сложным надмогильным конструкциям и по нательным крестам, изготовленным из драгоценных металлов, следует, что погребённые принадлежали к социально значимой категории населения. Ими могли быть только господа Аксаковы – владельцы имения.

2. По выявленным сведениям: метрические книги, исторические документы, тексты надгробной плиты – известно, что из взрослых членов семьи женского пола в усыпальнице покоится только мать С.Т. Аксако-

Рис. 18. Мария Николаевна Аксакова, мать С.Т. Аксакова. Портрет неизвестного художника. Холст, масло. 1800-е годы

ва – Мария Николаевна Аксакова (рис. 18). Погребение 1 склепа 1 принадлежит женщине, по возрасту соответствующей данной особе.

3. Детские погребения принадлежат детям Сергея Аркадьевича Аксакова.

4. В процессе поиска фундамента церкви были заложены разведочные раскопы согласно информации А.С. Качарова. В раскопе 4 были выявлены строительные блоки из песчаника крупного размера, которые использовались для возведения фундамента. Стратиграфия слоёв также указывала на возведение в этом месте большого кирпичного здания, были также найдены фрагменты массивной цветной и фигурной штукатурки, каменных плит пола.

При осмотре здания клуба возникло предположение, что на его месте стояла церковь, так как его парадное крыльцо расположено на месте церковной паперти, представляющей собой хорошо отшлифованную овальную плиту со старой трещиной посередине, по бокам которой вкопаны квадратные камни из обработанного песчаника. Клуб был построен в 1959 году. Весьма сомнительно, чтобы на место парадного входа нового клуба положили плиту с трещиной посередине, перенесли её откуда-то.

Для проверки наших предположений были обследованы имеющиеся в районе сохранившиеся церкви, построенные в девятнадцатом столетии. Строительные материалы, использовавшиеся для фундамента, стен и штукатурки, а также типовая архитектура идентичны находкам из раскопов 4 и 5.

5. Скопление камней и обнаруженный резервуар в раскопе 3 (по их размерам, форме, материалам) могли являться остатками фундамента часовни.

Рис. 19. Вид на территорию кладбища господ Аксаковых в настоящее время

6. Проведённые раскопки не позволили в полном объёме определить границы родового кладбища и выявить все погребения, точные контуры фундамента церкви. В связи с этим исследования требуют продолжения.

Главный результат работы экспедиции – село Аксаково обрело утраченные святыни: родовую усыпальницу, места церкви и часовни, – поднявшись на новую ступень своей истории.

Отчёт о работах в с. Аксаково в 2003 году хранится в архиве Института археологии РАН, автор – Н.В. Овчинникова. Материалы раскопок с фотографиями были впервые опубликованы в сборнике «С.Т. Аксакову 220 лет» в г. Оренбурге в 2011 году (Печатный дом «Димур»).

В настоящее время территория кладбища господ Аксаковых благоустроена, место захоронений обнесено металлической оградой с калиткой, поверхность площадки и дорожка к ним покрыты каменными плитами, в ряд выставлены надгробия (рис. 19).

Ежегодно в начале октября к годовщине рождения писателя в Музее-усадьбе проходят Аксаковские чтения, на которые собираются почитатели его творчества, краеведы, литераторы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Сиверс А.А. Генеалогические разведки. СПб., 1913.
2. ГАОО. Ф. 172. Оп. 2. Д. 68.
3. ГАОО. Ф. 173. Оп. 7. Д. 402.
4. ГАОО. Ф. 173. Оп. 7. Д. 813.
5. ГАСО. Ф. 32. Оп. 15. Д. 303.

*ООО Научно-производственная фирма «АрхГео»,
Самара*

*Институт степи Уральского отделения РАН,
Оренбург*

N.V. Lebedeva (Ovchinnikova), E.V. Mishanina

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES ON THE TERRITORY OF AKSAKOV'S ESTATE IN THE ORENBURG REGION

Summary

The article presents the results of search and exploration of the locations of the Church of the Holy Sign of the Mother of God, chapel and family tomb of the Aksakovs in the village Aksakovo of the Buguruslansky district of the Orenburg region, which was carried out in 2002–2003 by authors of this article. As a result the family cemetery of the Aksakovs was revealed: 3 brick tombs and 4 burials were studied. One of them belonged to M.N. Aksakova, who was the mother of the writer S.T. Aksakov. There were found the foundations of a chapel and Znamensky church, where the club was built.

*N.V. Lebedeva (Ovchinnikova)
Research and Production Company "ArchGeo" Ltd.,
100/87, Sadovaya St., Samara, 443020,
Russia
E-mail: arxgeo@bk.ru
E-mail: antikvika@yandex.ru*

*E.V. Mishanina
Institute of Steppe, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
11, Pionerskaya St., Orenburg, 460000,
Russia
E-mail: orensteppe@mail.ru
E-mail: EIVMi@mail.ru*

А.В. Курбатов

ОБУВНАЯ МОДА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Введение. В существующих обобщающих работах специалисты раскрывали тему истории древнерусской одежды и обуви на широком хронологическом пространстве – от раннего (VI–VII вв. н.э.) до позднего Средневековья и Нового времени [1; 2]. Сегодня эта тема получает более углублённое понимание отдельных элементов костюма с привлечением новых источников, прежде всего археологических. В последние годы значительно вырос объём археологических находок кожаных изделий, главным образом обуви, введённых в научный оборот.

Рассмотрение обувной «моды» прежде всего требует решения вопроса о времени бытования отдельных изделий и о хронологических рамках коллекций археологических находок. Все изученные на сегодня коллекции кожаных предметов имеют широкие хронологические рамки, поддерживая мнение о неизменности бытования и самих изделий, и технических приёмов в ремесле на протяжении веков. Подобный взгляд на древнерусское кожевенное ремесло отражает классическая работа по данной теме С.А. Изюмовой. В ней кожевенное ремесло Новгорода, на материалах Неревского раскопа, несмотря на детализацию по столетиям, всё равно даётся в виде общего описания изделий, бытовавших в X–XIV вв. и позднее. Слабо менялись на протяжении пяти столетий формы низкой и высокой обуви. Появление новых вариантов сапог или процентное уменьшение туфель и поршней выглядят как изменения количественные, а не качественные [3, с. 210–216].

Работы последнего времени показывают достаточно динамичную смену форм и стилей обуви в Западной Европе. Это же подтверждается и при углублённом подходе к рассмотрению археологических материалов в древнерусских городах. Такой взгляд объясняет изменения средневековой обуви в разных регионах Европы по полустолетиям или даже по четвертям веков. Поэтому правомерно ставить вопрос о своеобразной средневековой обувной «моды» в древнерусских городах [4, с. 102–115].

Археологические материалы. В археологических материалах многих древнерусских городов лесной зоны самой многочисленной группой кожаных изделий предстаёт обувь. Обычно она встречается в виде разрозненных деталей и обрезков. Полные наборы деталей обуви находят редко, что затрудняет определение конструкций, моделей и фасонов. Опыт работы с археологическим кожевенным материалом показывает, что полная реконструкция моделей обуви возможна только при наличии всех деталей каждой модели.

Представленные модели обуви реконструированы на основе изложенных принципов и делаются на группы по особенностям эксплуатации. Они охватывают широкие хронологические рамки – от VIII/IX до XVII/XVIII вв. Археологические материалы из средневековых городов России позволяют выделить несколько видов обуви, различных по конструкции и декору, способам крепления на ноге, степени защиты стопы и голени от внешней среды. Эти виды обуви изменяются на протяжении всего Средневековья, сохраняя своё типологическое деление. Их развитие раскрывает постепенное разделение обуви по назначению, а также стандартизацию моделей и фасонов в рамках каждого исторического периода. Всё многообразие моделей включает обувь повседневную, специальную, погребальную и региональную. В развитии конструкций обуви выделены длительные стилевые направления и более короткие «сезоны» собственно моды. К **повседневной общепотребительной обуви** отнесены те формы, которые бытовали на широкой территории Руси длительное время, – это кожаные поршни, «комнатные» или «рабочие» туфли, мягкие туфли, сапоги и башмаки.

Поршни. Это форма низкой обуви самой простой конструкции, сохранялась в средневековом профессиональном ремесле только на Руси. Как форма «примитивной» обуви, сшитой из одного куска кожи, поршневидные модели бытовали повсеместно и, возможно, имели региональные названия. Для ознакомления с вариантами конструкций и распространением их в русских средневековых городах можно обратиться к специальным работам (см. [5, с. 48–50]).

В городских слоях древнерусского времени встречены так называемые простые и ажурные поршни. От них конструктивно отличаются поршни позднего Средневековья (XVI–XVII вв.) и т.н. составные поршни – особая форма региональной обуви.

Поршни простые (рис. 1: 1) встречены практически во всех русских городах, где сохранился средневековый культурный слой с органикой: в Новгороде и на Рюриковом Городище, в Пскове, Твери, Торжке, Торопце, Смоленске, Полоцке, Белоозере, Минске, Берестье, Витебске, Заславле, Москве, Орешке, Гродно,

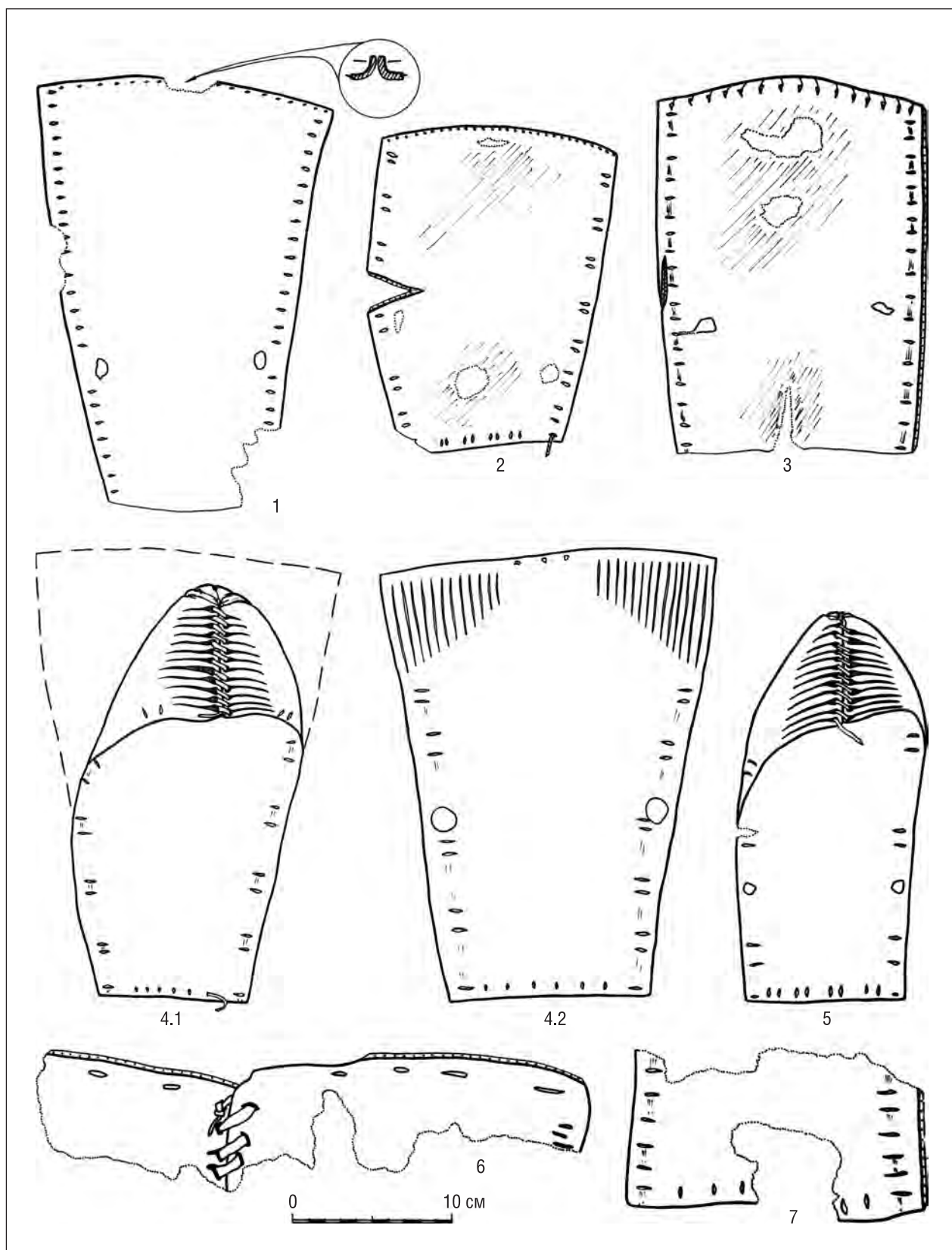

Рис. 1. Тверь. Раскоп ТК(Тверской кремль)-11. Поршни простые (1-3, 6-7) и ажурные (4-5)

Старой Руссе. Общую оценку этого вида обуви дают возможность сделать отдельные представительные коллекции. В Берестье в слоях XII–XIV вв. найдены 43 поршня, из них 35 простых. Носок и пятка поршней стягивались ремешками, образуя мелкие регулярные складки, края которых подрезаны. По оценке П.Ф. Лысенко [6, с. 288], сшитые поршни имели длину 18–32 см, а размеры заготовки превышали длину ступни на 2–5 см и ширину на 5–10 см.

В Тверском кремле простые поршни найдены в горизонтах последней четверти XIII – 80-х годов XIV в. Отмечена неравномерность их распределения на площади раскопа. Концентрация поршней связана с усадьбами 10-х – первой половины 60-х годов XIV века. Большую часть их шили профессиональные кожевники, но есть и непрофессиональные изделия. При пошиве использовали и новую, и бывшую в употреблении кожу – обрезки голенищ сапог и другие изделия. По целым раскройкам определены размеры стопы пользователей, в основном – это подростки и женщины с длиной стопы не более 24,5 см. Только один предмет мог носить человек со стопой 26 см или более.

Непрофессиональный («домашний») пошив поршней отражён в упрощении раскроя, признаками которого служат: неправильной формы раскройка из обрезка изделия с сохранившимися швами и редкие неправильной формы вырезы под оборы; носок, сшитый кожаными ремнём с неровными вырезами для оборы. В отдельных случаях, несмотря на небрежность кроя и сшивания краёв, видно, что изготовители имели достаточный опыт работы с кожаным материалом. Можно предположить, что небрежность мастеров отражает их понимание поршня как предмета только функционального, утилитарного. Безразличие к эстетике производимых изделий, возможно, соответствует манере сельского мастера-обувщика, переселившегося в город.

Поршни ажурные сохраняют общий принцип конструирования данного вида обуви, но отличаются оформлением носка (рис. 1: 4, 5). Под прямым углом к переднему краю раскройки и отступая от него на 1 см, делали 6–8 прорезов длиной 3–5 см, расположенных вдоль боковых обрезов заготовки на расстоянии 0,5–1,0 см друг от друга. При стягивании носка кожаный ремешок спирально проходил через каждый прорез. Далее ремешок протягивался сквозь боковые вертикальные короткие прорезы к пятке. Пятка оформлялась двояко: или была стянута кожаными ремешком, как в простых поршнях, или в пятке делался прямоугольный вырез, а боковые края сшивались между собой кожаными ремешком и затем пришивались к подошвенной части поршня.

Ажурные поршни также известны во многих древнерусских землях, в частности в Новгороде, Смоленске, Пскове, Гродно, Давид-городке, Минске, Полоцке, Торопце, Твери, Берестье. Размеры тверских изделий показывают, что их носили взрослые женщины с длиной стопы 22,5–25 см.

Расхождения в датировке комплексов и слоёв (от XI до XIV вв.), содержащих ажурные поршни, не затмевают их видимого доминирования в узко датированных комплексах XIII – первой половины XIV в. Относительная малочисленность таких поршней в сравнении с простыми поршнями и другими видами обуви предполагает кратковременную традицию их пошива – своего рода «моду».

Поршни позднего Средневековья. В русских городах в XV–XVI вв. поршни были едва ли не единственным видом обуви, кроме сапог. В комплексе первой половины XVI в. из Ивангородской крепости есть 15 целых и 37 фрагментов поршней. Они делятся на две группы по манере сшивания носка и пятки, а также по наличию/отсутствию декора [7, с. 25 и сл.]. Изделия первой группы имели в носке частые прорезы по длинной стороне – длиной 2,5–3 см, частота – 0,5–0,6 см. В каждой надрезанной полосе, в свою очередь, был сделан прорез, в который продевалась обора (рис. 2: 2, 3). При стягивании оборы эти полуотрезанные полосы разворачивались на 90°, образуя декоративный кант на подъёме стопы. Шов по носку стягивался кожаными ремешком с образованием плетёнки – *плетёшка*. Раскройки поршней второй группы в носке не имели частых надрезов для декоративного канта и язычка, края носка сшивались обмёточным швом. Изделия этой группы отличает простота и некоторая небрежность раскроя и сборки. Кожа этих поршней иногда была плохо выделана и жирована.

Самая крупная коллекция поршней первой половины XVII века найдена в Мангазее. При раскопках 1968–1973 гг. и 2001–2007 гг. встречен 221 поршень. Практически все изделия скроены из одного куска кожи, носок и пятка стянуты или сшиты растительной нитью, а кожаная обора стягивала верх обуви на стопе. Большинство изделий имеют следы пришивания подметок, возможно уже к новопошитой обуви. По конструкции и декору выделены 3 группы изделий. Первая группа включает предметы с трапециевидной раскройкой, где носок преимущественно сшивался тачным швом. Ряд моделей имеют фигурный обрез переднего края с центральным язычком и изгибом к краям. У поршней этой группы есть декор по носку, аналогичный изделиям первой группы из Ивангорода (рис. 3: 1–4). Ко второй группе отнесены немногие поршни со стянутыми или сшитыми носком и пяткой. Их отличает большая простота в изготовлении. Малое число таких изделий позволяет считать их вариантом поршней 1-й группы, изготовленных «по случаю» самими пользователями. Третья группа включает нескольких десятков изделий и отдельных деталей особого, северного, облика и манеры раскроя. Основная деталь имеет подтрапециевидную форму, сильно расширенную в носке, с овальным или «шлемовидным» обрезом переднего края, с центральным язычком (рис. 3: 5, 6; 4). Дополнительная треугольная деталь вшивалась на подъёме, закрывая пальцы и стопу. Её иногда украшали оттиски линий, образующих треугольники, расходящиеся от центра лучи, «дорожки» и «ёлочку». Эти поршни являются самобытной формой обуви аборигенов севера Западной Сибири, сохранившейся до XX в. [8, с. 214–215].

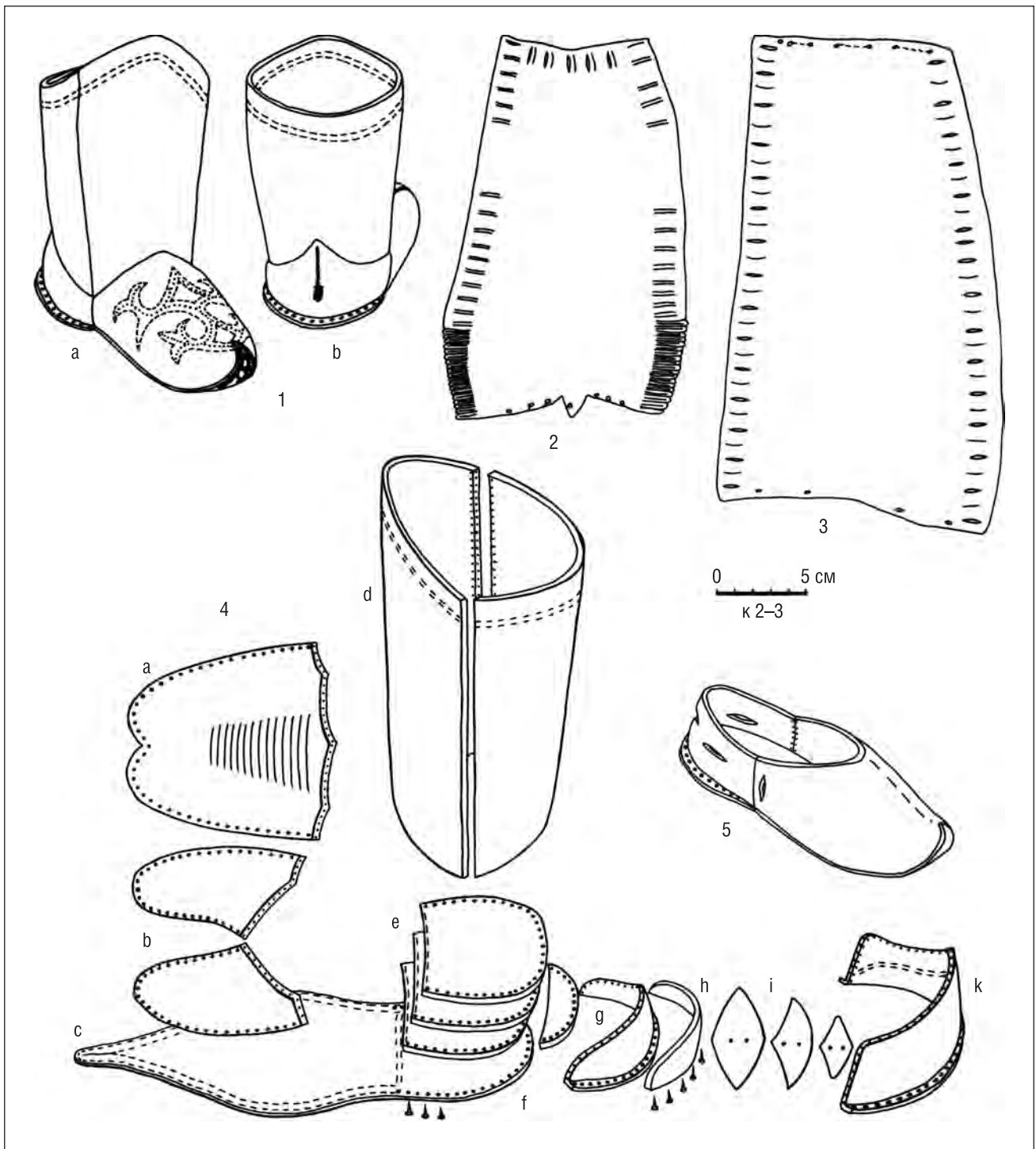

Рис. 2. Крепость Ивангород. Обувь конца XV – первой половины XVI века:

1 а, б – реконструкция сапога, вид спереди и сзади; 2–3 – раскройки поршней; 4 – схема сборки сапога: а – головка, б – двухчастный поднаряд, с – подошва, d – голенище, е – 4 подпяточные подкладки, f – железные гвозди, g – карман задника, h – берестяной вкладыш, i – 3 прокладки в карман задника, k – задник; 5 – опорок сапога

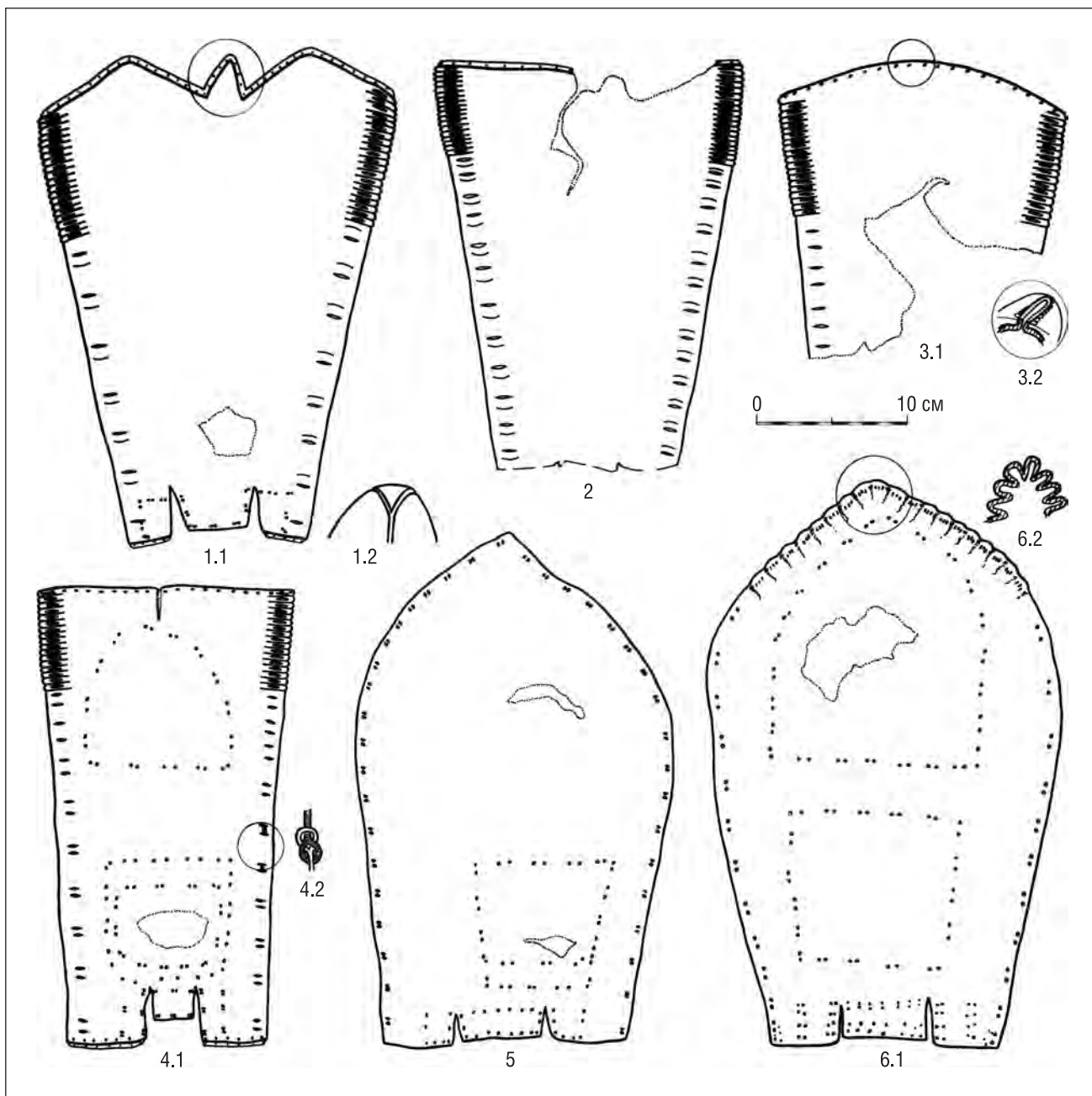

Рис. 3. Мангазея. Раскопки 1968–1973 гг. Поршни первой (1–4) и третьей (5–6) групп.
Раскройки и особенности сборки

«Рабочие» или «домашние туфли». Название этого вида обуви условно, оно отражает простоту конструкции и отсутствие декора, предполагая повседневное ношение при различных работах. Определённо о группе специальной рабочей обуви можно говорить только с конца XV–XVI в. Как особый вид «рабочие туфли» впервые выделены в Тверском кремле. Позднее они были определены в материалах Торопца, Полоцка, Берестья, Старой Руссы, Новгорода и Пскова [5, с. 47–48]. Конструкция «рабочих туфель» неизвестна в других странах Европы.

Ранний вариант этой обуви встречен на Рюриковом Городище в комплексе конца XI – первой половины XII в. Здесь полностью сохранилась туфля в «эксплуатационном состоянии». Это цельнокроеная низкая мягкая обувь, у которой основной шов лежал на продольной оси «подошвенной зоны» (рис. 5: 1). Она скроена из тонкой кожи мелкого рогатого скота (МРС) и дополнена 6 внутренними деталями. Верхний край ос-

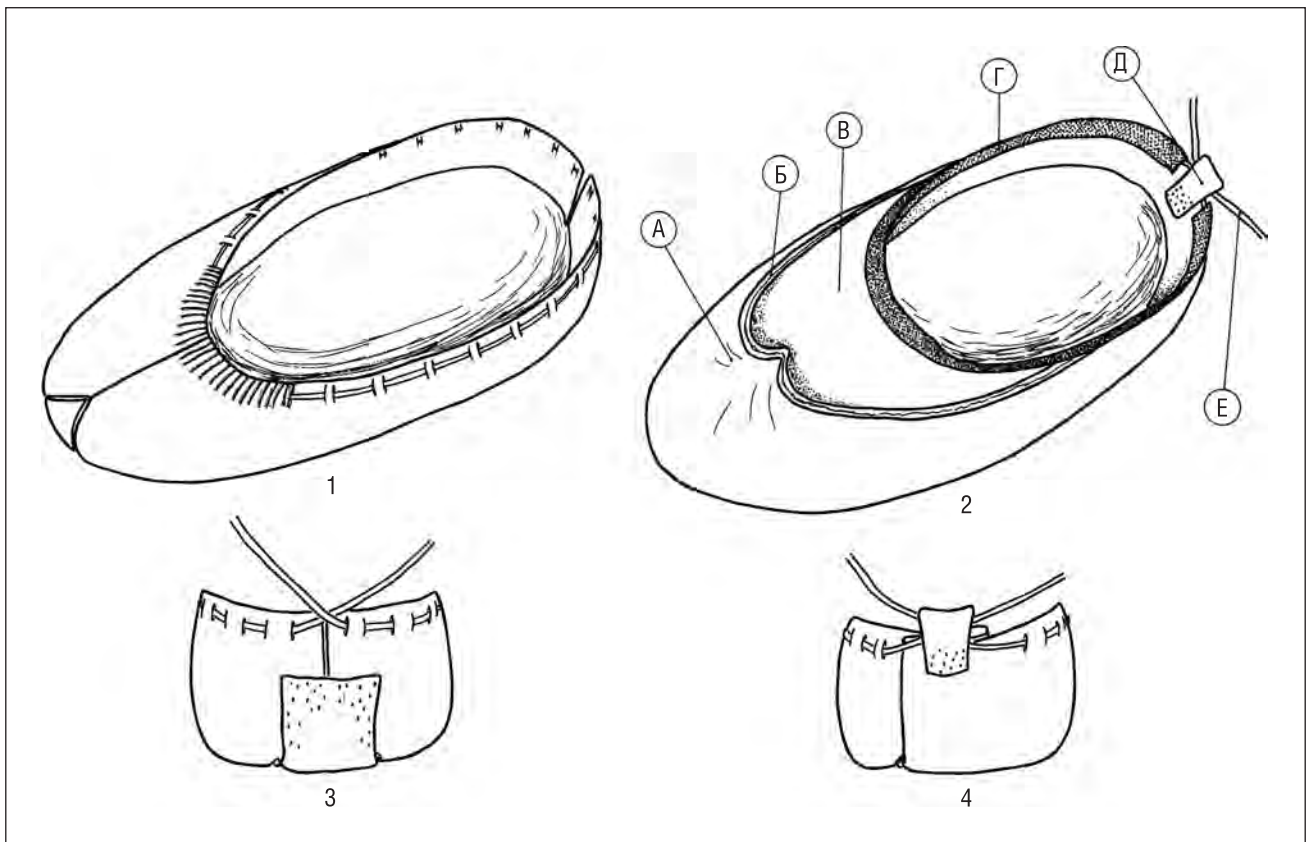

Рис. 4. Мангазея. Раскопки 2001–2007 гг. Реконструкция поршневидной обуви:
 1 – общий вид поршня 1-й группы; 2 – общий вид и детали конструкции поршня 3-й группы:
 А – основа раскройки, Б – кожаные прокладки, В – носок, Г – тканая обшивка верха, Д – петля пяточная,
 Е – ремешок – *обора*; 3 – конструкция пятки с полуотрезным клапаном; 4 – пятка оформлена «внаклад»

новой детали был загнут внутрь и подшит к внутренним деталям. Подобная пара туфель второй половины XI–XII в. найдена в Старой Руссе [9, с. 97–99; 10, с. 267–271].

В целом данный вид обуви показывает своеобразие конструирования, сложившееся в русской средневековой среде. Но основной конструктивный элемент – продольный шов на «подшве» – известен в формах мягкой обуви у населения юга Восточной Европы – на Северном Кавказе. Например, мягкие женские туфли-чувяки с таким швом были найдены в могильнике VII – IX вв. Мошевая Балка на р. Лабе в Прикубанье. А.А. Иерусалимская писала, что «однотипную обувь типа чувяков разные народы Кавказа сшивают по-разному: осетины – со швом по верху, адыгские народы – со швом по подметке». Е.Н. Студенецкая, напротив, отмечала сходный способ пошива обуви в этнографическом костюме у всех народов Северного Кавказа. З.В. Доде также считает возможным говорить о сложении единого костюма для всего кавказского региона, а не в рамках этнических групп, что обусловлено особенностями рельефа, климата и подручного материала [11, с. 17; 12, с. 98; 13, с. 19].

Поздний вариант «рабочих туфель» (рис. 6) также встречен в материалах первой половины XII века на Рюриковом Городище, где выделены 2 полные модели. Конструкция включает 2 основные детали (переднюю и заднюю) и кожаную прокладку в подошвенный шов. Форма передней детали напоминает головку сапога, но с важным отличием – ширина её значительно больше длины, а боковые обрезы имеют тупой угол (около 125°) на стыке с передним обрезом. Характерная стёртость передней зоны детали свидетельствует о том, что она служила одновременно верхом и подошвой. Задник также напоминает однотипную деталь сапога, но имеет большую высоту и особую стёртость на «подшве».

В тверской коллекции последней четверти XIII – первой половины XIV века «домашние туфли» выступают едва ли не самой популярной формой обуви. Число деталей и обрезков «домашних туфель» значительно превышает другие формы обуви в нижних горизонтах культурного слоя, вплоть до слоёв начала 60-х гг. XIV в. В коллекции относительно мало целых деталей (46 ед.), но очень много обрезков «подшвы». Это объясняется тем, что в отсутствие отдельно кроеной подошвы истирание зоны «подшвы» заставляло менять всю деталь [5, с. 48, рис. 43: 5, табл. 12]. При ношении в обувь вкладывали стельки из кожи, войлока или ткани. В Твери найдены 16 таких стелек.

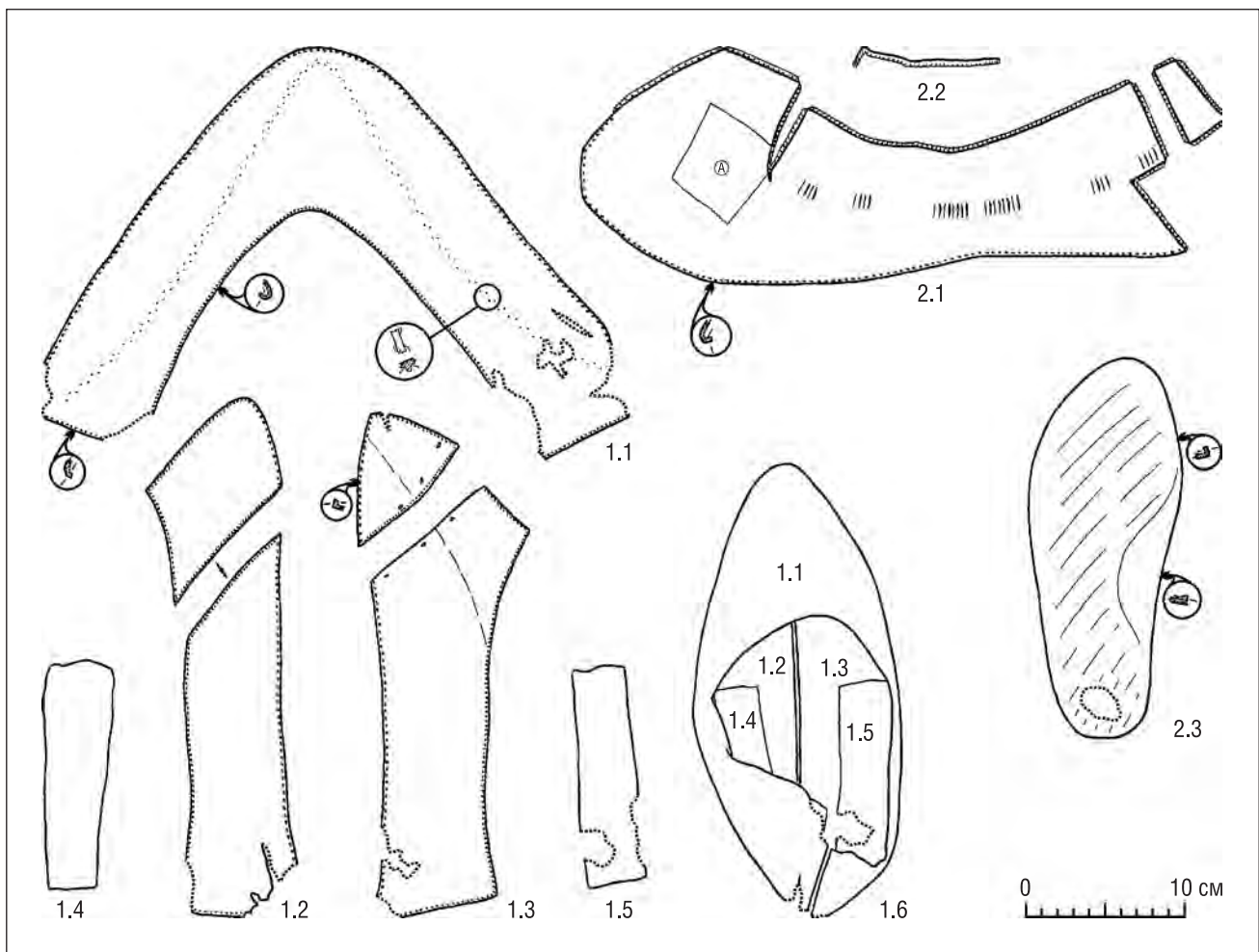

Рис. 5. Рюриково Городище. Раскоп 2002 г. Раскройки деталей двух моделей туфель

Туфли и башмаки. Мягкие туфли были основным видом низкой обуви в древнерусских городах до середины XIV века. Выделяются хронологические группы раннего и развитого Средневековья. **Туфли раннего Средневековья** встречаются на Земляном городище в Старой Ладогe, в слоях IX – первой половины X века. В своё время Е.И. Оятева выделила мягкие туфли (в её описании – башмаки) восьми видов кроя [14, с. 43–48, рис. 1]. Среди них отмечены симметричные и асимметричные раскрои верха. Позднее был найден новый – 9-й вид кроя туфель [15, с. 112–113]. В настоящее время можно говорить о 10 формах раскроев. Большая часть видов обуви разделялась для правой и левой ноги, что выразилось в асимметричном раскрое подошвы, а верх всегда имел боковой шов на внутренней стороне стопы.

Туфли 1-го–3-го видов представляют асимметричные варианты кроя верха, со швом сбоку. Существовали незначительные различия в особенностях раскроя и в формах декора (рис. 7В: I–III). Так, верх туфель 3-го вида кроен из двух деталей. Основная деталь – асимметричная, имеет глубокий разрез, наметивший головку и вырез снизу в области пятки. Дополнительная деталь в форме трапеции подшивалась спереди и заходила на внутреннюю сторону стопы. Она была орнаментирована 3–4 полосами коротких нарезок по каждой стороне. Декор включал рельефную полосу – валик с расшивкой по оси носка, который можно называть ложным швом, и двуспиральный вырез – завиток на внешней стороне стопы. Выделены три формы завитков – в 1,5, 1 и 0,5 оборота. Это различие показывает своеобразие работы мастера над каждой парой обуви.

Туфли 4-го–6-го видов отличает композиционная идея кроя верха – симметричность двух его половин относительно пятки. Декором служил «ложный» шов в виде валика с расшивкой по оси носка. Для этих туфель сшивание двух половин носка предполагает прохождение шва по продольной оси в носке. Однако полный верх показывает, что носки на двух половинах детали верха имели разную ширину. При сшивании половин носка шов заметно смещался на внешнюю(?) сторону стопы, что объясняет непонятную ранее асимметрию верхнего края и переднего шва (рис. 7В: IV–VI).

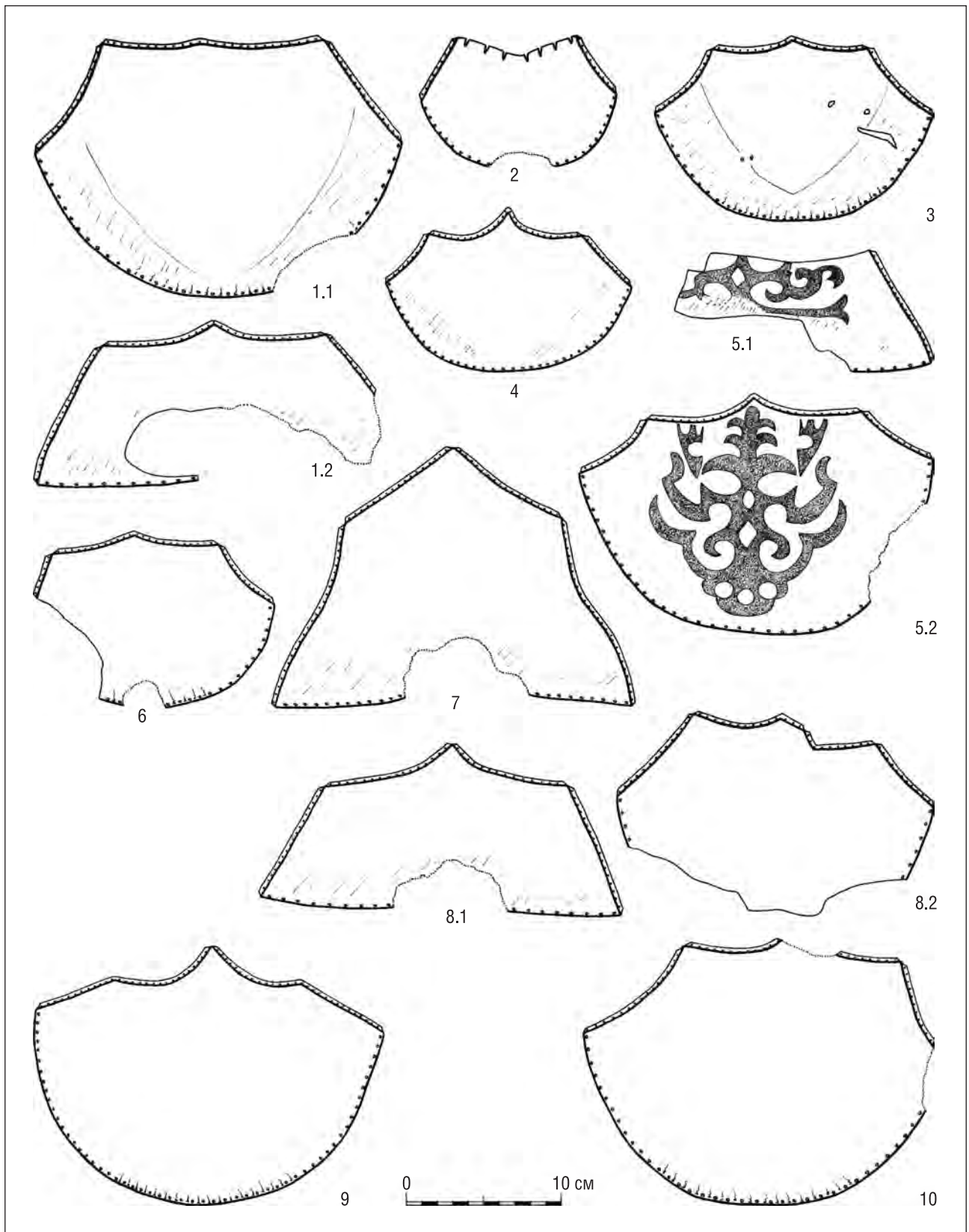

Рис. 6. Тверь. Раскоп ТК-11. «Рабочие» или «домашние» туфли. Головки и задники

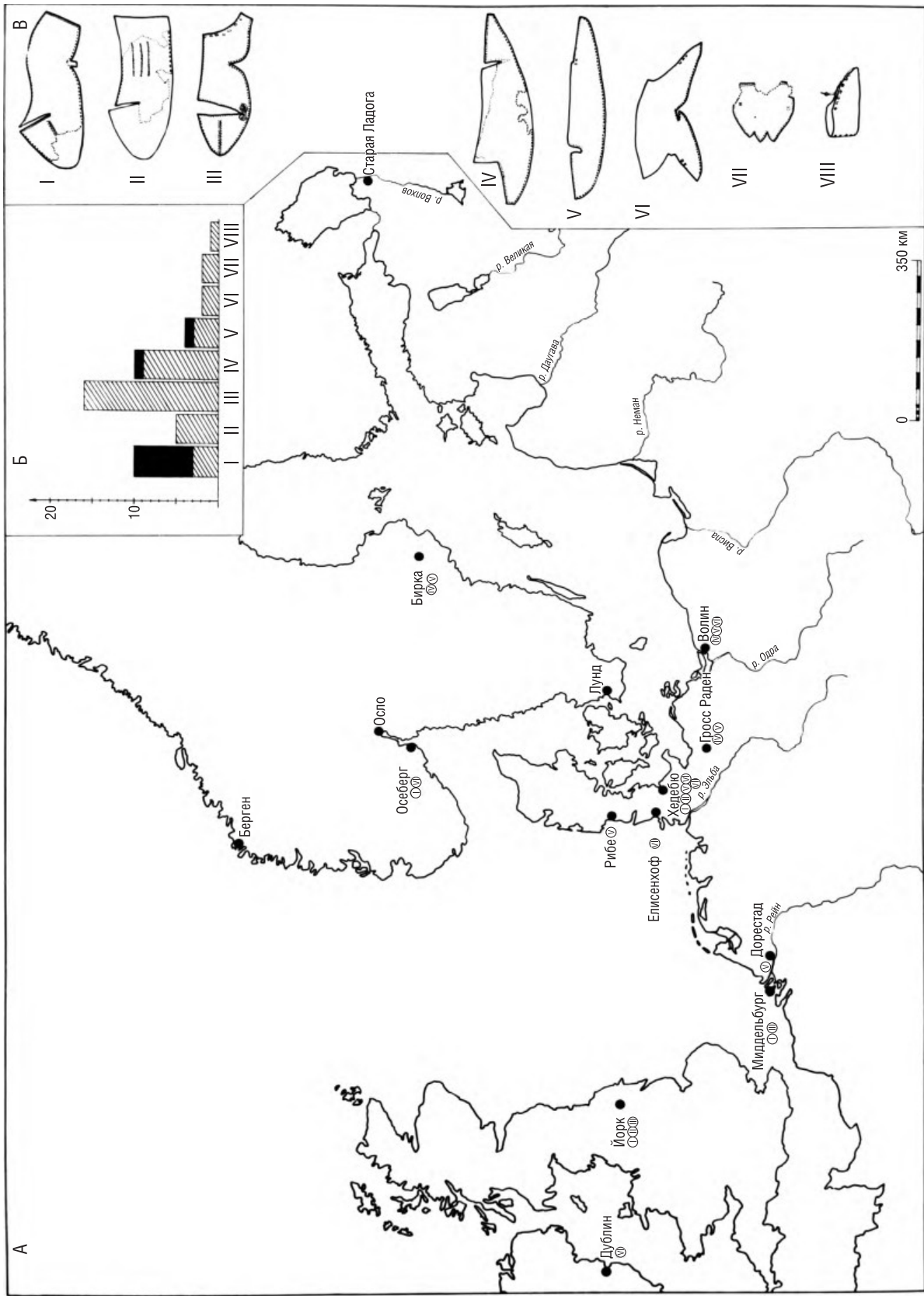

Рис. 7. Карта моделей обуви VIII–X вв. на памятниках в Европе, близких к видам I–VIII из Старой Ладоги (по Е.И. Оятевой [14]):

А – карта памятников, где встречены сходные формы обуви; Б – количество ладожских находок по видам кроя (заливка – находки 1975–1976 и 1991 гг.; штриховка – находки, учтённые Е.И. Оятевой); В – виды кроя (по Е.И. Оятевой)

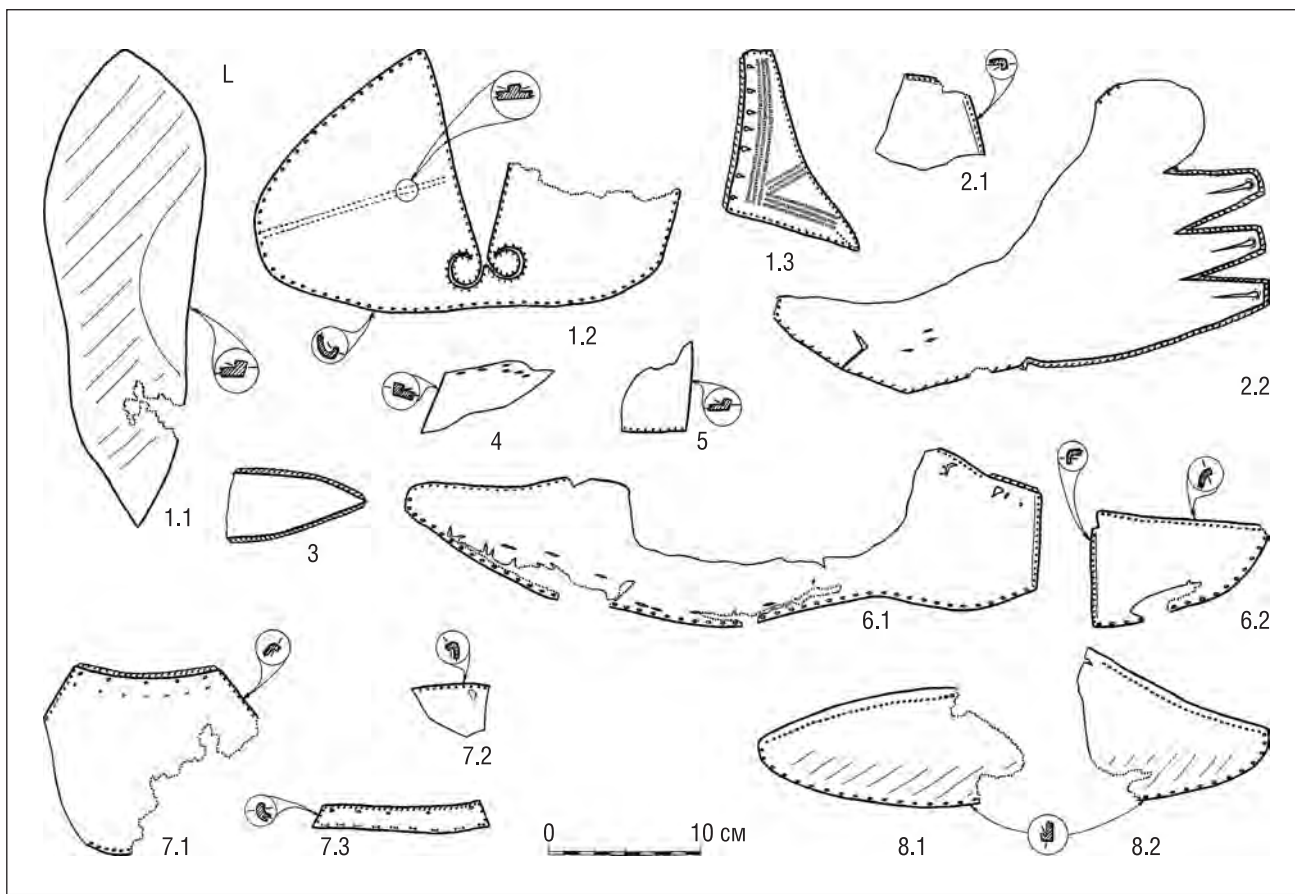

Рис. 8. Старая Ладога. Раскоп 2009 г. Кожаные предметы: подошвы (1.1, 4, 5, 7.2); детали верха туфель (1.2, 2–3, 6, 7.1, 7.3, 8) (L – «для левой ноги»)

Туфли 7-го и 8-го видов представляют особую традицию раскроя – это цельнокроеные «поршневидные» модели (рис. 7В: VII–VIII). Туфли 7-го вида – выкроенные, но с вырезами на концах детали, отмечающими границы верха и подошвы. Раскройка в форме трапеции имеет вдоль участка «верха» по бокам 5 вырезоз для кожаной оборы, продёрнутой горизонтально и стянутой вокруг щиколотки. Туфли 8-го вида тоже кроены из одного куска кожи в форме трапеции. Носок и пятка сшиты кожаными ремешками. Вдоль боковых частей верха есть несколько пар вырезоз для горизонтального ремешка, стягивавшего обувь на щиколотке.

Типология форм раннесредневековой ладожской обуви, по Е.И. Оятевой, не оставляет места для некоторых находок. Например, в 1959 г. была обнаружена часть детали верха башмака с фигурно обрезанным краем и выделенным ремешком-застёжкой длиной около 7,0 см и шириной 1,5 см, с прорезом на конце для крепления кожаной пуговицы (рис. 8). Три подобные пуговицы сохранились *in situ* на деталях. Эту и другие подобные находки следует выделить в 9-й вид ранней старолadoжской обуви.

Ещё одна техническая особенность ранней ладожской обуви выявлена только в недавнее время. В раскопках 1998 и 2004 гг. найдены 4 фрагмента двух(?) цельнокроеных моделей типа позднейших поршней с раскройкой четырёхугольной формы, со скруглённым или срезанным под разными углами («ломаным») передним краем. На длинных сторонах раскройки имеется ряд частых прорезей для кожаной оборы. Ширина прорезей составляет 3 мм, а расстояние между ними 2,5–3 мм. Края детали на носке и пятке оформлены рядом мелких треугольных вырезоз. В каждом из получившихся небольших треугольных язычков сделан прорез для оборы. Такое оформление «зубцами» края поршня встречено только на обуви раннего Средневековья (рис. 9). Эти находки можно назвать поршневидной низкой обувью и выделить в отдельный вид 10.

Туфли развитого Средневековья. Здесь выделены три хронологические группы, имеющие конструктивные и стилевые различия. Модели каждой группы описаны по какой-либо одной коллекции, наиболее представительной для каждого периода.

Период **последней четверти XI – первой половины XII века** хорошо представлен по раскопкам Рюрикова Городища в 2000–2004 гг. [9]. Здесь встречены только формы низкой мягкой обуви. Все подошвы однослойные, кроены из относительно тонкой кожи. Имеются фрагменты вытянутой заострённой пятки по-

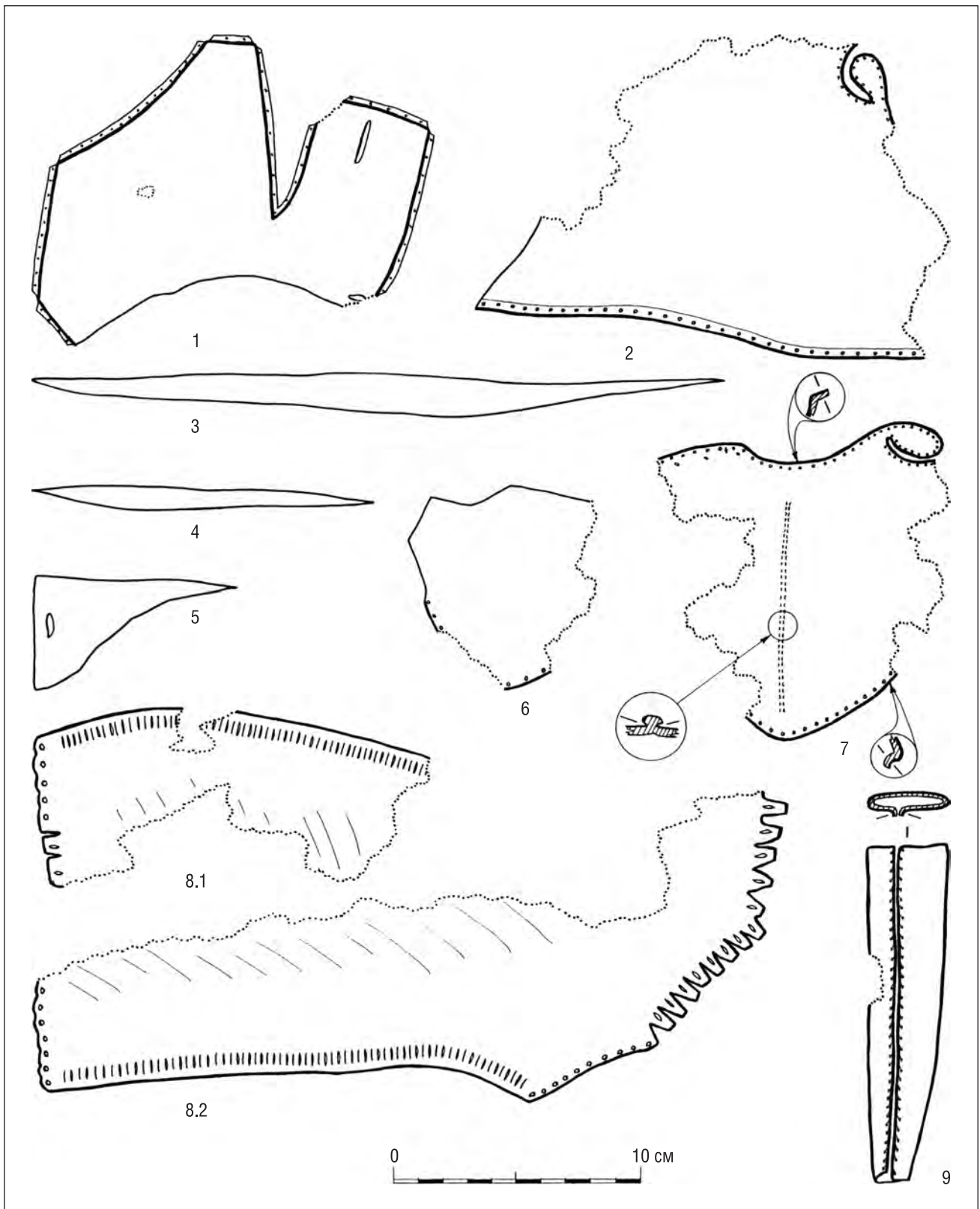

Рис. 9. Старая Ладога. Раскопы 1997 (2–7), 1998 (8–9) и 2002 (1) гг. Кожаные предметы: детали верха туфель (1, 2, 6, 7), поршня (8), чехол для ножа (9), обрезки от раскроя (3–5)

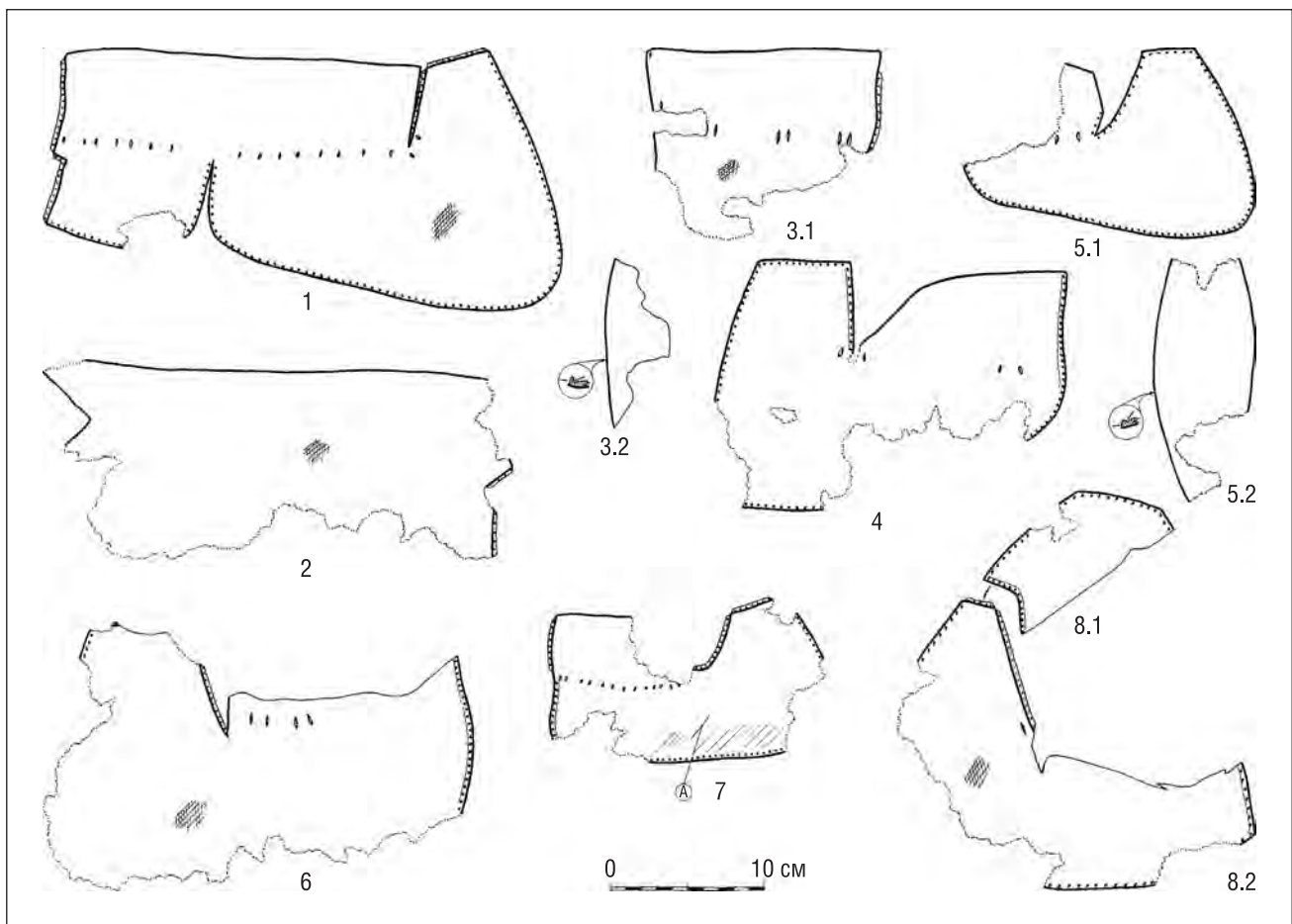

Рис. 10. Рюриково Городище. Раскоп 2004 г.
Раскройки туфель асимметричного (1–3) и симметричного (4–8) края верха

дошвы, но их недостаточно, чтобы судить о популярности такой формы края. По деталям верха можно выделить 2 варианта края.

Первый вариант включает детали верха асимметричного края, где носок отделён полуотрезом от боковины с её откидным (отложным) воротом. Парные прорезы для обор редкие – по 2–3 с каждой стороны (рис. 10: 1–3). Иногда к отвороту подшивалась дополнительно сильно вытянутая треугольная деталь. Там же сохраняются следы использования обшивки края.

Второй вариант объединяет детали симметричного края – отдельную головную деталь и 2 боковины. Сохранилась одна полная модель, лежавшая в слое в собранном состоянии. По верхнему краю отворота пришивалась узкая полоса обшивки. Прорезы для оборо располагались группами: по 4 прореза на боковых частях изделия и по 8 – на обеих сторонах задника (рис. 10: 4–8).

Сумма конструктивных и стилистических признаков определяет место находок с Рюрикова Городища среди разновременных городских комплексов Западной и Восточной Европы. В коллекции обращают на себя внимание асимметричный край верха полной модели и видимая стандартизация края. Подобный раскрой характерен для древнерусских и западных моделей с XI века. В сочетании с употреблением относительно тонкой кожи, расположением прорезей для обор и использованием обшивки края эта манера края указывает на вторую половину XI – начало XII века как наиболее вероятное время пошива обуви. Своеобразие данных изделий определяют малая толщина материала и «стиль» шивных соединений – использование относительно тонкой нити для разных швов и очень короткие стежки. Такая манера пошива обуви отражает: 1) сложение профессионального кожевенно-обувного ремесла и высокую квалификацию мастеров; 2) отличие находок с Городища от комплексов XII–XIII вв. из Новгорода, Пскова и других древнерусских городов. Наиболее близкими надо считать модели обуви из Белоозера, а из западных коллекций – материалы XI – начала XII века из Лунда и Трондхейма [16, с. 116].

Конец XII – первая половина XIII века. Этот период представляет коллекция из раскопок на Верхнем Замке Полоцка (рис. 11). Детали низких туфель (99 экз.) здесь преобладают среди других форм обуви

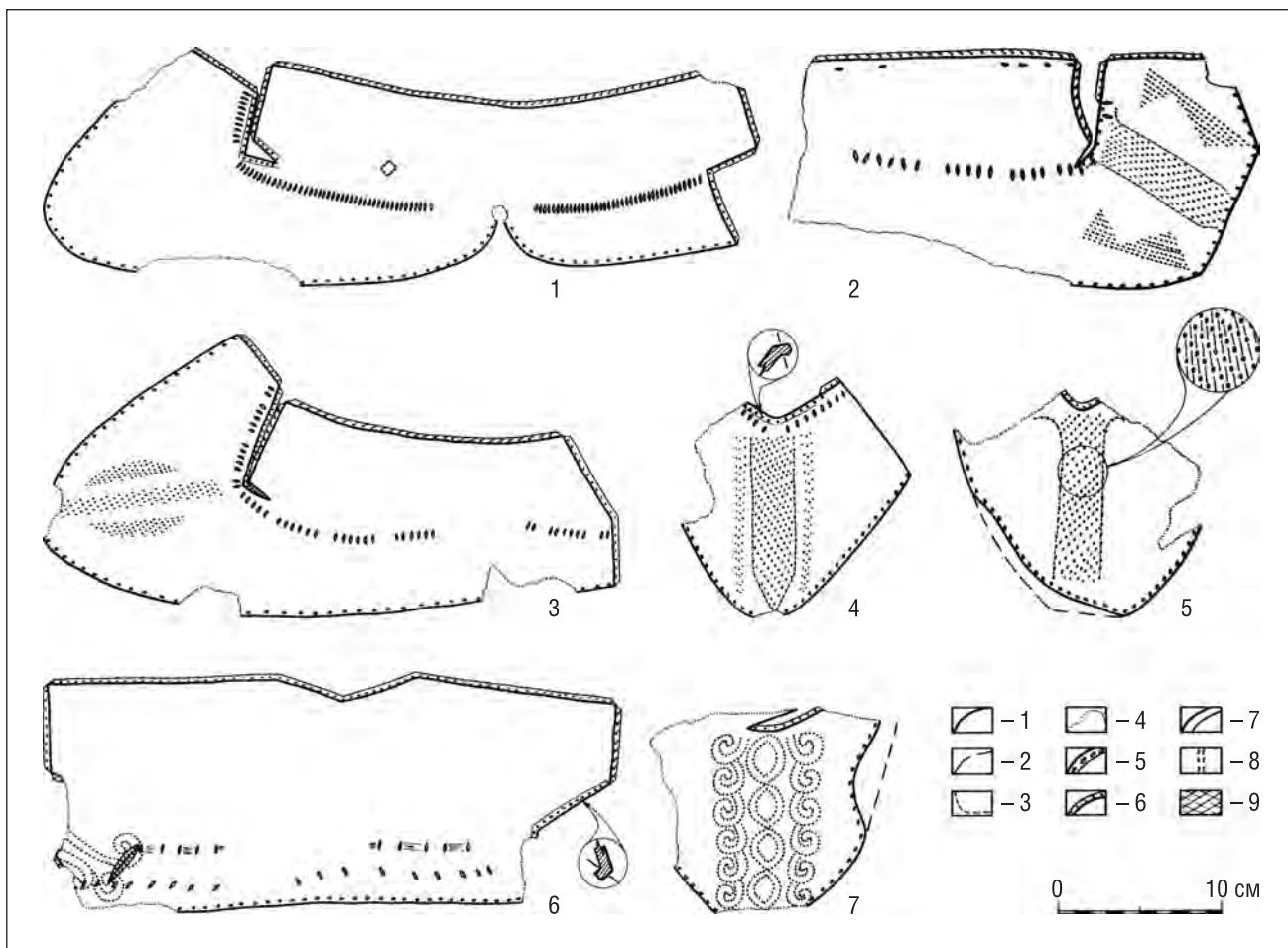

Рис. 11. Полоцк. Раскоп 1957 г. Раскройки верха туфель. Условные обозначения:

1 – первичный обрез; 2 – вторичный обрез; 3 – реконструкция первичной формы; 4 – разрыв детали; 5 – выворотный шов; 6 – тачной шов; 7 – линии наружной и внутренней сторон кожи; 8 – «потайной» шов на бахтарме; 9 – линование «сеточка»

[16, с. 100 и сл.]. Их конструкция сочетает однослойную однодетальную подошву и верх из 1–2 деталей, без внутренних элементов. По форме края, отделке мерей и декору выделены 3 варианта конструкций. Первый вариант (19 предметов) включает однодетальную асимметричную раскройку верха, где головная часть намечена полуотрезом. Боковины верха, стоячие или отложные, закрывали лодыжку и низ голени на высоту до 5,5–7 см. Обувь крепилась на ноге кожаными оборами, продетыми сквозь серии прорезов, сделанных на уровне лодыжки. Второй вариант (21 модель) имел двухдетальный крой верха, в основе симметричный продольной оси, со швом на пятке (рис. 12). Отложной «воротник» высотой около 5 см частично подшит из отдельного куска кожи. В этой группе преобладают малые и средние размеры туфель. Третий вариант представляют 2 модели с асимметричным двухдетальным верхом.

В целом комплекс изделий из Полоцка имеет доминирующие модели, варианты пошива и декора, наиболее близко сопоставимые с находками в Смоленске и Белоозере, что связано с хронологической близостью этих комплексов. Уточнения Л.А. Голубевой [17, с. 205, прим. 2] позволяют датировать находки из Белоозера второй половиной XII – первой половиной XIII века. Ряд находок по стилю предполагает контакты с юго-западным славянским миром и с центрами Северной Руси – Новгородом и Псковом.

Последняя четверть XIII – первая половина XIV века. Образцами мягких туфель развитого Средневековья можно считать коллекцию из Тверского кремля [16, с. 44–45]. Модели здесь различаются по конструкции и декору. Выделены серии однотипных раскроек, манера их шивания и отделки, включавшей обшивку края, нитяную расшивку и продёржку. Стабильными признаками туфель служат: отворот «берцев», обшивка по их верхнему краю, преобладание обуви с декором – нитяной расшивкой и/или продёржкой, крепление обуви на стопе кожаными оборами.

Однослойные подошвы кроились из кожи толщиной 1,0–2,0 мм. Они соединялись с верхом выворотным или, значительно реже, тачным швом. В раскрое верха туфель широко применялись мелкие части, служа-

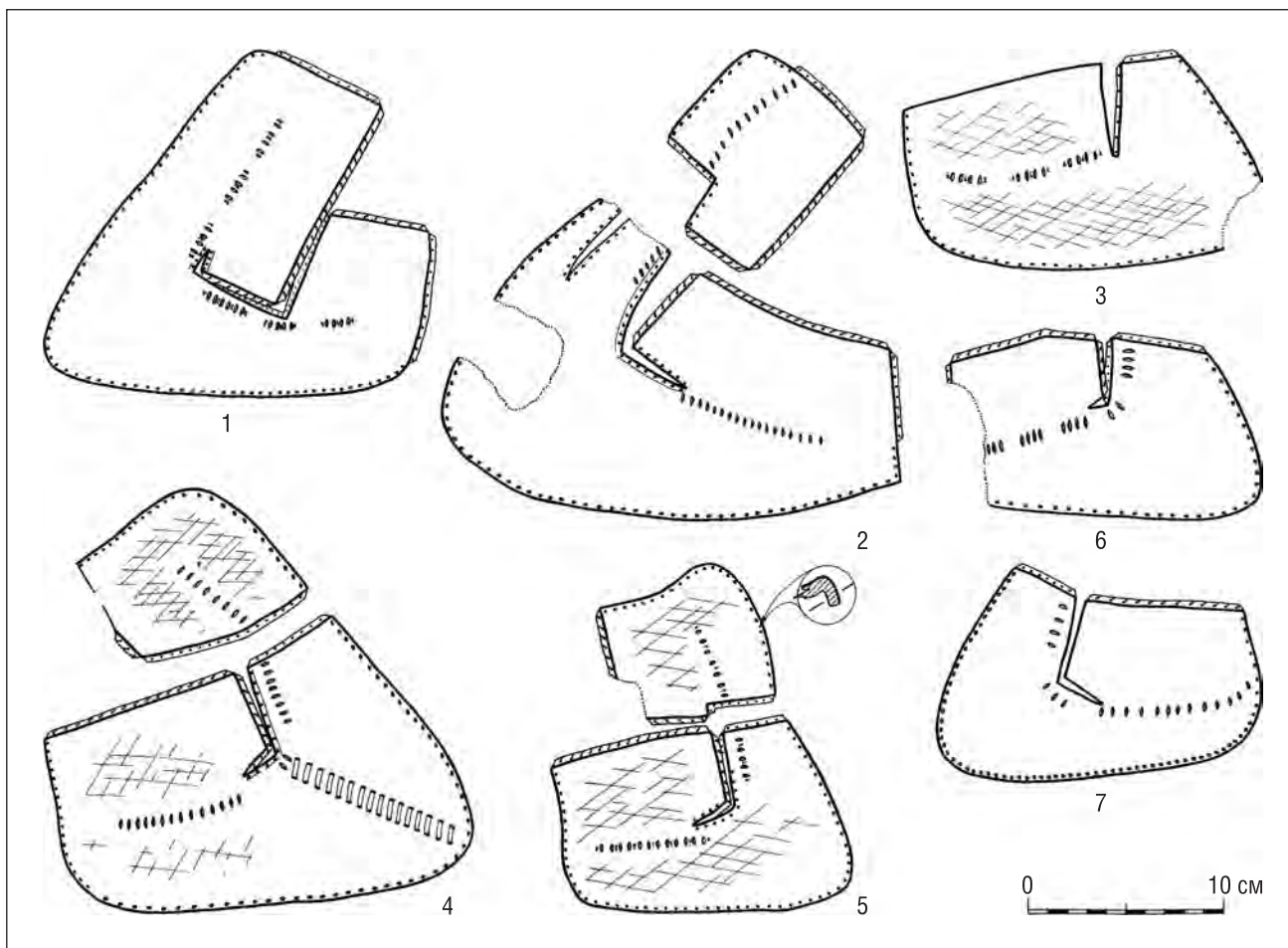

Рис. 12. Полоцк. Раскоп 1957 г. Раскройки верха туфель 2-го варианта

щие признаком недостаточной площади исходного куска кожи или замены протёртого участка при ремонте, например, носка головки. Большинство раскопок верха имели особые узкие треугольные детали «воротника». Иногда отдельно кроили заднюю четверть верха, закрывавшую внутреннюю сторону стопы, и иные фрагменты (рис. 13). В представительной тверской выборке выделяются серии раскопок близких пропорций, различаемые очень незначительно, – это «стиль» или манера оформления краёв детали, вырезов в раскройке верха, количество и форма используемых подшивных элементов, особенности швов (длина стежка, толщина нити, отступление шва от края). Комплекс таких признаков может служить для выявления индивидуального «почерка» мастера.

Туфли близкого раскроя и манеры шивания, с расшивкой или иным декором в древнерусских комплексах XIII–XIV вв. встречены в Новгороде, Пскове, Минске, Гродно, Полоцке, Смоленске, Московском Кремле, в подмосковных курганах, в Торопце, Торжке, Берестье, Звенигороде Галицком, Белоозере.

Башмаки. Это название для обуви в русских городах следует ограничивать временем появления слова в русском языке, то есть серединой XV века. Наиболее представительные коллекции такой обуви XVI–XVII вв. встречены в Ивангороде, Мангазее и Пустозерске. Раскопки 1990 г. в Ивангородской крепости дали более 3000 кожаных предметов из заполнения материковой ямы (рва?), датированных концом XVI – первой половиной XVII века [18, с. 203–205]. Основу коллекции составляют детали низкой обуви (башмаки) двух конструкций. В первой использован выворотный метод соединения верха и подошвы швом «в подтай» (рис. 14: I). Верх состоит из головки с широким откидным клапаном на подъёме и двухчастных берцов с ремешками, крепившимися на подъёме, или двухдетального продольнокроеного верха из симметричных половин. Вторая конструкция является развитием рантовых моделей, где главный элемент – рант – вшивался между верхом и подошвой по всему её периметру. К ранту пришивали внутреннюю подошву (рис. 14: II). В данной коллекции рантовая обувь доминирует. Среди башмаков имеются разные фасоны, определяемые контуром носка подошвы, – овальные, слегка приострѐнные, трапецевидные и широкие, типа «каре». Большинство низких моделей имели внешние или внутренние наборные кожаные или деревянные, обтяну-

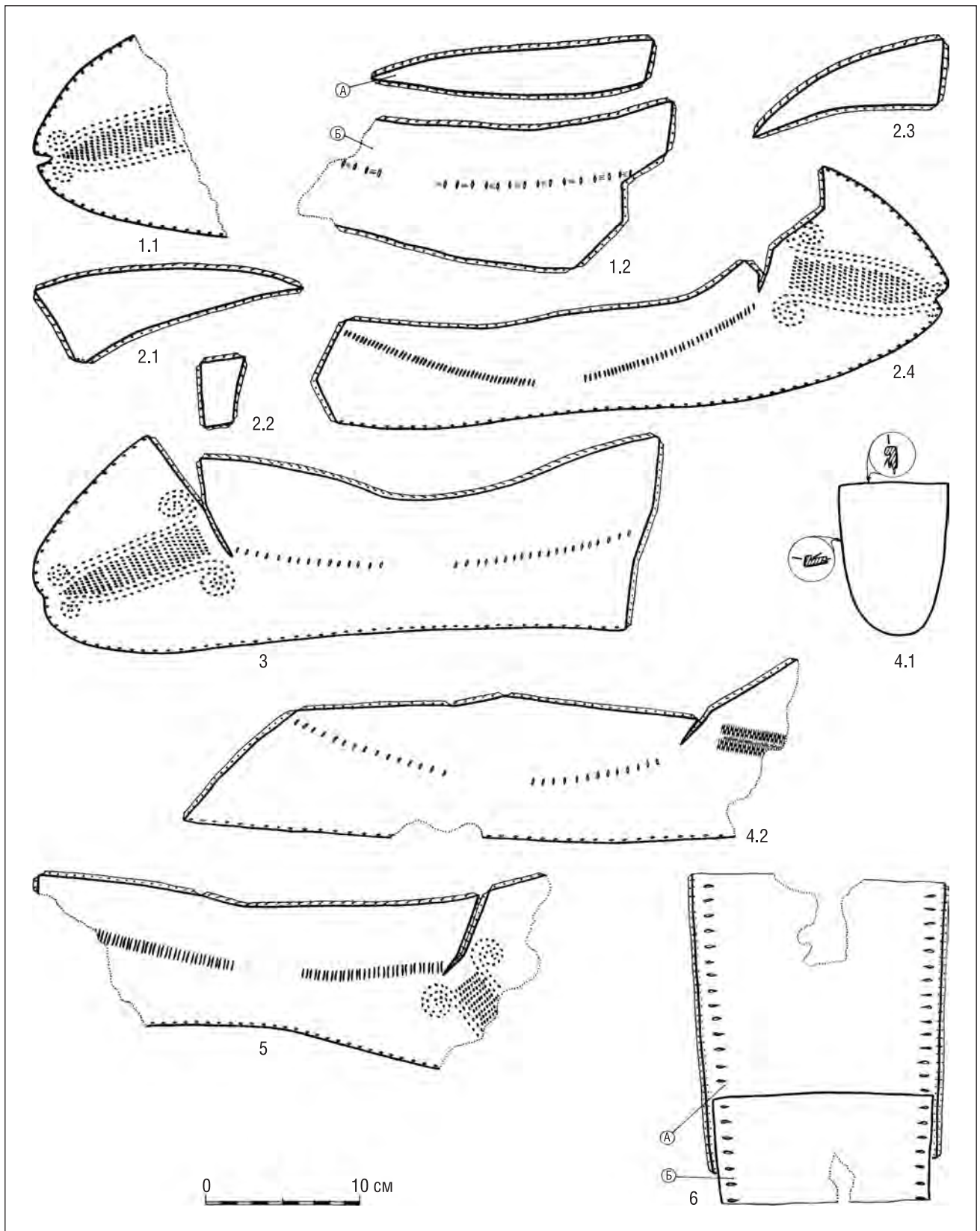

Рис. 13. Тверь. Раскоп ТК-11. Детали мягких низких туфель (1–5) и поршня (6)

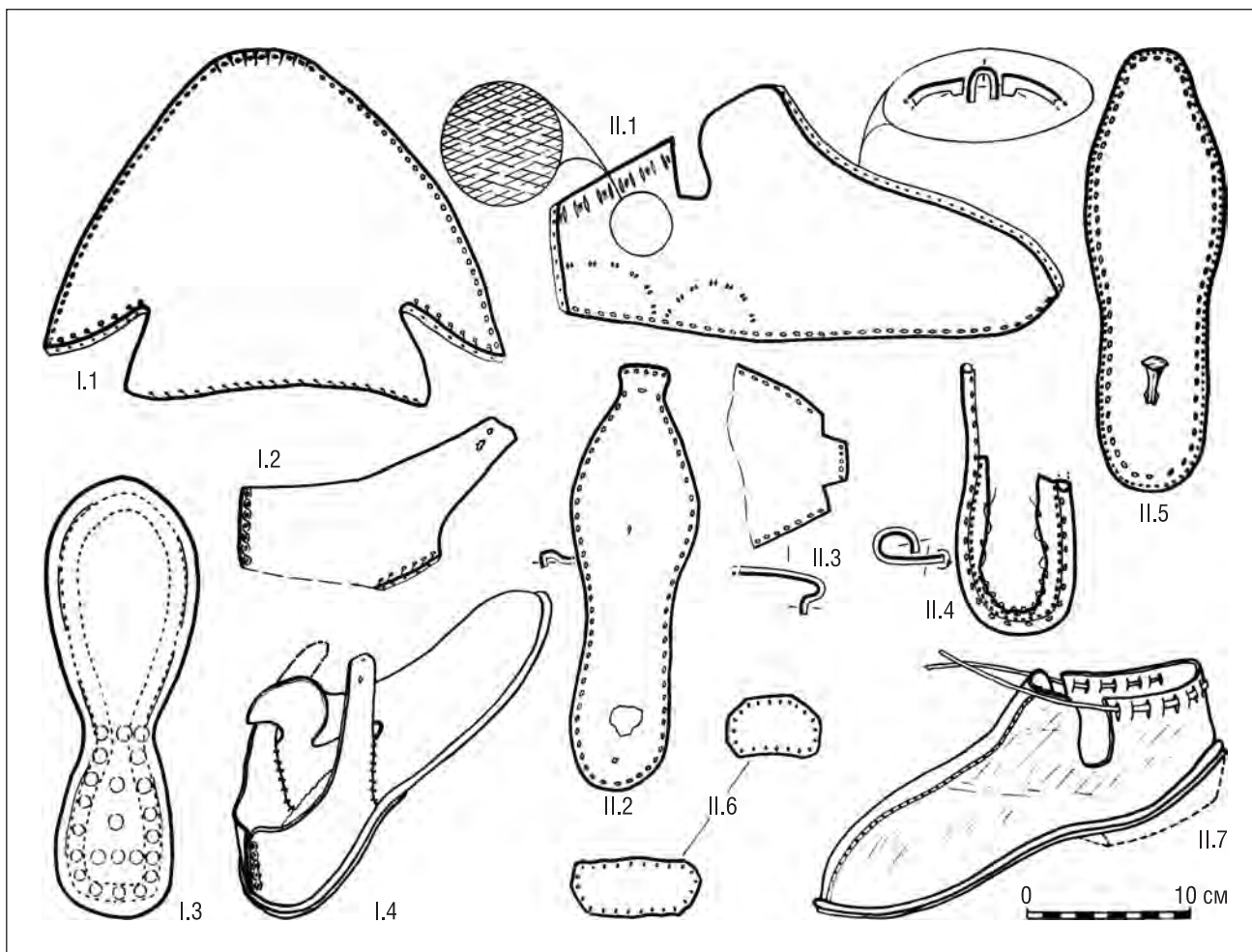

Рис. 14. Крепость Ивангород. Наборы деталей башмаков конца XVI – первой половины XVII века:
 I.1 – головка, I.2 – деталь берцев, I.3 – подошва, I.4 – реконструкция; II.1 – половина верха, II.2 – внутренняя подошва,
 II.3 – союзка, II.4 – рант, II.5 – внешняя подошва, II.6 – заплаты, II.7 – реконструкция

тые кожей, каблуки высотой 2–3 см, крепившиеся дратвой и деревянными шпеньками. На каблуки набивались железные подковки.

Многообразие моделей показывают башмаки с двухчастными берцами и двухчастным верхом, где шов лежит на продольной оси изделия. Они различаются использованием дополнительных элементов – функциональных и декоративных. Среди приёмов декора было популярно диагональное линование в виде «сеточки», покрывавшей весь верх обуви. Найден уникальный экземпляр верха с фигурными вырезами (шестиконечные звёзды и «лесенка»), выбитыми специальным пуансоном, где ряды вырезов разделены парными тиснёнными линиями. Декоративный эффект придавали обуви и сами элементы конструкции: пришитые снаружи союзки и задник, меряя которых контрастировала с бахтармой основных деталей верха, а также завязки, обшивка края и некоторые прокладки.

Другая представительная коллекция обуви, датируемая первой половиной XVII в., собрана в Мангазее. Многочисленные здесь башмаки имеют конструкцию с большим числом деталей, они сложны в раскрое и сборке (рис. 15). Фасоны обуви определяет форма каблуков – широких и узких, высоких и низких [8; 19, с. 51–54]. Мангазейские башмаки в записях мангазейской таможни названы «кóты». По размерам и разнообразию декора они были женской обувью.

Жёсткая подошва толщиной 3–4 мм имела внутреннее крепление каблучного набора железными гвоздями, деревянными шпеньками и нитяной прошивкой – это т.н. подошва с крокулем. Каблук набирался из тонких кожаных пластин – фликов. Высота каблуков достигала 3,5 см, а в отдельных случаях – 6 см. Верх обуви включал головку с поднарядом и набор задника. Наличие швов на верхних краях деталей указывает на пришивание кожаных, шерстяных, меховых голенищ (берцев) или опушки.

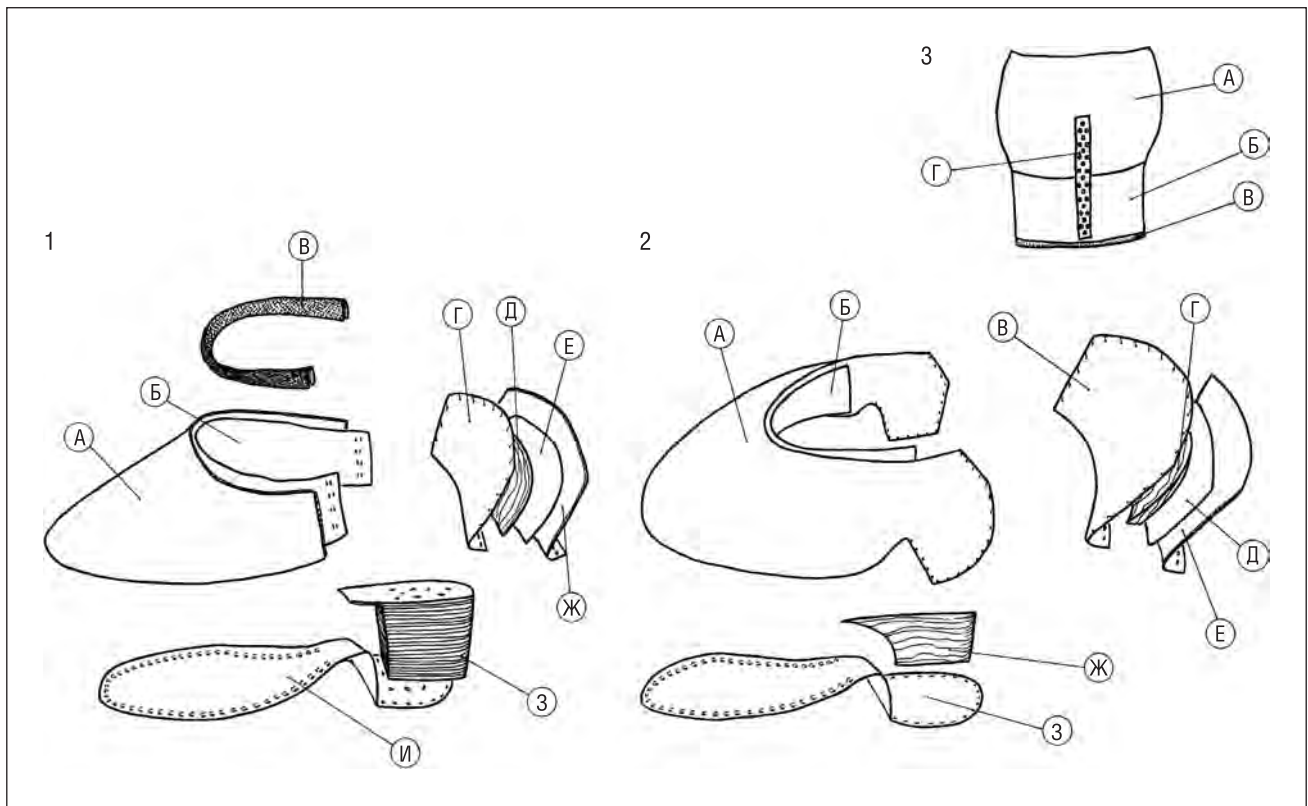

Рис. 15. Мангазея. Раскопки 2001–2007 гг. Схемы сборки башмаков:

1 – модель с наборным кожаным каблуком: А – головка, Б – поднаряд, В – тканая обшивка, Г – карман задника, Д – деревянный вкладыш, Е – кожаная прокладка, Ж – задник, З – набор каблука, И – подошва.

2 – модель с деревянным каблуком: А – головка, Б – поднаряд, В – карман задника, Г – берестяной вкладыш, Д – кожаная прокладка, Е – задник, Ж – каблук, З – подошва.

3 – реконструкция обуви, вид сзади: А – задник, Б – обтяжка деревянного каблука, В – подошва, Г – декоративная накладка

Особую региональную группу башмаков XVI–XVII вв. в среде русского (?) населения в Сибири составляли у́леди. В мангазейской коллекции для обуви использована относительно широкая подошва из толстой кожи, слабо профилированная в плане, без каблука и подпяточных подкладок, усиленная подмётками (рис. 16).

Сапоги. При раскопках городов встречены сапоги трёх основных конструкций. Едиными для всех были 4 основные детали – подошва, головка, задник и голенище. Различия моделей связаны с: 1) видом основного шва, соединявшего верх и низ (подошву) сапог; 2) наличием или отсутствием внутренних деталей – поднарядов, кармана задника и вкладышей в него, уплотнительных вставок в носок и под пятку, подпяточных подкладок или каблука, обшивкой верха; 3) кроением основных и дополнительных деталей из одного или нескольких кусков кожи. Особые формы и элементы конструкции и декора сапог бытовали в разное время [20].

Мягкие сапоги с выворотным/тачным основным швом представляют самую раннюю форму высокой обуви с «глухим» голенищем, бытовавшую в русских городах в XII–XIV вв. В Твери (раскоп Тверской кремль (ТК)-11) выделено не менее 43 наборов таких сапог и более 300 целых деталей от разных моделей. Набор деталей включал однослойную подошву, головку, задник и двухчастное (реже – однодетальное) голенище (рис. 17: 8). В конструкции нет внутренних элементов. Основные детали иногда сшиты из 2–3 частей, что было следствием ремонта или формой экономии материала.

Подошвы этой группы сапог отличает многообразие серийно встреченных форм. Фасоны сапог определяются двумя формами подошв: 1) с округлыми носком и пяткой и 2) с округлым носком и заострённой пяткой. Последний фасон сапог на заднике имел вырез для подшивания язычка подошвы. В Твери такая обувь имела пик популярности в первой половине XIV века.

Некоторые особенности кроя можно определённо называть стилевыми или фасонными. Так, различаются подошвы с заострённым, приострённым или округлым носком, а также с асимметричным срезом носка. Подошвы имели разные пропорции длины и ширины в пучках, а также глубину сужения под сводом стопы (перейма). Большинство подошв для сапог, в отличие от туфель, имели такую профилировку.

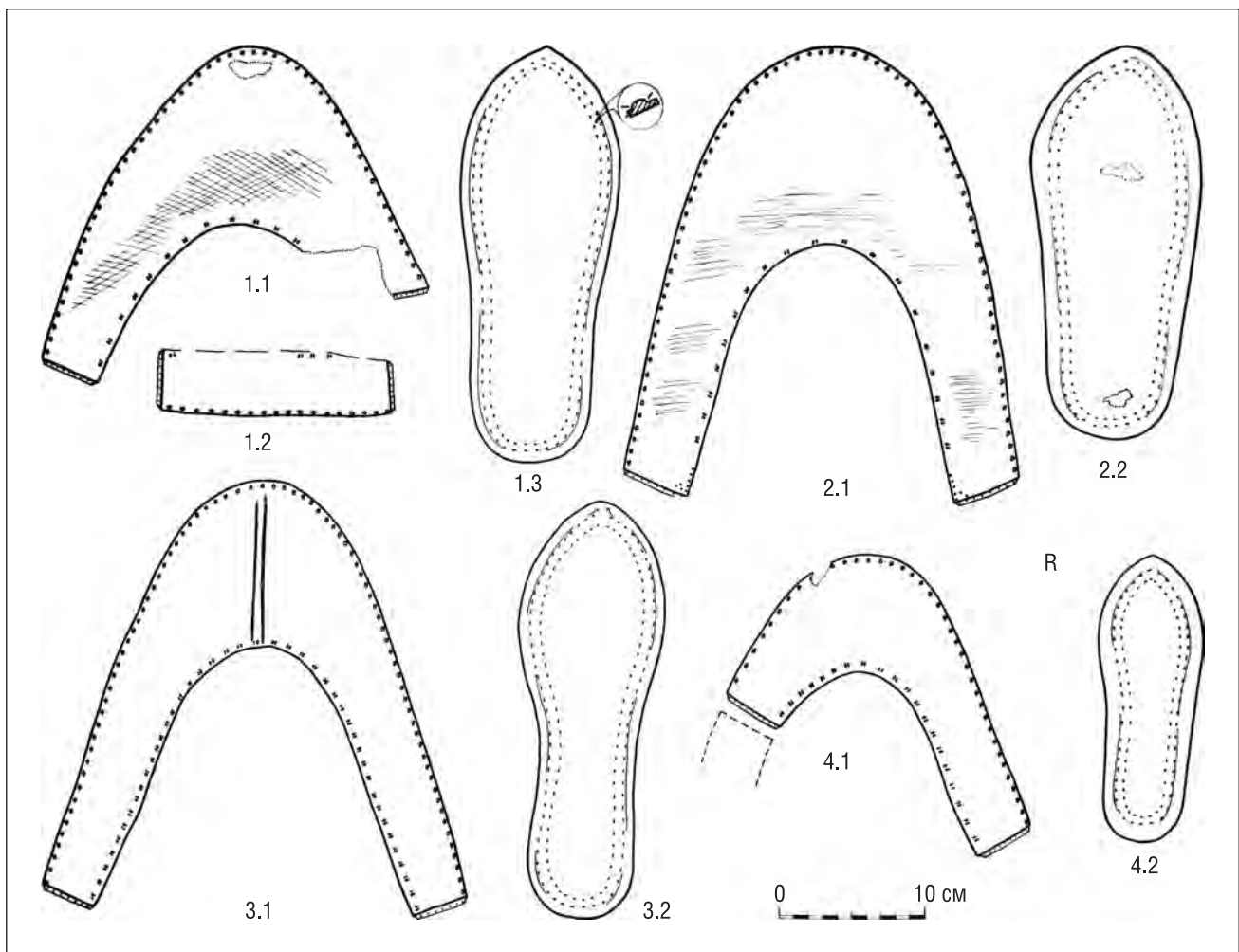

Рис. 16. Мангазея. Раскопки 1968–1973 гг. Наборы уледей:

1.1, 2.1, 3.1, 4.1 – верх; 1.2 – дополнительная деталь верха; 1.3, 2.2, 3.2, 4.2 – подошва (R – «для правой ноги»)

Эти сапоги относятся к ранней группе высокой кожаной обуви средневековой Твери, бытовавшей наряду с мягкими туфлями, «домашними туфлями» и поршнями в последней четверти XIII – первой половине XIV века. В это время они, видимо, имели широкую популярность и массовое употребление. Мягкие сапоги подобной конструкции найдены в Новгороде (в самом городе и на Рюриковом Городище), Пскове, Смоленске, Полоцке, Торжке, Торопце. В Берестье они были единственной конструкцией сапог [6, с. 296–298, рис. 204, 205].

Сапоги с «сандальным» швом. В отечественных работах этот шов называют «простой наружный» или «сандальный» [3, с. 207; 21, с. 87]. Особенности конструкции сапог с таким швом прослежены в коллекции из Тверского кремля, где они становятся массовой и одной из основных форм обуви с середины XIV века. Подошва модели состоит из 2-3 слоёв тонкой кожи со сквозными вертикальными отверстиями основного шва; при сшивании её с верхом мастер закреплял все слои подошвы шпёнками на нижней стороне деревянной обувной колодки (рис. 17: 10). Головки имеют более вытянутую форму, чем в позднейших моделях, с прямым или вогнутым обрезом на подъёме стопы (иногда с небольшим мыском) и скошенными боковыми обрезами. В отдельных моделях сохраняется складка в носке, что по манере напоминает способ оформления полноты носка туфель. Поднаряды использовались редко. Задники стандартной формы имели изнутри карман или усилительную прокладку, пришитую потайным швом. Голенище кроилось в одну или две детали, со скосом назад и не обшивалось по верхнему краю. Для предохранения пятки подошвы от быстрого истирания иногда на неё набивали железные гвозди с широкой шляпкой. В поздних моделях сапог чаще использовались внутренние детали – поднаряд, карман задника, подпяточные подкладки, а также подбойка подошвы железными гвоздями.

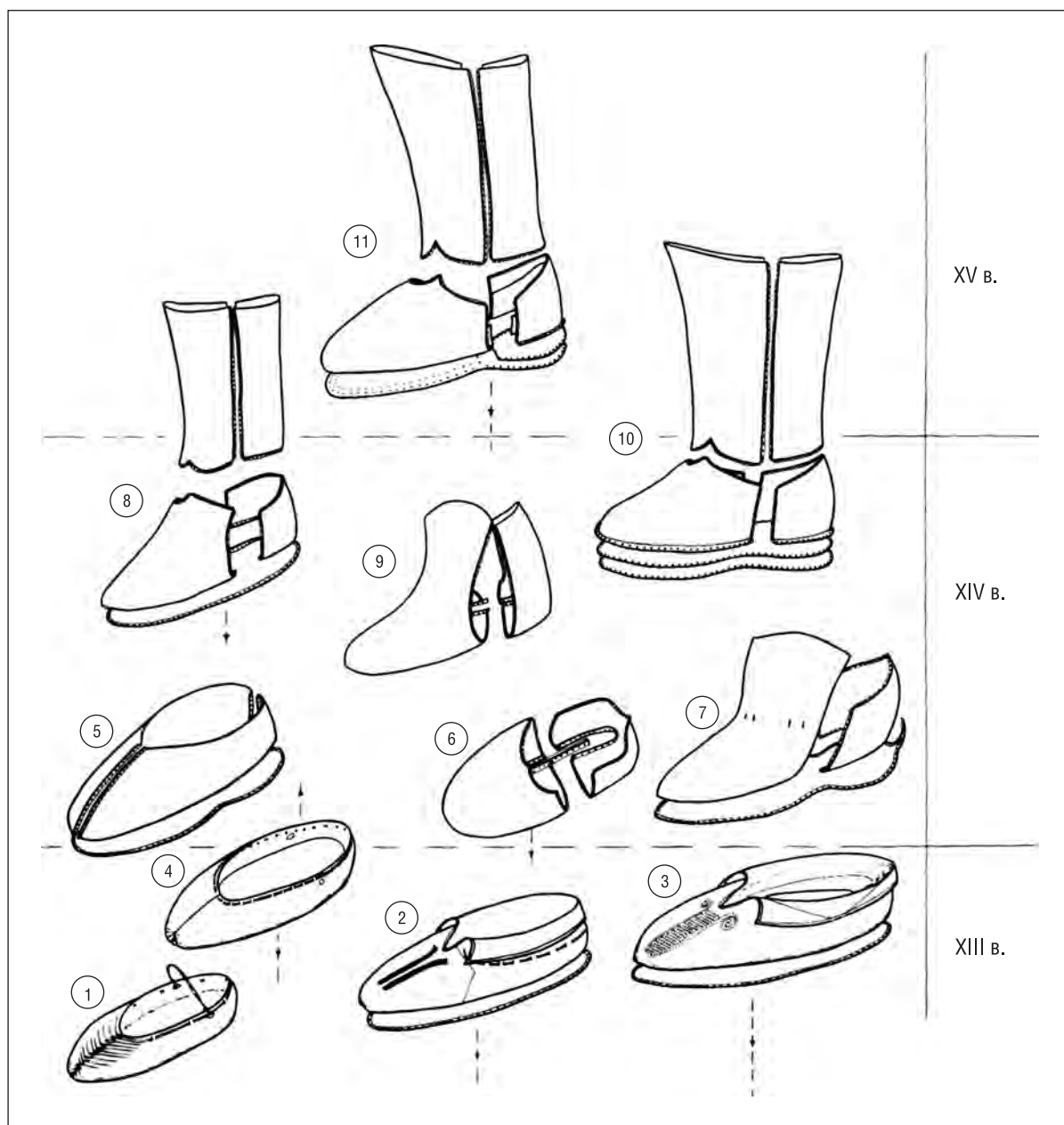

Рис. 17. Тверь. Раскоп ТК-11. Формы обуви XIII–XV вв.

Декор сапог с «сандальным» швом, как правило, ограничен использованием кожи с тиснёной поверхностью. Возможно, декором служило и выведение на внешнюю сторону тачных швов на деталях верха. Фасоны моделей определяют: форма подошв – с округлым или с заострённым носком, с сильным или незначительным сужением в области свода стопы, а также большая или меньшая ширина головки, изменяющая полностью обуви, а кроме того, форма верхних и боковых обрезов головок и задников.

Сапоги с «сандальным» швом широко бытовали в средневековых русских городах, например в Новгороде, Пскове, Орешке. Материалы Неревского и Кировского раскопов в Новгороде показывают, что такие сапоги получают здесь популярность в XIV–XV вв. На Кировском раскопе, в слое начала XIV в. найден и редкий экземпляр задника сапога с растительным орнаментом из тончайшей бронзовой проволоки [3, с. 207; 22, с. 216–217]. Такой же задник отмечен в Тверском кремле, в горизонте застройки 20-х–40-х гг. XV в. [5, рис. 30].

Ранние формы сапог «жёсткой» конструкции. Анализ тверских материалов раскопа ТК-11 позволяет корректировать ранние наблюдения и сделать вывод, что появление «жёстких» сапог в Твери следует отно-

силье к середине – второй половине XIV века. Исследования показывают, что подошвы со швом «в подтай» есть в слоях XIV–XV вв. в Пскове, Орешке, Переяславле-Рязанском, Новгороде и Москве. Вероятно, появление таких сапог в разных городах происходило не одновременно, но разница во времени не была слишком большой. В пределах XIV в. сапоги с потайным швом распространились во многих русских княжествах, хотя зафиксированы сегодня не во всех исследованных городах (рис. 17: 11).

Ранняя форма «жестких» сапог сохраняется до конца XV в., когда она получает наиболее полное и развитое воплощение в рациональных формах кроя и методах сборки. Одновременно в русских городах развивается технология выделки кожи. Появились различия в материале для отдельных деталей по толщине, плотности и жесткости. С конца XV в. отчетливо различается кожа для подошвы и верха.

Для первых «жестких» моделей заметно влияние традиции пошива ранее бытовавших форм обуви. Для подошв – это пропорции раскройки, симметрия (без различия левой и правой ног) и другие частные признаки. В некоторых деталях шов «в подтай» сделан по всему периметру, включая задник, и лежит близко к краю детали, имеет малую ширину (5–6 мм) и короткие стежки (4,5–5 мм). Есть и фасонные признаки – подошвы с заостренным, приостренным или скругленным носком, а также с сильным сужением в области свода стопы. Признаком развитой формы служит подошва с видимой асимметрией, большей шириной и резкими гранями (переломами) обреза «в пучках».

Одной из конструктивных черт «жестких» моделей были внутренние детали: у головок – это поднаряды, у задников – карманы с прокладками и берестяными вставками, а у подошв – подпяточные подкладки. Становится постоянным явлением подбивание края пятки подошвы железными гвоздями с широкой шляпкой. Присутствие дополнительных деталей «читается» по следам швов на археологических находках.

Ранние формы поднарядов охватывали не всю площадь головки, а только её переднюю часть, исключая подъём, и кроились из двух симметричных половин. Голенища сапог двухдетальные, расширяющиеся кверху, имели незначительный скос верхнего края к задней поверхности ноги, без обшивки верхнего края. Встречена единственная модель детского сапога с относительно полным набором деталей. Особенность его конструкции – раскрой головок и задников в одну деталь с голенищем – это так называемые вытяжные сапоги.

Переходная форма сапог к «жесткой» конструкции. Примером переходной формы сапог со швом «в подтай», от ранних – к моделям развитой «жесткой» конструкции служит комплекс находок из раскопа на Затьмацком посаде Твери [23]. Здесь представлена только одна форма обуви – сапоги, и все они имели единый покрой и фасон (рис. 18). Подошвы – асимметричные, с вытянутым и заостренным носком, округлой пяткой и сужением в области свода стопы, подбитые железными гвоздями. В целом эти детали показывают сложившийся крой со швом «в подтай», исключая признаки самого шва, – он проходил у самого края. Развитую стандартную форму имеют и задники с карманом и кожаными вкладышами. Головки и голенища в большей степени соответствуют формам кроя XIV в. Для головок показательным является отсутствие крыльев и поднаряд, скроенный в виде узких полос. Передние обрезы деталей почти прямые, сходящиеся к слегка вытянутому носку, заостренному или поперечно срезанному. У голенищ ранний признак – это отсутствие обшивки верхнего края.

В русских городах обувь с чрезмерно вытянутым, не функциональным, носком встречается редко и только с коротким (длиной 3–5 см) прямым тонким носком. Вытянутый носок головки обрезан, свёрнут в трубочку и подшит к подошве. Аналоги данной конструкции сапог встречаются в городских комплексах и слоях второй половины XV века в Гдове, Чернигове, Яме, на Кировском и Троицком раскопах Новгорода. Эти модели сапог можно считать репликой на фасоны обуви, популярной в средневековых странах Западной Европы. Новый «всплеск» моды на длинные тонкие носки отмечен во второй половине XIV–XV веке, когда в придворной моде появились пулены – «копьевидные носы» длиной до 40–50 см. Более практичные модели с небольшим узким носком, близкие к тверским находкам, встречаются в городских слоях XV – начала XVI века в Свендборге, Стокгольме и в городах Польши.

Малочисленность находок сапог с «клювовидным носком» в русских городах предполагает кратковременность их бытования в России. Данная «мода» быстро сменяется другой, где заостренный и сильно вытянутый носок подошвы загнут вверх и подшит к вырезу головки. Моду на сапоги европейского фасона в русских городах в первую очередь восприняли, видимо, представители высших слоёв общества и военные как обувь репрезентативную и престижную, показывающую социальный статус обладателя. Ранее всего она должна была появиться в Москве, где во второй половине XV века постоянно проживало много иностранцев [4].

Развитая форма сапог «жесткой» конструкции полно представлена в коллекции конца XV – первой половины XVI столетия из Ивангородской крепости. К этой обуви относятся около 800 деталей и более 1400 обрезков. По особенностям сырья, характеру швов и практическому удобству работы реконструирована последовательность операций раскройки и сшивания сапог (рис. 19). Подбор деталей, проводимый по микропризнакам, сохранившимся на коже, позволил восстановить 30 сапог с полным набором основных и дополнительных (внутренних и промежуточных) деталей.

Учтены 69 целых головок различной формы: с круглым или раздвоенным носком, с прямым или наклонным обрезом боковин. Обрез на подъёме мог быть прямым, с язычком или мыском. Различается и отделка поверхности деталей – гладкая, с тиснением, линованием или расшивкой. Выделены 17 вариантов кроя головок, и половина находок (36 экз.) относится к варианту с раздвоенным носком, срезанными под прямым углом боковинами и вогнутым обрезом подъёма, с мыском или без него. Такая форма устойчиво встречается

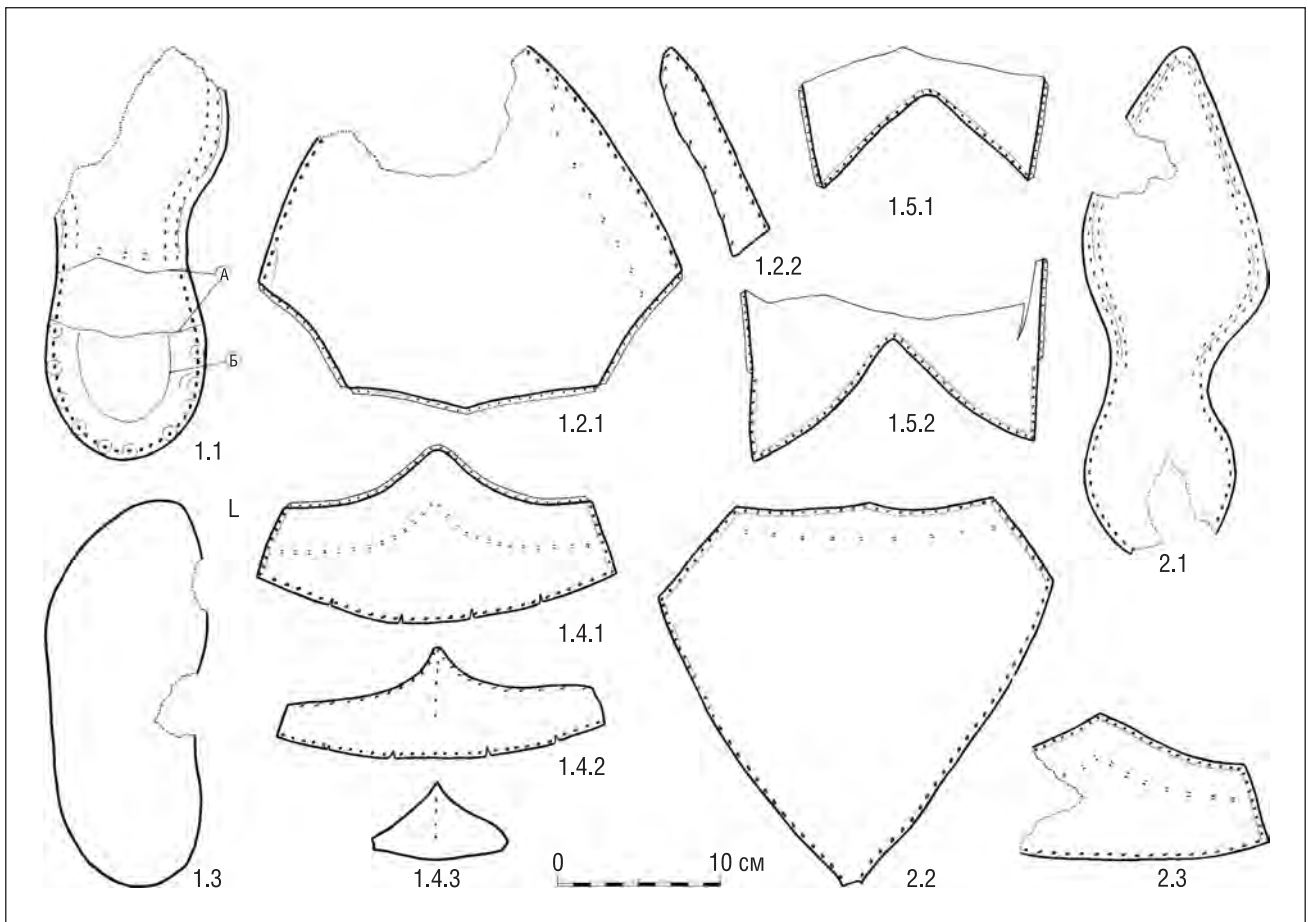

Рис. 18. Тверь. Раскоп 1999 г. в Затьмачье. Детали обуви:
 1.1, 2.1 – подошвы; 1.2, 2.2 – головки, поднаряды; 1.3 – войлочная стелька; 1.4, 2.3 – задники; 1.5 – обрезки голенищ
 (L – «для левой ноги»)

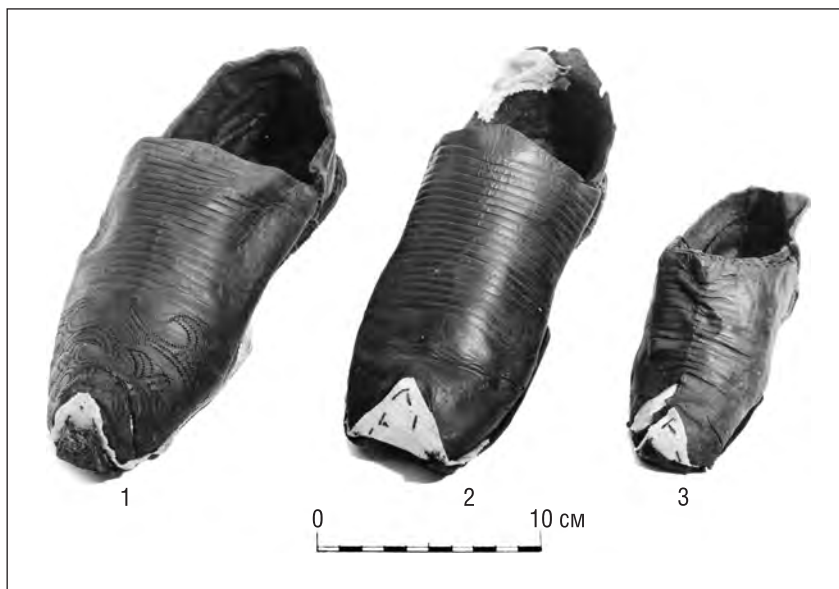

Рис. 19. Крепость Ивангород. Реставрированные опорки сапог конца XV – первой половины XVI в.

ся во всех горизонтах культурного слоя. Раздвоенный носок на головках означает их сочетание с подошвами, имевшими удлинённый и заострённый носок, загнутый вверх и вшитый в вырез носка головки. Головки имели поперечное тиснение почти по всей длине детали – от носка до подъёма, не захватывая боковые края.

Подошвы сапог включали, помимо толстой и жёсткой подошвы, 3-4 подпяточные подкладки. Встречены 72 целых подошвы трёх типов кроя. Самыми массовыми (43 экз.) были подошвы с удлинённым носком и округлой пяткой. Кроме того, имелись подошвы с округлыми носком и пяткой, а также с вытянутыми носком и пяткой. Часть подошв орнаментирована по удлинённому носку и язычку на пятке мелкими бронзовыми гвоздиками со шляпками диаметром 1,5–2 мм. В основном орнаментированы подошвы, вероятно, относящиеся к женской или подростковой обуви.

Задники сапог состоят из наружной и внутренних деталей – кармана, 3-4 подтреугольных кожаных прокладок и берестяного вкладыша в карман. Форма раскроя задников варьирует внутри 4 выделенных видов. Варьирует и форма кармана – преобладают карманы с язычком, дающие некоторое удобство при надевании сапога.

Бронзовыми гвоздиками декорирован 21 задник, принадлежащий сапогам 32–41 размеров. Почти все орнаментированные задники соотносятся с подошвами, имевшими вытянутый заострённый носок, украшенный подобным образом.

Двудетальные голенища сшивали тачным швом по бокам сапога. Их кроили из плотной, эластичной кожи хорошей выделки, толщиной 1–1,5 мм. Все голенища обшивались по верху тканью или кожей. По обрезкам и немногим целым деталям реконструированы три варианта голенищ. На некоторых деталях по нижнему обрезу передней половины вырезаны декоративные зубцы, в которые вставлялась тонкая полоска кожи для уплотнения шва. Высота голенищ 19–21 см, а верхний диаметр не менее 7,5–8 см. Они встречены с подошвами первого вида кроя и принадлежат «малодетской» обуви со стопой 24–25 размеров. Голенища для взрослых размеров сапог имеют высоту 27–33 см при верхнем диаметре 12–13 см. У них на задней половине сверху сделаны симметричные парные вырезы диаметром 1,8–2,5 см, со швом по краю. Описанные формы голенищ встречались на обуви и в других городах, например в Москве, где они относятся к комплексам XV–XVII вв. Кроме того в Ивангороде найдены 1 деталь голенища и одна головка с расшивкой, использующей растительный мотив – трилистник (рис. 19: 2). Аналог такому декору известен на головке сапога из слоёв XVI в. в московском Зарядье. Близкая по стилю расшивка выявлена на голенище XV–XVI вв. из Казани [24, рис. 45: 8, 9; 25, с. 116].

Специальная обувь. К ней отнесены формы обуви, служившие в древности для отдельных видов работ и занятий. Хотя из документов XVI–XVII вв. не всегда понятно, можно ли считать названия обуви указанием на её особое назначение и конструкцию.

Рабочая обувь. В коллекции обуви конца XV – первой половины XVI века из Ивангородской крепости встречены детали, позволяющие реконструировать своего рода рабочие башмаки, перешитые из старых сапог [26]. У изношенных сапог обрезались голенища, а на оставшуюся нижнюю часть – *опорки* – ставились заплатки и подмётки. В головках и задниках делались прорезы, сквозь которые продевались оборы, крепившие обувь на ноге. Концы обор на головках завязывались узлом (рис. 2: 5). Подобный перешив старых сапог отмечен и в других городах. В документах XVI–XVII вв. они фигурируют как *скрешни* и *отпорки*.

Обувью для сельхозработ надо считать лыковые лапти или другую низкую обувь, сплетённую из растительных волокон. Под этим углом зрения будет правильным рассматривать многократно приводимую историками запись в Лаврентьевской летописи под 985 г.: «Рече Добрыня Володимеру: сыглядахъ колодникъ оже суть вси въ сапозехъ, симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ» [27, 1: 36]. В лапотниках следует видеть земледельцев, то есть оседлое население, отличное от кочевников, у которых верховой образ жизни (на лошади) предполагал ношение высоких сапог. Именно различие в стиле жизни этих групп населения и объясняет совет Добрыни князю Владимиру, поскольку собирать дань с оседлых земледельцев было надёжнее, чем гоняться по степи за кочующими ордами.

Анализ всех видов источников по этому вопросу позволил сделать определённые выводы: 1) древнейшие лапти, скорее всего, были кожаными; 2) кожаную или лыковую плетёную обувь надо рассматривать как специальную обувь для полевых работ; 3) распространение лыковой обуви в средневековой России в качестве повседневной произошло только в XVI в. и связано с постепенным обнищанием широких народных масс, на что повлияли усиление фискальных функций государства и регламентация деятельности податного населения; 4) представление о древности повсеместного ношения лыковых лаптей сложилось в среде образованных русских дворян, историков и литераторов XVIII в. Без достаточной критики их взгляды восприняли историки XIX–XX вв. Археологические раскопки последних лет и критика предложенного толкования источников не дали оснований для сомнений в предлагаемой нами трактовке [28, с. 70–71; 29, с. 252].

Плетёную из волоса и верёвок обувь можно сближать с обувью из древесной коры как по виду используемого материала (растительного), так и по употреблению – для домашнего обихода и полевых работ. Не исключая возможности ношения такой обуви на Руси отметим, что археологического подтверждения этому нет. Документально плетёная обувь фиксируется только с XIX в. в названиях *пастáлы*, *плетёшки* (*плетёжки*, *плетёнки*), *тюни*, *чуни* и других [30, с. 180, 250–251; 31, с. 120–121].

Обувь рыбаков и моряков отмечена в приходно-расходных книгах XVI–XVII вв. Рыболовецкими называли сапоги с высокими голенищами – *пришитки*, *ловчие* и *баламутные*. Последние именовали по названию рыболовной снасти (невода) – *баламут*. Чаще других назывались сапоги – *долгари*, и это название сохранилось в XIX в. Тогда же на северо-западе России широко распространились сапоги продукции мас-

теров г. Осташкова – *осташи*. Это высокие (в аршин) выворотные, непромокаемые сапоги без гвоздей. На Севере России со второй половины XVII века источники называли широкие рыбацкие сапоги – *хайлы*. Подобную обувь в регионе Северной Двины в XVII в. называли *уяди с голенищами рыбацкие*, а во второй половине XIX–XX в. – *батáры* [32, с. 67; 33, с. 260; 34, с. 296; 35, с. 116; 36, с. 97, 265, 269; 37, с. 85; 38, с. 271; 39, с. 167, 182; 40, с. 141; 41, с. 105; 42, с. 61–62].

Воинская обувь выделена в археологических материалах только в последние годы. Эталонный в этом плане – комплекс кожаных изделий и обрезков на раскопах Петровские VIII и IX в Пскове. Здесь открыта мастерская по пошиву рукавиц-голиц, действовавшая на рубеже XV–XVI вв. В этой мастерской короткое время сапожник шил особые воинские сапоги (рис. 20). Анализ полевых материалов и письменных источников позволяет ограничить период их пошива осенью 1499 – весной 1501 г., когда великий князь Иван III готовился к войне с Ливонским орденом [43, с. 416 и сл.].

Валяная обувь всегда оставалась за чертой исследований археологов, поскольку она редко упоминается в письменных документах, а в археологических материалах средневековой Руси вообще неизвестна. Такое положение сохраняется несмотря на то, что войлок широко использовался на Руси для пошива походных шатров, покрывал, попон, потников, шляп. Но археологические находки войлочных одежд и стелек в обувь сегодня единичны. Историки и этнографы считают, что валенки появились в быту русских очень поздно – не ранее первой половины XIX столетия, хотя они отмечены уже в Словаре Академии Российской 1789 г. как «зимняя простым народом употребляемая обувь, сваленная из овечьей шерсти так плотно, как шляпа» [44, с. 207]. Эту обувь в то время уже поставляли в армию. Ранее её могли называть иначе, например *тимы*, *волосняники*.

Детальный анализ большого круга документов позволяет относить первые опыты изготовления валяной обуви в России к последней четверти XVI в. Прямое упоминание войлочной обуви содержится в приходно-расходной книге Антониева монастыря под 1589 г.: «Купил сапоги обшитки войлочные, дал 11 алтын» [45, с. 190]. Здесь можно предполагать упоминание войлочной обуви, обшитой кожей. В записях Богородицкого

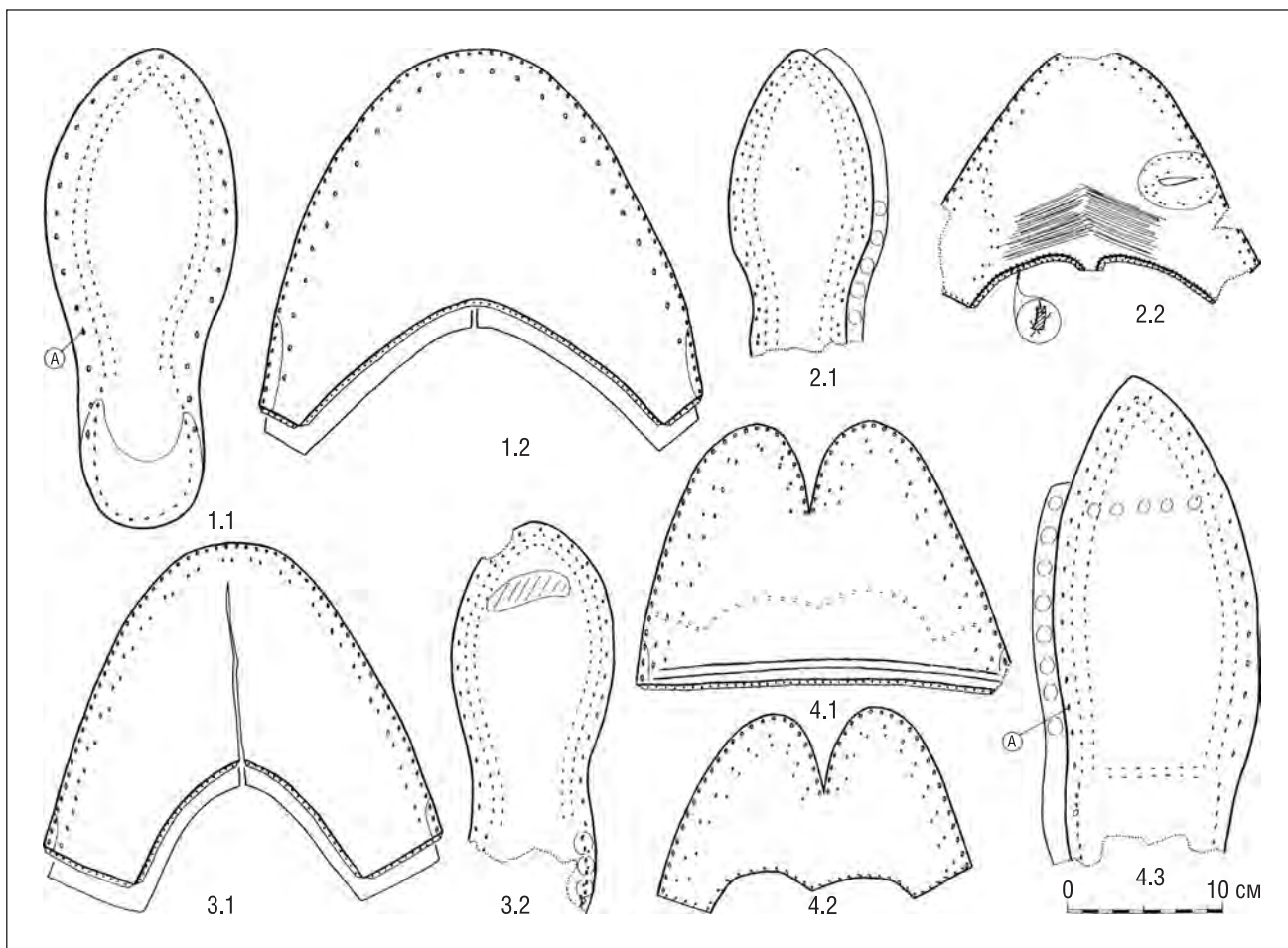

Рис. 20. Псков. Петровский IX раскоп, 2007 г. Наборы деталей сапог

Важского монастыря читаем: «[1631] Сапоги войлочные да другие дубленные» [33, с. 310]. В Сибири русские начали делать войлочные коты в XVII в., и тогда же подобная обувь появилась в Европейской России. Так, в таможенной книге Смоленска 1677 г. указаны «десятеры коты волосеные» [35, с. 386]. В сибирских деловых записях с XVII в. название пимы становится привычным в двух значениях: сапоги из лосиной или оленьей шкуры мехом наружу и валенки.

Археологические материалы сегодня ещё не могут определённо подтвердить появление валенок в конце XVI–XVII веке. Есть только одно изделие, происходящее из слоя XVI в. В московском Зарядье найдены части кожаной обуви с войлочным вкладышем, прикрывавшим стопу сверху и снизу. Подобная же обувь из серой шерсти найдена на Болотной улице в Москве, в слоях второй половины XVIII в. [46, с. 29].

В целом анализ письменных источников позволяет считать, что русское население Заполярья и Сибири начало носить войлочную обувь в последней четверти XVI века. При освоении русскими промышленниками Арктики в XVI–XVII вв. русские люди были втянуты в орбиту влияния арктических хозяйственно-культурных типов деятельности, перенимая и новое материальное обеспечение. Оказавшись в новом окружении, русские переняли у коренных жителей формы обуви и их названия. Но из хорошо известного им тёплого и плотного материала – войлока они начали делать обувь с использованием своих технических и бытовых традиций [47, с. 43 и сл.].

Предохранительная (защитная) обувь появилась уже в древности и одевалась поверх повседневной для защиты её от почвенной сырости и грязи. Традиции ношения и формы такой обуви были региональными [48, с. 241 и сл.]. Многообразие конструкций защитной обуви сводится к 4 формам: 1) деревянная платформа с вырезанными утолщениями-копытцами и петлёй для охвата стопы, подобная деревянным скамеечкам-котурнам; они известны в Западной Европе, Средней Азии, на Кавказе и Дальнем Востоке; 2) толстая и плоская деревянная подошва на обычной обуви, обшитая кожей; 3) низкая закрытая обувь, вырезанная из дерева; 4) обувь, сплетённая из бересты и других растительных волокон. Европейские деревянные патины не получили в средневековой России распространения. А единственный образец деревянной подошвы-платформы найден при раскопках на Космодемьянской набережной в Москве в слое XVIII в. [28, с. 71, ил. 285].

В последние годы в слоях XVII–XVIII вв. археологи отмечали своеобразные формы плетёных из бересты лаптей, которые можно считать заменой деревянных колодок-патин, надеваемых для предохранения мягкой кожаной обуви от грязи и влаги почвы. В русском языке такие лапти называли *мокроступы*. Их особенность – низкие боковины, не закрывающие верх стопы, и серия высоких берестяных петель вдоль верхнего края. Судя по следам смятости, в петли продевали кожаный ремешок или толстую растительную нить, которая оплетала стопу и обувь сверху. Подобный мокроступ найден в Санкт-Петербурге при раскопках в Главном Штабе, в выгребной яме первой половины XVIII века (рис. 21). В 2010 г. большое число таких «лаптей» было найдено при раскопках крепости Ниеншанц на территории Санкт-Петербурга.

Этнографы описывали неплотно сплетённые лапти – *коверзни* с высокими ушниками, например в Себежском районе Псковской области. Коверзни описаны также у белорусов как самые простые лапти – покосные, состоящие почти только из одной подошвы. Подобная обувь отмечена и в этнографических материалах Латвии середины XIX столетия. Может вызвать возражение сопоставление лёгких лаптей-коверзней

Рис. 21. Санкт-Петербург. Главный Штаб. Раскоп 2009 г. Предохранительная обувь из бересты

у сельского населения Белоруссии и северо-запада России с подобными лаптями в городской среде. Исследователям представляется, что следует разделять две линии развития одежды и обуви Средневековья и Нового времени – городскую и сельскую. Если городская одежда в её самых престижных формах постепенно внедряется в быт сельского населения, то обратный процесс (внедрение сельской одежды в городскую среду), за редкими и ограниченными по времени случаями, практически нигде не отмечен. Поэтому лапти в городах правильнее считать специфическим элементом городской культуры, известным в соседних регионах Европы в иных формах «предохранительной» обуви.

Обувь жителей Севера. В последние годы в городах северо-запада России (Старой Ладогe, Пскове, Орешке) выделена обувь, которая по своему покрою, манере шивания и декора сопоставима с изделиями аборигенов Русского Севера и Сибири (рис. 22). Такие северные модели единичны для русских средневековых городов [49]. Они могут указывать на временное присутствие здесь отдельных представителей коренного населения Севера или русских насельников, приехавших на северо-запад. Такие предметы встречены в слоях и комплексах не ранее конца XV–XVI века. Конструкции и способы шивания северной обуви сопоставимы с археологическими и этнографическими данными по культуре заполярного населения Евразии.

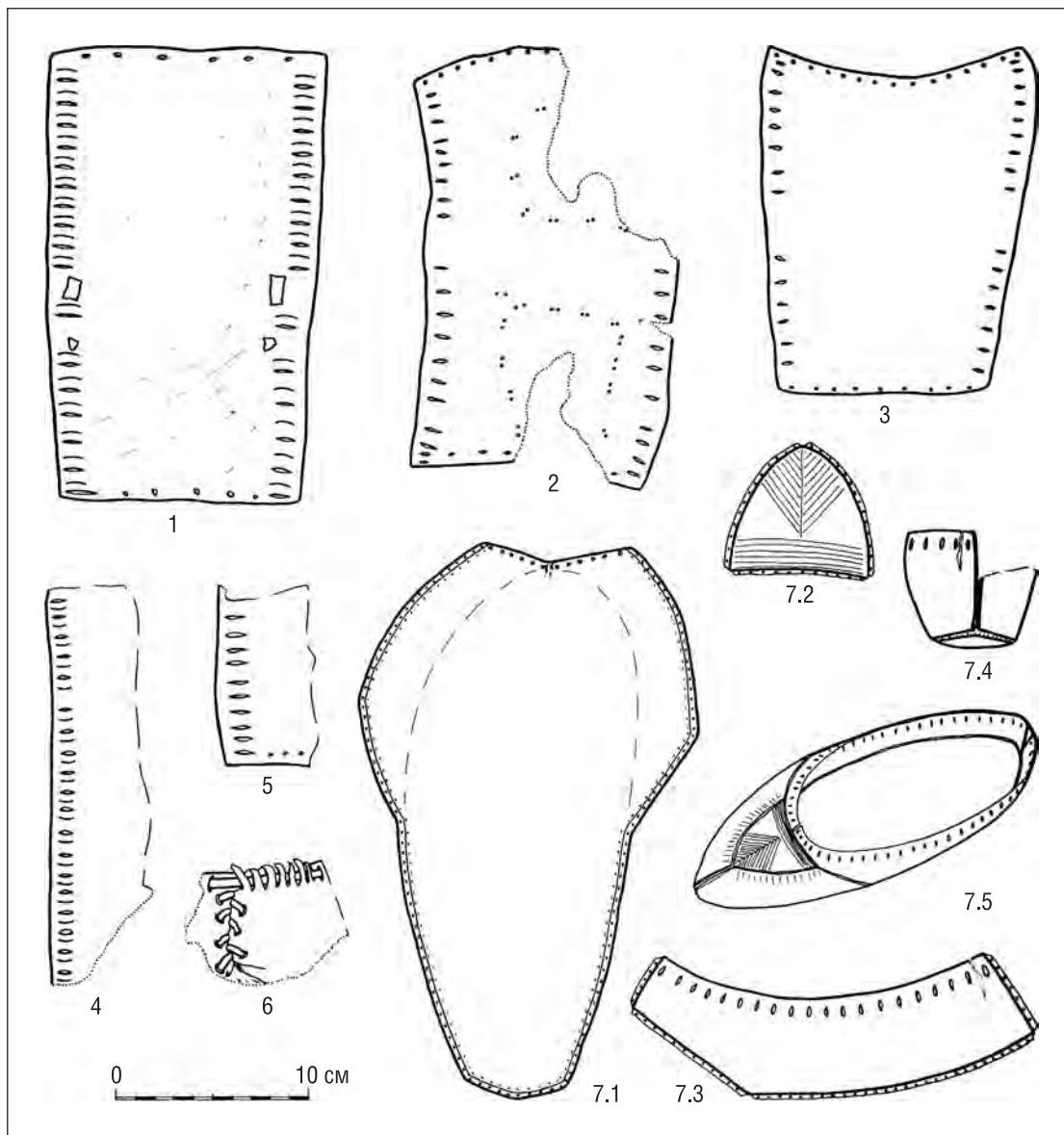

Рис. 22. Орешек. Детали поршней московского и шведского периодов:
1–6 – простые поршни; 7.1-3 – детали составного поршня; 7.4 – шивание пятки составного поршня;
7.5 – реконструкция составного поршня

Обувь народов Кавказа. В одной из своих последних работ Д.О. Осипов опубликовал деталь голенища из Новгорода, необычного для русских средневековых городов. Это – передняя половина высокого голенища, закрывавшего колено, у которого выступающий углом верхний край подвязывался к поясу костюма носителя. Для этого у верхнего края прокалывалось отверстие, куда пропускался кожаный ремешок с узлом на конце. На отверстие нашивалась дополнительная кожаная накладка, предохранявшая отверстие от разрыва [50, рис. 6]. Ещё один сапог с очень высоким голенищем, имевшим следы подвязывания его к поясу, найден на территории древнего Ярославля. Исследователи назвали сапог охотничьей или болотной обувью. Между тем подобранные авторами аналоги такой обуви, а также результаты специальных краниологических исследований погребённых в комплексе сооружения № 76, где и был найден отмеченный сапог, определённо свидетельствуют о связях с Северо-Кавказским регионом [51, с. 196–197, 200–201].

Археологические и изобразительные материалы показывают полное тождество новгородской находки со средневековой обувью народов Северного Кавказа, хотя её реконструкция в некоторых случаях предполагает сочетание высоких чулок с низкими башмаками [13, с. 18–19, 58, ил. 1–4]. Изобразительные материалы, например грузинские фрески и чеканки, а также половецкие каменные изваяния показывают высокие мягкие сапоги с треугольным мысом, закрывавшим колено [52, с. 36–37, табл. 3: 15; 6: 23 и др.]. В описаниях материалов из русских городов такая обувь до сих пор не выделялась.

По предлагаемой атрибуции два известных сегодня голенища из раскопок в русских городах Новгороде и Ярославле, а также особые чехлы для амулетов находят аналоги на Северном Кавказе [53, с. 189–190].

Погребальная обувь. Обувь из средневековых погребений, наряду с обрядом и другими археологическими признаками, также можно считать показателем внедрения в народные массы норм православного религиозного сознания. В средневековых погребениях найдена только кожаная обувь. Первую попытку выделить среди этой обуви бытовую (носимую при жизни) и специальную погребальную сделал А.В. Арциховский [54, с. 102]. Другие же исследователи замечали только сходство обиходной и погребальной древнерусской обуви.

Разбор известных в научной литературе описаний позволил автору выявить хронологическую закономерность. В погребениях XI–XV вв. встречается исключительно обиходная обувь, находящаяся в большом количестве в культурных слоях древнерусских городов. Эти погребения относятся к различным землям (княжествам) Древней Руси и представляют захоронения жителей как городов, так и сельской округи. Для

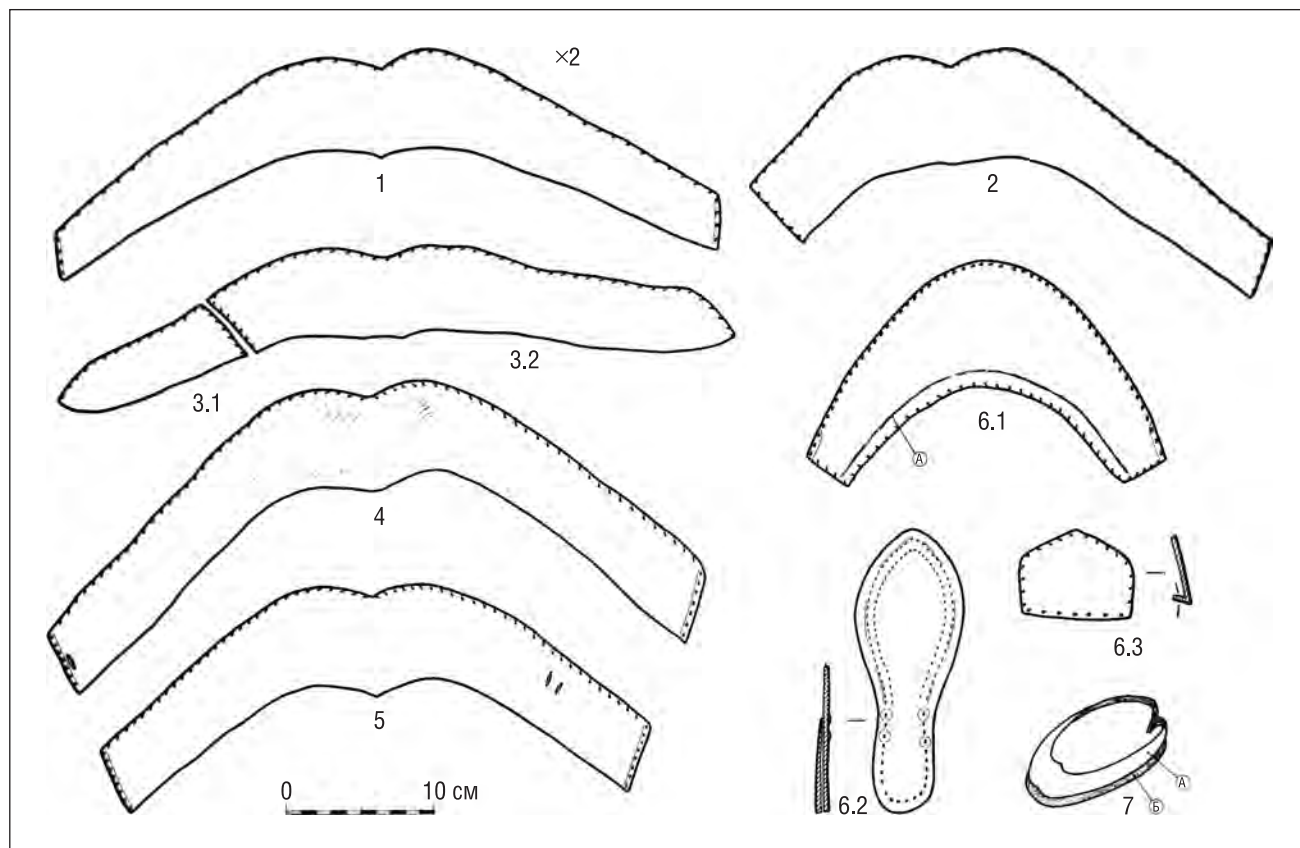

Рис. 23. Псков. Раскопы Петровские II–III. Погребальная обувь из «скудельни» (×2 – две идентичные детали)

монахов погребальной обувью были *каліги*, хотя трудно сказать, была ли это повседневная монашеская обувь или специально сделанная для погребения [55, с. 155–157].

Церковные и монастырские каноны начинают проникать в обряды, связанные с захоронением мирян, видимо, в конце XV–XVI вв. Это подтверждают раскопки ряда городских некрополей XVI–XVII вв., где встречены образцы специфической обуви, у которой верх скроен в виде выгнутой полосы кожи шириной 4–6 см и длиной 45–48 см. Равновеликие крылья раскройки сшивались выворотным швом на пятке (рис. 23). Другие образцы «покойницкой» обуви встречены в Новгороде на городском кладбище XVI–XVII вв. близ церкви Василия Парийского, в погребении № 7 под Мартирьевской папертью Новгородского Софийского собора, в могилах XVII в. на территории Тверского кремля и в других раскопанных археологами комплексах. Их можно относить к варианту «поршневидной» обуви.

Выводы. Изучение средневековой обуви, найденной в городах на территории древнерусского государства и Московского царства, особенно интенсивно проводилось в последние десятилетия. Полученные данные значительно расширяют и уточняют наши представления и о кожевенном ремесле, и об особенностях быта древних горожан. Сегодня можно говорить о складывании в XI в. самостоятельной производственной традиции в кожевенном ремесле на территории Древней Руси. В это же время складывается и своеобразная традиция изготовления и декора местных форм обуви. Были выработаны и развивались самобытные обувные конструкции.

В развитии форм обуви выделяются относительно длительные (до 1–2 столетий) стилевые направления или стили и более динамично изменявшиеся (в пределах 40–50 лет) элементы обуви, которые можно называть понятным для современности термином – мода. В этом плане древнерусская культура оказывается не менее динамичной, чем культура стран зарубежной Европы.

Дальнейшая разработка темы кожевенного ремесла на археологическом материале будет иметь одним из направлений уточнение датировок отдельных комплексов, содержащих кожевенные предметы, а также сужение хронологических рамок бытования слоёв и строительных горизонтов. Вместе с использованием статистических анализов при обработке массового кожевенного материала из средневековых культурных отложений появятся и новые уточнения времени бытования каждого вида и фасона обуви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
2. Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
3. Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. № 65. 1959.
4. Курбатов А.В. Обувная мода в средневековой Руси (по находкам из раскопок в Твери) // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004.
5. Курбатов А.В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб., 2004.
6. Лысенко П.Ф. Берестье. Минск, 1985.
7. Курбатов А.В. Обувная мода в костюме Московской Руси // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Научный журнал. № 2. Серия история. СПб., 2009.
8. Курбатов А.В. Культура и ремесло русского заполярного города: кожаные изделия Мангазеи по раскопкам 2001–2007 гг. // Записки ИИМК РАН. Вып. 5. СПб., 2010.
9. Курбатов А.В. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Юрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. СПб., 2007.
10. Антропова Я.В. О редком виде кожаной обуви из раскопок в Старой Руссе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 17. Новгород, 2003.
11. Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути: Каталог временной выставки. СПб., 1992.
12. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989.
13. Додэ З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М., 2001.
14. Оятева Е.И. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 7. Л., 1965.
15. Курбатов А.В. Начальный период сложения средневекового кожевенного ремесла на Руси // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 2. СПб., 2008.
16. Курбатов А.В. Наследие М.К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.
17. Оятева Е.И. Белозерская кожаная обувь // Голубева Л.А. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.
18. Курбатов А.В. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. 1995. № 2.
19. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург, 2011.
20. Курбатов А.В. Комплекс раннемосковского времени с Затымацкого посада г. Твери // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы 7-й Международной научной конференции. СПб., 30 июня – 3 июля 2004. СПб., 2004.
21. Оятева Е.И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4. Л., 1962.
22. Колчин Б.А., Рыбина Е.А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
23. Курбатов А.В. Комплекс раннемосковского времени с Затымацкого посада г. Твери // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы 50 научного семинара. Псков, 2004.
24. Рабинович М.Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М., 1964.
25. Халиков А.Х. Археологические работы на предбулачной части посада Казани XV–XVI веков // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
26. Курбатов А.В. Рабочая одежда и обувь средневековых горожан // Археологические вести. № 17. СПб., 2011.
27. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1846.

28. *Осипов Д.О.* Обувь московской земли XII–XVIII вв. М., 2006. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 7)
29. *Курбатов А.В.* Музееведение и археология – две составляющих в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла / Рец.: Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. 202 с.; 323 ил. 2006. М.: ИА РАН. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7 // Археологические вести. № 15. СПб., 2008.
30. Словарь русских говоров Сибири. Т. 3. Новосибирск, 2002.
31. Словарь русских народных говоров. Вып. 27. Л., 1992.
32. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975.
33. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975.
34. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.
35. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980.
36. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981.
37. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 20. М., 1995.
38. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1996.
39. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 1. СПб., 2003.
40. Словарь русских народных говоров. Вып. 2. 2-е изд. СПб., 2002.
41. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Л., 1972.
42. Словарь русских народных говоров. Вып. 24. Л., 1989.
43. *Курбатов А.В.* О специальной воинской обуви в средневековой России // «Краеугольный камень»: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. СПб., 2009.
44. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2. Л., 1985.
45. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987.
46. *Осипов Д.О.* Кожаная обувь: информационные возможности археологических коллекций (по материалам раскопок в Москве) // РА. 2003. № 2.
47. *Курбатов А.В.* О времени появления валяной обуви в России // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы 8-й Международной научной конференции. СПб., 2005.
48. *Курбатов А.В.* Предохранительная обувь в Средневековье и Новое время: европейские традиции и русская действительность // Бюллетень ИИМК РАН. СПб., 2011. № 2.
49. *Курбатов А.В.* Этапы освоения Севера в связи с развитием кожевенного ремесла средневековой России // Археологические вести. № 14. СПб., 2007.
50. *Осипов Д.О.* К вопросу об атрибуции одной из категорий кожаных изделий // Археологические вести. № 17. СПб., 2011.
51. Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле (Результаты комплексного исследования) / *А.В. Энгватова, Е.Е. Антипина, Д.В. Власов, М.В. Добровольская, А.А. Карпунин, Д.О. Осипов* // Археология: история и перспективы. 5-я межрегиональная конференция. Ярославль, 2012.
52. *Плетнева С.А.* Половецкие каменные изваяния. М., 1974. (САИ. Вып. Е 4-2)
53. *Курбатов А.В.* «Инородные» кожаные предметы в средневековой Руси: движение людей и вещей // *Stratum plus*. № 5. 2011.
54. *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М., 1930.
55. *Курбатов А.В.* Погребальная обувь средневековой Руси // Археологические вести. № 9. СПб., 2002.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

A.V. Kurbatov

FOOTWEAR FASHION IN MEDIEVAL RUSSIA

Summary

In recent years a considerable increase is observed in the number of published archaeological finds of leather ware, particularly footwear, from Russian medieval towns. Studies of this group of objects of material culture demonstrate a fairly dynamic change of the forms and styles of footwear enabling us to put forward a question of something like a medieval 'fashion' in Rus. It becomes clear that the phenomenon of the medieval footwear fashion was a feature common to all states and regions of Europe. Now it is certain that the styles and construction of footwear changed over each 50 years and, occasionally, some short-term fashions existed even for no longer than 20–25 years.

Generally, in the development of the forms of footwear, there are distinguished relatively stable (up to 1–2 centuries) style periods and more quickly changing (within a time span of 40–50 years or even shorter) elements of footwear which could be called 'fashion' in the clearer to us modern terms. In this respect, the Old-Russian culture proves to have been no less dynamical than that of the rest of Europe.

*The Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
18, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 191186,
Russia
E-mail: alkurba@rambler.ru*

I ТВЕРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ*

I Тверская археологическая конференция состоялась в г. Твери 10–13 марта 1993 года. Её организатором выступил Тверской государственный объединённый историко-архитектурный и литературный музей (ТГОМ), участие в подготовке конференции и в издании её материалов приняли ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр» (ТНИИР-Центр) и Государственная инспекция по охране и использованию памятников истории и культуры (ГИОИПИК) при Комитете по культуре Администрации Тверской области.

Основная тема конференции – «Археологические исследования Великого водораздела».

На конференции на пленарном и заключительном заседаниях и заседаниях двух секций («Археология первобытности» и «Археология Средневековья») были заслушаны 40 (из 52 заявленных) докладов 39 авторов.

Хронологические рамки представленных докладов – от мезолита до позднего Средневековья, территориальные – Валдайская возвышенность, Верхнее Поволжье и Волго-Окское междуречье. Большинство докладов было посвящено археологическим памятникам г. Твери и Тверской области. В докладах были представлены новые материалы археологических раскопок и разведок, архитектурно-археологических исследований, историко-археолого-географических, исторических и историографических изысканий. Ряд докладов имели обобщающий, методический и методологический характер, часть была посвящена отдельным категориям предметов материальной и духовной культуры разных эпох.

В конференции приняли участие 70 археологов и специалистов смежных дисциплин, включая сотрудников тверских археологических организаций и учреждений, из 11 городов России (Москва, Лыткарино Московской области, Санкт-Петербург, Подпорожье Ленинградской области, Вологда, Великий Новгород, Псков, Иваново, Тверь, Бежецк и Торжок Тверской области), представляющих 27 учреждений и организаций, в том числе 2 академических института (Институт археологии РАН, Москва, и Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург), 7 вузов (Московский им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский, Ивановский, Тверской государственные университеты, Новгородский и Вологодский государственные педагогические институты, Санкт-Петербургская Духовная Академия), а также Тверской областной институт усовершенствования учителей; 8 музеев (Музей истории города Москвы, Лыткаринский музей, Московская область; Государственный Эрмитаж, Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Подпорожский краеведческий музей Объединения музеев Ленинградской области, Санкт-Петербург, Подпорожье; Псковский государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Тверской государственный объединённый историко-архитектурный и литературный музей, Всероссийский историко-этнографический музей, г. Торжок Тверской области); 2 государственных органа охраны памятников (Новгородская государственная инспекция по охране памятников и Государственная инспекция по охране и использованию памятников истории и культуры при Комитете по культуре Администрации Тверской области); 2 археологических центра (НПЦ «КЛИО», г. Вологда, и ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр»), 3 реставрационные организации (НПРП «Симаргл», г. Москва, ЦНПРМ МК РФ, г. Москва, ПСБ «Тверьпроектреставрация»), 2 Дворца детей и молодёжи (Дворец молодёжи и школьников Выборгского района, г. Санкт-Петербург, и Бежецкий Дворец детей и молодёжи, г. Бежецк Тверской области). Прибыли в Тверь 38 иногородних исследователей. Большую группу слушателей составили представители тверских государственных органов власти, краеведы, студенты. На заседаниях присутствовало до 60 и более человек.

Финансирование работы конференции осуществлялось из средств хоздоговорных археологических исследований, проводимых ТГОМ и ТНИИР-Центром.

Материалы конференции были изданы в 1994 г. в 1-м выпуске Тверского археологического сборника.

На конференции было принято решение о проведении в дальнейшем Тверских археологических конференций раз в пять лет, а между ними – ежегодно – заседаний научных семинаров «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (на базе ТГОМ) и «Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья» (на базе ТНИИР-Центра) с публикацией их материалов.

* Эта публикация имеет целью дать некоторое информационное представление о I Тверской археологической конференции, не получившей, в отличие от других, своевременного отражения в Тверских археологических сборниках.

И.Н. Черных
Председатель Оргкомитета
I Тверской археологической конференции,
зам. генерального директора ГБУК
Тверской области «Тверской государственный
объединённый музей» по археологии,
засл. работник культуры РФ

І ТВЕРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

10–13 марта 1993 г.

Участники конференции – археологи и специалисты смежных дисциплин*

г. Москва и Московская область

1. Кольцов Лев Владимирович – Институт археологии РАН (ИА РАН), в.н.с., д.и.н., проф.** (доклад прочитан М.Г. Жилиным)
2. Жилин Михаил Геннадьевич – ИА РАН, н.с., к.и.н.
3. Волкова Елена Витальевна – ИА РАН, н.с.
4. Цетлин Юрий Борисович – ИА РАН, в.н.с., к.и.н. (слушатель)
5. Исланова Инна Васильевна – ИА РАН, н.с., к.и.н.
6. Буров Владимир Андронович – ИА РАН, с.н.с., к.и.н.
7. Розанова Людмила Семёновна – ИА РАН, с.н.с., к.и.н.
8. Сидоров Владимир Владимирович – ИА РАН, н.с.
9. Олейников Олег Михайлович – ИА РАН, аспирант; ТГОМ, с.н.с.
10. Кравцов Андрей Евгеньевич – Музей истории города Москвы (МИГМ), нач. отдела археологии
11. Леонова Елена Викторовна – МИГМ, с.н.с. отдела археологии
12. Кузина Инна Николаевна – МИГМ, с.н.с. отдела «Средневековая Москва»
13. Лев Сергей Юрьевич – МГУ им. М.В. Ломоносова, студент кафедры археологии (содокладчик)**
14. Хворостова Елена Леонидовна – НИРП «Симаргл», гл. археолог
15. Альтшуллер Борис Львович – ЦНРПМ МК РФ, Федеральный архитектор по Тверской области, к. архитектуры (слушатель)
16. Кузьмина Л.Ю. – Лыткаринский музей (г. Лыткарино) (слушатель)
17. Немцова Л.В. – Лыткаринский музей (г. Лыткарино) (слушатель)
18. Преображенская И.В. – Лыткаринский музей (г. Лыткарино) (слушатель)

г. Санкт-Петербург и Ленинградская область

1. Синицына Галина Васильевна – Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), н.с., к.и.н.
2. Курбатов Александр Валентинович – ИИМК РАН, м.н.с.; ТГОМ, н.с.
3. Фояков Дмитрий Ильич – ИИМК РАН, м.н.с., к.и.н., ТГИОИПИК
4. Булкин Валентин Александрович – Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), доцент, канд. искусствоведения
5. Красильникова В.М. – СПбГУ (слушатель)
6. Михайлова Елена Робертовна – СПбГУ (слушатель)
7. Соболев Дмитрий Юрьевич – СПбГУ (слушатель)
8. Кузьмин Сергей Львович – археолог (слушатель)
9. Селин А.А. – СПбГУ (слушатель)
10. Мусин Александр Евгеньевич – Санкт-Петербургская Духовная Академия, диакон
11. Иоаннисян Олег Михайлович – Государственный Эрмитаж, зав. отделом архитектурно-археологических исследований, к.и.н.
12. Королькова Людмила Валентиновна – Российский этнографический музей, н.с.
13. Гусенцова Татьяна Матвеевна – Дворец молодёжи и школьников Выборгского района, методист, к.и.н.
14. Андреева Наталия Анатольевна – Объединение музеев Ленинградской области, Подпорожский краеведческий музей (г. Подпорожье), н.с.

г. Новгород

1. Конецкий Владимир Яковлевич – Новгородский государственный педагогический институт, доцент, к.и.н.
2. Клубова Ольга Владиславовна – Новгородская государственная инспекция по охране памятников (слушатель)

* Список даётся по принятым заявкам и регистрации участников, учёные степени и звания приводятся на 1993 г. (возможны неточности).

** Личного участия в конференции не принимали.

г. Псков

1. Волочкова Ольга Кузьминична – Псковский государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ПГОИАХМЗ), зам. директора по научной работе (слушатель)
2. Грушина Любовь Евгеньевна – ПГОИАХМЗ, зав. отделом археологии (слушатель)

г. Иваново

1. Костылёва Елена Леонидовна – Ивановский государственный университет, ст. преподаватель, к.и.н.

г. Вологда

1. Башенькин Александр Николаевич – Вологодский государственный педагогический институт (ВГПИ), доцент, к.и.н.
2. Кукушкин Игорь Полиевктович – НПЦ «КЛИО», сотрудник (слушатель)
3. Смирнова Наталья Борисовна – НПЦ «КЛИО», ВГПИ, художник-реставратор (слушатель)

г. Тверь и Тверская область

Докладчики

1. Воробьёв Вячеслав Михайлович – Областной институт усовершенствования учителей, зав. кафедрой краеведения, к.и.н.
2. Максимов Андрей Дмитриевич – Тверской государственный университет (ТвГУ), с.н.с.
3. Малыгин Пётр Дмитриевич – ТвГУ, ст. преподаватель; Всероссийский историко-этнографический музей (г. Торжок), зав. отделом археологии, к.и.н.
4. Салимов Алексей Маратович – ПСБ «Тверьпроектреставрация», с.н.с.
5. Хохлов Александр Николаевич – ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр» (ТНИИР-Центр), председатель Совета
6. Дворников Александр Сергеевич – ТНИИР-Центр, н.с.
7. Дашкова Ирина Александровна – ТНИИР-Центр, исполнительный директор
8. Сиволапова Анна Борисовна – ТНИИР-Центр, ст. лаборант
9. Хухарев Владимир Владимирович – ТНИИР-Центр, лаборант, ТвГУ
10. Мирецкий Александр Витольдович – ТНИИР-Центр, н.с.
11. Черных Игорь Николаевич – Тверской государственный объединённый историко-архитектурный и литературный музей (ТГОМ), зам. генерального директора – зав. отделом археологии
12. Попова Лариса Александровна – ТГОМ, зав. сектором археологии отдела фондов
13. Ланцев Андрей Петрович – ТГОМ, м.н.с. отдела археологии
14. Волкова Марина Викторовна – Бежецкий Дворец детей и молодёжи, г. Бежецк, методист

Слушатели

15. Ланцева Марина Евгеньевна – ТГОМ, м.н.с. отдела археологии
16. Персов Николай Евгеньевич – ТГОМ, н.с. отдела археологии
17. Пичугина Анна Николаевна – ТГОМ, н.с. отдела фондов
18. Суворов Дмитрий Игоревич – ТГОМ, археологические экспедиции, ст. лаборант
19. Коротаев Дмитрий Сергеевич – ТГОМ, отдел археологии, ст. лаборант
20. Сухомлина Лариса Викторовна – ТГОМ, отдел археологии, ст. лаборант
21. Новгородов Д.А. – ТГОМ, археологические экспедиции, ст. лаборант
22. Бружеставицкий Израиль Моисеевич – ТГОМ, бывший генеральный директор музея, засл. работник культуры РСФСР
23. Глафинова Валентина Викторовна – ТГОМ, зав. отделом истории советского общества
24. Черных Татьяна Владимировна – ТГОМ, зам. генерального директора по научной работе
25. Пономарёва Эли Александровна – ТГОМ, н.с.
26. Маковская Галина Леонидовна – ТГОМ, реставратор
27. Купряшин Александр Валерьевич – ТНИИР-Центр, сотрудник, реставратор
28. Нестерова Марина Евгеньевна – ТНИИР-Центр, сотрудник
29. Бурцева Наталия Николаевна – ТНИИР-Центр, лаборант
30. Сафаров Алексей Росимович – ТНИИР-Центр, ст. лаборант
31. Костыгина Людмила Анатольевна – ТНИИР-Центр, лаборант
32. Иванова Анастасия Борисовна – ТНИИР-Центр, ст. лаборант
33. Иванов Игорь Владимирович – ТНИИР-Центр, ст. лаборант
34. Орлова Ольга Александровна – ТНИИР-Центр, лаборант, ГИОИПИК
35. Крылов Андрей Петрович – ТНИИР-Центр, сотрудник
36. Салимова Марина Анатольевна – ПСБ «Тверьпроектреставрация», н.с.

37. Жёлобова Людмила Владимировна – Государственная инспекция по охране и использованию памятников истории и культуры (ГИОИПИК) при Комитете по культуре Администрации Тверской области, начальник
38. Левина Наталия Викторовна – ГИОИПИК, сотрудник
39. Снегирёв Валерий Валентинович – Комитет по культуре Администрации Тверской области, засл. работник культуры РСФСР
40. Скукина Елена Викторовна – ТвГУ, ст. преподаватель, аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова
41. Момбекова Асия Абдуманоповна – ТвГУ, лаборант кафедры отечественной истории
42. Ковалёв Сергей Юрьевич – ТвГУ, исторический факультет, студент
43. Кузнецов Денис Вадимович – ТвГУ, исторический факультет, студент
44. Голубкова Анна Анатольевна – ТвГУ, исторический факультет, студентка
45. Бархатова Тамара Альбертовна – ТвГУ, исторический факультет, студентка
46. Пушай Елена Станиславовна – ТвГУ, биологический факультет
47. Котолевская Алина Викторовна – Тверская областная картинная галерея (ТОКГ), н.с.
48. Андреевко Ирина Николаевна – ТОКГ, н.с.
49. Волкова Нонна Евгеньевна – ТОКГ, н.с., засл. работник культуры РСФСР
50. Костюкович Лариса Евгеньевна – ТОКГ, учёный секретарь
51. Гершфельд Валерия Фёдоровна – ТОКГ, н.с., искусствовед
52. Курочкина Ната Анатольевна – ТОКГ, зав. отделом древнерусского искусства, искусствовед
53. Федулаева Надежда Васильевна – Тверская областная универсальная научная библиотека им. А.М. Горького (ТОУНБ), гл. библиограф библиографического отдела
54. Лукьянова Ирина Михайловна – ТОУНБ, специалист библиографического отдела
55. Забелин Николай Алексеевич – Тверской городской Клуб краеведов (ТГКК), председатель, засл. учитель РСФСР, почётный гражданин г. Твери
56. Ротермель Борис Николаевич – ТГКК, зам. председателя, к.т.н.
57. Бодашков Николай Михайлович – ТГКК, к.т.н.
58. Ершов Борис Александрович – Областная газета «Тверские ведомости», сотрудник, краевед
59. Степанец Иван Данилович – Тверское областное отделение ВООПИиК, председатель
60. Ильин Марк Александрович – Архивный отдел Администрации Тверской области, заведующий, засл. архивист РСФСР
61. Горевой Гарий Семёнович – Архивный отдел Администрации Тверской области, специалист, к.т.н., краевед
62. Шумов Виктор Авраамович – Управление главного архитектора г. Твери, начальник, главный архитектор
63. Матвеев Роман Леонидович – Областная станция юных туристов
64. Кудрявцев В.В. – Областной земельный комитет
65. Фролов С.А.
66. Антонова К.
67. Барабанов Олег Михайлович – краевед (**г. Кимры**)

**ПРОГРАММА
I ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(10–13 марта 1993 г.)**

**Пленарное заседание
10 марта, 13.00**

**Кинолекционный зал Тверского государственного объединённого музея
(г. Тверь, ул. Советская, д. 3)**

Открытие I Тверской археологической конференции

Председатель Оргкомитета конференции, заместитель генерального директора – заведующий отделом археологии Тверского государственного объединённого музея **И.Н. Черных**

1. **Воробьёв Вячеслав Михайлович** (*Тверь*) Великий водораздел Восточной Европы: географо-археологический аспект
2. **Кольцов Лев Владимирович** (*Москва*) Первоначальное заселение Тверского Поволжья*
3. **Максимов Андрей Дмитриевич** (*Тверь*) Краткие итоги и перспективы изучения памятников раннего железного века Тверской области
4. **Башенькин Александр Николаевич** (*Вологда*) Погребальные памятники дьяковской культуры в бассейне р. Мологи
5. **Малыгин Пётр Дмитриевич** (*Тверь, Торжок*) Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей Тверской области
6. **Мусин Александр Евгеньевич** (*Санкт-Петербург*) Христианизация Тверского края и проблемы образования Тверской епархии (историко-археологический аспект)

**Секция 1. Археология первобытности
Отдел археологии Тверского государственного объединённого музея
(г. Тверь, ул. С. Перовской, д. 15)
11 марта, 10.00**

1. **Кравцов Андрей Евгеньевич, Леонова Елена Викторовна, Лев Сергей Юрьевич** (*Москва*) К вопросу о месте иеневской культуры в мезолите Волго-Окского междуречья
2. **Леонова Елена Викторовна** (*Москва*) Опыт планиграфического анализа иеневских мезолитических стоянок с тонким культурным слоем
3. **Жилин Михаил Геннадьевич** (*Москва*) Археологические исследования на Озерецком торфянике в 1990–1992 гг.
4. **Гусенцова Татьяна Матвеевна** (*Санкт-Петербург*), **Андреева Наталия Анатольевна** (*Санкт-Петербург, Подпорожье*) Основные итоги исследований памятников каменного века на северо-востоке Ленинградской области
5. **Костылёва Елена Леонидовна** (*Иваново*) Раннеолитическая керамика Верхнего Поволжья

11 марта, 15.00

1. **Синицына Галина Васильевна** (*Санкт-Петербург*) К вопросу о генезисе валдайской культуры
2. **Мирецкий Александр Витольдович** (*Тверь*) Новый памятник эпохи первобытности в верховьях бассейна р. Шоши
3. **Волкова Елена Витальевна** (*Москва*), **Ланцев Андрей Петрович, Черных Игорь Николаевич** (*Тверь*) Могильник фатьяновской культуры эпохи бронзы Новинки I на р. Шоше (по материалам раскопок 1990–1992 гг.)
4. **Волкова Елена Витальевна** (*Москва*) Керамика из могильника фатьяновской культуры Новинки I
5. **Сидоров Владимир Владимирович** (*Москва*) 1000 лет культурной преемственности

**Секция 2. Археология Средневековья
Кинолекционный зал Тверского государственного объединённого музея
(г. Тверь, ул. Советская, д. 3)
11 марта, 10.00**

1. **Исланова Инна Васильевна** (*Москва*) Две группы поселений в Мстинско-Моложском междуречье
2. **Волкова Марина Викторовна** (*Бежецк*) Уточнение археологической карты Бежецкого края (к вопросу о новгородской волости Городец-Палец-Палиц)

* Доклад прочитан М.Г. Жилиным.

3. **Конецкий Владимир Яковлевич** (*Новгород*) К вопросу об этнической интерпретации древнерусских погребальных памятников Новгородской земли (по материалам Фёдоровского могильника)
4. **Хворостова Елена Леонидовна** (*Москва*) Деревянные постройки Старицкого городища
5. **Салимов Алексей Маратович** (*Тверь*) О храме на Верхнем городище Торжка

11 марта, 15.00

1. **Королькова Людмила Валентиновна** (*Санкт-Петербург*) Вопросы интерпретации ножей с волютообразным навершием
2. **Розанова Людмила Семёновна, Исланова Инна Васильевна** (*Москва*) Железные изделия Удомельского Поозерья (сер. I – нач. II тыс. н.э.)
3. **Дашкова Ирина Александровна** (*Тверь*) Стеклообразные браслеты из раскопок древней Твери (по материалам раскопок кремля (раскоп № 7) и Затьмацкого посада)
4. **Хухарев Владимир Владимирович** (*Тверь*) К вопросу об изображениях св. мученика Никиты на крестах и иконках из Твери
5. **Кузина Инна Николаевна** (*Москва*) Метательный снаряд XVII в. из раскопок в Зарядье

12 марта, 10.00

1. **Хохлов Александр Николаевич** (*Тверь*) Историческая топография древней Твери: к постановке проблемы
2. **Попова Лариса Александровна** (*Тверь*) Мелкая пластика из раскопа 1989 г. на территории Затьмацкого посада г. Твери
3. **Хохлов Александр Николаевич** (*Тверь*) Локализация укреплений Тверского кремля кон. XIII – нач. XIV в.
4. **Хохлов Александр Николаевич, Дворников Александр Сергеевич** (*Тверь*) Исследования рва Тверского кремля кон. XIII – нач. XIV в.
5. **Олейников Олег Михайлович** (*Москва, Тверь*) Раскопки Затьмацкого посада г. Твери в 1991–1992 гг.

12 марта, 15.00

1. **Дашкова Ирина Александровна, Сиволапова Анна Борисовна** (*Тверь*) Исследования Затверецкого посада г. Твери в 1992 г.
2. **Курбатов Александр Валентинович** (*Санкт-Петербург, Тверь*) Археологические работы в Твери и Осташкове в 1992 г.
3. **Курбатов Александр Валентинович** (*Санкт-Петербург, Тверь*) Культурная ситуация на территории Тверского кремля (по материалам раскопок Л.А. Поповой 1985 г.)
4. **Булкин Валентин Александрович, Иоаннисян Олег Михайлович** (*Санкт-Петербург*), **Малыгин Пётр Дмитриевич, Салимов Алексей Маратович** (*Тверь*) Архитектурно-археологические исследования Спасо-Преображенского собора в г. Твери

13 марта, 10.00

1. **Фоняков Дмитрий Ильич** (*Санкт-Петербург, Тверь*) Раскопки в Торопце в 1986–1992 гг.
2. **Дворников Александр Сергеевич** (*Тверь*) Культурный слой Бежецка
3. **Курбатов Александр Валентинович** (*Санкт-Петербург, Тверь*) Совершенствование технологии кожаного обувного производства в русских средневековых городах (по материалам раскопок в г. Твери 1985 г.)
4. **Буров Владимир Андронович** (*Москва*) Волостка XV в. новгородского боярина Якова Скомантова по данным писцовых книг и археологии
5. **Булкин Валентин Александрович** (*Санкт-Петербург*), **Салимов Алексей Маратович** (*Тверь*) Архитектурно-археологическое исследование Никольского собора Краснохолмского Антониева монастыря

Заккрытие I Тверской археологической конференции

Несостоявшиеся доклады

1. **Крайнов Дмитрий Александрович** (*Москва*) Археологические исследования Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР в Тверской (Калининской) области
2. **Мирецкий Александр Витольдович** (*Тверь*) Кремнеобрабатывающие мастерские Ржевско-Старицкого Поволжья
3. **Левковская Галина Михайловна, Синицына Галина Васильевна** (*Санкт-Петербург*) Палинологическая характеристика мезолитической стоянки Подол III
4. **Урбан Юрий Николаевич** (*Санкт-Петербург*) Стоянка Забелье: опыт выделения археологической культуры

5. **Черных Игорь Николаевич** (*Тверь*) Мелкая кремнёвая пластика с поселения «Синяя Гора» I на оз. Селигер
6. **Левковская Галина Михайловна** (*Санкт-Петербург*) Палинологическая характеристика могильника фатьяновской культуры эпохи бронзы Новинки I на р. Шоше (по материалам раскопок 1990–1991 гг.)
7. **Воронин Константин Владимирович** (*Москва*) Стоянка Стан I и её место в круге памятников бронзового века северо-запада лесной полосы Восточной Европы
8. **Шмидт Евгений Альфредович** (*Смоленск*) Древние волокнистые материалы из Днепра через водораздел в Западную Двину (доклад представлен в письменном виде)
9. **Лесман Юрий Михайлович** (*Санкт-Петербург*) Торопецкий участок пути «из варяг в греки»
10. **Комаров Константин Иванович** (*Москва*) Мерянские элементы в Плешковском курганном могильнике
11. **Белецкий Сергей Васильевич** (*Санкт-Петербург*), **Попова Лариса Александровна** (*Тверь*) Керамика средневековой Твери (по материалам раскопок 1985 г.)
12. **Захаров Сергей Дмитриевич** (*Москва*) Новые материалы о последних этапах существования Белоозера

V ТВЕРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

V Тверская с международным участием археологическая конференция проходила в г. Твери 26–30 марта 2013 года. Её главным организатором являлось Государственное бюджетное учреждение культуры Тверской области «Тверской государственный объединённый музей» (ГБУК ТГОМ), соорганизатором – Общество с ограниченной ответственностью «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр» (ООО «ТНИИР-Центр»).

Основная тема конференции – «Тверская земля и «сопредельные территории» от каменного века до Новейшего времени. «Сопредельность территорий» в археологическом аспекте».

Хронологические рамки сделанных на конференции докладов и сообщений охватывали периоды истории от палеолита до Новейшего времени, территориальные – тундровую, лесную и лесостепную зоны Восточной Европы, Зауралье и Западную Сибирь.

Проблематика выступлений на конференции, сгруппированных по отдельным тематическим блокам, охватывала современные комплексные методы изучения и датирования археологических памятников и материалов, анализ и классификацию предметов материальной культуры различных эпох, духовную сторону жизни людей (искусство и верования, погребальный обряд в его развитии в различных человеческих обществах), архитектурно-археологические исследования, экспериментальные работы. Были представлены результаты новейших исследований археологических объектов.

V Тверская археологическая конференция имела международный характер благодаря участию в ней учёных из Эстонии и Финляндии.

На конференции, исходя из принятых заявок, предполагалось заслушать 105 докладов и сообщений (первоначально было подано 118 заявок) 126 археологов и специалистов смежных дисциплин из 25 городов России и 2 – зарубежных стран, в т.ч. 28 – тверских авторов.

Работа конференции проходила на пленарном (8 докладов) и заключительном (5 докладов) заседаниях, а также по 2 секциям: «Каменный век – Раннее Средневековье» (50 докладов и сообщений, в т.ч. 13 стендовых) и «Ранний железный век – Новейшее время» (35 докладов и сообщений, в т.ч. 1 стендовый).

Всего на конференции были представлены и обсуждены 98 докладов (в т.ч. 14 стендовых) 122 археологов и специалистов смежных дисциплин из 25 городов и других населённых пунктов России: Москвы, Сергиева Посада, Коломны, с. Большие Вязёмы Одинцовского района Московской области, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Архангельска, пос. Соловки Архангельской области, Петрозаводска (Республика Карелия), Вологды, Череповца Вологодской области, Перми, Костромы, Иваново, Плёса Ивановской области, Ростова Ярославской области, Калуги, Казани (Республика Татарстан), Самары, Липецка, Воронежа, Екатеринбурга, Нижнего Тагила Свердловской области, Тюмени, Твери, – а также из Эстонии (г. Тарту) и Финляндии (г. Эспоо).

Лично присутствовали на конференции 105 заявленных докладчиков, в т.ч. 76 приезжих и 29 из г. Твери.

Среди авторов докладов – 5 докторов исторических наук, 2 доктора географических наук, 1 доктор биологических наук, 1 доктор культурологии, 47 кандидатов исторических наук, 1 кандидат геолого-минералогических наук, 1 кандидат географических наук, 2 кандидата искусствоведения, 1 кандидат философских наук (Россия), 1 доктор наук (Эстония) и 1 магистр гуманитарных наук (Финляндия), аспиранты Института археологии РАН, студенты Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра археологии) и Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина.

Традиционно на заседаниях конференции присутствовали и участвовали в её работе в качестве слушателей сотрудники Института археологии РАН (Москва), тверских археологических организаций, студенты СПбГУ и Московского областного государственного социально-гуманитарного института (г. Коломна) (всего более 20 человек).

На конференции были представлены (учитывая соавторов докладов) 58 российских организаций, в т.ч. 8 институтов и филиалов Российской и республиканских академий наук (Институт археологии, Институт истории материальной культуры, Институты геологии и географии РАН, Карельский научный центр РАН (Институт языка, литературы и истории), Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Национальный центр археологических исследований им. А.Х. Халикова), Уральское (Институт экологии растений и животных) и Сибирское (Институт проблем освоения Севера) отделения РАН); 17 вузов (Московский государственный им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный, Новгородский государственный им. Ярослава Мудрого, Северный (Арктический) федеральный им. М.В. Ломоносова,

Петрозаводский государственный, Череповецкий государственный, Ивановский государственный, Уральский федеральный им. Б.Н. Ельцина, Тверской государственный университеты; Пермский государственный гуманитарно-педагогический, Липецкий и Воронежский государственные педагогические университеты; Московский областной социально-гуманитарный институт, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Филиал Государственной академии славянской культуры в г. Твери); 14 государственных федеральных и региональных музеев (Государственный Исторический музей (Москва), Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина в с. Вязёмы, Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск), Вологодский государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, Музей археологии Череповецкого музейного объединения, Плёсский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», Калужский областной краеведческий музей, Свердловский областной краеведческий музей, Тверской государственный объединённый музей) и музеи археологии Ивановского и Тверского университетов; 5 государственных органов охраны историко-культурного наследия (Областное ГБУ «Наследие» (Кострома); Департамент культуры и культурного наследия Ивановской области, Департамент культуры и архивного дела Воронежской области, ГБУК Свердловской области «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области», Главное управление по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области); 11 исследовательских организаций разных организационно-правовых форм (НПП «Симаргл» (Москва), МБУ «Коломенский археологический центр», НИИ «Спецпроектреставрация» и Северо-Западный научно-исследовательский институт «Наследие» (Санкт-Петербург), НП «Научно-исследовательский центр «Древности» (Вологда), ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция», ООО НПФ «АрхГео» (Самара), Липецкая городская научная общественная организация «Археолог», ООО «Терра» (Воронеж), ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр», ООО «Терра», г. Тверь); 2 детско-юношеских туристическо-краеведческих учреждения (Вологодские «Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий» и Детско-юношеский центр «Лидер») и 1 Национальный парк («Угра», Калужская область).

Иностранные коллеги – участники конференции – представляли Эстонию (Тартуский университет, Институт истории и археологии, г. Тарту) и Финляндию (г. Эспоо).

Программа конференции, претерпевшая некоторые изменения в ходе её работы, традиционно предусматривала в рамках секций определённые тематические блоки, позволявшие рассматривать отдельную проблематику исследований на широком территориально-хронологическом фоне.

К таким блокам на секции «Каменный век – Раннее Средневековье» относились «Периодизация и хронология», «Духовная культура: искусство и верования», «Керамика», «Памятники и артефакты», «Эксперименты в археологии». На секции «Ранний железный век – Новейшее время» – «Средневековый город: строительство, ремесло, материальная и духовная культура», «Сельские поселения и некрополи», «Архитектурно-археологические исследования» и др.

Четыре пленарных и 4 доклада на секции 1 были непосредственно посвящены основной теме конференции. На пленарном заседании выступили также заместитель директора ИА РАН А.В. Энговатова, отметившая высокую позицию Тверского региона в археологических исследованиях, проводимых в Российской Федерации, и заведующий отделом сводов и карт ИА РАН А.В. Кашкин, сообщивший о завершении Институту работ над информационно-справочным изданием «Археологическая карта России. Тверская область».

В целом все доклады, представленные на конференции, включая стендовые, имели конструктивное обсуждение, наиболее важные и интересные вызвали корректную дискуссию. Оргкомитетом особо отмечены основные доклады пленарного заседания (В.М. Воробьёва, Тверь; М.Г. Жилина, Москва; А. Крийски, Тарту, Эстония и Д.В. Герасимова, Санкт-Петербург; И.В. Ислановой, Москва, Тверь; А.Н. Хохлова, Тверь; А.М. Салимова, Тверь), доклады Г.В. Синицыной, Г.Н. Поплевко, М.А. Холкиной (Санкт-Петербург), Ю.Б. Серикова, в т.ч. совместный с И.Н. Тушиковым (Нижний Тагил), Ю.Б. Цетлина, В.В. Сидорова, Е.А. Кашиной (Москва), А.С. Сыроватко (Коломна), Л.Л. Косинской, С.Н. Паниной, С.Е. Чаиркина, Е.А. Юдиной, Е.Н. Дубовцевой (Екатеринбург), И.В. Усачёвой (Тюмень), А.А. Выборнова (Самара), Н.В. Косоруковой и Н.Н. Венедиктовой (Череповец), И.Ф. Витенковой, А.М. Жульникова, М.М. Шахновича, Т.А. Хорошун (Петрозаводск), Г.В. Панченко (Плёс), К. Нордквиста (Эспоо, Финляндия) – секция «Каменный век – Раннее Средневековье»; С.Н. Чаукина (Москва); А.А. Гольевой (Москва) и А.С. Сыроватко и А.А. Трошиной (Коломна); Е.Л. Хворостовой (Москва); П.Е. Русакова, В.Ю. Коваля и И.М. Андрианова (Москва); А.В. Курбатова, А.А. Липатова, Д.С. Тугановой; О.А. Шегловой и П.Р. Холошина (Санкт-Петербург); И.В. Болдина и Г.А. Массалитиной (Калуга); И.В. Папина (Вологда), А.Н. Хохлова (Тверь, Москва), Е.В. Лагуткиной и К.М. Свирина; С.Е. Андреева; Е.В. Кобозевой и Ю.А. Кобозева; Е.А. Романовой и В.В. Данилова; И.А. Сафаровой; Е.А. Дементьева, Д.И. Суворова и В.И. Маштарова (Тверь) – секция «Ранний железный век – Новейшее время»; П.Д. Малыгина, А.М. Салимова (Тверь), С.В. Кузьминых (Москва) – заключительное заседание.

Группа участников V Тверской археологической конференции в Старицком краеведческом музее.
30 марта 2013 г.

По окончании заключительного заседания группа участников конференции посетила г. Старицу, где ознакомилась, в частности, с Успенским монастырём (XVI–XIX вв.) и экспозицией Старицкого краеведческого музея-филиала ГБУК ТГОМ, включая выставку, созданную на материалах архитектурно-археологических исследований в гг. Старице и Твери.

Несмотря на большую насыщенность программы, желающие участники конференции в ходе её работы посетили экспозиции, включая археологическую, созданную в 1996 г., посвящённую историческому прошлому всего региона, Тверского краеведческого музея – головного учреждения ГБУК ТГОМ, в настоящее время находящегося на ремонте и реставрации.

При подведении итогов конференции были отмечены традиционно высокий уровень организации конференции, представленных докладов, полноценное доброжелательное и конструктивное обсуждение на конференции результатов исследований, участие в конференции как уже состоявшихся, так и только начинающих научный путь исследователей.

По мнению участников, V Тверская археологическая конференция внесла заметный вклад в археологическое изучение прошлого народов и территорий не только России, но и других стран.

Материалы конференции, поступившие и принятые к публикации, издаются в двух томах 10-го выпуска Тверского археологического сборника (Тверь, 2015).

В настоящее время продолжают свои проводимые между конференциями заседания научно-методический семинар с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (ГБУК ТГОМ) и научный семинар «Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья» (ООО «ТНИИР-Центр»).

И.Н. Черных
Председатель Оргкомитета
V Тверской археологической конференции,
заместитель генерального директора ГБУК ТГОМ
по археологии, заслуженный работник культуры РФ

У ТВЕРСКАЯ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ) АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

26–30 марта 2013 г.

Участники конференции – археологи и специалисты смежных дисциплин*

Россия

г. Москва и Московская область

1. Энгватова Ася Викторовна – Институт археологии РАН (ИА РАН), зам. директора, зав. отделом охранных раскопок, к.и.н.
2. Кашкин Александр Владимирович – ИА РАН, зав. отделом археологических сводов и карт, к.и.н.
3. Цетлин Юрий Борисович – ИА РАН, в.н.с., д.и.н.
4. Жилин Михаил Геннадьевич – ИА РАН, в.н.с., д.и.н.
5. Сидоров Владимир Владимирович – ИА РАН, с.н.с., к.и.н.
6. Исланова Инна Васильевна – ИА РАН, с.н.с., к.и.н.
7. Кузьминых Сергей Владимирович – ИА РАН, с.н.с., к.и.н.
8. Коваль Владимир Юрьевич – ИА РАН, н.с., к.и.н. (содокладчик)**
9. Олейников Олег Михайлович – ИА РАН, отдел охранных раскопок, н.с., к.и.н.
10. Майорова Елена Владимировна – ИА РАН, отдел охранных раскопок, м.н.с.
11. Русаков Павел Евгеньевич – ИА РАН, отдел охранных раскопок, м.н.с.
12. Мамонтова Дина Александровна – ИА РАН, отдел охранных раскопок, ст. лаборант
13. Андрианов Иван Михайлович – ИА РАН, отдел охранных раскопок, лаборант (содокладчик)**
14. Ворожейкина Мария Евгеньевна – ИА РАН, отдел охранных раскопок, н.с. (слушатель)
15. Шабунин Валерий Павлович – ИА РАН, отдел охранных раскопок, ст. лаборант (слушатель)
16. Чаукин Сергей Николаевич – ИА РАН, аспирант
17. Азаров Евгений Сергеевич – ИА РАН, аспирант
18. Зарецкая Наталия Евгеньевна – Геологический институт РАН, Лаборатория геохимии изотопов и геохронологии, с.н.с., к.г.-м.н.
19. Чернов Алексей Владимирович – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, в.н.с., д.г.н., профессор (содокладчик)**
20. Гольева Александра Амуриевна – Институт географии РАН, в.н.с., д.г.н.
21. Хворостова Елена Леонидовна – НПП «Симаргл», гл. археолог, засл. работник культуры РФ
22. Кашина Екатерина Александровна – Государственный исторический музей, н.с., к.и.н.
23. Щербаков Виталий Владимирович – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник (г. **Сергиев Посад**), с.н.с.
24. Смирнов Алексей Николаевич – Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина (**Одинцовский район, с. Большие Вязёмы**), с.н.с.
25. Сыроватко Александр Сергеевич – МБУ «Коломенский археологический центр» (КАЦ) (г. **Коломна**), директор; Московский областной государственный социально-гуманитарный институт (МОГСГИ), доцент, к.и.н.
26. Трошина Алла Андреевна – КАЦ, м.н.с.
27. Семеняк Надежда Сергеевна – МОГСГИ, исторический факультет, студентка 3 курса (слушатель)
28. Свирина Наталья Геннадьевна – МОГСГИ, исторический факультет, студентка 3 курса (слушатель)
29. Козел Алёна Александровна – МОГСГИ, исторический факультет, студентка 3 курса (слушатель)

г. Санкт-Петербург

1. Сеницына Галина Васильевна – Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), с.н.с., к.и.н.
2. Лисицын Сергей Николаевич – ИИМК РАН, н.с., к.и.н.
3. Желтова Мария Николаевна – ИИМК РАН, н.с.
4. Поплевко Галина Николаевна – ИИМК РАН, с.н.с., к.и.н.
5. Бессуднов Александр Александрович – ИИМК РАН, м.н.с., к.и.н. (содокладчик)**
6. Курбатов Александр Валентинович – ИИМК РАН, с.н.с., д.и.н.
7. Юшкова Мария Андреевна – ИИМК РАН, н.с., к.и.н.

* Список даётся по принятым заявкам, учёные степени и звания приводятся на 2013 г.

** Личного участия в конференции не принимали.

8. Липатов Алексей Анатольевич – ИИМК РАН, н.с.; НИИ «Спецпроектреставрация», сотрудник, к.и.н.
9. Бурова Наталья Дмитриевна – ИИМК РАН, н.с. (содокладчик)**
10. Скакун Наталья Николаевна – ИИМК РАН, с.н.с., к.и.н. (стендовый доклад)**
11. Терёхина Вера Васильевна – ИИМК РАН, стажёр (стендовый доклад)**
12. Герасимов Дмитрий Владимирович – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН), отдел археологии, н.с., к.и.н. (содокладчик)**
13. Казарницкий Алексей Александрович – МАЭ РАН, отдел антропологии, м.н.с.; СПбГУ, кафедра этнографии и антропологии, ассистент, к.и.н.
14. Ширококов Иван Григорьевич – МАЭ РАН, отдел антропологии, н.с., к.и.н. (содокладчик)**
15. Бельский Станислав Викторович – МАЭ РАН, м.н.с. (содокладчик)**
16. Цветкова Наталия Александровна – Российский этнографический музей, специалист
17. Туганова Дания Салаватовна – Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, факультет архитектуры, студентка
18. Гусенцова Татьяна Матвеевна – Северо-Западный научно-исследовательский институт «Наследие», археолог, к.и.н.
19. Щеглова Ольга Алексеевна – Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), кафедра археологии, доцент; ИИМК РАН, с.н.с., к.и.н.
20. Холошин Павел Романович – СПбГУ, кафедра археологии, студент 3 курса бакалавриата
21. Холкина Маргарита Алексеевна – СПбГУ, кафедра археологии, студентка 5 курса; МАЭ РАН, отдел археологии, стажёр-исследователь
22. Храмова Анастасия Андреевна – СПбГУ, кафедра археологии, студентка 2 курса (слушатель)

г. Великий Новгород

1. Самойлов Кирилл Глебович – Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (НГУ), ассистент; Учебно-научная лаборатория (УНЛ) «Старорусская археологическая экспедиция», зав. секцией (содокладчик)**
2. Колосницын Павел Павлович – НГУ, УНЛ, н.с. (содокладчик)**

г. Архангельск и Архангельская область

1. Беличенко Алексей Евгеньевич – Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. Институт социально-гуманитарных и политических наук, зав. лабораторией культурно-исторической антропологии
2. Мартынов Александр Яковлевич – Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник (**Соловки**), зам. директора по научной работе, к.и.н.

г. Петрозаводск, Республика Карелия

1. Жульников Александр Михайлович – Петрозаводский государственный университет, доцент, к.и.н.
2. Тарасов Алексей Юрьевич – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН), сектор археологии, н.с., к.и.н. (содокладчик)**
3. Хорошун Татьяна Анатольевна – ИЯЛИ КарНЦ РАН, сектор археологии, м.н.с.
4. Витенкова Ирина Филипповна – ИЯЛИ КарНЦ РАН, сектор археологии, н.с., к.и.н.
5. Шахнович Марк Михайлович – Национальный музей Республики Карелия, зав. сектором археологии, к.и.н.

г. Вологда и Вологодская область

1. Андрианова Лариса Сергеевна – БОУ ДОД ВО «Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий», зам. директора
2. Васильева Наталия Борисовна – БОУ ДОД ВО «Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий», педагог-организатор
3. Фёдоров Алексей Сергеевич – БОУ ДОД ВО «Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий», педагог дополнительного образования
4. Иванищева Марина Викторовна – МУ ДОД Детско-юношеский центр «Лидер», педагог дополнительного образования
5. Недомолкина Надежда Геннадьевна – Вологодский государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, в.н.с., к.и.н.
6. Папин Илья Валерьевич – НП «Научно-исследовательский центр «Древности», директор
7. Косорукова Наталья Валентиновна – Череповецкий государственный университет (**Череповец**), доцент, к.и.н.
8. Венедиктова Наталья Николаевна – Музей археологии Череповецкого музейного объединения (**Череповец**), хранитель фондов

г. Пермь

1. Лычагина Евгения Леонидовна – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ПГГПУ), доцент, к.и.н.
2. Брюхова Наталья Геннадьевна – ПГГПУ, доцент

г. Кострома

1. Новиков Александр Викторович – Областное ГБУ «Наследие», зам. директора

г. Иваново и Ивановская область

1. Костылёва Елена Леонидовна – Ивановский государственный университет (ИвГУ), доцент, к.и.н.
2. Уткин Александр Витальевич – ИвГУ, Археологический музей, сотрудник (содокладчик)**
3. Аверин Вадим Александрович – ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция», директор, к.и.н.
4. Аверина Анна Викторовна – Департамент культуры и культурного наследия Ивановской области, нач. отдела государственной охраны объектов культурного наследия регионального значения, к.и.н.
5. Панченко Галина Викторовна – ГБУ Ивановской области «Плёсский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (г. Плёт), исторический отдел, с.н.с.

г. Ростов, Ярославская область

1. Каретников Александр Леонидович – Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», зав. археологическим отделом

г. Калуга

1. Болдин Игорь Вячеславович – Калужский областной краеведческий музей, зав. отделом, к.и.н.
2. Массалитина Галина Александровна – Национальный парк «Угра», в.н.с., к.и.н.

г. Казань, Республика Татарстан

1. Истомин Константин Эдуардович – Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Национальный центр археологических исследований им. А.Х. Халикова, с.н.с., к.и.н.

г. Самара

1. Выборнов Александр Алексеевич – Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (ПГСГА), профессор, д.и.н.
2. Андреев Константин Михайлович – ПГСГА, аспирант (стендовый доклад)**
3. Лебедева Надежда Викторовна – ООО НПФ «АрхГео», в.н.с.

г. Липецк

1. Бессуднов Александр Николаевич – Липецкий государственный педагогический университет, декан исторического факультета, доцент, к.и.н.
2. Смольянинов Роман Викторович – Липецкая городская научная общественная организация «Археолог», н.с., к.и.н.

г. Воронеж

1. Сурков Алексей Владимирович – Департамент культуры и архивного дела Воронежской области, отдел культурного наследия, вед. консультант, к.и.н.
2. Скоробогатов Андрей Михайлович – ООО «Терра», н.с., к.и.н.
3. Савенкова Марина Михайловна – Воронежский государственный педагогический университет, доцент, канд. искусствоведения (стендовый доклад)**

г. Екатеринбург и Свердловская область

1. Косинская Любовь Львовна – Уральский федеральный университет (УрФУ), Центр археологических исследований Института гуманитарных наук и искусства (ЦАИ ИГНИ), в.н.с., к.и.н.
2. Дубовцева Екатерина Николаевна – УрФУ, ЦАИ ИГНИ, н.с.
3. Юдина Екатерина Александровна – УрФУ, ЦАИ ИГНИ, м.н.с.
4. Лаптева Елена Георгиевна – Институт экологии растений и животных УрО РАН, н.с., к.г.н. (содокладчик)**
5. Чаиркин Сергей Евгеньевич – ГБУК Свердловской области «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области», зам. начальника отдела археологических исследований
6. Панина Светлана Николаевна – ГБУК Свердловской области «Свердловский областной краеведческий музей», зав. отделом Древней истории народов Урала

7. Сериков Юрий Борисович – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия (НТГСПА) (г. **Нижний Тагил**), профессор, д.и.н.
8. Тупиков Илья Николаевич – НТГСПА, магистрант

г. Тюмень

1. Усачёва Ирина Витальевна – Институт проблем освоения Севера СО РАН, с.н.с., к.и.н.

г. Тверь

1. Черных Игорь Николаевич – ГБУК Тверской области «Тверской государственный объединённый музей» (ГБУК ТГОМ), зам. генерального директора по археологии, засл. работник культуры РФ
2. Кобозева Елена Викторовна – ГБУК ТГОМ, отдел археологических исследований (ОАИ), н.с.
3. Кобозев Юрий Александрович – ГБУК ТГОМ, ОАИ, н.с.
4. Романова Елена Александровна – ГБУК ТГОМ, ОАИ, н.с.
5. Рудников Сергей Александрович – ГБУК ТГОМ, ОАИ, н.с.
6. Андреев Сергей Евгеньевич – ГБУК ТГОМ, ОАИ, м.н.с.
7. Суворов Дмитрий Игоревич – ГБУК ТГОМ, ОАИ, ст. лаборант, реставратор
8. Спицына Наталия Юрьевна – ГБУК ТГОМ, ОАИ, м.н.с. (слушатель)
9. Лаврова Галина Андреевна – ГБУК ТГОМ, ОАИ, н.с. (слушатель)
10. Алексеева Дарья Евгеньевна – ГБУК ТГОМ, ОАИ, м.н.с. (слушатель)
11. Оруджев Руслан Али оглы – ГБУК ТГОМ, ОАИ, м.н.с. (слушатель)
12. Богомоллов Александр Викторович – ГБУК ТГОМ, ОАИ, ст. лаборант (слушатель)
13. Пичугина Анна Николаевна – ГБУК ТГОМ, зав. сектором хранения археологических материалов отдела фондов
14. Хохлов Александр Николаевич – ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр» (ТНИИР-Центр), директор; ИА РАН, отдел охранных раскопок, н.с.
15. Иванова Анастасия Борисовна – ТНИИР-Центр, н.с.
16. Момбекова Асия Абдуманповна – ТНИИР-Центр, н.с.
17. Хухарев Владимир Владимирович – ТНИИР-Центр, н.с.
18. Сафарова Ирина Александровна – ТНИИР-Центр, н.с.
19. Сиволапова Анна Борисовна – ТНИИР-Центр, н.с. (слушатель)
20. Бубликов Виталий Витальевич – ТНИИР-Центр, н.с. (слушатель)
21. Голубев Иван Вячеславович – ТНИИР-Центр, н.с. (слушатель)
22. Воробьёв Вячеслав Михайлович – Филиал Государственной академии славянской культуры в г. Твери (ТФ ГАСК), зам. директора по науке, профессор, к.и.н., доктор культурологии
23. Салимов Алексей Маратович – ТФ ГАСК, зав. кафедрой теории и истории искусств, профессор, зав. научно-исследовательским сектором (НИС), канд. искусствоведения
24. Данилов Василий Владимирович – ТФ ГАСК, НИС, н.с.
25. Шестаков Виталий Анатольевич – ТФ ГАСК, НИС, с.н.с.
26. Дементьев Евгений Александрович – ТФ ГАСК, доцент; НИС – лаборант-исследователь, к.философ. н.
27. Маштаров Виталий Иванович – ТФ ГАСК, НИС, лаборант-исследователь
28. Исаев Александр Андреевич – ТФ ГАСК, НИС, лаборант-исследователь
29. Ситников Александр Александрович – ТФ ГАСК, НИС, лаборант-исследователь
30. Малыгин Пётр Дмитриевич – Тверской государственный университет (ТвГУ), доцент, к.и.н.
31. Жукова Елена Николаевна – ТвГУ, доцент, к.и.н.
32. Степанова Юлия Владимировна – ТвГУ, доцент, к.и.н.
33. Лагуткина Елена Викторовна – ТвГУ, зав. лабораторией по археологии, доцент, к.и.н.
34. Лагуткин Андрей Викторович – ТвГУ, ст. преподаватель
35. Воробьёв Дмитрий Николаевич – ТвГУ, ассистент, к.и.н.
36. Свиринов Кирилл Михайлович – ТвГУ, доцент, к.и.н.
37. Зиновьев Андрей Валерьевич – ТвГУ, профессор, д.б.н.
38. Мирецкий Александр Витольдович – ООО «Терра», директор (слушатель)
39. Левина Наталья Викторовна – Главное управление по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области (ГУ ГООКН ТО), зам. начальника
40. Дворников Александр Сергеевич – ГУ ГООКН ТО, вед. специалист (слушатель)
41. Ершов Александр Викторович – ГУ ГООКН ТО, гл. специалист (слушатель)
42. Попова Светлана Владимировна – ГУ ГООКН ТО, гл. специалист (слушатель)
43. Волкова Марина Викторовна – ГУ ГООКН ТО, гл. специалист (слушатель)
44. Заботин Никита Александрович – ГУ ГООКН ТО, гл. специалист (слушатель)
45. Жданов Николай Сергеевич – ГУ ГООКН ТО, гл. специалист (слушатель)
46. Полшкова Светлана Аркадьевна – ГУ ГООКН ТО, гл. специалист (слушатель)
47. Максимов Андрей Дмитриевич – археолог (стендовый доклад)**

Эстония

г. Тарту

1. Крийска Айвар – Тартуский университет, Институт истории и археологии, директор, профессор, доктор наук

Финляндия

г. Эспоо

1. Нордквист Керкко – археолог, независимый исследователь, магистр гуманитарных наук

ПРОГРАММА
V ТВЕРСКОЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(26–30 марта 2013 г.)

Пленарное заседание
26 марта, 14.00
Областной Дом народного творчества (г. Тверь, ул. Советская, д. 42)

Открытие V Тверской (с международным участием) археологической конференции

Председатель Оргкомитета конференции, зам. генерального директора ГБУК ТГОМ по археологии, заслуженный работник культуры РФ **И.Н. Черных**

1. **Энговатова Ася Викторовна** (*Москва*) Археологическое наследие России. Особенности современного этапа изучения и сохранения
2. **Воробьёв Вячеслав Михайлович** (*Тверь*) Миграционный потенциал гидрографической сети центра Восточноевропейской равнины в эпоху первобытности (к вопросу об археологической «сопредельности территорий»)
3. **Жилин Михаил Геннадьевич** (*Москва*) «Сопредельность территорий» в финальном палеолите – мезолите лесной зоны Восточной Европы
4. **Крийска Айвар** (*Тарту, Эстония*), **Герасимов Дмитрий Владимирович** (*С.-Петербург*) Последние пионеры Европы: освоение восточной части Балтийского моря в каменном веке
5. **Исланова Инна Васильевна** (*Москва, Тверь*) Археология раннего железного века и раннего средневековья Тверского региона (20 лет спустя)
6. **Хохлов Александр Николаевич** (*Тверь, Москва*) Тверское Верхневолжье и археологическое «отражение» феномена «сопредельности» в эпоху средневековья
7. **Салимов Алексей Маратович** (*Тверь*) Средневековая архитектура Верхневолжья в удельный период
8. **Кашкин Александр Владимирович** (*Москва*) Проект «Археологическая карта России. Тверская область». Завершение работ Институтом археологии РАН

26–30 марта
Стеновые доклады
Секция 1

1. **Максимов Андрей Дмитриевич** (*Тверь*) Исследования О.Н. Бадера в Тверской области (к 110-летию со дня рождения)
2. **Костылёва Елена Леонидовна, Уткин Александр Витальевич** (*Иваново*) История изучения археологических памятников Сахтышского микрорегиона (Ивановская область)
3. **Истомин Константин Эдуардович** (*Казань*) Никольская стоянка: предметы раннепалеолитического облика в Среднем Поволжье
4. **Мартынов Александр Яковлевич** (*Соловки*) О мезолите на Соловецком архипелаге
5. **Лисицын Сергей Николаевич, Цветкова Наталия Александровна, Бельский Станислав Викторович, Бессуднов Александр Александрович** (*С.-Петербург*), **Тарасов Алексей Юрьевич** (*Петрозаводск*) Мезолитические памятники оз. Боровское на Карельском перешейке (Ленинградская область): итоги разведочного обследования трассы строительства ж/дороги Лосево – Каменногорск
6. **Шестаков Виталий Анатольевич** (*Тверь*) Стоянка Шоша 1 в Конаковском районе Тверской области
7. **Скакун Наталья Николаевна** (*С-Петербург*), **Жилин Михаил Геннадьевич** (*Москва*), **Терёхина Вера Васильевна** (*С-Петербург*) Комплексное исследование грузил из мезолитического поселения Ивановское VII
8. **Аверин Вадим Александрович, Аверина Анна Викторовна** (*Иваново*) Памятники неолита восточной части Федерального Клязьминского заказника (Южский район Ивановской области)
9. **Смолянинов Роман Викторович** (*Липецк*) Новые памятники каменного и меднокаменного веков в Верхнем Подонье
10. **Андреев Константин Михайлович** (*Самара*) Раннеолитический керамический комплекс стоянки Утюж I (Среднее Посурье)
11. **Новиков Александр Викторович** (*Кострома*) Керамический комплекс поселения Ватажка (по материалам раскопок В.И. Смирнова 1925–1927 гг.)
12. **Воробьёв Дмитрий Николаевич** (*Тверь*) Об открытии новых памятников археологии на территории Старицкого Поволжья
13. **Савенкова Марина Михайловна** (*Воронеж*) Реконструкция процесса изготовления текстиля на горизонтальном станке с грузами

Секция 2

14. **Рудников Сергей Александрович** (*Тверь*) О средневековом ландшафте участка современной улицы Симеоновской в г. Твери (по результатам раскопок 2011–2012 гг.)

Секция 1. Эпоха первобытности – Раннее Средневековье Областной Дом народного творчества (г. Тверь, ул. Советская, д. 42) 27 марта, 9.00

1. **Синицына Галина Васильевна** (*С.-Петербург*) О финальном палеолите в Тверской области в контексте «сопредельности территорий» (дискуссионные вопросы)
2. **Косинская Любовь Львовна** (*Екатеринбург*) Мезолит Зауралья в контексте понятия «сопредельности» (к постановке вопроса)
3. **Цветкова Наталия Александровна** (*С.-Петербург*) Переход от мезолита к неолиту на Верхней Волге в историографии и современное состояние вопроса
4. **Лычагина Евгения Леонидовна** (*Пермь*), **Зарецкая Наталия Евгеньевна**, **Чернов Алексей Владимирович** (*Москва*), **Лаптева Елена Георгиевна** (*Екатеринбург*) Междисциплинарные исследования неолита Верхнего Прикамья (Чашкинское озеро): палеоэкологический аспект
5. **Дубовцева Екатерина Николаевна** (*Екатеринбург*) Многослойное поселение Барсова Гора II/42 – проблема культурной сопредельности

27 марта, 14.00

1. **Сидоров Владимир Владимирович** (*Москва*) Культуры эпохи бронзы лесостепи – контакты и связи
2. **Бессуднов Александр Николаевич** (*Липецк*), **Бессуднов Александр Александрович**, **Бурова Наталья Дмитриевна** (*С.-Петербург*), **Зарецкая Наталия Евгеньевна** (*Москва*) Радиоуглеродное датирование Дивногорских стоянок: итоги, проблемы, перспективы*
3. **Выборнов Александр Алексеевич** (*Самара*) Новые данные по хронологии неолита Волго-Камья
4. **Хорошун Татьяна Анатольевна** (*Петрозаводск*) К вопросу о периодизации и хронологии памятников среднего неолита – раннего энеолита западного побережья Онежского озера
5. **Гусенцова Татьяна Матвеевна** (*С.-Петербург*) Новое в освоении территории Южного Приладожья в эпохи камня и раннего металла
6. **Косорукова Наталья Валентиновна**, **Венедиктова Наталья Николаевна** (*Череповец*) Итоги исследования торфяниковой стоянки Каравайха 4 в бассейне озера Воже в 2002–2012 гг.
7. **Андрианова Лариса Сергеевна**, **Васильева Наталия Борисовна** (*Вологда*) Многокомплексный памятник Шолопасть на Белом озере
8. **Сурков Алексей Владимирович** (*Воронеж*) Стоянка Ивница на р. Воронеж: итоги исследований 2010–2011 гг.

28 марта, 9.00

1. **Витенкова Ирина Филипповна** (*Петрозаводск*) «Цвет жизни – красный». Ритуальное и бытовое применение охры в древности
2. **Жульников Александр Михайлович** (*Петрозаводск*) Древние наскальные изображения Северной Европы и Урала: общее и особенное
3. **Кашина Екатерина Александровна** (*Москва*) Кремнёвая антропоморфная скульптура без рук на Оке и Средней Волге
4. **Иванищева Марина Викторовна** (*Вологда*) Находки лепных глиняных скульптурок в Южном Прионежье
5. **Панина Светлана Николаевна** (*Екатеринбург*) Культурная пластика Усть-Вагильского холма
6. **Сериков Юрий Борисович** (*Н. Тагил*) О функциональном и сакральном назначении т.н. утюжков

28 марта, 14.00

1. **Панченко Галина Викторовна** (*Плёс*) Фаллические культовые камни-идолы лесной зоны европейской части России: проблемы интерпретации и сохранения
2. **Шахнович Марк Михайлович** (*Петрозаводск*) «Ковдорские платформы»: методика работы с «сакральными» объектами
3. **Чаиркин Сергей Евгеньевич** (*Екатеринбург*) Новый культовый памятник в Среднем Зауралье (XI–XIII вв. н.э.)
4. **Казарницкий Алексей Александрович** (*С.-Петербург*) Краниология населения бабинской культуры (финал периода средней бронзы)
5. **Азаров Евгений Сергеевич** (*Москва*) Погребальные сооружения грунтовых могильников периода поздней бронзы на территории Волго-Окского междуречья

* – сообщение

6. **Юшкова Мария Андреевна** (*С.-Петербург*) Новая группа памятников первых веков н.э. на Ижорской возвышенности (по материалам раскопок 2008–2011 гг.)
7. **Сыроватко Александр Сергеевич** (*Коломна*) Могильники с кремациями на Средней Оке: решение проблемы «тёмных веков»?
8. **Сериков Юрий Борисович, Тупиков Илья Николаевич** (*Н. Тагил*) К вопросу о химическом размягчении кости в древности

Обсуждение стендовых докладов

29 марта, 9.00

1. **Недомолкина Надежда Геннадьевна** (*Вологда*) Характеристика геометрических микролитов из слоя 9 поселения Вёкса III
2. **Усачёва Ирина Витальевна** (*Тюмень*) Выпрямители древков стрел Северной Евразии (неолит – энеолит)
3. **Венедиктова Наталья Николаевна, Косорукова Наталья Валентиновна** (*Череповец*) Костяные предметы охотничьего вооружения на стоянке Каравайха 4 в бассейне озера Воже
4. **Скоробогатов Андрей Михайлович** (*Воронеж*) Изделия из кости с памятников неолита – энеолита Среднего Подонья
5. **Цетлин Юрий Борисович** (*Москва*) Понятие «качества» и его количественные характеристики (для описания объёма сосуда)
6. **Желтова Мария Николаевна** (*С.-Петербург*), **Самойлов Кирилл Глебович, Колосницын Павел Павлович** (*В. Новгород*) Артефакты позднего неолита – раннего металла и огнедобывающие кремни из раскопок в Старой Руссе

29 марта, 14.00

1. **Поплевко Галина Николаевна** (*С.-Петербург*) Признаки ручной лепки керамики на экспериментальных и археологических материалах
2. **Нордквист Керкко** (*Эспоо, Финляндия*) Неолитическая керамика Финляндии: вопросы хронологии, распространения и терминологии
3. **Холкина Маргарита Алексеевна** (*С.-Петербург*) Проблемы культурно-хронологической атрибуции керамики эпохи раннего металла на Карельском перешейке
4. **Мамонтова Дина Александровна** (*Москва*) Керамика поздняяковской культуры поселения Дмитриевская Слобода II и могильника Дмитриевская Слобода I
5. **Юдина Екатерина Александровна** (*Екатеринбург*) Объекты охотничье-промыслового назначения памятника Ет-то II: конструктивные особенности и возможности интерпретации

Обсуждение стендовых докладов

Секция 2. Ранний железный век – Новейшее время

Музейно-выставочный центр им. Лизы Чайкиной (ул. Салтыкова-Щедрина, д. 16)

27 марта, 9.00

1. **Чаукин Сергей Николаевич** (*Москва*) Изучение системы расселения в железном веке в бассейне Москвы-реки с помощью методов пространственного анализа
2. **Гольева Александра Амуриевна** (*Москва*), **Сыроватко Александр Сергеевич, Трошина Алла Андреевна** (*Коломна*) Состав насыпей и назначение валов дьяковских городищ: естественно-научный подход
3. **Лагуткина Елена Викторовна, Свирин Кирилл Михайлович** (*Тверь*) Археологические исследования городища Крестцы в Старицком районе Тверской области: к проблеме интерпретации дьяковских городищ
4. **Щеглова Ольга Алексеевна, Холошин Павел Романович** (*С.-Петербург*) Хронологические индикаторы верхнего слоя городища дьяковской культуры Кимры 1 («Графская гора»)
5. **Мартынов Александр Яковлевич** (*Соловки*), **Беличенко Алексей Евгеньевич** (*Архангельск*) Городище Подгорное (Поташевское) на р. Устье (Архангельская область): стационарные исследования 2011–2012 гг.
6. **Брюхова Наталья Геннадьевна** (*Пермь*) Антропологический анализ костных останков из погребений Важгортского могильника ломоватовской культуры

27 марта, 14.30

1. **Каретников Алексей Леонидович** (*Ростов*) Ростово-Переславское пограничье в XII–XIII вв.: проблема сопоставления археологических и письменных источников
2. **Курбатов Александр Валентинович** (*С.-Петербург*) Обувная мода в средневековой Руси IX–XVII вв.
3. **Степанова Юлия Владимировна** (*Тверь*) Украшения рук из древнерусских сельских памятников Верхневолжья

4. **Хохлов Александр Николаевич, Момбекова Асия Абдуманаповна (Тверь)** Каменный резной крест из Затверечья*
5. **Хохлов Александр Николаевич (Тверь)** Каменные резные иконки из Твери
6. **Хухарев Владимир Владимирович (Тверь)** Иконки с сюжетом «Побивание беса»

28 марта, 9.00

1. **Болдин Игорь Вячеславович, Массалитина Галина Александровна (Калуга)** Проблемы изучения культурного слоя в древнейшей части Калуги
2. **Андреев Сергей Евгеньевич (Тверь)** Исследования в кремле г. Кашина в 2012 г.: предварительные итоги
3. **Сафарова Ирина Александровна (Тверь)** Новые исследования вала Тверского кремля (по материалам работ 2011 г. на ул. Советской, 10)
4. **Данилов Василий Владимирович, Романова Елена Александровна, Исаев Александр Андреевич, Ситников Александр Александрович, Дементьев Евгений Александрович, Салимов Алексей Маратович (Тверь)** Некоторые итоги археологических изысканий в Тверском кремле в 2011–2012 гг.
5. **Кобозева Елена Викторовна, Кобозев Юрий Александрович (Тверь)** Итоги исследований 2010–2011 гг. на территории б. Загородского посада г. Твери (раскопы №№ 146 и 154)

28 марта, 14.30

1. **Романова Елена Александровна, Данилов Василий Владимирович (Тверь)** Планировка Заволжского посада г. Твери по материалам раскопок Филипповские-1–2 2007–2008 гг. и Воскресенский-1 2011 г.
2. **Свирин Кирилл Михайлович, Лагуткин Андрей Викторович, Лагуткина Елена Викторовна (Тверь)** Исаевская слобода г. Твери по данным археологии и письменных источников
3. **Иванова Анастасия Борисовна (Тверь)** К вопросу о датировке селища Черкасы 2 в г. Твери
4. **Зиновьев Андрей Валерьевич (Тверь)** Обзор конституционных особенностей крупного рогатого скота и лошадей из средневековых слоёв Твери
5. **Шахнович Марк Михайлович (Петрозаводск), Широбоков Иван Григорьевич (С.-Петербург)** Позднесредневековый некрополь с. Варзуга (Терский берег Белого моря): погребальная обрядность и вопросы этногенеза поморов (итоги работ 2009–2012 гг.)

**Областная универсальная научная библиотека им. А.М. Горького
(Свободный пер., д. 28)**

29 марта, 9.00

1. **Дементьев Евгений Александрович, Суворов Дмитрий Игоревич, Маштаров Виталий Иванович (Тверь)** Средневековые перстни-печати с антропоморфным сюжетом по материалам Тверской области
2. **Сафарова Ирина Александровна (Тверь)** Стеклопосуда XV–XVII вв. из раскопок Твери
3. **Фёдоров Алексей Сергеевич (Вологда)** Клейма на позднесредневековой гончарной керамике с территории кремля Ивана Грозного в г. Вологде
4. **Хворостова Елена Леонидовна (Москва)** Гончарные горны XVI в. из раскопок Старицкого городища
5. **Майорова Елена Владимировна (Москва)** Горн из Истры: особенности конструкции и изразцы из заполнения
6. **Щербаков Виталий Владимирович (Сергиев Посад)** Печные наборы XVIII в. Троице-Сергиевой Лавры (по материалам архитектурных фондов Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника)

29 марта, 14.30

1. **Туганова Дания Салаватовна (С.-Петербург)** Архитектурная история Грановитой палаты Московского Кремля по материалам исследований 2010–2011 гг.
2. **Липатов Алексей Анатольевич (С.-Петербург)** Грановитая палата Московского Кремля по данным археологических исследований 2010–2011 гг.
3. **Смирнов Алексей Николаевич (с. Большие Вязёмы, Московская область)** Дворец Б.Ф. Годунова в селе Вязёмы по результатам архитектурно-археологических исследований
4. **Русakov Павел Евгеньевич, Коваль Владимир Юрьевич, Андрианов Иван Михайлович (Москва)** Некрополь Ростислава Рязанского
5. **Папин Илья Валерьевич (Вологда)** Новые исследования в усыпальнице князей Воротынских в Кирилло-Белозерском монастыре
6. **Лебедева Надежда Викторовна (Самара)** Археологические исследования на территории усадьбы Аксаковых в Оренбуржье

**Заключительное заседание
30 марта, 9.00**

Областной Дом народного творчества (г. Тверь, ул. Советская, д. 42)

1. **Жукова Елена Николаевна** (*Тверь*) Участники археологических полевых исследований на территории Тверской губернии в XIX – первой половине XX в.
2. **Олейников Олег Михайлович** (*Москва*) Курганная группа Тухачёво 1 в Селижаровском районе Тверской области (исследования 2001 г.)
3. **Малыгин Пётр Дмитриевич** (*Тверь*) События 1238 года в Верхневолжье (историко-археологический взгляд)
4. **Салимов Алексей Маратович** (*Тверь*) Церковь Рождества Богородицы в Городне: к вопросу о датировке
5. **Кузьминых Сергей Владимирович** (*Москва*) Василий Алексеевич Городцов и его дневники

Закрытие V Тверской (с международным участием) археологической конференции

Несостоявшиеся доклады

1. **Васильева Наталья Борисовна** (Вологда) «Раз-два в год не грех обменяться письмами ...» (Письма А.Я. Брюсова В.В. Гарновскому и Ф.П. Куропаткину: 1930-е – 1940-е годы)
2. **Сыроватко Александр Сергеевич, Трошина Алла Андреевна** (*Коломна*) Ещё раз о разобщённости типов сетчатой керамики: материалы Щуровских селищ
3. **Максимов Андрей Дмитриевич** (*Тверь*) Уздечный набор (бронзовые украшения) с городища Анниково в Молоковском районе Тверской области
4. **Максимов Андрей Дмитриевич** (*Тверь*) Городище Анниково как военный форпост на восточной границе Мстинско-Моложского междуречья в III–VII вв. н.э.
5. **Чирков Максим Владимирович** (*Москва*) Технология изготовления железных предметов Важгортского могильника (сравнительный археометаллографический анализ материалов раскопок 1996 г.)
6. **Остапенко Александр Алексеевич** (*Москва*) Нательные кресты XII–XIV вв. из Старой Рязани: хронология, происхождение, значение
7. **Григорьева Наталья Владимировна** (*С.-Петербург*) Застройка южной части Земляного городища в Старой Ладoge в XI–XV вв. (по материалам раскопок последних лет)
8. **Сергина Татьяна Васильевна** (*Москва*) Археологические исследования на посаде г. Вязьмы в 2008 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ V ТВЕРСКОЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ) АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

26–30 марта 2013 г. в г. Твери прошла V Тверская (с международным участием) археологическая конференция.

Организатором конференции выступило ГБУК Тверской области «Тверской государственный объединённый музей» (ГБУК ТГОМ), соорганизатором – ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр» (ООО «ТНИИР-Центр»).

На конференции работали две секции: «Каменный век – Раннее Средневековье» и «Ранний железный век – Новейшее время». На пленарном и заключительном заседаниях и на заседаниях секций было заслушано и обсуждено 98 докладов 117 авторов.

Основная тема конференции – «Тверская земля и «сопредельные территории» от каменного века до Новейшего времени. «Сопредельность территорий» в археологическом аспекте». Эта тема нашла отражение в докладах на пленарном и секционных заседаниях. Участники конференции отмечают определённую новизну и перспективность такой постановки вопроса о связях населения отдалённых друг от друга территорий, их освоении и развитии в различные эпохи.

Проблематика выступлений на конференции, сгруппированных по отдельным тематическим блокам, охватывала современные комплексные методы изучения и датирования археологических памятников и материалов, анализ и классификацию предметов материальной культуры различных эпох, духовную сторону жизни людей (искусство и верования, погребальный обряд в его развитии в различных человеческих сообществах), архитектурно-археологические исследования, экспериментальные работы. Были представлены результаты новейших исследований археологических памятников.

Значительное количество докладов было посвящено исследованиям в г. Твери и в Тверской области.

На конференции было отмечено, что в настоящее время Тверская область входит в тройку лидеров в Российской Федерации как по количеству обнаруженных археологических объектов, так и по объёмам проводимых, прежде всего охранно-научных, археологических работ.

Хронологические рамки сделанных на конференции докладов – палеолит – Новейшее время, территориальные – тундровая, лесная и лесостепная зоны Восточной Европы, Зауралье и Западная Сибирь.

В конференции в качестве докладчиков приняли непосредственное участие 76 иногородних археологов и специалистов смежных дисциплин из 24 городов России, представлявших 47 организаций и учреждений (институты Российской и республиканских академий наук, вузы, музеи, государственные органы охраны культурного наследия, научно-исследовательские институты и центры), а также из Эстонии и Финляндии и большой отряд тверских археологов (29 докладчиков из 4 организаций).

Исходя из катастрофической ситуации с охраной и сохранением археологического наследия народов России, сложившейся в последнее десятилетие, участники конференции присоединились к Обращению археологического сообщества в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации в поддержку принятия поправок в действующее законодательство в части пресечения разграбления и уничтожения археологических объектов, являющихся порой единственным источником информации о прошлом.

Участники конференции отмечают высокий уровень организации конференции, представленных докладов, полноценное доброжелательное и конструктивное обсуждение на конференции результатов исследований, участие в конференции как уже состоявшихся, так и только начинающих научный путь исследователей.

Материалы, представленные на конференции, предполагается издать в 10-м выпуске Тверского археологического сборника в 2014–2015 гг.

Участники конференции считают необходимым продолжить работу ежегодных тверских научных семинаров «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (ГБУК ТГОМ) и «Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья» (ООО «ТНИИР-Центр»).

Рассматривая тверские научные форумы как существенный вклад в археологическое изучение территории не только России, но и зарубежных стран, участники конференции уверены, что их проведение и публикация материалов заслуживают грантовой поддержки российских научных фондов, в том числе РГНФ и РФФИ, а также руководства Тверской области и г. Твери.

Принята за основу на заключительном заседании
V Тверской (с международным участием)
археологической конференции.
г. Тверь, 30 марта 2013 г.

Обсуждена, доработана и одобрена участниками конференции
в апреле 2013 г. по электронной почте.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авт.	– автор
автореф.	– автореферат
АН	– Академия наук
АНО	– Автономная некоммерческая организация
АО	– Археологические открытия. Москва
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград
б.	– бывшего
Б.	– Большой
бл.	– благоверный
БОУ	– Бюджетное образовательное учреждение
БСЭ	– Большая Советская энциклопедия
В	– восток
В.	– Великий
в.	– век
ВВАЭ	– Верхневолжская археологическая экспедиция
вед.	– ведущий
в.н.с.	– ведущий научный сотрудник
ВО	– Вологодской области
ВООПИиК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
вуз	– высшее учебное заведение
ВХ	– временное хранение
Вып.	– выпуск
г; гр.	– грамм
г.	– год; город
га	– гектар
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры (Ленинград; Москва)
ГАОО	– Государственный архив Оренбургской области (Оренбург)
ГАТО	– Государственный архив Тверской области (Тверь)
ГБУ	– Государственное бюджетное учреждение
ГБУК	– Государственное бюджетное учреждение культуры
ГИМ	– Государственный Исторический музей (Москва)
ГИН	– Геологический институт РАН (АН СССР) (Москва). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
гл.	– глубина; главный; глава
губ.	– губерния
ГУП	– Государственное унитарное предприятие
Д.	– дело; деревня
д.	– деревня; дом
д.б.н.	– доктор биологических наук
д.г.н.	– доктор географических наук
д.и.н.	– доктор исторических наук
дис.	– диссертация
ДОД	– дополнительного образования детей
др.	– другое; другие; других; другими
д.ф.	– доктор философии
Ед.; ед.	– единица
Ед. хр.	– единица хранения
ж/б	– железобетон
ж/д	– железнодорожный
З	– запад
зав.	– заведующий
зам.	– заместитель
засл.	– заслуженный

ЗОРСА	– Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. Санкт-Петербург; Петроград
ИА	– Институт археологии РАН (АН СССР) (Москва)
ИАК	– Императорская Археологическая комиссия
ИГОИРМ	– Ивановский государственный объединённый историко-революционный музей (ныне – Ивановский государственный историко-краеведческий музей) (Иваново)
Изд.; изд.	– издание
ИИМК	– Институт истории материальной культуры АН СССР и РАН (Санкт-Петербург)
Ил.; ил.	– иллюстрация
им.	– имени
Инв.; инв.	– инвентарный
ист.	– исторических
к.; канд.	– кандидат
КарНЦ	– Карельский научный центр РАН (Петрозаводск)
к.б.н.	– кандидат биологических наук
кв.	– квадрат, квадратный, квадратных
кг	– килограмм
к.г.-м.н.	– кандидат геолого-минералогических наук
КГУ	– Калининский государственный университет (Калинин)
КДК	– культура длинных курганов
к.и.н.	– кандидат исторических наук
км	– километр
Кн.	– книга
кн.	– княгиня
КОКМ	– Калининский областной краеведческий музей (Калинин)
кон.	– конец
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
к.т.н.	– кандидат технических наук
куб.	– кубический
к. философ. н.; к.ф.н.	– кандидат философских наук
л.	– лет; лист
Л.	– Ленинград; лист
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет (Санкт-Петербург)
ЛЕ; Ле	– Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии (Ленинград)
ЛЭП	– линия электропередач
м	– метр
М.	– Москва
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Ленинград; Санкт-Петербург)
МБУ	– Муниципальное бюджетное учреждение
МГУ	– Московский государственный университет: Первый; им. М.В. Ломоносова (Москва)
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МИГМ	– Музей истории города Москвы (Москва)
МК	– Министерство культуры
мм	– миллиметр
мм ²	– миллиметр квадратный
МО	– Муниципальный округ
МУ	– Муниципальное учреждение
н.	– наук
Н.	– Нижний

Наб., наб.	– набережная
НИИ	– Научно-исследовательский институт
НП	– Некоммерческое партнёрство
НПФ	– Научно-производственная фирма
нач.	– начало; начальник
НПРП	– Научно-производственное (проектное) реставрационное предприятие
н.с.	– научный сотрудник
н.э.	– наша (новая) эра
о.	– остров
об.	– оборот
обл.	– область
ОГБУ(К)	– Областное государственное бюджетное учреждение (культуры)
Оз.; оз.	– озеро
ок.	– около
ОЛЕАЭ	– Общество любителей естествознания, археологии и этнографии
ООО	– Общество с ограниченной ответственностью
Оп.	– опись
ОПИ	– Отдел письменных источников (ГИМ, Москва)
Отв.	– ответственный
Пг.	– Петроград
п.г.т.	– посёлок городского типа
Пер.; пер.	– перевод; переулок
п/о	– полевая опись
п-ов	– полуостров
пол.	– половина
посл.	– последний; последняя
п/п	– по порядку
ПСБ	– Проектно-сметное бюро
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
пр.; проч.	– прочее
преп.	– преподобный
прим.	– примечание
проф.	– профессор
Р.; Р	– Раздел; разряд; раскоп
р.	– река
РА	– Российская археология. Москва
РАИМК	– Российская Академия истории материальной культуры
РАН	– Российская академия наук
РАНИОН	– Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (Москва)
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА	– Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд (Москва)
Ред.; ред.	– редактор, редакция, редакцией
Рец.; рец.	– рецензия
РИМ	– Российский Исторический музей (Москва)
Рис.; рис.	– рисунок
РК	– Республика Карелия
р-н; р-на; р-не; р-нах	– район; района; районе; районах
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
рук.	– рукопись
РФ	– Российская Федерация
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований (Москва)
Р. Хр.	– Рождество Христово

С	– север
с.	– село; страница
СА	– Советская археология. Москва
САИ	– Свод археологических источников. Москва; Ленинград
Св.; св.	– святой; святого
свв.	– святых
свящ.	– священник
СГАИМК	– Сообщения ГАИМК
Сер.	– серия
сер.	– середина
сл.	– следующие
см	– сантиметр
см.	– смотри
СО	– Сибирское отделение (РАН)
совр.	– современная
Сост.; сост.	– составитель; составители
СПб.	– Санкт-Петербург
ср.	– сравни
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ССР	– Советская Социалистическая Республика
СТСЛ	– Свято-Троице-Сергиевская Лавра (Сергиев Посад)
США	– Соединённые Штаты Америки
СЭ	– Советская этнография. Москва
Т.	– том
Табл.; табл.	– таблица
ТАС	– Тверской археологический сборник. Тверь
ТАЭ	– Тверская археологическая экспедиция
Тв. УАК; ТУАК	– Тверская учёная архивная комиссия (Тверь)
ТГИМ	– Труды Государственного Исторического музея. Москва
ТГОМ	– Тверской государственный объединённый музей (Тверь)
т.д.	– так далее
т.е.	– то есть
тел.	– телефон
т.н.	– так называемый(я)
ТНИИР-Центр	– Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр (Тверь)
ТОДРЛ	– Труды Общества древней русской литературы. Москва; Ленинград
т.п.	– тому подобное
ТСА	– Труды секции археологии РАНИОН. Москва
Тр.	– Труды
т.ч.	– том числе
тыс.	– тысячелетие
у.	– уезда
Ул.; ул.	– улица
УОЛЕ	– Уральское общество любителей естествознания
УрО	– Уральское отделение (РАН)
усл. п. л.	– условный печатный лист
Ф.	– фонд
ФГБУК	– Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
ФГБУН	– Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
фин.	– финский
фр.	– фрагмент
ц.	– церковь
ЦГИА	– Центральный государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
цит.	– цитируется

ЦНПРМ	– Центральные научно-производственные реставрационные мастерские (Москва)
Ч.	– часть
четв.	– четверть
шт.	– штука
экз.	– экземпляр
Ю	– юг
Abb.	– Abbildung (рисунок)
AD	– Anno Domini – от Рождества Христова (новая эра)
Ap.	– Apartment (комната, квартира)
Av.; Ave.	– Avenue (проспект)
B.; Bd.	– Band (том)
BAR	– British Archaeological Reports. Oxford
BC; B.C.	– Before Christmas – до Рождества Христова (до новой эры)
с.	– cirka (латинский) – около, приблизительно; century – столетие, век
°C	– Centigrade (стоградусная температурная шкала Цельсия); градус по Цельсию (Celsius)
C14, ¹⁴ C	– радиоуглерод 14 (радиоуглеродный анализ)
Coll.	– collection (коллекция)
cm	– centimetre (сантиметр)
ekr.	– ennen Kristusta (до Рождества Христова)
Ed.; ed.; eds	– editor (редактор), editors (редакторы)
Emb.	– Embankment (набережная)
ESA	– Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
etc	– et cetera (и так далее; и прочие)
FA	– Fennoscandia Archaeologica. Helsinki
fi	– Finland
fig.	– figurine (рисунок)
H.; Hf.	– Heft (часть)
Id.	– idem (то же самое)
i. e.	– id est (то есть)
ill.	– illustration (иллюстрация)
ISKOS (SMFF ISKOS)	– Suomen Muinaismuistoyhdistys Finska Fornminnesföreningen. Helsingfors, Helsinki
Ki	– Institute of Radiogeochimistry of the Environment, Ukrainian National Academy of Sciences (Kiev, Ukraine). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
km	– kilometre (километр)
L.; Ln.	– lane (переулок)
Ltd.	– Limited – (Компания) с ограниченной ответственностью
m	– metre (метр)
N	– North (север)
n.; No.	– number (номер)
n. Chr.	– nach Christus (до Рождества Христова)
Off.	– Office (офис)
P.; p.	– page (страница)
Pl.; pl.	– plate (иллюстрация)
P. O.	– Post Office (почтовое отделение)
ru	– Russia
S.; s.	– Seite, sivu, sida (страница)
Sq.	– square (площадь)
sq.	– square (квадратный)
St.	– street (улица); Saint (святой)
T.	– tome (том)
Tab.; tabl.	– Tabelle, tabel, table (таблица)
Taf.; taf.	– Tafel (таблица)
V., Vol.	– volume (выпуск)

**Государственное бюджетное учреждение культуры
Тверской области «Тверской государственный
объединённый музей» (ГБУК ТГОМ)**

**приглашает посетить филиалы объединения,
в составе стационарных экспозиций которых
имеются археологические разделы, отражающие
древнейшее прошлое конкретных регионов области:**

- 1. Весьегонский краеведческий музей**
171720, Тверская обл., г. Весьегонск, ул. К. Маркса, д. 97.
Тел. (8-48-264) 2-11-11.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1992 г.
- 2. Ворошиловский краеведческий музей**
172796, Тверская обл., Пеновский р-н, д. Ворошилово.
Тел. (8-48-230) 3-17-21, 3-17-34.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1989, 1995 гг.
- 3. Вышневолоцкий краеведческий музей**
171163, Тверская обл., г. Вышний Волочёк, Казанский пр-т, д. 63–65.
Тел. (8-48-233) 6-13-23.
Авторы археологических разделов экспозиции И.Н. Черных, к.и.н. И.В. Исланова. 2011 г.
- 4. Зубцовский краеведческий музей**
172332, Тверская обл., г. Зубцов, наб. Вазузы, д. 18.
Тел. (8-48-262) 2-12-43.
Авторы археологических разделов экспозиции А.В. Мирецкий, А.Н. Хохлов, И.Н. Черных. 1988 г.
Реэкспозиция – И.Н. Черных. 2010 г.
- 5. Калязинский краеведческий музей**
171571, Тверская обл., г. Калязин, ул. Ногина, д. 1.
Тел. (8-48-249) 2-94-37.
Авторы археологических разделов экспозиции И.Н. Черных, А.Н. Хохлов. 1987, 1991 гг.
- 6. Кимрский краеведческий музей**
171506, Тверская обл., г. Кимры, ул. Урицкого, д. 8.
Тел. (8-48-236) 3-27-43, 3-12-67.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1990 г.
- 7. Конаковский краеведческий музей**
171255, Тверская обл., г. Конаково, пр. Ленина, д. 23.
Тел. (8-48-242) 4-14-49.
Авторы археологических разделов экспозиции А.В. Мирецкий, А.Н. Хохлов, И.Н. Черных. 1990 г.
- 8. Краснохолмский краеведческий музей**
171660, Тверская обл., г. Красный Холм, ул. Коммунистическая, д. 21.
Тел. (8-48-237) 2-27-11, 2-52-46.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1994 г.
Реэкспозиция – И.Н. Черных, к.и.н. И.В. Исланова. 2011 г.
- 9. Карельский национальный краеведческий музей**
171210, Тверская обл., г. Лихославль, ул. Советская, д. 34.
Тел. (8-48-261) 3-50-56.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1995 г.
- 10. Осташковский краеведческий музей**
172735, Тверская обл., г. Осташков, ул. Володарского, д. 19.
Тел. (8-48-235) 5-16-46, 5-10-24.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1986, 2009 гг.
- 11. Тверской областной краеведческий музей – головное учреждение объединения**
(основан в 1866 г. как историко-археологический музей)
170100, г. Тверь, ул. Советская, д. 5.
Тел. (8-4822) 34-51-27 (приёмная генерального директора объединённого музея), факс 34-37-90;
тел./факс 35-79-97 (отдел археологии объединённого музея); тел. 34-77-76 (сектор хранения
археологических материалов отдела фондов объединённого музея). E-mail: archaeology_tver@mail.ru

Автор археологических разделов экспозиции (территория современной Тверской области с финального палеолита до средневековья: X тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.) И.Н. Черных. 1996 г.
С 2014 г. экспозиция закрыта в связи с ремонтом здания музея.

12. Удомельский краеведческий музей

171850, Тверская обл., г. Удомля, ул. Энергетиков, д. 2.

Тел. (8-48-255) 5-04-60.

Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 2002 г.

Экспозиции музеев открыты для посещения ежедневно, кроме понедельника и вторника, с 11 до 17 часов.

Археологические коллекции, в том числе значительные, кроме головного музея объединения, содержащего в своих фондах основные материалы из археологических исследований на территории Тверской области, имеют Вышневолоцкий, Кимрский, Старицкий, Торопецкий, Кашинский, Весьегонский, Краснохолмский, Бежецкий, Калязинский, Конаковский, Осташковский, Ворошиловский музеи – филиалы ТГОМ.

ГБУК Тверской области

«Тверской государственный объединённый музей»

на основе договоров с юридическими и физическими лицами осуществляет различные археологические исследования:

полевые – разведывательные работы, обследование земельных участков, в т.ч. в рамках историко-культурной (археологической) экспертизы, инвентаризация и мониторинг памятников археологии, наблюдения при проведении земляных работ на объектах культурного наследия и в их охранных зонах, раскопки археологических памятников всех эпох как в Тверской области, так и на сопредельных территориях;

камеральные – реставрация археологических керамики и металла;

разработка историко-археологических опорных планов;

разработка разделов по сохранению культурного (археологического) наследия в составе проектной документации;

разработка планов проведения полевых археологических исследований;

подготовка и оформление археологических экспозиций.

Адрес отдела археологии ГБУК ТГОМ: 170006, г. Тверь, ул. С. Перовской, д. 15.

Телефоны для справок: (8-4822) 35-79-97 (тел., факс), 34-77-76.

E-mail: archaeology_tver@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-летию Игоря Николаевича Черных	5
Жукова Е.Н. Участники археологических полевых исследований на территории современной Тверской области в период с XIX века до начала Великой Отечественной войны	7
Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т., Сафонов И.Е. А.М. Тальгрэн в истории российской археологии	20
Новиков А.В. Памятники с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века в бассейне Галичского озера	50
Новиков А.В. Керамический комплекс поселения Ватажка (по материалам раскопок В.И. Смирнова 1925–1927 гг.)	69
Столяров Е.В. Находки вещей скифского типа в бассейне Верхней Оки	87
Исланова И.В. Материалы дьяковской культуры из Музея археологии и краеведения г. Дубны Московской области	95
Гольева А.А., Сыроватко А.С. Состав насыпей и назначение валов дьяковских городищ: естественно-научный подход	101
Коваль В.Ю. Вал Ростиславльского городища раннего железного века	111
Савенкова М.М. Реконструкция процесса ткачества на вертикальном станке с керамическими грузилами	140
Исланова И.В. Верхневолжский керамический набор (к вопросу о культурной ситуации на Верхней Волге в середине – третьей четверти I тыс. н.э.)	149
Олейников О.М. Исследования кургана № 11 курганной группы Тухачёво 1 в Селижаровском районе Тверской области в 2001 году	156
Сыроватко А.С. Могильники с кремациями на Средней Оке: решение проблемы «Тёмных веков»?	178
Клещенко Е.А., Сыроватко А.С., Добровольская М.В. Об информативной значимости описания костных кремированных фрагментов. Опыт эксперимента в полевых условиях	194
Брюхова Н.Г. Антропологический анализ костных останков из погребений Важгортского I могильника	206
Русаков П.Е., Коваль В.Ю., Андрианов И.М. Исследования прицерковного кладбища на городище Ростиславля Рязанского	212
Панченко Г.В. Фаллические культовые камни-идолы лесной зоны европейской части России: проблемы интерпретации и сохранения	232
Шахнович М.М., Кулькова М.А. Опыт археологического изучения валунных сложений Восточной Фенноскандии: «Ковдорские платформы»	245
Базлов Г.Н. Килп-Яврское мегалитическое сооружение (кромлех)	256
Беличенко А.Е., Мартынов А.Я., Потуткин Н.С. Городище Подгорное (Вельский район Архангельской области): раскопки 2011–2012 гг.	262
Сафарова И.А. Новые исследования вала Тверского кремля (по материалам работ 2011 года на ул. Советской, 10)	280
Романова Е.А. Топография части Заволжского посада по материалам раскопок 2007, 2008 (раскопы Филипповский 1 и 2) и 2011 (раскоп Вознесенский 1) гг. и письменным источникам	288
Рудников С.А. О средневековом ландшафте участка современной Симеоновской улицы г. Твери (по результатам раскопок 2011–2012 гг.)	300
Сафарова И.А. Стеклянная посуда XV–XVII вв. из раскопок Твери	307
Боруцкая С.Б., Васильев С.В. Палеодемографический анализ населения Твери XVII–XIX вв.	318
Зиновьев А.В. Обзор конституционных особенностей крупного рогатого скота и лошадей из средневековых слоёв г. Твери	326
Андреев С.Е. Археологические исследования в Кашинском кремле в 2012 году: предварительные итоги	331
Сафарова И.А. Предварительные итоги изучения стеклянных изделий из раскопок в кремле города Кашина	342

Хворостова Е.Л. Специализированные печи XVI в. и конца XVI – начала XVII в. из раскопок Старицкого городища	348
Щербаков В.В. Печные наборы XVIII века Троице-Сергиевой Лавры по материалам архитектурных фондов Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника	360
Хухарев В.В., Шеков А.В. Нательный крест с изображением святого преподобного Сергия Радонежского с городища у д. Тимофеевка в Тульской области	372
Дементьев Е.А., Суворов Д.И., Маштаров В.И. Средневековые перстни-печати с антропоморфным сюжетом по материалам Тверской области	375
Купряшин А.В. Валунные надгробия XVIII–XIX вв. с изображением креста из некрополей Тверской области	387
Хухарев В.В., Авдеев А.Г. Валунное надгробие «рабы божия Фетиньи» из города Кашина	396
Салимов А.М. О каменном средневековом храме тверского Саввина монастыря	401
Липатов А.А., Туганова Д.С. Грановитая палата Московского Кремля по данным археологических исследований 2010–2011 гг.	408
Смирнов А.Н. Загородная резиденция Б.Ф. Годунова в селе Вязёмы как памятник археологии	435
Лебедева (Овчинникова) Н.В., Мишанина Е.В. Археологические исследования на территории усадьбы Аксаковых в Оренбургской области	450
Курбатов А.В. Обувная мода в средневековой Руси	467
Черных И.Н. I Тверская археологическая конференция	496
Участники I Тверской археологической конференции	497
Программа I Тверской археологической конференции	500
Черных И.Н. V Тверская археологическая конференция	503
Участники V Тверской (с международным участием) археологической конференции	506
Программа V Тверской (с международным участием) археологической конференции	511
Резолюция V Тверской (с международным участием) археологической конференции	516
Список сокращений	517
Государственное бюджетное учреждение культуры Тверской области «Тверской государственный объединённый музей» (ГБУК ТГОМ): археологические экспозиции, исследования	522

CONTENTS

On the 60th Anniversary of Igor Nikolaevich Tchernykh	5
Zhukova E.N. Participants of Archaeological Field Researches on the Territory of the Modern Tver Region from the 19th Century to the Beginning of the Great Patriotic War	7
Kuzminykh S.V., Detlova E.V., Salminen T., Safonov I.E. A.M. Tallgren in the History of Russian Archaeology	20
Novikov A.V. Monuments with the Comb-Wire and Wire Pottery of Early Iron Age in Lake Galich's Basin	50
Novikov A.V. Pottery Assemblage of Vatazhka Settlement (Based on Materials of Excavations of V.I. Smirnov 1925–1927)	69
Stolyarov E.V. Finds of Things of Scythian Type in the Basin of Upper Oka	87
Islanova I.V. Materials of Dyakovo Culture from the Museum of Archaeology and Study of Local Lore of Dubna of the Moscow Region	95
Golyeva A.A., Syrovatko A.S. Composition of Embankments and Purpose of the Banks of the Dyakovo Culture's Forts: Natural-Science Approach	101
Koval V.Yu. The Bank of Rostislavl's Hillfort of the Early Iron Age	111
Savenkova M.M. The Reconstruction of the Process of Weaving on the Vertical Loom with Ceramic Weights	140
Islanova I.V. Upper Volga Set of Ceramic (to the Question of Cultural Situation on Upper Volga in the Middle – the Third Quarter of the I Millennium AD)	149
Oleynikov O.M. Researches of a Barrow No. 11 of a Burial Ground of Tukhachyev 1 in the Selizharovsky District of the Tver Region in 2001	156
Syrovatko A.S. Burial Grounds with Cremation on Central Oka: is It a Solution of the Problem of "Dark Ages"?	178
Kleshchenko E.A., Syrovatko A.S., Dobrovolskaya M.V. About the Informative Importance of the Description of the Bone Cremated Fragments. Experience of Experiment in Field Conditions	194
Bryukhova N.G. The Anthropological Analysis of Bone Remains from Burials of the Vazhgortsky I Burial Ground	206
Rusakov P.E., Koval V.Yu., Andrianov I.M. Researches at the Church Cemetery of Rostislavl Ryazansky's Ancient Town	212
Panchenko G.V. Phallic Cultic Stones-Idols of the Forest Zone of the European Part of Russia: Problems of Interpretation and Preservation	232
Shakhnovich M.M., Kulkova M.A. An Experience of Archaeological Study of Boulder Constructions in Eastern Fennoscandia: "Kovdorskiye Platforms"	245
Bazlov G.N. Kilp-Yavrskoye Megalytic Sanctuary (Cromlech)	256
Belichenko A.E., Martynov A.Ya., Potutkin N.S. The Ancient Town Podgornoe (Velski district, Arkhangelsk region): Excavations in 2011–2012	262
Safarova I.A. New Researches of the Bank of the Tver Kremlin (on Materials of Works of 2011 on Sovetskaya St., 10)	280
Romanova E.A. The Topography of the Western Part of Zavolzhsy Posad of Tver According to the Materials of Excavations in 2007–2008 (Excavation Areas Philippovsky 1, 2) and 2011 (Excavation Area Voznesensky 1) and Written Sources	288
Rudnikov S.A. About a Medieval Landscape of a Plot of Modern Simeonovskaya Street of Tver (by Results of Excavation of 2011–2012)	300
Safarova I.A. Glasswares of the XV–XVII Centuries from Excavation of Tver	307
Borutskaya S.B., Vasilev S.V. Palaeodemographic Analysis of the Population of Tver in XVII–XIX Centuries	318
Zinoviev A.V. Review of the Stature of the Cattle and Horses from the Medieval Tver	326
Andreev S.E. Archaeological Researches in the Kashinsky Kremlin in 2012: Preliminary Results	331
Safarova I.A. Preliminary Results of Studying of Glass Products from Excavation on the Territory of the Kremlin of the City of Kashin	342

Khvorostova E.L. Specialized Furnaces of the XVI Century and the End of XVI – the Beginning of XVII Centuries from Excavation of the Staritsky Ancient Town	348
Shcherbakov V.V. Stove Sets of Trinity Lavra of St. Sergius of the XVIII Century Based on Materials of the Architectural Funds of the Sergiev Posad State History and Art Museum-Preserve	360
Khukharev V.V., Shekov A.V. Cross-«tel'nik» with the Image of the Saint Venerable Sergiy Radonezhsky from Ancient Town Near the Timofeevsky Village in Tula Region	372
Dementyev E.A., Suvorov D.I., Mashtarov V.I. Medieval Seal-Rings with an Anthropomorphous Plot (Based on Materials of Tver Region)	375
Kupryashin A.V. Boulder Tombstones of 18 th –19 th Centuries with an Image of Cross from Tver Region's Necropolises	387
Khukharev V.V., Avdeev A.G. The Bouldery Gravestone of «the Handmaid of the Lord Fetinya» from the City of Kashin	396
Salimov A.M. About the Stone Medieval Temple of the Tver Savvin Monastery	401
Lipatov A.A., Tuganova D.S. Faceted Chamber of the Moscow Kremlin According to Archaeological Researches of 2010–2011	408
Smirnov A.N. B.F. Godunov's Country Residence in Vyazyemy as an Archaeological Monument	435
Lebedeva (Ovchinnikova) N.V., Mishanina E.V. Archaeological Researches on the Territory of Aksakov's Estate in the Orenburg Region	450
Kurbatov A.V. Footwear Fashion in Medieval Russia	467
Tchernykh I.N. The Ist Tver Archaeological Conference	496
Participants of the Ist Tver Archaeological Conference	497
Programme of the Ist Tver Archaeological Conference	500
Tchernykh I.N. The Vth Tver Archaeological Conference	503
Participants of the Vth Tver Archaeological Conference	506
Programme of the Vth Tver Archaeological Conference	511
Resolution of the Vth Tver Archaeological Conference	516
List of Abbreviations	517
The State Budget Institution of Culture of the Tver Region «Tver State United Museum»: Archaeological Expositions and Investigations	522

Тверской археологический сборник
Выпуск 10
Том II

Отв. редактор выпуска И.Н. Черных.

Технический редактор И.Н. Черных.

Корректоры: В.А. Румянцева, И.Н. Черных.

Компьютерный набор, вёрстка: Е.А. Иванова.

Оригинал-макет: Е.А. Иванова, И.Н. Черных.

Перевод на англ. язык, корректура:

Т.С. Санникова, П.О. Степанченко, В.А. Миловидов, И.Н. Черных.

ООО «Издательство «Триада».

170034, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 9, офис 514.

ИД № 06059 от 16.10.2001 г.

Подписано к печати 02.12.2015 г.

Формат бумаги 84×108^{1/16}.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Объём 33 усл. п. л.

Тираж 500 экз. Заказ № 5106/15. Цена свободная.

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь
www.pareto-print.ru